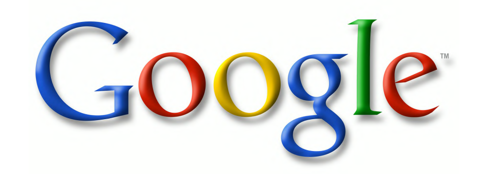
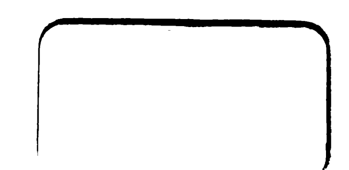

ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG SIGILLVM
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

1870 г.

ТОМЪ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. Головина, у Владимірской, домъ № 15, кв. № 3.
1870.

БУЛАВИНСКІЙ БУНТЪ.

1708 г.

Донской казакъ Кондратій Аѳанасьевъ Булавинъ *) въ 1707 г. убилъ полковника князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, посланнаго съ командою на Донъ для отысканія и высылки въ прежнія жилища бѣглыхъ русскихъ людей. Опасаясь послѣдствій, Булавинъ бѣжалъ съ Дона въ Запорожье, откуда возвратился на Донъ въ 1708 году, принялъ начальство надъ казаками, которыхъ успѣлъ взбунтовать прелестными письмами; взялъ Новочеркасскъ, казнилъ атамана Лукьяна Максимова и пятерыхъ старшинъ; былъ выбранъ въ атаманы, намѣревался взять Азовъ и соединиться съ кубанскими казаками и крымскимъ ханомъ. Дѣятельными распоряженіями Петра I бунтъ, затѣянный Булавинымъ, былъ прекращенъ въ томъ же году. Булавинъ, сознавая невозможность бороться съ государствомъ и не желая быть выданнымъ казаками, не сочувствовавшими возстанію, застрѣлился изъ пистолета 7 іюля 1708 г. **П. П. Ламбинъ.**

I.

ВОЗЗВАНІЯ АТАМАНА ВОЙСКА ДОНСКОГО КОНДРАТІЯ БУЛАВИНА.

1) Къ кубанскимъ казакамъ **).

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ, аминь.

Отъ донскихъ атамановъ молодцовъ, отъ Кондратья Афонасьевича Булавина и отъ всего великаго войска, рабомъ Божіимъ и искателемъ имени Господни, Кубанскимъ казакамъ атаману Савелью Пахомовичу, или кто протчіи атаманы обретаетца и всѣмъ атаманамъ-молодцамъ челобитье и поздравленіе. Милости у васъ атамановъ молодцовъ слезно просимъ и Бога молимъ и вѣдомо вамъ чинимъ, что послали мы войскомъ на Ку-

*) У Соловьева: «Бахмутскій старшина» и «Бахмутскій атаманъ изъ Трехъизбинскихъ казаковъ» («Булавинъ». Разсказы изъ Рус. Ист. XVIII ст. «Рус. Вѣст.», т. XXVIII. 1860 г. августъ, стр. 378 и «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» т. XV, стр. 240). У Броневскаго: «Булавину, въ званіи походнаго атамана, поручено было охраненіе границъ со стороны рѣки Донца и Бахмута». Истор. Донск. войск. ч. I, стр. 249.

) О воззваніи этомъ мы не нашли никакихъ свѣдѣній ни въ статьѣ «Булавинъ» С. М. Соловьева («Разсказы изъ Рус. Ист. XVIII ст.» Рус. Вѣст. т. XXVIII. 1860 г. Августъ. Книжка первая), ни въ «Исторіи Донскаго войска» Влад. Броневскаго, ни въ «Дѣяніяхъ Петра Великаго», ни въ «Журналѣ Петра Великаго». Между тѣмъ письмо это чрезвычайно интересно, потому, что оно объясняетъ Булавинское возстаніе въ томъ видѣ, какъ понимали его приверженцы Булавина, или какъ желалъ объяснить это возстаніе самъ Булавинъ. **П. П. Ламбинъ.

банъ въ Ачюевъ къ Хосяну пашѣ и къ Сартлану мурзѣ свои войсковыя письма объ мировомъ между вами и нами и крестномъ состояніи, какъ жили и напередъ сего старые казаки.

Да вѣдоможъ вамъ, атаманамъ молодцамъ, мы войскомъ донскимъ чинимъ (судъ) на своихъ прежде бывшихъ старшинъ, на Лукьяна Максимова, на Ефрема Петрова съ товарыщи. Въ прошломъ 1707 году они, Лукьянъ и товарыщи, списывались съ бояры *), что у насъ на рѣкѣ русскихъ пришлыхъ людей всѣхъ безъ остатку выслать, кто откуды пришолъ съ первого азовскаго походу; и по тѣмъ ихъ, прежде бывшихъ старшинъ, съ бояры писму и совѣту прислали они, бояря, отъ себя къ намъ на рѣку полковника князя Юрья Долгорукова со многими начальными людми, для того, чтобъ имъ, старшинамъ, съ боярами всю рѣку разорить; и стали было бороды и усы брить, такъ и вѣру христіанскую перемѣнить и пустынниковъ, которые живутъ въ пустыняхъ, ради имени Господня, и хотѣли было христіанскую вѣру ввесть въ еллинскую вѣру; и какъ они, князь съ старшинами, для розыску и высылки русскихъ людей поѣхали, по Дону и по всѣмъ рѣкамъ послали отъ себя начальныхъ людей, а самъ онъ, князь съ нашими старшинами, съ Ефремомъ Петровымъ съ товарыщи многолюдствомъ поѣхали по сѣверному Донцу по городкамъ, и они, князь съ старшинами, будучи въ городкахъ, многія станицы огнемъ выжгли и многихъ старожилыхъ казаковъ кнутомъ били, губы и носы рѣзали и младенцовъ по деревьямъ вѣшали, также женска полу и дѣвичья брали къ себѣ для блудного помышленія на постели, и часовни всѣ со святынею выжгли; и въ прошломъ же, 1707, году, какъ будучи князь съ старшинами у розыску и высылки русскихъ людей на рѣчкѣ Айдарѣ въ Шульгинскомъ городкѣ и съ Донца Трехъизбянской станицы нынѣшній нашъ войсковой атаманъ Кондратей Афонасьевичъ Булавинъ пересовѣтовавъ съ донецкими многими казаками и собравсь ево, князя, и при немъ съ будущими начальными людми и съ нашими старшинами въ Шульгинскомъ городкѣ **) до

*) Изъ этихъ словъ можно предполагать, что ближайшимъ поводомъ къ возстанію было неудовольствіе на старшинъ, которые списывались о высылкѣ съ Дона пришлыхъ людей, безъ согласія съ войскомъ.

**) У Соловьева: на р. Айдарѣ. (Истор. Россіи т. XV, с. 240), а у Броневскаго: «близь Урюпинской станицы». (Истор. Донск. войск. Ч. I, стр. 250).

П. П. Ламбинъ.

смерти побили, потому что онъ, князь и старшины, чинили намъ многое разореніе и нестерпимые налоги; и напослѣ они, Лукьянъ съ товарыщи, собрався за убойство князя вскорѣ воинскимъ поведеніемъ, на рѣчкѣ же Айдарѣ, нынѣшняго нашего войскового атамана Кондратья Афонасьевича съ тѣми казаками, съ которыми онъ, князь, убитъ на рѣчкѣ же Айдарѣ, разбилъ и многихъ вѣшали за ноги по деревьямъ и казнили смертью; а онъ, Кондратей Булавинъ, въ то число отъ нихъ старшинъ ушелъ съ немногими людьми и зимовалъ въ Сѣчѣ въ запорожскихъ казаковъ. И въ нынѣшнемъ, 1708 году, они жъ, наши прежде бывшіе старшины, Лукьянъ Максимовъ да Ефремъ съ товарыщи пересовѣтовавъ съ бояры, по тому же сѣверному Донцу ѣздя, такожъ собраніемъ, по городкамъ всякое разореніе, противъ вышеписаннаго, чинили и въ нынѣшнемъ же, 1708, году, апрѣля въ « » день, нынѣшній нашъ войсковой атаманъ, Кондратей Афонасьевичъ Булавинъ изъ Запорочь пришелъ на рѣку Хоперъ въ Пристанную станицу и пересовѣтовавъ тои станицы съ казаками, послалъ отъ себя по всѣмъ рѣкамъ, по Дону и по Донцу и по Хопру и по Бузулуку и по Медвѣдицѣ, и по всѣмъ запольнымъ рѣчкамъ письма, чтобъ (шли) со всѣхъ рѣкъ и со всякой станицы старые лутчіе казаки къ нему въ Пристанную станицу на совѣтъ.

И со всѣхъ рѣкъ казаки къ нему съѣзжались и между собою всѣми рѣками пересовѣтывали и собравшись со всѣхъ рѣкъ казаки и пошли съ нимъ, Кондратьемъ Афонасьевичемъ, и всѣмъ походнымъ войскомъ къ Черкасскому.

И онъ, Лукьянъ Максимовъ да Ефремъ Петровъ, съ единомышленниками своими съ казаками и съ калмыки прослыша о томъ, что идутъ всѣми рѣками подъ Черкаской, изъ Черкаского пошелъ воинскимъ поведеніемъ съ пушки и съ народомъ и встрѣтили ево, Кондратья Афонасьевича, съ походнымъ войскомъ въ степи, на крымской стороны, противъ Перекопной на Дону станицы, въ Лискиныхъ вершинахъ *), хотѣли ево, Кондратья Афонасьевича, съ походнымъ войскомъ разбить и онъ, Лукьянъ,

*) У Соловьева—при Лискованшѣ выше Паншина, у Красной Дубровы (Ист. Рос. т. XV с. 245 и Рус. Вѣст. т. XXVIII. 1860 г. августъ, стр. 383). У Броневскаго — на рѣчкѣ Крынкѣ, впадающей въ Міусъ (Истор. Донск. Войска ч. I, стр. 257). П. П. Ламбинъ.

съ единомышленники своими своего злаго умышленія не получили и, Божіею помощію, въ степи ево, Лукьяна, съ единомышленники съ калмыки и съ татары разбили и пушки и казну, восемь тысячь денегъ, отбили и между себя подуванили; а онъ, Лукьянъ и Ефремъ съ товарыщи, съ немногими людьми, съ того боя ушли и прибѣгши въ Черкаской, сѣли въ осадѣ; а походное войско Кондратей Афонасьевичъ со всѣхъ рѣкъ съ казаками пришедъ подъ Черкаской и стали на рѣчкѣ Василевѣ. И они, Лукьянъ и Ефремъ, съ своими единомышленники изъ осады били по походномъ войскѣ многое число изъ пушекъ, и онъ, Кондратей Афонасьевичъ, съ походнымъ войскомъ со всѣхъ рѣкъ съ казаками не похотя христіянской крови пролить и напрасныхъ неповинныхъ душъ, вдову и сиротъ, погубить боемъ, на Черкаскомъ не били и изъ ружья не стрѣляли, только Божіею помощію на острову, которые съ нимъ, Лукьяномъ, сидѣли по неволи, казаки многое число добромъ уговорили и они, казаки, которые сидѣли и съ нимъ, Лукьяномъ съ товарыщи, убоясь Бога для пролитія крови христіянскіе и напрасныхъ душъ и ево, Лукьяна да Ефрема съ товарыщи шесть человѣкъ, выдали въ руки и походное войско Кондратей Афонасьевичъ съ походнымъ войскомъ съ Божіею помощію взошли на островъ въ добромъ здравіи безъ бою. И собрався всѣхъ рѣкъ казаки и все войско Донское воловой (войсковой?) кругъ и тѣхъ неправедныхъ старшинъ своихъ: Лукьяна Максимова, Ефрема Петрова, Обросима Савельева, Никиту Алексѣева Соломату, Ивана Машлыченка *) Николая Иванова **) за ихъ неправду и многое разореніе, приговоря войскомъ, казнили ихъ смертью; а остальныхъ старшинъ: Василья Меншова, Познеева съ товарыщи, вмѣсто смерти, послали въ верхніе городки казачьи съ женами и съ дѣтьми на вѣчное житье въ ссылку. И управя все желанное, всѣми рѣками атаманы молодцы выбрали войскомъ войсковаго атамана Кондратья Афонасьевича Булавина, а есауловъ Рыковской станицы

*) У Соловьева—Машлыкина. Истор. Рос., т. XV, стр. 251.—Рус. Вѣст. 1860, авг., ст. 383.

**) Николай Ивановъ у Соловьева не упомянутъ. Въ Истор. в. дон. у Броневскаго показано казненныхъ шесть человѣкъ: атаманъ Максимовъ, старшина Ефремъ Петровъ, а четыре еще старшины не поименованы. Истор. Донск. Войск. ч. I, стр. 260. П. П. Ламбинъ.

Степана Ананьина, а на острову средней Черкасской станицы: Тимоѳея Соколова, а въ верху, изъ середины Дону, выбрали Когалицкой станицы Кирея Семенова, съ Хопра изъ Добринской станицы Степана Иванова. А старыхъ есауловъ и старшинъ всѣхъ перемѣнили и хотѣли было послать къ вамъ атаманомъ молодцамъ, своего казака, а твоего, Савелей Пахомовичъ, племянника, Антона Ерофеева, съ тѣми жъ торговыми людми, съ которыми писма посланы къ Хосяну пашѣ и къ Сартлаку мурзѣ; и мы о томъ нынѣ поопаслись съ симъ писмомъ ево, Антона, къ вамъ послать, потому что отъ неправедныхъ бывшихъ нашихъ старшинъ кубанцы многіе сиры и разорены. А нынѣ мы, государи наши батюшки, Савелей Пахомовичъ и всѣ атаманы молодцы, обѣщаемся Богу, что стать намъ за благочестіе, за домъ Пресвятыя Богородицы, и за святые соборные апостольскіе церкви, и за преданіе седми вселенскихъ соборовъ, какъ они святые на седми вселенскихъ соборахъ утвердили вѣру христіанскую и во отеческихъ книгахъ положили и мы въ томъ другъ другу души подавали и кресту святое евангеліе цѣловали, чтобъ намъ всѣмъ стоять въ соединеніи и умирать другъ за друга.

2) Къ старшинамъ Кубанскихъ казаковъ *).

Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ. Аминь.

Да милости жъ у васъ нашихъ батюшекъ, государей атамановъ молодцовъ, у Савелья Пахомовича и у всѣхъ, что есть, войсковой нашъ атаманъ Кондратей Афонасьевъ и всѣмъ войскомъ донскимъ слезно просимъ. Да я жъ, Кондратей Афонасьевъ, поимянно милости вашей пишу Савелью Пахомовичу, Ѳедору Васильевичу, съ Донца Луганской станицы Мирону Никитичу, да брату ево Сидору Никитичу, да Луганской же станицы Сидору Зиновьевичу, да Трехъизбянской станицы Ивану Остафьевичу Горбунъ прозвище, да Митякинской станицы Карпу Ертеаристу и всѣмъ, что есть атаманомъ молодцамъ слезно милости прошу и челомъ бью, пожалуйте, который нибудь, хотя Миронъ или Сидоръ или Афонасей, пріѣдте ко мнѣ на слово. Я же, Антонъ Ерофеевъ, тебѣ дядюшка Савелей Пахомовичъ и

---

*) О письмѣ этомъ упоминается у Соловьева въ ст. «Булавинъ» Рус. Вѣс. 1860 г. августъ, стр. 385, какъ о письмѣ къ Гусейнъ-пашѣ и приводится изъ него нѣсколько строкъ. П. П. Ламбинъ.

сыну твоему Гарасиму Иванову и Гаврилѣ и всему дому твоему, слезно милости прошу и челомъ бью; а я, государь дядюшка, по се писаніе далъ Господь Богъ живъ, и впредь уповаю на всещедраго Бога своего и прочимъ моимъ пріятелемъ Савостьяну Васильевичу, Мартыну Роздорскому и Евментьевымъ дѣтемъ и Панфиловымъ дѣтемъ, Максиму Кривому съ дѣтьми Кобылскіи станицы. И чтобъ тебѣ, Максимъ, прислать ко мнѣ которого нибудь сына своего, и всѣмъ пріятелемъ, съ которыми мы зиму зимовали и нужду терпѣли, въ вчинахъ челобитье и поклонъ до земли. Къ Савелью Пахомовичу шуринъ твой Дмитрей Игнатьевъ и Андрей милости прося и челомъ бьетъ; а нынѣ я живу на Медвѣдицѣ въ Черноганской станицѣ, а прошу у тебя и молю животворящимъ Богомъ, чтобъ тебѣ, буде возможно, самому пріѣхать, а буде невозможно и ты пришли сына своего, а моего племянника, а имъ худа никакова у насъ по крестному цѣлованію, по святей непорочной евангельской заповѣди Господни, еже ей вправду, никакой вреды имъ не учинится и о томъ нашимъ душамъ вѣрьте, только милости вашей мы желаемъ, что вамъ съ нами о всякихъ душевныхъ, искреннихъ дѣлѣхъ договориться и о всемъ пересовѣтовать. А если у кого товары какіе и вы возите къ намъ, войску, для продажи неопасно. А нынѣ у насъ войска со всѣхъ рѣкъ съ Дону, съ Донца, съ Хопра, съ Бузулука, съ Медвѣдицы и со всѣхъ заполныхъ рѣчекъ на острову изо всякой станицы старшинъ людей, кромѣ молодыхъ, которые втретчине (въ Туречинѣ?). И по сему письму будемъ вашу милость ожидать къ себѣ и вамъ бы пожаловать пріѣхать къ намъ, въ Черкасской, непомѣшкавъ съ тѣми вмѣстѣ какъ посланы будутъ изъ Ачюева отъ Хосяина паши и отъ Сартлана мурзы съ писмами татары. А нынѣ на рѣкѣ у насъ казаковъ въ единомъ согласіи тысячь со сто и больше; а напередъ что будетъ, про то Богъ вѣсть, потому что много русскіе люди бѣгутъ къ намъ на Донъ денно и нощно съ женами и съ дѣтьми отъ изгоны царя нашего и отъ неправедныхъ судей, потому что они вѣру христіянскую у насъ отнимаютъ. А если нашъ царь на насъ съ гнѣвомъ поступитъ, и то будетъ Турской царь владѣть Азовомъ и Троицкимъ городами; а нынѣ мы въ Азовъ и въ Троицкой съ Руси никакихъ припасовъ не пропущаемъ, покамѣстъ съ нами азовской и троицкой воевода въ сог-

ласіе къ намъ придетъ. А мы къ городамъ не приступаемъ и христіанской крови проливать не станемъ; а къ нему, Государю, мы войскомъ отъ себя пишемъ письма, а сами къ нему не ѣдимъ. А если царь намъ не станетъ жаловать, какъ жаловалъ отцовъ нашихъ и дѣдовъ и прадѣдовъ, или станетъ намъ на рѣкѣ какое утѣсненіе чинить и мы войскомъ отъ него отложимся и будемъ милости просить у Вышняго Творца нашего Владыки, также и у Турскаго царя, чтобъ Турскій царь насъ отъ себя не отринулъ; и потому мы отъ своего Государя отложимся, что нашу вѣру христіанскую въ Московскомъ царствѣ перевелъ, а у насъ нынѣ отнимаетъ бороды и усы, также и тайные уды у женъ и у дѣтей насильно брѣютъ. Да тебѣ же, Савелей Пахомовичъ, противъ сего письма, согласясь съ ачюевскимъ Хосяномъ пашею и кубанскимъ владѣльцомъ Сартланомъ и съ иными большими мурзами, учинить между собою совѣтъ и сіе письмо имъ, Хосяну пашѣ и Сартлану мурзѣ, со всѣми мурзами, при нихъ прочесть и всякіе слова знать въ подлинно. А буде у васъ, Савелей Пахомовичъ, изъ нашей стороны какіе люди московскіе или украинскіе изъ Азова или Троицкаго, или откуда нибудь русскіе люди при васъ будутъ и вамъ бы пожаловать про се писмо отнюдь имъ не явить и не сказывать, только вѣдайте ваша милость про себя съ Хосяномъ пашею да съ Сартланомъ мурзою и съ иными многими мурзами, и буде милости вашей сіе письмо угодно будетъ, и вы изволте, буде можно, списавъ съ сего письма списокъ, оставьте у себя въ Ачюевѣ, а подлинное наше сіе письмо пошлите къ своему салтану въ Царьградъ.

По семъ писаніи войсковой атаманъ Кондратей Афонасьевъ и все войско донское у тебя, Турскаго салтана, милости прося и челомъ бью. А нашему Государю въ мирномъ состояніи отнюдь не вѣрь, потому что онъ многія земли разорилъ за мирнымъ состояніемъ и нынѣ разоряютъ, также и на твое величество и на царство готовитъ корабли и катõрги и иные многіе воинскіе суды и всякой воинской снарядъ готовитъ.

По семъ писаніи мало пишемъ и наипаки челомъ бьемъ.

А сіе писмо послано изъ Черкаского, майя кз (27) ҂аѱи (1708) года.

—

3 и 4) Ачюевскому владѣтелю Хосяну пашѣ; и кубанскія орды владѣтелю Сартлану Мурзѣ и всѣмъ кубанскимъ мурзамъ *).

Отъ донскихъ атамановъ молодцовъ, отъ Кондратья Афонасьевича Булавина и ото всего великаго войска донскаго, ачюевскому владѣтелю Хосяну пашѣ поздравленіе въ нынѣшнемъ ҂аѱи (1708) году, мая въ   день. Вѣдомомь войскомъ донскимъ вамъ чинимъ: собрався мы, войскомъ донскимъ, казаки съ Дону изъ сѣвернаго Донца, съ Хопра, Бузулуку, и съ Медвѣдицы, и со всѣхъ заполныхъ рѣкъ, также Днѣпра изъ за пороговъ казаки, пришли подъ Черкасской для того: приговорили мы войскомъ, чтобъ перемѣнить на острову въ Черкасскомъ прежде бывшихъ своихъ войсковаго атамана и Лукьяна Максимова и старшихъ за ихъ неправду и всякое на насъ разоренье, потому что они старшины намъ и вамъ многое разореніе и неправды чинили и за мирнымъ состояніемъ юртовыхъ своихъ калмыкъ и казаковъ, безъ вѣдома нашего войсковаго, подъ ваши жилища посылали и ясырь у васъ, также и конные табуны къ себѣ брали. И мы, войскомъ, за такое ихъ разоренье и неправду войсковаго атамана Лукьяна Максимова съ товарищи шесть человѣкъ казнили смертью. А нынѣ у насъ, войска, въ Черкаскомъ все далъ Богъ по прежнему въ состояніи смирно. А съ вами мы, войскомъ донскимъ, хотимъ жить по прежнему въ дружелюбіи и въ мирномъ состояніи. А буде вы съ нами, войскомъ, хотите жить въ дружелюбіи по прежнему и вы къ намъ, войску, знатныхъ своихъ старшинъ отъ себя съ письмами для договору и мирного между (меж. дву) **) юртовъ крѣпкого состоянія и раздѣлки пришлите, и ни въ чемъ не опасайтеся, и душамъ нашимъ и сему письму вѣрте. А вы на насъ, войска, не подивите, что съ симъ письмомъ своихъ казаковъ никово къ вамъ не послали, для того, что за умноженіемъ своихъ неправедныхъ старшинъ заходящихъ ссоръ между вами и нами послать поопаслись и послали мы войскомъ сіе письмо къ вамъ въ Ачюевъ съ вашими людьми и своимъ казакомъ Василіемъ Борисовымъ. И вы съ нами, войскомъ, живите по прежнему въ дружелюбіи и въ мирномъ со-

---

*) Оба воззванія, за исключеніемъ адресовъ, одинаковаго содержанія.

**) Можно читать между двухъ. П. Л.

стояніи, изъ своей стороны всякихъ людей съ товары и со всякими промыслы къ намъ, войску, присылайте безопасно; а у насъ, войска, вашимъ торговымъ людемъ никакова озлобленія не будетъ, и будутъ они у насъ торговать по прежнему; а мы, войскомъ, въ вашу сторону своихъ козаковъ будемъ посылать для всякихъ промысловъ также. А что которые люди побраны за мирнымъ состояніемъ наши казаки къ вамъ, а ваши—къ намъ въ ясырство, и мы, войскомъ, съ вами межъ себя въ томъ ясырѣ розмѣну и всякой договоръ о всякихъ дѣлахъ чинить будемъ. А если вы похотите, за многіе къ намъ и къ вамъ, отъ калмыкъ обиды и многое разореніе на нихъ идтить войною и вы съ нами войскомъ, согласясь за едино, въ походъ за Волгу пойдемъ и о томъ къ намъ, войску, отпишите вѣдомость вскорѣ.

II.

ПИСЬМА МАІОРА КН. В. В. ДОЛГОРУКОВА КЪ КНЯЗЮ А. Д. МЕНШИКОВУ.

1) Свѣтлѣйшій княже, мой премилостивый государь. Доношу вашей свѣтлости: поѣхалъ я съ Москвы майя (6-го) числа; на Воронежъ пріѣхалъ во ві (12) числѣ и, пріѣхавъ на Воронежъ, приказалъ господину Колычову, чтобъ велѣлъ изготовить подводы подъ солдатской Рыкмановъ полкъ и подъ драгунской шквадронъ и полковые припасы и подъ провіянтъ и подводы, государь, изъ уѣзду на Воронежъ по се число не пригнаты; также, государь, которые полки опредѣлены со мною съ Москвы и изъ Вязьмы ко мнѣ еще не бывали и я, государь, послалъ къ нимъ указъ на Елецъ, чтобы они съ Ельца прямо шли въ Острогожскъ. Я съ Воронежа въ скорыхъ числѣхъ пойду въ Острогожскъ, а изъ Острогожска къ соединенію съ господиномъ бригадиромъ Шидловскимъ, съ господиномъ Гагаринымъ и съ другими полками, которые со мною опредѣлены царского величества указомъ, и на Воронежъ, государь, не мѣшкалъ бы я ни часу: замедленіе мое въ подводахъ, подняться не начѣмъ; а естьли подводы на сихъ дняхъ не пригонятъ и я ихъ дожидаться не буду, пойду въ Острогожскъ, а со мною господинъ Бахметевъ съ царедворцы да драгунской шквадронъ, а Рыкмановъ полкъ отправлю водою до Коротояка, а лошадей велю пригнать въ Острогожскъ. Сего государь, майя въ ді (14) день, послалъ я съ Воронежа въ партію до

Бетюка капитана Хотяинцова, а съ нимъ драгунъ р (100) человѣкъ, да станишниковъ м (40) человѣкъ и сего, государь, числа получилъ я отъ него, капитана, письмо; въ писмѣ пишетъ: сего де майя еі (15-го) числа наѣхалъ онъ, капитанъ, на рѣчкѣ Икорцѣ трехъ человѣкъ жителей села Курлака, которые посылаются для разъѣзду, и наѣхали-де на нихъ посланные отъ Кондрашки Булавина человѣкъ съ к (20) и отдали имъ отъ него письма и велѣли тѣ письма отвезть на Воронежъ, къ Степану Бахметеву письмо, да письмо отъ заставнаго атамана Агѣя Иванова; и я, государь, тое отписку и письма сегожъ числа послалъ до царского величества, а къ вашей свѣтлости съ той отписки и съ писемъ послалъ списки. При семъ, остаюсь вашего свѣтлѣйшества всегдашнимъ слугою, маеоръ Долгорукой.

Съ Воронежа маія въ s день. (1708 года).

2) *) А хотя которые и пристали, да будутъ приносить повинные, чтобы мнѣ съ ними обходиться ласково и я, государь, до письма до царскаго величества на Донъ въ Черкасской и во всѣ городки послалъ отъ себя увѣщательные письма и писалъ къ нимъ, чтобъ они надѣялись на милосердіе царскаго величества, чтобы прислали челобитную съ покореніемъ винъ своихъ и изъ старшинъ и изъ казаковъ старыхъ до царского величества прислали просить объ отпущеніи винъ и въ томъ бы не имѣли опасенія и потому, чтобъ они отвѣтствовали мнѣ на тѣ мои письма, и жду, государь, въ скорыхъ числѣхъ отъ нихъ отповѣди, и кой часъ получу отъ нихъ отповѣдь, того часу до вашего сіятельства писать буду. Прошу, премилостивой мой государь, не оставь меня въ милости своей, такъ же прошу, чтобъ я увѣдомленъ былъ о здравіи твоемъ, государя моево. Доношу, государь, вашему сіятельству, царедворцевъ по се число запилось всего четыре человѣка. При семъ остаюсь вашего свѣтлѣйшества всегдашнимъ слугою маеоръ Долгоруковъ.

Изъ Острогожска, мая въ ȝі (17) день 1708 г.

3) Римскаго и Россійскаго государствъ свѣтлѣйшій князь, его царского величества главнѣйшій надъ кавалеріею генералъ и кавалеръ, мой же премилостивѣйшій особливый патронъ го-

*) Начало письма истлѣло. П. Л.

сударь Александръ Даниловичъ! Доношу вашей свѣтлости, іюня 27 числа, пришли мы къ Черкасскому и атаманъ Илья Зерщиковъ вышедъ съ острова въ винахъ своихъ просили у государя милости, и самыхъ заводчиковъ къ воровству двадцать шесть человѣкъ отдали, а потомъ привели ихъ атамана и казаковъ ко кресту, чтобы имъ впредь не измѣнять.

Только въ нихъ какъ первые, такъ и послѣдніе сплошь всѣ воры, развѣ впредъ что доброе въ нихъ будетъ.

Некрасовъ воръ изъ-подъ Царицина еще не... нулся и та своеволя вся съ нимъ въ сбор..., также и донскихъ и верхнихъ городковъ многіе воры къ нему хотятъ итти.

Обачежъ надѣятись на милость Божію же... По нынѣшнему учиненному Черкасскому дѣлу, оные воры могутъ исчезнуть вскорѣ.

Того ради въ Черкаскомъ строгости къ нимъ не оказано, кромѣ тѣхъ воровъ, которыхъ они сами отдали, всѣ прикрыты великого государя милостію, чтобъ верхнихъ воровъ къ рукамъ прибрать.

А оставя отъ инфантеріи доброй презыдіумъ въ Черкаскомъ (хоча только донцы зѣло противны) и пойдемъ по Дону вверхъ противъ вышеписаннаго воровского . . . .*).

III.

ПОВИННАЯ КАЗАКОВЪ СУХАРЕВСКОЙ СТАНИЦЫ.

Его царского пресвѣтлого величества князю нашему, князю Василію Володимеровичу Долгорукому, Сухаревскія станицы станичные молодцы и атаманъ Иванъ Наумовъ и со всею убогою своею станицею до лица земли челомъ бьемъ. Милости у тебя, государя, мы станицею и многогрѣшныя просимъ, что о своихъ головахъ. Писалъ ты, государь, къ намъ грамоту, а въ грамотѣ той написаны милостивыя къ намъ слова, чтобъ намъ къ нему, великому государю, о своей винѣ принесть повинную, и мы тое грамоту послали въ низъ по Донцу во всѣ свои казачьи городки. А мы ему, великому государю, служить по прежнему вѣрно ради. Да вѣдомо тебѣ, государю, о семъ буди, что шелъ съ низу Донца Сережка Безпалой со многимъ собраніемъ и вездѣ прельщалъ сво-

*) Второй листъ письма утраченъ. П. П. Ламбинъ.

имъ озарничествомъ нашу братью казаковъ, многихъ билъ на смерть и въ воду сажалъ и вѣшалъ, и животы наши грабилъ и неволею насъ къ себѣ подворочалъ; и отъ такого его озарничества, мы убогіе, боясь ихъ слушали и бралъ насъ съ собою въ войско неволею, и ты пожалуй, государь князь Василей Володимеровичъ, для ангела своего . . . . въ винѣ нашей помилосердствуй надъ нами и о томъ. . . . . (конецъ, полстрочки, истлѣлъ).

(Письмо это, какъ надо полагать, писано 15 іюля 1708 г.).

IV.

ПРОСЬБА ПОХОДНЫХЪ ЮРТОВЫХЪ ДОНСКИХЪ КАЛМЫКОВЪ ОБЪ ОТПУСКѢ ИХЪ ИЗЪ ПОЛЬШИ ВЪ ЧЕРКАССКЪ.

Свѣтлѣйшій князь, милостивѣйшій государь, государь всепокорнѣйши Александра Даниловичъ. Бьютъ челомъ сироты ваши войска Донского походнаго юртовые Донскіе калмыки города Черкаскова, которые на службѣ великова государя въ Польшѣ. А вышли изъ Черкаскова города ҂аѱз (1707) году и служимъ великому Государю по нынѣйшей ҂аѱи (1708) годъ въ Польшѣ не выѣзжаючи, и намъ вѣдомо учинилось, которые калмыки кочуютъ за Волгою, и они забрали на Дону нашихъ женъ и дѣтей въ полонъ и домы наши разорили и что было пожитковъ, то все забрали, и мы о томъ просимъ вашего свѣтлѣйшаго и милостивѣйшаго указу, чтобъ насъ, сиротъ своихъ, отпустить домой на Донъ и отъискать бы намъ у тѣхъ (калмыковъ) женъ своихъ и дѣтей, хотя на окупъ выкупить и чтобъ они, калмыки, не запродали нашихъ женъ и дѣтей въ дальныя страны. Свѣтлѣйшій и милостивѣйшій князь государь! смилуйся надъ нами, сиротами своими, и не дай въ конецъ разориться, а мы, сироты ваши, и впредь ему, великому государю, рады служить и всегда готовы будемъ. Смилуйся, пожалуй!

V.

ПИСЬМО ЦАРЕВИЧА АЛЕКСѢЯ ПЕТРОВИЧА КЪ КНЯЗЮ МЕНШИКОВУ. (Собственноручное).

Свѣтлѣйшиі князь. Получили мы здѣс вѣдомость, что вор Булавинъ застрѣлился самъ, і войско ево отъ наших разбито, і с сим присланно куриеръ послан к Гдрю, і ссею викториею ва-

шей свѣтлости поздравляю alever із Преображенского, іюля (число истлѣло), 1708 г. Сообщ. П. П. Ламбинъ.

О ПОВРЕЖДЕНІИ НРАВОВЪ ВЪ РОССІИ.

(записки князя М. М. Щербатова).

Исторіографъ кн. М. М. Щербатовъ принадлежитъ къ числу ученѣйшихъ и трудолюбивыхъ дѣятелей въ области отечественной науки и словестности прошлаго столѣтія. Помѣщая на стр. „Русской Старины" наиболѣе замѣчательное и самое интересное его сочиненіе, — считаемъ необходимымъ напомнить нѣкоторыя факты о жизни кн. Щербатова и трудахъ этого писателя.

Кн. Михаилъ Михайловичъ — принадлежитъ къ одной изъ древнѣйшихъ и именитѣйшихъ на Руси фамилій, ведущей родъ свой отъ св. князя Михаила Черниговскаго. Многіе представители этой славной фамиліи были намѣстниками въ XVI стол., имѣли высокій санъ „окольничаго" и „боярина". Пращуръ его, по прямой линіи, князь Осипъ Михайловичъ, умеръ окольничимъ въ 1578 г.; прапрадѣдъ— кн. Василій Петровичъ, († 1636 г.) былъ женатъ на княжнѣ Ростовской; прадѣдъ—князь Ѳедоръ Васильевичъ — женатъ на Сабуровой; дѣдъ—кн. Юрій Ѳедоровичъ— былъ окольничей и бригадиръ, потомъ инокъ Софроній, († 1737 г.) жен. на Аннѣ Михайловнѣ Волынской (въ послѣдствіи схимница Александра); отецъ — кн. Михайло Юрьевичъ—генералъ-маіоръ († 1738 г.) женатъ былъ три раза, а именно: на Ѳеклѣ Ивановнѣ Паниной, княжнѣ Тюфякиной и княжнѣ Сонцевой-Засѣкиной. Эту генеалогическую справку не безполезно имѣть въ виду для уясненія какимъ образомъ развилась въ авторѣ та кичливость родомъ, которою проникнуты печатаемыя записки.

Родился кн. М. М. 22 іюня 1733 г.; обучался въ родительскомъ домѣ „французскому и итальянскому языкамъ и разнымъ наукамъ"; началъ службу въ гвардіи унтеръ-офицеромъ. 28 декабря 1761 г., (а не въ 1756 г., какъ ошибочно сказано въ словарѣ свѣт. писат. митрополита Евгенія ч. II стр. 273), произведенъ въ прапорщики. Въ 1762 г. мы его видимъ капитанъ-поручикомъ и въ томъ же году, 29 марта, онъ отставленъ капитаномъ. Въ 1767 г. депутатъ Ярославскаго дворянства въ коммиссіи при составленіи новаго уложенія; въ томъ же году—каммеръ-юнкеръ; въ 1768 г. назначенъ присутствовать въ коммиссію о коммерціи; въ 1771 г. герольдмейстеръ; въ 1773 г. дѣйствительный каммергеръ; 1778 г. тайный совѣтникъ и президентъ камеръ-коллегіи; въ 1779 г. сенаторъ; умеръ 12 декабря 1790 г. будучи 57 съ половиною лѣтъ отъ роду, а не 53-хъ, какъ напечатано въ словарѣ Евгенія. Какъ видно изъ этого послужнаго списка, кн. Щербатовъ занималъ разнообразныя и въ теченіи долгаго времени высокіе посты въ государственной службѣ; а принадлежа, по своимъ фамильнымъ связямъ, къ высшей аристократіи и увлекаемый природною любознательностью—вынуждавшей его заботливо собирать историческія данныя — кн. М. М. долженъ былъ

весьма много и чрезвычайно хорошо знать о событіяхъ и дѣятеляхъ русской исторіи почти всего XVIII столѣтія.

Что касается до его ученыхъ трудовъ и изданій историческихъ памятниковъ, то списокъ тѣхъ и другихъ довольно длиненъ и краснорѣчиво говоритъ, если не о талантѣ и широтѣ взгляда автора, въ этомъ судьба совершенно отказала кн. Щербатову, то объ его учености, трудолюбіи, и любви—къ исторіи.

Болѣе шестидесяти лѣтъ спустя послѣ смерти исторіографа, а именно въ 1856 — 1861 гг., въ бумагахъ его найдено много мелкихъ сочиненій князя—незначительныхъ, по объему, но весьма важныхъ, какъ для біографіи историка, такъ въ особенности для характеристики политическихъ, юридическихъ и экономическихъ взглядовъ представителей русскаго общества въ эпоху Екатерины II.

Нѣкоторыя изъ этихъ вновь открытыхъ сочиненій тогда же явились на страницахъ Отеч. Записокъ, Библеограф. Записокъ и въ Чтеніяхъ Моск. Общ. Исторіи. (Полный списокъ напечанныхъ сочиненій кн. М. М. Щербатова приведенъ А. Д. Галаховымъ въ Исторической Христоматіи. Спб. 1861 г. т. I стр. 547 — 548). Тогда же сдѣлалось извѣстнымъ и наиболѣе интересное изъ всѣхъ этихъ сочиненій кн. М. М., а именно его записки: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“. Весьма обстоятельный отчетъ о нихъ былъ данъ покойнымъ ученымъ г. Ешевскимъ въ № 3 „Атенея“ 1858 г. и въ томъ же году записки эти были напечатаны въ особомъ сборникѣ, весьма однако мало извѣстномъ читающей публикѣ. Притомъ изданіе это было сдѣлано по списку, а не съ подлинника и напечатано со списка чрезвычайно неисправнаго, наполненнаго грубѣйшими ошибками, совершенно искажающими смыслъ, напр. напечатано: „слѣпо“, въ подлинникѣ знач. „спьяна“; напеч.: „при двухъ громкихъ царствованіяхъ“, въ подл.: „при двухъ краткихъ царствованіяхъ“; напеч.: „его поступки подозрѣваемы были“, въ подлинникѣ: „его поступки надзираемы были“; напеч: „частными съѣздами“; въ подлинникѣ: „частыми съѣздами“; искажены имена: напеч.: „К. П. Е. Т.“ въ подлинн.: „кн. Н. Г. Т.“ (т. е. княгиня Настасья Гавриловна Трубецкая); напеч.: „стремительныя страсти“ въ подлин.: „охулительныя страсти“; напеч.: „искуситель“ въ подлин.: „искусенъ“; напеч.: „о родѣ питья“ въ подлин.: „о родѣ житья“; напеч.: „за чистое противоборство“, въ подлин.: „за частое противоборство“; напеч.: „важныхъ людей“, въ подл.: „вѣрныхъ людей“ и т. п. ошибки находяться на каждой страницѣ печатнаго изданія 1858 года. Независимо отъ таковыхъ немаловажныхъ ошибокъ и извращеній смысла историческаго памятника, при изд. его въ 1858 г. допущены пропуски словъ и цѣлыхъ фразъ не разобранныхъ небрежнымъ переписчикомъ, о чемъ впрочемъ заявляетъ самъ издатель.

Въ виду особенной важности для отечественной исторіи и исторіи русскаго общества прошлаго столѣтія полнаго, надлежаще выполненнаго изданія записокъ кн. М. М. Щербатова—мы весьма счасливы, что можемъ представить таковое изданіе. Мы печатаемъ это сочиненіе на стр-хъ „Русск. Старины“ съ подлинника, собственной руки кн. Щербатова. Подлинникъ написанъ на листахъ грубой бѣлой бумаги, съ полями въ половину страницъ; на нихъ рукою князя

М. М. Щербатова сдѣлано множество вставокъ и поправокъ. Почеркъ князя крайне мелокъ, не разборчивъ, самая рукопись отъ времени или отъ того, что въ прежнее время долго лежала въ сырости, сильно порыжѣла и мѣстами, къ счастью только по угламъ, прогнила. Печатаемъ мы это сочиненіе съ особенною тщательностью не только дословно, но даже съ сохраненіемъ мѣстами особенно характеристическихъ особенностей правописанія историографа; кромѣ того — мы возстановляемъ въ примѣчаніяхъ тѣ слова, которыя зачеркнуты авторомъ, впрочемъ большею частью только для исправленія слога.

Здѣсь не мѣсто представлять критическій разборъ этого историческаго памятника: важный — по фактамъ, записанныхъ очевидцемъ правдивымъ и весьма ученымъ, онъ интересенъ и по тѣмъ своеобразнымъ до нелѣпости, до полнаго обскурантизма взглядамъ и выводамъ, къ которымъ приходитъ авторъ. Нелѣпость эта до того очевидна, что самая мрачная картина фактовъ, освѣщенная кн. М. М. Щербатовымъ съ его особой точки зрѣнія, отнюдь не можетъ и не должна смущать самыхъ чепорныхъ и щепетильныхъ читателей, тѣмъ болѣе, что излагаемые факты имѣли мѣсто болѣе ста лѣтъ тому назадъ. При томъ особенно мрачные факты, именно тѣ, которые кн. М. М. внесъ въ свои записки со словъ другихъ, по устнымъ разсказамъ или по преданіямъ, должны быть принимаемы не безъ осторожности.

Ред.

I.

Взирая на нынѣшнее состояніе отечества моего, съ таковымъ окомъ, каковое можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослабленіе пришли, а довольное испытаніе подало потребное просвѣщеніе, дабы судить о вещахъ, не могу я не удивиться, въ кòль краткое время повредилися повсюдно нравы въ Россіи. Во истину могу я сказать, что если вступя позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, и намъ ничего не оставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ; мы подлинно въ людскости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей; но тогда же гораздо съ вящей скоростію бѣжали къ повреждению нашихъ нравовъ, и достигли даже до того, что вѣра и божественный законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны божественныя въ презрѣніе впали, гражданскія узаконенія презираемы стали; судіи во всякихъ дѣлахъ не толь стали стараться, объясня дѣло, учинить свои заключенія на основаніи узаконеній, какъ о томъ, чтобы, лихоимственно продавая правосудіе, полу-

чить себѣ прибытокъ, или, угождая какому вельможѣ, стараются проникать, какое есть его хотѣніе; другіе же не зная и не стараяся познавать узаконенія, въ сужденіяхъ своихъ, какъ безумные, бредятъ, и ни жизнь, ни честь, ни имѣнія гражданскія не суть безопасны отъ таковыхъ неправосудій. Нѣсть ни почтенія отъ чадъ къ родителямъ, которые не стыдятся открытно ихъ волѣ противоборствовать и осмѣивать ихъ стараго вѣка поступокъ. Нѣсть ни родительской любви къ ихъ исчадію, которые, яко иго съ плечъ слагая, съ радостью отдаютъ воспитывать чужимъ дѣтей своихъ; часто жертвуютъ ихъ своимъ прибыткамъ и многіе учинились для честолюбія и пышности продавцами чести дочерей своихъ. Нѣсть искренней любви между супруговъ, которые часто другъ другу хладно терпя взаимственныя прелюбодѣянія, или другіе за малое что разрушаютъ собою церковью заключенный бракъ, и не токмо стыдятся, но паче яко хвалятся симъ поступкомъ. Нѣсть родственническія связи, ибо имя родовъ своихъ ни за что почитаютъ, но каждый живетъ для себя. Нѣсть дружбы, ибо каждый жертвуетъ другомъ для пользы своея. Нѣсть вѣрности къ государю, ибо главное стремленіе почти всѣхъ обманывать государя, дабы отъ него получать чины и прибыточныя награжденія. Нѣсть любви къ отечеству, ибо почти всѣ служатъ болѣе для пользы своей, нежели для пользы отечества; и наконецъ нѣсть твердости духа, дабы не токмо истину предъ монархомъ сказать, но ниже временщику въ беззаконномъ и зловредномъ его намѣреніи попротивиться.

Толь совершенное истребленіе всѣхъ благихъ нравовъ, грозящее паденіемъ государству, конечно должно какія основательныя причины имѣть, которыя, во-первыхъ, я потщусь открыть, а потомъ показать и самую исторію, какъ нравы часъ отъ часу повреждались, даже какъ дошли до настоящей развратности.

Стеченіе многихъ страстей можетъ произвести такое поврежденіе нравовъ, а однако главнѣе изъ сихъ я почитаю сластолюбіе, ибо оно рождаетъ разныя стремительныя хотѣнія, а дабы достигнуть до удовольствія оныхъ, часто человѣкъ ничего не щадитъ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, предавшій себя весь своимъ безпорядочнымъ хотѣніямъ и обожа внутри сердца своего свои охулительныя страсти, мало уже помышляетъ о

законѣ Божіи, а тѣмъ меньше еще о узаконеніяхъ страны, въ которой живетъ. Имѣя себя единаго въ виду, можетъ ли онъ быть сострадателенъ къ ближнему и сохранить нужную связь родства и дружбы. А какъ государя щитаетъ источникомъ, отъ коего можетъ получить такія награжденія, которыя могутъ дать ему способы исполнить свое сладострастіе, то привязывается къ нему, но не съ тою вѣрностію, каковую бы долженъ подданный къ самодержцу своему имѣть, но съ тѣмъ стремленіемъ, къ чему ведетъ его страсть, то-есть, чтобы угождать во всемъ государю, льстить его страстямъ и подвигнуть его награждать его. А таковыя расположенія не рождаютъ твердости; ибо можетъ ли тотъ быть твердъ, который всегда трепещетъ недостигнуть до своего предмету, и котораго твердость явнымъ образомъ отъ онаго удаляетъ. Юлій Цесарь, толь искусный въ познаціи сердецъ человѣческихъ, яко искусенъ въ военныхъ и политическихъ дѣлахъ, который умѣлъ побѣждать вооруженныхъ противу его враговъ и побѣжденныхъ сердца къ себѣ обращать, не иное что ко утвержденію своея похищенныя власти употребилъ, какъ большія награжденія, дабы введши чрезъ сіе сластолюбіе, къ нему, якобы ко источнику раздаяній, болѣе людей привязались, не токмо всѣмъ своимъ поступкомъ изъявлялъ такія свои мысли, но и самыми словами единожды ихъ изъяснилъ. Случилось, что ему доносили нѣчто на Антонія и на Долабелу, якобы онъ ихъ долженъ опасаться, отвѣчалъ, что онъ сихъ, въ широкихъ и покойныхъ одеждахъ ходящихъ людей, любящихъ свои удовольствія и роскошъ, никогда страшиться причины имѣть не можетъ. «Но сіи люди, продолжалъ онъ, которые о великолѣпности, ни о спокойствіи одеждъ не радятъ, сіи, иже роскошъ презираютъ, и малое почти за излишнее считаютъ, каковы суть Брутусъ и Кассій, ему опасны, въ разсужденіи намѣреній его лишить вольности римской народъ». Не ошибся онъ въ семъ; ибо подлинно сіи его тридцати тремя ударами издыхающей римской вольности пожертвовали. И тако самый сей примѣръ и доказуетъ намъ, что не въ роскоши и сластолюбіи издыхающая римская вольность обрѣла себѣ защищеніе, но въ строгости нравовъ и въ умѣренности.

Отложа всѣ суровости, слѣдствія непросвѣщенія и скитающейся жизни дикихъ народовъ, разсмотримъ ихъ внутреннія и

неистребленныя. въ влiянныя природою въ сердце человѣческое добродѣтели. Худы-ли или хороши ихъ законы, они имъ строго послѣдуютъ; обязательства ихъ суть священны и почти не слышно, чтобъ когда кто супругѣ или ближнему измѣнилъ; твердость ихъ ѐсть невѣроятна: они за честь себѣ считаютъ не токмо бѐзъ страху, но и съ презрѣнiемъ мученей умереть; щедрость ихъ похвальна, ибо все, что общество трудами своими приобрѣтаетъ, то все рàвно въ обществѣ дѣлится, и нигдѣ я не нашелъ, чтобы дикiе странствующiе и непросвѣщенные народы похитили у собратiй своихъ плоды собственныхъ своихъ трудовъ, дабы свое состоянiе лучше другихъ сдѣлать. А все сiе происходитъ, что нѣсть въ нихъ и не знаютъ они сластолюбiя, слѣдственно и никакого желанiя, клонящагося въ ущербъ другому, а къ пользѣ себѣ имѣть не могутъ.

Довольно я уже показалъ, что источникъ поврежденiя есть сластолюбiе; приступлю танериче показывать, какими степенями достигло оно толико повредить сердца моихъ одноземцевъ. Но дабы говорить о семъ, надлежитъ сперва показать состоянiе нравовъ россiянъ до царствованiя Петра Великаго.

II.

Не токмо подданные, но и самые государи наши жизнь вели весьма простую; дворцы ихъ были необширны, яко свидѣтельствуютъ оставшiяся древнiя зданiя. Семь или восемь, а много десять комнатъ составляли уже довольное число для вмѣщенiя государя. Оныя состояли: крестовая, она же была и аудiенцъ-камера, ибо тутъ приходили и ожидали государя бояре и другiе сановники; столовая, гораздо небольшая, ибо по разряднымъ книгамъ видимъ, что весьма малое число бояръ удостоивалось имѣть честь быть за столомъ у государя; а для какихъ великолѣпныхъ торжествъ была назначена грановитая палата. Не знаю я, была ли у государей предспальняя, но, кажется, по расположенiю старыхъ дворцовъ, которые я запомню, ей быть надлежало. Спальня, и оныя были не разныя съ царицами, но всегда одна. За спальнею были покои для дѣвушекъ царицыныхъ и обыкновенно оная была одна, и для малолѣтныхъ дѣтей царскихъ, которыя по два и по три въ одной комнатѣ живали; когда же возрастали, то давались имъ особливые покои, но и оные не больше состоя-

ли, какъ изъ трехъ комнатъ, то-есть: крестовой, спальни и заспальной комнаты. Самые дворцы сіи большихъ украшеній не имѣли, ибо стѣны были голыя и скамьи стояли покрыты кармазиннымъ сукномъ, а изыскуемое было великолѣпіе, когда дурною рѣзною работою вокругъ двери были сдѣланы украшенія, стѣны и своды вымазаны иконописнымъ письмомъ, образами святыхъ, или такъ цвѣты на подобіе арабеска; а есть ли было нѣсколько орѣховыхъ стульевъ или креселъ для царя и царицы, обитыхъ сукномъ или трипомъ, то сіе уже высшая степень великолѣпія была. Кроватей съ занавѣсами не знали, но спали безъ занавѣсокъ. А уже въ послѣднія времена токмо, яко знатное великолѣпіе было, что обили въ царскомъ домѣ крестовую палату золотыми кожами, которую палату, бывшую возлѣ краснаго крыльца, я самъ помню съ почернѣлыми ея обоями.

Столъ государевъ соотвѣтствовалъ сей простотѣ, ибо хотя я точно утвердить и не могу, чтобы государи кушивали не на серебрѣ, но потому, что въ мастерской палатѣ не вижу порядочнаго сервиза серебрянаго, заключаю, что тогда государи кушивали на оловѣ; а серебряныя блюда и сдѣланныя горы, на подобіе Синайскихъ, также и другія столовыя украшенія употреблялися токмо въ торжественные дни.

Кушанье ихъ сходственно съ тѣмъ же было; хотя блюда были многочисленны, но они всѣ состояли изъ простыхъ вещей. Говядина, баранина, свинина, гуси, куры индѣйскія, утки, куры русскія, тетерева и поросята были довольны для составленія великолѣпнѣйшаго стола, съ прибавленіемъ множества пирожнаго, не всегда изъ чистой крупичатой муки сдѣланнаго; телятину мало употребляли, а поеныхъ телятъ и каплуновъ и не знали. Высочайшее же великолѣпіе состояло, чтобъ кругъ жаренаго и ветчины обернуть золотою бумагою, мѣстами пироги разъзолотить и подобное. Потомъ не знали ни каперцовъ, ни оливковъ, ни другихъ изготовленій для побужденія апетиту, но довольствовались огурцами солеными, сливами, и наконецъ за великолѣпіе уже считалось подать студень съ солеными лимонами.

Рыбный столъ еще тощѣе мясного былъ. Садковъ купеческихъ было очень мало и не имѣли искусства изъ дальнихъ мѣстъ дорогую живую рыбу привозить, да къ тому же госуда-

ревъ дворъ былъ не на подрядѣ, но изъ волостей своихъ всѣмъ довольствовался. И тако въ Москвѣ, гдѣ мало состояло обильство рыбы, довольствовался токмо тою рыбою, которую въ Москвѣ-рѣкѣ и въ ближнихъ рѣкахъ ловили, а какъ происходилъ чувствительный недостатокъ въ столѣ государевомъ, то, сего ради, какъ въ самой Москвѣ, такъ и по всѣмъ государевымъ селамъ сдѣланы были пруды, изъ которыхъ ловили рыбу про столъ государевъ; впротчемъ же употребляли соленую, привозя изъ городовъ, изъ которыхъ на многіе, гдѣ есть рыбныя ловли, и въ данъ оная была положена, какъ мнѣ случалось самому видѣть въ Ростовѣ грамоты царскія о сей дани. А зимою привозили и изъ дальнихъ мѣстъ рыбу мерзлую и засолную, которая къ столу государей употреблялась.

Десертъ ихъ такой же простоты былъ; ибо изюмъ, коринка, винныя ягоды, черносливъ и медовыя постилы составляли оный, что касается до сухихъ вещей. Свѣжія же особливо лѣтомъ и осенью, были: яблоки, груши, горохъ, бобы и огурцы; а думаю, что дынь и арбузовъ и не знали, развѣ когда нѣсколько арбузовъ привезутъ изъ Астрахани. Привозили еще виноградъ въ патокѣ, а свѣжаго и понятія не имѣли привозить, ибо оный уже на моей памяти, въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, тщаніями Ивана Антоныча Черкасова, кабинетъ-министра, началъ свѣжій привозиться.

Для толь малаго числа покоевъ немного бы освѣщенія надобно; но и тутъ нетокмо не употребляли, но и за грѣхъ считали употреблять восковыя свѣчи, а освѣщены были комнаты сальными свѣчами, да и тѣхъ не десятками или сотнями поставляли, а велика уже та комната была, гдѣ четыре свѣчи на подсвѣчникахъ поставлялись.

Напитки состояли: квасъ, кислы щи, пиво и разные меды и изъ простого вина сдѣланная водка; вина — церковное, то-есть красное ординарное вино, ренское, подъ симъ именемъ разумѣлся нетокмо рейнвейнъ, но также и всякое бѣлое ординарное вино; романея, то-есть греческія сладкія вина, и аликантъ, которые чужестранные напитки съ великою бережливостью употребляли, и погреба, гдѣ они содержались, назывались фряжскіе, потому что, какъ первыя оныя, а паче греческія получа-

лись чрезъ франковъ, а другія знали, что изъ Франціи идутъ, то общее имя имъ и дали фряжскихъ винъ.

Таковъ былъ столъ государевъ въ разсужденіи кушанья и напитковъ; посмотримъ, какіе были ихъ экипажи. Государи и всѣ бояре лѣтомъ ѣзжали всегда верхомъ, а зимою въ открытыхъ саняхъ, но въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ находимъ по лѣтописцамъ, что въ случаѣ болѣзни, когда государь въ походѣ занеможетъ, то также сани употребляли и лѣтомъ. И правда, что въ верховой ѣздѣ государской великое было великолѣпіе, яко видно по оставшимся конскимъ уборамъ, хранящимся въ мастерской палатѣ. Арчаги сѣдлъ были съ каменьями, стремена золотыя или съ каменьями, муштуки также драгоцѣнными камнями были покрыты; подушки бархатныя, шитыя или золотомъ, или серебромъ, или и низаны жемчугомъ, съ запонами драгоцѣнныхъ камней; попоны тому же великолѣпію подобныя, бархатныя или аксаметныя золотыя, съ шитьемъ иль съ низаньемъ, и съ каменьями. Но сіе азіацкое великолѣпіе неубытошно было, ибо сдѣланные единожды таковые уборы на многія столѣтія могли служить.

Царицы же ѣзжали обыкновенно въ колымагахъ, родъ каретъ, сдѣланныхъ снаружи на подобіе фурмановъ, гдѣ не было ни мѣста чтобы сидѣть, ни окошекъ, но клали внутрь пуховики для сидѣнья, а вмѣсто нынѣшнихъ драгоцѣнныхъ точеныхъ стеколъ, опускающеюся кожею окошки и двери закрывали. Не могли такія коляски удобны быть ни къ какому украшенію, ибо снаружи онѣ всѣ обиты были кожею, а верхъ великолѣпія въ дѣланіи оныхъ состоялъ, чтобы наружную кожу мѣстами позолоченую и тисненную употребить. Каретъ же нетокмо не знали, но и воображенія о нихъ не имѣли, ибо уже и въ царствованіе Петра Великаго, ближній мой свойственникъ, бояринъ К. Михайло Ивановичъ Лыковъ, человѣкъ пребогатый, бывши воеводою у города Архангельскаго, выписалъ орѣховую, украшенную рѣзьбою, карету, съ точеными стеклами. По смерти его сія карета досталась дѣду моему и почиталась толь завидною и драгоцѣнною вещью, хотя и сновâ тысячи рублей не стоила, что К. М. (князь Меньшиковъ?) дѣлалъ нападки на дѣда моего, чтобы ее получить, и за неотданіе учинилъ, что дѣдъ мой лишился всѣхъ недвижи-

мыхъ имѣній, которыя бы надлежало ему наслѣдовать послѣ супруги К. Лыкова.

Воззримъ теперь на одежды царскія. Онѣ были великолѣпны. Въ торжественныхъ ихъ одѣяніяхъ злато, жемчугъ и каменья повсюдова блистали; но обыкновенныя одежды, въ коихъ болѣе наблюдали спокойствіе, нежели великолѣпіе, были просты, а потому не могли быть причиною сластолюбія, а торжественныя толь рѣдко употреблялись и толь крѣпки были, что ихъ за носильныя одежды и почитать не должно, но были они, яко какіе коронные сосуды, опредѣленные токмо для показанія великолѣпія монарша; и если не самыя одежды, то, по крайней мѣрѣ, украшенія ихъ, бывъ содѣланны изъ золотыхъ бляхъ, жемчугу и камней, изъ рода въ родъ переходили. Но общимъ образомъ сказать, не было никакихъ ни изыскуемыхъ и тлѣнныхъ украшеній, ни великаго числа платей, но пять или шесть, а много до десяти платьевъ когда имѣлъ царь или царица, то уже довольно считалось, да и тѣ нашивали до износу, развѣ изъ особливой милости кому плеча своего платье пожалуютъ.

Главней же роскошъ въ царскихъ обыкновенныхъ платьяхъ состоялъ въ драгоцѣнныхъ мѣхахъ, которые они для подкладки и на опушку одѣяній своихъ употребляли; но мѣха сіи некупленные и не изъ чуждыхъ государствъ привезенные были, но дань, собираемая съ сибирскихъ народовъ. Впрочемъ, царицы имѣли обычай носить длинныя, тонкія полотнянныя у сорочекъ рукава, которыя на руку набирали, и сіи были иногда толь длинны, что даже до двадцати аршинъ полотна въ нихъ употреблялось.

Се есть все, что я могъ собрать о родѣ житья, выѣзду и одежды царской, а сіе самое и показуетъ, коликая простота во всемъ ономъ находилась. Бояре и прочіе чиновники, по мѣрѣ ихъ состоянія, подобную же жизнь вели, стараяся притомъ, изъ почтенія къ царскому сану, никогда и къ простому сему великолѣпію не приближаться. А болѣе всего сохраняло отъ сластолюбія, что ниже имѣли понятія о перемѣнѣ модъ, но что дѣды нашивали, то и внучата, не почитаясь староманерными, носили и употребляли. Бывали у бояръ златотканныя, богатыя одѣянія, которыя просто золотами называли, и неинако надѣвали, когда для какого торжественнаго случая повелѣно имъ было въ золотахъ ко двору собираться; а посему сіи одежды имъ на долго

служили, и я заподлинно слыхалъ, что не стыдилися и сыновья, по кончинѣ родителей своихъ, тоже платье носить. Однако нѣсть никакого общества, кудабъ великолѣпіе и роскошъ не вкрадывались, то, колико кажется мнѣ, главное великолѣпіе состояло у бояръ имѣть великое число служителей. Великолѣпіе, можетъ статься, до излишности доведенное, но въ самомъ дѣлѣ основанное на нуждѣ, ибо бояре съ людьми своими хаживали на войну, и оные обще и воиновъ государственныхъ и защитниковъ въ опасномъ случаѣ своимъ господамъ были. Но въ мирное время за честь себѣ бояре считали, когда ѣдетъ по городу, чтобы ему предшествовали человѣкъ пятьдесятъ слугъ пѣшками; слыхалъ я, что и самыя боярыни, нетокмо куда въ знатное посѣщеніе, но ниже къ обѣдни, къ своему приходу, стыдились безъ предшествованія двадцати или тридцати слугъ ѣхать. Однако содержаніе сихъ слугъ недорого стоило: давали имъ пищу и весьма малое на сапоги жалованье, а въ протчемъ они содержались своимъ искусствомъ, дома носили сѣрые сермяжные кафтаны, а при выѣздѣ господина или госпожи, какой у кого получше кафтанъ сыщется, ибо тогда ливреи не знали; и я самъ запомню, что безъ гостей званныхъ во всѣхъ домахъ лакеи ливреи не надѣвали, а употребленные въ должностямъ люди, которыхъ бывало мало, носили такіе кафтаны, какіе случится.

Остается мнѣ еще сказать, что не было тогда ни единаго, кто бы имѣлъ открытый столъ; но развѣ ближніе самые родственники безо зву куда обѣдать ѣздили, а посторонніе инако не ѣзжали, какъ токмо званые, и могли сидѣть поутру до часа обѣденнаго, а вечеру до ужина, не бывъ уняты обѣдать или ужинать.

Таковые обычаи чинили, что почти всякій по состоянію своему безъ нужды могъ своими доходами проживать и имѣть все нужное, не простирая къ лучшему своего желанія, ибо лучше никто и не зналъ. А къ тому же воспитаніе въ набожіи, хотя иногда дѣлало иныхъ суевѣрными, но влагало страхъ закона Божія, который утверждался въ сердцахъ ихъ ежедневною домашнею божественною службою. Не было разныхъ, для увеселенія сочиненныхъ, книгъ и тако скука и уединенная жизнь заставляла читать божественное писаніе и паче въ вѣрѣ утверждаться. Правленіе деревень занимало большую часть время, а сіе правленіе

влекло за собою разсмотрѣніе разныхъ крѣпостей и заведенныхъ разныхъ приказныхъ дѣлъ, которые понуждали вникнуть въ узаконеніи государства, и за честь себѣ считали младые люди хаживать сами вездѣ, какъ я въ родѣ своемъ имѣю примѣры, что князь Дмитрій Өедоровичъ Щербатовъ хаживалъ не токмо по своимъ дѣламъ, но и по чужимъ, и толь учинился благоразуміемъ своимъ знаемъ боярину князю Өедору Өедоровичу Волконскому, что сей, хотя князь Щербатовъ, по причинѣ разоренія дому его, купно съ убіеніемъ дѣда его Саввы.......*) Щербатова отъ самозванца Отрепьева, и въ бѣдности находился, однако сей бояринъ, человѣкъ весьма богатый, дочь свою и наслѣдницу своего имѣнія за него отдалъ, и князь Иванъ Андреичъ Щербатовъ, который послѣ былъ министромъ въ Гишпаніи, Цареградѣ и Англіи, а наконецъ, дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ и ордена св. Александра Невскаго кавалеромъ, по своимъ дѣламъ въ молодости своей вездѣ хаживалъ.

Почтеніе къ родамъ умножало еще твердость въ сердцахъ нашихъ предковъ; безпрестанные суды мѣстничества питали ихъ гордость; пребываніе въ совокупленіи умножало связь между родовъ и содѣловало ихъ безопасность что твердое предпріять, а тогда же и налогало узду, кому что недостойное имени своего содѣлать; ибо безчестіе одного весь родъ того имени себѣ считалъ. А сіе нетокмо молодыхъ людей, но и самыхъ престарѣлыхъ въ ихъ должности удерживало. Благородной гордости бояръ мы многіе знаки обрѣтаемъ. Князь Симскій Хабаровъ, бывъ принуждаемъ уступить мѣсто Малютѣ Скуратову, съ твердостію отрекся, и когда царемъ Іоанномъ Васильевичемъ осужденъ былъ за сіе на смерть, послѣднюю милость себѣ просилъ, чтобъ прежде его два сына его были умерщвлены, яко бывъ люди молодые, ради страха гоненія и смерти, чего недостойнаго роду своему не учинили. Князь Михайло Петровичъ Репнинъ лучше восхотѣлъ претерпѣть гнѣвъ царя Іоанна Васильевича, и наконецъ убіеніе, нежели сообщникомъ учиниться распутныхъ его забавъ. Соединеніе же родовъ толь твердо было, что ни строгій обычай царя Іоанна Васильевича, ни казни не могли возбранить, чтобъ, совокупясь многими родами, не просили у сего государя пощады своимъ родственникамъ и свойственникамъ, осужденнымъ на казнь, и бралися быть поруками впредь за поступки

того, яко свидѣтельствуютъ сіе многія сохраненныя грамоты въ архивѣ иностранной коллегіи, гдѣ таковыя поручныя подписи есть. И дѣдъ мой, князь Юрья Өедоровичъ Щербатовъ, не устранился у разгнѣваннаго государя, Петра Великаго, по царевичеву дѣлу, за родственника своего, ведомаго на казнь, прощеніе просить, прося, что если не учинено будетъ милосердіе, дабы его самого, въ старыхъ лѣтахъ сущаго, лишить жизни, да не увидятъ очи его безчестія роду и имени своего, и пощаду родственнику своему испросилъ.

Такая тѣсная связь между родовъ обуздывала страсти юношей, которые не токмо бывъ воспитываемы въ совершенномъ почтеніи и безпрекословномъ повиновеніи къ ихъ родителямъ, обязаны были почитать всѣхъ старшихъ своего рода и въ нихъ обрѣтали строгихъ надзирателей своихъ поступковъ такъ, какъ защитниковъ во всякомъ случаѣ. Самые, еще хотя мало остающіеся, обычаи нынѣ сіе свидѣтельствуютъ, которые въ младости моей помню, яко священные законы хранились, чтобъ молодые люди каждый праздникъ пріѣзжали по утрамъ къ ихъ старшимъ родственникамъ для изъявленія почтенія ихъ; и чтобъ ближніе родственники и свойственники съѣзжались загавливаться и разгавливаться къ старшему.

Самые самовластнѣйшіе государи принуждены иногда бываютъ послѣдовать умоначертанію своего народа; такъ наши государи и послѣдовали утверждать сіи обычаи, не токмо снисходя на просьбы благородныхъ, но также производя, предпочтительно предъ другими, изъ знатнѣйшихъ родовъ, и мы находимъ въ родѣ князей Репниныхъ, что многіе изъ стольниковъ, миновавъ чинъ окольничаго, прямо въ бояре были жалованы. Преимущество сіе, часто и младымъ людямъ учиненное, могло бы подать причину подумать, что оное обращалося въ обиду другимъ; но сего не было, ибо не по однимъ чинамъ тогда благородныхъ почитали, но и по рожденіямъ ихъ, и тако чины давали токмо должности, а рожденіе пріобрѣтало почтеніе.

Въ возмездіе за такое снисхожденіе государей получали они, что находили въ благородныхъ—вѣрныхъ, усердныхъ и твердыхъ слугъ. Потщуся я нѣсколько мнѣ извѣстныхъ примѣровъ предложить. Аөонасій Нагой, бывъ посломъ въ Крыму и многое претерпѣвая отъ наглостей крымскихъ, хотя выбиваемъ былъ

ханомъ изъ Крыму, чувствуя нужду его пребыванія въ семъ полуостровѣ, объявилъ, что онъ развѣ связанный будетъ вывезенъ изъ Крыму, а безъ того не поѣдетъ, хотя бы ему смерть претерпѣть. Князь Борисъ Алексѣичъ Голицынъ предпочелъ сохраненіе здоровья государева возвышенію своего рода, спасъ Петра Великаго во младенчествѣ, и винному родственнику своему пощаду живота испросилъ. Прозоровской, во время трудныхъ обстоятельствъ начала швецкія войны, соблюлъ великое число казны и государственныя вещи, повелѣнныя государемъ изломать и перебить въ монету, утаилъ, давъ вмѣсто ихъ собственное свое серебро, и, при благополучнѣйшихъ обстоятельствахъ, когда государь самъ сожалѣлъ о истребленіи сихъ вещей, цѣлыя, не желая никакого возмездія, возвратилъ. Борисъ Петровичъ Шереметевъ судъ царевичевъ не подписалъ, говоря, что «онъ рожденъ служить своему государю, а не кровь его судить» и не устрашился гнѣва государева, которой нѣсколько времени на него былъ, яко внутренне на доброжелателя несчастнаго царевича. Князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ, многія дѣла, государемъ подписанныя, останавливалъ, дая ему всегда справедливые совѣты, и гнѣвъ государской за частое его противоборство воли его, на почтеніе обращалъ; а тѣмъ открывалъ путь обще и къ славѣ своего государя и къ блаженству народному. Сіи были остатки древняго воспитанія и древняго правленія.

III.

Воззримъ же теперь, какія перемѣны учинила въ насъ нужная, но, можетъ быть, излишняя перемѣна Петромъ Великимъ, и какъ отъ оныя пороки зачали вкрадываться въ души наши, даже какъ, царствованіе отъ царствованія, они, часъ отъ часу, вмѣстѣ съ сластолюбіемъ возрастая, дошли до такой степени, какъ выше о нихъ упомянулъ. Сіе сочинитъ купно исторію правленій и пороковъ.

Петръ Великій, подражая, чужестраннымъ народамъ, не токмо тщился ввести познаніе наукъ, искусствъ и ремеслъ, военное порядочное устроеніе, торговлю и приличнѣйшія узаконенія въ свое государство, также старался ввести и таковую люцкость, сообщеніе и великолѣпіе, о коемъ ему сперва Лефортъ натвер-

дилъ, а потомъ которое и самъ онъ усмотрѣлъ. Среди нужныхъ установленій законодательства, учрежденія войскъ и артиллеріи, не меньше онъ прилагалъ намѣреніе являющіеся ему грубые древніе нравы смягчить. Повелѣлъ онъ бороды брить, отмѣнилъ старинныя русскія одѣянія, и вмѣсто длинныхъ платьевъ заставилъ мужчинъ нѣмецкіе кафтаны носить, а женщинъ, вмѣсто тѣлогрѣй — бостроги, юбки, шлафорки и самары, вмѣсто подкалковъ—фонтанжами и корнетами голову украшать. Учредилъ разныя собранія, гдѣ женщины, до сего отдаленныя отъ сообщенія мужчинъ, вмѣстѣ съ ними при веселіяхъ присутствовали. Пріятно было женскому полу, бывшему почти до сего невольницами въ домахъ своихъ, пользоваться всѣми удовольствіями общества, украшать себя одѣяніями и уборами, умножающими красоту лица ихъ и оказующими ихъ хорошій станъ; не малое же имъ удовольствіе учинило, что могли прежде видѣть съ кѣмъ на вѣкъ должны совокупиться, и что лица жениховъ ихъ и мужей уже непокрыты стали колючими бородами. А съ другой стороны пріятно было младымъ и незаматерѣлымъ въ древнихъ обычаяхъ людямъ вольное обхожденіе съ женскимъ поломъ, и что могутъ напередъ видѣть и познать своихъ невѣстъ, на которыхъ прежде, повѣря взору родителей ихъ, женивались. Страсть любовная, до того почти въ грубыхъ нравахъ незнаемая, начала чувствительными сердцами овладѣвать, и первое утвержденіе сей перемѣны отъ дѣйствія чувствъ произошло. А сіе самое и учинило, что жены, до того нечувствующія своей красоты, начали силу ея познавать, стали стараться умножать ее пристойными одѣяніями и болѣе предковъ своихъ распростерли роскошь въ украшеніи. О, коль желаніе быть приятной дѣйствуетъ надъ чувствіями женъ. Я отъ вѣрныхъ людей слыхалъ, что тогда въ Москвѣ была одна только уборщица для волосовъ женскихъ, и ежели къ какому празднику когда должны были младыя женщины убираться, тогда случалось, что она за трои сутки нѣкоторыхъ убирала, и онѣ принуждены были до дня выѣзда сидя спать, чтобы убору не испортить. Можетъ быть сему не повѣрятъ нынѣ, но я паки подтверждаю, что я сіе отъ толь вѣрныхъ людей слышалъ, что въ семъ сумнѣваться не должно. Естли страсть быть пріятной такое дѣйствіе надъ женами производила, не могла она не имѣть дѣйствія и надъ мужчинами, хотящими имъ

угоднымъ быть, то тоже тщаніе украшеній туже роскошь рождало. И уже престали довольствоваться однимъ или двумя длинными платьями, но многія съ галунами, съ шитьемъ и съ пондеспанами дѣлать начали.

Колико самъ государь ни держался древней простоты нравовъ въ своей одеждѣ, такъ что кромѣ простыхъ кавтановъ и мундировъ никогда богатыхъ не нашивалъ, и токмо для коронаціи императрицы Екатерины Алексѣевны, своей супруги, сдѣлалъ голубой гродетуровой кавтанъ съ серебрянымъ шитьемъ; да, всказываютъ, еще у него былъ другой кавтанъ дикій съ золотымъ шитьемъ, не знаю, для какого знатнаго же случая сдѣланный. Протчее все было такъ просто, что и бѣднѣйшій человѣкъ нынѣ того носить не станетъ, какъ видно по оставшимъ его одеждамъ, которыя хранятся въ куншъ-камерѣ при императорской академіи наукъ. Манжетъ онъ не любилъ и не нашивалъ, яко свидѣтельствуютъ его портреты; богатыхъ экипажей не имѣлъ, но обыкновенно ѣзжалъ въ городъ въ одноколкѣ, а въ дальнемъ пути въ качалкѣ. Множества служителей и придворныхъ у него не было, но были у него деньщики, и даже караулу, окромѣ какъ полковника гвардіи, не имѣлъ. Однако при такой собственно особѣ его простотѣ, хотѣлъ онъ, чтобы подданные его нѣкоторое великолѣпіе имѣли. Я думаю, что сей великій государь, который ничего безъ дальновидности не дѣлалъ, имѣлъ себѣ въ предметѣ, чтобъ великолѣпіемъ и роскошію подданныхъ побудить торговлю, фабрики и ремеслы, бывъ увѣренъ, что при жизни его, излишнее великолѣпіе и сластолюбіе не утвердитъ престола своего при царскомъ дворѣ*). И тако мы находимъ, что онъ побуждалъ нѣкоторое великолѣпіе въ платьяхъ, какъ видимъ мы, что во время торжественнаго входу, послѣ взятія Азовскаго, генералъ-адмиралъ Лефортъ шелъ въ красномъ кафтанѣ съ галунами по швамъ и другіе генералы также богатые кафтаны имѣли, ибо тогда генералы мундировъ ненашивали. Богатые люди, изъ первосановниковъ его двора, или которые благодѣяніями его были обогащены, какъ Трубецкіе, Шереметевъ и Меншиковъ, въ торжественные дни уже старались богатыя имѣть платья. Парчи и галуны стали какъ у женъ, такъ

*) Слѣдующія слова въ подлинникѣ зачеркнуты: «до тѣхъ мѣстъ никогда оно въ подданныхъ до излишности не дойдетъ». Ред.

и у мужей во употребленіи, и хотя нечасто таковыя платья надѣвали, моды хотя долго продолжались, однако онѣ были, и по достатку своему оные уже ихъ чаще, нежели при прежнихъ обычаяхъ дѣлали. Вмѣсто саней и верховой ѣзды и вмѣсто колымагъ, нетерпящихъ украшеній, появились уже кареты и коляски; начались уже цуги, которыхъ до того не знали и приличныя украшенія къ симъ экипажамъ. Служители передѣты на нѣмецкій манеръ, не въ разноцвѣтныхъ платьяхъ стали наряжаться, но каждый по гербу своему или по изволенію дѣлалъ имъ ливреи, а офисьянты, которыхъ тогда еще весьма мало было, еще въ разноцвѣтныхъ платьяхъ ходили *).

Касательно до внутренняго житья, хотя самъ государь довольствовался самою простою пищею, однако онъ ввелъ уже въ употребленіе прежде незнаемые въ Россіи напитки, которые предпочтительно другимъ пивалъ, то-есть, вмѣсто водки домашней, сиженой изъ простаго вина, водку голландскую анисовую, которая приказной называлась, и вины: ермитажъ и венгерское, до того незнаемыя въ Россіи.

Подражали ему его и вельможи и тѣ, которые близко были ко двору, да и въ самомъ дѣлѣ надлежало имъ сіе имѣть, ибо государь охотно подданныхъ своихъ посѣщалъ, то подданный чего для государя не сдѣлаетъ. Правда, сіе не токмо ему было угодно, но, напротиву того, онъ часто за сіе гнѣвался, и не токмо изъ простаго вина подслащенную водку, но и самое простое вино пивалъ; но и собственное желаніе удовольствія, до того имъ незнаемаго, превозмогло и самое запрещеніе государево, дабы послѣдовать его вкусу. Уже въ домахъ завелися не токмо анисовая приказная водка, но и гданскія, вины не токмо старинныя, о коихъ выше помянулъ, но также ермитажъ, венгерское и нѣкоторыя другія. Правда, что еще ихъ сначала весьма бережливо подавали, и въ посредственныхъ домахъ никогда въ обыкновенные столы употребляемы не были, но токмо во время праздниковъ и пиршествъ, да и тутъ не стыдились, принесши четвертную или сулею запечатанную и наливъ изъ нея по рюмкѣ, опять запечатавъ, на погребъ отослать.

---

*) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «Тако вельможи начали въ водить сластолюбіе, благопристойность, спокойствіе грацкой жизни, и наконецъ сластолюбіе, и....» **) Зачеркнуто: «простой». Ред.

Однако, хотя самъ не любилъ и не имѣлъ времени при дворѣ своемъ дѣлать пиршества, то оставилъ сіе любимцу своему, князю Меншикову, который часто оные, какъ въ торжественные дни, такъ и для чужестранныхъ министровъ съ великимъ великолѣпіемъ, по тогдашнему времени, чинилъ. Имѣлъ для сего великій домъ, не токмо на то время, но и въ нынѣшнѣе, ибо въ оный послѣ кадетскій сухопутный корпусъ былъ помѣщенъ, и слыхалъ я, что часто государь, видя изъ дворца своего торжество и пиршество въ домѣ его любимца, чувствовалъ удовольствіе, говоря, вотъ какъ Данилычъ веселится. Равно ему подражая, такъ и бывъ обязаны самыми своими чинами, другіе первосановники имперіи также имѣли открытые столы, какъ генералъ-адмиралъ графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, канцлеръ графъ Гаврила Ивановичъ Головкинъ, и бояринъ Тихонъ Никитичъ Стрешневъ, которому, поелику онъ оставался первымъ правителемъ имперіи во время отсутствія въ чужіе края императора Петра Великаго, на столъ и деревни были даны.

Симъ знатнымъ людямъ и низшіе подражая, уже во многихъ домахъ открытые столы сіи завелися и столы не такіе, какъ были старинные, то-есть, что токмо произведенія домостройства своего употреблялись, но уже старались чужестранными приправами придать вкусъ добротѣ мясъ и рыбъ. И конечно въ такомъ народѣ, въ коемъ странноприіимство сочиняло всегда отличную добродѣтель, не трудно было въ вестись въ обычаи таковыхъ открытыхъ столовъ употребленіе; что соединяяся и съ собственнымъ удовольствіемъ общества, и съ лутчимъ вкусомъ кушанья противу старинняго, самымъ удовольствіемъ утверждалось.

Не непріятель былъ Петръ Великій честному обществу, но хотѣлъ, чтобъ оно безъубыточно каждому было. Онъ учредилъ ассамблеи, на которыя въ назначенные дни множество собиралось. Но симъ ассамблеямъ предписалъ печатными листами правила, что должно на столъ поставлять, и какъ принимать пріѣзжихъ, симъ упреждая и излишнюю роскошь и тягость высшихъ себѣ принимать; ибо общество не въ обжираніи и опиваніи состоитъ и не можетъ оно быть пріятно, гдѣ нѣтъ равности.

Самъ часто государь присутствовалъ въ сихъ ассамблеяхъ и строго наблюдалъ, чтобы предписанное исполнялось.

Но слабы были сіи преграды, когда вкусъ, естественное сластолюбіе и роскошь стараются поставленную преграду разрушить, и гдѣ неравность чиновъ и надежда получить что отъ вельможъ, истребляютъ равность. Съ присудствіемъ государевомъ учиненныя имъ предписаньи сохранялись въ ассамблеяхъ, но въ простомъ житьѣ роскошь и униженіе утверждали свои корни.

И подлинно мы видимъ, что тогда зачали уже многіе домы упадать, и упадающіе ожидать отъ милости государской и отъ защищенія вельможъ своего подкрѣпленія. Изъ первыхъ знатныхъ домовъ, мнѣ случалось слышать о упадшемъ домѣ князя Ивана Васильевича Одоевскаго, котораго домъ былъ на Тверской, тотъ самый, который послѣ сего былъ Василія Өеодоровича Салтыкова, потомъ Строгонова, а нынѣ за князь Алексѣемъ Борисовичемъ Голицынымъ состоитъ, въ приходѣ у Спаса. Сей князь Одоевскій неумѣреннымъ своимъ сластолюбіемъ такъ разорился, что продавъ всѣ деревни, оставилъ себѣ токмо нѣкоторое число служителей, которые были музыканты и сіи, ходя въ разныя мѣста играть и получая плату, тѣмъ остальное время жизни его содержали. Во истину, при древней простотѣ нравовъ, музыканты не нашли бы довольно въ упражненіи своемъ прибыли, чтобы и себя и господина своего содержать.

Я сказалъ о семъ князѣ Одоевскомъ, яко о разорившемся человѣкѣ, но и многіе другіе, естли не въ разореніе отъ сей перемѣны жизни пришли, то по крайности чувствовали немалую нужду. Дабы умолчать о прочихъ, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, фельдмаршалъ, именитый своими дѣлами, обогащенный милостію монаршею, принужденъ однако былъ впередъ государево жалованье забирать, и съ долгомъ симъ скончался, яко свидѣтельствуетъ самая его духовная. И послѣ смерти жена его подавала письмо государю, что она отъ исковъ и другихъ убытковъ пришла въ разореніе.

Перемѣнившійся такимъ образомъ родъ жизни, вначалѣ первосановниковъ государства, а въ подражанія ихъ и другихъ дворянъ, и расходы достигши до такой степени, что стали доходы

превозвышать, начали люди наиболѣе привязываться къ государю и къ вельможамъ, яко во источникамъ богатства и вознагражденей. Страшусь я, чтобы кто не сказалъ, что по крайней мѣрѣ сіе добро произвело, что люди наиболѣе къ государю стали привязываться. Нѣсть, сія привязанность нѣсть благо, ибо она не точно къ особѣ государской была, но къ собственнымъ своимъ пользамъ; привязанность сія учинилась не привязанность вѣрныхъ подданныхъ, любящихъ государя и его честь и соображающихъ все съ пользою государства, но привязанность рабовъ наемщиковъ, жертвующихъ все своимъ выгодамъ и обманывающихъ лестнымъ усердіемъ своего государя.

Грубость нравовъ уменьшилась, но оставленное ею мѣсто лестью и самствомъ наполнилось. Оттуда произошло раболѣпство, презрѣніе истины, обольщеніе государя и прочія зла, которыя днесь при дворѣ царствуютъ и которыя въ домахъ вельможей вогнѣздились. Не сокрылся сей порокъ отъ остроумнаго монарха и сей государь, строгъ и справедливъ до крайности, старался сколько можно лесть отгонять; яко случилось, какъ я слыхалъ, что одинъ изъ знаемыхъ ему офицеровъ, бывъ съ нимъ на асамблеѣ, выхвалялъ свое усердіе къ государю, говоря, что онъ во всякомъ случаѣ готовъ за него умереть. Услышавъ сіе, государь ему говорилъ, что ни онъ не желаетъ, ни должность его ему не повелѣваетъ, чтобъ онъ хотѣлъ, не разбирая случая, для него умереть, но требуетъ токмо того, чтобъ въ случаѣ нужды или опасности его особы, что не можетъ быть не соединено съ пользою государственною, онъ расположенъ былъ пожертвовать своею жизнію. Офицеръ, хотя наиболѣе показать свое усердіе, зачалъ паки утверждать, что онъ сіе готовъ учинить всякій часъ, когда угодно будетъ государю. Остроумный монархъ, ничего не отвѣчавъ, взявъ его руку, палецъ поднесъ къ горячей свѣчѣ и зачалъ его жечь; отъ боли офицеръ зачалъ силиться выдернуть руку. Тогда ее опустя, сказалъ ему государь, что когда онъ малой боли обожженія пальца вытерпѣть не могъ, не по нуждѣ, но по волѣ государя, то какъ онъ толь щедро обѣщаетъ съ радостію и все тѣло свое безъ нужды пожертвовать?—Другой случай, слышанный же мною, доказуетъ, коль любилъ государь истинну. Захаръ Данилычъ Мешуковъ, бывшій поручикомъ во флотѣ, прежде 1718 года, лю-

бимый государемъ, яко первый русскій, въ которомъ онъ довольно знанія въ мореплаваніи нашелъ, и первый, который командовалъ уже фрегатомъ. Бывъ на единомъ пиршествѣ съ государемъ въ Кронштатѣ и напившися нѣсколько пьянъ, сталъ размышлять о лѣтахъ государя, о оказуемщемся слабомъ его здоровьи и о наслѣдникѣ, какого оставляетъ, вдругъ заплакалъ. Удивился государь, возлѣ котораго онъ сидѣлъ, о текущихъ его слезахъ, любопытно спрашивалъ причину оныхъ. Мешуковъ отвѣтствовалъ, что онъ размышлялъ, что мѣсто, гдѣ они сидятъ, градъ столичный, близъ построенный, флотъ заведенный, множество русскихъ, входящихъ въ мореплаватели, самый онъ, служившій во флотѣ и ощущающій его милости,—суть дѣянія рукъ его; то, взирая на сіе и примѣчая, что здоровье его государя и благодѣтеля ослабѣваетъ, не могъ отъ слезъ удержаться, прилагая притомъ простою рѣчью: «на кого ты насъ оставишь?» Отвѣтствовалъ государь: «у меня есть наслѣдникъ», разумѣя царевича Алексѣя Петровича. На сіе Мешуковъ съ-пьяна и неосторожно сказалъ: «охъ! вить онъ глупъ, все разстроитъ».

При государѣ сказать такъ о его наслѣдникѣ, и сіе не тайно, но предъ множествомъ предсѣдящихъ. Что-жъ сдѣлалъ государь? Почувствовалъ онъ вдругъ дерзость, грубость и истину и удовольствовался, усмѣхнувшись, ударить его въ голову, съ приложеніемъ: «дуракъ, сего въ бесѣдѣ не говорятъ».

Но не взирая на таковое любленіе истины, ни на отвращеніе его ото льсти, не могъ государь вкрадывающійся сей ядъ искоренить. Большая часть окружающихъ его ни въ чемъ не смѣли ему противурѣчить, но паче льстили, хваля все сдѣланное имъ и не противурѣча его изволеніямъ, а иные и угождая страстямъ его. Хотя онъ знатнымъ образомъ никогда обманутъ и не былъ, однако князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ никогда не нашелъ въ супротивленіяхъ своихъ государю въ сенатѣ себѣ помощниковъ. И тщетно онъ суровыми и справедливыми своими предложеніями два опредѣленія, подписанныя государемъ, отмѣнилъ, — о привозѣ на перемѣнныхъ лошадяхъ провіанту въ Петербургъ на армію, и о набраніи посохи на содержаніи народномъ для дѣланія Ладожскаго канала; въ обоихъ сихъ случаяхъ, ни въ другихъ, никто соучастникомъ его твердости и справедливости быть не хотѣлъ. Единый самъ го-

сударь терпѣлъ его грубыя, но справедливыя предложенія, и хотя съ стѣсненіемъ сердца, превозмогая себя, на оныя соглашался. Я слышалъ отъ очевидныхъ свидѣтелей и Василій Никитичъ Татищевъ въ исторіи своей сіе вмѣстилъ, что бывшi государь въ Кронштатѣ, въ единомъ пиршествѣ, окружающіе его вельможи начали превозносить его хвалами, говоря, что онъ болѣе отца своего. Между таковыхъ похвальныхъ воплей единый кн. Я. Θ. Долгоруковъ въ молчаніи пребывалъ. Примѣтя сіе, государь требовалъ его мнѣнія. Сей остроумный и твердый мужъ не могъ вдругъ отвѣтствовать на такой вопросъ, гдѣ состояло сужденіе между царствующаго государя и его отца, обоихъ отличныхъ ихъ качествами. Взявъ нѣсколько времени подумать, сказалъ слѣдующее: исчислилъ онъ все подробно, что Петръ Великій сдѣлалъ для пользы отечества, исчислилъ его труды и подвиги и наконецъ сказалъ, коль великъ онъ есть во владыкахъ земныхъ; но, продолжая, говорилъ: «всѣ сіи труды, всѣ сіи установленія не утверждаютъ еще внутренняго спокойствія государства и безопасность гражданскую въ жизни и въ имѣніяхъ; отецъ же твой, говорилъ, при тихости нравовъ, начиналъ много, но паче всего, что онъ сдѣлалъ уложеніе, которое нынѣ, по перемѣнѣ обычаевъ, перемѣны требуетъ. Когда окончишь ты всѣ свои подвиги благими узаконеніями, тогда справедливо можно сказать, что весьма превзошелъ твоего отца». Государь возчувствовалъ всю справедливость его глаголовъ и согласіемъ своимъ мнѣніе его утвердилъ.

Чего-же ради никто другой ни въ бесѣдахъ, ни въ сенатѣ и нигдѣ индѣ таковой правды не говорилъ, какъ сей, безсмертія достойный, князь Долгоруковъ? Того ради, что они болѣе желали приобрѣсти милость государскую, нежели, говоря правду, его почтеніе. Желали чиновъ и имѣній, ибо въ самомъ дѣлѣ не видно, чтобы любимецъ его кн. Меншиковъ когда ему строгую правду представлялъ; чтобы Гаврила Ивановичъ Головкинъ, государственный канцлеръ, отвратилъ его отъ переписки съ Гилембурхомъ, съ Герцомъ и съ аглинскими и шотланскими сообщниками претендента; но Остерманъ, бывшій тогда въ маломъ чину и написавшій требуемое письмо, несовмѣстность сего поступка представилъ; чтобы Иванъ Мусинъ-Пушкинъ его отъ какого дѣла удержалъ; чтобы адмиралъ Апраксинъ,

имѣющій толикую повѣренность, что вопреки сказалъ государю, но всѣ токмо согласіе свое изъявляли и впускали вкорениться лести и рабству для собственныхъ своихъ прибытковъ, чему и самъ государь и князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ противуборствовали. А съ другой стороны духовный чинъ, который его не любилъ за отнятіе своей власти, гремѣлъ въ храмахъ божіихъ его панегириками. Между сими Прокоповичъ, который изъ духовенства, хотя нелюбви къ государю не имѣлъ, но былъ совершенно ослѣпленъ честолюбіемъ, яко въ другія царствованія ясно оказалъ, выспренній сей гласъ на хвалы государевы вознесъ. Достоинъ онъ былъ многихъ похвалъ, но желательно было бы, чтобы онѣ не отъ лести происходили, а похвалы Прокоповича, сего непостриженнаго монаха, сего честолюбиваго архіерея, жертвующаго законъ изволеніямъ Бирона, сего, иже не устыдился быть судьею Тайной Канцеляріи, бывъ архипастыремъ церкви божіей, были лестны, яко свидѣтельствуетъ его собственное сочиненіе «Правда воли монаршей», памятникъ лести и подобострастія монашескаго изволенію государскому.

Сказалъ я, что сластолюбіе и роскошъ могли такое дѣйствіе въ сердцахъ произвести; но были еще и другія причины, происходящія отъ самыхъ учрежденій, которыя твердость и добронравіе искоренили. Разрушенное мѣстничество (вредное впрочемъ службѣ и государству) и незамѣненное никакимъ правомъ знатнымъ родамъ, истребило мысли благородной гордости во дворянѣхъ; ибо стали не роды почтенны, а чины и заслуги и выслуги; и тако каждый сталъ добиваться чиновъ, а не всякому удастся прямыя заслуги учинить, то, за недостаткомъ заслугъ, стали стараться выслуживаться, всякими образами льстя и угождая государю и вельможамъ; а при Петрѣ Великомъ введенная регулярная служба, въ которую вмѣстѣ съ холопями ихъ писали на одной степени ихъ господъ въ солдаты и сіи первые, по выслугамъ, пристойнымъ ихъ роду людямъ, доходя до офицерскихъ чиновъ, учинялися начальниками господъ своихъ и бивали ихъ палками. Роды дворянскіе стали раздѣлены по службѣ такъ, что иной однородцевъ своихъ и вѣкъ не увидитъ. То могла ли остаться добродѣтель и твердость въ тѣхъ, которые съ юности своей отъ палки своихъ начальниковъ дрожали? которые инако какъ подслугами почтенія не могли пріобрѣсти, и бывъ

каждый безъ всякой опоры отъ своихъ однородцевъ, безъ соединенія и защиты, оставался единъ, могущій преданъ быть въ руки сильнаго?

Похвально есть, что Петръ Великій хотѣлъ истребить суевѣріи въ законѣ, ибо, въ самомъ дѣлѣ, не почтеніе есть Богу и закону суевѣріе, но паче руганіе; ибо приписывать Богу неприличныя ему дѣянія—сіе есть богохулить. Въ Россіи бороду образомъ божіимъ почитали и за грѣхъ считали ее брить, а чрезъ сіе впадали въ ересь антроморфитовъ. Чудеса, безъ нужды учиненныя, явленные образы, рѣдко доказанные, повсюду прославляли, привлекали суевѣрное богомоліе, и дѣлали доходы развратнымъ священнослужителямъ. Все сіе Петръ Великій тщился отвратить: указами повелѣлъ брить бороды, а духовнымъ регламентомъ положилъ преграду ложнымъ чудесамъ и явленіямъ, равно какъ и неблагопристойнымъ сборамъ при поставленныхъ на распутіяхъ образахъ. Зная, что законъ Божій есть къ сохраненію рода человѣческаго, а не къ истребленію его безъ нужды, благословеніемъ отъ Синода и отъ вселенскихъ патріарховъ учинилъ позволенно ѣсть мясо въ посты въ нуждѣ, а паче въ морской службѣ, гдѣ и безъ рыбы довольно люди къ скорбутики подвержены, повелѣвая самохотно жертвующихъ жизнію своею таковымъ воздержаніемъ, во время приключившихся имъ болѣзнямъ, въ воду кидать. Все сіе очень хорошо, окромѣ что послѣднее нѣсколько сурово.

Но когда онъ сіе учинилъ? тогда, когда народъ еще былъ непросвѣщенъ; и тако, отнимая суевѣріе у непросвѣщеннаго народа, онъ самую вѣру къ божественному закону отнималъ. И можно сказать, что сіе дѣйствіе Петра Великаго можно примѣнить къ дѣйствію неискуснаго садовника, который у слабаго дерева отрѣзываетъ водяныя, пожирающія его сокъ, вѣтви. Естли бы оно было корнемъ сильно, то сіе обрѣзыванье учинило ему произвести хорошія и плодовитыя вѣтви; но какъ оно слабо и больно, то урѣзаніе сихъ вѣтвей, которыя чрезъ способъ листьевъ своихъ, получающихъ внѣшнюю влагу, питали слабое дерево *); отнявъ ее, новыхъ плодовитыхъ вѣтвей не произвело, ниже сокомъ раны затянуло, и тутъ сдѣлались дупла, грозящіе погибелью древу.

*) Противъ этого мѣста стариннымъ почеркомъ, но не рукою кн. Щербатова, карандашомъ, на рукописи замѣчено: «крайне замѣчательно». Ред.

Такъ урѣзаніе суевѣрій и на самыя основательныя части вѣры вредъ произвело: уменьшилось суевѣріе, но уменьшилась и вѣра; исчезла рабская боязнь ада, но исчезла и любовь къ Богу и къ святому Его закону; а нравы, за недостаткомъ другого просвѣщенія, исправляемые вѣрою, потерявъ сію подпору, въ развратъ стали приходить.

Со всѣмъ почтеніемъ, которое я къ сему великому въ монархахъ и великому въ человѣкахъ въ сердцѣ своемъ сохраняю, со всѣмъ чувствіемъ моимъ, что самая польза государственная требовала, чтобы онъ имѣлъ, окромѣ царевича Алексѣя Петровича, законныхъ дѣтей преемниками его престола,—не могу я удержаться, чтобы не охулить разводъ его съ первою его супругою, рожденной Лопухиной, и второй бракъ, по постриженіи первой супруги, съ плѣнницею Екатериною Алексѣевною; ибо примѣръ сей нарушенія таинства супружества, ненарушимаго въ своемъ существѣ, показалъ, что безъ наказанія можно его нарушать. Пусть монархъ имѣлъ къ тому сильныя причины, которыхъ однако я не вижу, окромѣ склонности его къ Монсовымъ, и сопротивленіе жены его новымъ установленіямъ; но подражатели его имѣли ли государственныя причины подобное дѣлать? Павелъ Ивановичъ Егузинской, постригши первую свою жену и женясь на другой, рожденной Головкиной, имѣлъ ли государственныя причины стараться сохранять себѣ потомство, въ нарушеніе божественныхъ законовъ? Многіе и другіе сему подражали, и не токмо изъ вельможъ, но и изъ малочиновныхъ людей, яко князь Борисъ Солнцевъ-Засекинъ сіе учинилъ.

Итако, хотя Россія, чрезъ труды и попеченія сего государя, приобрѣла знаемость въ Европѣ и вѣсъ въ дѣлахъ; войска ея стали порядочнымъ образомъ учреждены, и флоты Бѣлое и Балтійское море покрыли, коими силами побѣдила давныхъ своихъ непріятелей и прежнихъ побѣдителей, поляковъ и шведовъ, приобрѣла знатныя области и морскія пристанища. Науки и художества, и ремесла въ ней стали процвѣтать, торговля начала ея обогащать, и преобразовались россіяне изъ бородатыхъ въ гладкіе, изъ долгополыхъ—въ короткополые, стали сообщительнѣе и позорища благонравныя извѣстны имъ учинились. Но тогда же искренняя привязанность къ вѣрѣ стала исчезать,

таинства стали впадать въ презрѣніе, твердость уменьшилась, уступая мѣсто нагло стремящейся лести, роскошъ и сластолюбіе положили основаніе своей власти, а симъ побуждено и корыстолюбіе, къ разрушенію законовъ и ко вреду гражданъ, начало проникать въ судебныя мѣста.

Таково есть состояніе, въ которомъ (не взирая на всѣ преграды, которыя собственною своею особою и своимъ примѣромъ полагалъ Петръ Великій для отвращенія отъ пороковъ) въ разсужденіи нравовъ осталася Россія по смерти сего великаго государя.

Воззримъ тацерь, колико при двухъ краткихъ царствованіяхъ Екатерины Первыя и Петра II, пороки сдѣлали шаговъ, дабы наиболѣе утвердиться въ Россіи.

IV.

Женскій полъобыкновенно болѣе склоненъ къ роскошамъ, нежели мужской, и тако видимъ мы, что императрица Екатерина Алексѣевна первая, еще при жизни супруга своего, Петра Великаго, имѣла уже дворъ свой: камеръ-геръ у нея былъ Монсъ, котораго излишняя роскошъ была первые знаки, доведшіе его до поносной смерти; камеръ-юнкеры ея были Петръ и Яковъ Ѳедоровичи Балковы, его племянники, которые также, при несчастіи его, отъ двора были отогнаны. Любила она и тщилась украшаться разными уборами и простирала сіе хотѣніе до того, что запрещено было другимъ женщинамъ подобныя ей украшенія носить, яко то убирать алмазами обѣ стороны головы, а токмо позволяла убирать лѣвую сторону; запрещено стало носить горностаевые мѣха съ хвостиками, которые одна она носила, а сіе не указомъ, не закономъ введенное обыкновеніе учинилось почти узаконеніе, присвояющее сіе украшеніе единой императорской фамиліи, тогда какъ въ нѣмецкой землѣ и мѣщанки его употребляютъ. А такое тщаніе не показуетъ ли, что если лѣта зачали убавлять ея красоту, то уборами, отличными отъ другихъ, тщилась оную превозвысить. Не знаю, справедливо ли сіе мнѣніе было, и прилично ли государю ежечасно, подобно какъ въ маскарадномъ платьѣ предъ подданными своими быть, яко бы не доставало ему другихъ украшеній, могущихъ его отличить. По возшествіи ея на престолъ, довольно

чуднымъ образомъ воспослѣдующемъ, ибо Петръ Великій *) не съ тѣмъ ее вѣнчалъ царскимъ вѣнцомъ, чтобы ее наслѣдницею своею учинить, ниже когда того желалъ; но, умирая, не назнача наслѣдника,—вельможи, а именно: князь Меншиковъ, зная слабость императрицы, Толстой, боясь мщенія отъ сына царевича Алексѣя Петровича, законнаго наслѣдника, за привезеніе и за смерть отца его, вопрося Ивана Ильича Мамонова, подполковника гвардіи: «надѣется ли онъ на согласіе гвардіи полковъ?» и, получа утвердительный отвѣтъ, предъ собранными полками ее самодержицею провозгласили. Тако взошла сія государыня на всероссійскій престолъ, дѣйствіе недостатку основательныхъ законовъ. И Петръ Великій еще не охладѣлъ мертвый, а уже не воля его, не право наслѣдственное и привязанность къ крови, но самовольное желаніе вельможъ рѣшило важнѣйшую вещь въ свѣтѣ, то-есть наслѣдство его престола.

Возшествіе ея такимъ образомъ на престолъ слѣдующія дѣйствія надъ нравами народными произвело. Она была слаба, роскошна во всемъ пространствѣ сего названія, вельможи были честолюбивы и жадны,—а изъ сего произошло, упражняясь въ повседневныхъ пиршествахъ и роскошахъ, оставила всю власть правительства вельможамъ, изъ которыхъ вскорѣ взялъ верхъ князь Меншиковъ. Пышность и сластолюбіе у двора его умножились; упала древняя гордость дворянская, видя себя управляема мужемъ хотя достойнымъ, но изъ подлости произшедшимъ, а мѣсто ея заступило раболѣпство къ сему вельможѣ, могущему все.

Краткое царствованіе сей императрицы, впрочемъ, большихъ перемѣнъ не могло учинить, окромѣ что вывозъ разныхъ драгоцѣнныхъ уборовъ и винъ весьма умножился, и сластолюбіе сіе во всѣ степени людей проникло, умножило нужды, а умножа нужды, умножило исканіе способовъ безъ разбору, дабы оныя наполнить.

Какое тогда состояніе было сына царевича Алексѣя Петровича, по несчастію отца своего, лишеннаго принадлежащаго ему наслѣдія? Онъ былъ въ юныхъ лѣтахъ; о воспитаніи его не помышляли, наслѣдникомъ престола его не признавали, и ниже моленія въ церквахъ о здравіи его было, якобы надлежало о

*) Зачеркнуто: «никогда, но...». Ред.

произшедшемъ отъ царскаго корня, и всѣ его поступки надзираемы были.

Дабы наиболѣе надзирать его поступки и примѣчать его слова и движенія, опредѣленъ былъ къ нему младый, умный и честолюбивый человѣкъ, князь Иванъ Алексѣичъ Долгоруковъ. Сей, примѣчая жизнь императрицы Екатерины Алексѣевны, и разсуждая, что неуповательно, чтобы двѣ дщери Петра Великаго, герцогиня Анна и цесаревна Елисавета, яко до браку рожденныя, могли на россійскій престолъ, послѣ матери своей, взойти, вмѣсто, чтобъ подъ видомъ служенія князю Петру Алексѣевичу, быть ему предателемъ, разсудилъ сыскать его къ себѣ милость и повѣренность. Въ единый день, нашедъ его единаго, палъ предъ нимъ на колѣни, изъясняя всю привязанность, какую весь родъ его къ дѣду его, Петру Великому, имѣетъ и къ его крови, изъяснилъ ему, что онъ по крови, по рожденію и по полу почитаетъ его законнымъ наслѣдникомъ россійскаго престола, прося, да увѣрится въ его усердіи и преданности къ нему. Таковыя изъясненія тронули сердце младаго, чувствующаго свое несчастіе князя. Тотчасъ довѣренность послѣдовала подозрѣніямъ, а послѣ и совершенная дружба, по крайней мѣрѣ со стороны князя Петра Алексѣича, сихъ младыхъ людей соединила.

Однако князь Меншиковъ, видя себя правителемъ государства и толь близко къ престолу, не могъ осмѣлиться желать оный себѣ приобрѣсти, зная, что никто изъ россіянъ не потерпитъ, чтобъ имѣя еще многихъ царскаго рода*), онъ могъ, произшедшій изъ низкихъ людей, похитить себѣ престолъ,— обратилъ мысли свои, естли не быть самому государемъ, то учиниться его тестемъ. Князь Петръ Алексѣевичъ, оставленный отъ всѣхъ и непризнанный наслѣдникомъ престола, ему показался быть къ сему удобнымъ орудіемъ. Но прежде онъ хотѣлъ обязаннаго ближнимъ родствомъ вѣнскаго двора мысли о семъ узнать, то-есть, чтобы и оный согласился оставить ему правленіе государства до возрасту императора и дочь свою за онаго выдать. По бывшимъ переговорамъ съ графомъ Вратиславомъ, посломъ цесарскимъ, на все сіе согласіе получилъ, и цесарской

*) Зачеркнуто: «его изъ подлости происшедшаго самодержцемъ своимъ приз.». Ред.

дворъ прислалъ 70 тысячъ рублевъ въ подарокъ госпожѣ Крамеръ, камеръ-фрау императрицы Екатерины Алексѣевны, дабы она ее склонила именовать по себѣ наслѣдникомъ князя Петра Алексѣича. И тако въ семъ случаѣ россійскій престолъ сталъ покупаться, и не близость крови, но избраніе прежде бывшей плѣнницы, внука Петра Великаго и правнука царя Алексѣя Михайловича на престолъ толь знатной имперіи возводило.

V.

Вскорѣ по именованіи своемъ наслѣдникомъ россійскаго престола, князь Петръ Алексѣевичъ, подъ именемъ императора Петра II,....*) лѣтъ, взошелъ по смерти императрицы Екатерины Алексѣевны. Сила и могущество князя Меншикова умножились; государь былъ въ юныхъ лѣтахъ, а сей вельможа, хотя не былъ именованъ регентомъ, но**) дѣйствительно таковымъ былъ. А сіе самое уже доказуетъ, колико упалъ духъ благородныхъ. При младенчествѣ царя Іоанна Васильевича, законной властію утвержденному совѣту для управленія во время малолѣтства государева, боярамъ, выбраннымъ изъ среды самихъ ихъ, изъ среды знатнѣйшихъ родовъ государства, повиноваться не хотѣли. И когда въ болѣзни своей царь Іоаннъ Васильевичъ хотѣлъ утвердить престолъ малолѣтному сыну своему, то, не хотя быть управляемы боярами, сыну государя своего присягать не хотѣли. Во время младенчества самого Петра Великаго, на случай Нарышкиныхъ негодовали; а се нынѣ изъ подлости происшедшему мужу, безъ всякаго законнаго утвержденія его власти, безспорно повиновались. Да разсудятъ посему,— вѣрность ли сіе было къ государю, или паденіе духу благороднаго?

Истина заставила меня сіе сказать, но я не могу, поелику мнѣ извѣстно, не похвалить поступокъ к. Меншикова. Онъ честолюбіемъ на мѣсто сіе былъ возведенъ; но управленіе его было хорошо, а паче попеченіе его о воспитаніи и наученіи младаго государя; часы были уставлены для наукъ, для слушанія дѣлъ, для разговоровъ и обласканія первосановниковъ государства и, наконецъ, часы для веселія. И можно сказать, что князь Меншиковъ былъ купно правитель государства и дядька государевъ. Еще бы похвальнѣе его поступокъ былъ, естли бы

*) Пропускъ въ подлинникѣ.

**) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «прямо былъ». Ред.

онъ не имѣлъ собственныхъ своихъ видовъ, а дѣлалъ бы сіе для пользы отечества и въ воздаяніе за то, чѣмъ онъ долженъ Петру Великому, дѣду царствующаго государя. Но онъ не имѣлъ толь героической души, и всѣ мысли его клонились, чтобы обручить дочь свою за младаго государя, что наконецъ, противу самой склонности государя, исполнено имъ было.

Посемъ приумножилъ свои старанія о воспитаніи и наученіи государя, взялъ его жить въ домъ свой, неотлучно при немъ пребывая и домъ князя Меншикова учинился дворецъ государевъ. Во время сіе содѣлалъ онъ два дѣла, которыя, присоединенныя къ противусклонности государевой обрученія его съ княжною Меншиковою, приключили, наконецъ, паденіе сего вельможи. Первое, былъ при государѣ учитель, родомъ венгерецъ, именемъ Зеикинъ. Сей противенъ учинился владычествующему министру и сего онъ, втайнѣ отъ государя, удалилъ. Хотя молчанію сіе предалъ государь, но не оставилъ подозрѣвать, отъ кого сей его наставникъ былъ удаленъ, не смѣя и вопрошать *) о немъ, дабы болѣе ему несчастія не приключить. Второе—принесено было отъ купечества нѣсколько тысячъ червонныхъ къ государю, были благосклонно приняты; но тогда случившаяся тутъ сестра государева, принцеса Наталья Алексѣевна, сихъ денегъ себѣ просила. Государь, который весьма любилъ сестру свою, приказалъ ихъ отнести еще тогда, какъ принесшіе ихъ купцы въ прихожей находились. Встрѣтился к. Меншиковъ съ несомыми сими деньгами въ комнату принцесы, ихъ немедленно возвратилъ и, пришедъ въ комнату государеву, представлялъ ему, что таковый, немедленно учиненный даръ принесенныхъ денегъ купцами, показываетъ презрѣніе къ онымъ и можетъ огорчить его подданныхъ. Можетъ быть представилъ ему и правила бережливости, какія Петръ Великій имѣлъ. Сіе огорчило государя и сестру его, а подало случай, наединѣ, любимцу его князю Ивану Алексѣевичу Долгорукову представить ему, какъ мала его есть власть. Кажется властолюбіе въ сердцахъ прежде всего родится, а паче въ сердцахъ монаршихъ, и тако сіе оскорбленіе, тѣмъ наивящее, что отмстить за него не могъ, на сердцѣ младаго монарха оставалось.

*) Зачеркнуты слова: «о семъ». Ред.

Однако приличными веселіями и удовольствіями, частыми съѣздами ко двору старался князь Меншиковъ благопристойнымъ образомъ въ праздные часы веселить своего государя и зятя. А примѣръ двора, разливаясь сперва на вельможъ, а потомъ и на другихъ гражданъ, чинилъ, что и они, по мѣрѣ достатка своего, а иногда и свыше, старались сообществомъ веселиться, и простота нравовъ исчезла.

Наконецъ приходило время паденія князя Меншикова, и произошло оно отъ слѣдующаго случая. Сей вельможа, всячески стараясь утѣшить своего государя и укрѣпить движеніемъ и трудами его тѣло, повезъ его со псовою охотою. Гоньба, травля и прочее, что веселитъ въ сей охотѣ, весьма полюбились младому государю. Часто князь Меншиковъ отъѣзжалъ въ мызу свою Ораининъ-боумъ, и случилось, что единожды, въ небытность его въ Петербургѣ, въ пасмурный и холодный день, государь поѣхалъ на поле. По возвращеніи своемъ, нашелъ онъ Меншикова весьма раздраженна сею ѣздою, который съ тою горячностію, каковая можетъ произойти отъ желанія сохранить его здоровье и отъ опасности потерею его лишиться толь великаго союза, ему представлялъ коль неразсудительно было въ пасмурное и холодное время ѣздить и здоровье свое подвергать. Хотя горячи были его изъясненія, но они отъ усердія происходили, однако младый государь ощущалъ только въ нихъ единую горячность и яко нарушеніе почтенія къ себѣ; однако скрылъ и то въ сердцѣ своемъ, и к. Иванъ Алексѣичъ Долгорукій, ищущій погибели Меншикова, дабы самому и родъ свой на ту степень возвести, не оставилъ паче очернить всѣ слова сего вельможи.

Помнится мнѣ, въ іюлѣ мѣсяцѣ поѣхалъ князь Меншиковъ въ мызу свою Оранинъ-боумъ для освященія созданныя имъ церкви. Сей ожидаемый уже давно случай и былъ употребленъ къ погубленію его. Государь, по совѣту к. Ивана Алексѣича Долгорукова, поѣхалъ въ Петергофъ, окруженъ гвардіей, и повелѣно было к. Меншикову сказать, чтобы онъ въ Петергофъ не ѣздилъ, а проѣхалъ бы прямо въ Петербургъ, гдѣ тогда же двору государеву велѣно было изъ дому к. Меншикова выбираться. Тщетно ниспадавшій сей министръ просилъ единыя милости, чтобы видѣть государя и оправданія свои принести; тщетно княжна Катерина Александровна, его дочь,

невѣста государева, писала къ великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, дабы она упросила государя, своего брата, прощеніе родителю ея. Первое, — понеже опасались, чтобъ сохраняемая нѣкая к. Меншиковымъ власть и сильныя его представленія не тронули сердце государево, и ему отказано было; а нелюбимыя невѣсты, отъ которой избавиться хотѣлъ самъ государь, просьбы также дѣйствіе не возымѣли, и князь Меншиковъ, по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, на завтрее былъ арестованъ и сосланъ въ ссылку. Тако ниспалъ сей пышный вельможа, примѣръ перемѣны и непостоянства щастія, изъ низкаго состоянія почти до трона дошедшій, и паки въ низость и нещастіе ввергнутый.

Посемъ Петръ Вторый началъ править самъ государствомъ, если можно назвать правленіемъ правленіе юноши государя. Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, другъ и наперсникъ государевъ, толь ему любимый, что даже на одной постелѣ съ нимъ сыпалъ, всемогущій учинился. Пожалованъ немедленно былъ въ оберъ-камеръ-геры, возложена на него была андреевская лента, пожалованъ въ капитаны гвардіи Преображенскаго полку гренадерской роты и всѣ родственники его были возвышены, правя по изволеніямъ ихъ всѣми дѣлами имперіи.

Престали науки государевы; министры лишь для виду были допускаемы; все твердое и полезное отгнались отъ двора, и пользуяся склонностію государевой къ охотѣ, она всѣхъ важныхъ упражненій мѣсто заняла. Однако, что погубило князя Меншикова, то не устрашило Долгорукихъ; они употребили стараніе, дабы имъ родственницу свою, княжну Екатерину Алексѣевну, дочь князя Алексѣя Григорьевича, сестру же князя Ивана Алексѣича, за государя обручить. И въ семъ обрученіи нѣчто странное было, ибо хотя обрученіе сіе было въ присутствіи всѣхъ и всего двора, но во время обрученія государь и его невѣста были окружены Преображенскаго полку гренадерами, которые кругъ ихъ, подъ начальствомъ своего капитана, князя Ивана Алексѣича Долгорукова, батальонъ каре составляли.

Князь Иванъ Алексѣичъ Долгоруковъ былъ молодъ, любилъ распутную жизнь, и всѣми страстями, каковымъ подвержены молодые люди, неимѣющіе причины обуздывать ихъ, былъ обла-

даемъ. Пьянство, роскошь, любодѣяніе и насиліе мѣсто прежде бывшаго порядка заступили. Въ примѣръ сему, ко стыду того вѣка, скажу, что слюбился онъ, или лучше сказать, взялъ на блудодѣяніе себѣ, между прочими, жену К. Н. Г. Т. рожденную Головкину, и не токмо безъ всякой закрытности съ нею жилъ, но при частыхъ съѣздахъ у К. Т. съ другими своими младыми сообщниками пивалъ до крайности, бивалъ и ругивалъ мужа, бывшаго тогда офицеромъ кавалергардовъ, имѣющаго чинъ генералъ-маіора и съ терпѣніемъ стыдъ свой отъ прелюбодѣянія своей жены сносящаго *). И мнѣ самому случилось слышать, что единожды бывъ въ домѣ сего кн. Трубецкаго, по исполненіи многихъ надъ нимъ ругательствъ, хотѣлъ наконецъ его выкинуть въ окошко, и если бы Степанъ Васильичъ Лопухинъ, свойственникъ государевъ по бабкѣ его Лопухиной, первой супруги Петра Великаго, бывшій тогда камеръ-юнкеромъ у двора и въ числѣ любимцевъ князя Долгорукова, сему не воспрепятствовалъ, то бы сіе исполнено было. Но любострастіе его одною или многими не удовольствовалось; согласіе женщины на любодѣяніе уже часть его удовольствія отнимало, и онъ иногда пріѣзжающихъ женщинъ изъ почтенія къ матери его, затаскивалъ къ себѣ и насиловалъ. Окружающіе его однородцы и другіе младые люди, самымъ распутствомъ дружбу его пріобрѣтшіе, сему примѣру подражали, и, можно сказать, что честь женская не менѣе была въ безопасности тогда въ Россіи, какъ отъ турковъ во взятомъ градѣ. Привычка есть и къ преступленіямъ, а сей былъ первый шагъ, которымъ жены выступили изъ скромности и тихова житія, которое отъ древнихъ нравовъ онѣ еще сохраняли.

Отецъ его, князь Алексѣй Григорьевичъ, человѣкъ посредственнаго разума и единственно страстенъ къ охотѣ—для коронаціи государей (sic) всегда бываютъ въ Москвѣ—то послѣ оной и присовѣтовалъ ему тамъ утвердить свое житіе, оставя навсегда Петербургъ. Пріѣхалъ дворъ въ Москву, но распутство непре-

---

*) Подъ выставленными буквами авторъ разумѣетъ графиню Настасью Гавриловну Головкину († 1735 г.), дочь государственнаго канцлера гр. Гавріила Ивановича Головкина († 1734 г.), бывшую въ замужествѣ за княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршаломъ. См. его записки въ «Русской Старинѣ», т. I, стр. 9 и 10. Ред.

стало; по мѣсяцу и по два отлученіе государево для ѣзды съ собаками, остановило теченіе дѣлъ; сила единаго рода учинила, что только искатели въ ономъ чины и милости получали, а другіе ужъ и къ грабежу народа приступали. Желаніе угодить роскошнымъ Долгорукимъ юношамъ, пиры со всею знаемою для нихъ роскошью дѣлали.

Воззримъ теперь, какія были сіи ѣзды государевы на охоту и какія были тамъ упражненія; ибо примѣръ двора великое дѣйствіе надъ образомъ мысли и всѣхъ подданныхъ имѣетъ. Ѣздилъ государь въ Боровскомъ, Коломенскомъ и другихъ уѣздахъ иногда и по мѣсяцу, ежедневно, не взирая ни на сырую погоду, ни на холодъ. Ѣзда съ собаками была отъ утра до вечера. Окромѣ что охота государева, при которой и сокольники находились и всѣ придворные, которые по неволѣ должны были охотниками сдѣлаться, во всей Россіи собранные знаемѣйшіе охотники дворяне, имѣли позволеніе быть при охотѣ государевой, то коль сіе должно было составить великую толпу людей и коликое множество собакъ. Всякій изъ сего себѣ представить можетъ, пощажены ли были тогда поля съ хлѣбомъ, надежда земледѣльца; стада скота хотя и отгонялись, но не могли ли иногда съ сею толпою собакъ встрѣтиться. А окружающіе государя вельможи, которые были тогда же и охотники, для удовольствія своего не представляли младому и незнающему государю, колико таковыя ѣзды вредъ земледѣлію наносятъ. Иззябши возвращался государь вечеру на квартеру; тутъ встрѣчала его невѣста, его княжна Долгорукова, со множествомъ женъ и дѣвицъ, и балъ начинался, который иногда гораздо поздно въ ночь былъ продолженъ. Младыя государева лѣта отъ распутства его сохраняли, но подлинно есть, что онъ былъ веденъ, чтобы со временемъ въ распутство впасть; а до тѣхъ мѣстъ любимецъ его к. Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ всѣмъ самъ пользовался, и утружденнаго охотою государя принуждалъ по неволѣ представляемыя ему веселія вкушать.

Наконецъ возвратился государь въ Москву изъ Коломенскаго уѣзду; новыя начался веселія; ежедневно медвѣжья травля, сажаніе зайцевъ, кулашные бои; съ веселіями придворными всѣ часы жизни его занимали, даже какъ простудяся занемогъ воспою; въ девятый день скончался и вся надежда Долгорукихъ,

яко скудельный сосудъ о твердый камень сокрушилась. Осталось токмо памяти сего царствованія, что неисправленная грубость съ роскошью и съ распутствомъ соединилась. Вельможи и вышніе впали въ роскошъ, а жены стыдъ, толь украшающій ихъ полъ, стали оный забывать, а нижніе граждане приобыкли льстить вельможамъ.

VI.

Однако по смерти Петра Втораго никого не было назначеннаго къ приятію россійскаго престола. Первостепенные вельможи собрались, дабы учинить важное рѣшеніе, кого во владыки толь великой части свѣта возвести. Коль ни дерзки, коль ни самолюбивы, однако не смѣли безъ взятія мнѣнія отъ именитѣйшихъ благородныхъ сего рѣшить. Разныя мнѣнія были подаваны. Иные представляли, что какъ вторая супруга Петра Великаго уже царствовала надъ Россіею, то надлежитъ взять изъ монастыря первую супругу Петра Великаго, и оную на престолъ возвести. Другіе представляли, что есть въ живыхъ двѣ дочери Петра Великаго, принцеса Анна (??), въ супружествѣ за герцогомъ Голштинскимъ, и принцеса Елисавета въ дѣвицахъ, и хотя онѣ и прежде браку рождены, но какъ уже законными признаны, то рожденіе ихъ не препятствуетъ взойти на россійскій престолъ. Третіи представляли принцесу Екатерину, герцогиню Мекленбургскую, старшую дочь царя Іоанна Алексѣевича. Наконецъ четвертые принцесу Анну, вдовствующую герцогиню Курляндскую.

Уже собиравшіеся вельможи предопредѣлили великое намѣреніе, ежели бы самолюбіе и честолюбіе оное не помрачило, то есть учинить основательные законы государству и власть государеву сенатомъ или парламентомъ ограничить. Но засѣданіе въ сенатѣ токмо нѣсколькимъ родамъ предоставили; тако уменьшая излишнюю власть монарха, предавали ее множества вельможамъ со огорченіемъ множества знатныхъ родовъ, и, вмѣсто одного, толпу государей сочиняли. Сіи вельможи прияли въ разсужденіе разныя выше предложенныя мнѣнія о наслѣдствѣ престола. Были многіе и дальновиднѣйшіе, которые желали возвести царицу Евдокію Өедоровну на россійскій престолъ, говоря, что какъ она весьма слабымъ разумомъ одарена, то силѣ учрежденнаго Со-

вѣта сопротивляться не можетъ, а чрезъ сіе дастъ время утвердиться постановляемымъ узаконеніямъ въ предосужденіе власти монаршей. Но на сіе чинены были слѣдующія возраженія: что законъ препятствуетъ санъ монашескій, хотя и по неволѣ возложенной, съ нея снять, и что она имѣвши множество родни Лопухиныхъ, къ коимъ весьма была привязана, родъ сей усилится, и можетъ для счастія своего склонить ее разрушить предполагаемыя постановленія. Дочерей Петра Великаго, яко незаконнорожденныхъ, отрѣшили. Принцесу Екатерину Іоанновну, герцогиню Мекленбургскую отрѣшили ради безпокойнаго нрава ея супруга и что Россія имѣетъ нужду въ покоѣ, а не мѣшаться въ дѣла сего герцога, по причинѣ его несогласія съ его дворянствомъ. И наконецъ думая, что толь знатное и нечаянно предложенное наслѣдство герцогинѣ Аннѣ Ивановнѣ, заставитъ искренно наблюдать полагаемыя ими статьи; а паче всего склонилъ всѣхъ на избраніе сіе князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, который къ ней особливую склонность имѣлъ и, можетъ быть, мнилъ, отгнавъ Бирона, его мѣсто заступить. Всѣ сіи на сіе согласилися и онъ самъ посланъ былъ съ пунктами призывать ее на престолъ россійскій, если будетъ обѣщаться и подпишетъ сіи предъ установляемые законы.

Герцогиня Анна не отреклася подписать уменьшающія россійскаго императора власть статьи, которыя ее возводили изъ герцогинь курляндскихъ въ россійскія императрицы и, поѣхавъ изъ Митавы, не доѣхавъ до Москвы за семь верстъ, остановилась въ селѣ Всесвяцкомъ, принадлежащемъ царевичу Грузинскому, въ его домѣ, во ожиданіи приуготовленія торжественнаго ея вшествія въ Москву. А тогда же было дано дозволеніе всѣмъ благороднымъ пріѣзжать въ оное село для принесенія своего поздравленія государынѣ. Долгорукіе знали, что множество благородныхъ были весьма недовольны учиненными ими статьями, которыя въ руки нѣкоторыхъ родовъ всю власть правительства вручали, и, сего ради, имѣли великую осторожность, дабы кто какой записки, подходя къ рукѣ, не подалъ, и, сего ради, всегда кто изъ Долгорукихъ стоялъ возлѣ государыни, повелѣвая всѣмъ, подходящимъ къ рукѣ, имѣть руки назади, не принимая руку монаршу на свою, какъ сіе обыкновенно есть.

И подлинно, еще прежде пріѣзда въ Москву императрицы

Анны, извѣстно было Долгорукимъ и другимъ, что нѣкоторымъ уменьшеніе власти монаршей противно было, яко сіе оказалось, что Павелъ Ивановичъ Егузинскій, генералъ-прокуроръ, зять же канцлера Гаврила Ивановича Головкина, послалъ тайно отъ себя офицера Петра Спиридоновича Сумарокова съ письмомъ, увѣщающимъ герцогиню Курляндскую не подписывать посланныя къ ней съ князь Васильемъ Лукичемъ пункты. Сіе письмо было онымъ княземъ Долгоруковымъ поймано, и онъ посланнаго немилосердо самъ билъ; о такомъ писаніи сообщилъ въ московской вельможъ совѣтъ, который и намѣрялся Павла Ивановича немедленно казнить; но предложенія князь Григорія Алексѣевича Долгорукова, (зачеркнуто: «превозмогло») чтобъ таковую счастливую перемѣну кровію подданнаго не обагрять, и онъ, впредь до рѣшенія, посаженъ былъ подъ жестокую стражу.

Сказалъ я уже выше, что духъ благородной гордости и твердости упалъ въ сердцахъ знатнорожденныхъ россіанѣхъ; и тако, хотя великая часть ощущала неудовольствіе, но никто ни къ чему смѣлому приступити не дерзалъ. Однако, естли не точно пользою отечества побуждены, то собственными своими видами, нашлися такіе, которые предпріяли разрушить сіе установленіе. Θеофанъ Прокоповичъ, архіепископъ Новгородскій, мужъ исполненный честолюбія, хотѣлъ себѣ болѣе силы и могущества приобрѣсти; Василій Никитичъ Татищевъ, человѣкъ разумный и предпріятельный, искалъ своего счастія; князь Антіохъ Дмитріевичъ, человѣкъ ученый, предпріятельный, но бѣдный, по причинѣ первороженія брата своего князя Дмитрія Дмитріевича, искалъ себѣ и почестей и богатства, которое и надѣялся симъ чрезъ умыселъ свой противу установленія получить и тѣмъ достигнуть еще до желанія его жениться на княжнѣ Варварѣ Алексѣевнѣ Черкасской, дочери и наслѣдницѣ князь Алексѣя Михайловича Черкасскаго, богатѣйшаго изъ россійскихъ благородныхъ. Сіи три, связанные дружбою, разумомъ и своими видами, учинили свое расположеніе для разрушенія сдѣланнаго Долгорукими узаконенія. Они, во-первыхъ, открылись въ семъ князь Алексѣю Михайловичу Черкасскому, человѣку, весьма недовольному Долгорукими, а паче за причиненныя ими оскорбленіи князь Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, его шурину. Сей человѣкъ, молчаливый, тихій, коего разумъ никогда ни въ вели-

кихъ чинахъ не блисталъ, но повсюду являлъ осторожность, не вошелъ точно самъ въ сей умыселъ, а довольствовался токмо стараться о мнѣніяхъ подданныхъ императрицѣ сообщить. Сіе онъ исполнилъ чрезъ свояченицу свою, Прасковью Юрьевну Салтыкову, супругу Петра Семеновича; но Салтыковы нѣсколько въ свойствѣ съ императрицею. Сія жена хитрая и нашла способъ, бывъ при надзираемой императрицѣ, наединѣ ей записку о начинающихся намѣреніяхъ сообщить.

Однако воспослѣдовала коронація и императрица Анна Іоанновна, не яко самодержавная, но яко подчиненная нѣкіимъ установленіямъ, была коронована. Долгорукіе и ихъ сообщники нѣсколько успокоились, мня, что сила клятвы, учиненной императрицею при коронаціи, воздержитъ ее сдѣлать какую перемѣну. Тщетная надежда. Императрица послѣ коронаціи своей не столь стала наблюдаема, а потому о продолженіи умыслу возвратить ей самодержавство удобнѣе извѣстія получала, а Прокоповичъ и Кантемиръ, сочиня челобитную отъ всѣхъ гражданъ, наспѣхъ, множеству недовольныхъ дали ее подписать и наконецъ вдругъ въ назначенный день, подъ предводительствомъ князя Черкасскаго, представъ на аудіенцію къ императрицѣ, подали ей челобитную, по прочтеніи которой, яко снисходя на желаніе народное, подписанные пункты были принесены, ею самою были разодраны, она самодержавной учинилась, а вскорѣ несчастіе Долгорукихъ послѣдовало.

Обстоятельства сіи, хотя казались бы и несовмѣстны съ описаніемъ состоянія нравовъ, однако естли кто прилежно разсмотритъ оные, то умоначертаніе народное и премѣны мыслей ясно усмотритъ; и такъ можно сказать, что бываемыя премѣны въ государствахъ всегда суть соединены съ нравами и умоначертаніемъ народнымъ. Воззримъ же теперь, какъ при правленіи сея императрицы наивяще упала твердость въ сердцахъ и какъ роскошь наиболѣе стала вкореняться, а для показанія сего надлежитъ разсмотрѣть, во-первыхъ, обычаи самой сей императрицы, второе—обычаи ея любимца Бирона, послѣ бывшаго герцогомъ Курляндскимъ, и его могущество, — и третье, состояніе двора; и какія были сдѣланы при сей государынѣ учрежденія въ разсужденіи великолѣпности онаго.

Императрица Анна не имѣла блистательнаго разума, но имѣ-

ла сей здравый разсудокъ, который тщетной блистательности въ разумѣ предпочтителенъ. Съ природы нраву грубаго, отчего и съ родительницею своею въ ссорѣ находилась и ею была проклята, какъ мнѣ извѣстно сіе по находящемуся въ архивѣ Петра Великаго одному письму отъ ея матери, отвѣтственному на письмо императрицы Екатерины Алексѣевны, чрезъ которое она прощаетъ дочь свою, сію императрицу Анну. Грубый ея природный обычай не смягченъ былъ ни воспитаніемъ, ни обычаями того вѣка, ибо родилась во время грубости Россіи, а воспитана была и жила тогда, какъ многія строгости были оказуемы; а сіе учинило, что она не щадила крови своихъ подданныхъ и смертную мучительную казнь безъ содроганія подписывала; а можетъ статься и еще къ тому была побуждаема и любимцемъ своимъ Бирономъ. Не имѣла жадности къ славѣ и потому новыхъ узаконеній и учрежденій мало вымышляла, но старалась старое учрежденное въ порядкѣ содержать. Довольно для женщины прилежна въ дѣлахъ и любительница была порядку и благоустройства, ничего спѣшно и безъ совѣту искуснѣйшихъ людей государства не начинала, отчего всѣ ея узаконенія суть ясны и основательны. Любила приличное великолѣпіе императорскому сану, но толико, поелику оно сходственно было съ благоустройствомъ государства. Не можно оправдать ее въ любострастіи, ибо подлинно, что бывшій у нея гофмейстеромъ Петръ Михайловичъ Бестужевъ имѣлъ участіе въ ея милостяхъ, а потомъ Биронъ и явно любимцемъ ея былъ, но наконецъ при старости своихъ лѣтъ является, что она его болѣе яко нужнаго друга себѣ имѣла, нежели какъ любовника.

Сей любимецъ ея Биронъ, возведенный ею въ герцоги Курляндскіе, при россійскомъ же дворѣ имѣющій чинъ оберъ-камергера, былъ человѣкъ, рожденный въ низкомъ состояніи въ Курляндіи, и сказываютъ, что онъ былъ берейторъ, которая склонность его къ лошадямъ до смерти его сохранялась. Впрочемъ былъ человѣкъ, одаренный здравымъ разсудкомъ, но безъ малѣйшаго просвѣщенія, гордъ, золъ, кровожаждущъ и непримирительный злодѣй своимъ непріятелямъ. Однако касающе до Россіи, онъ никогда не старался во время жизни императрицы Анны что либо въ ней приобрѣсти, и хотя въ разсужденіи Курляндіи снабжалъ ее сокровищами россійскими, однако зная, что онъ

тамъ отъ гордаго курляндскаго дворянства ненавидимъ, и что онъ инако, какъ сильнымъ защищеніемъ Россіи не можетъ сего герцогства удержать, то и той пользы пользамъ Россіи подчинялъ. Впрочемъ былъ грубъ, яко свидѣтельствуетъ единый его поступокъ, что ѣздивъ на малое время къ границамъ Курляндіи и нашедъ мосты худы, отчего и карета его испортилась, призвавъ сенаторовъ сказалъ, что онъ ихъ вмѣсто мостовинъ велитъ для исправленія мостовъ положить. Сіе перваго правительства присутствующіе, правительство, къ которому Петръ Великій толикое почтеніе имѣлъ, принуждены были отъ любимца чужестранца вытерпѣть безмолвственно. Толико уже упала твердость въ сердцахъ россіянъ.

Правленіе императрицы Анны было строгое, а иногда и тиранническое. За самыя малѣйшія дѣла сажали въ тайную канцелярію, и въ стѣнѣ содѣланныя казармы Петербургской крѣпости не довольны были вмѣстить сихъ несчастныхъ; казни были частые, яко Долгорукіе, бывъ прежде за тщаніе ихъ ограничить власть монаршу, были сосланы, а потомъ за ту же вину изъ Сибири привезены и переказнены въ Шлюсембурхѣ, а бывшій и не сосланъ князь Григорій Ѳедоровичъ (Серг. Григ.?) Долгоруковъ, назначенный уже въ польское посольство, за то, что увѣдано было, что Долгоруковы князь Алексѣй Григорьевичъ съ сыномъ и другіе сочинили духовную, которой якобы при смерти своей Петръ Второй признавалъ, что имѣлъ сообщеніе съ княжною Екатериною Алексѣевною и оставлялъ ее беременну, и сего ради, оказывалъ свое желаніе возвести ее на престолъ, — духовную сію переписывалъ, но тогда же, силою своихъ представленій учинилъ сіе безумное сочиненіе, безчещущее и княжну Долгорукову безъ всякія пользы, уничтожить, также смертную казнь токмо за переписку претерпѣлъ и учиненъ былъ указъ, дабы Долгорукихъ не производить. Было гоненіе и на родъ Голицыныхъ. Князь Дмитрій Михайловичъ, человѣкъ разумнѣйшій того вѣка, былъ сосланъ въ ссылку, и напрасное его осужденіе довольно видно по самому манифесту его сосланія. Дѣти его, князь Сергій Дмитріевичъ, дабы отдалить его отъ двора, посланъ былъ въ Казань губернаторомъ, а князь Алексѣй Дмитріевичъ, бывшій тогда уже штатскимъ дѣйствительнымъ совѣтникомъ, посланъ нижнимъ офицеромъ въ Кизляръ. Князь Петръ Ми-

хайловичъ Голицынъ, который и услуги Бирону показалъ, безъ всякаго суда изъ камеръ-геровъ посланъ былъ въ Нарымъ въ управители; а наконецъ Артемій Петровичъ Волынскій, оберъ-егеръ-мейстеръ, по единой его ссорѣ и непріязни Бироновой, былъ съ принужденіемъ въ томъ воли самой государыни, мучительными пытками пытанъ, а потомъ казненъ. Дѣло его толь мало доводило его до какого наказанія, что мнѣ случилось слышать отъ самой нынѣ царствующей императрицы, что она прочетши его съ прилежностію, запечатавъ, отдала въ Сенатъ, съ надписаніемъ, дабы наслѣдники ея прилежно прочитывали оное, и остерегались бы учинить такое неправосудное безчеловѣчіе.

Но можно сказать съ единымъ стихотворцемъ:

«На пышные верхи громъ чаще ударяетъ».

Хотя трепеталъ весь дворъ, хотя не было ни единаго вельможи, который бы отъ злобы Бирона не ждалъ себѣ несчастія, но народъ былъ порядочно управляемъ: не былъ отягощенъ налогами, законы издавались ясны, а исполнялись (стр.) въ точности; страшились вельможи подать какую причину къ несчастію своему, а не бывъ ими защищаемы, страшились и судьи что неправое сдѣлать, или здоимству коснуться. Былъ уставленъ Кабинетъ, гдѣ безъ подчиненія и безъ робости, одинъ другому каждый мысли свои изъяснялъ и осмѣливался самой государыни при докладахъ противурѣчить; ибо она не имѣла почти никогда пристрастія то или другое сдѣлать, но искала правды. И такъ, по крайней мѣрѣ лесть въ таковыхъ случаяхъ отогнана была; да можно сказать, и не имѣла она льстецовъ изъ вельможей, ибо просто послѣдуя законамъ, дѣла надлежащимъ порядкомъ шли. Лѣта же ея и болѣзни ей не оставляли время что другое предпріимать. Чины и милости всѣ по совѣту, или лучше сказать, по изволенію Бирона, герцога Курляндскаго, истекали; имѣла она для своего удовольствія нѣсколько женщинъ, а именно княгиню Аграфену Александровну Щербатову, къ которой, какъ по веселому ея нраву, такъ и по другимъ причинамъ, привязана была; Анну Өедоровну Юшкову и Маргариту Өедоровну Манахиню, которыхъ еще императрица знала въ молодости своей, когда онѣ были при дворѣ простыми дѣвушками. Любила шутовъ и дураковъ и были при ней: князь Никита Өедоровичъ Волконскій, Ба-

лакиревъ и князь Михайло Голицынъ, которые иногда и съ больными (sic) есть, шутками ее веселили. Се вящій знакъ деспотичества, что благороднѣйшихъ родовъ люди въ толь подлую должность были опредѣлены. Но вмѣсто ея, всѣ вельможи дрожали передъ Бирономъ; единый взглядъ его благороднѣйшихъ и именитѣйшихъ людей въ трепетъ приводилъ; но толь былъ грубъ и неприступенъ, что ниже и лести мѣста давалъ. Однако были нѣкоторые преданные, то-есть, графъ Остерманъ, котораго онъ другомъ почиталъ и уважалъ его по дѣламъ, принимая отъ него совѣты, и князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, оберъ-шталмейстеръ, угождалъ ему лошадьми; яко умный человѣкъ льстилъ ему словами, и яко веселый веселилъ иногда и государыню своими шутками, и часто содѣланныя имъ въ пьянствѣ продерзости, къ чему онъ склоненъ былъ, ему прощались; Петръ Ѳедоровичъ Балкъ шутками своими веселилъ государыню и льстилъ герцогу, но ни въ какія дѣла впущенъ не былъ.

Сказалъ уже я выше, что императрица Анна Ивановна любила приличное своему сану великолѣпіе и порядокъ, и тако дворъ, который еще никакого учрежденія не имѣлъ, былъ учрежденъ, умножены стали придворные чины, сребро и злато на всѣхъ придворныхъ заблистало, и даже ливрея царская сребромъ была покровенна; уставлена была придворная конюшенная канцелярія и экипажи придворные все могущее блистаніе того времени возъимѣли. Итальянская опера была выписана и спектакли начались, такъ какъ оркестръ и камерная музыка. При дворѣ учинились порядочныя и многолюдныя собранія, балы, торжества и маскарады.

А все вышписанное и показуетъ, какіе шаги обстоятельствами правленія и примѣрами двора злые нравы учинили. Жестокость правленія отняла всю смѣлость подданныхъ изъяснять свои мысли, и вельможи учинились не совѣтниками, но дакальщиками государевыми и его любимцевъ во всѣхъ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ имѣли причину опасаться противурѣчіемъ своимъ неудовольствіе приключить; любовь къ отечеству убавилась, а самство и желаніе награжденій возрасло. Великолѣпіе, введенное у двора, понудило вельможъ, а подражая имъ и другихъ умножить свое великолѣпіе. Оно уже въ платьяхъ, столахъ и

другихъ украшеніяхъ начинало изъ мѣры выходить, такъ что самою императрицею Анною примѣчено было излишнее великолѣпіе и изданнымъ указомъ запрещено было ношеніе золота и серебра на платьѣ, а токмо позволено было старое доносить, которыя платья и были запечатаваны.

Но тщетное приказаніе, когда самъ дворъ, а паче тогда по причинѣ сыновей герцога Курляндскаго, людей молодыхъ, въ сей роскошъ впалъ. Не токмо сей роскошъ видѣнъ былъ на торжественныхъ одѣяніяхъ придворныхъ и другихъ чиновъ людей, но даже мундиры гвардіи офицеровъ оный ощущали; а паче мундиры конной гвардіи, которые тогда были синіе съ красными обшлагами, выкладенные петлями и по швамъ широкимъ золотымъ галуномъ. Многіе изъ знатныхъ людей стали имѣть открытые столы, яко фельдмаршалъ графъ Минихъ, вице-канцлеръ графъ Остерманъ, хотя впрочемъ весьма умѣренно жилъ, Гаврила Ивановичъ Головкинъ, генералъ-адмиралъ графъ Николай Ѳедоровичъ Головинъ и другіе. Число разныхъ винъ уже умножилось и прежде незнаемыя шампанское, бургунское и капское стало привозиться и употребляться на столы.

Уже вмѣсто сдѣланныхъ изъ простаго дерева меблей стали не иныя употребляться какъ аглинскія, сдѣланныя изъ краснаго дорева мегагеня; домы увеличились, и вмѣсто малаго числа комнатъ уже по множеству стали имѣть, яко свидѣтельствуютъ сіе того времени построенныя зданія; зачали домы сіи обивать штофными и другими обоями, почитая неблагопристойнымъ имѣть комнаты безъ обои; зеркалъ, которыхъ сперва весьма мало было, уже во всѣ комнаты и большія стали употреблять. Экипажи тоже великолѣпіе возчувствовали и экипажи, богатыя, позлащенныя кареты, съ точеными стеклами, обитыя бархатомъ, съ золотыми и серебряными бахрамами; лучшія и дорогія лошади, богатыя, тяжелыя и позлащенныя и посребренныя шоры съ кутасами шелковыми и съ золотомъ или серебромъ, также богатыя ливреи стали употребляться. А паче таковой роскошъ былъ видѣнъ, ибо онъ по приказанію учиненъ, во время свадьбы принцесы Анны Мекленбургской, племянницы императрицыной, за принца Антона Ульриха Брауншвейскаго.

Всякій роскошъ приключаетъ удовольствіе и нѣкоторое спокойствіе, а потому и пріемлется всѣми съ охотою и по мѣрѣ

пріятности своей распространяется. А отъ сего отъ великихъ принимая малые повсюдова онъ началъ являться. Вельможи, проживаясь, привязывались болѣе ко двору, яко ко источнику милостей, а нижніе къ вельможамъ для той же причины.

Исчезла твердость, справедливость, благородство, умѣренность, родство, дружба, пріятство, привязанность къ божію и къ гражданскому закону и любовь къ отечеству; а мѣста сіи начинали занимать: презрѣніе божественныхъ и человѣческихъ должностей, зависть, честолюбіе, сребролюбіе, пышность, уклонность, раболѣпность и лесть, чѣмъ каждый мнилъ свое состояніе сдѣлать и удовольствовать свои хотѣніи. Однако между множества людей оставалось еще великое число, которые не бывъ толь близко у двора, сохраняли древнюю строгость нравовъ; и правосудіе, если не по склонности, но по крайней мѣрѣ, по страху казней, исполняемое еще въ довольномъ равновѣсіи вѣсы свои сохраняло. При таковыхъ обстоятельствахъ (по краткомъ правленіи принцесы Анны, вмѣсто сына Іоанна Брауншвейскаго, именованнаго наслѣдникомъ имперіи умирающею императрицею Анною) принцеса Елизавета, дщерь Петра Великаго и императрицы Екатерины, взошла на россійскій престолъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

(Окончаніе второй части).

ПЕРІОДЪ VI.

Возвращеніе въ Новоспасское.—Поѣздка въ Москву и Петербургъ.—Женитьба.—Первое представленіе оперы.

1834—1836 гг.

По возвращеніи въ Новоспасское, я подалъ прошеніе о паспортѣ за границу и получилъ его въ августѣ. Мое намѣреніе было ѣхать прямо въ Берлинъ, чтобы видѣть Марію, съ семействомъ которой и съ ней самой я былъ въ постоянной перепискѣ. Матушка уѣхала въ Петербургъ съ сестрой Елизаветой Ивановной, получивъ извѣстіе объ опасной болѣзни брата Евгенія Ивановича, который находился тогда въ Артиллерійскомъ училищѣ. Сестра Наталья Ивановна попросила меня довести Луизу до Берлина, на что я охотно согласился. Итакъ, я съ Луизой и человѣкомъ Яковомъ отправился въ Смоленскъ въ концѣ

августа; остановился у сестры Марьи Ивановны и мужа ея Дмитрія Степановича Стунѣева, и сейчасъ же взялъ подорожную до города Вильно, гдѣ Яковъ долженъ былъ меня оставить. Но тутъ вышло слѣдующее затрудненіе: паспортъ Луизы не былъ явленъ въ первомъ губернскомъ городѣ, по въѣздѣ ея въ Россію, а потому начальство въ Смоленскѣ не могло выдать ей паспорта на проѣздъ, и для полученія такого надлежало ѣхать въ Петербургъ. Мнѣ было досадно, но между тѣмъ не хотѣлось, давши слово, бросить Луизу, и не хотѣлось тоже ѣхать въ Петербургъ.

Погода была превосходная, и Стунѣевъ уговорилъ меня къ тому тѣмъ болѣе, что я надѣялся успѣть еще до зимы добраться до Берлина; но судьба опредѣлила иначе.

Прибывъ въ Петербургъ, я остановился у Алексѣя Степановича Стунѣева; у него же остановилась и матушка съ сестрой. Братъ уже скончался. Первыя, попавшіяся мнѣ по пріѣздѣ, лица были: Луиза, которая чесала волосы миловидной дѣвушкѣ. Это была Марья Петровна Иванова, сестра Софьи Петровны, жены Алексѣя Стунѣева. Въ Берлинѣ сестра Nathalie и зять говорили, что покойный отецъ иногда въ шутку называлъ ее своей невѣсткой. Нечувствительно я началъ увлекаться миловидностію и нѣкоторою врожденной граціей Марьи Петровны, и не спѣшилъ отъѣздомъ, хотя матушка купила мнѣ карету для избѣжанія осенней сырости въ пути. Нѣмка приревновала меня къ Марьѣ Петровнѣ и все утверждала, что я кончу тѣмъ, что женюсь на ней.

Матушка съ сестрой отправились обратно въ деревню, а я остался у Стунѣева, который отдалъ мнѣ свой кабинетъ.

Наконецъ 1-го октября ночью выпалъ снѣгъ; зимній путь установился и я рѣшительно остался въ Петербургѣ.

Все нужное для отправленія Луизы обратно въ Берлинъ, было устроено къ крайней ея досадѣ. Забавно только то, что собираясь въ путь, она во всемъ Петербургѣ не могла отыскать себѣ башмаковъ по ногѣ; всѣ были малы для ея огромной ноги.

У Алексѣя Стунѣева была страсть прислуживаться докторами. Сперва отдалъ онъ меня на руки Вольскому, но удачи не было; тогда онъ повезъ меня къ генералъ-штабъ-доктору Гасвскому, который нашелъ, что я въ магнетическомъ состояніи и совѣтовалъ употребленіе магнетизма, чтобы помочь этому со-

стоянію нервной системы (pour me démagnetiser). Избранный для сего докторъ Лихтенштедъ не охотно согласился, говоря, что онъ убѣдился, сколь ненадежно прибѣгать къ магнетизму. И дѣйствительно, во время магнетизированія я стоналъ отъ мучительныхъ ощущеній, а послѣ третьяго сеанса надо было прекратить опыты, потому что нервы раздражились до жесточайшей степени. Я снова обратился къ гомеопатіи, и извѣстный въ то время докторъ Германъ значительно помогъ мнѣ. Около двухъ лѣтъ продолжалъ я лечиться гемеопатически и строго соблюдалъ предписанную діэту.

Алексѣй Стунѣевъ страстно любилъ музыку, въ особенности романсы. Жили мы въ домѣ, принадлежавшемъ къ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, на Вознесенской улицѣ. Онъ теперь принадлежитъ ко дворцу е. и. в. Маріи Николаевны. Марья Петровна очень часто гостила у сестры своей Софьи Петровны. Когда бывало Алексѣй Стунѣевъ сядетъ въ свободный часъ за фортепьяно и возьмется за романсы, то и начнетъ пѣть одинъ за другимъ по порядку, не пропуская ни одного куплета, хотя бы ихъ было множество. Мы съ Марьей Петровной пользовались его увлеченіемъ и усердно шушукали сидя на софѣ, между тѣмъ, Стунѣевъ приходилъ болѣе и болѣе въ восторгъ. Я, признаюсь въ плутовствѣ своемъ, хотя онъ пѣлъ нещадно въ носъ и выговаривалъ слова топорнымъ образомъ, я не только поощрялъ его къ пѣнію, но даже и разучивалъ съ нимъ новые романсы. Софья Петровна порядочно пѣла пріятнымъ альтовымъ голосомъ. Я началъ учить ее пѣть, а также и Марью Петровну, которая, не зная нотъ, пѣла впослѣдствіи довольно вѣрно и мило небольшіе романсы.

Мало-по-малу начали меня посѣщать любители пѣнія. Николай Степановичъ Волковъ (онъ теперь директоръ училища изящныхъ искусствъ въ Варшавѣ), былъ кадетомъ училища путей сообщенія въ 1824 году, и у Бахтуриныхъ, гдѣ онъ тогда часто бывалъ, мы его звали по просту Коша. Въ теченіи зимы съ 1834 на 1835 г., онъ былъ милымъ, образованнымъ и талантливымъ молодымъ человѣкомъ; пѣлъ весьма хорошо баритономъ и превосходно рисовалъ. Съ нимъ я постоянно занимался пѣніемъ, и въ ту же зиму онъ нарисовалъ акварелью мой портретъ необыкновенно удачно. Съ братомъ его Матвѣемъ Степанови-

чемъ Волковымъ, я также вскорѣ послѣ того познакомился; онъ учился пѣть у Беллоли; мы вмѣстѣ пѣвали у Демидовыхъ и дружескія съ ними отношенія до сихъ поръ сохранились. Въ теченіи той же зимы не рѣдко приходилъ пѣть со мной Иванъ Николаевичъ Андрѣевъ; онъ теперь также въ Варшавѣ и до сихъ поръ владѣетъ превосходнымъ теноромъ. Тогда сочиненъ мною романсъ «Инезилья», слова Пушкина и романсъ «Только узналъ я тебя», сей послѣдній для Марьи Петровны.

Пріятель мой, огромнаго роста капитанъ (теперь генералъ-маіоръ и командиръ полоцкаго егерскаго полка въ дѣйствующей арміи) Копьевъ, любитель музыки, пѣвшій пріятно басомъ и сочинившій нѣсколько романсовъ, привелъ мнѣ однажды маленькаго человѣка *), который говорилъ писклимымъ сопрано. Когда онъ сѣлъ за фортепьяно, то оказалось, что этотъ маленькій человѣкъ, былъ очень бойкій фортепьянистъ, а впослѣдствіи весьма талантливый композиторъ Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій.

Я жилъ тогда домосѣдой, и тѣмъ болѣе, что склонность къ Марьѣ Петровнѣ нечувствительно усиливалась; несмотря на это, однакоже, я постоянно посѣщалъ вечера В. А. Жуковскаго. Онъ жилъ въ Зимнемъ дворцѣ, и у него еженедѣльно собиралось избранное общество, состоявшее изъ поэтовъ, литераторовъ и вообще людей доступныхъ изящному. Назову здѣсь нѣкоторыхъ: А. С. Пушкинъ, князь Вяземскій, Гоголь, Плетневъ были постоянными посѣтителями. Гоголь при мнѣ читалъ свою «Женитьбу». Князья Одоевскій, Вельегорскій и другіе бывали тоже не рѣдко **).

Когда я изъявилъ свое желаніе приняться за русскую оперу, Жуковскій искренно одобрилъ мое намѣреніе и предложилъ мнѣ сюжетъ Ивана Сусанина. Сцена въ лѣсу глубоко врѣзалась въ моемъ воображеніи; я находилъ въ ней много оригинальнаго, характерно-русскаго. Жуковскій хотѣлъ самъ писать слова, и для пробы сочинилъ извѣстные стихи: «Ахъ не мнѣ бѣдному, вѣтру буйному» (изъ тріо съ хоромъ въ эпилогѣ).

*) Зачеркнуто и снова подчеркнуто: «въ голубомъ сюртукѣ и красномъ жилетѣ».

**) Зачеркнуто: «иногда вмѣсто чтенія пѣли, играли на фортепіано; бывали иногда и барыни, но которыя были доступны изящнымъ искусствамъ».

Занятія не позволили ему исполнить своего намѣренія, и онъ сдалъ меня въ этомъ дѣлѣ на руки барона Розена, усерднаго литератора изъ нѣмцевъ, бывшаго тогда секретаремъ е. и. в. Государя Цесаревича.

Мое воображеніе предупредило однакожъ прилежнаго нѣмца; какъ бы по волшебному дѣйствію вдругъ создался и планъ цѣлой оперы, и мысль противупоставить русской музыкѣ—польскую. Наконецъ, многія темы и даже подробности разработки, все это разомъ вспыхнуло въ головѣ моей.

Я началъ работать, и совершенно наизворотъ, а именно началъ тѣмъ, чѣмъ другіе кончаютъ, т.-е. увертюрой, которую написалъ на 4 руки для фортепьяно, съ означеніемъ инструментовки. Въ изданіи «Жизнь за Царя» увертюра въ 4 руки сохранена такъ, какъ я тогда написалъ ее, кромѣ adagio, которое измѣнено мною впослѣдствіи. Темы для разныхъ мѣстъ оперы и часто съ контрапунктическою разработкою, записывалъ я въ особенной тетрадкѣ по мѣрѣ ихъ изобрѣтенія.

Въ теченіи зимы съ 1834 г. на 1835 г., пѣлъ въ концертѣ Демидовой, въ финалѣ Пирата Беллини, партію Рубини. У графа Вельегорскаго исполнили великимъ постомъ 7-ю симфонію Бетховена необыкновенно удачно. Первыя скрипки: Львовъ, Бемъ, Ранбергъ и Мауреръ играли съ неподдѣльнымъ увлеченіемъ. Послѣ adagio профессоръ музыки въ театральномъ училищѣ Soliva, отличнѣйшій теоретикъ, подпрыгнулъ воскликнувъ: «E una cosa che fa stupore!» а я былъ такъ встревоженъ сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня этой непостижимо превосходной симфоніей, что когда пріѣхалъ домой, то Марья Петровна спросила у меня съ видомъ участія: «Что съ тобою, Michel?» — «Бетховенъ!...» отвѣчалъ я.—«Что же онъ тебѣ сдѣлалъ?» продолжала она, и я долженъ былъ объяснить ей, что слышалъ превосходную музыку; она была плохая музыкантша.

Послѣ годовщины по отцѣ, я написалъ письмо къ матери съ просьбою о благословеніи на женитьбу, и, получивъ его, отозвался *). Невѣста моя, по причинѣ приготовленій къ сватьбѣ, часто жила у матери на Пескахъ, а поэтъ мой Розенъ, въ сосѣдствѣ съ ними, на Конной площади; такъ что посѣщая Марью

*) Въ копіи пояснено: «посватался».

Петровну, я заходилъ и къ Розену. Въ теченіи весны, т.-е. апрѣля и марта, по моему плану онъ изготовилъ слова перваго и второго акта. Ему предстояло не мало труда; большая часть не только темъ, но и разработки пьесъ были сдѣланы, и ему надлежало поддѣлывать слова подъ музыку, требовавшую иногда самыхъ странныхъ размѣровъ. Баронъ Розенъ былъ на это молодецъ; закажешь бывало столько-то стиховъ, такого-то размѣра, 2-хъ, 3-хъ-сложнаго и даже небывалаго—ему все равно; придешь черезъ день, ужъ и готово. Жуковскій и другіе въ насмѣшку говорили, что у Розена по карманамъ были разложены впередъ заготовленные стихи, и мнѣ стоило сказать—какого сорта, т.-е. размѣра, мнѣ нужно и сколько стиховъ, онъ вынималъ столько каждаго сорта, сколько слѣдовало, и каждый сортъ изъ особеннаго кармана.

Когда же размѣръ и мысль не *) подходили къ музыкѣ и согласовались съ ходомъ драмы, тогда являлось въ моемъ піитѣ необыкновенное упрямство. Онъ каждый свой стихъ защищалъ съ стоическимъ геройствомъ; такъ, напримѣръ: мнѣ показались не совсѣмъ ловкими стихи изъ квартета:

Такъ ты для земнаго житья
Грядущая женка моя.

Меня какъ-то непріятно поражали слова: грядущая, славянское, библейское даже, и простонародное слово женка; долго, но тщетно бился я съ упорнымъ барономъ; убѣдить его въ справедливости моего замѣчанія возможности не было; онъ много говорилъ съ жаромъ, при чемъ тощее и блѣдное лицо его мало-по-малу вспыхивало яркимъ румянцемъ. Преніе наше окончилъ онъ слѣдующимъ образомъ: «Ви не понимаетъ, это сама лучшій поэзія».

Мысль извѣстнаго тріо, есть слѣдствіе моей безумной тогдашней любви; минута безъ невѣсты моей казалась мнѣ невыносимою, и я дѣйствительно чувствовалъ высказанное въ adagio или andante: «Не томи родимый», которое написалъ уже лѣтомъ въ деревнѣ.

Въ концѣ апрѣля, около 25 или 26 числа, 1835 года я женился. Вѣнчалъ насъ, въ церкви инженернаго училища, мой

*) «Не» — написано карандашомъ въ копіи.

духовникъ и законоучитель въ пансіонѣ, протоіерей Алексѣй Маловъ; посаженнымъ отцемъ былъ почтенный родственникъ мой, тайный совѣтникъ Александръ Васильевичъ Казадаевъ, а шаферомъ моимъ капитанъ, теперь генералъ-маіоръ, командиръ 3-го учебнаго карабинернаго полка, Петръ Александровичъ Степановъ. О нихъ буду еще писать послѣ.

Въ первой половинѣ мая, отправился я съ женою и тёщею въ Новоспасское. Ѣхали мы на Москву для свиданья съ родственниками жены. Со мной были слова для двухъ актовъ, и я помню, что гдѣ-то за Новгородомъ, въ каретѣ, вдругъ я сочинилъ въ 5/4 хоръ «Разлелѣялась».

Подробности деревенской жизни исчезли изъ памяти; знаю только, что я прилежно работалъ, т.-е. уписывалъ въ партитуры уже готовое и заготовлялъ впередъ. Ежедневно утромъ садился я за столъ въ большой и веселой залѣ, въ новоспасскомъ нашемъ домѣ. Это была наша любимая комната; сестры, матушка, жена, однимъ словомъ вся семья тамъ же копошилась, и чѣмъ живѣе болтали и смѣялись, тѣмъ быстрѣе шла моя работа. Время было прекрасное, и я часто работалъ отворивъ дверь въ садъ и впивая въ себя чистый бальзамическій воздухъ.

«Не томи родимый» сначала я написалъ-было въ 2/4 и въ тонѣ A-moll, но разсчелъ, что въ первомъ актѣ, у меня много па́рнаго дѣленія такта, а именно: Интродукція, арія Антониды и речитативъ Сусанина съ хоромъ. Вспомнилъ тоже слова Дена, который однажды привелъ Шпора въ замѣшательство, спросивъ у него: по какой причинѣ вся Іессонда его идетъ въ 3/4 дѣленія такта? Не желая, чтобы и ко мнѣ могли придраться за единообразіе, я написалъ туже мелодію въ 6/8 и въ B-moll, что безспорно лучше выражаетъ нѣжное томленіе любви.

Карлъ Ѳедоровичъ Гемпель погостилъ у насъ не малое время; онъ искренно радовался успѣшному ходу труда моего, и кажется, въ хранящейся у В. П. Энгельгардта собственно-ручной партитурѣ, сцена G-dur, когда къ Сусанину въ хижину приходятъ поляки, переписана Карломъ Ѳедоровичемъ *).

Въ августѣ, мы съ женою и тёщею отправились обратно въ

---

*) Эта сцена составляетъ № 13-й партитуры. См. Отч. И. П. Б., стр. 36.

Петербургъ, гдѣ въ скоромъ времени я съ женою поселился на Конной площади, въ особенномъ, нами одними занимаемомъ домѣ. Вскорѣ къ намъ перебралась и тёща. Здѣсь я долженъ сказать, что Алексѣй Стунѣевъ не одобрялъ этого и не разъ говорилъ мнѣ: «Ей, Michel, не бери тёщи въ домъ». Вообще, онъ ни въ чемъ непричастенъ былъ въ женитьбѣ моей и ея послѣдствіяхъ. Отчасти по самонадѣянности, отчасти по свойственной художнику лѣни заниматься хозяйственными дрязгами, а также изъ угожденія женѣ, я впустилъ въ мое семейство бѣдовую тёщу.

Несмотря на это, все шло хорошо, и такъ хорошо, что пріятель мой Степановъ, нерѣдко навѣщавшій насъ, сказалъ мнѣ однажды: «Душа радуется, видя твое счастье; поздравляю тебя».—«Искренное скажу спасибо, отвѣчалъ я, когда ты черезъ десять лѣтъ поздравишь меня».

Съ Степановымъ (Петромъ) я встрѣчался будучи еще въ пансіонѣ, у родственника нашего (мы были сами въ дальнемъ родствѣ), Ѳедора Степановича Кашталинскаго, потомъ видались пріятельски у князя Хованскаго и у моего пансіонскаго товарища Алексѣя Николаевича Астафьева, который теперь генералъ-маіоромъ при свитѣ е. и. величества.

Работа шла успѣшно; всякое утро сидѣлъ я за столомъ и писалъ по шести страницъ мелкой партитуры, той самой, что̀ у Энгельгардта. По вечерамъ, сидя на софѣ въ кругу семейства и иногда немногихъ искреннихъ пріятелей, я мало принималъ участія во всемъ меня окружавшемъ. Я весь былъ погруженъ въ трудъ, и хотя уже много было написано, оставалось еще многое соображать, а эти соображенія требовали не малаго вниманія, надлежало все пригонять такъ, чтобы вышло стройное цѣлое. Сцену Сусанина въ лѣсу съ поляками, я*) писалъ зимою; всю эту сцену, прежде чѣмъ я началъ писать, я часто читалъ съ чувствомъ вслухъ, и такъ живо переносился въ положеніе моего героя, что волосы у самого меня становились дыбомъ и морозъ подиралъ по кожѣ.

Развитіе, по моему плану, этой сцены вполнѣ принадлежитъ барону Розену **).

*) Зачеркнуто: «помню какъ бы теперь».

**) Рукою Кукольника написано: «NB. О Розенѣ»—а рукою Глинки: «NB. Не понимаю. Мимоза».

Ломакинъ, съ которымъ я тогда познакомился, тоже содѣйствовалъ моему труду; онъ приводилъ пѣвчаго Бѣликова (soprano), чтобы пробовать арію: «Не о томъ скорблю подруженьки», ритурнель которой игралъ на флейтѣ Тихменевъ. Гавріилъ Екимовичъ Ломакинъ собственными и постоянными трудами и талантомъ, достигъ почетнаго мѣста между преподавателями музыки и искренно любимъ и уважаемъ всѣми его знающими.

Прасковья Арсеньевна Бартенева была въ Петербургѣ. Черезъ нея или черезъ зятя ея Д. И. Нарышкина, устроили мнѣ оркестровую репетицію перваго акта моей оперы, въ домѣ князя Юсупова.

Оркестръ, хотя плохой, исполнилъ однако довольно хорошо; управлялъ имъ Іоханнисъ, который впослѣдствіи былъ театральнымъ капельмейстеромъ въ Москвѣ. Хоровъ не исполняли, а кое-гдѣ пѣлъ я, Бартенева и Волковъ. Несмотря на это, эффектъ инструментовки оказался удовлетворительнымъ. Это было великимъ постомъ 1836 года.

Въ ту же зиму, т.-е. съ 1835 на 1836 г., я познакомился актерами Петровымъ и Шемаевымъ, а потомъ и съ другими съ артистами русской оперы, и, мало-по-малу, началъ разучивать мою оперу. Гг. артисты проходили со мной свои партіи съ искреннимъ усердіемъ. Петрова (тогда еще Воробьева), необыкновенно талантливая артистка, всегда просила меня пропѣть ей, каждую новую для нея музыку, раза два, въ третій—слова и музыку она уже хорошо пѣла и знала наизусть.
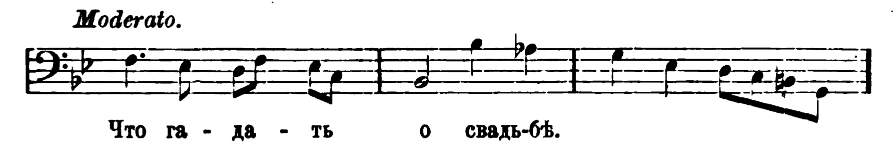
Несмотря на доброе расположеніе артистовъ, во время моихъ съ ними занятій, дѣло не обошлось безъ сплетень и неудовольствій. Директоръ театровъ Александръ Михайловичъ Гедеоновъ писалъ мнѣ письмо съ незаслуженными мною выговорами,—будто бы я заставляю артистовъ пѣть въ комнатахъ, гдѣ слишкомъ накурено табакомъ и что-де отъ этого ихъ голоса портятся. Я досадовалъ, но все-таки продолжалъ разучку партій.

Въ мартѣ 1836 года, графъ Михаилъ Юрьевичъ Вельегорскій устроилъ у себя репетицію перваго акта оперы *); партіи пѣли артисты, а хоры не помню какіе имѣнно пѣвчіе, только
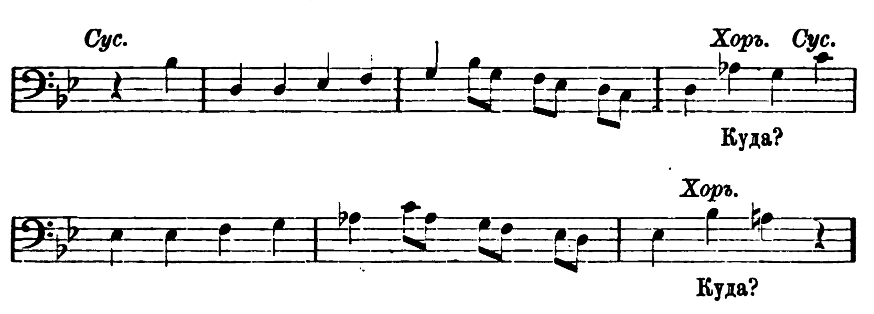
*) «За что ему вѣчное спасибо».—Помѣта на полѣ копіи карандашемъ.

не придворные. На этой репетиціи былъ Гедсоновъ, была также и матушка. Репетиція была очень удовлетворительна. Графъ Вельегорскій сдѣлалъ мнѣ два дѣльныхъ замѣчанія: въ интродукціи не было конца (coda), и по его совѣту я потомъ и придѣлалъ коду. Въ № 3-мъ въ сценѣ Сусанина *) не было хора на сценѣ, а только за кулисами. Графъ посовѣтовалъ мнѣ придѣлать хоръ на сценѣ crescendo и кончить его ff, что мною сдѣлано съ успѣхомъ, и явленіе жениха отъ того несравненно торжественнѣе.

Въ теченіе работы не мало обязанъ я совѣтамъ князя Одоевскаго и нѣсколько Карла Мейера. Одоевскому чрезвычайно понравилась тема, взятая мною изъ пѣсни лужскаго извощика, а именно:
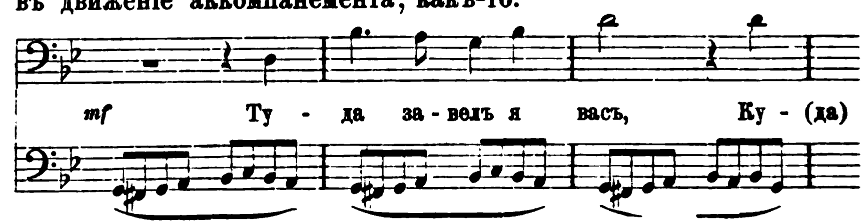

Онъ совѣтовалъ мнѣ напомнить объ этой темѣ, которою начинается партія Сусанина, въ послѣдней его сценѣ въ лѣсу съ поляками. Мнѣ удалось исполнить это; послѣ словъ: «Туда завелъ я васъ, куда и сѣрый волкъ не забѣгалъ, куда и черный вранъ костей не заносилъ», идетъ прогрессія отрывка изъ темы, переданной мнѣ извощикомъ, а именно:
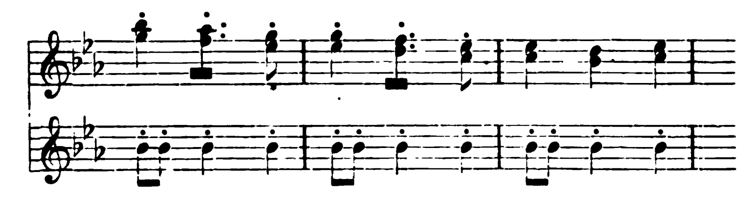

При сочиненіи начала, въ отвѣтахъ Сусанина я имѣлъ въ виду нашу извѣстную разбойничью пѣсню «Внизъ по матуш-

*) Зачеркнуто: «главная тема которой взята изъ слышанной мною неподалеку отъ города Луги, С.-Петербургской губерніи, русской пѣсни, передъ приходомъ жениха».—Съ боку карандашемъ: «нужно».

кѣ по Волгѣ, употребивъ начало ея удвоеннымъ движеніемъ въ движеніе аккомпанемента, какъ-то:

Съ Карломъ Мейеромъ я иногда совѣтовался объ инструментовкѣ особенно въ ff; помню также, что онъ навелъ меня на фигуру аккомпанемента въ мазуркѣ:

Эта фигура въ разныхъ тонахъ повторяется разными инструментами и производитъ недурной эффектъ.

Съ Несторомъ Кукольникомъ познакомили меня, когда?—не помню, по случаю моей оперы и отрекомендовали, какъ лучшаго въ тогдашнее время нашего драматическаго писателя.

Онъ готовъ былъ писать для меня слова; но уѣхалъ въ Москву, откуда прислалъ образчикъ сцены, изъ котораго я увидѣлъ, что нельзя было заочно работать, въ особенности потому, что большая часть музыки была готова и нужно было подъ нее поддѣлываться. Съ другой же стороны, баронъ Розенъ ретиво приступилъ къ дѣлу, и изъ уваженія къ В. А. Жуковскому, мнѣ нельзя было избѣгнуть его содѣйствія. Несмотря на это обстоятельство, по возвращеніи Нестора Кукольника, мои сношенія съ нимъ не только продолжались, но сдѣлались еще дружественнѣе; онъ принималъ искреннее участіе въ трудѣ моемъ и радовался каждой вновь сочиненной сценѣ съ истиннымъ восторгомъ.

Весною 1836 года, жена съ тёщей переѣхала въ Петергофъ, гдѣ поселилась вмѣстѣ съ женатымъ братомъ своимъ Николаемъ Петровичемъ. Послѣ Венеціи я съ трудомъ переносилъ вліяніе морского воздуха, а потому рѣдко навѣщалъ жену въ

Петергофѣ. Притомъ же, послѣ репетиціи у графа Віельгорскаго пошли хлопоты и сплетни, надлежало добиться принятія оперы моей на сцену. Меня увѣряли, что капельмейстеръ Катерина Альбертовичъ Кавосъ, написавшій когда-то, и удачно, музыку на оперу Иванъ Сусанинъ, сильно интриговалъ противъ меня. Время обнаружило противное; онъ болѣе всѣхъ другихъ убѣждалъ директора*) поставить мою оперу, а впослѣдствіи велъ репетиціи усердно и честно**).

Наконецъ обязали меня подпискою не требовать за оперу никакого вознагражденія; таковую подписку далъ я секретарю Гедеонова, А. Л. Неваховичу, на квартирѣ Н. Кукольника, у Синяго моста, въ домѣ Гавриловой.

Надлежало тогда кончить разучку партій, заняться разучкой хоровъ, докончить танцы, и изготовить нѣкоторые вновь, по указанію балетмейстера Титюса. Кромѣ польскаго, краковьяка, мазурки и Pas de quatre (A-dur), я подзаготовилъ-было еще два другихъ па, между прочимъ одно E-dur, въ которомъ было Solo для Бёма, другое па C-dur для гобоя и віолончели.

Вскорѣ Кавосъ началъ репетиціи въ залахъ театра съ квартетомъ. Такъ какъ извѣстно, что смычковые или струнные инструменты составляютъ главную основу оркестра и что ихъ несравненно болѣе (требуется) ***), чѣмъ духовыхъ инструментовъ, то Кавосъ распорядился такъ, что бралъ два квартета съ однимъ контрбасомъ на одну репетицію, на слѣдующую другіе два квартета съ другимъ контрбасомъ и продолжалъ такъ (причемъ постоянно исправлялъ ошибки), пока всѣ артисты не были въ возможности порядочно исполнять пьесы. Тогда онъ бралъ отдѣльно одни духовые и наконецъ весь оркестръ, сперва въ залахъ, а потомъ и на сценѣ.

Кавосъ велъ репетиціи съ свойственною ему дѣятельностью только, по привычкѣ, не соблюдалъ оттѣнковъ, въ особенности pp. никогда почти не выходило, а было что-то въ родѣ mf. Равнымъ образомъ онъ какъ-то не могъ уловить настоящаго темпа, а всегда бралъ его нѣсколько медленнѣе или живѣе,

*) «Тоже благородный человѣкъ». Прим. Глинки карандашемъ на копіи.
**) «Сколько могъ». Примѣч. Глинки карандашемъ на копіи.
***) Это слово находится въ копіи.

Не помню гдѣ именно и на какой репетиціи за польскій D-dur и хоръ C-dur, гдѣ pizzicato струнныхъ инструментовъ подражаютъ балалайкѣ, артисты, положа смычки, мнѣ усердно аплодировали, и еще аплодировали за какой-то нумеръ. Признаюсь, что это одобреніе меня болѣе удовлетворило, нежели всѣ изъявленія удовольствія публики. Надо замѣтить, что я тогда очень мало былъ знакомъ съ музыкантами, исполнявшими мою оперу. Оркестръ былъ хорошъ, но не совсѣмъ: вторыя скрипки были, сравнительно, гораздо плоше первыхъ; альтовъ было мало; контрбасы были не всѣ хороши; изъ духовыхъ тоже не всѣ; валторны были исправны, равно какъ и нѣкоторые вторые изъ другихъ инструментовъ *). Между первыми скрипками были хорошіе артисты; 4 или 5 превосходныхъ віолончелистовъ, изъ духовыхъ, кларнетистъ Бендеръ отличался необыкновенною полнотою звука, а флейтистъ Зусманнъ, былъ безспорно однимъ изъ лучшихъ, если не лучшій, артистъ въ Европѣ.

Во время послѣднихъ репетицій пріѣхалъ отличнѣйшій гобоистъ Бродъ; онъ необыкновенно хорошо исполнялъ свои партіи на гобоѣ и на англійскомъ рожкѣ.

За нѣсколько времени до представленія, пріѣхалъ изъ Москвы теноръ Шарпантье (Charpentier); онъ, подъ именемъ Леонова, поступилъ на театръ и ему дали роль Сабинина.

Жуковскій, хотя не писалъ для либретто, однако не измѣнилъ внимательному участію въ трудѣ моемъ; онъ объяснилъ машинисту и декоратору Роллеру, какъ устроить эффектно послѣднюю сцену въ Кремлѣ; вмѣстѣ ѣздили мы въ мастерскую (atelier) Роллера и Жуковскій внимательно разсматривалъ и разспрашивалъ обо всемъ подробно.

Успѣхъ вполнѣ увѣнчалъ дѣло, и въ послѣдней сценѣ, вырѣзанныя изъ картона разнородныя группы отдаленной толпы, превосходно обманываютъ зрѣніе, и кажутся продолженіемъ оживленной толпы народа, стоящаго на аванъ-сценѣ.

Въ концѣ лѣта я написалъ тріо съ хоромъ: «Ахъ не мнѣ бѣдному, вѣтру буйному» соображаясь съ средствами и талантомъ г-жи Воробьевой. По случаю отъѣзда дѣйстви-

*) Здѣсь знаки препинанія поставлены такъ какъ въ копіи.

тельнаго статскаго совѣтника, доктора Пеликана, съ которымъ жилъ Кукольникъ, весь бель-этажъ былъ въ его распоряженіи вмѣстѣ съ друзьями. Въ одной комнатѣ писалъ хозяинъ, Кукольникъ, въ другой шла бесѣда, въ третьей, докторъ Гейденрейхъ весь погружался въ шахматную игру и т. д.

Вышеозначенное тріо съ хоромъ (изъ него сдѣлано адажіо увертюры) написалъ я подъ веселый часъ. Помню, какъ теперь, что насъ собралось человѣкъ пятнадцать, былъ и Петровъ (актеръ), и эту трогательную сцену я написалъ, или скорѣе, сочинилъ подъ шумъ и говоръ пирующихъ друзей. Аккомпанементъ къ этому тріо сначала написалъ я для альтовъ и віолончелей, но потомъ, по совѣту князя Одоевскаго, для однихъ четырехъ віолончелей и одного контрбаса; онъ же навелъ меня на мысль употребить скрипки, раздѣленныя (divisé) на 4 и 3 партіи въ введеніи въ это тріо «Все та же тоска и пр.».

Отъ того ли, что я покупался въ морѣ въ послѣднюю поѣздку мою въ Петергофъ, лѣтомъ 1836 года, при чемъ я чувствовалъ, что у меня необыкновенно какъ-то повернулось около сердца, или отъ другой причины, но я началъ жестоко страдать, сперва нервами, съ невыносимымъ замираніемъ во всемъ тѣлѣ, а въ скоромъ времени образовалась лихорадка, которая сопровождалась по утрамъ кровотеченіемъ изъ носа, а по вечерамъ жаромъ, и въ короткое время меня чрезвычайно изнурила. Къ счастію, я уже нѣсколько зналъ употребленіе нѣкоторыхъ гомеопатическихъ лекарствъ, и одинъ пріемъ ипекакуаны прервалъ лихорадку.

Болѣзнь заставила меня сидѣть дома; когда же, нѣсколько оправившись, я появился на репетиціи, то меня съ трудомъ можно было узнать: я похудѣлъ и позеленѣлъ до невѣроятной степени.

Репетиціи ведены были въ залахъ и на сценѣ александринскаго театра. Большой театръ былъ въ передѣлкѣ. Въ скоромъ времени, осенью, для пробы акустическаго достоинства залы Большого театра исполнили тамъ квартетъ изъ моей оперы: «Милыя дѣти, будь между вами миръ и любовь».

Рѣшено было дать мою оперу на открытіе театра, по

возобновленіи, и потому начали производить пробы на сценѣ большаго театра. Въ это время отдѣлывали ложи, прибивали канделябры и другія украшенія, такъ что нѣсколько сотъ молотковъ часто заглушали капельмейстера и артистовъ.

Не задолго до перваго представленія, я имѣлъ счастіе встрѣтить Государя на одной изъ репетицій; молотки умолкли и Петровъ съ Воробьевой пѣли дуетъ Es-dur, и, естественно, очень не дурно. Государь подошелъ ко мнѣ и ласково спросилъ: «доволенъ ли я его артистами?»—Въ особенности ревностію и усердіемъ, съ которыми они исполняютъ свою обязанность, отвѣчалъ я. Этотъ отвѣтъ понравился государю и онъ передалъ его актёрамъ.

Черезъ содѣйствіе Гедеонова я получилъ позволеніе посвятить оперу мою государю императору; и вмѣсто Ивана Сусанина, названа она «Жизнь за Царя».

На послѣдней репетиціи я не былъ за болѣзнію. Эта проба была, какъ водится, въ костюмахъ, съ декораціями и освѣщеніемъ. Такъ какъ многіе уже слышали отрывки изъ оперы моей и публика интересовалась ею, то театръ былъ полонъ.

Князь Одоевскій по окончаніи пробы успокоилъ меня письмомъ, увѣряя, что успѣхъ перваго представленія не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Наконецъ, въ пятницу, 27 ноября 1836 года, назначено было первое представленіе оперы: «Жизнь за Царя».

Невозможно описать моихъ ощущеній въ тотъ день, въ особенности передъ началомъ представленія. У меня была ложа во второмъ ярусѣ; первый—весь былъ занятъ придворными и первыми сановниками съ семействами. Жена съ родными была въ ложѣ; не знаю навѣрно, была ли и матушка *).

Первый актъ прошелъ благополучно; извѣстному тріо сильно и дружно аплодировали.

Въ сценѣ поляковъ начиная отъ польскаго до мазурки и финальнаго хора царствовало глубокое молчаніе. Я пошелъ на сцену, сильно огорченный этимъ молчаніемъ публики; и Иванъ Кавосъ, сынъ капельмейстера, управлявшаго орке-

---

*) На полѣ въ скобкахъ неизвѣстною рукою: «Не была, ибо на другой день М. И. написалъ ей письмо съ описаніемъ этого представленія».

стромъ, тщетно увѣрялъ меня, что это молчаніе происходитъ отъ того, что тутъ дѣйствуютъ поляки; я остался въ недоумѣніи.

Появленіе Воробьевой разсѣяло всѣ мои сомнѣнія въ успѣхѣ. Пѣснь сироты, дуетъ Воробьевой съ Петровымъ, квартетъ, сцена съ поляками G-dur и прочіе №№ акта прошли (благополучно) *) и съ большимъ успѣхомъ.

Въ четвертомъ актѣ, хористы, игравшіе поляковъ, въ концѣ сцены, происходящей въ лѣсу, напали на Петрова съ такимъ остервененіемъ, что разорвали на немъ рубашку и онъ не на шутку долженъ былъ отъ нихъ защищаться.

Великолѣпный спектакль эпилога, представляющій ликованье народа въ Кремлѣ, поразилъ меня самого. Воробьева была превосходна, какъ и всегда, въ тріо съ хоромъ.

Успѣхъ оперы былъ совершенный, я былъ въ чаду и теперь рѣшительно не помню, что происходило, когда опустили занавѣсъ.

Меня сейчасъ послѣ этого позвали въ боковую императорскую ложу. Государь первый поблагодарилъ меня за мою оперу, замѣтивъ, что не хорошо, что Сусанина убиваютъ на сценѣ; я объяснилъ его величеству, что не бывъ на пробѣ по болѣзни, я не могъ знать, какъ распорядятся; а что по моей программѣ во время нападенія поляковъ на Сусанина, занавѣсъ должна сейчасъ опуститься; смерть же Сусанина высказывается Сиротою въ эпилогѣ.

Послѣ императора благодарила меня императрица, а потомъ великіе князья и великія княжны, находившіеся въ театрѣ.

Въ скоромъ времени, я получилъ за оперу императорскій подарокъ: перстень въ 4,000 р. асиг.; онъ со стоялъ изъ топаза, окруженнаго въ три ряда превосходнѣйшими брильянтами; я тогда же подарилъ его женѣ моей.

Еще до представленія оперы, Кукольникъ помогъ мнѣ продать собственность оперы Снегиреву **); продажа, въ особенности сначала, шла чрезвычайно успѣшно и я получилъ нѣкоторую выгоду ***).

*) Это слово въ рукописи зачеркнуто.

**) Содержателю нотнаго магазина въ то время, на Невскомъ проспектѣ, у Аничкова моста, въ бывшемъ домѣ Брюна.

***) На полѣ карандашемъ рукою Глинки: «справиться у Нестора (Кукольника)».

Несмотря на блистательный успѣхъ, нашлись зоилы. Ѳадей Булгаринъ напечаталъ въ Сѣверной Пчелѣ двѣ длинныя статьи въ декабрѣ 1836 г. или въ январѣ 1837 г. *). Эти статьи любопытны и ясно опредѣляютъ степень невѣжества въ музыкѣ ихъ автора.

Нѣкоторые изъ аристократовъ, говоря о моей оперѣ, выразились съ презрѣніемъ: «C'est la musique des cochers» **).

Несмотря на то, опера шла все лучше и лучше, театръ усердно посѣщали, а гдѣ мало-мальски пѣли, тамъ уже навѣрное можно было найти печатныя пьесы изъ моей оперы, которая впрочемъ была исправнѣе переложена на фортепьяно мной и Карломъ Мейеромъ, нежели напечатана Снегиревымъ.

Бумага была прескверная, да и не поспѣвали во время №№ по требованію публики.

Въ заключеніи этого періода жизни моей считаю не лишнимъ привести здѣсь стихи, сочиненные въ честь мою на дружескомъ вечерѣ у князя Одоевскаго, Жуковскимъ, Пушкинымъ, княземъ Вяземскимъ и Соболевскимъ***).

---

*) Прим. Глинки: «Слѣдовало бы отыскать ихъ, какъ chef d'oeuvre музыкальной галлиматьи. Противъ этого мѣста чьей то рукой написано: «Это неправда. Въ Сѣверной Пчелѣ были только три статьи кн. Одоевскаго: 1-я 7 дек. 1836, № 280, 2-я 15-го дек., № 287 и 3-я 16-го дек. 1836 № 288. Больше никакихъ и ничьихъ—не было». На это замѣчаніе, въ свою очередь, оказывается несправедливымъ. Въ Сѣверной Пчелѣ № 291 — 19 дек. и № 292, 21 дек. дѣйствительно были двѣ статьи за подписью «Ѳадей Булгаринъ», подъ заглавіемъ: «Мнѣніе о новой русской оперѣ: Жизнь за Царя». Въ нихъ, прикрывшись эпиграфомъ изъ Грибоѣдова: «Зачѣмъ же мнѣнія чужія только святы!» и заявленіями, что «Сѣверная Пчела» имѣетъ и собственное мнѣніе, Булгаринъ нападаетъ на выраженія своего сотрудника Одоевскаго, который сказалъ, что «Глинка открылъ новый періодъ и внилъ новую стихію въ музыку».

«Въ музыкѣ, говоритъ Булгаринъ: не можетъ быть никакой новой стихіи и въ ней невозможно открыть ничего новаго. Все существуетъ. Берите и пользуйтесь!» Всѣ остальныя сужденія такого же достоинства. Ред.

**) «Это хорошо и даже вѣрно, ибо кучера по-моему дѣльнѣе господъ».

Прим. М. И. Глинки.

***) Стихи не приведены ни въ подлинной рукописи записокъ М. И. Глинки, ни въ вывѣренной имъ копіи съ этихъ записокъ. На этой послѣдней, вмѣсто нихъ, есть слѣдующая приписка самого Глинки: «Умоляю добраго и, какъ я полагаю, искренно меня любящаго Д. В. С. пріобрѣсть копію этихъ стиховъ отъ кн. Одоевскаго. Получа, прошу присоединить къ этимъ запискамъ. Берлинъ $\frac{5 \text{ іюня}}{23 \text{ іюля}}$ 1856 г.». Глинка, обращаясь съ этою просьбою къ Д. В. Стасо-

ву, забылъ (какъ это съ нимъ въ послѣдніе годы жизни частенько бывало), что упоминаемые здѣсь стихи были напечатаны еще въ 1836 году; — впослѣдствіи они вошли въ «полное собраніе романсовъ и пѣсень М. И. Глинки» изд. Ѳ. Стелловскаго: Вотъ заглавіе и текстъ этого шутливаго произведенія:

«Канонъ, слова Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго и гр. Віельгорскаго, музыка кн. В. Ѳ. Одоевскаго и М. И. Глинки». Музыка положена на четыре голоса. Напеч. въ Спб. 15 декабря 1836 г. въ листъ.

Пушкинъ: Пой въ восторгѣ русскій хоръ
Вышла новая новинка.
Веселися Русь! нашъ Глинка —
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ!

* * *

Кн. Вяземскій: За прекрасную новинку
Славить будетъ гласъ молвы
Нашего Орфея — Глинку —
Отъ Неглинной, отъ Неглинной—до Москвы!

* * *

Жуковскій: Въ честь толь славныя новинки
Грянь труба и барабанъ!
Выпьемъ за здоровье Глинки
Мы глитвейну, глитвейну—стаканъ!

* * *

Гр. Віельгорскій: Слушая сію новинку,
Зависть злобой омрачась,
Пусть скрежещетъ, но ужъ Глинку
Затоптать, топтать, топтать не можетъ въ грязь!

* * *

Пушкинъ: Пой въ восторгѣ русскій хоръ
Вышла новая новинка!
Веселися Русь! нашъ Глинка —
Ужъ не Глинка, ужъ не Глинка, а фарфоръ!

Шутка эта напечатана съ нотами, но мы не приводимъ нотъ, опасаясь ревниваго ока г. Стелловскаго, который, быть можетъ, найдетъ въ этомъ посягательство на его собственность. Что же до текста канона, то мы его приводимъ со списка, весьма обязательно сообщеннаго намъ — С. А. Соболевскимъ — при слѣдующей замѣткѣ этого уважаемаго библіографа: «Послѣ князя Одоевскаго нашлась четвертушка нотной бумаги, на которой близко знакомою мнѣ рукою Всеволожскаго написаны стихи, сложенныя Пушкинымъ, кн. Вяземскимъ и Жуковскимъ, въ честь Глинки; тутъ же, рукою кн. Одоевскаго, музыка на эти куплеты и собственноручная рукою Одоевскаго замѣтка о томъ, что все это происходило на обѣдѣ декабря (13-го?) 1836 года у Александра Всеволодовича Всеволожскаго, что первый куплетъ—Пушкина, второй—Вяземскаго, третій Жуковскаго, а что музыка— кн. Одоевскаго и гр. Михаила Юрьевича Віельгорскаго (въ печ. изд. канона — назв. Глинка), обо мнѣ — ни слова. Я думаю, что память измѣнила Глинкѣ, назвавшаго меня въ числѣ творцевъ шутливаго «канона»; я съ августа мѣсяца 1836 г. былъ за границею, гдѣ оставался на этотъ разъ около года, такъ что и несчастный поединокъ Пушкина случился, къ крайней моей скорби, во время моего отсутствія».

Отмѣтимъ, что въ печатномъ изданіи канона—куплеты приписаны поэтамъ въ такомъ порядкѣ: 1-й—Віельгорскаго, 2-й—Вяземскаго, 3-й — Жуковскаго, 4-й—Пушкина. Ред.

БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ XVIII-ГО ВѢКА И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ УКАЗАНІЯ НА ИХЪ СОЧИНЕНІЯ *).

III, IV, V.

Братья Карины.

Три брата Карины происходили изъ хорошаго дворянскаго рода. Они получили съ-молоду хорошее образованіе и принадлежали къ первой по времени категоріи свѣтскихъ юношей, принявшихъ участіе въ литературномъ движеніи, которое заявило себя почти одновременно около эпохи восшествія на престолъ Екатерины II.

А) Александръ Григорьевичъ Каринъ, старшій изъ братьевъ, учился въ московскомъ университетѣ въ первые годы его существованія (Ист. Имп. Моск. Унив., стр. 48 и Др. Слав., стр. 40), и былъ тамъ товарищемъ Фонъ-Визина, съ которымъ былъ и потомъ пріятелемъ (Соч. Ф.-Виз., изд. Ефр., стр. 373). Новиковъ говоритъ, что Каринъ зналъ хорошо нѣкоторые иностранные языки, имѣлъ отличную библіотеку и былъ большой любитель литературы, и что мелкія его стихотворенія печатались въ журналахъ: „Полезное увеселеніе“ и “Свободные часы“, которые издавались въ 1760—1763 годахъ, въ Москвѣ, какъ извѣстно, Херасковымъ (Ист. Имп. Моск. Ун., стр. 93), и что (ненапечатанная) комедія его „Россіянинъ, возвратившійся изъ Франціи“ хороша, а трагедія „Антигона“ (по указанію Слов. мит. Евг., ч. I, стр. 275) осталась неконченною (Мат. для Ист. Русск. лит. Ефр., стр. 49).

А. Г. Каринъ былъ старшимъ изъ молодыхъ дворянъ, вахмистровъ конной гвардіи, принявшихъ дѣятельное участіе въ возведеніи на престолъ Екатерины II, которая произвела его, 3 августа 1762 года, въ корнеты въ тотъ же полкъ, вмѣстѣ съ прочими товарищами (Полн. спис. шеф., полк. ком. и оф. л.-г. конн. п., стр. 55). Каринъ умеръ молодымъ человѣкомъ, будучи подпоручикомъ конной гвардіи. Смерть постигла его 22 сентября 1769 года, въ Саратовѣ, куда онъ былъ посланъ по дѣламъ соляной конторы (Ibid.), согласно тогдашнему обычаю посылать гвардейскихъ офицеровъ въ важныя и довѣренныя командировки.

Вотъ отдѣльно изданныя произведенія А. Г. Карина:

1. Графъ Карамелли, драма въ 3 дѣйствіяхъ, пер. съ итальянскаго; Моск. 1759 г. (Соп. № 3637; у Пл. нѣтъ; См., № 7482; въ Др. Сл., стр. 40, сказано, что это „драма комическая на музыкѣ“, переведена, когда Каринъ учился въ университетѣ и въ 1759 году играна на московскомъ театрѣ).

2. Ода на день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны. Спб. 1759. (Соп., № 7172; у Пл. и См. нѣтъ).

---

*) См. Русскую Старину 1870 г. т. I стр. 463—470.

3. Ода на восшествіе на престолъ императрицы Екатерины II. Спб. 1762. (Соп., № 7254; у Пл. и См. нѣтъ).

Б. Николай Григорьевичъ Каринъ, средній изъ братьевъ, учился въ московскомъ университетѣ въ первое время его существованія (Ист. Имп. Моск. Ун., стр. 48). Онъ былъ произведенъ изъ вахмистровъ конной гвардіи въ корнеты того же полка 19 апрѣля 1765 г., въ одинъ день съ Александромъ Семеновичемъ Васильчиковымъ, который былъ потомъ (1772—1774) любимцемъ Екатерины II. (Полн. спис. шеф., полк. ком. и оф. л.-г. кон. пол., стр. 62). Новиковъ говоритъ, что онъ имѣлъ тѣ же склонности, какъ его старшій братъ, печаталъ стихи въ тѣхъ же журналахъ и умеръ въ 1768 году поручикомъ (вѣроятно, — подпоручикомъ) конной гвардіи. (Мат. Ефр. стр. 49).

Мнѣ извѣстно одно отдѣльно напечатанное произведеніе Н. Г. Карина:

Письма Іорика къ Элизѣ, съ отвѣтами; соч. Л. Стерна, пер. съ фр., съ фронтисписомъ и портретомъ. Моск. 1795. (Соп., № 8155; у Пл. и См. нѣтъ. Должно полагать, что въ указаніи года у Соп. ошибка; или же книга напечатана 27 лѣтъ послѣ смерти переводчика; полагаю, что она вышла въ 1765 году, а не въ 1795).

В. Ѳедоръ Григорьевичъ Каринъ, младшій изъ братьевъ, по указанію Новикова, былъ отставной офицеръ (у митр. Евг., въ Слов. ч. I, стр. 276—сказано, что онъ былъ поручикъ арміи), имѣлъ тѣ же вкусы, какъ его братья, печаталъ также мелкія стихотворенія и перевелъ успѣшно нѣсколько хорошихъ книгъ (Мат. Ефр., стр. 49). Митрополитъ Евгеній говоритъ, что Ѳ. Г. Каринъ умеръ въ 1800 году, оставивъ сочиненную имъ „Граматику" неизданною, и что имъ переведены, между прочимъ, нѣкоторые „Панегирики" Томаса (Сл. св. пис., ч. I, стр. 276); но кажется они тоже не были изданы, по крайней мѣрѣ особо. Годъ же его смерти обозначенъ тутъ невѣрно, какъ показано будетъ ниже.

Ѳ. Г. Каринъ былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Михайловнѣ Голицыной, умершей въ 1813 году (Рос. род. кн. Кн. П. В. Долг., ч. I, стр. 293). Она была одною изъ дочерей отъ третьяго брака съ Аграфеной Алексѣевной Хвостовой, того князя Михаила Алексѣевича Голицына (род. 1689, ум. 1775), который былъ шутомъ при дворѣ императрицы Анны и котораго вторая женитьба на калмычкѣ Авдотьѣ Ивановнѣ Бужениновой (род. 1710, ум. 1742) праздновалась въ началѣ 1740 года въ ледяномъ домѣ на Невѣ (Ibid., стр. 290).

Отдѣльно изданныя произведенія Ѳ. Г. Карина суть слѣдующія:

1. Разсужденіе о добродѣтеляхъ и награжденіяхъ, служащее послѣдованіемъ разсужденію о преступленіяхъ и наказаніяхъ; пер. съ фр. Спб. 1769. (Соп., № 2188; у Пл. нѣтъ; См., № 2153).

2. Нравоучительныя мнѣнія, взятыя изъ свойствъ графини Марьи Владиміровны Салтыковой. Спб. 1770. (Соп., № 6253: у Пл. и См. нѣтъ).

3. Слово на торжество мира, заключеннаго Россіею

съ Портою Оттоманскою. М. 1775. (Соп., № 10,814; у Пл. и См. нѣтъ).

4. Письмо къ Г. Николеву на смерть Г. Сумарокова, заключающее въ себѣ разсужденіе о словесности вообще и о Россійскомъ языкѣ. М. 1778. (У Соп., Пл. и См. нѣтъ. Указано митр. Евгеніемъ въ Слов. св. пис., ч. 1, стр. 276).

5. Слово на открытіе Владимірскаго Намѣстничества. М. 1779. (Соп., № 10,817; у Пл. и См. нѣтъ).

6. Ифигенія, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. Расина. М. 1796. (Соп., № 11,908; Пл., № 6161; См., № 6911. Имя переводчика у нихъ не обозначено, но оно указано у Евг., въ Слов. св. пис., ч. I, стр. 276).

Подъ старость Ѳ. Г. Каринъ, живя въ Москвѣ, въ началѣ нынѣшняго вѣка, пользовался репутаціею отчаяннаго „Вольтерьянца", такъ же какъ пріятели его: извѣстный сатирикъ князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ (род. 1 января 1758, ум. 29 ноября 1824) и Ѳедоръ Николаевичъ Карцовъ, великій поклонникъ генія Вольтера и переводчикъ множества сочиненій его въ стихахъ, оставшихся неизданными, такъ же какъ переводы его изъ Буало и другихъ французскихъ поэтовъ (Дневн. студента, 1805—1806 годовъ, стр. 70 и 98).

VI, VII.

Братья Нарышкины.

Семенъ и Алексѣй Васильевичи Нарышкины были сыновьями генералъ-поручика Василія Васильевича Нарышкина, отъ перваго брака его съ княжной Прасковьей Ивановной Сонцевой и внуками Василія Григорьевича Нарышкина, женатаго на Стрѣшневой, внучатнаго брата царицы Натальи Кириловны и внука боярина Филимона Ивановича. Братъ Василія Григорьевича, Семенъ Григорьевичъ, генералъ-аншефъ и александровскій кавалеръ, былъ замѣшанъ въ дѣло царевича Алексѣя и сосланъ въ дальнюю деревню, откуда возвращенъ былъ Екатериною I ко двору и умеръ въ 1747 году (Изъ неизд. извѣстій о родѣ Нарышкиныхъ).

Братья Нарышкины были по лѣтамъ сверстники императрицы Екатерины II, или немногимъ моложе ея; образованіе получили они по своему времени отличное и принадлежали къ той небольшой фалангѣ молодыхъ людей, которые, вслѣдъ за Херасковымъ, выступили на поприще юной тогдашней журналистики.

А. Семенъ Васильевичъ Нарышкинъ служилъ съ 1766 года въ штабъ-офицерскихъ чинахъ, экзекуторомъ 1-го департамента правительствующаго сената, въ каковой должности мы видимъ его въ 1767 (Показ. знатн. въ гос. чиновъ, стр. 17) и 1772 (Мат. Ефр., стр. 74 и 137) годахъ. Наконецъ въ 1776 году онъ былъ пожалованъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, вице-президентомъ Бергъ-Коллегіи (Ф. Виз., изд. Ефр., стр. 384, пр.), на мѣсто Хераскова. Въ депутатской коммиссіи 1767 года С. В. Нарышкинъ былъ членомъ отъ дворянства Михайловскаго уѣзда тогдашней Московской (нынѣ Рязанской) губерніи (Спис. деп., въ "Русск. Вѣстн." 1861, кн. 12,

прилож. стр. 11, подъ № 34) и присутствовалъ въ частной коммиссіи „О среднемъ родѣ людей“ (Ibid., стр. 71). Въ коммиссіи С. В. Нарышкинъ поддерживалъ мысль объ отдѣленіи родовыхъ дворянъ отъ тѣхъ, которые дослуживаются до офицерскихъ чиновъ, не будучи родомъ изъ дворянъ и подалъ о томъ письменное мнѣніе. (Ист. свѣд. о Екат. Ком. для соч. проекта нов. ул., ч. I, стр. 155 и 205). Новиковъ приписываетъ ему сочиненіе комедіи „во вкусѣ Дидеротовомъ“ Истинное постоянство, и упоминаетъ о томъ, что первыя его произведенія въ стихахъ и переводы въ прозѣ помѣщались въ журналахъ, издававшихся Херасковымъ и Академіею (Ibid., и Ист. Имп. Моск. ун., стр. 93). Въ 1767 году онъ принималъ участіе въ „Переводахъ изъ Энциклопедіи“ выходившихъ въ Москвѣ небольшими частями, гдѣ помѣщены въ его переводѣ двѣ статьи: „Экономія“ и „Право естественное“ (Соврем., 1857, № 7, Смѣсь, стр. 75 и Соп., № 8100). С. В. Нарышкинъ былъ женатъ на Марьѣ Ивановнѣ Салтыковой (род. 23 января 1738, ум. 5 мая 1807), дочери генералъ-аншефа Ивана Алексѣевича (ум. 1773). Она была сестрою: а) Натальи Ивановны Мельгуновой, второй жены извѣстнаго генералъ-аншефа Алексѣя Петровича (ум. 1788), бывшаго намѣстникомъ въ Вологдѣ и Ярославлѣ; и б) извѣстнаго фельдмаршала князя Николая Ивановича Салтыкова (род. 31 октября 1736, ум. 16 мая 1816), воспитателя императора Александра I. Онъ умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника (Рос. род. кн. Кн. П. Долг., ч. II, стр. 76 и 78), не оставивши, кажется, потомства. Время кончины его мнѣ неизвѣстно.

Отдѣльно изданныя произведенія С. В. Нарышкина суть слѣдующія:

1. Слово о началѣ и перемѣнахъ Россійскихъ законовъ, соч. Штрубе де Пирмонтъ. Пер. съ фр. Спб. 1756. (Соп., № 10,720; у Пл. и См. нѣтъ).

2. Эпистола императрицѣ Екатеринѣ II. Спб. 1765. (Соп., № 3739; у Пл. и См. нѣтъ. Вѣроятно въ означеніи года у Соп. опечатка и „Эпистола“ эта появилась ранѣе 1765 года).

3. Эпистола къ императрицѣ Екатеринѣ II. Спб. 1765. (Соп., № 3750; у Пл. и См. нѣтъ).

4. Письмо къ народу Г. Томаса и разговоръ бѣдности съ истиною; пер. съ фр. Спб. 1772. (Соп., № 8223).

Б. Алексѣй Васильевичъ Нарышкинъ, меньшой братъ предыдущаго, началъ, такъ же какъ и онъ, свое стихотворческое поприще въ Херасковскихъ журналахъ (Мат. Ефр., стр. 75 и 137) и въ 1771 году путешествовалъ за границей (Ibid.). Онъ также участвовалъ въ изданіи въ 1767 году „Переводовъ изъ Энциклопедіи“, гдѣ помѣщены двѣ статьи, имъ переведенныя: „Нравоученіе“ и „Посредственность“ (Совр., 1857, № 7, Смѣсь, стр. 75 и Соп., № 8100). Въ 1767 году онъ состоялъ генеральсъ-адъютантомъ майорскаго чина по инженерному корпусу при графѣ Гр. Гр. Орловѣ (Показ. знатн. въ гос. чиновъ, стр. 71) и въ этомъ качествѣ сопутствовалъ ему, когда графъ сопровождалъ Екатерину въ знаменитомъ ея путешествіи по Волгѣ, во время котораго переведенъ былъ императрицею и ея свитою Мармонтелевъ „Велисарій“, котораго главы 7 и 8 переведены А. В. Нарышкинымъ (Дворъ и зам. люди, соч.

Вейдемейера. ч. I, стр. 67, въ прим.). Сейчасъ послѣ этого путешествія А. В. Нарышкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ. Въ Депутатской коммиссіи 1767 года А. В. Нарышкинъ былъ членомъ отъ дворянства Старицкаго уѣзда тогдашней Московской (нынѣ Тверской) губерніи (Спис. Деп. въ „Русск. Вѣст.", 1861, кн. 12, Прилож., стр. 21, подъ № 159) и присутствовалъ въ частной коммисіи „Объ общемъ правѣ" (Ibid., стр. 73). Въ 1785 году мы видимъ его тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ, камергеромъ, и 22-го сентября получилъ Анненскую ленту (Истор. собр. списк. кав. четыр. Рос. имп. орд., стр. 325). Въ 1787 году, октября 2-го онъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Императорской Россійской Академіи (Имен. спис. дѣйств. и почот. чл. Имп. Рос. Акад. по 1836 годъ, стр. 9, подъ № 64). А. В. Нарышкинъ скончался въ 1804 году (Ibid.) и кажется женатъ не былъ.

Изъ сочиненій А. В. Нарышкина напечатаны отдѣльно:

1. Ода на день тезоименитства императрицы Екатерины II. Спб., 1763. (Соп., № 7165; у Пл. и См. нѣтъ).

2. Ода на день тезоименитства императрицы Екатерины II. Спб., 1765. (Соп., № 7309; у Пл. и См. нѣтъ).

Нельзя не выразить здѣсь желанія, чтобы издана была полная и обстоятельная родословная фамилія Нарышкиныхъ; недостатокъ ея составляетъ большое неудобство при розысканіяхъ о нашемъ прошедшемъ. Надо желать, чтобы оно было скорѣе устранено кѣмъ либо изъ членовъ этой фамиліи, имѣющимъ эту родословную.

VIII и IX.

Супруги Ржевскіе.

А. Алексѣй Андреевичъ Ржевскій происходилъ изъ стариннаго рода и принадлежалъ къ одному поколѣнію съ Нарышкиными. Онъ напечаталъ множество мелкихъ стихотвореній и участвовалъ въ журналахъ Хераскова „Полезное увеселеніе" и „Свободные часы" въ 1760—1763 годахъ (Ист. Имп. Моск. ун., стр. 93). Въ 1767 году онъ участвовалъ въ московскомъ изданіи „Переводовъ изъ Энциклопедіи", гдѣ напечатаны его переводы статей: а) „Исторія", б) „Одежды Римлянъ" и в) „Гамакъ" (Соврем., 1857, № 7, Смѣсь, стр. 75). Въ томъ же году пожалованъ онъ былъ камеръ-юнкеромъ, принявъ участіе въ коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, какъ депутатъ отъ гражданъ города Воротынска, Московской губерніи, что нынѣ посадъ Калужской губерніи (Списокъ Деп., „Русс. Вѣстн." 1861, кн. 12, въ Прилож., стр. 15, подъ № 83), и участвовалъ, по предложенію маршала А. И. Бибикова, въ частной коммиссіи „О полиціи" (Ibid., стр. 72). А. А. Ржевскій написалъ не напечатанную, но игранную въ 1769 году трагедію „Смердій и Прелеста" (Мат. Ефр., стр. 94 и 138 и Слов. Евг., ч. II, стр. 145). Въ 1772 году А. А. Ржевскій, за отъѣздомъ директора Академіи Наукъ графа В. Г. Орлова, въ чужіе краи, правилъ его должность (Матер. Ефр., стр. 94), а въ 1783 году, октября 21, вступилъ въ число членовъ, первоначально составившихъ Россійскую Академію при самомъ ея основаніи (Имян.

спис. дѣйств. и поч. чл. Имп. Рос. Ак. по 1836 годъ, стр. 4, подъ № 11), и былъ президентомъ Медицинской коллегіи (Ibid.). Въ 1785 году онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ, камергеромъ и сенаторомъ и 22 сентября получилъ Анненскую ленту (Ист. соб. сп. кав. четыр. Рос. имп. орд., стр. 325). А. А. Ржевскій продолжалъ до старости заниматься литературой; въ 1789 году онъ поднесъ Екатеринѣ II какую-то оду своего сочиненія, которую императрица похвалила (Зап. Храпов. 9 и 31 октября 1789). А. А. Ржевскій занималъ въ 1794 году и выборную должность, тогда очень почетную, совѣстнаго судьи въ Петербургѣ (Зап. Держ., стр. 356), а подъ конецъ жизни былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и александровскимъ кавалеромъ, и умеръ въ маѣ 1804 года (Рос. род. книга Кн. П. Долгор., ч. IV, стр. 32, подъ № 121). А. А. Ржевскій занималъ видное мѣсто между первыми масонами своего времени (1773). Онъ носилъ потомъ въ орденѣ, по Вильгельмсбадской организаціи, имя „eques a bona spe“ (1782), принадлежалъ къ ложѣ „Латаны“ и къ „теоретическому градусу Саломоновыхъ наукъ“ (1783), а наконецъ былъ, какъ говорятъ, и розенкрейцеромъ (Новиковъ и Моск. Мартинисты, стр. 98, 177, 197, 198, 214, 218 и 291). Онъ былъ женатъ два раза: 1) на Александрѣ Ѳедотовнѣ Каменской (род. 19 августа 1740, ум. 17 апрѣля 1769), сестрѣ извѣстнаго фельдмаршала Михаила Ѳедотовича (впослѣдствіи графа) Каменскаго (род. 8 мая 1738, ум. 12 августа 1809), отъ которой дѣтей не имѣлъ и 2) на Глафирѣ Ивановнѣ Алымовой, одной изъ наиболѣе любимыхъ Екатериною II воспитанницъ перваго выпуска Смольнаго монастыря 1776 года, вышедшей послѣ смерти А. А. Ржевскаго замужъ за камергера Ипполита Петровича Маскле, переводчика басенъ Крылова на французскій языкъ. Отъ второго брака А. А. Ржевскій имѣлъ дочь, г-жу Свистунову и трехъ сыновей, изъ которыхъ второй, камергеръ Павелъ Алексѣевичъ (ум. 1852), принадлежалъ къ московскому литературно-свѣтскому кружку Алексѣя Михайловича и Василія Львовича Пушкиныхъ, князя Петра Андреевича Вяземскаго и др.; В. Л. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ одномъ изъ своихъ посланій (Соч. В. Пушк., изд. Смирд., стр. 29. Рос. Родосл. книга кн. П. Долг., ч. IV, стр. 32 и 33). Второй бракъ А. А. Ржевскаго съ Г. И. Алымовою былъ очень счастливъ и Державинъ, который былъ, такъ же какъ и первая жена его, въ большой дружбѣ съ Ржевскими, описалъ въ 1780 году ихъ благополучіе въ одѣ „Счастливое семейство“ (Соч. Держ., изд. Грота, т. I, стр. 107 и т. III, стр. 597). Но впослѣдствіи, именно въ 1794 году между А. А. Ржевскимъ и Державинымъ возникли несогласія по поводу участія ихъ въ спорѣ между В. А. Всеволожскимъ и поэтомъ И. И. Дмитріевымъ по наслѣдству, оставшемуся послѣ смерти бывшаго любимца императрицы Елисаветы, Никиты Аѳанасьевича Бекетова (род. 8 сентября 1729, ум. 9 іюля 1794). Кажется, впрочемъ, что Державинъ и Ржевскій потомъ помирились (Зап. Держ., стр. 356).

Замѣчательно сходство карьеры А. А. Ржевскаго съ тою, которая выпала на долю Алексѣя Васильевича Нарышкина (см. выше, VII); они всю жизнь шли такъ сказать рядомъ, и умерли въ одномъ и томъ же 1804 году.

Изъ произведеній А. А. Ржевскаго слѣдующія показаны въ нашихъ каталогахъ напечатанными особо:

1. Ода на день восшествія на престолъ императрицы Екатерины II. Спб., 1762. (Соп., № 7256; у Пл. и См. нѣтъ).

2. Ода на день рожденія императрицы Екатерины II. Спб., 1763. (Соп., № 7166; у Пл. и См. нѣтъ).

3. Ода его императорскому величеству императору Александру Павловичу, на всевожделѣннѣйшій день восшествія на всероссійскій престолъ. Спб., 1801. (У Соп. и Плав.— нѣтъ; Смирд., № 7876).

Б. Александра Ѳедотовна Ржевская, первая супруга предыдущаго, о которой уже упомянуто выше, была пятая изъ дочерей генералъ-майора Ѳедота Михайловича Каменскаго, отъ брака его съ Анною Алексѣевною Зыбиною (Рос. Род. книга Кн. П. Долг., ч. II, стр. 190). Она занималась живописью и музыкой; знала очень хорошо по-французски и итальянски и сочиняла на русскомъ языкѣ. Книга ея „Кабардинскія письма" осталась неизданною. Нѣкоторыя изъ ея стихотвореній помѣщены въ выходившихъ въ Москвѣ журналахъ, вѣроятно тѣхъ, которые издавалъ въ 1760—1763 годахъ Херасковъ. Къ сожалѣнію, она скончалась, какъ сказано выше, на 29 году жизни. Неизвѣстный стихотворецъ написалъ ей надгробіе, въ которомъ говорится о ея талантахъ и качествахъ (Матер. Ефр., стр. 93 и Слов. Свѣтск. пис. Евг., ч. II, стр. 144).

Необходимо замѣтить, что Алексѣя Андреевича Ржевскаго не должно смѣшивать, какъ это иногда бываетъ (см. напр. соч. Держ., изд. Академіи, т. I, стр. 794) съ камергеромъ двора Екатерины II, Александромъ Ильичемъ Ржевскимъ (род. 13 августа 1726, ум. 11 октября 1809), который былъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ Орловыхъ при возведеніи на престолъ Екатерины II, когда онъ былъ еще поручикомъ конной гвардіи и открылъ потомъ заговоръ Хитрова. Александръ Ильичъ не имѣлъ ничего общаго съ литературой (См. о немъ въ Рос. Род. книгѣ Кн. П. Долг., стр. 32, подъ № 125 и Рус. Арх., 1864 г., изд. 2, стр. 403 и 1867, книга IV, стр. 483).

Михаилъ Лонгиновъ.

Примѣчаніе. Считаемъ не лишнимъ замѣтить, что піиты: А. В. Нарышкинъ и А. А. Ржевскій, усердно воспѣвавшіе Екатерину II, воспѣвали, и притомъ весьма восторженно, ея супруга, Петра III, во время кратковременнаго царствованія этого государя. Выдержки изъ ихъ одъ, напечатанныхъ въ журналѣ Полезное увеселеніе 1762 г., приведены въ статьяхъ пишущаго эти строки: „Очеркъ царствованія императора Петра III." (Отечеств. Записки. 1867 г., кн. VIII стр. 757, 772—776 и кн. IX стр. 89—93). Какъ Нарышкинъ, такъ и Ржевскій особенно славили Петра III за освобожденіе дворянъ, уничтоженіе тайной канцеляріи и за прочія его реформы. Отдѣльныхъ изданій этихъ одъ—не было, да и послѣ возшествія на престолъ Екатерины II — таковыя изданія были бы не удобны для самихъ авторовъ.

Ред.

—

„ОБѢДЪ У МЕДВѢДЯ,“

Ненапечатанная басня И. А. Крылова.

Въ 1869 году, ко дню столѣтней годовщины рожденія русскаго баснописца, академія наукъ издала весьма полновѣсный и по объему, и по интересу—сборникъ статей и матеріаловъ, исключительно относящихся къ литературной дѣятельности Крылова. Въ помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ трудахъ А. Ѳ. Бычкова, Я. К. Грота, А. В. Никитенко и И. И. Срезневскаго, разсмотрѣна эта дѣятельность съ различныхъ сторонъ чрезвычайно обстоятельно, а въ замѣчательномъ трудѣ В. Ѳ. Кеневича (Прилож. къ сборн. стр. 1—340): „Библіографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова“ — изслѣдовано происхожденіе и значеніе каждой басни и подведены, такъ сказать, результаты трудамъ Крылова въ области созданія басень. По книгѣ г. Кеневича — Крылову принадлежитъ 199 басень. Н. И. Стояновскимъ найдена затѣмъ въ бумагахъ покойнаго его тестя, А. Н. Оленина, еще басня (200-я), приписываемая Крылову и имъ собственною рукою переписанная: „Пиръ“ (см. въ томъ же сборн. изд. ак. наукъ стр. 273 — 274).

Нынѣ „Русская Старина“ представляетъ на своихъ страницахъ еще одну, доселѣ неизвѣстную и нигдѣ ненапечатанную басню Крылова: „Обѣдъ у медвѣдя“; ею начинаемъ мы такимъ образомъ третью сотню басень Крылова.

Басня „Обѣдъ у медвѣдя» — найдена А. Н. Петровымъ въ рукописномъ сборникѣ первой четверти текущаго столѣтія, г. Шувчинскаго. Отцы и дѣды наши любили составлять рукописные сборники, а бабушки и маменьки — весьма дорожили альбомами; — въ тѣ и другіе вносились разные стишки, замѣтки, выписки; попадало сюда многое изъ печатнаго, откуда прямо и списывались вещи наиболѣе заинтересовывавшіе любителей словесности; многое же сохранено этими сборниками и альбомами такого, что̀ въ послѣднее время перешло изъ нихъ въ печать и сохраненію чего литература наша весьма благодарна. Къ числу любителей словесности принадлежалъ и полковникъ Шувчинскій († 1850 г.), отъ котораго сохранилось три, довольно оборванныхъ, на толстой синей бумагѣ написанныхъ, сборника. Одинъ изъ нихъ—въ 8-ю долю, безъ начала и конца, заключаетъ въ себѣ тщательно переписанными конецъ басни Крылова „Трудолюбивый медвѣдь“, и цѣлыя басни его же: „Обѣдъ у медвѣдя“, „Лягушка и Волъ“, „Заяцъ на ловлѣ“,— Дмитріева—„Супъ изъ костей“, Крылова—„Фортуна и нищій“, „Лисица и виноградъ“, Дмитріева—„Левъ и комаръ“, Крылова—„Зеркало и обезьяна“, „Чижъ и голубь“, Дмитріева—„Орелъ и змѣя“, „Обезьяны“, Карамзина—„Оселъ и лира“, Норова—„Богомольница“ *)

*) Вотъ эта маленькая не то басня, не то просто шутка:

Старушка съ четками ко всеношнямъ пошла,
И шедши, на пути, въ кабакъ зашла.
Пришедши съ кабака, во храмѣ божьемъ задремала,
И будящему ее дьячку такъ сказала:

Крылова: „Левъ на ловлѣ“, „Муха и дорожные“, и Хемницера—„Львиный указъ“. Подъ каждою баснею рукою переписчика сборника подписано имя автора и подъ баснею „Обѣдъ у медвѣдя“ четко написано Крыловъ. Вотъ эта басня, сколько извѣстно, до сихъ поръ нигдѣ не напечатанная:

Обѣдъ у медвѣдя.

Медвѣдь обѣдъ давалъ,
И созвалъ не одну родню свою Медвѣдей,
Но и другихъ звѣрей сосѣдей,
Кто только на глаза и въ мысль ему попалъ.
Поминки-ль были то, рожденье, имянины,
Но только праздникъ тотъ принесъ Медвѣдю честь,
И было у него попить что и поѣсть.
Какое кушанье! какой десертъ и вины!
Медвѣдь примѣтилъ самъ,
Что гости веселы, пирушкою довольны,
А чтобы угодить и болѣе друзьямъ,
Онъ тосты затѣвалъ и пѣсни пѣлъ застольны:
Потомъ, какъ со стола ужъ начали сбирать,
Пустился танцовать.
Лиса въ ладоши хлопъ: «Ай, Миша, какъ пріятенъ!
Какъ ловокъ въ танцахъ онъ, какъ легокъ, милъ и статенъ!»
Но Волкъ, сидѣвши рядомъ съ ней,
Ворчалъ ей на ухо: «Ты врешь, кума, ей-ей!
Откуда у тебя такая блажь берется?
Ну что тутъ ловкаго? какъ ступа онъ толчется».
— „Вздоръ самъ ты мелешь, кумъ, лиса на то въ отвѣтъ:
Не видишь, что хвалю танцора за обѣдъ?
А если похвала въ немъ гордости прибавитъ,
То, можетъ быть, онъ насъ и ужинать оставитъ.

Крыловъ.

Относительно приведенной нами басни Крылова мы спрашивали мнѣнія академика Я. К. Грота и В. Ѳ. Кеневича—лицъ долго и много трудившихся надъ изслѣдованіемъ литературной дѣятельности нашего баснописца. Я. К. Гротъ—нашелъ, что языкъ басни, манера автора и остроуміе вполнѣ напоминаютъ Крылова и что едвали можно сомнѣваться въ томъ, что „Обѣдъ у Медвѣдя“ принадлежитъ перу этого баснописца. В. Ѳ. Кеневичъ, напротивъ, заявилъ сомнѣніе въ принадлежности вновь открытой басни—Крылову и изложилъ это сомнѣніе въ особомъ письмѣ къ намъ. Вполнѣ соглашаясь съ своей стороны съ замѣчаніями почтеннаго В. Ѳ., что басня „Обѣдъ у Медвѣдя“ по языку и морали своей принадлежитъ къ числу не самыхъ удачныхъ басень, мы однако, въ ожиданіи болѣе убѣдительныхъ доводовъ, не колеблясь думаемъ, что эта басня—принадлежитъ перу того же баснописца, который написалъ: „Ворону и Лисицу“, „Квартетъ“,

---

«Нѣтъ, полно, батька мой, меня ты не проси —
Коль хочешь угостить, такъ внучкѣ поднеси».

„Тришкинъ кафтанъ", „Демьянову уху", „Вельможу" и проч. и проч. Тѣмъ не менѣе мы съ большимъ удовольствіемъ помѣщаемъ здѣсь письмо В. Ѳ. Кеневича.

«М. Г. Михаилъ Ивановичъ! Для рѣшенія предложеннаго вами вопроса, точно ли басня „Обѣдъ у Медвѣдя" принадлежитъ Крылову, на что она намекаетъ и къ какому періоду его дѣятельности принадлежитъ,—оказалось необходимымъ произвести столь обширное изслѣдованіе, требующее такого продолжительнаго времени, что я, при другихъ занятіяхъ, нахожусь вынужденнымъ сознаться, что не могу довести его до конца. Тѣмъ не менѣе признаю полезнымъ напечатаніе этой басни, какъ приписанной Крылову.

„Почему я не могу, при всѣхъ внѣшнихъ достоинствахъ этого произведенія, признать его произведеніемъ Крылова, это я постараюсь изложить здѣсь же.

„а) Всѣ доставленные вами сборники состоятъ изъ стихотвореній не только напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, но и обращавшихъ на себя вниманіе публики и составителей христоматій. Такъ, всѣ стихотворенія Жуковскаго выписаны въ томъ порядкѣ, въ какомъ они являлись въ „Вѣстникѣ Европы" (см. указатель Полуденскаго), а потомъ въ его же изданіи избранныхъ сочиненій. Басня „Обѣдъ у Медвѣдя" въ вашемъ спискѣ помѣщена на особыхъ листкахъ между б. Муха и дорожные, напечатанной въ первый разъ въ „Драматич. Вѣстникѣ", ч. III, № 85, и Лягушка и Волъ, „Драм. Вѣстн." ч. I № 2. Это обстоятельство заставило меня думать, не въ „Драматическомъ ли Вѣстникѣ" скрывается и медвѣжій обѣдъ, какъ-нибудь незамѣченный мною при составленіи моихъ примѣчаній къ б. Крылова. Оказалось, нѣтъ.

„Разсматривая ваши листки, я замѣтилъ, что рядомъ съ баснями, несомнѣнно принадлежащими Крылову, помѣщены басни Дмитріева, Хемницера, Карамзина и даже Богомольщица Норова. Важное указаніе. Но гдѣ въ первый разъ появилась въ печати „Богомольщица"? Безъ библіографическихъ указателей рѣшеніе такого вопроса потребуетъ года работы. А у кого столько досуга? Отсюда я вывелъ заключеніе, что всѣ эти басни списаны съ печатной книги—но съ какой именно? — Вотъ вопросъ, рѣшать который, за недосугомъ, не берусь.

„Итакъ, полагаю, означенная басня списана съ печатной книги, и притомъ съ какого-то сборника. Будь это иначе, не попала бы „Лягушка и Волъ" на второе мѣсто, когда ей принадлежитъ первое безспорно, но никакъ не съ рукописи. Въ этомъ удостовѣряетъ меня то, что:

„б) Въ рукописяхъ Крылова, принадлежащихъ г-ну Савельеву, заключающихъ въ себѣ черновыя наброски всѣхъ извѣстныхъ басень и даже начальные стихи неоконченныхъ, я не встрѣтилъ ни малѣйшаго намека на басню, напоминающую „Обѣдъ у Медвѣдя". Напрасно думаютъ, что Крыловъ былъ во всемъ небреженъ и неряшливъ. Къ славѣ своей онъ не былъ равнодушенъ, что подтверждаетъ и Плетневъ, а изъ тщательно сохраненныхъ рукописей, переданныхъ незадолго до смерти въ вѣрныя руки, не трудно убѣдиться, что и судъ потомства не былъ для него безразличенъ. Въ подтвержденіе этой мысли я могу

сослаться на многія мѣста моихъ примѣчаній и не лишнимъ считаю привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ предисловія къ нимъ: «Извѣстно, что Крыловъ былъ къ себѣ несравненно строже, чѣмъ его читатели: онъ по многу разъ переписывалъ одну и ту же басню, всякій разъ передѣлывалъ ее и удовлетворялся только тогда, когда въ ней не оставалось ни одного слова, которое, какъ онъ выражался, ему пріѣдалось".

„Если бы басня Обѣдъ у Медвѣдя была дѣйствительно написана Крыловымъ, мы нашли бы въ его рукописяхъ хоть малѣйшій намекъ на нее. Точно такія же соображенія привели меня къ убѣжденію, что басня Конь, долгое время ходившая въ рукописяхъ подъ его именемъ, не принадлежитъ ему. И это соображеніе вполнѣ подтвердилось М. П. Погодинымъ, которому извѣстно имя настоящаго ея автора. Поэтому я убѣжденъ, что и басня Пиръ, написанная на четвертушкѣ рукою самого Крылова, а потому признанная принадлежащею ему, не принадлежитъ ему, а списана имъ съ печатнаго.

„в) Могутъ мнѣ возразить: во времена Крылова было въ модѣ писать экспромты; Пушкинъ, Лермонтовъ, Батюшковъ, даже тяжеловѣсный Гнѣдичъ писали экспромты. И. Крыловъ, хотя мало, но писалъ экспромтами, но не басни: къ этому роду, какъ къ своей спеціальности, онъ относился благоговѣйно. Составленныя имъ два посланія экспромтомъ довольно неуклюжи, а потому трудно допустить, чтобы онъ, человѣкъ осторожный и осмотрительный, свою славу, славу баснописца, каждое произведеніе котораго есть chef-d'oeuvre, подвергъ такому риску. Отвергать ли предположеніе, что составитель сборника списалъ эту басню съ рукописи, единственное во всемъ сборникѣ произведеніе не напечатанное? Полагаю, не стóитъ. Владѣтельница автографа Пиръ увѣряетъ, что эта басня Крылова была запрещена цензурою (хотя трудно понять, чтó въ этой баснѣ усмотрѣла цензура не удобопечатаемаго); пусть такъ; мы готовы вѣрить; но что можно найти въ баснѣ „Обѣдъ у Медвѣдя"? Тутъ и на цензуру нельзя сослаться. Да и то надо замѣтить, что въ отношеніи цензуры, Крыловъ былъ очень остороженъ, и не подвергалъ себя неизвѣстности на ея счетъ. Доказательство тому: Пестрыя овцы.

„г) Перехожу къ внутренней сторонѣ вопроса. Что представляетъ собою эта басня? Легкую насмѣшку надъ извѣстною личностію. Кто ни прочтетъ басню, немедленно, незадумываясь, узнаетъ въ Медвѣдѣ—Хвостова, который дѣйствительно кормилъ, поилъ, даже платилъ, чтобы слушали его стихи. Обобщено ли это явленіе? Оно остается единичнымъ представленіемъ безъ всякаго вывода — а это противно понятію Крылова о баснѣ. Возьмите Лжеца, Любопытнаго*) и другія басни, написанныя по извѣстному случаю—въ нихъ тоже общее,

---

*) Послѣ изданія моихъ примѣчаній я узналъ, что у покойнаго А. С. Норова за столомъ однажды одинъ пріѣзжій изъ провинціи гость разсказывалъ о своемъ посѣщеніи академическаго музея. Кто-то изъ слушавшихъ спросилъ: «Ну, а слона видѣли?»—Какого слона?—«Да слона, что въ музеѣ».—«Ну виноватъ! слона-то я и не примѣтилъ». Послѣднія слова и послужили основою басни «Любопытный». В. Ө. Кеневичъ.

широкое значеніе, та же неопровержимая глубокая истина, какъ и въ тѣхъ басняхъ, которыя задуманы баснописцемъ на основаніи другихъ, болѣе серьёзныхъ и общихъ явленій жизни. Что можно вывести изъ медвѣжьяго обѣда?—Ровно ничего. Была хитрая лисица, былъ благоразумный, честный волкъ (а гдѣ у Крылова честный волкъ?), очень напоминающій собою собаку въ б. фонъ-Визина „Лиса-Кознодѣй", былъ глупый медвѣдь—и что же далѣе?.. Нѣтъ, такой пустой басни Крыловъ не могъ написать.

„Обращая вниманіе на самый языкъ, не можемъ не признать, что въ этомъ отношеніи басня далеко уступаетъ всему, что было въ этомъ родѣ написано Крыловымъ.

Слѣдующіе стихи:

..... въ мысль ему попалъ.
Поминки-ль были то, рожденье, имянины,
Но только праздникъ тотъ принесъ Медвѣдю честь.
И было у него попить что и поѣсть.

Или:

Онъ тосты затѣвалъ и пѣсни пѣлъ застольны;

Или слова:

танцовать... въ ладоши хлопъ... пріятенъ... ловокъ въ танцахъ...

Или стихъ:

Откуда у тебя такая блажь берется?

всѣ эти стихи и отдѣльныя слова, по нашему мнѣнію, не соотвѣтствуютъ общему, совершенно правильному понятію о языкѣ Крылова, „живописующемъ, какъ выразился Жуковскій, самые предметы вводимые имъ въ разсказъ". Не трудно въ приведенныхъ мною стихахъ и отдѣльныхъ словахъ замѣтить, которые изъ нихъ лишніе и вставлены ради риѳмы, которые не содержатъ образа или не соотвѣтствуютъ самой мысли. А если въ баснѣ оказываются не только отдѣльныя слова, но и цѣлыя строки, которыя можно выбросить или замѣнить, то уже навѣрное можно сказать, что она не принадлежитъ Крылову, у котораго всякая басня такъ выполнена, что малѣйшее нарушеніе выраженія нарушаетъ уже самую мысль.

„Вотъ, м. г. Михаилъ Ивановичъ, мои соображенія. Правильны ли они, или неправильны, рѣшитъ тотъ, у кого найдется терпѣнія и досуга, чтобы перебрать сотень пять-шесть томовъ; и если бы онъ нашелъ ихъ неправильными, мнѣ было бы больно, не потому что я долженъ былъ бы сознаться въ своей ошибкѣ, но потому, что я долженъ былъ бы убѣдиться, что и столь великій человѣкъ какъ Крыловъ способенъ былъна очень малыя дѣла». **В. Кеневичъ.**

Какъ ни уважительны повидимому доводы В. Ѳ. Кеневича, но мы все-таки повторяемъ: не убѣждаемся въ томъ, чтобы „Обѣдъ у Медвѣдя" не принадлежалъ Крылову. Напомнимъ лишь слѣдующее: 1) изъ статьи академика М.-Лобанова, „О жизни и сочиненіяхъ Крылова" *), знавшаго его чрезвычайно близко и весьма долго мы знаемъ,

*) Изд. Спб. 8 д. 1847 г. стр. 48 и друг.

что Крыловъ весьма небрежно относился къ своимъ автографамъ, и множество весьма интересныхъ собственной руки списковъ и варьянтовъ его басень, брошенные имъ подъ кровать въ корзину,—найдены на чердакѣ квартиры имъ занимаемой; множество оргинала имъ и вовсе уничтожено—либо пропало по небрежности его и его прислуги. Слѣдовательно, ненахожденіе подлиннаго автографа приведенной нами басни, не есть еще аргументъ особенно сильный; 2) далеко не всѣ басни Крылова такъ совершенны, какъ то думаетъ г. Кеневичъ. Стóитъ только повнимательнѣе прочесть библіографическія примѣчанія самого г. Кеневича въ указанномъ нами изданіи академіи наукъ, или прочесть весьма основательный критическій разборъ басень Крылова—написанный В. И. Водовозовымъ (Нов. рус. литер. изд. 1866 г. стр. 54—96.)—и каждый съ этимъ согласится. Поэтому, присутствіе не совсѣмъ безупречныхъ съ художественной стороны стиховъ, либо и лишнихъ словъ въ баснѣ „Обѣдъ у Медвѣдя"—не есть еще убѣдительный доводъ въ томъ, что это басня не Крылова: 3) ни изъ чего не видно, чтобы „Обѣдъ у Медвѣдя" написанъ по поводу піиты Хвостова. Мало ли магнатовъ и всякихъ сильныхъ міра въ двадцатыхъ годахъ прикармливали разныхъ прихлебателей и льстецовъ; почему не допустить, что эта басня написана на какого-нибудь вельможу и Крыловъ вслѣдствіе этого либо не пустилъ ее въ печать, либо не пропустила ее цензура. Что же касается вопроса г. Кеневича, почему бы могла не пропустить эту басню цензура? то на это можно отвѣтить вопросомъ же: неужели В. Ѳ. Кеневичъ забылъ такихъ цензоровъ, какъ г. Красовскій, и многое множество ему подобныхъ, которые на предложенный г. Кеневичемъ вопросъ и сами не могли бы отвѣтить, а тѣмъ не менѣе красный карандашъ полосилъ да полосилъ и стихи, и басни, и повѣсти, и романы, и историческія изслѣдованія!...

Наконецъ 4) Составитель рукописнаго сборника, въ которомъ найдена басня „Обѣдъ у Медвѣдя" — очень хорошо видно зналъ принадлежность каждой басни тому или другому автору — и вотъ онъ списываетъ произведенія пера Дмитріева, Карамзина, Хемницера, Норова, но болѣе всего видно чтитъ и любитъ Крылова. Трудно допустить, чтобы особенно любя и уважая произведенія этого баснописца, владѣлецъ сборника сдѣлалъ столь грубую ошибку, что приписалъ бы Крылову то, что ему не принадлежитъ?

Итакъ, отнюдь не отнимая подобающаго значенія въ замѣткахъ В. Ѳ. Кеневича, мы подождемъ болѣе фактическаго опроверженія нашей полной увѣренности въ томъ, что вновь открытая басня: „Обѣдъ у Медвѣдя" принадлежитъ именно И. А. Крылову. **Ред.**

Разсказы объ И. А. Крыловѣ.

Напечатанные г. Де-Пуле анекдоты о Крыловѣ *) напомнили мнѣ три разсказа о немъ, слышанные мною отъ его современниковъ, знавшихъ его коротко. Предупреждаю, что они незначительны; но Крыловъ оставилъ по себѣ такъ мало свѣдѣній, что каждое его слово пріобрѣтаетъ интересъ для потомства. **В. Ѳ. Кеневичъ.**

*) „Русская Старина", т. I, стр. 371—474.

I.

Извѣстно, что Крыловъ любилъ хорошо поѣсть и ѣлъ очень много. Садясь за столъ въ англійскомъ клубѣ, членомъ котораго онъ состоялъ до смерти, онъ повязывалъ себѣ салфетку подъ самый подбородокъ и обшлагомъ стиралъ съ нея капли супа и соуса, которые падали на нее; отъ движенія салфетка развязывалась и падала; но онъ не замѣчалъ и продолжалъ обшлагомъ тереть по бѣлому жилету (который онъ носилъ почти постоянно) и по манишкѣ. Каждаго подаваемаго блюда онъ клалъ себѣ на тарелку столько, сколько его влѣзало. По окончаніи обѣда онъ вставалъ и, помолившись на образъ, постоянно произносилъ: „Много-ли надо человѣку"? что возбуждало общій хохотъ въ его сотрапезникахъ, видѣвшихъ, сколько надобно Крылову.

II.

Крыловъ относился въ преклонныхъ лѣтахъ къ литературѣ совершенно равнодушно, за то неоднократно упрекали его друзья и товарищи; но иногда и онъ произносилъ свои сужденія надъ явленіями, противорѣчившими его ясному, широкому взгляду на дѣло. Такъ осудилъ онъ „Méditations" Ламартина, разсужденіе о баснѣ Хвостова, критику на Пушкинскаго „Руслана". Судъ его во всѣхъ трехъ случаяхъ хотя рѣзокъ, но вѣренъ. Но вотъ еще его сужденіе объ одномъ изъ корифеевъ нашей журналистики тридцатыхъ годовъ, переданный намъ однимъ изъ слышавшихъ его своими ушами.

Первые томы „Библіотеки для Чтенія" производили на публику живѣйшее впечатлѣніе и возбуждали горячіе, иногда ожесточенные споры. Статьи Сенковскаго, какъ аріи Рубини и Альбони, становились вопросомъ дня, за неимѣніемъ другихъ вопросовъ. Однажды у Олениныхъ, послѣ обѣда, сидѣлъ Крыловъ съ сигарою въ зубахъ въ кабинетѣ хозяина въ полусонномъ состояніи и, повидимому, совершенно безучастно къ тому, что происходило кругомъ. А между тѣмъ кругомъ собралась молодежь и горячо шумѣла по поводу какой-то статьи Сенковскаго.

Одни утверждали, что въ своихъ предположеніяхъ, выводахъ, соображеніяхъ авторъ обнаруживаетъ умъ чуть ли не геніальный. Другіе доказывали, что всѣ эти предположенія, выводы и соображенія не что иное, какъ парадоксы. Послѣдніе побѣдили, а первые, не желая уступить поля, предложили помириться на томъ, что авторъ человѣкъ очень умный, хотя у него умъ парадоксальный.

— Вотъ вы говорите: умный, сказалъ Крыловъ, на котораго никто не обращалъ вниманія, полагая, что онъ спитъ:—умный! Да умъ-то у него дурацкій.

Тѣмъ вопросъ и былъ порѣшенъ, покрайней мѣрѣ на этотъ разъ.

III.

Находчивость и острота, о которыхъ такъ много разсказываютъ Плетневъ и Лобановъ, обнаруживались у Крылова иногда въ самыхъ мелкихъ, незначительныхъ случаяхъ.

Однажды на набережной Фонтанки, по которой онъ обыкновенно ходилъ въ домъ Оленина, его нагнали три студента, изъ коихъ одинъ, вѣроятно, не зная Крылова, почти поровнявшись съ нимъ, громко сказалъ товарищу:

— Смотри, туча идетъ.

— И лягушки заквакали, спокойно отвѣчалъ баснописецъ въ тотъ же тонъ студенту. **В. Ѳ. Кеневичъ.**

IV *).

Пушкинъ прочелъ „Бориса Годунова" Крылову, зная впередъ, что Ивану Андреевичу, строгому классику, не можетъ быть понутру такая не-классическая драма. Крыловъ слушалъ прилежно и очень хвалилъ частности, но не сказалъ ни слова о цѣломъ сочиненіи. Тогда его, спросилъ Пушкинъ:

— Вѣрно вамъ не нравится мой „Борисъ"?

Въ отвѣтъ на это и послѣдовалъ отъ И. А. апологъ, приведенный на стр. 472-й „Русской Старины". Но этотъ апологъ кончался иначе: „проповѣдникъ говорилъ, что всякое созданіе Божіе есть верхъ совершенства. Горбунъ съ горбами спереди и сзади подошелъ къ каѳедрѣ проповѣдника, показалъ ему свои горбы и спросилъ его: „неужели и я верхъ совершенства?" а проповѣдникъ, удивившись его безобразію, отвѣтилъ: „да, между горбунами горбатѣе тебя нѣтъ, ты совершеннѣйшій горбунъ. Такъ и твоя драма, Александръ Сергѣевичъ; она наипрекрасна въ своемъ родѣ" прибавилъ Иванъ Андреевичъ. Это было при Жуковскомъ. **С. А. Соболевскій.**

—

Посланіе Кондратія Ѳедоровича Рылѣева къ А. А. Бестужеву, по поводу поѣздки А. Бестужева въ Кронштадтъ.

Ты разлѣнился ужъ не кстати,
Бѣглецъ парнаса молодой.
Скажи, что сдѣлалось съ тобой?
Въ своемъ болотистомъ Кронштадтѣ —
Ты позабылъ совсѣмъ о братѣ
И о поэтѣ—что порой,
Сидя какъ труженикъ въ палатѣ,
Чтобъ свой исполнить долгъ святой,
Забылъ и нѣгу и покой....
Но тщетны всѣ его порывы:
Укоренившееся зло,
Свое презрѣнное чело,
Какъ кедръ ливана горделивый
Превыше правды вознесло.

*) Настоящій разсказъ о Крыловѣ есть болѣе исправная и полная редакція анекдота, напечатаннаго въ I-мъ томѣ «Русской Старины», на стр. 472. Эта поправка намъ сообщена—С. А. Соболевскимъ. Ред.

Такъ.... сдѣлавшись жрецомъ ѳемиды
Я о Парнасѣ позабылъ....
Къ тому-жъ боюсь, чтобъ аониды
За то, что я имъ измѣнилъ,
Пѣвцу не сдѣлали обиды.
Хоть я и не красивъ собой,
Но музы изстари ревнивы.
А я—любовникъ боязливый....
И вотъ что, другъ мой молодой,
Въ столицѣ вкуса прихотливой
Молчанью моему виной.
Твое-жъ молчанье непонятно!...
Драгунъ ты хоть куда лихой,
Остришься ловко и пріятно,
И приголубивъ нѣжныхъ музъ,
Ихъ такъ плѣнить умѣлъ собою—
Что въ дѣтствѣ соверша союзъ,
Онѣ вертлявою толпою,
Вездѣ порхаютъ за тобою,
И не измѣнятъ никогда,
Пока ты всѣмъ имъ не измѣнишь;
Но кажется—что иногда
Ты ласковость ихъ худо цѣнишь.
Такъ напримѣръ: прошелъ здѣсь слухъ,
Не знаю я, по-чьей огласки,
Что будто Мейеровой глазки
Твой возмутили твердой духъ;
И вѣрность къ дѣвамъ пѣснопѣній
Поработилъ свободный геній,
Поколебалъ любви недугъ....
А между тѣмъ, какъ очарованъ,
Ты юной прелестію глазъ,
Паѳосскихъ шалостью проказъ
Къ Кронштадту скучному прикованъ,
Забвенью предаешь парнасъ,
Одинъ пигмей литературный
Изъ грязи выникнувъ главой,
Дерзнулъ взглянуть на сводъ лазурный
И вызывать тебя на бой.

26 апрѣля 1822 г. **К. Ѳ. Рылѣевъ.**

Примѣчаніе. Стихотвореніе Рылѣева, напечатанное нами, не вошло въ полное собраніе его сочиненій, изданное въ 1861 г. и не было помѣщено при жизни автора въ журналахъ его времени. Мы его напечатали со списка, собственной руки его друга, Михаила Александровича Бестужева, который и сообщилъ намъ это интересное, собственно въ біографическомъ отношеніи, произведеніе музы Рылѣева. Извѣстно, что Рылѣевъ первоначально служилъ въ артиллеріи, потомъ, женившись (22 января 1820 г.), взялъ отставку и поселился въ деревнѣ.

„Его качества, такъ разсказываетъ о немъ его другъ Н. А. Бестужевъ, заставили сосѣдей избрать Рылѣева засѣдателемъ въ палату уголовнаго суда по Петербургской губерніи.

„Сострадание къ человѣчеству, нелицепріятіе, пылкая справедливость, неутомимая защита истины — продолжаетъ тотъ же писатель, восторженный другъ Рылѣева: сдѣлали К. Ѳ. извѣстнымъ въ столицѣ. Между простымъ народомъ имя и честность его вошли въ пословицу. Однажды, по важному подозрѣнію, схваченъ былъ какой-то мѣщанинъ и представленъ бывшему тогда военному губернатору Милорадовичу. Сдѣлали ему допросъ: но какъ степень виновности могла только объясниться собственнымъ признаніемъ, то Милорадовичъ грозилъ ему всѣми наказаніями, ежели онъ не сознается. Мѣщанинъ былъ невиненъ и не хотѣлъ брать на себя напрасно преступленія. Тогда Милорадовичъ, соскуча запирательствами, объявилъ, что отдастъ его подъ уголовный судъ, зная, какъ неохотно русскіе простолюдины ввѣряются судамъ. Онъ думалъ, что этотъ человѣкъ, отъ страха суда, скажетъ ему истину, но мѣщанинъ вмѣсто того упалъ ему въ ноги и съ горячими слезами благодарилъ за милость.

— Какую же милость оказалъ я тебѣ? спросилъ губернаторъ.

— Вы меня отдали подъ судъ, отвѣчалъ мѣщанинъ: - и теперь я знаю, что избавлюсь отъ всѣхъ мукъ и привязокъ; знаю, что буду оправданъ! Тамъ есть Рылѣевъ: онъ не даетъ погибать невиннымъ!

„Это происшествіе, болѣе всѣхъ похвалъ, даетъ понятіе о дѣйствіяхъ сего человѣка. Я не скажу ничего о извѣстномъ дѣлѣ Разумовскихъ крестьянъ: мнѣніе Рылѣева о сихъ несчастныхъ было написано съ силою чувствованій, защищавшихъ невинное дѣло. Вельможи, власти, судьи, угождающіе силѣ — все было противъ, одинъ Рылѣевъ взялъ сторону угнетенныхъ; и это его мнѣніе будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ истины, свидѣтелемъ, съ какою смѣлостью Рылѣевъ говорилъ правду"... *).

Что касается до А. А. Бестужева, къ которому писано посланіе, то онъ, начавъ свою литературную дѣятельность въ 1819 г., въ 1822 г. пользовался уже извѣстностью весьма даровитаго и остроумнаго писателя. Кромѣ многихъ статей въ „Сынѣ Отеч.," и „Соревн. Просвѣщ." Бестужевъ издалъ еще въ 1821 году —интересную книгу: „Поѣздка въ Ревель." Подъ словомъ „пигмей литературный" Рылѣевъ чуть ли ни разумѣетъ Катенина, полемизировавшаго въ то время съ Бестужевымъ. См. мою статью о Бестужевѣ („От. Зап." 1860 г., кн. V, стр. 129—132). О Рылѣевѣ см. интересную статью г. Кропотова въ „Русск. Вѣстн." 1869 г., кн. III.

—

Стихотворенія Якова Ивановича Ростовцева. Я. И. Ростовцевъ въ 1820 годахъ былъ извѣстенъ какъ стихотворецъ. Ему принадлежитъ нѣсколько весьма недурныхъ пьесъ, напечатанныхъ въ журналахъ того времени и цѣлая трагедія: „Персей," изданная имъ отдѣльною книгою въ 1823 году. Еще въ 1827 году Я. И.

---

*) Изъ подлинной рукописи, написанной Николаемъ Александровичемъ Бестужевымъ: «Воспоминаніе о К. Ѳ. Рылѣевѣ». Ред.

Ростовцевымъ были напечатаны отрывки изъ другой его трагедіи „Дмитрій Пожарскій“ (Москов. Вѣстн.). Служебныя занятія отвлекли Я. И. Ростовцева отъ литературы, но онъ до самой смерти сохранилъ любовь къ ней, съ особеннымъ удовольствіемъ декламировалъ отрывки изъ трагедій своего времени, либо читалъ басни; декламировалъ же онъ вообще очень хорошо; въ тоже время онъ любилъ писать къ друзьямъ и къ весьма близкимъ ему людямъ шутливыя посланія. Мы имѣемъ, напр., его шутку-стихи „Горшокъ“, написанныя на имянины г. Микулина. Другую шутку помѣщаемъ здѣсь со списка, сообщеннаго намъ Н. С. Л. Стихи эти написаны Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ для родственника его И. С. Ш—ва, по случаю опредѣленія послѣдняго на должность секретаря при президентѣ академіи наукъ въ 1849 г.

Однообразною наскучивши работой *),
Теперь вы новою облечены заботой,
И будь благословенъ тотъ часъ
Когда правительство постигло васъ (sic)
И высшее дало вамъ назначенье,
Храмъ мудрости вамъ ввѣривъ въ управленье.
Луна, Меркурій, Марсъ, Уранъ
И солнце самое подвластно вамъ;
Какъ у блюстителя природы
Во власти вашей всѣ уроды;
Музеумъ дивами богатый;
Міръ насѣкомый, міръ пернатый.
Да что тутъ говорить—весь міръ!
Весь вашъ и вы его кумиръ.

* * *

Нынѣ Брюсса вы наслѣдникъ,
Неба и земли посредникъ;
Некрологъ для всѣхъ царей
И отецъ календарей.

Подлинное стихотвореніе, находящееся въ семействѣ гг. Ши—выхъ, писано на листѣ писчей бумаги и надъ первою его строфою рукою покойнаго Ростовцева нарисованъ карандашомъ филинъ, сидящій на большомъ фоліантѣ съ надписью „1849.“

Иногда въ посланіяхъ Ростовцева шутливый тонъ смѣнялся довольно серьезнымъ, и въ его словахъ какъ бы слышались слезы. Въ подтвержденіе этого—приводимъ другое, позднѣйшее посланіе Я. И. къ товарищу его по воспитанію, въ пажескомъ корпусѣ, Александру Николаевичу Креницыну. Посланіе это написано Ростовцевымъ экспромтомъ, въ отвѣтъ на записку Креницына, карандашомъ:

А. Н. Креницыну.

Благодарю тебя, другъ дѣтства,
За рѣчи добрыя твои;

*) И. С. Ш—въ первоначально служилъ по военному вѣдомству у Я. И. Ростовцева.

Не изъ видовъ, не изъ кокетства
Мы говоримъ: „вѣдь мы свои;“
Нѣтъ, мы свои по чувству чести:
И твой, и мой языкъ чуждъ лести;
Ты честно жилъ въ тиши полей,
Жилъ честно я въ котлѣ страстей—
И такъ мы отжили полвѣка;
Я, ради риѳмы, не солгу:
Люблю въ тебѣ я человѣка
И чести честнаго слугу;
И шлю тебѣ желанья брата:
Чтобъ западъ дней твоихъ былъ тихъ;
Чтобъ мимо шла тебя утрата
Друзей великихъ и святыхъ;
Чтобъ не влачилъ ты крестной ноши
И подъ ярмомъ не упадалъ;
Не бился зайцемъ по порошѣ
И снова жить не зачиналъ;
Дай Богъ тебѣ: не знать собратій,
Не чуять петли изъ объятій,
Душой безплодно не отцвѣсть
И вѣрить вѣкъ въ людскую честь;
На берегъ выдти внѣ волненья,
Не встрѣтить въ жизни лишь борьбу;
И внѣ хвалы, внѣ оскорбленья
Благословить свою судьбу.

10 ноября 1853 г. **І. Ростовцовъ** *).

Н. И. Гречъ. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, по Петербургу нерѣдко ходили остроты Н. И. Греча; мнѣ, какъ человѣку довольно часто видавшемуся съ нимъ, приходилось иногда бывать свидѣтелемъ и появленія на свѣтъ этихъ остротъ и того впечатлѣнія, которое онѣ производили на общество. Вотъ двѣ-три такихъ остроты.

I. Привезли и поставили противъ академіи художествъ сфинксы, тѣ самые, которые стоятъ неподвижно вотъ и теперь. Тогдашняго президента академіи Оленина давно смущало желаніе написать что-нибудь на нихъ: Богъ ужъ его знаетъ, что именно его тревожило — желаніе ли видѣть произведеніе своего ума начертаннымъ на камняхъ, испещренныхъ древними надписями, другая ли была на это какая причина—не знаю, только въ одинъ прекрасный день на сфинксахъ появилась біографія ихъ, очень неловко составленная въ литературномъ отношеніи и начинавшаяся словами: „сіи огромные сфинк-

*) Стихотвореніе это буквально списано съ автографа Я. И. Ростовцова, хранившагося у А. Н. Креницына († 28 августа 1865 г.) и впервые напечатано нами въ статьѣ: «Библіографическія замѣтки» (Отеч. Записки 1865 г., кн. 16, стр. 293 — 294). Тогдашняя цензура не пропустила двѣ строки, напечатанныя нынѣ разрядкой. Въ томъ же 1865 г. это же стихотвореніе я перепечаталъ вполнѣ въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ“ № 241 въ некрологѣ: «А. Н. Креницынъ.» **Ред.**

сы....“ Надо замѣтить при этомъ, что самъ Оленинъ былъ маленькаго росту. Прошло сколько-то времени. Удивительная надпись на сфинксахъ сдѣлалась всѣмъ извѣстною и много вызвала она улыбокъ. Привозятъ изъ Италіи картину Брюлова „Послѣдній день Помпеи.“ Всѣ знавшіе художника литераторы, артисты и члены академіи задумали встрѣтить его обѣдомъ въ залахъ академіи. Собрались и ждутъ; былъ въ числѣ приглашенныхъ и Гречъ, усѣвшійся гдѣ-то на окнѣ или у окна. Тогдашній конференцъ-секретарь академіи В. И. Григоровичъ, когда все уже было готово, сталъ звать идти въ обѣденную залу. Всѣ засуетились, встали съ своихъ мѣстъ—кому же идти впередъ? Одинъ Гречъ, спокойно сидѣвшій все время на своемъ окнѣ, указывая пальцемъ на Оленина, отвѣтилъ Григоровичу: Да пусть насъ ведутъ туда сіи огромные сфинксы.

Общій хохотъ покрылъ эту остроту. Оленинъ, человѣкъ впрочемъ весьма почтенный, кажется, не шутя тогда обидѣлся.

II. Произвели въ какой-то придворный чинъ какого-то Баркова, рыжаго, рябого, быть можетъ человѣка и очень хорошаго, но съ физіономіей крайне неудачной. Гречъ говорилъ, что онъ напрасно не издастъ своего портрета: это была бы великолѣпная виньетка къ стихотвореніямъ извѣстнаго Ив. Сем. Баркова. Этой остротѣ, говорятъ, всякій разъ улыбался и императоръ Николай, когда встрѣчалъ гдѣ-нибудь однофамильца Екатериненскаго поэта.

III. У Греча былъ крестъ Владиміра 4 ст. Онъ его никогда не носилъ въ петлицѣ, но крестъ всегда былъ при немъ въ жилеточномъ карманѣ. „Зачѣмъ вы его тамъ держите?“ кто-то спросилъ его.—„Для извощиковъ, чтобы вѣжливѣе были, а для общества-то у меня кусокъ мяса во рту.“ Гречъ зналъ, что онъ хорошій разсказчикъ и остроумной собесѣдникъ.

IV. Разъ на какомъ-то обѣдѣ, среди звѣздоносцевъ въ мундирахъ сидѣлъ и Гречъ въ черномъ фракѣ; извѣстный въ царствованіе Александра I, генералъ Соломка, бывшій тутъ-же, фамильярно замѣтилъ ему:—всѣ мы, Николай Ивановичъ, взысканы монаршими милостями, видишь, всѣ въ орденахъ, мундирахъ; одинъ ты между нами, какъ сапожникъ, во фракѣ.“—„Что-жъ дѣлать, отвѣтилъ Гречъ, и то сапожникъ—чиню вамъ всѣмъ головы.“ Сообщ. **Н. Н. Терпигоревъ.**

Памятникъ Богдану Хмельницкому. Теперь, когда вопросъ о сооруженіи памятника безсмертному вождю Малороссіи переходитъ въ область осуществившихся фактовъ, когда модель этого памятника, вылѣпленная М. О. Микѣшинымъ, высочайше утверждена, не безъинтересно замѣтить, что самая мысль о сооруженіи подобнаго памятника отнюдь не нова. Она высказана еще въ 1844 году русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, Василіемъ Ивановичемъ Фрейгангомъ, человѣкомъ, несмотря на его иностранную фамилію, душею и сердцемъ русскимъ и свѣтло понимавшимъ интересы обожаемаго имъ отечества. Предположеніе о памятникѣ было высказано В. И. Ф. въ особой запискѣ „о Славянствѣ“, написанной имъ на французскомъ языкѣ и представленной имъ графу Медему — въ Вѣну, гр. Нессельроде и графу (впослѣд-

ствіи князю) А. Ѳ. Орлову въ Петербургѣ. Такимъ образомъ, еще за десять лѣтъ до наступленія двухсотлѣтней годовщины присоединенія Малороссіи къ Россіи — было сдѣлано предложеніе о томъ, чтобы Россія воздала дань уваженія одному изъ геніальнѣйшихъ подвижниковъ величія и славы всей-Россіи, и слѣдовательно было и время, и досугъ неторопливо осуществить эту мысль; но люди подобные гр. Нессельроде менѣе всего могли сочувствовать высказанной мысли. Вотъ предложеніе В. И. Фрейганга, весьма обязательно сообщенное намъ сыномъ его, контръ-адмираломъ А. В. Фрейгангомъ. Ред.

—

«Поляки любятъ считать поляками не только малороссовъ Галичины, но и жителей всей Малороссіи и присвоиваютъ себѣ право смотрѣть даже на Кіевъ, какъ на польскую землю, эту древнюю и священную колыбель Россіи и православія. Для всегласнаго опроверженія этого увѣренія, столько же исторически ложнаго, сколько оскорбительнаго для русской національности, было бы, быть можетъ, умѣстно воздвигнуть въ Переяславлѣ бронзовый памятникъ гетману Богдану Хмельницкому. Подъ ноги упомянутаго гетмана слѣдовало бы при этомъ повергнуть папскую тіару, турецкій бунчукъ и польскій орелъ,—эмблемы злѣйшихъ его враговъ; въ одну руку гетмана дать знамя, полученное имъ отъ московскаго царя, а другою рукою гетманъ клянется въ вѣчной вѣрности Россіи и православію. Таковой памятникъ необходимо соорудить именно въ Переяславлѣ, гдѣ этотъ торжественный актъ происходилъ безъ малаго 200 лѣтъ тому назадъ».

Примѣчаніе. Такъ какъ въ наше распоряженіе предоставлено А. В. Фрейгангомъ довольно много интересныхъ бумагъ его отца, которыя мы и надѣемся постепенно представить на страницахъ „Русской Старины“, то считаемъ необходимымъ привести здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія, относящіяся до жизни Василія Ивановича Фрейганга. Онъ былъ сынъ лейбъ-медика Ивана Ѳедоровича Фрейганга (1755—1815 г.), родился въ С.-Петербургѣ въ 1783 г. и воспитывался въ Петропавловской школѣ. Записанный съ 1793 г. вахмистромъ въ л. гв. конный полкъ, началъ онъ службу въ 1797 г. въ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ юнкеромъ, произведенъ въ 1799 г. въ переводчики и переведенъ въ 1800 г. въ канцелярію вице-канцлера князя Куракина. Въ 1802 году получилъ отпускъ для слушанія лекцій въ Геттингенскомъ университетѣ; по возвращеніи оттуда въ началѣ 1805 г. докторомъ философіи, Фрейгангъ поступилъ снова въ коллегію, откуда осенью того же года былъ назначенъ къ генералу графу Буксгевдену для иностранной переписки; а послѣ аустерлицкой кампаніи въ 1806 г. по той же должности къ главнокомандующему молдавской арміи, генералу Михельсону. Отправленный симъ послѣднимъ въ 1807 г. съ письменными и словесными порученіями къ государю, онъ засталъ императора въ Тильзитѣ, гдѣ поступилъ на короткое время къ князю Куракину. Вскорѣ Фрейгангъ былъ назначенъ состоять при посольствахъ въ Вѣнѣ и Парижѣ. Прослуживъ 1810 г. въ Петербургѣ, Василій Ивановичъ сопровождалъ кавказскаго генералъ-губернатора маркиза Паулуччи въ Тифлисъ и былъ посланъ въ 1812 г. генераломъ Ртищевымъ въ Персію для мирныхъ перего-

воровъ. По возвращеніи съ Кавказа въ Петербургъ въ 1813 г., послѣдовательно состоялись назначенія Фрейганга старшимъ секретаремъ посольства при нидерландскомъ дворѣ въ 1814 г., генеральнымъ консуломъ въ Саксонское королевство въ 1820 г. и генеральнымъ же консуломъ въ Ломбардо-Венеціанское королевство въ 1834 году. В. И. Фрейгенгъ умеръ въ Венеціи въ 1849 г. во время осады этого города австрійцами. Ред.

—

Распоряженіе о формѣ прически. Приказъ по корпусу гражданскихъ топографовъ и по учебнымъ заведеніямъ министерства государственныхъ имуществъ. С.-Петербургъ. Сентября 30 дня, 1840 г. № 29. Въ приказѣ по военному вѣдомству, отъ 15 ноября 1837 года, за № 115, объявлено, что государь императоръ находя неприличнымъ допускать въ войскахъ замѣченныя его величествомъ подражанія страннымъ, не рѣдко изъ за границы къ намъ достигающимъ обычаямъ—носить длинные волосы съ разными неприличными прическами — высочайше повелѣть соизволилъ: вмѣнить въ непремѣнную обязанность всѣмъ гг. военнымъ начальникамъ строго наблюдать, дабы ни у кого изъ подчиненныхъ ихъ не было прихотливости въ прическѣ волосъ, чтобы вообще волосы были стрижены единообразно, и непремѣнно такъ, чтобы спереди, на лбу и на вискахъ были не длиннѣе вершка, а вокругъ ушей и на затылкѣ гладко выстрижены, не закрывая ни ушей, ни воротника, и приглажены съ права на лѣво.

Вмѣстѣ съ тѣмъ его величество изволилъ повелѣть: не допускать никакихъ странностей и въ усахъ и бакенбардахъ, наблюдая, чтобы первые были не ниже рта, а послѣдніе, ежели не сведены съ усами, то также не ниже рта, выбривая ихъ на щекахъ противъ онаго.

Во время проѣзда моего въ разныхъ губерніяхъ, по возложенному на меня порученію, я замѣтилъ, между прочимъ, что чиновники корпуса гражданскихъ топографовъ и лисинскаго учебнаго лѣсничества не соблюдаютъ должнаго приличія въ ношеніи волосъ, почему вмѣняю въ непремѣнную обязанность всѣмъ ближайшимъ начальствамъ, какъ корпуса гражданскихъ топографовъ, такъ и учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ ввѣренному мнѣ департаменту, строжайше наблюдать, дабы всѣ чины носили волосы приличной величины, установленной по военному вѣдомству; а неклассные гражданскіе топографы еще нѣсколько короче. Подписалъ: директоръ департамента, фонъ-Брадке.

—

Распоряженіе о головныхъ уборахъ дамъ и дѣвицъ, имѣющихъ пріѣздъ ко двору. Ихъ императорскія величества въ послѣднее собраніе, бывшее при дворѣ 6 декабря, замѣтить изволили: что многія изъ дамъ и дѣвицъ, вопреки разосланнымъ высочайше утвержденнымъ описаніямъ и рисункамъ русской одежды, для пріѣзда ко двору въ торжественные дни, позволяютъ себѣ измѣнять оные по своему произволу, особенно головные уборы, кои дѣлаютъ прозрачные или изъ цвѣтовъ, что совершенно противно высочайше утвержденнымъ рисункамъ. Вслѣдствіе сего наистрожайше воспре-

щается отступать отъ утвержденной формы національнаго костюма, который не долженъ подлежать перемѣнѣ иностранныхъ модъ, не стѣсняя, впрочемъ, въ выборѣ рисунковъ для украшенія кокошниковъ и повязокъ, коимъ дана нынѣ отъ ея императорскаго величества государыни императрицы, новая форма, которая и находится въ придворной конторѣ.

Согласно высочайшей волѣ, изъясненной въ предложеніи ко мнѣ господина военнаго генералъ-губернатора, отъ 20 текущаго мѣсяца, № 8,982, предписываю гг. приставамъ исполнительныхъ дѣлъ, объявленіе сіе предъявить лично особамъ, имѣющимъ пріѣздъ къ высочайшему двору и испросивъ отъ нихъ на самомъ объявленіи подписки въ томъ, что оное ими читано, представить ко мнѣ. Подписалъ: С.-петербургскій оберъ-полицiймейстеръ генералъ-адъютантъ Кокошкинъ. 20 декабря 1840 года *).

Шарада, составленная К. Ѳ. Рылѣевымъ. До какой степени шутливыя бездѣлки въ стихотворномъ родѣ, шарады, были въ употребленіи въ журналахъ доброй старины (первой четверти текущаго столѣтія), можетъ служить доказательствомъ то, что и столь серьезный поэтъ, какимъ былъ Рылѣевъ, не брезгалъ ими. Вотъ одна изъ шарадъ, напечатанныхъ въ тѣ годы съ его подписью:

Часть первая моя отъ зноя укрывая,
Усталыхъ путниковъ подъ тѣнь свою манитъ,
И ихъ прохладой освѣжая,
Съ Зефиромъ шепчетъ и шумитъ;
Вторая часть моя приводитъ въ восхищенье,
Коль былъ творцемъ ея Державинъ иль Петровъ;
Когда жь скропалъ Свистовъ,—
Всѣхъ погружаетъ въ усыпленье;
А цѣлое—замѣть, читатель дорогой—
Въ себѣ волшебника всю заключало силу,
Посредствомъ коей онъ прекрасную Людмилу
Похитилъ дерзостно, въ часъ полночи глухой,
Изъ брачной храмины въ волшебный зàмокъ свой).

1820. К. Рылѣевъ.

О IV-й части записокъ Болотова. Въ настоящей книгѣ «Русской Старины» окончена четвертая часть автобіографіи А. Т. Болотова. Эта часть впервые была напечатана въ 74-мъ томѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1851 г. При сличеніи тогдашняго изданія съ настоящимъ читатель найдетъ значительную разницу: не говоря о поправкахъ, прямѣе сказать порчѣ слога, которая была произведена при напечатаніи труда А. Т. Болотова двадцать лѣтъ тому назадъ, тогдашняя цензура выбросила 783 строки изъ рукописи записокъ. Вслѣдствіе

*) Оба распоряженія о формахъ мужской прически и женскихъ головныхъ уборахъ были напечатаны въ 1840 году на отдѣльныхъ листахъ, имѣющихся въ нашей библіотекѣ. Ред.

этихъ выбросковъ тогдашній разсказъ Болотова рисуетъ апраксинскую баталію совсѣмъ въ иномъ видѣ, чѣмъ какою является она теперь, когда записки эти появляются въ нашемъ изданіи безъ малѣйшихъ выпусковъ.

—

Объ увеличеніи средствъ изд. „Чтенія въ Моск. Общ. Исторіи". Въ III-й книгѣ „Русской Старины", давая отчетъ объ изданіи: „Чтенія въ императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ", мы замѣтили, что на расходы по этому изданію Общество, въ теченіи болѣе тридцати лѣтъ, получаетъ лишь по 1428 руб. 50 коп. въ годъ; тогда же мы съ сожалѣніемъ замѣтили о томъ, что министерство народнаго просвѣщенія не озаботится расширеніемъ средствъ этого изданія. Нынѣ изъ газетъ мы узнали, что высочайше утвержденнымъ 1-го Іюня сего года мнѣніемъ государственнаго совѣта: въ дополненіе къ суммѣ, отпускаемой изъ государственнаго казначейства московскому обществу исторіи и древностей, ассигновано Обществу, изъ того же источника, съ 1871 г. по 1428 руб. 50 коп. въ годъ. Искренно радуемся увеличенію средствъ почтенной редакціи „Чтеній". Нѣтъ сомнѣнія, что отнынѣ это — во многихъ отношеніяхъ прекрасное — изданіе еще болѣе улучшится.

—

Подписка на сооруженіе памятника М. И. Глинкѣ. 13-го сего мая, какъ заявлено въ газетахъ, послѣдовало высочайшее повелѣніе объ открытіи добровольной подписки въ имперіи на сооруженіе памятника геніальному русскому композитору М. И. Глинкѣ, въ городѣ Смоленскѣ, и на учрежденіе конкурса для составленія самой модели. Спѣшимъ открыть при нашемъ изданіи эту подписку. Желающіе могутъ присылать взносы свои въ редакцію „Русской Старины" (д. Лисицына, у Спаса Преображенія, въ Спб.) Собранныя деньги будутъ препровождаемы нами въ здѣшнее казначейство для пересылки. согласно распоряженію министерства финансовъ, въ смоленское губернское казначейство; на это послѣднее возложена отсылка денегъ по требованіямъ высочайше учреждаемаго комитета для принятія пожертвованій. Отъ редакціи „Русской Старины" — на сооруженіе памятника М. И. Глинкѣ—50 рубл.; отъ А. А. Хвостовой—10 руб.

—

Отъ редакціи. Въ дополненіе къ спискамъ сотрудниковъ нашего изданія *) мы можемъ назвать еще нѣсколько ученыхъ и писателей, которые весьма обязательно изъявили готовность быть вкладчиками въ „Русскую Старину", причемъ изъ нихъ большая часть доставили уже намъ матеріалы, статьи и замѣтки. Таковы: **А. Н. Аѳанасьевъ, А. С. Аѳанасьевъ-Чужбинскій, Ѳ. Н. Глинка, Н. Ѳ. Дубровинъ, В. Ѳ. Кеневичъ, А. С. Князевъ, Я. П. Полонскій, М. М. Рангъ, И. И. Сві-**

*) «Русская Старина», т. I, стр. 3, 4, и кн. 1, ненум. лист.; кн. 2: ненум. лист.; кн. 4: стр. 406 и кн. 5 стр. 500.

язевъ, С. М. Соловьевъ, А. Сѣровъ, Н. Н. Тихонравовъ, А. Н. Труворовъ, В. И. Фелькнеръ, Н. С. Щукинъ.

Кромѣ того, мы получили весьма интересные матеріалы, а отъ нѣкоторыхъ статьи, письма и даже мемуары русскихъ дѣятелей прошлаго времени, а именно отъ слѣдующихъ лицъ: генерала **Деперрадовича, Ф. В. Каразина, Н. А. Карцева, А. И. Квиста, В. П. Орлова, А. Г. Пупарева** и **А. Д. Тарасова.**

Шарады. Приводимъ еще нѣсколько шарадъ изъ рукописнаго, двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, сборника, принадлежащаго Петру Павловичу Зуеву *). Отгадки помѣстимъ въ слѣдующей книгѣ:

10.

Начальный слогъ: союзъ славянской,
Разсказъ свой выдаютъ лгунишки за второй,
А цѣлой: сынъ крестьянской
Безъ хлѣба, безъ земли, безъ гроша за душой!

11.

Въ латинской азбукѣ ты первый слогъ найди,
А въ сапогахъ ищи послѣдней,
Послушать цѣлаго къ часовщику сходи,
А онъ живетъ въ Мѣщанской средней.

12.

Когда охотникъ ты горячее покушать,
Изволь, скажу тебѣ, какъ блюдо то варить
И даже свой рецептъ могу я подарить;
Прошу послушать:
Сперва возьми предлогъ, и приложи туда
То, безъ чего обѣдъ и плохъ и худъ бываетъ,
Иль не бываетъ никогда.
Вотъ блюдо ужъ мое варится, упрѣваетъ;
Начнетъ когда кипѣть, ты букву брось туда,
Вари — и цѣлое превкусная ѣда.

13.

Кто ходитъ по лѣсамъ, тотъ слогъ начальный знаетъ,
Но съ пòтомъ слогъ второй поэтъ изображаетъ,
Безъ цѣлаго теперь у насъ мужикъ бываетъ.

Разгадки шарадъ, помѣщенныхъ въ I-мъ томѣ „Русской Старины“ на стр. 607 — 608: 2. Семикъ. 3. Хороводъ. 4. Домовой. 5. Дубье. 6. Верига. 7. Морда. 8. Медвѣди. 9. Бостонъ.

---

*) «Русская Старина», т. I, стр. 406, 607 и 608.

О ПОВРЕЖДЕНИИ НРАВОВЪ ВЪ РОССИИ.

Записки князя М. М. Щербатова.

(Продолженіе).

VII.

Умалчивая, какимъ образомъ было учинено возведеніе Елисаветы Петровны на всероссійскій престолъ гренадерскою ротою Преображенскаго полку, и многія другія обстоятельства, приступаю къ показанію ея умоначертанія, яко служащему къ показанію причинъ развратности нравовъ. Сія государыня изъ женскаго полу въ младости своей была отмѣнной красоты, набожна, милосерда, сострадательна и щедра; отъ природы одарена довольнымъ разумомъ, но никакого просвѣщенія не имѣла, такъ что меня увѣрялъ Дмитрій Васильевичъ Волковъ, бывшій конференцъ-секретарь, что она не знала, что Великобританія есть островъ; съ природы веселаго нрава и жадно ищущая веселій; чувствовала свою красоту и страстна умножать ее разными украшеніями; лѣнива и надокучлива ко всякому, требующему нѣкоего прилежанія дѣлу, такъ что за лѣностію ея не токмо внутреннія дѣла государственныя многія иногда лѣта безъ подписанія ея лежали, но даже и внѣшнія государственныя дѣла, яко трактаты, по нѣсколько мѣсяцевъ, за лѣностію ее подписать ея имя, у нея лежали; роскошна . . . ., дающая многую повѣренность своимъ любимцамъ, но однако такова, что всегда надъ ними власть монаршу сохраняла.

Хотя она при шествіи своемъ принять всероссійскій престолъ, предъ образомъ Спаса Нерукотвореннаго обѣщалась, что естли взойдетъ на родительскій престолъ, то во все царствованіе свое повелѣніемъ ея никто смертной казни преданъ не будетъ; однако, приявъ престолъ, многихъ изъ вельможъ повелѣла судить, въ чемъ? Въ томъ, что они къ царствующимъ тогда государямъ были привязаны, и что не почитая ее наслѣдницею престола, но опасаясь имя ея родителя и рожденія ея, давали сходственные съ пользою тѣхъ государей предъосудительные ей совѣты, и оные были осуждены на смерть, приведены къ эшафоту, и хотя свобожденіе отъ казни получили, но были въ ссылки разосланы. Таковъ былъ, отличный своимъ разумомъ, генералъ-адмиралъ графъ Остерманъ, который управленіемъ своимъ министерскихъ

дѣлъ, многія пользы Россіи приобрѣлъ; таковъ былъ фельдмаршалъ графъ Минихъ, многажды побѣдитель надъ турками и первый изъ европейскихъ вождей, который укротилъ гордость сего вражескаго христіанемъ народа. Сіи и нѣкоторые другіе были за усердіе ихъ къ императрицѣ Аннѣ и принцу Іоанну сосланы въ ссылку. Но одни ли они усердны къ нимъ были и вѣрно имъ служили? Вся Россія четырнадцать лѣтъ въ томъ же преступленіи была, а окружающіе дворъ, послѣдуя изволеніямъ императрицы Анны и весьма малое уваженіе къ принцесѣ Елисаветѣ имѣли; слѣдственно и всѣ справедливо должны были опасаться ея мщенія, хотя не казни, но ссылки. Сему единый примѣръ приложу. При возшествіи на престолъ былъ дежурнымъ генералъ-адъютантъ, графъ Петръ Семеновичъ Салтыковъ. Родственникъ же его, Василій Өедоровичъ Салтыковъ, человѣкъ злой и глупый, имѣлъ свѣдѣніе о намѣреніяхъ принцсы Елисаветы, и когда вышеименованный дежурный генералъ-адъютантъ былъ арестованный приведенъ предъ вновь возшедшую императрицу и палъ къ ней на колѣни, тогда родственникъ сей Василій Өедоровичъ Салтыковъ ему сказалъ, что «вотъ таперь ты стоишь на колѣняхъ передъ нею, а вчерась и глядѣть бы не хотѣлъ и готовъ бы всякое ей зло сдѣлать». Пораженъ такими словами, не могъ графъ Петръ Семеновичъ ничего отвѣтствовать. Но милостивое снисхожденіе самой государыни, запретившей врать Василію Өедоровичу, его ббодрило.

Въ такомъ страхѣ находился весь дворъ, а гдѣ есть страхъ, тутъ нѣтъ твердости.

Первый, бывшій не весьма любимымъ при дворѣ принцесы Анны, князь Никита Юрьевичъ Трубецкой вошелъ въ силу. Человѣкъ умный, честолюбивый, пронырливый, злой и мстительный, бывъ пожалованъ въ генералъ-прокуроры, льстя новой императрицѣ и, можетъ быть, имѣя свои собственные виды, вредставлялъ о возобновленіе всѣхъ законовъ Петра Великаго*). Почитающая память родителя своего, императрица Елисавета на сіе согласилась, и всѣ узаконенія императрицы Анны, которыя были учинены въ противность указамъ Петра Великаго, окромѣ о правѣ

---

*) См. «Журналъ собственный» кн. Н. Ю. Трубецкаго въ Русской Старинѣ, т. II, стр. 8—15. Ред.

первороржденія въ наслѣдствѣ, были уничтожены, между коими многія весьма полезныя обрѣтались.

Льстя государю, надлежало льстить и его любимцу, а сей былъ тогда Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, послѣ бывшій графомъ. Сей человѣкъ изъ черкасъ, изъ казаковъ, былъ ко двору принцесы Елисаветы привезенъ въ пѣвчіе, учинился ея любимцемъ, былъ внутренно человѣкъ добрый, но недальнаго разсудку, склоненъ, какъ и всѣ черкасы, къ пьянству; и такъ сей его страстію старались ему угождать: Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ, человѣкъ также благодѣтельный и добраго расположенія сердца, но малознающъ въ вещахъ, пронырливъ, роскошенъ и честолюбивъ, а къ тому хотя и не былъ пьяница, но не отрекался иногда въ излишность сію впадать, и привезенный изъ ссылки графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ, бывшій при императрицѣ Аннѣ кабинетъ-министромъ и добрымъ пріятелемъ Бирону, за котораго онъ и въ ссылку былъ сосланъ, человѣкъ умный, чрезъ долгую привычку искусный въ политическихъ дѣлахъ, любитель государственной пользы; но пронырливъ, золъ и мстителенъ, сластолюбивъ, роскошенъ и собственно имѣющій страсть къ пьянству. Сіи двое *), пивъ съ нимъ вмѣстѣ, и угождая сей его страсти, сочинили партію при дворѣ противную князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому.

Были еще другіе, носящіе милость на себѣ монаршу; сіи суть родственники императрицы по ея матери, императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ и по бабкѣ ея Натальи Кириловнѣ, и оные первые были Ефимовскіе, Скавронскіе и Гендриковы, о которыхъ о всѣхъ генерально можно сказать, что они были люди глупые и распутные; но умнѣе, или лучше сказать, поживѣе изъ нихъ изо всѣхъ былъ, но и тотъ былъ недалекъ, Николай Наумовичъ Чеглоковъ, за котораго ближняя свойственница государынина, Марья Симоновна Гендрикова, была выдана, и Михайло Ларіоновичъ Воронцовъ, женатый на Аннѣ Карловнѣ Скавронской, двоюродной сестрѣ императрицы, послѣ пожалованный графомъ и бывшій канцлеромъ, коего тихій обычай не дозволялъ оказывать его разумъ, но по

*) Зачеркнуто: «прилепились къ Разумовскому». Ред.

дѣламъ видно, что онъ его имѣлъ, а паче духъ твердости и честности въ душѣ его обиталъ, яко самыми опытами онъ имѣлъ случаи показать*). Вторые**) были Нарышкины, и хотя родъ сей и довольно многочисленъ, но ближнимъ родственникомъ своимъ считала императрица Александра Львовича Нарышкина, къ которому всегда отличное уваженіе показывала.

Потомъ были въ особливомъ уваженіи у двора тѣ, которые знали о намѣреніяхъ императрицы взойти на престолъ и сіи были, окромѣ Михаила Ларіоновича Воронцова, князь Гессенъ Гомбурскій и его супруга княгиня Катерина Ивановна, и Василій Θедоровичъ Салтыковъ съ его женою***).

Признательность императрицы простиралась и на тѣхъ, которые у двора ея съ вѣрностію ей служили, и сіи были два брата, Александръ и Петръ Ивановичи Шуваловы, котораго втораго жена Мавра Егоровна и любимица императрицына была, и о сей послѣдней четѣ буду имѣть случай впредь упомянуть; Скворцовъ, Лялинъ, Возжинскій и Чулковъ, изъ которыхъ нѣкоторые и изъ подлости были.

Всѣ сіи разныя награжденія получили, а недостаточные стали обогащены; и какъ не одно рожденіе и по долголѣтнимъ службамъ полученные чины стали давать преимущество у двора, то и состоянія смѣшались, и что изъ подлости, или изъ незнатныхъ дворянъ происшедшій, обогащенный по пышности дѣлалъ, того знатный, благородный или заслуженный, но не награжденный человѣкъ за стыдъ почиталъ не дѣлать.

Когда смѣшались состоянія, когда чины начали изъ почтенія выходить, а достатки не стали равняться, единые отъ монаршей щедроты получая многое, могли много проживать, а другіе, имѣя токмо рожденіе и службу и небольшой достатокъ, съ ними восхотѣли ровны быть, тогда естественно роскошь и сластолюбіе сверху внизъ стало преходить и разорять нижнихъ; а какъ сластолюбіе никогда предѣловъ излишностямъ своимъ не полагаетъ, и самые вельможи начали изыскивать умножить оное въ домахъ своихъ.

Дворъ, подражая, или лучше сказать, угождая императрицѣ,

*) См. «Русскую Старину», т. I, стр. 222. Ред.
**) Зачеркнуто: «носящіе милость царскую». Ред.
***) Зачеркнуто: «всѣ сіи разныя милости и небо?» Ред.

въ златотканныя одежды облекался. Вельможи изыскивали въ одѣяніи все, что есть богатѣе, въ столѣ — все, что есть драгоцѣннѣе, въ питьѣ — все, что рѣже, въ услугѣ возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили къ оной пышность въ одѣяніи ихъ. Экипажи возблистали златомъ, дорогія лошади, не столько для ѣзды удобныя, какъ единственно для виду, учинились нужны для воженія позлащенныхъ каретъ. Домы стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всѣхъ комнатахъ, дорогими меблями, зеркалами и другими. Все сіе составляло удовольствіе самимъ хозяевамъ, вкусъ умножался, подражаніе роскошнѣйшимъ народамъ возрастало и человѣкъ дѣлался почтителенъ, по мѣрѣ великолѣпности его житья и уборовъ.

Очевидный будучи свидѣтель роду житья и сластолюбія тогдашняго времени, я нѣкоторые примѣры потщуся представить. Графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ имѣлъ толь великій погребъ, что онъ знатный капиталъ составилъ, когда послѣ смерти его былъ проданъ графомъ Орловымъ. Палатки, которыя у него станавливались на его загородномъ дворѣ на Каменномъ острову, имѣли шелковыя веревки. Степанъ Өедоровичъ Апраксинъ всегда имѣлъ великій столъ, гардеробъ его изъ многихъ сотъ разныхъ богатыхъ кафтановъ состоялъ въ походѣ, когда онъ командовалъ россійскою арміею противу прусскаго короля, всѣ спокойствія, всѣ удовольствія, какія возможно было имѣть въ цвѣтущемъ торговлею градѣ, съ самою роскошью, при звукѣ оружій и безпокойствѣ маршей, ему послѣдовали. Палатки его величиною городъ составляли, обозъ его болѣе нежели 500 лошадей отягчалъ, и для его собственнаго употребленія было съ нимъ 50 заводныхъ, богатоубранныхъ лошадей*). Графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ, сперва камеръ-геръ, а потомъ генералъ-аншефъ и генералъ-адъютантъ, богатѣйшій тогда въ Россіи человѣкъ, какъ по родителѣ своемъ, графѣ Борисѣ Петровичѣ Шереметевѣ, такъ и по супругѣ своей, графинѣ Варварѣ Алексѣевнѣ, рожденной княжнѣ Черкаской, дочери и наслѣдницѣ князя Алексѣя Ми-

*) Все это подтверждается свидѣтельствомъ другого очевидца и участника въ походѣ Апраксина—А. Т. Болотовымъ, см. его «Записки», приложенные къ I т. «Русской Старины». Ред.

хайловича Черкаскаго, человѣка также весьма богатаго. Человѣкъ, весьма посредственный разумомъ своимъ, лѣнивъ, незнающъ въ дѣлахъ, и однимъ словомъ, таскающій, а не носящій свое имя и гордящійся единымъ своимъ богатствомъ, все въ угодность монархинѣ со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ жилъ. Одежды его наносили ему тягость отъ злата и сребра и блистаніемъ ослѣпляли очи; экипажи его, къ чему онъ и охоты не имѣетъ, окромѣ что лутчего вкусу были выписаны изъ Франціи, были наидрагоцѣннѣйшіе, столъ его великолѣпенъ, услуга многочисленна, и житье его однимъ словомъ было таково, что не единожды случалось, что нечаянно пріѣхавшую къ нему императрицу съ немалымъ числомъ придворныхъ, онъ въ вечернемъ кушаньи, яко бы изготовляясь, могъ угощать; а сіе ему достоинствомъ служило и онъ во всякомъ случаѣ*) у двора, не взирая на разныя перемѣны, въ разсужденіи его особы, былъ особливо уважаемъ. Графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, сперва камеръ-юнкеръ, а потомъ камеръ-геръ, человѣкъ не толь разумный, коль быстрый, увертливый и проворный и, словомъ, вмѣщающій въ себѣ всѣ нужныя качества придворнаго, многіе примѣры во всякомъ родѣ сластолюбія подалъ. Къ несчастію Россіи, онъ немалое время путешествовалъ въ чужіе краи, видѣлъ все, что сластолюбіе и роскошъ при другихъ европейскихъ дворахъ наипріятнѣйшаго имѣютъ, онъ все сіе перенялъ, все сіе привезъ въ Россію и всѣмъ симъ отечество свое снабдить тщился. Одѣяніи его были особливаго вкусу и богатства и ихъ толь много, что онъ единожды вдругъ двѣнадцать кафтановъ выписалъ; столъ его со вкусомъ и изъ дорогихъ вещей содѣланный, обще вкусъ, обоняніе и видъ привлекалъ; экипажи его блистали златомъ и самая ливрея его пажей была шитая серебромъ; вина у него были на столѣ наилучшія и наидражайшія. И подлинно, онъ симъ нѣкоторое преимущество получалъ, яко человѣкъ, имѣющій вкусъ, особливо всегда былъ уважаемъ у двора, женился на богатой невѣстѣ Ефимовской, роднѣ государыни и любимой ею, потомъ учинился другомъ фавориту Ивану Ивановичу Шувалову; чрезъ него, прежде другихъ, тогда весьма въ почтеніи находящуюся, ленту польскаго Бѣлаго Орла полу-

*) См. «Русскую Старину», т. I, стр. 220 — 221. Ред.

чилъ, а симъ же защищеніемъ, чрезъ сенатъ за малую цѣну, то есть не болѣе 90,000 рублевъ получилъ мѣдные заводы, гдѣ слишкомъ на сто тысячъ готовой мѣди было, и которые, чрезъ нѣсколько лѣтъ приведенные имъ въ разореніе, съ великимъ искомъ на нихъ за 700,000 продалъ обратно коронѣ.

Вкореняющаяся такая роскошь проникла и въ такія состоянія людей, которые бы по чинамъ и обстоятельствамъ своимъ не имѣли нужду ее употреблять. Князь Борисъ Сергѣевичъ Голицынъ, сперва отбѣгающій отъ службы поручикъ или капитанъ, а потомъ отставной маіоръ, оную въ Москвѣ колико возможно оказывалъ; богатыя одѣянія его и жены его, ливреи, экипажи, столъ, вины, услуга и протчее, все было великолѣпно. Таковое роскошное житье привлекало ему нѣкоторый родъ почтенія, но изнуряло его состояніе, такъ какъ и дѣйствительно онъ, какъ отъ долговъ приватнымъ людямъ, такъ и отъ долговъ казнѣ разоренный, умеръ, и жена его долгое время должна была страдать и претерпѣвать нужду въ платежѣ за безуміе мужа для оплаты нажитыхъ долговъ.

Тако сластолюбіе повсюду вкоренялось, къ разоренію домовъ и къ поврежденію нравовъ. Но гдѣ оно наиболѣе оказало вредныхъ своихъ дѣйствій? и гдѣ оно, соединяся съ пышностію и властолюбіемъ, можно сказать, оказало свою побѣду надъ добрыми нравами? Сіе было въ особѣ графа Петра Ивановича Шувалова. Имя сего мужа, памятное въ Россіи не токмо всѣмъ вредомъ, который самъ онъ причинилъ, но и примѣрами, которые онъ оставилъ къ подражанію. Родъ Шуваловыхъ у насъ никогда въ великихъ чинахъ не бывалъ, и отецъ сего Шувалова, Иванъ Максимычъ, въ младости своей у дѣда моего, брата роднаго моего дѣда, князя Юрія Ѳедоровича Щербатова, у князя Ѳедора Ѳедоровича былъ знакомцемъ. Вошедъ въ службу, долговременнымъ продолженіемъ оныя достигъ наконецъ до генералъ-маеорскаго чину, былъ губернаторомъ у города Архангельскаго, откудова отецъ мой его смѣнилъ, а оттуда былъ употребленъ губернаторомъ или въ Ригу, или въ Ревель, гдѣ и умеръ *). Онъ былъ человѣкъ умный и честный, имѣлъ двухъ сыновей, Александра и Петра Ивановичей, которымъ давъ при-

*) Иванъ Максимовичъ Шуваловъ, генералъ-майоръ и св. Александра Невскаго кавалеръ, былъ комендантомъ въ Выборгѣ; умеръ въ 1736 г. Ред.

личное воспитаніе, опредѣлилъ ихъ въ службу ко двору цесаревны Елисаветы Петровны. Въ царствованіе императрицы Анны Ивановны старались наполнить дворъ цесаревны такими людьми, которые бы ни знатности рода, ни богатства не имѣли, и тако сіи достигли изъ пажей даже до камеръ-юнкеровъ.

Петръ Ивановичъ Шуваловъ былъ человѣкъ умный, быстрый, честолюбивый, корыстолюбивый, роскошный, былъ женатъ на Маврѣ Егоровнѣ Шепелевой, женщинѣ, исполненной многими пороками, однако любимицѣ императрицыной *); онъ пользуясь напамятованіемъ прежней своей службы, когда бывъ при дворѣ ея, яко цесаревны, раздѣлялъ ея утѣсненія и милостію императрицы къ женѣ его, съ самаго начала принятія престола императрицы Елисаветы Петровны, отличную сталъ имѣть силу; вскорѣ былъ пожалованъ въ камеръ-геры, и разумомъ своимъ, удобнымъ къ дѣламъ и ко льсти, силу свою умножилъ; пожалованъ былъ въ генералъ-поручики и присутствовалъ въ сенатѣ. Тутъ соединяя все, что хитрость придворная наитончайшаго имѣетъ, то есть не токмо лесть, угожденіе монарху, подслуживаніе фавориту Разумовскому, дареніе всѣмъ подлымъ и развратнымъ женщинамъ, которыя были при императрицѣ и которыя единыя были сидѣльщицы у нея по ночамъ, иныя гладили ея ноги, къ пышному немного знаменующему краснорѣчію, проникнулъ онъ, что доходы государственные не имѣютъ порядочнаго положенія, а императрица была роскошна и сластолюбива; тогда когда сенатъ, не имѣя свѣдѣнія о суммахъ, гдѣ какія находятся, всегда жаловался на недостатокъ денегъ, сей всегда говорилъ, что ихъ довольно и находилъ нужныя суммы для удовольствія роскоши императрицы. Дабы на умножающееся сластолюбіе имѣть довольно денегъ, тогда какъ другіе, взирая на недостатокъ народный, не дерзали ничего накладывать, сей, имѣя въ виду свою пышность и собственныя свои пользы, увеличилъ тщаніями своими доходы съ винныхъ откуповъ, а для удовольствія своего корыстолюбія самъ участникомъ оныхъ учинился. Монополіи старался вводить, и самъ взялъ откупъ табаку, рыбныя ловли на Бѣломъ и Ледяномъ морѣ и лѣса олонецкіе, за все получая себѣ прибыль. При милосерднѣйшей государынѣ

*) См. «Русскую Старину» т. I, стр. 90, 510—515. Ред.

учредилъ родъ инквизиціи, изыскующей корчемство и обагрилъ россійскія области кровію пытанныхъ и сѣченныхъ кнутомъ и пустыни сибирскія и рудники наполнилъ сосланными въ ссылку на каторги; такъ что считаютъ до 15,000 человѣкъ, претерпѣвшихъ такое наказаніе. Взирая на торговлю, умножилъ пошлины на товары безъ разбору, и тѣмъ приумноженіемъ убытку по цѣнѣ оныхъ, при приумноженіи сластолюбія, принужденно многихъ въ разореніе повлекъ. Умножилъ цѣну на соль, а симъ самымъ приключилъ недостатокъ и болѣзни въ народѣ. Коснувшись до монеты, возвышалъ и уменьшалъ ея цѣну, такъ что пятикопѣешники мѣдные привелъ ходить въ грошъ, а бѣдные подданные на капиталѣ мѣдныхъ денегъ, хотя не вдругъ, но три пятыхъ капиталу своего потеряли; по его предложенію дѣлана была монета мѣдная по осьми рублевъ изъ пуда, а потомъ опять передѣлывана по шестнадцати рублевъ изъ пуда. Хотя ни одно изъ сихъ дѣйствій не было учинено безъ тайныхъ прибытковъ себѣ, но еще дошедши до чину генералъ-фелцехмейстера и бывъ подкрѣпляемъ родственникомъ своимъ Иваномъ Ивановичемъ Шуваловымъ, котораго ввелъ въ любимцы къ . . . . императрицѣ, тогда когда повсюдова въ Европѣ умножали артиллерію, и Россія, имѣя тысячи пушекъ, могла бы, токмо ихъ переливъ, снабдить армію и флотъ, онъ множество старыхъ пушекъ въ мѣдную монету передѣлалъ, приписуя себѣ въ честь, что якобы неизвѣстное и погибшее сокровище въ сокровище обращающееся обратилъ. Не могши скрыть свои желанія корыстолюбія силою и властію своею, и пользуяся узаконеніемъ Петра Великаго, чтобъ заводы рудокопные отдавать въ приватныя руки, испросилъ себѣ знатные заводы, и, между прочими, лучшій въ государствѣ Гороблагодацкій, и сіе съ такою безсовѣстностію, что когда сей заводъ, могущій приносить прибыли многіе сты тысячъ рублевъ, былъ оцѣненъ въ 90 тысячъ рублевъ, то онъ не устыдился о дорогой оцѣнкѣ приносить жалобу сенату, и получилъ его по новой переоцѣнкѣ, гдѣ не справедливость, и не польза государская была соблюдаема, но страхъ его могущества, не съ большимъ за 40 тысячъ рублей; заводъ, при которомъ было приписныхъ до 20,000 душъ, заводъ, приносящій послѣ ему до двусотъ тысячъ рублевъ, и который послѣ взятъ былъ обратно короною за его долги за безцѣнокъ, за 750 (sic) руб.

Откупы, монополіи, здоимства, торговля, самимъ имъ заведенная и грабительства государственныхъ имѣній, не могли однако его жадность и сластолюбіе удовольствовать; учредилъ банкъ, повидимому могущій бы полезнымъ быть подданнымъ, и оный состоялъ въ мѣдной монетѣ, занимая изъ котораго должно было платить по два процента и чрезъ нѣсколько лѣтъ внести капиталъ серебромъ, Но кто симъ банкомъ воспользовался? Онъ самъ, взявъ милліонъ; Готъ, взявшій у него на откупъ олонецкіе лѣса и взятыя деньги отдавшій ему; армяне, взявшіе въ монополію астраханскій торгъ и большую часть взятыхъ денегъ отдавшіе ему. Князь Борисъ Сергѣичъ Голицынъ, который толь мало взятьемъ симъ пользовался, что увѣряютъ, якобы не въ единое время изъ 20,000 имъ взятыхъ, токмо 4,000 въ пользу себѣ употребилъ.

Властолюбіе его, равно какъ и корыстолюбіе, предѣловъ не имѣло. Не довольствуясь, что онъ былъ генералъ-фелцехмейстеръ, генералъ-адъютантъ и сенаторъ, восхотѣлъ опричную себѣ армію содѣлать. Представленіе его, такъ какъ и всѣ чиненныя имъ, было принято и онъ сочинилъ армію состоящую изъ 30 т. пѣхоты, раздѣленную въ шесть легіоновъ, или полковъ; каждый по пяти тысячъ человѣкъ, которые ни отъ кого кромѣ его не зависѣли. Является, что въ Россіи рокъ таковыхъ безнужныхъ затѣй есть скоро родиться и еще скорѣе упадать. Армія сія, сочиненная изъ лучшихъ людей государства, пошла въ походъ противу прусскихъ войскъ, много потерпѣла, ничего не сдѣлала, часть ея превращена была въ состоящіе подъ его же начальствомъ фузилерные полки, а потомъ и совсѣмъ исчезла.

Мало я не забылъ, исчисляя честолюбивыя затѣи сего чудовища, помянуть о изобрѣтенныхъ имъ, или лучше сказать, въ подражаніе старинныхъ и отброшенныхъ голбицъ, которыя Шуваловскими назывались и коихъ коническая камера чинила, что весьма далеко отдавали, а елипсическій калиберъ, что размашисто, но близко, картечами стрѣляли, и единороговъ, которые и нынѣ есть въ употребленіи, ради легкости ихъ. Онъ выдумку свою всему предпочитая, гербы свои на сихъ новыхъ орудіяхъ избразилъ, гналъ всѣхъ тѣхъ, которые дерзали о неудобности ихъ, нынѣ доказанной, говорить, яко, между прочимъ, содержалъ подъ арестомъ князь Павла Николаевича Щербатова, сказавшаго

по пріѣздѣ своемъ изъ арміи, что ихъ дѣйствіе весьма близко, не можетъ быть инако дѣйствительно, какъ на совершенно гладкомъ мѣстѣ; что отдача назадъ голбицъ можетъ самимъ дѣйствующимъ войскамъ вредъ нанести и разстроить ихъ порядокъ; что тягость ихъ неудобна ни къ воженію, ни къ постановленію послѣ выстрѣла на прежнее мѣсто и, наконецъ, что достойно смѣху то, что ихъ толь секретными почитаютъ и съ особливою присягою къ нимъ люди употреблены, которые даже отъ главныхъ начальниковъ сокрываютъ сей мнимый секретъ, съ обидою оныхъ, коимъ ввѣрено начальство арміи, а не могутъ они знать ни секрета, ни дѣйствія употребляемыхъ въ ней орудій: а самое сіе разстроиваетъ всю дисциплину въ войскѣ, что введенные въ сіе таинство, якобы отличные люди отъ другихъ, не по достоинству, но по опричности своей, излишніе чины получаютъ и болѣе другихъ имъ всемощнымъ начальникомъ уважаемы суть.

Между многихъ таковыхъ развратныхъ его предпріятій, начаты однако были два, по его предположеніямъ, то есть, генеральное межеванье и сочиненіе новаго уложенія. Но за неоспоримую истину должно сіе принять, что развратное сердце влечетъ за собою развратный разумъ, который во всѣхъ дѣлахъ того чувствителенъ бываетъ. Хотя не можно сказать, чтобъ намѣреніе генеральнаго межеванія не полезно было государству, и чтобъ межевая инструкція не содержала въ себѣ много хорошихъ узаконеній; но многія въ ней находятся и такія, которыя несходственно со справедливостію, но по дальновидности его ли самого или его окружающихъ, были для собственныхъ ихъ пользъ учинены. А исполненіе еще хуже было. Порочнаго сердца человѣкъ выбиралъ порочныхъ людей для исправленія разныхъ должностей; тѣ не на пользу общественную, но на свои прибытки взирая, такъ же порочныхъ людей одобряли, отчего множество тогда же произошло злоупотребленій; и не пользою обществу сіе межеваніе учинилось, но учинилось вѣрнымъ способомъ къ нажитку опредѣленныхъ и къ грабежу народа. Сочиненіе уложенія не лутчій успѣхъ имѣло; ибо были къ сему, толь полезному дѣлу государства, опредѣлены люди не тѣ, которые глубокою наукою состояніе государства и древнихъ правъ, сообщенныхъ съ наукою логики и моральной философіи, а равно

и съ долговременнымъ исполненіемъ безпорочно своихъ должностей, могли удостоиться имени законодателей и благотворителей своего отечества, но Емме, человѣкъ ученый, но грубъ и безчеловѣченъ съ природы; Дивовъ, глупый, наметливый на законы человѣкъ, но мало смыслящій ихъ разумъ, а къ тому же корыстолюбивый; Юшковъ, добрый и не здоимщикъ и знающій по крайней мѣрѣ россійскіе законы человѣкъ, но лѣнивый, праздный и нетвердый судья; Козловъ, умный и знающій законы человѣкъ, но токмо предъ тѣмъ вышелъ изъ подъ слѣдствія по здоимствамъ и воровствамъ; Глѣбовъ, угодникъ графу Шувалову, умный по наружности человѣкъ, но соединяющій въ себѣ всѣ пороки, которые самъ онъ, Петръ Ивановичъ, имѣлъ. Такіе люди, таково и сочиненіе. Наполнили они сочиненное свое уложенье множество пристрастными статьями, по которымъ каждый хотѣлъ или свои дѣла рѣшить или, начавши новыя, воспользоваться разореніемъ другихъ. Наполнили его неслыханными жестокостями пытокъ и наказаній, такъ что когда по сочиненіи оное было, безъ чтенія сенатомъ и другихъ государственныхъ чиновъ, поднесено къ подписанію государыни, и уже готова была сія добросердечная государыня, не читая, подписать, перебирая листы, вдругъ попала на главу пытокъ, взглянула на нее, ужаснулась тиранству и, не подписавъ, велѣла передѣлывать. Тако чудеснымъ образомъ избавилась Россія отъ сего безчеловѣчнаго законодательства.

Но я слишкомъ отдалился отъ моей причины, колико она ни достойна любопытства, и токмо ее продолжилъ для показанія умоначертанія сего именитаго мужа, а развратность вельможи влекла примѣромъ своимъ развратность и на нижнихъ людей. И подлинно, до его правленія хотя были взятки, были неправосудіи и былъ развратъ, но все съ опасеніемъ строгости законовъ, и народъ, хотя малое что и давая, не могъ справедливо жаловаться, что разоренъ есть отъ судей. Но съ возвышеніемъ его, неправосудіе чинилось съ наглостію, законы стали презираться и здоимства стали явныя. Ибо довольно было быть любиму и защищаему имъ, графомъ Шуваловымъ, иль его метресами, иль его любимцами, Глѣбовымъ и Яковлевымъ, чтобы не страшася ничего, всякія неправосудія дѣлать и народъ взятками разорять. Самый сенатъ, трепетавъ его власти, принужденъ былъ

хотѣніямъ его повиноваться и онъ первый же правосудіе и изъ сего вышняго правительства изгналъ. Чрезъ исканіе Анны Борисовны, графини Апраксиной, дочери князя Бориса Васильевича Голицына, при княгинѣ Аленѣ Степановнѣ Куракиной, рѣшено было дѣло между князя Голицына и княгини Елены Васильевны Урусовой въ бѣглыхъ крестьянахъ, и хотя она была права, но рѣшеніемъ сената была приведена въ разореніе; защищалъ онъ, сообщася съ графомъ Александромъ Борисовичемъ Бутурлинымъ, князей Долгорукихъ по дѣлу о деревняхъ Анны Яковлевны Шереметевой, дочери именитаго князя Якова Ѳедоровича Долгорукова, чтобы лишить неправо принадлежащей части князя Якова Александровича и сестру его, княжну Марью Александровну Долгорукихъ, и тесть мой на сіе голосъ подалъ; то сказано ему было отъ вышеименованнаго графа Бутурлина, что естли онъ отъ сего дѣла не отступитъ, они найдутъ способъ толико его обнести у государыни, что можетъ быть онъ свое упрямство и ссылкою заплатитъ.

Не могу я упустить, чтобъ не помянуть объ единомъ узаконеніи сего графа Петра Ивановича Шувалова, учиненномъ для собственнаго его прибытку и разрушающемъ супружественную связь, которая до сего у насъ свято сохранялась. Между прочими вещами, связующими супруговъ и, сходственно съ божіимъ закономъ, подчиняющихъ женъ мужьямъ своимъ, было узаконеніе, что жена безъ воли мужа своего недвижимаго своего имѣнія продать и заложить не могла, и мужъ всегда долженъ былъ позволеніе свое въ крѣпости подпискою означить. Графу Петру Ивановичу Шувалову нужда была купить одну деревню, не помню у какой графини Головкиной, живущей особливо отъ мужа своего, а посему и немогущей его согласія имѣть, предложилъ, чтобы сей знакъ покорства женъ уничтожить; по предложенію его, яко всесильнаго мужа въ государствѣ, былъ учиненъ указъ, онъ деревню купилъ, а симъ подалъ поводъ по своенравіямъ своимъ женамъ отъ мужей отходить, разорять ихъ дѣтей и отошедшимъ разоряться.

Довольно, думаю *), описалъ я разныя, клонящіяся къ своимъ собственнымъ прибыткамъ, предпріятія графа Шувалова,

---

*) Зачеркнуто: «предложилъ».

наводящія тогда же мнѣ огорченія, не токмо по самому злу, чинившемуся тогда, но и по подаваемому примѣру, о которомъ я пророчествовалъ, что онъ множество подражателей себѣ найдетъ, яко и дѣйствительно воспослѣдовало. К. В. (кн. Вяземскій?) показаніемъ, что онъ умножаетъ доходы, хотя то часто со стенаніемъ народа, въ такую силу вошелъ, что владычествуетъ надъ законами и сенатомъ. К. П. (кн. Потемкинъ?) не токмо всю армію по военной коллегіи подъ властію своею имѣетъ, но и особливую опричную себѣ дивизію изъ большей части арміи сочинилъ и нерегулярныя всѣ войска въ опричнину себѣ прибралъ, стараясь во всѣхъ дѣлахъ толико превзойтить графа Шувалова, колико онъ другихъ превосходилъ.

Мнѣ должно таперь помянуть о его нравахъ и роскоши. Безпрестанно въ замыслахъ и безпрестанно въ дѣлахъ, не могъ онъ имѣть открытаго дому, и роскошъ свой великолѣпнымъ житьемъ показывать. Но былъ сластолюбивъ и роскошенъ въ приватномъ своемъ житьѣ. Домъ его былъ убранъ колико возможно лутче по тогдашнему состоянію, столъ его маленькой наполненъ былъ всѣмъ тѣмъ, что есть драгоцѣннѣйшее и вкуснѣйшее; десертъ его былъ, по тогдашнему, наивеликолѣпнѣйшій, ибо тогда какъ многіе, изживши вѣкъ, вкусу ананасовъ не знали, а объ ананасѣ и не слыхивали, онъ ихъ въ обильствѣ имѣлъ, и первый изъ приватныхъ завелъ ананасовую большую оранжерею. Вины, употребляемыя имъ, нетокмо были лутчія, но не удовольствуяся тѣми, которыя обыкновенно привозятся и употребляются, дѣлалъ дòма вино ананасовое. Экипажъ его былъ блистающъ златомъ, и онъ первый цукъ аглинскихъ, тогда весьма дорогихъ лошадей, имѣлъ; платье его соотвѣтствовало той же пышности: злато, сребро, кружевы, шитье на немъ блистали, и онъ первый по графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Разумовскомъ имѣлъ бриліантовыя пуговицы, звѣзду, ордены и эпольетъ, съ тою токмо разностію, что его бриліантовые уборы богатѣе были. Во удовольствіе своего любострастія всегда имѣлъ многихъ метресъ, которымъ не жалѣя деньги сыпалъ, а дабы и тѣло его могло согласоваться съ такой роскошью, принималъ ежедневно горячія лекарства, которыя и смерть его приключили. Однимъ словомъ, хотя онъ тогда имѣлъ болѣе 400,000 рублей доходу, но на его роскошъ, любострастіе и дары окружающимъ императрицу не

доставало, и онъ умеръ, имѣя болѣе миллiону на себѣ казеннаго долгу.

Примѣры таковые не могли*) не разлиться на весь народъ и повсюдова роскошь и сластолюбiе умножилось. Домы стали великолѣпно убираться, и стыдились не аглинскiя мебли имѣть; столы учинились великолѣпны, и повары, которые сперва не за перваго человѣка въ домѣ считались, стали великiя деньги въ жалованье получать, такъ что Фуксъ, бывшiй поваръ императрицынъ и служившiй ей въ цесаревнахъ, хотя имѣлъ брегадирскiй чинъ, но жалованье получалъ по 800 рублевъ въ годъ, а уже тогда и приватные стали давать рублевъ по пятисотъ, окромѣ содержанiя.

Лимоны и померанцы не могли быть дороги въ Петербургѣ, куда они кораблями привозятся, но въ Москвѣ они были толь рѣдки, что развѣ для больного или для особливо великаго стола ихъ покупали, учинились и въ Москвѣ въ изобильствѣ. Вины дорогiя и до того незнаемыя, не токмо въ знатныхъ домахъ вошли во употребленiе, но даже и низкiе люди ихъ употреблять начали и за щегольство щиталось ихъ разныхъ сортовъ на столъ подавать; даже, что многiе подъ тарелки въ званые столы клали записки разнымъ винамъ, дабы каждый могъ попросить какое кому угодно. Пиво аглинское, до того и совсѣмъ не бывшее во употребленiи, но введенное во употребленiе графинею Анной Карловной Воронцовой, которая его любила, стало не токмо въ знатныхъ столахъ ежедневно употребляться, но даже подлые люди, оставя употребленiе русскаго пива, онымъ стали опиваться. Свѣчи, которыя до сего по большей части употреблялися сальныя, а гдѣ въ знатныхъ домахъ, и то передъ господами, употребляли вощеныя, но и тѣ изъ желтова воску, стали вездѣ да и во множествѣ употребляться бѣлыя восковыя. Роскошъ въ одеждахъ всѣ предѣлы превзошелъ: парчевыя, бархатныя, съ золотомъ и серебромъ платья, шитыя золотомъ, серебромъ и шелками, ибо уже галуны за подлое почитали, и тѣ въ толикомъ множествѣ, что часто гардеробъ составлялъ почти равной капиталъ съ прочимъ достаткомъ ка-

*) Зачеркнуто: «не проникнуть».

кого придворнаго или щеголя, а и у умѣренныхъ людей онаго всегда великое число было.

Да можно ли было сему инако быть, когда самъ государь прилагалъ всѣ свои тщанія ко украшенію своея особы; когда онъ за правило себѣ имѣлъ каждый день новое платье надѣвать, а иногда по два и по три на день, и стыжусь сказать число, но увѣряютъ, что нѣсколько десятковъ тысячъ разныхъ платей послѣ нея осталось.

Мундировъ тогда, кто имѣлъ токмо достатокъ, кромѣ должности своей, не нашивали; и даже запрещено было въ оныхъ танцовать при дворѣ.

Экипажи были умѣреннаго съ прочимъ великолѣпія; уже русскаго дѣла карета въ презрѣніи была, а надлежало имѣть, съ заплатою нѣсколькихъ тысячъ рублевъ, французскую, и съ точеными стеклами, чтобъ шоры и лошади оной соотвѣтствовали, и прочее. Однако при всемъ семъ еще очень мало было сервизовъ серебряныхъ, да и тѣ большая часть жалованныхъ государемъ. Степанъ Өедоровичъ Апраксинъ, человѣкъ пышный и роскошный, помнится мнѣ *), до конца жизни своей на фаянсѣ ѣдалъ, довольствуяся имѣть чаши серебряныя, и я слыхалъ отъ Ивана Лукьяновича Талызина, что онъ первый изъ собственныхъ своихъ денегъ сдѣлалъ себѣ сервизъ серебряный.

При сластолюбивомъ и роскошномъ государѣ не удивительно, что роскошъ имѣлъ такіе успѣхи; но достойно удивленія, что при набожности государыни, касательно до нравовъ, во многомъ божественному закону противуборствіи были учинены. Сіе есть въ разсужденіи храненія святости брака, таинства, по исповѣданію нашея вѣры. Толь есть истинно, что единый порокъ и единый проступокъ влечетъ за собою другіе. Мы можемъ положить сіе время началомъ, въ которое жены начали покидать своихъ мужей; не знаю я обстоятельствъ перваго страннаго разводу, но въ самомъ дѣлѣ онъ былъ таковъ. Иванъ Бутурлинъ, а чей сынъ не знаю, имѣлъ жену Анну Семеновну. Съ ней слюбился Степанъ Өедоровичъ Ушаковъ, и она, отошедъ отъ мужа своего, вышла за своего любовника**) и, публично содѣявъ любодѣйствен-

---

*) Зачеркнуто: «думаю до конца».
**) Зачеркнуто: «а мужъ ея женился на Маврѣ Аѳанасьевнѣ».

ный и противный церкви сей бракъ *), жили **). Потомъ Анна Борисовна, графиня Апраксина, рожденная княжна Голицына, бывшая же въ сопружествѣ за графомъ Петромъ Алексѣевичемъ Апраксинымъ, отъ него отошла. Я не вхожу въ причины, чего ради она оставила своего мужа, который подлинно былъ человѣкъ распутнаго житія; но знаю, что разводъ сей не церковнымъ, но гражданскимъ порядкомъ былъ суженъ. Мужъ ея, якобы за намѣреніе учинить ей какую обиду въ нѣмецкомъ позорищѣ, былъ посаженъ подъ стражу и долго содержался, и наконецъ велѣно ей было дать ея указную часть изъ мужня имѣнія при живомъ мужѣ, а именоваться ей по прежнему княжною Голицыною. И тако, отложа имя мужа своего, приведши его до посажденія подъ стражу, наслѣдница части его имѣнія учинилась по тому токмо праву, что отецъ ея, князь Борисъ Васильевичъ, имѣлъ нѣкоторый случай у двора; а потомъ, по разводѣ своемъ, она сдѣлалась другомъ княгини Еленѣ Степановнѣ Куракиной, любовницѣ графа Шувалова.

Примѣръ такихъ разводовъ вскорѣ многими другими женами былъ послѣдуемъ, и я токмо двухъ въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны именовалъ, а нынѣ ихъ можно сотнями щитать.

Еще Петръ Великій, видя, что законъ нашъ запрещаетъ князю Никитѣ Ивановичу Репнину вступить въ четвертый бракъ, позволилъ ему имѣть метресу, а дѣтей его, подъ именемъ Репнинскихъ, благородными призналъ. Также князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, бывъ плѣненъ шведами, имѣлъ любовницу, сказываютъ, единую благородную женщину, въ Стокгольмѣ, которую онъ увѣрилъ, что онъ былъ вдовъ, и отъ нея имѣлъ сына, котораго именовали Бецкимъ, и сей еще при Петрѣ Великомъ почтенъ былъ благороднымъ и уже былъ въ офицерскихъ чинахъ. Такому примѣру послѣдуя, при царствованіи императрицы Елизаветы, в....... кн. Василья Владиміровича Долгорукова, Рукинъ на равнѣ съ дворянами былъ производимъ. Алексѣй Даниловичъ Татищевъ, не скрывая холопку свою, отнявшую у мужа жену, въ метресахъ содержалъ и дѣти его дворянство получили. А сему подражая, нынѣ толико сихъ в........ дворянъ

*) Зачеркнуто: «публично».
**) Зачеркнуто: «и дѣти ихъ за». Ред.

умножилось, что повсюдова толпами ихъ видно: Лицыны, Рапцовы и прочіе, которые или дворянство получаютъ, либо по случаю или за деньги до знатныхъ чиновъ доходятъ, что кажется хотятъ истребить честь законнаго рожденія и незакрытно содержа метресъ, являются знатные люди насмѣхаться и святостію закона, и моральнымъ правиламъ и благопристойности. И тако можно сказать, что и сіи злы толь обыкновенныя въ нынѣшнее время, отрыгнули корень свой въ сіе царствованіе.

Такое было расположеніе нравовъ при концѣ сея императрицы и она, скончавшись, оставила престолъ свой племяннику своему, сыну старшей своей сестры, Анны Петровны, бывшей за герцогомъ Голстинскимъ, Петру Θедоровичу, государю, одаренному добрымъ сердцемъ, естли можетъ оно быть въ человѣкѣ, не имѣющемъ ни разума, ни нравовъ; . . . . . .
. . . .
. . . .
. . . . Сей, взошедшій на всероссійскій престолъ, къ поврежденнымъ нравамъ бывъ самъ съ излихвою поврежденъ, равно по природному своему расположенію, такъ что и во все время царствованія императрицы Елисаветы старались наиболѣе его нравы испортить, не могъ исправленія имъ сдѣлать.

(окончаніе слѣдуетъ).

Князь М. М. Щербатовъ.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА ПАВЛА СТЕПАНОВИЧА РУНИЧА О ПУГАЧЕВСКОМЪ БУНТѢ.

Въ бумагахъ бывшаго въ царствованіе императора Александра I попечителемъ с.-петербургскаго учебнаго округа Дмитрія Павловича Рунича, поступившихъ въ распоряженіе „Русской Старины", найдена рукопись, писанная на толстой сѣрой и синеватой бумагѣ, состоящая изъ пяти тетрадей, — 98 страницъ. На оберткѣ рукою покойнаго Д. П. Рунича сдѣлана надпись: «Записки батюшки о Пугачевскомъ бунтѣ». Записки написаны собственною рукою Павла Степановича Рунича крупнымъ, четкимъ почеркомъ, со множествомъ на поляхъ и въ примѣчаніяхъ вставокъ, дополненій и отмѣтокъ.

Вслѣдъ затѣмъ въ тѣхъ же бумагахъ найдена и черновая рукопись записокъ; за исключеніемъ двухъ-трехъ листовъ, она также писана рукою П. С. Рунича.

При тщательномъ сличеніи послѣдняго экземпляра (написаннаго крайне неразборчиво и спутанно) съ первымъ, оказались значитель-

ные варьянты. Эти разнорѣчія частью касаются изложенія, частью представляютъ подробности почему-то не внесенныя авторомъ въ бѣловой экземпляръ записокъ.

Печатая на страницахъ „Русской Старины“ этотъ бѣловой экземпляръ, мы нашли не лишнимъ внести въ него всѣ тѣ разнорѣчія и дополненія изъ черновой рукописи, которыя, по нашему мнѣнію, сколько-нибудь интересны; при этомъ всѣ таковыя вставки мы помѣстили либо въ текстъ разсказа П. С. Рунича — отдѣливъ ихъ однако скобками, либо въ примѣчанія, — смотря потому, какъ близка связь этихъ вставокъ съ соотвѣтственными мѣстами разсказа; затѣмъ мы, само собою разумѣется, не позволили себѣ никакихъ исправленій въ изложеніи записокъ, — изложеніи, мѣстами весьма неправильнаго и особенно изобилующаго дѣепричастіями, и только для удобства чтенія раздѣлили записки на главы съ отмѣткою ихъ содержанія.

Что касается до автора записокъ, то вотъ нѣсколько данныхъ изъ его біографіи. Павелъ Руничъ былъ сынъ выходца изъ Угорской Руси (Венгріи), поселившагося въ южной Россіи въ царствованіе Елизаветы Петровны. Онъ родился около 1747 года и довольно рано потерялъ отца. Дядя его, генералъ-поручикъ Черневичъ, взялъ на себя заботы объ осиротѣвшемъ мальчикѣ и опредѣлилъ его въ сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ. По окончаніи воспитанія въ этомъ лучшемъ, въ то время, въ Россіи заведеніи, Руничъ поступилъ въ военную службу и вмѣстѣ съ старшимъ братомъ своимъ Петромъ, съ отличіемъ служившимъ офицеромъ еще въ семилѣтнюю войну, участвовалъ въ первой турецкой кампаніи, подъ начальствомъ Петра Ивановича Панина, знавшаго Павла Рунича еще въ бытность того въ корпусѣ. Въ кровавомъ штурмѣ Бендеръ — капитанъ Петръ Руничъ былъ сильно раненъ и скоро отъ ранъ умеръ. Въ славномъ бою при Ларгѣ, 7 іюля 1770 г., авторъ настоящихъ записокъ храбрый воинъ, былъ сильно контуженъ; служилъ онъ въ это время квартирмейстеромъ и къ концу этой компаніи имѣлъ чинъ майора.

Пугачевскій бунтъ и затѣмъ назначеніе гр. П. И. Панина усмирителемъ взволнованнаго мятежемъ Низоваго Края — застало Рунича въ Москвѣ, куда онъ прибылъ въ началѣ 1774 года изъ южной арміи для пользованія отъ контузіи. Явясь къ давнему своему благопріятелю, Руничъ былъ зачисленъ въ его свиту, а нѣсколько дней спустя, назначенъ въ составъ особой Секретной коммиссіи, прибывшей въ Москву изъ Петербурга.

Съ цѣлью учрежденія и со всей судьбой этой курьезной коммиссіи —читатели подробно познакомятся изъ настоящихъ записокъ; здѣсь же достаточно сказать, что ея задача было схватить Пугачева, посредствомъ подкупа его приближенныхъ. Коммиссія должна была какъ можно скорѣе приблизиться къ главнымъ скопищамъ Пугачева, — имѣла весьма обширныя полномочія (какъ, напримѣръ, останавливать курьеровъ, слѣдующихъ къ главнокомандующему и вскрывать донесенія къ нему), обладала значительными денежными средствами, но состояла всего изъ трехъ лицъ: гвардіи капитана Галахова, майора Рунича (автора записокъ) и мнимаго яицкаго казака, бывшаго куп-

ца г. Ржевы Володимиревой (Твер. губ.) Долгополова, именовавшагося Остафьемъ Трифоновымъ.

Коммиссія отправилась изъ Москвы 5 августа 1774 г. и быстро пронеслась по взволнованному краю въ дни самаго развала мятежа. Страшныя картины народныхъ бѣдствій представились путешественникамъ на пути ихъ слѣдованія!... Любознательный Руничъ — все видѣнное и слышанное заносилъ въ записную тетрадь — карандашомъ, урывками, иногда довольствуясь отмѣткой лишь имени заинтересовавшаго его лица, или намёка на слышанное имъ происшествіе. Опережая нерѣдко отряды войскъ, преслѣдовавшихъ Пугачева, путешественники наши прибывали иногда въ такой городъ или станицу, гдѣ еще командовалъ воевода назначенный Пугачевымъ и откуда мятежники вышли дня за два или даже наканунѣ пріѣзда Галахова и Рунича. Въ станицѣ Каменкѣ коммиссія настигла Пугачева и видѣла его, прослѣдовавшаго по берегу Волги мимо станицы съ остатками своей арміи....

Цѣль коммиссіи не была достигнута. Ка́къ и почему — объ этомъ разсказано въ печатаемыхъ „Запискахъ“; но усердная служба Рунича была отличена гр. Панинымъ: онъ ему ввѣрилъ ближайшее наблюденіе за страшнымъ арестантомъ — то былъ Пугачевъ. Руничъ блюлъ его какъ зеницу ока въ Симбирскѣ, водилъ его къ допросамъ, видѣлъ приготовленія къ его пыткѣ, былъ неотлучнымъ его спутникомъ-стражемъ на пути отъ Симбирска до Москвы, кормилъ и поилъ его нерѣдко изъ своихъ рукъ, и даже лечилъ.... Много бесѣдовалъ онъ съ знаменитымъ злодѣемъ, и кое-что позаписалъ изъ слышаннаго отъ Пугачева....

По привозѣ Пугачева въ Москву, Руничъ поскакалъ вѣстникомъ объ этомъ событіи въ Петербургъ, а оттуда отправленъ гонцомъ въ Могилевъ-на-Днѣстрѣ, въ южную армію къ гр. П. А. Румянцову. Та и другая поѣздки довольно подробно разсказаны имъ въ представляемыхъ здѣсь запискахъ. Переведенный, въ декабрѣ 1774 г., за отличіе по службѣ въ Смоленской драгунской полкъ, шефомъ котораго былъ въ то же время сдѣланъ Г. А. Потемкинъ — 1 января 1775 г. возведенный въ графское достоинство—Руничъ перешелъ скоро въ гражданскую службу и въ концѣ прошлаго столѣтія и начала нынѣшняго мы находимъ его на важномъ посту — губернатора, послѣдовательно въ Вяткѣ и Владимірѣ, въ послѣднемъ въ 1799 и 1800 годахъ.

Императоръ Павелъ отличалъ Павла Рунича своимъ особымъ довѣріемъ. Въ 1797 году Руничъ, между прочимъ, получилъ отъ этого государя довольно необъяснимое порученіе: ѣхать въ землю бывшихъ яицкихъ казаковъ — и по всѣмъ станицамъ, нѣкогда приставшимъ къ мятежу Пугачева, возвѣщать милость и довѣріе къ жителямъ со стороны государя.

Въ „Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“ 1870 г. — и въ сборникѣ: “Восемнадцатый вѣкъ“ т. IV-й 1870 г., напечатано нѣсколько писемъ императора къ П. С. Руничу.

27 іюня 1819 г. — Руничъ уволенъ отъ службы, и тогда-то, живя въ Москвѣ на покоѣ, на 72-мъ году жизни, онъ принялся за разбор-

ку тѣхъ замѣтокъ и записокъ, какія велъ сорокъ пять лѣтъ предъ тѣмъ, въ бурную эпоху Пугачевщины. Почти чудомъ уцѣлѣвшія въ пожарѣ Москвы 1812 года, бумаги эти дали возможность Руничу въ теченіе полутора года составить печатаемыя здѣсь записки. Необходимо замѣтить, что включивъ въ нихъ многія разсужденія и факты, относящіяся до времени позднѣйшаго послѣ Пугачевскаго бунта, Руничъ оставилъ однако многія страницы въ томъ видѣ, какъ онѣ были занесены имъ въ записную книжку въ 1774, подъ живымъ впечатлѣніемъ, на театрѣ дѣйствія.

Мы не станемъ распространяться объ интересѣ и значеніи этихъ записокъ. При незначительности еще объема литературы обнародованныхъ матеріаловъ и изслѣдованій о Пугачевщинѣ, — записки Рунича не могутъ не имѣть значенія; а такіе разсказы его, какъ напримѣръ: объ осадѣ Оренбурга, о взятіи Татищевской крѣпости кн. П. М. Голицынымъ, объ отбитіи мятежниковъ отъ гор. Киренска, о нападеніи Пугачева на Саранскъ, о взятіи имъ Саратова, либо подробный разсказъ о поѣздкѣ Остафія Трифонова изъ гор. Курмыша въ С.-Петербургъ и Царское Село, сцены съ Суворовымъ, видѣнныя самимъ составителемъ записокъ, письмо гр. Орлова къ яицкимъ казакамъ, прочитанное самимъ Руничемъ, встрѣчи Пугачева-арестанта съ кн. Голицынымъ и Михельсономъ, разсказъ о выдачѣ Пугачева — все это, записаное прямо со словъ очевидцевъ, нерѣдко съ ссылкою на свидѣтельство самаго Пугачева, либо даже переданные устами самихъ дѣятелей, какъ напримѣръ весь разсказъ Трифонова и подробности захвата Пугачева его генералами—всѣ таковые разсказы и подробности не могутъ не быть интересными. Ими значительно восполняются бывшія доселѣ извѣстія объ этихъ событіяхъ, а нѣкоторыя изъ страницъ записокъ (какъ напр. почти все относящееся до ловкаго пройдохи Трифонова и судьбы вызванной его предложеніемъ Секретной коммиссіи) являются совершенно новыми въ исторіи Пугачевщины. Достойно замѣчанія, что во всей литературѣ сочиненій объ этомъ бунтѣ, объ авторѣ записокъ, сколько мы помнимъ, нѣтъ ни единаго слова, — а между тѣмъ роль, ему выпавшая въ общей трагедіи 1774 года, была довольно важная.... Этою ролью, между прочимъ, объясняется и то, что, въ общемъ, его записки представляютъ довольно обширную картину всего мятежа и мѣстами освѣщаютъ яркими красками состояніе всего населенія взволнованнаго мятежемъ юго-восточнаго угла Россіи.

Къ личности автора печатаемыхъ записокъ мы еще будемъ имѣть случай возвратиться, по поводу прочихъ его бумагъ и въ особенности его корреспонденціи. Здѣсь же замѣтимъ, что это былъ человѣкъ, по своему времени, образованный, свѣдущій въ военныхъ наукахъ, большой законникъ, а дружескія связи его съ такими людьми, какъ Николай Ивановичъ Новиковъ *), говорятъ въ пользу умственныхъ и нравственныхъ качествъ составителя этихъ записокъ.

Павелъ Степановичъ Руничъ умеръ въ Москвѣ, 24 февраля 1825

---

*) Мы имѣемъ нѣсколько писемъ Новикова къ П. С. Руничу, которыя напечатаемъ на страницахъ. «Русской Старины». Ред.

года, на 78-мъ году отъ рожденія, въ чинѣ тайнаго совѣтника, будучи кавалеромъ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Анны, и имѣя званіе сенатора. Погребенъ онъ на Ваганковскомъ кладбищѣ.

По воспоминаніямъ лицъ его знавшихъ, это былъ человѣкъ небольшого роста, весьма худощавый, и въ преклонныхъ годахъ сохранившій бодрость и энергію. Сыну своему, Дмитрію, Павелъ Степановичъ далъ отличное образованіе. Ред.

I.

Предувѣдомленіе отъ составителя записокъ.—Причины яицкаго возмущенія.—Первое появленіе Пугачева.—Злобины.—Поимка Пугачева и бѣгство его.—Провозглашеніе Пугачева императоромъ.—Женитьба. Предшественники Пугачева.—Стефанъ Малый.—Солдатъ изъ г. Царицына.

1770—1773 гг.

Сопричисленъ будучи, 1774 года въ 4-й день августа, графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ къ секретной коммиссіи, отправленной изъ Петербурга въ низовый край по случаю возникшаго въ ономъ возмущенія, предположилъ я завести журнальную тетрадку, чтобъ вносить въ оную и записывать всѣ тѣ происшествія, кои могутъ мнѣ встрѣтиться въ пути моемъ, какъ для памяти, такъ и для любопытства. Не имѣя возможности въ скорой дорогѣ завсегда возить съ собою чернильницу и перья для записки, бо̀льшею частію употреблялъ я на то карандашъ, въ записной моей книжкѣ хранящійся; но какъ только гдѣ останавливались для обѣда, то старался записанное карандашомъ поновлять чернилами, что̀ и продолжалось во все время бытія моего при коммиссіи. Сорокъ шесть почти лѣтъ сія журнальная тетрадь находилась между прочихъ моихъ бумагъ, оставшихся въ Москвѣ во время нашествія на оную французовъ, но чудеснымъ образомъ сбережены отъ пропажи и пожара.

Получивъ 1819 года іюля 27-го дня увольненіе отъ службы и оставаясь празднымъ въ отечествѣ членомъ, вздумалось мнѣ пересмотрѣть всѣ мои бумаги, между коихъ къ обрадованію нашелъ какъ сказанную тетрадь, такъ и прочія въ оной записочки, повидимому, въ скорости мною писанныя и въ нея влагаемыя; рѣшительно положилъ, собравъ всѣ сіи записочки, разобрать и привести въ порядокъ, а во избавленіе себя отъ губительной праздности, изложить изъ оныхъ всѣ тѣ обстоятельства, происшествія и случаи, видѣнные собственными моими

глазами и слышанные также отъ очевидцевъ; чтó въ полуторогодичное время, на 72-мъ году моей жизни совершилъ, окончилъ и переписалъ.

А какъ въ связи описанныхъ мною въ отечествѣ моемъ происшествій невозможно мнѣ было избѣжать и умолчать, чтобъ не упомянуть какъ о именахъ покоющихся въ прахѣ земномъ священныхъ помазанникахъ, такъ и о лицахъ ихъ подданныхъ, со славою ума, честію и вѣрностію прославившихъ своихъ государей, отечество свое и себя самихъ въ роды родовъ неувядаемою памятью: то истинная честь и самый вѣрноподданнѣйшій мой долгъ обязываютъ меня изъяснить здѣсь, что священное уваженіе къ памяти первыхъ и безпристрастное сужденіе о дѣяніяхъ вторыхъ душа моя, сердце мое и духъ мой водили руку мою въ отношеніи дѣлъ и заслугъ послѣднихъ, по чувствамъ искреннѣйшаго моего къ нимъ почтенія; ибо кромѣ того, что почти всѣ изъ вторыхъ лицъ знали меня въ офицерскихъ чинахъ въ молодости лѣтъ, какъ по образцу моего поведенія, такъ и по ревностной моей привязанности къ военной службѣ; впрочемъ я могу безъ угрызенія въ совѣсти моей здѣсь сказать, что ни одинъ изъ послѣднихъ лицъ не былъ никогда особымъ моимъ благотворителемъ и ни при комъ изъ нихъ не былъ я такъ близокъ, чтобъ получилъ по службѣ моей какую-нибудь награду по ихъ прихотямъ, или выгодное какое мѣсто для поправленія недостаточнаго моего положенія, въ которомъ вся жизнь моя проходитъ, ибо, еслибъ я былъ вблизи сношеній у сихъ великихъ людей, то могло бы быть и самое состояніе мое поправлено.

Представя въ доказательство, что сама истина, а не подлость водила перо мое какъ въ описаніи заслугъ нѣкоторыхъ знаменитыхъ лицъ, такъ и происшествій яицкаго возмущенія, при коемъ, по связи дѣлъ онаго, нашелся я въ необходимости коснуться о именахъ препрославленныхъ вѣчною памятью, смѣло здѣсь утверждаю и во опровержение всѣхъ ложныхъ и нелѣпыхъ повѣстей доказываю, что Пугаческій бунтъ произошелъ не изъ замысловъ внутри государства, затѣянныхъ противу власти императорской, ниже изъ внѣ политическихъ хитрыхъ выдумокъ.

Но, во-первыхъ, родился оный, какъ извѣстно мнѣ по дѣламъ онаго, отъ буйности за Волгою разнородныхъ народовъ,

населяющихъ обширную страну сію до рѣки Яика, что нынѣ Уралъ.

Во-вторыхъ, по нѣкоторому суевѣрію въ церковныхъ обрядахъ и худо исполняемому долгу духовныхъ пастырей церкви. При семъ прилагаю указъ правительствующаго синода марта 9-го дня 1783 г.

Въ-третьихъ, отъ ненависти бѣглецовъ, помѣщичьихъ крестьянъ, по проложенной ими изстари въ степи сиротской дорогѣ на Яикъ, о которой упомянуто ниже въ запискахъ моихъ, по коей издревле всякая сволочь туда пробиралась и основала довольно значущее число яицкихъ казаковъ. На хуторахъ оныхъ, и по нынѣ, можетъ быть, находится укрывающихся и неплатящихъ государственныхъ податей, кои и въ самое войско яицкое поступаютъ, о которомъ никакое правительство въ прежнія времена не было извѣстно, какое именно количество казаковъ по станицамъ въ наличности состоитъ.

Въ-четвертыхъ, что завѣдывая сими яицкими казаками военное управленіе, по слабому къ нимъ вниманію, допустило ихъ ко многимъ своевольствамъ и наглости.

Въ-пятыхъ, дарованная симъ казакамъ свободная по Яику рыбная ловля, почитаемая лучшею во всей Россіи: промыселъ оною—икрою, клеемъ и прочимъ ознакомилъ ихъ во всемъ государствѣ, а бывшая въ прежнія времена связь ихъ въ Петербургѣ, по пронырливому уму ихъ, доставляла имъ вѣрные способы дознаваться о всѣхъ тайностяхъ двора.

Почему, шестое: сдѣлалось имъ извѣстнымъ о ссылкѣ въ Сибирь нѣкоторыхъ лейбъ-гвардіи офицеровъ *), гренадера Діомина съ 24-мя сотоварищами Преображенскаго полка и другихъ чиновниковъ съ повелѣніемъ жить имъ въ деревняхъ и не являться въ столицахъ въ присутствіи двора: зажгли неожиданно на Яикѣ искру бунта; а можетъ быть къ тому одинъ, или два нечестивыхъ духа раздували искру сію и произвели ужасъ пожара, погубившій множество народа, что будто народъ желаетъ, дабы императорская власть состояла въ мужескомъ родѣ, къ чему также много способствовала первая турецкая война; ибо, какъ полевыя войска, такъ и флотъ

---

*) О нѣкоторыхъ изъ сосланныхъ написаны имена въ исторіи поляка Беньовскаго, бѣжавшаго изъ Камчатки на фрегатѣ въ Америку. П. Руничъ.

обращены были на оную, почему внутри государства оскудѣли военныя силы, коими при самомъ началѣ пламя бунта удобно было погасить и прервать.

И, наконецъ, седьмое: убѣжавшіе изъ государства въ китайскія границы калмыки, кочевавшіе вблизи степи къ яицкимъ казакамъ, совершенно открыли яицкимъ удальцамъ свободу производить всякія наглости, чего не осмѣливались оные дѣлать, покуда кочевали близко ихъ калмыки.

При окончаніи сего предувѣдомленія, я со всею смѣлостью повторяю, утверждаю и доказываю самою истиною событій, что также иностранныхъ дворовъ политическіе виды не имѣли никакого участія въ яицкомъ возмущеніи; ибо мнѣ совершенно извѣстно, что при Пугачевѣ и его сотоварищахъ ни въ какое время не находилось ни одной націи иностранцевъ; но, напротивъ, какъ только изъ оныхъ попадался кто имъ въ руки, то былъ тотчасъ убиваемъ; а проходя съ войскомъ своимъ по колоніямъ на нагорной сторонѣ поселенныхъ, строжайше было приказано не допускать ни одного колониста даже подходить близко къ тому мѣсту, гдѣ Пугачевъ съ главными своими начальниками находился, о чемъ узналъ я отъ самихъ колонистовъ, проѣзжая нѣсколько разъ по селеніямъ оныхъ, изъ чего можно неложно заключить, что бунтовщики остерегались иностранцевъ единственно для того, чтобъ не обнаружить незнаніе ихъ государя иностранныхъ языковъ; а поступокъ варварства въ Камышенькѣ, съ комендантомъ нѣмцемъ учиненный, подтверждаетъ сію истину; ибо комендантъ сего города, оставаясь въ ономъ съ небольшимъ своимъ гарнизономъ, бывъ захваченъ и представленъ Пугачеву, сидящему еще на своемъ конѣ, вздумалъ ему что-то говорить по-нѣмецки; но вдругъ данъ отъ него знакъ, по которому ту минуту тирански пиками искололи сего несчастнаго нѣмца.

Первое появленіе Пугачева оказалось подъ именемъ Петра III въ дворцовой волости, селѣ Малыковкѣ, что́ нынѣ городъ Вольскъ, въ которой былъ въ то время волостнымъ головою крестьянинъ Алексѣй Злобинъ, а сынъ его Василій, бывшій лѣтъ четырнадцати, находился при отцѣ своемъ писцомъ, но впослѣдствіи времени пылкимъ своимъ умомъ достигнувшій степени именитаго гражданина, сдѣлавшись всеобщимъ почти въ государствѣ откупщикомъ по винной и соляной части, а дѣй-

ствіемъ предпріимчивыхъ изворотовъ и примѣрнымъ богачемъ движимаго и недвижимаго имѣнія, обогатилъ и облагодѣтельствовалъ умомъ своимъ и самый городъ Вольскъ, возстановилъ состояніе сего города гражданъ и довелъ ихъ до богатаго положенія. Въ Малыковкѣ былъ Пугачевъ схваченъ и скованный отвезенъ за карауломъ въ Казань, гдѣ очень строго содержался въ тюрьмѣ подъ надзоромъ гарнизонной коменданта команды; но вскорѣ дозволено было ему съ однимъ гарнизоннымъ солдатомъ ходить по городу и посѣщать въ домахъ купцовъ и прочихъ онаго гражданъ, бѣжалъ изъ Казани и паки явился въ Малыковкѣ, гдѣ узнавъ, что за нимъ послана погоня, скрылся, или нѣкоторыми жителями изъ оной тайно переправленъ за Волгу и препровожденъ на Иргизъ въ Средне-Николаевской старообрядческій монастырь, изъ коего тайнымъ образомъ настоятелемъ сего монастыря Филаретомъ переправленъ за рѣку Иргизъ въ степь, по коей добрался въ городъ Уральскъ, гдѣ, по согласію всѣхъ яицкихъ казаковъ, торжественно 1773 года 14 сентября провозглашенъ императоромъ Петромъ III; вѣнчался съ Устиною Коноваловою, дѣвицею рѣдкой красоты.

Но и прежде сего произшествія внутри государства съ самаго 1769 года начали появляться самозванцы подъ именемъ Петра III въ разныхъ мѣстахъ, и даже у Монтонегрельцевъ (черногорцевъ) явился подъ симъ именемъ Стефанъ Малый,—куда и посланъ былъ генералъ-поручикъ, Преображенскаго полка майоръ князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій для преклоненія черногорцевъ къ нападенію на турковъ; но черногорцы не согласились на сдѣланныя имъ предложенія и остались спокойными въ своихъ жилищахъ подъ управленіемъ Стефана Малаго, а князь оставилъ Черную Гору. Но послѣ его отбытія Стефанъ, желая Черной Горы жителямъ сдѣлать выгодное сообщеніе съ Адріатическимъ моремъ, умыслилъ посредствомъ минъ надорвать къ морю горы и, собственною личностію своею управляя минами, при зажженіи оныхъ, погибъ.

А въ началѣ 1772 года изъ 22-й полевой команды бѣглый солдатъ явился близъ Царицынской крѣпости подъ именемъ императора Петра III; но бывъ пойманъ и посаженъ въ крѣпостную тюрьму, надъ коимъ и произведено было строгое слѣдствіе, которое комендантъ, полковникъ Иванъ Еремѣевъ

Циплетовъ съ нарочнымъ сопроводилъ къ Астраханскому губернатору Бекетову, отъ коего получилъ предписаніе отправить арестанта сего за воинскимъ карауломъ къ нему, губернатору, въ Астрахань, что комендантъ и исполнилъ. Но между полученія о томъ предписанія, черезъ недѣлю времени послѣ слѣдствія надъ симъ злодѣемъ, въ самую полночь сдѣлался въ крѣпости бунтъ и народъ собрался у тюрьмы, чтобъ оную разломать и самозванца освободить; но расторопный и благоразумный комендантъ своимъ присутствіемъ не допустилъ бунтовщиковъ разломать тюрьму, разсыпалъ оныхъ и многихъ захватилъ; но во время сего дѣйствія брошеннымъ въ него кирпичомъ раненъ въ голову, о чемъ также донесъ г. губернатору.

Доставленный отъ коменданта арестантъ въ Астрахань судился тамъ нѣсколько недѣль, и опредѣлено было возвратить самозванца въ Царицинскую крѣпость для наказанія на мѣстѣ преступленія, и бывъ въ оную отправленъ, умеръ въ дорогѣ за 250 верстъ отъ Царицына. Неизвѣстность, куда дѣвался самозванецъ, возродила въ народѣ мысль, что онъ точно признанъ за настоящаго Петра III; послѣ чего, мѣсяцевъ черезъ семь, явился новый императоръ Петръ III въ дворцовой волости, селѣ Малыковкѣ— донской казакъ Емелька Пугачевъ *).

*) Приводимъ изъ черновой рукописи записокъ Рунича, варіянтъ разсказа его о Цариц. самозванцѣ, крестьян. Богомоловѣ, наказан. кнутомъ и умер. на дор. въ Сибирь:

«...Изъ сей команды бѣглый солдатъ г. Воронцовыхъ, поступившій въ службу, прежде Пугачева за нѣсколько мѣсяцевъ явился въ образѣ императора Петра III, но скоро схваченъ и представленъ въ Царицынскую крѣпость коменданту Циплетову, о чемъ донесено отъ него къ астраханскому начальнику, и злодѣй сей посаженъ въ тюрьму и допросы ему производились; но чрезъ нѣсколько дней въ крѣпости ночью напали на тюрьму сообщники сего бунтовщика и хотѣли, разломавъ оную, освободить злодѣя, но комендантъ скоро успѣлъ зло сіе прекратить. Но при прекращеніи онаго кирпичемъ раненъ въ голову. О семъ происшествіи тотчасъ отправилъ комендантъ курьера въ Астрахань, откуда получилъ повелѣніе съ допросами отправить злодѣя въ Астрахань, который туда и доставленъ, а потомъ черезъ три мѣсяца изъ Астрахани сей злодѣй паки отправленъ въ Царицынскую крѣпость съ повелѣніемъ наказать бунтовщика въ Царицынѣ, гдѣ произошелъ бунтъ освободить онаго (?) изъ тюрьмы. Но въ сопровожденіи изъ Астрахани за 100 или 150 верстъ злодѣй умеръ и куда его дѣвали, то оставалось неизвѣстнымъ, что̀ и оставило въ сообщникахъ его сомнѣніе о смерти сего бунтовщика. Послѣ сего происшествія въ непродолжительномъ времени въ Малыковской дворцовой, что нынѣ городъ Вольскъ, явился Пугачевъ, о коемъ упомянуто будетъ въ своемъ мѣстѣ.»

II.

Политика императрицы Екатерины II.—Отношенія къ Австріи и Пруссіи.—Избраніе Станислава Понятовскаго королемъ Польши. — Первая война съ Турціей.—Г. А. Потемкинъ.—Борьба съ польскими конфедератами. — А. И. Бибиковъ въ Варшавѣ. — Назначеніе А. И. Бибикова главнокомандующимъ въ низовый край для погашенія Пугачевскаго мятежа.—Сотрудники Бибикова.

1762 — 1773 гг.

Великая Екатерина II (повидимому), будучи предъизбрана при рожденіи своемъ обладать россійскою имперіею, вступивъ 1762 года 28 іюня, на другой день торжества Полтавской побѣды, на престолъ Россіи, во-первыхъ устремила-было свое желаніе, чтобъ устроить въ имперіи прочное, правильное и согласное съ духомъ россіянъ управленіе.

Наказъ ея величества, данный коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія, свидѣтельствуетъ совершенно матернее ея желаніе возстановить и ввести въ Россіи единообразное управленіе, а учрежденіе губерній доказываетъ истину онагó. Но въ первые годы, или лучше и вѣрнѣе сказать,— мѣсяцы вступленія ея величества на престолъ, (предвидя) политическимъ замысламъ (хитрыя намѣренія) сильныхъ тогдашняго времени европейскихъ дворовъ унизить (славу) Россіи и низложить ея вліяніе на политическіе виды европейскихъ державъ, принудили государыню императрицу *) обратить прежде высокое свое вниманіе на сіи замыслы **) рѣшительно предположить соизволила, вопреки оныхъ ***), блистательнѣйшими мѣрами (и геройскимъ духомъ) возвести Россію на первую степень величія ****), и Европу и современыхъ ей государей удивить

---

*) «...Не имѣя впрочемъ или поувѣренію народной къ себѣ любви, или надѣясь на доброту и простосердечіе онаго, или по собственной правотѣ душевныхъ своихъ чувствованій ни малѣйшаго подозрѣнія, что въ царствованіе ея могутъ гдѣлибо въ имперіи появиться и возникнуть внутренія возмущенія принужденною нашлась, по политическимъ видамъ тогдашнихъ европейскихъ дворовъ,....» Черн. рук. Рун.

**) «На предметы кои престолу Россіи были оскорбительными.» Черн. рк. Рун.

***) Политическихъ намѣреній чужестранныхъ дворовъ. Черн. рк. Рун.

****) ...И прославить оную какъ побѣдоноснымъ оружіемъ, такъ мудрымъ просвѣщеніемъ и дѣятельностію наукъ, промышленостью ознакомить ввѣренный ей народъ... Черн. рук. Рун.

высокимъ своимъ умомъ и твердостію своего великаго духа, непременно положить соизволила произвести обширные свои планы въ дѣйство, кои исполнила и совершила къ умноженію своей славы; ибо, по вступленіи на престолъ, императрица тотчасъ подтвердила миръ съ Пруссіею, императоромъ Петромъ III дружественно съ нею заключенный по кончинѣ государыни Елизаветы Петровны; въ самое то же время прекратила войну съ Австріею предначатую (вообще съ Пруссіею противъ нея); повелѣть соизволила заграничнымъ войскамъ возвратиться въ Россію, назначивъ нѣкоторому только числу нанять квартиры на границѣ Польши и въ Литвѣ.

А какъ въ сіе время въ Варшавѣ собирался сеймъ для избранія на польскій престолъ короля, то государыня императрица послала въ Варшаву полномочнаго своего, генералъ-аншефа отъ кавалерій князя, Михаила Никитича Волконскаго, твердо и рѣшительно предположивъ, чтобъ избранъ былъ королемъ Станиславъ Понятовскій, который и возведенъ былъ на престолъ Польши. Но противная на семъ сеймѣ партія въ избраніи Понятовскаго королемъ, составившихся изъ знаменитѣйшихъ польскихъ вельможъ, нроизвела конфедерацію (названную барскою), которая взволновала всю Польшу съ оружіемъ въ рукахъ защищать свое право и противиться избранію Понятовскаго *) королемъ.

Императрица повелѣть соизволила для усмиреніи и прекращенія возникшей въ Польшѣ кофедераціи (и волненія) вступить въ оную своимъ войскамъ; ибо одни королевскіе не въ силахъ были взволновавшіяся партіи конфедерацій низложить и пракратить; почему начались съ обѣихъ сторонъ военныя дѣйствія; но малымъ числомъ россійскаго войска нельзя было, усмирить часъ отъ часу усиливающуюся конфедерацію, нашлось нужнымъ умножить число онаго **); вмѣстѣ съ тѣмъ заблагоразсудила импе-

---

*) О семъ прелюбезномъ и прекрасномъ какъ душею, такъ и тѣломъ польскомъ королѣ, великій Фридрихъ II говорилъ: «ученые потеряли въ немъ мужа просвѣщеннѣйшаго въ наукахъ, а Польша приобрѣла весьма посредственнаго короля». П. С. Руничъ.

**) Дворы глубоко-тонкой въ сіе время политики—австрійской, французской, прусской и шведской полными взирали глазами на произшествія въ Польшѣ (а особливо первые два двора всѣ употребляли интриги возбудить Порту, яко сосѣдственную Польшѣ державу, объявить Россіи войну, чтобъ тѣмъ подкрѣ-

ратрица въ концѣ 1765 или въ началѣ 1766 года послать въ Варшаву генералъ-поручика князя Николая Васильевича Репнина, которому дана была сильная власть дѣйствовать дипломатическимъ и военнымъ искуствомъ во всей Польшѣ.

Неизвѣстны мнѣ причины, побудившія Порту объявить Россіи войну; но оная объявлена 1768 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ и россійскія войска двинулись къ границамъ Крыма и Молдавіи *); а находящійся при Портѣ посланникъ, тайный совѣтникъ Абресковъ отведенъ въ Едикуль.

Война сія съ Портою кончена ужъ 1774 года іюля 10 дня. (Маршалъ литовскій, бывшій потомъ вице-канцлеромъ Польши, кавалеръ св. Александра Невскаго, Бѣлаго орла и св. Станислава, графъ Гуровскій, человѣкъ дальновиднаго ума, съ коимъ имѣлъ я связи близкаго знакомства съ 1775 году, пересказывалъ мнѣ, что случилось, при личномъ его бытьи у короля Прусскаго Фридриха II. Получивъ его величество съ курьеромъ извѣстіе о заключеніи графомъ Румянцовымъ, 1774 года въ іюлѣ мѣсяцѣ, за Дунаемъ, выгоднаго съ Портою мира, къ удивленію бывшихъ при его величествѣ, прочиталъ донесеніе съ пыл-

---

нитъ барскую въ Польшѣ конфедерацію). Бывшій въ сіе время при россійскомъ дворѣ, но въ какомъ званіи не помню, но знаю то, что отъ французскаго двора присланъ былъ извѣстный дипломатикъ Бретель, съ коимъ на придворномъ балѣ государыня императрица разговаривала при нѣкоторыхъ ближайшихъ ея вельможахъ; а какъ хитрый Бретель, при семъ разговорѣ обратилъ рѣчь свою на польскія дѣла императрицѣ съ нѣкою отважностью, что «дѣла оной произвести могутъ невыгодную для Россіи войну»; то государыня императрица, со сродною своею кротостію, изволила въ отвѣтъ сказать ему: «вы дѣлайте что можете дѣлать, а я буду дѣлать то, что я хочу». Хитрый Бретель отъ сего отзыва какъ истуканъ онѣмѣлъ.

Французскій дворъ прислалъ конфедераціи многихъ своихъ офицеровъ, въ числѣ коихъ находился въ Краковѣ бывшій прежде секретаремъ у извѣстнаго политика министра герцога Шуазеля, прославившійся во французскую революцію Де-Мурье. П. С. Руничъ.

*) Считаю приличнымъ помѣстить здѣсь высочайшій рескриптъ государыни императрицы при объявленіи Портою войны, писанный 1768 года въ ноябрѣ мѣсяцѣ, къ генералъ-фельдмаршалу графу Салтыкову, правителю Москвы: «Графъ Петръ Семеновичъ. Порта объявила мнѣ войну. Я назначила противъ оной двѣ арміи: 1-ю поручила генералъ-аншефу князю Александру Михайловичу Голицыну, которому желаю отцовскаго счастія; 2-ю, графу Петру Александровичу Румянцову, которому желаю всякаго благополучія. А еслибъ я боялась турокъ, то выборъ мой палъ-бы на покрытаго лаврами фельдмаршала Салтыкова.» П. С. Руничъ.

кимъ духа гнѣвомъ, бросилъ на столъ бумагу и сказалъ въ слухъ: «весь свѣтъ не видалъ такой счастливой жены, какова императрица Екатерина II» и обратясь, сказалъ: «Россія заключила миръ съ Портою»). Ознаменовавъ великія дѣянія Екатерины II, война съ Портою прославила великій духъ и высокій умъ обладательницы Россіи. Ларга и Кагулъ, побѣды и миръ, оконченныя за Дунаемъ неподражаемымъ полководцемъ графомъ Румянцовымъ; Бендеры и Чесма пребудутъ вѣчною славою побѣдоноснаго россійскаго оружія! (Но паче и паче одержанная побѣда 21 іюля 1770 года графомъ Румянцовымъ на Кагулѣ; ибо кто только безпристрастно судить объ оной будетъ и чьи глаза видѣли дѣйствія оной, то тотъ не устыдится и согласится со всею чуткостью сказать, что, еслибъ Румянцевъ былъ разбитъ непріятелемъ, состоявшимъ въ силѣ 200 т., то былъ бы побитъ на голову, и въ такомъ несчастномъ случаѣ Порта съ крымскими, буджатскими и прочими ордами татаръ, отворила бы свободный ходъ въ Россію и сообщась съ непріятелями оной, поляками и шведами, положилибъ конецъ ея величію и, можно свидѣтельствовать, что одержанная на Калугѣ побѣда спасла столько же Россію отъ бѣдствія, сколько спасена оная Полтавскою побѣдою, ибо если кто разсмотритъ оба сіи обстоятельства неисковерканными и неомраченными умомъ самолюбія, тотъ ясно увидитъ, что командовавшій арміею 17 т., не имѣя, никакой за собою опоры, находился за 200 верстъ отъ Россіи въ необитаемой степи...).

Знаменитые подвиги первой турецкой войны предуготовили путь необыкновеннаго ума бывшему въ оную генералъ-поручикомъ, а потомъ свѣтлѣйшимъ княземъ и генералъ фельдмаршаломъ, князю Григорію Александровичу Потемкину Таврическому довершить славу благодѣтельницы своей Екатерины II. Искорененіе и истребленіе, по его, князя плану, Запорожской сѣчи, остатокъ коей и до нынѣ имѣетъ гнѣздо свое за Дунаемъ, въ предѣлахъ Булгаріи; построеніе Херсона и Николаева, покореніе подъ россійскую державу полуострова Крыма, Тамана и другихъ, на которыхъ обитали татары, древнѣйшіе враги Россіи, возстановленіе флота въ гаваняхъ онаго, овладѣніе Очакова и всѣми закубанскими ордами; воздвигнутый на зыбучихъ пескахъ городъ Одесса и портъ приономъ; устроеніе регуляр-

ныхъ войскъ и Оренбургской, Яицкой линіи до Сибирской границы и внутри самой Сибири—неложныя суть памятники дивной прозорливости великой Екатерины II и сотрудника ея генералъ-фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго (оградившихъ Россію на долгія времена съ южной стороны ея отъ безчисленныя тьмы враговъ, границы ея всегда опустошавшихъ, разорявшихъ и при всякихъ случаяхъ, когдо Россія могла бытъ въ войнѣ съ европейской державою, угрожавшихъ нашествіемъ своимъ поколебать предѣлы Россіи и вторгнуть внутрь ея владѣній). Память о князѣ Таврическомъ не должна быть въ Россіи забвенною *).

Когда по объявленіи Портою войны Россіи, Пулавскій съ нѣкоторымъ числомъ конфедераціоннаго войска оставя свое отечество перешелъ съ онымъ къ Портѣ, находясь при турецкой арміи всю войну: то въ тоже время другой начальникъ конфедераціи Потоцкій, бывъ нѣсколько кратъ разбитъ россійскимъ войскомъ, перебрался съ своимъ оставшимся войскомъ въ границы Венгріи, гдѣ австрійскій дворъ дaлъ ему безпрепятственныя средства укрываться и дѣйствовать оттуда, на подкрѣпленіе конфедераціи, то въ одно почти время, подъ присмотромъ генералъ-маіора Кара, первый вельможа Польши, князь Радзивилъ перевезенъ въ Россію и содержался въ Калугѣ съ величайшимъ уваженіемъ. Тогдажь, въ 1769 году, и князь Репнинъ отозванъ къ 1-й арміи, подъ начальствомъ генералъ-аншефа князя Голицина расположенной въ крѣпкомъ лагерѣ за

---

*) Разсмотримъ и сообразимъ здѣсь съ безпристрастнымъ понятіемъ о дальновидной прозорливости Екатерины II и дивнаго сотрудника ея, князя Таврическаго, коею предположено было овладѣть всѣми вышеупомянутыми на югѣ странами и народами, на оныхъ обитающими, дабы предохранить южныя Имперіи границы на долгія времена отъ древнѣйшихъ враговъ въ Россіи татарскаго племени, что еслибы Крымъ, Нагайскіе, Буджатскіе, Закубанскіе и Бессарабскіе татары состояли въ то время подъ владѣніемъ Порты, когда Наполеонъ врагъ Россіи и цѣлаго міра, съ двадцатью племенами европейскихъ, исповѣдывающихъ христіанскій законъ, вторгнулся въ Россію, то чтобъ могъ злой его духъ произвести въ ней съ ордами татаръ, поклоняющихся Магомету и всей его злости къ попранію христіанскаго закона, коихъ закупить и обольстить и обмануть онъ могъ своимъ пронырствомъ? Ибо бывъ въ Египтѣ, необманулъ ли онъ магометанъ тѣмъ хитрымъ вымысломъ, что готовъ защищать и исповѣдывать Магомета и ему одному поклоняться, и вѣрить, что онъ есть истинный и единственный пророкъ, которому предоставлено свыше измаильскій родъ возвести утвердить и прославить во всемъ мірѣ.

П. С. Руничъ.

рачковскимъ лѣсомъ, засѣками въ ономъ подкрѣпленный, со стоящій внизъ по Днѣстру, въ виду крѣпости Хотина, въ которомъ вся армія отъ 2 іюня до ноября мѣсяца постоянно имѣла свое положеніе, въ коемъ 29 августа сильно были турками атакованы; но непріятель былъ разбитъ и разсѣянъ, стремительно перебрался за Днѣстръ, расположился лагеремъ подъ своею крѣпостью, навелъ на Днѣстрѣ мостъ, укрѣпивъ оный сильнымъ теть-де-понтомъ, дабы безпрепятственно, подъ пушками крѣпости, переходить рѣку и тревожить россійскую армію.

На мѣсто князя Репнина послала императрица въ Варшаву генерала Александра Ильича Бибикова, которому такая же дана власть дѣйствовать въ Польшѣ, какая дана была предмѣстнику его князю Репнину.

Яицкій бунтъ, постыдное происшествіе 2 гренадерскаго полка въ Башкиріи случившееся и странный поступокъ генералъ-маіора Кара, о чемъ упомянуто будетъ ниже, заставили императрицу вызвать изъ Польши генерала Бибикова и послать въ Казань, коему и дана была полная власть надъ бунтующимъ низовымъ краемъ и войсками тамъ находящимися дѣйствовать по его благоусмотренію; вскорѣ потомъ отправленъ къ нему въ команду генералъ-порутчикъ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ. Дежурнымъ генераломъ находился при Александрѣ Ильичѣ—генералъ-маіоръ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Щербатовъ, а правителемъ канцеляріи полковникъ Петръ Ивановичъ Турчаниновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

П. С. Руничъ.

14-ое ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА ВЪ ПАТРІОТИЧЕСКОМЪ ИНСТИТУТѢ.

Когда вспыхнуло возмущеніе 14 декабря 1825 года, мнѣ было пятнадцать лѣтъ; воспитывалась я тогда въ С.-Петербургскомъ Патріотическомъ Институтѣ.

При доходившемъ до насъ громѣ орудій, мы, институтки, страшно перепугались. Пальба продолжалась, а между тѣмъ начальница института г-жа Виссенгаузенъ стала говорить намъ: «это Господь Богъ наказываетъ васъ, дѣвицы, за ваши грѣхи;

самый главный и самый тяжкій грѣхъ вашъ тотъ, что вы рѣдко говорите по французски и, точно кухарки, болтаете все по русски!»

Въ страшномъ перепугѣ, мы вполнѣ сознали весь ужасъ нашего грѣхопаденія и на колѣняхъ, предъ иконами, съ горькими слезами раскаянія, тогда же поклялись начальницѣ института вовсе не употреблять въ разговорахъ русскаго языка. Наши заклятія были какъ бы услышаны: пальба внезапно стихла. Мы всѣ успокоились — и долго, послѣ того, въ спальняхъ и залахъ Патріотическаго Института не слышалось русскаго языка.

С. А. Пелли.

---

14 ДЕКАБРЯ 1825 ГОДА.

Изъ записокъ генералъ-лейтенанта В. И. Фелькнера.

Утромъ, 27 ноября 1825 года, состоя на службѣ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи саперного батальона, вступилъ я въ караулъ у шлиссельбургской заставы. Два дня уже носились въ Петербургѣ тревожные слухи о тяжкой болѣзни, постигшей императора Александра I, въ Таганрогѣ, и всѣ жители столицы, горячо любившіе своего монарха, сердечно скорбѣли и усердно молились о сохраненіи драгоцѣнныхъ дней его. Въ 11 часовъ того же дня было отслужено, по этому случаю, молебствіе, въ Александро-невской лаврѣ, въ присутствіи государственныхъ сановниковъ и чиновъ военнаго и гражданскаго вѣдомствъ. Въ 6 часовъ пополудни, старшій караульный унтеръ-офицеръ донесъ мнѣ, что отправленный въ батальонную канцелярію, за паролемъ, унтеръ-офицеръ принесъ извѣстіе о кончинѣ государя, въ Таганрогѣ, и обьявилъ, что офицеры и нижніе чины батальона оставшіеся отъ караула уже присягнули на казарменномъ дворѣ императору Константину Павловичу. Извѣстіе это глубоко потрясло и опечалило меня; съ юношескимъ пыломъ былъ я преданъ покойному государю, стяжавшему себѣ общую любовь своихъ подданныхъ. Погруженный въ грустныя думы, былъ я вскорости пробужденъ къ дѣйствительности звономъ караульнаго колокола и, выбѣжавъ съ карауломъ на платформу, передъ гауптвахтой увидѣлъ подъѣхавшаго къ ней командира лейбъ-гвардіи саперного батальона флигель-адъютанта полковника Геруа, въ сопровожденіи батальонаго адъютанта, подпо-

ручика Кривцова и батальоннаго священника съ крестомъ. Объявивъ о кончинѣ императора, полковникъ приказалъ мнѣ выстроить людей моего караула въ солдатской комнатѣ, для приведенія ихъ и меня къ присягѣ императору Константину Павловичу. По исполненіи этого, онъ уѣхалъ съ своими спутниками, и я опять предался томившимъ меня печальнымъ думамъ.

Въ продолженіи двухъ недѣль послѣ того, противурѣчащіе слухи о намѣреніи новаго императора отказаться отъ престола, въ пользу брата своего великаго князя Николая Павловича, и неизвѣстность волновали жителей столицы. Это было тяжелое время; уныніе и печаль были общія; безсознательное предчувствіе томило петербуржцевъ, предвѣщая имъ важныя событія въ ближайшемъ будущемъ.

Предчувствія эти дѣйствительно вскорѣ сбылись.... Революціонная пропаганда тайно, но быстро распространявшаяся по Россіи, въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I, рѣшилась воспользоваться этимъ смутнымъ и тревожнымъ временемъ для приведенія въ исполненіе своихъ замысловъ.

Наступилъ памятный въ исторіи Россіи день 14 декабря, внесшій въ нее прискорбную страницу, обагрившій кровію подножіе памятника великаго основателя Петербурга и приведшій въ ужасъ его мирныхъ и столь преданныхъ своимъ государямъ жителей.

Наканунѣ этого рокового дня, мнѣ пришлось опять стоять въ караулѣ у шлиссельбургской заставы. Возвратясь, на другой день послѣ смѣны съ караула, въ батальонныя казармы, я, къ большому удивленію моему, узналъ, что всѣ штабъ и оберъ-офицеры и нижніе чины лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, не задолго передъ моимъ приходомъ, были приведены къ присягѣ Николаю Павловичу, на батальонномъ дворѣ, въ присутствіи командира батальона, который, бывъ, въ 5 часовъ утра, потребованъ въ штабъ гвардейскаго корпуса, одновременно съ другими начальниками гвардейскихъ частей, присягнулъ новому государю въ малой дворцовой церкви зимняго дворца и привезъ въ батальонъ манифестъ о вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, съ приложенными къ нему письмами объ отреченіи отъ престола августѣйшаго его брата, которые

полковникъ Геруа и прочелъ передъ приведеніемъ батальона къ присягѣ.

Мнѣ приказано было не распускать своего караула; когда-же возвратились въ казармы и остальные, смѣнившіеся съ городскихъ карауловъ офицеры и нижніе чины батальона, то всѣ мы были, одновременно, приведены къ присягѣ въ присутствіи нашего батальоннаго командира. Первое чувство удивленія при этой внезапной перемѣнѣ въ престолонаслѣдіи смѣнилось чувствомъ радости, когда мы узнали, что великій князь Николай Павловичъ, генералъ-инспекторъ по инженерной части, шефъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, котораго всѣ чины, отъ командира до послѣдняго солдата, искренно любили и были безпредѣльно преданы, сдѣлался нашимъ императоромъ. Онъ также сердечно любилъ своихъ саперовъ, неутомимо занимался ихъ фронтовымъ и инженернымъ образованіемъ, какъ отецъ-командиръ входилъ въ ихъ нужды и гордился ихъ успѣхами, какъ своимъ созданіемъ.

Эти радостныя чувства были однако-жъ омрачены нѣкоторыми зловѣщими признаками, которые свидѣтельствовали, что въ городѣ и въ средѣ другихъ гвардейскихъ частей происходитъ какое-то волненіе, производимое тайными поджигателями и грозящее разразиться важными безпорядками. Когда командиръ 1-й саперной роты, штабсъ-капитанъ Квашнинъ-Самаринъ, посланный для принесенія изъ аничковскаго дворца батальоннаго знамени для присяги, подходилъ съ 1-мъ взводомъ къ казармамъ, въ послѣдній въѣхали ѣхавшіе очень быстро, въ саняхъ, два офицера гвардейской конной-артиллеріи, привели его тѣмъ въ безпорядокъ, кричали саперамъ: «братцы, не присягайте! васъ обманываютъ!» и затѣмъ скрылись изъ виду. Квашнинъ-Самаринъ, выстроивъ смятый вторженіемъ артиллерійскихъ офицеровъ взводъ, напомнилъ саперамъ о ихъ долгѣ и привелъ ихъ въ порядкѣ на батальонный дворъ, гдѣ они, вмѣстѣ съ прочими товарищами своими, принесли присягу, и затѣмъ отнесли знамя обратно въ аничковскій дворецъ. Послѣ принесенія присяги, нижніе чины были распущены, а офицеры, собранные въ квартирѣ батальоннаго командира, для подписанія присяжнаго листа, получили приказаніе прибыть къ часу пополудни, въ зимній дворецъ, къ торжественному молебствію. Въ это время

прошелъ слухъ, что гвардейскіе конно-артиллеристы, казармы которыхъ были смежны съ саперными, отказываются присягать императору Николаю Павловичу. Полковникъ Геруа, въ предположеніи, что батальонъ можетъ быть потребованъ, если произойдутъ въ городѣ какіе-либо безпорядки, приказалъ всѣмъ ротнымъ командирамъ не ѣздить въ зимній дворецъ, съ прочими офицерами, а оставаться въ казармахъ при своихъ ротахъ; самъ же изъ дворца отправился къ начальнику штаба гвардейскаго корпуса, генералу Нейдгарту, для полученія отъ него приказаній относительно лейбъ-гвардіи саперваго батальона, въ случаѣ открытаго возмущенія въ столицѣ. Начальникъ штаба спросилъ полковника: «отвѣчаетъ ли онъ за свой батальонъ» и на отвѣтъ: «отвѣчаю, какъ за самого себя», приказалъ ему привесть батальонъ къ зимнему дворцу.

Прибывъ къ назначенному часу во дворецъ, я засталъ уже тамъ большой съѣздъ государственныхъ сановниковъ, придворныхъ чиновъ, придворныхъ и городскихъ дамъ, генералитета, гвардіи и арміи штабъ и оберъ-офицеровъ, но тотчасъ-же замѣтилъ, что между присутствовавшими въ залахъ дворца господствовало какое-то безпокойство. Составлялись группы, въ которыхъ шопотомъ и подъ секретомъ передавались тревожныя извѣстія о безпорядкахъ въ городѣ, волненіи въ народѣ, и о томъ, что нѣсколько гвардейскихъ полковъ отказываются принесть присягу на вѣрность императору Николаю Павловичу, по случаю распространеннаго въ городѣ злоумышленниками слуха, что императоръ Константинъ Павловичъ, которому всѣ жители столицы присягнули 7 декабря, не намѣренъ отказываться отъ престола и на дняхъ пріѣдетъ въ Петербургъ, изъ своего мѣстопребыванія, г. Варшавы. Разсказывали еще, что въ народѣ распространена молва, что императоръ Константинъ Павловичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ, отправившійся къ брату своему въ Варшаву, арестованы и уже привезены въ Петропавловскую крѣпость.

Скоро стало во дворцѣ положительно извѣстно, что гвардейскіе конно-артиллеристы, послѣ непродолжительнаго колебанія, возбужденнаго подстрекательствомъ нѣкоторыхъ изъ своихъ офицеровъ, присягнули императору Николаю Павловичу, внявъ представленіямъ своихъ батарейныхъ командировъ и совершенно

убѣдились, что ихъ обманывали, когда, послѣ принесенной ими присяги, прибылъ къ нимъ въ казармы генералъ-фельдцехмейстеръ всей артиллеріи великій князь Михаилъ Павловичъ, утромъ того же дня только-что возвратившійся изъ Варшавы и объяснившій имъ дѣйствительное состояніе дѣлъ, вызванное отреченіемъ отъ престола Константина Павловича. Къ несчастью, дѣло заговорщиковъ не могло быть предупреждено и имѣло гибельныя послѣдствія въ лейбъ-гвардіи московскомъ полку. О нихъ привезъ государю донесеніе генералъ-адъютантъ Нейдгардтъ, и оно быстро распространилось въ дворцовыхъ группахъ. Когда полкъ этотъ выстраивался на полковомъ дворѣ, для принесенія присяги, два офицера (штабсъ-капитаны: князь Щепинъ-Ростовскій и Михайло Бестужевъ) уговорили солдатъ своихъ ротъ, къ которымъ присоединились потомъ нижніе чины и другихъ 1-го батальона, не присягать, завѣряя, что ихъ обманываютъ старшіе начальники. Князь Щепинъ-Ростовскій, послѣ этого, тяжело ранилъ сабельными ударами въ голову, сперва полкового командира генералъ-майора барона Фредерикса, старавшагося вразумить увлекаемыхъ заговорщиками солдатъ, а затѣмъ также бригаднаго командира генералъ-майора Шеншина и батальоннаго командира полковника Хвощинскаго. Этотъ поступокъ и дальнѣйшіе уговоры мятежныхъ офицеровъ и ихъ сообщниковъ, восторжествовали окончательно и увлекли московцевъ къ явному возмущенію. Разобравъ боевые патроны, зарядивъ ружья и силою увлекши съ собою принесенныя для присяги знамена, бо̀льшая часть солдатъ 1-го батальона (2-й еще не смѣнился съ городскихъ карауловъ, а 3-й находился въ загородномъ расположеніи), предводимая вождями мятежа, съ криками «ура!» побѣжала по направленію къ сенатской площади, и прибывъ туда, была остановлена у памятника Петра Великаго, куда, въ то же время, стали стекаться со всѣхъ сторонъ значительныя толпы народа, съ криками: «ура, Константинъ!» Въ народѣ почти никто не зналъ еще о вступленіи на престолъ императора Николая Павловича, поэтому толпы не полагали, что онѣ, безъ вѣдома для себя, поддерживаютъ замыслы заговорщиковъ.

Получивъ донесеніе о происшедшихъ событіяхъ, принимавшихъ видъ открытаго мятежа, императоръ немедленно при-

нялъ мѣры къ его подавленію. Оберъ-квартирмейстеръ гвардейскаго корпуса, флигель-адъютантъ полковникъ князь Голицынъ былъ посланъ имъ въ казармы лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, съ приказаніемъ послѣднему немедленно прибыть для охраненія зимняго дворца, а состоявшему при немъ генералъ-майору Стрекалову государь приказалъ привесть ко дворцу 1-й батальонъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка. Объ этомъ объявилъ мнѣ, въ Бѣлой залѣ, начальникъ инженеровъ гвардейскаго корпуса генералъ-майоръ Сазоновъ, и приказалъ тотчасъ же отправиться на встрѣчу батальона. Побѣжавъ по Большой Милліонной улицѣ, я завидѣлъ его бѣгущимъ въ шинеляхъ и фуражкахъ, и держа ружья на перевѣсъ, у мраморнаго дворца. Его велъ капитанъ Витовтовъ *), оставшійся въ казармахъ за старшаго, послѣ отъѣзда батальоннаго командира въ зимній дворецъ. У экзерцишгауза встрѣтилъ батальонъ полковникъ Геруа **), знавшій о посылкѣ князя Голицына, принялъ надъ нимъ начальство и ввелъ въ дворцовый дворъ чрезъ главныя ворота, впереди которыхъ стоялъ взводъ 6-й роты лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, занимавшей въ этотъ день караулы главной гауптвахты, подъ командою штабсъ-капитана Прибыткова. Находившійся при взводѣ с.-петербургскій комендантъ, генералъ-лейтенантъ Башуцкій, по вступленіи лейбъ-гвардіи сапернаго батальона на дворцовый дворъ, приказалъ построить его тамъ въ густую взводную колонну справа, лицомъ къ главнымъ воротамъ.

Взводъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка былъ поставленъ впереди воротъ дворца самимъ императоромъ. Поручикъ Гречъ ***), остававшійся при другомъ взводѣ караула, на главной гауптвахтѣ, разсказалъ мнѣ потомъ, что государь, по полученіи имъ извѣстія о безпорядкахъ, происшедшихъ въ казармахъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, сошелъ внизъ по внутренней лѣстницѣ,

---

*) Нынѣ генералъ-адъютантъ, инженеръ-генералъ. 13 декабря 1825 г. онъ имѣлъ несчастіе лишиться нѣжно имъ любимой жены, тѣло которой еще не было положено въ гробъ, когда князь Голицынъ передалъ ему приказаніе вести батальонъ во дворецъ. В. Ф.

**) Умеръ въ 1852 году, въ чинѣ инженеръ-генерала и въ званіи генералъ-адъютанта и члена военнаго совѣта. В. Ф.

***) Умеръ въ 1850 году, въ чинѣ генералъ-майора и въ званіи 2-го с.-петербургскаго коменданта. В. Ф.

и когда караулъ главной гауптвахты вышелъ въ ружье и, первый изъ всѣхъ войскъ гвардіи, отдалъ честь новому императору съ барабаннымъ боемъ и преклоненіемъ знамени, государь, поздоровавшись съ людьми, спросилъ ихъ: «присягнули ли они и готовы ли на дѣлѣ доказать ему свою вѣрность?» Финляндцы радостно отвѣчали, что готовы; послѣ чего государь приказалъ всему караулу зарядить ружья, лично повелъ первый его взводъ къ главнымъ дворцовымъ воротамъ, выходящимъ на площадь, поставилъ его впереди ихъ и приказалъ с.-петербургскому коменданту находиться при взводѣ неотлучно.

Распорядившись лично защитою дворца, императоръ, безъ всякой свиты, въ одномъ мундирѣ и лентѣ, вышелъ на дворцовую площадь, гдѣ былъ мгновенно окруженъ стекавшимся отвсюду народомъ, взволнованнымъ смутными городскими слухами о возмущеніи войскъ, будто бы отказывающихся присягнуть императору Николаю Павловичу, желая пребыть вѣрными Константину Павловичу. Высочайшій манифестъ о вступленіи на престолъ, напечатанный ночью, былъ прочитанъ въ церквахъ довольно поздно, послѣ обѣдни, передъ молебствіемъ и только весьма мало экземпляровъ его было роздано въ народѣ, а потому большинству населенія было совершенно неизвѣстно отреченіе отъ престола Константина Павловича. Государь, узнавъ объ этомъ отъ окружавшихъ его лицъ, взялъ у одного изъ нихъ печатный экземпляръ манифеста и сталъ самъ громкимъ голосомъ читать его народу, подробно объясняя ему при томъ его содержаніе. Многочисленная толпа, по окончаніи чтенія манифеста, огласивъ воздухъ радостными криками «ура!», стала бросать вверхъ шапки. Въ это самое время подошелъ къ государю начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-майоръ Нейдгардтъ, съ донесеніемъ, что нѣсколько ротъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, отказавшихся отъ принесенія присяги, заняли сенатскую площадь. Государь, съ спокойствіемъ духа, въ краткихъ словахъ, передалъ окружавшему его народу это извѣстіе, возбудившее въ народѣ всеобщія выраженія преданности къ царю своему. Ближайшіе къ нему изъ толпы падали на колѣни, цѣловали руки и ноги его, и вся масса народа кричала, что не выдастъ его и разорветъ на части всѣхъ тѣхъ, кто осмѣлится возстать противъ него. Государь, тронутый этими изъявленіями

преданности къ нему народа, громкимъ и внятнымъ голосомъ поблагодарилъ его за изъявленія любви; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, запретилъ, словомъ или дѣломъ, вмѣшиваться въ распоряженія правительственныхъ властей, которымъ однимъ должно быть предоставлено унять волненія и привесть къ покорности бунтовщиковъ. Энергическое воззваніе свое къ народу государь заключилъ приказаніемъ ему разойтись по домамъ и очистить мѣсто, подходившему въ эту минуту изъ Большой Милліонной улицы, первому батальону лейбъ-гвардіи преображенскаго полка.

Батальонъ былъ поставленъ тыломъ къ комендантскому подъѣзду и, по отданіи чести, криками «ура!» и «ради стараться», отвѣчалъ на привѣтствіе императора. Государь, напомнивъ преображенцамъ о святости принесенной ими, въ этотъ день, утромъ, присяги, спросилъ ихъ: «готовы ли они идти за нимъ куда онъ прикажетъ?», послѣ чего приказалъ батальону построиться въ колонну къ аттакѣ, и лично повелъ его, идя въ головѣ пѣшкомъ, на адмиралтейскую площадь, гдѣ остановилъ его противъ угла дома главнаго штаба.

Все это происходило незадолго до прибытія въ зимній дворецъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона. Едва успѣлъ онъ выстроиться на большомъ дворѣ, какъ въ главныхъ дворцовыхъ воротахъ послышался шумъ и громкій говоръ, отъ котораго доходили до саперовъ только слова: «раздайтесь! пропустите!». Вслѣдъ затѣмъ, съ криками «ура!» показалась у входа во дворъ нестройная толпа солдатъ лейбъ-гваріи гренадерскаго полка, въ шинеляхъ и фуражкахъ, державшихъ ружья на перевѣсъ. Впереди ихъ бѣжалъ офицеръ того же полка (впослѣдствіи стало извѣстно, что то былъ адъютантъ перваго батальона поручикъ Пановъ), махавшій обнаженной шпагою. Изумленный этимъ внезапнымъ появленіемъ лейбъ-гренадеръ, лейбъ-гвардіи саперный батальонъ только что взялъ ружья на плечо, какъ послышалась команда: «стой», и поручикъ Пановъ остановился предъ нимъ въ недоумѣніи и нерѣшимости. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, махнувъ опять шпагою, онъ закричалъ: «ребята! да это не наши, правое плечо впередъ, за мной, маршъ». Лейбъ-гренадеры выбѣжали, по этой командѣ, за своимъ предводителемъ изъ зимняго дворца, оставивъ саперовъ въ раздумьи на счетъ какъ мгновеннаго ихъ загадочнаго появленія, такъ и исчезновенія. Первое

невозможно было объяснить добрыми намѣреніями и саперы поняли только, что ихъ, хотя и пассивное, присутствіе во дворѣ зимняго дворца спасло царственныя и другія въ немъ находившіяся лица отъ величайшей опасности, какъ это только впослѣдствіи объяснилось.

Вслѣдъ за уходомъ лейбъ-гренадеръ, 1-й взводъ 1-й саперной роты былъ поставленъ на собственномъ подъѣздѣ его величества, 2-й взводъ 2-й саперной роты на посольскомъ, а 1-я минерная рота (капитана Витовтова) у главныхъ воротъ.

Лейбъ-гренадеры, выбѣжавъ изъ зимняго дворца, направились къ сенатской площади, занятой московцами. Надлежало ожидать еще другихъ прискорбныхъ происшествій. Всѣ бывшіе во дворцѣ съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили затѣмъ, что́ происходило на адмиралтейской и сенатской площадяхъ и обращались съ распросами къ лицамъ военнаго и гражданскаго званія, оттуда приходившимъ. Вскорѣ узнали мы, что когда государь остановилъ у зданія главнаго штаба 1-й батальонъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, тогда со стороны сенатской площади послышались ружейные выстрѣлы. Государь, сѣвъ на подведеннаго ему, въ эту минуту, коня, приказалъ батальону зарядить ружья и, оставивъ при себѣ одну только роту его величества, остальныя три фузелерныя съ полковымъ командиромъ генералъ-майоромъ Исленьевымъ *) послалъ на сенатскую площадь, приказавъ послѣднему поставить ихъ у адмиралтейскаго бульвара, лицомъ къ зданію сената. Затѣмъ государь, сопровождаемый ротою его величества, двинулся также къ сенатской площади, занятой возмутившимися ротами лейбъ-гвардіи московскаго полка, отъ которыхъ была разсыпана впереди застрѣльщичья цѣпь. На пути слѣдованія, государь послалъ адъютанта своего, полковника Перовскаго **) за лейбъ-гвардіи коннымъ полкомъ.

Причина раздавшихся со стороны сенатской площади выстрѣловъ была слѣдующая: с.-петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, испросилъ у государя, когда онъ подходилъ къ 1-му батальону лейбъ-гвардіи преображенскаго полка,

*) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и генералъ отъ инфантеріи.
В. Ф.

**) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и оренбургскій генералъ-губернаторъ.
В. Ф.

дозволеніе отправиться къ мятежнымъ солдатамъ, дабы вывесть ихъ изъ заблужденія, въ которое ввели ихъ, ихъ же ближайшіе начальники. Получивъ на это разрѣшеніе, графъ сѣлъ у конно-гвардейскихъ казармъ на поданную ему лошадь и, въ сопровожденіи одного только адъютанта своего, поручика Башуцкаго, сына коменданта, слѣдовавшаго за нимъ пѣшкомъ, проѣхалъ чрезъ густую толпу народа, окружавшую московцевъ, сталъ уговаривать ихъ возвратиться къ своему долгу, объясняя, какъ недостойно ихъ обманули. Солдаты почтительно слушали слова своего прежняго любимаго начальника, держа ружья подъ прикладъ и казались весьма смущенными. Въ это время раздался выстрѣлъ. Лошадь графа рванулась впередъ и онъ упалъ съ нея на руки бросившагося подержать его Башуцкаго*), который, съ помощью

---

*) А. П. Башуцкій былъ столь обязателенъ, что обѣщалъ сообщить намъ записку о послѣднемъ днѣ жизни его бывшаго начальника, гр. М. А. Милорадовича. Въ ожиданіи, пока досугъ позволитъ А. П. выполнить его обѣщаніе, не лишнимъ считаемъ привести здѣсь его разсказъ, записанный съ его словъ:

«По утру 14 декабря 1825 года, графъ Милорадовичъ былъ на завтракѣ у танцовщицы Телешевой, которую онъ любилъ платонически и этой платонической привязанности трудно повѣрить, ежели кто не знавалъ характера его, исполненнаго странностей.

«Во время завтрака онъ узнаетъ, что московскій полкъ отказался присягать императору Николаю; онъ скачетъ на сенатскую площадь и начинаетъ увѣщевать бунтовщиковъ, которые его отталкиваютъ и даже одинъ изъ нихъ взялъ его за воротникъ. Послѣ этого графъ спѣшитъ къ императору, котораго застаетъ на дворцовой площади, окруженнаго народомъ, докладываетъ, что надобно употребить мѣры строгости, присовокупивъ: «Voyez, sire, dans quel état ils m'ont mis». На это государь ему сказалъ: «что онъ, какъ генералъ-губернаторъ, долженъ ему отвѣчать за спокойствіе города и приказываетъ ему взять конно-гвардейскій полкъ и идти съ нимъ противъ московцевъ и лейбъ-гренадеръ». Графъ Милорадовичъ садится на извощика и спѣшитъ въ конно-гвардейскія казармы, гдѣ приказываетъ сѣдлать лошадей.

«Проходитъ 1/4 часа, полчаса, наконецъ болѣе, но кирасиры не выѣзжаютъ; промедленіе это, какъ узнали послѣ, случилось отъ того, что офицеръ конно-гвардіи, князь А. И. Одоевскій, участвовавшій въ заговорѣ, бѣгалъ по конюшнямъ, говоря солдатамъ: «это ложная тревога и что сѣдлать не должно».

«Графъ Милорадовичъ теряетъ терпѣніе, требуетъ лошадь, чтобы ѣхать къ бунтовщикамъ и говоритъ окружающимъ его: «впрочемъ, я очень радъ, что конно-гвардія не поторопилась выѣзжать; я безъ нихъ одинъ уговорю московскій полкъ, тутъ должны быть одни повѣсы, да и не надо, чтобы кровь пролилась въ день вступленія на престолъ государя».

«Бунтовщики, увидя его, сдѣлали ему на караулъ и кричали: «ура!» Графъ вынулъ шпагу и, показывая имъ, говорилъ: «что шпага эта подарена ему цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ въ знакъ дружбы — увѣрялъ ихъ,

нѣсколькихъ человѣкъ изъ толпы народа, перенесъ тяжело раненаго графа въ конно-гвардейскія казармы. Впослѣдствіи оказалось, что онъ былъ раненъ выстрѣломъ, почти въ упоръ, изъ

что цесаревичъ отрекся отъ престола и ни подъ какимъ видомъ не хочетъ царствовать; неужели, заключилъ онъ, я измѣню моему другу?»

«Убѣжденія его остаются тщетны.

«— Развѣ нѣтъ между вами старыхъ солдатъ, продолжаетъ онъ, которые бы со мной служили и которые бы меня знали?

«Молчаніе.

«— Я вижу, говоритъ онъ, что тутъ одни мальчишки; — приказываетъ и убѣждаетъ ихъ положить оружіе и просить о помилованіи.

«Солдаты колеблются, но нѣкто изъ каре закричалъ: «что это вздоръ, что не надобно вѣрить ему!» и въ это мгновеніе раздался пистолетный выстрѣлъ. Графъ, пронзенный пулею, падаетъ съ лошади на руки Башуцкому и въ происшедшую отъ того суматоху Милорадовичу нанесли еще ударъ штыкомъ. Его хотѣли отнести къ нему въ домъ, но онъ, сказавши, что чувствуетъ, что рана смертельная, велѣлъ чтобы положили его на солдатскую койку въ конно-гвар. казармахъ. Между тѣмъ какъ несли его мимо конно-гвардейскаго полка, который былъ уже выстроенъ, никто изъ генераловъ и офицеровъ не подошелъ къ раненому герою, котораго имя навсегда останется украшеніемъ нашихъ военныхъ лѣтописей; тутъ были нѣкоторыя лица, называвшіяся его друзьями и бывшія ежедневно въ домѣ его, и тѣ даже не изъявили ни малѣйшаго сочувствія.

«Я довершу описаніе подлостей современниковъ нашихъ, сказавши, что когда, по принесеніи его въ казармы, начали его раздѣвать, то у него украли часы и кольцо, подаренное ему за нѣсколько дней вдовствующей императрицею.

«Въ скоромъ времени съѣхались врачи, и на утѣшенія ихъ графъ отвѣчалъ только, что онъ знаетъ, что ему должно умереть. Когда вырѣзывали изъ его раны пулю *), то онъ, посмотря на нее, сказалъ: «Я увѣренъ былъ, что въ меня выстрѣлилъ не солдатъ, а какой-нибудь шалунъ, потому что эта пуля не ружейная».

«Онъ не испустилъ ни одной жалобы и почти во все время сохранялъ молчаніе; но когда боль усилилась, то онъ закусывалъ себѣ губы и иногда до крови. Государь часто присылалъ навѣдываться о его здоровьи съ извиненіемъ, что самъ не можетъ отойти ни на минуту отъ матери и супруги, происшествіями испуганныхъ. Подъ вечеръ императоръ прислалъ къ нему собственноручное письмо слѣдующаго содержанія. Я видѣлъ подлинникъ его у сестры графа, Стороженковой, и списалъ съ него копію:

«Мой другъ, мой любезный Михайло Андреевичъ, да вознаградитъ тебя Богъ за все, что ты для меня сдѣлалъ. Уповай на Бога, такъ какъ я на него уповаю, онъ не лишитъ меня друга. Если бы я могъ слѣдовать сердцу, я бы при тебѣ уже былъ, но долгъ мой меня здѣсь удерживаетъ. Мнѣ тяжелъ

*) Пулю вынималъ состоявшій при немъ докторъ, спутникъ во многихъ его походахъ, Василій Михайловичъ Буташевичъ-Петрашевскій (†), отецъ извѣстнаго Михаила Бут.-Петрашевскаго († 1866 г. 7-го декабря). Ред.

пистолета въ бокъ отставнымъ поручикомъ Каховскимъ, однимъ изъ главнѣйшихъ заговорщиковъ, стоявшимъ въ толпѣ народа, за лошадью графа. Когда его несли въ казармы, послѣдовало еще нѣсколько выстрѣловъ въ толпу народа, его окружавшаго.

Когда государь, слѣдуя впереди роты его величества лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, приблизился къ углу дома князя Лобанова (нынѣ домъ военнаго министерства), къ послѣднему прибылъ на рысяхъ лейбъ-гвардіи конный полкъ, подъ командою своего командира, генералъ-адъютанта графа Орлова *) и былъ построенъ имъ въ эскадронной колоннѣ, лицомъ къ площади. Государь подъѣхалъ къ полку, былъ имъ привѣтствованъ радостными криками «ура!», и приказалъ, выдвинувъ полкъ болѣе впередъ на площадь, остановить его противъ памятника Петра Великаго, у котораго, въ нестройной густой колоннѣ, стояли роты лейбъ-гвардіи московскаго полка, тыломъ къ зданію сената. Солдаты стояли съ небрежно одѣтою аммуниціею и растегнутыми шинелями. Изъ среды ихъ раздавались повременамъ громкіе крики и неумолкалъ шумный говоръ, распространявшійся и на густыя массы народа, запружавшаго сенатскую площадь. Изрѣдка раздавались восклицанія: «ура! Константину Павловичу!».

сегоднишній день, но я имѣлъ утѣшеніе ни съ чѣмъ несравненное, ибо видѣлъ въ тебѣ, во всѣхъ, во всемъ народѣ друзей, дѣтей: Да дастъ мнѣ Богъ всещедрый силы имъ за то воздать, вся жизнь моя на то посвятится. Твой другъ искренній, Николай.»

«Графъ Милорадовичъ самъ хотѣлъ прочесть это письмо, но сколь много ни ставили подлѣ него свѣчей, однакоже силы его того ему сдѣлать не позволили; когда же ему прочли его, то онъ сказалъ, чтобы письмо это положили съ нимъ въ гробъ, но потомъ перемѣнилъ свое намѣреніе и продиктовалъ свое завѣщаніе, или лучше сказать, просьбу государю; заключавшуюся въ трехъ статьяхъ:

1) Письмо сіе отослать къ роднымъ.

2) Крестьянъ его отпустить на волю.

3) Друга его, Майкова, не забыть.

«Часовъ въ 9 онъ исповѣдался и пріобщался св. Таинъ, а въ полночь начался бредъ, предвѣстникъ кончины. Бореніе со смертью продолжалось часовъ до 3-хъ, и онъ умеръ въ безпамятствѣ, говоря, по своему обыкновенію, то по-русски, то по-французски».

Разсказъ этотъ мы печатаемъ съ имѣющагося у насъ списка; онъ былъ напечатанъ въ 1861 г. въ одномъ мало распространенномъ «Историческомъ Сборникѣ». Ред.

*) Впослѣдствіи князь и предсѣдатель государственнаго совѣта. В. Ф.

Било три часа. Вторично раздались изъ толпы мятежныхъ солдатъ выстрѣлы, направленные этотъ разъ противъ командира гвардейскаго корпуса, храбраго, престарѣлаго генерала Воинова, также безуспѣшно пытавшагося вразумить заблужденныхъ московцевъ, но оставшагося впрочемъ невредимымъ.

Вслѣдъ за симъ было донесено государю, что гвардейскій экипажъ, за которымъ былъ посланъ флигель-адъютантъ Бибиковъ, также возмутился и присоединился къ мятежнымъ ротамъ лейбъ-гвардіи московскаго полка. Матросы, подобно послѣднимъ, увлеченные нѣкоторыми изъ своихъ офицеровъ, еще утромъ того дня, отказывались упорно присягнуть императору Николаю Павловичу, но не оставляли своихъ казармъ, пока не послышались выстрѣлы со стороны сенатской площади. Тогда, увлеченная однимъ изъ своихъ офицеровъ, бóльшая часть экипажа, не слушая увѣщаній своего командира, капитана 1-го ранга Качалова, старавшагося удержать ее, вышла изъ казармъ своихъ и пробѣжавъ Галерную улицу, присоединилась, на сенатской площади, къ ротамъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, примкнувъ къ правому ихъ флангу, лицомъ къ исакіевскому собору.

Государь, чтобы отрѣзать отступленіе мятежникамъ, подкрѣпленнымъ присоединеніемъ къ нимъ гвардейскаго экипажа, послалъ тогда находившуюся при немъ роту его величества лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, подъ командою командира ея капитана Игнатьева *), занять въѣздъ на исакіевскій мостъ. Отправивъ, вслѣдъ затѣмъ, гонцовъ за другими гвардейскими полками, государь, въ сопровожденіи одного лишь генералъ-адъютанта Бенкендорфа, поѣхалъ на сенатскую площадь, для принятія дальнѣйшихъ мѣръ къ подавленію мятежа.

При приближеніи его къ цѣпи застрѣльщиковъ, прикрывавшей толпы мятежниковъ, послѣдовало изъ нея нѣсколько выстрѣловъ. Возвращаясь назадъ, государь нашелъ на адмиралтейской площади, приведенныя туда великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ, четыре роты 1-го и 2-го батальоновъ лейбъ-гвардіи московскаго полка, не послѣдовавшихъ за ротами, увлеченными въ мятежъ княземъ Щепинымъ-Ростовскимъ и Ми-

---

*) Нынѣ генералъ-адъютантъ, членъ государственнаго совѣта и предсѣдатель коммиссіи прошеній. В. Ф.

хаиломъ Бестужевымъ. Послѣ ухода послѣднихъ, они остались въ казармахъ, но несмотря на всѣ увѣщеванія начальника гвардейской пѣхоты, генералъ-лейтенанта Бистрома и корпуснаго командира генералъ отъ кавалеріи Воинова, упорно отказывались присягать, полагая, что ихъ обманываютъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ, узнавъ объ этомъ, прибылъ въ московскія казармы и на полковомъ дворѣ нашелъ эти четыре роты, выстроенными предъ аналоемъ, за которымъ стоялъ полковой священникъ въ облаченіи. Его высочество былъ шефомъ полка и начальникомъ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи, въ которой состоялъ тогда лейбъ-гвардіи московскій полкъ. Солдаты радостно привѣтствовали своего шефа, котораго они считали арестованнымъ. Великій князь подробно объяснилъ обманутымъ солдатамъ всѣ истинныя обстоятельства воцаренія своего августѣйшаго брата и успѣлъ вывесть ихъ изъ заблужденія, въ которое ихъ ввели заговорщики. Чтобы еще болѣе вразумить и успокоить ихъ, великій князь, тутъ же, у аналоя, принесъ самъ вѣрноподданнѣйшую присягу, одновременно съ наличными офицерами и нижними чинами полка. По принесеніи присяги, онъ лично повелъ ихъ, слѣдуя пѣшкомъ, на адмиралтейскую площадь. При встрѣчѣ тамъ ротъ съ государемъ, офицеры бросились къ нему и умоляли его дозволить имъ и всѣмъ нижнимъ чинамъ напасть на мятежниковъ; но государь, въ надеждѣ, что мятежники и безъ пролитія крови могутъ быть приведены къ покорности, на это не соизволилъ; въ знакъ же довѣрія своего къ искренности чувствъ прибывшихъ ротъ, приказалъ поставить ихъ у угла забора исакіевскаго собора, противъ мятежниковъ. Великій князь затѣмъ еще нѣсколько разъ убѣдительно просилъ августѣйшаго брата своего, дозволить ему съ нѣсколькими изъ старыхъ и пользующихся особеннымъ уваженіемъ товарищей солдатами лейбъ-гвардіи московскаго полка, идти уговорить увлеченныхъ товарищей своихъ, возвратиться къ долгу, но государь сдѣлать этого не дозволилъ.

Въ это время стали подходить къ сенатской площади, одна за другой, слѣдующія части гвардейскаго корпуса: кавалергардскій полкъ, 2-й батальонъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка и первые два батальона лейбъ-гвардіи семеновскаго. Оба послѣдніе были поставлены великимъ княземъ, за недостаткомъ

мѣста, одинъ за другимъ, по лѣвую сторону исакіевскаго собора, прямо противъ мятежнаго гвардейскаго экипажа. 2-й батальонъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, присоединившись къ 3-мъ ротамъ перваго батальона, примкнулъ къ правому флангу лейбъ-гвардіи коннаго полка, выстроеннаго лицомъ къ зданію сената; кавалергардскій полкъ поставленъ былъ въ резервъ на адмиралтейской площади.

Это постепенное прибываніе къ сенатской площади значительнаго числа гвардейскихъ войскъ, пребывшихъ вѣрными Николаю Павловичу, непоколебало однако-жъ крайнее упорство мятежниковъ. Обманутые офицерами и подстрекаемые другими злоумышленниками, солдаты не поддавались никакимъ увѣщеваніямъ и продолжали свое пассивное сопротивленіе. Заговорщики разныхъ званій подговаривали солдатъ и окружающія ихъ толпы народа кричать: «да здравствуетъ императоръ Константинъ Павловичъ»; увѣряютъ, что слышались также иногда возгласы: «да здравствуетъ конституція!»

Наставало время положить конецъ мятежу. Находившійся при государѣ принцъ Евгеній Виртембергскій, посовѣтовалъ разогнать бунтовщиковъ кавалерійскою атакою. Государь самъ скомандовалъ конно-гвардейцамъ броситься въ атаку, и генералъ Орловъ повелъ ихъ, по-дивизіонно, противъ мятежниковъ. Нѣсколько послѣдовательныхъ атакъ остались безуспѣшными, по причинѣ гололедицы, покрывавшей площадь; неподкованные на острые шипы, кони конно-гвардейцевъ спотыкались, скользили по обледенѣлой мостовой и падали подъ всадниками, у которыхъ притомъ не были отпущены палаши. Мятежники встрѣчали атаки конно-гвардейцовъ батальнымъ огнемъ и многихъ изъ нихъ переранили, въ томъ числѣ и дивизіоннаго командира полковника барона Велліо *). Не успѣвъ врубиться и разогнать толпы бунтовщиковъ, генералъ-адъютантъ Орловъ отвелъ полкъ назадъ, на прежнее его мѣсто. Въ то самое время, какъ конно-гвардейцы производили свои неуспѣшныя атаки, прискакалъ на сенатскую площадь лейбъ-гвардіи конно-піонерный эскадронъ и подъ командою командира своего полковника Засса,

---

*) Впослѣдствіи генералъ-отъ-кавалеріи и комендантъ г. Царскаго Села. Онъ былъ раненъ въ руку, которую вслѣдъ затѣмъ отняли. Умеръ въ 1867 году. В. Ф.

атаковалъ мятежниковъ во флангъ, отъ конно-гвардейскаго манежа, пробился сквозь ихъ толпы и проскакавъ вдоль зданія сената, пристроился къ ротѣ его величества лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, поставленной, по приказанію государя, у исакіевскаго моста.

Теперь еще настоятельнѣе выказалась необходимость положить конецъ увеличившейся, отъ безуспѣшности кавалерійскихъ атакъ, дерзости мятежниковъ, грозившимъ общественному спокойствію столицы. Государь, внявъ убѣжденіямъ сопровождавшаго его на площади генералъ-адъютанта графа Толля, послалъ за орудіями гвардейской пѣшей артиллеріи, а самъ поѣхалъ на адмиралтейскую площадь, принять окончательныя мѣры къ подавленію мятежа. Передъ зданіемъ главнаго штаба встрѣтилъ онъ толпу лейбъ-гренадеръ, которые, со знаменами, но безъ офицеровъ, подъ предводительствомъ одного только поручика Панова, послѣ неудавшагося покушенія овладѣть зимнимъ дворцомъ, направлялись на сенатскую площадь, на присоединеніе къ занимавшимъ ее бунтовщикамъ. Государь, не зная умысла увлеченныхъ въ обманъ лейбъ-гренадеровъ, скомандовалъ имъ остановиться и выстроиться, на что́ они отвѣчали крикомъ: «мы за Константина!»—«Когда такъ, то вотъ ваша дорога!», сказалъ государь и указавъ на сенатскую площадь, приказалъ окружавшимъ его войскамъ разступиться и пропустить лейбъ-гренадеровъ, которые, пробѣжавъ по сторонамъ лошади государя, достигли сенатской площади и присоединились къ занимавшимъ ее мятежникамъ.

Эта неожиданная встрѣча съ увлеченными злоумышленниками, ротами лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, должна была тяжко поразить сердце государя; но, вслѣдъ затѣмъ, оно было и порадовано доказательствомъ вѣрности и глубокой преданности. На дворцовой площади явился къ нему того же полка командиръ роты его величества капитанъ князь Мещерскій, успѣвшій остановить гренадерскій взводъ этой роты, когда онъ, съ другими ротами 1-го батальона, бѣжалъ изъ казармъ за Пановымъ и соединить его со стрѣлковымъ взводомъ, удержаннымъ дотого взводнымъ командиромъ, подпоручикомъ Тутолминымъ; государь, въ знакъ своего довѣрія къ князю Мещерскому, за оказанныя имъ энергію и распорядительность,

спасшія ввѣренную ему роту отъ обольщенія, приказалъ ему отвести ее въ зимній дворецъ, на присоединеніе къ поставленному на дворѣ его лейбъ-гвардіи саперному батальону.

Наступила томительная тишина, предвѣстница бури и не слышно уже было выстрѣловъ со стороны сенатской площади... Остававшійся въ ружьѣ, послѣ внезапнаго и еще не вполнѣ разъясненнаго вторженія лейбъ-гренадеровъ, лейбъ-гвардіи саперный батальонъ ежеминутно ожидалъ приказанія выступить изъ дворца, для дѣйствій противъ мятежниковъ и нетерпѣливо желалъ доказать безпредѣльную свою преданность государю, переживавшему тяжелыя для его сердца минуты и распоряжавшемуся, съ такимъ хладнокровнымъ мужествомъ и самоотверженіемъ, усмиреніемъ мятежа, грозившаго, при волненіи умовъ въ народѣ, пагубными послѣдствіями. Въ дворцовыхъ залахъ оставалось много государственныхъ сановниковъ, придворныхъ кавалеровъ и дамъ, съѣхавшихся къ молебствію во дворецъ и ожидавшихъ, съ безпокойствомъ, исхода возмущенія. Военные генералы, штабъ и оберъ-офицеры, кромѣ гвардейскихъ, возвратившихся къ своимъ частямъ, собравшіеся также во дворецъ, для присутствованія при торжественномъ молебствіи, отправлялись на адмиралтейскую и сенатскую площади, и нѣкоторые изъ нихъ, возвратясь оттуда, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго отсутствія во дворецъ, сообщали оставшимся въ немъ о видѣнномъ ими, такъ что въ послѣднемъ можно было слѣдить за всѣмъ происходившимъ на площадяхъ, что́, естественно, въ высшей степени занимало и насъ, саперовъ. Капитанъ князь Мещерскій и подпоручикъ Тутолминъ *), присоединившіеся къ нимъ, по приказанію государя, съ ротою его величества лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка, сообщили намъ слѣдующія подробности о происшедшихъ въ послѣднемъ, въ тотъ день, безпорядкахъ.

Утромъ 14-го декабря, 2-й батальонъ этого полка и двѣ роты перваго (другія двѣ роты этого батальона занимали караулъ въ Петропавловской крѣпости, а 3-й баталіонъ находился въ загородномъ расположеніи), присягнули въ совершенномъ порядкѣ, на казарменномъ дворѣ, въ присутствіи полкового ко-

*) Первый умеръ, въ 1847 году, свиты его императорскаго величества генералъ-майоромъ; второй нынѣ генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ. В. Ф.

мандира полковника Стюрлера. Послѣ присяги люди отправились обѣдать, а бо̀льшая часть офицеровъ поѣхала въ зимній дворецъ къ молебствію. Во время обѣда поручикъ Сутгофъ, командовавшій 1-ю фузелерною ротою, возмутилъ ее увѣреніями, что другіе гвардейскіе полки отказались отъ новой присяги и, пребывая вѣрными императору Константину Павловичу, собираются на сенатской площади, куда Сутгофъ приглашалъ роту, сейчасъ же, за нимъ слѣдовать. Увлеченные имъ солдаты, къ несчастью, послушались своего ротнаго командира и выбѣжали за нимъ изъ казармъ, на̀скоро надѣвъ аммуницію и зарядивъ ружья. Бѣглецовъ догналъ, въ недальномъ разстояніи отъ казармъ, полковой командиръ и сталъ убѣждать ихъ опомниться и возвратиться; но всѣ уговоры его остались тщетными, чрезъ противодѣйствіе ротнаго командира, за которымъ обманутая рота добѣжала до сенатской площади, чрезъ Васильевскій островъ. Полковникъ Стюрлеръ возвратился въ казармы, и чтобы удержать остальныя роты своего полка отъ подобныхъ увлеченій, приказалъ имъ немедленно одѣваться и строиться передъ казармами. Въ то время, какъ это исполнялось, адъютантъ 2-го батальона поручикъ Пановъ, за отсутствіемъ почти всѣхъ офицеровъ полка, уѣхавшихъ во дворецъ, сталъ бѣгать по ротамъ и уговаривать одѣвавшихся солдатъ, неслушаться приказаній обманывавшаго ихъ полкового командира, а послѣдовать примѣру 1-й фузелерной роты и идти на сенатскую площадь, гдѣ собираются всѣ гвардейскіе полки, пребывшіе вѣрными императору Константину Павловичу, иначе имъ придется худо отъ государя и отъ ихъ товарищей. Солдаты недоумѣвали, кому и чему вѣрить; когда же они, исполняя приказаніе своего полкового командира, одѣвшись, стали выстраиваться на дворѣ, то Пановъ, воспользовавшись гуломъ ружейныхъ выстрѣловъ, доносившихся отъ сенатской площади, бросился въ средину колонны и новыми настойчивыми уговорами ему удалось наконецъ увлечь роты, со знаменами, послѣдовать за нимъ на сенатскую площадь, куда онъ, перейдя Неву, направился по Большой Милліонной улицѣ. Здѣсь, подходя къ зимнему дворцу, въ головѣ Панова родилась ужасная мысль овладѣть имъ. Для ея исполненія, онъ подбѣжалъ съ толпою увлеченныхъ имъ солдатъ къ главнымъ дворцовымъ воротамъ, входъ въ которыя былъ пре-

гражденъ взводомъ отъ главнаго дворцоваго караула. Находившійся при послѣднемъ с.-петербургскій комендантъ, генералъ Башуцкій, приказалъ ему разступиться и пропустить толпу на дворцовый дворъ. Послѣдовавшее затѣмъ уже извѣстно.

При этомъ естественно рождается вопросъ: за чѣмъ комендантъ приказалъ пропустить лейбъ-гренадеровъ? Нѣкоторые полагали, что онъ принялъ ихъ за отрядъ, присланный самимъ императоромъ на усиленіе защитниковъ зимняго дворца. Спрашивается, можно ли было признать посланною отъ государя безпорядочную толпу солдатъ, безъ старшихъ начальниковъ и даже младшихъ офицеровъ, кромѣ одного молодого подпоручика, бѣжавшаго въ ихъ главѣ съ обнаженною шпагою? Не вѣроподобнѣе ли приписать это распоряженіе вдохновенію долговременной опытности и присутствію духа стараго воина, который мгновенно сообразилъ, что присутствіе на дворцовомъ дворѣ гвардейскаго салернаго батальона достаточно ручалось за безопасность зимняго дворца и что одинъ взводъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка не въ состояніи бы былъ удержать нападеніе четырехъ ротъ лейбъ-гвардіи гренадерскаго, которыя, переколовъ, въ случаѣ сопротивленія, финляндцовъ, съ яростью бросились бы на саперовъ и что затѣмъ произошло бы еще бóльшее напрасное кровопролитіе? Такъ или иначе, но всеблагій промыслъ Божій не допустилъ, чтобы дворъ русскихъ императоровъ обагрился кровію ихъ тѣлохранителей. Не Провидѣніе ли также внушило государю, вслѣдъ за вторженіемъ лейбъ-гренадеровъ въ зимній дворецъ, когда они, ведомые своимъ отчаяннымъ вожакомъ, направлялись къ сенатской площади, свѣтлую мысль: пропустить ихъ туда и избѣгнувъ тѣмъ пролитія крови, дозволить всѣмъ бунтовщикамъ собраться въ одномъ мѣстѣ, дабы окруживъ ихъ тамъ, положить, однимъ разомъ, конецъ ихъ замысламъ. Между тѣмъ полковникъ Стюрлеръ, послѣдовавшій за возмутившеюся частію своего полка, продолжалъ тамъ уговаривать солдатъ возвратиться къ своему долгу. У самаго памятника Петра Великаго, отставной поручикъ Каховскій, тотъ самый, который ранилъ смертельно графа Милорадовича, выстрѣлилъ изъ пистолета и въ Стюрлера и также смертельно его ранилъ. Несчастному командиру лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка нанесены были затѣмъ, однимъ офицеромъ изъ тол-

пы мятежниковъ, еще два удара саблею по головѣ и онъ замертво отнесенъ былъ въ домъ князя Лобанова.

Въ зимній дворецъ все еще продолжали доходить слухи о возрастающей дерзости мятежнаго скопища на сенатской площади, пока наконецъ, въ исходѣ четвертаго часа пополудни, когда уже начинало смеркаться, послышались пушечные выстрѣлы, продолжавшіеся съ четверть часа, послѣ чего опять все смолкло. Напряженныя ожиданія саперовъ достигли высшей степени нетерпѣнія, когда, немного времени спустя, нѣсколько военныхъ лицъ, возвратившихся съ театра безпорядковъ во дворецъ, принесли извѣстіе, что послѣдніе окончательно прекращены и что сенатская площадь совершенно очищена отъ мятежниковъ, которые, не выдержавъ дѣйствія картечнаго огня, разбѣжались во всѣ стороны.

Послѣдній актъ кровавой драмы на Сенатской площади происходилъ, по разсказамъ очевидцевъ, слѣдующимъ образомъ:

По приказанію государя, начальникъ артиллеріи гвардейскаго корпуса, генералъ Сухозанетъ, поскакалъ въ казармы 1-й гвардейской артиллерійской бригады и лично привелъ на сенатскую площадь четыре орудія 1-й легкой роты подъ командою поручика Бакунина *). За боевыми зарядами для первыхъ четырехъ орудій посланъ былъ въ лабораторію гвардейской артиллеріи поручикъ Булыгинъ, которому приказано было привезти ихъ прямо на сенатскую площадь. Орудія, по приказанію самого государя, возвратившагося отъ дворца, были поставлены поперегъ адмиралтейской площади, противъ зданія сената, и сняты съ передковъ. Заряды еще не были привезены; но генералъ Сухозанетъ, для острастки мятежниковъ, громко отдалъ приказаніе зарядить орудія боевыми зарядами.

Мятежныя толпы, ободренныя безнаказанностью и присоединеніемъ къ нимъ лейбъ-гренадеровъ, становились все болѣе дерзкими, участили стрѣльбу по ближайшимъ къ нимъ войскамъ и пули начали летать даже около государя. Вдругъ лошадь его дрогнула и бросилась въ сторону; онъ осадилъ ее и замѣтивъ, что изъ густой толпы народа, наполнявшей сенатскую площадь,

---

*) Впослѣдствіи адъютантъ великаго князя Михаила Павловича. Умеръ, въ чинѣ генералъ-майора, въ 1841 году, отъ полученной имъ, въ экспедиціи на Кавказѣ, раны. В. Ф.

нѣкоторые подозрительныя личности, прежде сего бросавшія въ войска изъ-за заборовъ, окружавшихъ строившійся Исакіевскій соборъ, поленья и каменья, стали перебѣгать въ ряды мятежниковъ, звонкимъ и грознымъ голосомъ прикрикнулъ на густую массу простонародья, его окружавшей. Она мгновенно отхлынула и очистила на площади мѣсто, на которомъ у выходовъ изъ ближайшихъ улицъ поставлены были кавалерійскіе пикеты.

Въ это время приведенъ былъ къ Синему мосту лейбъ-гвардіи измайловскій полкъ, котораго государь, еще съ малолѣтства, былъ шефомъ. Полкъ этотъ хотя и присягнулъ утромъ, но, во время принесенія имъ присяги, нѣсколько изъ его молодыхъ офицеровъ, желая видимо произвесть безпорядки, стоя за фронтомъ, напоминали солдатамъ о присягѣ, принесенной ими прежде Константину Павловичу. Посланный за полкомъ адъютантъ государя, полковникъ Кавелинъ *), служившій прежде также въ лейбъ-гвардіи измайловскомъ полку, энергіею и распорядительностью своею предупредилъ всякое недоразумѣніе и повелъ полкъ изъ казармъ на сенатскую площадь. Императоръ, подъѣхавъ къ полку, былъ привѣтствованъ имъ громкимъ крикомъ «ура!», приказалъ ему зарядить ружья и лично повелъ полкъ по Вознесенской улицѣ. Поставивъ его въ резервъ у дома князя Лобанова, государь объѣхалъ Исакіевскій соборъ, и остановился у отряда великаго князя Михаила Павловича, поставленнаго между соборомъ и конно-гвардейскимъ манежемъ. Щадя кровь мятежныхъ матросовъ гвардейскаго экипажа, онъ, на этотъ разъ, уступилъ повторенной просьбѣ брата своего и дозволилъ ему обратиться къ нимъ съ убѣжденіями, возвратиться къ долгу и покориться. Онѣ остались безъ успѣха и его высочество едва не погибъ отъ руки убійцы. Одинъ изъ главнѣйшихъ заговорщиковъ, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, воспитанникъ императорскаго царскосельскаго лицея, отставной гражданскій чиновникъ, подстрекавшій матросовъ къ упорному сопротивленію, приложился изъ пистолета въ великаго князя, который былъ спасенъ только единовременнымъ быстрымъ дви-

---

*) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ и с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ.

женіемъ ружей трехъ матросовъ *), которые выбили ими пистолетъ изъ рукъ убійцы.

Когда это происходило, подошли и остальныя, пребывшія вѣрными, гвардейскія части. Лейбъ-гвардіи егерскій полкъ былъ поставленъ въ резервѣ, на адмиралтейской площади, за линіею артиллеріи, а три роты лейбъ-гвардіи павловскаго (остальныя пять были въ караулѣ), въ Галерной улицѣ. 1-й батальонъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка (2-й стоялъ въ караулѣ), получивъ приказаніе идти на сенатскую площадь, бѣгомъ достигнулъ Исакіевскаго моста. Въ это время послышались съ площади ружейные выстрѣлы; неизвѣстно по чьей командѣ «стой!», батальонъ остановился и въ немъ произошло нѣкоторое волненіе. Передній карабинерный взводъ, по убѣжденію капитана Вяткина **), однакожъ тронулся впередъ и, перейдя мостъ, сталъ лицомъ къ памятнику, но стрѣлковый взводъ той же роты, слѣдовавшій за карабинернымъ, упорно оставался на мѣстѣ и никакія убѣжденія не могли его склонить идти впередъ. 1-я и 2-я егерскія роты, слѣдовавшія за карабинерною и остановленныя на мосту стрѣлковымъ взводомъ, также отказывались идти впередъ; но 3-я егерская, остановленная бригаднымъ командиромъ, генераломъ Головинымъ, на набережной Васильевскаго острова, для охраненія спуска на р. Невѣ, перешла рѣку, по его же приказанію, по льду и присоединилась на площади къ карабинерному взводу. Распоряженіе государя, несмотря на замѣшательство, происшедшее при слѣдованіи батальона лейбъ-гвардіи финляндскаго полка, было однакожъ вполнѣ выполнено. Рота его величества лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, 1$^1/_2$ роты финляндскаго и лейбъ-гвардіи конно-піонерный эскадронъ, возбраняли мятежникамъ переходъ чрезъ Исакіевскій мостъ, а остававшіяся на немъ 2$^1/_2$ роты финляндцевъ служили этому отряду резервомъ ***).

---

*) Это ошибка, хотя и основана на официальномъ извѣстіи: дѣйствительнымъ спасителемъ великаго князя былъ мичманъ Петръ Александровичъ Бестужевъ — бывшій въ числѣ лицъ, дѣйствовавшихъ въ рядахъ заговорщиковъ.

Ред.

**) Нынѣ генералъ отъ инфантеріи, числится въ запасныхъ войскахъ.

В. Ф.

***) Впослѣдствіи открылось, что безпорядокъ въ карабинерной ротѣ произошолъ оттого, что рота, смѣнившись утромъ того же дня съ караула,

Такимъ образомъ мятежники, занимавшіе сенатскую площадь, но еще ничего рѣшительнаго не предпринимавшіе, были окружены со всѣхъ сторонъ войсками, оставшимися вѣрными императору Николаю.

Государь хотѣлъ еще испытать надъ мятежниками вліяніе религіи и послалъ генералъ-майора Стрекалова *), въ зимній дворецъ, пригласить пріѣхавшаго туда утромъ, для служенія торжественнаго молебствія, с.-петербургскаго и новгородскаго митрополита Серафима, прибыть на сенатскую площадь, для духовнаго увѣщанія мятежниковъ. Преосвященный немедленно прибылъ въ полномъ облаченіи, въ сопровожденіи кіевскаго митрополита Евгенія и двухъ иподіаконовъ. Толпы народа окружили митрополитовъ, при выходѣ ихъ изъ кареты, у угла адмиралтейской площади и неотступно умоляли ихъ не ходить на явную смерть къ мятежникамъ, поразившихъ прежде графа Милорадовича, а теперь, почти въ глазахъ митрополитовъ, и полковника Стюрлера. Эти мольби не могли остановить преосвященнаго; приложившись къ кресту и исполняя волю государя, убѣленный сѣдинами мастистый архипастырь, съ полнымъ самоотверженіемъ приблизился съ спутниками своими къ мятежнымъ скопищамъ. Солдаты, при видѣ его, смутились, набожно крестились и нѣкоторые изъ нихъ стали подходить къ кресту; но когда преосвященный сталъ увѣщевать и вразумлять ихъ, представляя имъ всю преступность ихъ дѣйствій и ожидающую ихъ кару Божію, вожди возмущенія начали кричать, что законный ихъ государь Константинъ, а между тѣмъ онъ содержится въ оковахъ; что имъ не надо попа; грозили стрѣлять по немъ и наконецъ, чтобы заглушить его рѣчь, приказали бить въ барабаны. Митрополитъ Серафимъ, убѣдясь въ безполезности дальнѣйшихъ съ его стороны уговоровъ, удалился къ Исакіевскому собору, и затѣмъ, съ своими сподвижниками, возвратился въ зимній дворецъ.

не была приведена къ присягѣ до выступленія 1-го батальона изъ казармъ; этимъ обстоятельствомъ воспользовался поручикъ баронъ Розенъ, командиръ стрѣлковаго взвода, бывшій въ числѣ заговорщиковъ, чтобы остановить его на мосту. В. Ф.

*) Впослѣдствіи генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи, казанскій военный губернаторъ. В. Ф.

Между тѣмъ все болѣе и болѣе смеркалось и возникало опасеніе, чтобы, съ наступленіемъ темноты, не произошли болѣе важные безпорядки, чрезъ присоединеніе къ мятежникамъ народа. Государь надѣялся, стѣснивъ еще болѣе мятежное скопище, заставить его сдаться безъ кровопролитія; но скоро убѣдился, что этого не достигнетъ. Когда онъ опять выѣхалъ на сенатскую площадь, для дальнѣйшихъ распоряженій, былъ сдѣланъ по немъ залпъ. Тогда генералъ-адъютантъ Толль, первый, а за нимъ и генералъ-адъютантъ князь Васильчиковъ, стали убѣдительно просить государя, не теряя болѣе времени, приказать дѣйствовать по толпѣ изъ орудій.

Государь уступилъ явной необходимости спасти государство отъ большихъ несчастій. Мгновенно были сдѣланы слѣдующія распоряженія.

Изъ четырехъ орудій, привезенныхъ на адмиралтейскую площадь, три, подъ командою поручика Бакунина, были поставлены противъ бунтовщиковъ, передъ лейбъ-гвардіи преображенскимъ полкомъ, и сняты съ передковъ; четвертое же, съ однимъ фейерверкеромъ, отослано къ отряду великаго князя Михаила Павловича. Орудія приказано было зарядить картечью. Лейбъ-гвардіи конный полкъ былъ отодвинутъ вправо; конно-піонерный эскадронъ на Англійскую набережную.

Послѣдняя надежда, что движеніе и приготовленіе къ дѣйствію артиллеріи образумитъ бунтовщиковъ, не оправдалась, и когда государь, ставъ на лѣвомъ флангѣ орудій, послалъ генерала Сухозанета объявить имъ помилованіе, если они, тотчасъ же, покорятся и положатъ оружіе, царскій посланный былъ окруженъ толпою бунтовщиковъ военнаго и гражданскаго званія, съ бранью и угрозами спрашивавшихъ его: «привезъ ли онъ имъ конституцію?» Когда генералъ, быстро повернувъ своего коня, проскочилъ назадъ сквозь толпу, данъ былъ по немъ залпъ изъ ружей, ранившій нѣсколько людей. за батареей и на бульварѣ.

Настала рѣшительная минута; государь самъ скомандовалъ: «пальба орудіями, правый флангъ начинай!» но, вслѣдъ затѣмъ, уступая сердечному порыву милосердія, скомандовалъ: «отставь». Это повторилось еще разъ. Въ третій, исполнительная команда «пли» была произнесена самимъ поручикомъ Бакуни-

нымъ, соскочившимъ съ лошади, когда онъ замѣтилъ, что артиллеристъ съ пальникомъ замялся. Грянулъ первый выстрѣлъ, за нимъ послѣдовало еще два. Первый цѣликомъ попалъ въ зданіе сената, не задѣвъ бунтовщиковъ, которые, съ громкими криками, открыли бѣглый огонь. Послѣдующіе два выстрѣла попали въ густую толпу и мгновенно ее разстроили. Часть ея стремительно бросилась на батальоны лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, но была встрѣчена, по приказанію великаго князя Михаила Павловича, послѣ нѣкотораго колебанія, картечью изъ находившагося въ его отрядѣ орудія. Мятежные солдаты разсыпались по всѣмъ направленіямъ; одни, по большей части матросы гвардейскаго экипажа, побѣжали по Галерной улицѣ, къ своимъ казармамъ; другіе вдоль англійской набережной и наконецъ остальные, по большей части лейбъ-московцы и лейбъ-гренадеры, побѣжали по льду р. Невы. Многіе изъ нихъ попрятались по дворамъ и подваламъ ближайшихъ къ площади домовъ и въ самомъ зданіи сената. На площади лежали только трупы, раненые солдаты и люди изъ черни, число которыхъ впрочемъ было незначительно, такъ какъ картечь дѣйствовала на очень близкомъ разстояніи и потому бо́льшая часть пуль разсыпалась вверхъ, оставивъ въ зданіи сената и сосѣднихъ съ нимъ домахъ, слѣды своего присутствія.

По приказанію государя, орудія, послѣ произведенныхъ изъ нихъ выстрѣловъ, были подвинуты къ памятнику Петра Великаго и сдѣлали изъ нихъ еще два выстрѣла по бѣглецамъ, собиравшимся въ кучки на льду, покрывавшемъ Неву.

По очищеніи сенатской площади, она была занята лейбъ-гвардіи преображенскимъ и измайловскимъ полками, а отъ семеновскаго были посланы взводы для отысканія и задержанія мятежниковъ, укрывшихся въ домахъ. Преслѣдованіе и захватъ разбѣжавшихся, по разнымъ направленіямъ, мятежниковъ, былъ возложенъ на конно-піонеровъ. Изъ нижнихъ чиновъ, занимавшихъ сенатскую площадь, бо́льшая часть возвратились въ свои казармы и тамъ со страхомъ и покорностью ожидали рѣшенія своей участи. На пути бѣгства, конно-піонерами и пѣхотинцами было захвачено до 500 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ.

Государь, оставаясь затѣмъ еще нѣсколько времени вер-

хомъ на площади, отдавалъ лично приказанія, относившіяся до собранныхъ на ней войскъ. Онѣ были оставлены подъ ружьемъ на всю ночь, для предупрежденія всякаго могущаго произойти покушенія на возобновленіе уличныхъ безпорядковъ, и лично разставлены государемъ на площадяхъ: сенатской и адмиралтейской, около зимняго дворца, по набережной Невы и въ Большой Милліонной. Лейбъ-гвардіи саперный батальонъ и рота его величества лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка были оставлены на дворѣ зимняго дворца, для его охраненія, въ продолженіи наступавшей ночи, въ подкрѣпленіе карауловъ отъ лейбъ-гвардіи финляндскаго полка.

Распорядившись всѣми мѣрами предосторожности, императоръ возвратился въ зимній дворецъ, сопровождаемый толпами народа, оглашавшими воздухъ радостными криками «ура!» Государь поблагодаривъ его за изъявленія преданности; сошелъ съ коня у главныхъ воротъ и войдя на дворъ, привѣтствовалъ лейбъ-гвардіи саперный батальонъ словами: «здорово, мои саперы». Затѣмъ, въ краткихъ словахъ, разсказавъ имъ ходъ несчастныхъ событій этого дня, государь удостоилъ благодарить саперъ за ихъ вѣрность и усердіе, которыя обѣщалъ никогда не забыть.

«Если я видѣлъ сегодня измѣнниковъ, сказалъ государь, то, съ другой стороны, видѣлъ также много преданности и самоотверженія, которыя останутся для меня навсегда памятными».

Радостно привѣтствовали государя саперы громкими криками «ура!».

Государь, послѣ милостивыхъ словъ, сказанныхъ имъ саперамъ, поспѣшилъ во дворецъ, гдѣ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидала его возвращенія его семья, вынесшая, въ продолженіи рокового дня 14 декабря, столько душевныхъ потрясеній, сердечныхъ безпокойствъ и опасеній за своего августѣйшую главу. Залы зимняго дворца были ярко освѣщены и въ нихъ еще толпилась большая часть государственныхъ сановниковъ, высшаго духовенства, придворныхъ, военныхъ и гражданскихъ чиновъ и дамъ, съѣхавшихся во дворецъ для присутствованія при молебствіи, которое было совершено только въ 6-ть часовъ вечера, съ обыкновенною при такихъ случаяхъ торжественностью. До начала его, государь, желая изъявить саперамъ новое доказа-

тельство своего къ нимъ милостиваго вниманія и расположенія, вышелъ изъ дворца къ стоявшему на дворѣ батальону. За нимъ камердинеръ вдовствующей императрицы Маріи Ѳедоровны, Гриммъ, вынесъ Наслѣдника престола, семилѣтняго великаго князя Александра Николаевича, одѣтаго въ парадной формѣ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка.—Государь взялъ первенца своего на руки, вызвалъ передъ батальонъ рядовыхъ, имѣвшихъ знакъ отличія военнаго ордена и осчастливилъ ихъ дозволеніемъ поцѣловать его. Приказавъ затѣмъ отнести Наслѣдника обратно во дворецъ, государь, обратившись къ саперамъ, сказалъ:

«Я желаю, чтобы вы также любили моего сына, какъ я самъ люблю васъ».

Саперы восторженно бросились цѣловать руки, ноги и платье царственнаго младенца*).

Морозъ, къ вечеру, усилился. На дворцовомъ дворѣ развели костры.

Дворцовая, адмиралтейская и сенатская площади представляли видъ только-что завоеваннаго города: на нихъ также пылали костры, около которыхъ гвардейскіе солдаты отогрѣвались и ѣли принесенную имъ изъ казармъ пищу. По окраинамъ этихъ площадей протянуты были цѣпи застрѣльщиковъ, никого постороннихъ, безъ особеннаго разрѣшенія коменданта, не пропускавшихъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на углахъ выходящихъ на площади улицъ, стояли караулы и при нихъ заряженныя орудія. По всѣмъ направленіямъ площадей и смежнымъ улицамъ ходили пѣхотные и разъѣзжали конные патрули, и эти мѣры предосторожности военнаго времени продолжались всю ночь.

Къ 9-ти часамъ вечера потребованъ былъ отъ лейбъ-гвардіи сапернаго батальона, къ дверямъ кабинета государя императора, караулъ, при поручикѣ Аделунгѣ, а въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ залахъ поставлены были пикеты, также при офицерахъ. Недолжностные офицеры оставались при батальонѣ и находились на главной гауптвахтѣ, куда, въ продолженіи всей ночи, не переставали приводить арестованныхъ заговорщиковъ, какъ военнаго, такъ и гражданскаго званія, которыхъ, по большей части, тотчасъ же послѣ привезенія водили прямо въ ка-

*) Весь этотъ эпизодъ дословно разсказанъ въ «Исторіи л.-г. сапернаго баталіона» соч. А. Волкенштейна. Спб. 1852 г. Ред.

бинетъ государя, лично ихъ опрашивавшаго, послѣ чего ихъ отвозили въ Петропавловскую крѣпость. Первый изъ привезенныхъ былъ лейбъ-гвардіи московскаго полка штабсъ-капитанъ князь Щепинъ-Ростовскій, ранившій, на полковомъ дворѣ сабельными ударами по головѣ, генераловъ: Шеншина и барона Фредерикса, полковника Хвощинскаго, знаменнаго и еще другого унтеръ-офицера, не отдававшихъ ему знамени, и, вмѣстѣ съ того же полка штабсъ-капитаномъ Михаиломъ Бестужевымъ, увлекшій на сенатскую площадь часть лейбъ-гвардіи московскаго полка. Этихъ офицеровъ можно, по справедливости, признать главнѣйшими виновниками кровавыхъ событій, совершившихся на площади; ибо занявшія ее роты лейбъ-гвардіи московскаго полка послужили ядромъ мятежныхъ скопищъ и заговорщиковъ, стекавшихся туда со всѣхъ концовъ города. Послѣ князя Щепина, былъ привезенъ на главную гауптвахту лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка поручикъ Сутговъ, первый увлекшій командуемую имъ роту на сенатскую площадь и облегчившій чрезъ это успѣхъ усилій поручика Панова, взбунтовать нѣсколько ротъ того же полка, съ которыми онъ едва не произвелъ величайшихъ бѣдствій. Послѣ этихъ двухъ—наиболѣе виновныхъ въ несчастныхъ происшествіяхъ 14 декабря лицъ—были привезены еще слѣдующія: генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Корниловичъ, издатель историческаго сборника «Русская Старина»; бывшій Ставропольскій вице-губернаторъ, статскій совѣтникъ Граббе-Горскій, котораго видѣли на сенатской площади, въ средѣ мятежниковъ, заряжавшаго пистолеты, такъ какъ онъ самъ не могъ стрѣлять изъ нихъ, по причинѣ простреленной на войнѣ руки, и нижегородскаго драгунскаго полка штабсъ-капитанъ Якубовичъ. Послѣдній былъ высокаго роста, худощавый, среднихъ лѣтъ, человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ, огромными черными усами и повязкою на головѣ, по причинѣ полученной имъ, въ экспедиціи противъ кавказскихъ горцевъ, раны. Про него говорили, что, принадлежа къ числу главнѣйшихъ заговорщиковъ, онъ, въ то время, какъ государь, съ ротою его величества лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, слѣдовалъ на сенатскую площадь, подходилъ къ нему, у угла Невскаго проспекта, изъявлялъ государю свою преданность, однакожъ не исполнилъ порученія его, идти къ мя-

тежникамъ уговорить ихъ возвратиться къ долгу. Всѣхъ этихъ лицъ мнѣ привелось видѣть, когда ихъ привозили на главную гауптвахту. Многихъ другихъ я не видалъ, отправлявшись, нѣсколько разъ въ продолженіи ночи, на пикеты и обходя рундомъ усиленные посты, поставленные вокругъ зданія зимняго дворца. Послѣдніе арестанты, привезенные рано утромъ слѣдующаго дня, были: полковникъ князь Трубецкой, дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса и гвардіи капитанъ князь Оболенскій, адъютантъ командующаго пѣхотою гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанта Бистрома. Князь Трубецкой, женатый на дочери графини Лаваль, стоялъ, какъ утверждали, въ главѣ заговора и долженъ былъ руководить возстаніемъ. Вмѣсто того, онъ уклонялся дѣйствовать открыто, и когда мятежное скопище было разсѣяно, удалился въ домъ свояка своего, австрійскаго посланника барона Лебцельтерна, откуда былъ истребованъ чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде. Онъ казался очень разстроеннымъ и блѣдное, грузинскаго типа лицо его выражало глубокій упадокъ духа. Князь Оболенскій, бѣлокурый, съ живыми голубыми глазами, показывалъ болѣе спокойствія и твердости духа, и послѣ получасового пребыванія на гауптвахтѣ былъ отведенъ послѣднимъ къ государю, присланнымъ за нимъ флигель-адъютантомъ полковникомъ Перовскимъ.

Ночью приходилъ на главную гауптвахту великій князь Михаилъ Павловичъ. Онъ былъ очень грустенъ и озабоченъ и съ глубокимъ огорченіемъ объявилъ, что графъ Милорадовичъ скончался въ конно-гвардейскихъ казармахъ, куда былъ отнесенъ послѣ полученной имъ на площади раны. Когда вынули изъ нея пистолетную пулю, графъ, посмотрѣвъ на нее, сказалъ, что радуется тому, что умираетъ не отъ солдатской пули. Утромъ стало извѣстно, что и командиръ лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка полковникъ Стюрлеръ скончался отъ тяжкихъ ранъ своихъ, въ домѣ князя Лобанова, куда былъ перенесенъ съ сенатской площади.

15 декабря, въ двѣнадцатомъ часу утра, государь императоръ, въ мундирѣ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка, сошелъ съ крыльца главной гауптвахты, подошелъ къ лейбъ-гвардіи саперному батальону, выстроенному въ густой взводной колоннѣ

справа, на большомъ дворцовомъ дворѣ. Поздоровавшись съ саперами, государь еще разъ удостоилъ благодарить ихъ за преданность и усердіе, оказанныя ими наканунѣ и, взявъ за руку сопровождавшаго его великаго князя Михаила Павловича, представилъ его саперамъ, какъ преемника своего въ званіи генералъ-инспектора по инженерной части, прибавивъ: «что онъ увѣренъ, что они брата его будутъ также любить, какъ любили его». Затѣмъ государь объявилъ намъ, что онъ оставляетъ за собою званіе шефа батальона, съ чувствомъ поцѣловалъ командира батальона, нолковника Геруа и поздравилъ флигель-адъютантомъ своимъ младшаго штабъ-офицера батальона, полковника Белля.

Вышедъ за главныя дворцовыя ворота, государь сѣлъ на коня и произвелъ смотръ всѣмъ частямъ гвардейскаго корпуса, занимавшимъ на канунѣ и утромъ этого дня дворцовую, адмиралтейскую и сенатскую площади. Войска эти, по проходѣ церемоніальнымъ маршемъ мимо государя, возвратились въ свои казармы, а также и лейбъ-гвардіи саперный батальонъ, по сдачѣ карауловъ въ зимнемъ дворцѣ 1-му батальону лейбъ-гвардіи преображенскаго полка.

В. И. Фелькнеръ.

ОТЧЕТЫ ЛАГАРПА ГР. Н. И. САЛТЫКОВУ О ВОСПИТАНІИ В. К. АЛЕКСАНДРА И КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧЕЙ.

декабрь 1790 г. *).

(Переводъ.) Честь имѣю представить в. п. настоящую записку, содержащую, во 1-хъ, краткое изложеніе пройденнаго и. и. в. со мной, и во 2-хъ, краткое обозрѣніе того, что еще остается пройти.

Часть I. Пройденное ихъ и. в. со мной относится къ слѣдующимъ пунктамъ: къ изученію французскаго языка, географіи, исторіи и математики.

Изученіе французскаго языка. Оно заключаетъ въ себѣ чтеніе, правописаніе и сочиненіе. Для того, чтобы приучить ихъ и. в. къ правильному произношенію, ихъ часто заставляли читать вслухъ,

---

*) См. «Русск. Стар.» 1870 г. т. I стр. 34—44; 103—132 и 407—419.

и разнообразя предметы ихъ чтенія, имъ давали возможность понять необходимость различныхъ удареній.

Старшій изъ в. к. не только порядочно усвоилъ себѣ эти оттѣнки, но читаетъ бѣгло, и когда содержаніе его занимаетъ, то его можно слушать съ удовольствіемъ. Живость же младшаго и его вѣтренность, если мнѣ такимъ образомъ можно выразиться, не позволила ему дойти до этой степени. Несмотря на то, что онъ можетъ читать бѣгло, когда внимателенъ, онъ ошибается и частое упражненіе ему необходимо. Замѣтки или выписки изъ разныхъ предметовъ, которыя диктовались ихъ и. в. имѣли двойную цѣль—образовать ихъ правописаніе и распространить ихъ свѣдѣнія. Было бы безполезно обременять ихъ память правилами тѣмъ менѣе для нихъ понятными, что нѣкоторыя изъ нихъ оспоримы и исключенія въ нихъ изобилуютъ. Мы ограничились малымъ числомъ общихъ примѣчаній, пока изученіе грамматики не поставитъ ихъ въ состояніе понять правила менѣе общія, или же чтеніе ознакомитъ ихъ съ бо̀льшимъ числомъ словъ. На этомъ пунктѣ, между в. к. существуетъ такая же разница, какъ и въ томъ, что было сказано о чтеніи.

Ихъ и. в. также упражнялись въ переводахъ и сочиненіи; но вначалѣ собраніе ихъ знаній и мыслей не было достаточно обширно; часы, назначенные для уроковъ и проведенные въ другихъ занятіяхъ, были также недостаточны. Ихъ, однакоже, нѣсколько разъ заставляли отдавать письменные отчеты о нѣкоторыхъ предметахъ ихъ занятій и въ особенности о чтеніяхъ ихъ изъ географическихъ и историческихъ книгъ. Старшій изъ в. к. нѣсколько разъ представлялъ свои извлеченія, которыя доказывали въ немъ такую послѣдовательность ума, какую надо стараться въ немъ сохранить. Онъ способенъ отдать вѣрный и даже подробный отчетъ о томъ, чему его выучили или о томъ, что онъ прочелъ. Во второй части будутъ предложены средства для выработки этой хорошей способности.

Объясненія правилъ грамматики повлекло за собой нѣсколько метафизическихъ разсужденій о происхожденіи понятій и мыслей, объ ихъ классификаціи, о различіи свойствъ или силъ душевныхъ; но такъ какъ, чтобъ сдѣлаться свидѣтелемъ этихъ дѣйствій или опытовъ должно войти въ самого себя, мы не были въ необходимости бесѣдовать съ ихъ и. в. о вопросахъ свыше

ихъ пониманія. Впрочемъ эти понятія должны быть дополнены впослѣдствіи, чтобы сдѣлаться дѣйствительно полезными, и оно будетъ тѣмъ менѣе трудно, что ихъ и. в. будутъ обладать бо̀льшимъ количествомъ полезныхъ свѣдѣній. До сихъ поръ мы довольствовались грамматическими примѣчаніями, возбужденными чтеніемъ, и которыхъ надо будетъ пройти по порядку при основательномъ изученіи «Началъ общей грамматики». Чтобъ показать, наконецъ, ихъ и. в., какимъ образомъ отыскиваются и находятся различныя значенія словъ, имъ дали прочесть нѣсколько синонимовъ въ сочиненіяхъ аббатовъ Жирара и Рубо.

Географія. Прочитавъ нѣсколько руководствъ и запасшись картами, чертежами и разсказами о путешествіяхъ, мы предприняли изученіе послѣдняго курса, въ которомъ лишь слабо напирали на топографическія понятія, на названіяхъ провинцій, городовъ и т. д., съ которыми в. к. ознакомились изъ прежнихъ руководствъ; особенное вниманіе было обращено на то, чтобъ дать имъ точное понятіе о всѣхъ предметахъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ статистики, какъ напр., о народонаселеніи и средствахъ сосчитать его, о произведеніяхъ почвы, о мануфактурахъ, о торговлѣ, о банкахъ и деньгахъ, объ устройствѣ государства, о разныхъ отрасляхъ правленія и т. д. Сочиненія Толзы, Струензее, Крома, Геннингса и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ писателей, снабдили насъ главными статьями. Недостатокъ матеріаловъ былъ причиной нѣкоторыхъ пробѣловъ, а сомнѣнія и ошибки изобилуютъ въ подобныхъ предметахъ; но первыя можно дополнить, а послѣднія исправить. Въ настоящую минуту достаточно будетъ установить небольшое число правилъ, вѣрность которыхъ была бы всѣми признана и затѣмъ приучить умъ къ изслѣдованіямъ этого рода. Такимъ образомъ, были обозрѣны самыя сосѣднія къ Россіи страны, напр. Швеція, Данія, Пруссія и Польша. Мы остановились на союзныхъ провинціяхъ.

Е. и. в. государь в. к. Александръ болѣе брата своего въ состояніи слѣдить за этими изслѣдованіями и соображаться съ ними, (а потому) мы вправѣ требовать отъ него бо̀льшаго. Для того, чтобъ короче ознакомить его съ истинными началами, ему съ нѣкоторыхъ поръ даютъ читать знаменитое сочиненіе англичанина Смита о «Состояніи и причинахъ народныхъ бо-

гатствъ» и содѣйствіе будетъ ему оказано при составленіи выписокъ изъ самыхъ интересныхъ главъ *).

Исторія. Въ первыхъ руководствахъ дѣло могло идти только о великихъ переворотахъ. Излишество въ подробностяхъ произвело бы безпорядокъ и неясность; поэтому, намъ сначала надо было ограничиться краткими примѣчаніями и только можно было удлиннять ихъ постепенно.

Краткія руководства Миллô и Кондильяка были прочтены для объясненія событій, преимущественно съ помощью подлинниковъ и болѣе подробныхъ сочиненій.

Что же касается до хронологическаго исчисленія, мы приблизительно придерживались руководства, предложеннаго гёттингенскимъ профессоромъ, г-мъ Гаттереромъ; главное не состоитъ только въ томъ, чтобъ знать года сотворенія міра, потопа и т. п., но въ томъ, чтобъ соблюдать порядокъ, посредствомъ котораго можно всегда знать, какъ слѣдовали другъ за другомъ доказанныя событія, вліяніе которыхъ было сильно и продолжительно. Христіанская эра была преимущественно взята опредѣленною точкою какъ для событій послѣдовавшихъ за Рождествомъ Христовымъ, такъ и для событій ему предшествовавшихъ.

Обширное поле древней и новой исторіи было, такимъ образомъ, съ быстротою пройдено; надо было возвратиться къ исходной точкѣ, чтобъ начать новое путешествіе. Предпринявъ его, мы остановились лишь немного на томъ, что было сказано объ ассиріянахъ, вавилонянахъ и о мидійцахъ. Относительно же египтянъ, древнихъ персовъ и финикіянъ, мы ограничились отрывками изъ Геродота, Діодора сицилійскаго, и изъ «Происхожденія законовъ» Гоге́, которыхъ мы сравнили съ новѣйшими сочиненіями Нибюра, Вольнея и Савари.

Исторія Греціи слишкомъ важна, чтобъ не заняться ею съ бóльшимъ стараніемъ. Для бóльшей точности, періодъ занимаемый ею былъ раздѣленъ на 5 другихъ періодовъ, изъ которыхъ начало пелопонезской войны, анталкидовъ миръ, сра-

---

*) Это было лишь отчасти исполнено. Прим. Лагарпа.

женіе при Херонеѣ, раздѣленіе имперіи Александра и взятіе Коринѳа, образуютъ раздѣльные пункты.

Начали съ того, что ихъ и. в. было дано на прочтеніе сочиненіе англійскаго писателя Гиллиза, оканчивающееся царствованіемъ Александра; порядокъ, ясность, изящество и философскій духъ этого сочиненія дѣлаютъ его одинаково достойнымъ одобренія.

Чтеніе это было сопровождено большимъ числомъ отрывковъ изъ подлинниковъ, не только съ цѣлью объяснить то, что требовало объясненія, но въ особенности для того, чтобъ и. в. узнали этихъ знаменитыхъ греческихъ писателей, произведенія которыхъ должны быть изучаемы и извѣстны во всякомъ возрастѣ, какъ образцы красоты, мудрости и изящнаго вкуса. Такимъ образомъ, мы съ ихъ выс. прочли нѣсколько пѣсень изъ Гомеровыхъ поэмъ, которыя они съ бо́льшимъ удовольствіемъ перечтутъ въ прекрасныхъ нѣмецкихъ переводахъ Фосса и графа Стольберга; прочли мы также книги Геродота, носящія имена музъ: Кліо, Евтерпіи, Таліи; Мельпомену въ переводѣ Лархера; чудныя рѣчи Ѳукидита, переведенныя столь же вѣрно, какъ и изящно, неутомимымъ аббатомъ Аугеромъ; также и большое количество отрывковъ взятыхъ Ксенофономъ изъ Продолженія Ѳукидита; отрывки изъ Отступленія десяти тысячь и Діодора сицилійскаго отъ XI до XVII книги; прочли мы еще Сокращенное сочиненіе Юстина, содержащее исторію великихъ людей этого періода и соотвѣтствующей исторіи Плутарха и Корнелія Непота; Похвальное слово Агезилаю и нѣсколько отрывковъ изъ достопамятныхъ изреченій Сократа, собранныхъ Ксенофономъ; Защитительное слово Сократа—Платономъ, Эдипъ король и Эдипъ въ Колоннахъ—Софокла, Семь начальниковъ передъ Ѳивами и часть Прометея Эсхила, нѣсколько отрывковъ изъ Панегирика Аѳинамъ оратора Изократа; надгробное слово аѳинскимъ воинамъ оратора Лизія; Защитительная рѣчь того-же самаго противъ Эратосѳена, одного изъ 30 тирановъ; рѣчи Эсхина о народѣ, прекрасный на него отвѣтъ Демосѳена, Филиппики, его же.

При неимѣніи такого хорошаго руководства, какъ руководство Гиллиза, были употреблены записки, имѣвшія назначеніе

сохранить порядокъ и согласовать событія слѣдующаго періода, начинающагося раздѣленіемъ имперіи Александра, и кончающагося взятіемъ Коринѳа, и заключающаго въ себѣ все происходившее отъ 306 до 145 года до нашей эры.

Подлинники, прочитанные цѣликомъ или съ которыми просто справлялись, слѣдующіе: Сокращенныя сочиненія Юстина; XVIII, XIX и XX книги Діодора; «Исторія великихъ современныхъ людей» Плутарха и все относящееся до Греціи въ Полибіи. Этотъ мудрый старикъ написалъ въ 40 книгахъ всеобщую исторію своего времени, заключающую въ себѣ 53-лѣтній періодъ; но изъ этого сочиненія сохранились только 5 первыхъ книгъ и извлеченія изъ слѣдующихъ 12-ти.

Для того, чтобъ понять всю важность этой потери, достаточно будетъ замѣтить, что этотъ знаменитый писатель, соединяющій въ себѣ преимущества богатства и знатнаго происхожденія, имѣлъ еще то преимущество, что его учителями были его отецъ Ликортій и Филопеменъ, два самыхъ знаменитыхъ гражданина Греціи, внушившихъ ему свѣдѣнія, наиболѣе способствующихъ къ образованію превосходнаго полководца, просвѣщеннаго судьи и опытнаго государственнаго дѣятеля; кромѣ того, онъ съ ранняго возраста прошелъ черезъ школу несчастій, среди потрясеній, укрѣпляющихъ мужество и развивающихъ великія природныя дарованія; бывъ свидѣтелемъ достопамятныхъ переворотовъ, передавшихъ всемірную исторію Римлянамъ, онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Сципіонами и Павломъ Эмиліемъ, съ цензоромъ Катономъ, съ Фабіями, съ Гракхами и съ большинствомъ лицъ, явившихся и дѣйствовавшихъ на этой обширной сценѣ; будучи самъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, онъ могъ хорошо обнаружить политическія пружины и ознакомить насъ съ правительственнымъ духомъ своего времени. Простота и мужество, которыми дышатъ его сочиненія, безпристрастіе и философскій духъ, проявляющіеся на каждой страницѣ, не только внушаютъ полнѣйшее довѣріе, но и уваженіе къ достопочтенному человѣку, который, будучи непреклоненъ, какъ сама истина, съ добродушіемъ, но и безъ чванства или легковѣрія, повѣствуетъ намъ о переворотахъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ сама былъ и въ которыхъ онъ самъ уча-

ствовалъ. Желательно бы, чтобъ ихъ и. в. впослѣдствіи перечитали столь замѣчательнаго историка.

Наконецъ в. к. прочли нѣсколько главъ изъ занимательнаго Путешествія молодого Анахарсиса, и е. в. в. к. Александру было особенно поручено перечесть одному нѣсколько стиховъ изъ него и дать отчетъ въ своемъ чтеніи.

Той же самой системы мы придерживались и относительно римской исторіи. Для бо̀льшаго порядка, было отмѣчено нѣсколько опредѣленныхъ пунктовъ или паузъ, на которыхъ мы остановились, для того, чтобъ имѣть время прочитать или справиться съ подлинниками или же съ другими сочиненіями, способными распространить или изъяснить вещи изложенныя слишкомъ вкратцѣ или недовольно ясно. Этихъ паузъ было назначено 6, съ самаго основанія Рима до 476 года, эпохи разрушенія Западной Имперіи, а именно: 361-й годъ до нашей эры, вторая пуническая война, война Югурты, сраженіе при Акціумѣ, воцареніе Траяна и сверженіе Ромула Ангустула Одоакромъ, генераломъ или начальникомъ варварскихъ вспомогательныхъ войскъ.

Сочиненіе Вертó — Римскіе перевороты и Краткое руководство Флоруса, прежде всего служили намъ указаніями.

Дошедши до Пуническихъ войнъ, мы особенно придерживались превосходной Исторіи возвышенія и паденія римской республики, авторъ которой, Фергюссонъ, выставилъ себя достойнымъ соревнователемъ своихъ соотечественниковъ Робертсона и Юма; но французскій переводъ еще не оконченъ, а потому мы его замѣнили выписками и изъясненіями, основанными на темахъ, продиктованныхъ ихъ и. в. нѣсколько лѣтъ тому назадъ и доходящихъ до царствованія Юстиніана I.

Кромѣ этого, имъ были прочтены отрывки изъ Діодора сицилійскаго, нѣсколько статей многословнаго Діонисія Галикарнасскаго, относящіяся къ Коріолану и Цинцинату; бо̀льшую часть сочиненій знаменитаго римскаго историка, выразительнаго и изящнаго Тита Ливія и Полибія; часть сочиненій Саллюстія, Жизнь знаменитыхъ римлянъ — Плутарха; изъ Веллея же Патеркула мы прочли отъ начала войны Персея до сраженія при Акціумѣ, кромѣ того Катилинарію — Цицерона, отдѣльную исторію котораго мы про-

чтемъ въ Миддлетонѣ; рѣчи этого же самаго оратора въ защиту Архія и Лигурія, нѣкоторые отрывки изъ Веррины и Миломенны, нѣкоторыя описанія взятыя изъ Лукуина, лѣтописи и исторію Тацита, почти цѣликомъ, и его прекрасное похвальное слово Агриколѣ; отрывки изъ Светона, котораго можно прочитать безбоязненно; нѣкоторыя письма Плинія Тациту, письма его къ Траяну и отвѣты этого великаго государя; относящіяся къ нему главы изъ разсужденій Монтескье О причинахъ величія римлянъ и первыя три главы сочиненія Гиббона, содержащія весьма любопытныя замѣчанія на счетъ состава, средствъ и положенія имперіи отъ Августа до Антонина. Такъ какъ предполагаю руководствоваться этимъ писателемъ, то о немъ будетъ говорено подробнѣе во второй части этихъ записокъ. Мы остановились на царствованіи Марка Аврелія.

Понятія, данныя великимъ князьямъ о новѣйшей исторіи, какъ въ продолженіе предшествующихъ лекцій, такъ и во время занятій ихъ по географіи, позволили увеличить эти самыя понятія при изученіи древней исторіи, потому что было бы неудобно оставить ихъ въ невѣдѣніи того, чтó происходило въ вѣка близкіе съ тѣмъ вѣкомъ, въ которомъ они сами живутъ. Не имѣя возможности войти въ большія подробности, я обращалъ вниманіе на то, чтобъ разобрать и распредѣлить по порядку главнѣйшія событія съ помощью мною продиктованныхъ имъ замѣтокъ, имѣя цѣлью руководствоваться ими при изученіи новѣйшихъ историковъ. Такимъ образомъ занялись Польшей, Пруссіей, Даніей, Швеціей, Венгріей, Богеміей и Союзными провинціями. По поводу же Испаніи и Португаліи, пришлось разсказать о происхожденіи Аравійской имперіи и вспомнить болѣе достопамятныя событія. Италію, Францію и Англію мы просмотрѣли только поверхностно. Напротивъ того, дойдя до Германіи, необходимо было войти въ подробности. Поэтому пришлось возвратиться къ переселенію сѣверныхъ и восточныхъ варваровъ, отъ III-го до IX-го вѣка, начертить ихъ путь и передать главнѣйшія событія такъ, чтобъ устранить всякую сбивчивость, — особенную принадлежность этого періода. Замѣтки, написанныя по сему предмету великими князьями, кратко обнимаютъ царствованіе первыхъ поко-

лѣній франксвихъ королей и дѣлаются болѣе подробными только съ появленіемъ Меровъ и воцареніемъ Карловинговъ. Раздробленіе франкской имперіи при этихъ послѣднихъ, потребовало составленія нѣсколькихъ генеалогическихъ таблицъ, безъ которыхъ невозможно было бы выйти изъ этого ужаснаго лабиринта. Наконецъ, при помощи сочиненій ученаго Пюттера а также исторіи Германцевъ — Шмидта и Краткой хронологіи — Пфеффеля, главные перевороты Германіи и измѣненія; черезъ которыя прошло государство, были разобраны при каждомъ царствованіи, начиная съ Арнулфа и кончая Іосифомъ II, а частыя отступленія имѣли цѣлью ознакомить великихъ князей съ переворотами въ сосѣднихъ государствахъ, знаніе которыхъ было необходимо.

Математика; 1) Ариѳметика. Ихъ и. в. исполнили всѣ вычисленія дробей, столько же простыхъ, сколько и десятичныхъ. Имъ также показаны правила, заключающія теорію пропорцій, пройд. при этомъ самые разнообразные и самые сложные примѣры; а для того, чтобъ приучить ихъ къ послѣдовательному труду, къ изслѣдованіямъ и т. п., они обязаны отдавать отчетъ въ своихъ выводахъ, восходя отъ предыдущаго члена къ послѣдующему и доходя до самаго начала. Мы не ограничились однѣми обыкновенными ариѳметическими дѣйствіями; ихъ высочествамъ было объяснено производство и начало извлеченія квадратныхъ и кубическихъ корней съ простыми и десятичными дробями; имъ были представлены труднѣйшія задачи и предложено множество ариѳметическихъ и геометрическихъ вопросовъ, рѣшенія которыхъ требовало подобныхъ дѣйствій. Е. в. в. к. Александръ, котораго именно я имѣю въ виду, не только въ состояніи рѣшить одинъ, быстро и безъ ошибокъ всѣ правила ариѳметики, но можетъ и объяснить причину своихъ дѣйствій, особенно если онъ приложитъ свои силы и вниманіе. Е. в. в. к. Константинъ исполнялъ тѣ же самыя задачи, но чрезмѣрная живость его мѣшаетъ продолжительности вниманія и возможности отвлеченности, которыя суть необходимыя условія; поэтому начала не сдѣлали на него того глубокаго впечатлѣнія, предохраняющаго отъ забывчивости, сомнѣнія и ошибокъ.

Ихъ и. в. выучились послѣ этаго рѣшать алгебраически дѣйствія, исполненныя ими прежде въ ариѳметикѣ и е. в. в. к.

Александръ рѣшилъ нѣсколько задачъ 1-й степени. Дѣло остановилось на логариѳмахъ, начало и образованіе которыхъ предполагаютъ развить геометрически, при помощи кривой линіи, именуемой логариѳмической.

2) **Геометрія.** Ихъ и. в. уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ окончили курсъ, въ подробности ими пройденный. Продиктовавъ или давъ имъ списать задачи и объяснивъ, развивъ и доказавъ все нужное, я съ ихъ высочествъ, въ свою очередь, потребовалъ отчетъ этихъ объясненій, отвѣтъ на возраженія и возвращеніе къ первымъ началамъ или же къ первымъ причинамъ ихъ ошибокъ.

Государь в. к. Александръ выказалъ большія способности къ этой наукѣ и часто удовлетворялъ меня силою своихъ доказательствъ, вниманіемъ, съ которымъ онъ распознавалъ неправильности и настойчивостью, съ которой онъ отыскивалъ подробности отъ него ускользнувшія. Онъ не разъ упрощалъ сложныя задачи и я, въ память отъ него, сохраняю такую задачу у себя. По справедливости, нельзя требовать стольскаго отъ младшаго изъ в. к.; онъ показалъ готовность и хорошія способности, но настойчивости и вниманія ему еще недостаетъ и съ нимъ придется повторить пройденное болѣе чѣмъ одинъ разъ.

3) **Тригонометрія**. Курсъ, пройденный съ ихъ и. в. былъ слишкомъ сокращенъ и слишкомъ часто прерываемъ, чтобъ не было надобности начать его снова и продолжать съ бо̀льшею настойчивостью, чѣмъ прежде; тогда за нимъ послѣдуетъ сферическая тригонометрія.

Наконецъ, съ в. к. Александромъ начали проходить коническія сѣченія по синтетическому методу, требующему постояннаго вниманія; но главное преимущество котораго состоитъ въ томъ, чтобы заставить мысль слѣдить и сравнивать нѣсколько сложныхъ разсужденій, для того чтобъ придти къ заключенію, сначала повидимому, очень отдаленному. В. к. стоитъ еще только на параболѣ, потому что онъ долженъ перечесть пройденное и самъ написать свои доказательства. До сихъ поръ имъ были весьма довольны.

Словесность. То что было сказано въ статьяхъ «о географіи и исторіи», тоже самое можно сказать и о

чтеніяхъ в. князей, относящихся до настоящей статьи. Между прочимъ была прочтена бо́льшая часть сочиненія Гоге̂ О происхожденіи законовъ, также какъ и отрывки изъ Генріады и Георгики, переложенныя въ стихахъ Аббатомъ де Лиль; бо́льшая часть сочиненій Расина, самыя лучшія театральныя пьесы Корнеля, Вольтера и Мольера, Налой (le Sutrin), нѣсколько одъ Жанъ-Баттиста Руссо̀, нѣсколько отборныхъ характеристикъ Ла-Брюера и Дюкло̀, разныя статейки изъ французскихъ Синонимовъ, нѣсколько діалоговъ Люкіена и нѣкоторые отрывки изъ Рейналя. По окончаніи курса грамматики, надо будетъ собрать примѣчанія лучшихъ литераторовъ о разныхъ родахъ словесности и в. князья будутъ тѣмъ болѣе въ состояніи примѣнять правила, что они будутъ тогда обладать бо́льшимъ количествомъ фактовъ, что вкусъ ихъ будетъ развитъ чтеніемъ хорошихъ писателей и что ихъ сужденіе пріобрѣтетъ достаточно силы, чтобъ дать имъ возможность выражаться по собственному убѣжденію; до настоящаго времени, правильное изученіе курса литературы было бы столько же нелѣпо, сколько и вредно.

Часть II. **Обозрѣніе того, что остается дѣлать.**

Изученіе французскаго языка. 1) Ихъ выс. должны упражняться въ чтеніи вслухъ то стиховъ, то прозы, для пріобрѣтенія точнаго и правильнаго произношенія. Е. и. в. в. князь Константинъ особенно въ этомъ нуждается; его рѣзвость необходимо должна уступить тому, чего мы въ правѣ требовать отъ молодого человѣка его лѣтъ.

2) Ихъ имп. высочества должны пройти полный курсъ грамматики, примѣненной не къ одному только французскому языку, но и къ другимъ языкамъ. Для нихъ было выписано изъ общей грамматики—Кура де Жебелена, все существенное заключающееся въ ней и мы пересмотримъ тоже все написанное объ этомъ предметѣ свѣдущимъ Кондильякомъ.

3) Окончивъ курсъ грамматики, мы приступимъ къ курсу собственной беллетристики. Правила — Баттё, но въ особенности уроки, риторики почтеннаго шотландскаго писателя Блайза будутъ служить намъ руководствами, которыхъ мы будемъ придерживаться не въ буквальномъ смыслѣ, но разсуждая о началахъ и правилахъ выведенныхъ изъ нихъ. Если об-

стоятельства позволятъ, то ихъ им. высочествамъ дадутъ прочесть нѣсколько главъ изъ Квинтиліана, изъ сочиненія Цицерона объ ораторскомъ искусствѣ; изъ трактата о величественномъ, знаменитаго Эдмунда Бюрка. Напрасно было бы предлагать правила, если бы въ тоже время не читалась часть классическихъ произведеній, составившихъ извѣстность языка. Дѣйствительно, признано, что подобное чтеніе, съ вниманіемъ прослѣженное человѣкомъ, одареннымъ хорошимъ сужденіемъ, гораздо вѣрнѣе развиваетъ вкусъ его, чѣмъ метафизическія разсужденія или же безъ выбора накопленныя наставленія.

4) Было-бы необходимо заставлять ихъ высочества разъ или два въ недѣлю, давать письменный отчетъ во всѣхъ занятіяхъ, для того, чтобы пріобрѣсти привычку къ порядку и образовать свой слогъ; но слѣдовало бы, чтобъ ничто не избавляло ихъ отъ заданной имъ работы и чтобъ они исполняли ее сами, безъ ничьей посторонней помощи и со всѣмъ требуемымъ прилежаніемъ. Это самое можно требовать съ обоихъ, принимая въ соображеніе существующую разницу между ихъ характерами и познаніями. Въ особенности же было бы лучшимъ поощреніемъ для ѐ. в. в. князя Александра, если бы ея и. вел. сама иногда поручала бы ему отдавать ей письменный отчетъ въ его чтеніяхъ или о нѣкоторыхъ дѣлахъ *).

Тотъ, кто происхожденіемъ своимъ призванъ быть общественнымъ дѣятелемъ, долженъ съ раннихъ лѣтъ пріобрѣсти тотъ вѣрный и быстро схватывающій тактъ, показывающій какъ въ дѣлахъ отличать рѣшительныя разсужденія и факты, отъ разсужденій и фактовъ побочныхъ; итакъ, для пріобрѣтенія этой способности надо, чтобъ разсужденіе было изощрено, умъ приучился побѣждать всѣ трудности и дѣйствующія душевныя силы были бы испытаны.

Географія и статистика. Окончивъ послѣдній курсъ географіи по вышеуказанной системѣ, надо будетъ дополнить пропуски или руководствуясь болѣе подробными сочиненіями, или читая наилучшія путешествія.

---

*) Есть множество дѣлъ, о которыхъ онъ могъ бы отдавать отчетъ безъ того, чтобъ дѣла эти имѣли послѣдствія. Напр. е. в. могъ бы посѣщать публичныя учрежденія, заводы и т. п. и давать о нихъ письменные отчеты ея имп. величеству. Лагарпъ.

Тоже самое можно сказать и о статистическихъ свѣдѣніяхъ: съ помощью общихъ понятій и порядка, примѣненнаго къ изслѣдованіямъ этого рода, легко будетъ слѣдить за послѣдними и провѣрять содержащееся въ первыхъ ложное и ошибочное.

Чтеніе, съ перомъ въ рукѣ, сочиненія Смита о политической экономіи и особенно же о торговлѣ доставитъ драгоцѣнное собраніе любопытныхъ понятій и фактовъ, которыя послужатъ къ изслѣдованію коммерческихъ и финансовыхъ дѣйствій европейскихъ державъ *). Если е. в. в. к. Константинъ не на одномъ уровнѣ съ братомъ, онъ въ свою очередь долженъ дойти до него, тѣмъ болѣе, что года его даютъ право требовать отъ него серьезныхъ занятій. Наконецъ, для довершенія занятій относящихся къ географіи, остается пройти съ ихъ им. высочествами сферическій курсъ, и этимъ же предметомъ займутся съ начала года.

Исторія. Для періода, заключающаго въ себѣ царствованіе Марка Аврелія и раздробленіе Западной Имперіи, также какъ и для періода, начинающагося этой послѣдней эпохой и кончающагося царствованіемъ Карла Великаго, мы будемъ руководствоваться исторіею Гиббона: Объ упадкѣ и паденіи Римской Имперіи. Это сочиненіе, столь же замѣчательно своими изслѣдованіями и ученостью, какъ и философскимъ духомъ, управляющемъ расположеніемъ и выборомъ предметовъ; кромѣ того, оно достойно вниманія красотою и ясностью языка, также какъ постояно новымъ и занимательнымъ описаніемъ переворотовъ восточной римской имперіи до 1453 года. Переселенія варваровъ и ихъ водвореніе на мѣстахъ, перевороты въ аравійской, монгольской и турецкой имперіяхъ, крестовые походы и смуты въ Италіи въ средніе вѣка; управленіе, финансы, торговля, войско, составъ государства, словесность, мнѣнія, все, что можетъ возбуждать любопытство въ продолженіи столь длиннаго періода, развито въ этомъ сочиненіи съ величайшей ясностью, съ рѣдкимъ безпристрастіемъ и удивительнымъ умомъ. За исключеніемъ нѣскольких только главъ, содержаніе кото-

---

*) В. князю не могло ли бы быть поручено ея имп. величествомъ, дать ей отчетъ о нѣкоторыхъ главахъ этого сочиненія, а также о нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ въ этомъ родѣ. Снисхожденіе ея прикрыло бы ошибки первыхъ его опытовъ. Лагарпъ.

рыхъ недоступно еще ихъ имп. высочествамъ, остальная часть книги можетъ быть прочитана и перечитываема съ величайшею пользой и ничто не могло бы замѣнить подобное чтеніе. Хотя событія довольно развиты у Гиббона, ничто не мѣшаетъ справиться съ нѣкоторыми подлинниками, какъ напр. съ Геродіеномъ и Аміеномъ Марцелліемъ, содержащія, въ особености же послѣдній, подробности весьма любопытныя. Исторія Германцевъ—Шмидта снабдитъ насъ нужными дополненіями до временъ Карла Великаго. Наконецъ, самыя важнѣйшія событія необходимо надо будетъ изложить въ краткихъ выпискахъ.

Съ Карла Вел. до 1453 года, должно будетъ возвратиться къ чтенію Гиббона и изрѣдка прерывать его отыскиваніемъ подробностей въ сочиненіяхъ, затрогивающихъ болѣе подробно исторію европейскихъ державъ. Нѣсколько частныхъ мемуаровъ и нѣкоторыя выписки изъ Виллыгордуэна, Жуенвилля и Сентъ-Палѐя, ознакомятъ в. князей съ духомъ крестовыхъ походовъ и съ нравомъ вѣковъ рыцарства. Написавъ о каждомъ европейскомъ государствѣ историческія замѣтки, подобно тѣмъ, о которыхъ было говорено въ первой части этихъ записокъ, я буду изъяснять ихъ при помощи лучшихъ историковъ каждаго народа. Было бы, конечно, невозможно перечитать ихъ всѣхъ съ начала и до конца, хотя нѣкоторые изъ нихъ стоили бы того, если бы время позволило, и списокъ ихъ будетъ составленъ, если понадобиться. При изученіи исторіи, главное должно состоять въ знакомствѣ съ общественными дѣятелями, но только въ подлинникахъ, написанныхъ современниками, или людьми достаточно способными къ критическому и истинно-философскому изслѣдованію своихъ доказательствъ; въ нихъ однихъ мы можемъ найти истинный свѣтъ. Краткія руководства, также какъ и курсы исторіи, никогда не способствовали къ знакомству ни съ людьми, ни съ дѣлами. Сухая номенклатура, поученія, умъ, игра словъ и повтореніе общихъ мѣстъ, за неимѣніемъ основанныхъ на фактахъ разсужденій, вотъ что въ нихъ находится. Чтобъ не впасть въ такую ошибку, требуется и время и настойчивость, и цѣлаго года посвященнаго на этотъ трудъ не будетъ слишкомъ много для старшаго изъ в. князей. Что же касается младшаго, необходимо будетъ повторить съ нимъ то, что имъ дурно понято или даже совсѣмъ забыто.

Сообщ. **Н. П. Дуровъ.**

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА БЕСТУЖЕВА.

1825—1840 гг.

I.

. . . .
. . . .

II.

. . . .
. . . .

III.

. . . .
. . . .

IV.

Въ сентябрѣ насъ съ братомъ повезли въ Шлисельбургъ: тамъ мы пробыли до сентября 1827 года въ заведеніи, подобномъ Алексѣевскому равелину, ухудшенному отдаленностью отъ столицы и 30-лѣтнимъ управленіемъ генералъ-майора Плутанова, обратившаго наконецъ это заведеніе въ родъ аренды для себя и своихъ тюремщиковъ на счетъ желудковъ несчастныхъ затворниковъ, получавшихъ едва гривну мѣдью на дневной харчь, когда положено было выдавать по 50 коп. ассигнаціями. Этотъ Плутановъ въ свое 30-лѣтнее управленіе до такой степени одеревенѣлъ къ страданіямъ затворниковъ, что со своими затверженными фразами состраданія походилъ скорѣе на автомата, чѣмъ на человѣка сотвореннаго Богомъ. Когда я его просилъ купить на остальныя мои деньги какихъ-либо книгъ, онъ мнѣ отказалъ, ссылаясь на строгое запрещеніе. Я просилъ его купить по крайней мѣрѣ французскую, итальянскую и латинскую библіи. Онъ все обѣщалъ, подарилъ мнѣ собственную французскую библію въ знакъ памяти и умеръ, не прославъ ее, хотя я всякій день напоминалъ ему черезъ тюремщиковъ и каждую недѣлю лично ему, когда онъ являлся съ пошлыми утѣшеніями. Съ братомъ Николаемъ онъ гдѣ-то въ Петербургѣ познакомился, и когда Плутановъ сталъ его приглашать къ себѣ въ Шлиссельбургъ, то братъ, смѣючись, отвѣчалъ, что «непремѣнно при-

ѣдетъ, а если вздумаетъ не пріѣхать, то привезутъ». Этотъ намёкъ, пропущенный имъ безъ вниманія, Плутановъ припомнилъ при нашемъ ему представленіи.

Я былъ помѣщенъ въ маленькую комнатку въ 4 квадратныхъ шага; изъ этого надо вычесть печь, выступавшую въ комнату, мѣсто для кровати, стола и табурета. Эта была та самая комната, гдѣ содержался въ желѣзной клѣткѣ Иванъ А. Ульрихъ, гдѣ и былъ убитъ при замыслахъ Мировича. Комната стояла отдѣльно, не въ ряду съ другими нумерами, гдѣ помѣщались братъ Николай, Иванъ Пущинъ, Пестовъ, Дивовъ и другіе: тѣ комнаты были просторны и свѣтлы и имѣли ту выгоду. что будучи расположены рядомъ по одному фасу зданія, доставляли заключенникамъ возможность сообщатся посредствомъ мною изобрѣтенной азбуки, а лѣтомъ, при растворенныхъ окнахъ, даже разговаривать въ общей бесѣдѣ. Когда Плутановъ умеръ у ногъ императора Николая Павловича пораженный апоплексическимъ ударомъ при подачѣ еженедѣльнаго рапорта, назначенъ былъ генералъ Фритбергъ для исправленія всѣхъ упущеній, вкравшихся въ 30-ти лѣтнее управленіе прежняго коменданта. Мы вздохнули свободнѣе. Онъ далъ намъ все по положенію: халаты, бѣлье, тюфяки, постельное бѣлье, и устроилъ общее приготовленіе пищи, что̀ дало намъ возможность имѣть табакъ и даже чай. Комнаты начали поправлять и бѣлить. Меня временно перевели въ одну изъ комнатъ общаго фаса, просторную, свѣтлую и чистую. Погода стояла теплая, окно было открыто. Я подошелъ къ нему и оцепенѣлъ отъ восторга, услышавъ въ едва слышимыхъ постукиваніяхъ, подобныхъ скрипу червячка, точащаго дерево,—услышавъ вопросъ, (какъ я узналъ послѣ), Пущина, который спрашивалъ Пестова: «узнай, кто новый гость въ твоемъ сосѣдствѣ?». Не помня себя, позабывъ обычную осторожность, я бросился къ окну, началъ стучать, и тѣмъ чуть неиспортилъ дѣла. Меня вовремя остановили, и я, узнавъ всѣ законы ихъ воздушной корреспонденціи, часто разговаривалъ даже съ братомъ Николаемъ, сидѣвшимъ въ самомъ крайнемъ номерѣ, такъ что между нами находилось шесть комнатъ.

—

V.

Около половины сентября 1827 г., насъ четверыхъ: Барятинскаго Горбачевскаго, меня и брата свели вмѣстѣ, заковали въ ножныя желѣза и съ фельдъегеремъ отправили въ Сибирь.

Радость наша, когда мы увидѣли свѣтъ Божій и могли свободно говорить, была такъ велика, что мы превратились въ ребятъ: мы болтали безъ умолку, обнимались, смѣялись и готовы были дѣлать разныя глупости. Это состояніе духа не оставляло долго насъ въ дорогѣ, такъ что тѣ, кто насъ видѣлъ, почитали сумасшедшими, и это мнимое наше несчастье было передано нашимъ товарищамъ, ѣхавшимъ вслѣдъ за нами.

Фельдъегерь, везшій насъ (Черновъ), было существо гнусное, который изъ корыстолюбія, чтобъ не отдавать прогоновъ, гдѣ ихъ у него требовали, или гдѣ онъ подозрѣвалъ, что ихъ потребуютъ, загонялъ лошадей, — а вы знаете, загнать курьерскихъ лошадей нелегко, и для этого онъ гналъ и въ хвостъ, и въ голову, и часто наша жизнь висѣла на волоскѣ. Припомните, что мы отправились въ самую распутицу, по сквернѣйшей ярославской дорогѣ, мощеной бревнами, истомленные тюремною жизнью и едва держась на тряской телѣжкѣ, и притомъ закованные. Кормилъ онъ насъ однимъ молокомъ и простоквашей, нигдѣ не останавливался для отдыха, такъ что мы наконецъ потребовали отъ него, чтобъ онъ намъ показалъ инструкцію, и ежели въ ней нѣтъ ему положительнаго приказанія убить насъ, то мы будемъ на него жаловаться въ первомъ городѣ. Онъ приусмирѣлъ, далъ намъ временной отдыхъ, тѣмъ болѣе, что у нѣкоторыхъ изъ насъ, особенно у меня, неимѣющаго и доселѣ способности спать дорогой, начали показываться признаки бѣлой горячки. Но его кротость продолжалась не долго: снова онъ началъ неистовствовать и трижды чуть не раздробилъ насъ въ дребезги.

Не доѣзжая до Тобольска, не помню, въ какомъ городкѣ, насъ ожидалъ сенаторъ Куракинъ, имѣвшій, по его словамъ, пріятное порученіе узнать о нашихъ нуждахъ, не имѣемъ ли жалобъ, не желаемъ ли о чемъ просить его. Когда мы объявили, что ни въ чемъ не нуждаемся, ни на кого не жалуемся, ничего не хотимъ просить у него, — я объявилъ просто, безъ

всякой просьбы, что кузнецъ въ Шлиссельбургѣ второпяхъ заковалъ мои ноги въ перевёртъ, что желѣза растерли мнѣ ноги и я не могу ходить.

— Чего же вы хотите? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Какъ чего, ваше сіятельство? чтобы вы приказали меня заковать, какъ слѣдуетъ: это долженъ бы сдѣлать нашъ фельдегерь, но онъ не хотѣлъ.

— Извините: я этого сдѣлать не могу,—отвѣтилъ онъ, вѣжливо кланяясь......

Мы прискакали въ Тобольскъ въ 12-й день, грязные, разбитые и едва не убитые на Суксунскомъ спускѣ въ Томской губерніи. Нашъ фельдъегерь, по обычаю, саблею на-голо до того избилъ ефесомъ ямщика, что когда лошади подскакали къ спуску въ 1½ слишкомъ версты, и онъ, въ ужасѣ ухватившись за ямщика, закричалъ: «держи! ямщикъ, бросивъ ему возжи, отвѣтилъ: «Ну, баринъ, ваше благородіе, теперь держи самъ!» Фельдъегерь схватилъ возжи, направилъ коней на первую къ нему повозку Барятинскаго, спускавшуюся шагомъ. Братъ Николай, сидѣвшій съ нимъ, тщетно кричалъ ему, что онъ всѣхъ погубитъ: фельдъегерь, какъ утопающій, хватался за соломенку. Вся тройка буквально вскочила въ телѣжку Барятинскаго, который едва успѣлъ броситься на свою коренную и тѣмъ едва спасся отъ неминуемой смерти. Вся масса шести сцѣпившихся коней, бѣсясь и обрывая упряжь, спускалась тучею на телѣгу Горбачевскаго, кони котораго въ испугѣ шарахнулись, понесли подъ гору, и задѣвъ за мою телѣгу, опрокинули ее. Я, падая, повисъ своими желѣзами на задней оси, а кони, испуганные паденіемъ телѣги, понесли въ свою очередь и повлекли меня какъ Гектора за колесницей Ахиллеса. Спасеніемъ отъ неминуемой смерти я обязанъ былъ только тѣмъ, что упавшій ямщикъ, переломивъ правую руку въ двухъ мѣстахъ, не могъ уже ее высвободить отъ запутавшихся около нея возжей и, тащась подъ колесомъ, затянулъ лѣвую возжу коренной такъ сильно, что, притянувъ ея голову къ самой оглоблѣ, принудилъ ее заворотить поперегъ дороги и упереться въ скалу, гдѣ пролегала дорога. Изнемогая отъ боли, я не могъ шевельнуться, а между тѣмъ съ ужасомъ видѣлъ, какъ масса сцѣпившихся лошадей повозокъ брата Николая и Барятинскаго катится на меня. И эта масса точно на

меня надвинулась: поперегъ дороги стоявшая моя повозка ихъ остановила, и взбѣшенные кони неистово били надо мною. Три раза острые шипы подковъ коренной задѣвали мою голову, но только одинъ разъ пробили черепъ: два удара я получилъ вскользь и только сорвало кожу. Братъ Николай бросился и, съ опасностію быть смятымъ въ свою очередь, кое-какъ меня вытащилъ изъ-подъ копытъ лошадей. Повозка же Горбачевскаго мчалась съ такою быстротою, что на поворотѣ, встрѣтивъ возъ съ сѣномъ, быстро повернувъ, выбросила далеко въ сторону — его, двухъ сидѣвшихъ съ нимъ жандармовъ и ямщика. Горбачевскій страшно разбилъ все лицо, ямщикъ переломилъ руку и одинъ изъ двухъ жандармовъ, переломивъ крестецъ, умеръ на дорогѣ. Пѣшкомъ, изломанные и окровавленные, мы кое-какъ добрались до деревни, гдѣ, благодаря брату Николаю, уцѣлѣвшему въ этой катастрофѣ, всѣ раненые получили первую помощь, какую возможно было получить при содѣйствіи сострадательныхъ поселянъ. Нашъ фельдъегерь, подъ вліяніемъ недавняго ужаса, поклялся намъ передъ образомъ, что будетъ смирнѣе — и точно, сдержалъ свое слово... цѣлые два дня,— а потомъ началось повтореніе тѣхъ же сценъ. По пріѣздѣ въ Тобольскъ, когда онъ провѣдалъ, что губернаторъ лично опрашиваетъ проѣзжающихъ государственныхъ преступниковъ: не имѣютъ ли они претензій?—этотъ презрѣнный опричникъ не постыдился на колѣняхъ выпрашивать нашего прощенія—и мы простили ему.

Въ Тобольскѣ, какъ въ мирной пристани, мы надѣялись хоть отдохнуть отъ мучительной дороги, а главное, надѣялись сходить въ баню, чтобъ перемѣнить грязное бѣлье, которое мы не имѣли времени перемѣнять дорогой, а нижнее—не имѣя возможности по причинѣ наглухо заклепанныхъ желѣзъ. Намъ вышло милостивое разрѣшеніе. Мы собрались—и вдругъ, неожиданно, насъ посадили на телѣжки и отправили далѣе. Наши блестящія мечты разсыпались прахомъ. По прежнему, грязные, изможденные, мы отправились въ безконечную даль, и даже мнѣ, умолявшему, чтобъ по крайней мѣрѣ меня перековали, отказали въ просьбѣ и обрекли на нестерпимыя мученія. Что же было причиною такого неожиданно-скораго отправленія?—прибытіе слѣдующей партіи нашихъ товарищей въ Тобольскъ и страхъ, чтобъ слѣдующая за нами партія насъ не опередила!!! О, бюрократическая

Россія! тебя готовы загнать, погубить чиновники, только бы не нарушить нумерацію: 1, 2, 3, 4 и такъ далѣе...

До Иркутска былъ назначенъ въ наши провожатые квартальный офицеръ Орелъ и два жандарма, уцѣлѣвшіе отъ роковой катастрофы. Этотъ Орелъ былъ мокрая курица, человѣкъ добрый и лѣнивый, личность совершенно противоположная фельдъегерю Чернову. Мы ѣхали, какъ хотѣли мы; останавливались тамъ, гдѣ мы хотѣли и сколько хотѣли. Въ этотъ переѣздъ мы нѣсколько отдохнули и поправились здоровьемъ. По прибытіи, насъ помѣстили въ острогъ, обширное каменное зданіе. Губернаторъ Цейлеръ, человѣкъ благородный, насъ посѣтилъ и постарался не словомъ, а дѣломъ исполнять всѣ наши просьбы. Насъ расковали, сводили въ баню и доставили случай даже прочитать нѣкоторыя газеты. Послѣ претерпѣнныхъ лишеній это было истинное наслажденіе. Но то наслажденіе, которое онъ, по своей добротѣ, доставилъ намъ съ братомъ Николаемъ, я никогда не забуду. Ввечеру, въ послѣдній день предъ нашимъ отправленіемъ изъ Иркутска, онъ пришелъ къ намъ и объявилъ по секрету, что брата Александра привезли и что онъ дозволяетъ эту послѣднюю ночь провести вмѣстѣ съ нимъ. О, какая ночь! Мы увидѣли его съ Матвѣемъ Ивановичемъ Муравьевымъ. Ихъ везли изъ Шлиссельбурга, куда помѣстили временно до собранія полной партіи. Братъ описывалъ намъ свою жизнь въ крѣпости Фортславѣ. Имъ было не худо потому только, что тамъ не было такого богоугоднаго заведенія, въ родѣ Алексѣевскаго равелина или Шлиссельбурга, почему они всѣ могли быть вмѣстѣ и дѣлить горе вмѣстѣ. О Шлиссельбургѣ онъ воспоминалъ съ ужасомъ, проведши тамъ только два дня, и когда мы ему разсказали всѣ ужасы нашего положенія, то онъ, перекрестившись, сказалъ: «Благодарю тебя, Создатель, что ты меня избавилъ отъ этого: я бы съ своимъ характеромъ непремѣнно сошолъ съ ума». Передъ разсвѣтомъ мы простились. Онъ выпросилъ у меня на память нѣмецкую библію, а мнѣ далъ «Parnasso italiano». Прощальный поцалуй былъ послѣднимъ въ этомъ мірѣ.

Былъ декабрь 1827 г. Ангара катила страшную шугу. Сообщеніе черезъ Байкалъ было невозможно, и насъ отправили въ Читу кругоморскою дорогою, верхомъ. Провожатымъ нашимъ былъ квартальный офицеръ Петровъ, прекурьезное существо. Это была

олицетворенная доброта въ рамкѣ непроходимой глупости. Ежели прибавить, что эту рамку обвивалъ хмѣль въ самыхъ затѣйливыхъ узорахъ,—вы будете имѣть схожій портретъ съ оригиналомъ. Много намъ было съ нимъ и смѣху и горя.

VI.

Наканунѣ 14 декабря 1827 г. мы прибыли въ Читу. Насъ помѣстили въ небольшой домикъ, отдѣльно стоящій отъ главнаго казамата. Этотъ домикъ съ другимъ, далеко отъ него отстоящимъ, который назывался «Дьячковскимъ казаматомъ», оба служили какъ бы лазаретомъ, и куда удалялись изъ большого казамата, чтобъ уединиться и нѣсколько отдохнуть отъ шуму и гаму, вѣчно царствующаго въ общемъ казаматѣ. Въ немъ мы нашли Волконскаго, Вадковскаго, Вольфа, Абрамова и другихъ, и здѣсь же свидѣлись съ К. П. Торсономъ, нашимъ другомъ. Онъ познакомилъ насъ (т.-е. меня съ братомъ) съ тюремными законами, образомъ жизни, съ отличительными лицами заключенныхъ, а главное съ ихъ замыслами, и такимъ образомъ приуготовилъ насъ къ принятію крещенія и принятію на рамена свои креста. Коменданта, генералъ-маіора Лепарскаго въ Читѣ не было: онъ ѣздилъ въ Нерчинскіе заводы производить слѣдствіе и разстрѣливать Сухинина (члена тайнаго южнаго общества) и его сообщниковъ по дѣлу затѣяннаго бунта. За его отсутствіемъ временно управлялъ поручикъ Розенбергъ и капитанъ инвалидной роты, насъ караулившей, П. И. Степановъ.

Выборъ въ тюремщики человѣка, по мнѣнію начальства, надежнаго и который буквально всегда исполнитъ его волю, — этотъ выборъ, говорю я, оправдался въ лицѣ Лепарскаго. Онъ былъ извѣстенъ потому только, что когда-то въ польскую войну съумѣлъ огромную партію конфедератовъ, его соотчичей, довести до мѣста заключенія подъ весьма малымъ конвоемъ. Это обстоятельство дало ему большую цѣну въ глазахъ начальства. Подъ генеральскою звѣздою билось благородное сердце. Этому обстоятельству мы обязаны, что остались живы и выиграли, приобрѣтя добраго, умнаго, снисходительнаго тюремщика, а что́ еще важнѣе—законника, съумѣвшаго въ продолженіи всего своего долгаго управленія помирить букву закона, т.-е. строгой инструкціи съ обязанностью честнаго и добраго человѣка. Вамъ вѣроятно ка-

жется страннымъ: для чего лицамъ, осужденнымъ по законамъ въ каторжную работу, слѣдовательно, долженствующимъ быть разосланнымъ по заводамъ, — этимъ лицамъ строятъ казаматы, назначаютъ коменданта, его огромный штатъ, канцеляріи и проч. Опасались общаго бунта всей Восточной Сибири.

Когда генералъ-губернаторъ Лавинскій былъ въ Петербургѣ,—а это было какъ разъ по окончаніи нашего дѣла, — то государь спросилъ его, ручается ли онъ за безопасность края, когда насъ размѣстятъ по заводамъ?

«Я не могу ручаться, ваше величество, — отвѣчалъ Лавинскій, — когда каждый заводъ разъединенъ отъ другихъ и каждый имѣетъ отдѣльное управленіе».

— Такъ какъ-же ты полагаешь?

«Я полагаю, ваше величество, лучше ихъ всѣхъ соединить вмѣстѣ: тогда надъ ними можно имѣть лучше надзоръ».

Эта-то конференція и была зародышемъ мысли о заключеніи насъ всѣхъ въ одну общую тюрьму. Но тутъ невидимо былъ перстъ Божій, внушившій Лавинскому подобный совѣтъ. Если бы мы были разосланы по заводамъ, какъ гласилъ законъ и какъ уже было поступлено съ семью изъ нашихъ товарищей, то не прошло бы и десяти лѣтъ, какъ мы бы всѣ навѣрно погибли, какъ Сухининъ, или пали бы морально подъ гнетомъ нуждъ и лишеній, погибли бы подъ гнетомъ мукъ со стороны ближайшихъ приставниковъ нашихъ, коихъ исторія уже начиналась съ нашими первыми семью нерчинскими мучениками, или, наконецъ, сошли съ ума отъ скуки и мученій. Казаматъ насъ соединилъ вмѣстѣ, далъ намъ опору другъ въ другѣ, и наконецъ, черезъ нашихъ ангеловъ-спасителей, дамъ, соединилъ насъ съ тѣмъ міромъ, отъ котораго навсегда мы были оторваны политическою смертью, соединилъ насъ съ родными, далъ намъ охоту жить, чтобъ не убивать любящихъ насъ и любимыхъ нами, наконецъ далъ намъ матерьяльныя средства къ существованію и доставилъ моральную пищу для духовной нашей жизни. Казаматъ далъ намъ политическое существованіе за предѣлами политической смерти.....

Чтобъ познакомить васъ съ тѣмъ, что̀ насъ ожидало въ заводахъ, я вамъ скажу два слова о горькой участи семи первыхъ нашихъ товарищей, отправленныхъ въ Нерчинскіе заводы.

Это были: Волконскій, Трубецкой, Оболенскій, Артамонъ Муравьевъ, Якубовичъ и двое братьевъ Борисовыхъ.

Бурнашевъ, начальникъ Нерчинскихъ заводовъ, истый заплечный мастеръ, назначилъ ихъ въ ближайшій заводъ отъ своей резиденціи съ повелѣніемъ: содержать ихъ наистрожайшимъ образомъ. Подчиненные знали своего владыку и постарались угодить ему. Всѣхъ семерыхъ заперли въ темную, грязную, вонючую конуру, гдѣ они не только не могли двигаться, но даже должны были спать въ три яруса отъ недостатка помѣщенія. Постоянные жильцы всѣхъ тюремъ въ нашей матушкѣ-Россіи, это три рода насѣкомыхъ, питающихся кровью и плотью несчастныхъ заключенниковъ, буквально покрывали ихъ съ головы до ногъ, мучили ихъ днемъ и ночью, лишали сна, лишали силъ, необходимыхъ для тяжелой работы въ глубокихъ рудникахъ, такъ что они, промысливъ скипидару, натирали имъ все тѣло, и несмотря на то, что ихъ тѣло горѣло какъ въ огнѣ, что ихъ кожа сходила лоскутками, голодные тунеядцы не оставляли своихъ жертвъ. О ихъ пищѣ, о ихъ жизни, о грубомъ, унизительномъ обращеніи съ ними—я уже не говорю: вы должны отгадать, что все было въ совершенной гармоніи.

Въ заключеніе приведу только сѣтованіе этого заплечнаго мастера Бурнашева: «Чортъ побери! повторялъ онъ: какія глупыя инструкціи даютъ нашему брату: содержать строго и беречь ихъ здоровье! Безъ этого смѣшного прибавленія я бы выполнилъ, какъ должно, инструкцію, и въ полгода вывелъ бы ихъ всѣхъ въ расходъ!»

Лепарскій, объѣзжая заводы, чтобъ выбрать мѣстность для постройки главнаго казамата, былъ ихъ ангеломъ-избавителемъ: онъ ихъ присоединилъ къ читинскимъ собратамъ, и они прибыли туда за нѣсколько недѣль передъ нашимъ пріѣздомъ.

Еще до прибытія Лепарскаго, горное вѣдомство, вѣроятно по указанію Бурнашева, выбрало уже эту мѣстность въ Акатуевскомъ заводѣ — и начались постройки; но комендантъ не согласился строить казаматъ въ такомъ страшномъ и нездоровомъ мѣстѣ. Это была глубокая яма, окруженная со всѣхъ сторонъ горами. Тамъ только достроили небольшое помѣщеніе, гдѣ умеръ впослѣдствіи Лунинъ за письмо къ сестрѣ и окончательно за брошюру на англійскомъ языкѣ, напечатанную заграницей. Ле-

парскій выбралъ Петровскій заводъ и въ выборѣ его много участвовало его доброе сердце. Мѣстоположеніе хорошее и самая позиція его на трактовыхъ путяхъ уже много сдѣлала для насъ пользы. Жаль, что онъ, осматривая мѣстность съ горы, гдѣ потомъ просилъ похоронить себя, обманулся привлекательною зеленью луга: тутъ велѣлъ строить,—а этотъ предательскій лугъ оказался—болотомъ.

Черезъ нѣсколько дней насъ перевели въ большой казаматъ, а вскорѣ собрались изъ разныхъ крѣпостей, гдѣ мы всѣ содержались въ ожиданіи помѣщенія въ Читѣ, всѣ назначенные сентенціею въ каторжную работу. Вамъ, можетъ быть, будетъ интересно узнать списокъ всѣхъ осужденныхъ, изъ коихъ помѣщенныхъ въ казаматѣ я отмѣчу крестикомъ.

Сѣвернаго общества:

1) Рылѣевъ.
2) Кн. Трубецкой. †
3) Кн. Оболенскій. †
4) Ник. Муравьевъ. †
5) Каховской.
6) Кн. Щепинъ-Ростовскій, †
7) Алекс. Бестужевъ.
8) Мих. Бестужевъ. †
9) Пановъ. †
10) Сутгофъ. †
11) М. Кюхельбекеръ. †
12) Арбузовъ. †
13) Ник. Бестужевъ. †
14) Ив. Пущинъ. †
15) Кн. Одоевскій. †
16) Якубовичъ. †
17) Цебриковъ.
18) Рѣпинъ. †
19) Алек. Муравьевъ. †
20) Якушкинъ. †
21) Фонъ-Визинъ. †
22) Кн. Шаховской.
23) Лунинъ. †
24) Мухановъ. †
25) Митьковъ. †
26) Завалишинъ I-й. †
27) Батенковъ.
28) Бар. Штейнгель. †
29) Торсонъ. †
30) Кн. Голицынъ.
31) Бѣляевъ 1-й. †
32) Бѣляевъ 2-й. †
33) Дивовъ.
34) Петръ Бестужевъ.
35) Свистуновъ. †
36) Анненковъ. †
37) Кривцовъ. †
38) Алек. Муравьевъ 2-й. †
39) Нарышкинъ. †
40) Фонъ-деръ-Бригенъ. †
41) Пущинъ, піонеръ.
42) Бодиско 1-й.
43) Кюхельбекеръ 2-й Вильгельмъ.
44) Мусинъ-Пушкинъ.
45) Акуловъ.
46) Вишневскій.
47) Бодиско 2-й.
48) Горскій.
49) Графъ Коновницынъ.
50) Оржицкій.
51) Кожевниковъ.
52) Фохтъ.
53) Лаппа.
54) Назимовъ Мих. Алекс.
55) Бар. Розенъ. †
56) Глѣбовъ. †
57) Андреевъ.
58) Толстой.
59) Графъ Чернышевъ. †
60) Чижовъ.
61) Ник. Тургеневъ.

Южнаго общества:

1) Пестель.
2) Серг. Муравьевъ-Апостолъ.
3) Мих. Бестужевъ-Рюминъ.
4) Матвѣй Ив. Муравьевъ-Апостолъ.
5) Кн. Серг. Волконскій. †
6) Давыдовъ. †
7) Кн. Барятинскій. †
8) Поджіо Алек. †
9) Артам. Муравьевъ. †
10) Повало-Швейковскій. †
11) Вадковскій. †
12) Тизенгаузенъ. †
13) Браницкій.
14) Крюковъ 1-й. †
15) Фиденбергъ. †
16) Лореръ. †
17) Краснокутскій.
18) Лихаревъ. †
19) Вольфъ. †
20) Крюковъ 2-й. †
21) Поджіо. †
22) Абрамовъ. †
23) Норовъ.
24) Янтальцевъ. †
25) Ивашевъ. †
26) Басаргинъ. †
27) Корниловичъ. †
28) Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й. †
29) Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й.
30) Заикинъ.
31) Абрамовъ 2-й. †
32) Загорѣцкій. †
33) Поливановъ.
34) Баронъ Черкасовъ. †
35) Фохтъ.
36) Графъ Булгари.

Общества соединенныхъ славянъ:

1) Борисовъ 1-й. †
2) Борисовъ 2-й. †
3) Спиридовъ. †
4) Горбачевскій. †
5) Бечасновъ. †
6) Пестовъ. †
7) Андреевичъ. †
8) Люблинскій. †
9) Тютчевъ. †
10) Громницкій. †
11) Кирѣевъ. †
12) Фурманъ.
13) Ведяпинъ 1-й.
14) Шимковъ. †
15) Мозгинъ. †
16) Ивановъ. †
17) Фроловъ. †
18) Мозалевскій. †
19) Лисовскій. †
20) Выгодовскій. †
21) Берестень.
22) Шихаревъ.

Игельстромъ и Вигелинъ — піонерные офицеры 1-й арміи, осужденные за бунтъ при присягѣ, и полякъ Рукевичъ, близкій ихъ знакомый. Они шли по канату и прибыли, когда мы еще были въ Читѣ.

Потомъ послѣ привезенные:

Баронъ Соловьевъ — послѣ смерти Сухинина изъ Нерчинска.

Завалишинъ 2-й — послѣ его каверзъ въ Нерчинскихъ заводахъ по просьбѣ старшаго брата.

Колесниковъ, Таптиковъ, Дружининъ — послѣ доноса Завалишина 2-го.

Кучевской — по какимъ-то соображеніямъ Лепарскаго.
Полякъ Сосиповичъ — слѣпецъ—послѣ бунта 1830 г.

Итого восемьдесятъ два живыя существа, втиснутыя въ небольшомъ деревянномъ зданіи, раздѣленномъ на четыре неравныя отдѣленія, потому что во внутренности была отдѣлена довольно большая часть для корридора и такъ-называемой столовой, гдѣ мы обѣдали.

Наше отдѣленіе было самое маленькое, а въ немъ все-таки затискались 8 человѣкъ: я съ братомъ, Юшневскій, Трубецкой, Якубовичъ, двое Борисовыхъ и Давыдовъ. Но ка̀къ,—Боже ты мой,—какъ прочіе могли размѣститься? Я теперь, припоминая прошедшее, часто думаю, что это былъ какой-то безтолковый сонъ, кошемаръ... Читать или чѣмъ бы то ни было заниматься не было никакой возможности, особенно намъ съ братомъ или тѣмъ, кто провелъ годину въ гробовомъ безмолвіи богоугодныхъ заведеній: постоянный грохотъ цѣпей, топотъ снующихъ взадъ и впередъ существъ, споры, пренія, разсказы о заключеніи, о допросахъ, обвиненія и объясненія,—однимъ словомъ, кипучій водоворотъ, клокочущій неумолчно и мечущій брызгами жизни. Да и читать первое время было нечего: изъ малой толики тогда существующихъ періодическихъ газетъ и журналовъ комендантомъ Лепарскимъ получался только «Телеграфъ» и «Инвалидъ», которые онъ, подъ большимъ секретомъ, давалъ намъ черезъ довѣренныхъ офицеровъ; но и тѣ пересталъ сообщать послѣ того № «Инвалида», въ которомъ помѣщено было стихотвореніе Жуковскаго на смерть Маріи Өедоровны, и гдѣ каждая строфа кончалась извѣстнымъ повтореніемъ:

Благодаримъ, благодаримъ, — и проч.

. . . .

Ѣли мы прескверно—не потому, чтобъ не имѣли способовъ имѣть хорошій столъ (т.-е. по крайней мѣрѣ съѣдобный), такъ какъ три наши дамы: княгиня Трубецкая, княгиня Волконская и Муравьева, бывшая графиня Чернышева*), не щадили ничего, что̀ было въ ихъ силахъ и въ границахъ возможности, но потому, что негдѣ и не́кому было приготовлять намъ пищу. Отъ казны кормовыхъ мы получали по 3 коп. асс. и муку—2 к. въ день на каждаго, т.-е. законное положеніе каторжниковъ. По положенію, варить и печь мы должны были сами, а кухни

*) Елизавета Петровна Нарышкина и послѣ прибывшая m-me Annenkoff. М. Б.

еще не выстроили, и потому кушанье варилось по подряду у горнаго начальника Читы, Смолянинова (на дочери котораго впослѣдствіи женился Іер. Завалишинъ), варилось, гдѣ и какъ ни попало не потому, чтобъ этого хотѣлъ, но потому, что не могъ лучше дѣлать по неимѣнію средствъ въ такой бѣдной, ничтожной деревушкѣ какъ Чита, а главное, по неимѣнію посуды и удобнаго помѣщенія. За то мы утоляли голодъ чаемъ, чего у насъ было въ изобиліи, потому что это зависѣло единственно отъ денегъ.

Въ этотъ періодъ нашего хаотическаго существованія, брата Николая занимала задушевная его мысль, запавшая въ его душу съ тѣхъ поръ, какъ онъ посвятилъ себя морю. Эта завѣтная мысль, преслѣдовавшая его до послѣдней минуты жизни, была—упрощеніе хронометровъ. Слѣдя за развитіемъ мореплаванія, онъ съ прискорбіемъ видѣлъ, что годъ отъ году крушеніе кораблей умножается, и главною причиною крушеній была, почти всегда, невѣрность опредѣленія пункта корабля въ критическій моментъ крушенія отъ неимѣнія хронометра, который по дороговизнѣ былъ доступенъ только богачамъ. Онъ замыслилъ упростить его и сдѣлать всѣмъ доступнымъ. Свѣтская жизнь и служебныя обязанности отвлекали его отъ опытовъ осуществить свою идею. Теперь время было вдоволь, но недоставало средствъ. Ободренный примѣромъ Загорѣцкаго, который съ помощью одного ножика и пилочки соорудилъ стѣнные часы изъ кострюль и картона еще до нашего прибытія, добылъ всякими неправдами тоже ножъ и маленькій подпилокъ, потому что намъ запрещены были всѣ орудія, наносящія смерть, вслѣдствіе чего намъ не давали ни ножей, ни вилокъ, даже кончики щипцовъ были обломаны. Онъ началъ съ устройства токарнаго станка, необходимаго для устройства часовъ. Съ такими ничтожными средствами, посреди безчисленныхъ лишеній и препятствій отъ праздныхъ и любопытныхъ зрителей, онъ сдѣлалъ часы, соотвѣтственные его идеѣ, и подарилъ ихъ à m-me Mouravieff въ благодарность за ея вниманіе къ его труду, въ благодарность за выписку полнаго часового инструмента, даже безъ его вѣдома. Комендантъ Лепарскій, сочувствуя дѣлу и ослабляя постепенно строгую инструкцію, позволилъ брату Николаю пользоваться инструментами.

VII.

Настало время нашего переселенія изъ Читы въ Петровскъ. Получены извѣстія, что полу-казарма уже почти готова; другая половина опредѣлена была подъ садъ. . . . . . . Мы выступили изъ Читы въ двухъ отрядахъ: первый подъ начальствомъ плацъ-майора Лепарскаго (племянника коменданта), второй подъ личнымъ начальствомъ самого Лепарскаго, 1830 года августа 7 числа, въ ненастную погоду. Мы запаслись записными книжками, карандашами и перьями для записыванія впечатлѣній—и всѣ книги и бумаги пришли въ Петровскъ безукоризненно чистыми. Дѣлая каждый день переходъ въ 30 и болѣе верстъ пѣшкомъ, намъ оставалось едва столько времени, чтобъ поѣсть, отдохнуть и, полюбовавшись природою, спѣшить поскорѣй уснуть, чтобъ съ разсвѣтомъ готовиться въ новый путь. Я бы хотѣлъ, чтобъ рецензенты, такъ строго судившіе брата Александра, не въ наказаніе, а хотя для того, чтобъ быть справедливыми въ ихъ сужденіяхъ,—хотѣлъ-бы, чтобъ они сами испытали, какъ братъ Александръ, писать послѣ 40-верстнаго перехода, съ голоднымъ желудкомъ, въ дождь, на бивуакѣ, подъ буркою, какъ ему часто приводилось.

M-mes Розенъ и Юшневская обрадовали мужей своимъ прибытіемъ почти на пол-дорогѣ. Наконецъ, послѣ 46 дней, проведенныхъ въ пути, въ 21-й переходъ мы прибыли въ Петровскъ. Насъ ввели на обширный дворъ. Мы побѣжали осмотрѣть будущія наши жилища и возвратились назадъ съ грустью въ душѣ. Въ Читѣ намъ было жутко: мы жили тамъ какъ селедки въ боченкѣ, но все-таки по-человѣчески; здѣсь насъ обрекали, какъ скотовъ, жить въ мрачныхъ стойлахъ. . . .

. . . .

Казаматъ состоялъ изъ 12-ти отдѣленій по 5 и 6 отдѣльныхъ комнатъ и общаго корридора, изъ котораго проникалъ какой-то мрачный полусвѣтъ чрезъ небольшое окно надъ дверью. Наши дамы подняли въ письмахъ такую тревогу въ Петербургѣ, что наконецъ разрѣшено прорубить окна на улицу въ каждомъ нумерѣ. Но какія это были окна! Многіе изъ насъ, въ томъ числѣ и вашъ покорнѣйшій слуга, разстроили и чуть вовсе не потеряли зрѣніе.

Я позабылъ вамъ сказать, что, за нѣсколько мѣсяцевъ до отправленія въ Читу, милостивымъ манифестомъ съ насъ сняли желѣза, т.-е. насъ избавили отъ тѣлеснаго наказанія. . . .

Манифестомъ, объявленнымъ еще при чтеніи сентенціи, вѣчная ссылка въ каторжную работу уменьшена на 20 лѣтъ; собственно простыхъ ссыльныхъ, не политическихъ, болѣе какъ на 20 лѣтъ никогда не осуждали: послѣ 20-ти лѣтней работы они поступали на поселеніе. Намъ съ братомъ особенно непосчастливилось: мы помѣщены были во второй разрядъ съ головы, т.-е. на 20 лѣтъ; манифестъ въ Читѣ убавлялъ двумъ разрядамъ по 5-ти лѣтъ работы; насъ (вѣроятно по ошибкѣ) произвели въ 1-й разрядъ и поставили съ конца послѣдними, т.-е. перенесли грань разрядовъ только на двѣ строки, и за это мы просидѣли вмѣсто 10-ти — 15 тяжкихъ годовъ.

Насъ размѣстили по нумерамъ — гдѣ по одному, гдѣ по два человѣка. Эта неизбѣжная мѣра, по недостатку помѣщенія, не менѣе того была причиною нѣкотораго рода негодованія на коменданта. Всѣмъ хотѣлось имѣть особый уголокъ: такъ всѣмъ надоѣла казарменная общая жизнь, лишающая возможности заниматься. Всѣ осыпали коменданта упреками, иногда очень жесткими, и онъ съ обычною добротою снисходилъ вспыльчивой щекотливости затворниковъ. «Grondez-moi, messieurs, faites-moi vos reprimandes en français, puisque, voyez-vous, les sentinelles peuvent entendre et faire le dénoncement». Или иногда говорилъ: «Позвольте, мнѣ теперь нѣкогда; приходите лучше ко мнѣ: мы затворимъ двери, и тогда браните меня, сколько вамъ угодно». Добрый старикашка! мы его звали: не могу, потому что всѣ отвѣты его на просьбы начинались этою фразою, но почти всегда кончалось тѣмъ, что онъ соглашался. Но согласіе онъ давалъ послѣ долгой комбинаціи (его фраза) съ инструкціей или съ законами, которые онъ расправлялъ и прилаживалъ на ложе Прокуста.

По мѣрѣ того, какъ разъѣзжались наши товарищи, осужденные на меньшіе сроки, намъ становилось просторнѣе: всѣ бросались на занятія, соотвѣтствующія склонностямъ каждаго. Строгія мѣры мало-по-малу ослабляли: тюремщики наши убѣдились, что мы ихъ бережемъ для собственной-же выгоды и смотрѣли сквозь пальцы на всѣ вольности, которыя росли довольно быстро,

хотя въ строгой послѣдовательности. У насъ завелись перья, чернила, бумага; книгъ уже было вдоволь, журналовъ и газетъ даже слишкомъ. Завелись литературные вечера, ученыя лекціи и диспуты. Дамамъ еще не позволено было жить въ своихъ домахъ, да и домы не у всѣхъ были выстроены, слѣдовательно, онѣ жили съ мужьями въ общемъ съ нами казаматѣ и оживляли своимъ присутствіемъ однообразіе нашей тюремной жизни. Явилась мода читать въ ихъ присутствіи, при собраніи близкаго кружка, образовавшагося около каждаго женатаго семейства, литературныя произведенія не слишкомъ серьезнаго содержанія, и то была самая цвѣтущая эпоха стихотвореній, повѣстей, разсказовъ и мемуаровъ. Тогда были написаны тѣ повѣсти, которыя недавно напечатаны съ именемъ брата Николая и многія другія, уничтоженныя при періодическихъ мѣрахъ строгости или при другихъ обстоятельствахъ. Тогда же былъ написанъ мною цѣлый рядъ морскихъ повѣстей, изъ коихъ самыя лучшія были сожжены Мухановымъ при домовомъ обыскѣ полиціи на поселеніи, по доносу одного чиновника. Всѣ онѣ были отданы ему, какъ многія сочиненія брата Николая, для напечатанія, и всѣ посвящены были брату Александру. Черновыя мы сохранять боялись отъ казаматскихъ обысковъ, и такъ всѣ они погрузились въ Лету. У меня теперь сохранились черновыя трехъ повѣстей, отданныя при отъѣздѣ на поселеніе Торсону; но онѣ уже потеряли цѣну современнаго колорита.

Братъ Николай, уже значительно разбогатѣвшій инструментами всякаго рода, продолжалъ механическія занятія, и наконецъ многіе, а въ томъ числѣ и я, набивши оскомину отъ чтенія и письма, послѣдовали его примѣру. Въ моихъ бумагахъ сохранился внутренній видъ нашихъ казаматскихъ комнатъ. Въ одномъ изъ нихъ, именно брата Николая, можно, видѣть, какъ мы ухитрялись, чтобъ воспользоваться малою толикою свѣта, проникавшаго къ намъ черезъ скважину, которая у насъ называлась окномъ. Такіе подмостки устраивали всѣ, кому нуженъ былъ свѣтъ и кому дорого было зрѣніе. Подъ руководствомъ брата мы сдѣлались искусными слесарями и золотыхъ дѣлъ мастерами, токарями и литейщиками. Я попеременно переходилъ отъ одного мастерства къ другому и изучилъ, подъ руководствомъ и другихъ товарищей и даже простыхъ заводскихъ ма-

стеровъ, различныя мастерства, какъ-то: портняжное, сапожное, башмачное, кузнечное, слесарное, токарное, переплетное, картонажное и золотыхъ дѣлъ мастерство. Мы дѣлали и посылали сестрамъ и нашимъ дамамъ и дамамъ сибирскимъ разныя милыя вещицы. Особенно дѣлали много колецъ изъ нашихъ желѣзъ, подложенныхъ золотомъ. Эта мода въ Сибири такъ усилилась, требованіе на кольца такъ возрасло, что явились промышленники и образовалась особенная отрасль торговли — подложными кольцами.

Наконецъ всѣ женатые выстроили домà, которыми была застроена цѣлая улица, названная по ихъ присутствію Дамскою. На сдѣланномъ мною тогда же рисункѣ этой улицы многихъ домовъ нѣтъ, потому что они стояли въ другихъ улицахъ. Мужьямъ ихъ позволено было жить постоянно съ женами въ домахъ. Намъ еще болѣе стало просторнѣе; но казаматъ опустѣлъ: онъ принялъ характеръ настоящей тюрьмы и мы отводили скуку, временно посѣщая женатыхъ.

Администрацію собственно нашего внутренняго управленія составлялъ совѣтъ трехъ лицъ, ежегодно выбираемыхъ по всеобщему большинству голосовъ изъ среды живущихъ въ казаматѣ. Эти лица были: хозяинъ, закупщикъ и казначей. Первый завѣдывалъ всею хозяйственною частью нашего казаматскаго семейства: на его обязанности лежала главная забота о продовольствіи и столѣ; закупщикъ исполнялъ всѣ порученія по закупу предметовъ по лавкамъ и вообще внѣ казамата; казначей выдавалъ деньги и велъ валовой и частный счетъ каждаго лица. Но такъ какъ денегъ намъ не позволено было имѣть на рукахъ, то платежъ производился посредствомъ выписки черезъ казначея. Два раза въ недѣлю онъ составлялъ, вмѣстѣ съ горнымъ казначейскимъ писаремъ, валовой и розничный счетъ, и по этому счету всѣ лица получали деньги. Сношенія наши съ родными уже установились довольно правильно черезъ дамъ; большая часть изъ насъ получала денежныя пособія, которыя почти всѣ поступали въ общую кассу и распредѣлялись поровну на всѣхъ. Хозяинъ, если обстоятельства позволяли, дѣлалъ экономію изъ годовой суммы, ассигнуемой на пищу и прочее, и изъ этихъ остатковъ удѣляли довольно значительныя пособія отправляющимся на поселеніе. Изъ уваженія къ постояннымъ

занятіямъ брата Николая, его избавляли во все время нашего пребыванія въ Петровскѣ отъ должностей; я былъ два года казначеемъ. Хозяинъ и закупщикъ имѣли право свободнаго выхода изъ казамата: хозяинъ — во всякое время, закупщикъ два раза въ недѣлю. Въ Читѣ, когда еще метла строгостей была нова, наше хозяйство шло очень худо: выходило много, а толку было мало. Когда выстроили кухню и отдѣлили мѣсто подъ огородъ, выбирался только хозяинъ и огородникъ. Намъ дозволено было впослѣдствіи получать и посылки; но насъ безстыдно грабили иркутскіе чиновники, черезъ руки которыхъ переходили посылаемыя вещи. Такъ мы получили какое-то подобіе часовъ вмѣсто прекрасныхъ золотыхъ, посланныхъ намъ послѣ смерти брата Александра. Такъ, напримѣръ, Алек. Муравьевъ получилъ старую изношенную шапку вмѣсто бобровой. Бѣлье мы получали часто лазаретное; шляпки, головной и прочій дамскій уборъ — или замѣненный, или страшно поношенный. Но что̀ хуже и этого, — такъ это — отдѣленіе отъ посылокъ части, такъ что остальная, болтаясь и трясясь въ опустѣлыхъ ящикахъ, доходила до насъ въ верешкахъ или хлопкахъ. Участи этой постоянно подвергалась посуда Трубецкихъ. А однажды мы съ братомъ присутствовали при курьезной сценѣ у Ивашева: когда откупоривалась давно ожидаемая ими посылка съ дамскими и дѣтскими кружевными уборами, лентами, оборками и проч., съ рѣдкими рисунками и видами—въ одномъ ящикѣ, по поводу чего и былъ приглашенъ братъ Николай, чтобъ полюбоваться живописью и полакомиться крымскими яблоками, присылаемыми въ особомъ ящикѣ,—насъ удивило, что вмѣсто двухъ ящиковъ явился одинъ: укупорка была новая; когда вскрыли ящикъ, насъ поразила какая-то безобразная масса, въ родѣ яблочнаго компота: ленточки, кружева, перчатки, клочки мятыхъ рисунковъ торчали въ безпорядкѣ изъ этой бурой кашки. Вы догадаетесь, какимъ процессомъ дошли до подобной комбинаціи: отполовинили изъ обоихъ ящиковъ и потомъ свалили все въ одинъ. Обычная оговорка, въ подобныхъ случаяхъ обозначаемая въ оффиціальныхъ бумагахъ, прилагаемыхъ при посылкахъ, гласила тако: «разбившаяся въ дорогѣ укупорка замѣнена новою, за которую просятъ взыскать и выслать слѣдующія деньги — столько-то».

Долгихъ и многихъ трудовъ стоило намъ уговорить стараго

коменданта — позволить учить дѣтей, и такимъ образомъ, дѣлая пользу занять и себя, и употребляя благодѣтельно время насъ тяготившее. Постоянное «не могу» было отвѣтомъ. Наконецъ дѣло уладилось: придумали законную лазейку, такъ чтобъ и волки были сыты, и овцы цѣлы. Онъ согласился на обученіе дѣтей церковному пѣнію. Вслѣдствіе такого распоряженія, Свистуновъ и Крюковъ (Николай), отличные музыканты и пѣвцы, составили прекрасный хоръ пѣвчихъ, а какъ нельзя пѣть, не зная грамотѣ, то разрѣшено учить читать (только). Мы съ братомъ взяли на себя обученіе, и дѣло пошло такъ хорошо, что многіе дѣти горныхъ чиновниковъ поступали первыми въ высшіе классы Горнаго института и другихъ заведеній.

Для работъ устроена была для насъ мельница съ ручными жерновами, на которой, ежели намъ было угодно, то мололи для моціона. Въ Читѣ насъ водили на земляную работу, — но это была только пріятная прогулка: мы выходили съ книгами въ рукахъ и располагались подъ тѣнью для чтенія. Охотники ровняли дорогу или на тачкахъ Чертову могилу.

Но — go away—go away: я боюсь истощить время и терпѣніе ваше.

Наступилъ 1840 годъ. Въ іюлѣ прибылъ къ намъ адъютантъ генералъ-губернатора Руперта, Яковъ И. Безносиковъ,—и весь первый разрядъ, болѣе нежели на 30-ти повозкахъ, тронулся изъ казамата, и въ поднятой копытами лошадей пыли исчезъ Петровскій заводъ.

Въ Хираузѣ, первой деревнѣ отъ Петровска, весь разрядъ былъ раздѣленъ на небольшія партіи. Мы отправились съ Н. Иван. Безносиковымъ, прекраснымъ молодымъ юношею, тогда поэтомъ, впослѣдствіи—прозаикомъ—золотоискателемъ, а теперь—управляющимъ пароходнымъ сообщеніемъ черезъ Байкалъ. Въ пятый день мы прибыли въ Чертовкину деревню, на устьѣ Селенги, въ самый разгаръ лову омулей. Тутъ мы пробыли двѣ недѣли, пока наши товарищи отправлялись за море, въ Иркутскъ. Жили мы на одной квартярѣ съ Безносиковымъ, потому что очень его полюбили, и тутъ братъ нарисовалъ его портретъ въ день очень замѣчательнаго по силѣ землетрясенія, а Безносиковъ посвятилъ намъ на прощанье премилое стихотворенье.

Селенгинскъ. 1860 г. **М. А. Бестужевъ.**

БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЯХЪ XVIII ВѢКА И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ ОБЪ ИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ *).

X.

Григорій Николаевичъ Тепловъ.

Служебная карьера Г. Н. Теплова такъ извѣстна, что не для чего излагать ее слишкомъ подробно. Ограничиваюсь приведеніемъ главныхъ ея чертъ и тѣхъ подробностей о немъ, которыя малоизвѣстны или вновь мною выяснены.

Г. Н. Тепловъ родился около 1720 года. Онъ учился въ какой-то школѣ въ Петербургѣ и посланъ былъ благодѣтельствовавшимъ ему архіепископомъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ доучиваться за границу; по возвращеніи же оттуда поступилъ въ 1736 году студентомъ, а потомъ переводчикомъ при Академіи Наукъ. Извѣстно, что въ 1740 году онъ чуть не пострадалъ по дѣлу Волынскаго, но умѣлъ какъ-то спастись. Въ 1741 году онъ былъ пожалованъ въ адъюнкты Академіи и по восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы успѣлъ понравиться любимцу ея, графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому. Когда графъ отправилъ брата своего, Кирилу Григорьевича, въ чужіе краи для его образованія, то приставилъ къ нему Г. Н. Теплова, какъ молодого человѣка знающаго науки и отличнаго музыканта, и далъ ему подробную инструкцію о наблюденіи за нимъ (Москвит. 1852, кн. II, стр. 5). Они три года (1743 — 1746) провели въ заграничномъ путешествіи (Слов. дост. люд. Б. Кам., 1836, ч. IV, стр. 133 и др. біогр. Тепл.). 11 іюля 1746 года графъ К. Г. Разумовскій пожалованъ былъ президентомъ Академіи Наукъ, а въ 1750 гетманомъ Малороссіи. Г. Н. Тепловъ, пользуясь неограниченнымъ его довѣріемъ, состоялъ при немъ постоянно и всевластно руководилъ имъ въ управленіи какъ тою, такъ и другою, что продолжалось до уничтоженія гетманства въ 1764 году (Ibid., и Русск. Арх., 1866, стр. 582). Г. Н. Тепловъ подалъ при императрицѣ Елизаветѣ мысль о прикрѣпленіи къ землѣ крестьянъ въ Малороссіи, для избѣжанія праздношатанія въ народѣ (Опытъ улучш. быта крестьянъ, соч. Г. Н. Теплова, 1870, стр. 26, и пр.). Въ царствованіе Петра III онъ навлекъ на себя вторично бѣду неосторожными словами на его счетъ и опять былъ арестованъ, но успѣлъ и тутъ какъ-то вывернуться и даже получить чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, хотя считался въ отставкѣ (Ibid.). Тогда онъ присталъ окончательно къ партіи враждебной Петру (Зап. кн. Долг., гл. IV), принялъ участіе въ переворотѣ 28 іюня 1762 и сочинилъ знаменитый „обстоятельный манифестъ“ 6 іюля 1762 о восшествіи на престолъ Екатерины II (онъ перепечатанъ въ сборн. „XVIII вѣкъ“, кн. IV, стр. 216), гдѣ чрезвычайно жестко выставлены обвиненія противъ Петра III (Зап.

*) См. «Русскую Старину», т. I, стр. 463—470, и т. II. стр. 74—81.

Штелина, въ сборн. „Утро“, 1868, кн. III, стр. 362). Г. Н. Тепловъ находился въ Ропшинскомъ дворцѣ 6 іюля 1762, вмѣстѣ съ Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ и княземъ Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Борятинскимъ, когда произошла кончина Петра III. Тогда же принятъ онъ былъ на службу и получилъ единовременно 20.000 рублей (Русск. Арх.. 1864, изд. 2, стр. 404). Съ этихъ поръ сталъ онъ отставать отъ Разумовскаго и хотя продолжалъ давать ему совѣты, но не въ пользу ему. Онъ сдѣлался клевретомъ Орловыхъ и сталъ дѣятельно заниматься важными государственными дѣлами на глазахъ у самой императрицы. Внушеніями же своими довелъ онъ Разумовскаго до того, что послѣдній сталъ мечтать объ учрежденіи наслѣдственнаго въ своемъ семействѣ достоинства гетмана Малороссіи, что и было причиною совершеннаго упраздненія этого званія въ 1764 году („Семейство Разум.“, соч. Васильч. стр. 218—221). Между тѣмъ, Тепловъ все болѣе и болѣе возвышался по службѣ. Съ 1762 года онъ сдѣлался членомъ Коммиссіи о духовныхъ имѣніяхъ; 1 апрѣля 1763 опредѣленъ быть „у собственныхъ дѣлъ ея величества и у принятія челобитенъ“ и затѣмъ вскорѣ членомъ Коммиссіи о комерціи. 22 сентября 1765 получилъ онъ анненскую ленту; въ 1767 году чинъ тайнаго совѣтника, потомъ былъ онъ сдѣланъ почетнымъ опекуномъ петербургскаго воспитательнаго дома (Соч. Ф.-Виз., изд. Ефр., стр. 405), а въ 1775 іюля 10 пожалованъ александровскою лентою и званіемъ сенатора (Слов. дост. люд. Б. Кам., 1836, ч. V, стр. 136; Ист. Собр. спис. Кав. чет. Рос. Имп. Орд.. его же, стр. 224 и 304; Адр. календ. 1767, стр. 11, 121 и 122). Г. Н. Тепловъ преподавалъ одно время политическія науки наслѣднику престола Павлу Петровичу (Russ. Günstl., стр. 316), въ общество котораго онъ допускаемъ былъ часто еще во время его малолѣтства (Зап. Порошина). Г. Н. Тепловъ былъ почетнымъ членомъ Академій Наукъ и Художествъ и ученой Мадритской (Слов. Б. Кам., 1836, ч. V, стр. 137). Г. Н. Тепловъ написалъ, „Каталогъ Кабинета естественной исторіи“, „Россійскую географію для Ѳеофановой семинаріи и перевелъ сатиры Кантемира на латинскій языкъ“; но послѣдніе два труда его не изданы (Ibid., и Сл. митр. Евг., ч. II, стр. 207). Кромѣ того имъ сочинено множество важныхъ проектовъ, постановленій и пр. по разнымъ частямъ. У Г. Н. Теплова служилъ секретаремъ Ѳедоръ Васильевичъ Ушаковъ, котораго Екатерина II называла его «вскормленникомъ» (Русск. Арх., 1864, стр. 446) и который учился потомъ въ Лейпцигѣ съ извѣстнымъ Радищевымъ, написавшимъ его біографію („XVIII Вѣкъ“, кн. II, стр. 296). Познанія и занятія Г. Н. Теплова были весьма разнородны. Онъ много занимался, напримѣръ, музыкой, а также домоводствомъ, строительствомъ, садоводствомъ и лѣснымъ хозяйствомъ въ превосходномъ и большомъ имѣніи своемъ селѣ Молодовомъ, Орловской губерніи, Карачевскаго уѣзда, гдѣ цѣлъ донынѣ огромный каменный его домъ съ обширными службами, садомъ, превосходными фамильными портретами, старинной утварью, большимъ архивомъ и библіотекою, достойною просвѣщеннаго человѣка той эпохи, въ чемъ я имѣлъ случай лично удостовѣриться, посѣщая живущаго тамъ нынѣ родного внука его, Григорія Алексѣевича Теплова. Въ

1763 году Г. Н. Тепловъ снялъ, какъ мнѣ извѣстно, съ Васиіемъ Андреевичемъ Гудовичемъ, табачную монополію въ Малороссіи, выданную при Елизаветѣ графу Шувалову, и много способствовалъ разведенію тамъ разныхъ сортовъ табаку, что̀ было поручено ему самою императрицею (Сл. св. пис. Евг., ч. II, стр. 207). Г. Н. Тепловъ не даромъ заслужилъ славу одного изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени. Онъ скончался 30 марта 1779 года. Онъ былъ женатъ два раза: 1) на шведкѣ, имя которой мнѣ неизвѣстно. Она умерла въ 1752 году. Отъ нея были у него, если не ошибаюсь, только дочери. Старшая изъ нихъ, Анна Григорьевна, была за полковникомъ Семеномъ Александровичемъ Неплюевымъ (Р. Арх., 1869, стр. 217). 2) На Матренѣ Герасимовнѣ Стрѣшенцовой, двоюродной племянницѣ гетмана Разумовскаго (г. Васильчиковъ въ своемъ изслѣдованіи „Семейство Разумовскихъ", стр. 120, въ примѣчаніи говоритъ, что въ 1752 году умерла вторая жена Теплова; но это могло бы быть справедливо только тогда, если бы шведка, упомянутая выше, была не первою, а второю его женою, а Стрѣшенцова третьею, ибо сія послѣдняя, по показанію самого же автора на стр. 156, была жива еще въ 1757 году). М. Г. Теплова была одно время, именно въ 1756—1757 году, предметомъ страсти наслѣдника престола Петра Ѳедоровичà (Mém. de l'Imp. Cath. II, p. 248, 250, 276). Отъ второго брака Г. Н. Тепловъ имѣлъ сына Алексѣя Григорьевича, который учился съ 1765 года за границей и слушалъ, между прочимъ, лекціи въ лейпцигскомъ университетѣ, былъ тоже отличный музыкантъ и человѣкъ весьма просвѣщенный, и умеръ въ 1826 году тайнымъ совѣтникомъ и сенаторомъ (Слов. дост. люд., Б. Кам., 1836, ч. V, стр. 137 и Русск. Арх., 1866, стр. 315). Три сына сего послѣдняго находятся нынѣ въ живыхъ.

Отдѣльно изданные труды Г. Н. Теплова суть слѣдующіе:

1. Ода на новый 1738 годъ. Спб. 1738 (Соп., № 7014 у Пл. и См. нѣтъ). Я полагаю, что это есть отдѣльное изданіе русскаго перевода, сдѣланнаго Тепловымъ съ латинской оды Тауберта, помѣщенной въ „Примѣчаніяхъ къ Академическимъ Вѣдомостямъ" и упоминаемой въ „Сборникѣ матеріаловъ для ист. имп. Ак. Наукъ" г. Куника, ч. I, стр. 83, прим.

2. Рѣчи, которыя читаны были въ публичномъ собраніи Санктпетербургской Академіи Наукъ 29 апрѣля 1742. Пер. съ латинскаго. Спб. 1742 (Соп., № 9963, Пл. нѣтъ, Смирд. № 10,429).

3. Регламентъ Императорской Академіи Наукъ и Художествъ. Спб. 1747 (Соп., № 9712, безъ имени автора, указаннаго у Евг., ч. I, стр. 206; у Пл. и Смирд. нѣтъ).

4. Знанія, касающіяся вообще до философіи, для пользы тѣхъ, которые о сей матеріи иностранныхъ книгъ читать не могутъ. Спб. 1751 (Соп., № 4305; у Пл. и Смирд. нѣтъ).

5. О засѣвѣ разныхъ табаковъ чужестранныхъ въ Малой Россіи. Спб. 1763 (У Соп., Пл. и Смирд. нѣтъ. Евг. указываетъ, что это оттиски статьи изъ „Ежемѣсячныхъ сочиненій" 1763 года; см. Слов. св. пис., ч. II, стр. 206).

6. **Письмо Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Теплова къ Президенту и Собранію Санктпетербургской Академіи Наукъ.** Спб. 1765 (Соп., № 8208; у Пл. и См. нѣтъ).

7. **Наставленіе сыну.** Спб. 1768 (у Соп., № 6578; у него показанъ 1760 годъ, но у митр. Евг. показанъ 1768 и это должно быть вѣрно, принимая въ разсчетъ лѣта сына Теплова и время отправленія его за границу для обученія; у Плав. и См. нѣтъ).

8. **Птичій дворъ.** Спб. 1774 (у Соп., Пл., и См. нѣтъ; указано у Евг., ч. II, стр. 207).

9. **Разсужденіе о врачебной наукѣ, которую называютъ докторствомъ.** Спб. 1774 (Соп., № 9557; тутъ оно обозначено сочиненіемъ Н. Т. Но Евг., ч. II, стр. 207, говоритъ, что это сочиненіе Г. Н. Теплова, бывшаго недовольнымъ врачами, лечившими его безъ пользы и показываетъ, что оно напечатано въ Москвѣ. У Пл. и См. нѣтъ).

XI.

Иванъ Перфильевичъ Елагинъ.

И. П. Елагинъ, рожденіе котораго біографы относятъ къ 1725 году, происходилъ изъ рода, выѣхавшаго въ половинѣ XIV вѣка изъ Германіи (Слов. дост. люд. Б. Кам., 1847, ч. II, стр. 10). Онъ поступилъ въ 1738 году въ кадетскій корпусъ и былъ выпущенъ оттуда въ 1743 году съ чиномъ прапорщика (Мат. Ефр., стр. 201). Есть показаніе, что онъ служилъ въ началѣ секретаремъ лейбъ-кампаніи и имѣя мало дѣла, занялся изученіемъ французскаго и нѣмецкаго языковъ и разныхъ наукъ, къ чему имѣлъ блестящія способности, а между тѣмъ успѣлъ какъ-то познакомиться съ нѣкоторыми знатными людьми (Russ. Günstl., стр. 354). Онъ вскорѣ полюбился начальнику лейбъ-кампаніи, любимцу Елизаветы, графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому, у котораго въ 1750 году мы видимъ его адъютантомъ и уже женатымъ на бывшей камеръ-юнгферѣ императрицы (Mém. de l'Imp. Cath. II, p. 151). Онъ сдѣлался въ это время неразлучнымъ другомъ и менторомъ товарища своего по службѣ, Никиты Аѳанасьевича Бекетова (род. 8 сентября 1729, ум. 9 іюля 1794), новаго любимца императрицы. Оба они занимались стихотворствомъ, писали пѣсеньки, клали ихъ на музыку и заставляли придворныхъ пѣвчихъ пѣть свои произведенія; изъ этого выведена была гнусная сплетня съ цѣлью погубить Бекетова, который въ 1751 году и былъ удаленъ отъ двора и переведенъ въ армію (Mém. de l'Imp. Cath. II, p. 161). И. П. Елагинъ продолжалъ служить успѣшно, пользуясь покровительствомъ нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ и въ томъ числѣ, вѣроятно родственника своего, гофмейстера Андреяна Елагина, умершаго въ 1755 году (Слов. дост. люд. Б. Кам., 1847, ч. II, стр. 10). Къ пятидесятымъ годамъ должны быть отнесены главные стихотворные опыты Елагина, неизданные, но высоко цѣнившіеся современниками, такъ, что они когда-то ходили по рукамъ въ многочисленныхъ спискахъ (Мат. Ефр., стр. 36 и 136). У меня была, между прочимъ, оставшаяся, кажется, въ рукахъ С. Д. Полторацкаго, старинная ру-

копись, заключавшая въ себѣ знаменитую оду Пирона „Къ Пріапу“ („Ode à Priape“), съ стихотворными переводами оной И. П. Елагина и Баркова, „texte en regard.“ Къ этому же времени должно отнести первую рукописную полемику И. П. Елагина съ Сумароковымъ и стихотворныя перебранки съ нимъ Ломоносова, Сукина и другихъ (Библ. зап., 1859, № 15, стр. 449—460). Съ 1757 года И. П. Елагинъ сдѣлался довѣреннымъ лицомъ въ петербургскихъ интригахъ князя Понятовскаго и сторонникомъ великой княгини Екатерины Алексѣевны (Russ. Günstl., стр. 354). Когда въ февралѣ 1758 года арестованъ былъ канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ, заподозрѣнный въ сообществѣ съ фельдмаршаломъ Степаномъ Өедоровичемъ Апраксинымъ, въ заговорѣ въ ея пользу, И. П. Елагинъ былъ тоже взятъ подъ стражу, какъ участникъ въ этомъ многосложномъ дѣлѣ, вмѣстѣ съ Василіемъ Евдокимовичемъ Ададуровымъ и брилліантщикомъ Бернгарди (Mém. de Cath. II, p. 311; здѣсь это событіе ошибочно отнесено къ 1759 году и сдѣлана, кромѣ того, опечатка: Елагинъ названъ „Телѣгинымъ“). Говорятъ, что дѣло это кончилось для И. П. Елагина ссылкою въ Казанское его имѣніе, гдѣ оставилъ его въ изгнаніи и Петръ III, знавшій причины его удаленія Елизаветою, и что только Екатерина II вызвала его ко двору, немедленно по своемъ воцареніи (Russ. Günstl., стр. 354). До восшествія ея на престолъ, И. П. Елагинъ имѣлъ уже чинъ полковника. (Мат. Ефр., стр. 201). По воцареніи Екатерины, И. П. Елагинъ, несмотря на то, что Орловы не очень къ нему благоволили (Слов. дост. люд. Б. Кам., 1847, ч. II, стр. 11), вѣроятно какъ къ бывшему довѣренному лицу Понятовскаго, былъ щедро награжденъ за свою ей преданность, и какъ человѣкъ умный и просвѣщенный часто былъ, допускаемъ въ общество малолѣтнаго наслѣдника престола (см. Зап. Порошина), а императрица говорила о немъ, что онъ „хорошъ безъ пристрастія“ (Слов. дост. люд. Б. Кам., 1847, ч. II, стр. 12). И. П. Елагинъ былъ опредѣленъ тогда же, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ кабинетѣ „при собственныхъ ея величества дѣлахъ, у принятія челобитенъ“, а также членомъ дворцовой канцеляріи и коммиссіи о винѣ и соли, въ каковыхъ званіяхъ находимъ его еще въ 1767 году (Ibid., стр. 10; Адр. Кал., 1767, стр. 11, 103 и 123). Въ это время получилъ онъ польскую ленту Бѣлаго Орла. Ему принадлежитъ переводъ 1 и 4 главъ Мармонтелева „Велизарія“, который переводился Екатериною и ея приближенными во время плаванія по Волгѣ въ 1767 году (Двор. и замѣч. люди, ч. I, стр. 67. Ibid. стр. 11). Въ іюлѣ 1768 онъ пересталъ быть у принятія челобитенъ, но оставаясь зачисленнымъ по кабинету, пожалованъ тайнымъ совѣтникомъ, сенаторомъ 1-го департамента и главнымъ директоромъ надъ спектаклями и придворной музыкой (Соч. Ф.-Физ., изд. Ефр., стр. 394). Съ 8 октября 1763 по декабрь 1769 при немъ служилъ секретаремъ славный Фонъ-Визинъ (Ibid., стр. XV и XX), и въ такой же должности былъ при немъ другой комикъ, Владиміръ Игнатьевичъ Лукинъ (бывшій въ безпрерывныхъ ссорахъ съ своимъ товарищемъ (Ibid.). Въ 1773 году И. П. Елагинъ пожалованъ былъ гофмейстеромъ, и (не имѣя анненской ленты) прямо александровскимъ кавалеромъ (Слов.

дост. люд. Б. Кам., 1847, ч. II, стр. 11). Онъ оставался управляющимъ театрами и придворной музыкой до 14 февраля 1786 года (Лѣтоп. русск. театра, Арапова, стр. 93). Имъ отправленъ былъ, въ 1767 году, за границу актеръ Дмитревскій для того, чтобы набрать для Петербурга новую французскую труппу (Русск. Арх., 1867, стр. 95); при немъ учрежденъ въ 1774 году русскій публичный театръ, основано въ 1779 году, по плану помощника его Василія Ильича Бибикова, театральное училище и открытъ въ 1783 году вновь отстроенный Тишбейномъ Большой Петербургскій театръ въ Коломнѣ (Ibid., стр. 85 и 89). Въ 1788 году И. П. Елагинъ пожалованъ былъ оберъ-гофмейстеромъ, чѣмъ и заключилась его служебная карьера (Слов. дост. люд. Б. Кам., 1847, ч. II, стр. 11).

О нѣкоторыхъ чертахъ характера Елагина см. у Бантыша-Каменскаго (Ibid.), Жихарева (От. Зап., 1855, № 9, отд. I, стр. 133) и Пекарскаго (Мат. для ист. лит. и журн. дѣят. Екат. II, стр. 22).

И. П. Елагинъ игралъ значительную роль въ русскомъ масонствѣ, къ которому принадлежалъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ. Въ петербургской великой провинціальной ложѣ англійской системы, открытой 22 мая 1770, онъ первый получилъ званіе великаго мастера, съ подчиненіемъ лондонской ложѣ-матери (Новик. и Моск. Март., стр. 94). Въ началѣ 1776 года ложи Елагинской системы соединились съ ложами, основанными въ Петербургѣ по системѣ Циннендорфской и бывшими подъ управленіемъ нѣкоего Рейхеля, при чемъ и тѣ и другія приняли названіе „Соединенныхъ ложъ“ и подчинились берлинской главной ложѣ „Минерва“ (Ibid., стр. 103). Затѣмъ лѣтомъ и осенью 1777, И. П. Елагинъ принималъ участіе въ введеніи русскаго масонства въ организацію шведской масонской системы „строгаго наблюденія“ („XVIII Вѣкъ“, кн. II, стр. 370). Онъ такъ увлекался одно время тайными науками, что былъ горячимъ адептомъ извѣстнаго Каліостро, который, въ бытность свою въ Петербургѣ въ 1779—1780 годахъ, даже жилъ, кажется, въ его домѣ (Новик. и Моск. Март., стр. 133). Послѣ И. П. Елагина осталось множество масонскихъ книгъ и рукописей (Дополн. къ ист. масонства въ Россіи, Пекарск., стр. 22 и далѣе). Уже въ восьмидесятыхъ годахъ писалъ онъ недавно напечатанную любопытную, но къ сожалѣнію не конченную, записку о масонствѣ, преимущественно русскомъ (Русск. Арх., 1864, изд. 2, стр. 586).

Говорятъ, что И. П. Елагинъ, такъ же какъ Храповицкій, былъ сотрудникомъ Екатерины II по нѣкоторымъ ея литературнымъ произведеніямъ, слагалъ иногда стихи для ея комедій и пр. (Соч. Держ., изд. Грота, т. I, стр. 134). Есть указаніе, что онъ когда-то перевелъ всѣ комедіи Детуша (Мат. Ефр., стр. 136); но едва ли это вѣрно, или же переводы эти не были напечатаны, ибо изданные старинные переводы Детуша принадлежатъ А. А. Нартову (Соп. №№ 5569 и 5572). И. П. Елагину принадлежитъ неизданный переводъ французской комедіи „Jean de France“ (у митр. Евг., ч. I, стр. 211, она названа „Жанъ де Моле“), игранный 17 октября 1765 года и заслужившій похвалу императрицы (Зап. Порош., стр. 465). Споры И. П. Елагина съ Сумароковымъ не прерывались и въ это время, и доходило

до того, что за столомъ у наслѣдника воспитателю его, графу Н. И. Панину приходилось, не шутя, разнимать ихъ (Русск. Арх., 1869, стр. 26). И. П. Елагинъ былъ главою славянофиловъ своего времени и писалъ иногда почти по-славянски; Фонъ-Визинъ въ началѣ слѣдовалъ ему, употребляя много славянскихъ словъ и „кадансированную прозу", а другіе его послѣдователи были: М. Поповъ, И. С. Захаровъ, Якимовъ, Пахомовъ и Сидоровскій (Взглядъ на мою жизнь, И. И. Дмитр., стр. 85). На старости, именно въ 1790 году, И. П. Елагинъ началъ писать свой „Опытъ повѣствованія о Россіи", доведенный до 1389 года (Сл. св. пис. Евг., ч. I, стр. 211). Слогъ Елагина считался многими за образцовый и ставился ими выше прозы Ломоносова (Мат. Ефр., стр. 136). Онъ былъ членомъ Россійской Академіи съ самаго ея основанія, 21 октября 1783 (Имян. спис. дѣйств. и поч. чл. Имп. Рос. Ак. по 1836 годъ, стр. 4) и Лейпцигскаго Ученаго Общества (Сл. Евг., ч. II, стр. 211).

И. П. Елагинъ умеръ 22 сентября 1796 года (по нѣкоторымъ указаніямъ 1793 года; но это кажется невѣрно). Сыновей онъ, кажется, не имѣлъ. Средняя дочь его была съ 1766 года замужемъ за Николаемъ Ивановичемъ Бутурлинымъ (Соч. Ф.-Виз. изд. Ефр., стр. 390). Другая дочь его, Марья Ивановна, умерла въ дѣвицахъ, въ 1774 году (Соч. Сумар., изд. 2, ч. IX, стр. 90).

Отдѣльно изданныя произведенія Елагина суть слѣдующія:

1. Приключенія Маркиза Г., или жизнь благороднаго человѣка, оставившаго свѣтъ, соч. Аббата Прево. Пер. съ фр. 9 частей. Спб. 1756 — 1765 (Соп., № 8981; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 9275. Изд. 2-е, 6 частей, Спб. 1780; Соп. № 8982; Пл., № 4706; у Смирд. нѣтъ. Изд. 3-е, 6 частей, Спб., 1793: Соп. № 8983; у Пл. нѣтъ; у См. № 9275 названо 2-мъ изданіемъ и показано 8 частей; но части 7 и 8 суть присовокупленный къ этой въ 1790 году переводъ неизвѣстнаго повѣсти Прево „Исторія Маноны Леско; см. Соп., № 8984. Первыя четыре части „Маркиза Г." переведены И. П. Елагинымъ, а двѣ послѣднія — секретаремъ его В. И. Лукинымъ; см. соч. Лукина, изд. Ефр., стр. XI).

2. Безбожный, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Браве. Пер. съ нѣм., въ прозѣ. Спб. 1771. (Соп., № 11862; у Пл. и См. нѣтъ. Изд. 2-е, у Соп., № 11,863, подъ 1787 годомъ; у Пл., № 6122, подъ 1786 и 1787 годами; у Смирд., № 6870 показано 1-е изданіе 1786, а 2-е изданіе 1787 года).

3. Мизантропъ, или Нелюдимъ, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Мольера, пер. съ фр., въ прозѣ. М. 1788 (Соп., № 5451; № 5722; у См. нѣтъ. „Въ Драм. Слов.", 1787 года, стр. 79 сказано, что этотъ переводъ сдѣланъ въ 1757 году и игрался на сценѣ; но вѣроятно до 1788 года онъ не былъ напечатанъ).

4. Опытъ повѣствованія о Россіи; часть I, въ 3 книгахъ. М. 1803 (Соп., № 7859; Пл. № 2701; См., № 2412. Напечатана послѣ смерти автора и доведена до кончины Владиміра I Святославича. Всего написано было авторомъ 5 частей въ 15 книгахъ по 1389 годъ; послѣднія четыре части сохранились въ рукописи; см. Слов. св. пис. митр. Евг., ч. I, стр. 212). М. Н. Лонгиновъ.

—

Евгеній Абрамовичъ Баратынскій по бумагамъ Пажескаго е. и. в. Корпуса. Перечитывая наши свѣдѣнія о жизни русскихъ замѣчательныхъ людей, мы постоянно должны сознаваться въ неполнотѣ, неточности, а часто и въ невѣрности этихъ свѣдѣній; такъ что очень рѣдко удается безъ видимой натяжки объяснить внѣшнюю дѣятельность этихъ людей вліяніемъ жизненной обстановки. Этотъ недостатокъ особенно замѣтенъ тамъ, гдѣ онъ вредитъ всего болѣе — въ жизнеописаніяхъ нашихъ писателей. Не говоря уже о писателяхъ второстепенныхъ, въ жизни первоклассныхъ авторовъ для насъ много тёмнаго, загадочнаго: чаще мы знаемъ только внѣшнюю сторону ихъ жизни, внутренняя же едва отрывочно долетаетъ до насъ по сохранившейся перепискѣ или по воспоминаніямъ лицъ, близко знавшихъ писателя. Но на послѣдній источникъ, къ несчастію, не всегда можно смѣло положиться: даже и крупныя внѣшнія событія, имѣвшія сильное вліяніе на дальнѣйшее развитіе замѣчательнаго лица, иногда, по разнымъ причинамъ, передаются ими несовсѣмъ вѣрно, и мы, такимъ образомъ, лишаемся возможности сдѣлать истинную оцѣнку какъ событія, такъ и самой личности писателя въ данную эпоху его жизни. Это все случилось и съ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ писателей пушкинскаго періода — съ Евгеніемъ Абрамовичемъ Баратынскимъ.

Поэтъ, отвергшій истину изъ боязни, чтобы „узнавъ людей“ не разлюбить „и ближныхъ и друзей“,—сказавшій, «что смотритъ съ тоской на самую радость», — которому

> «Все мнится, счастливъ я ошибкой
> И не къ лицу веселье мнѣ»

и говорившій на одну и туже тему впродолженіе всей своей жизни, долженъ былъ глубоко страдать.

Самъ Баратынскій и всѣ писавшіе о немъ единогласно показываютъ, что одной изъ важнѣйшихъ причинъ этихъ страданій было пребываніе поэта въ пажескомъ е. и. в. корпусѣ и печальное приключеніе, повлекшее за собою исключеніе Баратынскаго изъ этого заведенія.

До того времени, когда въ „Русскомъ Архивѣ“ (1868 г. стр. 147) обнародовано было письмо Евгенія Абрамовича къ Жуковскому, въ обществѣ ходили объ этомъ происшествіи разнородные толки. Теперь, благодаря этому письму, мы имѣемъ объ этомъ печальномъ проступкѣ разсказъ самого Баратынскаго вмѣстѣ съ его личнымъ взглядомъ на фактъ и съ причинами, его вызвавшими.

Но сличая это письмо съ оффиціальными бумагами, хранящимися въ канцеляріи пажескаго е. и. в. корпуса, я замѣтилъ, что, несмотря на всю кажущуюся искренность и задушевность, это письмо нѣсколько несогласно съ оффиціальными свѣдѣніями. Это едвали не будетъ понятно, если мы припомнимъ, что цѣль письма Баратынскаго къ Жуковскому — сообщить данныя, на основаніи которыхъ послѣдній могъ бы ходатайствовать о прощеніи Баратынскаго.

Пятьдесятъ три года прошло со времени исключенія Баратынскаго изъ пажескаго корпуса, двадцать пять лѣтъ со дня его кончины; редакція „Русскаго Архива“ собрала матеріалы для полной

біографіи поэта *); а между тѣмъ въ напечатанныхъ свѣдѣніяхъ о проступкѣ Баратынскаго и объ его жизни въ пажескомъ корпусѣ встрѣчаются невѣрности, которыя, вошли и въ обѣщанную „Рус. Арх." біографію. Вотъ что̀ заставило меня написать эту замѣтку.

Бумагами пажескаго Е. И. В. корпуса исправляется, во-1-хъ, ошибка въ возрастѣ Евгенія Абрамовича во время печальнаго событія.

Въ письмѣ къ Жуковскому Баратынскій относитъ это къ 14-тилѣтнему возрасту, говоря: „Вспомните, что въ то время не было ему 15-ти лѣтъ". Тоже самое повторили Н. В. Путята, М. Н. Лонгиновъ. Жуковскій въ письмѣ къ князю Алек. Никол. Голицыну даже самую „выписку" Баратынскаго изъ корпуса, относитъ на цѣлый годъ раньше дѣйствительной (1815 вм. 1816-го).

Въ спискахъ пажей е. и. в. корпуса и приказахъ по корпусу значится, что Евгеній Баратынскій, сынъ генералъ-лейтенанта, опредѣленъ въ пажескій корпусъ высочайшимъ указомъ 7-го сентября 1810 года съ оставленіемъ въ домѣ родителей; въ корпусъ явился въ концѣ декабря 1812 г., и зачисленъ пансіонеромъ на своемъ содержаніи въ отдѣленіи штабсъ-капитана Кристофовича; во всеподданнѣйшемъ рапортѣ главнаго директора пажескаго и кадетскихъ корпусовъ, генералъ-лейтенанта Клингера, поданномъ государю 22 февраля 1816 г., съ изложеніемъ проступка Баратынскаго, показано послѣднему 16-ть лѣтъ; исключенъ изъ пажескаго корпуса, по высочайшему повелѣнію, 15 апрѣля 1816 года (Баратынскій родился въ сентябрѣ, т.-е.. ему было тогда 16 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ).

Баратынскій, обвиняя въ несправедливости къ нему начальника того отдѣленія, въ которое поступилъ, приписываетъ ему первую причину своего несчастія. Онъ говоритъ, что вскорѣ по поступленіи его въ корпусъ, начальники стали смотрѣть на него, какъ на негодяя, и что это-то заставило его сказать самому себѣ: „буду же шалуномъ на самомъ дѣлѣ". Вотъ его слова о первомъ годѣ корпусной жизни:

«Начальникомъ моего отдѣленія былъ тогда нѣкто Кр—вичъ (онъ теперь уже покойникъ, чѣмъ на бѣду мою еще не былъ въ то время), человѣкъ во всемъ ограниченный, кромѣ страсти своей къ вину. Онъ не полюбилъ меня съ перваго взгляда, и съ перваго же дня вступленія моего въ корпусъ уже обращался со мною, какъ съ записнымъ шалуномъ. Ласковый съ другими дѣтьми, онъ былъ особенно грубъ со мною. Несправедливость его меня ожесточила: дѣти самолюбивы не менѣе взрослыхъ; обиженное самолюбіе требуетъ мщенія, и я рѣшился отмстить ему. Большими каллиграфическими буквами (у насъ былъ порядочный учитель каллиграфіи *) написалъ я на лоскуткѣ бумаги пьяница, и прилѣпилъ его къ широкой спинѣ моего непріятеля. Къ несчастію нѣкоторые изъ моихъ товарищей видѣли мою шалость и, какъ по нашему говорится, на меня доказали. Я просидѣлъ три дня подъ арестомъ, сердясь на самого себя и проклиная Кр—ча». (Письмо къ Жук., Русск. Ар. 1868 г., № 1).

Какъ ни кажется естественнымъ и искреннимъ это признаніе въ шалости и указаніе корня дальнѣйшихъ проказъ Баратынскаго, но я

---

*) См. новое изданіе соч. Баратынскаго. 1868 г. стр. 391—519.

**) Учителемъ каллиграфіи былъ тогда титул. совѣт. Станкевичъ. Пр. Мако.

позволяю себѣ думать, что если и была эта шалость и трехдневный арестъ, то далеко не въ первые мѣсяцы корпусной жизни Евгенія Абрамовича.

Сохранившіеся ежемѣсячные кондуитные списки пажей показываютъ, что Баратынскій былъ аттестованъ въ первый разъ своимъ отдѣленнымъ начальникомъ, штабсъ-капитаномъ Кристофовичемъ, къ 1 марта 1813 года, слѣдующимъ образомъ:

„Баратынскій — 13 лѣтъ, вступилъ въ корпусъ 1812 года, поведенія хорошаго, нрава хорошаго, опрятенъ, штрафованъ не былъ, греческаго закона, 4-го класса". Такая аттестація была въ то время самою лучшею въ 4-мъ классѣ и изъ отдѣленія въ 30 человѣкъ, въ которомъ былъ Баратынскій, ее заслужили только 18 пажей.

Такой отзывъ Кристофовича о Баратынскомъ повторяется неизмѣнно до 1 іюля 1813 года. Съ 1 іюля 1813 по 1 февраля 1814 года кондуитныхъ списковъ пажей въ корпусѣ не сохранилось и потому можно бы думать, что описанная шалость и наказаніе Баратынскаго именно и случились въ это время. Но вскорѣ послѣ іюля Кристофовичъ заболѣлъ и высочайшимъ указомъ 15 окт. уже уволенъ отъ службы за болѣзнію капитаномъ, съ мундиромъ. Баратынскій попалъ въ отдѣленіе капитана Мацнева, который измѣняетъ аттестацію о Баратынскомъ, сдѣланную Кристофовичемъ только тѣмъ, что пишетъ: вмѣсто нрава хорошаго — нрава добраго, и показываетъ его уже въ 3-мъ классѣ. Эта аттестація, повторяемая Мацневымъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ до 1 сентября 1814 года, заставляетъ предположить, что и въ промежутокъ отъ 1 іюля 1813 до 1 февраля 1814 года никакой крупной шалости не было замѣчено за Баратынскимъ, иначе едвали бы онъ такъ скоро снова заслужилъ такіе отзывы. Капитанъ Мацневъ страдалъ чахоткой, и 1 сентября пажей его отдѣленія аттестуетъ капитанъ Десимонъ, повторившій тотъ же благопріятный отзывъ о Баратынскомъ. Въ этотъ-то сентябрь и произошла рѣзкая перемѣна въ отзывахъ о немъ; къ 1 октября Десимонъ отзывается о Баратынскомъ, что онъ „поведенія и нрава дурнаго", но и въ этотъ мѣсяцъ Евгеній Абрамовичъ подъ штрафомъ не былъ. Къ 1 ноября Мацневъ нѣсколько оправившись отъ болѣзни, аттестуетъ Баратынскаго поведенія и нрава дурнаго и бывшимъ подъ штрафомъ. Такимъ образомъ, это случилось въ самомъ концѣ второго года корпусной жизни Евгенія Абрамовича. Къ 1 декабря Десимонъ показываетъ, что поведеніе его поправляется, а нрава онъ изряднаго, штрафованъ не былъ. Тоже самое идетъ вплоть до марта 1815 года, когда Баратынскій аттестованъ Десимономъ примѣрнымъ по поведенію и нраву; но къ 1 мая снова только изряднаго поведенія; за слѣдующіе три мѣсяца — поправляется; за августъ поправляется поведеніемъ, нрава скрытнаго и былъ штрафованъ. Такъ продолжается до 1 февраля 1816 года, разница только въ томъ, что „былъ штрафованъ", „не былъ штрафованъ" — это идетъ періодически черезъ мѣсяцъ. Къ 1 марта Баратынскій показанъ уже „нечислящимся въ числѣ пажей".

Изъ этой выписки видно, что если и дѣйствительно сдѣлана была Баратынскимъ разсказанная шалость (въ чемъ, повторяю, сильно сомнѣваюсь), то во всякомъ случаѣ онъ не могъ жаловаться на то, будто бы вслѣдствіе этой шалости онъ, еще не сдѣлавшись шалуномъ, былъ уже негодяемъ во мнѣніи своихъ начальниковъ. Не забудемъ, что до іюля офицеръ, на несправедливость котораго онъ жалуется и котораго называетъ своимъ непріятелемъ, отзывается о немъ вполнѣ удовлетворительно и ни разу не подвергаетъ взысканію, а 15 окт. этотъ офицеръ уже уволенъ высочайшимъ указомъ по болѣзни, слѣдов. дѣйствительно оставилъ службу не позднѣе конца августа; двое новыхъ начальниковъ продолжаютъ аттестовать Баратынскаго хорошо, чего не могло бы быть, еслибы Баратынскій сдѣлалъ такую шалость, которая заставила бы начальство смотрѣть на него, какъ на негодяя. Только по истеченіи почти двухъ лѣтъ съ своего опредѣленія въ корпусъ Баратынскій показанъ дурнымъ по поведенію и нраву, но и эту аттестацію его начальники черезъ два мѣсяца замѣняютъ „поправляется“, а далѣе ставятъ его примѣрнымъ по поведенію. Это лучше всего оправдываетъ послѣдующіе отзывы о Баратынскомъ, что онъ былъ нрава скрытнаго, что̀ и подтверждаетъ самъ Баратынскій въ письмѣ къ Жуковскому, когда говоритъ о составленномъ имъ обществѣ тайныхъ мстителей, имѣвшее цѣлію сколько возможно мучить своихъ начальниковъ. Это общество, по словамъ Баратынскаго, составилось изъ пяти человѣкъ. Изъ дѣла о Баратынскомъ видно, что онъ находился преимущественно въ дружескихъ отношеніяхъ изъ своего отдѣленія съ пажами Ханыковымъ 3-мъ и Приклонскимъ, и изъ отдѣленія капитана Гине съ пажами двумя братьями Креницыными.

Въ январѣ 1816 года Баратынскому и старшему Креницыну было по 16-ти лѣтъ, Ханыкову и Креницыну 2-му по 15-ти, Приклонскому 14 лѣтъ; аттестованы они были:

Баратынскій — поведеніемъ поправляется, нрава скрытнаго.

Ханыковъ 3-й — поведенія изряднаго, нрава веселаго.

Приклонскій — повед. шалливаго, нрава веселаго и упрямаго; невсегда опрятенъ.

Креницыны оба — повед. посредственнаго, нрава вспыльчиваго.

Такъ составленное общество, поставившее цѣлію своего существованія вражду къ начальству, выражавшуюся обрѣзываніемъ фалдъ офицерамъ, прибиваніемъ къ окнамъ шляпъ учителей, всыпаніемъ шпанскихъ мухъ въ табакерку инспектора *), усвоило себѣ, какъ говоритъ Баратынскій, старокадетскій взглядъ на собственность; взглядъ, по которому, продолжая словами Евгенія Абрамовича, только то называется кражею, что похищается у своихъ, а остальное почитаютъ законнымъ пріобрѣтеніемъ (des bonnes prises). Такое воззрѣніе и было причиной катастрофы, разсказанной самимъ Баратынскимъ въ письмѣ къ Жуковскому. Чтобы

*) Полковникъ Одесіонъ. Прим. Максимова.

возстановить вполнѣ это печальное событіе, я приведу всеподданнѣйшій рапортъ главнаго директора пажескаго и кадетскихъ корпусовъ генералъ-лейтенанта Клингера, представленный императору Александру кн. А. Н. Голицынымъ:

«Его императорскому величеству генералъ-лейтенанта Клингера всеподданнѣйшій рапортъ.

Пажескаго вашего императорскаго величества корпуса пажи Ханыковъ и Баратынскій, по прежнему дурному поведенію изъ корпуса, къ родственникамъ ихъ, не отпускались. По замѣченному же въ нихъ раскаянію и исправленію въ поведеніи, начальство корпуса къ поощренію ихъ къ дальнѣйшему исправленію, желая изъявить имъ, что прошедшіе ихъ проступки предаетъ забвенію, рѣшилось отпустить ихъ къ родственникамъ на масляницу; но они вмѣсто того, чтобы идти къ родственникамъ съ присланными за ними людьми, съ коими изъ корпуса отпущены были, пошли къ каммергеру Приклонскому, по знакомству ихъ съ сыномъ его пажемъ Приклонскимъ, и вынули у него изъ бюро черепаховую въ золотой оправѣ табакерку и 500 рублей ассигнаціями. Директоръ корпуса *), коль скоро о семъ узналъ, послалъ гофмейстера на придворный прачечный дворъ къ кастеляншѣ Фрейгангъ, у которой по порученности отъ матери находились, по случаю масленицы, два пажа Креницыны, у коихъ, по извѣстной по корпусу между ними связи, предполагали найти и упомянутыхъ пажей Ханыкова и Баратынскаго, какъ дѣйствительно и оказалось.

Пажи сіи по приводѣ ихъ въ корпусъ, посажены будучи подъ арестъ въ двѣ особыя комнаты, признались, что взяли упомянутыя деньги и табакерку, которую изломавъ, оставили себѣ только золотую оправу, а на деньги накупили разныхъ вещей на 270, прокатали и пролакомили 180, да найдено у нихъ 50 рублей, кои вмѣстѣ съ отобранными у нихъ купленными ими вещàми возвращены г. каммергеру Приклонскому. По важности таковаго проступка пажей Ханыкова и Баратынскаго, изъ коихъ первому 15 лѣтъ, а другому 16 лѣтъ отъ роду, я, не приступая къ наказанію ихъ, обязанностію себѣ поставляю вашему императорскому величеству всеподданнѣйше о семъ донести. Подлинное подписалъ: генералъ-лейтенантъ Клингеръ.

№ 108. Февраля 22 дня 1816 года.

Изъ этого рапорта еще разъ можно убѣдиться, что письмомъ Баратынскаго къ Жуковскому, какъ имѣющимъ цѣлію по возможности смягчить проступокъ, можно пользоваться съ крайнею осторожностью.

Отобранныя у Баратынскаго, какъ и у Ханыкова, деньги и вещи показываютъ, что и онъ имѣлъ свою долю въ дѣлежѣ и тѣмъ очень противорѣчатъ словамъ его письма: «сверхъ того, не болѣе ли своевольства въ его поступкѣ?... онъ же не оставилъ у себя ни копейки изъ похищенныхъ денегъ, а всѣ ихъ отдалъ своимъ товарищамъ».

Притомъ душевныя страданія, продолжавшіяся всю жизнь Баратынскаго даже въ самыя счастливыя минуты, сердечная боль, слѣды которой такъ замѣтны въ его произведеніяхъ, совершенно объяснятся только тѣмъ, что его проступокъ не былъ совершенъ имъ изъ безсознательной шалости, изъ одного своевольства, а напротивъ былъ слѣдствіемъ глубокой нравственной распущенности, въ которой на-

*) Генералъ-майоръ Гогель. Прим. Максимова.

ходился тогда Евгеній Абрамовичъ, и нравственнаго просвѣтлѣнія въ которомъ находился остальную жизнь.

Къ шалостямъ Баратынскаго, сдѣланнымъ во время пребыванія его въ пажескомъ корпусѣ, относятъ печатно (Кенигъ, Кичеевъ) участіе и инціативу въ очень крупной шалости—освѣщеніи ночью католической церкви пажескаго корпуса. Г. Кичеевъ въ «Воспоминаніяхъ о Баратынскомъ», котораго, по его словамъ, зналъ лично и коротко, говоритъ, что ему разсказывалъ объ этомъ самъ Баратынскій." Вотъ слова П. Г. Кичеева (Русс. Архивъ 1868, №№ 4 и 5):

«Не скрылъ отъ меня Евгеній Абрамовичъ и одной, хотя безвредной, но удивительной проказы въ бытность его въ пажескомъ корпусѣ». И далѣе г. Кичеевъ разсказываетъ со словъ Баратынскаго, какъ онъ вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ пробрался на чердакъ католической церкви пажескаго корпуса и въ полночь зажегъ тамъ всѣ лампады и свѣчи. Это надѣлало большого шуму, но виновныхъ не нашли. Въ выноскѣ г. Кичеевъ подтверждаетъ, что онъ передаетъ это со словъ самого Евгенія Абрамовича.

Нисколько не отрицая послѣдняго факта, т.-е., что г. Кичеевъ слышалъ объ участіи Евгенія Абрамовича въ этой проказѣ, даже отчасти объясняя себѣ и причину этого разсказа Баратынскаго, я долженъ сказать положительно, что Евгеній Абрамовичъ не принималъ въ этой шалости не только главенства, но и никакого участія, такъ какъ по бумагамъ пажескаго корпуса видно, что освѣщеніе ночью католической церкви случилось 23 апрѣля 1820 года, т.-е. четыре года спустя послѣ исключенія Баратынскаго. Кстати должно замѣтить, что это освѣщеніе католической церкви едва ли справедливо г. Кичеевъ называетъ проказой безвредной. Въ канцеляріи пажескаго корпуса сохранилось подлинное дѣло, производившееся по высочайшему повелѣнію, переданному на другой же день письменно директору пажескаго корпуса генералъ-майору Гогелю главнымъ директоромъ пажескаго и кадетскихъ корпусовъ графомъ Коновницынымъ. Изъ этого дѣла видно, что розыскъ начался съ того, что разсадили по отдѣльнымъ мѣстамъ. до разрѣшенія гр. Коновницына: перваго замѣтившаго огонь въ церкви деньщика подполковника Албычева (корпусный офиц.) и сторожа католической церкви, коего жену съ груднымъ ребенкомъ оставили на квартирѣ за присмотромъ же полицейскаго солдата. Но несмотря на всѣ старанія, вызванныя высочайшимъ повелѣніемъ, виновныхъ не найдено. Директоръ же былъ того мнѣнія, что это сдѣлалъ или самъ сторожъ церкви по какому либо суевѣрію, или кто-либо изъ домашнихъ его, такъ какъ въ церковь нельзя никакъ попасть иначе, какъ черезъ двери, а ключи найдены были на ихъ обыкновенномъ мѣстѣ. Тѣмъ это и кончилось.

Повторяю, я не только вѣрю, что г. Кичееву разсказывалъ о своемъ участіи въ этой шалости самъ Баратынскій, но и отчасти могу себѣ объяснить и причину этого разсказа. Вотъ моя догадка. Вѣроятно, Баратынскій по этой шалости и другимъ подобнымъ хотѣлъ выставить себя большимъ шалуномъ, и заставить тутъ искать причину своего исключенія изъ пажескаго корпуса. Во всякомъ слу-

чаѣ я думаю, что эта шалость была разсказана Баратынскимъ г. Кичееву раньше, чѣмъ истинная причина исключенія изъ корпуса.

Николай Максимовъ.

Письмо артиллерійскаго подпоручика Бонапарта, (впослѣд. императора Наполеона I) 12 іюня 1789 г.

Въ двадцатыхъ числахъ марта 1813 г., французскія войска (корпусъ генерала Морана) были на-голову разбиты на лѣвомъ берегу Эльбы, при Люнебургѣ, отрядомъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала А. Чернышева. Моранъ былъ раненъ. Весь его штабъ, 100 офицеровъ, 2900 солдатъ, 9 пушекъ и всѣ бумаги генерала Морана достались въ руки побѣдителей. Въ числѣ бумагъ найдено чрезвычайно любопытное письмо, за собственноручною подписью Наполеона Бонапарта къ генералу Паоли, бывшему правителемъ Корсики. Письмо относится къ 1789 году, когда будущій повелитель Франціи былъ еще простымъ артиллерійскимъ офицеромъ, никогда не мечтавшимъ о томъ великомъ жребіи, который ему готовила судьба. Въ этомъ частномъ письмѣ, котораго, сколько намъ извѣстно, нѣтъ ни въ одномъ собраніи писемъ и бумагъ Наполеона I,—онъ высказывается какъ заклятый врагъ французовъ и пылкій корсиканскій патріотъ, сомнѣвающійся въ своей будущности и готовый принести себя въ жертву за свободу своей родины.

Помимо обще-историческаго значенія этого документа, онъ относится, непосредственно, не только къ Франціи, но и къ Россіи, характеризуя личность человѣка, по волѣ котораго нашему отечеству пришлось пережить столько тяжелыхъ и въ тоже время славныхъ, незабвенныхъ дней, обновиться въ московскомъ пожарѣ и въ лицѣ своего монарха возвѣстить миръ народамъ Европы.

Генералъ Чернышевъ въ P. S. къ рапорту отъ 24 марта 1813 г. изъ Буатценбурга, пишетъ:

„Осмѣливаюсь приложить къ этому письму, ваше величество, два весьма любопытныхъ документа: одинъ изъ нихъ—письмо, написанное въ 1789 году Наполеономъ Бонапартомъ, артиллерійскимъ офицеромъ régiment de la Ferre, генералу Марбёфу (Marbouf), дающее уже понятіе о человѣкѣ, и найденное мною между бумагами генерала Морана (Morand), бывшаго губернатора Корсики“ *).

Въ этой припискѣ Чернышевъ, какъ намъ весьма обязательно сообщилъ П. А. М—въ, дѣлаетъ грубую ошибку. Письмо Наполеона положительно писано не къ Марбёфу, а къ Paoli (Pascal, род. въ 1726). Это тотъ самый Паоли, который въ 1755 г. сталъ во главѣ правленія своего отечества Корсики и, образовавши маленькій флотъ, весьма успѣшно боролся съ владыками Корсики — генуезцами. Послѣ мира, заключеннаго генуезцами въ 1761 г.,—Паоли обратилъ на себя

---

*) „J'ai l'honneur d'adresser à votre majesté sous ce pli, deux pièces, très-curieuses: l'une d'elles est une lettre, écrite en 1789 par Napoléon de-Bonaparte, officier d'artillerie au régiment de la Ferre, au G-l Marboeuf, qui fait déjà connaitre l'homme, et que j'ai trouvé parmi les papiers du général Morand, qui a été ci-devant gouverneur de la Corse“.

вниманіе всей Европы тою славною дѣятельностью законодателя, которую онъ проявилъ въ Корсикѣ, введя здѣсь суды, учредивъ университетъ и проч. Ж. Ж. Руссо готовъ былъ явиться въ Корсику и содѣйствовать воину-законодателю въ его дѣятельности на преуспѣяніе юной республики. Но вотъ являются, въ 1767 г., французы подъ начальствомъ графа де-Марбёфа, и генуезцы уступаютъ Франціи свои домогательства на Корсику. Паоли—протестуетъ, старается силою оружія противодѣйствовать новымъ поработителямъ его родины, но онъ разбитъ и вынужденъ бѣжать въ Лондонъ. Здѣсь Паоли пробылъ до 1789 года и сюда, къ этому бойцу за независимость Корсики писалъ Бонапартъ, безвѣстный еще офицеръ и пылкій въ то время врагъ французовъ. Между тѣмъ, въ концѣ 1789 г. Паоли — получилъ прощеніе, явился въ Парижъ, и былъ весьма хорошо принятъ правительствомъ. Людовикъ XVI произвелъ его въ генералъ-лейтенанты и назначилъ губернаторомъ въ Корсику. Вынужденный бурнымъ потокомъ событій послѣдующаго времени вновь возстать противъ Франціи, Паоли тщетно искалъ въ королѣ Англіи протектора Корсикѣ.—Этотъ замѣчательный человѣкъ умеръ близъ Лондона, въ одной деревнѣ, въ 1807 г., съ глубокимъ отчаяніемъ видя въ послѣдніе годы своей жизни Францію управляемою человѣкомъ, которому онъ нѣкогда покровительствовалъ и qui n'avait pu rester son ami — какъ говоритъ авторъ біографіи Паоли.

Изложивъ въ настоящей замѣткѣ главнѣйшія обстоятельства жизни корсиканскаго патріота, намъ не нужно распространяться о томъ, что письмо Бонапарта было писано именно къ нему. Все содержаніе письма ясно то свидѣтельствуетъ. Наконецъ, хотя Наполеонъ въ ранней юности и зналъ Марбёфа и былъ лично ему обязанъ какъ человѣку, содѣйствовавшему опредѣленію его въ 1777 г. въ Бренн скую военную школу, но писать поработителю Корсики въ 1789 году уже потому не могъ, что маршалъ графъ де-Марбёфъ — умеръ въ 1788 году. **Ред.**

(Переводъ): Генералъ! Я родился въ тотъ годъ, когда отечество погибало; первое возмутительное зрѣлище, представившееся моимъ глазамъ, было нашествіе тридцати тысячъ французовъ, погрузившихъ свободу въ кровавыя волны.

Съ самого моего рожденія вокругъ моей колыбели слышались вопли умирающихъ, стоны притѣсненныхъ, проливались слезы отчаянія.

Вы покинули нашъ островъ и съ вами покинула насъ надежда на счастье; рабство было цѣною нашего подчиненія; воинъ, юристъ, финансистъ наложили тройную цѣпь на нашихъ соотечественниковъ, и они презираемы.... презираемы тѣми, которые имѣютъ всѣ силы администраціи въ своихъ рукахъ! Не есть ли это самая жестокая пытка, которую можетъ испытать чувство? Неужели несчастный перуанецъ, погибавшій въ оковахъ корыстнаго испанца, испытывалъ болѣе мучительное притѣсненіе?

Измѣнники отечества, низкіе люди, испорченные алчностью, распространили, въ свое оправданіе, клеветы противъ національнаго правительства и противъ васъ въ особенности; писатели же, принимая эти клеветы за истину, передаютъ ихъ потомству.

Чтеніе ихъ возбудило во мнѣ мужество, и я рѣшился разсѣять туманъ, порожденный невѣжествомъ: раннее изученіе французскаго языка, продолжительныя наблюденія и записки, почерпнутыя изъ бумагъ патріотовъ, даютъ мнѣ возможность надѣяться на успѣхъ.

Я хочу сравнить ваше управленіе съ настоящимъ.... я хочу изобличить тѣхъ, которые измѣнили общему дѣлу.... я хочу призвать къ суду общественнаго мнѣнія правителей, обнаружить ихъ притѣсненія, раскрыть ихъ подпольныя интриги и, если возможно, возбудить участіе добродѣтельнаго министра, управляющаго государствомъ, къ плачевной участи, которая всегда насъ мучила и теперь еще такъ жестоко мучитъ.

Если бы мои средства позволили мнѣ жить въ столицѣ, то я, разумѣется, нашелъ бы другіе способы для того, чтобы заставить услышать наши стоны; но, вынужденный служить, я принужденъ довольствоваться одною гласностью; что же касается до частныхъ записокъ (мемуаровъ), то онѣ или не достигнутъ извѣстности, или же будутъ заглушены криками недоброжелателей и причинятъ только гибель автору.

Я еще молодъ, и потому мое предпріятіе, можетъ казаться слишкомъ отважнымъ; но любовь къ истинѣ, къ отечеству, къ моимъ соотечественникамъ, увлеченіе, всегда заставлявшее меня видѣть въ перспективѣ улучшенія въ нашемъ государствѣ, будутъ меня поддерживать.

Если вы удостоите, генералъ, одобрить трудъ, въ которомъ такъ много будетъ говорено о васъ, если вы удостоите поощрить старанія молодого человѣка, котораго вы знаете съ самаго его рожденія, и родители котораго всегда были преданы правой сторонѣ, то я осмѣливаюсь надѣяться на успѣхъ.

Я надѣялся одно время имѣть возможность быть въ Лондонѣ, для того, чтобы высказать вамъ тѣ чувства, которыя вы во мнѣ возбудили и поговорить съ вами о несчастіи отечества; но разстояніе воспрепятствовало этому желанію; можетъ быть настанетъ день, когда я буду въ состояніи преодолѣть это препятствіе.

Каковъ бы ни былъ успѣхъ моего труда, я чувствую, что онъ возбудитъ противъ меня всю шайку французскихъ чиновниковъ, управляющихъ нашимъ островомъ и затронутыхъ мною: но чтó мнѣ до того, когда дѣло касается пользы моего отечества! Я буду слышать брань негодяевъ и когда, наконецъ, ихъ гнѣвъ разразится надо мной, я обращусь къ моей совѣсти, вспомню всю правоту моихъ побужденій и тогда гнѣвъ этотъ не будетъ для меня страшенъ.

Позвольте мнѣ передать вамъ глубочайшее почтеніе моего семейства и — зачѣмъ же не прибавить — моихъ соотечественниковъ; они вздыхаютъ о томъ времени, когда надѣялись на свободу. Мать моя, синьора Летиція, поручила мнѣ напомнить вамъ время, проведенное вами въ Корсикѣ.

Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ, генералъ, вашъ покорнѣйшій и почтительнѣйшій слуга Наполеонъ Бонапартъ, офицеръ пѣшаго артиллерійскаго полка.

Бургонь, 12 іюня 1789 г.

(Подлинникъ): Seigneur général. Je naquis quand la Patrie périssait; trente mille Français vomis sur nos côtes, noyant le trône de la Liberté dans des flôts de sang, fut le spectacle odieux, qui vint le premier frapper mes regards.

Les cris du mourant, les gémissements de l'opprimé, les larmes du désespoir, dès ma naissance environnèrent mon berceau.

Vous, quittant notre île, et avec vous, l'espérance du bonheur; l'esclavage fut le prix de notre soumission; accablé sous la triple chaine du militaire, de l'homme de Loi, du financier, nos compatriotes vivent méprisés...... méprisés par ceux, qui ont les forces de l'administration en main! n'est ce pas la plus cruelle des tortures que puisse éprouver le sentiment? L'infortuné Péruvien, périssant sous le fer de l'avide Espagnol, éprouvait-il donc une véxation plus ulcérante?

Les traîtres à la patrie, les âmes viles, que corrompit l'amour d'un gain sordide ont pour se justifier, parsemés des calomnies contre le gouvernement national et votre personne en particulier: les ecrivains, les adoptant comme des vérités, les transmettent à la postérité.

En les lisant, mon courage s'est échauffé, et j'ai resolu de dissiper ces brouillards, enfans de l'ignorance: une étude prématurée de la langue française, de longues observations, et des mémoires, puisés dans les portefeuilles des patriotes, m'ont mis à même d'esperer quelque succès.

Je veux comparer votre administration avec l'actuelle.... je veux, du pinceau de l'infamie, noircir ceux, qui ont trahi la cause commune..... je veux au Tribunal de l'opinion publique, appeller ceux qui gouvernent, d'éffeuiller (?) leurs vexations, découvrir leurs sourdes menées, et s'il est possible, intéresser le vertueux ministre, qui gouverne l'Etat, au sort déplorable, qui nous a toujours tourmenté et nous afflige encore si cruellement.

Si ma fortune m'eut permis de vivre à la Capitale, j'aurais eu, sans doute, d'autres moyens pour faire parvenir nos gémissemens; mais obligé de servir, je me trouve reduit au seul moyen de la publicité; car pour des mémoires particuliers, ou ils ne parviendraient pas, ou étouffés par la clameur des intéressés, ils ne feraient qu'occasionner la perte de l'auteur.

Jeune encore, mon entreprise peut être téméraire, mais l'amour de la vérité, de la Patrie, de mes compatriotes, cet enthousiasme que m'inspire toujours la perspective d'une amélioration dans notre État me soutiendront.

Si vous daignez, seigneur général, approuver un travail, ou il sera si question de vous, si vous daignez encourager les efforts d'un jeune homme, que vous vîtes naître, et dont les parens fûrent toujours attachés au bon parti, j'oserai augurer favorablement du succès.

J'esperais quelque tems pouvoir venir à Londres vous exprimer les sentiments que vous m'avez fait naître, et causer ensemble des malheurs de la Patrie; mais le grand éloignement y met obstacle; viendra, peut être, un jour où je me trouverai à même de le surmonter.

Quelque soit le succès de mon ouvrage, je sens qu'il soulevera contre moi la nombreuse cohorte d'employés français, qui gouvernent notre île, et que j'attaque: mais qu'importe s'il y va de l'intérêt de la Patrie! j'entendrai gronder le méchant et si le tonnerre tombe, je dessendrai dans ma conscience, je me souviendrai de la légitimité de mes motifs et dès ce moment le braverai.

Permettez moi, seigneur général, de vous offrir les hommages de ma famille; eh! pourquoi ne dirai-je pas de mes compatriotes; ils soupirent au souvenir d'un tems, où ils espérèrent la liberté: ma mère, la signora Letizia, m'a chargé surtout de vous renouveller le souvenir des années écoulées à Corse. Je suis avec respect, seigneur général, votre très-humble et trés-obeissant serviteur. Napoleon di Bonaparte off. de Reg. de la terre art.

Bourgogne, le 12 juin 1789. Сообщ. **А. Н. Петровъ.**

Опечатки: Въ II т. «Русск. Стар.» на стр. 13, строка 1 слѣдующая опечатка: «alever» чит.: «alerti». — и на стр. 3 строка 4 снизу: «при Лисковантѣ» чит.: «при Лисковаткѣ.» На стр. 73 т. II-го: напечатано: «Отъ Неглинной — до Москвы», читай: «Отъ Неглинной -до Невы».

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА ПАВЛА СТЕПАНОВИЧА РУНИЧА О ПУГАЧЕВСКОМЪ БУНТѢ. *)

1774 г.

III.

Волненія на Яикѣ. — Удаленіе драгунскихъ полковъ съ яицкой линіи. — Откочевка калмыковъ въ Китай. — Киргизы. — Грабежи казаковъ. — Пораженіе казаками 2-го гренадерскаго полка. — Генералъ-маіоръ Каръ.

1773 г.

Сказавъ мимоходомъ въ моемъ предъувѣдомленіи о яицкомъ возмущеніи, долженъ я здѣсь описать всѣ онаго послѣдствія.

Возмутители яицкіе провозгласили императоромъ Пугачева, подъ именемъ Петра III, почти въ то самое время, когда король шведскій (преодолѣвъ всѣ усилія, интриги и политики россійскаго двора, немогшаго успѣть королевскую партію низпровергнуть) и король сдѣлался въ оной (т. е. Швеціи) самовластнымъ государемъ и (когда россійскаго двора политика никакъ не могла ожидать, что въ Швеціи можетъ произойти таковая перемѣна въ правленіи).

Произшествіе сіе заставило россійской дворъ подкрѣпить шведскую свою границу войсками; что возложила императрица на распоряженіе военнаго управленія, которое вѣдая, что какъ на границѣ оной, такъ и внутри государства весьма мало находится регулярнаго войска, быстрымъ своимъ вымысломъ, но можетъ быть неумышленнымъ распорядкомъ въ сіе время, имѣя при томъ свѣдѣнія, что, прежде еще бывшаго въ Москвѣ бунта, на Яикѣ происходятъ безпорядки и неповиновенія, то рѣшилось снять съ Оренбургской, Яицкой и Илецкой линій старинные драгунскіе полки, охранявшіе линію отъ киргизскихъ набѣговъ и переформировать оные въ полевыя пѣхотныя команды съ нѣкоторымъ числомъ при нихъ конницы, кои и двигнуты внутрь государства и къ шведской границѣ;—предположило одну 22-ю команду, подъ начальствомъ подполковника Дица, оста-

*) См. «Русск. Стар.» 1870 г. т. II стр. 116—131.

вить на нагорной сторонѣ Волги, между Камышинки и станицы волжскихъ казаковъ Дубовки; по каковому (съ скоростію исполненному распоряженію военнаго правительства), вся означенная линія до самой Сибири осталась въ полной волѣ и зависимости линейныхъ казаковъ. А какъ въ сіе-жъ самое время кочевавшіе издревле по саратовской и астраханской степи и протекающимъ въ оныхъ рѣкамъ Караману, двумъ Иргизамъ, двумъ Узенямъ, Камелику, Чертальнѣ, Чегану и прочимъ, калмыки болѣе 600 тысячъ кибитокъ (числа впрочемъ и самый искуснѣйшій арнѳметикъ съ трудомъ бы могъ исчислить) со всѣмъ имуществомъ, невѣроятнымъ числомъ лошадей и всякаго скота, (въ начальство астраханскаго губернатора Бекетова), оставя древнія свои кочеванья, удалились изъ предѣловъ Россіи и перешли въ границы китайскія *), то удаленіе сихъ кочевавшихъ за Волгою калмыковъ открыло всѣ способы (казакамъ усиливать свои возмущенія и неудовольствія на внутреннее военное правительство, а кочующей близъ границъ Россіи) третьей, нижней, многочисленнѣйшей киргизской ордѣ, протянувшейся кочеваньемъ отъ Оренбурга внизъ по Яику, безпрепятственный путь поселенныя, по манифесту 1762 и 1763 гг., по большому Иргизу, слободами, колоніи на луговой сторонѣ Волги, грабить и уводить изъ оныхъ людей, мчась быстрыми своими набѣгами до самаго почти Саратова и Камышенки, коимъ яицкіе казаки нимало не препятствовали чинить черезъ Яикъ перелазы, дабы удержать ихъ отъ набѣговъ и разоренія жителей, ибо что киргизцы награбятъ, то казаки, при переходѣ ихъ назадъ черезъ Яикъ, отнимали и себѣ присвоивали. Но вящее зло произошло отъ удаленія калмыковъ то, что башкирцы и линейные казаки возъимѣли дерзость усиливаться и производить всѣ свои наглости, чего не могли ни они, ни киргизы дѣлать тогда, когда калмыки кочевали въ сосѣдствѣ съ ними въ саратовской и астраханской степи.

Не мое дѣло судить о тогдашнемъ распоряженіи военнаго

---

*) Въ «Ежемѣсячныхъ академическихъ сочиненіяхъ», съ 1754 г. изданныхъ. описано отправленное 1715 г. отъ китайскаго императора къ владѣтелю означенныхъ калмыковъ Аюкъ-хану посольство, которое съ самой россійской границы и обратно сопровождалъ полковникъ Ступинъ со всею возможною осторожною вѣжливостью. П. С. Руничъ.

управленія, почему оно рѣшилось съ яицкой линіи снять драгунскіе полки, будучи уже извѣстно, что прежде еще возникшаго въ Москвѣ бунта на Яикѣ оказывались сильные безпорядки, кои возросли наконецъ до такой дерзости и что (если не ошибаюсь, убитъ въ семъ городѣ Яикѣ генералъ-майоръ Траубенбергъ), Пугачевъ наименованъ императоромъ Петромъ III, въ которое уже время нашли вынужденными изъ Петербурга, на почтовыхъ подводахъ, отправить, чрезъ Казань, второй гренадерскій полкъ противъ бунтовщиковъ *); который, проходя съ оплошностью (башкирскія селенія), возложивъ весь свой скарбъ и свою воинскую амуницію на подводы, нечаянно пугачевскою партіею съ башкирцами атакованъ и разсыпанъ, а офицеры сего полка, въ числѣ 30 человѣкъ, взяты въ плѣнъ и перевязанные отвезены къ Пугачеву подъ Оренбургъ, гдѣ онъ съ своимъ войскомъ находился; коихъ почти всѣхъ велѣлъ Пугачевъ повѣсить **), а вмѣстѣ съ ними и приготовленнаго къ

---

*) Послѣ маневровъ подъ Краснымъ Селомъ полковникъ 2-го гренадерскаго полка князь Василій Васильевичъ Долгорукій, будучи уволенъ въ чужіе края, оставилъ свой полкъ въ Петербургѣ, отправился въ путь и прибывъ въ Берлинъ, представился великому Фридриху II, черезъ россійскаго посланника при дворѣ прусскомъ, князя Влад. Сер. Долгорукова. При сёмъ представленіи спросилъ король полковника Долгорукова: «котораго онъ полка полковникъ?» На что Долгорукій отвѣчалъ его величеству королю, что онъ 2-го гренадерскаго полка полковникъ; на сей отзывъ Долгорукова сказалъ король: «знаете ли вы, г. полковникъ, что такого-то числа сего мѣсяца полкъ вашъ отправленъ на почтовыхъ подводахъ въ Казань?» О чемъ не имѣлъ посланникъ нашъ ни малѣйшаго извѣстія. На другой день сего представленія кн. В. В. Долгорукій откланялся королю и не поѣхалъ въ чужіе краи, но возвратился поспѣшно въ Петербургъ. О семъ разсказывалъ мнѣ, по знакомству, графъ Гуровскій, бывшій маршалъ литовскій, а потомъ вице-канцлеръ Польши, который лично находился при представленіи королю прусскому полковника князя Долгорукова. **П. С. Руничъ.**

**) Для любопытства долженъ я здѣсь пересказать, что при сопровожденіи Пугачева изъ Симбирска въ Москву и во время его содержанія въ Симбирскѣ, графъ Петръ Ивановичъ Панинъ опредѣлилъ мнѣ, для безотлучнаго при Пугачевѣ пребыванія, двухъ армейскихъ капитановъ 2-го гренадерскаго полка Карташева и Повало-Швейковскаго, и двухъ поручиковъ великолуцкаго полка, Кутузова и Ершова, кои по два часа, по очереди, днемъ и ночью у Пугачева сидѣли. 1-го Карташова подъ Оренбургомъ двухъ братьевъ его ротныхъ командировъ, Пугачевъ, въ числѣ прочихъ 2-го гренадерскаго полка офицеровъ, повѣсилъ. Когда спросили Пугачева: «за что ты перевѣшалъ многихъ офицеровъ 2-го гренадерскаго полка?» то онъ отвѣчалъ: «за то, что они шли противъ непріятеля какъ овцы и не соблюдали военной

висѣлицѣ яицкаго сотника Лысова, который предпріялъ-было намѣреніе съ нѣкоимъ числомъ отважныхъ казаковъ истребить Пугачева.

По дошедшимъ о семъ приключеніи со 2-мъ гренад. полкомъ, придумали въ Петербургѣ отправить въ бунтующій край генералъ-майора Кара, котораго предъувѣрили, что въ ономъ находится значительное число войска; но Каръ, прискакавъ въ Казань, узналъ объ участи 2-го грен. полка и о томъ, что въ семъ краю, кромѣ въ нѣкоторыхъ городахъ (неполнаго даже комплекту) гарнизонныхъ солдатъ тогдашняго состава, никакого другого полевого войска не имѣлось, тотчасъ оставилъ Казань и возвратился въ Москву; за каковой поступокъ откинутъ изъ воинской службы, съ запрещеніемъ находиться въ столицахъ въ присутствіи двора *).

IV.

А. И. Бибиковъ въ Казани.—Пораженія генераловъ пугачевской арміи Бѣлобородова и Чики.—Штурмъ Татищевской крѣпости. — Кн. П. М. Голицынъ.—Отзывъ о немъ Пугачева.—Смерть Бибикова.—Оплошность кн. Щербатова. — Сожженіе Казани. — Пораженіе Пугачева подъ Казанью.

1773—1774.

Сказано уже выше сего, что государыня императрица вызвать соизволила А. И. Бибикова во время сіе изъ Польши и послать въ Казань **).

Бибиковъ, прибывъ въ оную, какъ истинный россіянинъ и вѣрный сынъ своего отечества, обнявъ обширнымъ умомъ своимъ и воинскими своими дарованіями всѣ дѣйствія, силы и важность яицкаго бунта и Пугачева замыслы, немедленно далъ обдуманныя свои предписанія начальникамъ отрядовъ, чтобы они, во-

---

дисциплины». Отвѣтъ сей долженъ быть въ военномъ дѣлѣ примѣромъ: ибо и самый злодѣй строго повиновался закону дисциплины и вѣрилъ, что тѣло безъ души ничто не значитъ (Черновъ. рук. зап.). П. С. Руничъ.

*) Каръ отправленъ на Яикъ по собственноручному указу Екатерины II— отъ 11 октября 1773 г.; уволенъ онъ—указомъ военной коллегіи — 30 ноября того же года. Ред.

**) Генералъ-аншефефъ Бибиковъ посланъ съ манифестомъ 23 ноября 1773 г., имянной указъ ему данъ 29 ноября; дѣятельность его въ Казани начинается 26 декабря того же года, умеръ въ Бугульмѣ—9-го апрѣля 1774 г. Ред.

первыхъ, устремили все свое вниманіе на отдѣльные пугачевскіе корпуса̀ и старались бы разбить и искоренить оные.

На 1-й, стоящій къ сибирской границѣ, подъ начальствомъ Бѣлобородова *), который имѣлъ отъ Пугачева повелѣніе не пропускать изъ Сибири съ корпусомъ генералъ-порутчика Де-Колонга, (съ корпусомъ сибирскихъ войскъ), коего дѣйствительно Бѣлобородовъ не допускалъ пробиться въ оренбургскія границы.

2-й, расположенный подъ Уфою, также подъ начальствомъ другого корпуснаго генерала пугачевскаго, яицкаго казака Чики, коего Пугачевъ украсилъ названіемъ графа Захара Григорьевича Чернышева.

Оба сіи корпуса, по распоряженію Александра Ильича, разбиты и оба начальника оныхъ пойманы, привезены въ Москву, гдѣ и казнены **). Первоначальные успѣхи и скорая преграда, противупоставленная Бибиковымъ замысламъ его, Пугачева, принудили Пугачева отступить отъ Оренбурга ***), который содержалъ онъ въ осадѣ болѣе 6-ти мѣсяцевъ и до такой довелъ крайности и нужды какъ гарнизонъ сей крѣпости, такъ и жителей оной, что питались сырыми кожами и всякою падалью. Въ числѣ гарнизона находилось 300 человѣкъ вѣрныхъ яицкихъ казаковъ, подъ начальствомъ подполковника (Мартемьяна) Бородина, который изъ Симбирска, съ 40 человѣками яицкихъ казаковъ, сопровождалъ Пугачева до Москвы, и за вѣрность престолу на-

---

*) Отставной артиллерійскій солдатъ объ одной ногѣ, а другая по колѣно оторвана у него въ прусскую Семилѣтнюю войну; уроженецъ оренбургскій. Онъ командовалъ корпусомъ Пугачевыхъ войскъ противъ сибирскаго корпуса, дабы не могъ оный соединиться съ войсками, въ Оренбургскую губернію вступившими противъ Пугачева. Рун.

**) Иванъ Бѣлобородовъ взятъ въ плѣнъ Михельсономъ, по разбитіи Пугачева подъ Казанью, 15 іюля 1774 г. Пушкинъ говоритъ, что Бѣлобородовъ былъ высѣченъ кнутомъ, потомъ уже отвезенъ въ Москву и казненъ смертью; но въ сентенціи — 10 января 1775 г.—о наказаніи Пугачева и его сообщниковъ не упоминается о назначенномъ Бѣлобородову наказаніи, хотя и говорится о немъ, какъ о злодѣѣ. Иванъ Чика, Зарубинъ то-жъ, по освобожденіи Уфы отъ осады, выданъ Михельсону въ Табинскѣ, въ концѣ апрѣля или началѣ мая 1774 г. По сентенціи 10 января 1775 г. Чика осужденъ къ отсѣченію головы, съ тѣмъ, чтобы взоткнуть ее на колъ, а трупъ сжечь вмѣстѣ съ эшафотомъ. Мѣстомъ казни назначена Уфа. Ред.

***) 23-го марта 1774 г. Ред.

гражденъ былъ государынею императрицею полковничимъ чиномъ и многими подарками.

Еслибъ сей государственный злодѣй съ бунтовщиками Яика не занялся шестимѣсячною осадой Оренбурга, (но устремился бы на Казань), то, до прибытія Бибикова, дошелъ бы до самой Москвы *).

Но благость и (священнѣйшій) промыслъ всесильнаго и всепремудраго Бога (ослѣпилъ умъ злодѣя и злодѣевъ яицкихъ занятіемъ Оренбурга) и избавилъ Москву отъ разоренія, а съ нею вмѣстѣ и весь россійскаго дворянства родъ отъ погибели.

Пугачевъ, отступя отъ Оренбурга, обратился со всѣми своими силами къ Татищевской крѣпости, въ которой укрѣпясь сильною обороною артиллеріи и всякими припасами снабдясь, въ полномъ былъ увѣреніи и надеждѣ, что никто въ оной не можетъ его преодолѣть; предположилъ отсюда дѣйствовать набѣгами (и тѣмъ изнурять) и искоренять всѣ корпусы войскъ въ тамошнюю пустыню вошедшіе и вновь входящіе. Но неутомимый, истинно благородной храбрости и мужественнаго духа, генералъ-поручикъ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, не взирая на всѣ трудности зимняго времени, съ корпусомъ своимъ подступилъ къ Татищевой крѣпости, распорядивъ тремя колоннами пѣхоты (такимъ образомъ, чтобы правая и лѣвая равнялась съ среднею); подкрѣпленныя нѣкоторымъ числомъ кавалерійскихъ отрядовъ, атаковалъ его, Пугачева, въ крѣпости затворившагося, и прѣтился овладѣть оною штурмомъ; двигнулся съ колоннами къ крѣпости, бывъ при средней впереди самъ (и по знаку изъ оной всѣ три колонны должны были вдругъ ударить и броситься на валъ крѣпости и на батареи). И дойдя на картечный выстрѣлъ къ ней, вдругъ увидѣлъ, что 3-я лѣвая колонна остановилась, въ головѣ которой находился 2 гренад. полкъ (и какое-то въ оной происходитъ колебаніе) **).

*) О долговременномъ своемъ стояніи подъ Оренбургомъ, сознавалъ самъ Пугачевъ свою ошибку, (говоря о ней, когда везенъ былъ въ Москву)—изъясняясь о ней тако: «мнѣ весьма нуженъ былъ Оренбургъ, ибо я могъ въономъ основать твердое и постоянное мое пребываніе». Но почему такъ онъ думалъ, о томъ своего мнѣнія не открывалъ. **Руничъ.**

) Солдаты сего полка слышали голоса бунтовщиковъ съ крѣпостного валу: «братцы солдаты! что вы дѣлаете? вы идете драться и убивать свою братью христіанъ, защищающихъ истиннаго своего государя императора Петра III, который здѣсь въ крѣпости самъ находится!» **Руничъ.

Въ одно мановенье бросился князь къ сей колоннѣ, идя по грудь въ снѣгу и ставъ передъ оною съ обнаженною шпагою, закричалъ: «измѣнники, ступай за мной!» Геройскій подвигъ и неустрашимый духъ князя Голицына двигнули вдругъ сію колонну, (которая до 300 саженъ отстала отъ средней и правой, подошедшимъ уже къ крѣпости на картечный выстрѣлъ, и какъ будто нѣкакою волшебною машиною переброшена вся колонна, выравнялась съ прочими двумя праваго фланга, по коимъ изъ крѣпости открылся адскій огонь картечный; но колонны съ храбрымъ своимъ генераломъ) не ужасаясь губительнаго картечнаго огня, ни самой смерти, перешагнули съ твердостью мѣру дистанціи онаго, вломились съ неустрашимымъ своимъ предводителемъ въ крѣпость и (штурмомъ) овладѣли оною *).

По упорному защищенію бунтовщиковъ въ крѣпости, побито ихъ болѣе 13 тысячъ человѣкъ **); но Пугачевъ съ лучшими яицкими казаками убѣжалъ изъ оной, но также опять собралъ большія силы, съ коими устремился отъ Оренбурга (внизъ по Волгѣ) къ городу Бугульмѣ, и началъ вновь дѣйствовать въ сей странѣ. (Но здѣсь, по распоряженію Бибикова, противупоставлены были

---

*) Истину сего своего въ Татищевой крѣпости пораженія, самъ Пугачевъ засвидѣтельствовалъ и подтвердилъ лично передъ княземъ Голицынымъ, который изъ любопытства, желая видѣть его, вошелъ со мною въ избу, гдѣ онъ содержался, подъ моимъ присмотромъ, (при коемъ безотлучно въ избѣ было 4 пристава офицеровъ и два человѣка гренадеръ гвардіи преображенскаго полка и два яицкихъ казака). Ставъ противъ Пугачева, и постоявъ нѣсколько минутъ, кн. Голицынъ спросилъ его, Пугачева:

«Емельянъ, знаешь ли ты меня?». Который видя предъ собою генерала въ орденахъ, поклонился низко и спросилъ: «а кто ваша милость?» Князь отвѣчалъ ему: «я—Голицынъ».

Пугачевъ вдругъ спросилъ князя: «не вы ли князь Петръ Михайловичъ?»

«Я», сказалъ князь.

Пугачевъ, привставъ со всѣмъ уваженіемъ, сколько могъ сидящій на нарахъ и прикованный къ стѣнѣ, нижайше поклонился князю и громко, чтобъ всѣ бывшіе въ избѣ слышали, сказалъ: «ваше сіятельство прямо храбрый генералъ—вы первый сломили мнѣ рогъ».

Князю возданная похвала скоро промчалась всюду, но скоро и обратилась въ его погибель †). **П. С. Руничъ.**

†) Руничъ намекаетъ на ходившій въ его время слухъ, что кн. П. М. Голицынъ былъ отравленъ завистниками его славы; но Голицынъ убитъ на дуэли Шепелевымъ 11 ноября 1775 г. **Ред.**

) Пугачевъ разбитъ подъ Татищевою крѣп. 22 марта 1774 г. **Ред.

отряды войскъ, въ томъ числѣ и корпусъ подполковника Михельсона, который торжественно объяснялся, что онъ 18 разъ съ Пугачевымъ сражался).

Грозная, неумолимая смерть! Ты пересѣкаешь нить жизни того, кому данъ одинъ и кому дано десять талантъ. Какъ жестокая рука твоя среди (первоначальныхъ) успѣховъ къ благу отечества пересѣкла жизнь препочтеннѣйшаго мужа Бибикова, о смерти коего, на крыльяхъ молніи, изъ Казани (?) перелетѣлъ слухъ къ злодѣю Пугачеву, который узнавъ о томъ, скоро придумалъ, что дежурный генералъ покойнаго, князь Щербатовъ, долженъ будетъ нѣкоторое время руководствоваться планомъ Александра Ильича, бывъ при немъ ближайшимъ человѣкомъ, яко дежурный генералъ, предположилъ обмануть слабую бдительность дежурнаго генерала *), въ чемъ и удалось ему успѣть.

Ибо хитрыми партизанскими средствами и движеніями своихъ войскъ показывая видъ, что онъ силится съ ними и намѣреніе имѣетъ, между городовъ Симбирска и Сызрани, вторгнуться внутрь государства, но вмѣсто того вдругъ обратился съ лучшими войсками (въ сторону) къ рѣкѣ Камѣ, оставя значительныя партіи озабочивать и нападать на противупоставленные ему отъ покойнаго Бибикова отряды войскъ. Переправился (черезъ глубокіе лѣса) между казенныхъ селеній Сарапуля и Елабуги, что́ нынѣ города Вятской губерніи, проведенъ татарами и башкирцами на помѣщичье селеніе татарскаго или грузинскаго князя Тевкелѣва **), Старобалтачево, которое князю Тевкелѣву ***) пожаловано отъ императрицы Анны Іоанновны, отъ коего селенія, дошедъ глубокими лѣсами до рѣки Вятки и переправясь че-

---

*) Князь Щербатовъ за свою оплошность отставленъ отъ службы и въ присутствіи двора въ столицахъ запрещено ему было находиться. П. С. Рун.

**) Тевкелевы—магометанскаго исповѣданія и одинъ изъ нихъ и теперь муфтіемъ въ Уфѣ. Пугачевъ переправился чрезъ р. Каму 23 іюня. Ред.

***) Въ Оренбургской губерніи изъ селенія Старобалтачева (возникъ главный башкирскаго бунта возмутитель, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны, въ 1735 и 1736 годахъ, продолжавшійся около 10 почти лѣтъ, о чемъ можно справиться въ ежемѣсячныхъ академическихъ извѣстіяхъ съ 1754 года и за прошлый. Сіе Старобалтачево татарское селеніе и нѣкоторыя въ числѣ)—1000 душъ татаръ (пожалованы въ вѣчное подданство импер. Анною Іоанновною татарскому князю Тевкѣлеву), ибо сей татарскій князь Тевкелѣвъ (при статскомъ совѣтникѣ Кириловѣ находился, когда 1734 года Кирилову поручено было о построеніи Оренбурга, что можно усмотрѣть въ инструкціи статскому

резъ оную, устремился прямо къ городу Арску, въ 60 верстахъ отстоящему отъ Казани; неожиданно напалъ (съ сей стороны) на оную, выжегъ (всю кругомъ), разорилъ и ограбилъ вокругъ ея все населеніе *) и овладѣлъ бы совершенно крѣпостью, еслибъ въ скорости не предъуспѣлъ прійти съ своимъ корпусомъ къ оной подполковникъ Михельсонъ.

Въ сраженіи подъ Казанью съ корпусомъ подполковника Михельсона, Пугачевъ съ неустрашимою дерзостью нѣсколько кратъ нападалъ на фланги онаго, стараясь сломить оные, и отъ одного до другого проскакивалъ нѣсколько разъ во весь фронтъ корпуса, чѣмъ удивлялъ и въ ужасъ приводилъ солдатъ; угрожалъ ихъ, чтобы не дрались противъ своего государя, а наконецъ такъ сильно ударилъ на кавалерію корпуса, что поколебалъ-было весь фронтъ пѣхоты онаго, но отличною храбростью и отважностью премьеръ-майора Дуве, карабинерныхъ эскадроновъ командира, (изъ датской службы поступившаго въ россійскую, которую вскорѣ послѣ сего сраженія оставилъ), смятъ, отраженъ и опрокинутъ съ большою потерею, принужденнымъ нашелся бѣжать отъ Казани къ городу Курмышу и быстро къ оному направилъ свое бѣгство съ войскомъ.

Здѣсь нахожу я себя въ необходимости остановить и прервать описаніе о подвигахъ и преслѣдованіи Михельсономъ Пугачева, который съ войскомъ отъ Курмыша потянулся къ городу Алатырю **).

совѣтнику Кирилову данной); съ статскимъ совѣтникомъ Кириловымъ въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны Тевк. употреблены были строить Оренбургскую крѣпость, которую начально въ двухъ мѣстахъ устраивали; но наконецъ построена оная на нынѣшнемъ мѣстѣ, какъ удобнѣйшемъ найденномъ для границы. (Татары отданные въ подданство князю Тевкѣлеву какъ въ Старобалтачевѣ, такъ и оренбургскіе, имѣя жалованныя грамоты отъ прежнихъ царей, никакъ не хотѣли признавать себя подданными, и при каждомъ вступленіи на престолъ государя, бунтовали и неповиновались наслѣдникамъ Тевкелѣва, но въ 1802 году усмирены. Но духъ сихъ татаръ не угаснетъ и ненависть ихъ къ помѣщичью подданству всегда будетъ таиться въ душахъ ихъ).

П. С. Руничъ.

*) 12 іюля 1774 г.; трижды разбитый Михельсономъ Пугачевъ бѣжалъ отъ Казани 15-го іюля. Ред.

**) У Курмыша Пугачевъ былъ 20-го іюля 1774 г. Ред.

V.

Разсказъ Остафія Трифонова (Долгополова) о поѣздкѣ въ Петербургъ съ предложеніемъ выдать Пугачева. — Трифоновъ у графа Г. Г. Орлова. — Поѣздка Трифонова въ Сарское Село. — Представленіе императрицѣ. — Отправка изъ С.-Петербурга секретной коммиссіи.

Іюль и августъ 1774 г.

Изъ Курмыша, подъ названіемъ яицкаго казака (около 18 числа) въ концѣ іюля мѣсяца 1774 года, когда о нашествіи Пугачева на Казань было уже извѣстно государынѣ императрицѣ и всему пространству отъ Казани до Петербурга (и когда вся 1-я армія находилась съ графомъ Румянцовымъ за Дунаемъ. и когда сей герой славы побѣдоноснаго россійскаго оружія въ лагерѣ былъ одержимъ жестокою болѣзнью), явился въ ономъ (т. е. въ Спб.) у свѣтлѣйшаго князя Григорья Григорьевича Орлова утромъ, въ часу въ 5-мъ, подъ имснемъ яицкаго казака, Остафій Трифоновъ *), который тотчасъ и представленъ его свѣтлости былъ.

Князь находился уже въ спальнѣ одѣтый, куда онъ, Трифоновъ, введенъ и оставленъ въ оной съ его свѣтлостью одинъ. Поклонясь до полу князю и вынувъ изъ за-пазухи письмо на имя его свѣтлости, подалъ, которое князь, распечатавъ, читалъ съ величайшимъ вниманіемъ и прочитавъ оное, вложилъ въ мундиръ лѣваго бокового кармана, позвонилъ въ колокольчикъ и вошедшему своему камердинеру приказалъ закладывать и подвести тотчасъ карету **). Когда доложено было, что карета гото-

---

*) Все то, что̀ ниже сего описано, самъ Остафій Трифоновъ пересказывалъ мнѣ въ пути изъ Москвы отъ слова до слова. А какъ впослѣдствіи открылись всѣ его, Трифонова, хитроспѣеныя дѣянія, то объ оныхъ можно видѣть изъ его допросовъ съ прочими злодѣями въ Москвѣ судимыхъ, о коихъ я никакого не имѣю свѣдѣнія, ибо при коммиссіи уже не находился въ сіе время. П. С. Руничъ.

**) Приводимъ интересныя подробности этого свиданія изъ черновой рукописи записокъ П. С. Рунича; авторъ почему-то не счелъ нужнымъ внести ихъ въ бѣловую свою рукопись: «Назвавшійся яицкимъ казакомъ Остафій Трифоновъ — открывшійся впослѣдствіи города Ржева-Владимірова купецъ Долгополовъ, обанкрутившійся и безъ вѣсти долгое время пропадавшій, пришедшій въ Петербургъ, во 2 часу по полуночи, прямо пошелъ въ домъ свѣтлѣйшаго князя Григорія Григорьевича Орлова.

«Подошедъ къ двумъ часовымъ рейтарамъ конной-гвардіи, стоявшимъ во внутреннемъ крыльцѣ на часахъ, не говоря ни слова онымъ, шелъ въ переднюю комнату дома. Но часовые, не пуская его идти туда, остановили, кото-

ва, то князь сказалъ Трифонову: «поѣдемъ со мною», изволилъ приказать сѣсть мнѣ съ нимъ въ карету и приказалъ ѣхать въ Сарское Село, гдѣ императрица съ дворомъ изволила находиться.

рымъ онъ сказалъ: «мнѣ нужно секретно видѣть князева камердинера. Одинъ изъ васъ останься на своемъ мѣстѣ, а другой поведи меня въ переднюю, тамъ велю я дежурному разбудить камердинера и привести ко мнѣ.»

«Часовые, слыша отъ незнакомца дома таковыя рѣчи, одинъ пошелъ съ нимъ въ переднюю, гдѣ спали два лакея. Разбудя ихъ, Остафій велѣлъ одному идти и скоро разбудить камердинера и сказать ему, чтобъ онъ не медля пришелъ, ибо дожидаетъ его человѣкъ, который ему такую откроетъ тайну, которая не терпитъ долгаго мѣшканья времени. Камердинеръ разбуженъ и въ шлафрокѣ явился въ передней, гдѣ увидя ничего незначащаго человѣка съ бородой, въ затасканномъ зеленомъ кафтанѣ, спросилъ его, Остафія, съ гордостью: «что ты хочешь отъ меня?» Остафій ему сказалъ: «нагни голову, то я тебѣ скажу на ухо, чего я хочу». Камердинеръ, хотя однакожъ съ трепетомъ, но нагнулъ свою голову и Остафій ему сказалъ: «веди меня сію минуту къ князю въ спальню, ну, ну сію минуту».

«Можно себѣ представить положеніе въ сію минуту камердинера, который, взявъ свѣчу, сказалъ: «поди за мною»; а часовому велѣлъ остаться въ передней, довелъ до дверей спальни, довольно крѣпко пальцами три раза постучалъ въ спальныя двери и услышавъ князь стукъ въ оныя громко спросилъ: «кто тамъ?»

«Камердинеръ отвѣтствовалъ: «ваша свѣтлость, назвалъ свое имя, я.»

«Ему отвѣтствовано: «поди сюда».

«Трифоновъ взявъ камердинера за полу, вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ спальню, что весьма удивило князя, которому Трифоновъ, низко поклонясь, доложилъ: «извольте, ваша свѣтлость, встать съ постели и одѣваться, а ему прикажите велѣть закладывать карету».

«Князь Григорій Григорьевичъ всталъ съ постели, тотчасъ одѣлся и послалъ камердинера, чтобъ какъ скоро карета будетъ готова, то ему сказать.

«Остафій Трифоновъ, оставшись съ княземъ одинъ—вынувъ изъ-запазушнаго кармана письмо на имя его свѣтлости, подалъ, которое князь распечатавъ и увидя въ ономъ тайну, что изъ числа 360 человѣкъ яицкихъ казаковъ, узнавъ по отступленіи отъ Казани, что начальникъ ихъ ложный императоръ Петръ III, что онъ съ Дона бѣглый казакъ Пугачевъ, боятся, чтобъ онъ не обманулъ ихъ и не ушелъ бы въ Керженскіе лѣса, гдѣ никто его тамъ ужъ не найдетъ, рѣшительно согласились выдать сего злодѣя, просятъ, чтобъ къ нимъ былъ присланъ чиновникъ съ небольшою командою, на какой конецъ отправили секретно его, Трифонова, которому выдать его, Пугачева, по переговорѣ съ Остафьемъ Трифоновымъ, они готовы; а дабы не подать никакого сумленія въ ихъ заговорѣ, донесли своему императору, что Трифоновъ жестоко и отчаянно заболѣлъ и не можетъ идти въ походъ, почему и оставленъ въ Курмышѣ и если не умретъ, то гдѣ бы ни была армія, по выздоровленіи, проберется къ ней.

«Въ письмѣ не одною рукою, но разными вписаны имяна, точно всѣ до единаго яицкіе казаки, въ числѣ коихъ написано имя злѣйшаго злодѣя изверга Перфильева». **П. С. Руничъ.**

«Въ дорогѣ его свѣтлость изволилъ меня распрашивать о происшествіяхъ по яицкому возмущенію и, между прочимъ, спросить меня изволилъ о Перфильевѣ *), о которомъ доложилъ я его свѣтлости, что онъ вписанъ въ письмѣ отъ меня поданномъ, на что князь не изволилъ ни слова сказать.

«Князь, пріѣхавъ со мною въ Сарское Село прямо ко двору и вышедъ изъ кареты, приказалъ мнѣ идти за собою. Дошедши въ ту комнату, гдѣ у дверей стояло двое часовыхъ, изволилъ имъ приказать, чтобъ они при себѣ меня имѣли.

«Съ полчаса стоялъ я у сихъ часовыхъ; потомъ князь вышелъ и приказалъ мнѣ идти за нимъ, и прямо со мною вошелъ въ почивальню къ государынѣ-императрицѣ.

«Увидѣвъ государыню, я упалъ къ ногамъ ея величества. Императрица-государыня повелѣть мнѣ соизволила встать и всемилостивѣйше изволила пожаловать мнѣ ручку свою поцѣловать».—Которую сей безбожный хитрецъ удостоился нѣсколько кратъ цѣловать! вотъ какъ подлѣйшіе лицемѣры дерзаютъ дѣйствовать и обольщать лестью иногда благость и праводушіе и доброту своихъ монархов предувѣреніями своими о всеподданнической къ нимъ вѣрности, усердіи и преданности!

«Послѣ чего изволила государыня, при князѣ Орловѣ, (испытывать): распрашивать меня о ввѣренномъ мнѣ дѣлѣ и о прочихъ произшествіяхъ возмущенія на Яикѣ, (на что Трифоновъ, со всею отважностью ума своего, отвѣчалъ ея величеству).

«Между прочимъ ея величество соизволила меня спросить: какъ могъ я проѣхать или пройти чрезъ Москву?

«На что доложилъ я государынѣ: «Если угодно вашему ве-

*) Сей извергъ Перфильевъ (изъ давныхъ временъ имѣвшій входъ ко многимъ членамъ военной коллегіи и прочимъ, который съ самаго начала неповиновенія оказавшагося на Яикѣ, какъ преданный человѣкъ, раза по два по три въ году) пріѣзжалъ повѣреннымъ по дѣламъ отъ яицкихъ казаковъ въ Петербургъ; но по пути какъ въ оный (откуда переносилъ всѣ вѣсти тайно имъ узнанныя), такъ и обратно на Яикъ, гдѣ только ему удавалось, (вмѣсто мира), разливалъ ядъ и приготовлялъ людей къ своимъ замысламъ, яицкихъ возмутителей. Сей злѣйшій изъ злодѣевъ злодѣй, по вкрадчивому и пронырливому своему уму, никѣмъ въ Петербургѣ не былъ подозрѣваемъ, что онъ есть изъ первѣйшихъ бунтовщиковъ на Яикѣ; (до самаго провозглашенія Пугачева императоромъ Петромъ III являлся въ Петербургъ со своимъ промысломъ): о чемъ узнато ужъ тогда, когда Пугачевъ провозглашенъ былъ императоромъ (послѣ чего не являлся ужъ въ ономъ). П. С. Руничъ.

личеству, то я проведу чрезъ оную 10 т. человѣкъ и никто о томъ не провѣдаетъ. Я прошелъ въ Москву вотъ какимъ образомъ, ваше величество: приставъ за 5 верстъ къ ѣдущимъ въ городъ подводамъ съ дровами и сѣномъ, перекрестясь у заставы, иду прямо въ этомъ кафтанѣ въ нее, мимо часового, тутъ стоящаго, который, увидя меня, ухватилъ за лѣвую полу кафтана и закричалъ: «стой, куда ты идешь? есть ли у тебя письменный видъ?» Я ему безъ робости отвѣчалъ: «господинъ служивый, былъ у меня отъ старосты такого-то казеннаго селенія; но верстъ за десятокъ отсюда вотъ изъ лѣваго продравшагося кармана потерялъ, куда съ нимъ завязанное кое-что и другое положено было». Служивый, всунувъ руку въ лѣвый мой карманъ, которая прошла насквозь, выдернувъ оную съ сердцемъ, толкнулъ меня въ заставу такъ сильно, что я было упалъ; стоящіе тутъ солдаты и народъ захохотали, а я, провождаемый ихъ смѣхомъ, пошелъ прямо по улицѣ. Вотъ матушка-государыня, какимъ образомъ прошелъ я Москву, показавъ и прорванный мой карманъ».

«Государыня императрица изволила усмѣхнуться и что-то князю сказать, который вывелъ меня изъ почивальни и приказалъ какому-то господину, стоящему у дверей почивальни, отвести меня въ комнаты, гдѣ князь останавливается во дворцѣ, гдѣ я въ передней, при двухъ лакеяхъ, часа два дожидался князя».

«(Черезъ часъ мѣсто подошелъ ко мнѣ какой-то человѣкъ въ зеленомъ кафтанѣ съ галуномъ на камзолѣ, и спросилъ меня: «не хочешь ли, братъ, ты водки выпить и закусить?» Я отвѣчалъ ему: «благодарствую, государь мой, я не пью ни водки, ни вина, ни пива, а съѣлъ бы кусочекъ хлѣба съ солью». Онъ отъ меня побѣжалъ и скоро на подносѣ серебряномъ поднесъ мнѣ нѣсколько кусочковъ жареной курицы и многихъ кренделей, кусокъ ситнаго хлѣба и соль. Я вставъ перекрестился и посоливъ хлѣба, взялъ также три кренделька, стоючи сталъ ѣсть. Но принесшій мнѣ завтракъ сказалъ мнѣ съ ласкою: «сядь, братецъ, и возьми еще что тебѣ угодно». Поклонясь сему доброму человѣку, я сѣлъ подлѣ окошка, съѣлъ кусокъ хлѣба, облокотился и задремалъ)».

«(Во все время, что я былъ въ передней, никто въ оную не входилъ, кромѣ двухъ человѣкъ, перваго что мнѣ приносилъ водку и

другого изъ комнаты, гдѣ находились двое лакеевъ—именно господинъ стоявшій передъ почивальной государыни-императрицы. Черезъ часъ времени князь вошелъ въ переднюю; увидя меня, изволилъ мнѣ сказать: «подожди здѣсь немного мой другъ»,—изволилъ пойти въ другую комнату. Минутъ черезъ десятъ вышелъ ко мнѣ человѣкъ у коего на камзолѣ и у кафтана на воротѣ были галуны: «пожалуйте за мною, мой другъ», сказалъ мнѣ, и ввелъ меня черезъ двѣ комнаты, и отворивъ одну половину двери, у третьей указалъ мнѣ идти туда и затворилъ за мною дверь. Князь у зеркальнаго стола стоя читалъ какую-то небольшую записку въ поллиста, перегнувъ которую, прочитавъ, изволилъ вложить въ карманъ и поворотясь ко мнѣ, съ улыбкою изволилъ мнѣ сказать: «здравствуй, мой нощной товарищъ»!

«Я низко поклонился. Князь, оборотясь къ стоящему въ кабинетѣ подъ зеркаломъ, большому, высокому, богато-украшенному комоду, вынувъ изъ онаго кошелекъ съ золотою монетою, изволилъ мнѣ съ усмѣшкой сказать: «подай, братъ, правую твою руку», на которую изволилъ мнѣ вынутый кошелекъ положить, сказавъ при томъ: «положи въ карманъ, но не въ лѣвый тамъ дира». (Изволилъ спросить меня: женатъ ли я, а какъ я доложилъ его свѣтлости, что женатъ, то изволилъ мнѣ сказать: «возьми вотъ, указывая на кресла, узелъ, онъ тебѣ принадлежитъ»; потомъ) примолвить изволилъ: «всемилостивѣйшая государыня, на первый случай, жалуетъ тебѣ кошелекъ *) и (узелъ) **), а когда кончишь свое дѣло, то будешь болѣе и болѣе награжденъ».

«Изволилъ графъ позвонить въ колокольчикъ, на который позывъ вошелъ придворный камеръ-лакей, коему приказалъ князь, чтобъ онъ взялъ меня въ свою комнату, и чтобъ я былъ хорошо накормленъ и успокоенъ имъ и что если я захочу, то чтобъ далъ мнѣ человѣка, съ которымъ могъ бы я по селу и саду погулять свободно; приказать изволилъ ему, камеръ-лакею, чтобъ онъ, какъ отведетъ меня въ свою комнату, то чтобъ тотчасъ къ нему, князю, пришелъ.

«Въ 9-мъ часу вечера выѣхалъ князь со мною изъ Сарскаго

---

*) По счету оказалось въ кошелкѣ 200 червонныхъ.

) Въ ономъ завязано было два куска бархату, одинъ яхонтоваго цвѣту, а другой какъ будто вишневый, 10 аршинъ золотого глазету и 12 аршинъ золотого-жъ галуна съ битью). **П. С. Руничъ.

Села и по пріѣздѣ въ Петербургъ, позвать изволилъ какого-то къ себѣ офицера, приказавъ ему меня взять къ себѣ, чтобъ я у его покойно переночевалъ и былъ угощенъ; у котораго въ комнатахъ я и провелъ ночь *); а утромъ въ 9 часовъ позванъ я къ его свѣтлости и отданъ капитану гвардіи Галахову, которому князь далъ два пакета въ руки **), сказавъ: «поѣзжайте

*) Въ черновой рукописи находимъ слѣдующія подробности, измѣненныя въ бѣловомъ экземплярѣ записокъ: «Его свѣтлость изволилъ мнѣ приказать ѣхать въ Петербургъ въ его домъ; изволилъ при томъ дать мнѣ запечатанное уголкомъ писемцо, чтобъ по пріѣздѣ отдалъ оное его камердинеру и постучавъ въ колокольчикъ, на которой стукъ вошелъ тотъ самый человѣкъ, который впустилъ меня въ комнату къ князю. Его свѣтлость приказать изволилъ ему взять узелъ мой и проводить меня до приготовленной для меня повозки. Сѣвъ въ оную, повезъ меня ямщикъ въ Петербургъ и привезъ прямо въ домъ его свѣтлости, гдѣ нашедъ камердинера, отдалъ ему письмо, который увидя меня улыбнулся; а прочитавъ письмо, сказалъ мнѣ худымъ русскимъ языкомъ: «хорошо, братецъ». Тотчасъ велѣлъ позвать къ себѣ какого-то офицера, отдалъ ему письмо князево и меня, который приказалъ мнѣ идти за собою, привелъ меня въ другой домъ и отворивъ ключемъ двѣ комнаты, чистыя и хорошо прибранныя, сказалъ мнѣ: «вотъ вамъ комнаты; все, что вамъ надобно для васъ, будетъ готово, а если вы захотите пойти со двора, то пожалуйте только скажите мнѣ, а я сейчасъ пришлю къ вамъ слугу, который будетъ при васъ; приказывайте ему все, что вамъ угодно». Скоро сей офицеръ привелъ ко мнѣ слугу и сказалъ мнѣ: «сейчасъ принесутъ къ вамъ пообѣдать»; и вышелъ отъ меня. Свѣтлѣйшій князь пріѣхалъ изъ Сарскаго Села вечеромъ часовъ 9. Черезъ полчаса пришелъ ко мнѣ тотъ самый офицеръ, который отвелъ мнѣ комнаты, и сказалъ, что князь зоветъ меня и повелъ меня въ большой домъ; провелъ черезъ нѣсколько комнатъ нижняго жилья и по небольшой лѣсгницѣ вошли мы въ верхнія комнаты и прошедъ оныхъ 2 или 3, отворилъ дверь и сказалъ «пожалуйте туда». Я вошелъ въ комнату, въ которой князь изволилъ ходить, заворотя обѣ руки назадъ и услыша, что дверь отворилась и увидя меня весьма милостиво изволилъ мнѣ сказать: «здравствуй, Остафій Трифоновичъ, хорошо ли ты доѣхалъ», и изволилъ меня сполчаса разспрашивать о многихъ обстоятельствахъ яицкаго возмущенія, наконецъ сказать изволилъ: «завтра, или послѣ завтра, съ капитаномъ гвардіи ты отправишься въ путь; поди съ Богомъ. Если желаешь или имѣешь надобность съ кѣмъ-нибудь видѣться въ городѣ, то поди куда тебѣ угодно; ибо ты свободенъ». Поклонясь его свѣтлости, доложилъ ему, что я въ Петербургѣ никого не имѣю знакомыхъ; ибо я во всю жизнь мою въ немъ не бывалъ. И такъ, вышедъ въ другую комнату, увидѣлъ офицера своего и съ нимъ прошелъ въ отведенные мнѣ покои. На другой день, какъ смерклось, г. офицеръ бывшій при мнѣ отвезъ меня въ коляскѣ къ г-ну капитану гвардіи Галахову, которому отъ князя отдалъ пакетъ».

**) Въ 1-мъ пакетѣ имѣлся рескриптъ гвардіи капитану Галахову, въ которомъ предписано было «отправиться ему немедленно съ извѣстнымъ человѣкомъ для переговоровъ»; а во 2-мъ—велѣно было распечатать оный, когда востребуется надобность въ томъ.

П. С. Руничъ.

съ Богомъ на предлежащее вамъ дѣло и кончите оное съ усердіемъ и вѣрностію, за что и не будете оставлены милостію государыни императрицы»; а мнѣ, съ особливою милостію, изволилъ сказать: «Прощай, Остафій Трифоновичъ».

«На другой день, вечеромъ, отправился я съ капитаномъ Галаховымъ и двумя гренадерами преображенскаго полка гвардіи въ Москву, куда пріѣхали въ четвертый день пополудни».

VI.

П. С. Потемкинъ.—Назначеніе графа П. И. Панина главнокомандующимъ въ низовый край. — Составитель записокъ поступаетъ къ нему на службу.—Опредѣленіе его въ Секретную коммиссію.

Іюль и августъ 1774 г.

Сказано уже выше сего, что государынѣ-императрицѣ сдѣлалось извѣстнымъ о нашествіи Пугачева на Казань.

Ея величество, по узнаніи о томъ, тотчасъ повелѣть соизволила отправиться въ оную генералъ-майору Павлу Сергѣевичу Потемкину, на котораго возложено принять въ ней начальство *); а вмѣстѣ съ тѣмъ **) немедленно посланъ въ Москву курьеръ къ графу Петру Ивановичу Панину ***) съ высочайшимъ повелѣніемъ, чтобъ онъ, Панинъ, какъ возможно поспѣшнѣе, отправился въ бунтующую страну и принялъ бы начальство, со всею властію, надъ войскомъ и всѣмъ тамошнимъ краемъ. У сего правдиваго, вѣрнаго и нелицемѣрнаго духа 60-ти-лѣтняго старца, оставившаго службу и покоющагося на лаврахъ бендерской побѣды, препочтеннаго сына русской земли, въ самый тотъ день, что получилъ онъ отъ государыни императрицы съ курьеромъ высочайшее повелѣніе ѣхать въ бунтующую страну и принять начальство надъ войскомъ и всѣмъ тамошнимъ

*) Потемкинъ назначенъ былъ начальникомъ секретныхъ коммисій до взятія Казани; 8 іюля 1774 г. онъ уже доносилъ императрицѣ изъ Казани. Ред.

**) Не вѣрно о назначеніи: гр. Панина именной указъ послѣдовалъ 29 іюля 1774 г. Ред.

***) За нѣсколько дней до пріѣзда курьера къ графу Панину, московское и прочее, находящееся въ городѣ дворянство, въ числѣ коего случилось и мнѣ быть, собрано было въ домѣ главнокомандующаго князя Михаила Никитича Волхонскаго, для набора въ уланскій московскій корпусъ дворовыхъ господскихъ людей и выбора надъ онымъ начальника, коимъ избранъ былъ графъ Петръ Борисовичъ Шереметевъ. П. С. Руничъ.

краемъ, умеръ сынъ. Но ни случившаяся сія семейственная горесть, ни оскорбленія по службѣ, имъ перенесенныя, не остановили благородной души его рвенія принять на себя возложенное на его дѣло; онъ тотъ же день обратилъ присланнаго къ нему курьера съ донесеніемъ государынѣ императрицѣ, что, во исполненіе высочайшаго ея величества повелѣнія, немедленно отправится въ бунтующую страну и будетъ жертвовать тамъ всею своею жизнію къ усмиренію и прекращенію возникшаго зла.

Находясь въ сіе время въ отпуску въ Москвѣ изъ 1-ой арміи, въ майорскомъ чинѣ, для излеченія раненой правой ноги сильною контузіею въ сраженіи на Ларгѣ 1770 года іюля 7 дня полученною, бывъ квартирмейстромъ въ колоножной командѣ генералъ-квартирмейстра Баура, явился я къ графу Петру Ивановичу Панину, который зналъ меня въ бытность мою кадетомъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, а брата моего родного, Петра, служившаго въ семилѣтнюю прусскую войну капитаномъ подъ начальствомъ его сіятельства и паки премьеръ-майоромъ подъ его же начальствомъ подъ Бендерами, гдѣ въ штурмѣ бывъ жестоко израненъ, вскорѣ отъ ранъ умеръ. Просилъ я графа принять меня подъ свое начальство, на что графъ съ крайнимъ удовольствіемъ (что явился къ нему первый съ желаніемъ служить подъ его начальствомъ въ то время, когда государству предстоитъ нужда въ людяхъ), согласился, причислилъ меня къ себѣ и далъ о томъ знать военной коллегіи.

Дней черезъ пять пріѣхалъ въ Москву, послѣ назначенія графа Петра Ивановича, гвардіи Преображенскаго полка капитанъ Галаховъ съ Остафьемъ Трифоновымъ и двумя гренадерами онаго полка, Дибулинымъ и Кузнецовымъ, коему велѣно было явиться у графа Петра Ивановича и получить отъ его сіятельства наставленіе, въ которой сторонѣ бунтующаго края, по извѣстіямъ до его дошедшимъ, предполагаетъ онъ, графъ, находится Пугачевъ съ своимъ войскомъ (ибо императрица предполагать соизволила, что графъ Панинъ можетъ быть имѣетъ ужъ о томъ извѣстіе отъ котораго-нибудь корпуснаго командира), дабы ему, Галахову, можно было безпрепятственно съ своею коммиссіею туда слѣдовать. Но какъ графъ и самъ не имѣлъ ниоткуда вѣрнаго извѣстія о томъ, кромѣ того только, что около городовъ Шацка и Керинска народъ бунтуетъ, то и

предписалъ онъ полковнику **Древицу** съ 4-мя эскадронами Венгерскаго гусарскаго полка поспѣшно чрезъ городъ Рязань туда слѣдовать, предназначивъ графъ и ему, Галахову, по сему-жъ тракту отправиться, и нагнавъ полковника Древица съ его командою, до дальнѣйшаго вѣрнаго извѣстія о Пугачевѣ, находиться ему съ своею коммиссіею при семъ отрядѣ.

Увидясь у графа съ послуживцемъ своимъ въ 1-й арміи, будучи обои въ авангардномъ корпусѣ генералъ-поручика Григорія Александровича Потемкина, по убѣдительной его, Галахова, просьбѣ отправиться съ нимъ въ секретной его коммиссіи, представили обои о томъ графу Петру Ивановичу, который, изъявивъ на то свое согласіе, давъ объ ономъ знать военной коллегіи, заблагоразсудилъ г. Галахову предложить о причисленіи меня къ его командѣ.

Поступивъ такимъ образомъ въ сію секретную коммиссію, и принявъ по оной управленіе дѣлами (пробывъ съ сею коммиссіею три дня въ Москвѣ, гдѣ повелѣно было получить деньги, не могли оныхъ ни въ какомъ мѣстѣ найти болѣе 15 тысячъ рублей золотою монетою, которыя и получили изъ Соляной конторы отъ начальника оной, тайнаго совѣтника и св. Анны кавалера **Михаила Яковлевича Маслова**; выбрали 10 человѣкъ солдатъ изъ команды Преображенскаго полка) и отправились съ коммиссіею и Остафьемъ Трифоновымъ изъ Москвы по рязанскому тракту, 1774 года августа 5 дня, и доѣхавъ до (дворцового) села Люберицъ, поворотили съ онаго влѣво на Гуслинскую волость, а изъ оной въ село Дѣднево; переправились черезъ Оку и за 40 верстъ отъ оной настигнувъ полковника Древица съ эскадронами, прибыли въ провинціальной городъ Рязань.

VII.

Слѣдованіе Коммиссіи по краю, взволнованному мятежомъ. — Рязань. — Шацкъ. — Отраженіе мятежниковъ отъ г. Керенска. — Коммиссія въ Арзамасѣ, Апоченскѣ, Саранскѣ. — Примѣры варварства Пугачева. — Помѣщикъ Салтыковъ. — Картины опустошенія, произведеннаго Пугачевымъ. — Пенза. — Крѣпость Петровская. — Саратовъ. — Нѣмецкія колоніи. — Вниманіе къ нимъ Пугачева. — Коммиссія въ Камышенкѣ и въ станицѣ Каменкѣ. — Встрѣча съ Пугачевымъ. — Коммиссія въ Дубовкѣ и въ Царицынѣ.

Августъ 1774 г.

Воевода города Рязани, надворный совѣтникъ **Михайла**

Ивановичъ Кологривовъ, представилъ полковнику Древицу и коммиссіи рапортомъ, что около города селенія прилегающія, не слушаясь его предписаній, не даютъ лошадей на подставку для проѣзда его сіятельства графа Панина, и что онъ повседневно получаетъ сношеніи отъ Шацкаго воеводы, подполковника Лопатина, о возмущеніи народномъ въ его провинціи и вторичномъ уже нападеніи бунтовщиковъ на городъ Керинскъ, (отстоящій отъ Шацка въ 80 верстахъ, отъ коихъ воевода Перскій и оборонялся, но въ третій уже разъ атаковало городъ до 10 тысячъ бунтовщиковъ), о чемъ и донесъ онъ московской губернской канцеляріи и его сіятельству князю Михаилу Никитичу Волхонскому и графу Петру Ивановичу Панину.

По разсмотрѣніи сихъ рапортовъ полковникомъ Древицемъ, капитаномъ Галаховымъ и мною (и при воеводѣ Кологривовѣ), положено было отправиться мнѣ тайно вооруженнымъ (добрыми пистолетами), въ простомъ одѣяніи, тотъ же день въ Шацкъ (и дознаться тамъ о всѣхъ происшествіяхъ), а полковнику Древицу съ коммиссіею выступить на другой день, оставя воеводѣ 1 офицера съ 15-ю человѣкъ гусаръ для сгона подводъ подъ экипажи графа Панина и его свиты, и на случай усмиренія неповиновенія черни. Предписано мнѣ было, по пріѣздѣ въ городъ Шацкъ, объявить воеводѣ, чтобъ для гусарскаго полка и коммисіи тотчасъ отведены были въ городѣ квартиры, а между тѣмъ разсѣять слухъ, что чрезъ два дни весь сказанный отрядъ вступитъ въ оный (на проѣздъ до онаго даны мнѣ двѣ подорожныя: одна отъ полковника Древица, а другая отъ воеводы).

Проѣхавъ ночью кое-какъ многія селеніи и пріѣхавъ 15 августа въ село одно, около 11 часовъ пополуночи, нахожу въ ономъ множество народа и много подгулявшихъ. Спросилъ старосту и приказалъ ему, какъ можно скоряе, дать мнѣ за прогоны повозку съ тремя лошадьми; который безотговорочно чрезъ часъ мнѣ и привелъ оную.

Въѣхавъ (15 августа) изъ селенія въ лѣсъ и проѣхавъ онымъ версты двѣ, вдругъ подводчикъ остановился и обратясь ко мнѣ, спросилъ меня: («Не къ батюшкѣ ли государю ты ѣдешь изъ Москвы), и не слышно ли въ ней, скоро-ль наслѣдникъ, государь,

Павелъ Петровичъ изволитъ (къ нему) здѣсь проѣхать? Мы его то и дѣло, что всякій день сюда ожидаемъ» *).

Услыша отъ мужика сей странный вопросъ, я нашелся только ему въ отвѣтъ сказать:

«Молчи, братъ»!

Услыша мой отзывъ, ударилъ по лошадямъ и поскакалъ.

Пріѣхавъ въ Шацкъ прямо въ земляную крѣпость къ воеводскому дому, у котораго четыре старика статной команды поддѣлывали къ 3 чугуннымъ пушкамъ низенькіе топорные лафеты (и колеса), вошелъ въ переднюю комнату воеводскаго дома; нахожу въ немъ слугу, держащаго въ рукахъ вязанный имъ чулокъ и дремавшаго крѣпко, разбудилъ его и спросилъ:

«Гдѣ г. воевода»?

(Слуга, дѣлая свое дѣло и не вставая со скамьи своей), спросилъ меня: «на что онъ тебѣ»? и отвѣчалъ мнѣ: «воевода легъ (недавно) послѣ кушанья почивать».

«Поди, мой другъ», сказалъ я ему, — «разбуди г. воеводу и поведи меня къ нему».

Но слуга отвѣчалъ: «Не знаю, какъ тебя назвать, но воевода не любитъ, чтобъ его послѣ обѣда будить».

«Поди! прикрикнулъ я на него, а не то я пойду и разбужу его самъ».

Нехотя, но пошелъ онъ, а я за нимъ, и пройдя двѣ комнаты, остановился у двери слуга и постучалъ въ дверь весьма умѣренно, но изъ комнаты былъ вопросъ:

«Кто тамъ»?

«Я, Иванъ», отвѣтствовалъ слуга.

— Что такое?

«Какой-то человѣкъ пріѣхалъ къ вамъ и стоитъ со мною здѣсь у дверей».

Минуты чрезъ двѣ изъ внутри спальни (ключемъ) отворена дверь и г. воевода, человѣкъ около 9 вершковъ росту, вышелъ изъ оной въ пестромъ шлафрокѣ, въ колпакѣ и туфляхъ.

Увидя меня, сурово спросилъ:

— «Что тебѣ надобно, а слугѣ сказалъ: Иванъ, постой

*) Въ бѣловомъ экземплярѣ записокъ Руничъ начало этого вопроса значительно измѣнилъ, а именно: «Скажи, батюшка государь, не изъ Москвы-ль ты ѣдешь?» Ред.

здѣсь».—Не говоря ни слова г. воеводѣ, но вынувъ изъ бокового сюртучнаго кармана (подорожную) ордеръ, подписанный гг. полковникомъ Древицемъ и гвардіи капитаномъ Галаховымъ, который воевода, взявъ и вынувъ очки, началъ читать про себя; но увидя въ ономъ (майорскій) чинъ мой (и что я отправленъ въ городъ ему подчиненный), вдругъ съ торопостью, снимая колпакъ, едва не уронилъ свои наемные глаза, подошелъ ко мнѣ и весьма перемѣшаннымъ голосомъ сказалъ мнѣ: «извините меня, ваше высокоблагородіе, покорнѣйше прошу сѣсть», и спросилъ ту минуту: «батюшка, изволили вы кушать»?

Я ему отвѣтствовалъ: «пожалуйте, не заботьтесь обо мнѣ». Но г. воевода приказалъ своему слугѣ, стоящему при насъ, накрывать скоряе на столъ и кушать давать. Между тѣмъ я просилъ г. воеводу прочитать мой ордеръ и вышелъ къ повозкѣ заплатить подводчику прогоны и, заплатя ему (оныя, велѣлъ ему ѣхать куда хочетъ); попросилъ одного изъ служивыхъ, работающаго около пушечныхъ лафетовъ, чтобъ онъ изъ повозки вынулъ мой чемоданчикъ, плащъ и саблю, спрятанную въ сѣнѣ подъ онымъ; а прочимъ какъ солдатамъ, тремъ человѣкамъ, трудившимся въ поддѣлкѣ лафетовъ, такъ и стоящимъ безъ дѣлъ, разнаго званія, при сей работѣ, сказалъ:

«Перестаньте, служивые, трудиться около вашихъ чугунныхъ пушекъ; завтра придутъ сюда настоящія мѣдныя пушки».

Служивые, выслушавъ меня, остановились, а стоявшіе зрители, одинъ за однимъ, начали уходить съ своихъ мѣстъ.

(По приносѣ чемодана, вынулъ я мой мундиръ и одѣлся. Г. воевода, какъ я скинулъ сюртукъ, увидя два пистолета и кинжалъ, кои такъ были скрыты, что нельзя было ихъ примѣтить, крайне удивлясь тому, сказалъ мнѣ: «позвольте, батюшка, и мнѣ пойти надѣть мундиръ». Онъ пошелъ одѣваться и закричалъ Ивану скорѣе кушать давать. Между тѣмъ пошелъ я прямо за валъ крѣпости и походя нѣсколько времени по торговому мѣсту, гдѣ болѣе толпилось народу, изъ коего нѣкоторые снимая шляпы и шапки кланялись, а нѣкоторые, увидя меня, удалялись).

Возвратясь къ г. воеводѣ, нашелъ его, старика, въ мундирѣ штабъ-офицерскомъ, ибо онъ былъ подполковничьяго или полковничьяго чина. (Онъ представилъ меня своей супругѣ, а мнѣ своего товарища и секретаря, а за ними назначеннаго мнѣ вѣ-

стового. Доложилъ я г. воеводѣ, чтобъ онъ немедленно приказалъ къ завтрашнему утру приготовить въ самомъ городѣ квартиры полковнику Древицу и гвардіи капитану преображенскаго полка Галахову и всему корпусу какъ для лошадей, такъ и людей, что весьма обрадовало всѣхъ тутъ бывшихъ. Г. воевода тотчасъ послалъ за своимъ офицеромъ статной команды и за ратушными судьями, а меня просилъ пообѣдать, «что Богъ послалъ» сказавъ. За столъ проводили меня его супруга, самъ воевода, товарищъ и секретарь, коихъ съ великимъ трудомъ упросилъ я сѣсть. Хозяйка нѣсколько разъ выходила изъ столовой и опять возвращалась въ оную. Наконецъ, вставъ изо стола я такимъ же образомъ хозяйкою и прочими проведенъ въ ту комнату, гдѣ съ г. воеводою встрѣтился и, къ удивленію моему, увидѣлъ въ ней болѣе 30 дамъ и десятка два мужчинъ въ различныхъ нарядахъ, кои всѣ вообще, при входѣ моемъ, встали, дамы иныя кланялись, другія присѣдали, а мужчины, подходя съ низкими поклонами, рекомендовались и всѣ почти въ одно слово говорили: «отецъ нашъ, ты своимъ пріѣздомъ оживилъ насъ всѣхъ». Послѣ таковой церемоніи начали разсказывать разныя исторіи о неповиновеніи и возмущеніяхъ крестьянъ, кои надобно было выслушивать. Скоро появились въ сей же комнатѣ ратушные или магистратскіе члены и статной команды два офицера, коимъ г. воевода приказалъ, чтобъ для имѣющаго завтра вступить въ городъ корпуса войскъ, какъ для людей, такъ и лошадей были приготовлены квартиры, о чемъ и я имъ подтвердилъ, чтобъ точно все то, что г. воевода имъ приказываетъ, было исполнено непремѣнно; ибо корпусъ прежде половины дня въ городъ вступитъ. Оставя собравшихся у г. воеводы, пошелъ по городу и походивъ по улицамъ болѣе часу, возвратясь нашелъ еще болѣе 70 человѣкъ дамъ и мужчинъ. Ночь прошла благополучно безъ всякаго въ городѣ шуму и безпорядку).

Отдалъ воевода мнѣ мой ордеръ и сказавъ мнѣ, что приказалъ отводить квартиры, подалъ мнѣ полученныя вчерашняго дня отъ Керинскаго воеводы бумаги, въ коихъ извѣщаетъ, что до 10 т. бунтовщиковъ обступили его городъ и хотятъ штурмомъ оный взять, и что онъ въ крайнемъ находится бѣдствіи, не имѣя никакой воинской команды, кромѣ градскихъ обыва-

телей и двухъ, устроенныхъ имъ пушекъ; но что онъ рѣшился защищаться до послѣдней капли крови.

Я совѣтовалъ г. воеводѣ тотчасъ потаенно нарочнаго къ Керинскому воеводѣ отправить и его увѣдомить, что полковникъ Древицъ съ гусарскимъ полкомъ, егерями и шестью пушками завтра вступитъ въ городъ, вамъ ввѣренный и что немедленно двигнется съ симъ отрядомъ къ Керинску; что́ г. воевода тотчасъ и исполнилъ. Онъ объявилъ мнѣ также, что къ нему въ городъ съѣхалось до 300 мужеска и женска пола дворянъ, и что мужчины, съ преданными имъ дворовыми людьми намѣреваются устроить изъ себя конницу; но поджидаютъ сюда отставного генералъ-майора Левашева, котораго и выбрали своимъ командиромъ.

Между прочимъ, какъ самъ г. Лопатинъ, такъ и множество собравшихся къ нему дворянъ, по узнаніи о моемъ пріѣздѣ въ городъ и отводѣ въономъ квартиръ, разсказывали и увѣряли меня, что съ недѣлю тому, не болѣе, какъ верстъ за 15 отъ города, въ селѣ Сасовѣ, въ торговый день въѣхалъ въ оное какой-то казачій генералъ, въ голубой лентѣ, съ тринадцатью человѣками казаковъ, которые кричали народу: «государь императоръ Петръ III изволитъ ѣхать»! Народъ бросился, кто къ нему, кто на колѣни и кричали «ура»! Но онъ съ своею командою тихо проѣхалъ чрезъ все селеніе и хотя множество народу за ними бѣжало, но казаки махали имъ руками, чтобъ возвратились къ торгу.

На другой день пріѣзда моего въ Шацкъ, осмотрѣлъ я всѣ отведенныя квартиры, а часу въ 12-мъ пополуночи прискакалъ квартермейстръ эскадроновъ, для принятія оныхъ, а за нимъ, часа два спустя, вступилъ и самъ полковникъ Древицъ со своимъ отрядомъ.

По извѣстіямъ, что Керинскъ атакованъ бунтовщиками, располагалъ полковникъ Древицъ, съ 3-мя эскадронами по полуночи выступить къ Керинску, а 4-й—съ коммисіею оставить въ Шацкѣ; но часовъ въ 9 вечера прискакалъ отъ керинскаго воеводы Перскаго нарочный, что воевода разбилъ непріятеля, отогналъ онаго отъ города, разсыпалъ и взялъ многихъ въ полонъ.

Разсказалъ намъ нарочный, какимъ образомъ освободилъ городъ отъ бунтовщиковъ благоразумный онаго воевода:

«Видя онъ, воевода, свою и всего города неизбѣжную гибель, вымыслилъ (употребить послѣднее средство избавиться отъ бунтовщиковъ: тайно собралъ всякаго рода сабли, пистолеты, ружья, копья, коихъ въ городѣ довольное находилось число у жителей для обороны во время нападенія, какъ своихъ такъ и у другихъ выбралъ лучшихъ лошадей и) находящихся подъ его присмотромъ 30 человѣкъ плѣнныхъ турокъ (тайно ночью) уговорилъ, чтобъ они согласились вооружиться, коихъ и снабдилъ саблями, пистолетами, пиками и лошадьми, къ которымъ присовокупилъ до 100 человѣкъ (отважнѣйшихъ) жителей, нарядивъ оныхъ кое-какъ въ турецкое одѣяніе (чтобъ они съ турками передъ самою зарею вдругъ изъ города сдѣлали вылазку на первое то мѣсто, гдѣ болѣе скоплено бунтовщиковъ), а сверхъ того собралъ съ пиками городскихъ обывателей и дворовыхъ людей человѣкъ до 200 съ 2 пушками пѣшихъ; передъ свѣтомъ выступилъ самъ съ товарищемъ изъ города и напалъ на таборъ бунтовщиковъ; атаковалъ ихъ вдругъ съ одной стороны конными турками, а съ другой—пѣхотою съ пушками, и сею атакою въ такой привелъ спящихъ беззаботно во всемъ таборѣ бунтовщиковъ страхъ, что какъ скоро услышали пушечные выстрѣлы и крикъ турковъ, то бросясь лошадей и весь свой лагерь, всякій бѣжалъ кто куда могъ *), а конные турки, гнавъ бѣжавшихъ, рубили, кололи и брали въ полонъ». Такимъ благоразумнымъ вымысломъ разбивъ воевода керинскій сволочь бунтовщиковъ (и къ свѣту около онаго не было ни одного человѣка), добивался отъ плѣнныхъ узнать, кто командовалъ оными, но никакъ не

---

*) Это же разсказано въ черновой рукописи въ слѣдующемъ варьянтѣ:

« ... Уговорилъ на сіе дѣло турокъ и прочихъ жителей верхами напасть на бунтовщиковъ, увѣривъ въ томъ турокъ, что если поможетъ ему Богъ разбить непріятеля, то они, турки, будутъ изъ полону выпущены. По согласію на его распоряженія турокъ и 60 человѣкъ разнаго званія людей, поставилъ ихъ тайно ночью у воротъ вала и за часъ до свѣта явился къ нимъ самъ верхомъ, приказавъ своему товарищу съ собранными прочими городскими до 300 человѣкъ, вооруженныхъ копьями и косами, чтобъ тотчасъ какъ онъ изъ воротъ съ конными бросится на бунтовщиковъ спящихъ, то чтобъ выступила и пѣхота и кричали по-турецки алла, и чтó имъ попадется на встрѣчу кололи и косами посѣкали. Такимъ устроеннымъ образомъ напалъ онъ на бунтовщиковъ и привелъ ихъ въ ужасный страхъ, побилъ многихъ, а прочіе всѣ разбѣжались, оставя при своихъ шалашахъ и всякаго рода шатрахъ лошадей, оружіе и прочее, чтò при себѣ имѣли, бѣжали невѣдомо куда», и т. д.

могъ отъ нихъ о томъ узнать; но вообще по слухамъ предполагали, что въ семъ (возмущенномъ) краю было разсѣяно отъ Пугачева нѣкоторое число яицкихъ казаковъ.

За таковый геройской и благоизобрѣтенной подвигъ государыня императрица пожаловать соизволила керинскому воеводѣ 5000 руб., а прочимъ, въ семъ дѣлѣ находившимся чиновникамъ, сдѣлано также денежное награжденіе, а туркамъ каждому выдано 100 руб., освобождены они всѣ изъ плѣну и до границы сопровождены на казенный счетъ.

На другой день полученнаго извѣстія о пораженіи бунтовщиковъ подъ Керинскомъ, предъ самою зарею, когда приготовлялись трубить оную предъ квартирою полковника Древица, прискакалъ курьеръ отъ корпуснаго командира, подполковника Михельсона съ рапортомъ графу Петру Ив. Панину. Курьеръ сей пробирался по проселочнымъ дорогамъ, провѣдалъ не въ дальнемъ разстояніи отъ Шацка, что будто графъ находится въ семъ городѣ; но когда ему объявлено было, что графъ въ Москвѣ, то просилъ приказать дать ему немедленно лошадей. Показавъ сему курьеру предписаніе, данное отъ графа коммиссіи, что если встрѣтится съ нею какой курьеръ отъ военнаго или гражданскаго начальства къ нему посланный съ донесеніями, то у каждаго такого курьера можетъ коммиссія вытребовать оныя и распечатать, а потомъ вновь запечатавъ, съ симъ курьеромъ донести, что точно коммиссіею донесенія къ нему распечатаны и прочтены были. Коммиссія, узнавъ изъ рапорта подполковника Михельсона, что онъ преслѣдуетъ Пугачева, который впереди его верстъ за 80 (въ чернов. рукоп. 150) со своимъ войскомъ стремится къ Саратову, поспѣшно преслѣдуетъ онаго со своимъ корпусомъ (и приближается съ корпусомъ къ старинной крѣпости Петровской), о чемъ и доноситъ графу.

По узнаніи о томъ и по запечатаніи рапортовъ, коммиссія донесла съ симъ же курьеромъ какъ о распечатованіи рапорта, такъ и о томъ, что коммиссія, вытребовавъ у полковника Древица 12 человѣкъ гусаръ съ поручикомъ Дидрихомъ и 6-ю человѣками гвардіи преображенскаго полка гренадеръ (и съ Остафіемъ Трифоновымъ) отправиться сію-жъ ночь на большой Саратовскій трактъ въ городъ Арзамасъ (нагонять корпусъ подполковника Михельсона).

По приготовленіи подводъ, коммиссія въ сію-жъ ночь отправилась въ городъ Арзамасъ, въ который прибыли часовъ въ десять пополудни.

Найдя здѣсь воеводу, старика Синявина, и весь городъ въ страхѣ и уныніи, узнали мы отъ воеводы, что пугачевская партія третьяго дни разграбила Апочинскій конногвардейскій заводъ, въ 100 верстахъ отъ города отстоящій; но куда партія сія отъ онаго направила свой путь, о томъ они не имѣютъ еще свѣдѣнія. Совѣтовалъ г. воевода до полученія о томъ извѣстія остаться коммиссіи въ городѣ; но (подавъ нѣкоторое наставленіе воеводѣ и прочимъ) коммиссія не разсудила остаться здѣсь, а требовала, какъ возможно скоряе, дать подъ оную подводы, кои, часа черезъ два, были собраны. Отправясь изъ Арзамаса на зарѣ, прибыли благополучно въ Опочинскъ, часовъ въ 8 вечера; нашли здѣсь конногвардіи ротмистра Павлова, которому порученъ былъ въ присмотръ заводъ, у дома коего съ копьями находилось до 200 заводскихъ крестьянъ и при нихъ нѣсколько вооруженныхъ рейтаръ.

Г. ротмистру объявили мы, чтобъ онъ приказалъ, какъ можно приготовить подъ команду коммиссіи подводы поспѣшнѣе. А между тѣмъ разсказалъ намъ г. ротмистръ, что четвертаго дня партія, въ числѣ ста человѣкъ казаковъ, напала на село и заводъ, и что онъ съ 6-ю человѣками рейтаръ, съ казною, за часъ только нашествія оной могъ выбраться и скрыться верстъ за 12 отсюда, въ лѣсу, гдѣ пробывъ двое сутокъ, возвратился опять къ своему мѣсту вчерашняго дня, собралъ кое-какъ до 200 крестьянъ для охраненія завода, съ котораго непріятель увелъ 60 лучшихъ лошадей (но не могъ вскорости причинить многаго разоренія заводу и селенію) ибо подполковникъ Муфель съ батальйономъ приближался къ заводу и, не остановясь здѣсь, преслѣдуетъ непріятеля по тракту къ городу Саранску.

По заготовленіи подводъ немедленно отправилась коммиссія въ путь къ Саранску, куда прибыли, по нескорому ночью заготовленію подводъ, уже на другой день, передъ полуднемъ. По пріѣздѣ коммисіи въ сей городъ, остановились на площади совершенно опустошеннаго города, на которой нашли однакожъ человѣкъ до 50, кое-какую мелочь и нѣсколько разнаго припаса продающихъ. Явился немедленно новый воевода, отъ Пугачева

опредѣленный, подпоручикъ статной команды (безъ лѣвой руки), въ пестрядиюномъ полушубкѣ, опоясанной портупеею со шпаженкою, который и рапортовалъ, что въ городѣ состоитъ благополучно и объявилъ, что бывшій воевода убитъ и что ему препорученъ городъ.

Галаховъ и я отогнали отъ себя сего негодяя, приказавъ ему не называться воеводою; послали тотчасъ гусаръ искать подводъ въ ближнихъ селеніяхъ и выгонять въ городъ. Около трехъ часовъ дожидались подводъ, въ которое время человѣкъ съ десять изъ купечества и мѣщанъ разсказывали намъ, что: «Пугачевъ двое сутокъ стоялъ въ городѣ со всею своею арміею и около онаго и что въ сіи два дни грабили городъ, убили воеводу и человѣкъ четырехъ дворянъ, неуспѣвшихъ съ воеводою убѣжать изъ города» *). Разсказали намъ также, что̀ за варварство сдѣлалъ съ одною старушкою дворянкою Пугачевъ, при выѣздѣ изъ ея дома.

Дворянка сія оставалась въ городѣ, имя которой у меня записано, но, по разборѣ чрезъ 46 лѣтъ моихъ бумагъ, не могъ отыскать сію записочку, но въ памяти моей не забылъ поступка, съ нею приключившагося, ибо при разговорахъ иногда разсказывалъ я оный моимъ знакомцамъ.

Дворянка сія старушка была богата и чрезмѣрно скупа; хранила у себя всегда болѣе 100 т. рублей золотой и серебряной монеты (кои соблюдала она паче души своей), о чемъ извѣстно было всѣмъ, въ городѣ живущимъ; но она всегда съ клятвою отзывалась, что у нея никакихъ денегъ нѣтъ; вышла на встрѣчу Пугачеву съ хлѣбомъ и солью и упросила (удостоить ея домъ своимъ посѣщеніемъ и въѣхать къ ней) остановиться въ ея домѣ.

Пугачевъ милостиво принялъ безбожной старухи сей приглашеніе и остановился со всѣмъ своимъ штатомъ у нея въ домѣ, гдѣ и былъ угощаемъ (по старому обычаю банею и всѣмъ удовольствіемъ). Проводивъ у нея ночь и поблагодаривъ старушку за ея доброе угощеніе, сѣлъ на своего коня, а старушка въ радости своей пошла проводить своего благодѣтельнаго гостя за ворота (и только что въ средину воротъ вошла, то и поднята

*) Здѣсь Пугачевымъ повѣшенъ воевода и многіе какъ изъ дворянъ, такъ и прочихъ состояній измучены страдальческою смертію, а другіе живущіе бѣжали, кто гдѣ могъ укрыться. Черн. рук. Рук.

веревкою въ верхъ и повѣшенная кончила всѣ радости своей жизни, а домъ) и всѣ сокровища ея достались въ наслѣдство благодѣтелю ея, Емельяну.

Поступокъ помѣщичьихъ крестьянъ: въ уѣздахъ Саранскомъ и Пензенскомъ, въ коихъ въ прошедшія времена весьма мало имѣлось казенныхъ селеній, но всѣ состояли въ помѣщичьемъ владѣніи, почему въ бунтъ Пугачевскій много въ оныхъ пострадало дворянъ. Въ сіе несчастное время пріѣхавшій изъ Москвы въ свои деревни бригадиръ Александръ Вас. Солтыковъ, находясь въ устроенномъ своемъ селѣ, узнавъ, что Пугачевъ съ войскомъ своимъ вступилъ въ городъ Саранскъ, вздумалъ себя спасти и уѣхать въ какое-нибудь тайное мѣсто и скрыться въ ономъ, для сего и лошади были уже приготовлены; но мужики, крестьяне его, узнавъ о томъ, схватили его и связавъ, посадили въ телѣгу и съ нѣсколькими верховыми повезли его стороною по Саранскому тракту, чтобъ предать его въ руки Пугачеву. Но святое Провидѣніе спасло его; ибо крестьяне съ связаннымъ своимъ господиномъ, вмѣсто Пугачева, встрѣтились съ батальйономъ подполковника Муфеля, который освободилъ Солтыкова; а крестьянъ забравъ и пришедъ въ село, какъ сихъ, такъ и прочихъ участниковъ, строжайше наказалъ.

Выѣхавъ изъ Опочинокъ уже ночью, не могли мы видѣть, что партія, бывшая въ Опочинкахъ, по тракту къ Саранску, многія грабила селеніи, но съ свѣтомъ вдругъ открылась предъ глазами нашими картина ужаса, разоренія и опустошенія селеній; ибо (пугачевская армія все, что на пути своемъ ни встрѣчала, видѣла и обнять могла, убивала, грабила и расхищала подобно саранчѣ; селенія по тракту нашему были пусты и) въ оныхъ не находили мы ничего болѣе, кромѣ престарѣлыхъ людей мужеска и женска пола, а прочіе всѣ, кто только могъ сѣсть на коня и идти добрыми шагами пѣшкомъ, съ косами, пиками и всякаго рода дубинками, присоединились къ пугачевской арміи, къ которой партія со 100 человѣками казаковъ отряжена была въ Опочинки—также съ оною соединилась на Саранскомъ трактѣ. (Тучныя и изобильныя поля сего края съ готовымъ колосомъ оставались безъ трудолюбиваго жателя въ самое время жатвы; всякаго рода скотъ безъ пастыря скитался по изобильнымъ пашнямъ днемъ и ночью, топталъ оныя, рылъ хлѣбъ и

довершалъ тѣмъ гибель и бѣдственность поселянина; невѣроятное множество скитающихся лошадей, измученныхъ въ кровавыхъ ранахъ и брошенныхъ какъ отъ войска пугачевскаго, такъ и преслѣдующаго за нимъ корпуса, усыпалъ дорогу и пашни). Но сколь ни велико было разореніе и опустошеніе селеній, представившіяся отъ Опочинокъ до Саранска, но что ужъ представилось взору нашему отъ сего города по тракту къ Пензѣ, Петровску и до самаго Саратова, то о томъ ни сердце мое, ни перо не въ силахъ объяснить! Ни въ одномъ селеніи по тракту нашему до (самой Царицинской крѣпости) саратовскихъ колонистовъ, поселенныхъ на нагорной сторонѣ Волги, не могли мы иначе находить подводъ и лошадей въ опустошенныхъ селеніяхъ, какъ принуждены были посылать гусаръ загонять табуны лошадей въ селеніе, гдѣ ужъ ловили сихъ лошадей и запрягали въ подводы, на которыя сажали управлять оными такихъ стариковъ, кои имѣли еще силы владѣть кое-какъ лошадьми съ помощію гусаръ и гвардейскихъ солдатъ.

Достигнувъ кое-какъ до города Пензы, который также какъ и Саранскъ былъ разоренъ, а бывшій въ оной воевода Андрей Всеволожскій съ нѣкоторыми дворянами и чиновниками преданъ смерти, здѣсь, въ городѣ, нашли мы предводителя дворянскаго Ефима Петр. Чемезова съ уланскою командою изъ дворянскихъ дворовыхъ людей собранную и одѣтую въ голубой мундиръ, при которой находилось два чиновника — поручикъ Александръ Ѳедо. Ермоловъ и лейбъ-гвардіи сержантъ Иванъ Ива. Репинъ, который нынѣ присутствуетъ въ правительствующемъ сенатѣ. (Съ сими уланами, какъ г. Чемезовъ объяснилъ намъ, онъ воевалъ противъ бунтовщиковъ волости Головинщиною называемыхъ, помѣщицы Марьи Іонишны Головиной и прочими).

Господинъ дворянства предводитель и предводитель уланской команды, по требованію коммиссіи, скоро снабдилъ оную подводами и, не мѣшкавъ здѣсь, коммиссія отправилась въ старинную Петровскую крѣпость, во имя Петра Великаго построенную и укрѣпленную рубленою деревянною стѣною съ башнями. Здѣсь нашли мы воеводою и комендантомъ одного подъячаго, при воеводской канцеляріи находившагося, который извѣстилъ насъ, что онъ, по болѣзни, оставался одинъ въ городѣ и

что воевода съ прочими, дни за два Пугачевскаго вступленія въ оный, скрылись въ степь и гдѣ находятся, не знаетъ. Сей же подьячій увѣдомилъ насъ, что Пугачевъ съ арміею, не останавливаясь въ крѣпости, дней тому съ семь, пошелъ прямо къ Саратову, а дни два спустя за нимъ прошелъ Михельсонъ съ своимъ корпусомъ. Собравъ кое-какъ, съ помощью гусаръ, и здѣсь подводы, коммиссія отправилась также въ Саратовъ, куда и прибыла на другой день уже утромъ.

Въѣхавъ въ городъ, по Московской улицѣ, на площадь, увидѣли на оной человѣкъ до полутораста торгующихъ различными припасами; распрашивали: есть ли въ городѣ какой-нибудь начальникъ? но намъ отвѣчали, что ни одного не находится и что видимый нами народъ не болѣе какъ дней за пять сюда только-что собрался.

Коммиссія разсудивъ остановиться въ семъ городѣ часовъ на шесть какъ для отдыха, такъ и для снабденія хлѣбомъ, (изъ нихъ человѣкъ до 10 съ гусарами), послала приготовлять подводы; а между тѣмъ расположилась коммиссія съ командою у шалашей, на площади находящихся, куда пришло человѣкъ до двадцати старичковъ, кои и разсказывали о всѣхъ бѣдствіяхъ, Пугачевымъ городу причиненныхъ; увѣдомили насъ, что вся артиллерійская, инженерная и гарнизонная, да нѣсколько сотъ человѣкъ команды, съ 24-мя пушками и со всѣмъ снарядомъ передалась Пугачеву и что артиллеристы, связавъ начальника своего, подполковника князя Баратаева, также съ нимъ какого-то профессора, нѣмца, присланнаго изъ Петербурга для соединенія каналомъ Волги съ Дономъ, выдали въ руки Пугачеву и что комендантъ, полковникъ Бошнякъ съ поручикомъ артиллеріи Ельчинымъ, гарнизоннымъ подпоручикомъ Хоботовымъ, преданными къ нимъ нѣкоторымъ числомъ солдатъ и до 50 человѣкъ гражданъ, въ самое почти вступленіе въ городъ непріятеля, кое-какъ успѣли выбраться на берегъ Волги и сѣсть въ четыре суда, пустились въ низъ оной и гдѣ теперь находятся, неизвѣстно *).

*) Пугачевъ занялъ Саранскъ — 27 іюля, выступилъ изъ него — 30 іюля; взялъ Пензу, и 4 августа былъ въ Петровскѣ; 6 августа подступилъ къ Саратову, 9-го числа выступилъ уже изъ него; 11 августа прибылъ въ Саратовъ Муфель, а 14 — Михельсонъ. Нѣмецъ-профессоръ, упоминаемый Руничемъ, былъ едва-ли ни астрономъ — Ловицъ. Ред.

Когда подводы были готовы, то и мы пустились въ свой путь.

Отъѣхавъ до 15 верстъ отъ Саратова, увидѣли мы двѣ новыя могилы у самой дороги и спросили у возчиковъ, что это за могилы? они намъ отвѣчали, что въ оныхъ зарыты тѣла убитыхъ на семъ мѣстѣ, артиллеріи подполковника князя Баратаева и нѣмца, преданныхъ артиллеристами въ руки Пугачеву.

Вышедъ изъ повозокъ, поклонились мы покоющимся въ нѣдрахъ персти земной, гдѣ не бываетъ ужъ печали и воздыханія, продолжали путь и пріѣхали въ первую отъ Саратова поселенную колонію лютеранскаго исповѣданія, гдѣ нашли мы до 70-ти человѣкъ по близости кирхи (на пространствѣ саженей 30 отъ кирхи) спросили старосту, который ту минуту явился къ намъ и просилъ ѣхать къ дому, стоящему противъ самой кирхи (всѣ стоявшіе люди пошли за нами), а самъ пошелъ во дворъ; но менѣе двухъ минутъ вышелъ къ намъ съ пасторомъ, пристойнѣйшимъ образомъ одѣтымъ, который просилъ насъ войти къ нему въ домъ.

Сказавъ сему почтенному священнику, что намъ надобны подводы, онъ отвѣчалъ, что онѣ будутъ вскорости приготовлены; приказалъ о томъ старостѣ тотчасъ оныя готовить, а самъ съ нами пошелъ въ свой домъ, въ которомъ увидѣли мы трудолюбимую чистоту, порядокъ и опрятность. Достопочтенный сей священникъ угостилъ насъ кофіемъ и не роскошнымъ, но вкуснымъ и чистымъ завтракомъ, за что чувствительно его возблагодаривъ, приготовили-было ему пристойный сану его подарокъ; но какъ только сей благовоспитанный, честный и исполненный духомъ любви христіанской, благороднаго сердца и ума служитель Бога истиннаго, превѣчнаго, примѣтилъ, что мы желали его подарить, то со слезами, покорною кротостію упрашивалъ насъ не ослѣплять его очи никакими подарками, но употребить то, что ему предназначили, бѣдной братіи, коихъ мы вѣрно по тракту нашему встрѣчали и впредь, по пути нашему, встрѣтимъ. По отрицаніи его, мы убѣдительно начали его упрашивать, чтобъ онъ принялъ отъ насъ ему назначенное и отъ себя роздалъ бѣднымъ, ибо мы, по скорой нашей ѣздѣ, не можемъ иногда и подать по-

мощь бѣднымъ; но онъ, со всею скромностію, отвѣчалъ намъ, что онъ никакъ препоручаемыя ему для раздачи деньги не можетъ принять, съ пріятною улыбкою сказалъ намъ, что «еслибъ мы и на быстрыхъ крыльяхъ вѣтра летѣли, то успѣемъ на нищету и бѣдность посмотрѣть свѣтлыми очами добраго сердца».

Сей достопочтенный священникъ разсказалъ намъ, что дней тому шесть, какъ Пугачевъ съ арміею своею прошелъ мимо ихъ селенія, прислав, часовъ за 5, пять казацкихъ въ оное офицеровъ съ повелѣніемъ къ старостѣ, чтобъ изъ жителей никто изъ селенія не выходилъ дотолѣ, доколѣ онъ со своею арміею не удалится изъ виду отъ селенія нашего, дабы не могъ кто-нибудь потерпѣть отъ его войска обиды и несчастія, что точно и исполнено было; разсказалъ также, что чрезъ два дни вступилъ въ колонію съ корпусомъ подполковникъ Михельсонъ, который не болѣе часовъ семи отдохнувъ, послѣдовалъ за Пугачевымъ.

Какъ подводы уже были готовы, то мы и простились съ препочтеннымъ священникомъ; прибыли уже вечеромъ въ другую колонію католицкаго исповѣданія; остановились у дома патера, который тотчасъ послалъ за старостою и приказалъ ему немедленно выставить подводы.

Патера нашли огорченнымъ и унылымъ; онъ пересказалъ о причинѣ своего огорченія, увѣдомивъ насъ, что человѣкъ до тридцати молодыхъ людей ихъ колоніи, разумѣвшихъ россійской языкъ, разграбивъ его и нѣкоторыхъ зажиточныхъ жителей колоніи, ушли къ Пугачеву, забравъ самыхъ лучшихъ 50 лошадей, въ числѣ коихъ увели и его три лошади.

А какъ, между тѣмъ, подводы были уже готовы, то простясь съ огорченнымъ священникомъ, отправились въ свой путь.

Пославъ изъ сей колоніи впередъ двухъ гусаръ заготовлять подводы, ночью проѣхала коммисія два колонистскихъ селенія; прибыла часовъ въ 9 утра въ городъ Камышенку.

Здѣсь явился къ намъ начальникъ камышевскихъ казаковъ, который извѣстилъ насъ, что отъ Царицына третій день носится слухъ, якобы Пугачевъ разбитъ; почему онъ собравъ 300 человѣкъ надежнѣйшихъ казаковъ, съ однимъ чиновникомъ, переправивъ партію сію за Волгу, предписалъ начальнику оной, если встрѣтится съ бѣгущими изъ Пугачевской арміи, ловить оныхъ, а тѣхъ, кои не станутъ добровольно сдаваться—колоть;

приказалъ также до самой межи вольскихъ казаковъ согнать съ луговой стороны всѣ рыбачьи лодки и людей.

Одобривъ всѣ его распоряженіи, приказали ему, какъ можно скоряе, заготовить подъ коммиссію подводы, кои немедленно и пригнаты; а, между прочимъ, узнали мы отъ казацкаго начальника о тиранствѣ, которое Пугачевъ совершилъ надъ комендантомъ Камышескимъ и что не было учинено отъ его войска городу никакого разоренія, кромѣ того, что до 20 подводъ взято разныхъ припасовъ.

По дошедшему здѣсь извѣстію, якобы разбитъ Пугачевъ, объяснясь съ Остафьемъ Трифоновымъ, положили команду нашу съ поручикомъ Дидрихомъ оставить въ Камышевѣ, а намъ троимъ съ двумя гренадерами, Дибулинымъ *) и Кузнецовымъ, отправиться изъ Царицинской крѣпости.—Немедленно пустились въ путь, пролегающій по прекраснѣйшимъ мѣстамъ, между рѣкъ Волги и Лавлы; пріѣхали во 2-мъ часу пополудни въ 1-ю станицу Каменку (въ 35 верстахъ отъ Камышенки), вольскихъ казаковъ съ Дона по Волгѣ поселенныхъ.

Остановясь посреди пустой станицы, послали обоихъ гренадеръ искать по домамъ жителей, которыхъ они человѣкъ до 15 собравъ, привели; приказали идти имъ въ табуны и выбравъ ѣзжалыхъ лошадей, какъ возможно скоро, оныхъ привести.

Въ ожиданіи оныхъ, сѣли мы трое, Галаховъ, я и Остафій Трифоновъ у анбара, стоящемъ на бугрѣ берега Волги.

Остафій Трифоновъ разсказывалъ намъ здѣсь о приходѣ своемъ изъ Курмыша въ Петербургъ и о прочихъ произшествіяхъ возмущенія на Яикѣ, что̀ и продолжалось съ часъ времени; но лошадей все еще не приводили; начали мы, между тѣмъ, разсуждать, что если слухи о разбитіи Пугачева справедливы, то куда съ остаткомъ своего войска направитъ свой побѣгъ.

Трифоновъ говорилъ, что «если Пугачевъ въ сраженіи убитъ или взятъ живой, то тѣмъ все дѣло окончится; но

---

*) Сему гренадеру Дибулину, по препорученіи въ Симбирскѣ Пугачева, приказано для Пугачева варить кушанья, кормить его, поить и прислуживать ему, за что̀ пожалованъ въ сержанты и выпущенъ изъ гвардіи поручикомъ армейскимъ, а товарищъ его, Кузнецовъ, взятъ ко двору въ гайдуки.
П. С. Руничъ.

если ни того, ни другого не случилось съ нимъ, то съ оставшимися яицкими молодцами не останется на нагорной сторонѣ, а переплыветъ съ ними на луговую сторону Волги, пустится по оной къ Астрахани, или побѣжитъ вверхъ, чтобъ пробраться къ Яику; но если не удастся ему сего исполнить, то обманетъ своихъ яицкихъ сотоварищей, уйдетъ одинъ и доберется опять до Малыковки, а оттуда въ Керженскіе лѣса—а тамъ и прости!»

Только-что кончилъ Трифоновъ свою рѣчь, увидѣли мы ѣдущихъ (вправо) съ низу Волги, 6 человѣкъ верхами прыткою рысью; привстали мы всѣ трое и увидѣли (вдали пыль и) другую партію болѣе 50 человѣкъ (а саженъ за 20), за оною еще 24 человѣка, ѣдущихъ въ двѣ шеренги, за коими, шагахъ въ 40, одного ѣдущаго на статной соловой лошади, а за нимъ, шагахъ въ 30, еще 6 человѣкъ *).

Трифоновъ, увидя одного ѣдущаго на соловомъ конѣ и за нимъ шестерыхъ, вдругъ съ торопливостью и прерывчимъ голосомъ, какъ полотно поблѣднѣвъ въ лицѣ, сказалъ намъ: «это самъ Пугачевъ на своей любимой лошади (я вижу его и его лошадь соловую: вотъ, смотрите, за нимъ еще ѣдутъ 24 человѣка), онъ всегда такъ маршируетъ въ походѣ; встанемте, сказалъ, и за анбаръ скроемся, чтобъ онъ насъ не увидѣлъ (какъ поравняется противъ насъ); ибо у его имѣется всегда зрительная трубка!»

Мы (ему отвѣчали: постой немного), послушавъ его, пошли всѣ трое за анбаръ и смотря изъ-за онаго, увидѣли еще 24 человѣка ѣдущихъ, а за ними одну (ѣдущую тройкой) коляску и двѣ кибитки тройками, а за оною опять до 30 человѣкъ въ двѣ шеренги, а за сими, (по примѣчанію нашему), до 1500 человѣкъ доброконныхъ въ 5 отдѣленій, за коими до 70 лошадей навьюченныхъ, ведомыхъ пѣшими людьми, а за ними, въ полуверстѣ, послѣдняя партія человѣкъ до 400.

А какъ сія послѣдняя партія прошла, то мы вышли изъ-за

*) Въ черновой рукописи послѣднія строки изложены такъ: «и по поѣздкѣ оныхъ, подвигавшихся противу станицы, ясно увидѣли мы, что та партія состоитъ изъ казаковъ; первые 6 человѣкъ и послѣдніе потянулись вверхъ по Волгѣ. Мы сѣли опять на свои мѣста и начали придумывать, что то за люди; но не долго о томъ разсуждали, ибо опять за полверсты показалась пыль больше первой и мы увидѣли еще 6 человѣкъ, но не рысью, а тихо ѣдущихъ.»

Черн. рук. Рун.

анбара и ставъ на прежнемъ мѣстѣ, смотрѣли какъ все сіе воинское ополченіе тянется въ верховье Волги.

Мнѣ что-то (по молодости моихъ воображеній) вдругъ вошло въ мысль сказать:

«Остафій Трифоновичъ, если, по примѣчанію вашему, точно кажется вамъ справедливымъ, что (это) Пугачевъ съ своею арміею бѣжитъ вверхъ Волги, то чего лучше, мы васъ отсюда и отпустимъ».

Онъ взглянулъ на меня съ ожесточеніемъ и съ сердцемъ спросилъ меня:

— Что вамъ хочется, чтобъ меня и васъ со мною повѣсили?

Прервавъ о томъ рѣчь, сѣли мы на прежныя свои мѣста и (смотрѣли и провожали глазами ѣдущихъ и по ровности луговой степи увидѣли, что версты за двѣ вдругъ отъ первой партіи поднялась большая пыль; но что то за происшествіе, не могли придумать, и) занявшись кое-какими разговорами, дожидались лошадей часа три, коихъ пригнали ужъ часу въ пятомъ пополудни.

По запряженіи лошадей, отправились въ путь и часовъ въ 10 вечера пріѣхавъ на другую станицу, лежащую подъ горой на берегу Волги; оставя г. Галахова съ Трифоновымъ и двумя вощиками на горѣ, я съ двумя гренадерами сошедъ съ оной въ селеніе и увидя въ одной избѣ огонь, подошли двое къ окнамъ, затворенымъ ставнями, а третьяго, Кузнецова, послали къ воротамъ, чтобъ онъ стучалъ въ оныя, а я съ Дибулинымъ начали стучать въ ставни и требовать лошадей; но услыша въ избѣ шумъ многихъ людей и потухшій съ онымъ въ избѣ огонь, бросились къ воротамъ; увидѣли, что *) Кузнецовъ ухватилъ двухъ человѣкъ у калитки воротъ (закричалъ: «не бойтесь»), вошли всѣ трое съ сими двумя во дворъ и закричали бѣгающимъ по двору:

«Что и чего вы испугались, братцы? Не бойтесь, мы не злодѣи! — говорили имъ — ступайте съ нами въ избу и засвѣтите потушенный вами огонь и увидите, что̀ мы за люди».

*) Въ черновой рукописи варіантъ: «ударили прикладомъ ружья въ ставень и закричали во всѣ три голоса: «отворяйте ворота и давайте лошадей». Вдругъ изъ избы бросился народъ, какъ можно было слышать, вонъ и человѣка три бросясь къ калиткѣ воротъ, отворили и повидимому хотѣли въ оную уйти, но гренадеръ» и проч.

Двухъ держимыхъ Кузнецовымъ послали съ ласкою зажечь огонь, а сами съ прочими къ намъ прибѣжавшими вошли въ избу, коихъ сочли до 30 человѣкъ, вооруженныхъ саблями и пистолетами (увидѣвъ они двухъ великановъ оцѣпенѣли. Успокоивъ ихъ), увидѣли одного старика лѣтъ 60 между ими, спросили его:

«Отчего вы испугались, когда постучались мы въ ставни и въ калитку»?

Старикъ, котораго мы спрашивали о причинѣ ихъ испуга, былъ сотникъ станицы. Онъ отвѣчалъ намъ: («Батюшка, ваше высокородіе), страхъ на насъ оттого напалъ, что вчерашнюю ночь, точно въ сію пору, до 40 человѣкъ яицкихъ казаковъ изъ арміи Пугачева (Богъ одинъ знаетъ какъ они переѣхали) напали на насъ въ сей станичной избѣ и грозили всѣхъ насъ перебить, а станицу зажечь и истребить, если въ скорости не соберемъ барановъ, живности, крупъ и муки (требовали, чтобъ тотчасъ собрали имъ весь печеный хлѣбъ, крупъ просяныхъ и живыхъ барановъ сколько можно; перевязали изъ насъ 12 человѣкъ, оставили ихъ въ избѣ, и при нихъ 5 человѣкъ съ саблями, пистолетами и копьями, а у меня съ шестью другими завязали назадъ руки и повели по избамъ, брали что́ только хотѣли). По требованію ихъ всю ночь до зари принуждены мы были съ ними возиться и собирать то, что́ они требовали; а между тѣмъ разграбили они домы; ибо жители узнавъ о ихъ на станицу набѣгѣ (всѣ отъ мала до велика) разбѣжались, кто куда могъ. Все собранное перетаскали они и мы на берегъ Волги, гдѣ было десять большихъ рыбачихъ лодокъ; но откуда они имъ достались, не могли мы узнать (наклали все въ оныя, оставя при нихъ своихъ 4-хъ человѣкъ, а прочіе съ ними пошли въ сію приказную избу и развязали въ ней связанныхъ, велѣли намъ проводить себя до лодокъ; пришедъ къ онымъ взяли, указывая на двухъ съ собою; сѣвъ на лодки, пустились на ту сторону, гдѣ увидѣли сіи двое до 2000 вооруженныхъ). На луговой сторонѣ увидѣли мы все Пугачевское войско, по примѣру, тысячь до пяти. Вотъ (ваше высокородіе), отчего мы испугались, услыша стукъ: думали, что опять сіи гости къ намъ пожаловали»!

Сотникъ разсказалъ намъ, что Пугачевъ за 20 верстъ отъ Дубовки разбилъ 22-ю команду подполковника Дица, который

съ нѣкоторыми офицерами убитъ въ сраженіи *) и что 9 пушекъ и солдаты всѣ взяты имъ въ полонъ и къ его арміи присоединены.

(Выслушавъ все разсказанное, приказалъ какъ можно скоряе 9 лошадей привести, которыя черезъ полчаса и приведены).

По приготовленіи лошадей, пошли съ ними къ оставшимся (повозкамъ) нашимъ на горѣ и, по запряжкѣ оныхъ, отправились къ Дубовской атамана станицѣ (куда приѣхали часовъ въ 10 утра). Приѣхавъ въ Дубовскую станицу, въ 60 верстахъ отстоящей отъ Царицынской крѣпости, нашли въ ней атамана (волскихъ казаковъ), который подтвердилъ намъ о разбитіи подполковника Дица, присовокупя къ тому, что при его 22-й командѣ находилось ирегулярнаго войска 2 полка донцовъ и 6000 калмыковъ, орды князей Дундоковыхъ; но что весь сей отрядъ не устоялъ противъ арміи Пугачева,—разбитъ имъ и разсѣянъ, а пѣхоту съ пушками взялъ Пугачевъ въ полонъ **).

Онъ также объявилъ намъ, что носится слухъ, что будто бы Пугачевъ разбитъ; но вѣрнаго о томъ извѣстія не имѣетъ.

Мы ему дали знать, что на луговой сторонѣ, противъ станицы Каменки, видѣли мы конное войско, и, по догадкамъ, полагаемъ, что съ Пугачевымъ бѣгущее, по разбитіи, войско пробирается вверхъ Волги; дали ему также знать, что на послѣдней отсюда станицѣ 40 человѣкъ яицкихъ казаковъ третьяго дня ночью ограбили станицу и опять на 10-ти рыбачьихъ лодкахъ переплыли съ ограбленнымъ на луговую сторону, гдѣ и все войско видѣли станичные казаки; но онъ отвѣчалъ намъ, что ни о чемъ не имѣетъ извѣстія, ибо только 5-й день какъ возвратился изъ степи самъ въ разоренную станицу свою, которую до того Пугачевъ разорилъ.

Требовали отъ г. атамана, чтобъ отправилъ 9 лошадей впередъ на половину дороги къ Царицину, чтобъ по пріѣздѣ нашли мы тамъ готовыя подводы, чтó имъ и исполнено.

Послѣ чего, часа черезъ два, отправились въ путь и прибыли въ Царицинскую крѣпость въ 11 часовъ ночи.

---

*) Отецъ убитаго подполковника Дица, бывъ генералъ-поручикомъ, присутствовалъ въ военной коллегіи. П. С. Руничъ.

**) Маіоръ Дицъ убитъ 13-го августа. По извѣстію Пушкина, съ Дицомъ было пятьсотъ гарнизонныхъ солдатъ, тысяча донскихъ казаковъ и пять сотенъ калмыковъ, послѣдніе подъ начальствомъ князей Дондукова и Дербетева. 14 августа Пугачевъ занялъ Дубовку и двинулся къ Царицыну. Ред.

По приѣздѣ коммисіи въ сію крѣпость, комендантъ оной г. полковникъ Иванъ Ере. Цыплетовъ съ капитаномъ Фатьяновымъ явился къ намъ и удостовѣрилъ насъ о разбитіи Михельсономъ, въ урочищѣ Сенниковой Ватаги, Пугачева; но достаточнаго свѣдѣнія не имѣетъ еще о сраженіи и послѣдствіяхъ онаго, ожидаетъ однакожъ каждую минуту получить полное о томъ извѣстіе.

Мы ему, съ своей стороны, объявили, что противъ станицы Каменки видѣли мы конное войско, тысячъ до двухъ, одну коляску и двѣ кибитки съ вьючными лошадьми и что товарищъ нашъ, указавъ на Остафья Трифонова, точно утверждаетъ, что то войско съ Пугачевымъ прошло мимо означенной станицы, что и подтвердилось на первой отъ Каменки станицѣ, о чемъ упомянуто выше; (но на сіе комендантъ сказалъ, что изъ крѣпости на луговой сторонѣ вчера и сегодня никакой партіи не видно было).

VIII.

Дѣйствія Пугачева со времени выѣзда изъ его арміи въ С.-Петербургъ Остафія Трифонова.—Взятіе Саратова.—Походъ Пугачева чрезъ нѣмецкія колоніи.—Убіеніе коменданта въ Камышенкѣ.—Пораженіе Пугачевымъ подполковника Дица.—Грабежъ станицы Дубовки.—Осада Царицына.—Походъ вдоль Волги.—Разгромъ полчищъ Пугачева при Сенниковой Ватагѣ.—Прибытіе А. В. Суворова.

іюль и августъ 1774 г.

(Прервалъ я выше въ моихъ запискахъ о Пугачевскихъ дѣйствіяхъ отъ города Курмыша и преслѣдованій его Михельсономъ, чтобъ обнаружить съ тѣмъ и поступки Остафія Трифонова, мнимаго яицкаго казака.

(Отъ города Курмыша Пугачевъ съ войскомъ своимъ потянулся къ Алатырю, отъ онаго на Саранскъ, Пензу, Петровскъ, Саратовъ, Камышенку, станицу Дубовку и Царицынъ, оставляя за собою по всему сему краю, гдѣ протекалъ съ 50,000 сволочи, грабежъ, разоренія, ужасъ и смерть, и все то, что только имѣло названіе дворянина и чиновника было убиваемо. Но впрочемъ ничто не касалось рукою убійства, грабежа и разоренія до монастырей, храмовъ Божіихъ, священно и церковно-служителей, но всѣ онаго мѣста и лица остались невредимы, даже въ колоніяхъ кирхи и костелы католицкіе.

(Пугачевъ, достигнувъ Саратова и знавъ, что Михельсонъ съ своимъ корпусомъ далеко отъ него назади, расположился на горѣ называемой Лысая, повелѣвающая Саратовымъ, подъ оною состоящимъ, который отъ глубокой рытвины, пролегающей къ пріѣзду въ него подъ горою Лысою до Волги, валомъ и батареями былъ къ оборонѣ укрѣпленъ; то какъ комендантъ онаго полковникъ Бошнякъ съ своимъ гарнизономъ, такъ и артиллеріи полковникъ князь Баратаевъ, командиръ артиллерійскаго депо и инженерной команды, надѣялись сами себя и городъ спасти отъ злодѣйскаго нападенія и будучи достаточно запасены артиллерійскими снарядами и всякимъ запасомъ, предположили защищаться до послѣднихъ силъ—располагаясь несумнѣнно, что навѣрное настигаютъ Пугачева войска подъ начальствомъ отряженнаго за нимъ генерала; но надежда обманула ихъ своимъ обольщеніемъ.

(Пугачевъ, имѣя видно издавна злые свои духи въ семъ Волгою питаемомъ городѣ, стоя день другой на горѣ Лысой, не стрѣлялъ по городу, но со стороны укрѣпленія подходилъ партіями къ оному и безпрестанно съ крикомъ подходя къ самымъ укрѣпленіямъ, увѣрялъ и обольщалъ ласками солдатъ, что:

(«Точно государь императоръ Петръ III самъ присутствуетъ при войскѣ, къ которому весь Донъ идетъ въ подмогу, то за что намъ, христіанамъ, другъ друга губить и убивать», что, по видимости, было ужъ въ городѣ отъ сообщниковъ Пугачевскихъ между ними разсѣяно.

(Сіи нечестивые духи возмутили солдатъ, кои по два и по три сперва человѣка начали черезъ валъ перебѣгать и передаваться злодѣю; а затѣмъ всѣ гарнизонные, артиллерійскіе и инженерные солдаты, со всѣмъ снарядомъ и 24-мя пушками, схвативъ своего начальника князя Баратаева передали Пугачеву, который послѣ сего немедленно вступилъ въ городъ*) и дозволилъ оный грабить и опустошать.

(Ужасъ и смерть разлились по городу, всякой бѣжалъ кто

*) Въ сіе несчастное время въ Саратовѣ находился профессоръ гидравлики, выписанный императрицею для соединенія Волги съ Дономъ каналомъ посредствомъ рѣки Лавлы; онъ попался въ руки злодѣя, который его и князя Баратаева, за 20 верстъ отойдя отъ Саратова, измучивъ тирански, предалъ обоихъ смерти. П. С. Руничъ.

куда могъ. Артиллеріи поручикъ Ельчинъ и подпоручикъ Хоботовъ въ минованіе всеобщаго смятенія и ужаса собрали до 50 человѣкъ солдатъ, бросились съ ними къ коменданту, пробиваясь штыками и найдя его, вмѣстѣ съ нимъ пробрались до Волги къ стоящимъ судамъ и вобравшись въ оныя, пустились внизъ по Волгѣ, а за ними еще три судна всякаго званія жителей съ имуществомъ и припасомъ, что только могли унести съ собою.

(Отъ Саратова Пугачевъ слѣдовалъ съ своимъ войскомъ чрезъ селенія колонистовъ, но проходя оныя ни малѣйшихъ не дѣлалъ имъ притѣсненій и разоренія.

(Далѣе шелъ онъ къ Камышенкѣ.

(Войдя въ городъ, захватилъ коменданта, котораго тирански умертвить велѣлъ, о коемъ упомянуто въ предъувѣдомленіи. Но обывателямъ казакамъ камышенскимъ не дѣлано также никакого грабежа и обидъ; но снабдясь припасами и нѣкоторымъ числомъ лошадей, продолжалъ свой маршъ по волскимъ селеніямъ до станицы Дубовки.

(Верстъ за 30 до оной встрѣтясь съ 22-ю полевою командою, состоящею подъ начальствомъ подполковника Дица, имѣвшаго при оной два донскихъ полка и 6000 человѣкъ калмыкъ, орды князей Дундоковыхъ, остановилъ, разбилъ и разсѣялъ донцовъ и калмыкъ. Въ семъ сраженіи убитъ подполковникъ Дицъ и почти всѣ его офицеры и сильно израненъ походный полковникъ Донского полка Агѣевъ, который между убитыхъ остался на мѣстѣ; солдаты и 9 орудій достались побѣдителю и присоединены къ артиллеріи онаго. Отъ мѣста сраженія двинулся Пугачевъ со всѣмъ своимъ войскомъ къ главной станицѣ Дубовкѣ, въ 60 верстахъ отъ Царицынской крѣпости отстоящей, въ которой не найдя атамана и судей, кои съ многими казаками скрылись въ степь и куда кто могъ убѣжать, все что можно было въ оной найти разграблено, и снабдясь провіантомъ и прочимъ запасомъ достаточно, направилъ прямо свой маршъ къ Царицинской крѣпости. Подошедъ къ ней, тотчасъ обложилъ оную; учредивъ батареи, началъ по крѣпости стрѣлять. Но храбрый комендантъ, полковникъ Цыплетовъ, имѣвшій повидимому понятіе о воинскомъ искуствѣ и наукѣ, рѣшился изъ форштата перевести жителей въ крѣпость, а чтобъ оными не затѣснить внутри

крѣпость, то помѣстилъ нѣкоторое число на суда, стоящіе на Волгѣ, а другихъ по берегу Волги подъ крѣпостью, приказавъ весь форштатъ выжечь, чѣмъ совершенно и спасъ крѣпость; ибо хотя Пугачевъ, подойдя къ крѣпости, обложилъ оную и устроя батареи два дни непрестанно производилъ стрѣльбу, но подойти къ крѣпости не осмѣливался, поелику крѣпостная ординарная артиллерія сильно дѣйствовала на его батареи; но какъ не могъ онъ, Пугачевъ, долгое время удерживаться при Царицынской крѣпости, имѣя повидимому извѣстіе, что Михельсонъ съ своимъ корпусомъ выступилъ изъ станицы Дубовки, то въ ночь на третій день поспѣшно отступилъ отъ крѣпости*), потянулся со всею своею арміею и съ 50-ю пушками по Астраханской дорогѣ внизъ Волги, прошелъ населенную колонистами Сарепту и не удерживаясь у оной, быстро спѣшилъ къ урочищу, именуемому Сенниковою Ватагою; (а чтобъ не отставали въ скоромъ маршѣ люди его арміи и чтобъ не разбѣгались изъ оной, то самъ Пугачевъ съ начальниками яицкихъ казаковъ: Овчинниковымъ, Перфильевымъ, Коноваловымъ, Федуловымъ и прочими лучшими удальцами оставался въ аріергардѣ своей арміи, а Чумакову и Творогову велѣлъ съ войсками, артиллеріей и обозомъ идти впереди. Приказалъ Чумакову, который былъ главнымъ надъ артиллеріею, занять выгодный лагерь и разставить батареи такимъ порядкомъ, чтобъ могли съ оныхъ дѣйствовать перекрестными выстрѣлами).

На другой день отступленія Пугачева отъ крѣпости, какъ разсказывалъ г. комендантъ, пришелъ Михельсонъ съ корпусомъ, состоящимъ изъ 4 батальоновъ мушкетеръ и гренадеръ; симъ пѣхотнымъ отрядомъ командовали: 1-мъ батальйономъ подполковникъ Ферзинъ**), 2-мъ — подполковникъ Муфель, 3-мъ — (преміеръ-майоръ) подполковникъ Михельсонъ, однофамилецъ корпуснаго командира, а 4-мъ кто командовалъ, не могъ онъ объявить, также кто былъ командиръ 20 орудій канонерскаго полка. При семъ корпусѣ находились карабинерный полкъ подполковника Пе. Ам. Шепелева, 1-й гусарскій полкъ и чугуевскій казачій полкъ, коимъ командовалъ преміеръ-майоръ

---

*) Осада Пугачевымъ Царицына продолжалась 21 и 22 августа. Ред.

**) Побѣдитель Костюшки, польскаго героя. П. С. Руничъ.

Харинъ, достаточное число орудій, канонеровъ и, какъ могу упомнить, 3 донскихъ казачьихъ полка.

Михельсонъ подъ Царицынскою крѣпостью простоявъ для отдыха одни только сутки, пустился преслѣдовать Пугачева, по стопамъ коего отъ самой Казани съ симъ ввѣреннымъ ему корпусомъ нагонялъ.

Утромъ, въ 10 часовъ, на другой день пріѣзда нашего, храбрый, благоразумный и препочтенный г. комендантъ Цыплетовъ, пришедъ къ намъ, извѣстилъ насъ, что онъ получилъ нарочнаго отъ корпуснаго начальника Ивана Ива. Михельсона полное увѣдомленіе, что онъ, на зарѣ, 24-го числа, атаковалъ лагерь Пугачева, на Сенниковой Ватагѣ расположенный, и что сраженіе продолжалось болѣе 4 часовъ; но, съ помощію Божіею, совершенно разбилъ непріятеля и получилъ въ добычу до 50 пушекъ съ снарядомъ, около 600 подводъ съ припасами и всякимъ имуществомъ, въ плѣнъ взято до 23 т. человѣкъ, которыхъ и велѣлъ, въ двухъ партіяхъ, Чугуевскому полку сопроводить къ нему, коменданту; кои, при нашемъ бытіи, и приведены. (Въ сраженіи при Сенниковой Ватагѣ убитъ изъ первыхъ злодѣевъ яицкихъ, начальникъ и совѣтникъ Пугачева хромоногій Овчинниковъ и много другихъ удальцовъ; но Пугачевъ съ первою своею женою и сыномъ Трошкою, лѣтъ двѣнадцати, съ Перфильевымъ, Коноваловымъ, на сестрѣ коего женился на Яикѣ, — и съ коимъ Пугачевъ повседневно переодѣвался потому, чтобъ никто не могъ узнавать настоящаго Пугачева, — съ Чумаковымъ, Твороговымъ и Федуловымъ, начальниками войска и до 1700 человѣками доброконныхъ наѣздниковъ, перебрался за Волгу на луговую сторону съ одною коляскою, оставя на мѣстѣ сраженія около 50 пушекъ со всѣми снарядами и до 3 т. подводъ, какъ съ своимъ, такъ и товарищей своихъ имуществомъ, коммиссаріатомъ и множествомъ всякаго запаса, что все досталось въ руки побѣдителя. Плѣнныхъ взято болѣе 23 т. человѣкъ разнаго званія, кои отъ Михельсона, въ двухъ партіяхъ, въ Царицынъ присланы; но сколько съ обѣихъ сторонъ убито и ранено, о томъ, по не долгому моему съ коммиссіей въ Царицынѣ пребыванію, не имѣлъ я времени узнать; не старался и любопытствовать.)

На другой день полученнаго нами отъ г. коменданта извѣстія

о пораженіи пугачевскомъ, неожиданно прискакалъ въ Царицынъ, въ двухъ телѣжкахъ, г. генералъ-поручикъ, Александровскій кавалеръ Суворовъ, съ своимъ адъютантомъ Максимовичемъ и однимъ слугою, природою пруссакомъ; а на другой день его пріѣзда явился въ Царицынъ и самъ побѣдитель Пугачева—полковникъ Михельсонъ, который, переправя на луговую сторону Волги, для преслѣдованія Пугачева, свой корпусъ, ожидать хотѣлъ, какъ оный приближится (къ селенію Ахтубѣ, лежащему почти) противу Царицына, переправиться былъ намѣренъ къ оному. Но узнавъ по пріѣздѣ своемъ въ Царицынъ, что корпусомъ симъ командовать присланъ генералъ-поручикъ Суворовъ, сдалъ оный его превосходительству и проживъ два дни въ крѣпости сей, отъѣхалъ къ его сіятельству графу Петру Ивановичу Панину. **П. С. Руничъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТЧЕТЫ ЛАГАРПА ГР. Н. И. САЛТЫКОВУ О ВОСПИТАНІИ В. К. АЛЕКСАНДРА И КОНСТАНТИНА ПАВЛОВИЧЕЙ.

декабрь 1790 г. *).

Математика. 1) Необходимо будетъ для в. князей повторить курсъ геометріи; но вмѣсто того, чтобъ имъ развивать опредѣленія и доказательства, надо будетъ требовать, чтобъ они справлялись съ ними одни. Послѣ этого, мы вернемся къ начертательной геометріи и рѣшивъ разныя изъ нихъ задачи, перейдемъ къ сферической тригонометріи.

2) Въ тоже самое время ихъ и. высочества должны будутъ продолжать уроки алгебры, съ того самаго мѣста, на которомъ они были прерваны. Начальныя правила алгебры знаменитаго Эльслера, доводящія очень далеко, были нашимъ руководствомъ. Ихъ и. высочествамъ дадутъ рѣшать находящіяся въ немъ задачи; другія же задачи выберутся въ Саундерсонѣ, въ Начальныхъ правилахъ—Кюстнера и другихъ авторовъ. Чтобъ доказать, наконецъ, примѣненія алгебры къ геометріи, мы обратимся къ Курсу Зегнера, заключающаго въ себѣ большое число любопытныхъ задачъ, относящихся къ этому предмету.

*) См. «Русск. Стар.» 1870 г., т. I, стр. 34—44; 103—132; 407—419. и т. II стр. 161—174.

3) Объяснивъ государю в. к. Александру главнѣйшія пропорціи коническихъ сѣченій по системѣ синтетической или древнихъ, посредствомъ краткаго способа ла-Гира, ему изъяснять ихъ во второй разъ посредствомъ аналитическаго разбора, при помощи Начальныхъ правилъ—Лакалья или Трактата о коническихъ сѣченіяхъ—маркиза де л'Опиталя. Необходимо для в. к. Константина, быть болѣе твердымъ въ правилахъ элементарной геометріи, для того, чтобъ быть тоже допущеннымъ на это поприще.

4) По окончаніи этихъ занятій, настанетъ время призвать къ в. князю Александру опытнаго инженера, для преподаванія ему фортификаціи, инженерной науки и т. д. *).

Философія. Если ихъ высоч. съ пользою прочитали вышеупомянутыя сочиненія; если они умѣютъ восходить отъ слѣдствія къ слѣдствію, до самыхъ началъ, и переходить отъ началъ къ слѣдствіямъ; если они приобрѣли благотворную привычку вникать въ факты, прежде чѣмъ произносить свое рѣшеніе; если убѣжденіе ихъ не есть ничто другое, какъ слѣдствіе ихъ собственныхъ разсужденій и результатъ, въ которомъ они непрестанно могутъ дать себѣ отчетъ, тогда можно будетъ объ нихъ сказать, что они имѣютъ зародыши философскаго ума, а метафизика, также какъ и логика будутъ для нихъ лишними. Было бы, однако, полезно дать имъ просмотрѣть правила послѣдней, для того, чтобъ доказать имъ, съ какимъ тщаніемъ и умѣніемъ ученые работали для усовершенствованія орудія, никогда не послужившаго имъ ни къ чему другому, какъ для того, чтобъ бредить съ бо́льшею методичностью.

По метафизикѣ, достаточно будетъ прочитать превосходное сочиненіе Кондильяка: О происхожденіи человѣческихъ познаній и справиться съ Локкомъ. Для того, наконецъ, чтобъ оцѣнить значеніе созерцательной философіи, было бы полезно прочитать исторію сектъ, возбужденныхъ ею. Бесѣды Лусьена и нѣкоторые отрывки изъ новѣйшихъ сочиненій достигнутъ этой цѣли. Спартанскіе герулы выставляли

---

*) Если бы мнѣ было позволено указать на одного изъ самыхъ способныхъ инженеровъ, я назвалъ бы г. бригадира Волана, свѣдѣнія котораго столько же обширны, сколько основаны на опытѣ и чувства котораго — суть чувства честнаго и достойнаго человѣка. Лагарпъ.

на показъ молодежи виномъ возбужденныхъ невольниковъ, для того, чтобъ внушить имъ отвращеніе къ пьянству; нельзя-ли было бы сдѣлать то же самое касательно странностей человѣческаго ума? Насколько изученіе умозрительныхъ наукъ было бы безполезно для ихъ высочествъ, настолько необходимо для нихъ приобрѣтеніе вѣрныхъ понятій объ отношеніяхъ своихъ къ обществу, въ качествѣ людей и гражданъ. Для достиженія этой самой цѣли, мы заняты собраніемъ всѣхъ правилъ и фактовъ, способныхъ установить эти отношенія и представить ихъ удобопримѣняемыми къ обстоятельствамъ; всѣ элементарныя сочиненія, разсуждающія объ Естественномъ правѣ, полны общими мѣстами, умозрѣніями и пустословіемъ, мѣшающими руководствоваться ими *). Существуютъ, однако, сочиненія, съ которыми было бы полезно справиться; такъ, напр., между древними сочиненіями: Объ обязанностяхъ—Цицерона, въ превосходномъ нѣмецкомъ переводѣ Гарви; Разсужденія—Марка Аврелія, Гіеронъ—Ксенофона и нѣсколько отрывковъ изъ сочиненія Платона: О законахъ; а между новѣйшими: Опытъ объ исторіи гражданскаго общества—Фергюссона; Общественный договоръ, Бесѣды—Фокіона и Правила законодательства—Мабли, а въ особенности Духъ законовъ. Къ довершенію, будетъ необходимо, чтобъ ихъ и. в. познакомились вкратцѣ съ законовѣдѣніемъ при помощи выписокъ, большею частью взятыхъ изъ гражданскихъ законовъ въ естественномъ ихъ порядкѣ, сочиненія великолѣпнаго и написаннаго въ прошломъ столѣтіи законовѣдомъ Дома̀, ученость котораго не подавляетъ и геометрическаго ума его. Ваше прев. отлично понимаетъ, что обстоятельства могутъ произвести разныя перемѣны въ предъидущемъ и что, при надобности, ихъ можно будетъ развить болѣе; но при настойчивости съ одной стороны и при увѣренности въ поддержкѣ и поощреніи съ другой, можно благополучно достичь цѣли.

Въ этомъ заключается единственное стремленіе и пламен-

*) Боязнь быть дурно понятымъ, убѣдила меня отказаться отъ этой работы, при настоящихъ обстоятельствахъ, и я воспользовался сочиненіями Бурламаки и Ваттеля и въ особенности маленькимъ сочиненіемъ Корбнера, и его сіят. утѣшило меня одобреніемъ. Лагарпъ.

нѣйшее желаніе того, который съ полнымъ уваженіемъ имѣетъ честь быть в. сіят. (подписалъ) Де ла-Гарпъ.

Примѣчаніе. 1794 г. Нѣкоторыя данныя даютъ мнѣ право думать, что ни эти, ни другія записки, ни многочисленные мои доклады, не были представлены ея имп. велич. Если подобное счастье выпало на долю нѣкоторыхъ изъ нихъ, они не были представлены ни въ истинномъ ихъ видѣ, ни подъ моимъ именемъ. Я увѣренъ, что настоящая моя записка, которую у меня выпросили на прочтеніе, была тайно переведена по-русски; обстоятельство, возбудившее мое подозрѣніе заключается въ томъ, что настоящее имя автора ея было умолчено, такъ какъ въ то самое время, какъ записки были представлены, два мои сослуживца, бывшіе моложе меня по чину, превзошли меня и были произведены въ полковники. Записка, которую я имѣлъ честь вручить минувшаго 2-го декабря (1794 г.) графу Салтыкову для предъявленія ея имп. величеству и которая безъ сомнѣнія была ею получена, намекала на всѣ эти обстоятельства.

Лагарпъ.

(Подлинникъ)

Большая часть перевода ниже помѣщаемаго подлинника записки Лагарпа (дек. 1790 г.) напечатана въ «Русской Старинѣ» т. II стр. 161—174, конецъ же перевода на стр. 253—256. **Ред.**

MÉMOIRE REMIS LES DERNIERS JOURS DE DÉCEMBRE 1790 A S. E. M-r LE COMTE SOLTYKOF *).

J'ai l'honneur de présenter à V. E. le Mémoire présent qui renferme 1) un résumé de ce que L. L. A. A. I. I. ont fait avec moi, et 2) un aperçu de ce qui reste à faire.

I PARTIE. Ce que L. L. A. A. I. I. ont fait avec moi se rapporte aux chefs suivants: étude de la langue française, géographie, histoire et mathématiques.

Etude de la langue française. Elle comprend la lecture, l'ortographe et la composition. Pour accoutumer L. L. A. A. I. I. à prononcer distinctement, on les a tenu à lire souvent à haute voix, et en variant les sujets de leurs lectures, on leur a fait sentir la nécessité d'accentuer différement.

L'ainé des M-grs a non seulement saisi assez bien ces nuances, il lit correctement et lorsque le sujet l'intéresse, il se fait écouter avec plasir. La vivacité du cadet, et s'il m'est permis de le dire, son étourderie ne lui ont pas permis d'arriver au même point. Bien qu'il puisse lire couramment lorsqu'il est attentif, il se trompe et doit être fréquement éxercé. Les thêmes et les notes, qu'on a dicté à L. L. A. A. I. I. sur divers sujets, ont eu le double but de former leur ortographe et d'étendre leurs connaissances. Il eut été inutile de charger leur mémoire de règles qu'ils auraient d'autant moins comprises, que plusieurs sont contestées et que les exceptions abondent. On s'est borné à un petit nombre d'observations générales, en attendant que l'étude de la grammaire, mit en état

---

*) Il me fut demandé à cette époque, pour être présenté à S. M. I. mais traduit en russe; il le fut sous celui (sous les yeux?) de M-r le Comte Soltykof. Cinq jours après, 2 de mes collegues et cadets furent promus au grade de colonel.

d'estimer celles qui le sont moins, ou que la lecture eut familiarisé avec un plus grand nombre de mots. Il existe sur ce point entre M-grs la même différence que relativement à la lecture.

L. L. A. A. I. I. ont été exercées à traduire et à composer; mais d'abord leur „recueil de faits et d'idées“ n'était pas assez considérable et les heures des leçons absorbées par d'autres objets étaient insuffisantes. On les a néanmoins obligé à plusieurs reprises à rendre compte par écrit de certains objets de leurs leçons et en particulier de leurs lectures géographiques et historiques. L'aîné des M-grs m'a présenté quelquefois des extraits qui attestaient un esprit de suite, qu'on doit désirer qu'il conserve. Il est très capable de rendre un compte exact et même détaillé de ce qu'on lui a appris, ou de ce qu'il a lu. On proposera dans la seconde partie les moyens de fortifier cette bonne disposition.

L'explication des règles de la grammaire a amené plusieurs digressions métaphysiques, sur l'origine des perceptions et des idées, sur leur classification, sur la distinction des pouvoirs ou facultés de l'ame, et comme il suffit de rentrer en soi-même pour y devenir le témoin de ces opérations et de ces expériences, on n'a point été dans le cas d'entretenir L. L. A. A. I. I. de théories au dessus de leur portée. Ces notions doivent au reste être complétées dans la suite, pour devenir vraiment utiles, et c'est ce qui sera d'autant moins difficile, que L. L. A. A. I. I. auront la tête meublée d'un plus grand nombre de faits. Jusqu'ici on s'est borné aux observations grammaticales, que les lectures ont occasionné et qu'il faudra classer, en traitant à fonds des principes de la grammaire générale. Pour montrer enfin à L. L. A. A. I. I. comment on recherche les diverses acceptions des mots, on leur a fait lire quelques synonymes dans les ouvrages des abbés Girard et Roubaud.

Géographie. Après avoir achevé plusieurs cours et s'être aidé de cartes, de plans et de rélations de voyages on a commencé un dernier cours, dans lequel, en insistant faiblement sur les notions topographiques et sur la nomenclature des provinces, villes etc. que les premiers cours avaient fait connaître, on s'est attaché à donner une idée juste de tous les objets, compris sous la dénomination de statistique, tels que la population et les moyens de l'estimer, les produits du sol, les manufactures, le commerce, les banques, les monnaies, la constitution, les diverses branches de l'administration etc. Les ouvrages de Tolze, de Struensée, de Crôme, de Hennings et de quelques autres écrivains allemands, anglais et français, ont fourni les principaux articles.

Le manque de matériaux a nécessairement produit plusieurs lacunes, et les incertitudes ainsi que les erreurs abondent en de pareilles matières, mais on peut suppléer aux premières et corriger celles-ci. Il suffit pour le moment d'établir un petit nombre de principes d'une vérité reconnue, de proposer quelques données et d'accoutumer l'esprit aux recherches de cette nature. C'est ainsi qu'on a passé en revue les pays les plus voisins de la Russie, tels que la Suède, le Danemarc, la Prusse et la Pologne; on en est resté aux Provinces Unies.

Comme S. A. I. M-gr le Grand Duc Alexandre est plus en état que son frère de suivre ces recherches et d'exécuter les calculs qu'elles exigent, on est en droit de lui demander davantage. Pour le familiariser de bonne heure avec les vrais principes, on lui fait lire depuis peu l'ouvrage célèbre de l'anglais Smith sur «la Nature et les Causes de la Richesse des Nations», et on l'aidera à faire l'extrait des chapitres les plus intéressants *).

*) Cela n'a été fait que partiellement.

Histoire. Dans les premiers cours il n'a pu être question que des grandes révolutions. Trop de détails eussent produit le désordre et l'obscurité; il a donc fallu se borner d'abord à des notes abrégées, et ce n'est que graduellement qu'il a été permis de les étendre.

Les «Abrégés» de Millot et de Condillac ont été lus alors en grande partie en s'aidant pour éclaircir les faits d'ouvrages plus détaillés et des originaux.

Quant à l'ordre chronologique, on a suivi à peu près celui que m-r Gatterer, proffesseur à Göttingue, a proposé, l'essentiel étant, non pas de connaître les dates de la création du monde, du déluge etc., mais bien d'observer un ordre d'après lequel on sache toujours comment se sont suivi les évenements avérés, dont l'influence a été considérable et permanente. L'ère chrétienne a été prise le plus souvent comme un point fixe, tant pour ce qui a suivi la naissance de Jésus Christ, que pour ce qui l'a précédé.

Le vaste champ de l'histoire ancienne et moderne, ayant été traversé de la sorte rapidement, il a fallu revenir au lieu de départ pour commencer un nouveau voyage. Dans ce dernier on ne s'est guère arrêté qu'à ce qui a été débité sur les Assyriens, les Babyloniens et les Mèdes. Relativement aux Egyptiens, aux anciens Perses et aux Phéniciens, on s'est borné à des fragments de Hérodote, de Diodore de Sicile, et de l'origine des Loix par Goguet, qu'on a comparé avec les rélations modernes de Niebühr, de Volney et de Savary.

L'Histoire de la Grèce était trop importante pous n'être pas traitée avec plus de soin. Afin d'y mettre une plus grande exactitude, on a divisé la période qu'elle occupe en 5 autres, dont: le commencement de la Guerre du Péloponèse, paix d'Antalcide, la bataille de Chéronée, le partage de l'Empire d'Alexandre et la prise de Corinthe, forment les points de séparation. On a débuté par faire lire à L. L. A. A. I. I. l'ouvrage de l'anglais Gillies, qui finit au règne d'Alexandre et que l'ordre, la clarté, l'élégance et l'esprit philosophique rendent également recommandable.

Cette lecture a été accompagnée de celle d'un grand nombre de fragments des originaux, non seulement dans le but d'expliquer ce qui avait besoin de commentaires, mais surtout afin que M-grs apprîssent à connaitre ces fameux écrivains de la Grèce, dont les productions doivent être étudiées et citées dans tous les âges, comme les modèles de l'élégance, de la sagesse et du bon goût. On a donc lu avec M-grs plusieurs Chants des poëmes d'Homère, qu'ils reliront avec plus de plaisir dans les belles versions allemandes de Voss et du comte de Stolberg, les livres d'Hérodote, qui portent les noms des Muses: Clio, Euterpe, Thalie et Melpomêne, dans la version de Larcher, les admirables discours de Thucydide, qui ont été traduits avec autant de fidélité que d'élégance par l'infatigable abbé Auger, un grand nombre de passages, tirés de la continuation de Thucydide par Xénophon, de la Retraite des Dix milles et de Diodore de Sicile depuis le XI au XVII livre, l'abrégé de Justin, l'histoire correspondante des grands hommes de cette période de Plutarque et Cornelius Nepos, l'éloge d'Agésilas et quelques passages des Dits mémorables de Socrate par Xénophon, l'apologie de Socrate par Platon, l'Oedipe Roi et l'Oedipe à Colonne de Sophocle, les sept Chefs devant Thèbes, et une partie du Prométhée d'Eshyle, plusieurs morceaux du Panégyrique d'Athênes par l'orateur Isocrate, l'oraison funèbre des guerriers athèniens par l'orateur Lysias, le plaidoyer du même contre Eratosthêne, l'un des 30 Tyrans, la Harangue d'Eschine sur la Couronne, la Sublime Réponse de Démosthène et les Philippiques de celui-ci.

A défaut d'un aussi bon guide que Gillies, on a employé des Notes, destinées à conserver l'ordre et la correspondance des évènemens de la période suivante, qui commence au partage de l'Empire d'Alexandre et se termine à la prise de Corinthe, en comprenant tout ce qui s'est passé depuis l'an 306 jusqu'à l'an 145 avant notre ère. Les originaux qu'on a ou lu en entier, ou simplement consulté, sont les suivants: l'abrégé de Justin, les Livres XVIII, XIX et XX de Diodore, l'histoire des grands hommes contemporains dans Plutarque et tout ce qui concerne la Grèce dans Polybe. Ce sage historien avait écrit en 40 Livres l'Histore universelle de son temps, qui comprenait une période de 53 années, mais il ne reste de cet ouvrage que les 5 premiers Livres et des Extraits des 12 suivants.

Pour estimer l'étendue de cette perte, on observera simplement, qu'aux avantages de la fortune et d'une naissance illustre, cet écrivain célèbre joignait ceux d'avoir eu pour maîtres son père Lycortas et Philopémen, les deux plus illustres citoyens de la Grèce, qui l'instruisirent dans les connaissances les plus propres à former un excellent capitaine, un magistrat éclairé et un politique habile; qu'il avait été formé de bonne heure à l'école de l'adversité, au milieu des commotions qui affermissent le courage et développent les grands talents; que témoin des révolutions mémorables qui firent passer l'empire du monde aux Romains, il vécut familièrement avec les Scipions, Paul Emile, Caton le Censur les Fabius, les Gracques et le plus grand nombre des acteurs, qui parurent sur ce grand théâtre, et qu'ayant joué lui même un rôle principal, il était fort en état de développer les ressorts de la politique et de faire connaître l'esprit des gouvernements de son temps. La simplicité et le ton mâle qui règnent dans ses écrits, l'impartialité et l'esprit philosophique qui percent à chaque page, n'inspirent pas seulement l'entière confiance, on se sent pénétré de respect pour l'Etre vénérable, qui impassible comme la Vérité, raconte sans jactance comme sans crédulité les révolutions importantes, dont il a été le témoin et auxquelles il a eu part. Il est à désirer que L. L. A. A. I. I. relisent dans la suite un historien de ce mérite.

Enfin M-grs ont lu plusieurs chapitres de l'intéressant Voyage du jeune Anacharsis, et M-gr le Grand Duc Alexandre a été particulièrement chargé d'en relire seul quelques uns, et de rendre compte de ses lectures.

La même méthode a été suivie pour l'Histoire romaine. Afin de procéder avec ordre, on a marqué certains points fixes, ou repos, auxquels on s'est arrêté, pour avoir le temps de lire ou de consulter soit les originaux, soit les autres ouvrages, destinés à étendre ou à éclaircir ce qui était trop concis ou trop obscur. On en a fixé 6, depuis la fondation de Rome jusqu' à l'an 476, époque de la destruction de l'empire d'Occident, savoir l'année 361 avant notre ère, la seconde guerre punique, la guerre de Jugurtha, la bataille d'Actium, l'avénement de Trajan et la déposition de Romulus Augustule par Odoacre, le général en chef des auxiliaires barbares.

Les Révolutions Romaines de Vertot et l'Abrégé de Florus ont d'abord servi de fil pour se conduire.

Depuis les guerres puniques on a principalement suivi l'excellente Histoire des progrès et de la chute de la République romaine, dont l'auteur Fergusson s'est montré le digne émule de ses compatriotes Robertson et Hume; mais la version française n'étant pas achevée, on y a suppléé par des notes et

par un commentaire, fondé sur les thèmes, dictés il y a quelques années à L. L. A. A. I. I., lesquels vont jusqu'au règne de Justinien I.

On a lu de plus divers fragments de Diodore de Sicile, plusieurs articles du verveux Denys d'Halycarnasse rélativement à Corialan et à Cincinnatus, la majeure partie du célèbre historien de Rome l'énergique et élégant Tite-Live, Polybe, une partie de Salluste, la vie des illustres Romains dans Plutarque, Velleïus Paterculus, depuis la guerre de Persée jusqu'à la Bataille d'Actium, les Catilinaires de Ciceron, dont on lira l'histoire particulière dans Middleton, les plaidoyers de cet orateur en faveur d'Archius et de Ligurius, plusieurs passages des Verrine et de la Milomenne, quelques descriptions tirées de Lucain, les annales et l'histoire de Tacite presqu'en entier et son admirable Eloge d'Agricola, les passages de Suétone qu'on pouvait lire sans danger, quelques unes des Lettres de Pline à Tacite, celles qu'il adressa à Trajan et les réponses de ce grand prince, les chapitres correspondants des Considérations de Montesquieu, sur les causes de la grandeur des Romains, et les trois premiers chapitres de l'ouvrage de Gibbon, qui renferment des observations infiniment intéressantes sur la constitution, les ressources et l'état de l'empire depuis Auguste jusqu'aux Antonins. Comme on se propose de suivre cet auteur, il en sera parlé plus au long dans la seconde partie de ce mémoire. On en est resté au règne de Marc Aurele.

Les notions qu'on avait données à M-grs de l'histoire moderne, tant durant les cours antérieurs, qu'en s'occupant de la géographie, ont permis de les étendre en même temps qu'on s'occcupait de l'histoire ancienne, car il n'eut pas convenu qu'Ils demeurent étrangers à ce qui s'était passé dans les siècles voisins du leur. Ne pouvant entrer dans de grands détails, on s'est du moins attaché à bien distinguer et à classer les principaux évènements à l'aide de notes, qu'on leur a dictées dans le but de servir de direction lorsqu'on recourra aux historiens modernes. C'est ainsi qu'on s'est occupé de la Pologne, de la Prusse, du Danemarck, de la Suède, de la Hongrie, de la Bohême et des Provinces Unies. A propos de l'Espagne et du Portugal, on a dû tracer l'origine de l'empire des Arabes, et rappeler ses plus mémorables révolutions. On n'a touché à l'Italie, à la France et à l'Angleterre que fugitivement encore. Par contre, il a été indispensable d'entrer dans les détails rélativement à l'Allemagne. A l'occasion de celle-ci on a dû remonter aux migrations des Barbares du Nord et de l'Orient depuis le 3-ième au 9-e siècles, tracer leur marche et rapporter les évènements principaux, de manière à éviter la confusion qui est surtout l'attribut de cette période. Les notes que M-grs ont écrites à ce sujet, parcourent rapidement les règnes de la première race des Rois Francs, et deviennent plus circonstanciées que depuis l'apparition des Maires et l'avénement des Carlovingiens. Le demembrément de l'empire Franc sous ces derniers a nécessité la composition de pluieurs tables généalogiques, sans lesquelles il eut été impossible de sortir de ce labyrinthe dégoûtant. Enfin à l'aide des ouvrages du savant Pütter, de l'histoire des Allemands par Schmidt et de l'Abrégé chronologique de Pfeffel les révelutions principales de l'Allemagne et les changements qu'a subi la constitution, ont été dévéloppés, règne par règne, depuis Arnoul jusqu' à Joseph II, et de fréquentes digressions, ont eu pour objet les révolutions des états voisins, dont l'intelligence était indispensable.

Mathématiques. 1) **Arithmétique.** L. L. A. A. I. I. en ont exécuté toutes les opérations avec ou sans fractions, tant communes que décimales. On leur a de même

enseigné les règles, qui sont des corollaires de la Théorie des Proportions, en leur proposant les exemples les plus variés et les plus compliqués; et dans le but de les accoutumer à un travail suivi, à faire des recherches etc.; on les a astreint à rendre compte de leurs procédés, en remontant de conséquence en conséquence jusqu'aux premiers principes. On ne s'en est pas tenu aux opérations de l'arithmétique ordinaire, on a développé à M-grs les procédés et les principes de l'extraction des racines carrées et cubiques avec fractions et décimales, on leur a fait exécuter les exemples les plus difficiles et proposé un grand nombre de questions arithmétiques et géométriques, dont les solutions exigeaient de semblables opérations. M-gr le Grand Duc Alexandre, que j'ai particuliérement en vue, est donc en état non seulement d'exécuter seul, promptement et sans faute toutes les règles de l'arithmétique, il peut en outre développer les raisons de ses procédés, pourvu qu'il y employe sérieusement ses forces et fasse attention. M-gr le G-d Duc Constantin a exécuté les mêmes exemples, mais son extrême vivacité, nuisant à la continuité d'attention et au pouvoir d'abstraire, qui sont des conditions indispensables, les principes n'ont pas fait encore chez lui cette impression profonde, qui préserve de l'oubli, des incertitudes et des erreurs.

L L. A A. I. I. ont appris ensuite à exécuter algébriquement les opérations, qu'on leur avait fait faire d'abord en arithmétique, et M-gr le Grand Duc Alexandre a résolu quelques problèmes du 1-er degré. On en est resté aux logarithmes, dont on s'est proposé de développer géométriquement les principes et la formation, à l'aide de la courbe, appelée la logarithmique.

2) **Géométrie.** L L. A A. I. I. ont terminé depuis plusieurs mois le cours très détaillé, qu'on leur a fait suivre. Après leur avoir dicté ou fait copier les propositions, et après avoir développé, expliqué, démontré ce qui avait besoin de l'être, on a exigé des M-grs de rendre compte, à leur tour, de ces explications, de répondre aux objections et de remonter soit aux premiers principes, soit aux premières causes de leurs erreurs.

M-gr le Grand Duc Alexandre a montré beaucoup de dispositions pour cette étude, et m'a souvent satisfait par ses démonstrations rigoureuses, par son attention à discerner ce qui était incorrect, et par sa persévérance à rechercher ce qui lui était échappé. Plus d'une fois il a simplifié des démonstrations compliquées, et j'en conserve comme souvenir une très élégante. On n'aurait pu avec justice en exiger autant du cadet de M-grs; il a montré de la bonne volonté et d'heureuses dispositions, mais la persévérance et l'attention lui manquent encore et il faudra repasser plus d'une fois avec lui ce qui a été traité.

3) **Trigonométrie.** Le cours qu'on a fait avec L. L. A. A. I. I. a été trop abrégé et interrompu trop souvent, pour n'avoir pas besoin d'être recommencé et poursuivi avec plus de persévérance qu'auparavant: c'est alors qu'on le fera suivre de la Trigonométrie sphérique.

On a commencé enfin avec M-gr le Grand Duc Alexandre les sections coniques, en suivant la méthode synthétique, qui exige une attention très suivie mais dont l'avantage suprême est de forcer l'esprit à suivre et à comparer plusieurs raisonnements compliqués, pour arriver à une conclusion très éloignée en apparence. M-gr n'en est encore qu'à la parabole, parcequ'il doit relire ce qui a été fait, et écrire seul les démonstrations. Jusqu'ici on en a été très content.

Littérature. Ainsi qu'il a été dit aux articles: géographie et histoire, M-grs ont fait diverses lectures qui appartiennent aussi à celui-ci. On a lu entre autres une grande partie de l'ouvrage de Goguet sur l'origine des lois, des fragments de la Hen-

riade et des Géorgiques, mises en vers par l'abbé de L'Isle, la majeure partie de Racine, les plus belles pièces de théâtre de Corneille, de Voltaire et de Molière, le Lutrin, plusieurs odes de Jean Baptiste Rousseau, des portraits choisis dans la Bruyère et Duclos, divers articles du Synonyme français, quelques Dialogues de Lucien et certains passages de Raynal. Lorsqu'on aura terminé le cours de grammaire, il sera temps de recueillir les observations des littérateurs les plus distingués sur les divers genres de la littérature, et M-grs seront alors d'autant plus capables d'appliquer les règles, qu'ils connaîtront un plus grand nombre de faits, que leur goût se sera formé par la lecture de bons auteurs et que leur judiciaire aura acquis assez de force pour prononcer d'après leur propre conviction: jusqu'à ce moment un cours de littérature dans les formes eut été aussi absurde que nuisible.

II PARTIE. **Aperçu de ce qui reste à faire. Etude de la langue française.**

1) M-grs doivent être exercés à lire haut tantôt des vers, tantôt de la prose, afin d'acquérir une prononciation correcte et décidée. S. A. I. M-gr le G-d Duc Constantin en a surtout le plus grand besoin, sa vivacité devant nécessairement se plier à ce qu'on a droit d'exiger d'un jeune homme de son âge.

2) L. L. A. A. I. I. doivent faire un cours complet de grammaire applicable non seulement au français, mais encore à d'autres langues. On a extra ità leur usage, ce que la grammaire générale de Court de Gébelin renferme de plus essentiel, et l'on parcourra également ce que le judicieux Condillac a écrit sur cette matière.

3) Après avoir terminé le cours de grammaire, on en commence un des belles lettres proprement dites. Les principes de Batteux et surtout les Leçons de Rhétorique de l'estimable Ecossais Blair seront les guides qu'on suivra, non pas servilement, mais en discutant leurs principes et les règles qu'ils en déduisent. Si les circonstances le permettent, on fera lire à L. L. A. A. I. I. quelques chapitres de Quintilien, les ouvrages de Cicéron sur l'Art Oratoire, et le traité du célèbre Edmond Burke sur le Sublime; mais ce serait en vain qu'on proposerait des préceptes, si l'on ne lisait pas dans le même temps une partie des ouvrages classiques, qui ont fait la réputation d'une langue. Il est reconnu en effet qu'une pareille lecture, suivie avec attention par un individu doué d'une bonne judiciaire, forme bien plus surement le goût, que les dissertations métaphysiques ou des préceptes accumulés sans choix.

4) Il serait essentiel que M-grs fussent astreints, une ou deux fois par semaine, à rendre compte par écrit de leurs occupations, afin d'acquerir l'habitude de l'ordre et de former leur style; mais il faudrait que rien ne les dispensât d'une telle tâche et qu'ils s'en acquitassent seuls, sans aucune assistance étrangère et avec toute l'application qu'elle requiert. On peut l'exiger de tous deux, en ayant égard à la différence qui existe entre leurs caractères et leurs connaissances. Ce serait surtout un aiguillon assuré pour M-gr le Grand Duc Alexandre, s'il était chargé quelquefois par Sa M. I. elle même de lui rendre compte par écrit de quelques lectures ou de quelques affaires *).

Quiconque est appelé par sa naissance à devenir un homme public doit acquérir de bonne heure ce tact sûr et prompt qui aide à discerner dans les affaires

*) Il est une multitude d'affaires, dont il pourrait rendre compte sans qu'elles tirassent à conséquence. Par ex. M-gr pourrait visiter les établissements publcs, les manufactures etc. et en rendre compte par écrit à S. M. I.

De La Harpe.

les raisonnements et les faits décisifs, de ceux qui ne sont qu'accessoires; or pour acquérir cette facilité, il faut que la judiciaire soit exercée avec soin, que l'esprit s'accoutume à vaincre les difficultés et que les pouvoirs actifs de l'âme soient mis à l'épreuve.

Géographie et Statistique. Après avoir terminé le dernier cours de géographie de la manière indiquée ci-dessus, on suppléera aux omissions, soit en consultant des ouvrages plus détaillés, soit en lisant les meilleurs voyages.

Il en est de même des connaissances statistiques: en s'aidant des notions générales et de l'ordre adopté aux recherches de cette espèce, il sera facile de poursuivre celles-ci et de rectifier ce que les premières renferment d'erroné ou de défectueux.

La lecture de Smith faite la plume à la main, procurera sur l'économie politique et sur le commerce en particulier un précieux recueil de principes et de faits intéressants, qui serviront à scruter les opérations commerciales et financières des états européens *) Si M-gr le G-d Duc Constantin n'est pas sur ce point au niveau de son frère, il doit y arriver à son tour, et avec d'autant plus de raison, que son âge donne le droit d'exiger qu'il s'occupe sérieusement. Il reste enfin pour completer ce qui a trait à la géographie, de faire avec L. L. A. A. I. I. un cours de sphère, et c'est aussi ce dont on s'occupera avec elles.

Histoire. Pour la période, comprise entre le règne de Marc-Aurele et le démembrement de l'empire d'Occident, ainsi que pour celle, qui commence à cette dernière époque, et se termine au règne de Charlemagne, on suivra l'Histoire de la Décadence et de la Chute de l'Empire romain, par Gibbon. Cet ouvrage, aussi distingué par les recherches et les connaissances qu'il suppose, que par l'esprit philosophique, qui a présidé à la disposition et aux choix des matières, et qui se recommande d'ailleurs par une diction tout à la fois fleurie et pure, ne se borne pas à tracer avec un intérêt toujours nouveau, les révolutions du bas Empire, jusqu' à l'an 1453. Les migrations des barbares et leurs établissements, les révolutions des empires des Arabes, des Mongoles et des Turcs, les croisades et les révolutions de l'Italie, dans le moyen âge, l'administration, les finances, le commerce, le militaire, la constitution, la littérature, les opinions; tout ce qui peut intéresser la curiosité, durant une aussi longue période, s'y trouve développé avec la plus grande clarté, avec une impartialité précieuse, et avec un sens exquis. A l'exception d'un très petit nombre de chapitres, dont les sujets ne sont pas à la portée actuelle de L. L. A. A. I. I., tout le reste peut être lu et relu avec le plus grand fruit, et rien ne saurait remplacer une semblable lecture. Quoique les évènements soient suffisamment développés par Gibbon, rien n'empêche de consulter quelques originaux, tels, par exemple, que Hérodien et Amien Marcellin, qui renferment, le dernier surtout, des détails très intéressants. L'histoire des Allemands par Schmidt, fournira les suppléments nécessaires jusqu'à Charlemagne. Enfin il sera indispensable de comprendre dans des notes abrégées, les évènemens les plus remarquables.

Depuis Charlemagne jusqu' à l'an 1453 on reprendra la lecture de Gibbon, en la suspendant par intervalles, pour chercher des détails dans les ouvrages, qui traitent plus particulièrement l'histoire des états européens. Des mémoires

---

*) M-gr ne pourrait il pas être chargé par S. M. I. de lui rendre compte de divers chapitres de cet ouvrage, et de quelques autres de la même nature. Son indulgence couvrira les fautes de ses premiers essais. **De La Harpe.**

particuliers et quelques extraits de Villhardouin de Joinville, et de Sainte Palaye, feront par exemple connaître l'esprit des croisades et les moeurs des siècles de la chevalerie.

Lorsque M-grs auront écrit rélativement à chaque état européen, des notes historiques pareilles à celles dont il a été fait mention dans la première partie de cet écrit, on les commentera par le secours des meilleurs historiens de chaque nation. Sans doute, il serait impossible de les lire tous d'un bout à l'autre, cependant plusieurs en vaudraient la peine, si le temps le permettait, et l'on en présentera la liste au besoin. L'étude de l'histoire doit être surtout celle des ommes publics, mais c'est dans les originaux seuls, qui ont été composés ou par des contemporains, ou par des hommes assez habiles pour servir leur témoignage au flambeau de la critique et de la vraie philosophie, qu'on peut trouver de vraies lumières. Les abrégés ainsi que les cours d'histoire, ne procurèront jamais ni la connaissance des hommes, ni celle des affaires. Une sèche nomenclature, des sentences, de l'esprit, des jeux de mots, des lieux communs, au défaut de raisonnements fondés sur les faits, voilà ce qu'on y trouve. Pour ne pas tomber dans une pareille faute, il faut donc du temps et de la persévérance, et une année n'est pas de trop pour l'aîné des M-grs. Quant au cadet, il sera indispensable de repasser avec lui ce qu'il aura mal saisi, ou tout à fait oublié.

Mathématiques. 1) Il est nécessaire que M-grs repassent le cours de géométrie; mais au lieu de leur développer les définitions et de démontrer, on exigera qu'ils s'en acquitent seuls. Cela fait, on reprendra la trigonométrie plane, et après avoir résolu ses divers problèmes, on passera à la trigonométrie sphérique.

2) L. L. A. A. I. I. doivent, dans le même temps continuer les leçons d'algèbre, depuis le point où elles avaient été interrompues. Les éléments d'algèbre du célèbre Etsler, qui conduisent très loin, sont le guide qu'on a suivi. On fera résoudre par L. L. A. A. I. I. les problèmes qu'on y trouve et l'on en choisira d'autres dans Saunderson, dans les Eléments de Kästner et dans d'autres auteurs. Enfin pour montrer l'application de l'algèbre à la géométrie, on s'aidera du Cours de Segner, qui renferme un grand nombre de problèmes très intéressants sur cette matière.

3) Après avoir démontré à M-gr le G-d Duc Alexandre, les propriétés les plus essentielles des sections coniques, en suivant la méthode synthétique ou des anciens, d'après l'Abrégé de la Hire, on les démontrera une seconde fois par l'analyse, à l'aide des: Elémens de la Caille ou du Traité des Sections coniques du marquis de l'Hopital. Il faut que M-gr le G-d Duc Constantin soit plus ferme sur les principes de la géométrie élémentaire, pour qu'on puisse le faire entrer dans la même carrière.

4) Lorsque M-gr le Grand Duc Alexandre aura terminé cette tâche, il sera temps d'appeler un habile ingénieur, pour lui enseigner la fortification, le génie etc. *)

Philosophie. Si M-grs ont lu avec fruit les ouvrages énumérés ci-devant; s'ils savent remonter de conséquence en conséquence jusqu'aux principes et redescendre de ceux-ci aux conséquences; s'ils ont pris l'habitude salutaire de bien

---

*) S'il était permis d'en nommer l'un des plus capables, je citerais m-r le brigadier Voland, dont les connaissances ne sont pas moins étendues que fondées sur l'expérience et doué des sentiments d'un brave et galant homme. **De La Harpe.**

sentir les faits avant que d'asseoir un jugement; si leur conviction n'est jamais que le résultat de leurs propres réflexions, et un résultat dont ils puissent constamment se rende compte, alors on pourra dire qu'ils ont le germe de l'esprit philosophique, et la métaphysique, ainsi que la logique leur seront inutiles. Il sera utile néanmoins de leur faire parcourir rapidement les règles de celle-ci, pour leur montrer avec quel soin et quelle adresse les savants ont travaillé à perfectionner un instrument, qui ne leur a jamais servi qu'à déraisonner plus méthodiquement.

En métaphysique il suffira de lire l'excellent ouvrage de Condillac, sur l'Origine des Connaissances humaines et de consulter Locke. Pour estimer enfin la philosophie spéculative ce qu'elle vaut, il conviendra de lire l'histoire des sectes, qu'elle a produit.

Les Dialogues de Lucien et plusieurs fragments d'ouvrages modernes rempliront ce but. Les Gérontes de Sparte exposaient aux regards de la jeunesse, les Ilotes pris de vin, pour leur inspirer l'horreur de l'ivresse; ne pourrait-on en faire autant à l'égard des travers de l'esprit humain? Autant l'étude des sciences spéculatives serait inutile à M-grs, autant leur importe-t-il d'acquérir de justes idées de leurs rapports avec la société en qualité d'hommes et de citoyens. C'est pour atteindre ce but qu'on s'occupe à rassembler dans un abrégé les principes et les faits les plus propres à établir ces rapports et à les rendre applicables aux circonstances, tous les livres élémentaires, qui traitent du droit naturel, étant pleins de lieux communs, d'idées spéculatives et d'inutilités, qui empêchent de les prendre pour guides *). Il est néanmoins certains ouvrages qu'il conviendra de consulter; tels sont, parmi les anciens, les Offices de Cicéron, dans l'excellente traduction allemande de Garve, les Réflexions de Marc Aurêle, le Hiéron de Xénophon et divers morceaux du livre des lois de Platon, et parmi les modernes, l'Essai sur l'Histoire de la Société civile, par Fergusson, le Contrat social, les Entretiens de Phocion, et les principes de la Législation par Mably, et surtout l'Esprit des lois. Il sera nécessaire enfin que L. L. A. A. I. I. fassent un cours abrégé de droit, à l'aide de notes tirées en grande partie des lois civiles dans leur ordre naturel, ouvrage admirable, qui fut composé dans le siècle passé par le jurisconsulte Domut, dont l'érudition n'étouffa point l'esprit géométrique. Votre Excellence sent parfaitement, que les circonstances peuvent amener divers changements majeurs dans ce qui précède, et qu'on dévéloppera davantage s'il est besoin; mais avec de la persévérance d'une part et avec la certitude d'être soutenu et encouragé de l'autre, on peut gagner heureusement le port.

C'est là l'unique ambition et le voeu le plus ardent de celui qui est avec respect. M-r le. C-te De V. E. Signé (De la Harpe).

Note. Diverses donnés me laissent croire que ni ce mémoire, ni quelques autres, ni mes nombreux rapports, n'ont été mis sous les yeux de S. M. I. S'il en est quelques uns dans le nombre auxquels ce bonheur soit tombé en partage, ils n'auront été présentés ni dans leur intégrité, ni sous mon nom. Je suis assuré que le mémoire présent a été traduit en russe en cachette, après m'avoir été de-

---

b) La crainte d'être mal compris, m'ayant engagé à renoncer à ce travail dans les conjonctions présentes, je me suis servi des ouvrages de Barlamaqui et de Vattel, et surtout du petit ouvrage corbues, et M-r le comte me consola par un compliment. De La Harpe.

mandé, et ce qui m'a toujours fait soupçoner qu'on avait tû le nom de son auteur, c'est qu'au moment même de sa présentation, deux de mes collègues et de mes cadets, me dépassèrent en devenant colonels. Le mémoire, que j'ai eu l'honneur de remettre le 2-ème Décembre dernier (1794) à M-r le C-te Soltykof, pour être présenté à S. M. I., et qui sans doute aura passé sous ses yeux, faisait allusion à toutes ces choses.

De La Harpe.

Сообщ. **Н. П. Дуровъ.**

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ *).

Отъ декабря 1836 до 1844 года.

ПЕРІОДЪ VII.

Опредѣленіе капельмейстеромъ придворной пѣвческой капеллы. — Поѣздка въ Малороссію.—Начало оперы «Русланъ и Людмила».—Оставленіе службы.—Разрывъ съ женою.

1 января 1837 г. я былъ назначенъ капельмейстеромъ придворной пѣвческой капеллы. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

Въ концѣ 1836 г., зимою, скончался директоръ придворныхъ пѣвчихъ, Θедоръ Петровичъ Львовъ. Графъ Михаилъ Юрьевичъ**) и князь Григорій Волконскій по своему искреннему ко мнѣ расположенію, воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы пристроить меня соотвѣтственно моимъ способностямъ; ибо они ясно видѣли, что, кромѣ другихъ выгодъ, сопряженныхъ съ этимъ званіемъ, для меня не лишними были и матерьяльныя пособія, какъ-то: окладъ и казенная квартира съ дровами.

Министръ двора приказалъ объявить мнѣ, чрезъ управлявшаго его канцеляріею Панаева (автора «Идиллій»), что есть мнѣ назначеніе и чтобы я далъ отвѣтъ. Я разспросилъ, въ чемъ должна была состоять моя обязанность и узнавъ, что я долженъ буду заниматься единственно искусственною частью, объя-

---

*) Русская Старина, т. I, стр.: 380—402; 474—494; 562—594; т. II, стр. 56—73. Настоящая часть записокъ, какъ отмѣчено рукою М. И. Глинки на обложкѣ рукописи: начата «въ С.-Петербургѣ, 7 сентября 1854 г.»

**) Віельгорскій.

вилъ, что соглашаюсь принять званіе капельмейстера придворной капеллы. Я спросилъ однако же предварительно, кто у меня будетъ начальникомъ и какія къ нему будутъ отношенія? Панаевъ объяснилъ мнѣ, что директоръ долженъ будетъ завѣдывать единственно хозяйственною частію, а на вопросъ мой: кого именно предполагаютъ назначить? отвѣчалъ, что или князя Григорія Волконскаго, или графа Матвѣя Юрьевича. Хотя я могъ предполагать, что они также будутъ вмѣшиваться и въ музыкальную часть, однако же радовался служить съ ними, какъ съ людьми пріятными и искренно во мнѣ расположенными.

Того же дня вечеромъ, за кулисами, государь императоръ, увидя меня на сценѣ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Глинка, я имѣю къ тебѣ просьбу и надѣюсь, что ты не откажешь мнѣ. Мои пѣвчіе извѣстны во всей Европѣ и слѣдственно стóятъ, чтобы ты занялся ими. Только прошу, чтобы они не были у тебя итальянцами». Эти ласковыя слова привели меня въ столь пріятное замѣшательство, что я отвѣчалъ государю только нѣсколькими почтительными поклонами. На другой день я отправился къ графу Матвѣю Юрьевичу Вельегорскому; онъ принялъ меня радушнѣе обыкновеннаго, мы оба радовались служить вмѣстѣ и заранѣе помышляли о возможныхъ улучшеніяхъ придворной капеллы. Вышло однакоже чрезъ нѣсколько дней, что назначенъ былъ директоромъ Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ, что нѣсколько смутило меня, ибо мои тогдашнія къ нему отношенія измѣнились по весьма странной для меня причинѣ.

Старикъ Ѳедоръ Петровичъ Львовъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ, навѣщалъ меня вскорѣ по моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ въ 1834 г., когда я жилъ у Стунѣева, несмотря на то, что квартира наша была на самомъ верху. Онъ оказывалъ мнѣ необыкновенное вниманіе; письмо, посланное ко мнѣ съ его книжкой о русскомъ церковномъ пѣніи, еще болѣе высказывало эти чувства. Однажды я былъ въ ложѣ, не помню въ какомъ театрѣ, вмѣстѣ съ невѣстой моей, Марьей Петровной, и въ тоже время въ другой ложѣ былъ Ѳедоръ Петровичъ Львовъ съ своимъ семействомъ; когда онъ увидалъ меня съ невѣстой, то отвернулся отъ меня съ видомъ неудовольствія и мы съ той поры не кланялись.

Несмотря на это, Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ принялъ меня

съ искреннимъ радушіемъ и мы рѣшились идти рука объ руку на нашемъ новомъ поприщѣ. Вскорѣ по опредѣленіи нашемъ Алексѣй Өедоровичъ сдѣлалъ экзаменъ; многіе изъ большихъ пѣвчихъ, т.-е. теноровъ и басовъ оказались весьма плохими. Алексѣй Өедоровичъ хотѣлъ-было нѣкоторыхъ исключить, однако же дѣло обошлось и безъ того. Я взялся учить ихъ музыкѣ, т.-е. чтенію нотъ, и исправить интонацію, по-русски — вывѣрить голоса. Мой способъ преподаванія состоялъ въ разборѣ скалы, означенія полутоновъ, слѣдственно изысканія причины употребленія знаковъ повышенія и пониженія; впослѣдствіи писалъ я на доскѣ двухголосныя короткія задачи (Sätze), заставлялъ сперва сдѣлать разборъ, потомъ спѣть одну, потомъ разобрать и спѣть другую партію, потомъ всѣ вмѣстѣ, стараясь образовать слухъ учениковъ моихъ и вывѣрить ихъ голоса.

Когда въ первый разъ явился я для преподаванія съ мѣломъ въ рукѣ, мало нашлось охотниковъ; большая часть большихъ пѣвчихъ стояли поодаль съ видомъ недовѣрчивымъ и даже нѣкоторые изъ нихъ усмѣхались. Я, не обращая на то вниманія, принялся за дѣло такъ усердно и скажу даже ловко, что послѣ нѣсколькихъ уроковъ, всѣ почти большіе пѣвчіе, даже и такіе, у которыхъ были частные и казенные уроки, приходили ко мнѣ на лекціи.

Мы съ Львовымъ видались часто; въ теченіи зимы, въ началѣ 1837 г. иногда приглашалъ онъ къ себѣ Нестора Кукольника и Брюлова и угощалъ насъ дружески. Не говорю о музыкѣ (онъ иногда игралъ превосходно Моцарта и Гайдна; у него же слышалъ я тріо для 3 скрипокъ Баха). Но онъ, желая привязать художниковъ къ себѣ, не жалѣлъ и завѣтной бутылки какого-нибудь рѣдкаго вина.

Я также часто видался съ Жуковскимъ и Пушкинымъ. Жуковскій, въ концѣ зимы съ 1836 на 1837 г., далъ мнѣ однажды фантазію: Ночной смотръ, только-что имъ написанную; къ вечеру она уже была готова и я спѣлъ ее у себя въ присутствіи Жуковскаго и Пушкина. Матушка была еще у насъ и она искренно радовалась видѣть у меня такихъ избранныхъ гостей.

По отъѣздѣ матушки, въ мартѣ мѣсяцѣ, жена моя расхворалась и наконецъ образовалось у нея воспаленіе легкихъ.

Пользовалъ ее С. Θ. Вольскій; ему удалось спасти ее, но выздоровленіе шло медленно. Жили мы въ Фонарномъ переулкѣ, въ домѣ Мерца, въ той самой квартирѣ, которую впослѣдствіи заняли Кукольники съ братіей.

Болѣзнь жены поколебала мое вѣрованіе въ супружеское счастье; капризы ея послѣ болѣзни—совершенно уничтожили это вѣрованіе.

Первая вспышка мнѣ такъ памятна, что разскажу ее подробно.

Ступѣевъ Алексѣй жилъ въ томъ же домѣ на Вознесенской, слѣдственно очень не далеко, и Софья Петровна часто бывала у насъ. Однажды въ началѣ весны, еще не оправясь, вздумалось Марьѣ Петровнѣ навѣстить сестру свою; время было скверное, страшно свирѣпствовалъ жестокій сѣверный вѣтеръ. Я упрашивалъ жену не ѣздить по причинѣ дурной погоды, но она рѣшительно заупрямилась и приказала запрягать лошадей. Видя, что увѣщанія мои были тщетны, я принужденъ былъ употребить власть и повелительнымъ тономъ приказалъ кучеру отнюдь не смѣть запрягать. Марья Петровна начала горько плакать, а теща въ гнѣвѣ разразилась бурнымъ потокомъ упрековъ, при чемъ гнѣвъ ея возрасталъ болѣе и болѣе, такъ что трудно было разобрать ея ломанный русскій языкъ, а слышно было шипѣніе подобное шипѣнію самовара. Наконецъ барыни успокоились, но огорченіе глубоко запало мнѣ въ сердце.

Эти сцены начали повторяться и всегда изъ пустяковъ. Въ такихъ случаяхъ слышно было самоварнообразное шипѣніе тещи и всхлипыванье жены; я же взялъ за правило хранить глубокое молчаніе, мѣрнымъ шагомъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и на каждомъ поворотѣ, упираясь на правую ногу, тщательно обрисовывать носкомъ лѣвой полукругъ, чтò несказанно бѣсило тещу, отъ чего однако же она скорѣе умолкала. Тогда я обращался къ ней съ вопросомъ: все ли она высказала? натурально, она снова приходила въ бѣшенство, но не на долго; усталость замыкала ей уста, а я надѣвалъ медленно перчатки, бралъ шляпу и, учтиво раскланявшись съ моими дамами, отправлялся къ пріятелямъ, гдѣ оставался иногда по нѣскольку дней, смотря по тому, какова была домашняя сцена.

Великимъ постомъ переѣхали мы на казенную квартиру въ

пѣвческій корпусъ. Вскорѣ послѣ того смоленское дворянство прислало мнѣ, чрезъ смоленскаго губернатора Н. И. Хмѣльницкаго, стихи съ просьбою написать на нихъ польскій съ хоромъ для бала, который смоленское дворянство предполагало дать по случаю проѣзда цесаревича *). За этотъ польскій, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, Жуковскій принесъ женѣ моей подарокъ е. и. высочества государя Цесаревича въ 1500 р. асс. цѣною; это былъ перстень, состоявшій изъ рубина, украшеннаго алмазами. Великимъ постомъ того же 1837 г. исполнено было въ патріотическомъ концертѣ тріо изъ «Жизни за Царя»—«Не томи родимый» необыкновенно удачно. Пѣли его: княжна Лобанова, Андреевъ (который былъ превосходенъ) и Андрей Пашковъ. Государь, присутствовавшій на этомъ концертѣ, сказалъ, стоявшему возлѣ него А. Стунѣеву: «Глинка великій мастеръ; жаль, если при одной этой оперѣ останется».

Въ маѣ мы переѣхали на дачу Ланскихъ между Черной рѣчкой и Выборгской дорогой. Тамъ жили и Одоевскіе, которыхъ я часто навѣщалъ, и большею частію одинъ. Огорченіе отъ домашнихъ сценъ навело на меня горькія размышленія; не одинъ характеръ, но и недостатокъ воспитанія жены моей рѣшительно возставали противу семейственнаго счастія. Княгиня угадала все, хотя я тщательно хранилъ въ тайнѣ супружескіе раздоры и всѣ другіе завидовали моему мнимому счастію.

Андрей Петровичъ Лоди, сынъ профессора, товарища отца Кукольника, возвратился изъ путешествія, предпринятаго имъ для усовершенствованія себя въ пѣніи. Его познакомили со мной, онъ пѣлъ и голосъ его былъ столь пріятенъ, что князь Одоевскій, услышавъ его издали, сказалъ: «какой прелестный голосъ, это была бы находка для театра» **).

Въ теченіи того мѣсяца я часто бывалъ въ городѣ и преимущественно у Кукольника ***). Несторъ издавалъ тогда Худо-

*) «Польскій этотъ утраченъ». Карандашомъ на полѣ копіи.

**) Зачеркнуто карандашомъ. Такъ думали и другіе. Впослѣдствіи Лоди опредѣлился въ театръ: онъ на сценѣ назвалъ себя Несторовымъ, по имени Нестора Кукольника (зачеркнуто чернилами), который болѣе другихъ убѣждалъ его поступить въ театръ. Съ боку на полѣ карандашомъ: «NB контрактъ словесный Лоди съ Плюшаромъ», и противъ зачеркнутаго: «по инаковому».

***) Зачеркнуто карандашомъ: казенную квартиру, отведенную мнѣ въ домѣ пѣвческой капеллы, устроивали и я проживалъ у Кукольниковъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ тамъ было очень хорошо.

жественную газету; по этому случаю у него собиралось много художниковъ и я былъ тамъ совершенно въ моей сферѣ. Мои занятія съ пѣвчими шли весьма успѣшно и я видѣлъ быстрые успѣхи учениковъ моихъ, которые уже начали разбирать ноты довольно свободно. Я этимъ не ограничился и желалъ испытать силы въ церковной музыкѣ; написалъ Херувимскую C-dur, и принялся за фугу съ текстомъ, но безъ успѣха.

Сблизился я также съ профессоромъ театральнаго училища Солива; для него приказалъ разучить двухъ-хорную фугу Сарти, которую произвели успѣшно. Хотя помощникъ учителя пѣнія, Дмитрій Никитичъ Палагинъ, бойко разумѣлъ свое дѣло, въ особенности отлично умѣлъ управляться съ малолѣтними, т.-е. дискантами и альтами, однако же изъ усердія къ службѣ я часто присутствовалъ при классахъ.

Въ концѣ лѣта Гедеоновъ, съ которымъ послѣ постановки моей оперы я болѣе и болѣе сблизился, попросилъ меня учить пѣнію въ театральной школѣ избранныхъ имъ четырехъ дѣвушекъ. Всѣ онѣ были хорошенькія, между ними была также извѣстная въ то время красавица Степанова, игравшая роль Пеки въ Бронзовомъ конѣ. Но не она, а другая воспитанница, не столько красивая, мало-по-малу возбудила поэтическое чувство въ душѣ моей. Время, проведенное мною съ этими милыми полудѣтьми, полукокетками, принадлежитъ, можетъ быть, къ самому лучшему въ моей жизни; ихъ рѣзвая болтовня, звонкій, искренній смѣхъ, самая простота скромнаго наряда, которому, несмотря на то, онѣ умѣли придавать особенную прелесть, все это было для меня ново и увлекательно.
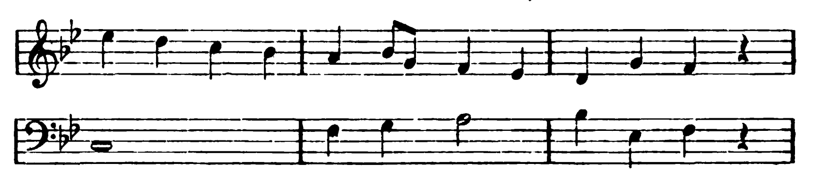
Одна изъ нихъ, вскорѣ, какъ я началъ уроки, являлась всегда причесанная и одѣтая лучше другихъ и при моемъ появленіи яркій румянецъ вспыхивалъ на ея свѣжихъ щекахъ; трудно было бы устоять или долго противиться невольному влеченію чувства.

Но на время я оставлю милыхъ ученицъ моихъ и упомяну о приготовленіи Лоди къ сценѣ.

Кавосъ въ моемъ присутствіи слышалъ голосъ Андрея Петровича въ театрѣ и остался имъ доволенъ. Рѣшено было, чтобы онъ дебютировалъ въ «Нормѣ» въ роли Полліона; этотъ выборъ мнѣ не нравился, но дѣлать было нечего. Надобно было приучить Лоди умѣть носить римскую тогу, и мы выдумали замѣ-

нить таковую простыней, въ которую облекали бѣднаго Андрея Петровича. Онъ съ неизреченною кротостію подчинялся замѣчаніямъ всей братіи нашей, которая не переставала въ теченіи цѣлаго дня теребить его во всѣ стороны.

Около того же времени по просьбѣ Петрова я принялся за прибавочную сцену для жены его въ оперѣ: «Жизнь за Царя». Въ одномъ мѣстѣ Adagio я воспользовался дѣльнымъ замѣчаніемъ Солива на счетъ движенія басовъ, а именно:

Слова этой прибавочной сцены написаны Н. Кукольникомъ въ самое короткое время. Петровъ увѣряетъ меня, что сцена эта была сочинена мною въ теченіи одного дня и что на другой день я навѣстилъ его утромъ съ партіей для жены его. Я иногда заходилъ къ Солива и намѣренъ былъ упражняться съ нимъ въ строгомъ штилѣ; но эти занятія остались безъуспѣшны и, вслѣдствіе какихъ-то вздорныхъ сплетень, мы съ нимъ рѣшительно поссорились.

Бенефисъ Петрова назначенъ былъ 19 октября 1837 года. За нѣсколько времени передъ тѣмъ захворала Степанова, и съ разрѣшенія директора, роль Антониды отдана была Соловьевой, которая всегда отличалась разсѣянностью и безпамятностью. Я прилежно училъ ее, но мои заботы, вмѣсто признательности, возбудили въ большей части лицъ, къ театру принадлежавшихъ, явное неудовольствіе и вотъ по какой причинѣ.... Она пѣла тогда хорошо, хотя впослѣдствіи Карлъ Брюловъ и назвалъ голосъ ея сквознымъ вѣтромъ и ей досадно было, что отдали ей роль соперницы, которая дѣйствительно пѣла нѣкоторыя мѣста, хотя не такъ отчетливо, но съ большимъ увлеченіемъ. Романсъ «не о томъ скорблю» повторяли къ досадѣ старика Кавоса. Иванъ же Кавосъ совѣтовалъ мнѣ заниматься съ Соловьевой не такъ усердно, но я, взявшись разъ за дѣло, не хотѣлъ идти на попятный дворъ. Дѣти Гедеонова обращались со мною холодно, а потомъ и поссори-

лись, несмотря на что, однако же, я продолжалъ бывать на сценѣ и учить въ школѣ.

Кромѣ прибавочной сцены, въ теченіи 1837 г. написалъ я два романса: Гдѣ наша роза и Ночной зефиръ, слова Пушкина и, помнится, на квартирѣ Степанова у Измайловскаго моста, въ домѣ Гарновскаго.

Первую мысль о Русланѣ и Людмилѣ подалъ мнѣ нашъ извѣстный комикъ князь Шаховской; по его мнѣнію, роль Черномора слѣдовало писать для Воробьевой. На одномъ изъ вечеровъ у Жуковскаго, Пушкинъ, говоря о поэмѣ своей: «Русланъ и Людмила», сказалъ, что онъ многое бы передѣлалъ; я желалъ узнать отъ него, какія именно передѣлки онъ предполагалъ сдѣлать, но преждевременная кончина его не допустила меня исполнить этого намѣренія.

Гайвазовскій, посѣщавшій весьма часто Кукольника, сообщилъ мнѣ три татарскіе напѣва; впослѣдствіи два изъ нихъ я употребилъ для лезгинки, а третій для Andante сцены Ратмира въ 3-мъ актѣ оперы «Русланъ и Людмила».

Дома мнѣ было не очень хорошо. Жена моя принадлежала къ числу тѣхъ женщинъ, для которыхъ наряды, балы, экипажи, лошади, ливреи и пр. были всё; музыку понимала она плохо, или лучше сказать, за исключеніемъ мелкихъ романсовъ, вовсе не разумѣла; все высокое и поэтическое также ей было недоступно. Вотъ образчикъ равнодушія Марьи Петровны къ музыкѣ: когда я началъ писать «Жизнь за Царя» въ 1835 г., она жаловалась теткѣ моей (ссстрѣ моего отца), Маріи Николаевнѣ Зелепугиной, что я трачу деньги на нотную бумагу. Иногда однакоже приходили пріятели къ намъ обѣдать; въ числѣ ихъ не рѣдко былъ Петръ Степановъ. Вскорѣ послѣ перваго представленія «Жизни за Царя», я познакомился съ княземъ Михаиломъ Дмитріевичемъ Волконскимъ и охотно училъ пѣнію покровительствуемаго имъ пѣвца Остроумова, коего онъ назвалъ по своему имени, Михайловымъ. Во время урока, я помню, мы вмѣстѣ съ Михайловымъ замѣтили пожаръ дворца. Это было ночью и, когда весь дворецъ вспыхнулъ, то освѣтило мои комнаты такъ, что читать было можно.

У Кукольника въ эту же зиму завелись столь многочисленные рауты, что часто приходили къ нему лица вовсе незна-

комыя. Курили такъ много, что на дымѣ можно было топоръ повѣсить, какъ выразился Платонъ Кукольникъ. Ужинать оставались только наши самые искренніе пріятели, а, чтобы выпроваживать лишнихъ, употребляли мы живописца Якова Ѳедосѣевича Яненку. Онъ съ нѣкоторыми другими, со шляпой въ рукѣ, громогласно прощался съ хозяевами и гостьми, кои слѣдовали его примѣру, а черезъ полчаса возвращался къ ужину. Великимъ постомъ того же 1838 г. знаменитый скрипачъ Липинскій пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ концертахъ онъ мнѣ не понравился, но привелъ въ восторгъ сильной игрой въ квартетахъ Бетховена. У Кукольника игралъ онъ послѣдніе квартеты Бетховена удивительно хорошо; віолончелистъ Кнехтъ мастерски велъ свою партію — можно было подумать, что они всю свою жизнь играли вмѣстѣ. Въ то же время были въ Петербургѣ скрипачи: Оле-Буль и Vieuxtemps.

Я отводилъ душу въ школѣ и на сценѣ. Иногда я игралъ и пѣлъ, тогда на лицѣ милой ученицы моей изображался неподдѣльный восторгъ. Другія ученицы и воспитанницы жадно слушали меня, даже малолѣтнія дѣвочки высыпали къ дверямъ и, не переводя дыханія, слушали мое пѣніе. Эти милыя малютки, когда я приходилъ въ школу, одна за другою забѣгали впередъ, дѣлали мнѣ книксенъ и съ милою улыбкою говорили мнѣ: здравствуйте, мосьё Глинка.

Ученица моя съ другими воспитанницами участвовала иногда и въ спектакляхъ для украшенія ихъ, какъ говорилъ директоръ. Мнѣ памятнѣе всѣхъ другихъ пьесъ балетъ Возстаніе въ Сералѣ. Ученица моя была очень мила въ воинскомъ нарядѣ.

Въ 1838 г. на масляной недѣлѣ, по недоразумѣнію, я поссорился съ Гедеоновымъ и прекратилъ уроки въ школѣ. Тогда же для милой ученицы моей написалъ романсъ: Сомнѣніе для контральто, арфы и скрипки; слова Н. Кукольника.

Въ концѣ апрѣля 1838 г. я былъ посланъ, по высочайшему повелѣнію, въ Малороссію для набора пѣвчихъ. Заѣхавъ въ Смоленскую губернію на самое короткое время, я встрѣтилъ тамъ Римскаго-Корсака; онъ по моей просьбѣ написалъ мнѣ романсъ: Всегда, вездѣ со мною ты спутницей моей незримой. Этотъ романсъ написалъ я 20 или 21 мая того же 1838 г. въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и послалъ его въ письмѣ

къ Н. Кукольнику для доставленія бывшей ученицѣ моей, о которой сохранилъ еще живое воспоминаніе. Къ этой музыкѣ подобраны впослѣдствіи слова Пушкина: Въ крови горитъ.

Кстати о путешествіи: мнѣ дали казенные экипажи и прогонныя деньги, равно какъ и сумму на другіе расходы. Въ помощники мнѣ назначили помощника учителя пѣнія Дмитрія Никитича Палагина, пѣвчаго Наѳанаила Никифоровича Шеинова и дядьку г. Саранчина; при мнѣ былъ Яковъ въ качествѣ камердинера.

Въ Черниговѣ нашли мы нѣсколько хорошихъ голосовъ; выбирали мы ихъ чрезвычайно тщательно. Приходили въ классы семинаріи, гдѣ учились дѣти того возраста, который намъ былъ нуженъ; сначала выбирали тѣхъ, которые имѣли музыкальный слухъ и голосъ, потомъ лучшихъ изъ нихъ, такъ что изъ 40 мальчиковъ отобрали до 8 и этихъ брали къ себѣ на квартиру, поили чаемъ и обращались съ ними, какъ можно ласковѣе; неоднократно пробовали ихъ слухъ и голоса, заставляя ихъ слѣдить за скрипкой Дмитрія Никитича. Нѣкоторые мальчики были одарены столь тонкимъ слухомъ, что слѣдили непринужденно за всевозможными интервалами даже за музыкальной чепухой, которую изощрялся производить Палагинъ, чтобы сбить ихъ.

Центромъ своихъ операцій я избралъ помѣстье добраго моего знакомаго, помѣщика Черниговской губерніи, Борзненскаго повѣта, Григорія Степановича Тарновскаго, куда мы съ набранными въ Черниговѣ дѣтьми отправились. Съѣхавъ съ большой дороги въ мѣстечкѣ Монастырищѣ, мы съ трудомъ, въ теченіи почти цѣлаго майскаго дня, перебрались на волахъ по разметанной рѣчкою греблѣ; переночевавъ въ Ичени, къ обѣду, на другой день, былъ въ помѣстьи Тарновскаго—Каченовкѣ. Хозяина съ семействомъ не было дома, онъ былъ у одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Первое впечатлѣніе было въ пользу владѣльца; подъѣзжали къ помѣстью съ нѣсколькихъ сторонъ по стройнымъ аллеямъ изъ пирамидальныхъ тополей; домъ большой, каменный, стоялъ на возвышеніи; огромный, прелестно раскинувшійся садъ съ прудами и вѣковыми кленами, дубами и ясенями величественно ласкалъ зрѣніе.

Но, осмотрясь, удивленіе уменьшалось: домъ былъ какъ будто не оконченъ, дорожки въ саду не додѣланы; былъ у владѣльца

и оркестръ, не дурной оркестръ, но не полный, и духовые инструменты не всѣ исправны. Даже управляющій оркестромъ первый скрипачъ, Михайло Калинычъ, былъ нѣсколько тугъ на ухо. За обѣдомъ подавали нѣсколько блюдъ, но поваръ вѣроятно былъ не доученъ. Однимъ словомъ, все обличало излишнюю разсчетливость бездѣтнаго хозяина, владѣвшаго 9,000 душъ и большими капиталами. Хозяинъ, возвратившись, принялъ насъ радушно и отвелъ мнѣ съ помощниками пристанище въ оранжереѣ, которая примыкала къ дому. По его же совѣту, отдохнувъ нѣсколько, мы рѣшились ѣхать въ Переяславль, гдѣ находился хоръ пѣвчихъ полтавскаго архіерея Гедеона, и разсчитали такъ, чтобы поспѣть къ обѣднѣ въ воскресенье. Однако же ошиблись въ разсчетѣ и пріѣхали въ Переяславль въ субботу вечеромъ. Тамошній городничій, ожидавшій чиновника по слѣдственному дѣлу, неоднократно пытался добиться до меня и старался узнать, кто я и зачѣмъ посланъ; но не успѣлъ въ своемъ намѣреніи; Яковъ, по моему приказанію, отвѣчалъ только: «не смѣю безпокоить ихъ высокоблагородія». На другой день Палагинъ и Шеиновъ пошли къ обѣднѣ, назвались купцами (охотниками церковнаго пѣнія), замѣтили лучшихъ малолѣтнихъ пѣвчихъ, узнали и записали имена ихъ и даже присутствовали на завтракѣ у архіерея и еще слышали его пѣвчихъ. Я же, вставши попозже, остался дома и началъ пить чай; тогда позволилъ допустить къ себѣ переяславскаго городничаго. Онъ началъ рекомендоваться съ комически-жалкою миною, низко кланяясь и ни за что не хотѣлъ сѣсть, хотя я очень о томъ упрашивалъ.

Когда я разсчелъ, что прошло достаточно времени и что уже помощники мои могли успѣть въ своемъ дѣлѣ, я спросилъ у моего гостя, за кого онъ меня принимаетъ и видя, что онъ еще болѣе приходилъ въ замѣшательство, объявилъ ему наконецъ, кто я и за чѣмъ пріѣхалъ. Радость выразилась на его лицѣ; онъ сѣлъ и, принявшись за чай, увѣрялъ меня, что онъ готовъ содѣйствовать мнѣ, что онъ во враждѣ съ Гедеономъ и пр.; я поблагодарилъ его, объявя, что вѣроятно уже дѣло сдѣлано.

И дѣйствительно, мы такъ безжалостно обобрали хоръ, что Гедеонъ долго послѣ того на меня жаловался своимъ знакомымъ. Оставя набранныхъ пѣвчихъ, мы отправились въ Кіевъ, откуда вывезли Гулака-Артемовскаго; онъ былъ очень любимъ товари-

щами; когда онъ выѣзжалъ изъ Кіева, они провожали его съ плачемъ.

Забравъ въ Переяславлѣ оставленныхъ пѣвчихъ, возвратились мы въ Каченовку. Всѣ набранные мальчики находились подъ присмотромъ дядьки Саранчина, упражнялись въ пѣніи съ помощникомъ учителя пѣнія Палагинымъ, пѣли также съ хоромъ Тарновскаго и ходили къ обѣднѣ, гдѣ также съ другими пѣли. Мы потомъ ѣздили для набора пѣвчихъ въ Полтаву, Харьковъ и Ахтырку и привезли нѣсколькихъ малютокъ.

Хотя было всѣхъ набранныхъ нами 19 мальчиковъ и 2 большихъ (кромѣ Гулака, который не все время былъ въ Каченовкѣ, а ѣздилъ къ брату, съ которымъ и пріѣхалъ осенью въ Петербургъ), несмотря на то, хозяинъ былъ искренно радъ и, окончивъ наборъ, мы прогостили у него долго. Онъ былъ очень самолюбивъ и мысль, что придворные пѣвчіе поютъ съ его хоромъ въ его церкви видимо его радовала.

Нѣсколько словъ о жизни моей въ Каченовкѣ: Григорію Степановичу Тарновскому было лѣтъ подъ 50; онъ былъ смуглъ и сухъ, числился гдѣ-то на службѣ и состоялъ въ званіи камеръ-юнкера. Анна Дмитріевна, жена его, была женщина приземистая и весьма толстая, очень молчаливая; любила, чтобъ дѣвки растирали ей ноги. Въ домѣ жили и воспитывались племянницы хозяевъ, бо̀льшею частію молодыя, добрыя и привѣтливыя дѣвушки, при нихъ гувернантка, весьма милая особа; у домашняго доктора также была миловидная дочка. Изъ племянницъ, самая меньшая, лѣтъ 14, Марья Степановна Задорожная, была очень миловидна; за обѣдомъ она обыкновенно сидѣла напротивъ меня и невольно ея плутовскіе, нѣсколько прищуренные глазки, встрѣчались съ моими глазами, за что ей нерѣдко доставалось отъ ея тетушки.

Во все продолженіе пребыванія моего въ Малороссіи гостилъ въ Каченовкѣ талантливый нашъ художникъ, очень пріятный молодой человѣкъ Штернбергъ.

Несмотря на разсчетливость, хозяинъ принималъ гостей радушно, старался по возможности разнообразить удовольствія.

Прогулки, поѣздки въ близьлежащія помѣстья хозяина, иллюминаціи и танцы, всѣ эти средства были употребляемы для нашего развлеченія. Когда пріѣзжало нѣсколько сосѣдей, танцова-

ли, самъ Тарновскій поощрялъ гостей собственнымъ примѣромъ, въ особенности въ гроссъ-фатерѣ, котораго фигуры онъ выдѣлывалъ съ необыкновеннымъ усердіемъ. Пѣли иногда малороссійскія пѣсни, хоромъ на 4 голоса, а иногда сосѣдъ Тарновскаго, Петръ Скоропадскій, затягивалъ какую-нибудь чумацкую пѣсню, искусно подражая простолюдинамъ. Онъ былъ примѣчательный человѣкъ, и хотя хозяинъ нашъ называлъ его простымъ казакомъ, вѣроятно потому, что П. Скоропадскій дѣйствительно въ одеждѣ и пріемахъ подражалъ простымъ казакамъ и не искалъ особенной дружбы съ Тарновскимъ, однако же въ самомъ дѣлѣ онъ воспитанъ былъ въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ, былъ очень образованъ и доступенъ искусствамъ, разумѣлъ архитектуру, игралъ порядочно на кларнетѣ и чувствомъ понималъ хорошую музыку.

Въ портфёлѣ моемъ нашлись два №, приготовленные (не знаю когда, для «Руслана»: Персидскій хоръ: Ложится въ полѣ мракъ ночной и маршъ Черномора; обѣ эти пьесы слышалъ я въ первый разъ въ Каченовкѣ; онѣ были хорошо исполнены; въ маршѣ Черномора колокольчики замѣнили мы рюмками, на которыхъ чрезвычайно ловко игралъ Дмитрій Никитичъ Палагинъ.

Играли и очень не дурно антракты «Эгмонта» Бетховена, № Clärchens Tod произвелъ на меня глубокое впечатлѣніе; въ концѣ я схватилъ себя за руку: мнѣ показалось отъ перемежки движенія волторнъ, что и у меня остановились пульсы.

Для Гулака-Артемовскаго я положилъ на оркестръ элегію «Шуми, шуми», музыка Геништы. Гулакъ пѣлъ ее хорошо; но выговоръ его былъ несказанно жестокъ.

Сосѣдъ Тарновскихъ, мой пансіонскій товарищъ Н. А. Марковичъ, помогъ мнѣ въ балладѣ Финна: онъ сократилъ ее и поддѣлалъ столько стиховъ, сколько требовалось для округленія пьесы.

Мнѣ очень памятно время, когда писалъ я балладу Финна: было тепло, собрались вмѣстѣ я, Штернбергъ и Марковичъ. Покамѣстъ я уписывалъ приготовленные уже стихи, Марковичъ грызъ перо (не легко ему было въ добавочныхъ стихахъ поддѣлываться подъ стихи Пушкина), а Штернбергъ усердно и весело

работалъ своею кистью. Когда баллада была кончена, неоднократно я ее пѣлъ съ оркестромъ.

Малороссійскій поэтъ Викторъ Забѣлла иногда также гостилъ въ Каченовкѣ; двѣ его малороссійскія пѣсни: Гуде витеръ и Не щебечи соловейко, я положилъ тогда же на музыку. Этотъ Забѣлла былъ необыкновенный мастеръ представлять въ лицахъ; въ особенности хорошо представлялъ слѣпцовъ. Первый скрипачь Калиничъ однажды былъ приведенъ отъ таковаго представленія въ столь сильный восторгъ, что воскликнулъ: «Это, сударь мой, волшебство, совершенный антикъ». Хозяинъ, который говорилъ такимъ же ломаннымъ языкомъ, какъ и первый скрипачъ его, былъ чрезвычайно акуратенъ и всѣ наши удовольствія и сюрпризы непремѣнно оканчивались до полуночи и ранѣе, при чемъ хозяинъ вѣжливо раскланивался и гости расходились.

Но не всѣ предавались сну; у меня въ оранжереѣ собирались Марковичъ, П. Скоропадскій, Забѣлла и Штернбергъ. Появлялся Палагинъ со скрипкой, Яковъ съ контрбасомъ и віолончелистъ; играли русскія и малороссійскія пѣсни, представляли въ лицахъ и бесѣдовали дружески иногда до трехъ и четырехъ часовъ по полуночи, къ нѣкоторой досадѣ акуратнаго хозяина.

Эти сцены повторялись часто, и Штернбергъ удачно изобразилъ наши сходки, равно какъ ловко потрафилъ Забѣллу *).

Въ память нашего житья въ Каченовкѣ онъ сдѣлалъ мнѣ масляными красками эскизъ сцены, нерѣдко забавлявшей насъ: двумъ мальчикамъ изъ дворовыхъ хозяина завязывали глаза и привязывали каждаго порознь веревочкой къ вбитому въ землю колышку, такъ что они могли ходить на нѣкоторое разстояніе независимо одинъ отъ другого. Одному давали въ руки двѣ палочки, одну нарѣзанную такъ, что посредствомъ тренія одной объ другую производили звукъ, подобный трещоткѣ, другой же, вооруженный жгутомъ, по слуху долженъ былъ настигать своего противника и подчивать его ударомъ жгута; это, натурально, производило столь забавныя положенія, что не только набранные малолѣтніе пѣвчіе, но и взрослые люди усердно смѣялись. На картинѣ

*) Этотъ портретъ Забѣллы находится въ альбомѣ Л. И. Шестаковой, принадлежащемъ нынѣ И. П. Библіотекѣ. Ред.

Штернберга (мнѣ имъ самимъ подаренной, я обѣщалъ дать эту картину талантливому нашему актеру В. В. Самойлову, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи она была отдана въ императорскую академію художествъ съ приличною надписью, напечатанною уже въ 1839 г. *) съ лѣвой стороны портреты Калиныча, регента и одного изъ скрипачей Тарновскаго; нѣкоторые изъ пѣвчихъ и дядька нѣсколько также похожи.

Я приказалъ сдѣлать для набранныхъ пѣвчихъ приличную одежду и строить телѣги крытыя. Самъ же ѣздилъ на ярмарку въ Ромны, гдѣ едва не утонулъ въ грязи; съ трудомъ вытащили меня изъ грязной густой рѣки, образовавшейся на главной улицѣ города, четыре сильныя лошади Тарновскаго. Передъ отъѣздомъ, въ большой компаніи навѣстилъ пріятеля Корбе, Марковича и уѣхавъ изъ Каченовки, прогостилъ у Петра Скоропадскаго въ Григоровкѣ, гдѣ шло мнѣ разнообразное угощеніе. Тарновскій съ племянницами, распростившись со мною въ Каченовкѣ, ловко объѣхалъ и въ нѣсколькихъ верстахъ я опять нашелъ его съ племянницами въ рощѣ изъ огромныхъ вѣковыхъ дубовъ, гдѣ выпили прощальный бокалъ шампанскаго. Въ Григоровкѣ Петръ Скоропадскій угостилъ насъ такъ радушно, что когда мы уѣхали, не осталось ни капли питей и ни одной домашней птицы.

Въ Орлѣ угощалъ меня съ особеннымъ радушіемъ тамошній вице-губернаторъ Семеновъ. Тамъ былъ также извѣстный генералъ Красовскій, онъ полюбилъ меня и снабдилъ превосходнымъ виномъ изъ своего погреба, которымъ я продовольствовался до самой Москвы.

По возвращеніи моемъ въ Петербургъ я засталъ матушку, которая оставалась не долго. Не помню хорошенько, возобновлялись ли домашнія сцены, знаю только, что требованія жены довели меня до необходимости издать собраніе музыкальныхъ пьесъ. Собирать эти пьесы мнѣ было не только трудно, но и крайне досадно: на готовой квартирѣ съ дровами, имѣя собственныхъ лошадей, я получалъ отъ матушки до 7.000 р. асс., сверхъ того по своему мѣсту 2500 р. асс.; съ пріобрѣтаемымъ мною сверхъ того моими сочиненіями, можно бы при благора-

---

*) Въ копіи рукою Глинки прибавлено карандашомъ: «прошу не забыть сего».

зуміи жить опрятно. Я всѣ деньги отдавалъ женѣ, оставляя себѣ самую ничтожную сумму на непредвидѣнные мелкіе расходы, и хотя четверка красивыхъ коней съ каретой стояла въ сараѣ и конюшнѣ, ими изрѣдка щеголяла Марья Петровна, а я тащился пѣшкомъ или на дрянномъ извощикѣ.

Набранные мною пѣвчіе переболѣли глазами во время обратнаго пути; когда они оправились и ихъ прилично обмундировали, я имѣлъ счастіе представить ихъ государю императору. Это представленіе было въ знаменной залѣ, возлѣ кабинета его величества. Я расположилъ пѣвчихъ полукругомъ, самъ же я стоялъ по срединѣ въ мундирѣ, со шпагой и трехъугольной шляпой въ лѣвой рукѣ и камертономъ въ правой (такъ угодно было А. Ѳ. Львову, который тутъ же присутствовалъ). Императоръ явился въ старомъ военномъ сюртукѣ, безъ эполетъ, въ сопровожденіи министра двора. Государь съ веселымъ лицомъ обратился ко мнѣ, почти въ слѣдующихъ словахъ: «Ахъ, какіе молодцы! Гдѣ ты ихъ подобралъ себѣ подъ ростъ *)?» потомъ спросилъ, что я держу въ рукѣ? Я объяснилъ, что такое камертонъ и его назначеніе. На вопросъ его имп. величества что̀ пѣвчіе знаютъ? я смѣло отвѣчалъ (ибо Д. Н. Палагинъ отлично подтянулъ ихъ), что они знаютъ все требуемое по службѣ.

Мы знали по прежнимъ примѣрамъ, какъ государь экзаменуетъ вновь набранныхъ пѣвчихъ и тщательно ихъ приготовили къ экзамену. Дѣйствительно, императоръ началъ съ Спаси Господи люди твоя, и его величество не успѣлъ задать тонъ, какъ 19 мальчиковъ и два баса дружно подхватили и отлично исполнили этотъ кантъ (?). Государь былъ видимо доволенъ, заставилъ ихъ еще пропѣть, что̀ такое? не помню. Въ знакъ удовольствія, его величество поклонился мнѣ весело-шутливо до пояса, отпуская меня.

Этимъ не ограничилось изъявленіе монаршаго благоволенія ко мнѣ. Однажды, увидѣвъ меня на сценѣ, государь подошелъ ко мнѣ и обнявъ меня правою рукой, прошелъ, разговаривая со мною, нѣсколько разъ по сценѣ большого театра въ присутствіи многихъ, находившихся тогда на сценѣ, и, между прочими, министра двора, который мнѣ въ поясъ поклонился.

---

*) М. И. Глинка былъ невысокаго роста.

6-го ноября того же 1838 г., я въ первый разъ присутствовалъ въ церкви Аничкинскаго дворца на бракосочетаніи Алексѣя Ѳедоровича Львова.

Послѣ этого я почти постоянно присутствовалъ на литургіи въ церкви Аничкинскаго дворца и потомъ въ Зимнемъ дворцѣ, на большихъ и малыхъ выходахъ.

Иногда приглашали меня на вечера къ ея и. в. государынѣ императрицѣ, гдѣ ея величество принимала меня весьма ласково. Государыня говорила бывало фрейлинѣ Бартеневой, говоря обо мнѣ: «Dites à votre ami de jouer ou chanter telle ou telle chose».

Когда всѣ пьесы, какъ мои, такъ и другихъ композиторовъ были уже собраны, встрѣтилось новое неожиданное затрудненіе: ни одинъ изъ музыкальныхъ издателей не рѣшался купить это собраніе; я плакалъ отъ досады и Платонъ Кукольникъ, сжалившись надо мною, уладилъ съ Петромъ Ивановичемъ Гурскалинымъ, державшимъ магазинъ подъ фирмою Одеонъ, изданіе этого собранія за 1,000 р. асс.

Около того же времени я получилъ въ награжденіе за наборъ пѣвчихъ 1,500 р. асс.

Это пріобрѣтеніе успокоило на время моихъ домашнихъ; но вмѣсто того, чтобы употребить эту сумму на устройство домашняго быта, завелись обѣды и рауты. На этихъ послѣднихъ, бывшихъ разъ въ недѣлю (не помню, въ какой именно день) собирались по вечерамъ, кромѣ пріятелей, пріятельницъ жены и родныхъ, артисты и литераторы, въ главѣ которыхъ былъ Брюловъ и Н. Кукольникъ; Михайловъ и Артемовскій, какъ ученики мои, непремѣнно присутствовали на нашихъ вечерахъ. Первое время по пріѣздѣ изъ Малороссіи, Артемовскій жилъ у меня и не легко мнѣ было управляться съ его крутымъ нравомъ.

Угощеніе состояло изъ чаю съ сухариками, крендельками и пр. и десерта; въ карты не играли и не танцовали; бесѣды и музыка, часто пѣніе въ нѣсколько голосовъ вмѣстѣ (morceaux d'ensemble) составляли главное препровожденіе времени на нашихъ раутахъ.

Изъ барынь бывали: графиня Екатерина Михайловна Салтыкова (сосѣдка наша по имѣнію) изрѣдка; чаще бывала Елена Александровна Глинкина съ пріятельницей своею Крёкшиной; миловидная 14-лѣтняя дѣвушка Надежда Андреевна Содольская

(состоявшая въ свойствѣ съ Софьей Петровной Стунѣевой) была у насъ домашнею; она очень недурно уже играла на фортепьяно; впослѣдствіи она вышла замужъ за Г. Е. Ломакина.

Кромѣ того, иногда на вечерахъ и въ другіе дни посѣщали насъ, и меня въ особенности, Штеричи, родныя племянницы умершаго моего друга Е. П. Штерича. Меньшая изъ нихъ, Поликсена, училась у меня пѣть, а старшая, княгиня Марья Алексѣевна Щербатова, молодая вдова, хотя не красавица, была видная, статная и чрезвычайно увлекательная женщина. Онѣ жили съ бабкой своей Серафимой Ивановной, женщиной еще не старой, но совершенно посѣдѣвшей отъ смерти обожаемаго сына. Я былъ у нихъ какъ домашній, не рѣдко обѣдалъ и проводилъ часть вечера (l'avant soirée). Иногда получалъ отъ молодой княгини-вдовы маленькія записочки, гдѣ меня приглашали обѣдать съ обѣщаніемъ мнѣ порціи луны и шубки. Это значило, что въ гостиной княгини зажигали круглую люстру изъ матоваго стекла и она уступала мнѣ свой легкій соболій полушубокъ, въ которомъ мнѣ было тепло и привольно. Она располагалась на софѣ, я на креслахъ возлѣ нея; и иногда бесѣды, иногда пріятное, безотчетное мечтаніе доставляли мнѣ пріятныя минуты: мысль объ умершемъ моемъ другѣ достаточна была, чтобы удержать мое сердце въ предѣлахъ поэтической дружбы. Бывали мы также у графини и графа Салтыковыхъ, гдѣ насъ принимали чрезвычайно радушно и ласково. У нихъ я сблизился еще болѣе съ генераломъ Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ, съ которымъ познакомился еще прежде въ ложѣ директора, въ большомъ театрѣ.

Въ 1838 г. Дмитрій Стунѣевъ былъ назначенъ управляющимъ экономическою частью въ Смольномъ монастырѣ; поэтому случаю онъ съ сестрою Марьей Ивановной и двумя дѣтками переѣхалъ въ Петербургъ и поселился на казенной квартирѣ въ Смольномъ монастырѣ *).

Сначала я видался съ сестрою и зятемъ рѣдко: женѣ и тещѣ удалось меня съ ними поссорить, однакоже впослѣдствіи Алексѣй Стунѣевъ уговорилъ меня ѣхать къ брату своему Дмитрію Стунѣеву.

---

*) На полѣ карандашомъ: «Передѣлать съ исключ. (еніемъ)?»

Зимою въ 1838 году на 1839 г. я довольно часто посѣщалъ ихъ. Они жили очень весело; иногда по вечерамъ инспектриссы брали съ собой нѣсколько воспитанницъ, приходило нѣсколько классныхъ дамъ, Стунѣева, я, Степановъ и нѣсколько другихъ пріятелей рады были и поплясать съ хорошенькими и миленькими дѣвушками. Оркестръ, хотя не отличный, былъ всегда въ распоряженіи Д. Стунѣева, а сытный ужинъ съ приличными винами являлся всегда кстати для довершенія вечера.

Я и теперь еще ясно помню, какъ я охотно отъ души пѣвалъ на этихъ вечерахъ, какъ я усердно отличался въ контрдансахъ и вальсахъ, какъ, однимъ словомъ, отъ, искренняго сердца веселился.

Не столь ясны мои воспоминанія о томъ, какъ писалъ оперу «Русланъ и Людмила».

Кромѣ пьесъ произведенныхъ въ Каченовкѣ, а именно: Персидскаго хора, Марша Черномора и баллады Финна, принялся я за каватину Гориславы: Любви роскошная звѣзда; это было зимою около 1838 или 1839 года. Я всегда писалъ только утромъ послѣ чаю, и отъ этой каватины меня безпрестанно отрывали: не успѣвалъ я написать страницы или двухъ страницъ, какъ являлся дядька унтеръ-офицеръ, руки по швамъ, и почтительно докладывалъ: «ваше благородіе! пѣвчіе собрались и васъ ожидаютъ». Кто ожидалъ? Кто посылалъ дядьку? до сихъ поръ не знаю, знаю только, что иногда, пришедши въ репетиціонную залу, заставалъ я уже тамъ и Львова, который дружески протягивалъ мнѣ руку.

Не помню также, когда и гдѣ написана мною каватина Людмилы 1-го акта, «Грустно мнѣ родитель дорогой» (G-dur). Ее исполнила Бартенева съ хоромъ и оркестромъ въ патріотическомъ концертѣ весною 1839 г. Я ожидалъ большого успѣха, но аплодировали не такъ дружно, какъ я привыкъ; знаменитый скрипачъ Липинскій, стоявшій возлѣ меня, слушалъ эту каватину съ неподдѣльнымъ участіемъ и въ концѣ, пожавъ мнѣ дружески руку, сказалъ: que c'est bien russe, cette musique-là! Кромѣ этихъ пяти пьесъ, въ то уже время были записаны темы съ соображеніями контрапунктическими въ тетрадку, данную мнѣ для того Н. Кукольникомъ; она теперь находится у П. Степанова.

Я писалъ оперу по кусочкамъ и урывками: мысль объ этомъ

сюжетѣ, какъ сказано прежде, подалъ мнѣ кн. Шаховской; я надѣялся составить планъ по указанію Пушкина; преждевременная кончина его предупредила исполненіе моего намѣренія.

Въ 1837 или 1838 г., зимою я игралъ съ жаромъ нѣкоторые отрывки Руслана. Н. Кукольникъ, всегда принимавшій участіе въ моихъ произведеніяхъ, подстрекалъ меня болѣе и болѣе. Тогда былъ тамъ между посѣтителями К. Бахтуринъ; онъ взялся сдѣлать планъ оперы и написалъ его въ четверть часа подъ пьяную руку, и вообразите! опера сдѣлана по этому плану.

Бахтуринъ вмѣсто Пушкина! какъ это случилось? самъ не понимаю.

Около того же времени познакомили меня съ капитаномъ свитскимъ Валеріаномъ Ѳедоровичемъ Ширковымъ, какъ съ человѣкомъ вполнѣ способнымъ написать либретто для новой моей оперы. Дѣйствительно, онъ былъ весьма образованный и талантливый человѣкъ: прекрасно рисовалъ и писалъ стихи очень свободно. По моей просьбѣ онъ написалъ для пробы каватину Гориславы: Любви роскошная звѣзда, и часть перваго акта. Опытъ оказался очень удовлетворительнымъ, но вмѣсто того, чтобы сообразить прежде всего цѣлое и сдѣлать планъ и ходъ пьесы, я сейчасъ принялся за каватины Людмилы и Гориславы, вовсе не заботясь о драматическомъ движеніи и ходѣ пьесы, полагая, что это можно было уладить впослѣдствіи.

На третій день Пасхи я навѣстилъ Одоевскаго, откуда отправился къ сестрѣ Марьѣ Ивановнѣ Стунѣевой. Подъѣзжая къ ней, я внезапно почувствовалъ сильное нервное раздраженіе, такъ что не могъ оставаться спокойнымъ, и пріѣхавъ къ сестрѣ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ. Тамъ увидѣлъ я въ первый разъ Е. К....*); она была не хороша, даже нѣчто страдальческое выражалось на ея блѣдномъ лицѣ; ходя взадъ и впередъ, мой взоръ невольно остановился на ней; ея ясные, выразительные глаза, необыкновенно стройный станъ (élancé) и особеннаго рода прелесть и достоинство, разлитыя во всей ея особѣ, все болѣе и болѣе меня привлекали. Оправясь нѣсколько послѣ сытнаго обѣда и подкрѣпивъ себя добрымъ бокаломъ шампанскаго, я нашолъ способъ побесѣдовать съ этой милой дѣвицей

---

*) Такъ обозначена эта личность въ оригиналѣ записокъ Глинки. Ред.

и, какъ теперь помню, чрезвычайно ловко высказалъ тогдашнія мои чувства.

Нервное раздраженіе, однакожъ, несмотря на всѣ мои усилія побороть его, усиливалось болѣе и болѣе; желая какъ можно скорѣе освободиться отъ него, я вздумалъ себѣ же на бѣду прибѣгнуть къ камфарному спирту, что̀ раздражало нервы мои жесточайшимъ образомъ и я лишился сна, аппетита и стоналъ отъ мучительныхъ ощущеній.

Наконецъ кн. Михаилъ Дмитр. Волконскій привезъ ко мнѣ доктора Шеринга, который гомеопатическимъ употребленіемъ сѣры и золота въ двѣ недѣли меня поправилъ.

Во время болѣзни Львовъ былъ у меня и читалъ мнѣ наставленіе о томъ, что я не радѣю о службѣ, въ выраженіяхъ самыхъ вѣжливыхъ, даже дружескихъ; я молчалъ, но по выздоровленіи началъ посѣщать пѣвчихъ рѣже прежняго.

Весною мы съ кн. Мих. Волконскимъ устроили концертъ для Артемовскаго. Въ немъ участвовали Билибина, двѣ княжны Лобановы, Андреевъ, для котораго я оркестровалъ арію изъ Guido и Geneviève Галеви, пѣла также жена моя дуетъ изъ «Жизни за Царя» съ Артемовскимъ. Игралъ на скрипкѣ Бахметьевъ пьесы своего сочиненія. Концертъ этотъ былъ въ залѣ князя Юсупова, оркестръ былъ по возможности пополненъ. На собранныя въ этомъ концертѣ деньги Артемовскій отправился лѣтомъ того же 1839 г. заграницу.

Въ концѣ мая мы переѣхали на дачу, у лѣсного института. Я бывалъ тамъ не часто, подъ предлогомъ занятій по службѣ; въ городѣ пристанище мое было у Кукольниковъ въ домѣ Мерца, въ Фонарномъ переулкѣ, откуда я часто навѣщалъ сестру въ Смольномъ.

Чтобы скрыть настоящую причину частыхъ моихъ посѣщеній, предлогомъ послужили мнѣ занятія мои съ оркестромъ, принадлежавшемъ заведенію. Онъ состоялъ изъ двухъ плохихъ 1-хъ скрипокъ, одной второй, одного альта (не помню, былъ ли віолончель), контрбаса, флейты, кларнета, волторны, тромбона и турецкаго барабана; когда они играли, сѣдой чиновникъ, по имени Меньшиковъ, съ крестомъ въ петлицѣ, усердно давалъ тактъ, постоянно махая свертк омъ бумаги.

Хотя оркестръ былъ очень плохъ, я привелъ его въ поря-

довъ. Сначала переложилъ для него вальсъ Лабицкаго G-dur и, соображаясь съ средствами музыкантовъ, написалъ другой вальсъ G-dur, кототорый впослѣдствіи посвященъ былъ е. и. в. великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

Вскорѣ чувства мои были вполнѣ раздѣлены милою Е. К., и свиданія съ нею становились отраднѣе. Напротивъ того, съ женою отношенія мои становились хуже и хуже. Она рѣдко бывала у сестры въ Смольномъ. Пріѣхавъ къ ней однажды, жена моя, не помню по какому поводу, въ присутствіи Е. К. и Екатерины Степановны (дочери няни моей И. Ѳ. Мѣшковой бывшей у сестры няньѣой при дѣтяхъ) съ пренебреженіемъ сказала мнѣ: «Всѣ поэты и артисты дурно кончаютъ, какъ напримѣръ Пушкинъ, котораго убили на дуели!» Я тутъ же отвѣчалъ ей рѣшительнымъ тономъ, «что хотя я не думаю быть умнѣе Пушкина, но изъ-за жены себя подъ пулю не подставлю». Она отвернулась отъ меня, сдѣлавъ мнѣ гримасу.

Лѣтомъ пала одна лошадь изъ нашей четверки. Я хотѣлъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы держать только пару лошадей. Когда я объявилъ объ этомъ женѣ, она вышла изъ себя и, поблѣднѣвъ отъ гнѣва, подбоченясь и притопнувъ ногой, сказала надменнымъ тономъ: «Развѣ я купчиха, чтобы ѣздить на парѣ? Если вы меня не любите, то я васъ оставлю». Два раза дѣлала она мнѣ подобныя угрозы и два раза я кротко отвѣчалъ ей: «Марья Петровна, не повторяйте словъ вашихъ. — Вы меня оставите, дѣло для меня обойдется, а ежели бы я васъ оставилъ, то бы не совсѣмъ ловко вамъ было *)» . . .

. . . .

Я не часто бывалъ у Марьи Петровны на дачѣ. Все въ жизни контрапунктъ, т.-е. противуположность. Я самъ вижу, что выхожу изъ предѣловъ безстрастнаго лѣтописца. Винюсь, но измѣнить теперешняго способа писать я не въ силахъ.

Мнѣ гадко было у себя дома; за то сколько жизни и наслажденій съ другой стороны: пламенныя, поэтическія чувства къ Е. К..., которыя она вполнѣ понимала и раздѣляла; широкое приволье между доброй, милой и талантливой братіей; такъ называли мы общество, образовавшееся еще въ 1835 или

*) Противъ этого мѣста, на полѣ оригинала, карандашемъ написано: „Балъ на водахъ“. Здѣсь мы дѣлаемъ небольшой пропускъ. Ред.

1836 г. у Кукольника и слившееся потомъ въ одну искреннюю, добрую семью. Платонъ Кукольникъ былъ хозяиномъ. Онъ приказалъ уничтожить часть стѣны, отдѣлявшей темную комнату отъ одной изъ угольныхъ въ домѣ Мерца въ Фонарномъ переулкѣ. Изъ этой комнаты образовалась альковa, въ которой устроили широкій диванъ изъ клеенки и продолжили его вдоль по одной изъ стѣнъ, прилегавшей свѣтлой комнаты. Платонъ, какъ хозяинъ, жилъ въ особенной комнатѣ. Мы же всѣ, т.-е. Несторъ Кукольникъ, я, рыцарь Коко (Ник. Ѳ. Немировичъ-Данченко; родственникъ Кукольниковъ) и рыцарь Бобо (Владиміръ Ив. Богаевъ, усердный чиновникъ) помѣщались на диванѣ; у каждаго изъ насъ было свое мѣсто, и оставалось еще гдѣ дать пристанище тѣмъ изъ пріятелей, которые, запоздавъ, желали ночевать у насъ. К. Брюловъ и Янненко болѣе другихъ пользовались этимъ приглашеніемъ; кромѣ нихъ посѣщали насъ часто Гейденрейхъ, Лоди и др. По утрамъ насъ поили чаемъ всѣхъ, послѣ чего остатокъ дня каждый продовольствовался своими средствами; я часто бывалъ у сестры Марьи Ивановны. Вечеромъ мы сходились; тутъ шли розсказни. Иногда ужинали и тогда это былъ праздникъ не отъ яствъ и вина (намъ не на что было лакомиться), но отъ разнообразной оживленной бесѣды. Большая часть нашей братіи были люди спеціальные; приходили и посторонніе лица, но всегда народъ дѣльный, или Петровъ съ могучимъ своимъ басомъ, или Петръ Каратыгинъ съ неистощимымъ запасомъ каламбуровъ собственнаго издѣлія, или кто-либо изъ литераторовъ, и разговоръ оживлялся, переходилъ съ предмета на предметъ и время быстро и пріятно улетало.

Иногда мы пѣвали, въ такомъ случаѣ тѣ, которые менѣе другихъ принимали участіе въ бесѣдахъ, выступали на первый планъ, а именно Янненко, Данченко (Коко); Янненко чрезвычайно искусно подражалъ pizzicato не только басовымъ, но и скрипичнымъ; для бóльшаго эффекта онъ обыкновенно подкрадывался къ кому-нибудь изъ ново-приходившихъ лицъ и когда приходила его очередь и solo dei pizzicati, онъ вдругъ пронизывалъ гостя пиццикатами такъ ловко, что казалось, что онъ дѣйствительно становился контрбасомъ. Не одно изумленіе гостя, обращеннаго въ инструментъ, было забавно; въ тоже

самое время Данченко весь становился pizzicato: они выражались въ глазахъ, улыбкѣ и ужимкахъ его.

Лучше всѣхъ другихъ пьесъ пѣвали мы пѣсню:

Чарочки по столику
Похаживають.

Стихъ: «Думаю, подумаю идти ли за него», обыкновенно пѣлся пиццикато р, что дѣйствительно было эффектно. Кукольникъ Несторъ иногда писалъ намъ куплеты de circonstances; мы подбирали ему музыку, или я сочинялъ ее, разучивалъ и управлялъ хоромъ.

Онъ же (Кукольникъ) описалъ намъ братію или комитетъ въ довольно удачныхъ стихахъ; приведу здѣсь нѣкоторые:

Вотъ входитъ на моментъ. . . . .
Не пьющій пьяница; охриплый съ юныхъ дней;
Спѣшитъ на ватеръ клозъ и, сидя, проситъ соды;
И арію поетъ, какъ жертву для друзей.
Отъ сна смертельнаго ты Данченку воздвигни;
Что въ сутки, трое сутокъ спитъ.
. . . .
Съ улыбкой блудною, да внидетъ комитетъ.

Эта улыбка была очень забавна и не мало содѣйствовала къ общему веселію во время хорового пѣнія. Г**. почти постоянно сидѣлъ за шахматной доской; вотъ стихи Кукольника объ немъ:

Вотъ докторъ розовый,
И нѣмецъ, и поджарый
За шахматной доской,
Какъ вкопаный, сидитъ;
Не соблазнишь ничѣмъ
Ни трубкой, ни сижарой,
Но пиво и рейнвейнъ
Кого не соблазнитъ.

Рыцарь Бобо (Богаевъ), по возвращеніи изъ должности, рѣдко отходилъ отъ своей конторки, трудясь съ похвальнымъ постоянствомъ надъ дѣлами. Онъ былъ влюбленъ въ молодую вдову, жившую съ матерью вдовою же. Про него, между прочимъ, Кукольникъ написалъ:

Гдѣ былъ?—у вдовушекъ.
Что дѣлалъ?—былъ влюбленъ.

Рыцарь Бобо сказалъ однажды Лоди, указывая на вдовушку: «Смотри, якъ она мыло улибается». Теперь Богаевъ женатъ на своей возлюбленной и занимаетъ очень хорошее мѣсто *).

*) Въ теченіи этого года я часто бывалъ у Степановыхъ и сблизился съ Николаемъ Алекс., извѣстнымъ нашимъ каррикатуристомъ. М. И. Глинка.

Ex officio, я присутствовалъ на обрученіи и бракосочетаніи е. и. в. великой княгини Маріи Николаевны. Во время обѣда играла музыка, пѣлъ теноръ Poggi (мужъ Фреццолини) и придворные пѣвчіе; я былъ на хорахъ и стукъ ножей, вилокъ, тарелокъ поразилъ меня и подалъ мысль подражать ему въ Интродукціи «Руслана», что мною впослѣдствіи, по возможности, выполнено.

Въ продолженіи всего 1839 г. я за оперу не принимался, написалъ же: Вальсъ (G-dur) и Польскій (E-dur) для оркестра и посвятилъ ихъ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ. Е. К**. выбрала изъ сочиненій Кольцова и переписала для меня романсъ: Если встрѣчусь съ тобой,—я его тогда же положилъ на музыку. Для нее написалъ Valse Fantaisie, хотя напечатанные экземпляры и посвящены Д. Стунѣеву. Для сестры Елизаветы Ивановны, бывшей тогда съ полуглухонѣмымъ племянникомъ Соболевскимъ въ Петербургѣ, написалъ я ноктюрнъ: La Séparation (F-moll) для фортепьяно. Принялся также за другой ноктюрнъ: Le regret, но его не кончилъ, а потому употребилъ въ 1840 г. для романса: Не требуй пѣсень отъ пѣвца *).

Въ августѣ скончался братъ мой Андрей Ивановичъ. Ему было лѣтъ шестнадцать, онъ былъ красивой наружности, чрезвычайно счастливыхъ способностей, особенно геніальнаго расположенія къ математикѣ: теоремы геометрическія могъ разрѣшать безъ указанія профессора. Онъ былъ первый въ верховой ѣздѣ въ школѣ Гвардейскихъ подпрапорщиковъ; возвратясь изъ лагеря гостилъ у меня на дачѣ съ недѣлю или двѣ. Мы съ нимъ очень подружились за это время.

Въ послѣдній разъ еще на ногахъ я видѣлъ его у сестры Марьи Ивановны. Когда я изъ квартиры Кукольника въ тотъ день поѣхалъ къ ней, отъ самаго начала Шпалерной улицы, до самаго Смольнаго меня провожала съ лаемъ и остервенѣніемъ черная собака; она металась на одного меня такъ злобно, что я долженъ былъ положить ноги свои почти на шею извощика,

*) На полѣ карандашомъ во второй разъ написано: „балъ на водахъ". Въ „Сѣверной Пчелѣ" того времени (1837 г. №№ 182 и 201) находится описаніе двухъ баловъ на минеральныхъ водахъ, на которыхъ присутствовало все тогдашнее модное общество. Изъ описанія мы видимъ только, что на этихъ балахъ играли кадриль на мотивы изъ «Жизни за Царя». Ред.

несмотря на то, что на встрѣчу намъ попадалось множество экипажей и телѣгъ. Я нашелъ брата измѣнившагося въ лицѣ; на вопросъ мой: «что съ тобой, André?» онъ отвѣчалъ мнѣ: «ничего, голова болитъ».

Сестра вздумала играть въ карты; братъ тогда поставилъ мнѣ стулъ подлѣ Е. К.... Поигравъ нѣсколько, сестрѣ вздумалось печатать письмо. На столѣ стояли двѣ зажженныя свѣчи, а сестра для большаго удобства зажгла еще свѣчку въ маленькомъ подсвѣчникѣ. Е. К. замѣтила сестрѣ, что не хорошо, когда горятъ три свѣчи на столѣ; не обративъ вниманія на это предостереженіе, сестра продолжала печатать и не потушила третьей свѣчи.

Недѣли за двѣ передъ тѣмъ гостила у Софьи Петровны одна знакомая; когда она для меня гадала въ карты, всегда ложились всѣ пики, такъ что она наконецъ стала прятать ихъ отъ меня.

На другой день послѣ свиданія съ братомъ у сестры, ему сдѣлалось хуже, а на третій день онъ скончался отъ воспаленія кишекъ, перешедшаго въ антоновъ огонь.

Кончина брата поразила и огорчила меня несказанно. Взявши 28-дневный отпускъ, въ сентябрѣ я отправился къ матушкѣ въ деревню съ сестрою Марьею Ивановною и дядею Иваномъ Андреевичемъ. Во время пребыванія въ Новоспасскомъ я прихварывалъ, что впослѣдствіи повторялось всякій разъ, когда я бывалъ въ деревнѣ.

. . . .

. . . .

. . . . *).

Сообразивъ все, я рѣшился объявить о моемъ намѣреніи оставить жену, посредствомъ письма, которое отправилъ къ ней вечеромъ 6 ноября. Вотъ приблизительно его содержаніе: «Причины, о которыхъ я считаю нужнымъ умолчать, заставляютъ меня разстаться съ вами; но мы должны это сдѣлать безъ ссоръ и взаимныхъ упрековъ. Молю Провидѣніе, да сохранитъ васъ отъ новыхъ бѣдствій. Я же приму всѣ мѣры для возможнаго устройства судьбы вашей и потому намѣренъ выдавать вамъ половину моихъ доходовъ».

Это письмо не произвело сильнаго впечатлѣнія на Марью Пет-

*) Здѣсь нами тоже сдѣланъ небольшой пропускъ нѣкоторыхъ слишкомъ интимныхъ семейныхъ подробностей. Ред.

ровну; когда же на другой день я приказалъ крѣпостнымъ людямъ, въ моемъ услуженіи находившимся, оставить казенную квартиру, вывести оттуда лошадей, матушкою мнѣ данныхъ, выпороть изъ мебелей, бывшихъ въ гостиной, шитье моихъ сестеръ и нѣкоторыя другія вещи драгоцѣнныя мнѣ потому, что я получилъ ихъ отъ уважаемыхъ и любимыхъ мною лицъ (все прочее, какъ-то: брильянты, мебели, карету и проч. оставилъ женѣ), тогда Марья Петровна заплакала не на шутку; говорятъ даже, что ее оттирали.

Все петербургское бабье, подъ предводительствомъ графини Е. М. С. и Е. А. Г. возстало противъ меня, и злословію ихъ не было предѣловъ. Я, во избѣжаніе непріятныхъ посѣщеній, не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ немногихъ самыхъ искреннихъ пріятелей, захворалъ и, по болѣзни, жилъ безвыходно на квартирѣ Степанова, въ Гарновскаго домѣ у Измайловскаго моста.

Нѣсколько дней послѣ разрыва съ женою, я получилъ приглашеніе отъ сенатора Сумарокова, который любилъ меня и Марью Петровну, навѣстить его въ 12 ч. утра на другой день. По моей привычкѣ я пріѣхалъ къ нему полчаса раньше; онъ этимъ видимо былъ встревоженъ и неоднократно повторялъ, что назначилъ мнѣ ровно въ 12 часовъ быть у него. Я подозрѣвалъ замыселъ противу меня, и не ошибся; ровно въ 12 часовъ дверь отворилась и вошолъ съ важнымъ видомъ, учившій и вѣнчавшій меня, протоіерей Алексѣй Ивановичъ Маловъ. Тутъ начали убѣждать меня примириться съ женою или, по крайней мѣрѣ, жить съ нею хоть розно, но подъ ѳдной кровлей; это послѣднее предложеніе изобрѣтено было сенаторомъ. Цѣлый часъ я упорно и ловко защищался, и наконецъ такъ рѣшительно и удачно уничтожилъ всѣ ихъ доводы, что они должны были умолкнуть.

Послѣ этого я цѣлый мѣсяцъ не выходилъ изъ дому; былъ только разъ у Львова, объявя ему, что я болѣе служить не въ силахъ. Львовъ убѣдилъ меня остаться еще на полтора мѣсяца, дабы дослужить до слѣдующаго чина.

18-го декабря 1839 г. я былъ уволенъ отъ службы съ чиномъ коллежскаго ассесора. Въ это время опасно заболѣла Е. К.; сестра Марья Ивановна, часто навѣщавшая меня въ домѣ Гар-

новскаго, скрыла отъ меня это обстоятельство изъ опасенія огорчить меня.

Жилось у Степанова не совсѣмъ худо, съ меньшимъ братомъ его Владиславомъ я рисовалъ, деревья въ особенности. Кромѣ того постоянными посѣтителями были капитанъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка Тиличеевъ, весьма умный и образованный человѣкъ; полковой докторъ Садовскій, Сергѣй Николаевичъ Муравьевъ (Тимей), усердно занимавшійся философіей, и наконецъ Янненко. Фортепьяно не было, но шла дружеская, живая бесѣда.

Петръ Степановъ былъ въ отлучкѣ и часть квартиры его, а именно комната разрисованная чертовщиной и каррикатурами на шахматномъ бѣломъ и черномъ полѣ самимъ Николаемъ Степановымъ, отдана имъ была на время одному изъ офицеровъ л.-г. Егерскаго полка. У него была бульдошка, которая вела себя не хорошо, такъ что каждое утро употребляли скребницу для очищенія комнаты, а потомъ на той же скребницѣ курили, чтобы уничтожить зловоніе *). У Степанова бывали также по временамъ знакомые литераторы, какъ-то: Филимоновъ, Бенедиктовъ и Бернетъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РАЗСКАЗЫ, ЗАМѢТКИ, ПИСЬМА.

Одна изъ резолюцій Петра Великаго 1719 г. Съ учрежденіемъ штатсъ-конторы и съ опредѣленіемъ штатнаго положенія для каждаго отдѣльнаго управленія, Петръ запретилъ отпускать деньги на расходы сверхъ опредѣленія штатной суммы. Дворцовая канцелярія получала деньги на покупку съѣстныхъ припасовъ и напитковъ для императора изъ суммъ штатсъ-конторы. Въ концѣ 1719 г. вся назначенная по штату сумма истощилась, а, между тѣмъ, необходимо было закупать провизію слишкомъ на 3000 р. Дворцовая контора заявила штатсъ-конторѣ, что у нея денегъ налицо ничего нѣтъ. Штатсъ-контора представила объ этомъ императору Петру и онъ на докладѣ подписалъ: „выдать для того, что не ѣтчи быть нельзя“. (Изъ дѣлъ штатсъ-конторы кн. № 4. Архив. М. Ю.).

Сообщ. Г. В. Есиповъ.

*) Рукою Кукольника приписано: „Къ чему это нужно?“ А рукою Глинки „А почему и нѣтъ?“

Разсказы В. И. Даля о временахъ Павла I.

1) Отецъ мой служилъ въ Гатчинѣ при вел. кн. Павлѣ Петровичѣ. оставилъ мѣсто это по непріятностямъ, о коихъ никогда не говорилъ мнѣ, но о личности велик. князя, между прочимъ, разсказалъ мнѣ слѣдующій случай. Въ Гатчинѣ стоялъ одинъ изъ конныхъ полковъ, и вел. кн. ежедневно бывалъ на разводѣ и ученьяхъ.

Майоръ Фрейгангъ, по какому-то недоразумѣнію, опоздалъ къ разводу. Вел. кн. встрѣтилъ его такъ, что тотъ, просидѣвъ нѣсколько минутъ передъ нимъ молча съ опущеннымъ палашемъ на сѣдлѣ, вдругъ свалился, какъ снопъ, наземь. Вел. кн. требовалъ отъ врача, отца моего, ежедневно по два раза, устнаго донесенія о положенія пораженнаго ударомъ, и призвалъ тотчасъ къ себѣ оправившагося больного. Встрѣтивъ его, подавъ ему ласково руку и посадивъ его, вел. кн. спросилъ по-нѣмецки:

— Bin ich ein Mensch (человѣкъ ли я)? и на молчаніе Фрейганга повторилъ свой вопросъ, а на отвѣтъ: да, продолжалъ:

— „So kann ich auch irren (тогда я могу и ошибиться)!

И далѣе: „Sind Sie Mensch“ (и вы человѣкъ)? —„Человѣкъ, в. и. высочество“.

— Dann können sie auch verzeihen (тогда вы конечно умѣете прощать)!“ и обнялъ его.

2) Генералъ Сапожниковъ передалъ мнѣ слышанное имъ лично отъ извѣстнаго генерала Яхонтова, бывшаго пажемъ при дворѣ.

Императоръ жилъ лѣтомъ въ Гатчинѣ, въ весьма тѣсномъ дворцѣ, стоящемъ полукругомъ на площади. Государь обѣдалъ рано и обычно садился послѣ этого въ большія кресла, прямо противъ растворенныхъ на балконъ дверей и отдыхалъ. Объ эту пору вся Гатчина замирала въ молчаніи; махальные отъ дворцового караула выставлялись по улицамъ, ведущимъ на площадь, ѣзды по городу не было. Въ такую-то пору шелъ по направленію ко дворцу пажъ Яхонтовъ и пройдя тихонько по стѣнкѣ до того мѣста, гдѣ внизу во дворцѣ жили фрейлины, вздумалъ пошалить: вскочивъ на подстѣнокъ, онъ приплющилъ лицо къ оконницѣ, оградившись съ боковъ отъ солнца ладонями, и раскланиваясь съ коротко знакомыми ему дѣвицами, началъ корчить рожи, чтобы ихъ разсмѣшить. Тѣ, зная общую слабость свою, съ трудомъ удерживаясь отъ хохота, стали отгонять его знаками, указывая на верхъ и объясняя приложеніемъ руки къ наклоненной головѣ, что государь отдыхаетъ. Пажъ, или камерпажъ, видно не расположенъ былъ кончить этимъ шалость свою, и внезапно, во все безумное горло свое, пустилъ сигналъ: „слу-ша-ай!“ Соскочивъ съ подстѣнка, онъ тихо и быстро побѣжалъ далѣе, выбрался съ площади на улицу, и былъ таковъ. Можно себѣ представить, какая тревога поднялась во дворцѣ, когда это сумасбродное слушай, среди бѣлаго дня, раздалось подъ растворенньмъ балкономъ отдыхавшаго государя! Императоръ вскочилъ и позвонилъ: „кто кричалъ слушай?“ спросилъ онъ внѣ себя, но съ видимымъ наружнымъ покоемъ. Вошедшій поспѣшилъ выскочить и бросился опрометью внизъ, къ караульнѣ. Второй звонокъ—„кто кричалъ слушай?“ и этотъ адъютантъ

или ординарецъ, не знаю, едва успѣлъ добѣжать до лѣстницы, какъ сильный звонъ заставилъ спѣшно войти всѣхъ бывшихъ на лицо въ передней.—„Кто кричалъ слушай?“ голосъ, коимъ сдѣланъ былъ этотъ вопросъ, былъ знакомъ всѣмъ близкимъ; очевидно, терпѣнье императора истощилось. У караульни шла переборка — комендантъ, плацмайоръ, дежурный по карауламъ, караульный капитанъ, весь караулъ у сошекъ—а виноватаго нѣтъ, никто ничего не знаетъ. Воротившіеся изъ посылки въ страхѣ стоятъ въ передней, глядятъ другъ на друга, никто не знаетъ что̀ дѣлать. Еще звонокъ, и тотъ же вопросъ: „кто кричалъ слушай?“ встрѣчаетъ опрометью кинувшихся въ покои чуть не на порогѣ. Коменданта и весь причтъ его давно уже дрожь пробрала до костей; онъ кидается на колѣни передъ карауломъ и умоляетъ солдатъ: „братцы, спасите, возьми кто-нибудь на себя, мы умилостивимъ послѣ государя, не бойтесь, отстоимъ, онъ добръ, сердце отляжетъ“.

Гвардеецъ выходитъ изъ фронту и говоритъ смѣло: „я кричалъ, виноватъ“ Чуть не на рукахъ внесли его въ государеву пріемную и напередъ уже, бѣгомъ, успѣли объявить императору, что нашли виноватаго, нашли!

Услыхавъ слово это, государь спокойно сѣлъ опять въ свои кресла и велѣлъ позвать его. Солдатъ вошелъ подъ весьма почетнымъ конвоемъ и сталъ передъ государемъ, который, поглядѣвъ на него молча долго и пристально, спросилъ:

„Ты кричалъ слушай?“

— Я кричалъ, ваше импер. величество!

„Какой у него славный голосъ! въ унтеръ-офицеры его, и сто рублей за потѣху“.

3) Въ одномъ изъ ежедневныхъ приказовъ по военному производству, писарь — вспомните тогдашнее время, конецъ прошлаго вѣка — писарь расчеркнулся, такъ, что когда писалъ: „прапорщики-жъ такіе-то въ подпоручики“, то перенесъ на другую строку небывалое словцо „Кижъ“, начавъ его еще съ прописной, размашистой буквы. Пробѣгая наскоро приказъ этотъ, императоръ принялъ словцо это, съ прописною буквою, за коимъ слѣдовали прозванія, также за прозваніе одного изъ производимыхъ, и написалъ тутъ-же: „подпоручикъ Кижъ въ поручики“. На другой день, подпоручикъ Кижъ произведенъ былъ въ штабс-капитаны, а на третій, подписывая приказъ, государь написалъ противъ него: „въ капитаны“. И это сдѣлано. Никто не успѣлъ оглянуться, ни опомниться, какъ Кижъ произведенъ былъ въ полковники, съ отмѣткой: „вызвать сейчасъ ко мнѣ“. Тогда только бросились по приказамъ, гдѣ этотъ Кижъ? онъ оказался въ какомъ-то азовскомъ или апшеронскомъ полку, гдѣ-то на Дону, и фельдъегерь очертя голову поскакалъ за нимъ. Можно вообразить изумленье полкового командира, до котораго еще не успѣлъ дойти обычнымъ порядкомъ первый приказъ, о производствѣ прапорщика Кижа, какъ привезенъ былъ уже съ фельдъегеремъ послѣдній, о производствѣ его въ полковники, и когда, сверхъ сего, полковой командиръ не могъ понять, о чемъ и о комъ идетъ рѣчь, потому что въ полку его никогда никакого Кижа не было. „Есть же на свѣтѣ Чижъ, подумалъ полковникъ, по-

чему бы не быть и Кижу, но только не въ этомъ полку". Фельдъегерь подавно ничего не могъ тутъ объяснить и поскакалъ, едва перекусивъ, обратно.

Донесеніе полковника, что въ полку его Кижа нѣтъ и не бывало, всполошило все высшее военное начальство и канцеляріи ихъ. Бросились слѣдить по приказамъ, и наконецъ бѣдственный первый приказъ, о производствѣ Кижа въ подпоручики, разъяснилъ дѣло. Между тѣмъ, государь уже спрашивалъ, не прибылъ ли полковникъ Кижъ— вѣроятно желая съ нетерпѣніемъ поздравить его генераломъ. Рѣшились доложить государю, что Кижъ умеръ.

„Жаль, сказалъ императоръ—былъ хорошій офицеръ"....

Москва, 15-го іюня 1870 г. **В. И. Даль.**

Письмо короля польскаго Станислава Понятовскаго къ Валуеву.

1797 г.

С т а н и с л а в ъ А в г у с т ъ (Понятовскій) сынъ Станислава Понятовскаго воеводы мазовецкаго и Констанціи Чарторижской, дочери князя Казимира каштеляна Виленскаго, род. въ Волчинѣ, имѣніи Чарторыжскихъ 17 сентября н. с. 1732 год. Въ послѣднихъ годахъ царствованія Августа III-го въ 1752 году, имѣя 20 лѣтъ отъ роду, въ первый разъ явился депутатомъ на сеймѣ, и обратилъ на себя вниманіе даромъ слова. Послѣ путешествія во Францію возвратился въ Варшаву, и былъ назначенъ Августомъ III чрезвычайнымъ посланникомъ Речи-Посполитой въ С.-Петербургъ ко двору императрицы Елизаветы. На полѣ елекційномъ подъ Волею, 7 сентября н. с. 1764 г., былъ избранъ королемъ польскимъ, и въ томъ же году коронованъ въ Варшавѣ примасомъ Владиславомъ-Александромъ Лубенскимъ. Ему было тогда 32 года. Назначеніе исторіографа А д а м а Н а р у ш е в и ч а, и данныя ему средства для написанія „Исторіи народа Польскаго" была одною изъ важнѣйшихъ заслугъ короля для своего края. Станиславъ-Августъ царствовалъ 31 годъ. Въ 1784 году король секретно вступилъ въ бракъ съ Елисаветою Грабовскою, рожд. Шидловскою. Вѣнчалъ его—епископъ Албертранди, извѣстный историкъ. Въ Гроднѣ, въ 1795 году король подписалъ отреченіе отъ трона, именно 25-го ноября, въ годовщину его коронаціи.

Помѣщая ниже письмо послѣдняго короля Польскаго къ одному изъ придворныхъ лицъ императора Павла, напомнимъ обстоятельства, сопровождавшія водвореніе развѣнчаннаго короля въ Петербургѣ, къ каковой эпохѣ и относится печатаемый документъ.

Переѣздъ изъ Гродно до С.-Петербурга продолжался болѣе мѣсяца. Наконецъ, 6 (17) марта въ 6 часовъ вечера—король имѣлъ въѣздъ въ С.-Петербургъ. Его встрѣтили за 6 верстъ кн. А. Б. Куракинъ, 8 камергеровъ и другихъ почетныхъ лицъ у дачи кн. Литты. Весь поѣздъ ѣхалъ по улицамъ столицы въ 8-ми-окошечныхъ каретахъ. Императоръ Павелъ любовался на въѣздъ изъ оконъ дворца. Короля привезли во дворецъ, ввели въ тронную залу; императоръ а императрица сошли нѣсколько ступеней, обняли и поцѣловали гостя. Король обѣдалъ въ семействѣ императора, и, на первое время, сдѣ-

лался членомъ августѣйшаго семейства. На выходахъ императрица подавала одну руку императору, а другую королю. Станислава-Августа поселили въ Мраморномъ дворцѣ; по случаю его приѣзда, при дворѣ былъ снятъ трауръ.

Такое вниманіе къ гостю продолжалось однако не долго: уже въ августѣ мѣсяцѣ, того же года, Станиславъ-Августъ, какъ видно изъ печатаемаго нами письма, долженъ былъ озабочиваться тѣмъ, чтобы какимъ-либо, даже мелкимъ отступленіемъ отъ формы въ одеждѣ или несоблюденіемъ этикета не раздражить своего повелителя. Въ слѣдующемъ году король скончался въ Спб. отъ нервическаго удара 12-го февраля н. с., 66-ти лѣтъ отъ роду. Что касается затѣмъ до того лица, къ которому пишетъ Понятовскій, то изъ справки, весьма обязательно сообщенной намъ Петромъ Александровичемъ Валуевымъ, видно, что это былъ оберъ-церемоніймейстеръ при дворѣ императора Павла I, Петръ Степановичъ Валуевъ, потомъ дѣйств. тайн. совѣтн. и при императорѣ Александрѣ I — сенаторъ, главный начальникъ московской кремлевской экспедиціи, московскихъ дворцовъ и оружейной палаты († 4 іюня 1814 г.). Въ исторіи Москвы П. С. Валуевъ оставилъ память, между прочимъ, тѣмъ, что устроилъ проспекты, пруды и кремлевскіе или александровскіе сады на прекрасномъ мѣстѣ. **П. М.**

(Переводъ *). $\frac{26\ августа}{6\ сентября}$ 1797 года. Король польскій покорнѣйше проситъ господина Валуева, сообщить ему:

1. Гдѣ будетъ праздноваться Александровъ день, въ Петербургѣ или въ Гатчинѣ?

2. Въ которомъ часу слѣдуетъ быть тамъ?

3. Если праздникъ въ Гатчинѣ, то не слѣдуетъ ли пріѣхать туда наканунѣ въ субботу вечеромъ?

---

*) Подлинникъ (буквально).

$\frac{Ce\ 26\ Aout}{6\ Septembre.}$ 1797 Monsieur de Waluief est prié par le Roy de Pologne, de vouloir bien Lui faire savoir.

1. Si la Fête de St. Alexandre sera célebrée, a Petersbourg ou à Gaczyna?

2. A quelle heure il faudra s'y trouver?

3. Si c'est à Gaczyna, si je dois my rendre la veille au soir samedi?

4. Quelle sera ma place dans la marche des Chevaliers, et pendant toutte la Cérémonie?

5. Quelle différence je dois prescrire au Tailleur, pour la forme, longueur et doublure du manteau, d'avec celui des Autres Chevaliers?

Monsieur de Waluief voudra bien ne pas se trouver importuné de ces questions, puisqu'elles ne sont que l'effet de mon désir, d'éviter, tout ce qui ne se rencontrerait pas avec le bau plaisir de S. M. l'Empereur, lequel ne voudra pas sans doute non plus, que dans l'occurrence de cette Cérémonie, il soit dérogé en rien, aux égards, qu'il lui a plu d'assurer à mon rang, en toute occasion.

Monsieur de Waluief ne scaurait douter de touts les sentimens distingués que Lui porte Son Très affectionné S. A. P.

На пакетѣ: A. Monsieur de Waluief, Grand Maître des Cérémonies de la cour impériale de Russie.

4. Какое мѣсто предназначено мнѣ въ шествіи кавалеровъ и во время всей церемоніи?

5. Какую разницу слѣдуетъ мнѣ предписать портному на счетъ формы, длины и подкладки мантіи, для отличія отъ другихъ кавалеровъ?

Покорнѣйше прошу господина Валуева не сѣтовать на всѣ эти вопросы; они происходятъ единственно изъ желанія моего избѣжать всего, что могло бы не соотвѣтствовать желанію государя императора, безъ сомнѣнія, точно также не пожелающаго, чтобы въ совершеніи этой церемоніи было бы отступленіе отъ почета, который ему угодно было предоставить во всѣхъ случаяхъ моему званію.

Господинъ Валуевъ не усумнится въ искреннихъ чувствахъ уважающаго его. С. А П. Сообщ. **П. А. Мухановъ.**

Учрежденіе Гимназіи высшихъ наукъ въ городѣ Нѣжинѣ.

ПИСЬМА ГР. В. П. КОЧУБЕЯ.

1805 г.

Публикуемыя здѣсь письма относятся къ той любопытной эпохѣ въ исторіи русскаго просвѣщенія, на которую вниманіе нашего общества обращено было въ послѣднее время не разъ и съ разныхъ сторонъ. Мы говоримъ о первыхъ годахъ царствованія императора Александра I. Въ короткое время составленъ былъ и утвержденъ планъ открытія цѣлаго ряда новыхъ университетовъ: въ Казани, Харьковѣ, Петербургѣ. Но прежде еще, чѣмъ эта важная мѣра успѣла осуществиться, рвеніе частныхъ лицъ успѣло опередить иниціативу правительственную. Нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній (существующихъ и доселѣ) учреждены были богатыми потомками и наслѣдниками извѣстнѣйшихъ дѣятелей временъ Екатерины II. Первымъ изъ нихъ явился Демидовъ, Павелъ Григорьевичъ, внукъ Никиты Демидова, корреспондентъ Бюффона, Геллерта и Линнея, обогатившій уже и прежде того московскій университетъ своими учеными коллекціями и денежными вкладами. Демидовъ основалъ въ Ярославлѣ лицей, до сихъ поръ носящій имя его, и на содержаніе этого заведенія, кромѣ 120.000 руб. деньгами, отдалъ имѣніе съ 3578 душ. крестьянъ.

Примѣръ этотъ вскорѣ нашелъ послѣдователей. По смерти государственнаго канцлера и любимца Екатерины II, князя Александра Андреевича Безбородко, братъ и наслѣдникъ его громаднаго состоянія, графъ Илья Андреевичъ Безбородко, исполняя желаніе покойнаго, учредилъ въ память его, въ Нѣжинѣ, для дворянства, учебное заведеніе и обезпечилъ его, по примѣру Демидова, доходомъ съ своего родового, недвижимаго имѣнія *). Императоръ Александръ при-

---

*) Графъ Илья Андреевичъ Безбородко род. 1756 г. ум. 1815 г. Дѣйств. тайный сов. при Павлѣ I, — гр. Безбородко при Александрѣ I былъ с.-петербургскимъ губерн. предв. дворянства. Отъ брака съ Анною Ивановною Ширяй († 1824 г.), онъ имѣлъ сына гр. Андрея Ильича, ум. холостымъ, и двухъ дочерей: гр. Любовь Ильинишну — за адмираломъ гр. Г. Г. Кушелевымъ († 1833 г.) и графиню Клеопатру Ильинишну за генералъ-майор. кн. Александромъ Яковлевичемъ Лобановымъ-Ростовскимъ. Ред.

нялъ съ признательностью это пожертвованіе и наименовалъ вновь открытое училище: Гимназіею высшихъ наукъ князя Безбородко.

Факты эти, какъ принадлежащіе исторіи, болѣе или менѣе общеизвѣстны; но мы сочли не лишнимъ напомнить ихъ здѣсь, чтобы выяснить интересъ публикуемыхъ нами писемъ. Изъ нихъ оказывается, что кромѣ канцлера князя Александра Андреевича Безбородко, неуспѣвшаго осуществить при жизни свою благую мысль, и брата его, графа Ильи Андреевича, осуществившаго ее въ память покойнаго, честь этого дѣла принадлежитъ еще и, во-первыхъ, примѣру Павла Демидова, а во-вторыхъ, и въ очень не малой степени, еще одному лицу, принявшему въ немъ самое искреннее, горячее и, мы можемъ прибавить, рѣшительное участіе. Это былъ авторъ печатаемыхъ здѣсь писемъ: графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, родной племянникъ князя Александра Андреевича Безбородко, воспитанный въ домѣ его и имъ облагодѣтельствованный.

Викторъ Павловичъ Кочубей окончилъ свое воспитаніе заграницей, въ Женевѣ и Лондонѣ, и вынесъ оттуда, сказавшееся потомъ въ его государственной дѣятельности, стремленіе къ преобразованіямъ въ европейскомъ смыслѣ.

Викторъ Павловичъ Кочубей въ 1792 году, всего 24-хъ лѣтъ, былъ отправленъ посланникомъ въ Константинополь; а на 31 году былъ уже вице-канцлеромъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ. При имп. Павлѣ Кочубей былъ въ немилости и жилъ въ своемъ имѣніи; но со вступленіемъ на престолъ Александра возвращенъ снова на службу и въ 1802 году сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Впослѣдствіи, при императорѣ Николаѣ, В. П. Кочубей былъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ. Умеръ въ 1834 году, въ званіи государственнаго канцлера по внутреннимъ дѣламъ.

Обращаемся къ письмамъ гр. Кочубея. Первое изъ приводимыхъ нами адресовано къ Осипу Степановичу Судіенко.

Это былъ землякъ князя Александра Андреевича Безбородко; онъ былъ привезенъ графомъ въ Петербургъ въ то самое время, когда Александръ Андреевичъ сдѣлался близкимъ человѣкомъ императрицы Екатерины II. Съ тѣхъ поръ, не переставая состоять при Александрѣ Андреевичѣ, Судіенко сдѣлался повѣреннымъ Безбородко, — завѣдывающимъ всѣми его имѣніями и капиталами, и въ домѣ игралъ роль совѣтника и друга. Какъ свидѣтельствуютъ лица современныя, Судіенко и при графѣ Ильѣ Андреевичѣ Безбородко игралъ ту же роль и былъ весьма уважаемъ и любимъ за честность и преданность, не только къ интересамъ семейства, но и къ пользамъ государства.

Благодаря Безбородкамъ, Судіенко пріобрѣлъ большое состояніе, между прочимъ, имѣніе Очкино. До сихъ поръ потомки Судіенко очень богатые помѣщики черниговской губерніи.

I.

Милостивый государь мой Осипъ Степановичъ! Долго умедлилъ я отвѣтомъ на письма ваши, но по стеченію обстоятельствъ вышло,

что можетъ быть и хорошо, что вы безъ отповѣди моей оставались, ибо, между тѣмъ, подоспѣло отношеніе ко мнѣ графа Ильи Андреевича и я имѣлъ случай условиться съ княземъ Алексѣемъ Борисовичемъ *) о томъ, какое наиприличнѣе сдѣлать употребленіе изъ капитала, графомъ Ильею Андреевичемъ предназначаемаго. Прилагаемое при семъ въ копіи письмо мое къ графу Ильѣ Андреевичу, извѣститъ васъ о семъ обстоятельнѣе, и теперь остается ему только рѣшиться привести все въ дѣйствіе, а вамъ сему доброму дѣлу споспѣшествовать; но пожалуйста не потеряйте изъ виду того правила, чтобъ ежели дѣлать что-нибудь, то чтобъ было сіе дѣйствительно достойно и великаго имени, коему памятникъ сей созидается и соотвѣтственно состоянію графа Ильи Андреевича, или же чтобъ ничего уже предпринимаемо не было **), ибо всѣ теперь говорятъ о пожертвованіи семъ и я бы крайне не хотѣлъ видѣть ожиданія публики обманутыми. Впрочемъ, я бы желалъ знать, что графу Ильѣ Андреевичу можетъ быть пріятно, въ случаѣ если бы рѣчь дошла до изъявленія ему высочайшаго соизволенія, дабы можно было мнѣ по возможности употребить стараніе къ достиженію до цѣли его; о семъ прошу ко мнѣ, въ свое время, отписать, чтобъ же не вышло никакого недоразумѣнія, то я здѣсь возобновлю о тѣхъ статьяхъ, кои къ выполненію графъ Илья Андреевичъ предложилъ: 1) взносъ 50.000 руб. съ процентами; 2) взносъ 160.000 руб. въ восемь лѣтъ съ заплатою процентовъ; 3) назначеніе дому мѣста въ Нѣжинѣ съ садомъ и проч.; 4) назначеніе 50.000 руб. на построеніе гимназіи, разумѣя, что какъ строеніе не прежде какъ въ три или четыре года произведено быть можетъ, то сіе назначеніе и не будетъ въ тягость, тѣмъ болѣе что впродолженіе сего времени, и пока не будетъ окончено строеніе, то не будетъ надобности вносить 10.000 руб. графомъ Ильею Андреевичемъ отъ себя назначенныхъ; такъ что въ существѣ тутъ весьма малую издержку онъ понесетъ; 5) назначеніе ежегоднаго доходу, по крайней мѣрѣ по 10.000 рублей, хотя бы можно было и болѣе желать, ибо гимназіи не воображаю я, чтобъ можно было содержать менѣе 24.000 руб. въ годъ.

Вотъ главные пункты; вамъ предлежитъ убѣждать графа Илью Андреевича рѣшиться принять оные. Я бы крайне желалъ, чтобы сіе сбылось для памяти покойнаго князя, которую бы на всякомъ шагѣ хотѣлось бы мнѣ возвысить и прославить въ потомствѣ. Что касается до строенія въ Нѣжинѣ, хорошо было бы, есть либо вы взялись присмотрѣть за производствомъ онаго. Въ противномъ же случаѣ, и если графъ Илья Андреевичъ не захочетъ самъ войти въ сіе дѣло, должно будетъ уже предоставить все попеченію князя Алексѣя Борисовича.

При семъ случаѣ позвольте мнѣ принести вамъ искреннѣйшую мою благодарность, во-первыхъ за попеченіе ваше о сохраненіи памяти покойнаго князя въ надлежащемъ уваженіи, и во-вторыхъ

---

*) Куракинымъ.

**) Слова разрядкой напечатанныя въ подлинникѣ собственноручно подчеркнуты В. П. Кочубеемъ. Ред.

за дружескія ваши на счетъ мой изъявленія. Первое обстоятельство доказываетъ мнѣ признательность вашу къ благодѣтелю вашему, а въ послѣднемъ вижу я, что вы усердствуете и къ тѣмъ, кои бывъ покойному князю столько же, сколько и вы обязаны, поставляютъ за верхъ славы быть въ числѣ преданнѣйшихъ ему людей. Таковыя побужденія заставятъ меня всегда искать случая доказать вамъ мою преданность и то истинное, съ коимъ всегда пребуду вашего превосходительства покорнѣйшій слуга графъ В. Кочубей.

Апрѣля 6-го, 1805 г.

II.

Милостивый государь дядюшка, графъ Илья Андреевичъ! Заключеніе, изъясненное вами въ пріятномъ отношеніи вашемъ отъ 25 февраля, что я вѣроятно извѣщенъ уже былъ отъ Осипа Степановича и отъ князя Куракина о преславномъ намѣреніи вашемъ не только исполнить волю покойнаго князя, но и знатно превзойти оную, въ полной мѣрѣ основательно и подлинно, какъ Осипъ Степановичъ ко мнѣ писалъ, такъ и князь Алексѣй Борисовичъ со мною о семъ всемъ неоднократно изъяснялся.

Усердствуя съ нимъ вмѣстѣ, чтобъ предположеніе ваше наилучшимъ образомъ устроено быть могло, мы много разсуждали, какое-бы именно общеполезное заведеніе имени покойнаго князя посвящено быть могло. Призрѣнія бѣдныхъ, богадѣльни, больницы, малыя училища вездѣ или есть, или къ основанію назначены; и такъ что было избрать для употребленія капитала вашего, мы обратились на примѣръ г. Демидова, который въ Ярославлѣ учредилъ Гимназію высшихъ наукъ, то-есть училище некоторымъ образомъ университету соотвѣтственное, и разсуждали, что какъ Малороссія университета не имѣетъ, да и дворянскія училища, на кои въ обѣихъ губерніяхъ до милліона дать хотѣли, состояться не могутъ, бывъ несообразны общей системѣ для училищъ принятой, то существенная польза для края сего быть можетъ, если вы соорудите подобное заведеніе; удобность же къ тому находили мы и въ нѣкоторомъ соотношеніи обстоятельствъ заведенія г. Демидова съ способами, которые вы употребить желаете; ибо Ярославская гимназія стóитъ содержаніемъ до 24.000 руб. Если же поставить въ счетъ, что капиталъ вами вносимый и именно 210.000 руб. дадутъ доходу 10.500 руб., да прибавить къ сему 10.000 руб., кои ежегодно вы назначаете, то и составитъ ежегоднаго дохода 20.500 руб., то-есть не много меньше, нежели сколько на гимназію потребно.

Если предположенія сіи одобрить вы изволите, то, на сей конецъ, прилагается здѣсь проэктъ письма, которое нужно будетъ вамъ прислать на имя государя, препроводя оное ко мнѣ для поднесенія онаго его величеству. Письмо сіе составлено такъ, какъ по свѣдѣніямъ моимъ и по точному убѣжденію моему составлено ему быть должно, во-первыхъ для того, чтобъ произвести полезное дѣйствіе на счетъ намѣренія вашего, а во-вторыхъ, чтобъ исполнить цѣль самаго предположенія вашего.

Вы изволили видѣть, что до 24.000 руб. нужно на содержаніе гимназіи; если 160.000 руб., кои къ взносу вами въ 8 лѣтъ пред-

полагаются, не будутъ внесены прежде, то все сіе время край, для коего вы благодѣяніе дѣлаете, не воспользуется онымъ, а потому и нужно было бы или внести сумму сію въ два или три года, или, уплачивая въ 8 лѣтъ, давать гимназіи проценты; такъ что, напримѣръ, при взносѣ капитальной суммы каждый годъ по 20,000 руб., вы бы въ первый годъ внесли проценты за 160.000 руб., во 2-й за 140.000 руб., въ 3-й за 120,000 и такъ далѣе.

Положеніе, чтобъ недвижимое имѣніе обезпечивало гимназію на будущее время въ полученіи его доходовъ, не можетъ казаться вамъ неудобнымъ. Имѣніе ваше тѣмъ не менѣе остается въ распоряженіи вашемъ и наслѣдниковъ вашихъ; и я примѣръ сей заимствовалъ отъ графа Шереметева и другихъ; увѣренъ притомъ будучи, что не составляя отнюдь никакой для васъ разницы, онъ произведетъ здѣсь свыше наилучшее дѣйствіе.

Впрочемъ, еслибы я смѣлъ совѣтъ мой здѣсь присоединить, то я бы, на мѣстѣ вашемъ, назначилъ родовое имѣніе для таковаго залога, дабы во-первыхъ оно никогда не могло выйти изъ рода вашего и прахъ родителей вашихъ всегда оставался въ владѣніяхъ фамиліи, и во-вторыхъ по приличію, чтобъ таковое имѣніе предпочтительно обезпечивало благотворныя расположенія основателя славы фамиліи и брата признательнаго. Я думаю, что тысячъ до двухъ душъ надобно бы поставить въ виду для сего назначенія.

За сими главными вещьми, я думаю, что вы не изволите сдѣлать затрудненіе, чтобъ участвовать въ построеніи приличнаго для гимназіи зданія; въ проэктѣ письма вашего къ государю, вы изволите найти въ статьѣ 5 два предположенія; но я считаю, что лучше опредѣлить сумму и полагаю, что тысячъ 50 въ два или три года заплаченныя, будутъ для сего достаточны.

Впрочемъ, изложивъ здѣсь мысли мои, я долженъ подчинить ихъ, натурально, благоусмотрѣнію вашему, но смѣю только просить васъ, чтобъ, если вы на что-либо рѣшитесь, то чтобы уже по возможности не умалять назначеній вашихъ, и лучше уже ничего не предпринимать, нежели сдѣлать что либо не полное. Городъ весь говоритъ уже о пожертвованіи вашемъ. Я думаю, что князь Алексѣй Борисовичъ о немъ со многими изъяснялся, ибо со мною говорила о семъ императрица и многія другія особы, а потому и должно, чтобъ сдѣлано было что либо полное или ничего. Я осмѣливаюсь также припомнить, чтобъ присланъ былъ при письмѣ вашемъ и планъ дому вашего и саду въ Нѣжинѣ. Мѣсто сіе такъ хорошо, что въ здѣшнемъ холодномъ климатѣ покажется оно раемъ небеснымъ. Я признаюсь, что и самъ я былъ прельщенъ онымъ въ проѣздъ въ чужіе края и теперь удивляюсь, какъ въ Малой Россіи такой садъ аглицкій есть. Мнѣ кажется, что надобно бы составить и планъ для дому, гдѣ помѣщаться должна гимназія. Все сіе при письмѣ вашемъ было бы весьма приличными приложеніями.

Изложивъ вамъ мысли мои и исполнивъ такимъ образомъ волю вашу, мнѣ пріятно будетъ, если, отдавъ справедливость усердію мо-

ему, вы купно пріимете увѣреніе искреннѣйшей преданности и отличнаго почтенія, съ коими я всегда пребуду вашимъ покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою графъ В. Кочубей.

Р. S. Я бы хотѣлъ, чтобъ вы пожаловали мнѣ одолженіе извѣщеніемъ, что могло бы быть вамъ пріятно, если бы, по случаю пожертвованія вашего, государю угодно было, какъ я то предполагаю, изъявить вамъ признаніе свое. Я даю вамъ честное слово мое, что о семъ никто ничего не узнаетъ и что я только, по возможности, содѣйствовать буду успѣху въ желаніяхъ вашихъ.

Надобно бы придумать, чтобъ какъ-нибудь составить доходъ гимназіи до 24.000 руб. Нельзя ли бы сдѣлать какой-нибудь прибавки? Подумайте о семъ, да можетъ быть и владѣтель Очкина, Осипъ Степановичъ, что-нибудь дастъ, если вы согласитесь, что и онъ тутъ участвовалъ.

Я прикажу планъ и фасадъ для гимназіи составить и его къ вамъ пришлю или, если сего исполнить не успѣю, то могу присоединить оный къ письму вашему, когда оное ко мнѣ прислать вы изволите.

Апрѣль, 1805 г.

III.

С.-Петербургъ, августа 6-го 1805 г.

— Г. Бачмановъ доставилъ мнѣ, милостивый государь, дядюшка графъ Илья Андреевичъ, въ свое время письмо ваше ко мнѣ, таковое же къ государю и планы къ послѣднему принадлежащіе касательно преславнаго пожертвованія, которое вы сдѣлать рѣшились учрежденіемъ въ Нѣжинѣ Гимназіи высшихъ наукъ. Преисполненный полнаго удовольствія, я не мѣшкая ни мало поднесъ письмо ваше его величеству и имѣлъ также полную пріятность видѣть, что подвигъ вашъ былъ принятъ съ отмѣннымъ благоволеніемъ. Я получилъ по порядку повелѣнія предоставить училищному правленію разсмотрѣть предположенія ваши, а тамъ чтобъ съ заключеніемъ его поступили они въ совѣтъ для положенія чѣмъ бы можно было его величеству изъявить вамъ его благоволеніе.

Съ симъ повелѣніемъ сперва полагалъ я немного поудержаться, считая, что какъ весьма многіе изъ членовъ совѣта разъѣхались и въ томъ числѣ и самъ министръ просвѣщенія, то лучше оставить дѣло до возвращенія всего общества; но между тѣмъ начали говорить, что и государь можетъ быть отлучится; сіе побудило меня поспѣшить дать дѣлу ходъ. Оно было представлено въ совѣтъ господиномъ Муравьевымъ, яко товарищемъ министра просвѣщенія, при весьма хорошемъ докладѣ. Въ совѣтѣ положено воздать вамъ по мѣрѣ графа Шереметева, т. е. знакъ отличія, о коемъ какъ добрые люди полагали, что можно бы было не классъ, а цвѣтъ перемѣнить; указъ сенату и медаль или бюсты учредителей съ приличною надписью. Все такъ и устроилось, и я слышу отъ г. Муравьева, что уже и надлежащее исполненіе имъ сдѣлано. Я съ моей стороны и въ совѣтѣ и государю именно и наиположительнѣйше утверждалъ, что вы никогда не искали какого либо себѣ награжденія и что положивъ весьма давно уже сдѣлать сіе заведеніе, какъ то всѣмъ извѣстно,

вы бы и государя о семъ не безпокоили и вы бы сами учредили, если бы не было нужно государево утвержденіе. Однимъ словомъ, я въ точности исполнилъ по сему случаю желаніе ваше, и не упустилъ конечно ничего, чтобъ показать прямую цѣль намѣренія вашего. Дѣло шло о имени гимназіи. Князь Куракинъ и другіе полагали, что можно бы назвать ее гимназіею князя Безбородко. Я вызвался, что мнѣ такъ извѣстны намѣренія ваши и что я столь знаю желаніе ваше, только посвятить учрежденіе сіе памяти брата вашего, что нималѣйше не сомнѣваюсь я, чтобъ сіе не было вамъ пріятно.

Вотъ, милостивый государь, вкратцѣ все то, что происходило. Мнѣ крайне хотѣлось-бы, чтобъ Клеопатра Ильинишна получила вензель, но я думаю, что сіе современемъ можно будетъ сдѣлать, хотя впротчемъ всѣ вещи сіи сдѣлались довольно трудны. Я не долженъ притомъ забыть здѣсь, что, соотвѣтственно желанію вашему, я отдалъ тотъ планъ, который заключаетъ одно мѣсто Витгенштейна, слѣдовательно прикупленный послѣ домъ, какъ я думаю, Разумовскаго останется совершенно въ распоряженіи вашемъ.

Въ заключеніе всего позвольте мнѣ принести вамъ просьбу, вѣрить чувствамъ непремѣнной и искренной моей преданности и должному къ вамъ высокопочитанію Кочубей.

P. S. Если не трудно вамъ будетъ, то покорно прошу поднести отъ меня истинное мое почитаніе графинѣ Аннѣ Ивановнѣ.

Получивъ копіи съ указовъ, при семъ оныя имѣю удовольствіе препроводить. Сообщ. **графъ П. А. Кочубей.**

—

— Письмо Н. Н. Новосильцова къ военному губернатору, управлявшему кіевскою и минскою губерніями, генералу отъ кавалеріи А. П. Тормасову. Милостивый государь мой Александръ Петровичъ. Государь императоръ въ проѣздъ свой чрезъ Шавельскій повѣтъ, бывъ очевиднымъ свидѣтелемъ бѣдственнаго положенія принадлежащихъ генералу отъ инфантеріи князю Зубову крестьянъ, изъ которыхъ большая часть, оставивъ поля свои необработанными, снискиваютъ себѣ пропитаніе мірскимъ подаяніемъ, нѣкоторые же, по свидѣтельству жителей, умираютъ отъ болѣзней, происходящихъ единственно отъ дурной и недостаточной пищи, высочайше отозваться соизволилъ, что ежели честь и самый долгъ, законами налагаемый, требуетъ, дабы и бѣднѣйшіе изъ помѣщиковъ кормили и призирали крестьянъ своихъ въ трудные и безплодные годы; то тѣмъ болѣе предосудительно одному изъ богатѣйшихъ доводить ихъ до такой крайности. Посему повелѣлъ мнѣ сообщить вашему высокопревосходительству, дабы вы, милостивый государь мой, сдѣлали надлежащее внушеніе князю Зубову о принятіи въ самоскорѣйшемъ времени нужныхъ мѣръ для снабженія крестьянъ его потребнымъ количествомъ хлѣба, какъ на прокормленіе оныхъ до новаго урожая, такъ и на посѣвъ ихъ полей; въ противномъ же случаѣ его императорское величество, въ защиту страждущаго человѣчества, не преминетъ обратить на него всю строгость законовъ. Исполняя симъ высочайшую волю, имѣю честь быть, вашего высокопревосходительства, милостиваго государя моего покорный слуга Н. Новосильцовъ.

Митава, іюля 2-го дня, 1807 г. Сообщ. **А. Ѳ. Бычковъ.**

Письмо гр. Ѳ. В. Ростопчина къ кн. М. И. Голенищеву-Кутузову. 1812 г. Милостивый государь, князь Михаилъ Ларіоновичъ! Почтеннѣйшее письмо вашей свѣтлости изо Гжати вчерашняго числа я получилъ, и честь имѣю на него отвѣчать: что починка ружей и пистолетъ въ арсеналѣ безпрестанно продолжается, подъ присмотромъ самодѣятельнаго полковника Курдюмова; изъ числа австрійскихъ и англійскихъ ружей я отпустилъ для вооруженія московской военной силы 7.200 ружей, кои доставлены и розданы. Отпускъ вина въ Вязьму, по требованію военнаго министра по моему назначенію, остановился, за неимѣніемъ подводъ; но естли нужда востребуетъ, то я нарядомъ могу отправить, не взирая на сообщеніе ко мнѣ министра финансовъ, который пользу двухъ жидовъ Перца и Стиглица предпочитаетъ продовольствію войскъ, кои должны или спасти отечество, или лечь подъ Москвою. Вопросы, что лучше — спасти ли сей городъ, или армію, по моему мнѣнію, не подвержены ни малѣйшему сомнѣнію. Арміи собраны и выведены были для защищенія предѣловъ нашихъ, потомъ должны были защитить Смоленскъ, а теперь спасти Москвою Россію и Государя. Каждый теперь изъ русскихъ полагаетъ всю силу въ столицѣ и справедливо почитаетъ ее оплотомъ царства; но съ ея впаденіемъ въ руки злодѣя, цѣпь, связывающая все мнѣніе и укрѣпленная къ престолу государей нашихъ, разорвется и общее рвеніе, раздѣлясь на части, останется бездѣйственно. Народъ русскій есть самый благонамѣренный. Никто можетъ отвѣчать за него тогда, когда древняя столица сдѣлается мѣстомъ пребыванія сильнаго, хитраго и щастливаго непріятеля рода человѣческаго. Волга течетъ 120 верстъ отсюда, Ока—100 и всѣ сношенія съ сѣвернымъ и полуденнымъ краемъ Россіи пресѣкутся. Какого повиновенія и ревности ожидать въ губерніяхъ, когда злодѣй издавать будетъ свои манифесты въ Москвѣ? Какимъ опасностямъ подверженъ будетъ императоръ, или въ недоумѣніи о мѣстѣ своего пребыванія, или доведенный до крайности принять въ защиту себѣ отдаленіе въ дальнія края своей имперіи. Я не могу себѣ представить, чтобъ была возможность подумать о мирѣ. Для спокойствія Бонапартева погибель Россіи потребна. И я вамъ скажу то, что я писалъ и говорилъ государю, что изъ его подданныхъ сумошедшій или измѣнникъ можетъ полагать прекращеніе сей послѣдней, со стороны нашей, войны, возможнымъ иначе, какъ истребленіемъ непріятеля. Естли Провидѣнію угодно, чтобъ Россія пала, то падемъ мы всѣ, но съ честію и я первый почту тогда за милость божію, естли принесу въ жертву жизнь мою отечеству и не увижу посрамленія его.

Вотъ, князь, мои мысли. Посему располагайте и мною и Москвою; она къ вамъ преисполнена довѣренностію и возлагаетъ надежду на успѣхи ваши. Я же съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь пребыть вашей свѣтлости, милостивый государь, покорнѣйшій слуга графъ Ф. Ростопчинъ.

19 августа 1812 г., Москва.

Примѣчаніе. Подлинникъ на листѣ довольно грубой бумаги — писанъ Ростопчинымъ собственноручно. Сообщ. Ѳ. К. Опочининъ.

Письмо Д. В. Давыдова къ П. П. Коновницыну. 1812 г. Милостивый государь, Петръ Петровичъ! Я достовѣрно узналъ, что изъ Варшавы австрійскіе магазины вывозятся вонъ съ поспѣшностію, что въ городѣ семъ, кромѣ больныхъ и нѣсколько сотъ пѣхоты никого нѣтъ и что жители не только насъ ожидаютъ, но что отъ страха собрали значущее число контрибуціи для усмиренія побѣдителей. Сія послѣдняя статья основана, какъ кажется, на ихъ собственномъ характерѣ; ибо русскихъ предметъ не деньги. Я не намѣренъ и не смѣю давать совѣты; но долгъ всякаго объяснить мысли свои и потому я думаю, что если силы наши, пользуясь заслоненіемъ нынѣ занятыми противу австрійцевъ нашими аванпостами, двинутся съ поспѣшностію изъ Гродны чрезъ Ганюнзъ, Новогродъ, Остроленку къ Пултуску, а тѣ, что находятся въ Бѣломстокѣ и Цехановцѣ на Тикочинъ, Визну, Ломзу и Новогродъ въ то же направленіе, тогда мы въ положеніи всегда будемъ достигнуть нашего предмета, который долженъ быть обходъ австрійскаго лѣваго крыла и отслоненіе ихъ корпуса къ Галиціи. Движеніе сіе тѣмъ болѣе вызымеетъ желаемой успѣхъ, что лѣвое крыло означеннаго корпуса примыкаетъ къ Пултуску, гдѣ находится и главная квартира К. Шварценберга, который, по извѣстіямъ мною собраннымъ, ищетъ только придирки къ отступленію въ Галицію и дрожитъ получить повелѣніе отступать въ сѣверную часть Германіи, гдѣ Бонапарте, конечно, съ дѣятельностію старается поправить свои нелѣпости. Дошедши до Пултуска легко можно видѣть, что подвинувъ часть войскъ къ Модлину для закрытія движенія нашего, можно перейдя всѣми силами Бугъ подъ Сироцкомъ, а потомъ Вислу подъ Яблонами, достигнуть своей цѣли, которая основана на занятіи Варшавы и отдаленіи въ Галицію австрійскаго корпуса.

Кончая серьезное, я опишу вашему превосходительству кой-что и смѣшное; я узналъ отъ австрійскаго майора графа Ностица слѣдующее: Бонапарте, въ проѣздъ свой чрезъ Ломзу, переодѣлся въ другое платье, а старое оставилъ съ 50-ю наполеондорами на почтѣ, гдѣ прождавъ долго лошадей, конечно не безъ брани, отправился съ польскимъ гвардейскимъ офицеромъ въ жидовской кибиткѣ, покрытой изорванной клеенкой, въ Варшаву. На дорогѣ къ Остроленкѣ онъ встрѣтилъ Гогенцолерна легкоконнаго полка порутчика, ведущаго ремонтъ въ полкъ свой, который, силою нѣмецкаго ругательства, велѣлъ кибиткѣ остановиться, дабы проѣздъ ея не повредилъ какую-нибудь лошадь изъ его команды. Тогда какая-то желто-смуглая голова выглянула изъ кибитки и закричала ему:

— Qui êtes-vous, foutre?

Офицеръ, переводя послѣднее слово за нѣмецкую брань, объявилъ ему, кто онъ и куда идетъ.

— „Oh! vous n'avez pas beaucoup de chemin à faire, отвѣчалъ Бонапарте, l'armée vient à votre rencontre“.

Несмотря на таковое пріятное извѣстіе, г-нъ Наполеонъ простоялъ, покамѣсть ремонтъ прошелъ; отправился въ Варшаву, гдѣ пробывши нѣсколько часовъ, поѣхалъ въ Дрезденъ. Офицеръ же австрійскій, проѣхавъ милю, встрѣтилъ Коленкура и протчихъ окру-

жающихъ (или догоняющихъ), которые, спросивши его: не видалъ ли онъ императора въ кибиткѣ? увѣрили, что говорилъ съ нимъ, или обруганъ имъ былъ дѣйствительно Наполеонъ.

Пора бы кончить! Но письмо не письмомъ безъ всепокорнѣйшей моей просьбы усилить меня комплетнымъ казачьимъ полкомъ. Ради Бога, ваше превосходительство, исходатайствовайте мнѣ эту милость. Неравно что̀-нибудь прикажутъ, ей-ей не въ состояніи буду выполнить приказаніе—а это, вы знаете, не въ моихъ правилахъ. Увѣренъ будучи въ вашемъ ко мнѣ хорошемъ расположеніи, съ истеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть, вашего превосходительства, покорный слуга Денисъ Давыдовъ.

P. S. Когда меня усилите, нельзя-ли мнѣ позволить дѣйствовать своевольно? Авось-ли что̀ нибудь сотворю.

26 декабря, Соколы.

Примѣчаніе. Интересное письмо это принадлежитъ знаменитому партизану Денису-Давыдову (р. 1784 ум. 1839 г.) бывшему въ 1812 году подполковникомъ Ахтырскаго гусарскаго полка, и писано имъ къ бывшему въ отечественную войну дежурному генералу всѣхъ россійскихъ армій П. П. Коновницыну (р. 1766, ум. 1822 г.). Письмо напечатано нами съ подлинника, имѣющагося въ Кутузовскомъ архивѣ, принадлежащемъ Өедору Константиновичу Опочинину.

Ред.

—

— Мнѣніе мелкаго германскаго владѣльца о внѣшней политикѣ императора Александра I въ 1822 г. Подъ этимъ заглавіемъ мы приводимъ небольшую, но довольно характеристичную выдержку, въ переводѣ, съ подлиннаго, на французскомъ языкѣ, письма Фердинанда, герцога Ангальтскаго къ В. П. Фрейгангу, бывшему въ 1822 г. русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Саксоніи. **Ред.**

„Милостивый государь!........ Дѣло Греціи кажется клонится къ концу и я изъ всего сердца поздравляю государя, вашего августѣйшаго повелителя, который своею неподражаемою умѣренностью такъ хорошо доказалъ, что онъ истинный христіанинъ. Императоръ съумѣлъ побѣдить Наполеона; теперь же онъ самъ себя побѣдилъ; предстоитъ ему еще побѣдить, помощью Бога и Святого Союза, опустошительное начало революціонеровъ, будь они карбонари, гетеристы, тевтоны, арминіанцы, радикалы, или какъ бы они себя ни называли. Прошу васъ сохранить мнѣ вашу дружбу и вѣрить моей къ вамъ. Вашъ покорнѣйшій слуга Фердинандъ, герцогъ ангальтскій.

Кетенъ, 8 іюня, 1822 г. Сообщ. **А. В. Фрейгангъ.**

—

Польскій вопросъ въ 1839 году.

Есть политическія убѣжденія, лишенныя всякаго основанія, и логическаго и историческаго, не выдерживающія ни малѣйшей безпристрастной критики, и которыя однакожъ, тѣмъ не менѣе, продолжаютъ существовать многіе годы, передаются безсознательно изъ поколѣнія въ поколѣніе и находятъ отголосокъ не только въ публикѣ профа-

новъ, но и въ парламентахъ. Къ такимъ страннымъ убѣжденіямъ можно причислить возгласы о несчастіи жителей бывшей Польши (разумѣя ея въ границахъ XVIII-го вѣка) не имѣть болѣе отечества и самостоятельнаго политическаго бытія. Позвольте, господа проникнутые этимъ убѣжденіемъ, спросить васъ, во-1-хъ, что такое, по вашему мнѣнію, было отечествомъ этихъ жителей? и во 2-хъ, когда они наслаждались самостоятельнымъ существованіемъ какъ отдѣльный цѣлый народъ? По исторіи извѣстно, что экс-королевство польское было составлено изъ разныхъ народовъ, бывшихъ постоянно въ нравственномъ между собою разъединеніи, которое всегда намѣренно поддерживалось разными правительствами, не имѣвшими между собою ничего общаго. Первоначально одна Мазовія управлялась польскими великими князьями, принявшими впослѣдствіи титулъ королей. Потомъ притянуты къ ней были, разными способами, другія, окружавшія ее племена, и преимущественно славяне, совершенно однородные съ тѣми, которые населяли Россію. Болѣе девяти-десятыхъ этихъ племенъ находились разновременно подъ властію то русскихъ, то литовскихъ князей, то наконецъ тевтонскихъ наѣздниковъ, которые вторгались, съ огнемъ и мечемъ, въ ихъ мирныя села и городища, носившія, по бо̀льшей части, имена русскія, несвойственныя нарѣчію польскому, какъ-то: „Борисовъ“, „Игуменъ“, „Люблинъ“, „Щучинъ“ и пр., что̀ одно уже доказываетъ ихъ родовое происхожденіе (я привожу только тѣ, которые находились въ самой срединѣ польскаго королевства, не упоминая ни о „Владимірѣ“, ни о другихъ, бывшихъ на его окраинахъ и извѣстныхъ, уже исторически, какъ русскіе). Всѣ жители земель, лежащихъ между рѣками Донцомъ и Саномъ, до горъ Карпатскихъ (не Крапакскихъ, какъ ихъ коверкаютъ нѣкоторые французскіе географы) такъ очевидно одноплеменны, что едва замѣтна разница въ жилищахъ, костюмахъ, обычаяхъ, вѣрѣ и языкѣ. Русская вѣра и русскій языкъ были до того владычествующими въ Польшѣ, что библія и сводъ законовъ впервые явились тамъ въ печати на языкѣ русскомъ, буквами русскими, церковными, ранѣе изданій московскихъ. А ужъ конечно никто не скажетъ, что типографіи въ Вильнѣ и Острогѣ заводились, въ XVII-мъ вѣкѣ, въ угоду москалей. Коренные польскіе историки, до конца этого вѣка, не иначе называли бо̀льшую часть своего королевства какъ Россіей. Кромеръ *) разумѣетъ подъ именемъ собственно Польши только округи: Познанскій, Калишскій, Мазовецкій и Ленчицкій. Вотъ подлинныя его слова въ главѣ о царствованіи Болеслава III Кривоустаго: „Уступилъ Болеславъ брату своему Сбигнею Мазовію, Куявію и землю Ленчицкую, оставивъ себѣ все прочее вмѣстѣ съ верховною властью. Но чтобъ онъ уступилъ ему Большую

*) См. сочиненіе Кромера: «De origine et rebus gestis Polonorum», — Краковъ, 1548 года. Изданіе, находящееся въ библіотекѣ харьковскаго университета, весьма рѣдкое, принадлежавшее виленскому университету. Самый переплетъ любопытенъ: на кожѣ вытиснуто распятіе и крестъ, такой, какъ употребляютъ русскіе: съ нижней перекладиной и со словами вокругъ: «І. Н. Ц. І. — ни-ка». Неоспоримое доказательство, что языкъ и вѣра русскіе были тогда владычествующими въ бо̀льшей части Польши. В. Н. Каразинъ.

Польшу, то-есть: Познанскую и Калишскую земли, какъ повѣствуетъ Длугошъ, то это кажется мнѣ мало вѣроятнымъ *)". Значитъ, сами поляки того времени ограничивали собственно Польшу, Большую и Малую, вышесказанными землями; остальное же, входившее въ предѣлы королевства называли Россіей и Литвой. Въ бóльшее подтвержденіе этого можно было бы привести множество мѣстъ у Кромера,— котораго я придержусь какъ корифея національныхъ польскихъ историковъ, но ограничусь указаніемъ на слѣдующія его слова въ началѣ XVIII и XX главъ: „Король, осмотрѣвъ Россію, возвратился въ Польшу... По смерти Витовта, бояре литовскіе и русскіе были въ большомъ недоумѣніи чтó имъ дѣлать **)". — Самый титулъ королей польскихъ былъ: „Король Польши, великій князь Литвы, Россіи", и пр. (Rex Poloniae, Magnus Dux Lithuaniæ, Russiæ, etc).— Кстати о боярахъ (proceres, какъ называетъ ихъ Кромеръ): предки Огинскихъ, Сангушекъ, Чарторыскихъ и другихъ знаменитыхъ фамилій были русскіе; потомки ихъ ополячились, принявъ, по принужденію, католическую вѣру ***). Нетерпимость, которою всегда отличался католицизмъ, и которую теперь даже, въ XIX вѣкѣ, онъ не стыдиться проявлять при всякомъ возможномъ случаѣ (напримѣръ, въ нынѣшней распрѣ съ Пруссіею), была поддерживаема всею вла-

---

*) «Concessit enim Boleslas Sbigneo, fratri, Mazoviam atque Cujaviam et Lenciciensem tractum, caetera ipse cum summo imperii obtingit. Nam quod, Dlugossus, majorem Poloniam, hoc est: Posnaniensem et Caliciensem tractum Sbigneo obtingit, mihi non admodum verisimile sit». **В. Н. Каразинъ.**

) «Russia peregrata, in Poloniam Rex revertit»... «Post mortem Vitaudi suspensi animis Lithuanorum et Russorum proceres hoerebant quid nam se fierit»... **В. Н. Каразинъ.

***) Покойный Бантышъ-Каменскій, бывшій начальникомъ московскаго архива иностранныхъ дѣлъ, хорошій мой знакомый, приводитъ, въ своемъ сочиненіи объ «Уніи», множество фамилій русскихъ, ополячившихся во время апогея польскаго владычества. Къ списку, имъ составленному, можно было бы прибавить еще кучу другихъ, еслибъ порыться въ нашихъ и польскихъ архивахъ, особливо въ архивахъ польскихъ монастырей, если только они не очищены папистами. Укажу съ своей стороны на слѣдующія фамиліи, очевидно русскія, бывшія при польскомъ правительствѣ на виду въ XVI и XVII вѣкахъ: Боговидины, Бокіе, Бровскіе, Вячовичи, Вишневецкіе, Войны, Воли, Волынскіе, Глебовичи, Головчинскіе, Горностаи, Гудовичи, Гарабурда, Деревинскіе, Друцкіе, Дубровицкіе, Ермолинскіе, Заславскіе, Загоровскіе, Зеновичи, Калиновскіе, Кишки, Кирдѣевы, Кмиты, Корецкіе, Кобецъ, Корсакъ, Крошинскіе, Крунницкіе, Ложка, Лукомскіе, Мелешки, Мишковы, Масальскіе, Обуховичи, Огинскіе, Олизары, Острогожскіе, Павловичи, Пацы, Полубинскіе, Пузины, Проискіе, Рушинскіе, Сапеги, Сборовскіе, Симашки, Слуцкіе, Сомовскіе, Соломерецкіе, Тризны, Храповицкіе, Хребтовичи, Чаганскіе, Четвертинскіе, и пр. Часть этихъ фамилій исчезла потомъ изъ Польши, чтобъ появиться снова въ Россіи, уже православными. И легко можно было бы воротить и другихъ въ лоно прежняго ихъ, настоящаго отечества и сдѣлать преданными ему душою, не оборачивающими взоровъ къ другому, мнимому отечеству.

В. Н. Каразинъ.

стію польскаго правительства. Въ концѣ XIV-го столѣтія изданъ былъ Владиславомъ Ягелло указъ, которымъ, по словамъ Кромера, воспрещалось русскимъ вступать въ браки съ католиками, если не перемѣнятъ вѣры, будь то женихъ, или невѣста *). Затѣмъ шли лишенія: мѣстъ, званій, правъ и наконецъ—собственности,– словомъ, всѣ принудительныя мѣры, какими отличались Деціи и Діоклетіаны первыхъ временъ христіанства. Не удивительно, послѣ этого, что число такъ-называемыхъ поляковъ, возросло, въ нѣсколько сотень лѣтъ, до почтенныхъ размѣровъ на счетъ русской крови и религіи, несмотря на неподатливость русскаго человѣка когда дѣло идетъ о вѣрѣ („Russi tenaces religiones, по словамъ Кромера), особливо въ высшихъ сословіяхъ. А сословіе земледѣльцовъ и ремесленниковъ, въ томъ видѣ какъ оно находилось при Піастахъ и избирательныхъ короляхъ, неужели можно назвать государствомъ, имѣвшимъ свое политическое бытіе? Несчастное „bydlo“ могло-ли считаться самостоятельнымъ обществомъ людей? А они вѣдь составляли $^{99}/_{100}$-хъ народонаселенія Польши. Нигдѣ, ни въ какія времена, ни у какихъ народовъ, классъ этотъ не былъ въ такомъ ужасномъ, въ такомъ унизительномъ положеніи, какъ въ этомъ экс-королевствѣ. Религія несчастныхъ этихъ существъ была поругана! что я говорю: религія? Имъ не позволялось имѣть ее! Варварствомъ и мученіями принудили ихъ принять нѣчто въ родѣ вѣры, нарочно для нихъ изобрѣтенное (грекоуніатство), и въ этомъ еще видѣ вѣру эту всячески притѣсняли: церкви, покрытыя соломой, — предметъ посмѣянія для поляковъ, — отдавались на оброкъ жидамъ! Подъ страхомъ быть битымъ кнутомъ, несчастный христіанинъ выторговывалъ у грязнаго обрѣзанника позволеніе войти въ храмъ Божій и тотъ же, покрытый паршею жидъ, (повѣрятъ-ли этому?) — деспотически распоряжался браками, крещеніемъ и всѣми другими христіанскими таинствами!!... Невѣжество и варварство увѣковѣчивались систематически: ни школъ, ни судовъ не дозволялось имѣть! Ни въ какомъ случаѣ крестьянинъ не имѣлъ права жаловаться на своего господина, какъ бы этотъ съ нимъ ни обращался. „Повѣсить его, бездѣльника„! („Zawiesiè jego, Кра!“) произносилось, не рѣдко, шутя за рюмкой токайскаго, и приговоръ этотъ немедленно исполнялся, безъ дальнѣйшаго суда и расправы. Кпа можно было застрѣлить изъ ружья, какъ собаку, не отвѣчая за его смерть ни передъ кѣмъ, кромѣ его господина: ни полицейской, ни административной власти не было до этого никакого дѣла **). Въ Литвѣ крестьянину не лучше было, какъ и на Волыни. Если еще щадили жизнь несчастныхъ, то это единственно изъ корыстныхъ разсчетовъ: надобно было жить ихъ трудами! И никогда они не могли имѣть въ виду какого-нибудь улучшенія своей участи. Имъ не дозволялась даже честь прислуживать своимъ господамъ, на это назначалась шляхта, родная по крови. Не было примѣра, чтобъ крестьянинъ когда-нибудь, до чего-нибудь дослужился. Раскройте

*) «...Legem condidit ne russes et catholices matrimonium», etc. В. К.

**) «Pravus et barbarus mos apud proceres et equites polonos, ut, iter facientes... и пр. до слова usurpabant». В. Н. Каразинъ.

лѣтописи, или путешествія того времени, чтобъ удостовѣриться въ неложности всего вышесказаннаго. Вотъ, напримѣръ, что разсказываетъ простодушный Кромеръ: „По безнравственному и варварскому обычаю, польскіе магнаты и рыцари, во время своихъ разъѣздовъ, которые они совершаютъ когда и куда имъ вздумается, опустошаютъ поля и луга сельскихъ и городскихъ жителей, вламываются въ ихъ житницы и кладовыя, забираютъ не только фуражъ, но и съѣстные припасы; недовольствуясь насыщеніемъ своихъ лошадей и себя, опрокидываютъ и бьютъ, ради потѣхи, все оставшееся, грабятъ конюшни и сараи, выводятъ скотину, выпрягаютъ изъ плуговъ и повозокъ, бьютъ до полусмерти и калѣчатъ ту, которая похуже и забираютъ съ собой ту, которая придется имъ по нраву“; (гл. II, стр. 165 и 166). Замѣтьте что историкъ говоритъ: „обычай“ (mos), значитъ это не считалось преступленіемъ, вещью караемою закономъ, на которую можно было бы жаловаться. И — повѣрятъ-ли? что до сихъ поръ, въ нашъ XIX вѣкъ, несмотря на всѣ старанія благонамѣреннаго нашего правительства положить конецъ страшному произволу пановъ и водворить права человѣчества въ бывшихъ подъ польскимъ владычествомъ губерніяхъ, подобныя вещи случаются! *) Перестаньте же, господа, плакать въ журналахъ и парламентахъ надъ участью милліоновъ поляковъ, лишенныхъ отечества. Во-1-хъ, собственно поляковъ, т.-е. пановъ и шляхты, этихъ потомковъ Куявскихъ и Мазурскихъ головорѣзовъ, не милліоны, а всего на-всего двѣсти, или триста тысячъ, и изъ этого числа нужно еще исключить всѣхъ тѣхъ, которые, находя себя не дурно при русскомъ правительствѣ, не думаютъ вовсе о безумныхъ возстаніяхъ. А во-2-хъ, собственно народъ, котораго дѣйствительно милліоны, вовсе не поляки, и онъ сталъ дышать немножко свободнѣе съ тѣхъ поръ, какъ возвратился къ тому отечеству, отъ котораго, силою несчастныхъ обстоятельствъ, былъ оторванъ. Перестаньте же ставить себѣ въ подвигъ возбужденіе Европы, ради какого-нибудь полумилліона (считая и женщинъ) бушующихъ дармоѣдовъ, противъ того государ-

---

*) Кто-нибудь изъ придерживающихся «справы», скажетъ, можетъ быть, чтобы ослабить обвиненіе, что и у насъ, въ Россіи, бываетъ тоже. Пусть докажутъ! Кромѣ рѣдкихъ случаевъ, подвергаемыхъ уголовнымъ наказаніямъ, никогда не было и не могло быть ничего подобнаго въ отношеніяхъ нашихъ помѣщиковъ къ крестьянамъ: и барщина и оброкъ полагаются закономъ, какъ вознагражденіе за пользованіе землею, принадлежащею помѣщикамъ. Слова батюшка и братецъ обычные, съпоконъ вѣка, зовы съ той и другой, стороны. Въ храмахъ Божіихъ всѣ одинаково стоятъ одинъ возлѣ другого безъ различія состоянія, баринъ и крестьянинъ, старый и малый, привыкаютъ съ раннихъ лѣтъ смотрѣть другъ на друга какъ на равныхъ себѣ людей. А наконецъ и верховная власть блюдетъ за тѣмъ, чтобъ безчеловѣчія не было, и злоупотребленіе власти господской находитъ кару. Мы видѣли тому не одинъ примѣръ: всѣмъ памятна прославившая себя жестокостію Т***, при императрицѣ Екатеринѣ II, посаженная за это, не взирая на свой полъ и знатное происхожденіе, навѣки въ монастырь, въ столицѣ, на позоръ общій

В. Н. Каразинъ.

ства, которое не разъ лило, въ пользу этой Европы, кровь сыновъ своихъ.

Прекрасная картина была вставлена въ безобразную, чугунную рамку; время перержавило чугунъ, рамка распалась, и вотъ, вмѣсто того, чтобъ радоваться что для картины нашлась новая, достойная ея, самимъ Провидѣніемъ указанная, золотая, прочная рамка, — бьются изъ всѣхъ силъ, чтобъ возстановить распавшуюся чугунную!...

Отчего, господа, вы не ратуете за финляндцевъ? Вѣдь это также несчастные, лишенные дорогого своего отечества — Швеціи; и ихъ также порядочное число. Правда, что шведовъ въ Финляндіи всего-на-всего съ десятокъ тысячъ наберется, и то нельзя сказать, чтобъ ихъ звали къ себѣ финляндцы; а этихъ побольше милліона и гораздо; при томъ родного со шведами ничего нѣтъ у нихъ. Ну, да это пустяки! Бейте смѣло въ набатъ!...

Василій Каразинъ.

Харьковъ, 23 февраля 1839 г.

Примѣчаніе. Статья эта написана знаменитымъ государственнымъ и общественнымъ дѣятелемъ эпохи Александра I-го, В. Н. Каразинымъ (род. 1771 ум. 1842 г.) на французскомъ языкѣ и послана была при письмѣ, въ которомъ сказано, между прочимъ, слѣдующее:

„Мнѣ давно уже надоѣли восклицанія иностранныхъ публицистовъ, и я все ожидалъ не напишетъ ли кто возраженія? Не находя ничего до сихъ поръ въ нашихъ газетахъ и прочитавъ, надняхъ, номеръ «Journal des Débats», гдѣ въ статьѣ 7-й адреса королю говорится сострадательно о Польшѣ и полякахъ, я не вытерпѣлъ написать то, что давно имѣю въ мысли.... Предметъ этотъ заслуживалъ бы формальную задачу отъ Россійской Академіи. Изслѣдованіе его документальное, историческое, сдѣлало бы честь автору, ибо конечно было бы переведено для Европы не на одинъ языкъ. Я уже старъ, но могу рекомендовать источники для другихъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ есть сочиненіе, составленное, по повелѣнію Екатерины, Николаемъ Бантышемъ-Каменскимъ: „Объ Уніи“. Также труды епископа Георгія Конисскаго. Слѣдовало бы обнаружить, что прямыхъ поляковъ горсть, и что сѣтовать о Польшѣ, есть сѣтовать о рамкѣ, не о картинѣ... Польша присоединена къ своимъ давнимъ, великимъ единоплеменникамъ, съ которыми и должна, отнынѣ, составлять одно цѣлое... Шляхта тоже что шведъ въ Финляндіи и Ritterschaft въ Лифляндіи; самый же народъ тѣломъ и душою есть русскій; сами поляки и ихъ историки такъ его называли въ XIV, XV и XVI вѣкахъ... Этотъ историческій взглядъ заслуживаетъ быть, должнымъ образомъ, обработаннымъ... Я былъ бы очень радъ, чтобъ статью мою немножко подправили, прежде чѣмъ напечатать, но очень французить не слѣдуетъ, чтобъ видѣли что не заказная“.

Письмо было адресовано къ одному вліятельному лицу, безъ разрѣшенія котораго авторъ не надѣялся, чтобъ статья была напечатана. Полученъ былъ очень благосклонный отзывъ, но статья все-таки не появилась въ печати, ни въ «Journal de S.-Pétersbourg», ни въ «Journal des Débats», въ каковыхъ изданіяхъ предполагалъ помѣстить эту статью В. Н. Каразинъ. Настоящій переводъ сдѣланъ съ подлин-

ника сыномъ и обладателемъ бумагъ В. Н. Каразина, Филадельфомъ Васильевичемъ Каразинымъ, весьма обязательно предоставившаго въ распоряженіе „Русской Старины“ многія интересныя бумаги своего достопамятнаго по уму, благородству и твердости убѣжденій покойнаго родителя. **Ред.**

—

— Петръ II Петровичъ Нѣгошъ. Помѣщая ниже подлинное письмо владыки черногорскаго Петра II Нѣгоша къ В. И. Фрейгангу (письмо печатаемъ буквально), считаемъ не лишнимъ предпослать этому документу біографическую замѣтку о покойномъ владыкѣ Петрѣ II, сообщенную намъ И. Я. Вацликомъ.

„Петръ II Нѣгошъ родился 1 ноября, въ 1813 году, въ селѣ Гераковичахъ, въ племени нѣгушскомъ, въ катунской нахіи (округѣ) въ черногорскомъ княжествѣ. Его называли Раде (Радивой) и имя Петра получилъ тогда, когда его опредѣлили монахомъ. Послѣ смерти черногорскаго владыки Петра I въ 1830 году, Раде назначенъ былъ правителемъ Черногоріи; въ 1833 году, въ присутствіи императора Николая Павловича, Петръ II Нѣгошъ посвященъ въ санъ архіерея и владѣлъ Черногорцами до 18 декабря 1851 г.

Получивъ свое образованіе подъ руководствомъ сербскаго поэта Симона Милутиновича, Петръ II не былъ ни въ какой школѣ или въ какомъ-нибудь университетѣ и все-таки выучился французскому, нѣмецкому, русскому, итальянскому языкамъ и занимаетъ, какъ поэтъ, первое мѣсто въ сербской литературѣ. Онъ началъ первый распространять въ Черногоріи образованіе въ своемъ народѣ, основаніемъ школъ и типографіи въ Цетини. Въ этой типографіи печатаны его сочиненія и даже книги тамошныхъ сербскихъ дѣятелей: Милутиновича, Милаковича и Караджича. Сочиненія Петра II были слѣдующія: „Пустинякъ Цетиньскій“, „Ліекъ Ярости турске“, „Молитва Церногорца къ Богу“, это все поэтическія произведенія его молодости. Большія его стихотворенія уже печатаны были въ другихъ мѣстахъ, потому, что во время войны изъ шрифта типографіи цетиньской сдѣланы пули для защиты противъ турокъ. По этой причинѣ долженъ былъ Петръ II напечатать свои стихотворенія „Луча микрокозма“ въ 1845 г., „Отедало Србско“ въ 1846 г. въ Бѣлградѣ и „Горскій Вѣнацъ“ въ 1847 г. въ Вѣнѣ. Послѣ его смерти изданы его стихотворенія: „Кула Дьуришича“ и „Чардакъ Алексича“ въ 1851 г. въ Вѣнѣ, „Ложный царь Стіепанъ Малій“ въ Тріестѣ, и въ 1857 году издана любимцемъ покойнаго сербскимъ поэтомъ Любомиромъ Ненадовичемъ, его „Слободіяда“ въ Зетуни (Землинѣ). Петръ II путешествовалъ по Италіи, жилъ въ Неаполѣ, въ Римѣ и въ Венеціи; въ семъ послѣднемъ городѣ онъ собиралъ въ тамошнемъ архивѣ историческіе матеріалы для своихъ сочиненій, именно для исторіи самозванца Степана Малаго и познакомился тамъ съ русскимъ генеральнымъ консуломъ въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ Василіемъ Фрейгангомъ.“

„Ваше превосходительство! Нѣтъ словъ поблагодарить васъ, за отеческое ко мнѣ попеченіе, за ласку, за гостепримство — о! если бы я могъ выразить на бумагѣ то, что чувствую, тогда бы и вы увдѣили

благодарна ли душа у владыкѣ, къ благородному и почтенному представнику высокаго моего покровителя; я не знаю какъ вамъ поблагодарить, но если моя благодарность и пустіе слова, долженъ благодарить.

„Венеція меня совсемъ плѣнила, меня почти въ Венеціи приняли какъ Телемака въ Феокіи — тамъ пировала душа не привикшая къ пиршеству, но какъ не пировать въ собраніи ангеловъ, въ отпечатокъ элисейскихъ прелестей? — Венеція чудесна, площадь святаго Марка сотворена для пиршества, каналъ Гранде для удивленія, а прочая Венеція для уединенія философовъ. Но архива, ахъ архива! богатый запасъ дѣяній прошляхъ вѣковъ, она для меня сѣдой кумиръ, которой меня магическій плѣняетъ; маркизъ съ большою табакѣркою и съ шляпою праотца Якова, всегда меня предъ глаза, пріятная фигура, опитный сторожъ четиренацати-вѣковой жатвы *) — я оставилъ намѣстника въ архивъ **) если его не виженутъ оттуда, въ этомъ случаѣ надѣюсь на спасительное ваше вліяніе.

„Кланяюсь всѣмъ знакомымъ а особенно вашей милой и благородной фамиліи, гдѣ я много пріятныхъ часовъ провелъ, какъ въ отеческомъ домѣ.

„Прощайте г. Фрейгангъ и не забудте пріятнымъ воспоминаніемъ начальника горсточки горцевъ, который васъ всегда будетъ уважать какъ своего отца—съ чувствомъ искреннаго почтенія, честь имѣю пребывать Вашего Превосходительства—покорнѣйшимъ слугою, владыка черногорскій П. П. Нѣгошъ.

Въ Трѣстѣ (Тріестъ). 1847 года, марта 16 дня.

Примѣчаніе. Въ объясненіе къ настоящему письму владыки черногорскаго приводимъ слѣдующую замѣтку одного уважаемаго профессора, славяниста: „Въ 1847 г., когда работалъ въ Венеціи владыка, знаменитый архивъ ai Frari былъ также малодоступенъ для занимающихся, какъ, быть можетъ, въ настоящее время нашъ архивъ государственный и совершенно не такъ радушно открытъ ученымъ всѣхъ національностей, какъ съ того времени, когда Венеція отошла къ Италіи. Теперь занятія въ венеціанскомъ архивѣ обставлены гораздо меньшими формальностями и затрудненіями, чѣмъ даже занятіями въ Императорской Публичной библіотекѣ въ Петербургѣ. Австрійское правительство, особенно до 1848 г., подобно всѣмъ правительствамъ строго-полицейскаго закала, съ невѣжественною скупостью и завистью укрывало отъ постороннихъ взоровъ драгоцѣнныя сокровища исторіи, которыхъ впрочемъ не умѣло цѣнить и которыми еще менѣе умѣло пользоваться. Губернаторъ Венеціи, давъ разрѣшеніе владыкѣ Петру заниматься въ архивѣ, нашелъ нужнымъ, быть можетъ вслѣдствіе особаго приказанія изъ Вѣны, спросить потомъ начальство архива: „воспользовался ли владыка даннымъ ему разрѣшеніемъ разсмотрѣтъ документы относящіеся къ Далмаціи и Черной Горѣ и какими именно документами онъ занимался"? Начальство

---

*) Исправлявшій должность архива Frari — маркизъ Солари. А. Ф.

**) Выписки, нужныя для Владыки, дѣлалъ Теодоро Тадорини, нынѣ вицедиректоръ архива Frari. А. Ф.

архива отвѣчало, въ отношеніи своемъ отъ 15 мая, что „Владыка началъ въ немъ свои занятія 2 марта и окончилъ ихъ 2 мая, поручивъ потомъ извѣстному литератору Томасео взять изъ архива его выписки и продолжать его изслѣдованія. Владыка собиралъ реляціи (доклады) ректоровъ катарскихъ въ XVII и XVIII ст., списывалъ дворянскія грамоты, жалованныя жителямъ этихъ мѣстностей, торговые договоры и другія бумаги, касающіяся Черной Горы".

(См. Baschet, Arm. Les Archives de Vénise. Histoire de la Chancellerie secrète. Paris. 1870. pag. 49—50)". Ред.

— Е. А. Баратынскій. Въ дополненіе къ напечатанной въ „Русской Старинѣ", стр. 201—207, статьи г. Н. Максимова, мы получили отъ Л. Е. Баратынскаго слѣдующую замѣтку, которой и даемъ мѣсто на страницахъ нашего изданія. Ред.

„Въ статьѣ г. Н. Максимова, въ августовской книжкѣ „Русской Старины" 1870 года, подъ заглавіемь „Евгеній Абрамовичъ Баратынскій по бумагамъ пажескаго корпуса", составитель біографическаго очерка, приложеннаго къ изданію сочиненій поэта, 1868 года, упрекается въ намѣренномъ умолчаніи о поводѣ къ исключенію Баратынскаго изъ Пажескаго корпуса и въ цифрической неточности относительно года происшествія. Въ статьѣ доказывается, что исключеніе послѣдовало годомъ позже, чѣмъ показано въ біографіи, хотя годъ въ ней въ точности не опредѣленъ. Можетъ статься, что и у г. Максимова и въ самыхъ бумагахъ Пажескаго корпуса найдутся цифрическія невѣрности о перемѣнахъ, происшедшихъ тогда въ этомъ заведеніи. Проволочки, причиняемыя канцелярскими формальностями, допускаютъ такого рода предположеніе. Въ біографическомъ очеркѣ мало подробностей объ этомъ приключеніи; мы не думаемъ впрочемъ, чтобы онѣ могли помрачить свѣтлыя стороны личности Баратынскаго, напротивъ, личность его рельефнѣе выступаетъ. Несчастіе поэта, съ глубокими слѣдами оставленными имъ въ его жизни, сочувственно располагаетъ къ нему. Въ немъ можно почерпнуть нравственное назиданіе для молодыхъ людей, которые, вслѣдствіе неустановившагося еще образа мыслей и характера и несчастныхъ случайностей, впали въ заблужденія и гибнутъ подъ гнетомъ овладѣвающаго ими унынія. Они научаются не терять бодрости духа и не отчаяваться въ себѣ и въ будущемъ. Всѣ, нѣсколько знакомые съ личнымъ характеромъ Е. А. Баратынскаго, не могутъ не отдать должной справедливости высокимъ качествамъ его и благороднымъ побужденіямъ, лежавшимъ въ основаніи всѣхъ его дѣйствій: пламенной любви къ прекрасному, пренебреженію тщеславными почестями, искреннему и безкорыстному служенію истинѣ. Онъ принадлежитъ къ числу поэтовъ украшающихъ нашу литературу. Къ славѣ его не можетъ быть равнодушенъ тотъ, кто дорожитъ славой нашего отечества и тѣмъ что содѣйствуетъ къ приумноженію ея: къ преуспѣянію дѣятельности мысли, къ развитію чувства нравственнаго, высокаго и изящнаго, къ процвѣтанію искусствъ—этой роскоши народовъ. Люди, приобрѣтающіе и приобрѣвшіе извѣстность, на какомъ бы то ни было поприщѣ, подлежатъ критической оцѣнкѣ: дѣйствія

ихъ внимательнѣе и строже разсматриваются, о нихъ произносятся болѣе рѣзкія сужденія; нельзя не замѣтить однако, что въ замѣткѣ г. Максимова, несмотря на обиліе выписокъ изъ канцелярскихъ бумагъ пажескаго корпуса, весьма мало свѣдѣній о настоящемъ виновникѣ корпусной продѣлки, о родственникѣ того камергера, о которомъ говорится въ письмѣ Баратынскаго къ Жуковскому, напечатанномъ въ „Русскомъ Архивѣ". Такого рода неполнота, по нашему мнѣнію, не можетъ быть одобрена. **Л. Е. Баратынскій.**

От ъ Ред. Пользуясь настоящимъ случаемъ, возстановляемъ, по списку, имѣющемуся въ нашемъ собраніи автографовъ, стихотвореніе поэта Баратынскаго „Кольцо", напечатанное безъ послѣднихъ восьми стиховъ въ послѣднемъ изданіи его соч. (Москва, 1868 г. на стр. 121—122-й):

Кольцо *).

С. Э—тъ.

Дитя мое, она сказала,
Возмешь иль нѣтъ мое кольцо?
И головою покачала,
Съ участьемъ глядя ей въ лицо.

Знай, друга дастъ тебѣ, дѣвица,
Кольцо счастливое мое:
Ты будешь думъ его царица,
Его второе бытіе.

Но договоръ судьбой ревнивой
Съ прекраснымъ даромъ сопряжонъ,
И красотѣ самолюбивой
Тяжелъ, я знаю, будетъ онъ.

Свѣтъ, къ ней суровый, не примѣтитъ
Ея привѣтливыхъ очей,
Ея улыбку хладно встрѣтитъ
И не пойметъ ея рѣчей.

Вотще ей разумъ, дарованья,
И чувствъ и мыслей прямота:
Ихъ свѣтъ оставитъ безъ вниманья,
Обезобразитъ клевета.

И долго, долго сиротою
Она по сборищамъ людскимъ
Пойдетъ съ поникшей головою,
Одна съ уныніемъ своимъ.

*) Стихотвореніе это написано поэтомъ по поводу подарка (кольца), сдѣланнаго супругою его, Н. Л. Баратынской сестрѣ ея С. Л. Энгельгардтъ, нынѣ въ замужествѣ за Н. В. Путята. Ред.

Но дѣвы нѣжной не обманетъ
Мое счастливое кольцо:
Ей судія ея предстанетъ,
И процвѣтетъ ея лицо.

Внимала дѣва молодая,
Невиннымъ взоромъ весела
И, тайный жребій свой рѣшая,
Кольцо съ улыбкою взяла.

Иди-жъ съ надеждою веселой,
Господь тебя благослови
На подвигъ долгій и тяжелой
Всезабывающей любви.

И до свершенья договора,
Въ твои ненастливые дни,
Когда нужна тебѣ опора
Мнѣ, другъ мой, руку протяни.

1833 г. Е. А. Баратынскій.

—

О подпискѣ на сооруженіе памятника Богдану Хмѣльницкому.

Мы получили отъ предсѣдателя комитета для сбора приношеній на памятникъ, въ Кіевѣ, Богдану Хмѣльницкому слѣдующее циркулярное письмо и статью, которымъ съ полнымъ удовольствіемъ даемъ мѣсто на страницахъ нашего изданія:

„Въ редакцію „Русской Старины“. Комитетъ, учрежденный при Кіевской Археографической Коммиссіи для повсемѣстнаго въ имперіи, по высочайшему соизволенію, сбора приношеній на памятникъ, въ Кіевѣ, Богдану Хмѣльницкому, открывъ свои дѣйствія, долгомъ считаетъ обратиться съ просьбою о просвѣщенномъ вашемъ содѣйствіи этому патріотическому дѣлу. Комитетъ глубоко убѣжденъ, что мысль воздвигнуть памятникъ отечественному герою, положившему основаніе окончательному возстановленію нашего народнаго и государственнаго единства и служащему въ юго-западномъ краѣ символомъ этого единства, — мысль удостоенная всемилостивѣйшаго одобренія нашего возлюбленнаго Монарха, — встрѣтитъ вполнѣ сочувственный откликъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества и народа. Относясь, вмѣстѣ съ симъ, съ отзывами ко всѣмъ начальникамъ губерній, епархіальнымъ архіереямъ, начальникамъ военныхъ округовъ, наказному атаману войска донскаго, попечителямъ учебныхъ округовъ, ректорамъ университетовъ, губернскимъ предводителямъ дворянства, городскимъ головамъ главныхъ городовъ, губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіямъ и губернскимъ земскимъ управамъ, комитетъ тѣмъ съ бо́льшимъ довѣріемъ ожидаетъ успѣха этому дѣлу отъ поддержки и разъяснительнаго въ немъ участія русской печати, а потому, препровождая при семъ 1 экз. записки о значеніи Богдана Хмѣльницкаго въ русской исторіи, для напечатанія оной въ издаваемомъ вами

журналѣ, покорнѣйше проситъ открыть у себя на этотъ предметъ подписку. При чемъ комитетъ долгомъ поставляетъ присовокупить, что всѣ собранныя приношенія, по распоряженію высшаго правительства, должны быть вносимы въ мѣстныя казначейства, откуда они будутъ препровождены въ главное казначейство. Предсѣдатель, тайный совѣтникъ М. Юзефовичъ.

Богданъ Хмѣльницкій въ русской исторіи.

(По поводу сооруженія ему памятника въ Кіевѣ).

Въ исторической жизни Россіи, въ періодъ юношескаго ея роста, былъ болѣзненный переломъ, который угрожалъ дѣйствительною опасностью не только всѣмъ ея будущимъ судьбамъ, но и самому ея существованію: не успѣвъ еще окрѣпнуть, она была постигнута, сперва удѣльнымъ раздробленіемъ, потомъ татарскимъ погромомъ, и пришла въ такой упадокъ силъ, что распалась на двѣ части, на восточную и западную. Изъ западной ея половины образовалось особое Литовско-русское государство, которое, вслѣдствіе брачнаго союза литовско-русскаго государя съ наслѣдницей государства Польскаго, соединилось съ Польшей, въ началѣ какъ равное съ равнымъ, на правахъ взаимной независимости, подъ одной лишь верховной властью, а, наконецъ, послѣ постепеннаго окатоличенія и ополяченія высшихъ слоевъ литовско-русскаго народа, князей и бояръ, вошло въ составъ ея. Такое неестественное соединеніе всей Западной Руси съ Польшей доставило, однакожъ, этой послѣдней перевѣсъ силы надъ Русью восточной и дало ей возможность расширять свои предѣлы, все далѣе и далѣе, на счетъ Московскаго Государства. Въ этой борьбѣ ополяченное русское дворянство ставъ, какъ всегда бываетъ съ отступниками, злѣйшимъ врагомъ своей отеческой вѣры и народности и захвативъ въ свои руки всю власть въ Польскомъ государствѣ, возбуждало противъ Русской земли безпрерывныя войны и довело наконецъ свои полчища до самаго сердца Россіи, до Москвы, гдѣ, на стѣнахъ Кремля, развило свое шляхетское знамя. Казалось, не оставалось спасенія: съ погибелью Москвы погибала и Россія, — тѣмъ болѣе, что въ эту страшную минуту государство было обезглавлено и шапку Мономаха боярство возлагало уже на главу польскаго королевича. Но такъ только казалось; въ русскомъ народѣ бодрствовалъ тотъ православный духъ и та преданность своимъ отечественнымъ началамъ, въ которыхъ таилась неодолимая сила сопротивленія. Когда достигла до народа вѣсть о плѣненіи Москвы врагомъ его вѣры и народности, онъ встрепенулся и достаточно было одного голоса простолюдина Косьмы Минина, чтобъ поднять на этого врага весь русскій востокъ: мечъ спасенія былъ врученъ одному изъ потомковъ Мономаха, князю Пожарскому, который, принявъ этотъ мечъ, сокрушилъ вражью силу и очистилъ отъ нея Московскую землю. Но этимъ подвигомъ спасена была только Московская Русь, а не вся Русская земля. Для ея спасенія требовался еще новый подвигъ, новый болѣе рѣшительный ударъ врагу.

Тридцать шесть лѣтъ спустя, на юго-западѣ Россіи, раздался

другой голосъ, тоже простого земскаго человѣка, малороссійскаго казака Зиновія Хмѣльницкаго, прозваннаго Богданомъ, и тотъ же православный духъ русскаго народа откликнулся на его призывъ, собралъ всѣхъ до единаго подъ его знамя, вручилъ ему мечъ спасенія, съ которымъ народный вождь одолѣлъ врага и возвратилъ весь юго-западъ Россіи подъ державу отечественнаго Царя. Съ той поры тяжба Россіи и Польши была рѣшена: на безграничной великой равнинѣ Русской земли должно было осуществиться и осуществилось историческое предопредѣленіе, — между семи морей этой земли сложилась единая держава и Польша вошла, наконецъ, въ составъ Всероссійской Имперіи.

Послѣ второго плѣна Москвы, послѣ 1812 года, вспомнился первый плѣнъ ея въ 1612 году, и новый спаситель отечества, Александръ Благословенный, воздвигнулъ памятникъ древнимъ его спасителямъ, Минину и Пожарскому. Недавнія посягательства на свободу западной Руси и на цѣлость Русскаго государства напомнили о древнемъ разрѣшителѣ этихъ польскихъ притязаній, — и нынѣшній блюститель цѣлости и блага Россіи, нашъ благодатный Александръ-Освободитель, положилъ воздвигнуть памятникъ Богдану Хмѣльницкому. Въ высочайше утвержденномъ проэктѣ этого памятника, южно-русскій герой изображенъ на конѣ. Взмахомъ одной руки онъ высоко возноситъ свою булаву, а другую руку простираетъ на востокъ, къ Москвѣ. Подъ ногами коня лежатъ разные атрибуты попранной шляхетской Польши. У подножія статуи стоятъ представители русской народности: великоруссъ, малоруссъ, бѣлоруссъ и червоноруcъ, слушая сидящаго кобзаря, который поетъ славу Богдана. Вокругъ пьедестала изображены съ трехъ сторонъ, въ барельефахъ, главные эпизоды этой достопамятной эпохи: Зборовская битва, торжественный въѣздъ Богдана въ Кіевъ и Переяславская рада, на которой совершилось возсоединеніе Малой Россіи съ Москвою. На четвертой сторонѣ надпись: „Богдану Хмѣльницкому единая, недѣлимая Россія“.

На сооруженіе этого всенароднаго памятника, по проэкту нашего извѣстнаго художника Микѣшина, открыта, по высочайшему соизволенію, повсемѣстная въ имперіи подписка, и съ этою цѣлью образованъ, при кіевской археографической коммиссіи, въ вѣдѣніи главнаго начальника юго-западнаго края, особый комитетъ. Комитетъ этотъ, для осуществленія ввѣреннаго ему патріотическаго дѣла, долгомъ считаетъ обратиться не къ однимъ высшимъ классамъ русскаго общества, а ко всему русскому земству, и обращается къ нему съ простыми словами: принесите посильную жертву, подайте на памятникъ тому, кто положилъ начало одолѣнію самаго непримиримаго нашего врага; кто возвратилъ русскому народу кіевскую святыню; кто спасъ, можетъ быть, православіе на берегахъ Днѣпра и положилъ краеугольный камень нынѣшнему государственному зданію всея Россіи. Вашихъ копѣекъ и грошей будетъ достаточно, чтобъ поставить его изображеніе въ Кіевѣ, во славу пращура городовъ русскихъ, во имя русскаго недѣлимаго единства и въ назиданіе прошлому, настоящему и будущему.

М. Юзефовичъ.

—

Донесеніе министру госуд. имущ. о встрѣчѣ кадета съ в. к. Михаиломъ Павловичемъ. „Вчерашняго числа кадетъ Лѣсной роты, Курбацкій, ходившій къ дядѣ, келлермейстеру Полянскому, проживающему во дворцѣ его высочества великаго князя Михаила Павловича, имѣлъ счастіе встрѣтить его высочество, который остановилъ его, спрашивалъ фамилію, приказалъ снять шинель и осматривалъ штыкъ; спрашивалъ: „останется ли онъ навсегда"? — на что кадетъ отвѣчалъ, что штыкъ этотъ и ружья даны только времянно. О чемъ почтительнѣйше честь имѣю довести до свѣденія вашего высокопревосходительства". Генералъ-адъютантъ баронъ Деллинсгаузенъ.

(На подлинной бумагѣ помѣта: «нужное». Декабря 29 дня 1837 года).

Шарада. Приводимъ послѣдній образщикъ шарадъ изъ рукописнаго, двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, сборника, принадлежащаго Петру Павловичу Зуеву.

Какимъ бы образомъ о первомъ вамъ сказать?
Въ бостонъ иль рокамболь умѣете-ль играть?
Умѣете, — и слава Богу!
Теперь къ отгадкѣ вамъ я покажу дорогу.
Едва немного вы успѣете сыграть,
Меня спѣшите поминать;
И часто за меня выходитъ споръ великой,
Который кончится уликой. —
Второе: страшное! Охотники ли вы
До животинокъ тѣхъ, кои безъ головы,
Съ хвостомъ во весь свой ростъ, съ предлинными усами
Отличной дѣйствуютъ манерою ногами,
Видалъ не рѣдко я — скажу къ стыду людей —
Съ тѣмъ вкусомъ ихъ ѣдятъ, какъ кушаютъ сельдей;
Еще добавить вамъ: для этой животинки
Нѣтъ слаще кушанья, какъ всякой мертвечинки,
И рѣдко сыщется изъ объѣдалъ такой,
Который бы ее живую взялъ рукой. —
А цѣлое намъ льститъ и часто насъ плѣняетъ,
Но иногда въ потьмахъ до-смерти напугаетъ.

Разгадки шарадъ: («Русская Старина» т. II, стр. 98 и 320). 10) Бобыль. 11) Куранты. 12) Похлебка. 13) Борода. 14) Призракъ.

Поправки къ стр. 131, т. II, напечатано — г-жа Виссенгаузенъ, читай: — г-жа Вистенгаузенъ; къ стр. 93-й: Когда генералъ Соломка сказалъ Гречу: «вы точно — сапожникъ во фракѣ», Гречъ возразилъ: «точно — головки дѣлаю, ваше превосходительство!»

Прилож. къ „Русской Старинѣ“, 1870 г. Т. II, стр. 353 и 417.

Грав. Ак. Л. А. Серяковъ.

ЕМЕЛЬЯНЪ ПУГАЧЕВЪ.

Род. 1742 г казненъ 10 января 1775 г.

Печатня В. И. Головина у Владимірской церкви, домъ № 15.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА ПАВЛА СТЕПАНОВИЧА РУНИЧА О ПУГАЧЕВСКОМЪ БУНТѢ.

IX *).

Слѣдованіе коммиссіи за Пугачевымъ вмѣстѣ съ Суворовымъ. — Ночлеги Суворова въ степи. — Причуды и привычки Суворова въ походѣ. — Гибель его камердинера.

августъ 1774 г.

Коммиссія, по согласію съ Остафьемъ Трифоновымъ, распредѣлилась съ корпусомъ генералъ-поручика Суворова слѣдовать въ погоню за Пугачевымъ, о чемъ и донесла къ свѣдѣнію его превосходительству, который весьма благосклонно принявъ коммиссіи съ нимъ соединеніе, далъ намъ знать, чтобъ мы завтрашній день переправились за Волгу, ибо онъ и самъ туда переплыветъ оную въ Ахтубѣ, гдѣ корпусъ его къ вечеру сего дня будетъ ужъ находиться.

Коммиссія купила въ Царицынѣ пять лошадей, — 3 въ кибитку, для меня и Остафья Трифонова, коими управлять назначили гренадера Дибулина; а 2 верховыхъ — одну для Галахова, а другую для его вѣстового гренадера Кузнецова.

На канунѣ переправы чрезъ Волгу его превосходительство Александръ Васильевичъ прислалъ намъ сказать, что дворянинъ и шелковичнаго завода хозяинъ Рычковъ пригласилъ его на завтракъ завтрашній день въ свой домъ на Ахтубу, и какъ далъ ему слово быть у него, то онъ желаетъ, чтобъ и мы были съ нимъ на семъ завтракѣ и чтобъ въ 10 часовъ утра переплыли Волгу вмѣстѣ съ нимъ на приготовленномъ катерѣ.

Переправя кибитку нашу и лошадей за Волгу, Галаховъ, я и Остафій Трифоновъ явились къ его превосходительству въ назначенный часъ и на катерѣ переправились вкось Волги, внизъ къ селенію Ахтубѣ. Завтракъ продолжался не болѣе получаса и по прощаніи съ г. Рычковымъ, его превосходительство, сѣвъ на приготовленную ему саврасую казачью лошадь, взявъ казачью плеть въ руки, поклонился всѣмъ и съ однимъ донскимъ казакомъ пустился вверхъ по луговой сторонѣ

*) «Русская Старина» 1870 г. т. II, стр. 117—131 и стр. 211—253.

Волги нагонять корпусъ, которому приказано было съ свѣтомъ вдругъ выступить въ походъ, а 150-ти казакамъ донскимъ оставаться въ аріергардѣ, и когда его превосходительство выѣдетъ изъ Ахтубы, то и ему, аріергарду, поспѣшно выступить *).

Г. Галаховъ расположился съ своимъ вѣстовымъ Кузнецовымъ слѣдовать съ аріергардомъ; приказалъ мнѣ съ Остафіемъ Трифоновымъ, гренадеромъ Дибулинымъ и съ казною на моихъ рукахъ имѣвшеюся, и состоящею изъ 43 т. руб. въ золотой монетѣ, ѣхать за его превосходительствомъ.

Пустясь въ путь чрезъ полчаса послѣ выѣзда г. генерала, ѣхали мы по луговой сторонѣ Волги, — но не могли нагнать его превосходительство, и никого предъ собою не видали, кромѣ необозримой степи, но ужъ при закатѣ солнца увидѣли верхомъ ѣдущихъ двухъ человѣкъ.

Подъѣзжая къ онымъ, за ¼ версты увидѣли его превосходительство съ казакомъ. Но (я) слышалъ еще въ 1-ю турецкую войну (о его обычаѣ), что его превосходительство не терпитъ, чтобъ кто-нибудь безъ его позыва (его нагонялъ и близко къ нему подъѣхалъ и) къ нему являлся. Оставаясь на своемъ мѣстѣ, увидѣли, что его превосходительство (соскочилъ съ лошади, которую принялъ казакъ и, воткнувъ свою пику въ землю, привязалъ генеральскую и свою лошадь къ ней, и бросился вмѣстѣ съ его превосходительствомъ) теребить изъ стога сѣно и стали класть въ одну кучу, которую казакъ зажегъ (и опять кинулся

---

*) О завтракѣ у Рычкова въ черновой рукописи ничего нѣтъ, но вмѣсто этого написано: «А какъ уже извѣстно сдѣлалось, что Пугачевъ съ остаткомъ своего войска пустился вверхъ Волги по луговой сторонѣ, котораго мы увидѣли первые противъ станицы Каменки; ибо о семъ изъ Камышенки и рапорты присланы были къ царицынскому коменданту, то изкупивъ здѣсь пять лошадей, три въ повозку для меня съ Остафіемъ Трифоновымъ, а двѣ для гвардіи капитана Галахова, переѣхавъ Волгу у Царицына вмѣстѣ съ генералъ поручикомъ Суворовымъ на луговую сторону, на которую какъ скоро переправились, то генералъ, сѣвъ на приготовленную ему саврасенькую лошадь, съ однимъ донскимъ казакомъ, взявъ плеть казачью въ руки, поклонился намъ и пустился нагонять войски, кои съ свѣтомъ вдругъ прошли селеніе Ахтубу.

«Изготовя повозку, у которой правилъ лошадьми преображенскій гренадеръ Дибулинъ, пустились и мы съ Остафіемъ за его превосходительствомъ утромъ часовъ въ 10; но ужъ передъ нами не видали ни генерала Суворова, ни войска, но одни ѣхали до самой вечерней зари вверхъ Волги, имѣя въ правой рукѣ необозримую степь, чрезвычайный жаръ и сушь, сопровождавшіе аасъ.»

къ стогу брать изъ онаго сѣно и класть головою къ стогу), а его превосходительство скинувъ мундиръ (положилъ его на землю, пригнулъ ноги) и выдернувъ рубашку (которую и поднялъ на голову, поворотился спиною къ огню и кругомъ онаго пожаривалъ себѣ спину; а потомъ поворотился къ огню брюхомъ, кругомъ онаго подогрѣвался и поднявшись) присѣлъ и кругомъ огня началъ себя пожаривать; послѣ чего, надѣвъ мундиръ, завернулся въ плащъ, легъ (на приготовленную имъ изъ стога постель, положа въ головахъ сѣдло съ его лошади) почивать у стога.

(Остафій Трифоновъ и гренадеръ Дибулинъ, на все сказанное выше смотря, удивлялись, какъ это такъ генералъ сурово и просто себя содержитъ.

(Утромъ чѣмъ свѣтъ мы велѣли закладывать свою кибитку, но генерала уже не увидѣли у стога и сами пустились въ путь; но часу ужъ во второмъ пополудни увидѣли его превосходительство съ казакомъ также за версту мѣсто, поѣхали пошибче его нагонять и догнавъ за 100 саженъ, я сталъ на повозкѣ на ноги и рѣшился кричать:

(«Батюшка, ваше превосходительство, Александръ Васильевичъ! не угодно ли водочки выпить?»

(На мой позывъ онъ воротился къ намъ и остановясь у кибитки, сказалъ: «помилуй Богъ, можно выпить и закусить».

(Я поднесъ ему водки, хлѣба съ солью и кусокъ сухой курицы.

(Перекрестясь, выпить изволилъ водки и взявъ хлѣбъ и курицы кусокъ, сказалъ: «спасибо братцы», поворотилъ лошадь и поѣхалъ впередъ.

(Съ сего мѣста не видали мы ужъ его до пріѣзда нашего на другой день, часовъ въ 11 утра, въ Никольскую малороссіянами населенную слободу).

Своротивши съ дороги къ стогу сѣна *), не въ дальнемъ разстояніи отъ Волги, приказалъ я также своротить къ кустамъ,

*) Слѣдующія десять строкъ составляютъ въ бѣловой рукописи сокращеніе тѣхъ интересныхъ подробностей, которыя мы привели выше изъ чернового экземпляра записокъ. Считаемъ нужнымъ напомнить, что всѣ слова и строки стоящія въ скобкахъ взяты нами изъ черновыхъ записокъ Рунича.
Ред.

саженъ за 200 отъ того стога къ Волгѣ влѣво (дабы покормить тутъ лошадей, кои болѣе десяти часовъ были не кормлены).

Съ зарею утреннею его превосходительство сѣвъ на лошадь, уѣхалъ; за нимъ чрезъ четверть часа пустились и мы съ Остафіемъ Трифоновымъ въ путь; но цѣлый уже день не видѣли ни его превосходительство и никого; переночевали одни въ степи близъ Волги, и около одиннадцати часовъ пополуночи въѣхали въ село Никольское, населенное малороссіянами, возщиками съ Ялтонскаго озера соли, противъ Камышенки на луговой сторонѣ Волги состоящее. Здѣсь встрѣтилъ насъ его превосходительства адъютантъ, Максимовичъ, и показалъ отведенную намъ квартиру, (куда и въѣхали на дворъ. Остановясь съ кибиткою у превысокаго крыльца *), адъютантъ побѣжалъ вверхъ въ избу и ту минуту возвратился къ намъ, говоря: «я заказалъ хозяйкѣ, чтобъ она не мела избы и не покрывала стола скатертью, ибо мой генералъ терпѣть того не можетъ, чтобъ для него суетились и прибирали».

(Лишь только выговорилъ сіи слова, то его превосходительство подъѣхалъ къ крыльцу и сказалъ мнѣ, сидящему еще въ кибиткѣ: «Помилуй Богъ, здравствуйте!» соскочилъ съ лошади и побѣжалъ въ избу, но въ одинъ мигъ изъ оной адъютантъ выбѣжалъ на крыльцо, а генералъ за нимъ, крича: «ай! ай! ай!» Одинъ за однимъ оступясь, на первой ступени крыльца, скатились оба внизъ и, вскочивъ, опрометью побѣжали за ворота, и только ихъ и видѣли.

(Мы съ Остафіемъ, сидя еще въ кибиткѣ на облучкѣ, не могли понять, что такое сдѣлалось съ генераломъ и его адъютантомъ, а вошедъ въ избу узнали, что хозяйка въ самое то время, какъ генералъ входилъ въ избу, покрывала столъ скатертью, отъ чего и произошли всѣ бѣды).

Съ полчаса нашего пріѣзда въ село и господинъ капитанъ Галаховъ съ аріергардомъ прибылъ въ оное.

(Чрезъ часъ его превосходительство Александръ Васильевичъ прислалъ намъ сказать, чтобъ Галаховъ и я къ нему явились.

---

*) Въ сей слободѣ у всѣхъ жителей малороссіянъ построены домы высокіе, ибо по разлитіи Волги на луговую сторону затопляется все селеніе.

П. С. Руничъ.

Мы ту минуту пошли, и вошедъ на дворъ, увидѣли его камердинера-пруссака, стоящаго у тележки парою запряженной, который сказалъ намъ: «подите къ его превосходительству въ избу, онъ только васъ и поджидаетъ».

Вошедъ въ оную, нашли его ходящаго изъ угла въ уголъ по избѣ съ загнутыми назадъ руками; увидя насъ, сказалъ намъ: «помилуй Богъ, здравствуйте»; (потомъ остановясь) тотчасъ спросилъ (тоже) насъ: «какъ вы располагаете, со мной ли пуститься въ степь или здѣсь останетесь»?

И не дождавъ нашего отвѣта, разсказалъ намъ, что по его распросамъ здѣшнихъ жителей, узналъ онъ, что пять тому дней назадъ Пугачевъ *), собравъ въ слободѣ провіантъ и до 20 подводъ парами, съ корпусомъ до 3,000 человѣкъ пустился по ялтонской дорогѣ, а другой отрядъ до 500 человѣкъ прошелъ чрезъ слободу и потянулся вверхъ по Волгѣ. «Я погонюсь за первымъ по той же ялтонской дорогѣ, а второй отрядъ и безъ меня съ кѣмъ-нибудь въ верховьѣ Волги встрѣтится» **).

Галаховъ и я испросили на полчаса сроку у его превосходительства, чтобъ намъ посовѣтоваться съ Остафіемъ Трифоновымъ ***), на что изволилъ намъ сказать: «помилуй Богъ, хорошо!»

Пересказавъ нашему товарищу, что̀ его превосходительство намъ предложилъ, спрашивали его ка̀къ онъ думаетъ?

Онъ отвѣчалъ намъ: «Зачѣмъ намъ гоняться по степи за Пугачевымъ; онъ и Богъ знаетъ куда промчаться по оной можетъ; а мы, между тѣмъ, можемъ попасть въ руки киргизамъ, кои, то и дѣло, въ это время по степи мчатся. Правду вамъ сказать: я всѣ эти три дня, что мы отъ Ахтубы ѣхали одни, безъ всякаго войска, боялся, чтобъ намъ не попасть къ нимъ въ руки; но вамъ не хотѣлъ сказать, чтобъ васъ не перепугать и,

---

*) Непріятель. Черн. рук. Рун.

**) Нѣкоторое число подводъ, одна партія до 400 человѣкъ прошла чрезъ слободу, не дѣлая никакой наглости, потянулась вверхъ по Волгѣ, а другая втрое больше первой со взятыми подводами пошла по ялтонской дорогѣ въ степь, на которой только и находится вода въ вырытыхъ колодцахъ, ибо съ озера по сей дорогѣ возятъ соль. «Я, сказалъ онъ намъ, погонюсь за послѣднею большою партіею; ибо вѣрно съ оною самъ Пугачевъ ретируется, а первая» и т. д. Черн. рук. Рун.

***) Нашимъ товарищемъ. Черн. рукоп. Рунича.

признаюсь вамъ, что обѣ тѣ ночи, кои мы провели одни въ степи, почти не спалъ, а то и дѣло стоялъ на кибиткѣ и посматривалъ въ степь». Паки повторилъ: «не зачѣмъ намъ пускаться въ степь», и сказалъ рѣшительно: «намъ сегодня бы надобно переправиться въ Камышенку и поспѣшно изъ оной отправиться въ Саратовъ, гдѣ и расположимъ, куда вамъ и куда мнѣ отправляться должно будетъ».

Донеся его превосходительству, что, по совѣту Трифонова, мы переправляемся сегодня на нагорную сторону Волги, простились съ его превосходительствомъ и переправились чрезъ оную.

Въ Камышенкѣ остановилась коммиссія на цѣлыя сутки, гдѣ продали купленныхъ въ Царицынѣ лошадей, отправили гусарскую команду съ поручикомъ Дидрихомъ впередъ, приказавъ ему приготовлять для насъ (по колоніямъ) 9 лошадей съ подводчиками.

Часа за два до нашего выѣзда изъ Камышенки, получили мы извѣстіе изъ слободы Никольской, что по ялтонской дорогѣ, куда его превосходительство Александръ Васильевичъ пустился нагонять Пугачева (корпусъ его безъ отдыха шелъ, который натурально разсыпнымъ маршемъ долженъ былъ идти), въ первую ночь верстъ около 30 *) въ степи верховые люди напали на телѣгу его превосходительства, на которой ѣхалъ его камердинеръ прусакъ, убили его, а возщикъ спасся тѣмъ, что ѣдущіе шагахъ въ 20-ти за телѣгой адъютантъ Максимовичъ и карабинеръ, услыша кричавшаго камердинера, выстрѣлили, отчего напавшіе на бѣднаго прусака съ страшнымъ крикомъ разсыпались въ разныя стороны; но въ сіе время адъютантъ Максимовичъ раненъ стрѣлою въ шею; напавшіе были киргизы**).

Нашъ Остафій Трифоновъ, слушая сіе извѣстіе, сказалъ намъ:

---

*) Въ сію-то самую ночь верстъ за 40 отъ Никольской слободы...
Черн. рукоп. **Рунича.**

) У Пушкина разсказанъ, какъ надо полагать, этотъ же случай, но совершенно иначе; а именно, по его извѣстію, неизвѣстно на чемъ основанному, Суворовъ — слѣдуя къ Яицкому городку для принятія Пугачева, наѣхалъ на огни, разложенные въ степи киргизами, напалъ будто-бы на нихъ и прогналъ, потерявъ при этомъ нѣсколько человѣкъ и, между ними, — будто бы своего адъютанта Максимовича. **Ред.

«Ну, еслибъ мы за его превосходительствомъ поѣхали, то бы и намъ досталась хорошая пирушка».

X.

Секретная Коммиссія въ Саратовѣ. — Вскрытіе особаго пакета князя Орлова.—Письмо Орлова къ сподвижникамъ Пугачева.—Отъѣздъ Трифонова изъ Коммиссіи.—Вѣсть о поимкѣ Пугачева.—Донесеніе о томъ Панину.—Бѣгство Трифонова.—Смерть поручика Дидриха.—Распоряженія Панина о поимкѣ Остафія Трифонова.

Немедля послѣ сего извѣстія, отправилась Коммиссія въ Саратовъ, куда прибыла на другой день подъ вечеръ и остановилась въ пустомъ архіерейскомъ домѣ. Остафій Трифоновъ въ сей же вечеръ объявилъ намъ, чтобъ мы «снабдили его тремя надежными Донскаго войска урядниками или сотниками, и чтобъ данъ былъ ему паспортъ, дабы нигдѣ не могли его задерживать, и чтобъ завтрашній день съ ними его отправили въ путь, а Коммиссія чтобъ ѣхала въ Сызранъ и въ семъ городѣ ожидала отъ него извѣстія».

А какъ извѣстилась Коммиссія, что близъ Саратова находится съ деташементомъ своимъ генералъ-майоръ Павелъ Дмитріевичъ Мансуровъ, то и послали къ нему поручика Дидриха съ требованіемъ прислать къ намъ на коняхъ, или трехъ урядниковъ, или сотниковъ благонадежныхъ и чтобъ данъ былъ отъ него паспортъ Остафію Трифонову съ означеніемъ въономъ именъ донскихъ чиновниковъ. Его превосходительство немедленно требованіе Коммиссіи исполнить не оставилъ.

Купивъ здѣсь двухъ хорошихъ съ приборомъ для Остафія Трифонова лошадей, ибо донцы присланы были съ подъѣздными, занялись цѣлый день приготовленіемъ отправить Остафія Трифоновича, котóрый расположилъ, доѣхавъ до города Сызрана съ тремя донцами, переправиться черезъ Волгу по дорогѣ на Яикъ; одного изъ оныхъ оставить въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ признаетъ за нужное, другого верстъ за 70 отъ перваго, а третьяго верстъ за 50 отъ того мѣста, гдѣ съ нимъ разстанется, а самъ уже отъ послѣдняго поѣдетъ одинъ узнать, гдѣ Пугачевъ съ войскомъ находится. Пробравшись до его, явится къ нему и какъ скоро сговорится съ тѣми яицкими молодцами, кои вызвались его, Пугачева, выдать, то къ третьему, поставленному отъ него донскому чиновнику, посланъ будетъ вѣрный человѣкъ, чтобъ онъ скакалъ

ко второму и сказалъ бы въ первомъ мѣстѣ поставленному, дабы онъ объявилъ Коммиссіи, чтобъ она немедленно съ командою спѣшила доѣхать до того мѣста, гдѣ третій и послѣдній донецъ имъ, Остафіемъ, поставленъ; ибо къ сему мѣсту будетъ Пугачевъ привезенъ. По таковому распоряженію Остафія Трифонова, назначено мѣсто Коммиссіи городъ Сызранъ, въ которомъ должна находиться и ожидать отъ него извѣстія *).

Повинуясь его распоряженію **), занялась Коммиссія отправленіемъ его, Остафія Трифонова, дабы онъ могъ выѣхать въ свой путь на другой день утромъ. А какъ къ вечеру все для него было приготовлено, то отдали ему въ руки пропускъ ***) и въ полную его волю трехъ донскихъ чиновниковъ, присовокупя къ тому 1000 золотыхъ монетъ на его издержки. Но онъ, не принимая сихъ денегъ, съ торопостью спросилъ меня и господина Галахова:

— «Что такое это значитъ, что вы съ такимъ малымъ числомъ денегъ отпускаете меня отъ себя? Нѣтъ, сказалъ онъ намъ, вы должны выдать мнѣ 12 т. руб. золотомъ».

Я и Галаховъ, удивясь****) таковому озаботившему насъ отзыву Остафія Трифонова, отвѣчали ему: «Какъ можно съ такою значительною суммою одному тебѣ пуститься въ путь, въ которомъ можешь подвергнуться всей опасности».

На что онъ намъ отвѣчалъ: «(Что вы такъ испугались, это дѣло не ваше, какъ я съ сими деньгами доберусь до Пугачева, но вы извольте мнѣ оныя выдать и съ ними письмо и паспортъ мой *****). Вотъ, г-нъ капитанъ, отданныя отъ его свѣтлости

---

*) Въ черновой рукописи послѣднія строки такъ изложены: «А второй къ первому и чтобъ сей явился къ намъ въ Сызранъ и сказалъ бы намъ, чтобъ мы немедленно съ командою спѣшили доѣхать до того мѣста, гдѣ третій и послѣдній эсаулъ отъ него поставленъ, ибо къ сему мѣсту привезенъ будетъ Пугачевъ, почему сей же день, что онъ съ нами простится, мы съ командою своею должны отправиться въ Сызранъ.... Черн. рук. Рунича.

**) Галаховъ и я повинуясь плану и распоряженію Остафія Трифонова, да кто бы осмѣлился его волѣ не повиноваться!..... Черн. рукоп. Рунича.

***) Генералъ-майора Мансурова. Черн. рук. Рунича.

****) Остолбенѣли. Черн. рук. Рунича.

*****) ....«Посмотрите, господинъ капитанъ, и распечатайте пакетъ отъ князя Григорія Григоріевича Орлова со мною къ вамъ присланный, въ которомъ найдете вы мой паспортъ и письмо къ моимъ товарищамъ; въ немъ вы все узнаете».... Черн. рук. Рунича.

князя Григорія Григорьевича Орлова въ пакетѣ *), на которомъ написано рукою его свѣтлости тако: «распечатать во время надобности», извольте по сему учинить исполненіе, то вы и увидите, что требованіе мое справедливо».

(Нечего было дѣлать. Галаховъ и я) оставя его, Трифонова, (посовѣтовавъ) въ другой комнатѣ, распечатали означенный пакетъ и нашли (точно) въ немъ паспортъ для свободнаго вездѣ его проѣзда, подписанный княземъ (съ приложеніемъ его печати) и письмо, подписанное рукою его свѣтлости къ товарищамъ Остафія Трифонова **) за княжескою печатью, которое также рѣшились бережно распечатать***), дабы послѣ оное подпечатать.

Въ письмѣ собственною рукою князя написано и подписано: «Государыня императрица соизволила послать съ Остафіемъ (Трифоновичемъ) Трифоновымъ, всѣмъ его 360 сотоварищамъ, яицкимъ казакамъ на ковшъ вина 12 т. рублей золотою монетою, а впредь будутъ ея высокомонаршею милостію и больше награждены».

Удостовѣрясь изъ всего вышесказаннаго о справедливомъ его, Остафія Трифонова, требованіи, убѣдительно доказывали ему, что онъ можетъ подвергнуть себя величайшей опасности и съ такою значительною суммою денегъ погибнуть ****), а вмѣстѣ съ тѣмъ и все важное свое дѣло погубитъ.

Упорствуя долго въ своемъ требованіи, наконецъ согласился на наше предложеніе принять 3000 руб., кои ему и выданы съ роспискою, что какъ скоро онъ потребуетъ остальные 9000 руб., то оные ему выданы будутъ безпрекословно *****).

Уладивъ такимъ образомъ дѣло сіе, съ свѣтомъ вдругъ отправили его, Трифонова, въ путь.

Въ сей же день Галаховъ съ командою, по назначенію Оста-

---

*) На пакетѣ была подпись рукою князя такого содержанія: «Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка г. капитану Галахову, который распечатаетъ во время надобности». Черн. рук. **Рунича.**

) Трифоновича. Черн. рукоп. **Рунича.

***) Надобно было распечатать и сіе письмо, которое написано рукою князя и подписано «князь Г. Орловъ». Черн. рукоп. **Рунича.**

****) «...И вразумляли его, что въ неминуемую можетъ онъ съ таковою суммою денегъ попасть въ погибель и пропавъ самъ съ ними...» Черн. рукоп. **Рунича.**

*****) «...Съ увѣреніемъ, что 9 т. ту минуту выдадимъ, какъ только съ нимъ и сотоварищами его сблизимся». Черн. рукоп. **Рунича.**

фія Трифонова въ городъ Сызранъ, а меня послалъ въ Пензу (лично) донести графу Петру Ивановичу, что Остафій Трифоновъ отправился изъ Саратова на свое дѣло (чтобъ довершить оное).

Графъ, принявъ мое донесеніе объ отпускѣ Трифонова для довершенія онаго, отдалъ полную похвалу, что не дали ему, Трифонову, 12 т. руб. и притомъ сказалъ мнѣ со всею откровенностью: «если сей плутъ хитрый и скроется куда съ 3000 руб. ему выданными, то не велика будетъ для казны потеря»; приказалъ мнѣ отправиться къ своей командѣ, велѣлъ объявить г-ну Галахову, что непремѣнную квартиру для себя назначилъ въ городѣ Симбирскѣ, куда черезъ три дня отправится со всѣмъ своимъ статомъ.

Графъ, отпуская меня на другой день моего пріѣзда къ своей командѣ, изволилъ объявить мнѣ, что сей день отправляетъ онъ въ Петербургъ, лейбъ-гвардіи капитана Измайловскаго полка Петра Михайловича Лунина съ донесеніемъ, что генералъ-поручикъ Суворовъ преслѣдуетъ Пугачева, который степью бѣжитъ съ своимъ войскомъ къ р. Узенъ.

Оставя Пензу рано утромъ, по дорогѣ къ Сызрану, пріѣхалъ въ село Нарышкино, что нынѣ городъ Кузнецкъ, и перемѣнивъ лошадей, продолжалъ спокойно мой путь; но выѣхавъ изъ села въ гору, увидѣлъ у дороги двѣ висѣлицы, на коихъ повѣшены два человѣка дня за три до моего пріѣзда, какъ объявилъ мнѣ ямщикъ. Не видавъ никогда до сего времени страшной сей казни, по законамъ злаго человѣческаго разума выдуманной, вострепетало во мнѣ сердце и въ сильное глубокое погрузило меня уныніе.

Отъѣхавъ отсюда 20 верстъ и перемѣнивъ лошадей также въ казенномъ селеніи, отправился въ мой путь, надѣясь пріѣхать въ Сызранъ прежде полуночи; но верстъ за 20 отъ перемѣны лошадей (едва поуспокоился, по запряжкѣ лошадей въ телѣжку, продолжалъ я путь все въ грусти сердечной), при въѣздѣ въ село отставного полковника Ивана Ивановича Нечаева, увидѣлъ я гренадера Кузнецова, котораго ту минуту спросилъ: «что ты и зачѣмъ здѣсь?»

Онъ отвѣчалъ мнѣ: «господинъ капитанъ и вся команда четвертый уже день здѣсь въ селѣ находится».

Странно мнѣ показалось, что господинъ Галаховъ остановился въ семъ мѣстѣ (когда полагалъ его быть ужъ въ Сызранѣ); но онъ, увидя подъѣзжающаго къ дому, вышелъ ко мнѣ на встрѣчу и объявилъ мнѣ, что Пугачевъ пойманъ и безъ нашего Остафія Трифонова, за которымъ послалъ ужъ поручика Дидриха, чтобъ его воротить, почему и рѣшился здѣсь въ селѣ остановиться и дожидать его возвращенія, а также и моего пріѣзда.

Г-нъ Галаховъ разсказавъ мнѣ о Державинскомъ посланномъ отъ него въ Казань къ генералъ-майору Потемкину курьерѣ и о томъ, что князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, узнавъ отъ онаго о поимкѣ Пугачева, не болѣе часа времени съ симъ извѣстіемъ послалъ отъ себя также въ Пензу курьера къ г-ну Петру Ивановичу Панину, приказалъ мнѣ тотчасъ паки ѣхать въ оную и донести о семъ извѣстіи, а также и о томъ, что онъ, по узнаніи о сказанномъ происшествіи, послалъ поручика Дидриха нагонять и воротить Остафія Трифонова. (Между прочимъ сказалъ мнѣ, что какъ отъ князя Голицына курьеръ посланъ отсюда не ранѣе часа времени, то я могу сего курьера перегнать и первый привести графу сіе извѣстіе).

Перемѣня лошадей, тотчасъ отправился въ Пензу и пріѣхалъ въ оную, не болѣе какъ спустя полчаса, что графъ съ означеннымъ извѣстіемъ послалъ къ императрицѣ курьеромъ отставнаго арміи капитана князя Александра Иванова Лобанова-Ростовскаго, находившагося при свитѣ его сіятельства.

Графъ чрезмѣрно былъ обрадованъ подтвердительнымъ отъ меня донесеніемъ о происшествіи съ Пугачевымъ и съ духомъ благороднаго признанія (и увѣренія), сказалъ мнѣ: «Еслибъ вы за нѣсколько минутъ пріѣхали прежде полученнаго мною отъ князя Голицына курьера, то никого другого не отправилъ бы я къ государынѣ императрицѣ съ моимъ донесеніемъ, кромѣ васъ; но вѣрьте мнѣ, что труды ваши и ревностная служба ваша не останутся безъ достойной награды, развѣ я не буду живъ».

Графъ, отпуская меня на другой день моего пріѣзда въ Пензу къ моему начальнику, изволилъ мнѣ приказать объявить ему, что «если онъ хочетъ съ своею Коммиссіею отправиться въ городъ Симбирскъ, то можетъ туда отправиться съ оною,

«поелику я назначилъ въ семъ городѣ непремѣнную мою квартиру (гдѣ и будетъ мое постоянное пребываніе до окончанія возложенныхъ на меня дѣлъ); впрочемъ какъ угодно г. Галахову, такъ бы и расположилъ себя съ коммиссіей; ибо отъ его собственной воли должно оное зависѣть».

Возвратясь въ то селеніе, гдѣ оставилъ я моего начальника съ коммиссіей, нашелъ его въ крайней горести и уныніи; онъ ту минуту, что вошелъ я къ нему въ комнату, сказалъ мнѣ, что Остафій Трифоновъ безъ вѣсти пропалъ и ушелъ отъ поручика Дидриха, который послѣ сего случая жестоко заболѣлъ и, не доѣзжая за 20 верстъ до Симбирска, на третій день умеръ. (Вотъ какъ совершился побѣгъ Трифонова).

(...Будучи нагнатъ за 90 верстъ отъ Казани по симбирской дорогѣ поручикомъ Дидрихомъ, когда сей объявилъ, что Пугачевъ пойманъ, то Трифоновъ, съ радости перекрестясь, сказалъ: «слава Богу, что злодѣй въ рукахъ, а кѣмъ пойманъ и выданъ, все равно!»

(Но затѣмъ Трифоновъ ушелъ и пропалъ, вотъ какимъ образомъ. Поручикъ Дидрихъ, извѣстивъ его, Остафія Трифонова, съ 3-мя эсаулами донцовъ остановились на ночлегѣ за 50 верстъ отъ Симбирска. Провели вечеръ со всѣмъ порядкомъ и другъ къ другу приличнымъ обхожденіемъ; расположились ночевать въ одной избѣ. Приказано было эсауламъ кормить и смотрѣть за лошадьми, чтобъ поутру рано имъ выѣхать съ ночлега. Проснувшись рано, поручикъ Дидрихъ увидѣлъ, что Остафія нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ легъ спать. Подумавъ, что онъ вышелъ, велѣлъ эсауламъ приготовлять лошадей; одѣлся и видитъ, что около получаса прошло времени, а Остафій не входитъ въ избу; а какъ довольно ужъ разсвѣло, то вышелъ на дворъ и, видя двухъ эсауловъ, сѣдлавшихъ лошадей, спросилъ ихъ: «гдѣ Остафій Трифоновичъ?» Они ему отвѣчали: «ваше благородіе, мы его не видали». Между симъ вопросомъ и третій эсаулъ изъ другой избы вышелъ, котораго также поручикъ спросилъ, но и сей тожъ отвѣтствовалъ. Поручикъ, приказавъ одному поискать его въ деревнѣ, а другому велѣлъ идти къ старостѣ деревенскому за лошадьми, которому приказано было, чтобъ тройка была для него съ телѣгою готова рано, самъ пошелъ въ избу и, набивъ свою трубку, спокойно похаживая по избѣ, поку-

ривалъ оную. Посланный пришедъ сказалъ, что лошади готовы и запряжены. Поручикъ спросилъ: «да что, пришелъ ли Остафій Трифоновъ, я не видалъ его на дворѣ, поди, посмотри его и эсаула, за нимъ посланнаго».

(Эсаулъ посланный скоро возвратился и донесъ поручику, что по всѣмъ избамъ деревни ходилъ, искалъ и спрашивалъ не видалъ ли кто такого-то по примѣтамъ казака? Но всѣ сказали, что не видали и въ избѣ ни у кого никакой казакъ ни утромъ, ни ночью не бывалъ. Несчастный поручикъ ту минуту выбѣжалъ на дворъ, приказалъ деревенскому старостѣ съ однимъ эсауломъ тотчасъ собрать всей деревни людей и броситься по всѣмъ лѣскамъ искать Трифонова, а самъ съ однимъ эсауломъ верхомъ безъ памяти поскакалъ по казанскому тракту и по всѣмъ селеніямъ, гдѣ проѣзжалъ, собиралъ сотскихъ и десятскихъ, велѣлъ съ народомъ по примѣтамъ искать такого-то яицкаго казака. Если найдутъ живаго или мертваго, то чтобъ его берегли у себя, ибо онъ скоро по сей дорогѣ возвратится назадъ; съ эсауломъ пустился скакать къ тому селенію, гдѣ нагналъ Остафія Трифонова; и пріѣхавъ къ тому дому, гдѣ его искалъ, спрашивалъ хозяина о Трифоновѣ и, узнавъ, что онъ здѣсь не являлся, собравъ и здѣсь сотскихъ и десятскихъ, приказалъ по примѣтамъ искать Трифонова; оставилъ эсаула съ лошадьми, приказавъ ему, покормя оныхъ, съ народомъ вездѣ искать пропавшаго; самъ, взявъ тройку, поскакалъ обратно и по тракту, гдѣ приказано искать; но одинаковое извѣстіе получалъ, что нигдѣ не нашли Трифонова и даже слѣдовъ его. Тоже донесено ему отъ оставленнаго при лошадяхъ эсаула, старостъ, сотскихъ и десятскихъ, словомъ сказать, Остафій Трифоновъ пропалъ какъ въ воду.

(Сей злополучный офицеръ, Дидрихъ, потерявъ всю надежду отыскать Трифонова, впалъ въ такое жестокое отчаяніе и скорбь, что сдѣлалось въ крови его страшное распаленіе; но онъ велѣлъ себя везти, какъ можно поспѣшнѣе, въ Симбирскъ, куда будучи привезенъ, едва былъ въ силахъ подать воеводскому товарищу рапортъ, описавъ въ ономъ всѣ вышесказанныя происшествія, а другой рапортъ отправилъ къ капитану Галахову съ эсауломъ).

Я долженъ признаться, что сіе извѣстіе поразило и меня

какъ громовымъ ударомъ; но дѣлать было нечего. Образумясь нѣсколько отъ сего происшествія, объявилъ я г. Галахову приказаніе графа Петра Ивановича.

По нѣкоторомъ размышленіи о семъ приказаніи (не мѣшкавъ по собраніи лошадей), положили, чтобъ мнѣ съ командою и коммиссіею на другой день отправиться въ Симбирскъ; а г. Галаховъ положилъ отправится на встрѣчу къ его сіятельству графу Петру Ивановичу Панину *).

Пріѣхавъ (четыре дни) въ Симбирскъ (безъ всякаго извѣстія о моемъ начальникѣ) я расположился съ командою на достаточныхъ квартирахъ, воеводскимъ товарищемъ, надворнымъ совѣтникомъ Кудринымъ отведенныхъ, правящимъ воеводскую должность, который также заготовлялъ для графа Петра Ивановича и его свиты квартиры.

Начальникъ мой пріѣхалъ также въ сей городъ въ пятый день послѣ моего въ оный пріѣзда (къ обѣду) и далъ знать, что графъ также къ вечеру прибудетъ въ городъ. Г. Галаховъ разсказалъ мнѣ о встрѣчѣ своей съ его сіятельствомъ и о томъ, что когда онъ донесъ ему о побѣгѣ Остафія Трифонова, то графъ крайне симъ извѣстіемъ былъ перемѣшанъ и тотчасъ приказалъ разослать всюду предписаніи, съ означеніемъ всѣхъ примѣтъ, о сыскѣ и поимкѣ его, Трифонова. Графъ со всѣмъ своимъ статомъ прибылъ въ городъ часовъ въ 9 вечеромъ и остановился въ домѣ заводчика Лѣсникова; но никого въ сей вечеръ не принималъ.

XI **).

Пугачевъ на рѣкѣ Узенѣ. — Совѣтъ его съ сотоварищами. — Предположенія Пугачева о новыхъ дѣйствіяхъ. — Заговоръ его генераловъ. — Отшельники. — Арбузы. — Захватъ и выдача Пугачева.

Сентябрь, 1774 г.

Выше мною сказано, что узнато о поимкѣ Пугачева, но ка-

*) .... остался въ селѣ полковника Нечаева, чтобъ изъ онаго встрѣтить графа, когда изъ Пензы въ Симбирскъ выѣдетъ и представиться его сіятельству, съ объясненіемъ о побѣгѣ Остафія Трифонова, а притомъ просить приказанія искать его повсемѣстно и представить въ коммиссію....

Черн. рукоп. Рунича.

**) Помѣщаемый въ этой главѣ разсказъ въ бѣловыхъ запискахъ Рунича написанъ въ концѣ рукописи подъ заглавіемъ: «дополненіе», а въ черновой рукописи онъ находится въ общемъ текстѣ записокъ, согласно съ чѣмъ, мы его здѣсь и приводимъ. Ред.

кимъ образомъ и кѣмъ онъ пойманъ, того никто узнать не могъ дотолѣ, доколѣ дознаться было можно отъ самихъ тѣхъ людей, кои въ томъ участвовали и отъ самого его, Пугачева.

Упомянуто также выше, что генералъ-поручикъ А. В. Суворовъ изъ села Никольскаго погнался по ялтонской дорогѣ за Пугачевымъ, который точно по дорогѣ на Ялтонское озеро съ войскомъ *) потянулся, ибо по сей дорогѣ имѣются въ степи колодцы съ водой, вырытія съ древныхъ времянъ, для возчиковъ съ озера соли въ саратовскіе соляные амбары, изъ коихъ вывозится уже соль, по предписанію, въ назначенныя мѣста.

Отрядивъ Перфильева съ партіею 900 человѣкъ, Пугачевъ велѣлъ ей пробраться вверхъ Волги и добраться до Яицкаго города. Но сія партія встрѣтилась съ отрядомъ изъ Казани, высланнымъ отъ генералъ-майора Павла Сергѣевича Потемкина, съ которою злодѣй Перфильевъ до отчаянности дрался, но побѣжденъ былъ, (взятъ въ плѣнъ, присланъ въ Москву и въ одинъ день, 10 января 1775 года, съ Пугачевымъ казненъ).

Пугачевъ же, не доходя до самаго озера, вдругъ поворотилъ степью вправо и привалилъ къ рѣкѣ Узенъ, повыше урочища, именуемаго Александровъ-гай **), чрезъ который идетъ дорога

---

*) Остаткомъ своего войска. Черн. рукоп. Рунича.

**) Отъ сего урочища, вверхъ Узени рѣки, въ 70-ти верстахъ, по усмиреніи яицкаго бунта, по проэкту (инженеръ) генерала Василія Алексѣевича Черткова, построена (землянка) крѣпость, названная Узени. Крѣпость сія имѣла (если не ошибаюсь) въ діаметрѣ болѣе 400 (1200) саженей, правильно построенная, не имѣла никакого наружнаго укрѣпленія, кромѣ сухаго рва. По діаметру искусный (фортификаціонный) строитель крѣпостей можетъ исчислить, сколько въ ней, для охраненія, должно быть гарнизона, артиллеріи и всякихъ воинскихъ припасовъ.

Въ 1797 году, января 16 дня, по высочайшему рескрипту, будучи отправленъ въ сію крѣпость съ нижеслѣдующимъ повелѣніемъ, собственноручно написаннымъ его величествомъ: «ѣхать вамъ въ Узени и прилежащія мѣста, увѣрить жительствующихъ о моемъ къ нимъ благоволеніи и о желаніи видѣть ихъ всегда въ спокойствіи и удовольствіи».

Сей высочайшій рескриптъ покойнаго государя оригиналомъ возвращенъ отъ меня, 1819 года, марта 26 дня, въ собственныя руки государю императору Александру Павловичу.

(Въ 1797 г., въ концѣ января мѣсяца, былъ я въ сей крѣпости, будучи отправленъ по соизволенію государя императора въ предѣлы Иргизи, Узеней, Яика и рѣки Чегана, тянущейся отъ паденія своего при городѣ Яикѣ вверхъ Оренбургской губерніи болѣе 200 верстъ), я нашелъ и т. д.). При осмотрѣ крѣпости Узенъ, я нашелъ въ ней коменданта и 69 человѣкъ солдатъ

изъ Астрахани на Уральскъ и Оренбургъ *), чтобъ сблизить себя съ Яикомъ.

Генералъ-поручикъ Суворовъ **), пустился изъ села Никольскаго съ своимъ корпусомъ по той же Ялтонской дорогѣ нагнать Пугачева; но не могъ его нагнать и, по неимѣнію по сей дорогѣ никакихъ селеній, не могъ и дознаться, куда Пугачевъ направилъ свой побѣгъ, отчего (и прошибся выше верстъ можетъ быть болѣе ста вверхъ рѣки Большаго Узеня, откуда и доносилъ къ графу Панину, въ Пензу прибывшему съ своимъ статомъ, что онъ по сей рѣкѣ застигнетъ камышъ, растущій въ видѣ глубокаго большаго лѣса, въ которомъ Пугачевъ долженъ укрываться; ибо нѣтъ ему возможности кромѣ сихъ мѣстъ нигдѣ въ необозримой и безводной степи себя скрывать, что совершенно предузнавалъ генералъ-поручикъ Суворовъ. Но Пугачевъ съ войскомъ своимъ находился точно на Большомъ Узенѣ, только ниже его, безошибочно могу увѣрить, верстъ болѣе ста. Съ симъ извѣстіемъ графъ Петръ Ивановичъ отправилъ 16 или 17 сентября къ императрицѣ курьера гвардіи измайловскаго полка, капитана Петра Михайловича Лунина).

Дошедъ до озера, Суворовъ направился отъ онаго влѣво, дошедъ также до рѣки Узени, вверхъ выше около ста верстъ отъ того мѣста, гдѣ Пугачевъ внизъ по теченію сей рѣки остановился. Пугачевъ, приостановился, какъ сказано выше, близъ урочища, именуемаго Александровъ-гай, на Большомъ Узени (съ остаткомъ войска). Узнавъ отъ живущихъ по сей рѣкѣ въ скитахъ старообрядческихъ и прочихъ раскольниковъ-отшельниковъ ***), что въ самомъ городѣ (Яикѣ) Уральскѣ и вездѣ по ли-

---

гарнизонныхъ, артиллерійскихъ, инженерныхъ и на бастіонахъ 11 чугунныхъ пушекъ на изломанныхъ лафетахъ; деревянную, почти развалившуюся церковь, комендантскій домъ о пяти комнатахъ, съ избою и всякаго сорта избушекъ до 30 (а крѣпость и всѣ ея укрѣпленія занесенными снѣгомъ такъ, что едва могъ пробраться черезъ мостъ рва и въ крѣпостныя ворота).

П. С. Руничъ.

*) На большомъ Узенѣ находящемся; таковымъ поворотомъ съ Ялтонской дороги скрылъ онъ тѣмъ свой маршъ и сблизилъ себя съ Яикомъ.

Черн. рукоп. Рунича.

**) ....какъ выше сказано, что Пугачевъ дней пять или шесть былъ прежде его въ слободѣ Никольской.... Черн. рукоп. Рунича.

***) ....разосланныхъ по скитамъ живущихъ изстари отшельниковъ въ Узенскихъ изъ различнаго чепышника густыхъ лѣсахъ и камышахъ, непроѣзжихъ

ніи находится много войска и что (повсюду и) всѣмъ по оной даровано всемилостивѣйшее прощеніе и что никого не преслѣдуютъ за бывшіе бунты, но вездѣ по линіи живутъ смирно и благопокойно *), послалъ изъ лагеря при Узеняхъ съ партіями генераловъ Чумакова и Творогова развѣдать, не находится ли гдѣ вверхъ и внизъ по Большому Узеню непріятельскихъ войскъ. Оба сіи генерала, возвратясь, донесли Пугачеву, что ни вверху, ни на низу сей рѣки никакихъ не имѣется непріятельскихъ войскъ; но Чумаковъ извѣстилъ, что верстъ за 30 вверху рѣки, нашелъ онъ 210 человѣкъ, съ ихъ начальникомъ, илецкихъ казаковъ, кои пробрались степью, чтобъ соединиться съ нашимъ войскомъ; на что сказалъ Пугачевъ: «хорошо, вотъ и у насъ прибавляется войско».

Послѣ сихъ полученныхъ извѣстій, не имѣя впрочемъ никакихъ свѣдѣній о генералѣ своемъ Перфильевѣ, изъ слободы Никольской отряженнаго съ (400) 500-ю командою вверхъ Волги, чтобъ пробраться съ оною въ Уральскъ, (въ своемъ шатрѣ) собралъ совѣтъ изъ главныхъ сотоварищей своихъ (преданнѣйшихъ ему людей), оставшихся послѣ разбитія подъ Сениковой Ватагой, предложилъ сему совѣту, чтобъ со всѣмъ войскомъ пуститься «намъ внизъ Большаго Узеня и, переправясь чрезъ оной и Малый Узень, поворотить вправо къ Рынъ-Пескамъ **) и, выйдя на дорогу къ Астрахани, придемъ неожиданно къ оной и овладѣемъ городомъ и крѣпостью, обогатимся завладѣніемъ сего города. Непріятельскія войски, обратившіяся вверхъ Волги искать меня съ моею арміею, будутъ обмануты симъ моимъ планомъ и узнаютъ уже тогда обо мнѣ, когда я буду обладателемъ

и паче не проходимыхъ, разнаго рода раскольниковъ, признаваемыхъ, по суевѣрію, за святыхъ мужей, во первыхъ: что ... Черн. рукоп. **Рунича.**

*) .... во-вторыхъ: донесли ему Чумаковъ и Твороговъ, что партію Илецкихъ казаковъ, въ числѣ 210 человѣкъ съ ихъ начальникомъ, нашли расположенныхъ на Узеняхъ по гаямъ, кои желали пробраться къ ихъ арміи; но гдѣ оная находится не могли никакъ узнать, а потому расположились въ сихъ мѣстахъ, ибо съ такою малою партіею не осмѣливались пробираться къ линіи, гдѣ вездѣ множество находится войскъ, а пускаться по степи къ Волгѣ также не смѣли, ибо носился въ сихъ мѣстахъ слухъ, что и въ сей сторонѣ много разставлено войска..... Черн. рук. **Рунича.**

**) Рынъ-Пески называются песчаныя горы, къ Каспійскому морю прилежащія, значительной высоты; къ симъ горамъ впадаютъ обширныя болота, поросшія удивительно высокимъ тростникомъ и густымъ болотнымъ кустар-

Астрахани; но доколѣ имъ сдѣлается о томъ извѣстно, приумножатся мои силы и мои войска; ибо мы съ яицкими, и донскими, и терскими и гребенскими казаками соединимся; кои, какъ скоро узнаютъ, что я завладѣлъ Астраханью, то присоединятся къ намъ, въ чемъ ни малѣйшаго нѣтъ сомнѣнія».

Совѣтъ согласился съ предложеніемъ Пугачева; положено было на третій день, то-есть 1774 года 15-го декабря *), выступить въ походъ, а 14-го числа положилъ Пугачевъ осмотрѣть самъ войско свое.

Съ вечера приказалъ шурину своему Коновалову прежде его объѣхать лагерь и встрѣтить его, когда онъ къ оному подъѣдетъ.

Но образумившіеся Чумаковъ, Твороговъ и Федуловъ, видя, что они съ Пугачевымъ погибнутъ, дабы спасти себя, сдѣлали въ ночь заговоръ: на 14-е число Пугачева схватить и предать въ руки правосудія; положили нарядить въ сей день на караулъ къ ставкѣ своего императора и въ конвой къ нему своихъ единомышленниковъ, а конвойному начальнику приказали, вмѣсто соловаго его коня осѣдлать ему самую худую лошадь, что все исполнить велѣно тогда, когда Коноваловъ поѣдетъ осматривать лагерь; положили, какъ онъ (Пугачевъ) будетъ выходить изъ спальни, то его схватить и связать.

Пріѣхавъ сіи три генерала рапортовать своего государя о благосостояніи арміи, находятъ у ставки трехъ монаховъ изъ скитовъ, кои объявили, что пришли императору поклониться и поднести ему два арбуза, узнавъ, что завтрешній день изволитъ его величество выступить въ походъ.

никомъ обѣ рѣки Большой и Малый Узень, кои и впали въ сіи болота, гдѣ промышленники ловятъ рыбу, сазанъ именуемую, дикихъ кабановъ и разнаго рода птицъ, коихъ находится тамъ милліоны, прилетая на зимовье. Отъ сихъ промышленниковъ узналъ я, что они переходятъ и самыя горы Рынъ-Песковъ; удостовѣряли меня, что рѣки Большой и Малый Узень, слившись въ болота, протекаютъ чрезъ подошву горъ Рынъ-Песковъ и втекаютъ небольшими ручьями въ Каспійское море; но ни на одной россійской картѣ оныхъ не означено. Старался узнать отъ промышленниковъ, платятъ-ли они въ казну что за ловлю по Узени, озерамъ и болоту водяному, сазановъ, звѣрей и птицъ; но никакъ не могъ отъ нихъ дознаться о дозволеніи симъ промысломъ пользоваться; но только отъ нихъ узналъ, что на сей промыселъ пускаются самые отважные люди. П. С. Руничъ.

*) Не декабря, а сентября — явная описка. Ред.

Вошедши въ ставку и отрапортовавъ объ арміи, доложили и о монахахъ, коимъ приказано войти въ ставку.

Монахи, поклонясь въ землю, поднесли два арбуза необыкновенной величины. Одинъ велѣно поставить на столъ походный, а другой (Пугачевъ) велѣлъ отнести женѣ съ сыномъ, и поговоря со святыми отцами, отпустилъ ихъ, и вынувъ ножъ свой, который всегда имѣлъ при своемъ поясѣ, подалъ оный Чумакову, сказавъ ему: «разрѣжь этого великана, мы его отвѣдаемъ и поѣдемъ къ лагерю».

Чумаковъ, принявъ ножъ, мигнулъ Творогову и Федулову, а самъ держа въ рукѣ ножъ, вдругъ громкимъ голосомъ закричалъ: «ты, Емелька, долго насъ обманывалъ; ты не государь Петръ III, а измѣнникъ и бунтовщикъ—Пугачевъ!»

Услыша сіи громовыя слова, Пугачевъ вмигъ бросился изъ ставки вонъ и закричалъ: «лошадь—измѣна, измѣна!» Ему подвелъ казакъ лошадь, но въ изступленіи и страхѣ, не могъ увидѣть, что эта лошадь не его соловой конь, вмигъ на оную вскочилъ и поскакалъ къ лагерю, крича: «измѣна, измѣна!»

Коноваловъ, ожидавшій у лагеря своего шурина государя, услыша тревогу, бросился съ своимъ конвоемъ на встрѣчу своего государя; но Твороговъ, Федуловъ и Чумаковъ съ 40 человѣками окружили Пугачева, котораго Коноваловъ бросился съ саблею отнимать, но въ одну минуту изрубленъ былъ въ куски, а прочіе, бывшіе съ нимъ въ конвоѣ, ударились въ бѣгъ, а за ними и весь воинскій станъ разсыпался бѣжать въ степь, кромѣ до 500 лучшихъ яицкихъ казаковъ, кои всѣ были въ заговорѣ съ Чумаковымъ, Твороговымъ и Федуловымъ.

Такимъ образомъ кончился пагубной Пугачева бунтъ; котораго означенныя лица, связавъ съ женою его и сыномъ Трофимомъ, немедленно степью повезли въ Уральскъ, откуда ужъ генералъ-поручикъ Суворовъ, по узнаніи о происшествіи, взялъ его Пугачева и привезъ въ Симбирскъ. (Все сіе происшествіе узналъ я отъ тѣхъ самыхъ яицкихъ казаковъ, кои были производители онаго). Чумаковъ, Твороговъ и Федуловъ, со всѣми (болѣе 250 человѣкъ) бывшими съ ними въ заговорѣ предать Пугачева въ руки правосудія, по высочайшему государыни императрицы повелѣнію, прощены и отъ всѣхъ по бунту слѣд-

ствій повелѣно освободить (и навсегда предать забвенію всѣ сіи преступленія).

Примѣчаніе отъ ред. Разсказъ о выдачѣ Пугачева его генералами изложенъ Руничемъ въ первой редакціи записокъ нѣсколько подробнѣе; а такъ какъ этомъ эпизодѣ, прямо записанномъ сословъ дѣйствовавшихъ въ немъ лицъ, каждая самая мелочная подробность интересна, то мы и приводимъ здѣсь изъ черновыхъ записокъ Рунича первоначальную редакцію этого разсказа:

«(....Пугачевъ на совѣтѣ съ приближенными своими наконецъ рѣшительно открылъ имъ свои мысли, что положеніе его и ихъ собственное требуетъ непремѣннаго, точнаго, единодушнаго, скораго его воли и его плана исполненія, со всею повинностію и послушаніемъ; ибо благоразумнѣе того ничего придумать они не могутъ, что придумано имъ, и какое онъ, по плану своему, сдѣлаетъ расположеніе, которое онъ имъ, какъ истинный ихъ государь, предлагаетъ и повелѣваетъ привести чрезъ два дня въ исполненіе: ибо симъ средствомъ предопредѣляются предбудущее ихъ счастіе и его справедливость, коей лишить никто и никакая власть его не можетъ, что онъ имъ докажетъ всѣми своими правами и своими дѣйствіями.

«(Итакъ мы должны отсюда подняться чрезъ два дни, принявъ благословеніе отъ святыхъ мужей, здѣсь молящихся за страдальцевъ неповинныхъ, съ коими наканунѣ простимся и вспомнимъ ихъ тогда, когда успѣхъ вѣнчаетъ его дѣло. Мы пустимся отсюда внизъ между обѣихъ Узеней со всѣмъ при насъ находящимся войскомъ; провіанту и всякаго запасу у насъ довольно. Вы знаете, что водится въ обѣихъ сихъ рѣкахъ и что по гаямъ, въ камышахъ оныхъ, найдемъ мы въ сіе время самую лучшую, здоровую пищу для людей, и для лошадей изобильнѣйшій кормъ и воду вездѣ свѣжую, слѣдственно мы ни въ чемъ не будемъ имѣть нужды и недостатка; а при томъ вы и каждый изъ васъ знаетъ, что до самыхъ Рынъ-Песковъ *) и въ

*) (Здѣсь считаю не безполезнымъ объяснить тѣ мои свѣдѣнія, кои мнѣ сдѣлались извѣстными въ бытность мою 1797 года въ крѣпости Узеняхъ и по тѣмъ рѣкамъ. По Большому Узеню отъ крѣпости внизъ надлежало мнѣ ѣхать одному съ унтеръ-офицеромъ Архаровскаго гарнизоннаго полка, Счасливымъ прозываемаго, до Александра-Гая; ибо съ нимъ однимъ и въ Саратовѣ и въ Вольскѣ переѣзжалъ я Волгу странствовать по вышесказаннымъ мѣстамъ. Выѣхавъ изъ Узенской крѣпости, проѣхали три селенія, при покойной государынѣ населенныя изъ малороссіянъ, русскихъ, крещенныхъ и мордвы, казнѣ при-

лѣвую сторону рѣки Яика не болѣе отсюда 400 верстъ, что для нашего войска перейти ничего не значитъ. Дошедъ до Яика изъ тамошнихъ станицъ пристанутъ къ намъ товарищи ваши, гдѣ никогда воинскихъ командъ нашихъ непріятелей не можетъ находится; мы свободно такимъ образомъ дойдемъ до Гурьева городка, гдѣ найдемъ и на морѣ наберемъ довольно всякаго сорта судовъ и большихъ лодокъ и на нихъ пустимся свободно по морю; пристанемъ въ удобномъ мѣстѣ и пройдемъ къ Некрасовцамъ, гдѣ насъ съ великою радостію примутъ. Отсюда-то начну я вновь мои дѣйствія и докажу моимъ врагамъ мое право и мою справедливость, а къ вамъ и ко всѣмъ тѣмъ, кто право мое защищалъ, всю полную мою благодарность. Если не удалось мнѣ изъ источниковъ вѣрныхъ моихъ яицкихъ друзей восторжествовать моимъ правомъ, то съ ними и многими народами изъ другаго мѣста пущу мои стрѣлы».

По окончаніи всего вышесказаннаго, всѣ бывшіе единогласно одобрили и согласились на неожиданное сіе Пугачева распоряженіе поступать и волю его исполнять со всею къ нему преданностію, затѣмъ разошлись приготовляться къ походу, чтобъ непремѣнно выступить изъ своего становища черезъ два дня, а самъ Пугачевъ съ Коноваловымъ остались въ своемъ шатрѣ.

Начальники и все войско занялось сей день, именно 13-го

надлежащія. Открылось мнѣ во-1-хъ что сіи крестьяне переведены въ сіи мѣста въ числѣ 700 душъ, скоро по построеніи Узенской крѣпости. Земли дано имъ было достаточно, па которой сѣютъ они различный хлѣбъ; но прокормиться онымъ не могутъ, ибо звѣрекъ, называемый сусликъ, до тла оный у нихп истребляетъ ежегодно; во-2-хъ: для скотоводства имѣютъ они съ излишествомъ пастбищъ, но во всякую весну съ начала, а иногда лѣтомъ и осенью угоняютъ у нихъ скотъ хищные киргизы и уводятъ лошадей, почему всѣ въ селеніяхъ жители бываютъ вооружены и во время работъ, и по симъ обстоятельствамъ и не могутъ они исправно платить государевыхъ податей, коихъ считалось на нихъ въ то время до 17,000 руб. По донесенію моему о всемъ вышесказанномъ, государь императоръ повелѣть соизволилъ сію недоимку имъ простить; но существуютъ ли нынѣ сіи селенія и бывшая крѣпость Узень, мнѣ неизвѣстно. Побывъ около урочища Александрова-Гая въ одномъ старообрядческомъ скитѣ цѣлыя сутки, почерпнулъ я полное свѣдѣніе о Большомъ и Маломъ двухъ рѣкъ Узеняхъ и Рынъ-Пескахъ. Первыя двѣ рѣки по теченію своему на югъ долины, впадаютъ въ Каспійское море, но впаденіе ихъ пропадаетъ въ неизвѣстныхъ болотахъ, какъ въ долготѣ, такъ и въ широтѣ поросшихъ такимъ высокимъ камышемъ и всякимъ болотнымъ растеніемъ, ьло совершенно кажутся ужаснымъ лѣсомъ). П. С. Руничъ.

числа сентября 1774 года, приуготовленіемъ къ выступленію 15-го числа въ походъ, а 14-го числа, при первомъ утреннемъ рапортѣ донесено государю, что все готово къ выступленію и что у святыхъ мужей приготовленъ для него и прочихъ генераловъ хлѣбъ и соль, то какъ будетъ угодно къ нимъ поѣхать и проститься съ ними.

Онъ спросилъ ихъ «далеко ли все это приготовленіе отсюда?» Ему донесли, если угодно выйти, то изволитъ увидѣть.

Онъ съ ними выйдя изъ шатра своего, увидѣлъ, что поставленъ шатеръ и нѣсколько оплетенныхъ шалашей, не болѣе отъ лагеря, какъ саженъ за 300, приказалъ, чтобъ Чумаковъ, Твороговъ и Федуловъ, съ обыкновеннымъ его конвоемъ, 12-ю человѣками были готовы и обратясь къ Коновалову, сказалъ ему: «чтобы мой конь также былъ готовъ, а ты останься вмѣсто насъ при лагерѣ, а вы, сказалъ прочимъ, когда будетъ время ѣхать, доложите».

Въ половинѣ дня доложено было, что все готово, подведена лошадь его соловая; какъ скоро на оную возсѣлъ, то отдана отъ караула при шатрѣ честь; поѣхалъ со свитою около 20 человѣкъ состоящею, имѣя за своимъ поясомъ обыкновенно украшенный различными камнями обоюдный ножъ по менѣе вершковъ двухъ кинжала, безъ котораго никому не показывался. Подъѣзжая къ приготовленному шатру шагахъ въ 10, съ низкими встрѣтили до земли поклонами его 5 престарѣлыхъ старцевъ въ простомъ черномъ шерстяномъ одѣяніи, святые отцы пустынножители узенскіе.

Сошедъ съ лошади и поклонясь онымъ и поцѣловавшись съ каждымъ, вошелъ въ шатеръ, гдѣ ужъ приготовленъ былъ завтракъ. По нѣкоторомъ распросѣ старцевъ кое-о-чемъ, осмѣлились они просить дорогаго гостя удостоить скудную ихъ хлѣбъ и соль откушать. Поднесено въ стеклянномъ стаканчикѣ вино или водка, не могу сказать, и випито; поднесено и прочимъ, которымъ приказано было вмѣстѣ съ нимъ завтракать, впродолженіе чего также удостоены старцы говорить съ государемъ. На столѣ поставлено было 3 арбуза, изъ нихъ одинъ необыкновенной величины, которой взялся-было пополамъ перерѣзать Чумаковъ столовымъ старческимъ ножичкомъ, но какъ онъ былъ не великъ и не остеръ, то требовалъ побольше ножа, почему нѣ-

которые какъ изъ старцевъ, такъ и изъ свиты и позасуетились то у того, то у другаго спрашивать побольше ножа, но всѣ отозвались неимѣніемъ.

А какъ въ сіе время Пугачевъ говорилъ что-то съ однимъ старцемъ всѣхъ прочихъ древнѣйшимъ, то Чумаковъ и Твороговъ, близъ коихъ стоялъ и Федуловъ, подошли къ нему и просили: «государь, батюшка, не пожалуете ли вашего ножа разрушить арбузъ; ибо здѣсь ни у старцевъ, ни у нашихъ нѣтъ того большаго ножа, коимъ бы можно было перерѣзать сей невидимый арбузъ».

Онъ, говоря со старцемъ, вынулъ ножъ изъ ноженъ, отдалъ Творогову и оборотился посмотрѣть какъ будутъ оный рѣзать. Но вдругъ слышитъ отъ Чумакова, Творогова и Федулова одинъ голосъ: «мы обманывались—ты не государь, а измѣнникъ и бунтовщикъ!»

Услыша сіи громовыя слова, въ одно мгновеніе бросился Пугачевъ изъ шатра, и прямо къ своей лошади, а старцы, всѣ пятеро, попадали отъ страху на землю. Но вмѣсто оной увидя другую, которую подвелъ ему одинъ казакъ, вскочилъ на нее какъ только могъ, а казакъ, подавшій ему лошадь, предъ нимъ во весь духъ ударился скакать къ лагерю, крича: «измѣна! измѣна!» что увидя и услыша стоявшіе на караулѣ и при нихъ Коноваловъ, ту минуту ударили тревогу, крича: «измѣна! измѣна!», бросились на встрѣчу къ Пугачеву, но за нимъ ужъ близко наскакали Твороговъ, Чумаковъ, Федуловъ и прочихъ 40 человѣкъ и болѣе съ тѣми, которые его провожали, схватили его, Пугачева, котораго отнимать бросился-было съ саблею Коноваловъ, но въ минуту изрубленъ почти въ куски, а прочіе бывшіе съ нимъ удалились, кто въ лагерь, кто куда могъ, и весь воинскій станъ разсыпался» *).

Подъѣхавъ съ связаннымъ своимъ плѣнникомъ къ шатру, гдѣ прежде, за нѣсколько минутъ, государь ихъ водворялся, при которомъ нашли жену его и сына, коляску, лошадей и прочее,

*) Весь разсказъ Рунича въ обоихъ редакціяхъ о поимкѣ Пугачева заслуживаетъ особаго вниманія; необходимо замѣтить, что у Пушкина (Истор. Пугач. бунта изд. 1859 г., т. VI, стр. 109) помѣщенъ разсказъ о томъ же, но гораздо короче и едвали достовѣрный; причемъ невидно, откуда Пушкинъ его заимствовалъ. Ред.

куда явилось до 200 человѣкъ настоящихъ яицкихъ казаковъ, немедленно распорядились повести своего плѣнника съ женою и сыномъ въ городъ Яикъ, въ сопровожденіи около 250 человѣкъ, изъ однихъ яицкихъ казаковъ, что того жъ дня и сдѣлано было, почему и переправились чрезъ Узени и пустились въ путь; а достальная сволочь арміи разсыпалась по степи въ разныя стороны, гдѣ кто думалъ спасти себя. Изъ сей то сволочи Саратовскій казакъ Уфимцовъ *), съ однимъ малороссіяниномъ изъ Покровской слободы противъ Саратова на луговой сторонѣ лежащей, направя побѣгъ свой къ Иргизскимъ монастырямъ, пробирались къ Малыковкѣ и встрѣтились съ 5 человѣками копейщиковъ подъ командою гвардіи поручика Га. Ро. Державина находящихся, съ коими отряженъ онъ былъ отъ Казанскаго своего начальника, генералъ-маіора Па. С. Потемкина, искоренять шайки возмутителей и дознаться гдѣ съ своимъ корпусомъ генералъ-поручикъ Суворовъ гонится за Пугачевымъ. Сіи 5 человѣкъ копейщиковъ встрѣтясь съ Уфимцовымъ и малороссіяниномъ Покровской слободы, схватя ихъ обоихъ, отъ коихъ узнавъ о происшествіи съ Пугачевымъ и что въ побѣгѣ своемъ видѣли они къ сторонѣ рѣки Узеня, вдали ниже Сызрана какое-то войско, а чтобъ не попасть въ руки онаго пробирались степью къ Малыковкѣ, надѣялись въ оной укрыться. 3 человѣка копейщиковъ, по показанію Уфимцова и малороссіянина, связавъ имъ руки и обезоружа обоихъ, пустились съ ними къ своему начальнику Державину **), а двумъ своимъ товарищамъ велѣли скакать къ Узенямъ въ ту сторону, гдѣ

*) Сей самый урядникъ Уфимцовъ, 1797 году въ проѣздъ мой къ Узенямъ конвоевалъ меня съ 10 человѣками казаковъ отъ маяка до маяка учрежденныхъ до крѣпости Узеньской. Увидя сего Уфимцова на 1-мъ маякѣ и примѣтя въ немъ лицо знакомое мнѣ, я спросилъ его: «Г. урядникъ мнѣ ты знакомъ и лицо твое знакомо»; онъ отвѣчалъ мнѣ: «я—Уфимцовъ, тотъ самый, который копейщикомъ съ малороссіяниномъ приведены къ г. Державину. Ваше превосходительство, нѣсколько разъ изволили меня тогда распрашивать и я, милостію вашею, доволенъ».

Вотъ какъ въ жизни человѣческой сближаются иногда случаи за нѣсколько лѣтъ прошедшіе: 24 года тому протекло какъ Уфимцова я видѣлъ и говорилъ съ нимъ. П. Руничъ.

**) Между Малыковки и Сызрана на луговой сторонѣ съ своимъ отрядомъ копейщиковъ придерживавшагося. Копейщики по копьямъ своимъ прозванія получили; они были набраны изъ казенныхъ крестьянъ добровольно въ сіе войско поступившихъ. П. Руничъ.

Уфимцовъ и малороссіянинъ видѣли какое-то войско, которое точно и нашли въ сторонѣ указанной на другой день. Узнавъ, что при ономъ находится генералъ-поручикъ Суворовъ, явились къ нему и донесли, что слышали отъ Уфимцова и малороссіянина, которые увѣряли ихъ, что Пугачева повезли на Яикъ, а войско его все разсыпалось по степи.

Донесли также его превосходительству, что Уфимцовъ и малороссіянинъ тремя ихъ товарищами отведены къ ихъ начальнику Державину.

Генералъ Суворовъ, по объявленному извѣстію, тотчасъ перешелъ Узени съ нѣкоторымъ конвоемъ легкаго войска, пустился къ городу Яику и, въ одно почти время съ плѣннымъ Пугачевымъ, въѣхалъ въ оный, коего только-что хотѣли передать коменданту,—взялъ Пугачева подъ свое вѣдѣніе и распоряженіе не задерживаясь съ нимъ въ Яикѣ и приказавъ заготовить кибитку открытую, которую и прозвали простолюдимцы клѣткою, отправился съ нимъ въ Симбирскъ къ графу Петру Ивановичу Панину, куда прибылъ графъ вечеромъ въ одинъ день съ генераломъ Суворовымъ.

Выше сказано, что три копейщика съ казакомъ Уфимцовымъ и малороссіяниномъ изъ Покровской слободы пустились къ своему начальнику Державину, коихъ на другой день по поимкѣ ихъ къ нему и представили, отъ которыхъ узнавъ Державинъ всѣ обстоятельствы о Пугачевѣ, тотчасъ отправилъ въ Казань курьера къ начальнику своему, генералъ-майору Потемкину; сей курьеръ, переправясь подъ Сызраномъ чрезъ Волгу, былъ остановленъ и представленъ генералъ-поручику, князю Петру Михайловичу Голицыну съ корпусомъ своимъ около Сызрана расположеннымъ, отъ котораго князь узнавъ о происшествіи столь важномъ, неудерживая въ Казань посланнаго курьера, тотчасъ отправилъ отъ себя съ симъ извѣстіемъ другаго въ Пензу къ графу Петру Ивановичу Панину. Графъ, по полученіи сего счастливаго извѣстія, немедленно послалъ къ государынѣ императрицѣ отъ себя курьера, находящагося при немъ отставнаго армейскаго капитана князя Александра Ив. Лобанова Ростовскаго, который нагнавъ подъ Петербургомъ на послѣдней станціи за день прежде его отправленнаго гвардіи ка-

питана Пет. Мих. Лунина, кои обое всемилостивѣйше пожалованы: Лобановъ, гвардіи въ капитанъ поручики, а Лунинъ, полковникомъ.

XII.

Тревожное состояніе Секретной Коммиссіи.—Передача Пугачева подъ наблюденіе составителя записокъ. — Пугачевъ предъ гр. П. И. Панинымъ.—Караулъ и офицеры, приставленные къ Пугачеву.—Пугачевъ предъ военнымъ судомъ.—Допросъ.—Приготовленія къ пыткѣ.—Показаніе Пугачева.—Пугачевъ въ дорогѣ изъ Симбирска въ Москву.—Разсказъ Пугачева о пораженіи его при Сениковой Ватагѣ.—Свиданіе Пугачева съ Михельсономъ. — Болѣзнь Пугачева. — Секретная просьба его. — Составитель записокъ вылечиваетъ Пугачева. — Пугачевъ въ Москвѣ.

октябрь и ноябрь 1774 г.

Въ самый день пріѣзда гр. П. И. Панина въ Симбирскъ, вечеромъ генералъ-поручикъ Суворовъ привезъ взятаго въ Уральскѣ отъ тамошняго коменданта плѣннаго Пугачева.

Занявшись съ г. Галаховымъ въ сей вечеръ размышленіями объ участи (своей и ввѣренной ему Голахову коммиссіи, къ которой я причисленъ по предписанію графа и который совершенно былъ моимъ свидѣтелемъ, что въ упускѣ и потерѣ Остафія Трифонова не подвергался я никакому законному взысканію) несомнѣнно предполагали, что графъ не оставитъ донести государынѣ императрицѣ о побѣгѣ Остафія Трифонова (разсуждая, что завтрашняго дня утро откроетъ намъ непремѣнное расположеніе графа), придумывали и о томъ, кому графъ ввѣритъ подъ присмотръ Пугачева, коего жизнь съ крайнею осторожностью и тщаніемъ должна быть сохранена до рѣшенія объ немъ дѣла, яко важнѣйшаго государственнаго арестанта, и что не можетъ того случиться, чтобъ графъ озаботилъ присмотромъ симъ генералъ-поручика Суворова, привезшаго Пугачева изъ Уральска въ Симбирскъ. (Что же касается до ввѣренной по секрету Коммиссіи собственно его начальству, то графъ можетъ ему объявить, чтобъ онъ съ оною самъ распорядился куда ему явиться должно, а мнѣ приказать, чтобъ я, по причисленію къ его командѣ, остался подъ его начальствомъ, поелику двоекратно дано знать о томъ Военной Коллегіи).

Находясь, можно сказать, въ такомъ затруднительномъ недоумѣніи, что съ коммиссіей и судьбою нашею воспослѣдуетъ (мы обое, заворотя руки назадъ, ходили взадъ и впередъ по ком-

натѣ); должно было навѣрное полагать, что графъ ввѣритъ подъ присмотръ кому-нибудь Пугачева изъ находящихся подъ его начальствомъ чиновниковъ (на котораго можетъ понадѣяться въ сохраненіи), а Коммиссіи объявить можетъ, чтобъ оная отправилась въ Петербургъ. (Я долженъ здѣсь со всею истиною признаться, что крайне тревожило меня наше положеніе; ибо имѣя въ виду, что, если Остафій Трифоновъ кончитъ съ успѣхомъ важное дѣло на себя принятое, и передастъ намъ злодѣя въ руки, то не останусь и я безъ награды, а какъ уже подано отъ меня было прошеніе объ увольненіи меня отъ военной службы и всякой въ отставку по нѣкоторому огорченію и несправедлисти, мнѣ причиненныхъ въ 1773 году въ арміи за Дунаемъ находившейся, то, по привязанности моей къ воинской службѣ, утѣшительно мнѣ было надѣяться, что буду опять оную продолжать. Но какъ побѣгомъ своимъ Остафій Трифоновъ всѣ лестныя мои надежды и Коммиссіи также въ одно мгновеніе не только что затмилъ, но и посрамилъ, то всякій честный и благоразсудительный человѣкъ можетъ себѣ представить, что Коммиссія, возложенная на гвардіи капитана Галахова, останется на чудомъ счету у государыни-императрицы, а тотъ кто его, Галахова, рекомендовалъ не весьма также будетъ имъ доволенъ, что дерзновеннѣйшій злодѣй Остафій Трифоновъ убѣжалъ и выпущенъ изъ рукъ). Шатаясь обою по комнатѣ взадъ и впередъ въ размышленіи о судьбѣ нашей, вдругъ пришло мнѣ въ мысль (о чемъ, по сущей моей совѣсти, а не въ подлость похвалы себѣ здѣсь объясняю) сказать г. Галахову: «я думаю, не поможетъ ли намъ то, что, если вы завтра (рано) какъ явитесь со мною) передъ графомъ (Панинымъ), то чтобъ (немедля) испросить у его сіятельства дозволеніе наединѣ съ нимъ объясниться и если графъ сдѣлаетъ вамъ сію честь, что дозволитъ вамъ съ нимъ говорить наединѣ, то вы покажете его сіятельству данное вамъ наставленіе (высочайшій рескриптъ государыни императрицы, ему всемилостивѣйше данный); но г. Галаховъ не сказалъ мнѣ (выслушавъ) мое (странное) ему предложеніе ни слова, послѣ чего (продолжая еще нѣсколько времени ходить оп комнатѣ), разошлись по своимъ комнатамъ (спать); но сказалъ мнѣ при томъ, что въ седьмомъ часу завтра должны мы явиться къ графу.

Пришедши въ 7-мъ часу утра къ его сіятельству, мы нашли сего препочтеннаго старца одѣтаго въ мундирѣ и ходящаго по (большой пріемной) комнатѣ, въ которой находилось уже разнаго званія человѣкъ до 40.

Поздравивъ его сіятельство съ благополучнымъ пріѣздомъ, оставались мы впереди (поодаль отъ) всѣхъ находящихся людей въ комнатѣ (Галаховъ съ правой стороны у графа, а я съ лѣвой). Минутъ пять прошло въ безмолвіи; но (вижу что) г. Галаховъ, когда графъ близко его остановился, подошелъ къ его сіятельству и что-то ему молвилъ *).

Графъ указалъ ему рукой идти за нимъ въ другую комнату гдѣ и подалъ онъ его сіятельству данное ему наставленіе. Графъ, принявъ оное и прочитавъ, пробылъ съ нимъ наединѣ съ ¼ часа, потомъ Галаховъ вышелъ одинъ и сталъ на прежнее свое мѣсто (между тѣмъ что графъ съ моимъ начальникомъ былъ въ другой комнатѣ, вобралось народу въ пріемную комнату до 50 человѣкъ, въ томъ числѣ нѣсколько дамъ въ черномъ и цвѣтномъ одѣяніи).

Минутъ черезъ 10 послѣ Галахова вышелъ и графъ и, оборотясь ко мнѣ, сказалъ мнѣ: «господинъ майоръ, назвавъ меня по фамиліи, подите примите злодѣя Пугачева и представьте его предо мною; ибо я приказалъ вамъ его сдать».

Выслушавъ повелѣніе его сіятельства, я тотчасъ, съ двумя гренадерами преображенскаго полка Дибулинымъ и Кузнецовымъ, пошелъ гдѣ содержался Пугачевъ на квартирѣ **). И (принялъ страшилище Россіи подъ присмотръ) отъ конвоевавшаго его уральскаго войска подполковника Бородина и съ означенными двумя гренадерами съ примкнутымъ на ружьяхъ штыками ***), ввелъ его, Пугачева, въ пріемную комнату, гдѣ нахо-

*) Вдругъ подступивъ къ графу и наклонясь, докладывалъ что-то его сіятельству....... Черн. рукоп. **Рунича**.

) «Варіантъ: «ту минуту бросился выполнить оное, пустился прямо бѣгомъ къ своей квартирѣ и, взявъ двухъ гренадеръ преображенскаго полка Дибулина и Кузнецова съ ружьями примкнутыхъ штыковъ, приказалъ другимъ 6 человѣкамъ идти за мной также съ ружьями; чрезъ два двора отъ моей квартиры прошедъ, ибо въ третьемъ содержался Пугачевъ, вошелъ въ избу и увидѣлъ я сего государственнаго злодѣя. Приставъ, при немъ находящійся, сдалъ мнѣ его тотчасъ скованнаго по рукамъ и ногамъ». Черн. рукоп. **Рунича.

***) ....приказалъ ему итти за собою въ сопровожденіи 8 человѣкъ преображенскаго полка гвардейскихъ солдатъ съ примкнутыми штыками, и пришедъ съ нимъ въ домъ, гдѣ графъ находился.... Черн. рукоп. **Рунича**.

дился графъ, въ коей было болѣе (300) 200 человѣкъ военныхъ, гражданскихъ и разнаго званія и пола людей.

Поставивъ злодѣя посреди комнаты, который, увидя графа въ воинскомъ мундирѣ и разныхъ орденахъ *) палъ на колѣна.

Графъ, встревоженный во всѣхъ чувствахъ истиннаго сына отечества своего, подошедъ съ терзаніями сердца и души, спросилъ злодѣя:

— «Какъ могъ ты, извергъ, вздумать быть царемъ Россіи?»

Пугачевъ, поклонясь до полу и поднявшись, отвѣчалъ: «виноватъ передъ Богомъ, государемъ и министрами!»

Послѣднее слово злодѣя такъ разгорячило сего правдиваго россіянина, что, поднявъ правую руку, едва не ударилъ злодѣя; но, въ одно мгновеніе отступя отъ него и поднявъ обѣ руки вверхъ (въ трепетаніи своего сердца), съ пролитіемъ горькихъ слезъ, воскликнулъ:

«Господи! (я осквернилъ-было мои руки!)»

Въ ужасномъ рыданіи и востревоженіи духа своего, не опуская рукъ, паки воскликнулъ: «Боже милосердый! во гнѣвѣ твоемъ праведно наказалъ Ты насъ симъ злодѣемъ» и въ ужасномъ рыданіи (ручьями лились старческія его слезы. Всѣ присутствовавшіе какъ окаменѣлые безмолвствовали). Вдругъ со строжайшимъ повелѣніемъ графъ сказалъ мнѣ: «возьмите сего злодѣя и если вы его потеряете и не сохраните, то будете отвѣчать предо мною и государемъ».

(Мнѣ сказывали, что, по выводѣ моемъ Пугачева, графъ говорилъ предстоящему дворянству, съ пролитіемъ горькихъ слезъ, безподобно трогательную рѣчь на счетъ поведенія живущихъ въ деревняхъ дворянъ; но какъ я самъ сей рѣчи не слышалъ, то и помѣщать въ запискахъ моихъ оную не могу).

Отведя Пугачева (такимъ же образомъ какъ его въ домъ графу представилъ) въ назначенный для его содержанія домъ, (приставивъ къ нему двухъ преображенскихъ гренадеръ Дибулина и Кузнецова, приказалъ прочимъ преображенскаго полка солдатамъ и 12 человѣкамъ Древицова полка гусарамъ перейти въ сей домъ) и учредилъ (изъ нихъ) какъ внутри, такъ и на

*) Пугачевъ видѣлъ графа бывъ подъ Бендерами въ войскѣ донскомъ, гдѣ онъ, Пугачевъ, раненъ и потомъ отпущенъ на Донъ для излѣченія.

П. С. Руничъ.

дворѣ снаружи часовыхъ; принялъ также подъ (свой) присмотръ первую его жену и сына его Трофима (на семъ дворѣ) содержащихся въ особой избѣ (приставилъ къ нимъ двухъ преображенскихъ солдатъ).

Учредивъ весь порядокъ къ сохраненію злодѣя и приставя къ нему гренадера Дибулина, чтобъ онъ приготовлялъ для него со всею осторожностію сытую и свѣжую пищу и питье, которыя онъ одинъ только и подавать ему долженъ, рапортовалъ о моемъ распоряженіи своему начальнику гвардіи капитану г. Галахову, который приказалъ мнѣ быть безотлучно при Пугачевѣ, а въ 7 часовъ вечера рапортовать объ немъ графу (котораго нашелъ въ той же комнатѣ, гдѣ былъ представленъ его сіятельству Пугачевъ); присоединилъ уральскаго подполковника Мартемьяна Михайловича Бородина съ его 40 человѣками уральскихъ казаковъ къ находящейся у меня командѣ шести человѣкъ солдатъ преображенскаго полка.

При вечернемъ въ 7 часовъ моемъ графу рапортѣ о благополучномъ пребываніи Пугачева, его сіятельство сказалъ мнѣ: «завтрашняго числа явятся къ вамъ 4 офицера, коимъ прикажите денно и нощно по два быть при злодѣѣ, ибо вамъ одному не возможно безпрерывно при немъ находиться».

Въ сей день нашелъ я у графа 5 человѣкъ: 4-хъ гвардіи полковъ офицеровъ: (Измайловскаго полка поручика или капитанъ-поручика Вас. Ал.) Новосильцева, (и подпоручика) Лихарева, (Семеновскаго полка подпоручика Кир. Аѳ.) Жукова, (и конной гвардіи корнетовъ Конст. Ив.) Повало-Швейковскаго и (Алек. Яков.) Римскаго-Корсакова, коихъ государыня императрица изволила прислать къ графу, для употребленія гдѣ будутъ они ему нужны; сверхъ сихъ чиновниковъ находились при графѣ, отставной полковникъ Веревкинъ (извѣстный многими своими переводами съ французскаго и нѣмецкаго языковъ), гвардіи отставной офицеръ Карамышевъ, а при его сіятельтсва военной походной канцеляріи секундъ-майоръ Василій Васильевичъ Чулковъ и по дѣламъ гражданскимъ надворный совѣтникъ Тимоѳ. Ивановичъ Чонжинъ.

При утреннемъ на другой день, въ 7 часовъ, рапортѣ, нашелъ я у графа въ кабинетѣ одного только генералъ-майора

Павла Сергѣевича Потемкина, пріѣхавшаго наканунѣ изъ Казани; спустя минутъ пять вошелъ въ оный генералъ-поручикъ Александръ Васильевичъ Суворовъ, котораго графъ встрѣтилъ съ восторгомъ и привѣтствовалъ его съ величайшими похвалами за всѣ его подвиги и дѣйствія относительно поимки Пугачева. За это генералъ-поручикъ Суворовъ чуть-чуть не съ поземельными поклонами благодарилъ графа. Но генералъ-майоръ Потемкинъ съ особою скромностью слушалъ сіи похвалы, а притомъ смотрѣлъ на поклоны генералъ-поручика Суворова съ нѣкимъ недоумѣніемъ (невниманіемъ) и тайною улыбкою.

Въ сей же день его превосходительство генералъ-поручикъ Суворовъ отъѣхалъ въ Москву.

Чрезъ два дня по принятіи Пугачева подъ мой присмотръ, прислана ко мнѣ записка изъ военнаго суда, въ которомъ присутствовалъ генералъ-майоръ Потемкинъ, 1 подполковникъ, коего названія не упомню и третій майоръ Зиновьевъ, чтобъ я представилъ въ судъ Пугачева въ надлежащемъ образѣ; куда и представилъ я его съ 4-мя гренадерами преображенскаго полка, коимъ приказано выйти и стать у дверей судейской комнаты, а мнѣ приказано сѣсть подлѣ младшаго члена, майора Зиновьева.

Генералъ-майоръ Потемкинъ самъ началъ по пунктамъ допрашивать Пугачева, котораго своими вопросами доводилъ до крайняго (въ отвѣтахъ) замѣшательства (такъ что по допросамъ симъ въ потъ кидало злодѣя; но споря и добиваясь онъ отъ него признанія, что не подкупленъ ли онъ былъ какими иностранцами, или особенно кѣмъ изъ одной, или другой столицы, Петербурга и Москвы, на беззаконное объявленіе себя императоромъ Петромъ III); но злодѣй, хотя сильный потъ все лице его покрывалъ, съ твердымъ голосомъ и духомъ отвѣчалъ, что никто его какъ изъ иностранцевъ, такъ изъ Петербурга и Москвы никогда его не подкупалъ и на бунтъ не поощрялъ и что онъ ни въ томъ, ни другомъ городѣ никогда не бывалъ и никого въ оныхъ не имѣетъ знакомыхъ.

Наконецъ сколь ни велико было терпѣніе генералъ-майора Потемкина около двухъ часовъ слушать на всѣ (его) вопросы отрицательные его, Пугачева, отвѣты; но вдругъ съ грознымъ видомъ сказалъ ему: «ты скажешь всю правду».

Постучалъ въ колокольчикъ и по сему позыву вошедшему

экзекутору приказалъ ему ввести въ судейскую четырехъ моихъ гренадеровъ и съ ними палача, тотчасъ приказалъ гренадерамъ раздѣть Пугачева и растянуть его на полу и крѣпко держать за ноги и руки, а палачу начать его дѣло; который помоча водой всю ладонь правой руки, протянулъ оною по голой спинѣ Пугачева, на коей ту минуту означились багровыя по спинѣ полосы.

Палачъ, увидя оныя, сказалъ: «а! онъ ужъ былъ въ нашихъ рукахъ».

Послѣ чего Пугачевъ ту минуту вскричалъ: «помилуйте, всю истину скажу и открою».

Приказано его поднять и одѣть, а гренадерамъ и палачу велѣно идти опять на свои мѣста.

Генералъ-майоръ Потемкинъ ту минуту строго спросилъ Пугачева: «изъ Петербурга, или изъ Москвы ты наученъ на бунтъ?»

На сей вопросъ отвѣчалъ Пугачевъ смѣло: «никто и ни откуда», а потомъ началъ говорить: (и какъ казалось всѣмъ намъ при судѣ бывшимъ безпритворно, начавъ такимъ образомъ): «Ушедши съ Дона, пробирался я въ Польшу, чтобъ въ ней поискать счастія; но, пришедъ въ слободу Добрянку, зашелъ я въ корчму выпить вина, въ которой двухъ гренадеръ (преображенскаго полка) въ хорошихъ тонкихъ мундирахъ съ галунами на воротникахъ и обшлагахъ сидящихъ за столомъ увидѣлъ».

«Снявъ шапку я имъ поклонился, кои и мнѣ поклонясь, сказали мнѣ: «ты братецъ кажешься намъ донскимъ молодцомъ»?

«Я имъ отвѣчалъ: «Точно такъ».

«Пожалуй братъ, сядь подлѣ насъ», сказали они мнѣ. Я, снявъ свою шапку (и положа оную на столъ), сѣлъ подлѣ нихъ. Они, пристально смотря на меня минутъ десятокъ, сказали другъ другу: «точно такъ», а потомъ обою сказали мнѣ: «ты, братецъ, очень похожъ на императора Петра III».

При семъ Пугачева словѣ, генералъ-майоръ Потемкинъ велѣлъ ему (тотчасъ) замолчать, а мнѣ приказалъ: «оставьте арестанта вашего на мои руки, а вы извольте выйти въ ту комнату, гдѣ ваши гренадеры поставлены».

Добрый часъ просидѣлъ я въ сей комнатѣ, потомъ (на стукъ колокольчика вошелъ въ судейскую экзекуторъ и въ мигъ вышелъ и сказалъ мнѣ: «пожалуйте въ судейскую)». (Куда во-

шедъ), генералъ-майоръ сказалъ мнѣ: «извольте взять въ цѣлости вашего арестанта», съ коимъ и отправился я въ квартиру, гдѣ онъ содержался.

Послѣ всего сказаннаго и объясненнаго (какъ очевиднаго и вѣрноподданнаго свидѣтельства въ запискахъ моихъ помѣщеннаго) не мое уже дѣло описывать, чтò генералъ-майоръ Потемкинъ узналъ, оставя Пугачева одного у себя въ судѣ, и какія онъ, Пугачевъ, открылъ ему, Потемкину, тайны (и были отъ него генералъ-майора доведены оныя до свѣдѣнія по принадлежности своей куда и кому), ибо, не бывъ при томъ свидѣтелемъ, и знать объ ономъ не могу. Но почитаю обязанностію здѣсь замѣтить, что Пугачевъ, съ самаго того времени, какъ оставался у генералъ-майора Потемкина на послѣднихъ допросахъ, все то время, что содержался въ Симбирскѣ подъ присмотромъ, въ крайнемъ находился уныніи и задумчивости, не говорилъ почти ни съ кѣмъ ни слова.

Приказано было всѣмъ четыремъ его приставамъ всѣми мѣрами стараться его, Пугачева, выводить изъ унынія и задумчивости, кои начали уже въ немъ уменьшаться въ пути, когда изъ Симбирска отправились съ нимъ въ Москву.

Въ дорогѣ онъ сталъ разговорчивѣе, веселѣе и каждый вечеръ на ночлегѣ разсказывалъ намъ о военныхъ своихъ подвигахъ и разныхъ приключеніяхъ своей жизни; также и о томъ, что не могъ бы Михельсонъ разбить его подъ Сениковою-ватагою, еслибъ генералъ его Чумаковъ не былъ въ томъ причиною.

«Когда-де я отступалъ отъ Царицынской крѣпости, то и приказалъ Чумакову, какъ генералу артиллеріи и генералу квартирмейстеру, чтобъ онъ слѣдовалъ впереди съ войскомъ и занялъ бы лагерь на Сениковой-ватагѣ, а самъ я и со мною генералы мои, Овчинниковъ, Перфильевъ, Коноваловъ и Федуловъ, оставались въ аріергардѣ, чтобъ удерживать бѣглецовъ, кои начали-было разбѣгаться; пришелъ съ аріергардомъ къ лагерю, который Чумаковъ предъ большою рытвиною Сениковой-ватаги поставилъ, который должно было ему поставить за рытвиной; приказалъ я тотчасъ перенести лагерь за оную; но какъ во всю ночь занимались переносомъ лагеря, причемъ натурально сдѣлался безпорядокъ, то Михельсонъ, узнавъ объ ономъ,

напалъ на меня, предъ свѣтомъ, и удалось ему меня разбить. Но еслибъ Чумаковъ расположилъ лагерь за рытвиною, то утеръ бы я носъ у этого нѣмца!»

Это слова Пугачева.

Въ Симбирскѣ Михельсонъ былъ у Пугачева и пожелалъ его видѣть, и когда при мнѣ спросилъ его:

«Емельянъ, знаешь ли ты меня?»

То Пугачевъ спросилъ его: «а кто ваша милость?»

«Я—Михельсонъ».

Но Пугачевъ, опустя глаза, ни слова ему не сказалъ и не сдѣлалъ Михельсону той похвалы, какую прежде воздалъ князю Петру Михайловичу Голицыну, но явно воскликнулъ: «ахъ! проклятый Чумаковъ; ты меня погубилъ!»

Такъ и разстались два героя *).

На 8-е или 9-е число на ночлегѣ, проѣхавши г. Арзамасъ, въ селѣ господина Колычева, вдругъ пришелъ ко мнѣ въ 1-мъ часу пополуночи изъ приставовъ подпоручикъ Ершовъ, разбудилъ меня и рапортовалъ, что Пугачевъ сильно и отчаянно сдѣлался боленъ (и велѣлъ меня, какъ можно скорѣе, звать къ себѣ). Признаться должно, что я едва опомнился отъ сего донесенія и ту минуту, надѣвъ сюртукъ, побѣжалъ въ избу, гдѣ Пугачевъ содержался; нашелъ его дѣйствительно страдающаго сильною ко-

*) Объ этой встрѣчѣ двухъ противниковъ — въ черновомъ экземплярѣ записокъ Рунича—есть нѣсколько интересныхъ подробностей, опущенныхъ въ бѣловомъ экземплярѣ:

«...О своемъ распоряженіи относительно лагеря на урочищѣ Сениковой-ватагѣ, самъ Пугачевъ разсказывалъ въ Симбирскѣ въ день тотъ, когда Михельсонъ со мною вошелъ видѣть Пугачева, гдѣ онъ содержался. Михельсонъ, ставъ противъ Пугачева, спросилъ его: «Емельянъ, знаешь ли ты меня?»

Пугачевъ на сей вопросъ спросилъ его: «а кто ваша милость?»

Михельсонъ отвѣчалъ: «я — Михельсонъ».

На сей отзывъ Пугачевъ ни одного слова не сказалъ, но поблѣднѣвъ и какъ будто встрепенулся, нагнулъ голову.

Михельсонъ, постоявъ съ минуту, оборотился и пошелъ къ двери, до которой только что подошелъ, то Пугачевъ довольно громкимъ голосомъ вслѣдъ его сказалъ: «попросить мнѣ-было у него одну шубу, ему много ихъ досталось»; потомъ при всѣхъ, съ сильнымъ гнѣвомъ сердца, сказалъ: «гдѣ бъ этому нѣмцу меня разбить, еслибъ не проклятый Чумаковъ былъ тому причиною».

Здѣсь разсказалъ Пугачевъ, что онъ, оставаясь въ аріергардѣ, поздно съ онымъ пришелъ къ лагерю, занятомуЧумаковымъ, который непремѣнно долженъ былъ расположить его за большою и глубокою рытвиною, которая отъ самой

ликою, что (увидя меня) едва могъ выговорить: «я умираю» *), и сказалъ мнѣ: «велите выйти всѣмъ вонъ изъ избы, я вамъ одному открыть долженъ важнѣйшій секретъ».

Приказавъ всѣмъ выйти изъ избы, приказалъ позвать къ себѣ гренадера Дибулина; велѣлъ ему, какъ можно скорѣе, нагрѣть чайникъ воды, остался съ Пугачевымъ одинъ, который прерывчивымъ голосомъ со вздохомъ сказалъ мнѣ: «если не умру въ сію ночь или въ дорогѣ, то объявляю вамъ, чтобы доведено было до ея величества государыни императрицы, что имѣю ей одной открыть такія тайныя дѣла, кои, кромѣ ея величества, никто другой вѣдать не долженъ; но чтобъ былъ къ ней представленъ въ приличномъ одѣяніи донскаго казака, а не такъ, какъ теперь одѣтъ».

Увѣривъ его, Пугачева, что обо всемъ отъ него слышанномъ будетъ доведено ея величеству по прибытіи въ Москву,—о чемъ и донесено было государынѣ императрицѣ,—но желаніе Пугачева оставлено безъ вниманія,—приказалъ я войти гг. приставамъ и прочимъ на стражѣ стоящимъ гренадерамъ, а Дибулину велѣлъ подать горячую воду, сахару, чаю и французскую водку и, сдѣлавъ доброй пуншъ, напоилъ его, Пугачева, тремя чашками, отчего на лицѣ сталъ показываться у него крупной потъ; сдѣлалъ еще въ прибавокъ хорошій стаканъ пуншу, чтобъ часъ спустя, если не заснетъ, опять напоить онымъ, велѣлъ его приодѣть. (Я сидѣлъ у него съ своими приставами часа два и кое-какъ старался его занимать разсказами).

Волги продолжалась въ степь верстъ на 10; но Чумаковъ поставилъ лагерь предъ рытвиною, въ которую могли во время сраженія люди убѣгать и укрываться, почему тотчасъ приказалъ перевести лагерь за оную и во всю ночь симъ занимался, чтобъ къ свѣту былъ готовъ и батареями укрѣпленъ; но какъ ночь была коротка и въ движеніи сдѣлался безпорядокъ, то едва десятую часть обоза и орудій передъ свѣтомъ успѣли за рытвину переправить; «но только что называется начало брезжиться, позади оставшіяся партіи донесли, что войски вблизи меня 2-хъ верстъ приближаются. Въ такомъ неожиданномъ случаѣ рѣшился я устроить мои войски и пушки въ порядкѣ, но сіе ужъ было поздно; меня атаковали и сраженіе началось, которое при разсвѣтѣ дня ужъ мною было потеряно. Вотъ какъ проклятый Чумаковъ меня погубилъ; но еслибъ имъ былъ занятъ лагерь за рытвиною, то у Михельсона не осталось бы косточки». Черн. рукоп. Рунича.

*) Странно покажется здѣсь всякому, что при отправленіи изъ Симбирска сего важнаго арестанта, не пришло никому въ умъ отправить съ Коммиссіею лекаря. П. С. Руничъ.

Чрезъ полчаса онъ (сказалъ мнѣ, что ему въ груди стало полегче и что его всего прошибъ потъ. Я велѣлъ Дибулину его приодѣть, послѣ чего сталъ онъ засыпать и) заснулъ крѣпко.

Приказалъ приставамъ ту минуту дать мнѣ знать, если ему сдѣлается что хуже; но онъ заснулъ крѣпко и до самаго разсвѣта не просыпался, а когда я пришелъ къ нему, то онъ сказалъ мнѣ: «ты, батюшка, славный лекарь и я отъ твоего лекарства ожилъ и здоровъ такъ, какъ будто ночью со мною ничего не случилось».

При назначенiи отправить коммисiю съ Пугачевымъ въ Москву, его сiятельство, графъ Петръ Ивановичъ предписалъ отпустить къ полку 12 человѣкъ Древицова полка гусаръ при коммисiи находящихся, а на мѣсто оныхъ (для сопровожденiя коммисiи въ дорогѣ) прислалъ коммисiи 40 гренадеръ 2-го гренадерскаго полка и сопричисля къ онымъ 40 человѣкъ яицкихъ казаковъ съ подполковникомъ Бородинымъ, при коммисiи состоящимъ, (сопровождать оную до Москвы, распредѣлилъ коммисiи продолжать свой путь не болѣе 60 верстъ въ день, а при каждомъ ночлегѣ до города Мурома предписано было отъ его сiятельства двумъ ротамъ пѣхотнаго великолуцкаго полка и прочимъ съ двумя полковыми пушками быть для караула, подъ повелѣнiемъ коммисiи) приказалъ 5 числа ноября 1774 года выѣхать коммисiи изъ Симбирска.

При отпускѣ коммисiи графъ далъ мнѣ три пакета, надписанные «въ собственныя руки государынѣ императрицѣ». Приказалъ мнѣ, по привозѣ Пугачева въ Москву, немедленно отправиться съ оными въ Петербургъ.

Прибывъ 15 числа ноября коммисiя съ своимъ арестантомъ (остановясь на ночлегѣ) по владимiрской дорогѣ въ с. Ивановское, за 10 верстъ отъ Москвы, дано отъ оной знать тотчасъ московскому г. градоначальнику, князю Михаилу Никитичу Волхонскому о прибытiи коммисiи въ сiе село, куда его сiятельство немедленно прислалъ съ поручикомъ Колычевымъ 36 человѣкъ полицейскихъ гусаръ, чтобъ сопроводилъ коммисiю съ арестантомъ въ назначенный у Курятныхъ воротъ домъ, гдѣ нынѣ всѣ присутственныя мѣста Московской губернiи.

Его сiятельство г. главнокомандующiй Москвою, князь Волконскiй прибылъ въ домъ, гдѣ арестантъ находился, объявилъ

коммисіи, что оная состоять должна подъ его вѣдѣніемъ. При семъ объявленіи доложилъ я его сіятельству, что имѣю приказанія отъ графа Петра Ивановича Панина, тотчасъ, по привозѣ Пугачева въ Москву, съ донесеніями его отправиться въ Петербургъ. Князь приказалъ мнѣ явиться къ себѣ пополудни въ 5 часовъ, принять и отъ него донесенія къ государынѣ императрицѣ; кои получивъ отъ его сіятельства, отправился въ свой путь.

XIII.

Поѣздка составителя записокъ изъ Москвы въ Петербургъ съ извѣстіемъ о привозѣ Пугачева.—Обѣдъ у Г. А. Потемкина.—Руничъ зачисленъ въ смоленскій драгунскій полкъ.—Отправка составителя записокъ курьеромъ въ южную армію къ гр. П. А. Румянцову.—Разговоръ съ фельдмаршаломъ.—Предсказаніе Румянцова о судьбѣ Остафія Трифонова.—Казнь мятежниковъ.—Награда приставамъ Пугачева.

ноябрь и декабрь 1774 г. и январь 1775 г.

Пріѣхавъ 18 ноября, въ 6 часовъ утра, въ Петербургъ, явился я къ генералъ-адъютанту и военной коллегіи президенту, Григорію Александровичу Потемкину, который не былъ еще пожалованъ графомъ, а возведенъ въ сіе достоинство 1775 г., января 1 дня, къ которому допущенъ былъ въ спальню (въ спальню ввелъ меня правитель его канцеляріи полковникъ Турчаниновъ, бывшій также правителемъ оной у покойнаго генералъ-аншефа Бибикова).

Его высокопревосходительство, увидя меня, спросилъ: «откуда мой фокшанскій и задунайскій знакомый пріѣхалъ?» (ибо служа въ 1-й арміи три года подъ его начальствомъ и пользуясь его благоволеніемъ, счелъ я за непристойное дѣло явиться къ другому генералъ-адъютанту). Я доложилъ его высокопревосходительству, держа въ рукахъ четыре пакета на высочайшее имя государыни-императрицы, что присланъ отъ графа Петра Ивановича Панина.

«Да, сказалъ онъ, да, мнѣ извѣстно, что графъ причислилъ васъ къ своей командѣ» и взялъ у меня пакеты; одинъ изъ оныхъ распечаталъ, но не читавъ, пошелъ къ государынѣ императрицѣ, приказавъ мнѣ дожидаться отъ его приказанія, которое ужъ объявлено мнѣ въ часъ пополудни отъ правителя канцеляріи полковника Турчанинова, что я буду обѣдать въ спальнѣ его высокопревосходительства.

На семъ обѣдѣ находились дѣйствительные камергеры: Петръ Богдановичъ Пасекъ (и Евграфъ Александровичъ Чертковъ), князь Иванъ Васильевичъ Несвицкій, флигель-адъютантъ князь Сергій Ѳедоровичъ Голицынъ и отставной полковникъ Николай Сергѣевичъ Батуринъ, ближайшій другъ его высокопревосходительства.

Во время обѣда (съ крайнею скромностію) спросилъ меня его сіятельство о побѣгѣ Остафія Трифонова, но о Пугачевѣ ни слова (а только сказалъ: «по въѣздѣ вашемъ съ Пугачевымъ въ Москву не давали вамъ вѣрно по улицамъ проѣзду». На сей вопросъ я доложилъ безпритворно, что учрежденъ былъ отъ оберъ-полицмейстера Архарова совершенный порядокъ по улицамъ. На сей мой отвѣтъ, ни слова не сказано. Послѣ обѣда его высокопревосходительство изволилъ сказать мнѣ: «вы останетесь при мнѣ»).

На третій день по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, получилъ я изъ военной коллегіи указъ, о причисленіи меня въ новоформирующійся смоленскій драгунскій полкъ, въ которомъ былъ шефомъ его сіятельство и вмѣстѣ съ онымъ приказаніе, чтобъ я находился при свитѣ его сіятельства.

(Находясь съ 18 числа ноября, по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, при свитѣ его высокопревосходительства безъ всякаго дѣла), 28 декабря позванъ я былъ, послѣ ужина, въ спальню его сіятельства, гдѣ онъ былъ одинъ.

«Государыня императрица повелѣть мнѣ соизволила, сказалъ онъ мнѣ, отправить тебя курьеромъ къ фельдмаршалу, графу Румянцову. Подите завтра къ графу Никитѣ Ивановичу Панину и скажите ему, что вы посылаетесь къ фельдмаршалу, то не будутъ ли и отъ его съ вами какія къ фельдмаршалу бумаги?»

Явясь на другой день утромъ къ графу Никитѣ Ивановичу, и доложа о данномъ мнѣ приказаніи, графъ пригласилъ меня сей день у его обѣдать, сказавъ мнѣ, что послѣ обѣда отдастъ онъ мнѣ лично къ фельдмаршалу нужныя бумаги, кои получивъ и тотъ же вечеръ его сіятельству графу Григорію Александровичу объ полученіи сихъ бумагъ донесъ, на что изволилъ мнѣ сказать: «хорошо!»

Наконецъ (3) 4 числа января 1775 года, пополуночи въ 1-мъ часу, правитель канцеляріи его сіятельства, полковникъ Турча-

ниновъ, объявилъ мнѣ, чтобъ я не уѣзжалъ домой, но дожидался предъ спальнею приказанія; ожидая добрые два часа онаго, позванъ я въ спальню въ третьемъ часу пополуночи, а правитель канцеляріи остался предъ оной.

Графъ далъ мнѣ три пакета къ фельдмаршалу: два отъ государыни императрицы и одинъ отъ его сіятельства, сказавъ мнѣ: «государынѣ угодно, чтобъ ты наединѣ, лично, объяснилъ графу Петру Александровичу со всею подробностію всѣ происшествія Пугачевскаго возмущенія и если что графъ тебѣ скажетъ на оное, то, по возвращеніи твоемъ, мнѣ дай знать». Примолвилъ при томъ: «тебя тамъ будутъ (многіе) о многомъ расспрашивать, ты говори: «все наше и рыло въ крови». Позванъ послѣ сказаннаго Турчаниновъ, котораго графъ спросилъ: «сколько ты дашь ему прогоновъ?»—«Сколько приказать изволите выдать.»—«Выдай ему *) на 12 лошадей!» (кои мнѣ и выданы). Турчаниновъ въ удивленіи остановился, думая, что графъ шутитъ; но его сіятельство сказалъ ему: «Чтожъ ты остановился? Поди, отправляй его и давай деньги на 12 лошадей. Да не забудь съ нимъ отправить къ генералъ-поручику Текелію, что нужно».

Отправясь часа черезъ два изъ Петербурга въ свой путь и не останавливаясь въ Москвѣ при коммисіи, въ назначенное для курьеровъ время пріѣхалъ въ Могилевъ, что на Днѣстрѣ. Что только кончился разводъ, прямо къ фельдмаршалу допущенъ, при коемъ въ (небольшой) пріемной комнатѣ находились: дежурный генералъ баронъ Игельштремъ, бригадиры князь Андрей Николаевичъ Щербатовъ, Тимоѳей Ивановичъ Тутолминъ, Иванъ Александровичъ Заборовскій, подполковникъ Безбородко и преміеръ-майоръ Семенъ Федоровичъ Уваровъ (и два польскихъ дворянина).

Подавъ фельдмаршалу пакеты на его имя, кои принявъ, его сіятельство ту минуту меня спросилъ о здравіи государыни императрицы и фамиліи императорской.

Донесъ его сіятельству, что я оставилъ и государыню и фамилію царскую въ совершенномъ здоровьѣ; графъ съ пакетами

---

*) ....и доложилъ графу: «на сколько лошадей прикажете прогонъ выдать?» Графъ, какъ будто удивясь сему вопросу, сказалъ: и проч.

Черн. рук. **Рунича.**

одинъ удалился въ свою спальню, въ коей оставался почти два часа.

По выходѣ изъ оной, подошелъ прямо ко мнѣ и спросилъ меня: «вы отправлены изъ Петербурга (4 числа), по пожалованіи уже Григорія Александровича графомъ?»

Я доложилъ его сіятельству, что 1 января возведенъ онъ въ сіе достоинство.

(Потомъ спросилъ меня: въ добромъ ли здоровьѣ оставилъ я графа? на что отвѣтствовалъ я его сіятельству, что «графъ весьма здоровъ и совершенно желаетъ, чтобъ ваше сіятельство болѣе и болѣе получили прежнее ваше здоровье».

Графъ вмѣсто отвѣта, пріятною улыбкою далъ мнѣ почувствовать, что отзывъ мой не могъ его огорчить).

Графъ, послѣ сего, со всею любезною благосклонностію, сказалъ мнѣ: «вы отобѣдаете съ нами за нашимъ солдатскимъ столомъ». Я поклонился. Спустя минуты съ двѣ, его сіятельство сказалъ мнѣ: «помнится мнѣ, что я отправилъ васъ, по требованію, изъ арміи въ Россію?»

Я доложилъ его сіятельству, что (точно въ началѣ) 1774 г. уволенъ я былъ въ Москву.

За симъ сказалъ мнѣ графъ: «вы обрадовали насъ всѣхъ своимъ пріѣздомъ, ибо мы здѣсь два мѣсяца не имѣли никакого извѣстія изъ Петербурга».

Къ фельдмаршалу обыкновенно собирались пополудни, около половины седьмаго часа, въ которое время и я также явился. Скоро изъ своей спальни вышелъ графъ и, увидя меня въ новомъ мундирѣ, котораго въ заграничной арміи не видали (ибо утромъ съ сумою на груди былъ я въ штабъ-офицерскомъ сюртукѣ, въ каковомъ нарядѣ и приглашенъ я былъ къ столу его сіятельства), спросилъ меня: «какой на васъ прекрасный мундиръ», и повторилъ: «мнѣ кажется, что онъ долженъ быть кавалерійскій?»

Я доложилъ его сіятельству, что на мнѣ мундиръ вновь формировать назначеннаго смоленскаго драгунскаго полка, въ которомъ графъ Григорій Александровичъ шефомъ.

Графъ паки повторилъ: «прекрасный мундиръ», и тотчасъ сказалъ: «онъ сходенъ съ мундиромъ австрійскихъ драгунъ, но

на томъ нѣтъ по борту галунчика (а покроемъ и цвѣтомъ походитъ нѣсколько)».

Потомъ подвигаясь къ дверямъ спальни, далъ мнѣ примѣтить, чтобъ я также туда подвинулся, что я и сдѣлалъ. Графъ, прислонясь къ стѣнѣ, изволилъ мнѣ сказать: («я все еще слабъ послѣ задунайской моей болѣзни».

Я рѣшился ту минуту доложить его сіятельству о данномъ мнѣ повелѣніи).

«Вы имѣете повелѣніе на единѣ нѣчто мнѣ пересказать», и приказалъ мнѣ идти за собой въ его спальню (въ которую ниже дежурный его генералъ и никто не былъ приглашаемъ и не входилъ, кромѣ гг. Завадовскаго, Безбородко и Простоквашина, когда по дѣламъ управленія военной канцеляріею нуженъ онъ былъ. Первые двое извѣстны были рѣдкими и отличными своими дарованіями, кои открылъ въ нихъ великій умъ фельдмаршала Румянцова, и кои впослѣдствіи времени заслугами и знаменитостію своихъ званій оправдали выборъ своего благодѣтеля).

Понявъ, что фельдмаршалу дано было знать, что мнѣ приказано лично ему объяснить о происшествіи яицкаго возмущенія, почему, со всею подробностію, доносилъ я его сіятельству о всѣхъ обстоятельствахъ, происшествіяхъ и окончаніи онаго; но ни по одному случаю означеннаго возмущенія графъ не сказалъ ни своего замѣчанія, ни своего мнѣнія; но когда коснулся до исторіи Остафія Трифонова, то графъ, улыбнувшись, сказалъ: «повѣрите ли вы мнѣ, что я сему негодяю прорекалъ, что онъ будетъ повѣшенъ?»

Сей неожиданный вопросъ такъ меня удивилъ, что я стоялъ безмолвнымъ.

Графъ, замѣтя мое замѣшательство, изволилъ мнѣ сказать: «не удивляйтесь моему вопросу: бывъ полковникомъ Воронежскаго пѣхотнаго полка, я квартировалъ въ Ржевѣ-Володиміровѣ въ домѣ отца сего Остафія Трифонова, который былъ тогда лѣтъ 14-ти или 15-ти, но такой былъ хитрый и пронырливый наглецъ, ибо, что ни дѣлалось въ домѣ, (и даже) въ полку и въ городѣ, то онъ первый всегда о томъ узнавалъ. Дознавшись о таковомъ его пронырствѣ, я часто говаривалъ его отцу: «береги ты своего сына, Осташку, ибо, по его затѣйливому уму, по-

падетъ онъ на висѣлицу», но отецъ радовался и веселился, что сынокъ его такъ уменъ и давалъ ему всю волю дѣлать, что онъ ни задумаетъ. Я также скажу вамъ, что меня крайне удивляетъ, что какъ въ Петербургѣ не могъ никто узнать сего дерзновеннаго человѣка, отважившагося дойти до самой императрицы, когда онъ былъ въ Петербургѣ виннымъ откупщикомъ и, сдѣлавшись банкрутомъ, не болѣе тому назадъ лѣтъ 6 или 7, скрылся, о чемъ я зналъ, находясь въ Глуховѣ, бывъ правителемъ Малороссіи».

Слушая съ душевнымъ глубоко-вниманіемъ, что изволилъ мнѣ пересказывать графъ объ Остафьѣ Трифоновѣ, я удивлялся рѣдкой памяти сего великаго мужа; да кто и не подивится тому, что чрезъ 40 лѣтъ и болѣе, поступки негодяя мальчика не были забыты въ памяти у человѣка, знаменитѣйшаго дѣяніями внутри государства и внѣ онаго!

На четвертый день пріѣзда моего въ Могилевъ, просилъ я его сіятельство г. генералъ-фельдмаршала приказать отправить меня обратно, и на другой день выѣхалъ изъ Могилева.

А какъ 1775 г. января 10, учинена въ Москвѣ казнь Пугачеву, Перфильеву и прочимъ съ ними злодѣямъ *), то дворъ 25 января и выѣхалъ въ Москву, гдѣ съ донесеніями и являлся

*) «Первая Пугачева жена съ сыномъ оставлены въ Симбирскѣ и присланы въ Москву послѣ, куда также привезены злодѣй Перфильевъ, другая Пугачева жена, яицкая уроженка, Коновалова сестра, Устинья, рѣдкой красоты женщина; пойманный Остафій Трифоновъ, бѣжавшій отъ поручика Дидриха, и многіе другіе оговоренные люди изъ разныхъ мѣстъ, кои всѣ 1775 г. 10 января воспріяли достойное наказаніе въ Москвѣ, по суду, въ коемъ присутствовали воинскіе, духовные и гражданскіе первыхъ трехъ классовъ чины».

Черн. рукоп. Рунича.

Въ сентенціи о наказаніи Пугачева и его сообщниковъ (Полн. Собр. Зак. Т. XX № 14233) сказано объ Остафіѣ Трифоновѣ (Долгополовъ тожъ) слѣдующее: «Ржевскій же купецъ Долгополовъ, разными лжесоставленными вымыслами приводилъ простыхъ и легкомысленныхъ людей въ вящее ослѣпленіе такъ, что и Казноферъ Усаевъ (мещерятской сотникъ), утвердясь больше на его увѣреніяхъ, прилѣпился вторично къ злодѣю. Долгополова велѣно высѣчь кнутомъ, поставить знаки и, вырвавъ ноздри, сослать на каторгу и содержать въ оковахъ». Относительно семейства Пугачева выраж. такъ: «А понеже ни въ какихъ преступленіяхъ не участвовали обѣ жены самозванцовы, первая Софья, дочь донскаго казака Дмитрія Никифорова, вторая Устинья, дочь яицкаго казака Петра Кузнецова, и малолѣтные отъ первой жены сынъ и двѣ дочери, то безъ наказанія отдалить ихъ, куда благоволитъ правительствующій сенатъ».

Ред.

къ графу Григорію Александровичу и остался при свитѣ его сіятельства.

Наконецъ въ 4-й день моего возвращенія изъ Могилева, послѣдовало высочайшее повелѣніе о всемилостивѣйшемъ пожалованіи въ вѣчное и потомственное владѣніе находившимся въ коммисіи: гвардіи капитану Галахову—300 душъ крестьянъ въ Полоцкой губерніи, мнѣ—286, приставамъ капитанамъ: Карташеву—200 и Повало-Швейковскому—200, поручикамъ: Кутузову—150 и Ершову—150, а затѣмъ и кончилась коммисія, о коей упомянуто выше въ своемъ мѣстѣ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Въ запискахъ Рунича найдены нами нѣкоторыя отрывочныя замѣтки, неидущія къ общему разсказу. Считая небезъинтересными, мы приводимъ ихъ въ приложеніяхъ. *Ред.*

I.

„.... одна гора Дьячковскаго, но за вѣрное не могу объяснить по имени сего ли атамана получила гора сіе названіе, или по той причинѣ, что отважный сей атаманъ повѣсилъ на ней сего имени старшину, который на сей горѣ отважился воспротивиться замысламъ, затѣяннымъ атаманомъ и который дошедъ до сего мѣста съ 500 выбранныхъ удальцовъ казаковъ уральскихъ, предпріялъ съ ними пройти киргизскія орды и съ присовокупленіемъ изъ оныхъ охотниковъ, итти прямо въ бухарскую столицу хана, завладѣть оною и покорить бухарцевъ своему владычеству. Отважный атаманъ сей точно проникнулъ до бухарской столицы хана, который, находясь съ войскомъ въ границахъ китайскихъ, имѣя съ оными войну, оставилъ столицу свою, жену свою со всѣмъ дворомъ и съ небольшимъ числомъ войска, не ожидая ни съ которой стороны непріятельскаго нападенія, какъ на оную, такъ и свое государство. Но атаманъ уральскій съ быстрымъ своимъ войскомъ подступилъ неожиданно къ столицѣ Бухаріи, завладѣлъ какъ оною, такъ и всѣмъ дворомъ ханскимъ и всѣми онаго сокровищами; прельстилъ собою и молодечествомъ своимъ ханскую жену, съ которою управлялъ нѣсколько времени столицею и Бухаріею, не думая, чтобъ ханъ могъ въ скорости кончить съ китайцами войну и возвратиться съ войскомъ въ столицу; но какъ онъ, атаманъ, такъ и жена ханская обманулись въ своей надеждѣ владычествовать Бухаріей. Ибо ханъ, узнавъ о несчастномъ происшествіи въ своей столицѣ, имѣя надъ китайцами нѣкоторую поверхность въ войнѣ съ оными, кои нѣсколько кратъ предлагали ему о мирѣ, рѣшился со всею хитростію скрыть свои приключенія, въ отсутствіи его происшедшія, заключилъ съ китайцами выгодный для Бухаріи миръ и кон-

ча оный, оставя нужное число на границѣ войскъ, съ прочимъ отборнымъ устремился къ своей столицѣ и со всею быстротою приблизился къ ней.

Атаманъ съ ханскою женою и прочими къ нимъ приставшими, узнавъ о томъ, рѣшились въ скорости со всѣмъ сокровищемъ бѣжать изъ столицы, надѣясь добраться до Яика и дѣйствительно приближались уже къ кочеванью Кирецу, но ханъ, не останавливаясь нигдѣ, какъ вихрь погнался за бѣглецами, нагналъ ихъ въ одинъ день на степи подъ вечеръ, окружилъ ихъ станъ и началъ сраженіе; побилъ большую часть изъ отважныхъ: атаманъ погибъ на мѣстѣ, но человѣкъ до 40 казаковъ спаслись ночью, бросивъ все, что при себѣ имѣли и добрались до рѣки Яика. Ханъ, завладѣвъ своею женою и всѣмъ сокровищемъ, изъ его столицы похищеннымъ, возвратился въ оную со всѣмъ торжествомъ.

Неизвѣстно за что, но только въ царствованіе царя Михаила Ѳеодоровича 150 человѣкъ яицкихъ удальцовъ явилось въ Москву съ повинною къ царю предъ Грановитою палатою съ плахою и топоромъ на оной для наказанія. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, по великодушію своему, простилъ сихъ наглыхъ пограничныхъ удальцовъ: повелѣть соизволилъ всѣхъ ихъ послать на поселенія въ Ржевъ-Володиміровъ, гдѣ навсегда и поселены *). Съ сего-то времени отъ царей и государей всея Россіи дано право яицкимъ казакамъ на ловлю по Яику до самыхъ затоновъ въ Каспійское море рыбы, дѣланіе клею, икры и прочаго въ собственность ихъ. Первый царь, Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ знакъ своего благоволенія къ яицкимъ пограничнымъ казакамъ, соизволилъ послать въ даръ серебряный съ позолотою ковшъ съ своимъ изображеніемъ къ атаману, чтобъ въ память его хранился даръ сей съ прочими знаками его царской милости. Отъ сего времени до вступленія на престолъ государыни императрицы Екатерины II таковые ковши посылались на Яикъ къ атаманамъ; изъ сихъ ковшей въ царскіе дни пьютъ за здравіе государей и всей царской фамиліи, изъ коихъ нѣсколько разъ, по случаю бытія моего въ дни сіи въ Уральскѣ, имѣлъ и я счастіе также пить за здравіе государей и всей императорской фамиліи.

II.

Замѣтки Рунича въ чернов. рукоп. его записокъ: „Подъ Оренбургомъ повѣсить велѣлъ Пугачевъ яицкаго казака Лысова.

„Подъ Уфою командовалъ Чика и прозванъ былъ Чернышевымъ.

„Овчинниковъ, хромоногой первѣйшій злодѣй, совѣтникъ главный Пугачева и начальникъ всѣхъ яицкихъ казаковъ, убитъ подъ Сениковою-ватагою на Волгѣ, во 120 верстахъ отъ Сарепты.

„Коноваловъ, на сестрѣ котораго Устиньѣ, въ Уральскѣ, Пугачевъ женился.

„Чумаковъ былъ генералъ фельдцихмейстеръ и распорядитель лагеря.

*) Замѣчаніе. Не изъ сего ли корня произошелъ Ржева-Володимірова купецъ, упоминаемый въ сей запискѣ, хитрецъ Остафій Трифоновъ, который по потомству и называлъ себя яицкимъ казакомъ? П. С. Руничъ.

„Твороговъ и Федуловъ начальники дивизій и неразлучные съ Овчинниковымъ, Коноваловымъ у Пугачева военные совѣщатели; первые трое: Чумаковъ, Твороговъ и Федуловъ на Узеняхъ, близъ Александрова-гая, измѣнили Пугачеву, арестовали его и, связавъ, переплыли Узени и повезли его въ Уральскъ, къ тамошнему коменданту.

„Перфильевъ, изъ первѣйшихъ съ Овчинниковымъ бунтовщиковъ, во время самаго бунта нѣсколько кратъ ѣзжалъ въ Петербургъ и обманывалъ, и вывѣдывалъ всѣ тайности, былъ самозлѣйшій злодѣй и извергъ, командовалъ всегда войсками Пугачева, и казненъ вмѣстѣ въ одинъ день съ Пугачевымъ.“

III *).

1774 годъ, 5-го августа. „Во всякомъ правительствѣ, какого бы рода силы и власти оное ни было по (священному) долгу соединенія людей въ одинъ составъ цѣлаго общества, обязаны всѣхъ сословій члены мужеска пола приуготовить себя на службу государю и отечеству, въ которомъ празднолюбецъ, шатунъ, съ поджавшими руками бродящій, и тунеядецъ не должны быть терпимы, поелику отъ нихъ такой же происходитъ (въ государствѣ и) въ обществѣ вредъ и опасность, какой производитъ внѣдрившійся въ корень дерева червь, отъ коего все оно источается, сохнетъ, гніетъ и наконецъ совсѣмъ разрушается.

Не мое дѣло въ сихъ моихъ запискахъ проповѣдывать прелестью языка: которое сословіе полезнѣе для государства и отечества; ибо о томъ писали (свои заключенія) многіе ученые умы; но, по моему понятію, мнѣ кажется справедливымъ то, что дворянскому сословію, преимущественнѣе предъ прочими, принадлежитъ военное служеніе; но впрочемъ не долженъ дворянинъ убѣгать гражданской службы и стыдиться оной; ибо и то и другое званіе, по благородному воспитанію, наставленію и внушенію (отъ христіанскихъ родителей своимъ дѣтямъ), что божественный законъ христіанскія вѣры и благонравное поведеніе должны быть въ крови дворянина, душою его чувствованій: то какъ военная, такъ и гражданская служба могутъ дѣлать дворянину честь, а для (внутренняго) блага въ отечествѣ принести величайшую пользу; ибо, если изъ сего сословія люди съ душевною правотою возгнушаются подлѣйшаго духа мздоиманія, то отечество какъ извнѣ, такъ и внутри оградится непоколебимымъ оплотомъ и крѣпко утвердится и устоитъ на незыблемомъ своемъ фундаментѣ и никогда не дойдетъ до той крайней бѣдности, внутренняго разстройства, чтобъ

*) Этотъ отрывокъ, не имѣя связи съ общимъ разсказомъ, находится и въ бѣловомъ экземплярѣ записокъ Рунича, и въ черновомъ; въ послѣднемъ экземплярѣ онъ найденъ нами въ трехъ испещренныхъ помарками редакціяхъ. Считая не безъинтересными эти разсужденія Рунича для характеристики воззрѣній русскихъ людей конца XVIII-го вѣка, мы приводимъ настоящій отрывокъ по редакціи бѣлового экземпляра и вставляемъ въ скобки дополнительныя слова и цѣлыя выраженія изъ черновой рукописи; болѣе обширные варьянты приведены въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ. Ред.

жители сего отечества могли до того впасть въ отчаянное положеніе, что ужъ лишились они всей надежды когда либо въ нѣдрахъ онаго наслаждаться плодами благословеннаго счастія и спокойствія *).

Со временъ соединенія царемъ Іоанномъ Васильевичемъ I всѣхъ въ Россіи княжествъ во единодержавіе, видимъ, что благотворное попеченіе всѣхъ государей нашихъ устремлено было ко внутреннему благу своихъ подданныхъ. (Здѣсь могу я смѣло представить на видъ Великаго Петра I и Великую Екатерину II-ю, ибо) Петръ Великій сколько впрочемъ ни былъ обуреваемъ тягостію военныхъ произшествій, имѣя соперникомъ своимъ сосѣда такого государя, котораго трепе-

---

*) Варіянтъ въ черн. рук.:... «Для внутренняго блага въ отечествѣ необходимо нужно приуготовлять изъ дворянскаго сословія людей на службу гражданскую на равныхъ правахъ преимуществъ, коими иногда болѣе вознаграждаются люди, поступившіе въ военное званіе, чѣмъ несущіе гражданское. Здѣсь возстанетъ можетъ быть противъ меня вся воинская сила и возразитъ тако: «воинъ, не щадя своей крови, проливаетъ оную за отечество, а въ гражданской службѣ судія въ самое то время, когда на полѣ брани льется ручьями кровь дворянъ, сидитъ покойно за краснымъ сукномъ и придумываетъ, какъ бы ему поудачнѣе прибыльцою отъ истца и отвѣтчика поналиться». Согласимся съ симъ заключеніемъ воина и скажемъ, что онъ правъ, если судія произошелъ изъ подлой крови, какого бы впрочемъ то ни былъ онъ сословія, но въ тоже время спросимъ его, воина, какъ онъ думаетъ, если бы единоутробный братъ его, получившій равное воспитаніе съ нимъ отъ честныхъ своихъ родителей, но по образованію и способностямъ своимъ, будучи предъизбранъ на гражданское служеніе: то не ужъ ли съ тѣмъ подлымъ намѣреніемъ вступилъ онъ въ гражданское званіе, чтобъ въ ономъ заглушить свою совѣсть и съ тѣмъ только намѣреніемъ продолжаетъ сію службу, чтобъ мздоимствомъ своимъ высосать послѣднее достояніе бѣдныхъ поселянъ, въ кровавомъ потѣ и слезахъ достающихъ насущный хлѣбъ изъ нѣдръ земли, изъ коей впрочемъ всѣ племена и роды людей сотворены и возваны въ суетный сей міръ въ одинакомъ одѣяніи плотской кожи. Обдумай, любезный воинъ, вопросъ тебѣ предложенный. Я ожидаю отъ нѣжнаго и благороднаго твоего сердца, упоеннаго безпристрастіемъ разсуждать съ духомъ благоразумія о всеобщемъ благѣ человѣческихъ обществъ; я ожидаю отъ твоей справедливой души, что ты не предпочтешь частную пользу пользѣ цѣлаго общества людей: ибо одинъ только подлѣйшій эгоистъ ищетъ, славитъ и превозноситъ свою собственную пользу. Я такъ осмѣливаюсь думать по опытамъ, мною дознаннымъ въ управленіи 10 лѣтъ двухъ губерній Владимірской и Вятской, первую дворянскими, а послѣднюю вообще казенными крестьянами населенныхъ, что еслибъ одно истинное благовоспитанное дворянство занимало гражданскія должности во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ государства, то никогда-бъ отечество наше не дошло до той крайней бѣдности, внутренняго разстройства и потерянія надежды наслаждаться когда либо, въ нѣдрахъ своего отечества, плодами благословеннаго счастія и спокойствія, коихъ можетъ оно надѣяться обрѣсти подъ правительствомъ нынѣ царствующаго развѣ государя (Александра I-го), исполненнаго чувствами истины и христіанской любви къ своимъ подданнымъ».

П. С. Руничъ.

тала вся Европа, а внутри границъ Россіи скрытаго врага, злочестиваго измѣнника Мазепу, но при всѣхъ сихъ трудныхъ обстоятельствахъ (какъ истинный отецъ отечества своего и россійскаго народа), заблагоразсудивъ 1711 года учредить Правительствующій Сенатъ, соизволилъ приономъ установить юнкерское училище для обученія и образованія въ ономъ дворянскихъ дѣтей на гражданское служеніе, желая путями знаній какъ военнаго, такъ и гражданскаго служенія, дворянскаго сословія людямъ подать способы возвышать себя, достигать знаменитыхъ степеней государственныхъ чиновъ (на пользу своего отечества и благоденствія въ ономъ), но (къ горькому воспоминанію должно здѣсь сказать, что) по кончинѣ его (скоро) сіе (премудрое и) благонамѣренное училище перестало существовать. (Скажемъ здѣсь безбоязненно, что великій духъ Великаго Петра придумалъ отправить въ иностранныя земли россіянъ для обученія, кого туда отправить заблаго предположить соизволилъ дворянъ первѣйшихъ фамилій, не примѣшивая къ нимъ въ сопутники никакого другаго званія людей, ибо по премудрой своей прозорливости, онъ зналъ, что роды дворянъ и въ самой грубости тогдашняго воспитанія, свято исполняли долгъ чести и въ благородномъ духѣ любви были правосудны къ своему отечеству паче всѣхъ прочихъ званій въ вящшемъ тогда невѣжествѣ и злонравіи погруженныхъ *).

(Мудрая) императрица Екатерина II, по случаю возникшихъ въ Низовомъ краю Россіи (за предѣлами Волги) возмущеній, извлекла всѣ опыты изъ внутренняго тогдашняго управленія губерній и воеводствъ (живо, ясно и), со сроднымъ ей благоразуміемъ усмотрѣть соизволила, что въ такомъ обширномъ государствѣ, какова россійская монархія, раздѣленная на 12 только губерній—необходимо требуетъ (новаго постановленія), чтобъ онѣ, въ предѣлахъ своихъ, были не столь обширны, что и сдѣлано по усмиреніи въ Низовомъ Краю (Пугачевскаго бунта, поколебавшаго большую часть Россіи именемъ императора Петра III) и окончаніи 1-й турецкой войны.

Великая Екатерина II-я, начертавъ перомъ десницы своей учрежденіе губерній, соблаговолила повелѣть 1776 года открыть во-первыхъ: для примѣра Новгородскую и Тверскую губерніи на основаніи новаго ея учрежденія, въ кои, съ званіемъ государева намѣстника, опредѣлить соизволила дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и разныхъ орденовъ кавалера, графа Якова Ефимовича Сиверса, который первоначально, по содержанію учрежденія, сіи двѣ губерніи и образовалъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ за полезное всѣ три департамента коллегій, уголовный, гражданскій и казенный палатъ соединить въ одно присутствіе съ губернскимъ правленіемъ; но во второй уже части губернскаго правленія ограничены сношенія равныхъ мѣстъ; впрочемъ соединеніе вначалѣ ввѣренныхъ ему, графу Сиверсу, губерній, палатъ въ одно присутствіе съ губернскимъ правленіемъ, какъ сокращеніемъ излишнихъ переписокъ палатъ съ губернскимъ правленіемъ, такъ и въ исполненіи немедленномъ въ нижнихъ присутственныхъ мѣстахъ указовъ изъ одного губернскаго прав-

*) Зачеркнуто: «загрубѣвшихъ по образу жизни въ семейственныхъ своихъ упражненіяхъ ведущихъ свою жизнь». П. Руничъ.

ленія въ оныя посылаемыхъ, произвело-было многіе успѣхи во взысканіи государственныхъ доходовъ и рѣшеній прочихъ по нижнимъ присутственнымъ мѣстамъ дѣлъ (ибо нижнія присутственныя мѣста, подчиненныя совершенно одному губернскому правленію, не осмѣливались медлить въ исполненіи его предписаній; не имѣли повода въ представленіяхъ своихъ оправдываться, что по многимъ особымъ отъ палатъ предписаніямъ, задерживаются въ неисполненіи; но почему тѣ его, графа Сиверса, распредѣленія оставлены, мнѣ не сдѣлалось извѣстнымъ; ибо будучи въ сіе время въ военной службѣ, хотя и пользовался я благосклоннымъ его знакомствомъ, но сей рѣдкой честности мужъ, по скромности своей, никогда о томъ не говорилъ и не упоминалъ).

Вслѣдъ по открытіи Новгородской и Тверской губерній, государыня императрица повелѣть соизволила учредить во всей имперіи въ новомъ положеніи губерній, а управляющимъ оными, государевымъ намѣстникамъ благоугодно было ея величеству придать болѣе важности званію ихъ, соизволила указать въ залахъ дворянскихъ собраній быть трону (на который могли восходить государевы намѣстники, яко частные цари подъ начальствомъ. единой великой самовластной своей царицы, коей одной обязаны они были отвѣтствовать и всѣми своими дѣяніями, и стоя на ступеняхъ, говорить съ онаго въ дворянскомъ собраніи рѣчь о должностяхъ дворянину приличныхъ); а для великолѣпія и украшенія посланы каждому государеву намѣстнику богатые серебрянные столовые сервизы, кои съ уничтоженіемъ намѣстничествъ (въ 1796 году) обращены въ казну.

Въ новомъ образованіи во всей имперіи намѣстничествъ, надѣялась государыня императрица увидѣть плоды своего матерняго попеченія о благѣ народномъ; ибо все ея желаніе состояло только въ томъ, чтобъ подъ управленіемъ государева намѣстника вообще всѣхъ состояній люди (наслаждались благоденствіемъ) находили праведный судъ и защиту отъ своевольства сильныхъ и наглыхъ притѣснителей.

При начальномъ открытіи намѣстничествъ дѣйствительно желаніе ея было увѣнчано; ибо находящіеся въ отставкѣ и не у дѣлъ зажиточные дворяне съ стремительнымъ усердіемъ обратились по губерніямъ на гражданское служеніе. Первые выборы въ собраніяхъ дворянства съ истинною честью и справедливостію были производимы: благопристойной жизни и поведенія съ значительнымъ достаткомъ (1000 душъ и болѣе) удостоены выборомъ въ губернскіе и уѣздные предводители, въ верхніе уѣздные земскіе суды дворяне, издревле въ Россіи прославившіе свои роды (а въ исправники, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, поступали дворяне и болѣе 2000 душъ имѣющіе).

Благотворное учрежденіе губерній великой Екатерины II возсіяло во всей славѣ (судомъ правды и всѣ корыстолюбивые виды прежнихъ начальниковъ обширныхъ губерній и воеводствъ прекратились и исчезли)!

Народъ возчувствовалъ всю благость въ новомъ учрежденіи; ибо въ скоромъ времени обнялъ и увидѣлъ, что быстрымъ и благороднымъ дѣйствіемъ (дворянскихъ въ губерніяхъ) исправниковъ и засѣдателей земскихъ судовъ разбойническія шайки и пристанодержатели оныхъ

скоро были истреблены *); дороги и селенія отъ страшнаго прежде бывшаго очищены зла разбойническаго и безопасные вездѣ проѣзды открыли промышленности свободный повсюду путь **) Кто за 50 лѣтъ знаетъ и лично проѣзжалъ по предѣламъ разныхъ въ Россіи дорогъ, то тотъ вѣдаетъ, говорить можетъ и разсуждать о прежде бывшихъ, до открытія губерній, опасныхъ по дорогамъ въ оной проѣздахъ; ибо тому сдѣлались извѣстны тракты: петербургскій до Москвы и граница Польши, отъ оныхъ сибирскій до Мурома и далѣе, а къ Саратову и Астрахани по Муромскому лѣсу (и по дорогѣ къ истокамъ); Калужскій и Тульскій (тракты) до Кіева (по Смоленскому тракту до Гжатской пристани); за Волгой (Узенями, Камеликомъ, Чертольною и Чиганомъ въ степи) сиротская дорога на Иргизъ и Яикъ.

Между нынѣшнихъ городовъ Хвалынска и Вольска, имѣющихся и по нынѣ, одна на нагорной сторонѣ Волги, Дѣвичья гора называемая, гдѣ всѣ разбойническіе суда по Волгѣ до Астрахани плавающія состояли подъ властію одной, удивительно страшной храбрости, атамана дѣвицы, почему и названа Дѣвичья гора***); но и сіе губительное пристанище разбойническаго скопища, по открытіи губерній, искоренено и исчезло, точно такъ, какъ Запорожская Сѣчь въ южныхъ предѣлахъ Россіи ****).

---

*) «Издревле въ Россіи были установлены сыскныя команды, кои по прибыльному корыстолюбію давали волю разбойникамъ (и давая поводъ и послабленіе къ грабежу и смертоубійствамъ, на которыя потомъ нападая все то, что разграбляли разбойники, отнимали у нихъ и присвоивали себѣ, а пойманныхъ отпускали паки къ ихъ промыслу и упражненію въ разбойничествѣ. Кто только слушалъ со вниманіемъ повѣсти мудрыхъ прежнихъ стариковъ-дворянъ, то тотъ подтвердитъ ту истину, что дворянинъ съ достаткомъ, желавшій проводить лѣтнее время въ своихъ вотчинахъ, не иначе могъ отправляться въ оныя, по причинѣ опасныхъ отъ разбойниковъ дорогъ, какъ съ достаточнымъ числомъ вооруженныхъ дворовыхъ своихъ людей и быть съ ними всегда въ готовности какъ въ дорогѣ, такъ и на мѣстѣ отражать разбойниковъ нападенія). **П. С. Руничъ.**

) «Разбои до того паче и паче въ Россіи было производимы по губерніямъ Новгородской и Петербургской дорогѣ въ Москву, по теченію Волги до самой Астрахани гдѣ плавали разбойничьи струги и безбоязненно жгли и грабили нагорныя мѣста и селенія и что имъ на встрѣчу ни попадалось, такъ что и самое бѣдное дворянство, живущее, по неволѣ бѣднаго положенія, въ деревняхъ, дабы не быть сожженными и разоренными до конца, принуждено было входить съ разбойническими шайками въ связи и давать имъ убѣжище». Черн. рук. **Рунича.

***) Близь Казани указываютъ ущелье, именуемое Дунькино, въ честь нѣкогда жившей здѣсь атаманшей шайки грабители—Дуньки (Авдотьи). **Ред.**

****) Изложивъ здѣсь о учрежденіи губерній и установленіи намѣстничествъ. я могу смѣло сказать и удостовѣрить, что Великая Екатерина II-я придумала вмѣстѣ съ учрежденіемъ государевыхъ намѣстничествъ и самую пользу всего дворянскаго сословія; ибо открывъ оному пути занятія гражданскимъ въ губерніи служеніемъ, такъ сказать, возжелала живущихъ по столицамъ въ праздности дворянъ приучить къ дѣламъ по внутреннему устройству и судопроиз-

Но по прошествіи нѣкоторыхъ лѣтъ начали измѣняться, упадать и терять цѣну дворянскіе выборы (ибо нѣкоторые изъ государевыхъ намѣстниковъ, допустивъ вкрасться при своихъ, такъ сказать, дворахъ пристрастію фаворитовъ и фавориток, по внушенію коихъ на новыя трехлѣтія при выборахъ начали избирать дворянъ какъ въ предводители, такъ и въ присутственныя мѣста качествъ низкихъ, услужливыхъ прихотямъ фавора, ибо неимущимъ дворянамъ въ уѣздѣ деревень выдумали продавать частицы земли тѣмъ услужникамъ, кои искали милости у фаворитовъ и фаворитокъ, чтобъ придуманною покупкою земли присвоить въ уѣздахъ къ выборамъ) (почему) многіе, добрыхъ качествъ дворяне, видя, что въ собраніяхъ для выбора зарождаются пристрастія и выгоды—не къ общей, но собственной болѣе пользѣ личной, начали удаляться отъ выборовъ и рѣшительно оставили по губерніямъ службу, а вмѣстѣ съ ихъ удаленіемъ, скоро возникли въ присутственныхъ мѣстахъ и по уѣздамъ сильныя притѣсненія, медленность въ дѣлахъ и неисправное взысканіе государственныхъ доходовъ.

Но сколь впрочемъ ни произошло безпорядковъ въ дворянскихъ выборахъ (по пристрастію любимцевъ и любовницъ государевыхъ намѣстниковъ, при каждомъ почти дворѣ ихъ укоренившихся); но совсѣмъ тѣмъ мудрое учрежденіе губерній и сокращеніе прежнихъ предѣловъ оныхъ пребудетъ въ обширномъ владѣніи Россіи вѣчною пользою и великимъ дѣломъ великаго ума Екатерины II; ибо по безпредѣльному (почти) пространству сей монархіи въ прежнихъ положеніяхъ губерній невозможно было предохранить оныя отъ разбойническихъ скопищъ и тайно зарождающихся въ оныхъ возмущеній, о коихъ тогда только дознаваться стало правительство, когда явнымъ ужъ образомъ начали усиливаться и дѣйствіемъ своимъ стали обнаруживать слѣды своего буйства, какъ то и случилось произшедшимъ на Яикѣ, что нынѣ Уральскъ и частію въ Башкиріи, бунта, упомянутаго уже въ предувѣдомленіи, о коемъ описано вслѣдъ за предувѣдомленіемъ въ моихъ запискахъ; ибо мнѣ извѣстны совершенно всѣ онаго произшествія по случаю тому, что (Пугачевъ), главный злодѣй сего возмущенія, до самаго его въ Москву привоза, 1774 года ноября 15-го дня, порученъ былъ подъ мой присмотръ отъ графа Петра Ив. Панина, по предписанію коего, со всѣми его сіятельства донесеніями, изъ Москвы отправился въ Петербургъ.

Изложивъ мои понятія, что дворянскому сословію, ко благу государства необходимо должно заниматься военною и гражданскою службою, видимъ неоспоримое тому и доказательство: ибо всѣ благодѣтельные государи Россіи совершенно имѣли въ своемъ предметѣ сими двумя званіями устроить внутреннее народное благоденствіе..."

водству, дабы избавить тѣмъ ихъ отъ гибельнаго бездѣйствія и разорительной въ столицѣ роскоши, а вмѣстѣ съ тѣмъ достойныхъ облаготворить наградами; въ каковомъ предположеніи и увѣнчаны были въ первоначальномъ учрежденіи намѣстничествъ материнія ея желанія, ибо лучшее и благовоспитанное дворянство, находившееся въ отставкѣ, съ ревностнымъ стремленіемъ обратилось по губерніямъ на гражданское служеніе....» Черн. рук. Рунича.

IV.

От ъ редакціи. О коммисіи, возложенной на Галахова, встрѣчаются въ историческихъ монографіяхъ и матеріалахъ для исторіи Пугачевщины весьма поверхностныя свѣдѣнія, и, безъ обстоятельнаго разсказа Рунича, нельзя имѣть о ней яснаго понятія. Такъ П. С. Лебедевъ въ статьяхъ „Графы Никита и Петръ Панины" (От. Зап. 1864 г. № 4, стр. 635) упоминаетъ только, что съ назначеніемъ П. И. Панина при общихъ распоряженіяхъ къ усмиренію Пугачевщины не забыты были и косвенныя средства: „два агента и съ ними одинъ изъ сообщниковъ Пугачева были посланы, по непосредственному распоряженію Потемкина (?), въ Оренбургъ съ значительною суммою денегъ, и помощниками ему въ этомъ были князья Вяземскій и Волконскій".

У академика Я. К. Грота въ „Матеріалахъ для исторіи Пугачевскаго бунта" (Прил. къ III-му т. Записокъ Академіи Наукъ, № 4) встрѣчается извѣстіе, что 8 августа 1774 года явился въ Петербургъ къ князю Г. Г. Орлову яицкій казакъ Астафій Трифоновъ съ письмомъ отъ сообщника Пугачева, Перфильева и другихъ, всего 324 казаковъ, вызвавшихся выдать Пугачева живымъ за награду по 100 рублей на каждаго. Представленный императрицѣ Трифоновъ увѣрилъ ее, какъ сама она потомъ писала къ гр. П. И. Панину, что казаки до полученія отвѣта, куда привесть Пугачева, не допуская его до Москвы, стараются удерживать въ изобильныхъ мѣстахъ подъ видомъ кормленія лошадей. Екатерина изъявила согласіе на предложеніе казаковъ и приказала отослать ихъ депутата съ паспортомъ; для приема же Пугачева она въ тотъ же день отправила капитана преображенскаго полка Галахова съ тѣмъ, чтобы онъ явился въ Москвѣ къ Панину и Волконскому, получилъ отъ генералъ-майора Чорбы команду, а потомъ поѣхалъ въ Муромъ и, дождавшись казаковъ съ Пугачевымъ, доставилъ бы его въ Москву.

Упомянувъ, что Трифоновъ былъ обманщикъ, какъ оказалось впослѣдствіи, академикъ Гротъ передаетъ извѣстіе, что Галаховъ прибылъ въ Москву 12 августа въ 6 часовъ утра съ собственноручнымъ письмомъ государыни къ Панину. Панинъ съ кн. Волконскимъ положили отправить Галахова до отрядовъ, находящихся всего ближе къ Пугачеву. Чорбѣ велѣно было проводить Галахова до Древица, а Древицу къ одному изъ отрядовъ Михельсона, Муфеля и Меллина и дать ему эскадронъ гусаръ для соединенія съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ отрядовъ, которые имѣютъ исполнять требованія Галахова.

Снабдивъ Галахова во всѣ мѣста строжайшими повелѣніями помогать ему въ его коммиссіи, Панинъ снарядилъ его къ отъѣзду 13 августа: „оставалось ему только получить повелѣнную сумму денегъ, которой въ поспѣшной перемѣнѣ на золотую монету употребляютъ всѣ труды".

Разсказъ Рунича объ Остафіи Трифоновѣ проливаетъ, между прочимъ, свѣтъ на крайне загадочную до сихъ поръ личность купца Ивана Ивановича, который по свидѣтельству Пугачева (Чтенія Мос. Об. Ист. 1858 кн. II-я стр. 43, 44, 51) явился къ нему въ качествѣ посланнаго будто-бы отъ в. к. Павла Петровича и великой княгини,

привлекъ къ нему множество новыхъ сообщниковъ, подалъ Пугачеву смѣлую мысль двинуться на Казань и даже призывалъ его въ столицу Россіи Оказывается теперь несомнѣннымъ, что смѣлый и предпріимчивый купецъ Иванъ Ивановичъ, мнимый посланный отъ раскольниковъ, Долгополовъ и Остафій Трифоновъ—одно и тоже лицо!

Вотъ что нашли мы о коммиссіи Галахова и Остафія Трифонова въ печатныхъ источникахъ и о чемъ, между тѣмъ, такъ подробно и такъ интересно разсказываетъ Руничъ.

Независимо отъ подробностей, собственно до коммиссіи относящихся, обращаемъ вниманіе читателей на сцену свиданія Пугачева съ П. И. Панинымъ. Эта сцена передана у Рунича гораздо проще и достовѣрнѣе, сравнительно съ извѣстнымъ разсказомъ Пушкина.

Руничъ вѣрнѣе передалъ подробности выдачи Пугачева, по крайней мѣрѣ собственное показаніе его сдѣланное на первомъ ему допросѣ, о томъ какъ онъ былъ выданъ сообщниками, совпадаетъ съ свидѣтельствомъ о томъ автора напечатанныхъ нами записокъ (Чтенія въ Моск. Об. Исторіи 1858 г. кн. II. отд. II. стр. 36).

Свидѣтельство Рунича о производствѣ допросовъ Пугачева „съ пристрастіемъ"—подтверждается докладомъ о допросахъ Пугачева 2—5 октября 1774 г. предъ П. С. Потемкинымъ: „.... Соображая обстоятельства похожденія злодѣя по всѣмъ свѣдѣніямъ, каковыя секретная коммиссія собрать могла, съ показаніемъ его, Пугачева, усмотрѣно, что злодѣй скрывалъ ядъ злости на сердцѣ; для того учинено было ему малое наказаніе; и по доводамъ тѣмъ..., убѣждаемъ былъ злодѣй, и открылся противъ вопросительныхъ пунктовъ.... „и пр. (Чтенія Москов. Общ. Исторіи, 1858 г. кн. II, допросы Пугачева, стр. 39).

Императрица Екатерина въ письмѣ къ гр. П. И. Панину, отъ 20 ноября 1774 г. (Чтенія М. Общ. Ист., 1858 г., кн. II, стр. 54) обѣщаетъ „конечно уважить" представленія Панина о наградѣ нѣкоторыхъ лицъ, въ томъ числѣ майора Рунича, котораго, пишетъ государыня: "велю опредѣлить въ армію". Изъ этого же письма видно, что отъ Галахова принято 25 т. рублей,—остатокъ той суммы, которая была предоставлена въ распоряженіе коммиссіи.... **Ред.**

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Отъ декабря 1836 года до іюня 1844 года.

ПЕРІОДЪ VIII *).

Отъ оставленія службы въ пѣвческой капеллѣ до первыхъ представленій оперы «Русланъ и Людмила».

Зимою пріѣхала матушка и остановилась у сестры; я по-

*) «Русская Старина» 1870 г. т. I, ст. 380—402; 474—494; 562—594; т. II, ст. 56—73 и 266—306.

томъ и самъ туда переѣхалъ. Е. К*. выздоровѣла и я написалъ для нея вальсъ на оркестръ B-dur. Потомъ, не знаю по какому поводу, романсъ Пушкина: Я помню чудное мгновенье. Въ февралѣ пріѣзжала двоюродная сестра моя Софья Ивановна Нольде (та самая, съ которой я сдружился будучи еще въ пансіонѣ). У нея были двѣ дочери и сынъ. Старшей, Евгеніи Карловнѣ, было лѣтъ 14, у нея была интересная физіономія и она была уже тогда хорошая музыкантша; впослѣдствіи она вышла замужъ за П. П. Рындина.

Въ концѣ февраля я съ матушкой отправился въ деревню и пріѣхалъ сперва къ сестрѣ Людмилѣ Ивановнѣ Шестаковой, въ имѣніе мужа ея Логачево, отстоящее двѣ версты отъ Новоспасскаго. Тамъ я погрѣлся у печки въ угольной комнатѣ и потомъ уже поѣхалъ домой.

Все время пребыванія моего въ Новоспасскомъ, т.-е. отъ начала марта до конца апрѣля, я хворалъ *). Лишеніе сна, аппетита и нервное раздраженіе довели меня до столь сильнаго безпокойства, что я не рѣшался ѣхать одинъ, а упросилъ К. Ѳ. Гемпеля сопутствовать мнѣ до Петербурга, куда мы прибыли благополучно въ началѣ мая. Мы съ Гемпелемъ поселились въ одной маленькой комнатѣ въ ревельскомъ подворьѣ, что̀ въ Новомъ переулкѣ. Тутъ я узналъ, что и храпѣніе имѣетъ своихъ виртуозовъ: Гемпель, какъ уже прежде сказано, былъ хорошій музыкантъ, но храпѣть былъ великій мастеръ. Ложась онъ начиналъ сапѣть, потомъ начиналъ потихоньку храпѣть подсвистывая, потомъ прищелкивалъ, и все crescendo, наконецъ раздавались жалобные стоны и концертъ оканчивался обыкновенно дикимъ и пронзительнымъ крикомъ, будившимъ самого виртуоза и меня. Онъ былъ тученъ и полнокровенъ и его душило по ночамъ.

Гемпель оставался не долго въ Петербургѣ, по его отъѣздѣ я оставался еще нѣсколько времени въ ревельскомъ подворьи, а потомъ поселился съ сестрою, Марьею Ивановною, и зятемъ моимъ съ дѣтками ихъ въ Троицкомъ переулкѣ. У меня была спальня и большой свѣтлый кабинетъ съ особымъ выходомъ.

Въ день моихъ имянинъ, т.-е. 21 мая, когда я шелъ изъ

---

*) На полѣ карандашомъ: «развитіе камаринской».

ревельскаго подворья къ Степанову, гдѣ провелъ большую часть того дня, мнѣ пришла мелодія «болеро»: «О дѣва чудная моя». Я попросилъ Кукольника написать мнѣ стихи для этой мелодіи, онъ согласился, а вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ мнѣ нѣсколько написанныхъ имъ романсовъ.

Поэтому, кажется, поводу пришла Платону мысль о двѣнадцати романсахъ, изданныхъ потомъ П. И. Гурскалинымъ подъ именемъ Прощанія съ Петербургомъ. У меня было нѣсколько запасныхъ мелодій и работа шла весьма успѣшно.

Между тѣмъ, въ началѣ весны здоровье Е. К. начало очень разстраиваться и докторъ объявилъ моей сестрѣ, что ей угрожаетъ чахотка и что ей непремѣнно нужно оставить Петербургъ и отправиться въ болѣе теплый и здоровый климатъ. Это меня глубоко огорчило, но я рѣшился во что бы то ни стало помочь Е. К. Рѣшился уговорить Е. К. и ея матушку ѣхать въ южную Россію, гдѣ у нихъ были родные, и вмѣстѣ съ тѣмъ обратился къ матушкѣ съ просьбою выслать мнѣ 7,000 руб. асс., обѣщаясь не безпокоить ее въ теченіи года.

Я часто посѣщалъ Ширкова, рисовалъ съ нимъ акварелью, но безъ большого успѣха. По его просьбѣ началъ писать Камаринскую для фортепьяно на три руки; но она вышла такая дрянь, что тутъ же на мѣстѣ разорвалъ написанное мною.

Изъ болеро я сдѣлалъ цѣлую пьесу для фортепьяно. Германъ переложилъ его очень удачно на свой оркестръ, равно какъ и вальсъ Fantaisie H-moll; обѣ эти пьесы были чрезвычайно любимы публикой.

Наша братія по сему случаю оставалась на нѣсколько дней въ Павловскѣ, гдѣ мы очень весело провели время.

Матушка выслала деньги на имя Соболевскаго (я держалъ свое намѣреніе въ тайнѣ); получивъ сумму 7,000 р. асс., я, не теряя времени, приступилъ къ дѣлу: купилъ карету для Е. К. и ея матери, кои были не въ блестящемъ положеніи. Заказалъ дорожную коляску для себя и хотѣлъ уѣхать изъ Петербурга (поэтому и собраніе романсовъ названо: прощаніе съ Петербургомъ). Я былъ не то что боленъ, не то чтобы здоровъ: на сердцѣ была тяжелая осадка отъ огорченій, и мрачныя неопредѣленныя мысли невольно тѣснились въ умѣ.

Въ первой половинѣ августа все было готово къ отправле-

нію дамъ въ южную Россію. Кукольники и вся братія, искренно меня любившая, не хотѣла разстаться со мною, и можетъ быть на долго (какъ-то предполагалось), не изъявивъ мнѣ дружескихъ чувствъ своихъ.

10-го августа Кукольники устроили для меня прощальный вечеръ, на который, кромѣ искреннихъ пріятелей и домашнихъ, пригласили и нѣкоторыхъ артистовъ и литераторовъ. Я пѣлъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ прощальную пѣснь, хоръ пѣла братія наша и, кромѣ фортепьяно, былъ квартетъ съ контрбасомъ. Хотя этотъ вечеръ былъ художнически-пріятельскій, но тутъ не обошлось безъ смѣху. Якова обокрали; онъ съ горя хлѣбнулъ лишній стаканъ мадеры и, не удовольствовавшись быть слушателемъ, рѣшился принять участіе въ исполненіи прощальнаго хора. Онъ съ самонадѣянностью взялъ контрбасъ Мемеля и принялся играть, но руки не повиновались и онъ съ презабавною миною смотрѣлъ вокругъ себя съ изумленіемъ.

11-го августа я выѣхалъ изъ Петербурга; въ Гатчинѣ мы съѣхались съ Е. К. и ея матерью. Я проводилъ дамъ до Катежны, гдѣ мы разстались: онѣ поѣхали въ Витебскъ, а я на Смоленскъ.

Пріѣхавъ къ матушкѣ, я началъ обдумывать свои намѣренія; паспорта и денегъ у меня не было. Притомъ же за нѣсколько дней до отъѣзда изъ Петербурга Е. К., въ припадкѣ ревности, жестоко огорчила меня незаслуженными продолжительными упреками. Отъ совокупнаго дѣйствія размышленія и воспоминанія я начиналъ мало-по-малу успокоиваться. Я принялся за работу и въ три недѣли написалъ Интродукцію «Руслана», начавъ ее въ Новоспасскомъ, кончилъ въ имѣніи зятя моего Николая Дмитріевича Гедеонова (съ которымъ жилъ въ Берлинѣ въ 1834 г.).

На обратномъ пути въ Петербургъ, ночью съ 14-го на 15-е сентября, меня прохватило морозомъ. Пріѣхавъ на станцію Городецъ (если не ошибаюсь), я потребовалъ чаю и согрѣвшись отправился въ путь. Всю ночь я былъ въ лихорадочномъ состояніи, воображеніе зашевелилось и я въ ту ночь изобрѣлъ и сообразилъ Финалъ оперы, послужившій впослѣдствіи основаніемъ увертюры оперы «Русланъ и Людмила».

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я поселился у Кукольниковъ. Несторъ жилъ на особенной квартирѣ. Я посѣщалъ иногда семейство

Александровыхъ, состоявшее изъ отца, матери, двухъ сыновей и трехъ дочерей, изъ нихъ меньшую я училъ пѣть. Платонъ ухаживалъ за старшей и на ней женился впослѣдствіи. Чаще же бывалъ дома; вслѣдствіе простуды образовалась у меня тупая, но мучительная боль въ правомъ боку, появлявшаяся всякій день по захожденіи солнца. Когда братія расходилась, при мнѣ чаще другихъ оставался Янненко; чтобы развязать ему языкъ, я попросилъ его разсказать его жизнь и женитьбу. Тогда онъ подробно сообщилъ мнѣ, какъ онъ былъ учителемъ у отца Степановыхъ, бывшаго тогда губернаторомъ Енисейской*) губерніи, какъ ѣхалъ въ Сибирь, какъ, сжалясь надъ одиночествомъ гувернантки-англичанки, бывшей тогда у Степанова, онъ женился на ней. Англичанка (Кристинья Васильевна Норманъ) отблагодарила его и своими трудами кормила его въ послѣдніе годы его жизни.

Несмотря на недугъ, я снова принялся за работу, началъ сцену Людмилы 4-го акта. Вскорѣ потомъ, по просьбѣ Кукольниковъ, написалъ увертюру, антракты, пѣсню: Ходитъ вѣтеръ у воротъ и романсъ: Сонъ Рахили, для вновь написанной Несторомъ драмы: Князь Холмскій. Исполнили музыку мою довольно опрятно, но пьеса не удалась и выдержала только три представленія.

Въ ноябрѣ я захворалъ, и опасно, у меня внезапно развилась горячка. Это произошло вѣроятно отъ простуды; наканунѣ я возвращался пѣшкомъ домой безъ калошъ. Въ тотъ вечеръ однакоже я ничего особеннаго не чувствовалъ, просидѣлъ часа съ два съ Платономъ, диспутовалъ съ нимъ, какъ всегда, и мы даже выпили по бутылкѣ церковнаго, такъ называли мы самый простой медокъ. На другой день всѣ проснулись, начали требовать чаю, а я все лежалъ; когда Платонъ подошелъ ко мнѣ со словами: «Миша, пора вставать», я хотѣлъ приподняться, но не могъ. Онъ тогда посмотрѣлъ на меня внимательно, взялъ за пульсъ и послалъ за моимъ докторомъ Шерингомъ. Меня перетащили въ комнату Платона, который уступилъ мнѣ свою кровать и во все время болѣзни и выздоровленія ухаживалъ за мною съ искреннею заботливостью. Шерингъ гомеопатическими порош-

*) Въ оригиналѣ: Омской.

ками: Nux vomica, Belladonna, Dulcamara, по одному каждаго сорта по разу въ день, прервалъ горячку въ три дня. Послѣ чего однакожъ я былъ очень слабъ нѣсколько времени и вдругъ по всему тѣлу обнаружилась сыпь. На лѣвомъ боку, противъ сердца сыпь эта слилась въ одну массу. Нѣтъ сомнѣнія, что продолжительныя огорченія были одною изъ главныхъ причинъ этой сыпи, которая, при постоянномъ леченіи подъ надзоромъ Шеринга, продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ, и когда прошла, долго еще оставались на кожѣ желто-печенковыя пятна.

Оправясь, я снова началъ писать «Руслана», а въ то же время, по просьбѣ Мятлева, написалъ Тарантеллу.

Несмотря на плохое состояніе финансовъ, я жилъ пріятно, не обременяя другихъ собою. Яковъ отлично умѣлъ готовить для меня щи изъ кислой капусты и кашу. П. П. Рындинъ, съ съ которымъ я очень сблизился въ это время, не брезгалъ этой скудной трапезой, охотно хаживалъ ко мнѣ обѣдать, причемъ подавали и бутылку церковнаго. Я часто бывалъ у Павла Васильевича Энгельгардта: жена его, женщина пріятной наружности и еще молодая, часто приглашала меня. Послѣ болѣзни присылали за мною карету, обшитую внутри мѣхомъ, а сверхъ того шубки, чтобъ меня болѣе окутать. Софья Григорьевна любила музыку; я написалъ для нея романсъ: Какъ сладко съ тобою мнѣ быть, слова П. П. Рындина, часто игрывалъ ей отрывки изъ новой моей оперы, въ особенности сцену Людмилы въ замкѣ Черномора. У Павла Васильевича жила двоюродная сестра моя, Софья Ивановна Нольде, съ дѣтками. Итакъ, мнѣ тамъ было очень хорошо; за обѣдомъ хозяйка сажала меня возлѣ себя съ дамами, угощали меня сами барыни, а шуткамъ, росказнямъ и конца не было. Не рѣдко я также бывалъ у вдовушекъ, т. е. въ добромъ и миломъ семействѣ Моллеріусъ; равно бывалъ у Александровыхъ. Около того времени пріѣхалъ старшій братъ Кукольника, Павелъ Васильевичъ, изъ Вильны. Онъ былъ профессоромъ исторіи Виленскаго университета. Онъ поселился съ нами и одушевилъ пріѣздомъ семью нашу. Для него написалъ Несторъ хоръ, я написалъ и разучилъ музыку и мы встрѣтили его торжественно. По сему случаю Несторъ написалъ стихи, которые начинались такъ:

Павлу Васильевичу хоръ,
Павлу Васильевичу честь,

Вотъ вамъ почетный приборъ,
Просимъ покорнѣйше сѣсть.

Музыки не помню, кажется было solo для Лоди.

Павелъ Васильевичъ былъ очень добрый человѣкъ, любилъ общество, въ особенности общество дамъ; онъ былъ любезенъ, пѣлъ и умѣлъ забавлять общество разными штуками, напр.: отлично представлялъ жидовъ въ синагогѣ; но господствующая страсть его была писать трагедіи изъ первыхъ вѣковъ христіанства; при чтеніи своихъ произведеній онъ приходилъ въ такой восторгъ, что испускалъ внезапные крики и не рѣдко пугалъ своихъ слушателей.

Въ концѣ зимы, т.-е. въ началѣ 1841 г., я, по просьбѣ инспектора Екатерининскаго Института П. Г. Ободовскаго, на слова его сочиненія, написалъ выпускной хоръ E-dur. Иногда бывалъ на репетиціяхъ въ институтѣ, и хоръ исполнили очень хорошо. За этотъ трудъ я получилъ отъ е. и. в. государыни императрицы перстень съ изумрудомъ, осыпанный бриллiантами, который я тогда же отослалъ матушкѣ. По болѣзни государыни танцы и пѣніе вмѣсто института исполняли во дворцѣ, куда и меня пригласили; но я не могъ быть, потому что меня о томъ увѣдомили поздно и я не имѣлъ времени купить башмаки, шелковые чулки и бѣлыя перчатки.

Въ самомъ началѣ весны, великимъ постомъ, я переѣхалъ къ Степановымъ, которые жаловались мнѣ на предпочтеніе, оказанное мною Кукольникамъ. Николай жилъ на особенной квартирѣ; Петръ Степановъ уступилъ мнѣ комнату, расписанную каррикатурами и чертовщиной. Когда, бывало, карета ночью своими освѣщенными фонарями постепенно мгновеннымъ свѣтомъ освѣщала мою комнату, странныя фигуры мелькали одна за другою, а казалось, что стоявшая на печкѣ мертвая голова насмѣшливо улыбалась; мнѣ, по крайней мѣрѣ, часто казалось, что она смѣялась надъ моими страданіями; тогда я спалъ дурно и часто предавался печальнымъ размышленіямъ о судьбѣ своей. Несмотря на это болѣзненное расположеніе духа, я продолжалъ писать оперу. Докторъ Садовскій пришелъ однажды, закурилъ сигарку и, смотря на мою работу, сказалъ мнѣ съ са-

модовольнымъ видомъ: отодрать бы тебя, братецъ, лучше бы писалъ *).

Паста, пріѣхавшая къ намъ въ Петербургъ въ октябрѣ 1840 г., была въ моей оперѣ: «Жизнь за Царя». Когда Петрова начала пѣть «Ахъ не мнѣ бѣдному», сопровождаемое, какъ извѣстно, 4-мя віолончелями и контрбасомъ, Паста, обратясь ко мнѣ, сказала: «какъ хорошо плачутъ эти віолончели».

Раннею весною пріѣхалъ въ Петербургъ зять мой Яковъ Михайловичъ Соболевскій съ сыномъ своимъ (полуглухонѣмымъ) и сестрою Елизаветою Ивановною, взявшею на себя воспитаніе племянника. Они ѣхали въ Парижъ, чтобы испытать все возможное для облегченія полуглухонѣмаго. Матушка, отъ которой не укрылось болѣзненное расположеніе моего духа, желала, чтобъ я ѣхалъ съ ними и прислала потребную для того сумму. Я однако же съ ними не отправился и вотъ по какой причинѣ. Не за долго до пріѣзда зятя съ сыномъ и сестрой моей, по городу разнесся слухъ, что Марья Петровна вышла замужъ. Этотъ, по видимому нелѣпый, слухъ оправдался; оказалось, что объ этомъ противузаконномъ бракѣ было донесено с.-петербургской консисторіи **) . . . .

. . . .

Обдумавъ хорошенько, я подалъ прошеніе о расторженіи моего брака и сейчасъ же отправился къ матушкѣ, съ которой пробылъ дня четыре. Въ іюнѣ 1841 г., возвратясь въ Петербургъ, занялся бракоразводнымъ дѣломъ. Марья Петровна долго отдѣлывалась, прикидываясь больною, но вынуждена наконецъ была явиться въ консисторію. На очной ставкѣ я скрѣпилъ сердце и стоялъ спокойно, Марья Петровна плакала. Послѣ обычныхъ троекратныхъ увѣщаній, я объявилъ, что не могу отстать отъ своего намѣренія, что я вынужденъ къ тому семейственными обстоятельствами, что мною не руководствуетъ злоба, въ доказательство чего прошу извиненія у жены за всѣ невольно наносимыя ей мною огорченія.

Менѣе трудны были для меня очныя ставки съ адвокатомъ Марьи Петровны, какимъ-то Θедоровымъ. Я молча выслушивалъ

*) Эта сцена изображена Н. А. Степановымъ въ выше упомянутомъ альбомѣ Л. Ив. Шестаковой.

**) Здѣсь нами выпущены двѣ строки. Ред.

его обвиненія, а въ свою очередь повторялъ только, что я остаюсь при первомъ своемъ показаніи.

Несмотря на всѣ непріятныя хлопоты по бракоразводному дѣлу, я въ концѣ лѣта снова принялся за работу. Яковъ Михайловичъ съ сыномъ и сестрою, Елизаветою Ивановною, въ въ началѣ осени возвратились изъ Парижа. Всѣ опыты надъ полуглухонѣмымъ племянникомъ оказались безуспѣшными. Зять оставался не долго въ Петербургѣ и уѣхалъ въ деревню. Я съ сестрою и племянникомъ переѣхалъ въ домъ Шуппе (бывшій Варварина) противу Опекунскаго Совѣта, въ Мѣщанской улицѣ. Сестра съ племянникомъ взяла удобную для помѣщенія квартиру; у нея же готовили для насъ всѣхъ кушанье. Я помѣстился особо, въ томъ же этажѣ, въ двухъ маленькихъ, но очень свѣтлыхъ комнатахъ. Еще въ концѣ лѣта я почувствовалъ необыкновенное расположеніе къ сочиненію музыки и это расположеніе не измѣнилось. Сверхъ того, я началъ учиться рисованію, а именно пейзажей, у ученика академіи Солнцева и началъ рисовать порядочно, такъ что скопировалъ нѣсколько ландшафтовъ карандашомъ для моихъ знакомыхъ; а на одномъ изъ моихъ рисунковъ карандашомъ К. Брюловъ подписалъ: скопировано очень не дурно.

Обѣдалъ у сестры, а иногда оставался съ нею послѣ обѣда; она тогда прилежно занималась игрою на фортепьяно и я акомпанировалъ ей на скрипкѣ, между прочимъ сонату Бетховена F-dur. У нея жила въ услуженіи дѣвушка (крѣпостная), которая училась шить платья у модистки, и матушка назначала ее въ горничныя младшей сестрѣ моей Ольгѣ. Ей было 18 лѣтъ, она была очень стройная и довольно миловидная дѣвушка. Она одѣвалась хотя очень просто, но опрятно и мило, и не рѣдко потѣшала меня презабавными, неожиданными выходками, такъ напр.; оперу мою «Русланъ и Людмила» она называла своею. Яковъ Ульяновъ также, говоря о «Жизни за Царя» выражался обыкновенно: наша опера. Однимъ словомъ, по всей справедливости ее назвать можно было гризеткой. Въ короткое время я къ ней очень привыкъ:

Привычка въ чувство обратилась,
А чувство въ счастье многихъ дней.

Дѣйствительно, я ей обязанъ многими и многими пріятными

минутами. Мнѣ дома было такъ хорошо, что я очень рѣдко выѣзжалъ, а, сидя дома, такъ усердно работалъ, что въ короткое время большая часть оперы была готова. Осмотрѣвшись, однакоже, я нашелъ, что общей связи между частями новой моей оперы не было. Чтобы помочь этому, я пригласилъ къ себѣ на обѣдъ Нестора и Мишу Гедеонова, съ которымъ, равно какъ съ братомъ его Степаномъ Александровичемъ, я не только помирился, но и очень сблизился. Сверхъ того, былъ у меня на обѣдѣ и Владиславлевъ, бывшій въ то время дежурнымъ штабъ-офицеромъ корпуса жандармовъ. Онъ любилъ искусства, живопись, и музыку въ особенности; я съ нимъ былъ на дружеской ногѣ, и занялъ у него по случаю обѣда серебро и столовое бѣлье. По причинѣ отъѣзда Ширкова въ Украйну, Кукольникъ и Гедеоновъ взялись помогать въ трудномъ дѣлѣ свести цѣлое изъ разнородныхъ, отдѣльныхъ частей моей оперы. Кукольникъ написалъ стихи *) для финала оперы и сцену Ратмира 3-го дѣйствія: И жаръ и зной. Гедеоновъ написалъ маленькій дуэтъ, слѣдующій за балладою Финна между Финномъ и Русланомъ: Благодарю тебя, мой дивный покровитель, речитативъ Финна въ 3-мъ актѣ: Витязи, коварная Наина и ихъ молитву въ 4 голоса, которою оканчивается третье дѣйствіе. И я самъ написалъ сцену Фарлафа съ Наиной и рондо Фарлафа, а также начало финала 3-го дѣйствія. Такимъ образомъ, стихи для либретто, кромѣ взятыхъ изъ поэмы Пушкина, писали Маркевичъ, В. Ѳ. Ширковъ, Кукольникъ, Миша Гедеоновъ и я.

Великимъ постомъ, въ самомъ началѣ весны 1842 г., пріѣхала матушка съ младшей сестрою Ольгою, съ тѣмъ, чтобы провести годъ въ Петербургѣ, для окончанія воспитанія сестры Ольги, которой было лѣтъ 16 или 17. Вскорѣ по пріѣздѣ мы переѣхали въ домъ Давыдова на Гороховой улицѣ. Матушка съ сестрами и племянникомъ заняла бельэтажъ, а мнѣ нашлись двѣ комнаты на дворѣ съ кухнею.

Въ короткое время опера была доведена до того, что нельзя было дописывать немногаго, оставшагося безъ сценическихъ соображеній и содѣйствія декоратора и балетмейстера. Итакъ (въ

*) «Англійскіе (?) Я написалъ ихъ съ тѣмъ, чтобы по возвращеніи Ширкова они были замѣнены стихами, со смысломъ, но этого не послѣдовало итеперь гуляютъ англійскіе». Примѣчаніе Кукольника.

апрѣлѣ 1842 г., если не ошибаюсь), я явился къ директору Гедеонову съ партитурой, и онъ безъ всякихъ разговоровъ принялъ мою оперу, приказалъ сейчасъ же приступить къ постановкѣ ея на сцену, и по моему желанію, вмѣсто единовременнаго вознагражденія 4,000 р. асс., согласился, чтобы я получалъ разовые, т.-е. десятый процентъ съ двухъ третей полнаго сбора за каждое представленіе. Скоро послѣ того отдали мою партитуру въ театральную нотную контору и, когда партіи главныхъ дѣйствующихъ лицъ и хоры были изготовлены, я принялся за разучку моей музыки. Впослѣдствіи (это было уже лѣто) надлежало поладить съ балетмейстеромъ Титюсомъ, человѣкомъ весьма ограниченныхъ способностей. Для этого я затѣялъ дать ему обѣдъ (онъ любилъ покушать), и чтобъ болѣе угодить ему, заказалъ у французскаго ресторатора Legrand любимыя его кушанья. На обѣдъ, кромѣ балетмейстера Титюса, пригласилъ двухъ Гедеоновыхъ, Костю Булгакова, какъ пріятнаго и веселаго собесѣдника и Павла Павловича Каменскаго, служившаго переводчикомъ въ канцеляріи директора театровъ, Гедеонова. По нашему мнѣнію, онъ отлично танцовалъ лезгинку. Такъ какъ музыка для танцевъ 4-го дѣйствія была составлена мною изъ восточныхъ мелодій, то я желалъ, чтобы Титюсъ по возможности сдѣлалъ и самые танцы въ восточномъ родѣ и назначилъ для solo въ этомъ танцѣ, названномъ мною лезгинкой, танцовщицу Андреянову 2-ю, которой въ то время особенно покровительствовалъ директоръ театровъ. Танцы же 3-го дѣйствія вполнѣ предоставилъ Титюсу. Обѣдъ удался и вино произвело свое дѣйствіе: послѣ обѣда Каменскій поплясалъ лезгинку, которая не очень понравилась французу Титюсу, но онъ согласился поставить этотъ танецъ по моему желанію.

Вина было вдоволь, такъ что когда послѣ театра возвратились Гедеоновъ и Каменскій ко мнѣ, то я ихъ употчивалъ отличнѣйшимъ хересомъ. По этому поводу въ эпитафіи, сочиненной ими на меня впослѣдствіи, помѣщены слѣдующіе стихи:

Любилъ онъ музыку и юбки;
Чужіе люди для него
Вакштафа набивали трубки,
И жилъ въ Давыдовѣ онъ домѣ,
Не обижая ни кого,
Бутылокъ хереса окромѣ.

Оставлю на время театръ и оперу, чтобы упомянуть о пріѣздѣ Листа въ Петербургъ.

Появленіе его у насъ въ февралѣ 1842 г. переполошило всѣхъ диллетантовъ и даже модныхъ барынь. Меня, отказавшагося отъ свѣта, со времени разрыва моего съ женою, т.-е. съ ноября 1839 г., снова вытащили на люди и забытому почти всѣми, русскому композитору пришлось снова являться въ салонахъ нашей столицы по рекомендаціи знаменитаго иностраннаго артиста! Несмотря на всеобщее и отчасти собственное мое увлеченіе, я могу теперь еще дать полный отчетъ въ впечатлѣніи, произведенномъ на меня игрою Листа. Мазурки Chopin, его Nocturnes и этюды, вообще всю блестящую и модную музыку онъ игралъ очень мило, но съ превычурными оттѣнками (à la française), c'est à dire avec exagération de tout genre. Менѣе удовлетворительно однакоже (по моему мнѣнію) игралъ онъ Баха (котораго clavecin bien tempéré зналъ почти наизусть), Симфонію Бетховена, переписанную имъ самимъ (transcrite) для фортепьяно; въ сонатахъ Бетховена и вообще въ классической музыкѣ исполненіе его не имѣло надлежащаго достоинства и въ ударѣ по клавишамъ было нѣчто отчасти котлетное. Исполненіе Септуора Гуммеля отзывалось какимъ-то пренебреженіемъ и по-моему Гуммель игралъ его несравненно лучше и проще. Бетховена концертъ Es-dur исполнилъ онъ гораздо удовлетворительнѣе. Вообще способъ игры Листа въ оконченности не сравню съ Фильдомъ, Карломъ Мейеромъ и даже Тальбергомъ, въ особенности въ скалахъ.

Кромѣ графовъ Віельгорскихъ и Одоевскаго я бывалъ съ Листомъ у графини Растопчиной и у Палибиной. У Одоевскаго, Листъ сыгралъ à livre ouvert нѣсколько №№ Руслана съ собственноручной, никому еще неизвѣстной моей партитуры, сохранивъ всѣ ноты, ко всеобщему нашему удивленію. Обращеніе и пріемы Листа не могли не поразить меня страннымъ образомъ; ибо я тогда не былъ еще въ Парижѣ и юную Францію зналъ только по наслышкѣ. Кромѣ очень длинныхъ волосъ, въ обращеніи онъ иногда прибѣгалъ къ сладкоразнѣженному тону (mignardise); по временамъ въ его обращеніи проявлялась надменная самоувѣренность (arrogance). Впрочемъ, несмотря на нѣкоторый тонъ покровительства въ обществахъ, особенно между артистами и

молодыми людьми, онъ былъ любезенъ, охотно принималъ искреннее участіе въ общемъ веселіи и не прочь былъ покутить съ нами.

Когда мы встрѣчались въ обществахъ, что случалось не рѣдко, Листъ всегда просилъ меня спѣть ему одинъ или два моихъ романса.

Болѣе всѣхъ другихъ нравилось ему: Въ крови горитъ. Онъ же въ свою очередь игралъ для меня, что-нибудь Chopin или моднаго Бетховена. Великимъ постомъ того же 1842 г. я познакомился съ семействами Табаровскихъ и Сѣровыхъ. Александръ Николаевичъ Сѣровъ былъ въ то время очень молодой человѣкъ, образованный (онъ учился въ училищѣ правовѣдѣнія) и очень хорошій музыкантъ; онъ игралъ на фортепьяно, нѣсколько на віолончели, въ особенности же бойко игралъ съ листà. Сходки наши въ домѣ Мерца прекратились; братія разъѣхалась. Несторъ Кукольникъ прежде другихъ переѣхалъ на особливую квартиру. Несмотря на это по прежнему любилъ меня, и, по требованію моему, написалъ стихи для моей новой оперы и поправлялъ стихи моего собственнаго издѣлія. Когда же я объявлялъ ему, что написалъ сцену или № оперы, онъ чрезвычайно радовался и становился безпокоенъ отъ желанія скорѣе слышать новое мое произведеніе. Вообще онъ былъ одинъ изъ самыхъ пріятныхъ собесѣдниковъ, какихъ только мнѣ случалось встрѣчать въ моей жизни. Съ нимъ скука была невозможна; онъ умно и ловко говорилъ обо всемъ. Однажды въ теченіи вечера онъ, необыкновенно ясно и дѣльно, изложилъ словесно исторію Литвы по моему желанію. Когда я изъявилъ мое удивленіе, онъ отвѣчалъ улыбаясь: «прикажетъ государь, завтра буду акушеромъ». Если я излагалъ мнѣніе противное его мнѣнію, то онъ говаривалъ такъ: «Миша! на это моего согласія нѣтъ; выпьемъ». Это значило выпьемъ по стакану церковнаго.

В. И. Богаевъ женился. Платонъ Кукольникъ переѣхалъ въ домъ Александровыхъ. Онъ занялъ весь нижній этажъ (rez de chaussée), который очень мило отдѣлалъ, а семейство Александровыхъ помѣстилось въ мезонинѣ того же дома. Большая часть братіи сходилась на его вечерахъ, которые онъ умѣлъ оживлять всевозможными способами. Пѣли, играли на фортепьяно, танцовали; Несторъ по временамъ читалъ свои новыя произве-

денія,—шла дружеская бесѣда, а въ заключеніе вкусный и сытный ужинъ еще болѣе располагалъ всѣхъ къ веселію.

Рѣже, но также пріятны, были вечера у Владиславлева, гдѣ иногда встрѣчались наши и иностранные художники; и у него на вечерахъ пѣли, танцовали и веселились не мало.

По вечерамъ поздно я часто навѣщалъ Мишу Гедеонова, у котораго тогда еще начались сходки послѣ театра.

Онъ и братъ его Степанъ Александровичъ расположили отца своего въ мою пользу до такой степени, что, отъѣзжая въ Москву, онъ позволилъ мнѣ распоряжаться по собственному моему усмотрѣнію постановкою моей новой оперы. Вслѣдствіе этого распоряженія я съ Гайдуковымъ (экзекуторомъ [оберъ-костюмеръ] при дирекціи с.-петербургскихъ театровъ) осмотрѣлъ огромные гардеробы, принадлежащіе дирекціи театровъ, вмѣстѣ съ нимъ мы положили, какіе костюмы надлежало сдѣлать вновь и какіе можно обновить и передѣлать. Костюмы для главныхъ дѣйствующихъ лицъ сдѣланы были по указанію Карла Брюлова. Брюловъ сообщилъ также свои соображенія о декораціяхъ Роллеру, который еще до того (написалъ) масляными красками эскизы декорацій для «Руслана и Людмилы», которые теперь находятся у Нестора Кукольника *).

«Вскорѣ по обѣдѣ, который я далъ Титюсу (это было лѣтомъ), онъ позвалъ меня къ себѣ обѣдать на дачу на Крестовскомъ островѣ и славно угостилъ меня. Послѣ того онъ началъ заниматься составленіемъ танцевъ и я ходилъ охотно въ школу, чтобы соображаться съ его требованіями и передѣлывать, что оказывалось нужнымъ перемѣнить. Такимъ образомъ, въ танцы 3-го дѣйствія я долженъ былъ ввести нѣсколько пошлыхъ фразъ, чтобы ловко было танцовать enlevé.

Прежде нежели Титюсъ начиналъ разучивать и сочинять танцы для «Руслана», онъ начиналъ похвалами самому себѣ—говорилъ: Aprésent tous les maitres de danses sont des maitres assis, т.-е. учатъ сидя; онъ же и еще какой-то другой балетмейстеръ въ Парижѣ, одни только могутъ учить стоя, т.-е. могутъ сами танцовать. При этомъ, со скрипкой въ одной рукѣ и смычкомъ
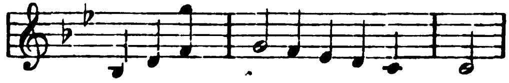
*) Эти эскизы были такъ хороши, въ особенности видъ заколдованнаго замка Черномора, что Роллера за него удостоили званія академика.

Прим. Кукольника.

въ другой, онъ начиналъ дѣлать разныя па, и, приходя постепенно въ восторгъ, выдѣлывалъ наконецъ антраша и другія трудныя штуки. Все это происходило въ присутствіи воспитанницъ, танцовщиковъ и музыкантовъ и крайне было забавно.

Я велъ тогда жизнь весьма пріятную; утромъ передѣлывалъ танцы и немногія недоконченныя мѣста изъ оперы, въ 12-мъ часу утра отправлялся на репетицію въ залы театра или школы, откуда меня не рѣдко привозили домой въ театральной каретѣ съ воспитанницами и актрисами. Обѣдалъ я у матушки и проводилъ въ семействѣ послѣобѣденное время; вечеромъ обыкновенно ѣздилъ въ театръ, гдѣ оставался все время за кулисами. Когда вечеромъ я возвращался домой, сестра Ольга встрѣчала меня со смѣхомъ и на вопросъ мой: «чему ты смѣешься, Oline?» отвѣчала: «вы пришли, значитъ смѣхъ будетъ». Дѣйствительно, не проходило четверти часа, чтобы я не разсмѣшилъ сестры и матушки.

10-го августа была первая квартетная проба новой моей оперы у матушки на квартирѣ. Участвовали 1-я скрипки, Месъ и Альбрехтъ, замѣнившій старика Кавоса, который умеръ, 2-я скрипка Вейцманнъ, альтъ—*), віолончель—Шубертъ и контрбасъ Мемель. Присутствовали, Гунке и Раль; этому послѣднему, поручено было мною оркестровать написанное мною для сценой музыки; во время этой репетиціи я на фортепьяно игралъ партіи духовыхъ инструментовъ, голосовъ не было. Репетиція была очень удачна; окончивъ ее, матушка угостила моихъ сотрудниковъ на славу. Мы дружно бесѣдовали и смѣялись; Вейцманнъ потѣшалъ насъ различными фарсами. Осенью начались пробы, сперва въ залахъ, а потомъ на сценѣ. Тогда оказалось, что многіе №№ оперы нужно было сократить, а именно: изъ интродукціи надлежало исключить вторую пѣснь Бояна: Есть пустынный край. Равнымъ образомъ все окончательное развитіе (dévelopement et péroraison) главной темы:

Лейся полнѣе, кубокъ златой, впослѣдствіи нужно было исключить. Въ финалѣ перваго акта сокращенъ хоръ Лелю H-dur въ 5/4.

*) Такъ написано у Глинки.

Во второмъ актѣ: Баллада Финна оказалась нѣсколько длинною; но я не сократилъ ее и публика впослѣдствіи привыкла ее слушать, какъ она мною первоначально написана.

Хоръ головы, т.-е. финалъ 2-го акта, на который я очень разсчитывалъ, рѣшительно не удался и пѣли его такъ невѣрно, что мнѣ самому было не въ силу слышать его. Въ III-мъ актѣ, виѣсто написаннаго мною чрезвычайно труднаго антракта, надлежало начать прямо съ хора: Ложится въ полѣ мракъ ночной, котораго первые куплеты поются за кулисами. Въ финалѣ терцетъ: Зачѣмъ любить, зачѣмъ страдать, надлежало исключить потому, что онъ замедлялъ ходъ драмы.

Въ 4-мъ актѣ сцена Людмилы, за которую во время репетицій въ залахъ благодарила меня Степанова, на сценѣ совсѣмъ не вышла и таже Степанова упрекала меня, что я не хорошо разсчелъ сценическій эффектъ.

Въ финалѣ этого и послѣдняго акта надлежало также многое сократить. Несмотря на всѣ эти обстоятельства, режиссёръ М. С. Лебедевъ ручался за то, что опера пойдетъ хорошо. Увертюру прямо на оркестръ я писалъ нерѣдко во время репетицій въ комнатѣ режиссёра.

Гедеоновъ, возвратясь изъ Москвы, какъ-то повздорилъ съ Роллеромъ. Это обстоятельство имѣло важное вліяніе на судьбу моей оперы. Декораціи первыхъ трехъ актовъ были хороши, хотя не совсѣмъ въ сказочномъ русскомъ характерѣ. Я разсчитывалъ болѣе всего на эффектъ 4-го дѣйствія въ садахъ Черномора. Изъ волшебно-прекрасной, затѣйливой декораціи, которая бы могла занять публику и заставить ее забыть недостатокъ драматическаго дѣйствія оперы, Роллеръ (вѣроятно отъ досады) сдѣлалъ самую пошлую изъ всѣхъ декорацій оперы. Замокъ похожъ былъ на казармы, фантастическіе цвѣты на бокахъ авансцены были безобразны и гадко размалеваны самыми простыми красками и испещрены сусальнымъ золотомъ, сюрпризы были гадкіе. Вмѣсто стола съ различными яствами для Людмилы выходило изъ земли нѣчто въ родѣ налоя съ какимъ-то позолоченнымъ шевелившимся деревцомъ. Однимъ словомъ, это была не декорація, а западня (attrappe) для актеровъ и публики; не только Степанова, но и самая первоклассная актриса не могла бы эффектно выполнить этой сцены. Когда же являлся

неуклюжій Черноморъ съ свитою своей и полковой музыкой, тогда не было мѣста ни для музыкантовъ, ни для танцоровъ.

Декорація послѣдняя 5-го акта не лучше была.

Новое обстоятельство умножило весьма значительно мои хлопоты и непріятности. Около 1840 или 1841 г. Булгаринъ бывалъ часто у Нестора Кукольника и я былъ съ нимъ на дружеской ногѣ и даже на ты. Изъ-за пустяковъ мы разсорились. Не вижу надобности скрывать причину ссоры моей съ Булгаринымъ. Однажды въ Павловскѣ Булгаринъ что-то долго шепталъ на ухо Герману*), между тѣмъ публика ожидала одной изъ любимыхъ пьесъ; я въ полголоса сказалъ шутливо Герману: «не слушайте его, онъ ничего въ музыкѣ не разумѣетъ». За эту шутку Булгаринъ взбѣсился. Мы были на кіоскѣ, гдѣ оркестръ. Булгаринъ завязалъ споръ и такъ какъ дѣло шло о музыкѣ, то естественно, что мнѣ легко было объяснить и доказать, что онъ нашего искусства не разумѣетъ.

Этотъ споръ продолжался долго и въ присутствіи многочисленной толпы.

Сеньковскій, съ которымъ въ то время я былъ очень друженъ, желая отклонить отъ меня новыя непріятности, старался примирить меня съ Булгаринымъ.

Онъ позвалъ къ Coulon**) на обѣдъ бельгійскую пѣвицу Мерти съ ея матерью (Мерти впослѣдствіи вышла за кларнетиста Блэза, который былъ долгое время у насъ и былъ любимъ), меня и Булгарина. Мы подали другъ другу руку въ знакъ примиренія, но я однако не хотѣлъ просить его о покровительствѣ. Когда же зашла рѣчь о моей оперѣ, Булгаринъ съ притворнымъ видомъ сожалѣнія сказалъ: «досадно, что такое превосходное произведеніе должно быть ввѣрено артистамъ, которые не въ состояніи исполнить его надлежащимъ образомъ». На это я отвѣчалъ ему, что я писалъ мою оперу, зная уже тѣхъ артистовъ, которые должны будутъ исполнить ее, что я сообразовался съ ихъ средствами и вполнѣ ими доволенъ.

Нѣсколько дней послѣ того, когда я пришелъ на репетицію, Леоновъ взялъ меня въ сторону и таинственно сообщилъ, что

*) Германъ управлялъ тогда оркестромъ, игравшимъ въ Павловскомъ вокзалѣ.

**) Тогдашній содержатель павловскаго ресторана.

актеры сердятся на меня. Въ самомъ дѣлѣ, когда взошелъ на сцену, то ясно увидѣлъ, что меня принимаютъ сухо и на всѣхъ лицахъ недовольную мину. Петрова же вскинулась на меня въ гнѣвѣ и разразилась упреками, изъ которыхъ я узналъ, что вышла въ «Сѣверной Пчелѣ» статья объ артистахъ, которая ихъ обидѣла и которую они мнѣ приписывали*). Я объяснилъ Петровой, что я никакой статьи не читалъ и не знаю, а что Булгаринъ въ статьѣ, на которую она ссылается, напечаталъ собственно слова свои, сказанныя мнѣ во время обѣда у Coulon. Видя однакожъ, что мои убѣжденія ни къ чему не служатъ, я отвернулся.... и предоставилъ режиссёру вести репетицію.

Музыканты также (кромѣ почтенныхъ изъ нихъ, какъ Меса, Альбрехта, Шуберта, Мемеля и другихъ) разозлились на меня за статью Булгарина и начали играть весьма небрежно, что въ особенности замѣтно было въ увертюрѣ и въ финалѣ 5-го дѣйствія. Видя это, я попросилъ старшихъ музыкантовъ, а именно капельмейстера Альбрехта, Меса и Мейнгарта уговорить молодыхъ музыкантовъ быть исправными, въ противномъ случаѣ, прибавилъ я, «доносщикомъ я не буду, а найдутся другіе, которые охотно доведутъ до свѣдѣнія директора, что такіе-то изъ музыкантовъ пренебрегаютъ своимъ дѣломъ, а директоръ, какъ вы знаете, радъ случаю прогнать музыканта. Мнѣ же, заключилъ я, прискорбно бы было, чтобы кто-нибудь пострадалъ изъ-за моей оперы».

На одной изъ послѣднихъ репетицій графъ М. Юр. Віельгорскій, прослушавъ первую половину 5-го акта, обратясь ко мнѣ сказалъ: mon cher, c'est mauvais!—«Retirez vos paroles, M-r le comte, отвѣчалъ я ему; il est possible que cela ne fasse pas des l'effet, mais pour mauvais certe, que ma musique ne l'est pas».

Всю эту часть 5-го акта впослѣдствіи выпустили. Сокращенія (coupures) я предоставилъ графу Віельгорскому, который нещадно выкраивалъ и часто лучшія мѣста, приговаривая съ самодовольнымъ видомъ: «не правда ли, что я мастеръ дѣлать купюры?»

---

*) Эта статья напечатана въ № 250 (7 ноября, суббота) Сѣверной Пчелы 1842 года. Послѣ того Булгаринъ два раза (№№ 261 и 273) оправдывался въ своихъ словахъ передъ оскорбленными артистами. Ред.

Назначено было 27 ноября 1842 г. для перваго представленія «Руслана и Людмилы». Петрова была нездорова, а роль Ратмира должна была исполнять Петрова-воспитанница, которая была талантливая, но еще слабая и неопытная артистка. Перемѣнить было невозможно, въ особенности потому, что директоръ не любилъ старшую Петрову.

Несмотря на мучительное чувство, овладѣвавшее мною всякій разъ во время перваго представленія моихъ драматическихъ произведеній, я еще не терялъ надежды на успѣхъ. Первый актъ прошелъ довольно благополучно.

Второй актъ прошелъ также не дурно, за исключеніемъ хора въ головѣ.

Въ третьемъ актѣ, въ сценѣ: И зной, и жаръ, Петрова-воспитанница оказалась весьма слабою и публика замѣтно охладилась. Четвертый актъ не произвелъ эффекта, котораго ожидали. Въ концѣ же 5-го дѣйствія императорская фамилія уѣхала изъ театра. Когда опустили занавѣсъ, начали меня вызывать, но апплодировали очень недружно, между тѣмъ усердно шикали и преимущественно со сцены и оркестра. Я обратился къ бывшему тогда въ директорской ложѣ генералу Дубельту съ вопросомъ: «кажется, что шикаютъ, идти ли мнѣ на вызовъ?».—«Иди, отвѣчалъ генералъ, Христосъ страдалъ болѣе тебя».

Возвратясь изъ театра, мы съ матушкой скрыли нашу досаду, ласково приняли моихъ пріятелей, пріѣхавшихъ къ намъ ужинать. Матушка за мой трудъ подарила мнѣ столоваго серебра на 12 кувертовъ.

Второе представленіе прошло не лучше перваго. На третье представленіе явилась старшая Петрова, она исполнила сцену III-го дѣйствія съ такимъ увлеченіемъ, что привела въ восторгъ публику. Раздались звонкія и продолжительныя рукоплесканія, торжественно вызывали сперва меня, потомъ Петрову. Эти вызовы продолжались въ продолженіи 17-ти представленій. По сему поводу нерѣдко сердилась на меня Петрова. Во время ея сцены, я ее не слушалъ, а въ одной изъ отдаленныхъ кулисъ шушукалъ съ одной изъ миловидныхъ воспитанницъ и часто опаздывалъ на вызовъ.

Въ теченіи зимы, или лучше, отъ 27 ноября до великаго

иеста опера выдержала 32 представленія. Всѣхъ впослѣдствіи опера выдержала 53 представленія въ С.-Петербургѣ.

Булгаринъ не ограничился статьей, написанной имъ до перваго представленія; онъ со всевозможной злобой критиковалъ музыку, и слова и, что было презабавно, строго разбиралъ преимущественно слова, мною написанныя *).

Сеньковскій постоянно защищалъ меня и, какъ извѣстно, очень умно и ловко. Князь Одоевскій написалъ также объ моей оперѣ премилую статью. Графъ же Віельгорскій, когда заходила рѣчь о моей оперѣ, всегда говорилъ: c'est un opéra manqué. Другой критикъ, обратясь къ директору Гедеонову, сказалъ однажды: «какъ жаль, что вы издержали такъ много на постановку оперы Глинки, вѣдь она не пойдетъ.—Совсѣмъ нѣтъ, отвѣчалъ Гедеоновъ, я не жалѣю и увѣренъ, что она прекрасно пойдетъ, а вы напишите лучше». Гедеоновъ въ глаза трунилъ надо мною, говорилъ, что я порчу музыкантовъ, ибо по временамъ нѣкоторые изъ нихъ ничего не играютъ, что не слѣдуетъ писать такъ учено и т. п., за глаза же постоянно и ревностно защищалъ меня. Великимъ постомъ я получилъ до 3 тысячъ рубл. сер. разовыхъ изъ театральной конторы и отдалъ ихъ матушкѣ на сохраненіе.

ПЕРІОДЪ IX.

От первыхъ представленій оперы «Русланъ и Людмила» до поѣздки въ Парижъ.

Пріѣхалъ во второй разъ Листъ въ Петербургъ и нерѣдко кутилъ съ нами въ обществѣ Гедеоновыхъ (Мишѣ я посвятилъ мою оперу «Русланъ и Людмила») и графа Аркадія Павловича Кутузова, чрезвычайно пріятнаго и любезнаго собесѣдника.

Листъ слышалъ мою оперу, онъ вѣрно чувствовалъ всѣ замѣчательныя мѣста. Несмотря на многіе недостатки «Руслана», онъ успокоилъ меня на счетъ успѣха. Не только въ Петербургѣ, но и въ Парижѣ, по словамъ его, моя опера выдержа толь-

*) Разборъ «Руслана и Людмилы» помѣщенъ въ №№ 275 (вторникъ 8 декабря) и 277 (четвергъ 10 декабря) «Сѣверной Пчелы» 1842 года. Но Глинка ошибался, приписывая этотъ разборъ самому Булгарину; статьи подписаны буквами Р. З. Впрочемъ буквальное сходство нѣкоторыхъ выраженій съ субботничкомъ Булгарина ясно показываетъ, что булгаринскій сотрудникъ писалъ не безъ вдохновенія со стороны своего патрона.

ко въ (одн) теченіи одной зимы 32 представленія, могла бы считаться удачною. «Вильгельмъ Телль» Россини въ первую зиму выдержалъ только 16 представленій.

Я ему высказалъ откровенно мои взгляды на искусство и на композиторовъ. По моему мнѣнію, Карлъ Марія Веберъ былъ для меня очень неудовлетворителенъ (даже во «Фрейшюцѣ»), отъ излишняго употребленія доминантъ-септимъ аккорда въ первой его позиціи. На это Листъ сказалъ мнѣ: «vous êtes avec Weber, comme deux rivaux, qui courtisez la même femme».

День отъѣзда Листа мнѣ очень памятенъ, мы ужинали (кажется) у графа Кутузова. Зашла рѣчь о моей оперѣ, и графъ М. Ю. Віельгорскій сказалъ опять: mon cher, c'est un opéra manqué. Наскучивъ слышать одно и тоже, я попросилъ минуту вниманія у присутствовавшихъ на ужинѣ: «Господа, сказалъ обратясь къ нимъ, я считаю графа однимъ изъ наилучшихъ музыкантовъ, какихъ я только встрѣчалъ — всѣ единодушно согласились на это предложеніе—теперь, положа руку на сердце, скажите мнѣ, графъ, подписали-ль бы имя ваше подъ этой оперой, если бы ее написали?» — Конечно, охотно, отвѣчалъ онъ. «Такъ, позвольте-жъ и мнѣ быть довольнымъ трудомъ моимъ».

Несмотря на эти выходки противъ меня, внушенныя нѣсколько jalousie de métier (графъ писалъ въ то время оперу: Цыгане), онъ любилъ меня. Вообще и теперь еще онъ крайне любезенъ въ обществѣ и увлекается, какъ юноша новыми впечатлѣніями. Когда пріѣхалъ къ намъ Рубини (въ мартѣ 1843 г.), графъ, опустивъ подбородокъ въ огромный свой галстукъ, сказалъ: mon cher, c'est Jupiter Olympien!

Иванъ Ивановичъ Рубини, какъ мы называли его, несмотря на обработанность голоса и увѣренность (aplomb) былъ не Юпитеромъ, а развалиной. Голосъ его еще въ Италіи въ 1830 г. не удовлетворялъ меня, въ первые раза въ особенности онъ мнѣ отдавался въ ушахъ болѣе стеклянньмъ, нежели металлическимъ. Образъ его пѣнія еще въ Италіи я находилъ изысканнымъ, въ 1843 г. преувеличеніе (exagération) дошло до нелѣпой степени. Онъ пѣлъ или чрезвычайно усиленно, или же такъ, что рѣшительно ничего не было слышно; онъ, можно сказать, отворялъ только ротъ, а публика пѣла его ррр, что естественно льстило

самолюбію слушателей и ему ревностно апплодировали. Онъ далъ нѣсколько концертовъ въ залѣ собранія. Вечера у Миши Гедеонова становились болѣе и болѣе оживленны и занимательны.

Кромѣ Гедеоновыхъ, постоянными посѣтителями на нихъ были: графъ Кутузовъ, Варламовъ, К. Булгаковъ, П. Т. Каменскій, Горонович (алиса), секретарь директора Александръ Львовичъ Невахович, Гейденрейхъ, докторъ Берсъ и мой пансіонскій товарищъ Самаринъ. Мы жили душа въ душу и не рѣдко ужинали, довольствуясь остатками директорскаго обѣда, а если онаго было недостаточно, то дѣлали складчину и каждый давалъ для этого, сколько случалось. Расходились очень поздно, такъ что отъ Гедеоновыхъ я рѣдко приходилъ ранѣе 5 часовъ утра.

Самаринъ написалъ романсъ: Люблю тебя, милая роза, который я положилъ у К. Булгакова на музыку и, какъ помнится, ночью, послѣ театра. Около того же времени написалъ для фортепьяно Тарантеллу A-moll въ $^{3}/_{4}$.

Въ томъ же, 1843 г., если не ошибаюсь, я написалъ романсъ къ Ней, переведенный изъ Мицкевича княземъ С. Голицынымъ.

Хлопоты и непріятности въ театрѣ, равно какъ и бракоразводное дѣло мнѣ опротивѣли и я впалъ въ какое-то ко всему равнодушіе. Хотя я узналъ, что Марья Петровна со вторымъ мужемъ своимъ прижила дочку, я никакъ не хотѣлъ ее за то преслѣдовать, справедливо опасаясь новыхъ хлопотъ и непріятностей, несмотря на желаніе матушки моей, чтобы я занялся этимъ дѣломъ.

Весною матушка съ сестрою Ольгою Ивановною отправились въ деревню, а сестра Елизавета Ивановна съ племянникомъ на дачу у лѣсного института. Я, оставшись въ домѣ Давыдова, ходилъ обыкновенно обѣдать и ужинать къ Legrand, тамъ отъ скуки не рѣдко пировалъ съ друзьями. По пословицѣ: ce qui vient par la flûte s'en va par le tambour, приобрѣтенныя за оперу деньги не долго пролежали.

Е. К. еще въ 1842 г. возвратилась въ Петербургъ; я съ ней видался часто дружески, но уже не было прежней поэзіи и прежняго увлеченія. Она познакомилась съ Марьей Степановной К......*), бывшей тогда въ Петербургѣ съ мужемъ. Въ то время

*) Кршижевичъ.

Марья Степановна была хорошенькая, веселая и привѣтливая барынька. Черезъ нее или случайно я очень сблизился съ родственниками ея Тарновскими. Анна Николаевна Тарновская была молодая, миловидная и крайне привѣтливая женщина, она подружилась съ Е. К. и лѣтомъ я очень пріятно проводилъ время съ Анною Николаевною, Марьей Степановной и Е. К. Маленькой сынокъ Тарновскихъ называлъ меня: «Дядя Мися, тра та та». Въ 1843 г. Улыбышевъ прислалъ мнѣ свое сочиненіе о Моцартѣ. Я прочелъ часть этого сочиненія и изучилъ вновь всѣ оперы Моцарта въ оркестровыхъ партитурахъ. Замѣчанія и критика графа Віельгорскаго и эти упражненія возбудили во мнѣ критическій духъ, который еще болѣе развился впослѣдствіи.

Лѣтомъ того же года пріѣхалъ изъ Москвы знаменитый арфистъ Девитте, ѣхавшій въ Англію, гдѣ онъ скончался въ слѣдующемъ году. Онъ игралъ очень отчетливо и его сочиненія были не дурны. Я безпрестанно видался съ нимъ, то у него, то у Владиславлевыхъ; наконецъ онъ провелъ вечеръ у Тарновскихъ.

Вскорѣ по отъѣздѣ его я захворалъ, страдалъ нѣсколько мѣсяцевъ и наконецъ ввѣрилъ себя Гейденрейху, который вылечилъ меня.

Зимою пріѣхали къ намъ Рубини, Тамбурини, Віардо-Гарсіа. Завелся итальянскій театръ: Віардо была превосходна, Тамбурини довольно еще хорошъ, Рубини пѣлъ иногда сносно, иногда же голосъ ему измѣнялъ, что доводило его даже до слезъ.

Между прочимъ дали Don Juan Моцарта; всѣ главныя роли были убиты, только Zerlina (Віардо) и Mazetto (Артемовскій) прошли отлично. Don Juan (Тамбурини) былъ вялъ и невыносимо оттягивалъ темпъ. Рубини тщился быть громовержцемъ и сладенькую каватину il mio tesoro пѣлъ, какъ пирата, грозя публикѣ и потрясая правой рукой. О другихъ умалчиваю, скажу только, что и капельмейстеръ нѣмецъ, а именно Ромбергъ (сынъ знаменитаго Андрея Ромберга), казалось, былъ въ заговорѣ противу Моцарта, котораго мастерское (хотя не образцовое) произведеніе заставилъ оркестръ играть вычурно и безъ энергіи. Публика и даже журналы вооружились противу

геніальнаго maestro; ему, а не бездарности и невѣжеству въ музыкѣ большей части артистовъ, приписывали они неудачу представленія Don Juan. Я плакалъ отъ досады и тогда же возненавидѣлъ итальянскихъ пѣвуновъ и модную итальянскую музыку.

На вечера у Миши Гедеонова прикомандировался Карлъ Брюловъ, а потомъ и Янненко. Брюловъ провелъ молодость въ Италіи и по привычкѣ любилъ итальянскую музыку. Онъ пользовался ложею Гедеонова, что ему было очень понутру; онъ былъ очень скупъ. Наши сходки значительно оживились отъ его посѣщеній, онъ говорилъ умно и оригинально. Бывалъ также у Миши и Несторъ. Въ это же время развилась у Гедеоновыхъ, у Степана въ особенности, страсть подражать Рубини, въ чемъ не отставали и мы съ Булгаковымъ. Самаринъ и я въ свою очередь познакомили нашу публику съ выходками Колмыкова и Огинскаго. Можно сказать, что у насъ былъ собственный театръ; однажды даже Булгаковъ и Невахович представляли намъ живыя картины, и очень мило и забавно.

Зимою пріѣхала матушка съ сестрою Ольгой къ свадьбѣ сестры Елизаветы Ивановны, которая вышла замужъ за директора училища глухо-нѣмыхъ Виктора Ивановича Флёри. Во время свадьбы матушка чувствовала себя не хорошо, но перемогалась. Нѣсколько дней послѣ того, я былъ дома (въ домѣ Давыдова, матушка съ сестрой Ольгой жила особо) и наслаждался пѣніемъ моего соловья: онъ вылеталъ изъ клѣтки, которая не запиралась и садился на ёлкѣ, стоявшей посреди моей гостиной, гдѣ пѣлъ, не только не боясь меня и посѣтителей, но еще заливался тѣмъ громче, чѣмъ громче говорили и шумѣли. Позвонили, вошелъ Гейденрейхъ, я повелъ его любоваться моимъ соловьемъ; но онъ тутъ же объявилъ мнѣ, что матушка въ опасности, что у нея карбункулъ и что къ завтрашнему дню непремѣнно нуженъ операторъ. Втайнѣ я съ Флёри распорядились, какъ нужно было, и на другой день Гейденрейхъ съ операторомъ Саломономъ въ 12 ч. утра явились къ матушкѣ. Операцію произвели удачно; ни матушка, ни сестра не знали объ угрожавшей ей опасности. Первое время матушка нѣсколько страдала отъ боли, но я, оставаясь при ней, занималъ ее разговорами и распросами о ея молодости въ, особенности о томъ,

какъ она выходила замужъ. Сестры ѣздили по вечерамъ и веселились. Гейденрейху помощницей была та самая дѣвушка, которая жила у сестры Lisette, когда я писалъ «Руслана».

Въ мартѣ матушка отправилась въ деревню, сестра Ольга осталась у Флёри. Я провожалъ матушку, былъ сильный морозъ и вѣроятно меня прохватило, потому что сейчасъ послѣ того у меня образовались ревматизмы. По отъѣздѣ матушки я до обѣда отъ скуки игралъ на скрипкѣ, чтобы раззадорить моихъ птицъ. Ихъ было до 16-ти, каждая знала свою клѣтку, а по утрамъ онѣ летали и пѣли. Послѣ обѣда я не рѣдко бывалъ у Флёри, тамъ для меня топили каминъ и обогрѣвшись я принимался играть въ карты съ дѣтьми Виктора Ивановича (отъ первой жены). Старшая его дочь по имени, Анюта, дѣвушка лѣтъ 10-ти, безпрестанно плутовала и я сердился за то.

Матушка еще до отъѣзда рѣшилась отпустить меня за границу, а именно въ Парижъ, гдѣ я еще не былъ. Весна разсѣяла мои ревматизмы и я началъ приготовляться къ пути. Не желая однакожъ ѣхать одинъ, потому что я былъ еще тогда весьма нераспорядителенъ, я упросилъ ѣхать со мною Өедора Дмитріевича Гедеонова, который долго передъ тѣмъ жилъ въ Парижѣ. Различныя хлопоты замедлили нашъ выѣздъ. Между тѣмъ настало лѣто, почти всѣ знакомые разъѣхались по дачамъ, а я, чтобы не соскучиться, ежедневно ходилъ къ Янненкѣ. Мой пансіонскій товарищъ генералъ Астафьевъ пристроилъ Янненку съ семействомъ въ банѣ, принадлежавшей къ дому отца жены своей, Пономарева. Въ этой банѣ было достаточно мѣста для удобнаго помѣщенія семейства Янненки, и такъ какъ съ одной стороны баня эта примыкала къ саду довольно большому, то лѣтомъ тамъ было хорошо. Я послѣ чаю утромъ отправлялся бывало къ Янненкѣ, тамъ былъ уже К. Брюловъ, позже пріѣзжали и другіе пріятели. Обѣдали и ужинали складчиной. Тогда сняли съ меня маску. Вообще время шло не дурно. Въ іюнѣ все было готово; съ Гедеоновымъ отправлялась въ Парижъ молодая дѣвушка француженка, по имени Adèle Rossignole. Я былъ у Тарновскихъ, гдѣ были Е. К. и Марья Степановна; моя коляска подъѣхала за мною, я распростился съ барынями, заѣхалъ за Гедеоновымъ и Аделью и мы отправились въ путь.

Незадолго до отъѣзда, а именно въ день моего ангела 21 мая, дочь министра Блудова прислала мнѣ статью Henry Merimée (двоюроднаго брата Проспера Merimée). Эта статья меня обрадовала; ни одинъ изъ моихъ соотечественниковъ не отзывался до тѣхъ поръ обо мнѣ въ такихъ лестныхъ выраженіяхъ *).

Вотъ главное содержаніе этой статьи:

«La vie pour le Tzar de M-r Glinka est d'une originalité précieuse, leur première oeuvre d'art qui n'ait rien imité. La science y revet une forme si naïve et si populaire. C'est comme poëme et musique, un resumé si fidèle de tout ce que la Russie a souffert et chanté, elle y retrouve si bien ses haines et ses amours, ses larmes et ses joies, sa nuit profonde et son aurore radieuse, c'est d'abord une si douloureuse plainte, puis une hymne de redemption si fière et si triomphante que le dernier paysan transporté de son Izba au théâtre serait touché jusqu'au fond du coeur. C'est plus qu'un opéra, c'est une épopée nationale, c'est le drame lyrique rendu à la noblesse de sa destination primitive, alors qu'il n'était pas un amusement frivole, mais une solemnité patriotique et religieuse. Bien qu'étranger je n'ai jamais assisté à ce spectacle sans une vive et sympathique émotion».

(Une année en Russie, lettres écrites de Moscou en 1840, publiées par la Revue de Paris en Mars 1844)**).

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. С. ПОТЕМКИНЪ ВО ВРЕМЯ ПУГАЧЕВЩИНЫ.

(Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта).

Изъ бумагъ, собранныхъ мною по исторіи пугачевщины нѣсколько лѣтъ тому назадъ были напечатаны въ Запискахъ Академіи Наукъ: ***) 1) бумаги Кара и Бибикова, и 2) часть переписки императрицы Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ. Малое распространеніе академическаго изданія было причиною, что большая часть лицъ, которыя послѣ того писали объ этой эпохѣ, не воспользовались помянутыми документами. Содержаніе ихъ не было принято къ свѣдѣнію даже при второмъ изданіи „Записокъ о жизни и службѣ А. И. Биби-

*) «Это—magnifique. Ты не такъ выразился; это не лесть, а сущая правда». Примѣчаніе Кукольника.

**) Внизу страницы рукою Глинки отмѣчено: «Кончено 10 декабря 1854 года».

***) Т. I и III.

кова“, появившемся въ Москвѣ въ 1865 году. Только г. Анучинъ, помѣстившій въ Русскомъ Вѣстникѣ 1868 и 1869 гг. рядъ замѣчательныхъ статей объ участіи Суворова и гр. Панина въ усмиреніи бунта, не оставилъ безъ вниманія и обнародованныхъ Академіею Наукъ матеріаловъ. Однакожъ, и отъ него ускользнула одна изъ относящихся сюда статей, именно напечатанная мною въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ *) подъ заглавіемъ: „Державинъ и графъ Петръ Панинъ“, основывающаяся на архивныхъ актахъ, которыхъ я не имѣлъ еще въ виду при изданіи „Матеріаловъ для біографіи Державина“, бывшихъ также въ рукахъ Д. Г. Анучина. Въ названной статьѣ моей разсмотрѣны подробно причины гнѣва графа Панина противъ Державина и показано, что взаимныя отношенія этихъ двухъ лицъ были въ связи съ разладомъ между другими дѣятелями по усмиренію бунта въ той же мѣстности, къ числу коихъ съ одной стороны, кромѣ гр. Панина, принадлежали: астраханскій губернаторъ Кречетниковъ и саратовскій комендантъ Бошнякъ, а съ другой, кромѣ Державина, графъ П. С. Потемкинъ и начальникъ конторы саратовскихъ колонистовъ Лодыжинскій. Князь П. М. Голицынъ также болѣе склонялся къ этой сторонѣ. Кречетниковъ своими донесеніями въ Петербургъ успѣлъ бросить на Державина тѣнь въ глазахъ самой императрицы, а одно ея замѣчаніе о послѣднемъ въ письмѣ къ Панину тотчасъ возстановило суроваго главнокомандующаго противъ слишкомъ заносчиваго офицера, который, несмотря на свой маленькій чинъ, дѣйствовалъ рѣшительно и настойчиво. Совершенно справедливо замѣтивъ, что Державинъ ошибался насчетъ настоящихъ причинъ неудовольствія противъ него графа Панина, г. Анучинъ однакожъ и самъ не имѣлъ возможности вполнѣ объяснить эти причины. Но такіе частные недосмотры и немногія неточности нисколько не уменьшаютъ значенія превосходныхъ статей г. Анучина, отличающихся безпристрастнымъ изслѣдованіемъ обстоятельствъ по подлиннымъ документамъ и особеннымъ умѣньемъ группировать событія. **).

Во всѣхъ до сихъ поръ появившихся монографіяхъ по пугачевщинѣ замѣчается важный пробѣлъ — это недостатокъ извѣстій объ одномъ изъ главныхъ лицъ, избранныхъ Екатериною II для подавленія мятежа, именно о Павлѣ Сергѣевичѣ Потемкинѣ (впослѣдствіи графѣ). Въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго помѣщено нѣсколько свѣдѣній о его служебной и литературной дѣятельности, но о роли, какую онъ игралъ во время пугачевщины, упоминается тамъ только

*) 86 13 г., № 210.

**) Кромѣ неточностей, найденныхъ въ статьяхъ г. Анучина Я. К. Гротомъ, есть нѣкоторыя и другія погрѣшности; въ обширномъ сборникѣ совершенно новыхъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ Казанскихъ уѣздн. городовъ мѣстныхъ архивовъ, А. Г. Пупаревымъ, сборникѣ матеріаловъ для исторіи Пугачевскаго бунта, есть указанія на существенные промахи гг. Анучина, Мордовцева и нѣкоторыхъ другихъ лицъ писавшихъ объ этой любопытной эпохѣ. Сборникъ г. Пупарева будетъ помѣщенъ на страницахъ «Русской Старины.»

Ред.

въ немногихъ словахъ. Пушкинъ едва мимоходомъ называетъ генералъ-майора Потемкина, какъ начальника тайной коммиссіи, учрежденной по дѣлу Пугачева. Болѣе узнали мы о немъ изъ записокъ и особенно изъ переписки Державина, въ которой Потемкинъ является начальникомъ доброжелательнымъ и любезнымъ. Но оцѣнка дѣятельности и значенія его еще впереди. Предлагая часть бумагъ его, относящихся ко времени пугачевщины, скажу напередъ нѣсколько словъ о немъ самомъ.

П. С. Потемкинъ обратилъ на себя вниманіе въ первую турецкую войну, которой окончаніе совпало съ полнымъ разгаромъ мятежа. Получивъ образованіе въ московскомъ университетѣ, онъ любилъ заниматься литературой, переводилъ Руссо и Вольтера и написалъ, между прочимъ, цѣлую драму въ 5-ти дѣйствіяхъ на подвиги русскихъ въ Архипелагѣ. Во время бунта онъ составилъ „Исторію о Пугачевѣ", до сихъ поръ еще не изданную. Позднѣе онъ занималъ мѣсто генералъ-губернатора саратовскаго и кавказскаго, и литературнымъ плодомъ этой дѣятельности его было „Описаніе кавказскихъ народовъ", также остающееся въ рукописи. Бантышъ-Каменскій говоритъ, что одно событіе, послѣдовавшее въ Кизлярѣ, въ 1786 году, съ несчастнымъ братомъ шаха персидскаго, помрачило славу Павла Потемкина. Обстоятельство это, сопряженное, сколько извѣстно, съ погибелью принца, искавшаго убѣжища у русскихъ, и съ завладѣніемъ его сокровищами, конечно, будетъ разъяснено въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о Потемкинѣ, ожидаемыхъ Русскою Стариною отъ М. Н. Лонгинова. „Словарь достопамятныхъ людей" прибавляетъ, что Потемкинъ скончался скоропостижно послѣ свиданія съ Шешковскимъ 29 апрѣля 1796 года; но это преданіе опровергается очень просто временемъ смерти Шешковскаго, котораго уже въ 1794 г. не было въ живыхъ, какъ видно изъ письма ко вдовѣ его отъ графа Самойлова (Русскій Архивъ 1866, стр. 263). Такъ точно опровергнуто недавно и другое подобное преданіе о другомъ дѣятелѣ въ борьбѣ съ Пугачевымъ, князѣ П. М. Голицынѣ, умершемъ въ самый годъ казни этого мятежника и будто бы нечестно убитомъ на дуэли Шепелевымъ, по наущенію завидовавшаго красотѣ его Потемкина-Таврическаго (Р. А. 1867, стр. 479).

Послѣ неожиданной кончины А. И. Бибикова 9 апрѣля 1774 г., императрица была въ затрудненіи, кому передать всѣ обширныя полномочія, предоставленныя ею покойному. Поручивъ на время главное начальство надъ войсками старшему по немъ въ чинѣ, князю Өедору Өедоровичу Щербатову, она предоставила ему только власть распоряжаться военными дѣйствіями, да и то по соглашенію съ губернаторами. Что же касается до „секретной коммиссіи", которая была также въ зависимости отъ Бибикова, и теперь, по его же представленію, раздѣлилась на двѣ, на казанскую и оренбургскую, то по смерти его Екатерина подчинила эти двѣ секретныя коммиссіи мѣстнымъ губернаторамъ,— Бранту въ Казани и Рейнсдорфу въ Оренбургѣ. Вскорѣ однакожъ, понимая необходимость связи въ ихъ дѣйствіяхъ, она назначила одного надъ обѣими начальника въ лицѣ Павла Потемкина, троюроднаго брата быстро возвышавшемуся въ то время

любимцу. Особой, составленной при этомъ случаѣ, инструкціей государыня поручила ему сверхъ того изслѣдовать причины возмущенія, придумать мѣры къ устраненію ихъ и установить прочный порядокъ въ яицкомъ народѣ *). Я. Гротъ.

—

I. Инструкція нашему генералъ-маіору Павлу Потемкину. Извѣстны уже вамъ происшедшіе бунты на Яикѣ и въ Оренбургской губерніи, для угашенія коихъ посланы туда войска, которыя, такъ какъ и все сіе дѣло, поручены были въ главное предводительство и управленіе покойному генералъ-анщефу Бибикову. Въ слѣдствіе чего и учреждена имъ въ Казани по нашему повелѣнію секретная коммиссія, для произведенія разбирательства и слѣдствія надъ пойманными злодѣями. По разбитіи же Пугачева и по освобожденіи Оренбурга учреждена и тамо по повелѣнію нашему такая же коммиссія подъ вѣдѣніемъ губернатора. Равномѣрно и казанская, по смерти генерала Бибикова, поручена отъ насъ казанскому же губернатору. Нынѣ же дѣла тамошняго края возымѣли такой оборотъ, что оба тѣ губернатора долженствуютъ быть единственно упражняемы внутренними гражданскими дѣлами своихъ губерній; то мы имѣвъ достаточное испытаніе о вашей ревности и раченіи въ службѣ нашей, заблаговразсудили васъ опредѣлить главнымъ къ обѣимъ тѣмъ коммиссіямъ, яко нераздѣлимую между собою по дѣламъ, связь имѣющимъ. Того ради повелѣваемъ вамъ:

Первое, отправиться отсюда въ Казань и въ Оренбургъ съ включенными здѣсь отъ насъ указами къ обоимъ тѣмъ губернаторамъ, по силѣ которыхъ и должны вы принять отъ нихъ подъ свое вѣдомство тѣ коммиссіи со всѣми въ нихъ находящимися лейбъ-гвардіи офицерами, и съ принадлежащими къ отправленію тѣхъ дѣлъ разными офицерами и служителями.

Второе, равномѣрно принять отъ помянутыхъ губернаторовъ насланныя отъ насъ къ нимъ имянныя наши повелѣніи по тѣмъ обѣимъ коммиссіямъ; а отъ офицеровъ лейбъ-гвардіи нашей — данные

---

*) Касательно преданія о смерти Павла Потемкина замѣчу, что оно опровергается также свидѣтельствомъ извѣстнаго читателямъ «Русской Старины» Болотова, который подъ февралемъ 1796 года говоритъ: «Онъ все еще былъ боленъ очень въ Москвѣ и отлынивалъ отъ суда. Говорили всѣ, что онъ опился ядомъ и медленно скончаетъ и умираетъ. О возраженіяхъ, сочиненныхъ на его стихи: «Гласъ невинности», говорили что было ихъ три: одно сочинено Державинымъ и умѣренно, а оба другія ужасно ѣдки и дерзки» ....Далѣе подъ 7-ми апрѣля: «Наконецъ рѣшилась судьба сего знаменитаго человѣка! и весь этотъ громкій судъ надъ нимъ прежде кончился начала его—его смертію! Онъ умеръ отъ своей болѣзни, такъ какъ ожидали того всѣ въ Москвѣ; и вся его непомѣрная алчность къ богатству легла съ нимъ во гробъ». (Памятникъ протекшихъ временъ или краткія Историческія записки о бывшихъ происшествіяхъ и носившихся въ народѣ слухахъ. Ч. I. 1796. Въ Богородицкѣ. Рукопись, 2-я часть которой была напечатана съ пропусками въ «Русскомъ Архивѣ» 1864). Я. Гротъ.

коммиссіи отъ насъ указъ, ордеры и наставленія покойнымъ генераломъ Бибиковымъ. То и другое долженствуетъ вамъ служить настоящимъ руководствомъ въ производствѣ дѣлъ на первой случай, слѣдовательно вы и имѣете во всемъ поступать точно по тѣмъ нашимъ имяннымъ повелѣніямъ.

Третіе, при производимыхъ допросахъ и слѣдствіяхъ поручаемъ вамъ главнѣйшимъ попеченіемъ: 1) узнать и открыть истинное познаніе о тѣхъ прямыхъ причинахъ и междоусобной оныхъ связи, кои произвели толикое зло въ той части имперіи нашей, а особливо въ яицкихъ жилищахъ, яко въ первоначальномъ гнѣздѣ онаго; 2) изыскать на мѣстѣ лучшія и удобнѣйшія средства къ совершенному искорененію тѣхъ вредныхъ причинъ, и 3) изобрѣсть новыя и надежнѣйшія для переду положеніи, на которыхъ можно бы было впредь основать и установить поселянскій порядокъ и повиновеніе возмутившагося яицкаго народа.

Четвертое, къ отправленію коммиссіи вашей нужны вамъ быть могутъ разныя свѣденія и вспоможеніи отъ казанскаго и оренбургскаго губернаторовъ; вы оныя имѣете отъ нихъ въ свое время, по настоящимъ надобностямъ, требовать.

Пятое, для удобнѣйшаго исполненія намѣренія нашего, съ которымъ мы васъ отправляемъ, имѣете вы принять и содержать въ особенномъ вашемъ вѣдомствѣ и командѣ всѣхъ возвратившихся и возвращающихся въ повиновеніе яицкихъ казаковъ, и не дѣлая еще никакого рѣшительнаго и новаго съ ними положенія, устроить однакожъ въ запасъ между ими и въ ихъ жилищахъ повиновеніе, тишину и спокойство до того времени, пока отъ насъ рѣшительное впредь положеніе о нихъ учинено будетъ, въ слѣдствіе того, что вы по точному разсмотрѣнію объ ономъ за полезнѣйшее нашедъ, намъ донесете; а дабы тѣмъ охотнѣе сіи казаки къ законному повиновенію возвращались, можете вы сдѣлать отъ имени вашего объявленіи, въ подтвержденіе данныхъ о томъ отъ насъ манифестовъ, въ тамошнемъ краю публикованныхъ.

Шестое, по вступленіи вашемъ въ дѣло, повидимому нужнѣйшее въ томъ состоять будетъ, чтобъ вы, персоною своею произведя къ себѣ въ яицкихъ казакахъ уваженіе и довѣренность, поселили въ нихъ духъ кротости и истинное раскаяніе о прежнихъ преступленіяхъ. Къ способствованію же вамъ во всемъ семъ дѣйствіи гражданской политики, естьли вамъ какое вспоможеніе нужно будетъ и отъ командировъ войскъ нашихъ въ тамошнемъ краю обращающихся, вы можете онаго отъ нихъ требовать, о чемъ и указъ нашъ туда къ главному командиру генералу-поручику князю Щербатову отправленъ будетъ.

Седьмое, точнаго и особливаго пребыванію вашему мѣста мы вамъ предписывать не хотимъ, а имѣете вы обращаться и въ томъ, и въ другомъ мѣстѣ по вашему усмотрѣнію, гдѣ и когда дѣла ваши требовать того будутъ. На отправленіе же ваше отсюда всемилостивѣйше вамъ жалуемъ двѣ тысячи рублей; а на коммиссію расходы пять тысячъ рублей. Впрочемъ всѣ ваши доношеніи имѣете вы отправлять прямо къ намъ, и мы уповая, что вы благоразумнымъ ва-

шимъ исполненіемъ сего вамъ порученнаго и толь важнаго для спокойства отечества дѣла наивяще себя достойнымъ сдѣлаете нашего монаршаго благоволенія, съ которымъ къ вамъ благосклонными пребываемъ. Дана въ С.-Петербургѣ 11 іюня 1774 года. Екатерина.

II. Донесеніе изъ Казани отъ 8 іюля 1774 года. Всемилостивѣйшая государыня. Въ пріѣздъ мой въ Казань *), нашелъ я городъ въ толь сильномъ уныніи и ужасѣ, что весьма трудно было мнѣ удостовѣрить о безопасности города. Ложныя по большой части извѣстіи о приближеніи къ самой Казани злодѣя Пугачева привели въ неописанную робость, начиная отъ начальника, почти всѣхъ жителей, такъ что почти всѣ уже вывозили свои имѣнія, а фамиліямъ дворянъ приказано было спасаться: я не хотѣлъ при началѣ моего пріѣзда оскорбить начальника **), но представлялъ имъ, что городъ совершенно безопасенъ и, благодаря Бога, имѣлъ счастіе ихъ удостовѣрить и успокоить.

Точнаго извѣстія о стремленіи злодѣя донести в. в. не могу, понеже и самъ г. губернаторъ вѣрныхъ извѣстій не имѣетъ, но сіе вѣрно, что г. подполковникъ Михельсонъ идетъ въ слѣдъ за злодѣйскою толпою, состоящею въ семи тысячахъ всякаго народа. Сіе извѣстіе прислано отъ помянутаго подполковника съ Вятки.

Я не могу представить, всемилостивѣйшая государыня, какимъ чуднымъ образомъ могъ злодѣй прокрасться въ сію сторону, и будучи разбитъ подъ Троицкой крѣпостію, успѣлъ обмануть всѣхъ вокругъ себя военно-начальниковъ, пробраться къ Осѣ, взять маіора Скрыпицына со 100 человѣками гарнизона и 8 пушками, а оттуда прошелъ къ заводамъ, которые разорилъ и взялъ 12 пушекъ, а полковника Рензеля ***) повѣсилъ. Изъ всѣхъ надзирающихъ движенія Пугачева одинъ только подполковникъ Михельсонъ успѣлъ узнать о его обращеніяхъ. Сказываютъ, что г-да маіоры Жолобовъ и Гагринъ поворочены были Деколономъ для надзиранія надъ Оренбургомъ. Сожалительно, что Михельсонъ, будучи обремененъ больными и ранеными, а паче для снабденія себя провіантомъ, долженъ былъ зайти въ Уфу; безъ чего всеконечно бы не допустилъ онъ толикаго разоренія краю сему.

Я предлагалъ г. губернатору, что естьли онъ имѣетъ хотя малой деташаментъ, то пріемлю я на себя идти на встрѣчу злодѣю; но по недостатку военныхъ людей, съ нуждою набрать можно до 500 человѣкъ, которыхъ отдѣлить далеко неможно, дабы не обнажить города. Все сіе однакожъ не воспрепятствуетъ, по первому извѣстію о приближеніи его отъ Вятки къ Казани, чтобъ я не выступилъ съ помянутымъ деташаментомъ, и дерзаю в. в. удостовѣрить, что прежде я погибну, нежели допущу городъ атаковать.

Сіи обстоятельства принудили меня здѣсь остановиться до точ-

---

*) Онъ прибылъ въ Казань въ ночь на 8 іюля, слѣдовательно за 4 дня до нападенія Пугачева. Я. Г.

**) Губернатора, генералъ-аншефа Якова Ларіоновича Бранта. Я. Г.

***) У Пушкина начальникъ заводовъ названъ Венцелемъ. Я. Г.

наго разрѣшенія по вѣрнымъ извѣстіямъ, гдѣ находится злодѣй. По всевысочайшему изволенію в. в. манифестъ завтра будетъ отъ меня объявленъ. Боже дай успѣхъ въ дѣлахъ моихъ, соотвѣтствующій ревности моей къ службѣ священной в. в. особѣ: и я не пощажу ни трудовъ, ни самой жизни моей къ приобрѣтенію желаннаго спокойствія въ народѣ.

Я, повергая себя къ освященнымъ стопамъ вашего величества, имѣю счастіе быть, всемилостивѣйшая государыня, в. и. в. вѣрнѣйшій подданный Павелъ Потемкинъ.

III. Письмо П. С. Потемкина къ графу Г. А. Потемкину изъ Казани, отъ 12 іюля (1774 *). Вчера по утру непріятель атаковалъ Казань и мы его отогнали. А сегодня поутру вторично атаковалъ съ четырехъ сторонъ такъ что чрезъ (о)враги пробравшись отрѣзали высланной отъ меня съ двумя пушками авангардъ, но я поскакавъ туда соединилъ ихъ съ моею командою, которая состояла изъ 400. Я ласкалъ себя что буду имѣть въ командѣ 600 пѣхоты и 300 конницы: но тщетная моя была надежда: тотъ самой день какъ я къ вамъ писалъ полковникъ Толстой стоящій въ 20 верстахъ со сто пѣхоты и со сто конницы, которой струсивъ отдался съ конницей и заколонъ. Наша пѣхота чрезъ то пришла въ робость, однако я ихъ подкрѣплялъ и ободрилъ: но только успѣлъ я мой авангардъ выручить какъ увидѣлъ съ правой и съ левой стороны злодѣевъ вошедшихъ въ городъ. Слѣдуя каремъ ввелъ я своихъ внутрь рогатокъ и отдѣлилъ на каждую сторону по 60 человѣкъ; съ правой стороны было уже поздно: а съ лѣвой стороны держали переднихъ, но какъ уже они прорвались въ одинъ садъ и зашли въ тылъ, то солдаты побѣжали: а злодѣи ворвавшись отовсюду вбѣгали въ улицы. Народъ будучи преданъ по большой части злодѣямъ итти не препятствовали, а татаръ находящихся у меня половина злодѣямъ отдались, и такъ осталось мнѣ съ имѣющимися при мнѣ двумя пушками къ крѣпости пробиваться, что и удалось мнѣ здѣлать: въ крѣпость ввелъ я 300 человѣкъ пѣхоты съ крайней трудностью. Теперь защищаемся мы въ крѣпости: уповаютъ что Михельсонъ северни будетъ, однако трудно ему будетъ въ городѣ ихъ поражать: сказываютъ, что Гагринъ **) и Жолобовъ дни черезъ три будутъ; я въ жизнь мою такъ нещастливъ не бывалъ: имѣя губернатора ничего не разумѣющаго и артиллерійскаго генерала дурака, долженъ былъ, по ихъ распоряженію къ защитѣ самой скверной, помогать на семи верстахъ дистанціи. Теперь остается мнѣ умереть защищая крѣпость, и если Гагринъ, Михельсонъ и Жолобовъ не будетъ, то не уповаю долѣе семи дней продержать, потому что съ злодѣемъ есть пушки и крѣпость очень слаба.

*) Здѣсь сохранены орѳографія и пунктуація собственноручнаго подлинника. Я. Г.

**) Нарвскаго пѣхотнаго полка премьеръ-майоръ, о которомъ князь П. М. Голицынъ упоминаетъ въ своемъ журналѣ (см. Приложенія къ Ист. Пуг. б.). За дѣйствія подъ Кунгуромъ въ началѣ мартѣ Бибиковъ испросилъ ему чинъ подполковника (см. «Матеріалы» въ Зап. Акад. Н., т. I, стр. 62). Я. Г.

И такъ мнѣ осталось одно средство—при крайности пистолетъ въ лобъ, чтобъ съ честію умереть какъ вѣрному подданному ея величеству, которую я богомъ почитаю. Повергните меня къ ея священнымъ стопамъ, которыя я отъ серца со слѣзами лобзаю. Богъ видитъ сколь ревностнымъ и усердно я ей служилъ: прости, братецъ, ежели Богъ доведетъ насъ къ крайности. Воспоминайте меня какъ самаго искренняго вамъ человѣка. П. П.

самое главное нещастіе

que le peuple n'est pas sûr *).

Вотъ, братецъ, каково быть командиромъ войскъ незнающему человѣку въ губерніи, которая вся готова была възбунтовать; оставилъ одинъ гарнизонъ и команда моя была изъ разныхъ полковъ оставленныхъ за негодностью и черкесъ съ шестью казаками держалъ три дня пикеты.

IV. Дальнѣйшія донесенія изъ Казани: 1) отъ 26 іюля. Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая государыня императрица и самодержица всероссійская Екатерина Алексѣевна, государыня всемилостивѣйшая!

Послѣ послѣдняго отправленнаго мною къ в. и. в. всеподданнѣйшаго донесенія, губернаторъ казанской сдѣлался отчаянно боленъ, такъ, что никакой надежды о жизни его нѣтъ; а какъ здѣшняя губернія и при настоящемъ правителѣ весьма растроена, о чемъ я уже имѣлъ счастіе в. и. в. донести, то при настоящихъ обстоятельствахъ требуетъ необходимо правителя, который бы могъ сколько нибудь поправить испорченное **). Генералъ-порутчикъ князь Щербатовъ по обстоятельствамъ, равно какъ и я, вступаемся въ нѣкоторыя дѣла, требующія скораго рѣшенія, но правленіе настоящее по губерніи претерпѣваетъ, что̀ почелъ я за долгъ мой в. и. в. всеподданнѣйше донести, имѣя за первой предметъ въ жизни моей блага общества и вѣрность къ священной особѣ вашей, съ которою вѣрностію пребуду во всю жизнь мою, всемилостивѣйшая государыня, в. и. в. вѣрнѣйшій подданный Павелъ Потемкинъ.

2) Отъ 17-го августа. Всемилостивѣйшая государыня! Высочайшее в. и. в. повелѣніе о всемилостивѣйшемъ воззрѣніи на ревность и службу в. в. вѣрныхъ рабовъ, объявилъ я со всевозможнымъ объясненіемъ важности онаго милосердія. Монаршее благоволеніе возбудило вящую ревность въ сердцахъ преданныхъ и безъ того в. в. Я не престаю возглашать долгъ каждаго и неоцѣненныя в. в. щедроты; и кажется успѣваю нѣсколько въ желаніи моемъ. Чернь вся въ крайнемъ невѣжествѣ погруженная познаваетъ свое заблужденіе, и

---

*) Т.-е., что на народъ нельзя положиться.

**) По смерти Бранта, казанскимъ губернаторомъ былъ назначенъ князь Платонъ Степановичъ Мещерскій. Брантъ умеръ 3 августа. Наканунѣ Потемкинъ писалъ императрицѣ: «Весьма ослабно пекся губернаторъ о соблюденіи города; но столько жъ слабо командиръ воинскій (Щербатовъ?) пекся соблюсти пространство имперіи, въ которую теперь впустили злодѣя». Я. Г.

возъимѣя ко мнѣ довѣренность являются ежедневно человѣкъ по сту и болѣе съ разными жалобами. А какъ повидимому приучили ихъ къ тому, чтобы они праздны не являлися, то часто приходя ко мнѣ привозятъ они подарки, такъ что отрекаясь принимать оные принужденъ я былъ сдѣлать объявленіе, что я примѣчая многія мздоимства публикую, что по первому свѣдѣнію кто будетъ касаться ко взяткамъ, таковыхъ ту минуту буду наказывать, да и самые тѣ кто подноситъ не останутся безъ наказанія. Первый опытъ оному учиненъ обличеніемъ одного офицера казанскаго гарнизона, который былъ посланъ съ командою для усмиренія бунтующихъ чувашъ, и который бралъ деньги съ самыхъ бунтовщиковъ и отпускалъ ихъ.

Я не пропускаю ничего, что только въ силѣ моей способности мои допускаютъ, чтобы привести народъ въ надлежащее познаніе ихъ долгу: наказывая преступниковъ по мѣрѣ важности вины, уменьшаю наказанія чистосердечно въ раскаяніи приходящимъ, ободряю вѣрныхъ вашего величества рабовъ и всевозможное прилагаю стараніе привести ихъ развращенныя сердца въ порядокъ.

3) Въ послѣднемъ моемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи в. и. в. изволили усмотрѣть о подломъ поступкѣ саранскаго и пензенскаго воеводъ, которые изъ единой слабости душъ оставили ввѣренные имъ города на жертву злодѣю отечества. Оба помянутые градоначальники не избѣжали мнимымъ ихъ средствомъ побѣга поносной, мучительной и безчестной смерти отъ варвара Пугачева. Саратовскій комендантъ *) еще хуже ихъ учинилъ: когда свѣдали они о приближеніи злодѣя къ ихъ краю, то положено было по совѣту обложить Саратовъ валомъ, и учрежденіе сіе было подписано всѣми находящимися въ Саратовѣ штабъ-офицерами: но однакожъ комендантъ не хотѣлъ дать на то работниковъ и мѣшкая день отъ дня дождались того, что злодѣй овладѣлъ Саратовомъ **). Неизвѣстно еще, всемилостивѣйшая государыня, что учинено злодѣемъ въ семъ несчастномъ городѣ и что спаслось отъ свирѣпой руки его, но я имѣю рапортъ, что какъ скоро соединенные деташаменты подполковника Муфеля и ревностнаго Мелина приближились, такъ скоро злодѣй оставилъ Саратовъ и пошелъ далѣе къ Царицыну. Партія его, переправясь на луговую сторону, произвели нѣкоторыя варварства въ Малыковкѣ: но донской есаулъ Богатыревъ съ командою своею ихъ разбилъ и нѣсколько взялъ въ плѣнъ. Хотя уповательно, что ополченіе злодѣя гораздо умножилось какъ въ разсужденіи людей, такъ и числа пушекъ по взятіи имъ Саратова, однако уповаю, что деташаменты его преслѣдующіе настигнутъ сего злодѣя: полковникъ Михельсонъ, сказываютъ, съ двумя первыми соединился, а генералъ-маіоръ князь Голицынъ, столь усердствующій къ службѣ вашего императорскаго величества, соединясь въ Сызранѣ съ г. Мансуровымъ, поспѣшаетъ съ

*) Бошнякъ.

**) Источникомъ этихъ извѣстій служили Потемкину рапорты Державина, который пользовался полнымъ его довѣріемъ (см. т. V-й Сочиненій Державина). Я. Г.

другой стороны настичь злодѣя, дѣлая каждый день маршъ по 70 верстъ.

Что касается до здѣшнихъ мѣстъ, вокругъ Казани и до самой Камы все спокойно; не утишаются одни только башкирцы и самая малая часть между Табинска и Бугульмы; отрядивъ туда часть войскъ изъ деташамента полковника Якубовича, приказалъ я истребить шатавшуюся шайку разбойниковъ: а башкирцамъ послалъ листы, объявляя имъ, что естьли они къ октябрю не усмирятся, тогда в. и. в. изволите прислать запорожцевъ и арнаутъ къ истребленію ихъ *). Я прошу в. и. в. простить мнѣ смѣлость сію. Разные способы нужны ко усмиренію сего народа. Одинъ изъ старшинъ башкирскихъ, по повелѣнію моему, поймалъ самаго главнѣйшаго сообщника Пугачеву, Канзафера, за котораго заплатилъ я сто рублей и послалъ показанному старшинѣ Кидрясу медаль, повелѣвъ ему искать оставшихъ двухъ Кораная и Салавата и обѣщавъ за каждаго по ста рублей.

Въ разсужденіи самаго злодѣя хотя неосмѣлюсь я удостовѣрить ваше величество въ поимкѣ его, но имѣю однакожъ немалую надежду: скоро должно открыть исполненіе онаго, или тщетное мое упованіе.

Ежели Богъ воззритъ на усердіе мое, то уповаю, что всѣ дѣла будутъ итти въ угодность в. и. в. и въ пользу отечества. Нѣтъ для меня святѣе ничего, какъ опытами моихъ дѣлъ в. в. усмотрѣть соизволили, колико сердце мое исполнено той священной ревности къ службѣ в. и. в., которая дѣлаетъ подданныхъ высокаго благоволенія достойными и съ которою непремину я жертвовать жизнію моею для славы и пользы в. и. в. при всякомъ случаѣ. Имѣю счастіе быть, всемилостивѣйшая государыня, в. и. в. всеподданнѣйшій рабъ Павелъ Потемкинъ.

4) Отъ 17-го же августа. Всемилостивѣйшая государыня! Донесенный допросъ в-му и. в. отъ генералъ-порутчика Ступишина**) сходствуетъ съ тѣмъ, который я чрезъ Григорія Александровича имѣлъ честь всеподданнѣйше в. в. представить; но показаніе сего злодѣя Аристова***) не имѣетъ точнаго основанія: во первыхъ, онъ въ допросѣ его учиненномъ въ Нижнемъ городѣ показалъ, якобы онъ находился въ толпѣ злодѣя и поутру рано въ самый день приключившагося несчастія Казани, то есть 12 числа іюля, видѣлъ присланнаго семинариста: но сего ему видѣть было невозможно. Понеже сей злодѣй содержался въ Казанской секретной коммиссіи и былъ присланъ въ

---

*) Впослѣдствіи П. С. Потемкинъ доносилъ императрицѣ, что къ нему явились 12 башкирскихъ старшинъ съ повинною и что онъ одного изъ нихъ отправилъ къ Г. А. Потемкину. Я. Г.

**) Алексѣя Алексѣевича, нижегородскаго губернатора. Я. Г.

***) Пугачевскаго полковника, который взвелъ на казанскаго архіепископа Веньямина ложное обвиненіе въ сношеніяхъ съ Пугачевымъ. Объ этомъ см. въ послѣдней статьѣ Д. Г. Анучина, Р. Вѣстн. 1869, № 6, стр. 369. Тамъ же помѣщено извлеченіе изъ письма Веньямина къ гр. Панину; ниже мы сообщаемъ это письмо цѣликомъ. Я. Г.

Воронежскую губернію отъ донскаго полковника Серебрякова; точно потому, что онъ разглашалъ тамо о самозванцѣ. Коль скоро онъ сюда привезенъ, такъ скоро онъ изобличенъ во лжи: однакожъ онъ утверждалъ, что отъ преосвященнаго было всеконечно прислано показанное число денегъ въ подарокъ злодѣю; чего для расковавъ его водили въ церковь, тогда какъ преосвященный церемоніально служилъ и вся свита его преосвященства при немъ находилась, но ни одного изъ оныхъ семинаристовъ онъ не узналъ. Я намѣренъ былъ подъ другимъ видомъ призвать въ секретную коммиссію всѣхъ семинаристовъ; но злодѣй Аристовъ сдѣлался отчаянно боленъ и потому опасаюсь я, чтобы смерть его не скрыла зла, которое надлежитъ вывесть наружу. Ибо хотя неимѣю больше подозрѣнія на человѣка толь высокого степени духовнаго, которому бы надлежало лучше въ обличеніи при крайности злодѣевъ во грѣхахъ ихъ погибнуть и принять чрезъ то вѣчную ангельскую и безсмертную славу, нежели толь подло думать для продолженія жизни, которая и безъ того кратковременна: однако, соображая всѣ дѣла, нашелъ я нѣкоторую причину къ сумнѣнію, о чемъ в-му и. в. изустно податель всеподданнѣйшаго моего донесенія донесетъ. Но до времени не приступаю я ко изобличенію, по малымъ сумнѣніямъ ко изобличенію, дабы напрасно не оскорбить толь великаго сана.

Теперь приступлю вывести всю исторію и начало самозванца и злодѣя Пугачева, которую выполнить долженъ привезенный вчера въ Казань главный наперсникъ злодѣя называвшійся графомъ Чернышевымъ *).

Впрочемъ, всемилостивѣйшая государыня, податель сего всеподданнѣйшаго донесенія, видѣвъ здѣшнихъ дѣлъ нѣкоторые примѣры, донесетъ объ нихъ в. и. в. Онъ желалъ быть при генералъ-маіорѣ князѣ Голицынѣ, но отпустить его туда было опасно въ разсужденіи шатавшихся малыхъ партій между Симбирска и Саратова.

Въ заключеніе всего повергая себя къ освященнымъ в. и. в. стопамъ, со всеглубочайшимъ повиновеніемъ пребываю, всемилостивѣйшая государыня, в. и. в. всеподданнѣйшій рабъ Павелъ Потемкинъ.

5) Отъ 17-го сентября. Всемилостивѣйшая государыня! При отправленіи всеподданнѣйшаго мною донесенія получилъ я изъ Яика отъ капитана-поручика гвардіи в. и. в. Маврина рапортъ, въ которомъ увѣдомляетъ онъ, что раздачею Яицкимъ казакамъ тысячи четвертей муки столь сильно были тронуты милосердіемъ в. в. яицкіе казаки, что воздымая руки къ небесамъ со слезами приносили теплыя молитвы о драгоцѣнномъ здравіи вашемъ и прославляли в. и. в. щедроту.

Яицкій казакъ Савинъ, бывшій въ толпѣ злодѣйской, раскаяся въ беззаконіи своемъ, явился въ Яицкомъ городкѣ и допросъ онаго всеподданнѣйше подношу. К.-п. Мавринъ увѣдомляетъ меня по объявле-

---

*) Написанный на этомъ основаніи разсказъ вѣроятно и составляетъ ту исторію о Пугачевѣ, которая, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, сохранилась между рукописями П. С. Потемкина. Я. Г.

нію показаннаго Савина, что всѣ находящіеся казаки въ толпѣ злодѣя чувствуютъ уже свое преступленіе и весьма раскаиваются, но не смѣютъ, по многимъ злодѣйствамъ, явиться съ повинностію. Слышно также, что многіе вышедшіе изъ толпы злодѣйской укрываются на хуторахъ и страшася должной себѣ за измѣну казни, не являются. Я предписалъ помянутому к.-п. Маврину, чтобы онъ до времени ни одному являющимся казакамъ не дѣлалъ наказанія, дабы тѣмъ привлечь остальныхъ, а опредѣлить къ нимъ должное надзираніе, и послѣ разсматривая каждое дѣло и положа сентенцію на высочайшую конфирмацію, в. и. в. всеподданнѣйше представлю.

Теперь, по предписанію моему, чинится на Яикѣ всѣмъ казакамъ опись, дабы тѣмъ удобнѣе предписать имъ основательное положеніе и уповаю, что она вскорѣ совершена будетъ.

Я принялъ дерзновеніе, всемилостивѣйшая государыня, высочайшимъ именемъ в. и. в. объявить монаршее благоволеніе ваше всѣмъ тѣмъ казакамъ, кои въ настоящее смятеніе пребыли въ вѣрности подданнической непоколебимы, увѣщевая оставшихъ къ обращенію. Пріѣзжающіе по часту ко мнѣ яицкіе казаки утверждаютъ, что грызеніе совѣсти виновныхъ весьма велико и, по изъясненію всѣхъ, коимъ я непрестанно внушать стараюсь ихъ важность прегрѣшенія, ту казнь каковую они за преступленіе заслуживали и образъ милосердія, уподобляющаго в. в. самому божеству, съ каковымъ милосердіемъ благоугодно в. в. обращать всѣхъ преступниковъ къ раскаянію, льщуся я довести ихъ къ совершенному повиновенію.

Въ собранныхъ мною справкахъ о причинахъ возмущенія нахожу с, всемилостивѣйшая государыня, не изъ послѣдней причины суевѣрство яицкихъ казаковъ. По повелѣнію моему к.-п. Мавринъ слѣдовалъ, отъ чего начало возымѣла молва о слезахъ Спасителева образа; но какъ уже главныхъ возмутителей на лицо нѣтъ и всѣ почти погибли, то болѣе найтить не могли какъ то, что и сама Глухова, у которой сей найденъ образъ, сумнѣвается нынѣ подлинно ли образъ плакалъ. Къ яснѣйшему изображенію ихъ суевѣрствія копію съ рапорта при семъ прилагаю, а показанную вдову Глухову приказалъ наказать и образъ отъ нее отнявъ поставить въ церковь.

Шесть священниковъ въ Яицкомъ городкѣ, не исполнившіе не только долгу по званію своему въ увѣщеваніи смущеннаго народа, но явно сами прилѣпившіеся къ сонмищу злодѣевъ во время когда злодѣй Толкачовъ осаждалъ яицкій ретрашаментъ, отреклись они войти во оной, гдѣ святая церковь взывала къ небесамъ о изверженіи злодѣевъ и бунтовщиковъ, богоненавистное производили служеніе: поминая злодѣя именемъ Петра Третьяго, душа сихъ священниковъ не трепетала, — совершая святая святыхъ предъ престоломъ Божіимъ, гдѣ сердце и помыслъ долженъ быть истиннаго христіанина чистъ и непороченъ, — приносить молитвы о самозванцѣ, которыя десница Божія отвергала, вѣнчали изверга человѣческаго рода Пугачева съ Устиньею, называя ихъ императорскими титлами, нечувствуя, что Провидѣніе гнушалось мерзкимъ бракомъ ихъ и доброхотствовали во все время чудовищу сему, а за всѣ оныя преступленія повелѣлъ я объявить ихъ вину всенародно, заклепать ихъ въ оковы и по порядку

вины и сентенціи представить. На мѣсто-жъ ихъ я сегодня требовалъ другихъ отъ его преосвященства, но не раскольниковъ.

Употребляя всѣ способы къ приведенію конца по дѣламъ мнѣ высочайшимъ изволеніемъ в. и. в. порученнымъ, не пощажу я жизни моей гдѣ возмогу, жертвуя оную, достойно пріобрѣсти пользу службѣ в. в., имѣя въ сердцѣ и въ памяти единое то правило, чтобъ быть достойнымъ рабомъ великія Екатерины, пребывая съ достодолжнымъ благоговѣніемъ, всемилостивѣйшая государыня, в. и. в. всеподданнѣйшій рабъ Павелъ Потемкинъ.

6) Донесеніе изъ Симбирска, отъ 2-го октября. Всемилостивѣйшая государыня! Несравненныя щедроты в. и. в. обнадеживаютъ меня принять дерзновеніе, павъ къ освященнымъ стопамъ в. в., всеподданнѣйше просить снять съ меня секретную коммиссію. Я долго удерживался отъ сего дерзновенія, но множество причинъ, преодолѣвъ все, къ сей смѣлости меня отважили.

Никогда бы не дерзнулъ я отрекаться служить въ какомъ бы не было случаѣ, гдѣ высочайшая есть воля в. и. в., и чѣмъ труднѣе служба, тѣмъ съ большею охотою принять желалъ оное, ибо твердо знаю колико долгъ каждаго сына отечества къ службѣ насъ обязываетъ и совершенно чувствую что служить подъ скипетромъ великой Екатерины есть сугубая слава.

Но, всемилостивѣйшая государыня! чѣмъ болѣе ревность моя къ службѣ в. в. возбуждаетъ сердце мое, тѣмъ болѣе тщуся я служить отъ всей души. Сохраняя всю пользу оной по вся дни вѣка моего къ службѣ премудрой и милосердой государыни, твердо уповаю, что истина возымѣетъ прибѣжище у священнѣйшаго престола в. в. и яко милосердой матери въ томъ упованіи осмѣливаюсь открыть причины поостряющія меня къ прошенію моему.

В. и. в. изволите быть извѣстны, что ввѣряя мнѣ коммиссію, высочайше повелѣть соизволили независѣть ни отъ кого, развѣ единыя священныя особы вашея. Исполняя высочайшія повелѣнія в. в. не пропустилъ я ничего по должности на меня возложенной, но теченіе дѣлъ перемѣнилось переходомъ за Волгу бывшаго злодѣя. Не оставилъ я представить главнокомандующему*) что не получаю я никакого на преступника допроса въ коммиссію и усматривалъ, что представленія мои оставались..., а можетъ быть тѣмъ я только раздражалъ его. По разбитіи послѣднемъ злодѣя подъ Чернымъ Яромъ требовалъ я отъ коммиссіи изъ Царицына число колодниковъ важныхъ и не важныхъ. Требованія мои отосланы и просьба моя о присылкѣ важныхъ колодниковъ осталась въ тунѣ и коммиссіи по нынѣ неизвѣстно сколько и какихъ людей тамо взято. Наконецъ по представленію моему о высочайшемъ повелѣніи в. и. в., которое имѣлъ я счастіе получить, чтобы каждаго преступника допросъ подносить в. в. для усмотрѣнія умоначертанія народа, прислано ко мнѣ: воеводскій товарищъ Овсянниковъ, да въ отбытіе мое изъ Казани шестеро, о какихъ еще я неизвѣстенъ. Коммиссія остается не въ своей силѣ, а представленіями моими можетъ быть раздражая я вяще его сіятель-

*) Графу П. И. Панину, назначенному въ эту должность 29 іюля 1774 г.

ство, почитаю повидимому яко бы я тѣмъ уменьшаю власть и довѣренность его, но я ничего не дѣлалъ и не буду дѣлать кромѣ оной должности и оную исполняю со всякимъ приличнымъ почтеніемъ къ особѣ высокой степени.

Всего горшѣе, всемилостивѣйшая государыня! что при самомъ первомъ свиданіи г. генералъ-порутчика Суворова и моего, его сіятельство удостоилъ предъ цѣлымъ народомъ изъяснить благодарность господину Суворову, священнымъ именемъ вашего величества и всей имперіи, яко бы Суворовъ поймалъ злодѣя Пугачева, съ такою холодностію ко мнѣ изъявляемая, что не трудно было видѣть въ немъ внутренную ко мнѣ досаду. Можетъ быть сіе происходитъ отъ того что не скрылъ я отъ его сіятельства какимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ злодѣй былъ пойманъ, а господинъ Суворовъ не устыдился при всѣхъ зрителяхъ цѣловать шесть разъ въ руки и въ полы одобрителя*).

Я не осмѣлюсь, всемилостивѣйшая государыня, всеконечно никогда произнесть того, что много участвовалъ въ поимкѣ злодѣя, но какъ истинѣ не заграждаетъ устъ премудрое правленіе ваше, то осмѣлюсь сказать, что имѣлъ болѣе участія нежели господинъ Суворовъ.

Искавъ только дѣлами моими оправдать совѣсть мою, сопряженную усердіемъ съ клятвою въ вѣрности къ в. и. в., не ищу ничьего лживаго одобренія и честолюбіе мое не на пристрастныхъ хвалахъ основаніе имѣть ищетъ: предметъ моего блаженства быть достойнымъ высочайшаго благоволенія и заслужить тѣ неизреченныя милости, коими в. и. в. меня взыскать соизволили; однакожъ воскипѣло сердце мое, слышавъ предъ всѣмъ народомъ пространнаго города отдаваемую похвалу несправедливую, гдѣ самолюбіе одного и низость другаго оскорбляло бы сердце всякаго, благородныя чувства питаемое.

Сіи суть причины принуждающія меня отважиться употребить подданническую просьбу мою в. и. в. Припадая къ стопамъ в. в. и лобызая ихъ, осмѣливаюсь повторить всеподданнѣйшее прошеніе мое тѣмъ паче, что и коммиссія не имѣетъ теперь почти дѣла. Развѣ естьли откроются по допросу самаго злодѣя какіе неизвѣстные источники, окончанія которыхъ я всеконечно исполнять не оставлю.

Впрочемъ, привыкнувъ разбирать сердца и свойства людей, ясно вижу, что много пріобрѣтаю злобы, сколь ни умѣренно поступаю.

Всемилостивѣйшая государыня! имѣя себѣ въ вѣрной службѣ моей предстателемъ Провидѣніе, и защитницей в. и. в. не устрашусь я ничьихъ гоненій. Но сколь ни свята истина, не избѣгаетъ она сѣтей вражды, которыхъ стократно я опасаюсь болѣе нежели въ сраженіи непріятелей.

Открывая внутренность сердца моего, яко истинной и премудрой матери, всеподданнѣйше повергаюсь къ престолу в. в. имѣя счастіе быть в. и. в., всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйшимъ рабомъ Павелъ Потемкинъ.

7) 8-го октября, изъ Симбирска. Всемилостивѣйшая государыня! Учиненный допросъ злодѣю Пугачеву въ Яицкомъ городкѣ имѣю честь

*) Смотри эту сцену въ запискахъ Рунича: «Рус. Стар.» т. II, стр. 351. Ред.

в. и. в. поднести въ оригиналѣ; а новый, который учиненъ здѣсь, уповаю что его сіятельство графъ Петръ Ивановичъ съ симъ курьеромъ препровождаетъ къ высочайшему усмотрѣнію в. в.

Я поспѣшаю теперь въ Казань отправиться. Получа отъ секретной коммиссіи извѣстіе, что показаніе Аристова справедливо и искомый семинаристъ найденъ и признался, равно же и тотъ, который отправлялъ съ подаркомъ именемъ архипастыря, діаконъ былъ въ коммиссію призыванъ и признался, остается теперь извѣдать истину отъ его преосвященства; но какъ показанные утверждаютъ, что сіе сдѣлано отъ единаго страху и въ самой тотъ часъ, когда злодѣи ворвались въ форштатъ казанскій, оно неуповательно, чтобы слѣдствіе изъ онаго какое либо вышло, тѣмъ паче, что уже зло пресѣчено. И такъ дерзаю, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйше просить монаршаго вашего повелѣнія, какимъ образомъ поступать мнѣ со впадшимъ въ преступленіе, недопуская до соблазна, употребляя всевозможныя мѣры, чтобы скрыть сіе отъ народа, дабы явно не былъ вмѣшанъ человѣкъ толь высокаго сана въ дѣла разбойника.

Въ заключеніе сего повергаясь къ освященнымъ стопамъ в. и. в. имѣю счастіе быть со вседолжнымъ благоговѣніемъ, всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества, всеподданнѣйшимъ рабомъ Павелъ Потемкинъ.

8) 15-го октября, изъ Казани. Всемилостивѣйшая государыня! Проѣзжая изъ Симбирска въ Казань, получилъ я высочайшее в. и. в. повелѣніе быть мнѣ въ Москву для изслѣдованія, подъ дирекціею князя Михаила Никитича Волконскаго, начала, происхожденія и конца дѣлъ самозванца и злодѣя Пугачева, и оставить произведенія послѣдующихъ дѣлъ нестоль важныхъ секретную коммиссію, которую благоугодно было в. и. в. ввѣрить мнѣ. Сію высочайшую повѣренность пріемлю я съ достодолжнымъ благоговѣніемъ и всеподданнѣйше принесть благодареніе дерзаю за оную.

Теперь поспѣшаю я, въ силу высочайшаго указа в. в., собрать всѣ дѣла, а равно записки дошедшія постороннимъ образомъ къ свѣдѣнію моему, дабы чрезъ оныя лучше изслѣдовать до самаго источника производимаго самозванцомъ зла.

Оренбургская коммиссія со всѣми тамо находящимися колодниками прибыла сегодня въ Казань; Чика съ Шигаевымъ, яко начальные пособники самозванца, со всѣми товарищами нужными къ слѣдствію готовя къ отправленію; на сихъ дняхъ ожидаю изъ Яицкаго городка главнѣйшихъ плутовъ Перфильева и Творогова; всѣ они будутъ отправлены въ слѣдъ за самимъ злодѣемъ, дабы подъ прикрытіемъ тѣхъ же командъ, которыя безопасный проѣздъ съ самозванцемъ будутъ охранять, можно было обезопасить препровожденіе и гнусной свиты злодѣя. Сколько же всѣхъ оныхъ будетъ отправлено, тотъ самой часъ при всеподданнѣйшемъ донесеніи моемъ къ высочайшему свѣдѣнію в. и. в. поднести непремину имянной списокъ имъ.

Прочіе сообщники злодѣя, находившіеся въ Яицкомъ городкѣ, коихъ числомъ до 200 человѣкъ, уповаю, находятся уже въ дорогѣ.

Я отдѣлилъ ихъ изъ сообщества яицкихъ казаковъ до полученія высочайшей в. в. конфирмаціи на донесеніе мое объ нихъ; они до того останутся въ Оренбургѣ, а всѣмъ казакамъ яицкимъ послалъ увѣщавательной листъ, объявляя имъ, что я по всевысочайшей волѣ в. и. в. отозванъ въ Москву и чтобы они пребывали во всякой тишинѣ, сохраняя должное повиновеніе. А когда благоугодно будетъ в. в. возвратить меня для окончанія новыхъ и нужныхъ имъ положеній, то исполню оное сохраняя пользу службы в. и. в. безъ нарушенія выгодъ ихъ, но ко благоустройству дѣлъ, колико способности малыя мои къ тому могутъ удобными быть.

В. и. в. соблаговолили включить указъ къ Казанскому губернатору о выдачѣ денегъ. Сей указъ при семъ всеподданнѣйшемъ донесеніи моемъ возвращаю, а равно и отправленный со мною въ Екатеринбургское вѣдомство, понеже въ деньгахъ не только недостатку нѣтъ, но еще и осталось довольно.

Съ пріѣзда моего въ Казань принялъ я отъ покойнаго губернатора 5.000 рублей, которые при разореніи форштата или сгорѣли или пограблены. Потомъ по второму в. в. указу принято мною 15.000 рублей. Изъ сихъ денегъ велъ я на всѣ чрезвычайные случаи расходы, содержалъ коммиссію и разослалъ на содержаніе колодниковъ во всѣхъ мѣстахъ, и издержано по нынѣ 7685 рублей. Изъ оставшихъ же 7315 рублей оставляю въ коммиссіи 2000, на дорогу колодникамъ до 500 рублей, а объ оставшихъ, куда внести, буду ожидать в. и. в. повелѣнія.

Въ заключеніе сего повергаясь къ освященнымъ стопамъ в. в. имѣю счастіе быть, всемилостивѣйшая государыня, в. и. в. всеподданнѣйшимъ рабомъ Павелъ Потемкинъ.

9) 30 октября, изъ Казани. Всемилостивѣйшая государыня! Изъ допроса самозванца Пугачева соизволили в. и. в. усмотрѣть, что онъ дѣйствительно получилъ два камня отъ одного купца, сказавшагося, якобы онъ привезъ къ злодѣю подарокъ изъ Петербурга. Показанія мещерятскаго старшины Канзаферы изобличаютъ воономъ точно Астафья Трифонова Долгополова. Съ сего представлялъ я о сыскѣ онаго Долгополова во Ржевѣ-Володимировѣ. Прочихъ же пособниковъ злодѣйскихъ показаніи относятся, что сей купецъ много поводомъ былъ къ соблазну невѣждъ, а наконецъ, всемилостивѣйшая государыня, нашлись и два камня въ кошелькѣ самозванца, точно какъ онъ объявлялъ. Первый изъ нихъ бѣлой восточнаго хрусталя, сердца имѣетъ фигуру, а другой четвероугольный желтоватой и весь изцарапанъ. Точно ли тѣ камни, которые Канзаферъ видѣлъ, изобличиться при слѣдствіи можетъ; но сколько они по себѣ ни подложны, однакожъ слѣдствія изъ сего весьма были вредны *).

Я осмѣлюсь доложить, всемилостивѣйшая государыня, что изъ сего выдти должно: или Долгополовъ условливался съ самозванцомъ о сей выдумкѣ, или подъ видомъ сего не было-ль подсылки отъ раскольниковъ, яко первыхъ источниковъ произведеннаго зла.

*) Это письмо Потемкина дало содержаніе приговору надъ Долгополовымъ. Ред.

При взятіи злодѣя и самозванца въ Яицкомъ городкѣ отобрано отъ него денегъ 139 разныхъ сортовъ червонныхъ, 480 рублей сер., медаль на погребеніе покойнаго государя Петра Третьяго, и турецкая монета серебряная. Сіи деньги хранимы будутъ въ секретной коммиссіи доколѣ высочайшее повелѣніе в. и. в. послѣдуетъ, куда ихъ употребить. Я имѣю счастіе быть со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ, всемилостивѣйшая государыня, в. и. п. всеподданнѣйшимъ рабомъ Павелъ Потемкинъ.

—

V. Письмо архіепископа Веніамина къ графу П. И. Панину отъ 7 ноября изъ Казани*). Высокосіятельнѣйшій графъ Петръ Ивановичъ, милостивѣйшій мой государь и величайшій патронъ. Надѣясь на высокопатронскую вашего высокографскаго сіятельства ко мнѣ милость и покровительство, пріемлю смѣлость трудить ваше высокографское сіятельство покорною просьбою моею въ слѣдующемъ горестномъ и несносномъ моемъ обстоятельствѣ: совсѣмъ по невѣроятному дѣлу оклеветанъ я здѣшнія Казанскія Б-цкія церкви отъ діакона Алексія Іонина, а на него по доносу какихъ-то другихъ людей, и минувшаго октября съ 13 числа отъ учрежденной здѣсь секретной коммиссіи арестованъ, а имѣніе мое опечатано, и съ того времени нахожусь въ келіи моей подъ крѣпкимъ карауломъ, слѣдовательно сталъ быть лишенъ священнослуженія и епаршескаго правленія; клевета жъ на меня состоитъ въ томъ, что яко бы я въ тотъ самый день, когда злодѣйское на Казань было нападеніе, то есть прошедшаго іюля 12 числа, посылалъ къ злодѣю Пугачеву золотою монетою денегъ до трехъ тысячь рублей, для того будто, чтобъ мой загородной домъ, называемой воскресенскій монастырь, не былъ выжженъ; но сіе показаніе совсѣмъ невѣроятное и несбыточное и я клянусь небомъ и землею и всѣмъ тѣмъ что есть свято, что въ сей клеветѣ, какъ предъ Богомъ такъ и предъ ея императорскимъ величествомъ, совѣстію моею чистъ и нимало не виноватъ и сего Богу и закону противного поступка ниже въ мысли моей не имѣлъ; но какъ вѣрно усердной и всеподданнѣйшей ея величества рабъ въ прошедшія экстренныя обстоятельства по долгу моему во отвращеніи отъ присоединенія къ злодѣю Пугачеву народа, прилагалъ всевозможное стараніе, о чемъ всей публикѣ извѣстно, и его злодѣя Пугачева также и сообщниковъ его проклиналъ въ соборѣ всенародно и предалъ вѣчному проклятію; хотяжъ я съ самого моего аресту многократно требовалъ отъ секретной коммиссіи, чтобъ дана была мнѣ съ доносителемъ очная ставка, но и по нынѣ оной мнѣ не даютъ; также на послѣдокъ требовалъ я, чтобъ хоть спросили самого злодѣя Пугачова, когда онъ еще содержался по поимкѣ въ Синбирску, что во время злодѣйскаго его на Казань нападенія не было-ль ему отъ кого какого подарку, въ какое время и за что имянно, и въ чемъ оный состоялъ, но и сего не сдѣлано, изъ чего я и примѣчаю, что сіе дѣло на меня навѣтное и явная клевета; и для того прибѣгая подъ покровительство вашего высокографскаго сіятельства, всепокорно прошу меня безвинно страждущаго и продолжавшаго службу безпо-

*) См. выше стр. 406 прим. 3-ое къ донесенію П. С. Потемкина.

рочно и притомъ уже и нагбеннаго бременемъ старости, отъ напрасснаго оклеветанія избавить, и повелѣть то оклеветанное на меня дѣло и доносителя діакона взять на благоразумное вашего высокографскаго сіятельства разсмотрѣніе въ Синбирскъ, также и мнѣ дозволить по свободѣ изъ подъ аресту явиться для оправданія моего въ моей невинности предъ лицо вашего высокографскаго сіятельства; на что имѣю ожидать высокомилостиваго вашего графскаго сіятельства благоволенія и пребуду навсегда вашего высокографскаго сіятельства покорный слуга и богомолецъ смиренный Архіепископъ Казанскій.

VI. Письмо П. Потемкина 6 октября, 1791 г., изъ Яссъ. В. г-ня! Богу угодно было наказать всѣхъ принадлежащихъ князю Григорію Александровичу Потемкину Таврическому, взятіемъ его отъ сей жизни. Я, будучи болѣе тридцати лѣтъ къ нему привязанъ и почитая въ немъ не только старшаго въ фамиліи, но какъ отца, орошая горестными слезами толь чувствительную для себя утрату, дерзаю пасть ко священнымъ стопамъ в. и. в. и всеподданнѣйше просить, яко мать и благотворительницу того кого мы оплакиваемъ, да удостоите въ память его имени, которое я ношу, принять меня подъ сѣнь собственнаго вашего монаршаго благоволенія.

Моля Всемогущаго Бога да откроетъ онъ способы усугубить ревность мою къ службѣ в. и. в. и проч. Павелъ Потемкинъ *).

Еще два слова о приписанной Крылову баснѣ „Обѣдъ у Медвѣдя“.

Въ іюльской книжкѣ Русской Старины напечатана найденная въ одномъ рукописномъ сборникѣ съ подписью имени Крылова басня „Обѣдъ у Медвѣдя“. Г. Кеневичъ не счелъ возможнымъ признать ее за сочиненіе знаменитаго баснописца и представилъ въ этомъ смыслѣ цѣлый рядъ доводовъ. Не принимая на себя рѣшенія спорнаго вопроса, я желаю только сообщить впечатлѣніе, произведенное на меня доводами почтеннаго библіографа, и для того повторю ихъ сокращенно, присоединяя къ каждому изъ нихъ мои замѣчанія.

1. Басня должна быть выписана изъ печатной книги. Если такъ (хотя впрочемъ и это не вполнѣ доказано), то нѣтъ причины полагать, чтобы переписчикъ не заимствовалъ оттуда и подпись подъ баснею: подъ всѣми другими стихотвореніями того же сборника выставлены настоящія имена; почему же думать, что подъ однимъ этимъ имя автора означено не вѣрно? Сборникъ, по словамъ г. Кеневича, состоитъ изъ стихотвореній не только напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, но и „обращавшихъ на себя вниманіе публики и составителей хрестоматій“. Слѣдовательно, басня „Обѣдъ у Медвѣдя“ также заслужила въ свое время такое вниманіе или „своими внѣшними достоинствами“, которыхъ не отвергаетъ и г. Кеневичъ, или именемъ своего автора, или наконецъ тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

2. Басня сравнительно слаба и по содержанію, и по

---

*) Пикаръ въ письмахъ къ кн. Куракину 1781 г. неодобрительно отзывается о П. С. Потемкинѣ; видно что въ это время знач. его при дворѣ умалилось. См. «Русск. Стар.» т. I, изд. первое стр. 300, изд. второе стр. 130.

Ред.

языку. Положимъ; но эта-то слабость и можетъ служить объясненіемъ, почему Крыловъ, если онъ написалъ эту басню, не принялъ ея въ собраніе своихъ сочиненій этого рода. Не такъ ли онъ поступилъ и съ баснею „Левъ и Человѣкъ", напечатанною только въ первомъ изданіи его басенъ (1809) и исключенною имъ изъ всѣхъ послѣдующихъ? Нѣкоторыя изъ приведенныхъ г. Кеневичемъ стиховъ въ самомъ дѣлѣ не особенно удачны; но подобные стихи легко отыскать и въ другихъ басняхъ Крылова; вообще же говоря, басня „Обѣдъ у Медвѣдя" по своей формѣ, особливо ближе къ концу, можетъ быть названа безукоризненною. Трудно указать кого-нибудь, кто бы въ первые годы настоящаго столѣтія былъ въ состояніи писать басни такимъ языкомъ.

3. **Басни этой нѣтъ въ оставшихся послѣ Крылова рукописяхъ.** Но изъ „Примѣчаній" г. Кеневича видно, что и нѣкоторыхъ другихъ басенъ Крылова недостаетъ между его автографами (см. тамъ напр. примѣчаніе о баснѣ „Гуси", стр. 75). Если басня „Обѣдъ у Медвѣдя" не удовлетворяла самого автора, то не удивительно, что онъ не сохранилъ ея въ своихъ рукописяхъ.

4. **Басня эта заключаетъ въ себѣ только легкую насмѣшку надъ отдѣльною личностью, и въ Медвѣдѣ всякій немедленно узнаетъ графа Хвостова, который дѣйствительно кормилъ, поилъ, даже платилъ, чтобы слушали его стихи.** Такое значеніе басни всего болѣе говоритъ за ея принадлежность Крылову. Литературная непріязнь между нимъ и Хвостовымъ извѣстна (см. Сборникъ Отдѣленія р. яз. и словесн., т. VI, стр. 26, 27 и 218). Хвостовъ всѣми силами старался доказать, что онъ по таланту нисколько не ниже Крылова, и не признавалъ его первенства между русскими баснописцами. Крыловъ, съ своей стороны, отплачивалъ ему злыми насмѣшками, о которыхъ разсказываетъ и г. Кеневичъ въ своихъ „Примѣчаніяхъ" (стр. 19, 78 и 278). Есть между прочимъ преданіе и о томъ, что Крыловъ, уподобляясь извѣстной лисицѣ, „долго и терпѣливо выслушивалъ стихи Хвостова и похваливалъ ихъ" (тамъ же, стр. 19). Басня „Обѣдъ у Медвѣдя" могла у него вылиться какъ собственное признаніе въ этомъ грѣхѣ, и мудрено ли, что такого признанія онъ не захотѣлъ передать потомству?

Сообразивъ все сказанное, я прихожу къ заключенію, что хотя подписанное подъ новою баснею имя Крылова и не составляетъ вполнѣ достовѣрнаго свидѣтельства о ея происхожденіи, однакожъ нѣтъ и достаточныхъ данныхъ, чтобы отвергнуть это показаніе современника.

Любопытно, что обѣ недавно появившіяся съ именемъ Крылова басни: „Пиръ" и „Обѣдъ у Медвѣдя" представляютъ между собою сходство въ основѣ разсказа: обѣ описываютъ обѣдъ — одна у Льва, другая у Медвѣдя. Г. Кеневичъ сомнѣвается, чтобы и первая была написана Крыловымъ, но тутъ уже нѣтъ мѣста сомнѣнію: она сохранилась въ автографѣ, который былъ переданъ самимъ баснописцемъ В. А. Олениной съ поясненіемъ, что эта басня была остановлена цензурой; притомъ въ автографѣ заключительный стихъ поправленъ его же рукой. Что басня „Пиръ" могла быть не допущена къ напе-

чатанію, очень понятно при тогдашнихъ цензурныхъ соображеніяхъ, особливо, если предположить, что поводомъ къ апологу послужилъ дѣйствительный случай, происшедшій въ высшихъ сферахъ петербургскаго общества, а можетъ быть, и въ царскихъ чертогахъ.

Читатель.

—

Къ исторіи русской печати. Министерство военное. Департаментъ инспекторскій. Канцелярія. Столъ 2. 20 апрѣля 1848 № 192. Секретно Господину предсѣдателю комитета, высочайше учрежденнаго въ 18-й день августа 1814 года. Неоднократно замѣчено, что редакція газеты: „Русскій Инвалидъ" не слѣдуетъ общимъ, установленнымъ для ценсуры, правиламъ, и что въ газетѣ сей часто проявляются описанія извѣстій въ томъ превратномъ видѣ, въ какомъ выставляютъ ихъ иностранныя газеты. Я поручилъ уже дежурному генералу главнаго штаба его императорскаго величества объясниться о семъ съ директоромъ канцеляріи комитета, высочайше учрежденнаго 18-го августа 1814 года; но и за симъ редакція помянутой газеты обнаруживаетъ тѣ же превратныя правила. Такъ напримѣръ въ газетѣ 16-го апрѣля № 82, въ статьѣ „Иностранныя извѣстія", австрійскія войска названы непріятельскими; предводительствующимъ толпами инсургентовъ, расточается названіе храбрыхъ, а статья изъ Киля о студентахъ вовсе не должна имѣть мѣста въ газетѣ. Считая долгомъ покорнѣйше просить ваше высокопревосходительство обратить особенное вниманіе на редакцію газеты: „Русскій Инвалидъ", какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, поставляю обязанностію присовокупить, что наблюденіе за духомъ и направленіемъ сей газеты останется на отвѣтственности Комитета, предсѣдательствуемаго вашимъ высокопревосходительствомъ. Военный министръ князь Чернышовъ. Дежурный генералъ П. Игнатьевъ *). Сообщ. **П. И. Мельниковъ.**

Опечатки. Въ запискахъ М. А. Бестужева (Русская Стар. т. II стр. 175—193) вкралось нѣсколько погрѣшностей на стр: 180 Цейлеръ; на 181 и 182 Сухининъ, на стр. 182; семью; читай: Цейдлеръ, Сухиновъ, восемью. На стр. 183 въ спискѣ сѣвернаго общсства пропущенъ В. Л. Давыдовъ, бывшій полковникомъ; въ спискѣ членовъ южнаго общества пропущенъ А. П. Юшневскій, бывшій интендантъ 2-й арміи, т. обр. въ этомъ обществѣ было не 36 а 37 членовъ. Въ обществѣ соединенныхъ славянъ (стр. 185) не показанъ Веценяпинъ 2-й, а вмѣсто Берестень и Шихаревъ читай: Берстель и Шахаревъ; въ этомъ обществѣ было 23 члена. На стр. 187 напеч: Іер. Завалишинъ, чит: Дмитрій Завалишинъ.

Поправки эти весьма обязательно сообщены намъ Барономъ А. Е. Розеномъ при письмѣ къ намъ, изъ котораго приводимъ слѣдующія строки:

«...Нахожу, что вы поступаете справедливо помѣщая статьи объ одномъ и томъ же предметѣ различныхъ авторовъ, съ различными понятіями и взглядами: внимательный читатель безъ критики и полемики найдетъ легко на чьей сторонѣ правдивость. Со вниманіемъ читаю вашъ журналъ и не пропускаю ни единаго слова, когда повѣствованіе касается моихъ отшедшихъ товарищей. Потому считаю обязанностью отнестись къ вамъ каждый разъ, когда мною замѣчены будутъ или ошибка, или опечатка, или пропуски... Крѣпко стою за память отшедшихъ товарищей. Съ совершеннымъ уваженіемъ....» и проч.

На стр. 254 т. II-го напеч: Лусьена, чит. Лукіана и напеч: Герули, читай Геронты.

На стр. 312 строка 19-я сверху, напеч: «род. 1771 г.» читай: «род. 1773 г.»

---

*) Редакторъ «Р. Инв.» въ 1848 г. былъ баронъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Корфъ, авторъ салонныхъ театральныхъ пьесъ. **Ред.**

Т. II, стр. 117, напеч.: «Черневичъ» чит.: «Зоричъ-Черноевичъ».

Т. II, стр. 129, напеч.: «на Калугѣ», чит.: «на Кагулѣ».

На стр. 304, т. II-го «Рус. Ст.» напечатано: «Сооб. графъ П. А. Кочубей», читай: «Сообщ. П. А. Кочубей». Ту же поправку необходимо сдѣлать на обертке IX кн. «Русск. Старины».

На 28-мъ листѣ записокъ Болотова внизу напечатано: «Приложеніе къ «Русской Старинѣ», изданіе второе, 1870 г.», читай «Приложеніе къ «Русской Старинѣ», 1870 г.»

Т. II, стр. 297, къ извѣстію о П. С. Валуевѣ добавить: «Имъ устроены Прѣсненскіе пруды, прелестное въ Москвѣ гулянье, особенно любимое публикой».

В. И. Фелькнеръ въ запискахъ о 14 декабрѣ 1825 г. замѣчаетъ, что «капитанъ князь Мещерскій умеръ въ 1847 году, свиты его и. в. генералъ-маіоромъ» (Русск. Стар. т. II, стр. 148). Это ошибка. Князь Сергій Ивановичъ Мещерскій, нынѣ здравствуетъ и проживаетъ на южномъ берегу Крыма; оставилъ онъ службу дѣйствительно въ чинѣ свитскаго генерала около 1839 года; умеръ же въ 1847 году отецъ князя, отстав. сек.-маіоръ кн. Иванъ Серг. Мещерскій.

О портретахъ Емельяна Пугачева. Черты лица человѣка, оросившаго потоками крови весь сѣверо и юговостокъ Россіи, не могли не интересовать его современниковъ; въ особенности сильные міра сего, жители Петербурга, которымъ не довелось видѣть Пугачева въ клѣткѣ въ Москвѣ, а между тѣмъ которымъ пришлось порядкомъ испытать за него передрягъ, крайне желали въ то время ознакомиться съ Пугачевымъ, хотя бы по «живописному его изображенію». Отсюда происхожденіе его портретовъ.

Въ настоящемъ году жители Петербурга видѣли два портрета Пугачева. Первый былъ помѣщенъ на «исторической выставкѣ портретовъ лицъ XVI—XVIII вв., устроенной въ зданіи министерства внутреннихъ дѣлъ обществомъ поощренія художниковъ». Портретъ этотъ есть грудное изображеніе Пугачева, масляными красками, вышиною 15½ вершковъ, шириною 12 вершковъ; портретъ принадлежитъ Н. И. Путилову; на этомъ изобр. Пугачевъ представленъ въ казацкомъ казакинѣ, въ шапкѣ, съ короткою бородкою—бойкимъ витяземъ. Это позднѣйшій едвали не фантаст. подмалевокъ досужаго живописца, создавшаго себѣ образъ Пугачева по своей догадкѣ и ни мало не взявшій въ соображеніе завѣдомо достовѣрные портреты Пугачева. Одинъ изъ таковыхъ — принадлежитъ Ревельскому музею и былъ присланъ г. Галкинымъ, начальникомъ Эстляндской губерніи,—въ «Историко-художественный Русскій музей», учрежденный на время «Всероссійской мануфактурной выставки» с.-петербургскимъ собраніемъ художниковъ. Портретъ списанъ съ Пугачева въ то время, когда онъ былъ узникомъ въ Москвѣ, и срисованъ по заказу маіора фонъ-Маттіаса, во время усмиренія бунта служившаго подъ командою генерала Михельсона. Портретъ безъ рамки, высота около 16 вершковъ, ширина 11 вершковъ. Пугачевъ изображенъ въ бѣломъ нагольномъ тулупѣ, съ мѣховою оторочкою, изъ-подъ тулупа выглядываетъ розовая пестрядинная рубаха съ бѣлыми точечными полосками. Волоса подстрижены, по-крестьянски, въ скобку, борода небольшая, такъ же какъ и волосы, темнокаштановая, лопатою. Правая рука поднята до пояса, на ней широкій поручень и два опущенныя звена отъ кандаловъ; лѣвая рука вытянута, и надъ нею по стѣнѣ къ которой былъ прикованъ Пугачевъ, висятъ плоскія звенья цѣпи. Портретъ писанъ масляными красками (мумія и бѣлила). Лицо Пугачева смуглое, худощавое, уши большія, лицо энер-

гическое, полное жизни; взглядъ черныхъ огневыхъ глазъ представленъ быстрымъ и выразительнымъ.

Другой современный Пугачеву портретъ, писанный съ натуры, какъ сообщилъ намъ П. А. Мухановъ, находится въ Смоленской губерніи, Сычовскаго уѣзда, въ селѣ Дугино, у владѣлицы имѣнія графини Александры Александровны Паниной, рожд. Толстой, вдовы гр. Александра Никитича Панина. Это тотъ самый портретъ, который рисованъ съ Пугачева по заказу гр. Никиты Ивановича Панина; Пугачевъ изображенъ въ тулупѣ, прикованный къ стѣнѣ.

Съ одного изъ этого типа современныхъ портретовъ Пугачева сдѣлана была, какъ извѣстно, по заказу, А. С. Пушкина для его «Исторіи Пугачевскаго бунта», гравюра на стали, черною стар. манерою, подпись «Пугачевъ». Гравюра сохранилась въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ у любителей рѣдкостей. Такъ, она есть въ обширномъ собраніи портретовъ пишущаго эти строки, и у немногихъ другихъ лицъ. Плохой политипажъ съ нея былъ напечатанъ въ «Le Magazin Pittoresque» 1850 г. стр. 85.

Будучи вполнѣ убѣждены, что портретъ, розысканный и исполненный по заказу перваго по времени историка Пугачевскаго бунта, есть положительно одинъ изъ лучшихъ, и сколько намъ извѣстно, не противорѣчитъ подлиннымъ живописнымъ портретамъ Пугачева, мы озаботились гравировкою этого портрета Гравюра, равно какъ и снимки съ подписи безграмотнаго самозванца и съ его печати исполнены академикомъ, граверомъ Его Императорскаго Величества Л. А. Сѣряковымъ *).

Въ запискахъ Рунича, оканчивающихся въ настоящей книгѣ, помѣщено особенно много подробностей, ярко рисующихъ нравственный обликъ Емельяна Пугачева; при чтеніи этихъ записокъ всего приличнѣе ознакомиться съ чертами угрюмой, но выразительной физіономіи смѣлаго и находчиваго самозванца.

Разсказы о Пугачевѣ. 1) Въ Оренбургѣ, въ концѣ 1849 года, я слышалъ отъ одного престарѣлаго помѣщика, Скрябина (†), бывшаго, какъ кажется, предводителемъ оренбургскаго дворянства, слѣдующій разсказъ:

Пугачевъ при вступленіи въ Берды былъ встрѣченъ колокольнымъ звономъ. Священникъ вышелъ къ нему въ облаченіи съ крестомъ. Пугачевъ съ благоговѣніемъ приложился къ кресту и вошелъ въ церковь. Царскія двери въ алтарь были растворены. Пугачевъ прямо вошелъ въ алтарь, сѣлъ на престолъ, подбоченился и сказалъ:

— «Давно я не сидѣлъ на престолѣ!»

2) Въ Бердахъ еще жила въ 1848 году девяностолѣтняя старуха казачка, бывшая любовница Пугачева. Она удостоена была его любовью лѣтъ 14-ти или 15-ти отъ роду. Къ этой женщинѣ ѣздилъ А. С. Пушкинъ въ бытность свою въ Оренбургѣ, когда собиралъ матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта и разспрашивалъ ее о Пугачевѣ. Ветхая старуха однако мало что̀ помнила, но не безъ удовольствія разсказывала о томъ, какъ Пугачевъ замѣтилъ ее на улицѣ— и велѣлъ привести къ себѣ въ баню.

— «Озорникъ, но молодецъ былъ батюшка-государь Петръ Ѳедорычъ — говорила престарѣлая, нѣкогда случайная, любовница Емельяна Пугачева.

Сообщ. А. И. М—въ.

*) Подпись и печать взяты изъ приложеній къ «исторіи Пугачев. бунта» изд. 1834 г.; во всѣхъ послѣдующихъ изд.—приложенія эти опущены, а самая книга 1834 г. сдѣлалась библіографическою рѣдкостью.

ЗАПИСКИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ГЛИНКИ.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ 1845 года до 1854 года.

ПЕРІОДЪ XI*).

Путешествіе и пребываніе въ Парижѣ.

Мы заѣхали на короткое время въ деревню, я пробылъ нѣсколько дней съ матушкой въ Новоспасскомъ, заѣхалъ въ Безработье къ Николаю Дмитріевичу Гедеонову, оттуда чрезъ Смоленскъ въ Варшаву. Ѣхали мы на почтовыхъ въ коляскѣ, купленной мною въ 1840 г. Изъ Варшавы черезъ Познань въ Берлинъ. Тамъ я провелъ нѣсколько дней съ З. Деномъ (бывшимъ моимъ учителемъ контрапункта). Со мною были партитуры моихъ оперъ. Денъ остался чрезвычайно доволенъ моимъ терцетомъ изъ Жизни за Царя: Не томи родимый.

Изъ Берлина на почтовыхъ же отправились мы въ Кёльнъ, гдѣ оставили коляску.

Желѣзной дорогой домчались до Ахена, гдѣ пробыли нѣсколько дней; — изъ Ахена въ Брюссель. Въ Брюсселѣ были праздники kermés;—Блазъ (кларнетистъ) часто бывалъ со мной и въ саду я слышалъ необыкновенно стройный оркестръ духовыхъ инструментовъ, состоящій изъ ремесленниковъ. Подобные оркестры были въ Люттихѣ, Антверпенѣ и Гентѣ. Къ сожалѣнію, это общество уже не существуетъ; оттуда по желѣзной дорогѣ до города Mons, а потомъ въ дилижансѣ въ Парижъ.

Мы въѣхали улицами Faubourg Montmartre и rue Montmartre.

Огромность семи-этажныхъ домовъ и необыкновенное движеніе на улицахъ поразили меня самымъ пріятнымъ образомъ. Théodore (Гедеоновъ), оставя меня, Адель и наши вещи въ конторѣ дилижанса, сейчасъ же отыскалъ намъ квартиру и мы переѣхали въ Passage de l'opéra (de l'Horloge) на 6-ой этажъ въ маленькую, но опрятную квартиру. Это было около второй половины іюля; время было жаркое; изъ оконъ нашихъ видна была лучшая часть бульвара. Обѣдать ходили мы въ ресторацію.

*) Русская Старина, т. I, изд. первое, стр: 380—402; 474—494; 562—594; изд. второе стр. 313, т. II, стр. 56—73; 266—293; 372—397.

Въ это время между нашими соотечественниками были М. Л. Неваховичъ (издававшій впослѣдствіи «Ералашъ») и И. Д. Норовъ, привезшій съ собой хорошій запасъ денегъ (до 80,000 фр.). Первый забавлялъ меня своими шутками и каррикатурами, а второй требовалъ, чтобы я всегда принималъ участіе во всѣхъ parties de plaisir, которыя онъ затѣвалъ.

Въ концѣ іюля были праздники въ память іюльскихъ дней (journées de Juillet), жуты (joutes) на Сенѣ и иллюминаціи, куда по незнанію отправясь вмѣстѣ съ толпою, едва не были мы раздавлены. Насъ спасъ французъ изъ Петербурга, по имени m-r Edouard; онъ же носилъ меня на плечахъ по большой аллеѣ Елисейскихъ полей, чтобы мнѣ виднѣе была иллюминація.

Въ сентябрѣ пріѣхалъ въ Парижъ князь Елимъ Мещерскій; онъ началъ переводить на французскій языкъ нѣкоторые изъ моихъ романсовъ. Это трудное предпріятіе однако не удалось; болѣзнь, а потомъ преждевременная кончина князя (въ ноябрѣ того же года) не допустила привести въ исполненіе этого труда.

Я тщательно осматривалъ достопримѣчательности Парижа. Въ Версали былъ съ княземъ Елимомъ и графомъ Михаиломъ Юр. Віельгорскимъ, который провелъ нѣсколько дней въ Парижѣ.

Около того же времени (въ сентябрѣ) узналъ я, что Листъ отправился въ Испанію. Это обстоятельство возбудило мое давнишнее желаніе побывать въ Испаніи такъ сильно, что не откладывая я написалъ объ этомъ матушкѣ, которая не вдругъ и даже не скоро согласилась на это мое предпріятіе, опасаясь за меня.

Не теряя времени я принялся за дѣло. Князь Елимъ Мещерскій познакомилъ меня съ испанцемъ Souza; онъ принадлежалъ къ испанскому посольству, былъ прежде того и въ Петербургѣ, зналъ хорошо музыку, которой учился у извѣстнаго композитора Шуберта, и вообще былъ человѣкъ образованный и пріятный въ обществѣ. Онъ отрекомендовалъ мнѣ учителемъ испанскаго языка испанца по имени Biesma Guerrero (онъ впослѣдствіи былъ учителемъ дѣтей Людвига Филиппа). Въ самую первую лекцію онъ объяснилъ мнѣ характеристическія черты испанскаго языка; сейчасъ послѣ того я переводилъ «Хилблаза» съ французскаго на испанскій языкъ; къ слѣдующей лекціи я

записывалъ переводъ, онъ исправлялъ его, я его переписывалъ на-чисто, прочитывалъ нѣсколько разъ вслухъ и такимъ образомъ упражнялся въ произношеніи, привыкалъ къ испанскимъ оборотамъ и почти помнилъ все переведенное мною наизусть.

Въ то же время читалъ испанскую комедію Elsi de las ninas, разные литературные отрывки изъ хрестоматіи, въ томъ числѣ отрывки изъ Донъ Кихота Сервантеса. Слѣдуя этой превосходной системѣ, я въ короткое время началъ понимать испанскій языкъ и даже нѣсколько говорить на немъ.

Въ сентябрѣ же мѣсяцѣ мы съ Théodore и Adèle переѣхали въ rue de Provence № 5. У насъ была довольно большая зала; кушанье готовили дома и всегда у насъ былъ лишній приборъ для пріятеля.

Я попробовалъ-было лечиться іодомъ у доктора Шустера, но безъ малѣйшаго успѣха.

Я жилъ разнообразно и искренно веселился съ пріятелями до ноября мѣсяца. Стало очень свѣжо и туманно *), не приходилось проводить большую часть дня на улицѣ, какъ то бывало прежде. Нѣкоторые изъ пріятелей уѣхали, другіе завелись барынями и стали жить домосѣднѣе. Мнѣ самому запала мысль обзавестись подругою; для того я началъ посѣщать маленькіе театры, въ особенности бывшій въ то время, въ улицѣ de la Victoire противу дома піаниста Гейнриха Герца, театръ Chantereine. На этомъ театрѣ упражнялись молодые артисты и артистки, играли также любители и любительницы драматическаго искусства.

Нѣкоторыя пьесы шли очень не дурно. Я подмѣтилъ нѣсколько миловидныхъ артистокъ, и мы съ Теодоромъ пригласили ихъ къ себѣ. Чтобы насъ посѣщали еще охотнѣе, мы затѣяли вечера. Собирались около 8 часовъ вечера нѣсколько молоденькихъ актрисъ, а также нѣсколько соотечественниковъ и иностранцевъ. Общество было пріятное: пѣли, танцовали, потомъ подавали чай, пуншъ (легкій, разумѣется) и въ заключеніе большой сладкій пирогъ **). Все это было Теодоромъ ловко устроено,

*) На полѣ копіи рукой Глинки карандашомъ написано: «чего-то нѣтъ».

**) Въ копіи это слово, приписанное и въ оригиналѣ карандашомъ, пропущено. Рукою Кукольника написано: «Пирогъ, что-ли?» А рукою Глинки: «Дѣйствительно пирогъ».

веселились мило, а вечера стóили не много. Все должно было оканчиваться въ 11 часовъ. Если же танцы иногда продолжались позже, то не на долго, со всѣхъ этажей являлись кухарки (les bonnes) и жаловались, что безпокоятъ ихъ госпожъ, которыя почти всегда ссылались одна на головную боль, другая на мигрень и т. п. *)

На одномъ изъ этихъ вечеровъ, послѣ нѣсколькихъ туровъ вальса съ одною изъ молодыхъ актрисъ, я почувствовалъ къ ней особенное влеченіе. Я сейчасъ началъ ухаживать за нею, бывалъ въ театрѣ Chantereine всякій разъ, когда играла Аделина, провожалъ ее до дому. Долгое время Аделина упорствовала и до такой степени, что я потерялъ надежду. Однако же около послѣднихъ чиселъ декабря дѣло уладилось.

Аделина была не красавица, но въ неопредѣленномъ выраженіи глазъ и въ улыбкѣ ея (особенное преимущество француженокъ) было много прелести. Она была хорошаго роста, имѣла талію прекрасную, одѣвалась со вкусомъ, а въ пріемахъ и обращеніи ея было много достоинства. Ей было тогда около 22 лѣтъ, она жила съ малолѣтнею дочерью и матерью. Я переѣхалъ въ rue de Provence № 22 и скоро послѣ того приладился такъ, что постоянно обѣдалъ у Аделины, склонность къ которой не измѣнялась.

По утрамъ обыкновенно я занимался испанскимъ языкомъ, писалъ письма и пр., потомъ прогуливался, навѣщалъ знакомыхъ, послѣ чего обѣдалъ у Аделины. Послѣ обѣда бывали мы въ театрѣ или же я оставался у нея; топили каминъ и мы играли въ маленькую игру въ карты съ матерью ея и братьями.

Аделина продолжала упражняться въ драматическомъ искусствѣ и довольно успѣшно дебютировала въ театрѣ Montmartre. Я иногда училъ ее пѣнію; но наши занятія шли плохо, хотя она прежде того училась музыкѣ у хорошаго maestro. Когда Аделина дебютировала въ театрѣ des Variétés, я былъ въ одной изъ ложъ театра вмѣстѣ съ ея матерью и братьями. Отъ робости ли или такъ, по привычкѣ, она пѣла такъ невѣрно, что сосѣди наши поминутно восклицали: «Ah mon Dieu, qu'est ce

*) Кукольникъ поправилъ: «сдѣлалъ глупость», съ такимъ комментаріемъ: «ты, братъ, не глупъ, а глупость сдѣлать можетъ и мудрецъ».

qu'elle a donc cette femme!» Мы краснѣли, но дѣлать было нечего.

Зимою пріѣхало много моихъ знакомыхъ соотечественниковъ. Между ними князь Василій Петр. Голицынъ (тотъ, у котораго я живалъ на Черной рѣчкѣ). Онъ и другіе пріятели и русскія барыни уговорили меня познакомить Парижъ съ моей музыкой, и я по глупости *) согласился на то. Souza, у котораго я бывалъ часто, узнавъ объ этомъ намѣреніи, предложилъ мнѣ свои услуги. Онъ познакомилъ меня съ Гекторомъ Берліозомъ, который въ то время помышлялъ о путешествіи въ Россію, надѣясь на обильную жатву не однихъ рукоплесканій, но и денегъ. Онъ обошелся со мною чрезвычайно ласково (чего не добьешься отъ большой части парижскихъ артистовъ, которые невыносимо надменны); я посѣщалъ его раза по три въ недѣлю, откровенно бесѣдуя съ нимъ о музыкѣ и особенно объ его сочиненіяхъ, кои мнѣ нравились въ особенности въ фантастическомъ родѣ, какъ-то: Scherzo la reine Mabe изъ Ромео и Юліи, la marche des Pélerins изъ Harold, Dies irae и Tuba mirum spargens sonum изъ его Requiem.

Я часто бывалъ у Souza; однажды я засталъ у него испанца лѣтъ 50-ти, по имени Don Santiago. Souza отозвался о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ и расторопномъ. Получивъ позволеніе отъ матушки ѣхать въ Испанію, я попросилъ Don Santiago сопутствовать мнѣ, до времени же нашего отъѣзда онъ состоялъ у меня въ качествѣ мажордома, живя особо; я платилъ ему за то 100 франковъ въ мѣсяцъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ Берліозъ далъ два концерта monstre въ циркѣ на Елисейскихъ поляхъ. Ему понравилась моя Лезгинка, которую я передѣлалъ на одинъ оркестръ. Сверхъ того, я съ Берліозомъ попросили г-жу Соловьеву (урожденную Verteuil, вышедшую замужъ за г-на Melchior), находившуюся тогда въ Парижѣ, спѣть каватину изъ оперы Жизнь за Царя: Въ поле чистое гляжу, на что она охотно согласилась.

Пошли репетиціи—тогда убѣдился я, что французы не могутъ похвалиться вниманіемъ и любятъ поболтать съ сосѣдями. Подмѣтилъ также, что иногда, особенно въ трудныхъ пассажахъ, прибѣгаютъ къ табакеркамъ и носовымъ платкамъ.

Въ этой невнимательности не менѣе того я убѣдился и въ

одномъ изъ концертовъ парижскаго консерваторія. Играли 6-ую симфонію Бетховена (Symphonie pastorale), исполненіе было превычурное, такъ что я симфоніи Бетховена не узналъ и тогда же сказалъ: «on m'a escamoté la symphonie». Кромѣ того духовые иногда срывались, въ особенности волторны и кларнеты. Во время концерта Берліоза въ циркѣ Лезгинка моя не произвела желаннаго успѣха, ибо большая часть эффектовъ были разсчитаны мною на игру между двумя оркестрами, однимъ на сценѣ, состоявшимъ изъ духовыхъ, а другимъ ниже сцены (въ оркестрѣ), гдѣ преобладаютъ смычковые инструменты. У Берліоза всѣхъ музыкантовъ было до 150—слѣдственно они были растянуты, отчего слушатель не могъ обнять цѣлаго, а до него доходили только звуки тѣхъ инструментовъ, которые находились поближе.

Соловьева струсила, запнулась и растерялась; я же далъ знакъ, чтобы начали сначала; услышавъ ритурнельку, Соловьева оправилась и хорошо пропѣла арію. Несмотря на это, арія также не произвела эффекта. Между прочимъ въ журналѣ Charivari сказано было объ этой каватинѣ, что въ ней слышна безпрестанно одна и таже нота (on entend toujours la même note). Тогда я очень негодовалъ на это, но теперь вижу, что критикъ совершенно правъ: въ Allegro каватины «Тамъ за рѣчкой во слободкѣ», слишкомъ часто и рѣзко обозначается квинта главнаго тона, что очень національно, но утомительно единообразно.

Наступило время приготовленій къ концерту. Хлопотъ было множество; желая угодить на всѣ вкусы, я хотѣлъ, кромѣ пьесъ своего сочиненія, пригласить и другихъ артистовъ, изъ коихъ нѣкоторые и согласились принять участіе. Вышла афишка самая пестрая. Тутъ была и увертюра «Семирамиды» Россини, и варьяціи на русскія темы, исполненныя на скрипкѣ Гауманомъ, и еще какая-то пьеса для скрипки, имъ же исполненная; котлетнѣйшимъ образомъ—игралъ двѣ пьесы собственнаго издѣлія мощный піанистъ Леопольдъ Мейеръ. Изъ моей музыки исполнили Краковьякъ изъ «Жизни за Царя», Маршъ Черномора и вальсъ (valse Fantaisie H-moll), названный Scherzo. Соловьева должна была исполнить каватину Людмилы и «Сомнѣніе»; но она занемогла и ее замѣнилъ очень опрятный теноръ Marras, который спѣлъ итальянскій мой романсъ: il desiderio (ah se

tu fossi mio) и una furtiva lagrima изъ Elisir d'amore Донидзетти.

Концертъ этотъ произведенъ былъ въ залѣ Герца въ апрѣлѣ мѣсяцѣ (числа не упомню). Расходы были значительные и я занялъ 1500 фр. у князя Василія Петр. Голицына. Хотя концертъ этотъ данъ былъ въ пользу какого-то общества, но расходы были велики и впослѣдствіи мнѣ довелось заплатить к. Голицыну взятые у него въ заемъ деньги. Несмотря на это, во время концерта залъ былъ полонъ. Русскія дамы какъ будто сговорились украсить концертъ соотечественника; онѣ явились въ великолѣпномъ убранствѣ, такъ что въ одномъ изъ журналовъ сказано было, говоря о моемъ концертѣ: que c'était un parterre de fleurs.

Аделина сидѣла въ 3-мъ ряду и, когда я приходилъ на сцену, чтобы аккомпанировать пѣвцу Маррасъ, она краснѣла отъ участія.

Естественно, что парижской публикѣ нельзя было познакомиться съ моимъ музыкальнымъ талантомъ по немногимъ пьесамъ и къ тому не самымъ лучшимъ моего сочиненія, даннымъ въ концертѣ моемъ. Несмотря на это, я имѣлъ успѣхъ (succès d'estime). Во многихъ журналахъ писали обо мнѣ: редакторъ Revue Britannique написалъ обо мнѣ чрезвычайно милую статью, писалъ также Maurice Bourge и наконецъ Берліозъ написалъ огромную статью съ краткой біографіей моей подъ названіемъ Michel Glinka въ фельетонѣ Journal des Débats. Мельгуновъ доставилъ Берліозу нужныя свѣдѣнія для этой статьи. Она мною утрачена; желающіе прочесть могутъ ее отыскать въ фельетонѣ Journal des Débats въ апрѣлѣ или маѣ 1845 г.*)

Я часто навѣщалъ Берліоза, его бесѣда была весьма занимательна, онъ говорилъ остро и даже зло (mordant); по возможности я содѣйствовалъ успѣшному его путешествію въ Россію.

ПЕРІОДЪ XII.

Путешествіе въ Испанію, пребываніе въ Испаніи и возвращеніе въ Россію.

1845 г. въ половинѣ мая по нашему стилю, я отправился въ Испанію съ Don Santiago и его девяти-лѣтнею дочкою по

*) Статья эта напечатана въ Journal des Débats отъ 16 апрѣля 1845. Другія статьи, упоминаемыя Глинкою, помѣщены: въ Revue britannique (т. 26, p. 459), въ Illustration (26 апрѣля), въ Le monde musicale (17 апрѣля), въ Gazette musicale (20 апрѣля) и др.

имени Rosario*). Пообѣдавъ у Аделины, я распростился съ нею съ слезами и въ нанятой коляскѣ отправился на желѣзную Орлеанскую дорогу. Изъ Орлеана на почтовыхъ въ 3-ое сутокъ примчались мы въ По, гдѣ остались нѣсколько дней. Во время пути затерялся мой паспортъ. Don Santiago потерялъ голову, но я никакъ не хотѣлъ отстать отъ своего намѣренія быть въ Испаніи. Обратились мы съ Santiago къ меру тамошняго департамента; письма писанныя ко мнѣ, печать моя, статья Берліоза и наконецъ свидѣтельство случайно находившагося въ По актера, бывшаго въ Россіи, послужили основаніемъ для выдачи мнѣ временного паспорта. Въ то самое время, когда мнѣ начали изготовлять паспортъ и я уже заплатилъ по тамошнему узаконенію 10 фр. пошлины, вслѣдствіе сдѣланной Don Santiago публикаціи, мой паспортъ отыскался. Не медля, мы отправились изъ По въ дилижансѣ въ пограничной городокъ St. Jean pied de port, доѣхали до пограничной деревеньки, а оттуда дошли пѣшкомъ до испанской таможни Val carlos.

Я вступилъ въ Испанію 20 мая, въ самый день моего рожденія и былъ въ совершенномъ восторгѣ. Черезъ Пиренеи ѣхали мы на трехъ мулахъ, навьюченныхъ нашими вещами. Первую ночь провели въ Ronces valles, на другой день буря и гроза настигла насъ верстахъ въ 6-ти отъ Памплоны, куда мы прибыли въ слѣдующій день по утру. Видъ Пиреней въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы черезъ нихъ проѣзжали, не столь живописенъ, какъ швейцарскіе Альпы. Въ Памплонѣ я видѣлъ въ первый разъ испанскую пляску, второстепенными артистами исполненную. Изъ Памплоны въ дилижансѣ отправились мы въ Vittoria, оттуда переѣхавъ Ебро въ Miranda de Ebro, очутились мы въ ущеліи Pancorro, это ущеліе носитъ чисто африканскій характеръ. Въ Бургосѣ осмотрѣли мы соборъ. Прибывъ въ Вальядолидъ, гдѣ рѣшились провести лѣто, мы поселились у сестры Don Santiago. Мнѣ отвели двѣ опрятныя комнаты. Я началъ продолжать изученіе испанскаго языка и въ короткое время началъ говорить свободно по-испански. Завелся лошадью и съ зятемъ Don Santiago ѣздилъ ежедневно верхомъ по окрестностямъ Вальядолида, которыя не дурны. Возлѣ самаго города

*) Notre-Dame du rosaire.

мѣсто, называемое Espolon viejo, очень живописно; вдоль рѣки Pisuerga тянется роща изъ серебристыхъ тополей. На горахъ (collines), окружающихъ Вальядолидъ, вершины совершенно плоски (páramos) и покрыты ароматическими травами и растеніями, какъ-то: шалфеемъ, лавендой, tomino и пр.

По вечерамъ собирались у насъ сосѣди, сосѣдки и знакомые; пѣли, плясали и бесѣдовали. Между знакомыми сынъ одного тамошняго негоціанта, по имени Felix Castilla, бойко игралъ на гитарѣ, въ особенности аррагонскую хоту, которую съ его варіаціями я удержалъ въ памяти и потомъ въ Мадридѣ въ сентябрѣ или октябрѣ того же года сдѣлалъ изъ нихъ пьесу подъ именемъ Capprісio brillante, которое впослѣдствіи, по совѣту князя Одоевскаго, назвалъ испанской увертюрой.

Въ августѣ я съ семействомъ Don Santiago отправился въ Сеговію, городъ примѣчательный по древнему водопроводу (aqueduc) и по дворцу Alcazar, въ которомъ кромѣ наружнаго вида примѣчательны плафоны. Alcazar служилъ прежде тюрьмою для государственныхъ преступниковъ, теперь же обращенъ въ артиллерійское училище. Возвратясь въ Вальядолидъ, мы пробыли тамъ не долго. Въ первой половинѣ сентября отправились въ Мадридъ. Были мы также въ S. Ildefonso или La granja, видѣли тамъ садъ, оранжереи и въ особенности фонтаны, кои превосходны и вода кристально-чистая. Общаго же вида, какъ въ Петергофѣ, нѣтъ, а бьютъ фонтаны одинъ за другимъ.

Don Santiago взялъ съ собою дочку Rosario и племянницу Mariquita.

Нѣсколько дней послѣ пріѣзда въ Мадридъ наняли мы маленькую, но уютную квартиру, купили опрятную мебель и поселились такъ, что и мнѣ и семейству Don Santiago было не дурно.

Квартира эта находилась въ самомъ центрѣ города, называемомъ Puerta del sol; это маленькая площадка, къ которой примыкаютъ 6 главныхъ улицъ.

Мадридъ съ перваго раза мнѣ не понравился; узнавъ его впослѣдствіи я вѣрнѣе оцѣнилъ его. По прежнему я продолжалъ изучать испанскій языкъ и испанскую музыку. Для достиженія этой цѣли я началъ посѣщать драматическій театръ del Principe, на которомъ Romea и жена его Mathilde

превосходно исполняли первыя роли въ трагическомъ и комическомъ родѣ. Давали даже иногда драмы классическихъ авторовъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Мадридъ я принялся за Хоту. Потомъ, окончивъ ее, внимательно изучалъ испанскую музыку, а именно напѣвы простолюдиновъ. Хаживалъ ко мнѣ одинъ Zagal (погонщикъ муловъ при дилижансѣ *), пѣлъ народныя пѣсни, которыя я старался уловить и положить на ноты. Двѣ Seguidillas manchega (airs de la mancha) мнѣ особенно понравились и впослѣдствіи послужили мнѣ для второй испанской увертюры. Пользуясь пріятною осеннею погодою, мы вдвоемъ съ Don Santiago отправились въ Aranjuez, гдѣ меня поразили аллеи изъ огромнѣйшихъ платановъ и пирамидальныхъ тополей, понравился мнѣ также маленькій дворецъ (casa del labrador). Въ большомъ же дворцѣ фарфоровая и зеркальная залы произвели на меня не столько пріятныя впечатлѣнія.

Толедо едва ли не самый живописный городъ въ Испаніи, онъ весь почти сохранился, какъ былъ въ среднихъ вѣкахъ. Кромѣ собора (гдѣ я игралъ на органѣ) и другихъ архитектурныхъ монументовъ, самое мѣстоположеніе города весьма живописно.

Мы съ Don Santiago навѣстили также Escorial, который также въ первый разъ мнѣ не понравился.

Я усердно осматривалъ главныя примѣчательности Мадрида. Былъ на травлѣ быковъ; первое впечатлѣніе было какое-то дико-странное, но потомъ я привыкъ и впослѣдствіи находилъ занимательность въ этой кровавой драмѣ, гдѣ каждый участвующій находится въ безпрерывной опасности.

Музеумъ, т.-е. картинную галлерею посѣтилъ я съ талантливымъ русскимъ архитекторомъ Бейне. Онъ путешествовалъ по Испаніи съ молодымъ англичаниномъ, также архитекторомъ. Бейне однажды въ бенефисъ тенора Guasco затащилъ меня въ театръ de la Cruz, гдѣ давали на мое горе Ernani—Verdi, и насильно продержалъ меня во все время представленія.

Въ театрѣ Circo давали балеты. Тамъ танцовщица Gui Stefani отлично (хотя вычурно) танцовала Olé и Jaleo de Xeres (Халео де-хересъ); музыка этой послѣдней пляски,

---

*) Испанскій дилижансъ отлично описанъ А. Дюма въ письмахъ его de Paris à Cadix. М. И. Глинка.

хотя сочиненная дирижёромъ балетнаго оркестра (Скордополемъ, чехомъ), мнѣ понравилась и я сохранилъ ее въ памяти.

Gui-Stefani превосходно танцовала также Seguidillas manchegas въ костюмѣ испанскаго студента.

Послѣднюю часть осени я жилъ домосѣдомъ. Знакомая племянницы Don Santiago, Ramona Gonsales, довольно миловидная дѣвушка, часто бывала у насъ и я за ней волочился. Она познакомила меня съ молодымъ человѣкомъ Don José Alvares, игравшимъ хорошо на флейтѣ и страстно любившимъ музыку.

Я сдѣлалъ въ Мадридѣ нѣсколько знакомствъ; упомяну теперь о перчаточномъ фабрикантѣ Lafin, который поселился въ Мадридѣ. Сестра его madame Genissieux, у которой я постоянно покупалъ перчатки въ Парижѣ, дала мнѣ къ нему письмо. Письма рекомендательныя чрезвычайно уважаются въ Испаніи. Lafin во все время пребыванія моего въ Испаніи не переставалъ оказывать мнѣ услуги и ему я обязанъ многими пріятными минутами.

Въ концѣ ноября я съ семействомъ Don Santiago отправился въ Гранаду. Въ Мадридѣ было холодно, а во все время пути до самой Sierra morena шелъ дождь. Самую живописную часть горъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Despina perros, проѣхали мы ночью. Когда мы достигли вершины хребта въ Santa Elena, мы были уже въ Андалузіи. Въ концѣ ноября тамъ было нѣсколько свѣжо, трава была совершенно зелена и вѣчно зеленые дубы заставляли забывать, что мы были въ зимнее время. По мѣрѣ того какъ мы спускались съ Sierra morena, климатъ чувствительно становился мягче, а видъ природы пріятнѣе и вскорѣ мы были со всѣхъ сторонъ окружены оливковыми рощами; кое-гдѣ мелькали агавы, которыя тамъ употребляютъ, чтобы огораживать участки земель.

Въ Carolina (швейцарской колоніи, основанной Карломъ III), мы отлично позавтракали, ночью пріѣхали въ Jaen (Хаéнъ), гдѣ насъ накормили плохо. Ночью и на другой день мы ѣхали чрезъ пустынныя живописныя горы, потомъ въѣхали въ узкую долину, которая примыкала къ большой долинѣ называемой Vega di Granada.

Мы остановились въ одной изъ лучшихъ гостинницъ, гдѣ

квартира намъ уже была приготовлена докторомъ Jedor, къ которому знакомые Don Santiago писали изъ Мадрида. Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ въ Гранаду явился къ намъ по рекомендаціи мадридскаго перчаточнаго фабриканта Lafin нѣсколько пожилой, но еще очень бодрый человѣкъ Don Francisco Bueno y Moreno. Онъ сначала былъ контрабандистъ, но нажилъ состояніе и рѣшился сдѣлаться честнымъ гражданиномъ. Онъ завелъ перчаточную фабрику и сверхъ того торговалъ кожами.

На другой или третій день онъ познакомилъ меня съ лучшимъ гитаристомъ въ Гранадѣ по имени Murciano. Этотъ Murciano былъ простой и безграмотный человѣкъ, онъ торговалъ виномъ въ собственномъ шинкѣ. Игралъ же необыкновенно ловко и отчетливо; варьяціи на національный тамошній танецъ Fandango, имъ сочиненныя и сыномъ его положенныя на ноты, свидѣтельствовали о его музыкальномъ дарованіи.

Пробывъ нѣсколько дней въ гостинницѣ, мы переѣхали на квартиру; но она оказалась слишкомъ неудобною. Между тѣмъ мы узнали, что недалеко отъ Алгамбры можно на горѣ найти опрятный домикъ съ садикомъ и я рѣшился жить, такъ сказать, на дачѣ.

За 50 р. асс. въ мѣсяцъ мы наняли опрятный двухъ-этажный домикъ съ бельведеромъ; въ саду, расположенномъ террасами, было нѣсколько маленькихъ фонтановъ и бассейнъ въ видѣ огромной ванны. Были плодоносныя деревья, огромное апельсинное дерево и цвѣты въ продолженіи всей зимы, которая съ 1845 на 1846 г. была такъ хороша и тепла, что, за исключеніемъ трехъ недѣль, въ теченіи трехъ мѣсяцевъ мы ежедневно обѣдали въ саду и не рѣдко въ лѣтнихъ сюртукахъ. Don Santiago завелъ гусей, утокъ и другихъ домашнихъ животныхъ, которыя во время обѣда приходили къ намъ и ѣли изъ рукъ нашихъ.

Не стану описывать Града-Алембру—все это уже извѣстно.

По вечерамъ я спускался въ городъ, гдѣ проводилъ время пріятно у знакомыхъ Don Francisco. Пѣли, плясали и забавлялись различнымъ образомъ. Don Francisco познакомилъ меня съ барынями, гдѣ я завелъ пропажу или пристанище. Пріѣхали Бейне съ Робинсономъ (если не ошибаюсь), англичаниномъ. Мы весело проводили время въ пропажѣ. Я ходилъ въ Алгамбру,

когда они рисовали, а они, въ свою очередь, навѣщали меня, а иногда завтракали и обѣдали у меня.

Don Francisco, по моему желанію, отыскалъ миловидную Андалузку, которая славилась пѣніемъ народныхъ пѣсень. Ей было лѣтъ 20; она была небольшого роста, интересной физіономіи, сложенія крѣпкаго. Ножка же ея была дѣтская, голосъ очень пріятный.

Не безъ хлопотъ и опасностей поладилъ я съ нею; наконецъ рѣшился вывезти ее въ Мадридъ, что также обошлось не безъ затрудненій. Во время пребыванія моего въ Гранадѣ, съ помощію Don Francisco bueno y moreno, также съ содѣйствіемъ Murciano и его сына я былъ свидѣтелемъ всѣхъ бывшихъ въ то время праздниковъ и домашнихъ увеселеній и обычаевъ. По ночамъ они мнѣ сопутствовали, потому что въ Гранадѣ въ то время было не совсѣмъ безопасно.

Встрѣтивъ однажды миловидную цыганку (Gitana), я спросилъ у нея, умѣетъ ли она пѣть и плясать? Я получилъ утвердительный отвѣтъ и вслѣдствіе таковаго пригласилъ къ себѣ цыганку съ товарищами на вечеръ. Распоряжался Murciano, онъ же игралъ на гитарѣ. Плясали двѣ молодыя цыганки и старый смуглый цыганъ, похожій на африканца—онъ плясалъ ловко, но слишкомъ непристойно.

Пробовалъ я самъ учиться танцовать у тамошняго танцовщика Pello; ноги повиновались, но съ кастаньетками я не могъ справиться.

Путешествіе изъ Гранады въ Мадридъ всегда останется въ памяти моей. Don Santiago съ семействомъ отправился особо, я же въ половинѣ марта съ Dolores Garcia, моей пѣвуньей, поѣхали въ галерѣ. Этотъ экипажъ не даромъ названъ галерой; онъ въ родѣ большой жидовской фуры съ навѣсомъ, не помню, изъ кожи или холста; онъ весь наваленъ клажей, сверху которой полагаются матрацы пассажировъ, на которыхъ они сидятъ другъ противъ друга. Тѣснота такая, что нельзя пошевельнуться; противъ меня сидѣла огромная тучная баба, отъ которой въ короткое время ноги мои почувствовали невыносимую пытку. Ѣхали шагомъ по 4 версты въ часъ, останавливались два раза въ сутки по 3 или 4 часа; ѣхали или правильнѣе тащились по 7 и 8 часовъ безостановочно.

Я значительную часть пути прошелъ пѣшкомъ. По пріѣздѣ въ Мадридъ вскорѣ отыскалась таже самая квартира, которую мы прежде занимали съ Don Santiago, я въ ней поселился съ Лолей (сокращеніе слова Dolores). Трудно мнѣ было съ моей подругой первое время; она часто бывала со мной у своихъ пріятельницъ гранадинокъ и нѣтъ сомнѣнія, что онѣ ее сбивали съ толку. Къ счастію всѣ онѣ выѣхали изъ Мадрита, тогда Лоля видимо измѣнилась и послѣднее время мы жили съ нею душа въ душу. Несмотря на это однакоже я видѣлъ ясно, что изъ нея артистки никогда не выйдетъ и потому рѣшился отправить ее обратно къ матери, что и исполнилъ въ іюлѣ 1846 г.

Въ маѣ того же года Don José Alvarez познакомилъ меня съ землякомъ своимъ Don Pedro Fernandes, который пріѣхалъ изъ Паленсіи для усовершенствованія себя въ музыкѣ. Don Pedro изрѣдка навѣщалъ меня, когда еще была со мною Лоля. Когда же она уѣхала и онъ замѣтилъ, что я грустилъ, онъ сталъ ежедневно навѣщать меня и сопутствовалъ мнѣ въ моихъ прогулкахъ; преимущественно ходили мы гулять въ Retiro (Retraite), королевскій садъ. Въ концѣ іюня я съ Don Santiago отправился въ La Granja *) и Сеговію; я желалъ тамъ остаться на лѣто, но это оказалось неудобнымъ.

По возвращеніи въ Мадридъ я написалъ Don Pedro: онъ пришелъ ко мнѣ и узнавъ, что я желалъ поселиться вмѣстѣ съ нимъ и его товарищами, совѣстился, говоря, что они живутъ скудно. Я же настоялъ на своемъ и тотчасъ переѣхалъ къ доктору Don Pedro, который отдавалъ комнатки со столомъ и прислугою студентамъ и молодымъ чиновникамъ.

Всѣ они милые и образованные люди. Don Pedro твердилъ этюды Крамера подъ моимъ руководствомъ. Съ хозяиномъ нашимъ, другимъ Don Pedro, я читалъ Кальдерона, но не съ большимъ успѣхомъ; языкъ автора казался мнѣ очень труднымъ.

Музеумъ я зналъ наизусть; послѣ обѣда я вмѣстѣ съ товарищами ходилъ въ Прадо, по вечерамъ къ намъ собирались знакомые и сидѣли долго за полночь; до утренней зари я не рѣдко хаживалъ гулять за городъ; возвратясь около 8 часовъ утра, пилъ чай и ложился спать.

---

*) Въ копіи: «La Granja по-русски Ля-Гранха».

Въ августѣ я отправился въ Ескоріалъ, а чтобы не скучать тамъ, пригласилъ съ собою молодую, рослую и красивую Толеданку по имени Зефирина (Céfirina) съ спутницей. Несмотря на то, что дамы иногда ссорились, я пріятно провелъ время въ Ескоріалѣ. Во время каникулъ тамъ мы дышали чистымъ, свѣжимъ воздухомъ; прогулки пѣшкомъ и на ослахъ, театръ, а болѣе всего сокровища искусства, заключающіяся въ монастырѣ, очень пріятно занимали насъ во время нашего тамъ пребыванія.

Вскорѣ по возвращеніи въ Мадридъ, мы съ Don Pedro получили приглашеніе отъ старшаго брата Don José Alvarez навѣстить его въ Мурсіи, гдѣ въ сентябрѣ бываетъ ярмарка и затѣвался дѣтскій театръ.

Выѣхавъ изъ Мадрида въ послѣднихъ числахъ августа, на другой день въ дилижансѣ мы прибыли въ Albacete, оттуда мы наняли тартану (экипажъ на двухъ колесахъ, безъ рессоръ, съ навѣсомъ изъ холста) съ одной мулой и извощикомъ. Мы тащились медленно: первую ночь провели въ городкѣ Hellin (Ельинъ), вторую въ Cieza, гдѣ уже появились пальмы. На третій день, вскорѣ по выѣздѣ изъ Cieza, одинъ контрабандистъ попросилъ насъ довезти дѣвочку лѣтъ 10, до половины пути, на что мы согласились и хорошо сдѣлали. Мурсіа страна очень живописная, но дороги въ то время были хуже нашихъ проселочныхъ, а такъ какъ долгое время шли проливные дожди, то дорога значительно испортилась. Въ одномъ мѣстѣ, не доѣзжая Molina, накопилось воды въ болотномъ мѣстѣ столько, что тамъ вязли фуры съ товарами. Контрабандистъ нашъ былъ изъ Molina, онъ зналъ мѣстность; осмотрѣвъ хорошенько и выбравъ лучшее для переправы мѣсто, перенесъ насъ черезъ воду на своихъ плечахъ, а потомъ помогъ извощику перетащить тартану.

Пообѣдавъ въ Molina мы продолжали путь, и вечеромъ того же дня прибыли въ Мурсію.

Don José Alvarez уже велѣлъ приготовить намъ квартиру у одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ. У насъ была огромная зала и по спальнѣ у каждаго. Нашелся фортепьянъ, а такъ какъ чиновникъ, у котораго мы жили, былъ человѣкъ семейный, то были у него дочери, родственницы, а къ нимъ приходили ихъ знакомые. У насъ въ залѣ образовались сходки,

каждый вечеръ пѣли, играли на гитарѣ и плясали. Иногда плясали и въ наше отсутствіе. Не менѣе пріятно проводили мы время въ семействѣ Don José Alvarez, съ нимъ ѣздили почти ежедневно въ большой тартанѣ по окрестностямъ. Близлежащія горы и Monte agudo красивой формы, покрытая кактусами, весьма живописна.

Мурсіа славится долиною (huerta); она имѣетъ до 3-хъ или четырехъ верстъ въ ширину и до 60 или болѣе въ длину. Главное произведеніе—шелковичное дерево; кое-гдѣ группы финиковыхъ пальмъ, кои растутъ превосходно, лимонныя деревья и другія фруктовыя; по долинѣ разсыпаны живописныя хижины. Яркая зелень составляетъ пріятную противуположность съ близлежащими горами изъ розоваго гранита.

Дѣтскій театръ состоялъ въ томъ, что готовилась для потѣхи родителей «Норма» Беллини, долженствовавшая быть исполнена дѣтьми. Мы были на пробѣ, и дѣйствительно дѣти пѣли не дурно, а Норма 11-ти лѣтъ пѣла хотя не совсѣмъ удовлетворительно, но съ увлеченіемъ и превосходно играла. Во время ярмарки многія барыни и барышни носили живописныя національныя платья. Тамошніе цыгане красивѣе и богаче, нежели въ Гранадѣ—они три раза плясали для насъ; одна 9-ти-лѣтняя цыганка плясала особенно хорошо.

1-го октября мы отправились изъ Мурсіи обратно въ Мадридъ въ тартанѣ, запряженной огромной мулою. Заѣхали въ Orihuela, потомъ Elche, окруженный пальмовыми рощами; оттуда чрезъ Aspe, Novelda, Elda Villina въ Almansa. Эти мѣста принадлежатъ королевству Валенціи (regno di Valencia) и очень живописно разнообразны.

Тартана меня измучила и я хотѣлъ отпустить извощика съ мулой; но не могъ найдти удобнаго мѣста въ дилижансѣ, потому что со всѣхъ сторонъ Испаніи публика стремилась въ Мадридъ по случаю бракосочетанія королевы и сестры ея. Надлежало продолжать путь въ тартанѣ; измученный я доѣхалъ въ Мадридъ вò время. Тамъ поселились мы у одной андалузки изъ Севильи; она была женщина пожилая, но ласковая и привѣтливая, у ней была миловидная дочка лѣтъ 19 и сынъ лѣтъ 20. Кромѣ насъ былъ еще жилецъ, адвокатъ изъ Тарифа.

Мы видѣли празднества по случаю бракосочетанія коро-

левы и сестры ея, а именно: поѣздъ изъ дворца въ Аточу (монастырь), гдѣ происходило вѣнчаніе и куда намъ попасть было невозможно; танцы на площадяхъ на устроенныхъ для того подмосткахъ; травлю быковъ на plaza mayor; наконецъ фейерверкъ и иллюминованный Prado разноцвѣтными шкаликами.

Осень была холодная и въ ноябрѣ я переѣхалъ въ Parador de las diligencias въ улицу Alcolà, оттуда въ концѣ того же ноября отправился я съ Don Pedro въ Севилью. Мы остались въ Кордовѣ слишкомъ сутки, осмотрѣли Мескиту, обращенную въ Catedral и сдѣлали нѣсколько знакомствъ; отъ одного изъ нихъ получили рекомендательное письмо въ Севилью. Прибывъ въ Севилью, мы сперва пристали въ Fonda de Europa, потомъ попробовали жить въ casa de huespedes (en pension), что однакоже оказалось неудобнымъ и мы со временемъ наняли цѣлый домикъ для насъ однихъ въ Calle de la ravetta.

Вскорѣ по пріѣздѣ нашлись старые знакомые Don Pedro и мы, по рекомендательному письму и по случаю, приобрѣли нѣсколько пріятныхъ знакомствъ. Сейчасъ доставили намъ случай видѣть пляску, исполненную лучшими танцовщицами. Между ними Анита была необыкновенно хороша и увлекательна, въ особенности въ цыганскихъ танцахъ, равно какъ и въ Olé. Мы пріятно провели зиму съ 1846 на 1847 г., посѣщали танцовальные вечера у Феликса и Мигеля, гдѣ во время танцевъ лучшіе тамошніе національные пѣвцы заливались въ восточномъ родѣ, между тѣмъ танцовщицы ловко выплясывали и казалось, что слышались 3 разныхъ ритма: пѣніе шло само по себѣ, гитара отдѣльно, а танцовщица ударяла въ ладоши и пристукивала ногой, казалось, совсѣмъ отдѣльно отъ музыки.

Знаменитый, хотя устарѣвшій національный пѣвецъ, Planeta былъ и пѣлъ у насъ; его же племянникъ Lasaro бывалъ у насъ часто. Почти каждый вечеръ собирались у насъ знакомые и барышни. Одна мнѣ приглянулась и я попробовалъ-было съ нею то, что называютъ въ Севильи pelar la pava (бесѣдовать по ночамъ чрезъ рѣшотку окна), но безъ успѣха; я вознаграждалъ неудачи съ неутѣшной вдовой изъ Кордовы.

Весною я завелъ птицъ; ихъ было до четырнадцати; онѣ летали въ нарочно отведенной имъ комнатѣ.

Вдоль Гвадалквивира отъ дворца Sant Elmo, тянутся сады

апельсинные; въ февралѣ, когда плоды созрѣваютъ, видъ превосходный; впрочемъ эти тонкокожіе апельсины и чрезвычайно вкусны. Весною пріѣхалъ въ Севилью извѣстный скрипачъ Олебуль; онъ дѣйствительно игралъ сильно и чрезвычайно отчетливо; но какъ бо́льшая часть виртуозовъ, не слишкомъ былъ силенъ въ музыкѣ. Онъ пробылъ въ Севильи около шести недѣль; я съ нимъ сблизился до нѣкоторой степени и онъ часто бывалъ у меня.

Весною же Don Pedro и еще другой пріятель Pepe Alebes (labrador) устроили вечеръ съ цыганками, которыя хотя были безобразны, но плясали отлично.

Въ началѣ мая мы выѣхали изъ Севильи съ сожалѣніемъ. Пріятели были очень огорчены нашимъ отъѣздомъ, кухарка наша, старушка 55 лѣтъ, добрая Mariquita разсталась съ нами со слезами. Время было жаркое; первые перегоны часто, по бокамъ дороги, мелькали ряды agaves; многія изъ нихъ должны были цвѣсти въ теченіи лѣта и уже видны были зеленые штамбы въ сажень и болѣе.

Въ Мадридѣ мы поселились въ Parador de las diligencias. Пробывъ тамъ недѣли три, отправились мы въ обратный путь.

Между знакомыми въ Мадридѣ упомяну я о фортепьянистѣ Маріи Кристины Don Juan Guelbenza, его пріятелѣ Zabalburu и его ученицѣ Sofia Vela; она владѣла отличнымъ контральто и была весьма хорошая музыкантша.

Мы пробыли нѣсколько дней въ Zaragoza, оттуда чрезъ Tudela въ Пампелону. Переѣхавъ чрезъ Пиренеи на лошадяхъ верхомъ, мы на По и Тулузу отправились въ Парижъ, гдѣ пробыли около трехъ недѣль. За нѣсколько дней до нашего отъѣзда пришелъ ко мнѣ путей сообщенія полковникъ Комаровъ съ поклономъ отъ Петра Степанова, который былъ тогда въ Киссингенѣ и желалъ видѣться со мною.

Мы рѣшили ѣхать вмѣстѣ и отправились втроемъ въ Кёльнъ, оттуда по Рейну до Бибериха, потомъ во Франкфуртъ, а изъ Франкфурта въ Киссингенъ. Степановъ мнѣ былъ очень радъ и сообщилъ мнѣ, что бывшая жена моя (о расторженіи моего брака съ Марьей Петровной увѣдомили меня въ Севильи) по смерти Васильчикова получила богатое наслѣдство; это извѣстіе

меня порадовало. Хотя я не любилъ Марью Петровну, но признаюсь, мнѣ бы больно было видѣть ее въ нищетѣ.

Въ бытность мою въ Киссингенѣ въ іюлѣ 1847 г., я имѣлъ счастіе представляться государю цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему государю императору Александру Николаевичу, который обошелся со мною очень ласково и представилъ меня супругѣ своей.

Изъ Киссингена отправился я съ Don Pedro въ Регенсбургъ, а оттуда по Дунаю въ Вѣну, гдѣ совѣтникъ нашего посольства, Фонтонъ, и секретарь Убри насъ угощали радушно. По совѣту Фонтона мы отправились въ Варшаву, гдѣ мы нашли старую карету для путешествія, по распоряженію Фонтона же.

Въ Варшавѣ мы пробыли дней 6, которые я провелъ очень весело, благодаря обязательному расположенію Н. А. Новосельскаго. Предъ отъѣздомъ я представлялся князю Варшавскому и у него обѣдалъ.

ПЕРІОДЪ XIII.

Пребываніе въ деревнѣ, Смоленскѣ, Варшавѣ и Петербургѣ.

Я съ Don Pedro пріѣхалъ въ Новоспасское въ концѣ іюля. Младшая сестра моя, Ольга Ивановна, была помолвлена за молодого лейбъ-гвардіи уланскаго полка ротмистра Измайлова.

Матушка была здорова, но видѣла очень плохо; несмотря на то, жилось сначала весело. Собирались ближайшія родственницы и родственники, мы ѣздили верхомъ и въ экипажахъ, гуляли и забавлялись.

Я прибылъ въ Новоспасское въ добромъ здоровьи, но скоро началъ чувствовать, что аппетитъ и сонъ начали исчезать. Желая поддержать себя, я для гимнастики началъ маленькимъ топоромъ рубить лишнія липы, коихъ было множество, чтобы дать просторъ дубамъ, вязамъ и другимъ деревьямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что я надсадилъ себя; я началъ чувствовать болѣзненное ощущеніе въ брюхѣ. 1-го сентября у меня сдѣлалось сильное нервное раздраженіе. Несмотря на это, въ началѣ сентября я навѣстилъ ближайшихъ моихъ родственниковъ. На обратномъ пути это нервное раздраженіе желудка усилилось, невыносимо мучительное замираніе въ брюхѣ съ страхомъ смерти терзало меня, какъ въ Венеціи въ 1833 году.

Я рѣшился, не дожидаясь сватьбы сестры Ольги, отправиться въ Петербургъ и ввѣрить себя доктору Гейденрейху.

Когда изъ Смоленска я уѣзжалъ, снова раздражились нервы и такъ сильно, что я принужденъ былъ возвратиться и потомъ остаться въ Смоленскѣ. Я не могъ быть на сватьбѣ сестры. Въ октябрѣ матушка и новобрачные пріѣхали на время въ Смоленскъ. Съ самаго того времени, какъ я рѣшился остаться въ Смоленскѣ, тамошній жандармскій полковникъ Романусъ далъ мнѣ на время свой рояль. Я, въ знакъ признательности, посвятилъ ему двѣ фортепьянныя, въ то время написанныя, пьесы: Souvenir d'une mazurka и la Barcarole, изданныя впослѣдствіи подъ названіемъ Привѣтъ отчизнѣ. Тогда же въ отсутствіе Pedro, оставшись одинъ въ сумерки, я почувствовалъ такую глубочайшую тоску, что рыдая молился умственно и выимпровизировалъ Молитву безъ словъ для фортепьяно, которую посвятилъ Don Pedro. Къ этой молитвѣ подошли слова Лермонтова: Въ минуту жизни трудную.

Мы жили въ домѣ родственниковъ Ушакова и для дочери его я написалъ варьяціи на Шотландскую тему. Для сестры Людмилы романсъ Милочка, котораго мелодія взята мною изъ Хоты, которую я часто слышалъ въ Вальядолидѣ.

Въ ноябрѣ матушка отправилась въ Петербургъ; сестра Людмила, по искренней своей дружбѣ ко мнѣ, рѣшилась провести со мною въ Смоленскѣ часть зимы. Въ ноябрѣ она, я и Don Pedro переѣхали въ домъ Соколова у Никольскихъ воротъ. Мы жили съ сестрой душа въ душу и, несмотря на мои страданія, намъ было хорошо вмѣстѣ.

Я сидѣлъ безвыходно дома; утромъ сочинялъ; кромѣ означенныхъ уже пьесъ написалъ романсъ: Ты скоро меня позабудешь. Pedro игралъ и твердилъ Gradus ad Parnassum Clementi, подъ моимъ руководствомъ. Сестра читала мнѣ по-русски и по-французски, а Pedro по-испански; по вечерамъ приходило нѣсколько знакомыхъ и составлялся кружокъ милыхъ и искренно любившихъ насъ пріятелей. Упомяну о докторѣ Строгоновѣ, лечившемъ меня, и о старомъ пріятелѣ аптекарѣ Мего. Они часто играли съ сестрою въ преферансъ, который забавлялъ меня не рѣдко. Сестра играла скоро, Строгоновъ ловко, а Мего съ неподражаемымъ флегматическимъ тономъ, весьма часто долго,

долго соображалъ, прикупать ли ему или нѣтъ и по большей части послѣ долгаго размышленія оканчивалъ словами: пасъ.

Кромѣ этихъ постоянныхъ посѣтителей бывали и другіе посѣтители; назову здѣсь родственниковъ мужа сестры Людмилы, Шестаковыхъ, съ коими мы видѣлись не рѣдко. Молодая, миловидная и веселенькая барынька, дальняя намъ родственница Е. П. Забѣлла, охотно навѣщала меня.

Наша тихая и домосѣдная жизнь продолжалась до 23 января 1848 г. Дядя зятя моего Измайлова захотѣлъ непремѣнно дать мнѣ обѣдъ, безъ всякаго сомнѣнія для того, чтобы поважничать и выставить себя моимъ покровителемъ. Несмотря на мое сопротивленіе, обѣдъ состоялся. Распорядителями были комендантъ Липарскій и Гольцевъ, дядя Измайлова. Меня встрѣтили въ залѣ дворянскаго смоленскаго собранія смоленскіе сановники, предводитель и главные старшіе чиновники подъ звуки оркестра, игравшаго польскій изъ «Жизни за Царя». За обѣдомъ посадили меня на главное мѣсто между губернаторомъ и губернскимъ предводителемъ. Обѣдъ былъ дѣйствительно великолѣпный. Онъ подробно описанъ полковникомъ Романусомъ въ «Сѣверной Пчелѣ» того же года *).

Чтобы отблагодарить за честь вслѣдствіе этого обѣда, я былъ вынужденъ отказаться отъ тихой домашней жизни. Всякій день я былъ на балахъ и вечерахъ и неоднократно долженъ былъ потѣшать публику пѣніемъ и игрою на фортепьяно. Эта суматошная жизнь еще болѣе раздражила мои нервы, я впалъ въ дикое отчаяніе и упросилъ сестру выпроводить меня въ Варшаву. Сестра увѣдомила матушку о моемъ намѣреніи; когда матушка возвратилась, несмотря на февральскія событія въ Парижѣ, я хотѣлъ ѣхать за границу и подалъ прошеніе о паспортѣ. Въ началѣ марта я отправился въ Варшаву съ Don Pedro и зятемъ моимъ Василіемъ Илларіоновичемъ Шестаковымъ, который по дружбѣ своей взялся мнѣ сопутствовать. Мы пріѣхали въ Варшаву благополучно. Братецъ Василій Илларіоновичъ уѣхалъ, мнѣ въ паспортѣ отказали. Однажды, ища квартиры, я и Pedro повстрѣчали князя Паскевича, который ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи казаковъ. Увидя его, я снялъ шляпу, Pedro же,

*) «Сѣверная Пчела» 1848 г. 12 февраля. Четвергъ. № 34.

незнавшій князя, смотрѣлъ на него и остался въ фуражкѣ, что замѣтя свѣтлѣйшій наскакалъ на насъ съ бѣшенствомъ и едва не сшибъ меня съ ногъ. Это меня взбѣсило и я, помнится, хотѣлъ уѣхать изъ Варшавы, но какъ-то дѣло обошлось; притомъ же я занемогъ. Бывшій въ то время добрый мой знакомый Кастріото-Скандербегъ, хорошій музыкантъ, познакомилъ меня съ докторомъ Морицомъ Вольфомъ, съ которымъ я очень сблизился впослѣдствіи и который постоянно былъ моимъ докторомъ въ Варшавѣ.

Кастріото былъ женатъ на дочери банкира Коньяръ, онъ познакомилъ меня съ семействомъ жены своей. Дѣвица Екатерина М. Коньяръ пѣла съ большимъ увлеченіемъ и я не рѣдко въ началѣ весны проводилъ у нихъ пріятные вечера.

Мы наняли квартиру на Рымарской улицѣ; половину лишней комнаты отдѣлили перегородкой съ сѣткой, гдѣ завели птицъ. Были соловьи, варакушка, горлохвостка и другія до 16 *).

Хотя весна была ранняя, но недугъ взялъ свое и я оправился, и то несовершенно, въ исходѣ мая.

Между тѣмъ еще весною князь Паскевичъ, узнавъ, что онъ наскакалъ на меня и желая загладить это, нерѣдко приглашалъ меня къ себѣ на обѣдъ и принималъ меня необыкновенно ласково, сажалъ за столомъ подлѣ себя и самъ угощалъ меня виномъ, особенно кахетинскимъ, которое я очень люблю.

По просьбѣ князя я иногда занимался его оркестромъ; онъ былъ не совсѣмъ хорошъ, но для меня это было все-таки полезно. Я далъ Паленсу капельмейстеру Jaleo (Халео), музыка эта очень нравилась свѣтлѣйшему и онъ приказывалъ часто ее играть въ присутствіи гостей и потомъ по приказанію князя танецъ Jaleo **) подъ эту музыку поставили на варшавскомъ театрѣ. Для этого же оркестра Паленсъ сократилъ Хоту, наинструментовалъ по моему указанію молитву съ тромбономъ obligato и она была не безъ-эффектна. Разучили польскій изъ «Жизни за Царя» съ хоромъ, а также знаменитый хоръ изъ «Ифигеніи»

---

*) Въ копіи рукою Глинки: «юлка также, по-французски alouette lulu—милая птичка».

**) На полѣ рукою Глинки карандашомъ: «Jaleo de Xerez—по-русски Халео де-Хересъ».

въ Тавридѣ Глюка «Les fureurs d'Oreste» *). Такимъ образомъ музыку Глюка въ исполненіи я услышалъ первый разъ въ Варшавѣ и съ тѣхъ поръ началъ изучать его музыку. Тогда же я написалъ изъ 4-хъ испанскихъ мелодій Potpourri на оркестръ, названный мною тогда Recuerdos de Castilla (воспоминаніе о Кастиліи). Оркестръ князя исполнялъ недурно эту пьесу. Неоднократныя мои покушенія сдѣлать что-нибудь изъ андалузскихъ мелодій остались безъ всякаго успѣха—большая часть изъ нихъ основана на восточной гаммѣ, вовсе не похожей на нашу.

Н. А. Новосельскій, постоянно окружавшій меня вниманіемъ, старался по возможности сдѣлать пріятнымъ для меня пребываніе въ Варшавѣ. По его просьбѣ я началъ учить пѣнію П. Конарскую. Она приходила ко мнѣ три раза въ недѣлю и начала пѣть не дурно; ея голосъ (soprano) былъ пріятенъ, но нѣсколько утомленъ и иногда срывался.

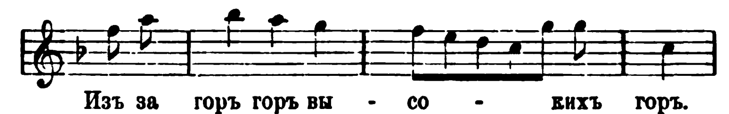
Когда я уже нѣсколько оправился, въ іюнѣ 1848 г. мнѣ приглянулась въ одной Кавярнѣ (Kawiarnia, café) статная и довольно миловидная дѣвушка по имени Аньеля (Angélique). Я сманилъ ее къ себѣ и она жила у меня въ качествѣ хозяйки. Такъ какъ она была ловка, весела и расторопна, то жилось очень хорошо.

Осенью въ сентябрѣ появилась холера въ Варшавѣ; изъ предосторожности я не выходилъ изъ комнаты тѣмъ болѣе, что мимо нашего дома на Рымарской улицѣ ежедневно провожали много похоронъ. Сидя дома, я принялся за дѣло, написалъ романсы: Слышу ли голосъ твой, слова Лермонтова; Заздравный кубокъ Пушкина, который посвятилъ вдовѣ Клико и Маргериту изъ «Фауста» Гёте, переведенный Губеромъ. Стихи для этихъ романсовъ указалъ мнѣ, бывшій тогда цензоромъ въ Варшавѣ, П. П. Дубровскій. Я познакомился съ нимъ еще въ 1847 году въ проѣздъ мой чрезъ Варшаву. Въ 1848 г. онъ постоянно навѣщалъ меня и съ свойственною ему услужливостью сопутствовалъ мнѣ часто въ прогулкахъ; очень часто онъ читалъ мнѣ и мы прочли съ нимъ большую часть русскихъ писателей и другихъ авторовъ, въ особенности Шекспира.

---

*) Въ копіи рукою Глинки карандашомъ: «Вотъ образцовое произведеніе!»

Въ то время случайно я нашелъ сближеніе между свадебною пѣснію: «Изъ за горъ, горъ высокихъ горъ»,

которую я слышалъ и деревенскою и плясовою камаринскою, всѣмъ извѣстною. И вдругъ фантазія моя разыгралась и я вмѣсто фортепьяно написалъ эту пьесу на оркестръ подъ именемъ свадебная и плясовая. Могу увѣрить, что я руководствовался при сочиненіи этой пьесы единственно внутреннимъ музыкальнымъ чувствомъ, не думая ни о томъ что происходитъ на свадьбахъ, какъ гуляетъ нашъ православный народъ и какъ можетъ запоздалый пьяный стучать въ дверь, чтобы ему отворили. Несмотря на это Ѳ. М. Толстой (Ростиславъ) на репетиціи Камаринской (какъ я впослѣдствіи, по совѣту князя Одоевскаго, назвалъ эту пьесу) самъ говорилъ мнѣ, что онъ, объясняя государынѣ императрицѣ (нынѣ вдовствующей) Александрѣ Ѳеодоровнѣ мою камаринскую, въ послѣдней части этой пьесы, а именно, гдѣ сперва волторны держатъ педаль на Fis, а потомъ трубы на С, сказалъ ея величеству, что это мѣсто изображаетъ, какъ пьяный стучится въ дверь избы. Это соображеніе мнѣ кажется пріятельскимъ угощеніемъ, которымъ не разъ потчуютъ въ жизни.

По вечерамъ приходили знакомые, — съ чаемъ подавали гостямъ пуншъ, чтобы согрѣвать желудокъ; я ограничивался теплымъ краснымъ виномъ съ лимонной коркой и сахаромъ; для той же цѣли (т.-е. чтобы согрѣть желудокъ) затѣвались танцы. Аньеля танцовала превосходно, а если нужны были другія пары, то двѣ довольно молодыя польки, кухарка и горничная (młodsza) плясали также. Кромѣ птицъ, летавшихъ въ ближней комнатѣ за сѣткой, въ залѣ бѣгали два ручныхъ зайца и барабанили иногда по ногамъ гостей.

Это пріятное житье продолжалось до конца октября. Аньеля начала важничать и мы потомъ поссорились. Тогда, чтобы не скучать дома, Новосельскій доставилъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ знакомствъ. Назову семейство доктора Грюнбергъ; его дочери были очень любезны и талантливы; старшая, по имени Юлія, играла весьма хорошо на фортепьяно; она училась у Гензельта

на иждивеніе великой княгини Елены Павловны. Младшая Изабелла пѣла съ увлеченіемъ и смысломъ (intelligence). У нихъ я проводилъ пріятные вечера, равно какъ у знакомыхъ ихъ Александровичей.

Въ ноябрѣ погода стояла еще пріятная и узнавъ, что матушка была въ Петербургѣ, я рѣшился туда ѣхать для свиданія съ нею.

Новосельскій съ свойственною ему услужливостью досталъ мнѣ карету. Несмотря ни на то, что Двина была уже покрыта шедшимъ льдомъ, ни на снѣгъ, выпавшій на разстояніи 300 верстъ отъ Петербурга, мы съ Don Pedro доѣхали благополучно въ половинѣ ноября, по нашему стилю.

Отдохнувъ нѣсколько дней, я навѣстилъ моихъ знакомыхъ и былъ на имянинахъ Екатерины М. Коньяръ, семейство коихъ и Кастріото было тогда въ Петербургѣ. Въ концѣ ноября я захворалъ и поселился на время болѣзни, чтобы не разлучаться съ матушкой, у зятя моего В. И. Флёри, у Краснаго моста въ училищѣ глухонѣмыхъ. Тамъ была сестра Ольга съ мужемъ и Марія съ дѣтьми. Жили въ тѣснотѣ, но мнѣ было пріятно, несмотря на недугъ. Во время выздоровленія въ началѣ 1849 г. я былъ на вечерѣ, устроенномъ княземъ П. А. Вяземскимъ по случаю 50-лѣтней дѣятельности В. А. Жуковскаго на его литературномъ поприщѣ. Блудовъ читалъ стихи князя Вяземскаго по этому случаю, мы пѣли также хоръ въ честь Жуковскаго, сочиненный графомъ Мих. Юр. Віельгорскимъ. На этомъ вечерѣ присутствовалъ также государь императоръ Александръ Николаевичъ (бывшій тогда цесаревичемъ) и я имѣлъ счастіе быть имъ замѣченнымъ и почтеннымъ ласковыми распросами обо мнѣ.

Зимою съ 1848 на 1849 г. Фреццолини желала взять мою оперу: Жизнь за Царя въ свой бенефисъ. Она сама сдѣлала мнѣ первый визитъ и привезла билетъ на свой бенефисъ. Опера моя не была дана итальянцами, потому что публика была недовольна отъ неудачныхъ попытокъ русскихъ композиторовъ и жестоко раздражена послѣ великолѣпной неудачи (fiasco) оперы il Berichino di Parigi......... Вышло высочайшее повелѣніе непринимать на итальянскій театръ произведеній русскихъ композиторовъ. Gloire à M-r.......! (Рукою Глинки нарис. кошачья голова).

Князь Одоевскій пригласилъ меня къ себѣ на вечеръ и мно-

гихъ общихъ знакомыхъ — на этомъ вечерѣ по совѣту князя я назвалъ Хоту испанской увертюрой, а свадебную и плясовую Камаринской.

Весною я познакомился съ Владиміромъ Вас. Стасовымъ, весьма основательнымъ музыкантомъ, любителемъ изящныхъ искусствъ и весьма образованнымъ человѣкомъ. При немъ я пробовалъ сдѣлать музыку на слова Ободовскаго: Палермо (написанныя въ воспоминаніе пребыванія императрицы Александры Ѳеодоровны въ Палермо), но не успѣлъ и взялъ слова съ собою въ Варшаву.

Гейденрейхъ отлично меня поставилъ на ноги и очень ранней весной я началъ выѣзжать, и большею частію съ Новосельскимъ, возвратившимся изъ Варшавы зимою. Онъ познакомилъ меня съ молодыми людьми и литераторами юнаго поколѣнія — къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ нихъ довели себя до бѣды въ теченіе того же 1849 года.

Весною я рѣшился отправиться снова въ Варшаву, тѣмъ болѣе, что получилъ письма, на основаніи которыхъ могъ ожидать много пріятнаго. Выѣхавъ изъ Петербурга 9 мая по нашему стилю, мы путешествовали на почтовыхъ въ каретѣ самымъ пріятнымъ образомъ; погода была превосходная, нѣжная весенняя зелень, пѣніе птицъ, все располагало душу къ радости; переѣхавъ же Нѣманъ въ Ковно видъ природы сдѣлался совершенно праздничнымъ.

ПЕРІОДЪ XIV.

Вторичное пребываніе въ Варшавѣ и въ Петербургѣ.

По пріѣздѣ въ Варшаву вскорѣ увидѣлъ я, что ошибся въ разсчетѣ. Занявъ квартиру въ Нецалой улицѣ одного отсутствовавшаго полковника, я малу по малу началъ чувствовать нападеніе хандры. Одною стороною въ квартирѣ нашей окошки выходили на Саксонскій садъ; густые тополи (не пирамидальные) въ дурную погоду заслоняли свѣтъ и шумомъ вѣтвей и листьевъ во время вѣтра наводили уныніе на душу. Въ свитѣ е. и. величества, находившейся въ то время въ Варшавѣ, было нѣсколько короткихъ моихъ знакомыхъ и однокашниковъ; иногда я кутилъ съ ними *) и другими знакомыми. Главныя сборища

*) «Что весьма не умно!» рукою Глинки въ копіи карандашомъ.

были у меня и у пансіонскаго моего товарища, генерала А. Н. Астафьева. Видался я также иногда и съ княземъ Мих. Д. Волконскимъ.

Несмотря на то, что иногда удавалось мнѣ проводить время пріятно, эта разсѣянная жизнь меня искренно не радовала и не наводила меня на музыкальныя вдохновенія. Музыкальныя глубокія наслажденія въ теченіи лѣта 1849 г. ощущалъ отъ игры на органѣ въ евангелической церкви, органиста Фрейера. Онъ превосходно исполнялъ пьесы Баха, отчетливо дѣйствовалъ ногами и органъ его былъ такъ хорошо настроенъ, что въ нѣкоторыхъ пьесахъ, а именно въ фугѣ B. A. C. H и токкатѣ F-dur

онъ доводилъ меня до слезъ.

Наконецъ хандра въ концѣ лѣта довела меня до жесточайшей апатіи и большую часть дня я проводилъ дома, лежа на диванѣ. Въ то время возлѣ самой Варшавы стоялъ гусарскій полкъ его и. высочества в. к. Михаила Павловича. Одинъ изъ полковниковъ этого полка, землякъ мой и тёзка Михаилъ Ивановичъ Кубаровскій, съ которымъ я иногда встрѣчался въ обществѣ, заѣхавъ ко мнѣ, уговорилъ меня навѣстить его. Не знаю какъ, вопреки апатіи, онъ увезъ меня; сперва посѣтили мы нѣсколькихъ нашихъ общихъ знакомыхъ, а потомъ въ 1-мъ часу ночи постучали въ заведеніе Ома (оно всѣмъ бывшимъ въ Варшавѣ очень извѣстно) и такъ какъ намъ не отпирали, то мы перелѣзли черезъ заборъ, и, выпивъ тамъ шампанскаго, отправились на квартиру Кубаровскаго. Онъ квартировалъ вмѣстѣ съ полкомъ и товарищами въ домикахъ съ садиками, отстоявшихъ въ полу-верстѣ отъ заведенія Ома (Ohm).

Кубаровскій отвелъ мнѣ на своей квартирѣ комнатку и на другой день, напившись чаю и одѣвшись, мы отправились пѣшкомъ съ нѣсколькими товарищами Кубаровскаго къ Ому. Погода была превосходная (августъ и сентябрь въ Варшавѣ и Парижѣ безспорно лучшее время года), заведеніе Ома съ его довольно большимъ и довольно хорошимъ садомъ, прекрасной залой, гдѣ стоялъ не совсѣмъ дурной рояль и резонансъ былъ превосходный, опрятная кухня и хорошій погребъ доставляли желающимъ всѣ способы для пріятнаго препровожденія времени.

Сверхъ того въ заведенiи были двѣ дочки хозяина, старшая Розамунда, сокращенно Рузя, нравилась всѣмъ красивымъ личикомъ, а инымъ дородствомъ; за ней ухаживала большая часть посѣтителей. Вторая дочка (меньшая была въ пансiонѣ) по имени Эмилiя, сокращенно Миця, была маленькая, стройненькая, живая и вострая (воструха) дѣвочка. Мое пѣнiе произвело фуроръ, какъ на гусаровъ, такъ и на семейство хозяина заведенiя. Большую часть всего времени, которое я пробылъ у Кубаровскаго, я часто бывалъ и иногда и обѣдалъ у Ома. Вглядываясь въ живую, миловидную Эмилiю, невольно сближался съ нею. Въ это же пребыванiе у Кубаровскаго, онъ предложилъ мнѣ романсъ Мицкевича Rozmowa; Миця презабавно учила меня читать и произносить его, а я училъ ее нѣсколько на фортепьянѣ и пѣнiю. Возвратясь въ Варшаву, я не долго тамъ оставался и снова прiѣхалъ къ Кубаровскому. Мало по малу мы съ Мицей подружились и когда полкъ гусарскiй, въ которомъ служилъ Кубаровскiй, вышелъ изъ Варшавы, я почти ежедневно посѣщалъ Ома; въ моихъ похожденiяхъ сопутствовалъ мнѣ въ качествѣ адъютанта Розенбергъ, братъ г-жи Грюнбергъ, котораго мы просто называли Данiель. Кромѣ дружескихъ бесѣдъ и музыки, я участвовалъ съ Мицей при собиранiи яблокъ, грушъ и другихъ плодовъ.

Въ октябрѣ мы переѣхали на Длугу (длинную) улицу противу арсенала.

Я съ Данiелемъ продолжалъ ежедневно посѣщать Ома. Когда плоды были собраны, дошло дѣло до овощей, а въ концѣ осени и въ началѣ зимы мы чистили маисъ, горохъ, макъ и пр. Эта эклога продолжалась до настоящей зимы—и поэтическое чувство къ милой Мици возбудило *) во мнѣ музыкальную дѣятельность: я написалъ въ теченiи осени романсъ: Rozmowa Мицкевича по-польски и посвятилъ его Эмилiи Омъ. Написалъ также Адель и Мери Пушкина, первую изъ нихъ посвятилъ сестрѣ Ольгѣ Измайловой, а вторую Марьѣ Степановнѣ. Въ теченiи этой осени я часто встрѣчался у Ома съ старикомъ Курпинскимъ, извѣстнымъ въ свое время польскимъ композиторомъ. Онъ былъ человѣкъ свѣдущiй и я съ удовольствiемъ бесѣдовалъ съ нимъ объ искусствѣ.

*) На полѣ рукою Глинки карандашомъ: «Хоръ для Смольнаго монастыря».

Зима 1849 на 1850 годъ была чрезвычайно сурова, я захворалъ и долженъ былъ прекратить мои посѣщенія Ома. Весною я взялъ себѣ въ няни Теклу, еще молодую и довольно пріятной наружности дѣвушку. Она была добра и услужлива, но эти качества помрачалъ одинъ важный порокъ, къ сожалѣнію очень обыкновенный въ Варшавѣ: она періодически придерживалась водки и въ концѣ лѣта я вынужденъ былъ разстаться съ нею.

Въ теченіи лѣта я часто видался съ Дубровскимъ, Корсакомъ, Даніелемъ, Соболевскимъ (бывшимъ въ то время проѣздомъ въ Варшавѣ) и коммисаріатскимъ чиновникомъ А. П. Григоровскимъ.

Въ началѣ осени государыня императрица (нынѣ вдовствующая) пріѣхала въ Варшаву; на другой день пріѣзда ея величества я сочинилъ романсъ Ободовскаго Палермо, который посвятилъ государынѣ и который изданъ подъ именемъ Финскій заливъ.

Въ октябрѣ того же 1850 г. я былъ приглашенъ къ государынѣ императрицѣ на вечеръ. Это случилось по слѣдующему поводу: Ольга Николаевна, пріѣхавшая также въ Варшаву, объявила князю Паскевичу, что она не уѣдетъ изъ Варшавы, не услыша и не увидя Глинки.

Со мною приглашены были и Грюнберги: мать съ двумя дочерьми.

Государыня самымъ ласковымъ образомъ привѣтствовала меня почти въ слѣдующихъ словахъ по-русски: «Здравствуй, Глинка! что ты тутъ дѣлаешь?» На мой отвѣтъ, что я нахожусь въ Варшавѣ по причинѣ климата менѣе суроваго, нежели въ Петербургѣ, ея величество изволила сказать; «разница не большая, но я рада, очень рада тебя видѣть». Я принужденъ былъ сбрить усы и бороду, такъ что когда я взошелъ въ залу, гдѣ находились гости, приглашенные на вечеръ, князь Паскевичъ, видѣвшій меня въ усахъ и бородѣ прежде того, поклонился мнѣ насмѣшливо; я ему отдалъ поклонъ важный, но также насмѣшливый въ противуположномъ родѣ, послѣ чего князь поклонился мнѣ естественно и я ему также. Послѣ этого мы съ княземъ болѣе не встрѣчались.

Вскорѣ меня посадили за рояль, а около меня стояли дѣви-

цы Грюнбергъ. Ольга Николаевна и Бартенева сѣли у самаго рояля. Здѣсь нарушенъ мною хронологическій порядокъ. Еще весною 1849 г., въ бытность мою въ Петербургѣ И. К. Кавосъ просилъ меня написать выпускной хоръ для дѣвицъ Смольнаго монастыря. Я съ трудомъ согласился на его просьбу, потому что не хотѣлъ вступать въ соперничество съ ...., съ Львовымъ и графомъ М. Ю. Віельгорскимъ, которые писали, и не удачно, для дѣвицъ Смольнаго монастыря выпускные хоры.

Въ 1850 г. въ концѣ лѣта Кавосъ прислалъ мнѣ стихи инспектора Смольнаго монастыря Тимаева; содержаніе ихъ было хорошо, но они были слишкомъ длинны. По разсчету времени некогда было отослать ихъ въ Питеръ обратно для передѣлки и я по возможности могъ только сократить ихъ. Сверхъ того Кавосъ просилъ написать оркестръ, какъ можно слабѣе и предлагалъ мнѣ употребить фортепьяно, арфу и нѣсколько духовыхъ инструментовъ.

Зная по опыту, что отъ дудокъ (дураковъ, какъ ихъ называетъ дѣльно Кукольникъ) опрятнаго исполненія ожидать нельзя, съ фортепьяномъ и арфою я употребилъ весь оркестръ, наинструментовалъ пьесу такъ прозрачно и мягко, какъ только можно, съ тѣмъ, чтобы выказать голоса дѣвицъ, какъ можно болѣе. Окончивъ трудъ, я отослалъ его Кавосу съ подробнымъ наставленіемъ, какъ размѣстить оркестръ и дѣвицъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Кавосъ, по свойственной ему разсѣянности, пренебрегъ моими замѣчаніями *). Хоръ не произвелъ надлежащаго эффекта и я вслѣдствіе того получилъ забавное письмо отъ Кавоса. Въ этомъ письмѣ сказано между прочимъ: «Sa Majesté L'Empereur a trouvé que l'instrumentation du choeur est faible et moi je partage parfaitement l'opinion de Sa Majesté». Cavos partage l'opinion de Sa Majesté **)!

Въ началѣ октября 1850 мы переѣхали въ Налевки въ домъ Натансона. Квартира наша была очень опрятна и помѣстительна. Залъ былъ довольно большой и въ теченіи зимы съ 1850 на 1851 г. часто приходили ко мнѣ молодыя гризетки, плясали у меня и очень веселились. Въ концѣ зимы мое здо-

*) На полѣ копіи рукою Глинки карандашомъ написано: «Хоръ этотъ искаженъ отъ лѣности Кавоса, но у Д. В. Стасова желающіе могутъ найти вѣрный экземпляръ».

**) «Bravo, bravissimo!» Здѣсь, рукою Глинки, нарисована ослиная голова.

ровье начало очень разстраиваться, это происходило отчасти отъ куренія папиросокъ (что и прежде того мнѣ замѣчали нѣкоторыя знакомыя барышни), отчасти отъ венгерскаго вина, которое сильно бьетъ на нервы. Отъ того и другого я впослѣдствіи отсталъ совершенно.

Весною я также все какъ-то недомогалъ. Въ іюнѣ 1851 г. однажды послѣ обѣда я игралъ на фортепьяно, у меня сидѣлъ А. Л. Неваховичъ (бывшій въ то время въ Варшавѣ), онъ привезъ съ собою католическаго ксендза и итальянскаго maestro Ricci. Don Pedro прервалъ мою игру на фортепьяно: принесли мнѣ два письма изъ деревни, я попросилъ гостей, чтобы позволили мнѣ прочесть ихъ, прибавя, что разомъ два письма предвѣщаютъ недоброе. Дѣйствительно, я получилъ извѣстіе о кончинѣ моей матушки; она, какъ праведница, угасла отъ старости.

Извѣстіе это поразило меня, но я не плакалъ. На другой день послѣ обѣда въ большомъ и указательномъ пальцахъ правой руки, коими я взялъ роковыя письма изъ рукъ Pedro, въ то самое время, когда Pedro принесъ мнѣ ихъ наканунѣ, почувствовалъ я слабость и какъ бы ползаніе мурашекъ и чрезъ нѣсколько минутъ правая рука ослабѣла до того, что я не могъ почти владѣть ею. Докторъ мой, Морицъ Вольфъ, увѣрилъ меня однако же, что это было временное нервное раздраженіе—слова его впослѣдствіи оправдались.

Я первое время писать самъ не могъ, и съ величайшимъ затрудненіемъ подписывалъ свое имя. По моей просьбѣ Don Pedro увѣдомилъ сестру Людмилу о бѣдствіи меня постигшемъ; тогда же сестрѣ Людмилѣ съ ея мужемъ я далъ полную довѣренность на управленіе моихъ имѣній. Въ іюлѣ сестра Людмила пріѣхала ко мнѣ въ Варшаву; ея внимательная дружба несказанно утѣшила меня. Я нѣсколько ожилъ духомъ; мы распорядились по дѣламъ нашимъ сколько то было возможно. По отъѣздѣ сестры въ августѣ я передѣлалъ Potpourri изъ испанскихъ мелодій: Recuerdos de Castilla, развилъ пьесу и назвалъ ее испанской увертюрой № 2. Писать ноты мнѣ стоило менѣе труда, чѣмъ подписывать мое имя.

Въ тоже время началъ хлопотать о паспортѣ за границу и послалъ докторское свидѣтельство въ С.-Петербургъ съ прошеніемъ. Не получая разрѣшенія о паспортѣ и видя изъ писемъ

сестры Людмилы, что бумаги, сдѣланныя вслѣдствіе обдуманныхъ нами распоряженій, надобно было передѣлать, я рѣшился самъ ѣхать въ Петербургъ. Нанявъ почтовую карету (2-хъ-мѣстную) я, Don Pedro, Даніель и мой поваръ отправились изъ Варшавы въ началѣ сентября; погода была превосходная и мы доѣхали благополучно. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ погода начала портиться, а съ нею и мое здоровье. Гейденрейхъ прислужился мнѣ слабительнымъ, отъ котораго нервы мои разыгрались, а такъ какъ болѣзнь усиливалась, то я и рѣшился прибѣгнуть къ гомеопатическому доктору Жалю (Jal) *). Съ самаго начала леченія я почувствовалъ нѣкоторое облегченіе въ рукѣ.

Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ я переѣхалъ въ домъ Мелихова. В. П. Энгельгардтъ часто навѣщалъ меня и познакомилъ меня съ меньшимъ братомъ Вл. Стасова, Дмитр. Вас. Стасовымъ, очень образованнымъ молодымъ человѣкомъ и хорошимъ музыкантомъ. У меня на квартирѣ былъ хорошій фортепьяно, Энгельгардтъ прислуживался нотами и скоро мы завели тамъ играніе въ 4 руки.

Въ октябрѣ пріѣхала въ Петербургъ сестра Людмила; послѣ совѣщанія съ добрымъ нашимъ родственникомъ А. В. Казадаевымъ, сдѣланныя въ Варшавѣ бумаги оказались ненужными. Пришлось мнѣ съ несказаннымъ трудомъ (въ началѣ ноября) подписывать другіе документы. Сестра Людмила, пріѣхавъ въ Петербургъ, поселилась у В. И. Флёри. 17-го ноября, въ день рожденія своего она сдѣлала у себя вечеръ; на немъ объявила мнѣ, что она остается всю зиму со мною и что уже квартира ею нанята для насъ. Это дружеское участіе сестры тронуло меня до глубины души.

1-го декабря, мы съ сестрой переѣхали въ домъ Жукова на углу Невскаго проспекта и Владимірской улицы. Квартира была довольно удобна, залъ большой. Вскорѣ мы наняли 2 рояля у Мельцеля; впослѣдствіи Энгельгардтъ велѣлъ перенести къ намъ фортепьяно. Начали играть сперва въ 8, а потомъ и въ 12 рукъ. Сколько помнится, въ пятницу вечеромъ собирались участвовать въ этомъ дѣлѣ, а именно:

Дмитрій Стасовъ } 1 forte-piano.
А. Н. Сѣровъ }

*) «Жаль, что взялъ Жаля». Рукою Глинки.

В. П. Энгельгардтъ } 2 forte-piano.
К. П. Вильбуа }

Сверхъ того Дубровскій, переведенный еще до моего пріѣзда въ Петербургъ въ качествѣ профессора польскаго языка въ Педагогическомъ институтѣ, познакомилъ насъ съ прекраснымъ пьянистомъ и очень милымъ человѣкомъ, по имени De Santis.

Для игры въ 12 рукъ Энгельгардтъ доставлялъ потребныхъ на то музыкантовъ и самъ прилежно перекладывалъ на 12 рукъ преимущественно изъ моихъ оперъ.

Вообще жилось довольно мило и пріятно; но здоровье шло хуже и хуже. Я совершенно лишился аппетита и почти въ теченіи декабря ничего не ѣлъ. Причиною этого жестокаго разстройства желудка полагаю, что, начавъ лечиться гомеопатически, мнѣ вздумалось (не знаю по чему) пить воду, ѣсть холодныя кушанья и пр. Это болѣзненное состояніе продолжалось до 21 января 1852 г. и ночью разразилось жесточайшимъ и мучительнымъ разстройствомъ желудка (colique); рвота и жестокій (почти кровавый) поносъ терзали меня день и двѣ ночи.

Гейденрейхъ, призванный на помощь Жалю (котораго я оставилъ; съ тѣхъ поръ французскимъ докторамъ рѣшительно не довѣряю), въ недѣлю меня спасъ отъ опасности, которая мнѣ угрожала.

Когда я нѣсколько поправился, по просьбѣ Львова, я занялся приготовленіемъ пѣвчихъ (большихъ), которые должны были участвовать въ исполненіи его Молитвы у креста (Stabat mater). Въ тотъ годъ (1852) былъ 50-ти-лѣтній юбилей филармоническому обществу; нѣмцы хотѣли дать пьесу и моего сочиненія. Гр. Мих. Юр. Віельгорскій и Львовъ вытѣснили меня; негодованія съ моей стороны не было и, какъ сказано выше, я училъ и кормилъ пѣвчихъ.

28 февраля былъ у насъ большой музыкальный вечеръ, производили въ особенности аріи Глюка съ гобоями и фаготомъ, оркестръ замѣняло фортепьяно. Глюкъ тогда еще больше произвелъ на меня впечатлѣніе—изъ его музыки слышанное мною въ Варшавѣ не могло еще мнѣ дать о немъ столь ясное понятіе.

Въ мартѣ, когда я началъ оправляться еще болѣе, посѣтилъ я, въ обществѣ Энгельгардта и Гейденрейха, оранжереи императорскія на Аптекарскомъ островѣ. Мое мнѣніе, что они лучше

устроены и богаче большими пальмами и другими тропическими растеніями, нежели парижскія оранжереи (serres) въ Jardin des plantes въ Парижѣ.

Въ апрѣлѣ сестра устроила (именно сестра, а не я) 2-ой концертъ для филармоническаго общества. Участвовала Шиловская и пѣла нѣсколько моихъ пьесъ. Оркестръ исполнилъ испанскую увертюру № 2 (A-dur) и Камаринскую, которую я тогда слышалъ въ первый разъ. Ѳ. М. Толстой (Ростиславъ) былъ на репетиціи и именно на этой-то репетиціи была рѣчь о томъ, какъ онъ объяснилъ е. и. в. государынѣ императрицѣ (нынѣ вдовствующей) значеніе педалей на Fis и на Do въ заключеніи (Pérorаison). Знаменитый нашъ критикъ по глубокому пластическому воззрѣнію не нашелъ ничего лучше и умнѣе какъ только то, что пьяный-де толчется въ дверь.

Къ пасхѣ по желанію сестры я написалъ первоначальную польку (такъ она названа въ печати *). Эту польку я игралъ въ 4 руки съ 40-го года, написалъ же ее въ апрѣлѣ 1852 года.

На вечерѣ, который устроилъ для меня к. Одоевскій въ томъ же апрѣлѣ мѣсяцѣ и гдѣ находились многіе изъ моихъ знакомыхъ, въ присутствіи ихъ графъ М. Ю. Віельгорскій началъ трунить надо мною, но я отъ него преловко отдѣлался.

Въ концѣ апрѣля былъ также (à mon intention) вечеръ у Новосельскаго (онъ былъ уже женатъ). На немъ повторили съ фаготомъ и гобоемъ часть пьесъ, исполненныхъ на нашемъ вечерѣ 28 февраля.

Въ маѣ былъ (à mon intention) вечеръ у к. Мих. Волконскаго, играли квартеты, были на вечерѣ: Шубертъ, Шерингъ и Белингъ.

У насъ два раза былъ Шубертъ и играли квартеты.

Около половины мая (20 мая) сестра поѣхала со мною, Д. А. Шестаковымъ и А. Н. Сѣровымъ на биржу. Эль (которымъ, по нашему желанію, сестра угощала насъ) произвелъ совершенно различное дѣйствіе: я (противу обыкновенія) сохранилъ екилибръ (равновѣсіе), Д. А. сдѣлался чрезвычайно веселъ и разговорчивъ, у словоохотника же А. Н. Сѣрова языкъ прилипъ

---

*) «Изданіе прескверное и невѣрное!» Пр. Глинки.

къ гортани. 21 мая (день моего ангела) я выпустилъ въ Лѣтній садъ 2 пѣночки и юлку, которыя потѣшали меня весною. Позавтракавъ у Donon, мы съ сестрою провели день въ Царскомъ Селѣ; къ ужину вечеромъ собрались пріятели, т. е. наша компанія.

ПЕРІОДЪ XV.

Третье путешествіе за границу и возвращеніе въ Россію.

23 мая, сестра и пріятели проводили меня за границу съ Don Pedro. Мы отправились въ почтовой каретѣ до Варшавы. На другой день путешествія мы взяли въ свою карету довольно красивую барыню. Ея общество доставило мнѣ нѣсколько развлеченія во время путешествія и я сочинилъ ей маленькую мазурку въ родѣ Chopin—эта мазурка понравилась въ Варшавѣ и Парижѣ.

Изъ Варшавы, гдѣ мы не долго оставались, мы отправились на Ченстоховъ и Бреславль въ Берлинъ. Въ день пріѣзда въ Römischen Hotel утромъ былъ у меня Мейерберъ—между прочимъ онъ сказалъ мнѣ: «Comment se fait-il, M-r Glinca, que nous vous connaissons tous de réputation, mais nous ne connaissons pas vos oeuvres?»—«Cela est très naturel, lui ai-je répondu, je n'ai pas l'habitude de colporter mes productions». Впрочемъ, Мейерберъ чрезвычайно обходителенъ и любезенъ. Денъ показывалъ мнѣ все примѣчательное. Я хорошо осмотрѣлъ музеумъ и звѣринецъ. Денъ угощалъ меня также квартетами и мозельвейномъ.

Изъ Берлина, переночевавъ въ Ганноверѣ, на другой день пріѣхали мы въ Кёльнъ. Провели тамъ сутки и видѣли катедраль;—жаль, что его возобновляютъ и достраиваютъ: тоже, да не тоже. Изъ Кёльна ѣхали мы вверхъ по Рейну до Страсбурга. Милое путешествіе.

Оставшись нѣсколько дней въ Страсбургѣ, мы осмотрѣли катедраль и видѣли знаменитые часы. Желѣзная дорога между Парижемъ и Страсбургомъ не была еще окончена и мы часть пути мучились въ дилижансѣ. Дилижансы во Франціи дѣйствительно мучительны, ихъ грузятъ ужасно, а сидѣть пассажирамъ тѣсно, притомъ же гг. кондукторы большіе невѣжи; пробывъ нѣсколько часовъ въ Nancy (весьма опрятненькомъ городѣ) по желѣзной дорогѣ рано, на другой день, прибыли въ Парижъ.

Не безъ удовольствія въѣхалъ я въ Парижъ; много, много

прежняго, былого отозвалось въ душѣ моей. Я поселился въ Hotel de la marine, гдѣ останавливался прежде и гдѣ нашелъ знакомыя лица.

Вскорѣ отыскались знакомые: Henry Merimée (котораго статья о Жизни за Царя приведена мною въ концѣ 3-й части этихъ записокъ), съ которымъ, посредствомъ Мельгунова, по поводу этой статьи я познакомился еще въ 1845 г. зимою. Я уже тогда съ нимъ сблизился дружески, въ 1852 году лѣтомъ онъ былъ въ Парижѣ и съ нимъ осматривали Hotel de Cluny, музеумъ и также древнія улицы Парижа.

Пріѣхалъ на короткое время въ Парижъ Д. А. Шестаковъ, и мы съ нимъ въ теченіи 2-хъ дней были неразлучны и съ дѣтскимъ веселіемъ беззаботно предавались разнообразнымъ парижскимъ удовольствіямъ.

Такъ какъ цѣль моей поѣздки была Андалузія, а именно: Севилья, то въ іюлѣ мы отправились въ Chalon sur Saône по желѣзной дорогѣ. Мы выѣхали вечеромъ; ночью во время переѣзда нѣсколько часовъ я мучился отъ нервнаго ощущенія замиранія со страхомъ, подобнаго тому, которое испыталъ въ 1847 году въ Новоспасскомъ и Смоленскѣ.

Къ утру страданія унялись и мы по Сонѣ (Saône) на пароходѣ отправились въ Ліонъ, гдѣ переночевали. Несмотря на живописное мѣстоположеніе Ліона, послѣ мучительныхъ страданій прошедшей ночи, я былъ въ какомъ-то непріятномъ онѣмѣніи. Изъ Ліона по Ронѣ (Rhône) на пароходѣ же отправились въ Avignon, куда прибыли часовъ въ 5 пополудни. Берега Роны не столь живописны, какъ Рейна, а всѣ способы путешествія во Франціи въ то время были несравненно неудобнѣе, чѣмъ въ Германіи.

Въ Авиньонѣ осмотрѣли мы бывшій папскій дворецъ, обращенный теперь въ казармы; подлѣ дворца сдѣлано между скалъ съ большимъ вкусомъ гулянье; насажены между голыхъ камней вѣчно зеленыя деревья. Это гулянье ведетъ къ террасѣ, съ которой представляется превосходная панорама: подъ ногами (à vol d'oiseau) большая часть города; Рона, раздѣленная на нѣсколько рукавовъ; вдали съ одной стороны чуть виднѣлись Альпы, съ другой Пиренеи.

Мы долго любовались этой панорамой. На другой день ут-

ромъ, въ Авиньонѣ, гдѣ мы переночевали, возобновилось нервное раздраженіе съ ужаснѣйшею силою. Я принялъ гомеопатическое Ignatia и успокоясь нѣсколько, послѣ завтрака, отправились мы по желѣзной дорогѣ въ Bocaire, гдѣ тогда была ярмарка; но мнѣ тогда было не до ярмарки, ни до Воклюза, я спѣшилъ въ Монтпелье и Тулузу, чтобы скорѣе добраться до Испаніи. Судьба опредѣлила иначе.

Монтпелье, который очень хвалятъ, мнѣ не понравился вовсе, равно какъ и гулянье, называемое Peyron. Въ дилижансѣ изъ Montpellier въ 24 часа пріѣхали мы въ Тулузу, гдѣ остановились въ извѣстномъ уже намъ Hotêl Cosset tenu par Chaubart.

Мы пробыли тамъ около двухъ недѣль, въ продолженіи коихъ я страдалъ ежедневно. Въ Тулузѣ познакомились мы съ Emile Delille, съ которымъ часто видались въ Парижѣ. Онъ былъ образованъ, услужливъ, но гасконецъ.

Безпрерывное страданіе отвратило меня отъ намѣренія ѣхать въ Испанію и я рѣшился возвратиться въ Парижъ, а чтобы путешествовать покойнѣе, я приказалъ нанять крытую коляску и мы на почтовыхъ безъ малаго въ двое сутокъ доѣхали до Poitier, оттуда по желѣзной дорогѣ въ Tour, на другой день въ Blois, на третій въ Orléans, на четвертый въ Парижъ. По причинѣ дурной погоды и сквернаго расположенія духа я не видалъ зàмковъ: Chambord и Chenonceaux; берега Лоары показались мнѣ менѣе живописными, нежели берега Сены; за вѣрность этого мнѣнія не отвѣчаю.

Въ Парижъ мы возвратились 15 августа день св. Наполеона; всѣ Hotêls были полны; въ Hotêl de la marine, гдѣ мы остановились, не было комнаты и мы переночевали въ столовой, кто на диванѣ, кто на столѣ. Мы вскорѣ нашли удобную квартиру въ Rue Rossini подлѣ большой оперы (Académie de musique), эта квартира была на солнцѣ и слѣдственно веселенькая. Въ томъ же домѣ мы отыскали молодую женщину m-me Jean, которая убирала наши комнаты и готовила намъ кушанье. Въ томъ же домѣ жила старушка m-me Beaucé, она была чрезвычайно живого и веселаго нрава, учила музыкѣ и весьма не дурно. Дочь ея m-me Идолде была первой пѣвицей въ opéra comique. Вскорѣ по переѣздѣ нашемъ въ Rue Rossini мы

познакомились съ m-me Beaucé и она однажды вечеромъ собрала у насъ въ залѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ ученицъ, которыя впослѣдствіи осенью и зимою приходили постоянно заниматься со мною пѣніемъ, итальянскимъ въ особенности.

Сентябрь былъ превосходный и я поправился до такой степени, что принялся за работу. Заказалъ себѣ партитурной бумаги огромнаго размѣра и началъ писать симфонію украинскую (Тарасъ Бульба) на оркестръ. Написалъ первую часть перваго Allegro (C-moll) и начало второй части, но не будучи въ силахъ или расположеніи выбиться изъ нѣмецкой колеи въ развитіи, бросилъ начатый трудъ, который впослѣдствіи Don Pedro истребилъ *).

Въ концѣ октября погода стала портиться и чтобы избѣгнуть скуки, съ содѣйствіемъ Don Pedro отыскалась молодая миловидная няня, по имени Léonie, сокращеннѣе Ninie.

Ей было лѣтъ 19 отъ роду, родомъ была она изъ департамента Jura (что̀ нѣсколько часовъ отъ Женевы), была болѣе похожа на швейцарку и отличалась особенною свѣжестью лица. Она была смирна, но плоховата. Впрочемъ, зиму съ 1852 на 1853 г. я провелъ хорошо, домосѣдно, тихо и довольно пріятно. По утрамъ топили каминъ въ залѣ, и передъ завтракомъ у насъ было похоже на Cabinet de lecture; каждый сидѣлъ за своею книгою; послѣ завтрака почти ежедневно приходила одна изъ ученицъ m-me Beaucé. Въ 5-мъ часу мы обѣдали, иногда обѣдать приходили къ намъ пріятели, а вечеръ также не оставались мы одни.

Въ эту зиму прочелъ я, по указанію Henry Merimée: Иліаду и Одиссею Гомера (переводъ прозою m-me Dacier); почти всего Овидія. Emile Delille (съ которымъ мы познакомились въ Тулузѣ) поселился въ Парижѣ и снабжалъ меня книгами изъ своей библіотеки. Онъ далъ мнѣ превосходное изданіе Овидія съ прекрасными гравюрами и Неистоваго Роланда Аріосто, который мнѣ очень понравился. Въ музыкальномъ отношеніи было не много примѣчательнаго. Вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Парижъ, Henry Merimée познакомилъ насъ въ семействѣ m-r Duport; тамъ собирались иногда по вечерамъ любите-

*) «Хорошъ былъ баринъ». Прим. М. И. Глинки.

ли и любительницы музыки и пѣли очень ловко разные morceaux d'ensemble.

Театръ посѣщалъ я рѣдко по причинѣ той, что парижане нещадно душатся и въ театрахъ атмосфера невыносимая. Я слышалъ однакоже 2 раза въ opéra comique Іосифа Мегюля, очень хорошо исполненнаго, т.-е. безъ всякихъ вычуръ и такъ опрятно, что несмотря на то, что Іосифъ и Симеонъ были плоховаты, исполненіе этой оперы тронуло меня до слезъ. Bussine въ роли Іакова былъ превосходенъ.

Волковъ прислужился Ninie и мнѣ ложею въ opéra comique на первое представленіе оперы Обера Marco Spada. Начало увертюры чрезвычайно мило и обѣщало много хорошаго; но Allegro увертюры и музыка оперы оказались весьма неудовлетворительными.

Волковъ былъ абонированъ на концерты въ парижской консерваторіи, ему было извѣстно невыгодное мое мнѣніе о вычурномъ способѣ исполненія въ этихъ концертахъ, въ особенности Бетховенской музыки. Онъ пожертвовалъ мнѣ однимъ концертомъ единственно для того, чтобы я повѣрилъ прежнее впечатлѣніе. Между прочимъ давали въ тотъ концертъ 5-ю симфонію Бетховена (C-moll); исполненіе нашелъ я совершенно такимъ же, какъ и прежде, т.-е. очень вычурнымъ; pp доходили до нелѣпой Рубиневской степени, а гдѣ мало-мальски надлежало выходить духовымъ, они жеманно рисовались; однимъ словомъ, симфоніи Бетховена не было (elle a été complétement escamotée). Другія же пьесы, какъ хоръ дервишей изъ Аѳинскихъ развалинъ Бетховена и симфонія Моцарта, исполнены были отчетливо и весьма удовлетворительно.

Зимою съ 1852 на 1853 г. часто посѣщалъ меня Steiner, женатый на старшей дочери m-me Beaucé, нерѣдко бывалъ сынъ ея Henry Beaucé, весьма молодой мальчикъ, хорошій музыкантъ; онъ не дурно пѣлъ, хотя нѣсколько въ носъ, высокимъ теноромъ. Steiner смѣшилъ насъ различными фарсами.

Въ началѣ весны Ninie уѣхала къ роднымъ, я также собирался въ обратный путь, мало-по-малу здоровье мое снова начало портиться и мнѣ начало быть скучно въ Парижѣ. Возникъ восточный вопросъ; это обстоятельство еще болѣе увеличило желаніе возвратиться во-свояси и нѣтъ сомнѣнія, что я

бы уѣхалъ изъ Парижа, если бы нашелъ содѣйствіе въ этомъ намѣреніи со стороны моего товарища Don Pedro, который рѣшительно пристрастился къ Парижу и оказывалъ уже нѣкоторое сопротивленіе. Съ другой стороны, меня пугала желѣзная дорога и я изыскивалъ другой способъ путешествовать; поручилъ мужу нашей кухарки, m-me Jean, опытному въ кучерскомъ дѣлѣ человѣку, развѣдать, нельзя ли дешево пріобрѣсть подержанную 2-хъ-мѣстную карету и будутъ ли еще почтовыя лошади къ услугамъ ѣдущимъ въ собственныхъ экипажахъ. Пріобрѣтеніе кареты оказалось возможнымъ, но почтовыя лошади по всѣмъ направленіямъ желѣзной дороги уже не существовали. Это меня ввергло въ непріятное положеніе; съ разстроеннымъ желудкомъ и раздраженными нервами я не зналъ, на что рѣшиться. Между тѣмъ подвернулась мнѣ бойкая и веселонравная, довольно миловидная, молоденькая гризетка изъ Бордо. Мы перешли изъ rue Rossini въ концѣ апрѣля въ rue Richer № 43, въ квартиру чрезвычайно удобно расположенную и вновь очень опрятно меблированную. Нашлась подлѣ нашей квартиры маленькая квартирка и для Амаліи, такъ звали мою бордолезку. По просьбѣ нашей m-me Coupé (отдававшая намъ въ наемъ квартиру, жена d'un tapisier), женщина пріятныхъ свойствъ, отрекомендовала намъ для услуженія и, какъ кухарку, индіанку (Indienne) Zoé изъ Pondichery. Зоѣ было подъ 40 лѣтъ, она была маленькая, очень смуглая, почти коричневаго цвѣта женщина, голосъ ея былъ совершенно дѣтскій. Она была чрезвычайно чистоплотна, готовила кушать хорошо, а жарила на вертелѣ въ совершенствѣ. Хотя восточный вопросъ разгорался все болѣе и болѣе и я тогда же предвидѣлъ, что онъ доведетъ до войны; несмотря также на то, что я часто страдалъ желудкомъ и нервами; не взирая, прибавлю, и на то, что это страданіе и печальныя размышленія довели меня до тоски по отчизнѣ (Nostalgie); несмотря на то, я не бралъ доктора, по справедливости опасаясь шарлатановъ французскихъ и другихъ; не мало было и отрадно-разнообразныхъ минутъ.

Раннею весною пріѣхалъ кн. Алексѣй Дм. Салтыковъ изъ Египта въ Парижъ. Я съ нимъ былъ давно знакомъ, а въ теченіи 1853 г. мы съ нимъ часто дружески видались. Нерѣдко въ началѣ весны, когда еще почти не было зелени, ѣзжали мы

въ Bois de Boulogne и позже лѣтомъ нерѣдко обѣдали и проводили время вмѣстѣ. Онъ художникъ въ душѣ — дипломатъ (черезъ-чуръ вѣжливый по наружности). Садъ des Tuilleries превосходенъ весною: яркая зелень дикихъ каштановъ (marroniers), сирени въ полномъ цвѣту — но въ особенности рой миловидныхъ, уже ловкихъ и мило одѣтыхъ дѣтей, дѣвочекъ въ особенности, нравится и привлекаетъ.

Амалія иногда веселила, но чаще докучала мнѣ своею излишнею живостію. Она уѣхала въ Бордо около начала іюня. До ея отъѣзда случайно отыскалась одна наша знакомая испанка, по обратному путешествію нашему изъ Севильи въ Мадридъ въ 1847 г. Антонія была очень хорошенькая, рѣзвая и веселая андалузка; къ сожалѣнію она скоро уѣхала обратно въ Испанію.

Adeline Н., изрѣдка навѣщавшая Амалію модистка, по моему приглашенію посѣщала меня часто, а лѣтомъ переѣхала ко мнѣ въ качествѣ няни. Ей было подъ 30 лѣтъ, она была пріятная, довольно благовоспитанная и очень грамотная барышня.

Однажды въ исходѣ лѣта, возвратясь изъ утренней прогулки, я засталъ Мейербера въ нашей гостиной съ Don Pedro. Съ свойственной ему любезностію, Мейерберъ говорилъ о разныхъ предметахъ; спросилъ объ изданіи моихъ оперъ; я показалъ ему печатные экземпляры, бывшіе со мною «Жизни за Царя» и «Руслана». Рѣчь зашла о Глюкѣ и на вопросъ мой, производитъ ли музыка его эффектъ на сценѣ? Мейерберъ отвѣчалъ мнѣ, что именно на сценѣ только Глюкъ становится великимъ (grandiose). Онъ обѣщалъ мнѣ при моемъ отъѣздѣ дать знать въ Берлинъ заблаговременно и похлопотать о томъ, чтобы одну изъ Глюковыхъ оперъ дали для меня. Въ Берлинѣ—въ то время были на сценѣ 4 оперы Глюка: двѣ Ифигеніи, Армида и Альцеста. Отъ Глюка перешли мы къ другимъ классическимъ композиторамъ, при чемъ я высказалъ мой взглядъ на искусство. «Mais vous êtes très difficile!» сказалъ мнѣ Мейерберъ; «j'en ai complétement le droit, отвѣчалъ я ему, je commence par mes propres œuvres, dont je suis rarement content».

Послѣ этого раза я не встрѣчался съ Мейерберомъ; зимою или къ веснѣ онъ поставилъ въ Opéra comique оперу: l'É-

toile du Nord; я ее не слыхалъ и негодовалъ за то, что въ ней выведенъ Петръ I-й весьма непочтительно.

Въ концѣ лѣта 1853 г. египетскій паша прислалъ императору французовъ молодого бегемота (Hippopotame); стеченіе въ Jardin des plantes было такое, что мы съ Pedro долго не могли увидѣть этого любопытнаго звѣря. Былъ также привезенъ троглодитъ (Chimpansé), хотя не большой, но настоящей породы. Въ лѣтніе мѣсяцы онъ сидѣлъ въ большой клѣткѣ, гдѣ оставили немного обезьянъ, съ которыми онъ выдѣлывалъ удивительнѣйшія проказы.

Кромѣ посѣщенія Jardin des plantes и прогулокъ по окрестностямъ, я любилъ иногда угощать соотечественниковъ обѣдомъ у себя. Каждый новопріѣзжій пріятель непремѣнно, по моему настоятельному требованію, являлся ко мнѣ на обѣдъ. Я самъ съ Зоею ходилъ выбирать плоды и умѣлъ очень ловко распоряжаться.

Въ глубокую осень поставили въ моей спальнѣ калориферъ, который былъ такъ хорошъ, что въ зимнее время, когда морозило, несмотря на то, что не было двойныхъ оконъ, мнѣ было тепло; нѣкоторые знакомые снимали даже сюртуки и галстухи въ моей спальнѣ.

Несмотря на это, я хворалъ всю зиму, вѣроятно отчасти оттого, что курилъ папиросы, несмотря на неоднократныя предостереженія Аделины, справедливо замѣчавшей, что куреніе табаку мнѣ вредило. Зиму всю я сидѣлъ дома и хандрилъ. Аделина читала бойко и отчетливо. Она прочла мнѣ почти всего Paul de Kock, Тысяча одну ночь (жаль, что я не читалъ этихъ сказокъ, до сочиненія моей оперы Русланъ!) и Décameron Боккачіо. Серьезнымъ чтеніемъ и дѣломъ я не былъ расположенъ заниматься.

Вскорѣ по объявленіи войны Россіи съ Франціею, я съ Pedro уѣхалъ изъ Парижа, навѣстивъ передъ отъѣздомъ Jardin des plantes, какъ любимое мною мѣсто. Какъ было тепло и пріятно въ этомъ чудесномъ саду—цвѣли плодоносныя деревья и магноліи. Въ ночь передъ самымъ выѣздомъ у меня сдѣлалось сильное разстройство желудка, несмотря на это утромъ на другой день я выѣхалъ по сѣверной желѣзной дорогѣ.

Это было въ началѣ апрѣля 1854 г. по новому стилю.

Аделина провожала меня до желѣзной дороги. Вечеромъ въ 10 часовъ мы прибыли благополучно въ Брюссель и остановились въ Hôtel de Suède.

Намъ подали ужинать, но, послѣ бывшаго со мною разстройства желудка, я не могъ рѣшительно ѣсть, притомъ же трактирная пища мнѣ показалась очень нехорошею.

На другой день братъ Henry Beaucé пригласилъ меня съ Pedro обѣдать; я ничего не ѣлъ, но не отказался отъ превосходныхъ винъ, которыми онъ угощалъ насъ. Вечеромъ мы были въ театрѣ и порядкомъ посмѣялись—давали пьесу, которая относилась къ тогдашнему политическому вопросу. На третій день пріѣзда въ Брюссель я посѣтилъ семейство Фейгенъ. Одна изъ барышень была невѣстой Дамке, съ которымъ я тогда познакомился. Мы были въ мастерской очень талантливаго, но крайне сумасброднаго живописца, имени не упомню. Его картины произвели на меня крайне непріятное впечатлѣніе. Вечеромъ того дня съ семействомъ Фейгенъ мы отправились къ одному бельгійскому любителю музыки. На вечерѣ были тамъ скрипачъ Leonard съ женою и Серве. По моей просьбѣ исполнили тріо D-dur Бетховена; на фортепьяно игралъ очень хорошо, т.-е. просто (не вычурно) и отчетливо самъ хозяинъ, на скрипкѣ Leonard, на віолончелѣ, не знаю кто, только не Серве, который не игралъ вовсе, а важничалъ и между прочимъ пригласилъ меня къ себѣ въ помѣстье поохотиться.

Когда я по окончаніи тріо сталъ благодарить хозяина, онъ, указывая на Серве и на другихъ, находившихся тамъ виртуозовъ, сказалъ мнѣ: «Ce sont tous mes amis, mais je ne les aime pas».

На Кёльнъ и Ганноверъ по желѣзной дорогѣ, мы проѣхали въ Берлинъ. Меня до крайности размололо, мы ѣхали avec la grande vitesse.

Съ радостію я увидѣлъ Дена, который угощалъ меня квартетами, Гайдна въ особенности. Не былъ забытъ и мозельвейнъ. Здоровье мое было разстроено; погода сдѣлалась очень сурова; но я перемогался, вспомнилъ что даютъ Глюка на театрѣ и рѣшился, несмотря на недугъ, услышать одну изъ его оперъ. По совѣту Дена я обратился къ издателю Шлезингеру, который съ израильскою услужливостью представилъ меня директору театровъ, который принялъ меня ласково и обѣщалъ мнѣ

свое содѣйствіе. Кромѣ меня былъ въ Берлинѣ пріѣзжій композиторъ изъ нѣмцевъ (имени не упомню), который также, какъ и я, желалъ слышать одну изъ оперъ Глюка. По совѣту Шлезингера я былъ у первой пѣвицы г-жи Кёстеръ. Съ разрѣшенія короля дали наконецъ Армиду. Эффектъ на сценѣ этой музыки превзошелъ мои ожиданія; сцена въ очарованномъ лѣсу D-dur съ сурдинами очаровательна. Сцена 3-го дѣйствія съ ненавистью (большая сцена, какъ ее называютъ нѣмцы) необыкновенно величественна. Г-жа Кёстеръ помоему была хороша, пѣла вѣрно, играла умно; стройный ея станъ чрезвычайно хорошо шелъ къ ролѣ. Оркестръ помоему лучше несравненно, чѣмъ въ парижской консерваторіи—играли безъ вычуръ, но отчетливо—полнота этого оркестра была болѣе чѣмъ удовлетворительна: двѣнадцать 1-хъ, двѣнадцать 2-хъ скрипокъ, 8 альтовъ, 7 віолончелей и столько же контрбасовъ, духовыхъ по два инструмента. Обстановка очень хорошая (Zweckmässig), сады изъ ландшафтовъ Клодъ Лорена, балетъ и прочее. Это было 74-е представленіе Армиды и театръ былъ полонъ.

Я былъ также въ Singverein въ страстную пятницу; давали Tod Jesu Грауна, пѣли не дурно—оркестръ былъ слабъ, а музыка еще слабѣе.

Въ Варшаву я пріѣхалъ благополучно и остался тамъ лишнюю недѣлю по причинѣ опухоли правой ноги (вѣроятно отъ тѣсныхъ парижскихъ сапогъ). Корсакъ, поэтъ Вольскій и Н. Волковъ, который былъ сдѣланъ директоромъ Штукъ-пенкныхъ, часто навѣщали меня; послѣдній далъ мнѣ на время свой pianino.

Вольфъ успокоилъ меня на счетъ ноги; благодаря кн. А. М. Голицына (директора почтъ въ Варшавѣ) 11 мая въ почтовой каретѣ мы отправились въ С.-Петербургъ, куда прибыли благополучно 16 мая 1854 г. рано по утру; я вздремнулъ, а Pedro, узнавши адресъ сестры въ Царскомъ Селѣ, полусоннаго перевезъ меня въ Царское, гдѣ я нашелъ сестру Людмилу Ивановну и маленькую крестницу племянницу Оленьку въ вожделѣнномъ здравіи.

КОНЕЦЪ.

ИМПЕРАТОРСКІЕ СОВѢТЫ ВЪ РОССІИ ВЪ XVIII ВѢКѢ.

(По поводу изданія: «Архивъ Государственнаго Совѣта». Томъ I: Совѣтъ въ царствованіе императрицы Екатерины II-й).

Въ концѣ прошлаго года вышелъ первый томъ правительственнаго изданія: „Архивъ Государственнаго Совѣта", заключающій, въ двухъ книгахъ, систематическое извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта, бывшаго въ царствованіе Екатерины II. Это новое пріобрѣтеніе русской исторической литературы знакомитъ съ почти неизвѣстнымъ до сихъ поръ важнымъ матеріаломъ. Вообще въ послѣднее время успѣхами своими русская исторія обязана разработкѣ архивныхъ матеріаловъ въ отдѣльныхъ историческихъ сочиненіяхъ, въ описаніяхъ архивовъ, и въ изданіи документовъ, въ нихъ хранящихся. Дѣло обѣщаетъ идти успѣшно, и надобно надѣяться, что будущіе изслѣдователи не будутъ встрѣчать тѣхъ трудностей, какія испытывали и испытываютъ еще теперь архивные труженики, когда, напримѣръ, они должны догадываться, что реестръ малороссійскимъ дѣламъ они могутъ найти въ реестрѣ дѣлъ новогородскихъ, дѣла Пскова и Новгорода въ дѣлахъ шведскихъ, событія астраханскія въ дѣлахъ персидскихъ; когда ученый, просмотрѣвъ хронологическій реестръ извѣстныхъ матеріаловъ и обработавъ по нимъ сочиненіе, приходитъ въ отчаяніе, увидавъ случайно, что въ реестрѣ послѣ 1680 года снова идетъ 1650 и слѣдующіе годы; когда реестръ обманываетъ ученаго, выставляя заглавіе только перваго дѣла въ связкѣ, дѣла для него не важнаго, тогда какъ въ связкѣ находится много другихъ дѣлъ важныхъ; когда для избѣжанія подобнаго обмана ученый долженъ развернуть громадное такъ-называемое колесо, т.-е. столбецъ, перебитый и перебивающійся подъ его руками, при чемъ глаза, ротъ и носъ наполняются желтоватымъ порошкомъ, польза котораго для здоровья должна быть опредѣлена медиками. Изъ сказаннаго, кажется, ясно, что первое дѣло, необходимое для успѣховъ разработки русской исторіи, это приведеніе въ порядокъ архивовъ, составленіе вѣрныхъ описей и изданіе ихъ, при чемъ не требуется большихъ подробностей, ибо спеціалистъ, для котораго это дѣло собственно важно, не удовлетворится подробнымъ изложеніемъ, захочетъ непремѣнно самъ видѣть документъ, удостовѣриться, не опущено ли чего-нибудь для него важнаго. Изданіе самыхъ документовъ, заключающихся въ архивахъ, должно быть уже на второмъ планѣ, представляетъ гораздо менѣе пользы. Пестрые сборники, заключающіе въ себѣ болѣе или менѣе важные документы, иногда вмѣсто облегченія затрудняютъ изслѣдователя, тѣмъ болѣе,

что, къ несчастію, онъ не можетъ положиться на вѣрность изданія и такимъ образомъ не освобождается отъ обязанности обращаться къ подлиннику: такъ, напримѣръ, прочтя напечатанный актъ первой важности, въ которомъ говорится о невыгодномъ для Россіи прусскомъ договорѣ, ученый будетъ долго думать и искать, какой это прусскій договоръ, пожалуй, сдѣлаетъ и очень остроумныя предположенія, тогда какъ въ подлинникѣ стоитъ не прусскій, а прутскій договоръ! Для неспеціалистовъ же, а для охотниковъ только—документы часто теряютъ свое значеніе по своей отрывочности; люди неопытные прокричатъ: „ахъ какой важный документъ, проливающій новый свѣтъ“! а на дѣлѣ выходитъ, что свѣта никакого нѣтъ, ибо нѣтъ посредствующихъ звеньевъ, и одинокій фактъ ведетъ къ одностороннему выводу. Исключенія составляютъ: 1) Собраніе и изданіе документовъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ на огромныхъ пространствахъ: такъ, безспорную пользу принесло и приноситъ изданіе матеріаловъ, собранныхъ Археографическою экспедиціею, при чемъ остается только жалѣть, что подобныя экспедиціи не возобновляются; 2) изданіе тѣхъ архивныхъ документовъ, которые, по ветхости, грозятъ скорымъ уничтоженіемъ и не должны выдаваться для пользованія, ибо самый благонамѣренный ученый, противъ желанія, унесетъ частицу ихъ на пальцахъ; 3) изданіе документовъ, находящихся въ частныхъ рукахъ, изданіе цѣлыхъ фамильныхъ архивовъ, возможное по относительной немногочисленности содержащихся въ нихъ документовъ; 4) полное изданіе документовъ, относящихся къ какому-нибудь историческому лицу или событію, или представляющихъ дѣятельность цѣлаго учрежденія, напр. изданіе всѣхъ документовъ, относящихся къ патріарху Никону, или изданіе документовъ, относящихся къ Екатериненской Коммисіи объ Уложеніи, или наконецъ изданіе протоколовъ Государственнаго Совѣта, которое побудило насъ писать настоящую статью.

Изданіе начато протоколами Совѣта въ царствованіе Екатерины II. Но что̀ это за совѣтъ въ царствованіе Екатерины II? Для объясненія этого явленія намъ надобно обратиться нѣсколько назадъ и посмотрѣть, не было ли чего-нибудь подобнаго въ предшествовавшія царствованія. При Петрѣ Великомъ былъ Тайный Совѣтъ съ чрезвычайными собраніями членовъ, первостепенныхъ сановниковъ государства (оттуда и чинъ тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ); Совѣтъ имѣлъ цѣлію обсужденіе важнѣйшихъ дѣлъ внѣшней политики. Учрежденіе при Екатеринѣ I Верховнаго Тайнаго Совѣта для обсужденія важнѣйшихъ дѣлъ внѣшнихъ и внутреннихъ, естественно упраздняло петровскій Тайный Совѣтъ. Уничтоженіе Верховнаго Тайнаго Совѣта при императрицѣ Аннѣ, возстановленіе значенія Сената,

какое онъ имѣлъ при Петрѣ Великомъ, естественно вело и къ возстановленію петровскаго тайнаго совѣта по дѣламъ иностраннымъ, которыя по преимуществу считались тайными. Учрежденіе кабинета при Аннѣ не упраздняло чрезвычайныхъ собраній тайнаго совѣта, которыя, въ противуположность собраніямъ кабинетъ-министровъ, назывались генеральными собраніями: такъ, 22 февраля 1733 года, по указу ея величества, было въ кабинетѣ генеральное собраніе, присутствовали министры, сенатъ и генералитетъ, а именно: канцлеръ графъ Головкинъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ фонъ-Минихъ, дѣйствительные тайные совѣтники: вице-канцлеръ графъ Остерманъ, князь Черкасскій, генералъ Ушаковъ, дѣйствительные тайные совѣтники: князь Трубецкой, баронъ фонъ-Минихъ, вице-адмиралъ графъ Головинъ, тайный совѣтникъ графъ Головкинъ, и, по выслушаніи реляціи, присланной изъ Польши отъ камергера графа фонъ-Левенвольда, разсудили слѣдующее: 1) по русскимъ интересамъ, Лещинскаго и другихъ, которые зависятъ отъ короны французской и шведской и слѣдовательно отъ турецкой, до короны польской допустить никакъ нельзя и т. д.

При императрицѣ Елисаветѣ, когда все было возстановлено какъ было при ея отцѣ, продолжались и чрезвычайныя собранія тайнаго совѣта, и мы имѣемъ подробное описаніе какъ они происходили, напримѣръ: „въ 21 декабря 1745 года передъ полуднемъ созваны были въ совѣтъ, въ зимній ея императорскаго величества домъ, нижеписанныя персоны: канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ, оберъ-шталмейстеръ князь Куракинъ, генералъ-аншефъ графъ Румянцевъ, дѣйств. тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ князь Трубецкой, генералъ-аншефъ Бутурлинъ, генералъ-аншефъ князь Репнинъ, генералъ-кригскомиссаръ графъ Апраксинъ, тайный совѣтникъ баронъ Черкасовъ, тайный совѣтникъ Юрьевъ, тайный совѣтникъ Веселовскій. Засѣданіе началось въ 9 часовъ передъ полуднемъ, и въ началѣ барономъ Черкасовымъ предложенъ и прочтенъ сему собранію данный за подписаніемъ ея импер. величества собственныя руки указъ отъ 20 сего же декабря, по которому повелѣно (въ разсужденіи того, что король прусской, не показавъ полнѣйшей атенціи ко всѣмъ понынѣ отъ ея импер. величества учиненнымъ наидружелюбнѣйшимъ отсовѣтованіямъ и предъявленнымъ къ примиренію съ королемъ польскимъ, яко курфюрстомъ саксонскимъ, въ происшедшихъ между ними распряхъ добрымъ официіямъ, подъ претекстомъ предупрежденія своихъ непріятелей Аустрифцовъ, въ Саксонію незапнымъ образомъ не токмо впаденіе учинилъ, но и нынѣ въ оной свои непріятельства х крайнѣйшему всего сего курфюрства разоренію производя, по отобраніи уже многихъ городовъ,

и столицу взялъ и въ оной изъ королевской фамиліи двухъ принцевъ военными плѣнными учинилъ, и, единымъ словомъ, всю Саксонію своему игу подвергнулъ), по выслушаніи всѣхъ реляцій и до того принадлежащихъ дѣлъ и извѣстій и по довольномъ разсужденіи и уваженіи таковыхъ критическихъ обстоятельствъ, свое мнѣніе объявить, какія для возвращенія королю польскому наслѣдныя его земли, удержанія его на польскомъ престолѣ и для сокращенія, въ разсужденіи собственной Россійской имперіи безопасности, силъ короля прусскаго наиспособнѣйшія и надежнѣйшія мѣры принять надлежитъ.

„По выслушаніи такого имяннаго указа, тотчасъ чтена особливо сочиненная о содержаніи секрета присяга, которая помянутыми персонами и подписана, послѣ чего начато слушать прежнія, до сего дѣла касающіяся мнѣнія вице-канцлера и канцлера, протоколъ совѣта, держаннаго при дворѣ 19 сентября 1745 года съ принадлежащими къ тому піесами, рескрипты и реляціи, которыхъ чтеніемъ до полъ 12 часа продолжаемо было. Въ то самое время ея величество въ помянутый апартаментъ прибыть и высочайшею своею особою въ императорскія кресла сѣдши, и повелѣвъ всѣмъ присутствующимъ персонамъ по ихъ мѣстамъ равномѣрно сѣсть, производящими при томъ о причинѣ сего совѣта разсужденіямъ всемилостивѣйше присутствовать изволила, еже продолжалось до 2 часовъ пополудни, но при томъ ничего позитивнаго еще на мѣрѣ положено не было. Потомъ ея величество изволила итти въ другой апартаментъ кушать и всемилостивѣйше повелѣла съ собою всѣмъ тѣмъ въ собраніи находящимся персонамъ за своимъ императорскимъ столомъ обѣдать. Послѣ обѣда оныя персоны паки всѣ собрались и начали въ 5 часовъ пополудни министерскія реляціи, разныя сообщенія и прочія до того касающіяся піесы слушать и чтеніе оныхъ до 11 часовъ продолжалось, и тогда ея импер. величество вторично въ апартаментъ совѣта притти и съ присутствующими персонами о разныхъ дѣлахъ до того совѣта касающихся высочайшею своею особою около получаса всемилостивѣйше разсуждать изволила; по чемъ собраніе и разъѣхалось. 23 числа предъ полуднемъ въ 9 часовъ вышеозначенныя персоны паки собрались, начали свои разсужденія производить до 1-го часа, а полудни при столѣ ея величества кушали, и по полудни въ 5 часовъ собравшись, свои дальнія разсужденія продолжали, при чемъ ихъ единогласно постановленное мнѣніе начато пунктами записывать, еже до 11 часовъ пополудни продолжалось. 24 числа мнѣніе изготовлено совсѣмъ, подписано и барономъ Черкасовымъ вручено императрицѣ къ апробаціи. 25 (въ самое Рождество) въ пять часовъ пополудни собрались въ

аудіенцъ-камору, ея величество пришедъ мнѣніе апробаціею удостоила и подписала".

По восшествіи на престолъ Екатерины II между приближенными къ императрицѣ людьми было убѣжденіе въ необходимости государственнаго совѣта, какъ постояннаго учрежденія, и составленъ уже былъ докладъ о немъ, въ которомъ говорилось: „За долго до нашего принятія Россійской державы, мы, познавая существо правленія сей великой и сильной имперіи, познали и причины, которыя такъ часто при всякихъ обстоятельствахъ и перемѣнахъ подвергали оное пренебреженію государственныхъ дѣлъ, т.-е. слабости народнаго правосудія, упущенію его благосостоянія и наконецъ всѣмъ тѣмъ порокамъ, которые по временамъ внѣдривались во все теченіе правленія, какъ особливо при возведеніи на престолъ покойной императрицы Анны Іоанновны и самая самодержавная власть уже потрясена была. Таковыя государству вредныя приключенія происходили несумнѣнно частію отъ того, что въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣстъ государственныхъ, частію же и отъ недостатка такихъ начальныхъ основаній правительства, которыя бы его форму твердую сохранять могли. Отъ начала недостаточные установленіи чрезъ долгое время, частыя и въ томъ еще злоупотребленіи наконецъ привели въ такое положеніе правленіе дѣлъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ, что при наиважнѣйшемъ происшествіи на монаршемъ престолѣ почиталось излишнимъ и неподобнымъ собраніе верховнаго правительства. Кто вѣрной и разумной сынъ отечества безъ чувствительности можетъ себѣ привесть на память, въ какомъ порядкѣ восходилъ на престолъ бывшій императоръ Петръ III и не можетъ ли сіе злоключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ варварскимъ временамъ, въ которые не токмо установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не бывало".— Совѣтъ долженъ состоять изъ шести членовъ, кои должны именоваться императорскими совѣтниками. Совѣтъ собирается каждый день кромѣ субботъ, воскресенья и праздниковъ; тутъ, въ присутствіи императрицы, каждый статсъ-секретарь предлагаетъ дѣло къ докладу, совѣтники своими мнѣніями и разсужденіями оныя оговариваютъ, и императрица опредѣляетъ свою послѣднюю резолюцію.—„Императорскій Совѣтъ не что иное, какъ то самое мѣсто, въ которомъ Мы объ имперіи трудимся, и потому всѣ доходящія до насъ дѣла должны быть по ихъ свойству раздѣляемы между статсъ-секретарями, а они по своимъ департаментамъ должны ихъ разсматривать, вырабатывать, въ ясность приводить, Намъ въ Совѣтѣ предлагать и по нихъ отправленіи чинить нашимъ резолюціямъ и

повелѣніямъ“. Статсъ-секретарей должно быть четыре по числу департаментовъ, которыхъ было четыре: иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, военный, морской.

Императрицѣ не понравились въ докладѣ нѣкоторыя выраженія, она подчеркнула слово: варварскимъ, и замѣтила: „Правда, что жалѣть было о томъ должно, но неправда то, чтобъ мы потому были хуже татаръ и калмыковъ: а хотя-бъ и были таковы, то и при томъ кажется мнѣ, что употребленіе столь сильныхъ словъ неприлично нашей собственно славѣ, да и персональнымъ интересамъ нашимъ противно такое, на всю націю и на самыхъ предковъ нашихъ указующее поношеніе.

Въ докладѣ статсъ-секретари названы министрами. Императрица замѣтила: „Слово министры не можно-ль переименовать русскимъ языкомъ и точную дать силу“.

Несмотря на то, что императрица согласилась съ сущностію доклада, Совѣтъ не былъ учрежденъ въ предложенной формѣ, а явился въ той формѣ, съ какою насъ знакомятъ изданные протоколы.

С. Соловьевъ.

СТАТСЪ-ДАМЫ И ФРЕЙЛИНЫ РУССКАГО ДВОРА ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Предлагаемыя здѣсь біографіи оберъ-гофмейстеринъ, гофмейстеринъ, статсъ-дамъ и фрейлинъ русскаго двора въ XVIII стол. составлены извѣстнымъ любителемъ и знатокомъ отечественной исторіи и древностей—Карабановымъ.

Павелъ Өедоровичъ Карабановъ род. 25 октября 1767 г., ум. въ Москвѣ въ концѣ мая 1851. Мать его была дочь тайн. сов. Григорія Матвѣевича Кисловскаго, двоюроднаго брата Александра Васильевича Потемкина (отца князя Таврическаго).

Павелъ Өедоровичъ былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Гагариной. Не имѣя дѣтей, онъ взялъ къ себѣ родную племянницу княжну Екатерину Сергѣевну Оболенскую, которую и воспиталъ; она вышла замужъ за князя Николая Павловича Шаховскаго.

Нѣкоторыя свѣдѣнія о П. Ө. Карабановѣ см. въ «Чтеніяхъ Общ. И. 1860 кн. I, гдѣ помѣщено краткое извлеченіе изъ печатаемыхъ нынѣ списковъ.

Подлинные біографическіе списки дамъ и фрейлинъ русскаго двора, составленные П. Ө. Карабановымъ, писаны крайне неразборчиво, на отдѣльныхъ листкахъ довольно безпорядочно, такъчто оказалось необходимымъ до напечатанія привести ихъ въ ту систему и порядокъ, въ которомъ они и являются въ свѣтъ. О значеніи этихъ біографій для исторіи едва-ли нужно много говорить. Каждому изучавшему русскую исторію прошлаго столѣтія хорошо извѣстна та значительная доля вліянія на ходъ дворцовыхъ, общественныхъ и

даже государственныхъ дѣлъ, какое имѣли въ Россіи «придворныя персоны женскаго пола». Слѣдовательно обойти ихъ нельзя, и имѣть точныя, хотя-бъ и краткія біографическія о нихъ данныя для разныхъ справокъ и полезно, и необходимо. Ред.

Оберъ-гофмейстерины.

1) Варвара Михайловна Арсеньева (22 мая 1727). В. М. Арсеньева, дѣвица, дочь стольника и якутскаго воеводы Михаила Аѳанасьевича Арсеньева, — родная сестра княгини Даріи Михайловны Меншиковой, и тетка невѣсты Петра II, свѣтлѣйшей княжны Маріи Александровны, — находилась фрейлиною при императрицѣ Екатеринѣ I, при жизни ея супруга, и значится въ его погребальной церемоніи *). 1727 г. мая 22, при торжественномъ обрученіи племянницы съ императоромъ, пожалована деревнями и возведена ъ достоинство оберъ-гофмейстерины съ ежегоднымъ окладомъ по 2000 р. и съ предоставленіемъ права „брать шагъ послѣ женъ генералъ-фельдмаршаловъ,“ а іюня 29 получила орденъ св. Екатерины. Того же года сентября 9, съ паденіемъ Меншикова, лишилась и должности и ордена, и была отвезена въ Александрову слободу въ Успенскій монастырь, гдѣ и пострижена **).

Одаренная отъ природы необыкновеннымъ умомъ, любившая науки, она не имѣла красивой наружности; была малаго роста и горбата; но хитростію и коварствомъ овладѣла княземъ Меншиковымъ, который во многихъ случаяхъ дѣйствовалъ по ея совѣтамъ. Непомѣрною гордостію она навлекла всеобщую ненависть, до того, что неприличнымъ своимъ обращеніемъ, особливо съ полученіемъ ордена св. Екатерины, сдѣлалась противною и молодому императору Петру II. Благородныя и знатныя дамы цѣловали ей руку, какъ императорской теткѣ ***).

По изгнаніи явились пасквили и пѣсня съ повтореніемъ ея имени.

Варвара Михайловна, какъ полагаютъ, умерла около 1730 г. ****).

Сестра ея, княгиня Меншикова, при добротѣ сердца, имѣла привлекательную наружность.

2) Княгиня Татьяна Борисовна Голицына (въ мартѣ 1730). Княгиня Татьяна Борисовна Голицына, — вторая супруга генералъ-фельдмаршала, военной коллегіи президента, сенатора, лейбъ-гвардіи полковника, верховнаго тайнаго совѣта члена и св. ап. Андрея

*) Описаніе порядка при погребеніи Петра I, стр. 27.

**) Рукописное описаніе преславныхъ дѣлъ Петра I, съ послѣдствіями до коронаціи Анны Іоанновны, кн. 7.

***) Тамъ же, кн. 7.

****) Бантышъ-Каменскій: Словарь достоп. люд., ч. I стр. 66.

Первозваннаго кавалера, князя Михаила Михаиловича бóльшаго, дочь дѣйств. тайн. сов. и св. Андрея кавалера, князя Бориса Ивановича Куракина,—родилась 4 января 1696, вступила въ супружество 1716 г., пожалована въ оберъ-гофмейстерины 1730, скончалась 7 мая 1757 и погребена въ Александровскомъ монастырѣ.

Когда имп. Анна вступила на престолъ, графъ Остерманъ и оба брата графы Лёвенвольде присовѣтовали Бирону, чтобы удобнѣе уничтожить партію Долгорукихъ и Голицыныхъ, перессорить ихъ между собою. Биронъ вошелъ въ переговоры съ Голицыными чрезъ Александра Борисовича Бутурлина, женатаго на дочери князя Бориса Ивановича Куракина отъ 2-го брака (слѣдовательно на сестрѣ Татьяны Борисовны по отцѣ); фельдмаршалу Голицыну дали президентство военной коллегіи, женѣ его званіе оберъ-гофмейстерины; другимъ Голицынымъ разныя мѣста. Это было въ мартѣ 1730. Въ апрѣлѣ Долгорукіе были удалены въ деревню, въ маѣ сосланы въ Сибирь, а въ іюнѣ Биронъ началъ преслѣдовать и Голицыныхъ, которые увидѣли, но поздно, что попали въ просакъ. Съ досады фельдмаршалъ князь Михаилъ Михайловичъ заболѣлъ, и въ декабрѣ того же года умеръ. Княгиню Татьяну Борисовну стали принимать при дворѣ столь дурно, что она почти перестала ко двору ѣздить, но носила званіе оберъ-гофмейстерины во все царствованіе Анны, правленіе Анны Леопольдовны и первые годы царствованія Елисаветы. Уволена отъ двора 26 мая 1746.

3) Марія Симоновна Чоглокова (26 мая 1746). Марія Симоновна Чоглокова, дочь Симона Леонтьевича Гендрикова, была по матери своей, Кристинѣ Самуиловнѣ, рожденной Скавронской, родная племянница императрицы Екатерины I и двоюродная сестра цесаревны Елисаветы Петровны. Родилась въ 1723 году, и обще съ меньшою сестрою своею, Мареою Симоновною, онѣ находились фрейлинами малаго двора, а сія любимицей и наконецъ другомъ цесаревны. По восшествіи Елисаветы Петровны на престолъ, 1741 г. ноября 25, Марія Симоновна (въ февралѣ 1742) сопровождала императрицу въ Москву для коронованія, при которомъ торжествѣ (25 апр.) возведена, вмѣстѣ съ сестрою своею Мареою Симоновною и братьями Иваномъ и Андреемъ Симоновичами Гендриковыми, въ графское россійской имперіи достоинство. 1742 г. апр. 25 объявлена статсъ-дамою, случай единственный, чтобы дѣвица названа была дамою, тѣмъ паче, что княжна Варвара Алексѣевна Черкасская въ тотъ же день пожалована въ камеръ-фрейлины и получила таковой же портретъ государыни.

Того же 1742 года 1 іюля, графиня Гендрикова сговорена съ дѣйст-

вительнымъ камергеромъ, Бѣлаго Орла, потомъ св. Анны и датскаго Данеброга кавалеромъ, Николаемъ Наумовичемъ Чоглоковымъ (впослѣдствіи оберъ-церемонійместеромъ), а 16 августа съ великимъ торжествомъ обвѣнчана во дворцѣ. 1744 г. іюля 15, въ день торжества мира съ Швеціею, статсъ-дама Марія Симоновна пожалована $48^3/_4$ гаковъ въ Лифляндіи въ вѣчное и потомственное владѣніе. (Указъ 15 іюля 1744 г.). По увольненіи княгини Татьяны Борисовны Голицыной отъ должности оберъ-гофмейстерины, Марія Симоновна, 26 мая 1746 г. почтена симъ достоинствомъ и жила во дворцѣ со всѣмъ своимъ семействомъ. Дѣтей Чоглоковыхъ пеленали Андреевскими лентами съ плеча императрицы. Николай Наумовичъ Чоглоковъ (род. 5 апр. 1718) скончался въ Москвѣ 25 апр. 1754 *). 7 февраля 1756 г. Марія Симоновна вторично вступила въ бракъ съ Александромъ Ивановичемъ Глѣбовымъ. При семъ случаѣ императрица Елисавета сказала: „сестра моя сошла съ ума, влюбясь въ Глѣбова: какъ отдать ее за подъячаго?“ (т.-е. сенатскаго оберъ-секретаря) и пожаловала его въ оберъ-прокуроры, а впослѣдствіи онъ былъ генералъ-аншефомъ, генералъ-кригскомисаромъ, св. Александра Невскаго и св. Анны кавалеромъ.

Вѣнчаніе совершено въ Зимнемъ дворцѣ, въ С.-Петербургѣ, въ присутствіи самой императрицы. Невѣста уже была въ болѣзненномъ состояніи; ее возили въ колясочкѣ, а слѣдующаго 19 марта 1756 г. отъ чахотки она скончалась (33 лѣтъ), и 23 числа погребена въ Невскомъ монастырѣ. Марія Симоновна, при красотѣ своей, не соблюдала строгихъ правилъ въ поведеніи.

11 іюля того же 1756 г., меньшія ея дочери, Софія и Вѣра Николаевны Чоглоковы, имѣвшія пребываніе у зятя покойной, генералъ-поручика Мих. Ив. Сафонова, по волѣ императрицы, взяты во дворецъ въ Петергофъ. Старшая имѣла 6 лѣтъ, а вторая 3 года отъ рожденія. Онѣ тамъ и воспитывались, а впослѣдствіи пожалованы фрейлинами.

Александръ Ивановичъ Глѣбовъ (род. около 1718 г.) былъ изъ духовнаго званія, умный и прекрасный мужчина. На Маріи Симоновнѣ онъ женился вдовцомъ, послѣ смерти первой своей супруги Авдотьи Алексѣевны Зыбиной (род. 1709). Авдотья Алексѣевна, несмотря на неравенство лѣтъ, обвѣнчалась съ нимъ по любви. Она скончалась 1746 г. Овдовѣвъ во второй разъ послѣ Маріи Симоновны, Александръ Ивановичъ поѣхалъ въ свое село Виноградово (Долгіе Пруды), по Дмитровской дорогѣ. Тамъ вѣнчался онъ въ

*) Погребенъ въ уничтоженной церкви Большаго Вознесенія, что на Никитской въ Москвѣ. П. К.

третій разъ, 21 іюля 1773 г., на нѣмкѣ Даріи Николаевнѣ; вдовѣ выведеннаго имъ въ офицерское званіе иностранца Ивана Карловича Франца. Сама Дарья Николаевна очень долго находилась въ услуженіи у Маріи Симоновны и давно была извѣстна Глѣбову. Екатерина II, извѣстясь о семъ, воспретила ей имѣть пріѣздъ ко двору; за безпорядки же по коммиссаріатству Глѣбовъ уволенъ былъ отъ службы въ 1774 г. съ воспрещеніемъ жить въ обѣихъ столицахъ. Онъ выстроилъ себѣ домъ на Ходынкѣ близъ Москвы, гдѣ и умеръ 2 іюня 1790, на 72 году. За нѣсколько дней, а именно 29 мая, умерла и третья его супруга Дарія Николаевна. Оба похоронены въ селѣ Виноградовѣ. Ни отъ одного изъ этихъ трехъ браковъ не имѣлъ дѣтей.

(Подробности о семействѣ Чоглоковыхъ заимствованы изъ ординарныхъ календарей на многіе годы, принадлежавшихъ Александру Ивановичу Глѣбову, и въ нихъ его рукою замѣченныхъ). (См. Mémoires de Catherine 75, 76, 206, 210).

4) Графиня Анна Карловна Воронцова (29 іюня 1760 г.). Анна Карловна (род. 7 декабря 1723 г.) была дочь Карла Самуиловича Скавронскаго, родного брата императрицы Екатерины I, которому, обще съ другимъ его братомъ Өеодоромъ Самуиловичемъ, и ихъ потомствомъ, 5 января 1727 г. пожаловано графское достоинство. Когда Елисавета была цесаревною, то содержала Анну Карловну при маломъ своемъ дворѣ гофъ-фрейлиною; а по восшествіи своемъ на императорскій престолъ, наименовавъ ее статсъ-фрейлиною, выдала 31 янв. 1742 г. за Михаила Иларіоновича Воронцова, участника заговора и бывшаго въ то время камеръ-юнкеромъ; брачное сочетаніе совершено въ придворной церкви въ присутствіи монархини и всего придворнаго штата. Потомъ сама императрица съ великою свитою, въ предшествіи трубачей и литавръ, проводила новобрачныхъ въ ихъ домъ и находилась на ужинѣ и балѣ; на другой день у нихъ былъ обѣдъ, а во дворцѣ балъ *). 1742 г. апр. 25, въ день коронаціи, пожалована въ статсъ-дамы **) (на гравир. портретѣ этого отличія не видно, а украшена она однимъ орденомъ). По кончинѣ оберъ-гофмейстерины Маріи Симоновны Глѣбовой (1756) она была возведена въ званіе оберъ-гофмейстерины, а именно 1760 г. іюня 29 ***). Императоръ Петръ III, 9 февраля 1762 г., наградилъ ее ор-

*) С.-Петербургскія Вѣдомости 1742. № 11, стр. 85.

**) «Обстоятельное описаніе шествія въ Москву и коронованія императрицы Елисаветы Петровны».

***) С.-Петербургскія Вѣдомости 1760. № 53.

деномъ св. великомученицы Екатерины *). Въ день коронаціи Екатерины II, 22 сентября того же года, упомянуто въ церемоніалѣ, что во время священнодѣйствія она оправила порфиру и Андреевскій орденъ **). Умерла 31 декабря 1775 г. на 53 году ***) и погребена въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

Графъ Михаилъ Иларіоновичъ Воронцовъ, род. 12 іюля 1714, былъ государственнымъ канцлеромъ; умеръ въ Москвѣ 15 февр. 1767 г. 52 лѣтъ, и погребенъ въ бывшемъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ, въ придѣлѣ нижней церкви (мраморный мавзолей въ этой церкви).

5) Графиня Марія Андреевна Румянцова (10 іюля 1776 г.) Марія Андреевна (род. 4 апрѣля 1698 г.) была дочь знаменитаго посла, дѣйств. тайн. сов., сенатора и юстицъ-коллегіи президента, графа Андрея Артамоновича Матвѣева и супруги его Анны Степановны Аничковой. Есть преданіе, что, бывши въ дѣвушкахъ, она была замѣчена Петромъ I, и что однажды Петръ, отъ ревности разсердясь на нее, въ Екатерингофѣ, на чердакѣ тѣлесно наказалъ ее изъ своихъ рукъ, и вскорѣ (около 1718 г.), противъ желанія ея родителей, выдалъ ее за неимущаго дворянина Румянцова (Александра Ивановича, впослѣдствіи графа, генералъ-аншефа, сенатора, генералъ-адъютанта Петра I, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка подполковника и орденовъ св. Андрея и св. Александра Невскаго кавалера). Императрица Елисавета Петровна въ началѣ своего царствованія между 1743 и 1746 г. пожаловала ее статсъ-дамскимъ портретомъ. 1775 г. іюня 12, въ торжество мира съ турками, въ Москвѣ, получила орденъ св. велико-м. Екатерины за знаменитыя заслуги своего сына, графа Румянцова-Задунайскаго. 1776 іюля 10 почтена званіемъ оберъ-гофмейстерины. 1788 г. мая 4 скончалась, 90 лѣтъ отъ рожденія и погребена въ Александроневскомъ монастырѣ, въ Благовѣщенской церкви.

6) Графиня Анна Алексѣевна Матюшкина (12 ноября 1796). Графиня Анна Алексѣевна Матюшкина, супруга тайнаго сов., дѣйствительнаго камергера и св. Анны кавалера, графа Димитрія Михайловича ****), была дочь князя Алексѣя Матвѣевича Гагарина и супруги его баронессы Шафировой. Родилась въ 1722 г. При императ-

---

*) Бантышъ-Каменскій: Собраніе историческихъ списковъ кавалеровъ четырехъ орденовъ.

**) Прибавленіе къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ 1762 № 80.

***) Собраніе новостей ежемѣсячн. сочиненій.

****) Дмитрій Михайловичъ Матюшкинъ (род. 1725†1800) возведенъ былъ императоромъ Францемъ I въ графское Римской имперіи достоинство 18 ноября 1762 г. П. К.

рицѣ Елисаветѣ была фрейлиною съ 1745 (Записки Порошина, стр. 505); потомъ именовалась гофъ-дамою. 1759 г. марта 8 находилась при кончинѣ и перевезеніи тѣла великой княжны Анны Петровны, дочери в. к. Петра Ѳеодоровича, въ Невскій монастырь, а потомъ на дежурствѣ до погребенія *). 1762 г. сент. 22, въ день коронованія Екатерины II, пожалована въ дѣйствительныя статсъ-дамы. Павелъ I, при восшествіи на престолъ, оказалъ ей отличный знакъ благоволенія, ибо, черезъ шесть дней, а именно 12 ноября 1796 г., возвелъ ее въ достоинство оберъ-гофмейстерины (въ семъ званіи она первая начала носить портретъ на правой сторонѣ). 1797 г. апрѣля 5, въ день его коронаціи, на которой Матюшкина не была, такъ какъ за дряхлостію оставалась въ С.-Петербургѣ, ей назначена и препровождена кавалерія св. великомученицы Екатерины 1-го класса; а чрезъ нѣкоторое время, въ изъявленіе особенной милости, пожалованъ ей другой, драгоцѣнный портретъ съ изображеніемъ Павла I и Маріи Ѳеодоровны. Она скончалась 3 мая 1804 г. и погребена въ Александро-невскомъ монастырѣ, въ палатѣ между церквей Благовѣщенія и Сошествія св. Духа.

При казни дѣда, отецъ ея былъ разжалованъ въ матросы. Дѣды ея, князь Матвѣй Петровичъ и братъ его князь Иванъ Петровичъ приготовили-было, для наружнаго украшенія вновь строившейся церкви, небольшія чугунныя плиты съ слѣдующею надписью: „Се созидали князь Матвѣй Петровичъ и князь Иванъ Петровичъ Гагарины". Петръ I, узнавши это, приказалъ эти плиты отдать въ три московскія церкви, къ св. пророку Иліи, къ Вос. въ Бор. и къ Введ. въ Бор., съ тѣмъ, чтобы, въ поношеніе, выстланы были ими полы церквей и имена ихъ всегда находились подъ ногами.

Сынъ графини Анны Алексѣевны, графъ Николай Дмитріевичъ умеръ въ 1775 г., не оставя потомства. Ея дочь графиня Софія Дмитріевна (род. 1756 † 1796) была замужемъ за графомъ Юріемъ Михайловичемъ Віельгорскимъ, дѣйств. тайн. сов. († 1807).

7) Графиня Александра Васильевна Браницкая (1 января 1824). Графиня А. В. Браницкая, первая дочь подполковника Василія Андреевича Энгельгардта и супруги его Марѳы Александровны, сестры свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, родилась 1754 г. Во фрейлины ко двору императрицы Екатерины II пожалована за заслуги своего дяди въ самый день мирнаго торжества съ турками въ Москвѣ, 10 іюля 1775 г. **). Въ камеръ-фрейлины и пребогатымъ портретомъ

*) Прибавленіе къ С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ 1759 г. № 23.

**) Собраніе новостей ежемѣсячн. сочиненій 1775 г. сентября, стр. 85.

пожалована 24 ноября 1777 г. Въ супружество вступила съ бывшимъ польскимъ коронннымъ великимъ гетманомъ, а потомъ россійскимъ генералъ-аншефомъ графомъ Ксаверіемъ Петровичемъ Браницкимъ въ 1781 г. ноября 12, при чемъ объявлена статсъ-дамою. Орденъ св. великомученицы Екатерины возложенъ на нее Екатериною II 20 марта 1787 г., во время высочайшаго пребыванія въ Кіевѣ. Въ достоинство оберъ-гофмейстерины возведена 1 января 1824 г. Скончалась 15 августа 1838, 84 лѣтъ. 1807 г. ноября 3-го ея дочери, графини Софія и Елисавета пожалованы во фрейлины.

Гофмейстерины.

1) Графиня Анна Ивановна Бестужева-Рюмина (25 апрѣля 1748). Графиня Анна-Екатерина Ивановна Бестужева-Рюмина, супруга великаго канцлера Алексѣя Петр. Бестужева-Рюмина, была дочь россійскаго резидента въ Гамбургѣ Іоганна-Фридриха фонъ-Беттингера. 25 апр. 1748 г. въ день празднованія коронаціи императрицы Елисаветы Петровны, объявлена гофмейстериною и пожалована портретомъ, бриллiантами богато украшеннымъ *). 17 декабря 1757 г. послѣдовало крещеніе великой княгини Анны Петровны (рожденной 9 числа того же мѣсяца); новорожденную несла въ церковь графиня Бестужева **). 27 февраля 1758 г. канцлеръ былъ арестованъ; 5 апр. 1759 г. лишенъ всѣхъ достоинствъ; учрежденная при дворѣ слѣдственная коммисія обвинила его въ оскорбленіи величества и приговорила къ смертной казни. Тогда, отъ 5 апрѣля, послѣдовалъ манифестъ, облегчающій его участь ссылкою подъ карауломъ въ собственную его деревню, село Горетово, близъ Можайска; женѣ и сыну отдано на волю быть при немъ, или избрать иное пребываніе ***). Бывшая гофмейстерина скончалась въ помянутомъ селѣ 15 декабря 1761 г.

2) Елена Александровна Нарышкина (25 ноября 1759 г.). Елена Александровна Нарышкина, супруга дѣйств. тайн. сов. Александра Львовича, была дочь капитана россійскаго флота графа Александра Петровича Апраксина и супруги его, графини Марьи Михайловны, рожд. княжны Куракиной. 1749 г. была уже выс. двора статсъ-дамою. 1759 г. апрѣля 5, изданнымъ манифестомъ канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ лишенъ всѣхъ чиновъ и подъ карауломъ сосланъ въ Можайскую вотчину на всегдашнее пребываніе; супруга его гофмейстерина императорскаго двора послѣдовала за нимъ; на ея мѣсто 25 ноября возведена въ это званіе Елена Александровна. 1762 г.

*) С.-Петербургскія Вѣдомости 1748 г. № 35, стр. 278.
**) С.-Петербургскія Вѣдомости 1757 г. № 104.
***) С.-Петербургскія Вѣдомости 1759 г. № 29, стр. 228.

сентября 22, въ день коронаціи Екатерины II, находилась при священнодѣйствіи, и обще съ оберъ-гофмейстериною графинею Воронцовою оправляли на императрицѣ порфиру.

Елена Александровна скончалась въ 1767 г., и погребена съ супругомъ въ лѣтней соборной церкви московскаго Высокопетровскаго монастыря.

Дѣйств. тайн. сов., сенаторъ и россійскихъ орденовъ св. ап. Андрея и св. Александра Невскаго кавалеръ, Александръ Львовичъ Нарышкинъ, двоюродный братъ императрицы Елисаветы, род. 26 апрѣля 1694 г., умеръ въ С.-Петербургѣ 25 января 1745 г., на 51 г.

3) Анна Никитична Нарышкина (12 ноября 1796 г.). Анна Никитична, супруга оберъ-шенка, сенатора, дѣйствительнаго камергера, орденовъ св. Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго и св. Анны кавалера, Александра Александровича Нарышкина, дочь отъ арміи генералъ-майора Никиты Ивановича Румянцова и супруги его Маріи Васильевны княжны Мещерской,—род. 11 февр. 1730 г.— 1749 г. октября 8, послѣ полудня, во время высочайшаго пребыванія въ Москвѣ, совершонъ былъ ея бракъ во дворцѣ, въ присутствіи великаго князя Петра Ѳедоровича и великой княгини Екатерины Алексѣевны, которыми новобрачные и препровождены въ домъ его матери, статсъ-дамы Елены Александровны, куда и императрица Елисавета прибыла со всѣмъ дворомъ и иностранными министрами *). Александръ Александровичъ удостоенъ быть гофмейстеромъ ихъ императорскихъ высочествъ, что̀ самое и доставило великой княгинѣ случай узнать Анну Никитичну, полюбить ее и наконецъ содѣлаться ея другомъ, по уму и отличнымъ ея достоинствамъ. 1773 г. сентября 15, въ торжество крещенія вел. княжны Наталіи Алексѣевны (1-й супруги великаго князя Павла Петровича) пожалована въ статсъ-дамы. 1787 г. марта 20 награждена орденомъ св. Екатерины, который отъ императрицы ей присланъ изъ Кіева. 1796 г. ноября 12, императоромъ Павломъ возведена въ достоинство гофмейстерины императорскаго двора. 1820 г. февраля 2 скончалась невступно 90 лѣтъ, и погребена въ Невскомъ монастырѣ. Дѣтей не имѣла.

Александръ Александровичъ род. 22 іюля 1726 г., ум. 21 мая 1795, на 69 году и погребенъ въ палатѣ между Благовѣщенія и Сошествія св. Духа церквей въ Невскомъ монастырѣ. (Mémoires de Cather. II, 240, 245, 254, 306).

4) Графиня Екатерина Васильевна Литта (1 января 1824). Графиня Екатерина Васильевна, 4-я дочь подполковника Василія Ан-

---

*) С.-Петербургскія Вѣдомости 1749 г. № 83, стр. 662.

древича Энгельгардта и Мароы Александровны, сестры свѣтлѣйшаго князя Потемкина-Таврическаго, родилась въ 1761 г. Лѣтомъ 1776 г. привезена въ С.-Петербургъ и пожалована къ высочайшему двору фрейлиною. 1781 г. ноября 10 вступила въ супружество съ графомъ Павломъ Мартыновичемъ Скавронскимъ, тайн. сов., дѣйств. камергеромъ, полномочнымъ министромъ въ Неаполѣ и св. Владиміра 2-й степ. кавалеромъ. Въ статсъ-дамское достоинство возведена 17 августа 1786 г. *) необыкновеннымъ случаемъ. Въ спальнѣ кн. Потемкина, на столикѣ, лежалъ императрицынъ портретъ, имъ носимый; 26-ти лѣтняя графиня Скавронская, шутя, взяла его и, подойдя къ зеркалу, приколола на себя.—„Катенька", воскликнулъ Потемкинъ, „поди благодарить императрицу, — ты статсъ-дама!" — Что вы со мною дѣлаете? отвѣчала Скавронская.—„Я тебѣ приказываю," повторилъ князь и, написавши цидулку, принудилъ ее итти вверхъ. Графиня пошла къ императрицѣ. Императрица, по словамъ Анны Никитичны Нарышкиной, тутъ находившейся, приняла сіе съ большимъ неудовольствіемъ, которое, несмотря на свойственное ей искусство, не могла скрыть; но, не сказавъ ни слова, отправила графиню съ письменнымъ отвѣтомъ. Сіе случилось за годъ до турецкой войны, когда Потемкинъ находился въ величайшей силѣ. Однако впослѣдствіи, императрица возъимѣла большую привязанность къ графинѣ и содержала ее въ отмѣнной милости. 1797 г. апрѣля 5, въ коронацію Павла, получила бантъ ордена св. Екатерины. 1798 г. октября 31-го вступила въ супружество съ графомъ Юліемъ Помпеевичемъ Литта. 1798 г. декабря 14 пожалована кавалерственною дамою большого креста державнаго ордена св. Іоанна Іерусалимскаго великаго пріорства грекороссійскаго. 1809 г. апрѣля 18 возложенъ на нее орденъ св. Екатерины І-го класса. 1824 г. января 1 почтена достоинствомъ гофмейстерины императорскаго двора. Скончалась въ С.-Петербургѣ 1829 г. февраля 7. Графиня была прекрасна, имѣла добрую душу и чувствительное сердце.

Первый супругъ ея, графъ Скавронскій умеръ въ Неаполѣ 1793 г. Второй супругъ, графъ Юлій Помпеевичъ Литта, оберъ-шенкъ, гофмейстеръ, св. Александра Невскаго, св. Георгія 3 класса, св. Іоанна Іерусалимскаго, Бѣлаго Орла и св. Станислава кавалеръ, род. 1754, умеръ въ С.-Петербургѣ 24 января 1839 г.

Нѣкоторыя подробности о графинѣ Литта (въ то время еще графини Скавронской у M. Vigié-Lebrun. T. II. page 83—85).

5) Графиня Юлія Өеодоровна Баранова (1855 г. 20 октября). Въ 1860 г. состояла въ должности гофмейстерины императрицы Александры Өеодоровны.

*) Московскія Вѣдомости 1786 г.

6) Княгиня Екатерина Васильевна Салтыкова (1855 — 1862). Въ должности гофмейстерины.

7) Графиня Наталья Дмитріевна Протасова (мартъ 1865 г.). Гофмейстерина.

Статсъ-дамы.

1) Княгиня Кассандра (Александра) Сергѣевна Кантемиръ, первая супруга молдавскаго господаря, князя Дмитрія Антіоховича Кантемира, дочь волошскаго господаря Сербана (Сергія) Контакузена, родилась 1682 года; была помолвлена за своего супруга 1685; въ супружество вступила 1699 г.; выѣхала съ супругомъ въ Россію 1711, и въ семъ же году Петръ I почтилъ ее своимъ портретомъ въ небольшомъ медальонѣ, осыпаннымъ брилліантами, который она всегда носила на шеѣ подъ жемчужнымъ ожерельемъ, имѣя на себѣ національную свою одежду. Собственно статсъ-дамою никогда не именовалась. Скончалась 1713 г. мая 11, 30 лѣтъ отъ рожденія, и погребена въ Москвѣ, обще съ супругомъ въ греческомъ николаевскомъ монастырѣ, въ трапезѣ созданнаго имъ храма.

Супругъ ея, бывшій въ Россіи тайн. сов. и сенаторомъ, род. 1663 г., былъ вторично женатъ на княжнѣ Трубецкой 14 января 1717 г. Умеръ 1723 г. августа 30, 60-ти лѣтъ. Онъ имѣлъ портретъ Петра I на бѣлой черезъ плечо перевязи.

2) Марія (Васса) Яковлевна Строганова, вторая супруга именитаго человѣка Григорія Дмитріевича Строганова, по отцѣ Новосильцева, находилась въ отмѣнной милости у Петра I; при частыхъ посѣщеніяхъ его, поднашивала ему въ серебряныхъ ковшахъ простое хлѣбное вино, которое всѣ предстоявшіе, несмотря на званіе и возрастъ, должны были пить по очереди; иногда же угощала его анисовою водкою. Царь удостоилъ ее своимъ портретомъ, богато украшеннымъ брилліантами, который она всегда носила на голубомъ бантѣ. Марія Яковлевна числится первою статсъ-дамою. Три сына ея, въ 1722 г. пожалованы россійскими баронами (во время пребыванія Петра въ Казани, на пути въ персидскій походъ).

3) Княгиня Анастасія Петровна Голицына. Княгиня Анастасія Петровна, супруга князя Ивана Алексѣевича Голицына (бывшаго комнатнымъ при царѣ Іоаннѣ Алексѣевичѣ и скончавшагося въ уединеніи въ 1722 г.) была единственною дочерью и наслѣдницею *) князя

---

*) Мѣстечко Прозорово (Ярославской губ., Мологскаго уѣзда), съ многочисленными селами и деревнями, составлявшее въ древности княженіе сего имени, раздѣлено было между правнуками ея, тремя княжнами Голицыными, бывшими замужемъ за Козловымъ, за Давыдовымъ и за Наумовымъ, и ими

Петра Ивановича Прозоровскаго, знаменитаго боярина, начальника Оружейной палаты и председателя приказа большой Казны, слуги твердаго и вѣрнаго, котораго Петръ всегда уважалъ за его заслуги, не взирая на отвращеніе его отъ нововводимыхъ иностранныхъ обычаевъ. Она родилась 22 октября 1655 г.; скончалась 10 марта 1729 *), на 74 году отъ рожденія. Была статсъ-дамою и носила портретъ Петра I **). По кончинѣ супруга она, по тогдашнему обычаю, кажется, уже не являлась ко двору, по крайней мѣрѣ не значится съ прочими статсъ-дамами при погребеніи Петра I ***).

4) Матрена Ивановна Балкъ. Матрена Ивановна Балкъ, супруга генералъ-поручика, московскаго губернатора и св. Александра Невскаго кавалера, имѣвшаго портретъ Петра I съ алмазнымъ украшеніемъ, Ѳедора Николаевича Балкъ****), и дочь золотыхъ дѣлъ мастера Ивана Монса, находилась нѣкоторое время гофмейстериною при герцогинѣ Мекленбургской Екатеринѣ Ивановнѣ, и была статсъ-дамою Екатерины I.

Фамилія Монсовъ съ давняго времени была извѣстна императору, который никогда не любилъ свою первую супругу Лопухину, избранную для него царицею Наталіею Кириловною. Еще при жизни царицы-матери, Петръ имѣлъ большую привязанность къ лифляндкѣ, родной сестрѣ Матрены Ивановны, дѣвицѣ Аннѣ Монсъ, причинившей разводъ его съ Евдокіею за ея ревность. Нелюбовь дѣвицы Монсъ къ Меншикову могла быть опасною для этого временщика, и онъ нашелъ возможность замѣнить ее плѣнною шведкою, Мартою (Екатериною), объяснивъ Петру, что та имѣетъ любовную связь съ прусскимъ посланникомъ Кайзерлингомъ. Петръ, вслѣдствіе этого, ее вскорѣ оставилъ, и она обвѣнчалась съ Кайзерлингомъ.

Матрена Монсъ, подобно сестрѣ, вышедшая въ замужство за Балка, поступила въ статсъ-дамы къ императрицѣ Екатеринѣ, которая черезъ нее узнала брата ея Василья (Вилима) Монса. Онъ имѣлъ

въ разныя руки распродано; но бо̀льшая часть этого имѣнія перешла потомъ покупкою къ графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Прозорова, до днесь видны княжескіе гробы; тутъ же, неподалеку, замѣчательная деревня, именуемая Холоповымъ.

*) Князь П. В. Долгорукій относитъ ея кончину къ 10 мая 1722 г.

**) Изустное преданіе внука ея князя Павла Ѳедоровича Голицына, который показывалъ мнѣ портретъ ея съ статсъ-дамскимъ отличіемъ. П. К.

***) Являлась до 22 октября 1725 г.; см. «Русск. Стар.» 1870 г. стр. 509. Княгиня-игуменья, состояла въ пресвятѣйшемъ соборѣ князя Папы, была безотлучно при Екатеринѣ I и исправляла должность придворной шутихи. См. «Русск. Старину.» 1870 г. стр. 507.

****) Ѳедоръ Николаевичъ Балкъ умеръ въ Москвѣ въ 1739 году.

пріятную наружность и служилъ въ гвардіи поручикомъ, а по случаю ея коронаціи былъ избранъ въ камергеры. Помощію Балковой братъ ея вошелъвъ милость къ Екатеринѣ I, зачто она, Балкъ, едва не заплатила жизнію и подверглась торговой казни. Заступленіемъ Екатерины наказаніе уменьшено до пяти ударовъ кнутомъ, послѣ чего она послана въ ссылку. Дѣти ея,—старшій сынъ Павелъ, камергеръ, разжалованный въ капитаны, а младшій, Петръ, камеръ-пажъ — въ сержанты, — сосланы въ персидскую армію. По кончинѣ императора, она и дѣти ея вскорѣ были возвращены.

5) Анна Ивановна Олсуфьева, была дочь контръ-адмирала Ивана Іоакимовича Сенявина, и вторая супруга дому его царскаго величества маршалка, а потомъ оберъ-гофмейстера и св. Александра Невскаго кавалера, Матвѣя Дмитріевича Олсуфьева. Свадьба ихъ совершена 1719 г. апрѣля 12 и почтена присутствіемъ Петра I *). Анна Ивановна именована въ числѣ статсъ-дамъ при погребеніи Петра I **).

Матвѣй Дмитріевичъ скончался 26 апрѣля 1743 г., оставивъ отъ 2-й супруги четырехъ сыновей: 1) Павла, умершаго генералъ-поручикомъ; 2) Дмитрія, дѣйств. ст. совѣтникомъ; 3) Михаила, также; 4) Василія..., и четырехъ дочерей: 1) Анну, за Чириковымъ; 2) Прасковію за Демидовымъ; 3) Екатерину, за Кукоринымъ и 4) Наталію за . . . . .

6) Г-жа Кампенгаузенъ, рожденная фонъ-Лёшертъ, жена полковника (впослѣдствіи генералъ-поручика и шведскаго барона) Ивана Ивановича Кампенгаузенъ. Упоминается при погребеніи Петра I.

7) Елизавета Ивановна Вильбоà, супруга капитана 1-го ранга (впослѣдствіи вице-адмирала) Никиты Ивановича Вильбоà, была старшая дочь пастора Глюка, у котораго жила Екатерина. Упоминается при погребеніи Петра I.

Никита Ивановичъ Вильбоà (Villebois) бѣдный французскій дворянинъ, былъ денщикомъ (флигель-адъютантомъ) Петра I. Отъ этого брака родился знаменитый генералъ-фельдцейхмейстеръ Александръ Никитичъ Вильбоà.

Другая дочь пастора Глюка, Маргарита Ивановна, была за генералъ-поручикомъ Иродіономъ Михайловичемъ Кошелевымъ. Третья дочь, Дарія Ивановна, за Дмитріемъ Андреевичемъ Шепелевымъ, оберъ-гофмейстеромъ, умершимъ 10 мая 1759 г.

8) Графиня Мареа Ивановна Остерманъ, супруга вице-канцлера графа Андрея Ивановича Остермана, дочь ближняго стольника Ивана

---

*) «Доп. къ Дѣяніямъ Петра I». Т. XII стр. 187.

**) «Описаніе порядка, держаннаго при погребеніи Петра Вел.» стр. 27.

Родіоновича Стрешнева и супруги его Наталіи Львовны Вельяминовой-Зерновой, родилась 1698 г. По желанію Петра и Екатерины, помолвлена 18 декабря 1720 г., причемъ государь подвелъ невѣсту, а государыня жениха; 21 января 1721 г. праздновала свадьба съ великолѣпіемъ въ присутствіи высочайшихъ сватовъ *). Пожалована въ статсъ-дамы 1725 г. и состояла въ этомъ званіи при императрицахъ Екатеринѣ I, Аннѣ и принцессѣ-правительницѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Когда, по восшествіи Елисаветы на престолъ, Остерманъ, объявленный преступникомъ, 18 января 1742 г. возведенъ былъ на эшафотъ и, вмѣсто казни, назначено ему вѣчное заточеніе на Березовые острова, то и Мароа Ивановна въ ту же ночь послѣдовала за нимъ. Остерманъ (род. 9 іюня 1686 г.) умеръ въ заточеніи 20 мая 1747 г. По возвращеніи изъ ссылки, Мароа Ивановна жила въ Москвѣ и скончалась 24 февраля 1781. Имѣла нравъ сердитый.

9) Графиня Анна Гавриловна Ягужинская (Во второмъ бракѣ Бестужева-Рюмина), была вторая супруга генералъ-прокурора, а впослѣдствіи кабинетъ-министра графа Павла Ивановича Ягужинскаго, и дочь государственнаго канцлера графа Гаврила Ивановича Головкина и супруги его Домны Андреевны, рожд. Дивовой. При Петрѣ I служила при императорскомъ дворѣ гофъ-фрейлиною. 10 ноября 1722 г., по волѣ Петра, выдана за графа Ягужинскаго. 1725 г. Екатерина I возвела ее въ достоинство статсъ-дамы. 6 апрѣля 1736 она овдовѣла **). Въ маѣ 1743 вторично вступила въ супружество съ оберъ-гофмаршаломъ графомъ Мих. Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ (род. 7 сентября 1688 г., старшимъ братомъ канцлера). Въ іюлѣ того же года, вмѣстѣ съ Лопухиными, за участіе въ заговорѣ противъ императрицы Елисаветы, арестована, а 29 августа, вмѣсто смертной казни, осуждена къ наказанію кнутомъ и урѣзанію языка; потомъ сослана въ Якутскъ, гдѣ и скончалась, но въ 1749 г. была еще въ живыхъ, когда мужъ ея 30 марта того года вторично обвѣнчался въ Дрезденѣ на вдовѣ саксонскаго оберъ-шенка Гаугвица. По смерти Анны Гавриловны, и до днесь, могила ея прославляется разнаго званія людьми, во множествѣ приходящими чтобы служить панихиды (вѣрное извѣстіе отъ ея невѣстки, графини Варвары Николаевны Ягужинской ***).

Графъ Павелъ Ивановичъ (род. 1683 г.) умеръ 6 апрѣля 1736 и

*) Сіе извѣстіе записано рукою Остермана въ нѣмецкой библіи.

**) Высокая ростомъ, прекрасный станъ, пріятное обхожденіе, лучшая танцовщица. Бант. Каменскій. Словарь I. 130—133. изд. 1836.

**) О гр. А. Г. Бестужевой-Рюмной смотри въ статьѣ пишущаго эти строки: «Наталья Өедоровна Лопухина» (Русск. Вѣстн. 1860 г. кн. IX).

погребенъ въ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ Александро-Невскомъ монастырѣ въ Спб.

10) Княгиня Марія Юрьевна Черкасская, дочь дѣйств. тайн. сов. князя Юрія Юрьевича Трубецкаго, вторая супруга государственнаго канцлера князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго, род. 27 марта 1696 г. Сочеталась бракомъ въ 1710 году. Скончалась 16 августа 1747 г. и погребена въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Была статсъ-дамою императрицы Анны и въ этомъ званіи находилась при ея короновaніи. Императрица Елисавета 18 декабря 1741 г. утвердила ее въ этомъ достоинствѣ и наградила своимъ портретомъ.

11) Графиня Авдотья Ивановна Чернышова, дочь Ивана Ивановича Ржевскаго, супруга генералъ-аншефа, сенатора и московскаго генералъ-губернатора, графа Григорія Петровича Чернышова. род. 12 февраля 1693 г., вступила въ супружество 1710, и скончалась 17 іюля 1747, 54 лѣтъ, и погребена въ Невскомъ монастырѣ.

Вся царская фамилія имѣла въ ней мощную покровительницу, особенно государевы племянницы, герцогини Курляндская и Мекленбургская; первая въ письмахъ къ ней подписывалась: „въ прочемъ пребываю вамъ неотмѣннымъ другомъ, Анна. Изъ Митавы, отъ 26 сентября 1728 г.“ (Письмо царевны Екатерины изъ Москвы отъ 29 декабря 1729 г. въ „Сѣверномъ Архивѣ“ 1823 г. января. № 1. стр. 104).

Въ статсъ-дамы Авдотья Ивановна пожалована съ восшествія Анны Ивановны на престолъ и находилась въ этомъ званіи при коронаціяхъ какъ сей государыни, такъ и Елисаветы Петровны и имѣла портретъ послѣдней. Мать Авдотьи Ивановны, Дарья Гавриловна, была дочь Гаврилы Петровича Соковнина, родного дяди замученнаго окольничаго, Алексѣя Прокофьевича, которому рубили ноги, руки и наконецъ голову; отысканная голова, по повелѣнію царевны Софіи, погребена близъ церкви Николы-Красный-звонъ въ Китаѣ. При торжествованіи одной шутовской свадьбы Дарія Гавриловна названа Петромъ I князь-игуменьей, и съ тѣхъ поръ по смерть свою она такъ была титулована. (Сравни выше стр. 479).

12) Бетина-Готлиба герцогиня Биронъ, супруга Эрнеста-Іоганна, владѣтельнаго герцога Курляндскаго, рожд. фонъ-деръ-Троттъ-фонъ-Трейденъ. Во время коронованія Анны Іоанновны г-жа Биронъ значится въ числѣ статсъ-дамъ императрицы по старшинству пожалованія, а будучи герцогинею, брала первенство у самой оберъ-гофмейстерины. 1740 г. февраля 14, въ торжество мира съ турками, возложенъ на нее орденъ св. Екатерины, а дочь ея получила камеръ-

фрейлинскій портретъ, богато украшенный бриліантами*). Въ томъ же 1740 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда ея супругъ, по сдѣланному заговору въ пользу принцессы Анны Леопольдовны, былъ арестованъ и отрѣшенъ отъ регентства, потомъ сосланъ, то и она претерпѣла равное съ нимъ несчастіе и была лишена ордена. 1762 г. августа 22 вторично получила оный отъ Екатерины II, а скончалась послѣ 1780 г. Была ненавидима въ Россіи и въ просторѣчіи прозвана „индѣйкою“ т.-е. курицею. На изображеніяхъ ея нѣтъ статсъ-дамскаго портрета, потому что, будучи супругою владѣтельнаго князя, она не находила приличнымъ носить это отличіе.

13) Графиня Екатерина Ивановна Головкина. Супруга вице-канцлера, графа Михаила Гавриловича Головкина, единственная дочь князя-кесаря Ивана Ѳедоровича Ромодановскаго и княгини Анастасіи Ѳедоровны, дочери боярина Ѳеодора Петровича Салтыкова и меньшой сестры царицы Прасковіи Ѳеодоровны, супруги царя Іоанна Алексѣевича —Графиня Головкина, бывшая по матери своей двоюродною сестрою императрицы Анны Ивановны, всегда находилась въ отмѣнной милости. Родилась 22 ноября 1701 г., въ супружество вступила 8 апрѣля 1722; въ свадебномъ поѣздѣ Петръ I предъ каретою молодыхъ ѣхалъ верхомъ съ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ, а когда пили за здоровье новобрачныхъ, то самъ разносилъ вино. 1730 г., по пріѣздѣ императрицы Анны въ Москву, предъ самой коронаціею, пожалована въ статсъ-дамы, и носила ея портретъ. 1741 г., ноября 24, когда лучшее общество столичнаго города С.-Петербурга отъ души и сердца праздновало день ангела любимой и обожаемой имянинницы (т.-е. графини Екатерины Ивановны), въ ту самую ночь принцесса Елисавета Петровна преданными ей возведена на всероссійскій престолъ. Графъ Головкинъ, мучимый подагрою, предчувствовалъ постигшее его несчастіе. Всѣ приверженцы правительницы были арестованы; Головкинъ два мѣсяца содержался въ Петропавловской крѣпости. 1742 г., января 22 онъ внесенъ былъ на эшафотъ; прочитаннымъ манифестомъ объявлена ему смертная казнь, голова положена на плаху; затѣмъ ему дарована жизнь съ отправленіемъ въ отдаленный край Сибири, именно въ острогъ Германгъ. Главною причиною несчастія Головкина былъ генералъ-прокуроръ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой **), имѣвшій въ первомъ супружествѣ сестру графа Михаила Гавриловича, графиню Анастасію Гавриловну (ум. 1735 г.).

*) Прим. къ С.-Петербургск. вѣдомостямъ 1740 г. апрѣля 1, ч. XXV по XXX

**) Кн. Никита Юрьевичъ Трубецкой род. 1700 г. Назначенъ генералъ-прокуроромъ 29 апрѣля 1740, и находился въ этомъ званіи до 15 августа 1760 г

Примѣрная любовію къ мужу и твердостію духа, Головкина ходила во дворецъ умилостивить государыню и просить о помилованіи мужа; но не была допущена, а повелѣно сказать ей, что сего перемѣнить невозможно, но что, за заслуги ея дѣда и отца государю Петру I, она не будетъ лишена не токмо собственнаго родового имѣнія, но также принадлежавшаго мужу ея (всего до 17,000 душъ крестьянъ), а какъ статсъ-дама будетъ имѣть въѣздъ ко двору, если съ нимъ, т. е. съ мужемъ, разстанется. Она отвѣчала: „любила мужа въ счастіи; еще болѣе люблю въ несчастіи; всеподданнѣйше прошу у ея величества одной величайшей милости: чтобы дозволено мнѣ было навсегда оставаться при немъ неразлучно".

Проживши въ Германгѣ 14 лѣтъ, въ тѣсной хижинѣ, она съ терпѣніемъ переносила всякаго рода злоключенія. Окружавшіе ихъ слуги, соскучивъ тамошнимъ пребываніемъ, не хотѣли имъ повиноваться. Графиня нашлась принужденною заниматься приготовленіемъ пищи, печеніемъ хлѣба, и, претерпѣвая во всемъ крайній недостатокъ, особенно въ ржаной мукѣ, примѣшивала въ хлѣбный растворъ мелко истолченную сушеную рыбу. (Князь Шаховской, въ своихъ запискахъ [ч. I. стр. 115], пишетъ, что она „въ отношеніи своихъ злоключеній великодушнѣе своего мужа являлась").

По многимъ признакамъ можно предполагать, что графъ Головкинъ скончался насильственно. Онъ лежалъ въ подагрѣ; супруга его, находившаяся при немъ почти безвыходно, отлучилась на короткое время къ заутрени, а возвратясь нашла его бездыханнымъ: по усмотрѣнному на шеѣ платочку, оказалось подозрѣніе на непокорную прислугу. Онъ скончался въ исходѣ 1755 г. Примѣрная его супруга предалася горести, читала по немъ псалтырь, не допустила предать тѣло землѣ, и въ сѣняхъ содержала его открытымъ, доколѣ сіе было возможно, въ надеждѣ испросить позволеніе перевезть его въ отчизну для погребенія. Долго дожидалась разрѣшенія, и едва къ годовому времени могла довезти его до Москвы. Прахъ его преданъ землѣ въ лѣтней церкви Георгіевскаго монастыря, позади праваго столба, въ трапезѣ *).

Скончался 16 октября 1767. Про него говорилъ гр. Алексѣй Петров. Бестужевъ-Рюминъ, что «у него душа истинно золотая, потому что, кромѣ золота, онъ никогда ничего не любилъ». А нѣкто капитанъ Калачовъ, подавая на него жалобу императрицѣ Елизаветѣ, писалъ: «Какой онъ генералъ-прокуроръ,— онъ просто генералъ-воръ». П. К.

*) Въ 1792 г., уже по кончинѣ графини Екатерины Ивановны, Георгіевскаго монастыря игуменья Елисавета, поновляя церковь, уничтожила всѣ памятники, находившіеся надъ гробами двухъ кесарей Ромодановскихъ, всѣхъ ихъ сродниковъ и другихъ особъ, въ томъ числѣ преданнаго имъ учителя Петра I, Никиты Моисеевича Зотова. П. К.

За раздачею значительнаго ея имѣнія (4.300 д.), въ томъ числѣ извѣстнаго села Кимры на Волгѣ, доставшагося ей послѣ дяди, московскаго генералъ-губернатора Василія Ѳед. Салтыкова и пожалованнаго графу Мартыну Карловичу Скавронскому, оставалось въ казенномъ завѣдываніи около 4000 душъ, которыя и были ей возвращены; также домъ на Никитской улицѣ, въ приходѣ Малаго Вознесенія, нѣкогда принадлежавшій Ромодановскимъ и извѣстный нерѣдкими посѣщеніями Петра Вел. (Домъ этотъ нынѣ не существуетъ).

Графиня поселилась въ Москвѣ. Императрица Екатерина, прибывъ въ древнюю столицу для коронованія, сдѣлала ей визитъ и оказывала ей величайшее уваженіе. Когда графъ Михаилъ Гавриловичъ былъ сосланъ, старшій братъ его, россійскій посланникъ въ Голландіи, графъ Александръ Гавриловичъ отказался возвратиться въ Россію и остался въ Голландіи, гдѣ дѣти его вступили въ голландскую службу. По просьбѣ графини Екатерины Ивановны императрица позволила внукамъ графа Александра Гавриловича возвратиться въ Россію и сохранить исповѣдуемую ими реформатскую вѣру.

Графиня Екатерина Ивановна пользовалась въ Москвѣ всеобщимъ уваженіемъ: на нее смотрѣли какъ на святую. Въ ея гостинной всегда сидѣла старушка, дворовая женщина, про которую графиня говорила пріѣзжавшимъ къ ней въ первый разъ: „она была моею горничною, когда я была статсъ-дамою; послѣдовала за мною въ Сибирь и никогда не хотѣла разлучиться со мною. Теперь она живетъ у меня какъ другъ, и я считаю ее наравнѣ съ лучшими и ближайшими моими родственниками.“

Въ 1767 г., умиралъ въ Москвѣ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, въ ужаснѣйшихъ мукахъ и угрызеніяхъ совѣсти, и послалъ умолять графиню Екатерину Ивановну пріѣхать къ нему. Она удивилась, но поѣхала къ умирающему. Когда она вошла въ комнату, старикъ, съ всклокоченными волосами, бросился съ постели къ ней въ ноги и закричалъ: „Сестра! прости меня: я много виноватъ былъ въ вашемъ несчастіи! Меня совѣсть мучитъ, и я чувствую, что если ты меня не простишь и не разрѣшишь, то на томъ свѣтѣ ожидаютъ меня муки страшныя. Умоляю тебя именемъ Бога милосердаго: прости и разрѣши меня!“ Она его простила и постоянно служила по немъ панихиды.

На 83-мъ г. графиня лишилась зрѣнія, и по семилѣтней слѣпотѣ, 20 мая 1791, скончалась на 90 году отъ рожденія. Погребена съ родственниками фамиліи Лопухиныхъ въ нижней Знаменской церкви Спасо-Андроніева монастыря.

Въ послѣдніе годы жизни, графиня Екатерина Ивановна глубоко сокрушалась, что не можетъ быть похоронена возлѣ мужа, по случаю состоявшагося закона о запрещеніи хоронить внутри города. Наружный ея видъ, подъ конецъ жизни, былъ отчасти отвратительный, ибо, будучи отъ природы росту высокаго и стройнаго, она имѣла корпусъ согбенный. Притомъ же безпрерывное, для нее нечувствительное, теченіе ртомъ слюны, а носомъ табаку, умножало непріятность. Но здравый разсудокъ и память о всѣхъ происшествіяхъ Петрова времени были достойны удивленія. (Записано очевидцемъ, отцомъ Павла Өедоровича Карабанова, изъ разговоровъ съ покойною графинею).

14) Наталія Өеодоровна Лопухина дочь Өеодора Николаевича Балкъ и супруги его Матрены Ивановны, рожд. Монсъ. Наталья Өедоровна, родилась 11 ноября 1699 г. Въ 1715 году, будучи 15 лѣтъ, вступила въ супружество съ Степаномъ Васильевичемъ Лопухинымъ, двоюроднымъ братомъ царицы Евдокіи Өеодоровны, камергеромъ, впослѣдствіи вице-адмираломъ и св. Александра Невскаго кавалеромъ. При коронаціи императрицы Анны значится въ статсъ-дамахъ. Была первою красавицею своего времени и любовницею извѣстнаго своею роскошью и блескомъ гофмаршала Рейнгольда Лёвенвольда. Въ ноябрѣ 1741 г., при восшествіи императрицы Елисаветы на престолъ, она съ супругомъ была арестована, но вскорѣ оба освобождены. Въ іюлѣ 1743 г., по случаю заговора маркиза де-Ботта, Наталія Өеодоровна, ея мужъ Степанъ Васильевичъ, сынъ ихъ подполковникъ Иванъ Степановичъ, и статсъ-дама графиня Анна Гавриловна Бестужева-Рюмина, рожд. Головкина, были снова арестованы, а 29 августа изданнымъ манифестомъ отъ опредѣленнаго наказанія: вырѣзавъ языкъ, колесовать, освобождены, съ повелѣніемъ наказать кнутомъ и урѣзавъ языки, сослать въ ссылку. Несчастная Лопухина, съ торговой казни, бывъ везена мимо сената и увидя у оконъ съ любопытствомъ толпившихся сенаторовъ, подписавшихъ неистовую сентенцію, воздѣвъ руки къ небу, кровію плюнула на нихъ и съ презрѣніемъ отворотилась. По кончинѣ императрицы Елисаветы, Наталія Өеодоровна, уже лишившись въ ссылкѣ и мужа и сына, возвращена была къ роднымъ и вскорѣ (11 марта 1763 г.) умерла. Погребена съ родомъ Лопухиныхъ въ Спасо-Андроніевомъ монастырѣ.

15) Графиня Прасковія Юрьевна Салтыкова, супруга камергера, впослѣдствіи генералъ-фельдмаршала, графа Петра Семеновича Салтыкова, дочь дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Юрія Юрьевича Трубецкого.

Въ 1730 году, когда герцогиня курляндская Анна Івановна, бывъ

избрана на всероссійскій престолъ, пріѣхала въ Москву, тогда Прасковья Юрьевнабыла очень милостиво принята, и имѣла во всякое время свободный входъ во дворецъ, потому что свекоръ ея, Семенъ Андреевичъ Салтыковъ, былъ, по матери, родственникъ императрицы, которая всегда называла его mon cousin. По сему обстоятельству Салтыкова употреблена была къ извѣщенію императрицы о существованіи партіи противной верховному тайному совѣту. 23 февраля, поздно вечеромъ, Прасковья Юрьевна доставила императрицѣ прошеніе, подписанное великимъ числомъ лицъ, о принятіи самодержавія,—вслѣдствіе чего, какъ извѣстно, 24 февраля на публичной аудіенціи изорванъ былъ актъ, подписанный Анною въ Митавѣ. За сію вѣрную, съ опасностію сопряженную службу, Салтыкова предъ коронаціей пожалована въ статсъ-дамы. Въ слѣдующемъ 1732 г. января 19 свекоръ ея, равно и супругъ со всѣмъ ихъ семействомъ пожалованы графскимъ россійской имперіи достоинствомъ. Въ 1741 г. Елисавета, по вступленіи на престолъ, декабря 18, въ день своего рожденія, подтвердила ей статсъ-дамское званіе и пожаловала свой портретъ.

(П. Ю. Салтыкова родная сестра княгини Черкасской. (смотр. № 10).

16) Свѣтлѣйшая ландграфиня Анастасія Ивановна Гессенъ-Гомбургская, вторая супруга свѣтлѣйшаго князя Дмитрія Антіоховича Кантемира, молдавскаго господаря, — третья дочь генералъ-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкаго и статсъ-дамы, княгини Ирины Григорьевны, рожд. Нарышкиной, — род. 4 окт. 1700 г.; — вступила въ супружество съ господаремъ молдавскимъ 14 января 1717. По смерти князя Кантемира (30 августа 1723) она вторично вышла, 3 февраля 1738 г., за Лудвига-Вильгельма, ландграфа Гессенъ-Гомбургскаго, бывшаго въ россійской службѣ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, потомъ генералъ-фельдмаршаломъ, шляхетскаго кадетскаго корпуса директоромъ, лейбъ-гвардіи измайловскаго полка подполковникомъ и орденовъ св. ап. Андрея и св. Александра Невскаго кавалеромъ. Елисавета, по восшествіи на престолъ, пожаловала ее (25 ноября 1741) двора своего статсъ-дамою *), и въ томъ же 1741 году, дек. 18, возложила на нее орденъ св. Екатерины. Въ слѣд. 1742 г., въ февралѣ, ландграфиня сопровождала императрицу въ Москву для коронованія, и значится присутствовавшею въ сей церемоніи. Она брала первенство у всѣхъ статсъ-дамъ, не исключая и оберъ-гофмейстерины, вѣроятно по происхожденію и титулу своего супруга; имѣя же кавалерскій орденъ, она, подобно оберъ-гофмейстеринѣ гр. Воронцовой, не носила императрицына портрета. Умерла вдовою 27 нояб. 1755 г., 55-ти лѣтъ,

---

*) Исторія о князѣ Кантемирѣ съ родословіемъ. Соч. профессора Беера.

и погребена въ Невскомъ монастырѣ въ теплой церкви Благовѣщенія.

17) Марія Алексѣевна Салтыкова, вторая супруга дѣйств. тайн. сов., императрицы Анны Ивановны генералъ-адъютанта, генералъ-полицеймейстера и орденовъ св. апостола Андрея и св. Александра Невскаго кавалера, Василія Ѳедоровича Салтыкова, дочь полковника князя Алексѣя Борисовича Голицына и супруги его Анны Ивановны Сукиныхъ—род. 1 января 1701 г. Въ статсъ-дамы пожалована по восшествіи Елисаветы Петровны на всероссійскій престолъ, въ первое празднованіе дня рожденія императрицы, 18 декабря 1741 г., за участіе мужа въ семъ заговорѣ; въ этотъ же день, 12-ти лѣтняя дочь ихъ, Анна Васильевна, почтена фрейлинскимъ знакомъ. Марія Алексѣевна скончалась въ 1752 г. октября 14, на 52 году, и погребена въ Невскомъ монастырѣ.

Василій Ѳедоровичъ Салтыковъ умеръ въ 1755 г.

18) Графиня Мавра Егоровна Шувалова 1-я, по отцѣ Шепелева, супруга генералъ-фельдцейхмейстера графа Петра Ивановича Шувалова. Родилась 23 апрѣля 1708 г., взята въ камеръ-юнгферы ко двору цесаревны Елисаветы Петровны, и была потомъ ея фрейлиною и другомъ. Когда эта принцесса взошла на престолъ (25-го ноября 1741), то въ слѣдующемъ 1742 г., въ февр. мѣсяцѣ, передъ отъѣздомъ въ Москву для коронованія, выдала ее за Шувалова, бывшаго при маломъ дворѣ пажемъ и камеръ-юнкеромъ. Въ день коронаціи, 25 апрѣля, пожалована въ статсъ-дамы, при чемъ получила пребогатый портретъ. Она скончалась 9 іюня 1759 и погребена въ Николаевскомъ Малицкомъ монастырѣ, что близъ Твери. Послѣ ея кончины, ея мужъ, графъ Петръ Ивановичъ вступилъ вторично въ бракъ съ княжною Анною Ивановною Одоевскою; умеръ 4 января 1762 г.

Въ 1719 г. Мавра Егоровна, имѣя только 11 лѣтъ, показана въ спискѣ дѣвушкою (камеръ-юнгферою) при комнатахъ царевны Анны Петровны. (Доп. къ Дѣян. Петра I, т. XII стр. 133).

19) Графиня Анна Артеміевна Гендрикова, супруга двоюроднаго брата императрицы, дѣйств. камергера и св. Александра Невскаго кавалера, графа Андрея Симоновича Гендрикова, дочь кабинетъ-министра Артемія Петровича Волынскаго и супруги его Александры Львовны, рожд. Нарышкиной. Когда 27 іюня 1740 г. отцу ея сперва отрѣзанъ языкъ, потомъ отсѣчена правая рука и наконецъ отрублена голова, то дѣти его, сынъ и двѣ дочери, 30 іюня того же года отправлены въ Сибирь. Изъ нихъ Марія Артеміевна привезена 3 ноября въ Енисейскъ въ Рожественскій монастырь, и тамъ на другой день пострижена, съ нареченіемъ Маріамною; Анну Артеміевну повезли въ Якутскъ, но, за неимѣніемъ тамъ женскаго монастыря, до-

ставили 26 ноября въ Иркутскъ, гдѣ того же дня постригли въ Знаменскомъ монастырѣ, наименовавъ ее Анисіею. 1741 г. января 31, правительница Анна Леопольдовна ихъ освободила, съ повелѣніемъ снять монашескій санъ и отпустить въ Москву къ родному ихъ дядѣ Александру Львовичу Нарышкину. Анна Артеміевна, по матери своей Нарышкиной, была внучатною сестрою императрицы Елисаветѣ, которая, вступивъ на престолъ, передъ отъѣздомъ въ Москву для коронованія, въ началѣ 1742 г. выдала ее за своего двоюроднаго брата Андрея Симоновича Гендрикова, а 25 апрѣля того же года, въ день коронованія, пожаловала ее въ дѣйствительныя статсъ-дамы.

Старшая сестра ея, Марія Артеміевна, вышла потомъ за Ивана Ларіоновича Воронцова, принадлежавшаго къ числу лицъ, участвовавшихъ въ возведеніи Елисаветы на престолъ. Графъ Андрей Симоновичъ скончался 1748 г. бездѣтнымъ.

20) Графиня Анна Карловна Воронцова. (См. въ оберъ-гофмейстеринахъ.)

21) Марія Симоновна Чоглокова. (См. въ оберъ-гофмейстеринахъ.)

22) Графиня Варвара Алексѣевна Шереметева, супруга генералъ-аншефа, оберъ-камергера графа Петра Борисовича Шереметева, единственная дочь государственнаго канцлера князя Алексѣя Михайловича Черкасскаго и супруги его статсъ-дамы княгини Маріи Юрьевны (см. № 10), родилась 11 сентября 1711 года. По вступленіи императрицы Анны на престолъ, она, за заслуги отца, имѣла дозволеніе носить локоны (преимущество фрейлинъ), хотя и не была фрейлиною. Императрица Елисавета, вскорѣ по воспріятіи престола, въ 1741 г., пожаловала ее въ камеръ-фрейлины и подарила своимъ портретомъ; въ этомъ званіи, въ февралѣ 1742 г., она сопровождала императрицу въ Москву для коронованія и значится при сей церемоніи. 1743 г., января 28, при брачномъ сочетаніи, объявлена статсъ-дамою. Скончалась 1767 г. октября 2, 56 лѣтъ и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Графъ Петръ Борисовичъ род. 26 февраля 1713 г., ум. 3 ноября 1788 г., 75 лѣтъ.

23) Графиня Марія Андреевна Румянцева. (См. въ оберъ-гофмейстеринахъ.

24) Графиня Екатерина Ивановна Разумовская, супруга графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго (впослѣдствіи малороссійскаго гетмана), дочь Ивана Львовича Нарышкина и супруги его Даріи Кирилловны, рожд. Нарышкиной же. Родилась 11 мая 1729 г. Будучи внучатной сестрою императрицы Елисаветы, находилась при

ней фрейлиною. 1746 г. іюня 29, въ присутствіи государыни и всего двора, въ придворной церкви обручена съ графомъ Кирилломъ Григорьевичемъ Разумовскимъ (род. въ 1728), а того же года, октября 27, въ С.-Петербургѣ, во дворцѣ, въ 7-мъ часу вечера, совершено съ немалымъ великолѣпіемъ брачное ихъ сочетаніе въ присутствіи императрицы и всего двора; по окончаніи ужинъ и балъ были въ императорскихъ комнатахъ. На другой день, октября 28, новобрачная объявлена статсъ-дамою съ пожалованіемъ пребогатаго портрета; ввечеру, у двора, вторично балъ и ужинъ. Октября 30 императорская фамилія удостоила ихъ, въ собственномъ ихъ домѣ, вечернимъ посѣщеніемъ.—1762 г., іюля 25, императрица Екатерина, вскорѣ по восшествіи на престолъ, удостоивъ ихъ посѣщеніемъ предъ ужиномъ, возложила на графиню орденъ св. Екатерины. — Скончалась 1771 г. іюля 22 и погребена въ Александро-Невскомъ монастырѣ въ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы.

25) Мареа Симоновна **Сафонова**, супруга генералъ-поручика, дѣйствительнаго камергера и св. Анны кавалера, Михаила Ивановича Сафонова, дочь Симона Леонтьевича Гендрикова и супруги его Кристины Самойловны, рожденной Скавронской, родной сестры императрицы Екатерины I. Родилась въ 1727 г. Когда Елисавета Петровна была цесаревною, то, по родству, содержала ее у малаго двора своего гофъ-фрейлиною. Какъ она, такъ и старшая сестра ея, Марія Симоновна находились тогда въ крайней бѣдности и имѣли надъ собою строгій надзоръ по повелѣнію царствовавшей императрицы Анны. 1741 г. ноября 25, Елисавета вступила на престолъ и въ слѣдующемъ 1742 г. въ февралѣ мѣсяцѣ переѣхала въ Москву для коронованія, которое совершилось 25 апрѣля. Тутъ Мареа Симон., вмѣстѣ съ родными своими, почтена титуломъ россійскаго графства. 1747 году ноября 4 вступила въ бракъ съ Сафоновымъ и на другой день на балѣ во дворцѣ наименована статсъ-дамою. Умерла 1754 г. сентября 1, 27 лѣтъ отъ роду, и погребена у дверей, на правой сторонѣ, въ бывшей трапезѣ сломанной церкви Вознесенія Господня, что̀ на Никитской въ Москвѣ. (Тутъ же погребенъ былъ ея отецъ, мать, сестра Агаеія Симоновна Петрово-Соловово и зять Николай Наумовичъ Чоглоковъ). Отъ этого супружества рождены два сына и три дочери, изъ коихъ: 1) Елисавета Михаиловна была въ замужствѣ за подполковникомъ княземъ Александромъ Петровичемъ **Щербатовымъ** и 2) Мареа Михаиловна за полковникомъ Сергіемъ Алексѣевичемъ **Дмитріевымъ-Мамоновымъ**. Мареа Симоновна была глупая и вздорная женщина. Однажды, поссорившись съ мужемъ своимъ и бывши имъ оттолкнута или по-

лучивши пощечину, она пожаловалась императрицѣ, которая приказала посадить Сафонова на хлѣбъ и на воду, пріемля сей поступокъ, по причинѣ столь близкаго родства съ Мароой Симоновной, за оскорбленіе собственной своей особы.

26) Елена Александровна Нарышкина (См. въ гофмейстеринахъ).

27) Княгиня Ирина Григорьевна Трубецкая, супруга генералъ-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого, дочь окольничаго Григорія Филимоновича Нарышкина. Родилась 1671 г. апрѣля 6, скончалась въ Москвѣ 1749 г. іюня съ 20 на 21 число и погребена въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Въ супружество вступила 1691 г. апрѣля 28. Ихъ дочери: княжна Екатерина, и княжна Анастасія Ивановна, впослѣдствіи ландграфиня Гессенъ-Гомбургская (см. выше).

28) Баронесса Екатерина Карловна Корфъ, супруга генералъ-аншефа, сенатора, главнаго директора надъ полиціями, дѣйств. камергера, наслѣдникова кирасирскаго полка вице-полковника, орденовъ св. апостола Андрея и другихъ кавалера, барона Николая Андреевича Корфа (род. 1710, ум. 24 апр. 1766), дочь Карла Самуиловича Скавронскаго, родного брата императрицы Екатерины I, которая, по принятіи всероссійскаго престола, его съ происходящимъ потомствомъ и брата его Өеодора Самуиловича возвела въ россійское графство.

Была дѣйств. статсъ-дамою императрицы Елисаветы Петровны. Умерла 1757 г. февраля 22 и погребена въ Благовѣщенской церкви Невскаго монастыря.

29) Анастасія Михайловна Измайлова, супруга генералъ-майора Василія Андреевича Измайлова, дочь камергера Михаила Григорьевича Нарышкина (внучатнаго дяди Петра В.) и супруги его Ульяны Андреевны, рожден. Колычовой. Родилась 1793 г. декабря.... 1747 г. пожалована въ статсъ-дамы. Указомъ 30 сентября 1759 г. повелѣно ей дать „въ потомственное владѣніе въ Ингерманландіи или околичностяхъ здѣшнихъ 300 душъ“. Умерла 1761 г. мая 6 и погребена въ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ Александро-Невскомъ монастырѣ.

30) Княгиня Анна Львовна Трубецкая, супруга лейбъ-гвардіи измайлов. полка капитана, князя Алексѣя Юрьевича Трубецкого, дочь боярина Льва Кирилловича Нарышкина и супруги его Анны Петровны, рожд. Салтыковой (которая, во второмъ бракѣ, была за генералъ-фельдмаршаломъ графомъ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ). Родилась 9 декабря 1704 г. Бывши по отцѣ двоюродною сестрою Петра I, считалась принадлежащею къ царской фамиліи, и во время погребенія сего государя, въ глубокомъ траурѣ, обще съ

сестрою Маріею Львовною, ведены были за гробомъ, имѣя по этикету своихъ ассистентовъ. У Анны Львовны ассистентомъ былъ поручикъ Иванъ Сатинъ, а шлейфъ несъ ея пажъ. Въ супружество вступила между 1725 и 1731 годами. Въ 1743 г. была вдовою. Въ статсъ-дамы пожалована въ 1756 г. императрицею Елисаветою и носила ея портретъ. Въ 1764, по старости, уволена отъ двора въ Москву съ пожалованіемъ, по тогдашнему, знатной суммы денегъ. Скончалась 18 сентября 1776 г. и погребена въ Донскомъ монастырѣ.

31) Графиня Марія Николаевна Скавронская, супруга двоюроднаго брата императрицы Елисаветы Петровны, генералъ-аншефа и св. ап. Андрея кавалера, графа Мартына Карловича Скавронскаго, дочь дѣйств. статс. сов. барона Николая Григорьевича Строгонова и Прасковьи Ивановны, рожден. Бутурлиной. 1753 г. декабря 10, въ Москвѣ, императрица Елисавета торжественно перешла въ Головинскій дворецъ, на мѣстѣ сгорѣвшаго въ шесть недѣль вновь выстроенный, и въ тотъ же день ввечеру, въ присутствіи государыни, послѣдовало обрученіе баронессы Маріи Ник. [Нащокинъ (стр. 132) называетъ ее „контессою"] съ камергеромъ графомъ Скавронскимъ. Свадьба совершилась 1754. Въ дѣйствительныя статсъ-дамы пожалована въ 1756 году. Орденъ св. Екатерины 1-го класса получила въ день коронованія Павла, 5 апрѣля 1797 г. Скончалась 1805, погребена въ Невской лаврѣ (надгробнаго памятника не имѣется). Графъ Мартынъ Карловичъ Скавронскій род. 24 іюля 1714 г., скончался 28 іюня 1776 г. и погребенъ въ Невской лаврѣ.

32) Княгиня Екатерина (прежде Смарагда) Дмитріевна Голицына, супруга полномочнаго посла въ Вѣнѣ, князя Дмитрія Михайловича Голицына, дочь молдавскаго господаря, князя Дмитрія Антіоховича Кантемира и второй его супруги Анастасіи Ивановны, рожд. княжны Трубецкой (см. статсъ-дамы № 16). Родилась 19 ноября 1720. Въ 1744 г. пожалована была камеръ-фрейлиною. Обвѣнчана 1751 г. января 28, при дворѣ, въ присутствіи императрицы Елисаветы Петровны и всѣхъ знатныхъ особъ; на другой день, 29 января, при дворѣ же, на 200 персонъ былъ ужинъ и баломъ окончено (Нащокинъ, 105). Въ дѣйств. статсъ-дамы пожалована 28 января 1751 г. Скончалась въ Парижѣ 2 ноября 1761, 40 лѣтъ отъ роду. Въ слѣдующемъ 1762 г. тѣло ея привезено въ С.-Петербургъ и 20 декабря погребено въ Невской лаврѣ.

33) Агриппина Леонтьевна Апраксина, супруга генералъ-фельдмаршала, Степана Ѳедоровича Апраксина, дочь генералъ-поручика Леонтія Яковлевича Соймонова и супруги его, рожд. Кокошкиной. Родилась 4 іюня 1719 г. Въ дѣйств. статсъ-дамы пожалована 1756

октября 26, при отправленіи супруга ея въ Ригу для принятія начальства надъ собранною арміею предъ открытіемъ прусской войны; а ему даны были драгоцѣнный соболій мѣхъ съ богатою парчею и серебряный сервизъ въ 18 пудовъ. При паденіи Степана Ѳедоровича, принуждена была оставить дворъ; а по смерти его (1760) удалилась въ подмосковное село Ольгово. По восшествіи Петра III на престолъ въ 1762 г. возвращена въ С.-Петербургъ. Скончалась 1771 г. октября 28, 52 лѣтъ, и погребена въ Невской лаврѣ. Была одарена возвышенными и благородными чувствами.

Степанъ Ѳедоровичъ род. 30 іюля 1702 г. Былъ содержанъ подъ арестомъ на урочищѣ Трехъ-Рукъ близъ С.-Петербурга и сужденъ за отступленіе послѣ выигранной Гроссъ-Егерсдорфской баталіи. Скончался отъ паралича 25 августа 1760 г. Погребенъ въ Невской лаврѣ (сравни ниже № 89).

34) Графиня Анна Алексѣевна Матюшкина (См. въ оберъ-гофмейстеринахъ, № 6).

35) Княгиня Екатерина Романовна Дашкова, супруга князя Михаила (Кондрата) Ивановича Дашкова, императрицы Екатерины II камеръ-юнкера и лейбъ-кирасирскаго полка вице-полковника (род. 3 марта 1736 г., скончалась 17 августа 1764), дочь генералъ-аншефа графа Романа Иларіоновича Воронцова и супруги его, Марѳы Ивановны Сурминой (бывшей, до ссылки перваго ея мужа въ Сибирь, княгинею Долгорукою).

Родилась въ С.-Петербургѣ 17 марта 1743 г. Въ ея запискахъ на англійскомъ языкѣ годъ рожденія показанъ невѣрно. Воспріемниками отъ купели были: царствовавшая императрица Елисавета и наслѣдникъ ея великій князь Петръ Ѳедоровичъ. Оставшись двухъ лѣтъ по кончинѣ матери, она воспитывалась въ домѣ дяди своего, канцлера графа Воронцова, и на 16-мъ году вступила въ супружество съ княземъ Дашковымъ (въ февралѣ 1759 г.). Молодая княгиня вскорѣ проникла въ фамильныя несогласія всѣхъ особъ императорскаго дома и старалась пріобрѣсть довѣренность и дружество великой княгини Екатерины Алексѣевны. Симъ средствомъ она насильно принудила включить себя въ число лицъ участвовавшихъ въ замыслѣ о возведеніи Екатерины на престолъ; тутъ отчасти была причиною ненависть ея къ родной сестрѣ, графинѣ Елисаветѣ Романовнѣ Воронцовой, камеръ-фрейлинѣ и первой любимицѣ Петра III, съ которою онъ имѣлъ намѣреніе обвѣнчаться. Когда Екатерина II, 28 іюня 1762 г., принимала присягу отъ гвардейскихъ полковъ, княгиня Дашкова вездѣ слѣдовала за нею верхомъ; въ сіе время государыня, возложивъ на себя Андреевскій орденъ, передала ей Екатерининскую

ленту. Черезъ нѣкоторое время, императрица, оглянувшись, къ удивленію своему, увидѣла ленту на плечѣ Дашковой и съ усмѣшкою сказала: „Поздравляю“....—„И я васъ поздравляю“, отвѣчала княгиня съ свойственною ей дерзостію. По ея желанію, Екатерина, при восшествіи своемъ, пожаловала ей, вмѣсто вотчинъ, 24,000 руб., а въ день коронаціи 22.... 1762 г. она возведена въ статсъ-дамское достоинство. Хотя довѣренность государыни еще не уменьшилась, но тяжелый и испорченный нравъ Дашковой уже начиналъ отягощать императрицу. Въ 1770 г. Дашкова путешествовала по разнымъ государствамъ Европы. Въ 1778 г. предприняла вторичное путешествіе за границу. Въ 1783 г. основана императорская россійская академія, и княгиня Екатерина Романовна назначена предсѣдателемъ оной. 1785 г. января 28 особеннымъ указомъ поручена ей дирекція надъ С.-Петербургскою Академіею Наукъ,—примѣръ единственный во всей Европѣ, чтобы женщина была названа директоромъ. Домогательство княгини быть награжденною по мѣсту, ею занимаемому, орденомъ св. Владиміра 2-й ст., покровительство Радищеву, издавшему въ печать возмутительное и дерзкое „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву,“ и наконецъ трагедія „Вадимъ Новгородскій“ Княжнина, по ея волѣ пропущенная цензурою и напечатанная, довершили ея паденіе. Слѣдствіемъ того было высочайшее повелѣніе ей выѣхать изъ Петербурга и не являться болѣе ко двору. При восшествіи Павла I на престолъ, Дашкова была выключена изъ директоровъ Академіи Наукъ и потерпѣла общее гоненіе со всѣми, участвовавшими въ судьбѣ Петра III: ее выслали изъ Москвы и предписали ей жить въ серпуховской деревнѣ; потомъ императоръ, дабы увеличить наказаніе, приказалъ перевезть ее въ новгородскія деревни, и наконецъ безпрестанно возить подъ присмотромъ изъ одного уѣзда этой губерніи въ другой, назначивъ не болѣе трехъ сутокъ роздыха на одномъ мѣстѣ. Въ уваженіе къ ходатайству императрицы Маріи Θеодоровны княгиня возвращена была на пребываніе въ Москву. Когда вступилъ на престолъ императоръ Александръ, она не пожелала жить въ Петербургѣ у двора; начала вести жизнь совершенно уединенную и носить мужское платье. „Природа, шутя говорила она: ошибочно вложила въ меня мужское сердце“. Эта необыкновенная женщина, прославившаяся на поприщѣ наукъ и политики, при дворѣ и въ Академіи, извѣстная не только въ Россіи, но и во всей Европѣ, скончалась въ Москвѣ 4 января 1810 г. на 67 г. отъ рожденія и погребена въ селѣ Троицкомъ, Калужской губерніи.

Вотъ ея полный титулъ: „россійскаго императорскаго двора статсъ-адма, св. великомученицы Екатерины кавалеръ, императорской акаде-

міи наукъ директоръ, россійской императорской академіи президентъ, римско-императорско-эрлангенской, королевскихъ стокгольмской и дублинской академій, обществъ—берлинскаго испытателей природы, философическаго въ Филадельфіи, цельскаго земледѣлія, с.-петербургскаго экономическаго и московскаго университета—членъ".

Она соединяла въ себѣ щедрость съ мелочною скупостью, великодушіе съ мщеніемъ; была отлично умна, съ просвѣщеніемъ и всегда стремилась къ первенству.

Въ запискахъ А. В. Храповицкаго („Отеч. Записки" Свиньина, 1821 и 1822 гг.) встрѣчаются довольно часто отзывы императрицы Екатерины II о княгинѣ Дашковой. Такъ, 1787 г., во время похода въ Тавриду, за Кіевомъ, на галерѣ по Днѣпру, 23 апрѣля императрица сказала: „Княгиня Дашкова хочетъ, чтобы къ ней писали, а она, ѣздя по Москвѣ, предъ всѣми—письмами хвастается". Въ 1787, ноября 16, въ С.-Петербургѣ слова Екатерины: „Дашкова съ Нарышкиной въ такой ссорѣ, что, сидя рядомъ (по статсъ-дамскому старшинству), отворачиваются другъ отъ друга и составляютъ двуглаваго орла: ссора за пять сажень земли!" 1788, февраля 24, государыня сказала: „Съ Дашковой хорошо быть по-далѣе". Въ тотъ же день: „Дашкова хотѣла бы жить въ Царскомъ Селѣ по причинѣ печали, ей причиненной женитьбою сына на А". 1788 г. мая 19, въ Царскомъ Селѣ выведенъ совѣтъ, чтобы очистить комнаты для Анны Никитичны Нарышкиной (см. гофм. № 3) но такъ расположено, чтобы не было комнатъ для княгини Дашковой; при семъ сказано: „Съ одною хочу проводить время, съ другою нѣтъ". 1788, октября 23, государыня вручила Храповицкому для переписки пословицу на русскомъ языкѣ: "За мухой съ обухомъ"; тутъ очень ясно описана тяжба Дашковой съ Нарышкинымъ; княгиня названа Пострѣловой, и описано ея хвастовство о вояжахъ. 1789 г., октября 30, Екатерина сказала: „Дашкова побила свиней Нарышкиной". Смѣялась этому происшествію; приказано скорѣе кончить дѣло въ судѣ. 1789 г., апрѣля 23, Екатерина, разговаривавшая о княгинѣ Дашковой, отдавала ей справедливость, что имѣетъ познанія и умнѣе многихъ мужчинъ. Вдобавокъ къ этому, Екатерина изъясняясь съ графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ по дѣлу, касавшемуся до княгини Дашковой, заключила: „Постарайтесь успокоить ее, ибо она человѣкъ надменный и злоязычный". (Изустное преданіе покойнаго графа) Справедливость этого изреченія подтверждаютъ записки княгини Дашковой, ею писанныя, въ которыхъ перомъ ея водило злословіе.

36) Княгиня Дарія Алексѣевна **Голицына**, супруга генералъ-фельдмаршала князя Александра Михаиловича Голицына, дочь князя Алексѣя Матвѣевича **Гагарина** (сестра графини Анны Алексѣевны

Матюшкиной (см. оберъ-гофм. № 6), родилась въ январѣ 1724 г. Была фрейлиною императрицы Елисаветы Петровны (Порошинъ, 505). Въ супружество вступила въ 1747 г. Въ дѣйств. статсъ-дамы пожалована 15 августа 1773 г., при принятіи великою княгинею Наталіею Алексѣевною грекороссійскаго закона. Умерла 18 мая 1798 г., 74 лѣтъ, и похоронена, съ мужемъ, въ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы въ Невскомъ монастырѣ. Женщина весьма глупая. Однажды лѣтомъ, на дачу, пріѣзжаетъ къ ней гостья. „Ахъ, какъ я тебѣ рада, закричала княгиня: а то смерть было скучно, и со скуки я уже хотѣла было велѣть пересѣчь своихъ араповъ“.

Фельдмаршалъ род. 17 ноября 1718 г., сконч. 11 декабря 1783, на 66 году, бездѣтнымъ. Онъ былъ младшимъ братомъ князя Петра Михаиловича, женатаго на Екатеринѣ Ал. Каръ (см. въ Фрейлинахъ № 30).

37) Графиня Екатерина Михайловна Румянцова-Задунайская, супруга генералъ-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, дочь генералъ-фельдмаршала князя Михаила Михайловича Голицына. Родилась 25 сентября 1725 г., въ супружество вступила въ 1748 г. Въ дѣйств. статсъ-дамы пожалована 15 августа 1773 г., въ день крещенія первой супруги Павла I, великой княгини Наталіи Алексѣевны, и назначена къ ней гофмейстериною. 1776 г., іюля 12; въ воспоминаніе славнаго мира, заключеннаго ея супругомъ съ Портою Оттоманскою, возложенъ на нее орденъ св. Екатерины, а свекровь ея, графиня Марія Андреевна (см. оберъ-гофм. № 5), облечена достоинствомъ оберъ-гофмейстерины. По кончинѣ великой княгини, графиня отпущена для всегдашняго пребыванія въ Москву, гдѣ и скончалась 22 августа 1779 г. на 55 году, и погребена въ Донскомъ монастырѣ. Женщина весьма почтенная.

38) Анна Никитична Нарышкина. (См. въ Гофмейстеринахъ, № 3).

39) Графиня Анна Иродіоновна Чернышева, супруга генералъ-фельдмаршала, главнокомандующаго въ Москвѣ, графа Захарія Григорьевича Чернышева, старшая дочь генералъ-майора барона Иродіона Кондратіевича фонъ-Ведель (ум. 1754) и супруги его Анастасіи Богдановны, рожд. Пассекъ. Родилась 1745 г. Обще съ меньшою сестрою своею, Маріею Родіоновною (впослѣдствіи за графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ), она находилась при матери своей, которая въ концѣ 1756 г. пріѣзжала съ ними на богомолье въ Ахтырку, и во снѣ видѣла Божію Матерь, которая предрекла ей скорую кончину, и сказала: „Я буду мать твоимъ дочерямъ“. Анастасія Богдановна, оставшись въ Ахтыркѣ, начала готовиться къ исходу и

вскорѣ скончалась. По дошедшему о томъ слуху ко двору императрицы Елисаветы, обѣ онѣ въ 1757 г. привезены въ Петербургъ и воспитаны во дворцѣ. 1762 г. Петръ III пожаловалъ ихъ въ фрейлины. Въ дѣйств. статсъ-дамы Анна Иродіоновна пожалована 15 августа 1773 г. въ крещеніе великой княгини Наталіи Алексѣевны. Орденъ св. Екатерины 1 кл. получила 5 апрѣля 1797 г. въ коронацію Павла I. Скончалась въ Смоленскѣ 9 іюля 1830 г., 85 лѣтъ и погребена въ смоленскомъ женскомъ монастырѣ.

Графиня Анна Иродіоновна съ родною теткою, княгинею Софіею Богдановною Кантемиръ, были у обѣдни въ церкви Николы на Пупыщахъ, гдѣ чудотворная икона Божіей Матери Утоленія Печали, замѣтили женщину въ слезахъ и полюбопытствовали узнать причину. „Я беззащитная; имѣю тяжебное дѣло, отъ котораго разорилась, и вчера сказали, что меня обвиняютъ, и что я должна всего лишиться“.—Попросила бы главнокомандующаго, возразила графиня. „Ахъ, матушка, не допускаютъ“!—Ну, такъ сходи къ его женѣ. „И того хуже; говорятъ, что она пренравная; вмѣсто милости, прогонитъ съ толчками“.—„Не вѣрь этому; графиня любитъ дѣлать добро и помогать несчастнымъ. Приходи завтра въ такое-то время, я представлю тебя“. Дворянку вводятъ, и она упадаетъ къ ногамъ графини.—„Ты невиновата, иди за мною,“ сказала Чернышева.—Чрезъ внутреннія комнаты она проводитъ просительницу къ графу.—„Вотъ барыня, которая меня разбранила; если она невинна, будь ея защитникомъ“.—Вскорѣ дѣло разсмотрѣно, найдено справедливымъ и рѣшено въ пользу дворянки, которая пришла благодарить главнокомандующаго. „Я исполняю долгъ обязанности“, сказалъ графъ: „а тебя благодарю, что жену проучила“. (Отъ княгини Кантемиръ).

— Отставной фаворитъ, Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, за обѣдомъ у главнокомандующаго, расхвастался, что всегда любилъ и почитаетъ необходимостію мозель-вейнъ. Графиня Анна Иродіоновна, по характеру своему, тотчасъ его остановила: „Конечно, живя во дворцѣ, а въ смоленской деревнѣ не употребляли ли вассеръвейнъ?“

— Выходя изъ-за стола, графиня отвела къ окну остряка князя Ник. Ивановича Одоевскаго и что-то ему сказала. Чрезмѣрно любопытный братъ его, кн. Серг. Ивановичъ спрашиваетъ о разговорѣ. „Велѣли привезти хорошую и толстую колбасу“, сказалъ князь и уѣхалъ. Терзаемый желаніемъ опередить, кн. Серг. Ивановичъ поспѣшно привозитъ колбасу и, остановясь въ дверяхъ, подаетъ знакъ графинѣ, сидѣвшей подлѣ игравшихъ въ карты. Она, приближась къ нему, засмѣялась и сказала: „князь Одоевскій вдумалъ кормить меня кол-

басами,—отчего?"—Я брату повѣрилъ, извиняясь сказалъ легкомысленный. „Какой проказникъ! никого не оставитъ безъ насмѣшки".

— Княжна Марія Николаевна Хованская, воспитанная въ Обществѣ благородныхъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ, по неосторожности, на бальномъ ужинѣ, съ десерта взяла грушу, тогда какъ графиня Чернышева, обходя столы, находилась очень близко и замѣтила. „Не порти порядка, милая княжна, сказала ей: положи грушу, ты получишь ее въ свое время".

— Въ присутствіи графа Захара Григорьевича и графини Анны Иродіоновны вносили какую-то тяжелую мебель. Графиня пригласила адъютанта.... къ помощи, который слегка только дотрогивался: Она, по пылкому нраву, толкнула его въ спину, а онъ въ запальчивости обнажилъ оружіе. Графъ, увидя, сказалъ: „Стыдись! вѣдь она баба"!

— Въ октябрѣ 1762 г., послѣ коронованія Екатерины II, Григорій Орловъ, много способствовавшій восшествію на престолъ, едва не обвѣнчался съ нею въ Троицко-Сергіевской лаврѣ. Въ продолженіи этого времени, за пріятельскимъ обѣдомъ, въ хмѣльномъ расположеніи, Орловъ далъ почувствовать, что можетъ содѣлаться супругомъ императрицы. „Берегись, сказалъ Чернышевъ: ты одинъ, а насъ много". И показавши столовый ножъ, прибавилъ: „Рука не дрогнетъ".—Опомнись, отвѣчалъ Орловъ, не лишись службы.— „Ею не дорожу", продолжалъ графъ. На другой день послѣдовалъ въ сенатъ собственноручный именной указъ, что графъ Захаръ Чернышевъ отставляется, потому что „ни Намъ, ни отечеству служить не желаетъ." Это было кратковременно. Екатерина образумилась и приказала возвратить подписанный указъ. (Изустное преданіе графини Анны Иродіоновны Чернышевой).

Продолженіе слѣдуетъ.

АРХИВЪ КНЯЗЯ М. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА-СМОЛЕНСКАГО.

1745—1813.

нынѣ принадлежащій правнуку его Ѳ. К. Опочинину.

III*).

Приступая въ настоящей книгѣ «Русской Старины» къ изданію подлинныхъ писемъ князя Кутузова-Смоленскаго, напомнимъ, въ нѣсколькихъ словахъ, главнѣйшіе факты его жизни, дабы не возвращаться къ нимъ въ примѣчаніяхъ къ этимъ документамъ.

*) «Русская Старина» 1870 г. т. I въ изд. первомъ стр. 249 и 325; въ изд. второмъ стр. 483.

Къ стр. 498.

ханида ∞ 1) тайн. сов. Бакунинъ. 2) д. т. с. бар. Бюллеръ.

Михаилъ, неч янно задушен кормилицей н 1-мъ году от роду.

∞ оберъ-гофм. Өедоръ Петров. Опочининъ. † 1852 г.

Константинъ ∞ Вѣра Ив. полковникъ. Скобелева. † 18 янв. 1848 г.

Снимокъ съ письма М. И. Го

къ женѣ его, Екатер

рожд. Бибиковой —

1790 года

12го декабря, въ [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

былъ
зой *),
никимъ
тилле-
ствен-
ныхъ;
ь 1762
и кон-
е уча-
кампа-
въ два
вника.
1772 г.
своихъ
нъ во
іи онъ
дъ Пе-
умной,
въ ру-
куту-
раваго
а свой
Куту-
враще-
ковой,
ьютан-
ы сдѣ-
на Де-
ніи въ
селеніи
усми-
ры. Во
ь полу-
ылокъ.
стался
ажался
десса),
ствомъ
. Илар.
утузова
гр. 248)
оссіи въ

Князь Михаилъ Илларіоновичъ (род. въ Спб. 5 сентября 1745 года) былъ сынъ генералъ-поручика и сенатора Илларіона Матвѣевича и Беклемишевой *), Воспитывался онъ сначала дома, а потомъ въ основанной Петромъ Великимъ дворянской артиллерійской школѣ, преобразованной въ 1762 г. въ артиллерійскій и инженерный кадетскій корпусъ.

Въ артиллерійской школѣ М. Ил. сдѣлалъ успѣхи въ языкахъ отечественномъ, нѣмецкомъ и французскомъ, въ математикѣ и наукахъ инженерныхъ; съ ранней молодости страстью его было чтеніе французскихъ романовъ.

Начавъ службу въ 1759 г. въ чинѣ капрала артиллеріи, Кутузовъ въ 1762 году былъ уже капитаномъ. Въ битвахъ русскихъ войскъ съ польскими конфедератами въ 1764, 1765 и 1769 гг. Мих. Иллар. принималъ дѣятельное участіе, а въ 1770 г. поступилъ въ армію Румянцова.

Во всѣхъ славныхъ побѣдахъ нашего оружія въ первую Турецкую кампанію, Кутузовъ отличилъ себя безстрашіемъ и распорядительностью и въ два года, 1770 и 1771 г., получилъ два чина, за отличіе—майора и подполковника. Одной изъ чертъ его характера была страсть къ шуткѣ и остротамъ: въ 1772 г. это обстоятельство причинило ему непріятность по службѣ. Въ шуткахъ своихъ онъ не щадилъ самого главнокомандовавшаго и былъ за то переведенъ во вторую армію, подъ начальство князя В. М. Долгорукова. Въ этой арміи онъ отличилъ себя въ дѣйствіяхъ подъ Кинбурномъ (1773 г.), сражался подъ Перекопомъ противъ татаръ (1774 г.) и здѣсь-то, подъ деревней Шумной, при взятіи приступомъ непріятельскаго лагеря, когда со знаменемъ въ рукахъ шелъ впереди штурмующихъ, Мих. Ил. получилъ знаменитую, кутузовскую рану: пуля ударила въ лѣвый високъ и вылетѣла близъ праваго глаза. Государыня наградила Кутузова орденомъ Георгія 4-й степени и на свой счетъ отправила его за границу, для излеченія. Въ этомъ путешествіи Кутузовъ ознакомился съ Германіей, Англіей, Голландіей и Италіей. По возвращеніи изъ-за границы Мих. Ил. женился на Екатеринѣ Ильинишнѣ Бибиковой, женщинѣ замѣчательной по своей красотѣ и еще болѣе по уму.

Въ 1776 г. Мих. Иллар. Кутузовъ нѣкогда, состоявшій недолго адъютантомъ у Суворова, теперь вновь сблизился съ нимъ и уже на многіе годы сдѣлался его «правою рукою». Въ 1777 г. Кутузовъ разбилъ крымскаго хана Девлетъ-Гирея; въ томъ же году онъ содѣйствуетъ Суворову въ утвержденіи въ Крыму Шагинъ-Гирея; въ 1778 г.—помогаетъ своему начальнику въ переселеніи 20 т. грековъ и армянъ въ Екатеринославскую губ.; въ 1785 г. вновь усмиряетъ Крымцевъ. Въ 1784 г. Кутузовъ произведенъ въ генералъ-майоры. Во второй Турецкой кампаніи, при штурмѣ Очакова, въ 1788 г. Кутузовъ получилъ вторую смертельную рану: пуля вошла въ щеку и вылетѣла въ затылокъ. Всѣ полагали, что раненый не доживетъ до слѣдующаго дня, но онъ остался живъ и въ іюнѣ слѣдующаго года уже водилъ войска къ побѣдамъ: сражался между Днѣстромъ и Бугомъ, участвовалъ въ штурмѣ Хаджибея (нынѣ Одесса), былъ при сдачѣ Бендеръ, а въ 1790 г. обезсмертилъ себя, подъ начальствомъ Суворова, взятіемъ Измаила.

Съ этого славнаго дня начинается длинный рядъ писемъ Мих. Иллар.

---

*) Въ «Словарѣ» Б. Каменскаго (1847 г. т. I стр. 294) мать кн. Кутузова названа Беклешовой, а въ «Родосл. Сборн.» кн. П. В. Долгорукаго (кн. II стр. 248) показана Беклемишевой, при чемъ указано на то, что мать спасителя Россіи въ 1612 г. кн. Д. М. Пожарскаго, была также изъ роду Беклемишевыхъ.

который является съ настоящей книги на страницахъ «Русской Старины.» Письма эти адресованы Кутузовымъ къ женѣ его, Екатеринѣ Ильинишнѣ Бибиковой (род. 5 ноября 1754 г. † 23 іюля 1824 г.) и къ одной изъ любимѣйшихъ его дочерей, Елизаветѣ Михайловнѣ (1783 † 1839 г.), бывшей въ замужествѣ за гр. Ѳ. И. Тизенгаузеномъ, павшимъ смертью героя въ бою подъ Аустерлицемъ.

Письма Кутузова кратки и писаны чрезвычайно неразборчивымъ почеркомъ; между подробностями, касающимися его семейства и домашнихъ дѣлъ, письма эти представляютъ не мало фактовъ, имѣющихъ общій интересъ. Таковы нѣкоторыя данныя относящіяся до службы Кутузова, какъ напр. описаніе штурма Измаила, подробности пребыванія его въ званіи посла въ Константинополѣ, прохожденіе службы въ званіи главнаго начальника войскъ въ Финляндіи, начальника сѣверозападныхъ губерній Россіи, драгоцѣнныя извѣстія изъ эпохи войнъ 1805—1806, 1811—1812 гг.—и проч. и проч. Сохранивъ все, что только относилось до службы Кутузова, мы сберегли изъ его писемъ и тѣ данныя, которыя хотя и касаются его семейныхъ и домашнихъ дѣлъ, но заключаютъ въ себѣ болѣе или менѣе интересныя черты для характеристики этого замѣчательнаго человѣка. Все характеристичное, сколько-нибудь интересное и немаловажное для біографіи князя Мих. Ил. Кутузова-Смоленскаго свято сохранено въ печати и выпущено только то, что совершенно не имѣетъ никакого историческаго интереса.

Въ письмахъ Кутузова весьма часто упоминаются члены его семейства, безпрестанно говоритъ онъ о своихъ дѣтяхъ. Вслѣдствіе этого, а также для того, чтобы не тянуть за письмами обоза примѣчаній, мы прилагаемъ родословную таблицу ближайшихъ членовъ фамиліи кн. Мих. Илларіоновича Голенищева-Кутузова-Смоленскаго. **Ред.**

Письма М. И. Голенищева-Кутузова къ женѣ его, Екатеринѣ Ильиничнѣ, рожд. Бибиковой.

1790—1813 гг.

1790 г.

Близъ Засховія, 9-го іюня. Я, мой другъ, слава Богу, здоровъ. Здѣсь было дѣло съ нашимъ авангардомъ; но меня тутъ не было. Это письмо долженъ я послать чрезъ Кіевъ, ибо туда ѣздятъ курьеры. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ Михайла Г. Кутузовъ.

12 декабря въ Измаилѣ. Любезный другъ мой, Катерина Ильинишна. Я славу Богу здоровъ и вчерась къ тебѣ писалъ съ Луценковымъ, что я не раненъ и Богъ знаетъ какъ. Вѣкъ не увижу такого дѣла. Волосы дыбомъ становятся. Вчерашній день до вечера былъ я очень веселъ, видя себя живаго и такой страшный городъ въ нашихъ рукахъ, а въ вечеру пріѣхалъ домой, какъ въ пустыню. Иванъ Ст. и Глѣбовъ, которые у меня жили, убиты; кого въ лагерѣ ни спрошу, либо умеръ, либо умираетъ. Сердце у меня облилось кровью и залился слезами. Цѣлый вечеръ былъ одинъ; къ тому же столько хлопотъ, что за ранеными посмотрѣть не могу; надобно въ порядокъ привесть городъ, въ которомъ однихъ турец-

выхъ тѣлъ больше 15 тысячъ. Полно говорить о неглавномъ. Какъ бы съ тобою видѣться, мой другъ: на этихъ дняхъ увижу что можно, мнѣ къ тебѣ, или тебѣ ко мнѣ.... Скажу тебѣ, что за всѣ ужасти, которыя я видѣлъ, накупилъ дешево лошадей, безподобныхъ; между прочимъ одну за 160 рублевъ, буланую, какъ золотую, за которую у меня турокъ въ октябрѣ мѣсяцѣ просилъ 500 червонныхъ. Этотъ турокъ выѣзжалъ тогда на переговоры. Изъ твоихъ знакомыхъ хуже всѣхъ раненъ Ѳедоръ Васильевичъ Ку.... Пуля, думаютъ, въ легкомъ. Кровью все кашляетъ. Вас. Сергѣевичъ надежнѣе, также и Миллеръ. Бурмейстера убили, и Карпова майора. Корпуса собрать не могу, живыхъ офицеровъ почти неосталось. Ты и дѣти не разсердитесь на меня, что гостинцевъ еще не посылаю, не видишь совсѣмъ такихъ вещей какъ были въ Очаковѣ, для того что все было на военную руку. Дѣткамъ благословеніе. Вѣрный другъ Михайла Г. Кутузовъ*).

1793 г.)**

12 августа. 30 верстъ отъ Дуная. Вчерась съ инженеръ-майоромъ Трусономъ получилъ, мой другъ, твое милое письмо. Давно я не имѣлъ такого удовольствія. Какъ ты мила, когда не бранишься. Я думаю ты уже получила письмо съ курьеромъ Ивановымъ и посылки, дѣтямъ благодарствую за письмы; только какъ Дашинька лѣнится и не пишетъ. Ничего въ Бухарештѣ не было. Весь товаръ, которымъ насъ дарили, выписной изъ Константинополя. Въ Яссахъ всего много и дешевле. Пожалуйста пришли все, что моремъ прислать надобно для стола; а для моего собственнаго употребленія пришли что-нибудь точно такое, какъ ты, когда не бранишься, этобы лучше всякаго другого припасу было. Ты все нападаешь съ Штенинымъ на моего фаворита Золотова, будто онъ не способенъ къ размноженію своего рода. Вспомни, голубушка, это, что онъ у насъ только 2 года, а имѣетъ 4 дѣтей; а у насъ въ два года столько не было.

У меня множество больныхъ людей и чиновныхъ.... Я вчерась и

---

*) Письмо это писано на другой день послѣ кровопролитнѣйшаго штурма. Кутузовъ начальствовалъ шестою колонною штурмующихъ и, по свидѣтельству Суворова, явилъ чудеса храбрости. Чинъ генералъ-поручика и военный орденъ 3-го класса были наградою «коменданта Измаила», какъ наименовалъ Суворовъ Кутузова еще до взятія этой крѣпости. «Русск. Стар». 1570 г. т. I стр. 250—251). **Ред.**

) Въ 1791 г. Кутузовъ командовалъ крѣпостями между Прутомъ, Днѣстромъ и Дунаемъ и билъ многократно турокъ. Побѣда при Мачинѣ (2 іюня). Орденъ Георгія 2-го класса за эту побѣду. Въ 1792 г. Кутузовъ дѣйствуетъ въ Польшѣ противъ конфедератовъ. Въ 1793 г. Мих. Ил. назначенъ чрезвычайнымъ посломъ въ Константинополь: ему поручено склонить Диванъ соединиться съ европейскими державами противъ Франціи. **Ред.

сегодня совсѣмъ здоровъ послѣ твоего письма. Прости, мой другъ, цѣлую тебя всячески. Дѣтушки—вамъ благословеніе. Пишите чаще.

15 августа. Рущукъ. Пишу черезъ Турковъ, не знаю дойдетъ ли.—Я, мой другъ, слава Богу, здоровъ довольно, только берегусь весьма.... Иногда я здоровъ, а называюсь больнымъ, чтобы не всегда мучиться церемоніями. Больныхъ премножество, но, слава Богу, трудныхъ только Оболенской.... Я уже за Дунаемъ. Хлопоты въ припасахъ. Дурные стали отпускать. Цѣлую тебя со всею нѣжностью. Дѣтушкамъ Божіе и мое благословленіе.

22 сентября, Ponte Grande. Завтра, другъ мой, буду я въ С. Стефано, за десять верстъ отъ Константинополя. Сегодня среда, а въ понедѣльникъ, коли Богу угодно, будетъ въѣздъ въ Константинополь.....

4 октября, Пера..... Я въѣхалъ 26 сентября въ Константинополь. Турки въ церемоніалѣ не дѣлали никакого затрудненія, и министерство велѣло сказать мнѣ, что изъ дружбы къ особѣ моей, болѣе Порта желаетъ сдѣлать учтивость мнѣ, нежели Репнину. Тотъ опредѣлилъ на прежнемъ основаніи 400 піастровъ на день, да султанъ, изъ особаго уваженія, изъ комнатной казны прибавляетъ 200, итого 600 піа . . . . . . на день. Мицкій прежде очень кричалъ, но теперь соглашается, что станетъ довольно въ дорогѣ собранныхъ имъ денегъ 35000 піа . . . . . Визирь на другой день пріѣзда прислалъ спросить о здоровьи и табакерку съ алмазами, чашку кофейную, съ алмазами и яхонтами, чрезвычайной работы, и 9 кусковъ богатыхъ парчей, съ такимъ еще вниманіемъ, что каждаго цвѣта по 30 пикъ здѣшней мѣры, чтобы стало на женское европейское платье. Все это цѣнятъ слишкомъ на 10.000 піа . . . . Говорятъ, будто велѣлъ султанъ готовить богатые подарки.

Министры всѣ живутъ за городомъ, но пріѣзжали смотрѣть моего въѣзда. Цесарскій, прусскій и неаполитанскій были у меня за одну станцію отъ Констант., и всѣ вообще были съ визитомъ на другой день пріѣзда моего.— Я ѣздилъ въ Буюкдере, гдѣ обѣдалъ у цесарскаго интернунція. Они всѣ живутъ хорошо..... Константинополь вотъ что: видя турецкіе города, между прочимъ и Адріанополь, подумаешь имѣть воображеніе объ Константинополѣ; но ошибешься. Здѣсь строятъ, особливо въ Фанарѣ и Перѣ, такъ мудрено и смѣшно, что превосходитъ воображеніе. Улицы шириною съ Лосолевъ кабинетъ. Домы превысокіе, множество оконъ, и балконы сходятся въ верхнихъ этажахъ вмѣстѣ. Надъ моимъ домомъ есть бельведеръ. Взойдешь на него и увидишь все положеніе Константинополя: Сераль, гавань превеликая, покрытая безпрестанно судами и лодками, кото-

рыхъ конечно во всякое время глазомъ увидишь тысячу. Константинополь съ прекрасною Софіею, Сулиманіэ, Фанари, Галата, Пера, прекрасный проливъ Константинопольской, называемый древними Босфоръ Фракійской; за нимъ предмѣстье Скутари въ Азіи; въ немъ 200,000 жителей; море Мармора, острова Княжія, мысъ Калцыдонскій, гора Олимпъ, la tour de Léandre, и множество другихъ мѣстъ— все это видно вдругъ. Сіи чудеса увидя, не разсмѣешься, а заплачешь отъ чувства нѣжности........

....Сиверсъ и Долгоруковъ поздравляютъ меня намѣстникомъ Казанскимъ и Вятскимъ. Долгоруковъ поздравляетъ и больше, но не вѣрю*). Ты, мой другъ, уже теперь знаешь, что въ праздники было.....

20 октября, Пера. Курьеръ изъ Петербурга еще не бывалъ, и заставилъ бы меня сумнѣваться о пожалованіи намъ деревни, ежели бы не имѣлъ я отъ всюду поздравленій; между прочимъ отъ алтеста, который при источникѣ. Ты, мой другъ, по всей справедливости можешь себѣ присвоивать причину хорошаго нашего состоянія; но ни тебя, ни дѣтей еще не хочу поздравлять, пока не получу курьера.... ...... вчерась и сегодня, долженъ писать безпрестанно; изъ секретарей одинъ Стахѣевъ, и тотъ чуть живъ......

5 ноября, Пера...... На прошедшихъ дняхъ были визиты у Визиря и аудіенція у государя, и отъ этого не могъ я приняться за почту инако какъ вчерась, и задержалъ; въ прошлую ночь она была должна уѣхать. Какъ бы тебѣ на скоро сказать, что султанъ и его дворъ: съ султаномъ въ дружбѣ, т. е. онъ, при всякомъ случаѣ, допускаетъ до меня похвалы и комплименты; велѣлъ подружиться своему зятю капитанъ-пашѣ со мною; при одномъ спорѣ объ шубѣ, какъ ее надѣвать, заупрямился я (т. е. прежде церемоніи за нѣсколько дней). Онъ запретилъ со мною спорить и велѣлъ мнѣ сказать, что полагается на меня, и что человѣкъ съ моимъ воспитаніемъ ему не манкируетъ. Я сдѣлалъ такъ, что онъ былъ доволенъ. На аудіенціи велѣлъ дѣлать мнѣ учтивости, какихъ ни одинъ посолъ не видалъ. Дворецъ его, дворъ его, нарядъ придворныхъ, строеніе и убранство покоевъ и мудрено, странно, церемоніи иногда смѣшны, но все велико, огромно, пышно и почтенно. Это трагедія Шаксперова (sic), поэма Мильтонова, или Одиссея Гомерова. А вотъ какое впечатлѣніе сдѣлало мнѣ, какъ я вступилъ въ аудіенцъ-залу: комната немножко темная, тронъ, при первомъ взглядѣ, оцѣнишь милліона въ три; на тронѣ

---

*) Екатерина II, празднуя постановленный въ это время миръ съ турками (2 сентября 1793 г.), пожаловала Кутузову—двѣ тысячи крестьянъ въ Волынской губ. и повелѣла ему именоваться правящимъ должность генералъ-губернатора казанскаго и вятскаго. Ред.

сидитъ прекрасный человѣкъ, лучше всего его двора, одѣтъ въ суконѣ, просто, но на чалмѣ огромный солитеръ съ перомъ, и на шубѣ петлицы бриллiантовыя. Обратился нѣсколько ко мнѣ, сдѣлалъ поклонъ глазами и показалъ кажется все, что онъ мнѣ приказывалъ комплиментовъ прежде, или я худой физiономистъ, или онъ добрый и умный человѣкъ. Во время рѣчи моей слушалъ онъ со вниманiемъ, часто наклонялъ голову и гдѣ въ концѣ рѣчи адресуется ему комплиментъ отъ меня собственно, наклонился съ такимъ видомъ, что кажется сказалъ: „мнѣ очень это прiятно, я тебя очень полюбилъ; мнѣ очень жаль, что не могу съ тобою говорить".— Вотъ въ какомъ видѣ мнѣ представился султанъ. Задержалъ почту. Прощайте, мои друзья. Здравствуйте дѣтки, Боже васъ благослови.....

20 ноября, Константинополь. Какъ ты, мой другъ, обрадовала меня портретами. Я заплакалъ; что за работа прекрасная, и какiя сходства. Гдѣ ты взяла этакого живописца? У меня тотъ день была ассамблея, и я всѣмъ показывалъ. Всѣ Гречанки, увидя черноброву Парашу, и съ превеликими чорными волосами, закричали: „пола оморфи, пола кало". Лизанька довольно похожа, только менѣе другихъ. А работа лучше всѣхъ въ Дашенькиномъ портретѣ. Немножко нѣкоторые потерты дорогою; особливо твой, но не много испорчены. Сходство въ твоемъ меньше, нежели въ другихъ. Я посылаю къ вамъ силуетъ мой; сказываютъ похожъ...... У капитанъ-паши былъ я на обѣдѣ. Молодой человѣкъ, женатъ на сестрѣ султанской и двоюродный братъ султану. Щеголь, мотъ; три милліона піастровъ долженъ. Съ тысячу человѣкъ слугъ, въ золотѣ залиты и всѣ въ новомъ. Въ трехъ комнатахъ ковры малиновые бархатные, золотомъ богато вышиты; суди о другихъ мебеляхъ. Между прочими забавами была игра въ жиритъ, т. е., ѣзда на лошадяхъ: пятьдесятъ человѣкъ въ бархатѣ и золотѣ; лошади изъ первой конюшни въ свѣтѣ. Двѣ лошади мнѣ чрезвычайно полюбились; онъ это замѣтилъ, и прислалъ мнѣ ихъ на другой день. Я отъ него уже имѣю 5 лошадей; и онъ смотритъ мнѣ въ глаза; что только вздумаю—дѣлаетъ. Здѣсь все тихо и чумы не слышно. Вотъ всѣ наши вѣсти. Дѣтушки, спасибо, что вы дали себя списать. Васъ еще нигдѣ на стѣну не поставили, и переносятъ всегда за мною въ ту комнату, гдѣ я сижу. И теперь вы и маменька стоите передо мною въ кабинетѣ...

7 декабря, Пера (Получено въ Елисаветградѣ).... Ничего примѣчательнаго послѣ послѣдней почты не случилось; кромѣ вещи здѣсь небывалой, а именно: султанъ Валиде, т. е. мать султанская прислала въ церемонiи чиновника своего валидекегая Колфосы, провождаемаго переводчикомъ Порты, спросить объ мо-

емъ здоровьѣ, объявить вниманіе ея ко мнѣ и вручить отъ лица ея подарки, состоящіе изъ шалей, трехъ платковъ, которые вѣчно сохраню и многихъ парчей турецкихъ, остъиндскихъ и ормусскихъ, и чашечку для кофея съ дорогими каменьями; всего піастровъ на 10 тысячъ. Да чтобы тебѣ дать объ великолѣпіи азіяцкомъ понятіе надобно сказать объ обѣдѣ капитанъ-паши; онъ молодой человѣкъ, фаворитъ султанскій, женатъ на его сестрѣ, великолѣпенъ, мотъ, три милліона долженъ; учтивъ и любезенъ. Мебель и платье на людяхъ, все новое; было — слугъ до тысячи въ парчѣ; ковры малиновые, бархатные, золотомъ шитые; софы съ жемчугомъ; на ближнихъ слугахъ очень много брилліантовъ. Между многихъ забавъ, былъ жиритъ, т. е. скачка на лошадяхъ. Всѣ лошади его конюшни, которая конечно первая въ свѣтѣ. Онъ такъ великолѣпенъ, что лишь только увидѣлъ, что мнѣ двѣ лошади понравились, тотчасъ ихъ на другой день и послалъ мнѣ, и я уже съ сей конюшни имѣю пять лошадей.... Въ Екатерининъ день у меня былъ праздникъ: великолѣпный обѣдъ на 70 человѣкъ, люминація, балъ 500 человѣкъ и ужинъ вдругъ на 200. Стихи посылаю и хоръ, которой на балѣ пѣли......

18 декабря, Пера..... Я отселѣ выѣду въ первыхъ числахъ марта, и въ концѣ апрѣля буду на границѣ. Ничего не слыхалъ объ деревняхъ: гдѣ и что? Думаю послать кого-нибудь искать ихъ въ Петербургѣ. Подарковъ отъ султана ничего не получилъ. Этикетъ недарить никого султану,—да кромѣ шубъ, да лошадей съ уборомъ при отпускной аудіенціи,—подарки отъ визиря и отъ валидеи только я получилъ, и перстень отъ капитанъ-паши; а то на всѣхъ церемоніальныхъ обѣдахъ по лошади съ уборомъ. Здѣсь не такъ щедры... ...Хлопотъ здѣсь премножество; нѣту въ свѣтѣ министерскаго посту такого хлопотливаго, какъ здѣсь, особливо въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, только все не такъ мудрено, какъ я думалъ; и такъ нахожу я, что человѣкъ того только не сдѣлаетъ, чего не заставятъ. Дипломатическая каріера сколь ни плутовата, но, ей Богу, не такъ мудрена, какъ военная, ежели ее дѣлать какъ надобно *). Писалъ къ Ларіону Спиридоновичу объ деревняхъ, чтобы провѣдалъ и попросилъ ген.-прокурора, къ которому я на прошлой почтѣ писалъ. Къ моимъ

---

*) Извѣстно, что Кутузовъ явилъ себя въ Константинополѣ замѣчательно искуснымъ дипломатомъ. Онъ съумѣлъ пріобрѣсть всеобщую любовь и уваженіе—и добился всего, что только поручено было ему добиться: французы не-роялисты высланы изъ Константинополя, торговыя суда въ Архипелагѣ обезопасены, Россія получила надъ Портою рѣшительный перевѣсъ предъ другими державами. Ред.

пишутъ, что удивляются, что я не благодарю за деревни. Но и то на прошлой почтѣ сдѣлалъ къ ея вел., и кому надобно....

1794 г.

6-го генваря. Пера.... Султанъ не подарилъ ничего; да и нѣтъ обычая, чтобы онъ дарилъ. Подарки были отъ визиря, отъ Валидеи и верховыя лошади съ уборами отъ министровъ. Тебѣ сказывали, что шубы я не надѣлъ. Долго былъ споръ, чтобы я надѣвалъ стоя шубу; и я велѣлъ сказать: ежели на меня не на сидячего надѣвать станутъ, то не приму; и принуждены надѣвать на сидячего. Впротчемъ не имѣлъ я ни малой непріятности отъ туроковъ, тогда когда ихъ посолъ безпрестанно жалуется, что съ нимъ дурно обходятся.

Я выѣду въ первыхъ числахъ марта и въ концѣ апрѣля буду въ Кривуляпахъ. Не вѣрь пустымъ слухамъ, которые, можетъ быть, у васъ распространились; бредятъ сами не знаютъ что. Никогда еще я не имѣлъ такой трудной почты, ей уже должно было уйти вчерась, но не могъ отписаться до втораго часу сегодни. Посылаю стихи, которыя въ новый годъ роялисты французскіе положили въ тронной комнатѣ у престола..........

Портреты дѣтскіе и твой берегу такъ, что уже въ четвертую комнату переносятъ. Въ иной дымится, въ иной пыльно, въ иной солнце; не знаю куда дѣть....

20-го генваря, Пера.... Я здоровъ, только хлопотно очень; когда приходится отправлять почту, то сижу за письмомъ сутки по трои. И матерія въ письмѣ все такая, что всякое слово важно, и чтобы ни совралъ не равнодушно. Къ тому же Хвостовъ, Пизани, Бороци, между собою злы; другъ подъ друга подкапываются. Также и мелкихъ людей, которые въ важныя дѣла употребляются много; все плуты, и надобно не только стеречься и ихъ, но и ихъ обманывать......

Я выѣду перваго числа марта, и поѣду скорѣе, нежели сюда ѣхалъ...

5-го февраля, Пера, ... Здѣсь по сю пору, слава Богу, чумы нѣтъ; только часто пожары. Вчерась былъ—превеликій, и не далеко отъ меня; почти во всю ночь не спалъ. Да, кромѣ пожаровъ, бываютъ часто у солдатъ баталіи съ якобинцами, которые послѣ взятія Тулона стали спѣсивы; и объ этомъ много хлопотъ съ Портою...

21-го февраля, Пера. Я, слава Богу, здоровъ, мой другъ. Усталъ очень послѣ карнавала, и теперь говѣю. Въ послѣднее воскресенье, на масляной, былъ маскарадъ у меня, великолѣпенъ, и богато угощены были, до пятаго часу. Въ субботу былъ маскарадъ у прусскаго посланника, гдѣ двѣнадцать маскированныхъ

женщинъ, одѣтыхъ въ нимфы, приблизились ко мнѣ, и двѣ изъ нихъ, въ томъ числѣ и прусская посланница, говорили прологъ въ честь мою и увѣнчали меня лавромъ и оливами. Кочубей пріѣхалъ. Я чрезъ восемь дней имѣть буду отпускную аудіенцію и въ первыхъ числахъ марта конечно выѣду. Есть къ тебѣ кое-какія посылки; но курьеръ не берется довезти, боится разлитія водъ, для того, что часто вся почта въ водѣ плыветъ, въ Балканахъ, въ теперешнее время.... Здѣсь все тихо, а война только у Александра Васильевича (Суворова)...*).

1798 г.

11-го мая, Фридригсъгамъ. Я вчерась, мой другъ, получилъ письмо твое отъ 7-го числа, которымъ очень опечалился, видя твое состояніе, и шпанскую муху... Обо всемъ долженъ былъ пересказывать великому князю, который очень веселъ, очень милъ. Сегодня возвратился изъ Рочерсолма, гдѣ его очень забавляли морскими баталіями, жгли суда и пр. Завтра ѣдемъ далѣ и 18 числа воротимся въ Царское Село...

13 мая, Выбурхъ. .... Благодарствую за добрыя вѣсти объ Суворовѣ; вотъ какой человѣкъ... Аракчеевъ благодаритъ за угощеніе, и я къ нему писалъ....

Посылаю вѣрющее письмо; только смотрите, можно ли малоросіянина отдать за русскаго? объ этомъ былъ указъ.

20 августа, Выбурхъ. .... На маневры я не просился, и проситься не буду, и потому что здѣсь теперь дѣла очень много. У меня тоже всякой день маневры восемью баталіонами, и отъ того не такъ скучно....

27 сентября вторникъ, Выбурхъ...........Посылаю Le danger des intrigues; да не могу сыскать втораго тома Valvile; не вы ли какъ-нибудь увезли? Journal du Nord пришлю на будущей поч......

19 октября, Выбурхъ..........Вчерась пріѣхалъ ко мнѣ императорской флигель-адъютантъ Черевинъ. Я не могъ сперва вообразить зачѣмъ? но государь приказалъ, чтобы я его послалъ на Тульскіе заводы принимать ружья на егерскіе полки. Я для того объ

*) Въ 1794 г. Кутузовъ былъ отозванъ изъ Константинополя. Въ 1795 г. — онъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми войсками въ Финляндіи, также директоромъ сухопутнаго кадетскаго корпуса. Въ 1796 г. поручено ему встрѣтить короля шведскаго и состоять при немъ во всю бытность его гостемъ въ Спб. Изъ блестящихъ полководцевъ временъ Екатерины II Кутузовъ былъ почти единственный, который съумѣлъ при Павлѣ I-мъ вполнѣ удержаться. Въ концѣ 1796 г. Кутузовъ отправленъ посломъ въ Берлинъ; пожалованъ—генераломъ отъ инфантеріи; сдѣланъ шефомъ рязанскаго пѣхотнаго полка и начальникомъ финляндской дивизіи (1798 г.). Ред.

этомъ тебѣ пишу, что можетъ быть услышишь объ его отъѣздѣ, и будешь думать... Благодарю за книги, какъ прочту такъ пришлю; а ты прикажи сыскать еще романовъ; безъ ихъ ей Богу скучно.

21 декабря, Выбурхъ. Поздравляю, мой другъ, съ фрейлинами. Я доволенъ этимъ больше, потому что имъ весело; имъ дѣйствительно приятнѣе будетъ при великихъ княжнахъ, даромъ, что безъ шифра....... Я государя благодарилъ съ сегодняшней почтой.

29 декабря, Выбурхъ......... Очень хочется знать, какъ дѣти представились?... Вчерась у меня для фрейлинъ былъ балъ и я ничего не успѣлъ на почту приготовить, и принужденъ все работать сегодня поутру.... Къ Кутайсову отошли письмо, мой другъ.

1799 г.

14 января, Выбурхъ..........У васъ есть китайскія тѣни. Нельзя ли бы ихъ сюда подговорить, ежели они не дороги...

11 февраля, Выбурхъ. Благодарю, мой другъ, за письмо, за хорошія вѣсти объ Уваровѣ и за присылки сыра и зелени.... Напиши, пожалуйста, пріѣхалъ ли Суворовъ, и нѣтъ ли какихъ нибудь маленькихъ проказъ отъ его? Скажи мнѣ объ эрцъ-герцогѣ что нибудь...

11 апрѣля, Фридригсъгамъ (Выбурхъ). Я, мой другъ, все еще въ Фридрихгамѣ, и конечно всю страстную недѣлю здѣсь пробуду. Нельзя описать какъ скучно, еще и безъ дома, и не имѣя настоящаго покоя. Иностранныя газеты приходятъ весьма непріятныя о дѣйствіяхъ въ нѣмецкой землѣ. Не слышно ли у васъ чего нибудь хорошенькаго?... Ко мнѣ пишетъ князь Ксаверій Любомирскій, что онъ помолвленъ на Марьѣ Львов. Нарышкиной. Ему надобно отвѣчать, и не знаю какъ зовутъ по-русски. Сдѣлай милость провѣдай поскорѣе и напиши. Волхонскій мнѣ великое облегченіе, онъ со шведами говоритъ по-французски съ утра до вечера.....

20 апрѣля, Выбурхъ. По вчерашней почтѣ получилъ я, мой другъ, твое письмо. Это второе послѣ моего пріѣзда. Дороги еще такъ дурны въ здѣшней прекрасной землѣ, что тебѣ никакъ подумать нельзя ѣхать, да и мнѣ надобно еще объѣздить инспекцію. Я слава Богу здоровъ, только отъ многаго письма болятъ глаза, и очень скучно...

23 апрѣля. Выбурхъ........... Здѣсь мы хлопочемъ очень, а потому и сосѣди наши безпокоятся; отъ самаго этого, что мы готовимся, можетъ быть, все и усмирится...

29 апрѣля Выбурхъ .... Не увидишь ли Аракчеева? Я съ нимъ по дѣламъ въ перепискѣ, и очень ему по дѣламъ благода-

ренъ, весьма. Государь изволилъ ко мнѣ писать вчера указъ, весьма милостивый, и аппробуетъ все что мною сдѣлано....

23-го, мая Выбурхъ .... Вчерась я былъ въ превеликихъ хлопотахъ. Знаешь, что Иванъ Юрьевичъ надѣлалъ? Третьяго дня напился пьянъ, нанялъ тихонько у фурмана лошадей, уѣхалъ за городъ и оттътоля увезъ дочь говенову (sic); но къ счастію тотчасъ узнали и сыскали его на выбургскомъ форштадтѣ съ нею. Его я отдалъ подъ караулъ, а ее къ отцу. Отецъ просилъ меня, чтобы все это оставить, а только бы его какъ-нибудь на ней женить. Но я отправилъ вчерась къ государю рапортъ и написалъ все. Воля императорская женить его или нѣтъ; чтобы какъ-нибудь только бы его не здѣсь оставили. Я не надѣюсь, чтобы государь на меня за сіе прогнѣвался, для того, что его тотчасъ хватились и поймали. Впротчемъ власть Божія...

іюня, Выбурхъ .... Я все еще не могу порядочно выздоровѣть... Однако же хожу къ разводу и могу работать. ... Я благодарилъ государя за крещеніе внука.

9 іюня, Фридригсъгамъ. Я получилъ, мой другъ, будучи въ дорогѣ, твои письма съ двумя почтами, на которыя еще не отвѣчалъ. Первое послѣ крестинъ, а другое съ извѣстіями о побѣдахъ Ал. Васильевича, объ шурше (sic) и о проч. Спасибо, что берешь трудъ описывать. Дай Богъ, чтобы была все правда... Здѣсь стали дни прехолодные, а я долженъ цѣлый день быть на дворѣ; и дней, по крайней мѣрѣ, восемь въ Выбурхъ еще не ворочусь. Такъ много дѣла, что вообразить нельзя. Слава Богу, что я могъ коммисаріатъ настращать такъ, что все прислали, и я ихъ, право, спасъ многихъ. Я живу здѣсь у Сергѣя Анд. Беклешева и онъ предорогой человѣкъ и рѣдкой нравъ. Волхонской даетъ превеликіе банкеты, хотя у бѣднаго подмосковную въ маѣ мѣсяцѣ съ публичнаго торгу за долги продали; но полкъ исправенъ....

11-го іюня, Фридригсгамъ. Благодарю тебя, мой другъ, за письмо отъ 8 числа, и за вѣсти добрыя о Суворовѣ, которому дай Богъ. Князя Гаврилу Петровича поздравь съ храбрымъ кавалеромъ и поклонись отъ меня....

15-го іюня, Выбурхъ. Сегодня передъ свѣтомъ пріѣхалъ я изъ Фридригсъгама, и не выспался и усталъ, и долженъ писать очень много къ государю по коммисіямъ, которыя онъ мнѣ давать изволилъ; а потому по сей почтѣ и не успѣлъ тебѣ денегъ, мой другъ, отправить, для того, что ихъ еще надобно сыскать; а на будущей почтѣ конечно пришлю, а можетъ и изъ Польши подоспѣютъ; а ежели нѣтъ, то сыщу. Благодарю за извѣстіе о Суворовѣ, и въ Гамбургскихъ газетахъ есть, только не все...

19 іюля Выбурхъ......... Я получилъ отъ государя благоволеніе въ рескриптѣ, очень милостивое, за мой полкъ; хотя я его никогда не хвалилъ...

26 августа, Выбурхъ............... Благодарю за извѣстіе о разбитіи Моро. Здѣсь въ скукѣ это ужасно занимаетъ....

2 сентября, Выбурхъ........ Реляцій въ русскихъ газетахъ нѣту о послѣднемъ Суворова дѣлѣ, что мнѣ.... обидно....

13 сентября, Выбурхъ. Къ Беклешеву я еще не рѣшился писать, а думаю на будущей почтѣ, и тогда и къ Ивану Логиновичу напишу, чтобы его попросилъ. Надежда только на то, что ежели хочетъ Беклешевъ и въ состояніи доложить государю, чтобы изъ милости пожаловалъ... Благодарю за извѣстіе о взятіи голландскаго флота...

19-го октября*), Кенигсберхъ. Я, мой другъ, доѣхалъ на силу въ Кенигсберхъ, вчерась поздно, и уѣхалъ бы уже давно, ежели бы карета не испортилась; дорога была такая, что вообразить нельзя. Сегодня, ночью, надѣюсь ѣхать далѣе. Сказываютъ, и дорога, и лошади впереди лучше. Я, слава Богу, здоровъ. По газетамъ ты, я думаю, догадаешься, что мнѣ въ Голландію не ѣхать, а поѣду въ Англію; развѣ что узнаю въ Гомбурхѣ, что русскіе еще неуспѣли въ Ермутъ переѣхать; то заѣду и въ Мемель.... Здравствуйте, любезныя дѣти, что вы дѣлаете? Писали ли вы ко мнѣ? Я теперь въ Кенигсберхѣ; сижу у окошка, на большой улицѣ, и вижу какъ нѣмки пѣшкомъ на балъ идутъ, навеся платочки; на головѣ наколоты, и головы превеликія. Изъ Англіи вамъ навезу модъ аглицкихъ....

Гомбурхъ, $\frac{12}{23}$ ноября Я, мой другъ, вчерась пріѣхалъ въ Гомбурхъ съ превеликимъ трудомъ. Вездѣ остановка была въ лошадяхъ и дорога препакостная. Здѣсь услышалъ, что россійскія войска перевезены на островъ Жерзей, самое дорогое и самое голодное мѣсто. Здѣшній англійскій министръ задержалъ меня здѣсь. Не могу отъ его добиться изъ Куксгавена судна въ Ермутъ отъѣхать; да и

*) Въ октябрѣ 1799 г. Кутузовъ получилъ особое назначеніе стать въ главѣ русской арміи, бывшей въ Голландіи (1799 г.) Вслѣдствіе этого М. Ил. поспѣшилъ за границу, но уже въ Гамбургѣ получилъ извѣстіе о разбитіи барона Германа. 23 октября состоялось повелѣніе имп. Павла перевезти русскія войска изъ Голландіи въ Англію, а 26 октября Кутузовъ отозванъ въ Россію. Государь впрочемъ былъ имъ доволенъ, что видно изъ ряда милостей Кутузову оказанныхъ: онъ получилъ большой крестъ Іоанна Іерусалимскаго (4 октября) и опредѣленъ генералъ-губернаторомъ въ Литву на мѣсто отставленнаго отъ службы Ласcія. См. письма имп. Павла Петровича къ Кутузову въ «Русской Старинѣ» 1870 г. т. I изд. первое стр. 251—254 и изд. второе стр. 484—488.
Ред.

вѣтеръ отселя въ Куксгавенъ противный. Ежели ночью перемѣнится, то завтра поѣду и долженъ буду заѣхать изъ Ермута въ Лондонъ хлопотать. Я, слава Богу, здоровъ, но очень скучно, всякую ночь васъ во снѣ вижу...

Окончивъ письмо, получилъ отъ государя повелѣніе съ нарочнымъ, по которому мои обстоятельства совсѣмъ перемѣнились. Онъ изволитъ приказывать возвратиться въ Россію и принять команду и всѣ должности Ласія, который отставленъ. (Я думаю, что ты все это уже знаешь). Я думаю завтра, ежели карета, которая въ починкѣ, поспѣетъ, выѣхать, и ѣхать прямо въ Гродну. Несмѣю инако сдѣлать; какъ безъ позволенія въ Петербурхъ быть. Впрочемъ, боюсь, немыслилъ ли государь, чтобы мнѣ пріѣхать въ Петербурхъ. Я объ этомъ изъяснился съ г. Ливеномъ.... Очень не хочется жить въ Гроднѣ, гдѣ думаю также скучно, какъ въ Выбурхѣ. А хорошо бы въ Вильнѣ...

31 декабря. Гродно.... Отъ Ведерникова еще не имѣлъ ни одного письма и не знаю, есть ли у него деньги; сколько можно собрать, пришлю, но сумнѣваюсь, гдѣ онъ теперь возметъ; однако же пишу къ ему, чтобы отправилъ сколько можетъ. Ты сама знаешь, что наши способы не такъ велики. Полячки неопасны, я же неохотникъ давать никому. Нельзя ли отъ меня попросить г. Кутайсова, что мнѣ никакого положенія не сдѣлано о столовыхъ деньгахъ. Ласи получалъ 3600, а Гудовичъ получаетъ 600, по тому праву, что былъ прежде намѣстникомъ. Можно бы и мнѣ туже милость сдѣлать. Мнѣ какъ-то неловко объ этомъ писать. Я еще въ Гроднѣ, но скоро сбираюсь ѣхать въ Вильну....

1800 г.

Гродно, января 14 .... Андревскій, по желанію ли отставленъ? Увѣдомь, пожалуйста; въ приказѣ сказано просто. Не знаю, какъ я буду съ своими глазами? Бумагъ очень много, несравненно больше финляндскаго....

Любезныя дѣтки, очень, очень благодарю за большія письмы. Я теперь еще не на мѣстѣ; для того и пишу непорядочно; а изъ Вильны стану писать побольше. Вы ко мнѣ пишете объ петербургскомъ театрѣ, а я объ виленскомъ...

Вильна, 23 января, ... Я дни три какъ пріѣхалъ въ Вильну, гдѣ нашелъ почти весь городъ въ грипѣ, и самъ тотчасъ почувствовалъ. ....Здѣсь жить чрезвычайно дорого, думаю отъ того, что городъ многолюденъ и много было войска.

....Вчерась еще первый разъ былъ въ театрѣ и въ редутѣ. Чтобъ дать понятіе объ театрѣ: актеры, конечно, лучше всѣхъ русскихъ

петербургскихъ, а женщины худы. Въ редутѣ было человѣкъ съ 500. Здѣсь даетъ концерты пѣвица Чеки, она принята въ Петербургъ, на мѣсто Гаспарини, Prima Donna. Я ее еще не слыхалъ. Вотъ наши вѣсти.

Вильно, ... Любезныя и милыя дѣтки, здравствуйте. Благодарю за письма. Я не очень къ здѣшней жизни еще привыкъ; для меня очень шумно, и я долженъ женироваться для публики, чтобы имъ не мѣшать веселиться, и всегда больше устану, нежели повеселюсь; напримѣръ вчерась долженъ (былъ) быть въ спектаклѣ, послѣ на маленькомъ балѣ въ партикулярномъ домѣ; однако же здѣсь и маленькій балъ 100 человѣкъ, гдѣ танцовали мазурку, казачка, алемондъ, la périgordaine, valse étruskque, послѣ у меня голова заболѣла; послѣ въ редутъ, гдѣ 700 человѣкъ; и, ей Богу, радъ, радъ какъ домой уѣхалъ. Мнѣ бы весело, въ маленькой компаніи, въ 6 часовъ выдти и въ десять спать лечь, а здѣсь долженъ сидѣть за ужиномъ, безъ того обижаются, и ежели я куда непоѣду, то никто непоѣдетъ. Мнѣ это не здорово и не весело. Впрочемъ, есть люди, очень пріятные, и много. Вотъ моя жизнь. Боже вас благослови.

5 марта. Вильно .... Я, слава Богу, здоровъ, только глазамъ работы такъ много, что не знаю, что будетъ съ ими. Никогда до обѣда нельзя отдѣлаться и часто вечера должно сидѣть. Только остается время на спектакель...

12-го марта, Вильно .... Благодарю за добрыя вѣсти о дѣтяхъ и о милости къ нимъ государя. Сегодня здѣсь проѣхалъ меньшой Горчаковъ; онъ ѣдетъ къ Ал. Вас. Суворову, который въ своихъ деревняхъ въ Кобринѣ и очень боленъ, начало водяной; но думаютъ, что натура его спасетъ. По всему тѣлу водяные пузыри. Думаютъ, что можетъ тѣмъ пройти. У него Вейкартъ, изъ Петербурга присланъ.... Histoire des hommes къ тебѣ послалъ. Благодарствую за записку объ разводѣ. Мы этого еще не имѣемъ....

Любезныя дѣтки, здравствуйте. Какъ пріятны мнѣ были сегодня ваши письма. Какъ милостиво государь съ вами говорилъ. Я видѣлъ сегодня изъ Петербурха Горчакова и распрашивалъ каковы вы и какъ одѣваетесь. Дашинька, поздравляю съ пріѣздомъ Авдотьинымъ. Катинька, мой другъ, какъ у тебя отняли спенсеръ, дали ли тебѣ другой? Боже васъ благослови....

25 мая, Вильна .... Столовыя деньги мнѣ пожалованы по 500 р. на мѣсяцъ, а за прошедшее время ничего несказано. Хочу писать къ Васильеву и просить, чтобы выдали по обыкновенному положенію, по 300 на мѣсяцъ, и ассигную получить тебѣ. Сейчасъ ѣду по инспекціи, недѣли на двѣ....

5 іюня, Брестъ-Литовскій .... Крестъ мальтійскій пожалуйста пришли; деньги перешлю; и ленты широкія, какія носятъ больифы. Александровскія мнѣ не нужны. Здѣсь досталъ...

Я очень обрадовался, увидя благодарность въ приказѣ Константину Павловичу. Я слышалъ, что Ламсдорфъ въ Митавѣ. Кто же на его мѣстѣ? Чрезъ недѣлю я буду въ Вильнѣ, только дни на три и опять поѣду въ другую сторону по полкамъ....

Любезныя дѣти, здравствуйте; благодарю за письма. Какую, Аннушка, ты виленскую даму видѣла? Скажи, пожалуйста, кто такая? Вамъ показалась она ридикюльна, оттого, что у васъ нѣту въ нарядахъ столько вкуса, какъ здѣсь. Для чего Лизинька сестеръ обижаетъ? Всегда пишетъ mes petites seurs (sic), какъ будто онѣ двулѣтнія....

Іюня Вильна, ... Письмо твое, мой другъ, отъ 18 іюня, сегодня получилъ. Маневры, кажется, должны начаться съ перваго сентября и я долженъ къ тому времени пріѣхать; очень задолго, пріѣхавъ могу прогнѣвать государя. Въ указѣ его ясно о времени маневровъ сказано....

Любезныя дѣтки, здравствуйте; очень благодарю за письма. Всѣ много писали, только Дашенька объ орѣхахъ ничего не говоритъ *). Ежели бы мнѣ этакой орѣхъ подарили, я бы съума сошелъ отъ радости.

Вильна, 16 іюля .... Любезныя дѣтки, здравствуйте. Вы шестаго числа іюля ѣздили верхомъ въ большой кавалькадѣ, шесть дамъ и шесть мужчинъ. Скажите, кто была эта компанія и кто такіе счастливые смертные, которые васъ провожали? И Дашенька верхомъ ѣхала на линейкѣ. Я послѣ завтрева посылаю къ Парашенькѣ свой портретъ.

Вильно, 29 іюля. Послѣднее твое письмо, мой другъ, отъ 20 сего мѣсяца, получилъ. Я удивляюсь, что у васъ за слухи объ маневрахъ, будто въ половинѣ августа, а государь именно ко мнѣ писать изволитъ прибыть къ маневрамъ, которые начнутся съ перваго сентября, и такъ я несмѣю пріѣхать гораздо заранѣе....

Любезныя дѣтки, здравствуйте. Я видѣлъ самъ, что мой портретъ дуренъ, а бѣдной Парашенькѣ еще хуже достался; другой мастеръ писалъ и сдѣлалъ меня похожаго на какого-то глупаго генерала, котораго вспомнить не могу...

Вильна, 9-го августа. Сейчасъ получилъ я, мой другъ, твое письмо отъ 31-го іюля. Мы не знали ничего по сегодняшній день объ кончинѣ великой княжны, и я очень испугался, получа

*) Орѣхи были получены Лог. Иван. Кутуз. изъ Праги и посланы дѣтямъ Мих. Ил. Ред.

отъ императора указъ съ черною печатью и насилу послѣ въ пакетахъ нашелъ манифестъ объ ея кончинѣ. Сегодня я уже донесъ государю объ отъѣздѣ моемъ въ Гатчину, и очень скоро выѣду, думаю, уже отсюдова и писать къ тебѣ не буду. Бога ради, чтобы мои лошади были готовы, да и для адъютантовъ прикажи нанять трехъ лошадей верховыхъ, кургузыхъ непремѣнно надобно...*).

Любезныя дѣтки, здравствуйте. ...Дай Богъ, что бы вы всѣ были къ моему пріѣзду здоровы и обрадовались бы такъ, какъ я вамъ обрадуюсь...... Какъ вы я думаю перемѣнились, только не перемѣнились ли вы противъ меня, такъ ли вы меня цалуете, какъ прежде....

1801 г.

(Гатчина). Я вчерась, другъ мой, былъ у государя и переговорилъ о дѣлахъ, слава Богу. Онъ приказалъ мнѣ остаться ужинать и впредь ходить обѣдать и ужинать; объ тебѣ много разъ говорилъ, а прощаясь со мною въ кабинетѣ, изволилъ сказать: „кланяйся Катеринѣ Ильинишнѣ и скажи, что я помню сколь она мнѣ всегда была предана, и ежели не могу ей непосредственно во возблагодарить, то хотя тѣмъ, которые ей принадлежутъ".

24-го, поутру. (Гатчина). Объ выѣздѣ нашемъ совсѣмъ затихло. Какъ-то будетъ, когда Паленъ возвратится. Я, слава Богу, здоровъ и все по прежнему. Отъ скуки читаю и государь изволитъ мнѣ давать книги изъ своей библіотеки, и объ ихъ, по вечерамъ, говоримъ. Анна Степановна тебѣ кланяется. Она больна и мы съ Строгановымъ вчерась у ей послѣ ужина были. Въ понедѣльникъ играли Aléxis et Justine. Шевалье играла прекрасно, а пиеса неполюбилась. Посылаю Лолотъ-Коко....

Середа поутру. (Гатчина.) Здравствуй, мой другъ. Завтра, рано, конечно выѣзжаемъ. Въ вечеру завтра эрмитажный спектакель для двухъ классовъ. Дамы въ кругломъ платьѣ. Дѣтямъ благословеніе. Вѣрный другъ Михайла Г.-Кутузовъ.

Сообщ. Ө. К. Опочининъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

*) Кутузовъ за пребываніе въ Литвѣ на посту генералъ-губернатора получилъ 9 іюня 1800 г., орд. св. Андрея Первозваннаго, затѣмъ назначенъ главнокомандующимъ арміи, выдвинутой на Волынь для дѣйствій противъ Австріи, но вскорѣ отозванъ для маневровъ въ Петербургъ. Одинъ изъ біографовъ Мих. Илар. отмѣчаетъ любопытный фактъ: судьба судила Кутузову провести вечеръ, канунъ смерти Екатерины II, а потомъ вечеръ-же, канунъ смерти импер. Павла — у нихъ самихъ, во дворцѣ. Ред.

УКАЗЫ И РАСПОРЯЖЕНІЯ, СОСТОЯВШІЕСЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ПАВЛА I.

I.

Предложенія бывшаго въ санктпетербургскомъ губернскомъ правленіи предсѣдательствующаго генералъ-аншефа Архарова.

1. 19 ноября 1796 г. Его и. в. высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы никто не имѣлъ за своими экипажами слугъ, одѣтыхъ въ гусарское, или подъ другимъ названіемъ платье, кромѣ ливрей каждому классу приличной, а потому тотчасъ учинить объ ономъ предписаніе во всѣ части сея столицы, дабы объявлено было обывателямъ, съ надлежащими въ томъ подписками, наблюдая наитщательнѣйше, чтобы объявленное высочайшее повелѣніе исполнено было во всей точности съ нынѣшняго дня. При слушаніи жъ сего предложенія г. колежскій совѣтникъ, отправляющій должность полицеймейстера и кавалеръ предложилъ частнымъ приставамъ предписать, дабы они, какъ въ обывательскихъ домахъ, такъ гвардіи полкахъ и прочихъ мѣстахъ первыхъ пяти классовъ особамъ объявили вышеписанное сами, а прочимъ чрезъ квартальныхъ офицеровъ съ предписаніемъ въ тотъ же день, чтобы вышеписанномъ непозволенномъ одѣяніи у слугъ не имѣли, а исполняли бъ повелѣнное. А притомъ 1-е, никому ни подъ какимъ видомъ, при экипажахъ верховыхъ ординарцевъ не имѣть, а имѣть только колежскимъ президентамъ, но оные должны ѣздить въ саняхъ; 2-е, обывательскіе кучера и форейторы, равно и нанимаемые и сами ѣздившіе извощики шибкой ѣзды и непристойностей не производили, а поступали по даннымъ имъ билетамъ непремѣнно.

2. 13 января 1797 г. Его и. в-мъ замѣчено, что тѣ, кои одѣты въ нѣмецкое платье, ходятъ въ круглыхъ шляпахъ и разнообразныхъ шапкахъ, а потому предписываетъ управѣ благочинія немедленно объявить въ городѣ всѣмъ напстрожайше, чтобы кромѣ треугольныхъ шляпъ и обыкновенныхъ круглыхъ шапокъ, никакихъ другихъ никто не носилъ, и потому смотрѣть наиприлежнѣйше за исполненіемъ сего. И если кто, въ противность сему, явится, тѣхъ тотчасъ подъ стражу представлять къ его высокопревосходительству.

II.

Подложеніе с.-петербургской управѣ благочинія, оберъ-полиціймейстера.

1796-го года, декабря 4 числа. въ присутствіи управы благочинія г. статскій совѣтникъ оберъ-полицеймейстеръ и кавалеръ предъявилъ,

данное ему отъ г. Архарова повелѣніе, въ коемъ изображено: къ непремѣнному и науспѣшнѣйшему пресѣченію способовъ, раждающихъ безчисленные безпорядки отъ нижеписанныхъ причинъ происходящіе, приложить всевозможныя силы, дабы всѣ торгующіе людьми и продающіе своихъ или наемныхъ въ рекруты, какъ наискорѣе отысканы были, коихъ, по ясномъ изслѣдованіи, приказать тотчасъ брать подъ стражу и представлять его высокопрев-ву. Таковымъ же образомъ поступать и съ тѣми, кто упражняется въ игрѣ, законами воспрещенной; стараться всѣ недозволенныя карточныя игры и зерни въ самоскорѣйшемъ времени истребить и для того умножить бдѣніе по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оныя только быть могутъ.

III.

Предложеніе управѣ благочинія графа Буксгевдена, с.-петербургскаго военнаго губернатора.

Августа 9-го дня, 1797 года, въ подтвержденіе предписанія 13-го января сего года о неношеніи никому круглыхъ шляпъ, кромѣ тѣхъ, кои носятъ русское платье и матрозовъ иностранныхъ и россійскихъ, хотя сіи послѣдніе и не нѣмецкое платье имѣютъ.

15 октября 1797 (?) г., во исполненіе всевысочайшаго государя императора, за собственноручнымъ е. в. подписаніемъ, повелѣнія слѣдующаго: „повелѣваемъ наблюдать, чтобы пріѣзжающіе изъ за границы французы не инако въ столицу впускаемы были, какъ тѣ, которые имѣютъ не старые, но вновь, имъ данные письменные виды отъ короля, или принца Конде, или же отъ нашихъ министровъ. А если бы случились изъ нихъ такіе, которые бывъ уже здѣсь прежде присягу учинили и потомъ отсюда выѣхали, то и ихъ равномѣрно не впускать обратно, если они не предъявятъ новыхъ о себѣ видовъ“. Предписать къ непремѣнному исполненію имѣть по сему точнѣйшее наблюденіе и полиціи, для надлежащаго исполненія, предлагаетъ съ тѣмъ, чтобы объ ономъ в-мъ повелѣніи за извѣстіе сообщила отъ себя и московской полиціи.

26 октября 1797 (?) г. Въ слѣдствіе высочайшаго повелѣнія, за собственноручнымъ его в. подписаніемъ, къ непремѣнному въ потребномъ случаѣ исполненію, предписалъ: если изъ природныхъ италіанцевъ, или же изъ жителей того края кто либо вздумалъ ѣхать въ Россію, тотъ долженъ быть аккредитованъ отъ министровъ графа Мусина-Пушкина-Брюса, находящагося при неаполитанскомъ дворѣ, или графа Моценига при великомъ герцогѣ Тосканскомъ, или д. с. с. Лизакевича при Генуезской республикѣ, ихъ письмами или къ послу графу Разумовскому или же къ пограничнымъ начальникамъ. А безъ

такого свидѣтельства никто изъ Италіи ѣдущій впускаемъ быть не долженъ. О исполненіи чего частнымъ приставамъ предписано, а полиціи къ свѣдѣнію.

20 января 1798 г. Къ непремѣнному наблюденію всѣмъ гг. частнымъ приставамъ отъ меня предписано, чтобы въ праздничные дни, такъ называемые двунадесятые, въ торжественные императорской высочайшей фамиліи и въ воскресные никакихъ торговъ и продажъ не производилось, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, кои дозволить въ помянутые дни продавать съ утра до начатія оной (?) до позволенныхъ часовъ вечера. Но какъ обыкновенно въ воскресные дни бываетъ привозъ разныхъ потребностей изъ уѣздовъ, то таковыхъ продажу на указныхъ площадяхъ исключительно дозволить. Въ такъ называемомъ же толкучемъ рынкѣ продажа и покупка между народомъ производиться можетъ каждодневно по прежнему.

20 января 1798 г. Къ непремѣнному наблюденію господамъ частнымъ приставамъ предписано: всѣмъ въ городѣ здѣсь находящимся, съ подпиской, чрезъ кого слѣдуетъ, объявить и подписки въ полицію представить: 1-е воспрещается всѣмъ ношеніе фраковъ, а позволяется имѣть нѣмецкое платье, съ одинакимъ стоячимъ воротникомъ, шириною не болѣе какъ въ три четверти вершка; а обшлага имѣть того же цвѣту какъ и воротники, исключая сертуки, шенели и ливрейныхъ слугъ кафтаны, кои остаются по нынѣшнему ихъ употребленію. 2-е, запрещается носить всякаго рода жилеты, а вмѣсто оныхъ употреблять обыкновенные нѣмецкіе камзолы. 3-е, не носить башмаковъ съ лентами, а имѣть оные съ пряжками, а также и короткихъ, стягиваемыхъ впереди, шнурками, или съ отворотами сапоговъ. 4-е, неувертывать шею безмѣрно платками, галстухами, или косынками, а повязывать оныя приличнымъ образомъ безъ излишней толстоты.

1-го и 2-го изъ сихъ пунктовъ непремѣнное наблюденіе имѣть съ 30-го числа сего мѣсяца, а 3-й и 4-й пункты исполнять со дня о семъ объявленія. При томъ, домоуправителямъ, прикащикамъ, или хозяевамъ строжайше подтвердить, чтобы всѣмъ, пріѣзжающимъ для жительства или на время въ домы ихъ, объявили не только объ исполненіи сего предписанія и о всѣхъ прежде бывшихъ и если окажется, что таковыхъ объявленій кому либо учинено не было, то съ виновнымъ поступлено будетъ по всей строгости законовъ. О чемъ полиціи къ свѣдѣнію предлагаетъ.

21 января 1798 г. Въ дополненіе прежней повѣстки господамъ частнымъ приставамъ предписано жителямъ въ городѣ объявить, что мѣра одинакимъ стоячимъ воротникамъ неполагается, а оставляется

на произволъ каждаго; но желательно, чтобъ небезобразною вышиною сдѣланы были. Ливрейное платье могутъ имѣть лежачіе двойные или какъ угодно воротники, но чтобы были по гербамъ цвѣту, съ басонами или безъ оныхъ. О чемъ полиціи предложилъ.

21 января 1798 г. Въ дополненіе отданнаго сего генваря 20-го приказа и оной полиціи предложенія господамъ частнымъ приставамъ предписано въ лабазахъ, конфектныхъ, табашныхъ и милютинскихъ лавкахъ, цырульняхъ и курятномъ ряду въ праздничные дни, такъ называемые двунадесятые, въ торжественные императорской высочайшей фамиліи и воскресные дозволить производить торгъ, согласно съ мелочными лавками, въ коихъ продаются съѣстные припасы, съ тѣмъ, чтобы въ оные дни запертыми были поутру во время обѣдни отъ 9-го и по окончаніи оной до двѣнадцати часовъ. Торгующіе шитыми фраками, жилетами, короткими шнурками, и отворотами сапогами и съ ленточками башмаками, чтобы отнюдь оныхъ въ продажу неупотребляли, подъ опасеніемъ жестокаго наказанія, которые и представить въ полицію непремѣнно чрезъ три дни, а полиціи къ надлежащему свѣдѣнію предлагаетъ.

4 апрѣля 1798 г. Во исполненіе высочайшаго е. и. в. повелѣнія, къ должному и непремѣнному исполненію предложилъ: чтобы всѣ тѣ изъ мальтійскихъ кавалеровъ, здѣсь находящіеся или впредь сюда прибыть могущіе, кои урожденцы изъ Франціи, приводимы были на таковомъ же основаніи въ вѣрности подданства Россіи, какъ и прочіе французы по состоянію манифеста и (?) 793 года съ тѣмъ, дабы о приведенныхъ таковыхъ къ присягѣ представляемо было рапортомъ его сіятельству, о дачѣ-жъ имъ надлежащихъ отъ губернскаго правленія видовъ для свободнаго здѣсь прожитія г-ну гражданскому губернатору отъ его сіятельства отношеніе учинено. О выполненіи чего частнымъ приставамъ предписано.

4 апрѣля 1798 г. Сего апрѣля 3-го дня предписано отъ меня частнымъ приставамъ повѣстить жителямъ города съ подписками, что какъ носка перьевъ на шляпахъ принадлежитъ единственно чинамъ придворнаго штата, то и запрещается лакеямъ и кучерамъ партикулярныхъ людей носить на шляпахъ перьевъ и полимажи, также и на шляпахъ банты какого-бы то цвѣту не было; которые подписки и представить въ полицію.

4 апрѣля 1798 г. Замѣчено государемъ императоромъ, что многіе офицеры имѣютъ мундиры изъ немоченаго сукна, и для сего повелѣть соизволилъ: сдѣлать всѣмъ портнымъ запрещеніе, чтобы изъ немоченаго сукна на военнослужащихъ мундировъ отнюдь не дѣлали, а въ противномъ случаѣ, таковыхъ брать подъ караулъ. Во испол-

неніе сего высочайшаго повелѣнія, сего апрѣля 3-го дня частнымъ приставамъ предписано всѣмъ живущимъ въ частяхъ портнымъ объявить, дабы отнюдь не отважились никому изъ немоченаго сукна дѣлать мундировъ, подъ опасеніемъ строгаго взысканія; о чемъ обязать ихъ подписками и представлять въ полицію *).

IV.

Именной указъ 15 января 1797 года, объявленный правительствующему сенату генералъ-прокуроромъ княземъ Куракинымъ.

Его и. в., по случаю доходящихъ изъ разныхъ мѣстъ увѣдомленій объ отложеніи крестьянъ отъ должнаго къ помѣщикамъ своимъ повиновенія, кои оказываются или ложными или никакого уваженія не заслуживающими, высочайше повелѣть созволилъ: предложить къ свѣдѣнію сената высочайше сдѣланное мнѣ, по званію моему, препорученіе изыскать виновниковъ таковыхъ пустыхъ къ начальству донесеній и сихъ ложныхъ доносителей предать узаконенному сужденію.

V.

Именной указъ 27 апрѣля 1797 года, объявленный сенату генералъ-прокуроромъ княземъ Куракинымъ.

Его и. в., соизволяя на отправленіе четырехъ партій, изъ горныхъ офицеровъ составленныхъ, наименованныхъ Верхотурскою, Екатеринбургскою, Оренбургскою и Пермскою, для пріиску сокровищъ, въ нѣдрахъ горъ, на восточной и западной сторонѣ Урала имѣющихся, высочайше повелѣлъ: объявить отъ сената печатными указами, дабы онымъ партіямъ во всѣхъ могущихъ случиться надобностяхъ дѣлано было вездѣ возможное пособіе, и по даннымъ имъ наставленіямъ даваны имъ были подводы и рабочіе люди, и о разработкѣ горъ во всякое время за плакатную цѣну.

VI.

Именной указъ 14 мая 1797 года, генералъ-прокурору князю Куракину.

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ князь Куракинъ.

Надворнаго совѣтника и бывшаго Могилевскаго верхняго земскаго суда стряпчаго **), который приносилъ намъ жалобу на Бѣлорусскаго

---

*) Всѣ предъидущія предложенія присланы были для исполненія къ Царевококшайскому городничему въ одной общей тетради, скрѣпленной губернскимъ секретаремъ Жеваковымъ. **А. Г. Пупаревъ.**

**) Въ предложеніи князя Куракина, при которомъ былъ присланъ указъ Казанскому губернатору, упоминается, что стряпчій тотъ былъ Апахарскій и требовалось извѣстить объ этомъ въ предупрежденіе всѣхъ служащихъ.
А. Г. Пупаревъ.

вице-губернатора, что онъ назначилъ его комисаромъ въ Роговскій уѣздъ и что онъ униженіемъ мѣста огорчается, повелѣваемъ: за таковыя прихотливыя желанія выключить изъ службы.

VII.

Именной указъ, объявленный казанскому гражданскому губернатору въ письмѣ генералъ-прокурора князя Куракина *).

Его и. в. высочайше соизволяя, дабы полиція тамъ, гдѣ находятся военные губернаторы, непосредственно состояла въ ихъ зависимости, гдѣ-жъ оныхъ нѣтъ, но опредѣлены коменданты, въ таковыхъ городахъ предоставлено было полное надъ оною начальство симъ послѣднимъ; предначертавъ должность и обязанность ихъ въ семъ случаѣ въ воинскомъ уставѣ къ повсемѣстному разрѣшенію гражданскихъ начальствъ и правителей губерній, повелѣлъ ему, г. генералъ-прокурору, сообщить, что обо всемъ, что только востребуется по дѣламъ полиціи гражданской, губернаторъ долженъ относиться лично къ военному, а гдѣ онаго нѣтъ, то къ коменданту города, и, по его уже повелѣніямъ, получать отъ полиціи все нужное, и чтобъ точно и тоже самое дѣлало и правленіе губернское, а прочіе присутственныя мѣста сносились прямо съ полиціею и, съ свѣдѣнія начальствующаго надъ оною, были удовлетворяемы.

VIII.

Именной указъ, объявленный генералъ-прокуроромъ княземъ Куракинымъ казанскому гражданскому губернатору въ письмѣ отъ 26 октября 1797 г.

Его и. в. высочайше повелѣть соизволилъ: дабы въ случаѣ пожаровъ въ городахъ и уѣздахъ, гдѣ оные не воспослѣдовали, всегда и съ возможною точностію были отыскиваемы и узнаваемы виновные въ такомъ происшествіи и при томъ, что всякой разъ гдѣ открыто сего не будетъ, причтется то за упущеніе начальства.

IX.

Именной указъ, объявленный казанскому гражданскому губернатору генералъ-прокуроромъ княземъ Куракинымъ въ письмѣ **).

Дабы во всѣхъ мѣстахъ, въ коихъ на ярмонкахъ, торгахъ и съѣздахъ бываетъ ссыпка хлѣба, въ продажѣ онаго никакого отъ воин-

*) Отъ котораго числа—письмо въ указѣ губернскаго правленія № 19,208, отъ 30 сентября 1797 года, не оговорено. А. Г. Пупаревъ.

**) Котораго числа послано письмо и когда состоялось повелѣніе, въ указѣ губернскаго правленія, отъ 27 октября 1797 года, царевококшайскому городничему не упоминается. А. Г. Пупаревъ.

скихъ чиновъ притѣсненія не было, и чтобъ смотрѣніе за симъ имѣли гражданскіе губернаторы.

X.

Именной указъ, объявленный казанскому гражданскому губернатору, въ предложеніи генералъ-прокурора князя Куракина отъ 18 ноября 1797 ода. № 13,606.

Чтобъ по настоящему въ Казанской губерніи распредѣленію слѣдующіе къ уничтоженію города въ строеніи своемъ располагаемы были съ наблюденіемъ пользъ и выгодъ обывателей отнюдь не настоя въ. томъ, чтобъ занимаемо было то самое мѣстное пространство, каковое, по прежде сдѣланнымъ планамъ, къ тому назначалось, давая однако-жъ знать о каждой таковой перемѣнѣ. *)

XI.

Именной указъ, объявленный казанскому губернатору генералъ-прокуроромъ княземъ Куракинымъ въ предложеніи отъ 22 ноября 1797 года подъ № 13,890

Дабы и планы городовъ по штату существующихъ равномѣрно соображаемы были съ пользами и мѣстными выгодами обывателей.

XII.

Именной указъ, объявленный казанскому гражданскому губернатору въ сношеніи генералъ-прокурора князя Куракина **).

Его и. в. высочайше указать соизволилъ, дабы нигдѣ, ни въ какое время иллюминаціи не было, кромѣ дня святыя пасхи и особливо повелѣнныхъ дней.

XIII.

Именной указъ, данный 28 іюля 1798 года генералъ-прокурору князю Куракину.

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ князь Куракинъ. Изъ доклада, поднесеннаго намъ отъ генералъ-аудитора князя Шаховскаго по дѣлу Апшеронскаго мушкатерскаго полка полковника Жукова, усмотрѣли мы развратные поступки Литовской губерніи бржетскаго городничаго Пирха, который, забывъ

---

*) Изъ городовъ Казанской губерніи оставлены были за штатомъ императоромъ Павломъ Спаскъ, Тетюши и Арскъ; изъ нихъ первые два въ 1803 году вновь возстановлены. **А. Г. Пупаревъ.**

) Время этого сношенія не указано въ указѣ губернскаго правленія № 25,163 къ царевококшайскому городничему отъ 23 декабря 1797 года. **А. Г. Пупаревъ.

всѣ обязанности служенія, противу узаконеніевъ нашихъ публично ходилъ въ круглой шляпѣ, во фракѣ и сею неблагопристойною одеждою ясно изображалъ развратное свое поведеніе; употребляя также казенныхъ людей въ свои домашнія услуги, а потому, выкинувъ изъ службы онаго городничаго Пирха, велѣли мы просить прощеніе при разводѣ на колѣняхъ у полковника Жукова. Вы-жъ имѣете сіе наше повелѣніе содѣлать гласнымъ со всѣми обстоятельствами развратности городничаго Пирха, дабы и всѣ прочіе таковаго буйства, наглости и пренебреженія должности своей позволять себѣ не дерзали.

Правительствующій сенатъ приказали: о семъ высочайшемъ е. и. в. повелѣніи дать знать печатными указами всѣмъ губернскимъ правленіямъ и прочимъ присутственнымъ мѣстамъ, а въ святѣйшій синодъ и въ московскіе сената департаменты сообщить въ вѣдены *).

XIV.

Именной указъ, объявленный казанскому гражданскому губернатору въ предложеніи генералъ-прокурора князя Куракина **).

Дабы шатающихся иностранцевъ, называющихъ себя обѣднявшими дворянами, офицерами, купцами и подъ другими сему подобными названіями собирающихъ милостыни, нигдѣ не держать, а представлять ихъ въ губернское правленіе для высылки за границу, съ передерживающихъ же оныхъ взыскивать по 25 рублей.

Изъ архива г. Царевококшайска. Сообщ. **А. Г. Пупаревъ.**

—

Васко-Вощило, внукъ Богдана Хмельницкаго. 1744 г. Объ этомъ весьма важномъ въ исторіи западнорусскаго крестьянства событіи извѣстно очень мало. По крайней мѣрѣ, лично мы нашли лишь только краткое извѣстіе въ XXVII томѣ польской „Всеобщей Энциклопедіи“ (стран. 848—849). Тамъ разсказывается, что крестьяне поднялись вслѣдствіе крайнихъ утѣсненій со стороны евреевъ. Предводителемъ возстанія былъ крестьянинъ Васко Вощило. Для характеристики этой энергической личности и помянутаго движенія вообще—намъ удалось недавно найти въ завѣдываемомъ нами рукописномъ отдѣленіи Виленской публичной библіотеки, въ отдѣлѣ историко-политическихъ сборниковъ (№ 71, л. 3-й) весьма любопытный документъ, ниже предлагаемый въ переводѣ съ польскаго. Документъ

---

*) П. с. З. т. XXV № 18,606.

**) Время посылки предложенія въ указѣ губернскаго правленія отъ 11 сентября 1798 года, № 14,888, Царевококшайскому городничему не обозначено.

А. Г. Пупыревъ.

этотъ, который можно назвать манифестомъ или всенароднымъ объявленіемъ, адресованъ Васкою Вощилой къ Главному Литовскому Трибуналу.

„Васко Вощило, внукъ Богдана Хмельницкаго, атаманъ и великій гетманъ войскъ, на истребленіе жидовскаго народа и оборону христіанства собранныхъ.

„Въ извѣтѣ, поданномъ на меня жидовскими протекторами, говорится, что будто бы я поднимаю бунтъ и съ мечомъ въ рукахъ иду противъ правительства. Это — гнусная и злая ложь. Мнѣ этого и въ мысль никогда не приходило, я—христіанинъ. Невѣрные жиды не только лишили христіанъ въ здѣшнемъ Кричевскомъ и другихъ староствахъ средствъ существованія, но и производятъ нападенія, убійства, грабежи, арендуютъ таинства; безъ ихъ воли и записки, данной къ каплану, ни одно дитя не можетъ быть окрещено; пановъ чаруютъ и чарами пріобрѣтаютъ ихъ къ себѣ уваженіе; христіанокъ насилуютъ, и чинятъ многое прочее, чего и перечесть трудно. Побуждаемый ревностью къ святой христіанской вѣрѣ, и дабы гнѣвъ Господній за всѣ эти злодѣйства не былъ вылитъ и на невинныхъ, я рѣшился, насколько позволятъ мнѣ силы, вмѣстѣ съ другими добрыми людьми, любящими христіанство, истребить (wygladzić) проклятый жидовскій народъ, и уже, съ помощію Божіей, избилъ жидовъ въ староствахъ Кричевскомъ и Пропойскомъ, и хотя жиды постарались выставить противъ меня войска правительственныя, однако справедливый Богъ охранялъ меня во всѣхъ случаяхъ. Уповая на милость Божію, я кончу эту священную войну противъ невѣрныхъ. Невѣрные жиды, желая покрыть себя, распускаютъ такой слухъ, что я будто бы граблю шляхетскія имѣнія. Этого я никогда не дѣлалъ и никому не приказывалъ; войско у меня регулярное, грабежомъ не промышляющее. Теперь оно идетъ двумя колонами: одна, подъ предводительствомъ полковника Харьки, ...овскимъ *) трактомъ, другая подвигается къ Бресту съ майоромъ Антипкою; самъ же я лично навѣщу Вильну. Еще разъ свидѣтельствую передъ цѣлымъ свѣтомъ: шляхетскихъ имѣній я не граблю, беру провіантъ съ однихъ только жидовъ. Поступающихъ въ мои полки принимаю съ ласкою и благодарностью. Данъ 1744 года, въ обозѣ **)“.

Удерживаясь отъ всякихъ выводовъ, приведемъ свидѣтельство той же „Всеобщей Энциклопедіи“ о концѣ дѣятельности и вмѣстѣ жизненнаго поприща крестьянина Васки Вощилы. „Энциклопедія“

---

*) Вырвано въ подлинникѣ. П. Г.

**) Т.-е. въ лагерѣ.

говоритъ: „Вощило, хотѣвшій взять штурмомъ укрѣпленный замокъ, въ которомъ тогда находился князь Радивилъ, литовскій подчашій, былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и казненъ, вмѣстѣ со многими предводителями этого возстанія“. Сообщ. П. А. Гильтебрандтъ.

—

ГОЛОВА ВОЛЫНСКАГО.

ДУМА *).

Свершилась казнь—и образецъ
Любви къ отечеству священной
Пріялъ страдальческій вѣнецъ,
Вѣнецъ прекрасный и нетленной!
Волынскій твердъ былъ до конца!
Неустрашенный мукой казни,
Онъ важность гордаго лица
Не измѣнилъ чертой боязни.

Презрѣннаго злодѣя мечь
Сверкнулъ надъ выей патріота;
Сверкнулъ—глава упала съ плечь
И покатилась съ эшафота.
И страхъ и тайную тоску
Льстецы, въ душѣ презрѣнной кроя,
Чтобъ угодить временщику,
Торжествовали казнь героя.

Одна Царица лишь была
Омрачена печальной думой;
Какъ будто камень, залегла
Тоска въ душѣ ея угрюмой!

*) Печатаемое здѣсь стихотвореніе извѣстно по многочисленнымъ и чрезвычайно неисправнымъ спискамъ—подъ названіемъ: «Видѣніе Анны Іоанновны»; одинъ изъ нихъ былъ напечатанъ два раза въ 1859 и въ 1860 гг. Нынѣ «Дума» эта печатается буквально съ подлинника, написаннаго Рылѣевымъ, на листѣ сѣрой бумаги безъ малѣйшихъ помарокъ. Подлинникъ сохранился въ литературномъ архивѣ Ѳ. В. Булгарина, многія бумаги котораго переданы въ распоряженіе «Русской Старины» сыновьями покойнаго, Б. Ѳ. и В. Ѳ. Булгариными, при весьма обязательномъ посредствѣ Т. А. Сосновскаго.

Въ извѣстномъ изданіи сочиненій К. Рылѣева, Москва, 1825 г. (8 д. 172 и 64 стр.) напечатана (стр. 149—156) Дума—«Волынскій»; въ ней говорится о борьбѣ его съ Бирономъ и о казни Волынскаго. Основою настоящей «думы» послужило довольно распространенное преданіе о томъ, будтобы императрица Анна Ивановна, изъ угожденія Бирону, предавъ Волынскаго лютой казни, страдала угрызеніемъ совѣсти и тѣнь Волынскаго являлась смущенной духомъ государынѣ. Извѣстно, что Анна Ивановна умерла послѣ смерти Волынскаго съ небольшимъ черезъ три мѣсяца. Біографическія свѣдѣнія о Рылѣевѣ см. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1868 г. кн. VI и 1869 г. кн. III, и въ «Русской Старинѣ» изд. первое, т. I, стр. 88; см. также «Библіогр. Зап.» 1861 г., № 14, стр. 417 № 19, стр. 581—582; «Русск. Слово» 1861 г., кн. IV, стр. 42 и 50. Ред.

Съ тѣхъ поръ отъ ней веселье прочь,
И стала сна она чуждаться:
Ея очамъ и день и ночь
Какой-то призракъ сталъ являться......

Однажды пиръ шумѣлъ въ Дворцѣ,
Гремѣла музыка на хорахъ;
У всѣхъ веселье на лицѣ
И упоеніе во взорахъ.
Въ душѣ своей утомлена,
Блѣдна, печальна и угрюма,
Царица въ Тронную одна
Ушла украдкою отъ шума.

Увы! и радость немогла
Ее порадовать улыбкой,
И мрачность блѣднаго чела
Развеселить, хотя ошибкой!
«О, гдѣ найду душѣ покой?»—
Она въ раздумьи возопила,
И опершись на тронъ рукой,
Уныло голову склонила.

«И въ шумѣ пиршествъ, и въ тиши,
Меня разкаянье терзаетъ;
Оно изъ глубины души
Волынскаго напоминаетъ!»....
— «Онъ здѣсь!» — Внезапно зазвучалъ
По сводамъ Тронной страшный голосъ....
Въ Царицѣ трепетъ пробѣжалъ
И дыбомъ приподнялся волосъ!...

Она взглянула—передъ ней
Глава Волынскаго лежала,
И на Нее изъ-подъ бровей
Съ укоромъ очи устремляла.
Ликъ смертной блѣдностью покрытъ,
Уста разкрытые трепещутъ;
Какъ огнь болотный въ ночь горитъ,
Такъ очи въ ней неясно блещутъ.

Кругомъ главы во тьмѣ ночной
Какой-то чудный свѣтъ сіяетъ
И каплющая кровь порой,
Помостъ чертога обагряетъ.
Рисуетъ каждая черта
Страдальца славнаго отчизны;
Вдругъ посинѣлыя уста
Залепетали укоризны:

«Что медлишь ты?... Давно я жду
Тебя къ Творцу на судъ священный;
Тамъ каждый воспріемлетъ мзду;
Равны тамъ Царь и рабъ презрѣнный!»—
Окончивъ грозные слова,
По прежнему изъ мрака ночи
Вперила мертвая глава
Въ Царицу трепетную очи....

Громъ музыки звучалъ еще,
Весельемъ оживлялись лица;
Всѣ ждали Анну—но вотще!
Не возвращалася Царица...
Изчезла радость, шумъ затихъ;
На царедворцахъ мракъ угрюмой,
И каждый, глядя на другихъ,
Спѣшитъ домой съ тяжелой думой.

Рылѣевъ.

Примѣчаніе. До чего испорчена эта «дума» въ печатныхъ ея изданіяхъ 1859 и 1861 гг. можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: вмѣсто: «прекрасный» напеч. «чистѣйшій»; вмѣсто: «Онъ важность гордаго лица»—напеч. «Онъ гордость важнаго лица»; вмѣсто: «Какъ будто камень»... напеч. «Какъ будто камнемъ»...; вмѣсто: «чуждаться», напеч: «бояться»; вмѣсто: «пиръ шумѣлъ» напеч: «пиръ гремѣлъ»; вмѣсто: «Въ душѣ своей утомлена, блѣдна, печальна и угрюма....» напеч. «Тоской своей утомлена, Она печальна и угрюма....»; вмѣсто: «радость» напеч. «рѣзвость»; вмѣсто: «Глава Волынскаго лежала» напеч. «Глава Волынскаго летала»; вмѣсто: «Съ укоромъ» напеч. «Съ упрекомъ»; вмѣсто: «Какъ огнь болотный».... напеч. «Какъ огнь безплотный»; вмѣсто: «Такъ очи въ ней неясно блещутъ», напеч. «Такъ очи смерти страшно блещутъ...»; вмѣсто: «свѣтъ сіяетъ», напеч: «свѣтъ пылаетъ»; вмѣсто: «И каплющая кровь» напеч. «И колыхаясь кровь»; вмѣсто: «Помостъ чертога» напеч. «Полы чертога»...; вмѣсто: «славнаго» напеч. «дивнаго»; вмѣсто: «посинѣлыя уста», напеч. «потемнѣвшія уста»; вмѣсто: «Громъ музыки звучалъ еще» напеч. «Шумъ музыки гремѣлъ еще»; вмѣсто: «оживлялись лица» напеч. «наслаждались лица»; вмѣсто: «Невозвращалася Царица»—напеч. «Рыдала въ ужасѣ Царица»; вмѣсто: «Спѣшитъ домой съ тяжелой думой» напеч. «Идетъ домой съ печальной думой».

А. И. Одоевскій*). Въ „Русск. Стар.“, изд. перв. т. I, стр. 73, во II-мъ стихотвореніи товарища моего А. И. Одоевскаго, пропущены 10 строкъ начальныхъ. Дорожу каждымъ словомъ его, и если вы найдете возможнымъ, то прошу помѣстить дополненія. Также на стран. 158 въ „Экспромтѣ“ пропущенъ конецъ.

Пропуски эти вѣроятно произошли оттого, что Одоевскій очень рѣдко самъ писалъ свои стихи: онъ сочинялъ ихъ на память безъ помо-

---

*) Съ искреннимъ удовольствіемъ даемъ мѣсто письму къ намъ барона Андрея Евгеніевича Розена. **Ред.**

щи пера или карандаша, а диктовалъ ихъ охотно. При списываніи съ копій почти всегда бываютъ ошибки или пропуски. Мои копіи провѣрены имъ собственноручно, и только три стихотворенія, посвященныя мнѣ и сыновьямъ моимъ, имѣю отъ его руки.—Въ сборникѣ его стиховъ, напечатанныхъ въ Лейпцигѣ, попадаются ошибки.

Въ „Русской Старинѣ" на стр. 73-й помѣщенное стихотвореніе II-е имѣетъ отъ автора заглавіе: „Умирающій художникъ" и начинается такъ:

Всѣ впечатлѣнія въ звукъ и цвѣтъ
И слово стройное тѣснились, —
И Музы юношей гордились,
И говорили — Онъ поэтъ! —
Но нѣтъ; — едва лучи денницы
Моей коснулися зѣницы —
Какъ свѣтъ во взорахъ потемнѣлъ,
Плодъ жизни свѣянъ недоспѣлый! —
Нѣтъ! — Сновъ небесныхъ кистью смѣлой
Одушевить я не успѣлъ;
Гласъ пѣсни, мною недопѣтой
Не дозвучитъ въ земныхъ струнахъ,
И я — (и такъ далѣе, какъ напечатано въ «Русской Старинѣ») *).

На стран. 158-й въ „Экспромтѣ": „Куда несетесь вы, крылатыя станицы?" пропущено окончаніе:

«И что не мерзлый ровъ, не снѣговой увалъ
Насъ мирно подарятъ послѣднимъ новосельемъ;
Но кровью жаркою обрызганный чакалъ
Гостей бездомный прахъ разброситъ по ущельямъ».

Пользуюсь случаемъ, чтобы въ память А. И. Одоевскаго, изъ моего запаса передать „Русской Старинѣ" нѣсколько стиховъ его вдохновенія.

Пріѣзжему изъ Кургана, который передалъ Одоевскому поклонъ отъ Курганскихъ его товарищей **).

Ты знаешь ихъ, кого я такъ любилъ,
Съ кѣмъ черную годину я дѣлилъ,
Ты знаешь ихъ! — Какъ я, ты жалъ имъ руку —
И передалъ мнѣ дружный разговоръ,
Душѣ моей знакомый съ давнихъ поръ;
И я опять внималъ родному звуку, —
Казалось, былъ на родинѣ моей,
Опять въ кругу соузниковъ друзей. —
Такъ путники идутъ на богомолье
Сквозь огненно-песчаный океанъ,
И пальмы тѣнь, студеныхъ водъ приволье

---

*) Во второмъ изданіи «Русской Старины» 1870 г. настоящія поправки вставлены въ свое мѣсто. Ред.

**) Курганъ — городъ Тобольской губ.; въ немъ водворены были на поселеніе нѣкоторые товарищи Одоевскаго. Ред.

Манитъ ихъ въ даль.... Лишь сладостный обманъ
Чаруетъ ихъ: — но ихъ бодрѣютъ силы,
И далѣе проходитъ караванъ,
Забывъ про зной пылающей могилы. —

Ишимъ, 3 октября 1836 г.

Желаю успѣха полезному труду вашему: наша публика, на бѣду свою, такъ же скоро какъ она восторгается новымъ изданіемъ, она внезапно, безъ всякой причины, охладѣваетъ къ нему, и хорошее дѣло рушится отъ безпечности или отъ непостоянства Съ совершеннымъ уваженіемъ и проч. Баронъ Андрей Розенъ.

—

Замѣтка Н. В. Гоголя въ альбомъ г-жѣ Е. Г. Ч—ой. Наша дружба священна. Она началась на днѣ тавлинки. Тамъ встрѣтились наши носы, и почувствовали братское расположеніе другъ къ другу, несмотря на видимое несходство ихъ характеровъ. Въ самомъ дѣлѣ: вашъ—красивый, щегольской, съ весьма пріятною выгнутою линіею; а мой рѣшительно птичій, остроконечный и длинный, какъ Браунъ (?), могущій навѣдываться лично безъ посредства пальцевъ, въ самыя мелкія табакерки (разумѣется, если не будетъ оттуда отраженъ щелчкомъ)—какая страшная разница! только между городомъ Римомъ и городомъ Клиномъ можетъ существовать подобная разница. Впрочемъ, несмотря на смѣшную физіономію, мой носъ очень добрая скотина: не вздергивался никогда къ верху или къ потолку; не чихалъ въ угожденіе начальникамъ и начальству — словомъ, несмотря на свою непомѣрность, велъ себя очень умѣренно, за что безъ сомнѣнія попалъ въ либералы. Но въ сторону носы!— Этотъ предметъ очень плодовитъ, и о немъ было довольно писано и переписано; жаловались вообще на его глупость, и что онъ нюхаетъ все безъ разбору, и зачѣмъ онъ выбѣжалъ на средину лица. Говорили даже, что совсѣмъ не нужно носа; что вмѣсто носа гораздо лучше если бы была табакерка, а носъ бы носилъ всякій въ карманѣ въ носовомъ платкѣ. Впрочемъ все это вздоръ и ни къ чему не ведетъ. Я носу своему очень благодаренъ. Онъ мнѣ говоритъ неможно объ вашемъ русскомъ табакѣ, отъ котораго я чихалъ, пріятно чихалъ. Табакъ говоритъ мнѣ о патріотизмѣ, отъ котораго я также чихалъ довольно часто. Патріотизмъ говоритъ мнѣ о Москвѣ, до сихъ поръ мною любимой, Москва о васъ; вы объ ангелахъ и объ ангельскихъ, т.-е. вашихъ, качествахъ. Ибо какъ вамъ извѣстно, ангелъ и чортъ—это два идеала, къ которымъ стремятся мужчины и женщины. Отъ женщины требуется, чтобъ она была ничуть не хуже ангела; отъ мужчины, чтобъ немного былъ лучше чорта. Ваше назначеніе вы исполнили: вы ничѣмъ нехуже Ангела; но лучше-ли я чорта—это еще не рѣшено. Во всякомъ случаѣ надъ нами странно-прихотливая игра случая: ангела посылаетъ онъ въ тотъ ...?.... климатъ, который былъ бы въ пору чорту, а чорта усаживаютъ въ рай, гдѣ долженъ-бы обитать ангелъ.— Но и въ виду этихъ чистыхъ Римскихъ небесъ, въ странѣ, гдѣ все чудеса, на увѣшанныхъ и увѣнчанныхъ плющемъ развалинахъ, цѣлуемыхъ южными, теплыми поцѣлуями широко, тоскующій чортъ будетъ

помнить долго свой отдаленный адъ и ангела сіяющаго въ небольшомъ уголкѣ его сумрачнаго пространства. **Н. В. Гоголь.**

Примѣчаніе. Эта шутливая замѣтка написана Гоголемъ въ бытность его въ Римѣ въ альбомъ доброй его знакомой г-жѣ Е. Г. Ч—й, предъ отъѣздомъ ея въ Россію. Г-жа Е. Г. Ч. и Гоголь—нюхали табакъ. **Ред.**

—

Объ изданіи „Словаря русскихъ писательницъ" *). Въ третій (и безъ сомнѣнія въ послѣдній) разъ **) предпринявъ изслѣдованіе литературной дѣятельности русскихъ писательницъ, я считаю необходимымъ обратиться за помощью и нѣкоторыми указаніями къ нынѣ живущимъ женщинамъ-писательницамъ, прося помочь мнѣ, такъ сказать въ собственномъ ихъ дѣлѣ. Мой „Словарь русскихъ писательницъ" доведенъ нынѣ до 1869 года и при новыхъ розысканіяхъ оказалось, что число нашихъ женскихъ авторовъ удвоилось, равно, какъ и число ихъ произведеній. Такимъ образомъ, вмѣсто 400 писательницъ указанныхъ въ моемъ „Словарѣ", оказывается ихъ теперь до 800; произведеніямъ же ихъ, кажется, нѣсть числа.... Сіе море пространное и великое и почти безбрежное..., такъ что одному пловцу нырять въ этомъ океанѣ женскаго авторства нелегко.... Пусть же та стихія, въ которой долженъ вращаться изслѣдователь, сама поможетъ ему немного сдѣлать его трудъ достаточно полнымъ и вѣрнымъ. Будучи увѣренъ, что стихія эта любезна и снисходительна, я обращаюсь къ современнымъ намъ русскимъ писательницамъ и издательницамъ съ покорнѣйшею просьбою, доставить мнѣ краткія, но вѣрныя свѣдѣнія или списки всѣмъ (хотя и самымъ малымъ и незначительнымъ) произведеніямъ ихъ, появившимся когда либо въ печати, съ точнымъ обозначеніемъ въ періодическихъ ли изданіяхъ или отдѣльно, съ указаніемъ года, № книжки журнала, мѣста печати и т. п. Сверхъ того необходимы указанія на псевдонимы, анаграммы и сокращенныя подписи, которыя употреблялись когда либо авторомъ. Необходимы тоже указанія на рецензіи и отзывы въ періодической литературѣ, которые, безъ сомнѣнія, всего лучше извѣстны самимъ авторамъ. Обращаюсь къ современнымъ писательницамъ именно потому, что относительно послѣдняго десятилѣтія, собранные мною матеріалы неполны. Женское авторство въ Россіи въ послѣдніе годы приняло такіе размѣры, какихъ, кажется, не достигало никогда и нигдѣ. Вотъ съ этою-то плодовитою дѣятельностью въ послѣднее время, много хлопотъ для библіографа, и я покорнѣйше прошу моихъ соотечественницъ мнѣ помочь. Такъ какъ въ составъ моего труда входитъ подробное изслѣдованіе объ исторіи русскаго женскаго авторства, по произведеніямъ авторовъ, съ необходимыми подробностями о каждомъ лицѣ, то потому краткія біографическія отмѣтки о каждомъ лицѣ

*) Настоящее приглашеніе къ русскимъ писательницамъ о сообщеніи матеріаловъ, относительно литературной ихъ дѣятельности, мы получили отъ кн. Н. Н. Голицина, по просьбѣ котораго и печатаемъ это воззваніе. **Ред.**

**) Первымъ опытомъ былъ «Списокъ русскихъ писательницъ», напечатанный въ «Москвѣ» 1857 года; второй — «Словарь русскихъ писательницъ» (1759 — 1859) въ «Русск. Архивѣ» 1865 г.

(имя, отчество, годъ рожденія, фамилія въ замужествѣ и т. п.) были бы весьма желательны.

Сообщенія прошу адресовать: въ Привислинскій край, въ губернскій городъ Калишъ на мое имя.

11 сентября, 1870 г. Князь **Николай Голицынъ**.

—

Шутка надъ гр. М. А. Милорадовичемъ. Бравый воинъ, герой, прославившій себя на поляхъ кровопролитнѣйшихъ сраженій—гр. Милорадовичъ, какъ извѣстно, былъ плохой генералъ-губернаторъ. Беззаботность его, невниманіе и легкомысліе при рѣшеніи массы дѣлъ и прошеній, къ нему поступавшихъ, были хорошо извѣстны современному ему обществу, и вотъ однажды выискался затѣйникъ, который сыгралъ надъ генералъ-губернаторомъ слѣдующую шутку. Написана и подана была Милорадовичу—особаго рода челобитная, будто-бы отъ ямщика Ершова, причемъ разсчетъ шутника-просителя состоялъ именно въ томъ, что Милорадовичъ подмахнетъ резолюцію, по обыкновенію, не прочитавъ путемъ бумаги. Ожиданія вполнѣ оправдались. Вотъ эта челобитная мнимаго ямщика и собственноручная на него резолюція с.-петербургскаго генералъ-губернатора:

„Его сіятельству, г-ну с.-петербургскому военному генералъ-губернатору, генералъ отъ инфантеріи графу Михаилу Андреевичу Милорадовичу, ямщика Ершова покорнѣйшее прошеніе.

„Безчеловѣчныя благодѣянія вашего сіятельства, пролитыя на всѣхъ, аки рѣка Нева протекли отъ Востока до Запада. Симъ тронутый до глубины души моей, воздвигнулъ я въ трубѣ своей жертвенникъ, предъ коимъ стоя на колѣняхъ, сожигаю ѳиміамъ и вопію: „ты еси, Михаилъ, спаси меня съ присносущными!“ Ямщикъ Ершовъ.

Собственноручная резолюція гр. Милорадовича: „Исполнить немедленно.“

Изъ бумагъ Н. П. Бахтина Сообщ. **Н. И. Селифонтовъ**.

—

Курьезный рапортъ. Въ бытность покойнаго генералъ-адъютанта графа Перовскаго оренбургскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ, графъ, усмотрѣвъ изъ мѣсячныхъ строевыхъ рапортовъ коменданта пограничной крѣпости св. Николая, что въ ея гарнизонѣ умираетъ множество людей, предписалъ ему донести о причинахъ таковой смертности, и если она происходитъ, быть можетъ, отъ дурного спертаго воздуха въ казематахъ, или отъ вліянія климата, то представилъ бы свои предположенія, какими именно мѣрами могла бы быть на будущее время предотвращена столь сильная смертность.

На предписаніе это былъ полученъ слѣдующій рапортъ:

„Господину оренбургскому и самарскому генералъ-губернатору. Коменданта крѣпости св. Николая подполковника Худякова рапортъ. Въ командуемой мною крѣпости св. Николая воздуха и климата неимѣется; есть одинъ палящій зной, отъ котораго люди заболѣваютъ, но тотчасъ-же мною отправляются въ госпиталь, гдѣ и умираютъ на законномъ основаніи. Подполковникъ Худяковъ“. Сообщ. **А. Г. Кроссъ**.

ПИСЬМО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I КЪ ГР. ВИТГЕНШТЕЙНУ.

15 декабря 1825 года.

Графъ Петръ Христіановичъ. Вамъ извѣстна непоколебимая воля Брата Моего Константина Павловича, исполняя которую, Я вступилъ на Престолъ съ пролитіемъ крови Моихъ подданныхъ; вы поймете, что во Мнѣ происходить должно и вѣрно будете жалѣть обо Мнѣ.

Что здѣсь было—есть тоже, что и у васъ готовилось, и что, надѣюсь, съ помощію Божіею, вы вѣрно помѣшали выполнить. Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ извѣстій на счетъ того, что г. Чернышевъ вамъ сообщилъ; здѣсь открытія наши весьма важны и всѣ почти виновные въ моихъ рукахъ; все подтвердилось по смыслу тѣхъ свѣденій, которыя Мы и отъ г. Дибича получили.

Я въ полной надеждѣ на Бога, что сіе зло истребится до своего основанія.

Гвардія себя показала, какъ достойно памяти ея покойнаго Благодѣтеля.

Теперь Богъ съ вами, любезный Графъ. Моя довѣренность и уваженіе вамъ давно извѣстны и Я ихъ отъ искренняго сердца здѣсь повторяю вамъ искренній Николай *).

С. П. Б. 15 декабря 1825 года.

---

*) Какъ письмо, такъ и надпись на конвертѣ, въ которомъ оно вложено, писаны рукою императора Николая Павловича. Графъ Витгенштейнъ, во время отправленія къ нему этого документа, былъ главнокомандующимъ 2-ю арміею; въ штабѣ ея находилось много лицъ стоявшихъ во главѣ южнаго тайнаго общества.

Письмо было отправлено по адресу съ генералъ-лейтенантомъ Корниловымъ. Особый случай доставилъ мнѣ возможность снять копію съ этого документа, оригиналъ котораго, вмѣстѣ съ другими драгоцѣнными бумагами, находится въ маіоратскомъ имѣніи Витгенштейновъ—имѣніи Дружно-селье. Въ 1843 г. я былъ посланъ въ Каменку (имѣніе князя Витгенштейна въ Подольской губ.), для устройства встрѣчи и похоронъ умершаго во Львовѣ князя. Супруга покойнаго княгиня Антуанетта Станиславовна поручила мнѣ разобрать архивъ князя и дозволила снять копію съ напечатаннаго здѣсь письма Николая I.

П. С. Лебедевъ.

ПИСЬМО В. Н. КАРАЗИНА КЪ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I *).

18 сентября 1826 года.

Государь! Истинному добру свойственно дѣлаться всегда медленно. Всемилостивѣйшее дозволеніе в. и. в., послѣдовавшее, вѣроятно, въ іюлѣ мѣсяцѣ еще, достигло до меня 25 августа. И съ тѣхъ поръ третій уже разъ принимаюсь за сіе письмо. Первыя два не допущены до почтовой конторы, и уничтожены бѣднымъ моимъ, напуганнымъ несчастіями семействомъ. Тщетно просивъ отъ

*) Сообщено Ф. В. Каразинымъ при слѣдующихъ строкахъ: «Исполняя желаніе редакціи «Русской Старины» помѣщать на ея страницахъ хранящіяся у меня бумаги моего отца, изъ которыхъ одна (о Польшѣ) и напечатана уже въ X-й книгѣ изд. 1870 года, посылаю любопытное его къ имп. Николаю Павловичу письмо со всѣми къ нему приложеніями, заключающее въ себѣ весь политическій его катихизисъ. Причемъ не лишнимъ считаю пояснить, по какому поводу оно послѣдовало. Въ 1820-мъ году отецъ мой, пользуясь однажды навсегда даннымъ ему императоромъ Александромъ Павловичемъ, въ первые годы его царствованія, позволеніемъ безпосредственной съ нимъ переписки, обращалъ вниманіе его величества на нѣкоторыя, существовавшія въ то время, общества, которыя, подъ разными благовидными наименованіями, скрывали иную цѣль, и предлагалъ учредить, для противудѣйствія имъ, особое общество, которое бы, занимаясь собственно улучшеніемъ быта помѣщичьихъ крестьянъ, распространяло между ними здравыя понятія о государственномъ благоустройствѣ, согласномъ съ началами монархическаго правленія, опирающагося на общественное мнѣніе. Предостереженія эти имѣли весьма печальныя для отца моего послѣдствія: онъ былъ заключенъ въ Шлюссельбургскую крѣпость и потомъ сосланъ на житье въ деревню, съ запрещеніемъ выѣзжать изъ нея куда бы то ни было и писать къ кому бы то ни было иначе, какъ чрезъ посредство мѣстнаго губернатора; что и продолжалось до восшествія на престолъ императора Николая Павловича, когда, по случаю требовавшейся отъ всѣхъ подписки о непринадлежности къ тайнымъ обществамъ, ему разрѣшено было объяснить, въ особомъ всеподданнѣйшемъ письмѣ, несчастную его исторію по поводу этихъ обществъ. Письмо это и есть то, которое теперь вамъ посылаю; надѣясь видѣть его въ печати чрезъ посредство прекраснаго вашего, мм. гг., изданія, имѣющаго цѣлію сохранить отъ тлѣнія историческіе документы минувшаго времени. Въ вѣрности копіи съ оригиналомъ, который долженъ храниться гдѣ-нибудь въ административныхъ архивахъ, нельзя сомнѣваться по разнымъ собственноручнымъ его, В. Н. Каразина, на ней добавленіямъ и между прочимъ по надписи, которую вы изволите прочесть: «Быль, хотя и невѣроятная, XIX вѣка (1820—1830). Съ 1 апрѣля 1801 года пользовался я счастіемъ безпосредственнаго сношенія съ государемъ императоромъ Александромъ». Извѣстный вамъ, не совсѣмъ обыкновенный его почеркъ подделать трудно. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя мѣста съ пропусками; но это не измѣняетъ смысла въ цѣломъ. Послѣдствіемъ этого письма было разрѣшеніе выѣзжать изъ деревни, безъ дозволенія, однакожъ, въѣзда въ С.-Петербургъ, что и продолжалось до его кончины. Ф. Каразинъ.

управляющаго губерніею, чтобы онъ далъ мнѣ какой-нибудь способъ изготовить и отправить безъ помѣхи мой конвертъ, я опять принимаюсь писать, также въ тайнѣ, также прерываемый слезами, близкими моему сердцу... Надѣюсь, что такое вступленіе нечуждо будетъ и вашего, великій государь! вы человѣкъ и супругъ!.. Вы человѣкъ! это доказалъ болѣе всего прекрасный манифестъ вашъ отъ 13-го іюля. Слѣдовательно я стану продолжать писать, хотя дрожащею рукою, и исполненный глубочайшаго, должнаго благоговѣнія, но съ тою же самою свободою, которая одушевляла мои бумаги въ продолженіи двадцати лѣтъ, писанныя къ моему незабвенному благотворителю блаженной памяти августѣйшему брату вашему, государь! За первыя, когда изящное сердце его величіемъ сана и непрерывнымъ счастіемъ не было еще заграждено отъ смѣлой истины, онъ удостоилъ меня въ кабинетѣ своемъ заключить съ чувствомъ въ свои объятія. Слѣдствіемъ послѣднихъ была Шлиссельбургская темница, въ которую заключили уже не юношу одинокого и бодраго въ силахъ, но пятидесятилѣтняго отца многочисленнаго семейства.... въ девятнадцатомъ вѣкѣ!!. Прости меня государь всемилостивѣйшій! Это не укоризна памяти несравненнаго, ниже жалоба, но повѣсть. Тѣмъ неменѣе обожаю я его и донынѣ. Никто не отдастъ ему болѣе справедливости предъ потомствомъ. Никто усерднѣе семьи моей не молился о упокоеніи съ ангелами человѣколюбивой души его.

Но время монарха Россіи драгоцѣнно. Я долженъ спѣшить занять ваше императорское величество предметомъ, по поводу котораго я имѣлъ счастіе получить сіе дозволеніе, не имѣвъ къ тому ни малѣйшей надежды.

Никогда не принадлежалъ я ни къ одному изъ тайныхъ обществъ, хотя многократно былъ въ оныя приглашаемъ.... и въ послѣдній разъ съ необыкновеннымъ настояніемъ до того, что обѣщали мнѣ дать немедленно высшую степень и предварительно сообщили мнѣ списокъ масоновъ находящихся въ Россіи и въ царствѣ польскомъ. Такая откровенность, мое всегдашнее предубѣжденіе противу всѣхъ сихъ обществъ, и размышленія занимавшія меня съ 1817 года еще, о таинственномъ сомнительномъ положеніи нашего государства (что и выразилъ я тогда въ письмѣ моемъ отъ 30-го января къ государю, по случаю

обращенія вниманія его на харьковскій университетъ): наконецъ неувѣренность о томъ, удастся ли мнѣ еще когда послѣ сего пріѣхать въ С.-Петербургъ, заставили меня открыться управляющему тогда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ о сихъ обществахъ, съ полною рѣшимостію добраго сына отечества. Къ счастію, гр. Вик. Павл. (Кочубей), издавна бывши ко мнѣ благорасположенъ, нерѣдко, безъ всякихъ чиновъ, допускалъ меня къ себѣ и уже слышалъ отъ меня нѣчто по сему и подобнымъ предметамъ. Я сообщилъ ему мои мысли, что на подобныя общества должно бы имѣть недреманное око, тѣмъ болѣе, что именно ихъ умноженіе предшествовало во Франціи государственному бѣдствію, равно какъ магнетизмъ, мистицизмъ и тому подобныя чудеса, какъ бы нарочно изобрѣтаемыя, дабы отвести вниманіе публики, а слѣдовательно и правительства,— что къ самому библейскому сословію, по сей причинѣ и зная коротко людей, я не имѣю ни требуемаго благоговѣнія, ниже довѣренности (и не состою членомъ онаго)—что нѣкоторыя, изъ учености или благотворенія составляющія свою цѣль, могутъ имѣть сокровенно другую, служа предуготовленіемъ и непримѣтнымъ испытаніемъ;—что даже въ частныхъ бесѣдахъ обѣихъ столицъ, я, какъ наблюдатель пріѣхавшій изъ губерніи, который тѣмъ удобнѣе замѣчаетъ, мнилъ усматривать особливое нѣкое направленіе умовъ, совсѣмъ подобное тому, каковое замѣчали во Франціи до наступленія переворота (и на которое, увы! также какъ и я, всемилостивѣйшій государь! тщетно, или и съ гибелью себѣ обращали вниманіе особъ правительствующихъ)..... Но обвинить я никого не могъ по совѣсти: съ одной стороны, гнушаясь не безъ причины мерзкаго во всѣхъ народахъ и временахъ имени доносчика, съ другой, не имѣя достовѣрныхъ доказательствъ. Я видѣлъ только, какъ бы сквозь мглу и облакъ, нѣчто пріуготовляющееся ко вреду государства. Привычка наблюдать общественное мнѣніе руководила мною въ въ семъ случаѣ (подобно какъ нѣкоторые люди почти по инстинкту привыкли предсказывать перемѣну погодъ,—и не ошибаются!). Слѣдовательно, когда графъ, забывшись на минуту, потребовалъ тономъ министра, чтобъ я доставилъ ему въ подтвержденіе какія либо бумаги, или карикатуры и стихи (ибо о нихъ также была рѣчь), то я съ негодованіемъ отвѣчалъ, что я

не привыкъ никого подвергать нéсчастію. Симъ, помнится, разговоръ и кончился. Или, можетъ быть, тогда же, если еще не прежде, я проложилъ предъ нимъ первоначальныя черты общества, подчиненнаго ему какъ министру въ лицѣ предсѣдателя онаго, которое бы сверхъ публичнаго своего назначенія улучшивать участь поселянъ, подвластныхъ дворянству, имѣло нечувствительный присмотръ за всѣми другими, такъ-называемыми вольными, явными и тайными обществами. Въ бумагахъ моихъ, которыя (какъ графъ мнѣ изъяснился въ свое время) отъ него всѣ были переданы блаженной памяти государю императору, долженъ находиться писанный мною и послѣ еще поправленный планъ сего общества. И мнѣ уже посчастливилось пригласить въ оное нѣсколько извѣстныхъ государю особъ (ибо изъ такихъ должно было состоять его средоточіе) въ слѣдующемъ порядкѣ:..... Но все сіе произошло уже послѣ...... Что же управлявшій минист. внутреннихъ дѣлъ (гр. Кочубей) не уважилъ моихъ заключеній и подозрѣній, не вмѣняю ему въ вину. Можетъ статься я и слишкомъ далеко съ ними зашелъ, изъяснившись, что я статсъ-секретаря гр. Каппо-д'Истрія почитаю агентомъ отъ чужестранныхъ тайныхъ обществъ, и что многія происшествія и государственныя у насъ учрежденія разумѣю внушенными нарочно, чтобы сдѣлать разстройку, поссорить государя съ подданными. Но не виня графа Виктора Павловича, тѣмъ не менѣе примѣтивъ его холодность, я почелъ долгомъ дѣйствовать по другому направленію. Во-первыхъ, чтобы рѣшительно успокоить себя въ совѣсти, я вручилъ ему, 31-го марта, бумагу, представлявшую еще нѣкоторыя рѣзкія черты того же содержанія. Въ ней коснулся я между прочимъ и до военныхъ поселеній, любимаго государева предмета, въ чаяніи, что это непремѣнно заставитъ графа довести сію бумагу, а слѣдовательно и разговоръ нашъ до высочайшаго свѣдѣнія, хотя бы то и со вредомъ мнѣ, дабы отъ меня отвязаться. (Но я ошибся: графъ продолжалъ принимать это за сумасбродство. И было бы таковымъ, еслибъ происшествія 14-го декабря не доказали противное!) Между тѣмъ подносимое у сего мое разсужденіе объ ученыхъ обществахъ и періодическихъ сочиненіяхъ въ Россіи, въ которомъ я искалъ, сколько пристойность и ценсура могли позволить, обратить вниманіе благомыслящихъ на небывалое у насъ республиканское

оныхъ направленіе, озлобивъ на меня.... съ другой стороны дало поводъ осуществленію вышеупомянутаго общества, которое долженствовало.... противуположиться. Я возобновилъ мое исканіе быть употребленнымъ по статистикѣ, дабы принеся государю и государству нѣкоторую услугу по сей, весьма посредственно еще у насъ обработанной части, вмѣстѣ съ тѣмъ получить право на обширныя сношенія и слѣдовательно на способы повѣрить мои подозрѣнія, кои разумѣлъ я столько дѣльными, сколько онѣ министру мечтательными казались. У графа же М. С. (Воронцова) настаивалъ, чтобъ объяснился съ управляющимъ министерствомъ в. д. о нашемъ предположенномъ обществѣ. Но какъ сей послѣдній отозвался отрицательно, первый же, совмѣстно съ кн. Меншиковымъ не нашли инаго средства довести о семъ къ свѣдѣнію государя, какъ употребить иностранца италіано-грека, не имѣющаго въ Россіи ни собственности, ни родства, ни почему непричастнаго къ ея славѣ, непривязаннаго къ службѣ ея ничѣмъ, кромѣ денегъ, т. е. тогоже Каппо-д'Истрія, которому я не довѣрялъ, то я, гонимый мыслями и природною пылкостію, рѣшился лучше все испортить, и себѣ невозвратную сдѣлать бѣду, или довести безпосредственно мои заключенія до его величества. Таковая идея утвердилась во мнѣ особливо по полученіи нечаянной высочайшей милости: именно прощенія долга тестя моего, по одному моему прошенію, безъ малѣйшаго промедленія и справокъ. Сей счастливый случай могъ родить во мнѣ надежду на самое возвращеніе прежнихъ милостей августѣйшаго моего благотворителя. Я имъ воспользовался. Изливая всю мою благодарность въ письмѣ отъ 21-го апрѣля, открылъ я мои мысли о странномъ направленіи умовъ, ссылаясь на то, что отъ меня было уже представлено графу Вик. Павл. Онъ же получилъ высочайшее порученіе разспросить меня подробнѣе. Подношу у сего выписку изъ перваго моего отвѣта, за коимъ слѣдовали другіе, также безискуственно. Я столько былъ увѣренъ въ милостивомъ ко мнѣ вниманіи государя, до того простиралъ дѣтство, что предъ отъѣздомъ его величества въ южныя губерніи, осмѣлился просить взять меня съ собою въ должность письмоводителя, такъ какъ не былъ назначенъ никто изъ статсъ-секретарей въ сей путь. Государь выѣхалъ за границу. Случилось, какъ бы въ подтвержденіе моихъ догадокъ,

неповиновеніе Семеновскаго полка.... Тогда, возмущенный духомъ, поступившій уже и прежде въ моей откровенности столь далеко (за черту позволеннаго въ самодержавныхъ *) правленіяхъ), я рѣшился сообщить всѣ мои мысли о происшедшемъ и ожидаемомъ, почитая за тяжкій предъ Богомъ грѣхъ, въ толь важномъ случаѣ, останавливаться какою либо дворскою пристойностію. Не о себѣ и о своихъ я помышлялъ, но о томъ только, какъ бы мѣтче, всѣмъ существомъ моимъ, хотя бы оно въ дребезги разбилось, ударить въ сердце государево. Три записки, одна за другою, были мною поданы графу для отправленія: безпорядочныя конечно, не черня писанныя, но душа моя въ нихъ изливалась. Онѣ окроплены не разъ были моими слезами. Первая уже погубила меня прежде нежели успѣли дойти двѣ послѣднія. Съ истиннымъ вѣрноподданническимъ чувствомъ подношу у сего ихъ списки—изъ того, который былъ у меня сдѣланъ немедленно по мѣрѣ какъ я писалъ, и который я отдалъ на сохраненіе въ чужомъ домѣ подъ печатью, на тотъ конецъ, чтобы по смерти моей дѣти мои меня оправдали, избавляя память мою отъ поношенія преступнымъ сумасбродомъ или злодѣемъ (!!).

Государь правосуднѣйшій! Отъ васъ зависитъ повелѣть сличить списки съ подлинниками, дабы увѣриться, что я не утаиваю и не перемѣняю ни единаго слова. Государь XIX-го вѣка! Отъ васъ зависитъ помиловать—не меня уже, пораженнаго въ тѣлѣ и въ духѣ моимъ несчастіемъ, но мое бѣдное, безвинное, слѣдствіемъ моей малозаслуженной казни (ибо это казнь!) въ нищету пришедшее, посрамленное мое семейство!...

Я хотѣлъ всеусильно, и сколько отъ ничтожнаго, частнаго человѣка могло зависѣть, предупредить—не только казавшуюся мнѣ близкою тогда, но и всѣ возможныя впослѣдствіи времени революціи, обративъ вниманіе государя не-деспота, на противурѣчія между разливающимся чрезъ всѣ сословія въ народѣ просвѣщеніемъ и формами правленія, которыя могли быть при-

---

*) Синонима самовластныхъ (перестанемъ себя обманывать словами!) Но въ монархическихъ, всякій отзывъ къ монарху своему, а тѣмъ паче дворянина позволенъ, лишь бы не публично. Это почтительная, тайная бесѣда добраго сына. Излишество или неразуміе въ ней наказывается — однимъ неуваженіемъ,— и только. В. Каразинъ.

личны прошедшимъ лишь вѣкамъ: противурѣчія, кои необходимо, по общимъ законамъ моральнаго міра, производятъ и всегда будутъ производить одно дѣйствіе. Ничто не поможетъ, нѣтъ никакого средства; не достанетъ никакой человѣческой силы остановить колесо, или дать ему противное движеніе. Словами Екатерины II, коими начала она первую главу своего наказа, словами: «Россія есть Европейская держава»,—все рѣшено!... Не должно было сближать насъ съ Европою, начиная отъ XVI-го вѣка еще, если самодержецъ пребыть хочетъ выше общественнаго мнѣнія и законовъ, если онъ караетъ за самыя вѣрноподданническія о томъ, подъ печатью тайны, сыновнія представленія. Развратъ и довременное лицемѣріе высшихъ и нижнихъ есть все, что можетъ быть выиграно при самомъ щедромъ изліяніи милостей, при самыхъ мудрѣйшихъ, благонамѣреннѣйшихъ предписаніяхъ *). Преумножая и распространяя до Камчатки и Американскихъ береговъ пороки рабовъ просвѣщенныхъ, пороки Рима и Франціи, мы не можемъ уже имѣть добродѣтелей свойственныхъ рабамъ прежнихъ вѣковъ. Новое воспитаніе? О! Государь.... Медлительно дѣйствуютъ училища. И изъ чего составятъ ихъ курсы и библіотеки? Почти всѣхъ древнихъ авторовъ должно будетъ удалить, лишиться изъ новыхъ не только Монтескіе и Бентама, но самаго Юстія, уже въ 1770-мъ году у насъ въ Россіи напечатаннаго на природномъ языкѣ, какъ и первые. Оставить совсѣмъ преподаваніе о другихъ образахъ правленія, дабы избѣжать самыхъ естественнѣйшихъ вопросовъ: почему же у насъ иначе, и пр.? Гдѣ, кромѣ Карамзина, возмемъ и историковъ, которые бы одобряли самовластіе? Изъ поэтовъ надобно будетъ перепечатать съ большими пропусками, не только знаменитѣйшихъ, каковъ напр. Шиллеръ, иностранныхъ, но и своихъ, какъ-то: Державина, Княжнина. Всѣ человѣческія познанія составляютъ теперь непрерывную цѣпь, въ которой лишеніе одного звѣна будетъ нетерпимо... Но я употребляю во зло, можетъ быть, столь милостиво дарованное мнѣ позволеніе? Для того, можетъ быть, пишу, чтобы увеличить еще вину мою, представить ее во всей ея наготѣ?

*) Простите мнѣ, государь, мое, по поводу и въ доказательство сего, донесеніе, на особомъ листочкѣ, подъ литерою Е., по непобѣдимому влеченію сердца, преданнаго славѣ вашей и отечеству! В. Каразинъ.

Такъ! вотъ она! послѣдствія ея предсказаны мной публично въ 1818 году въ рѣчи, у сего подносимой въ жалкомъ, невольническому моему состоянію соотвѣтствующемъ экземплярѣ. Другой вины за собой не знаю. Я долженъ бы былъ признаться въ ней, тлѣя въ мрачной и сырой казематѣ шесть зимнихъ мѣсяцевъ, бывши убиваемъ на перекладныхъ телѣгахъ полторы тысячи верстъ, и здѣсь истаевая отъ унынія среди укоряющихъ меня жены и дѣтей.

Государь! вы не Тиверій, я не Овидій. Вы возвратите меня обществу (которое я ничѣмъ не оскорбилъ) по кончинѣ Августа-Траяна моего *)!... Вы не повторите сего примѣра, единственнаго въ продолженіи восемнадцати столѣтій. Вы не захотите меня, безгрѣшнаго предъ законами отечества и цѣлаго міра, неосужденнаго никакимъ судьею, необвиненнаго ни публично, ниже приватно, сравнять съ преступниками, коихъ Верховное судилище приговорило къ тому же наказанію, т. е. къ заключенію по жизнь. Недоумѣваю о причинахъ немилости вашего величества, столь непреклонно изъявленной въ письмѣ дежурнаго генерала отъ 4-го августа (т. е. случайно въ самый день объявленія министерскаго о всемилостивѣйшемъ дозволеніи на настоящее письмо)! Я долженъ быть очерненъ какою нибудь безчеловѣчною выпискою изъ моего дѣла на вашъ обо мнѣ запросъ. Самъ онъ, незабвенный усопшій, сжалился бы надъ несчастнымъ семействомъ напослѣдокъ, особливо еслибъ достигло къ нему въ Таганрогъ письмо мое, въ опасной болѣзни мною заготовленное, гдѣ я прощался съ нимъ до вѣчности, гдѣ я, какъ бы предчувствуя его лишеніе, напоминалъ ему, что оба мы будемъ двѣ одинакія горсти праха. Оно хранится у одного изъ именитѣйшихъ начальниковъ губерній не для нынѣшняго времени; но можетъ быть вамъ представлено въ число доводовъ моей невинности. Другое, столько же откровенное, которое бѣдная жена имѣла дерзновеніе адресовать въ прошедшемъ іюнѣ мѣсяцѣ къ августѣйшей супругѣ вашей, безъ сомнѣнія дошло уже до вашихъ рукъ, вслѣдствіе отзыва ея къ дежурному генералу главнаго штаба.

Государь, котораго, при самомъ вступленіи на трудное по-

---

*) Почему Августа-Траяна, беру я дерзновеніе ниже изъяснить. В. К.

прище, мудрость Провидѣнія въ лицѣ несчастій со всѣхъ сторонъ осѣнила! Сердце мое вѣщаетъ мнѣ, что ты болѣе сдѣлаешь, нежели чтобъ только простить насъ!—И я кладу перо, мысленно повергаясь предъ тобою, не какъ узникъ, не какъ и рабъ (тебѣ конечно суждено совершить начатое Екатериною!..): но какъ благоговѣющій вѣрноподданный Василій Каразинъ.

PS. Въ случаѣ неожидаемаго для меня продолженія моего заключенія, пользуюсь еще драгоцѣннымъ, мнѣ на сей разъ даннымъ правомъ, чтобъ принести всеподданнѣйшія мои прошенія: 1) о разрѣшеніи вашимъ императорскимъ величествомъ участи моей по званію правителя дѣлъ филотехническаго общества, которое я до нынѣ несу. Мною о семъ представлено министру просвѣщенія отъ 21 іюля сего года, вслѣдствіе дѣланнаго мнѣ неоднократно запроса. 2) О позволеніи препроводить въ свое время рукопись актовъ сего общества и другія мои рукописи на высочайшее имя ваше, государь! для поступленія съ ними какъ указать изволите. 3) О возвращеніи мнѣ остатка невинныхъ моихъ бумагъ (помнится семнадцати тетрадей дневной моей записки, содержащей большею частію мои химическіе опыты и другія ученыя замѣчанія по занятіямъ моимъ, какъ правителя дѣлъ упомянутаго общества и члена другихъ подобныхъ); также и дражайшихъ для меня по смерть памятниковъ: рескриптовъ блаженной памяти государя, если они, бывъ ему доставлены, не преданы уничтоженію. Ихъ было четыре. Одного изъ нихъ, писаннаго 12-го декабря 1801 г., совершенно достаточно было бы нынѣ для моего оправданія, какъ сіе выразила и жена моя въ письмѣ своемъ къ государынѣ императрицѣ. Прекрасное это, юношеское тогда сердце, нашло удовольствіе въ заочной бесѣдѣ со мною, не взирая на торжественный день! И письмо на трехъ страницахъ имѣлъ я счастіе получить въ Москвѣ, дѣйствуя тамъ, незнаемо, по его высочайшему человѣколюбивому порученію.

— «Кого изъ Кесарей, дворянство! въ древней тогѣ
«Ты образъ вознесло забавъ твоихъ въ чертогѣ?»
— «Се Августъ счастіемъ, побѣдами Траянъ,
«А сердцемъ Титъ»—отвѣтъ раздался Россіянъ.

Impromptu, который я сдѣлалъ, отъ роду не занимавшись стихами, увидѣвъ въ залѣ благороднаго собранія въ Мо-

сквҍ, и въ 1814-мъ году, превосходный бюстъ государя въ римскомъ костюмҍ. И сія надпись, бывъ директорами вырҍзана, долго подъ онымъ оставалась. Впрочемъ, я часто въ бумагахъ моихъ называлъ Траяномъ блаженной памяти государя, по нҍкоторому историческому сходству.

„Еще бы сіе великое было несчастіе въ государствҍ, если бы кто не смҍлъ представлять своего опасенія о будущемъ какомъ приключеніи, ни извинять своихъ худыхъ успҍховъ отъ упорства счастія происшедшихъ, ниже свободно говорить своего мнҍнія".

Наказъ Екатерины II. Статья 517.

Во французскомъ, которое есть оригиналъ, еще яснҍе.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПИСЬМУ В. Н. КАРАЗИНА.

1) Письмо къ императору Александру Павловичу отъ 21 апрҍля 1820 года. Всемилостивҍйшій государь! Не угодно было вамъ видҍть слезы моей благодарности *)!... Но я утҍшился тҍмъ, что проливалъ ихъ въ церкви, испрашивая вамъ и державҍ вашей тысячу благословеній. Государь! Примите хотя письмо сіе, сіе тайное свидҍтельство моихъ къ вамъ чувствованій, сей послҍдній отзывъ вҍрнаго подданнаго, который въ счастіи и бҍдствіи равно будетъ вамъ преданъ до гроба; но отъ нынҍ совершенно замолчитъ, вступая въ рядъ прочихъ сорока, или пятидесяти милліоновъ.

Другой, пользуясь благопріятнымъ съ нимъ случаемъ, почелъ бы его началомъ возвращенія вашихъ милостей и искалъ бы утвердить ихъ: а я?... я какъ будто бы ищу всҍми силами подвигнуть на гнҍвъ в. и. в. Но такъ велитъ мнҍ чистая моя совҍсть; и счеты любви къ самому себҍ не входили въ мое соображеніе.

---

*) Тесть Вас. Наз., инженеръ-генералъ-майоръ Егоръ Ив. Бланкеннагель, получилъ отъ казны заимообразно 50-т. р. асс. на устройство перваго въ Россіи свеклосахарнаго завода, который и былъ имъ устроенъ въ деревнҍ его «Алябьевҍ» (Тульской губ.), шелъ очень хорошо и приносилъ доходы, изъ которыхъ Е. И. и уплачивалъ понемногу казенный долгъ. Но настала война 12-го года, склады его сахара, патоки и рому сгорҍли въ Москвҍ, онъ самъ умеръ. Вас. Наз. не былъ въ состояніи, по разстройству собственныхъ своихъ дҍлъ, выплачивать долгъ тестя и просилъ государя о сложеніи. Государь разрҍшилъ. В. Н. пошелъ во дворецъ благодарить, но не былъ принятъ. Ф. К.

Государь! Благодѣтель мой, моего семейства!... писавъ къ тебѣ въ послѣдній разъ, я приму тяжкій твой гнѣвъ съ тѣмъ самымъ чувствомъ, съ какимъ принялъ бы за тебя ударъ смертный: т. е. безъ ропота.

Я ничего особливаго писать не буду: но попрошу только, потребуйте, вс. г., у графа Виктора Павловича бумагу въ нѣсколько листовъ, писанную мной для него 31 марта, по поводу одного съ нимъ разговора, и еще письмо у дѣйств. тайнаго совѣтника князя Вяземскаго, писанное къ нему изъ Масальской его деревни купцомъ Роговымъ отъ 1 апрѣля, которое онъ мнѣ читалъ на сихъ дняхъ *). Нельзя было безъ ужаса встрѣтить столь рѣшительнаго сходства мыслей человѣка, столь удаленнаго отъ меня по всѣмъ отношеніямъ, съ моими и со всѣмъ тѣмъ, что занимаетъ мою душу постоянно съ 1817 года, когда я имѣлъ дерзновеніе открыть сіе въ письмѣ моемъ изъ Украйны вашему величеству. Нельзя было не привести себѣ на память, что точно такъ изъ разныхъ мѣстъ отзывались во Франціи отголоски благонамѣренныхъ предъ наступленіемъ гибельнаго переворота и что точно такъ были пренебрегаемы! «Il est singulier que dans ce siècle de lumières, les souverains ne voient venir l'orage, que quand il éclate»—сказалъ Наполеонъ Ласъ-Казасу на островѣ св. Елены (p. 93 § CCCLXVII). Столь чудное согласіе различныхъ умовъ, неимѣющихъ между собою ничего общаго, заслуживаетъ вниманіе и должно въ себѣ заключать нѣчто справедливое: тѣмъ больше, что подобныя чувствованія открываются въ бесѣдахъ частныхъ обѣихъ столицъ съ нѣкотораго времени. Довольно, если половина, если нѣкоторая доля есть тутъ основательнаго! Государь! единственная наша надежда!... Не мнѣ, ничтожному человѣку, принадлежитъ просвѣщать васъ! Но какъ добрый гражданинъ, какъ одинъ изъ дѣтей вашихъ, я прошу васъ не оставьте это безъ вниманія: не оставьте и въ такомъ случаѣ, когда почтете меня виновнымъ. О! въ семъ случаѣ, примите жертву мою собою, государь! данью благодарности, которою одною могу я, какъ мнѣ кажется, сколько-нибудь воздать за послѣднюю милость вашу. Пріимите вмѣстѣ

---

*) Ближе всего отъ него безпосредственно потребовать сіе письмо. Кн. Н. Г. Вяземскій живетъ за Аничковымъ мостомъ въ домѣ подъ № 158.

В. К.

клятву, что никакое намѣреніе, кромѣ чистѣйшаго желанія добра вамъ и отечеству, не движетъ мною въ настоящее время. Да лишитъ меня Всевидящій Верховный Судія всѣхъ временныхъ и вѣчныхъ благъ, да прольетъ на меня немедленно всю чашу ярости своей, если подлая какая хитрость, если, напримѣръ, покушеніе повредить кому бы то ни было, входитъ въ мысль мою!

Здѣсь, внѣ жилища моего, скрывая это письмо отъ бѣдной жены моей, которую послѣ радости неожиданной, я подвергаю, можетъ быть, неожидаемой ею величайшей непріятности, здѣсь въ уединенномъ углу, я простираюсь предъ Богомъ и вами государь! Мысленно покрываю ваши руки моими лобызаніями и слезами... Прощайте государь!...

В. импер. в. вѣрный, вѣчно обожающій васъ подданный В. К.

2) Прибавленіе на слѣдующій день. Всемилостивѣйшій государь! Пользуясь теперь, на сорокъ восьмомъ году моей жизни, въ послѣдній разъ правомъ, которое ваше величество нѣкогда мнѣ дали говорить и писать вамъ съ безпредѣльною откровенностію (и которое я почитаю неотмѣненнымъ: ибо къ малому числу коренныхъ нашихъ законовъ, если они есть, долженъ принадлежать тотъ, что всякое изъявленіе державной воли по степенямъ, отмѣняется только равнымъ ему, или высшей степени, а не низшей!), я долгомъ поставляю прибавить къ моему вѣрноподданническому письму еще слѣдующее:

a) Я никогда не употребилъ во зло сего драгоцѣннаго права себѣ въ пользу: ни на безчестную клевету, ни на недостойное испрошеніе милостей.

b) Я никогда не дѣлалъ изъ него предмета какого-либо чванства. Нечаянные случаи сдѣлали извѣстными нѣкоторыя мои бумаги, но только малому числу ближайшихъ ко мнѣ людей, изъ коихъ двухъ нѣтъ уже и на свѣтѣ: но большая часть, подобно какъ и сіи послѣднія, остались и останутся, пока я живъ тайною, открытою только для всевидящаго ока.

c) Я писалъ не по видамъ личнымъ, но по внутреннему убѣжденію и съ глубокою увѣренностію, что я былъ бы извергомъ предъ вами и отечествомъ, еслибъ сего не сдѣлалъ. Богъ, мой судія, да будетъ моимъ свидѣтелемъ!

d) Я никогда не воображалъ себя достойнымъ занять какое-либо изъ важныхъ государственныхъ мѣстъ. Честолюбивая эта

мысль, не взирая на милости ваши, не входила еще въ мою голову. Но, признаюсь въ томъ чистосердечно, быть человѣкомъ къ вамъ близкимъ, вамъ такъ-сказать исключительно принадлежащимъ, было единственнымъ и первѣйшимъ моимъ желаніемъ. Званіе вашего личнаго секретаря, вашего камеръ-библіотекаря, нѣчто подобное, носилось въ моемъ воображеніи... О попечительствѣ харьковскаго учебнаго округа я сталъ мечтать не прежде, какъ когда послѣ многолѣтняго отсутствія и небреженія графа Потоцкаго, голосъ публики сталъ на меня указывать.

е) Я никогда не былъ и не буду въ числѣ хулителей дѣлъ вашихъ. Напротивъ, я часто ихъ отражалъ. Образъ мыслей моихъ въ семъ отношеніи выразилъ я публично въ рѣчи 21 августа 1818 года, произнесенной въ Харьковѣ. Правительство вообще, было для меня всегда нѣчто священное. Собственное же ваше лицо, государь, есть и будетъ для меня предметомъ высочайшаго почитанія на земли. Невозможно сердцу благородному не обожать васъ!... Все, все, начиная съ ангельской наружности вашей, привлекательный чистый вашъ разсудокъ, характеръ вашъ, твердый, необыкновенный, послужившій, въ 1812 году, главнѣйшимъ орудіемъ Провидѣнію къ тому, чтобъ спасти Россію и Европу; доброта ваша... Государь! я начинаю рыдать! простите меня! Оставалось бы еще сказать нѣчто: но не имѣю силъ продолжать далѣе. Еще разъ прощайте государь!..

Ваше имп. вел. вѣрноподданный В. Каразинъ.

з) Къ министру внутр. дѣлъ графу В. П. Кочубею. Ваше сіятельство, вчера въ одиннадцать часовъ вечера, объявили мнѣ высочайшую волю, состоящую въ томъ, чтобъ я всеподданнѣйшее мое письмо отъ 21 апрѣля, въ собственныя его императорскаго величества руки отданное княземъ Петромъ Михайловичемъ Волхонокимъ, объяснилъ по чувству долга и присяги вѣрноподданнаго. И именно, чтобъ я указалъ обстоятельства, о которыхъ въ нихъ говорилъ, подробнѣе, подкрѣпилъ бы ихъ доводами, назвалъ самыя лица, отъ коихъ имѣю тѣ, или другія свѣдѣнія, и такъ далѣе.

Исполняя сіе повелѣніе съ радостію животворящею меня о томъ, что мой подвигъ и желаніе множества людей, искренно преданныхъ своему государю и отечеству (въ числѣ коихъ

однимъ изъ первыхъ смѣло васъ почитаю!) не остаются тщетными, спѣшу писать въ сіе утро и жалѣю только о томъ, что по необыкновенной важности предмета, я мало буду имѣть времени. Уже двѣнадцать часовъ; а я до сихъ поръ все еще занимался справками, какія могутъ найтись въ немногихъ бумагахъ, какія здѣсь въ С.-Петербургѣ имѣю... Но безъ сомнѣнія Богъ меня подкрѣпитъ и вразумитъ! Призываю святое имя Его не какъ лицемѣры, но какъ простой и доброй христіанинъ, каковымъ государь меня изволитъ знать отъ первоначальной моей бумаги въ 1801 году. Я не измѣнился, сіятельнѣйшій графъ! (съ нѣкоторою гордостію это произношу предъ лицемъ моего возлюбленнаго, справедливаго монарха) между тѣмъ какъ вижу многое измѣнившимся. Все тотъ же еще образъ мыслей и выраженій, тѣ же самыя начала. Отъ упомянутой бумаги до нынѣшней все одно и тоже. Можно сличить: не найдется противурѣчія! Я смѣло могу предстать на судъ потомства съ моею системою и на судъ Божій съ моими намѣреніями... Между тѣмъ, какъ двухъ произведеній иныхъ министровъ (ибо кто въ XIX вѣкѣ будетъ такимъ безумцемъ, чтобы отягощать имя государя всѣмъ вообще исходящимъ отъ сего священнаго имени?) двухъ произведеній говорю, иногда чрезъ немногіе мѣсяцы одно послѣ другаго вышедшихъ, нельзя сравнить, не ощутивъ очевидной разности началъ *), или, справедливѣе, въ оныхъ крайняго недостатка.

Повелѣніе изложить подробнѣе обстоятельства, исполнено уже въ бумагѣ врученной в. с., о которой я упоминаю въ моемъ письмѣ. Пріобщите къ оной прежнія мои бумаги, письмо Рогова къ князю Н. Г. Вяземскому, и государь императоръ изволитъ достаточно усмотрѣть на чемъ я основывалъ свои мысли. Всеподданнѣйшее мое письмо не доносъ, къ которому я, можетъ быть, не способенъ, не указаніе мелкихъ, частныхъ злоупотребленій, мало достойное занять самодержца величайшей имперіи въ мірѣ, владыку трехъ царствъ, но послѣдняя воля

*) Пусть повелитъ государь. Я не болѣе двухъ недѣль времени испрашиваю, чтобы, пересмотрѣвъ тридцать слишкомъ томовъ infolio, о которыхъ я писалъ 12 декабря прошедшаго года вашему сіятельству, представить, конечно, болѣе трехъ сотъ противурѣчій, затруднявшихъ и затрудняющихъ повелителей и народъ. А такое сравненіе было бы любопытно и полезно въ высшей степени! В. К.

такъ-сказать умирающаго. Это завѣщаніе, которое бывшій счастливецъ оставляетъ въ рукѣ своего благодѣтеля, прощаясь съ нимъ навсегда. Роля моя человѣка бывшаго призваннымъ на безпосредственное служеніе государю, кончилась. Это дано мнѣ знать оказанною милостію и вмѣстѣ отказомъ обнять колѣна давшаго ея: гораздо выразительнѣе объявленныхъ повелѣній, въ которыхъ я имѣлъ право сомнѣваться и которыя не могли перевѣшивать повелѣнія личнаго *). Я хотѣлъ исполнить въ послѣднѣе долгъ мой и возвратиться въ толпу, отъ которой счастіе меня отдѣляло. Вся мысль моя заключается въ тѣхъ словахъ вѣрноподданническаго моего письма, гдѣ я умоляю государя не оставить безъ вниманія явленій, которыя начинаютъ у насъ обнаруживаться, употребить средства предоставленныя правительству на бо̀льшее ихъ открытіе и удаленіе. Я увѣренъ, что таковымъ образомъ догадки мои утвердятся или опровергнутся несравненно вѣрнѣе, нежели подробностями, каковыя одинъ я бы представилъ: ибо кругъ моего дѣйствія не великъ. Сто, болѣе или менѣе, случаевъ, которые я нечаянно имѣлъ къ наблюденіямъ и которые должно бы еще было повѣрять справками, допросами, очными ставками, отвлекая простолюдиновъ отъ мѣстъ ихъ на великія разстоянія и проч.—будутъ маловажны въ пространствѣ Россіи. Относительно до указанія лицъ имѣющихъ болѣе значенія поимянно, отъ кого, что и гдѣ, когда слышалъ, то хотя изъ вѣрноподданническаго повиновенія, я могъ бы составить кое-какую записку, вспомоществуясь то памятью, то бумагами моими, которыя сейчасъ пробѣжалъ (бумагами наполненными болѣе ученыхъ замѣчаній); но признаюсь в. с., что совѣсть моя возмущается отъ одной мысли о таковомъ предательствѣ всѣхъ благородныхъ чувствованій. Я уже это вамъ сказывалъ при случаѣ разговора о язвительныхъ сочиненіяхъ. Сохрани насъ Боже возобновлять сцены царствованія Анны Ивановны при такомъ государѣ!... Впрочемъ, вы изволите согласиться, что и назвавъ лица, не будетъ еще сдѣлано

*) Двумъ изъ таковыхъ объявленныхъ повелѣній я совсѣмъ не повѣрилъ; и теперь, съ дѣтскою моею простотою скажу, ей Богу не вѣрю! Оба послѣдовали въ нынѣшній мой пріѣздъ, и одно чрезъ два года съ половиною послѣ того какъ дано! Ко мнѣ одному, я думаю, въ цѣлой Россіи, не исключая и живущихъ на Кадьякѣ, достигали по прошествіи столькаго времени именныя повелѣнія!!.. В. К.

рѣшительнаго шагу къ удостовѣренію: ибо должно ихъ спросить... и кто признается? Неужели нашему благодѣтельнѣйшему Александру пожелать убить политически вѣрнаго, и уваженнаго имъ, нѣкогда любезнаго ему человѣка *) и опозорить допросами лица достойныя его уваженія? Вчерашній день я сказалъ в. с. черты могущія быть безъ неудобства изслѣдованными. До возвращенія вашего изготовлю еще нѣсколько въ особливой запискѣ: ибо теперь дѣйствительно не достаетъ времени. Да и однихъ бумагъ упомянутыхъ выше, слишкомъ уже много, чтобы намъ дерзать за одинъ разъ болѣе отяготить обожаемаго государя. Графъ! я никогда не забуду впечатлѣнія, которое я имѣлъ, видѣвъ его однажды выходящаго изъ кабинета послѣ докладовъ! Потъ градомъ катился съ прекраснаго его лица... не можно было завидовать столь возвышенному жребію!

Вѣроятно при чтеніи сихъ бумагъ родятся вопросы, кои разрѣшить или дополнить темноты я буду ожидать чрезъ васъ повелѣнія. У меня нѣтъ слова написаннаго безъ отчета.

Слѣдующее (дополненіе на первый случай) выписалъ я у одного изъ умнѣйшихъ людей Россіи**). Нашъ просвѣщенный государь, отличаясь знаніемъ литературы не менѣе какъ прочими рѣдкими своими качествами, конечно изволитъ знать, что отступить отъ своего слога, или поддѣлать чужой столь же трудно, какъ и перемѣнить почеркъ. Онъ знаетъ языкъ, которымъ я выражаюсь, столь совершенно, что съ первыхъ строкъ узнавалъ письма, писанныя мною для другихъ. Слѣдовательно не можетъ почесть этаго за мое сочиненіе... и сего довольно.

Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ вышеупомянутыхъ средствъ, каковыя можетъ имѣть правительство узнать не отдѣльные анекдоты (пищу низкихъ шпіоновъ),—но подлинное внутреннее положеніе государства систематическимъ образомъ,—было бы, кажется, учрежденіе статистическаго департамента, о которомъ я писалъ неоднократно вашему сіятельству. Если бы государю императору было благоугодно меня удостоить скромнаго мѣста

---

*) Увы! довольно, что онъ, т. е. одинъ изъ малаго числа тѣхъ преданнѣйшихъ людей, которые собою жертвуютъ безъ всякой жалости, былъ окруженъ шпіонами въ пріѣздъ свой въ здѣшнюю столицу: и что люди, вѣроятно исходатайств. таковой присмотръ, для утѣхи своей это разславили. В. К.

**) Выписки этой нѣтъ въ копіи. Ф. В. К.

директора сего департамента, то я увѣренъ, что вмѣстѣ съ значительною услугою собранія свѣдѣній сего рода, которыхъ теперь нѣтъ и долго еще не будетъ, какъ имѣлъ я честь предъ вами вывесть изъ ясныхъ доводовъ, я безъ всякаго шуму и подъ предлогомъ однихъ статистическихъ обозрѣній открылъ бы въ связи тысячи произшествій и обстоятельствъ, и злоупотребленій важнѣйшихъ, вовсе неизвѣстныхъ правительству. За способности и усердіе мое, в. с. можете поручиться, и я охотно собою жертвую на сей предметъ подъ начальствомъ вашимъ: особливо естьли званіе это соединить со званіемъ правителя дѣлъ общества, предполагаемаго мною и другими значительнѣйшими меня особами, о которыхъ я думаю его величеству уже донесено; буде-жъ нѣтъ, то представьте списокъ съ общаго нашего согласія, ввѣренный на разсмотрѣніе вашему сіятельству.

Пусть читаетъ государь и болѣе удостовѣряется, что у него, по крайней мѣрѣ по ревнію къ истиннымъ пользамъ отечества и по усердію къ его славѣ, по искренной преданности къ его особѣ, нѣтъ другаго Каразина.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА В. Н. КАРАЗИНА МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ ГРАФУ ВИКТОРУ ПАВЛОВИЧУ КОЧУБЕЮ.

13 мая 1820 года.

Тетрадь 1-я. Нѣсколько анекдотовъ въ объясненіе вѣрноподданническаго письма отъ 20-го января 1817-го года и бумаги 31-го марта 1820-го, и именно сихъ мѣстъ перваго:

«Я подозрѣваю даже, не принадлежитъ ли и сія черта (т. е. высылка за границу безъ суда и безъ жалости шестидесятилѣтняго старика Шада *) къ обширному плану повредить вамъ и всему нашему любезному отечеству, къ плану, которой я воображаю постигать изъ моей отдаленности, но о которомъ трепещу сказать заочно болѣе... и второй:

«Все это взятое вмѣстѣ, неоднократно рождало во мнѣ мысль, что какая-нибудь невидимая рука движетъ внутри отечества нашего погибельнѣйшими для него пружинами», и пр.

Нетолько всѣ состоянія народа, но всѣ вѣроисповѣданія, какъ будто нарочно оскорбляются и раздражаются въ такомъ госу-

---

*) Профессоръ Харьковскаго университета. Ф. В. К.

дарствѣ, которое съ незапомнимыхъ временъ было образцомъ терпимости, и отъ имени такого государя, которому по сердцу его, мудрости и политикѣ свойственно быть примѣромъ общаго человѣколюбія. Иногда лютеране думаютъ, что ихъ угнетаютъ, а слишкомъ покровительствуютъ католикамъ; въ другое время католики утверждаютъ тоже самое на оборотъ. А всѣ недовольны и къ сожалѣнію, весьма справедливо. Давно-ли изгнанъ добродѣтельный и умный Буссе за изданіе нѣсколькихъ церковныхъ гимновъ, допущенныхъ впрочемъ Цоликофферомъ и другими почтеннѣйшими богословами въ Германіи, между тѣмъ какъ теперь г. Линдль, коверкаясь въ католическихъ храмахъ, преподаетъ, къ соблазну католиковъ, содержаніе тѣхъ самыхъ гимновъ въ прозѣ? Сколько сіи оскорблены поруганіемъ такъ сказать ихъ каѳедръ, явствуетъ уже изъ того, что Сестренцевичъ, образецъ придворной уступчивости, холодный старикъ, едвали когда имѣвшій какую-нибудь религію, наконецъ вышелъ изъ терпѣнія на праздникахъ пасхи. Сомнѣваюсь, чтобъ сіе произшествіе было представлено государю въ истинномъ его видѣ!... Въ собственной Россіи находится шесть католическихъ епархій. Никогда не было примѣра, чтобъ онѣ оставались праздными кромѣ того времени, которое нужно на избраніе и утвержденіе епископа. Не было примѣра, чтобъ въ сіе званіе производили людей безъ разбора и самовластно: а всегда избирались они капитулами канониковъ изъ людей просвѣщеннѣйшихъ, благонравныхъ и благороднаго происхожденія: ибо въ самые каноники (или прелаты) никто не изъ дворянъ не допускается. Теперь минская епархія не имѣетъ епископа, равно Гродно-Виленская: въ первой администраторомъ какой-то каноникъ, а во второй, заключающей въ себѣ до двухъ милліоновъ жителей, митрополитъ Сестренцевичъ, котораго по его старости естественно едва можетъ доставать на могилевскую епархію *). Въ Подольскую же опредѣленъ, безъ одобренія капитула, нѣкто Мацкевичъ, человѣкъ самаго бѣднаго происхожденія и воспитанія грубаго, котораго все достоинство состоитъ въ томъ, что онъ низкой поклонникъ министру. Подобный ему, но еще скудоумнѣе, Липскій, человѣкъ, о которомъ утверждаютъ, что

*) Сверхъ должности президента и другихъ званій, которыя онъ на себя набралъ. В. К.

онъ не разумѣетъ даже ектеній, произносимыхъ имъ по обычаю на латинскомъ языкѣ, теперь готовится въ епископы; а коадъюторомъ и, слѣдовательно, наслѣдникомъ митрополита сдѣланъ былъ также величайшій невѣжа, вмѣсто того, чтобы обратить вниманіе для сего важнѣйшаго поста на волынскаго и подольскаго епископа Цѣцишевскаго, умнаго и добродѣтельнаго старца, извѣстнаго государю, которому степень митрополита по всѣмъ возможнымъ правамъ принадлежитъ. Все это, при нынѣшнемъ просвѣщеніи россійскихъ католиковъ, огорчаетъ до невѣроятности ихъ сердца. Они увѣрены, что якобы сдѣланъ правительствомъ планъ уничтожить сіе вѣроисповѣданіе: такъ я слышалъ отъ нѣсколькихъ, хотя очевидно, что сіе не можетъ быть справедливо... а едва ли не принадлежитъ къ оной системѣ внѣшней! «Такъ ли хочетъ и мыслитъ Россія утвердить въ союзѣ своемъ польскія провинціи?» говорятъ они въ огорченіи. Словомъ, ропотъ есть всеобщій... общій и для тѣхъ, которые совсѣмъ равнодушны къ папѣ и къ самой религіи. Подобное намѣреніе предполагали они также въ переводѣ католической семинаріи изъ Вильны (гдѣ она при всѣхъ ученыхъ пособіяхъ университета совершенно на своемъ мѣстѣ) въ бѣдный городокъ Винницу. Но князь А. А. Чарторыскій сильными своими представленіями остановилъ сей переводъ.

Давно ли императорскимъ словомъ, которое долженствуетъ быть непреложнымъ, утверждены права езуитовъ на здѣшнюю каѳедральную церковь, на заведенія при ней? Полоцкая академія утверждена уже при нынѣшнемъ министрѣ. Но внезапно, по случаямъ, которые должно было предвидѣть, или послѣ происшествія наказать на нѣсколькихъ виновныхъ, хитрые эти пролазы, успѣвшіе между тѣмъ поразвѣдать тайны наши, до крайности, сперва, уязвлены изгнаніемъ изъ сей столицы, потомъ рѣшительно пріуготовлены къ мщенію изгнаніемъ изо всей Россіи. Я смѣлъ бы полагать по крайней мѣрѣ, что можно было отложить сіе изгнаніе на другое, болѣе безопаснѣйшее время: и покушеніе обратить жида, наказать менѣе громкимъ образомъ, просто какъ частный случай, изслѣдовавъ проступокъ, который не могъ быть причтенъ въ преступленіе цѣлому многочисленному сословію. Подобныя изгнанія вообще суть черты исторіи, долженствующія быть чуждыми для царствованія обожаемаго мо-

его Траяна: пускай бы онѣ оставались при царствованіяхъ Людовиковъ XIV!.. Желалъ бы я, чтобъ государь чрезъ вѣрныхъ людей удостовѣрился въ ропотѣ бѣлорусскихъ губерній, которыхъ дворяне и прочіе лучшіе жители не знаютъ куда дѣвать свое юношество. Не говорю уже о присвоеніи, или по крайней мѣрѣ незаконномъ отчужденіи собственности въ тѣхъ губерніяхъ и здѣсь въ С.-Петербургѣ, которое ни сколько не можетъ быть соглашено съ возвышенными кроткими его началами. «Остановись дерзновенный!..» Нѣтъ, графъ! ничто не можетъ меня устрашить до того, чтобъ я измѣнилъ правдѣ: ему это уже извѣстно. Притомъ, можетъ ли оскорбить вѣрноподданный, вѣщая подъ печатію тайны, между тѣмъ когда чужестранецъ, гласящій иногда всенародно, не оскорбляетъ? мнѣ извѣстно, что государю угодно знать всѣ нелѣпости, издаваемыя о немъ и о Россіи его за границею, и что онъ съ улыбкою изволитъ читать изъ оныхъ извлеченія. Истина, сказанная сыномъ стоящимъ передъ нимъ на колѣняхъ, простительнѣе. Просвѣщеніе есть огонь, ни коимъ образомъ не могущій быть заключеннымъ, и благо если онъ устремляется прямымъ путемъ къ престолу!.. Да и дѣло здѣсь идетъ именно не объ священномъ лицѣ государя *).

Возвращаясь къ езуитамъ, донесу напослѣдокъ, что въ нынѣшнее время, наше правительство, примирясь съ ними послѣ удаленія ихъ въ Бѣлоруссію, могло бы извлечь изъ бытности ихъ у насъ значительную пользу. Ибо, кто лучше ихъ зналъ когда-либо все происходящее въ политическомъ мірѣ?

Почти вмѣстѣ съ езуитами оскорблены полтора милліона (если не болѣе) евреевъ, пребывающихъ въ россійской имперіи. Сомнѣваюсь, чтобъ милосерднѣйшему монарху пришло на мысль все послѣдствіе для нихъ указа, воспрещающаго имъ употребленіе служителей изъ христіанъ. По закону Моисееву имъ отнюдь

*) Отчужденіе езуитскихъ имѣній сдѣлано какъ будто въ подражаніе отнятія монастырскихъ нашей церкви. Хотя начала Александра и Екатерины II весьма различны. Она въ семъ случаѣ совѣтовалась болѣе съ мнѣніемъ Волтера и прочихъ энциклопедистовъ, нежели съ собственною мудростію. Сія, безъ сомнѣнія, внушила бы ей сохранить право собственности, давность владѣнія и святость завѣщаній; но въ монастыряхъ, подъ начальствомъ образованныхъ архимандритовъ, завести училища, больницы, пристанища для инвалидовъ, и проч. Теперь монастырскія имѣнія, а особливо лѣса, исчезли невозвратно!... В. К.

не позволяется никакая работа въ субботные дни. Дни эти будутъ для нихъ отнынѣ днями голода и холода въ зимнее время. Пищу свою они обыкновенно приуготовляютъ на канунѣ. Но не всякой еврей готовитъ себѣ хлѣбъ: большая часть довольствовалась онымъ у хлѣбниковъ и на рынкахъ. Но купля въ субботу запрещается. Подобно нельзя еврею (какъ работнику, такъ и хозяину его равно) въ субботу развести огонь: слѣдовательно кто обогрѣетъ ихъ жилище въ это время? Извѣстно, какъ свято (или можетъ упрямо) сей народъ соблюдаетъ свои уставы... Отъ в. с. зависитъ позвать перваго жида изъ находящихся здѣсь въ столицѣ, чтобъ услышать лично сѣтованіе ихъ о семъ гоненіи, какъ они его называютъ. Они опасаются болѣе всего прижимокъ нижшихъ чиновниковъ полиціи, которыхъ алчности подобной законъ каждый день можетъ давать пищу. Какъ бы то ни было, но трудно изъяснить какимъ образомъ одно донесеніе, одного начальника губерніи, могло быть поводомъ къ общей утѣснительной мѣрѣ?

Тетрадь 2-я. Прежде нежели я стану продолжать, добрый мой геній велитъ мнѣ самому предварительно изслѣдовать, въ какой степени заслуживаетъ довѣріе то, что я пишу. это кажется необходимо.

1) Быть можетъ, что я человѣкъ пришедшій въ послѣднѣйшую бѣдность, который желая выслужиться у правительства, предпріемлетъ сей отважный шагъ, подобно какъ утопающій хватается за ножъ, или какъ проигравшій все свое состояніе, ставитъ послѣдніе его остатки на карту?

2) Быть можетъ, что уязвленъ и доведенъ до отчаянія правительствомъ, и въ изступленіи хочу изрыгать на него хулы, яко единственное, возможное частному человѣку мщеніе?

3) Быть можетъ, что я подкупленъ врагами отечества, внутренними или внѣшними для того чтобъ употребить маленькіе мои способы на возбужденіе въ государѣ подозрѣній, или замѣшательства?

4) Быть можетъ, что отчаянная, неукротимая злоба на моихъ какихъ нибудь гонителей, или важныхъ особъ, оскорбившихъ меня на чести или имѣніи, влагаетъ мнѣ въ руки перо,

чтобы очернить ихъ, сдѣлать имъ взаимный вредъ по моимъ силамъ?

5) Быть можетъ, что я орудіе какой нибудь партіи недовольной настоящимъ порядкомъ вещей, человѣкъ имѣющій обширныя связи, замѣченный со стороны предпріимчивости, и употребленный на сей конецъ?

6) Быть можетъ, что я по крайней мѣрѣ правильно или съ нѣкоторымъ основаніемъ могу быть подозрѣваемъ въ нелѣпыхъ или злыхъ намѣреніяхъ: поелику я въ службѣ моей въ столицѣ, или въ отставкѣ въ провинціи замѣченъ былъ человѣкомъ лживымъ, неблагонамѣреннымъ, безпокойнымъ, возмущавшимъ умы... и такъ далѣе. Я воображалъ исчерпать всѣ предположенія: но прочитавши написанное, вижу, что еще одно:

7) Быть можетъ, что я съумасшедшій, который въ бреду своемъ составляетъ мечты и выдаетъ ихъ за дѣло. Воображаетъ себя Шведенборгомъ, Миллеромъ, призваннымъ отъ Бога на нѣчто чрезвычайное, на преобразованіе царства?..

Государь проницательный и самодержавный: т. е. имѣющій всѣ средства въ рукахъ, легко можетъ удостовѣриться, согласно ли съ обстоятельствами какое изъ оныхъ предположеній? Жизнь дворянина, имѣющаго нѣкоторое имя, отца многочисленнаго семейства, по его отношеніямъ личнымъ, по образу поведенія публичнаго и частнаго, не могла въ толь долгое время укрыться отъ вниманія правительства. Богъ одинъ, конечно, есть судія сердецъ. Но ежели всѣ дѣла какого человѣка, рѣчи торжественно произносимыя имъ и всѣ тайныя бесѣды въ продолженіи двадцати лѣтъ дышутъ нѣжнѣйшею любовью къ государю и желаніемъ добра отечеству; если, напримѣръ, безъ всякой надежды угодить и въ самое то время, когда грубитъ онъ самодержцу своему правдою, начертываетъ подъ бюстомъ его въ московскомъ собраніи похвалы, приводящія въ восторгъ потому особливо, что онѣ естественны и справедливы; если связи и знакомства его объемлютъ исключительно людей, въ умѣ и благонамѣренности коихъ не можно сомнѣваться; если онъ постоянно приверженъ только къ тѣмъ государственнымъ особамъ, которыхъ общественное мнѣніе всегда отличало отъ прочихъ, а постоянное возвращеніе къ нимъ самого государя доказывало ихъ внутреннюю

цѣну; ежели этотъ человѣкъ, свято сохраняя одинакій, непреложный образъ мыслей и въ милости и въ немилости, не бросается изъ вольнодумства въ мистику и изъ республиканскихъ началъ въ деспотическія, но идетъ всегда среднею стезею добраго христіанина и добраго подданнаго; если онъ, удаляясь только политическихъ и религіозныхъ причудъ, спѣшитъ изъ первыхъ участвовать во всякомъ благородномъ подвигѣ... то подозрѣвать его въ злыхъ намѣреніяхъ, было бы, кажется, явнымъ противурѣчіемъ.

Теперь: чтожъ осмѣливается предлагать сей подозрительный человѣкъ (дабы по крайней мѣрѣ изъ сей точки освѣтить тайные его виды)? Не народныя-ли собранія, распущеніе войскъ, новые налоги, удаленіе того и другого изъ столповъ государственныхъ, или тому подобныя мѣры? Нѣтъ: но только приближеніе государя къ просвѣщенному дворянству, окруженіе себя болѣе и болѣе природными россіянами, имѣющими большую недвижимую собственность *) и отцами семействъ, составленіе постоянной системы совершенно согласной съ нравственностью и монархическими началами... Такія предложенія не могутъ, кажется, происходить отъ врага отчизны, ниже отъ умоизступленнаго честолюбца.

Льстецы должны быть болѣе подозрительны государямъ. Они желали бы заградить къ нимъ входъ всякой истинѣ, представить всякое покушеніе говорить—оскорбленіемъ величества, порывомъ мѣшаться не въ свое дѣло, тщеславнымъ желаніемъ учить правительство. Возможно ли? Я оскорбляю открывая мои мысли (справедливыя, или ложныя все равно) тому единому, которому принадлежитъ знать ихъ, и отъ котораго зависитъ дать имъ цѣну!.. Въ такомъ вѣкѣ, когда престолы окружены опасностями, когда бунты вездѣ свирѣпствуютъ, когда собственные наши журналы говорятъ публично съ народомъ тысячу разъ дерзновеннѣе, я говорю съ государемъ подъ печатью тайны: и я виновенъ въ глазахъ оныхъ господъ!... «Я, де, мѣшаюсь не въ свое дѣло». А давно ли дѣло отечества, въ которомъ я живу, въ которомъ

*) Въ числѣ ихъ я меньше всего могъ себя разумѣть, потому что незначущей моей собственности едва достаетъ на уплату долговъ и воспитаніе дѣтей. Я долженъ сіе оговорить во избѣжаніе и малѣйшаго подозрѣнія въ личныхъ видахъ. В. К.

будутъ жить мои дѣти и внуки, котораго монархъ почитается отцемъ обширнѣйшаго семейства, перестало быть моимъ собственнымъ дѣломъ? Изъ какой азіатской системы взята мысль эта? Учить правительство: выраженіе изобрѣтенное нарочно для уязвленія самолюбія лицъ правительство составляющихъ. Но авторы, публично издающіе книги о лучшемъ устройствѣ законодательства, финансовъ, и пр. развѣ не болѣе еще должны казаться виновными? А правительство не рѣдко ихъ награждаетъ. Боже мой! И ты позволяешь жаловаться на бѣдствія, которыя ты посылаешь и просить у тебя лучшаго: а правительства состоятъ изъ человѣковъ. Мы всѣ учимъ и учимся до самой смерти. Нещастливъ тотъ, кто вообразитъ, что ничего уже не остается ему узнать. Правительство есть средоточіе, въ которое необходимо должна стекаться всякая мысль о благѣ общемъ. Горе, если мы станемъ разсуждать на площадяхъ подобно другимъ народамъ!.. Да и много ли насъ теперь въ Россіи, желающихъ, имѣющихъ и дерзающихъ говорить нѣчто правительству? Оно съ сей стороны можетъ оставаться покойнымъ: ему не наскучатъ.

Простите, с. г., мое отступленіе! Мнѣ пріятно будетъ, если вы именно изъ него замѣтите то непринужденное теченіе мыслей, которое можетъ дать только чистая совѣсть. Божусь вамъ, да вы можете сіе и сами видѣть изъ слога, что пишу прямо набѣло: я пишу среди посѣщеній и дѣлъ семейственныхъ, даже среди забавъ. Вчера, на одномъ домашнемъ театрѣ, съ удовольствіемъ услышалъ я въ драмѣ молодого автора, обѣщающаго быть хорошимъ трагикомъ *), мысль совершенно относительную къ моему нынѣшнему положенію: «говорить истину опаснѣе, нежели сражаться на полѣ битвы». «Чтобы уповать успѣть, надобно быть весьма увѣреннымъ въ помощи божіей»!

О безпорядкахъ въ дѣлахъ разныхъ вѣроисповѣданій я желалъ бы скорѣе кончить, чтобы перейти къ другимъ предметамъ и не подать мысли в. с., якобы ополчаюсь противу министра сей части **).

---

*) Это Кукольникъ, сынъ директора Нѣжинскаго лицея, братъ того, который у васъ служитъ. В. К.

**) Который во всемъ этомъ, по смыслу самой бумаги моей 31-го марта, развѣ Богу душою виноватъ, какъ говоритъ отечественная пословица. В. К.

Надѣюсь, что мнѣ не будутъ поставлены въ вину ошибки въ именахъ и другихъ неважныхъ обстоятельствахъ. Я узналъ вчера же, напр., что епископъ волынскій не Тецишевскій, какъ я написалъ изъ словъ одного патера, но Цецишевскій и что семинарію хотѣли перевести не въ Винницу, но въ Березу, картезіанскій монастырь въ Кобринскомъ повѣтѣ.

Покровительство, оказываемое отступникамъ отъ католиковъ Феслеру и Линдлю *), приводя въ соблазнъ умы той и другой партіи, удовлетворяетъ столь же мало благочестію господствующей церкви, какъ и мистическія празднества, совершаемыя въ Михайловскомъ дворцѣ. Женскія общества, возникшія въ Екатеринославлѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, подъ именемъ сестеръ молчанія, куда (сестрами же) принимаются и мужчины; соблазнительное сходбище открывшееся недавно во Владимірѣ, о которомъ теперь секретно изслѣдываетъ синодъ, и которое прежде защищалъ-было министръ, поелику оно назвало себя библейскимъ; умноженіе въ Воронежѣ раскола субботниковъ, а здѣсь скопцовъ, суть естественныя слѣдствія направленія умовъ къ таинственности религіи вмѣсто простоты, которая всегда была свойственна нашей церкви. При явномъ пренебреженіи первѣйшихъ ея догматовъ, все это поведетъ къ разрушенію того спокойствія въ народѣ, которое наилучшимъ образомъ утвердилось въ безпристрастное ко всѣмъ актамъ царствованіе Екатерины.

Тетрадь 3-я. Цѣль несвойственнаго Россіи (и безъ того уже слишкомъ многосложной, много-сектной, если можно такъ сказать) устремленія умовъ къ мистикѣ посредствомъ библіи и къ чтенію библіи по направленію мистики, есть мечтательна. Въ министрѣ вѣроятно поддерживаютъ мысль, что симъ достигнетъ онъ къ величайшей славѣ, каковую когда-либо стяжалъ человѣкъ, къ соединенію вѣръ; а между тѣмъ государя хотятъ увѣрить, что это дѣйствительнѣйшее средство къ распространенію и утвержденію доброй нравственности. Что различныя вѣроисповѣданія никогда не соединятся, это наилучшимъ образомъ доказано безполезными опытами нашего и прусскаго

*) Сей послѣдній живетъ даже у Сарептскихъ гернгутеровъ. В. К.

правительства соединить лютеранъ и протестантовъ, сколько они ни сближены между собою происхожденіемъ, догматами, обрядами и степенью просвѣщенія. Исповѣдниковъ философіи XVIII вѣка, въ спискахъ какого бы прихода они ни состояли, легко свести въ одну церковь и заохотить торжествовать, съ музыкою, соединеніе*); но согласить сотни и тысячи семействъ, привязанныхъ къ своимъ понятіямъ, книгамъ, обрядамъ, перемѣнить ихъ, не употребляя величайшаго насилія, отнюдь не возможно. Рѣшительно можно сказать, что никакое правительство до этого не достигнетъ до окончанія вѣка и ссылка на общее основаніе вѣръ, какова есть библія, ни къ чему не послужитъ въ семъ случаѣ: ибо всякій будетъ ее изъяснять въ свою пользу. Напротивъ неосторожное ея преданіе на судъ народа должно естественно умножить толки, слѣдовательно и расколы. Исторія голландскихъ и англійскихъ сектъ это доказываетъ наилучшимъ образомъ. «Не повержите бисера предъ свиньями» не напрасно сказано, и папа въ семъ случаѣ правъ. Толпу дѣтей нельзя пустить въ аптеку, какъ ни спасительно это хранилище для поддержанія здоровья и жизни: они отравили бы себя непремѣнно! Наши святые отцы, каковъ Василій Великій и другіе, знали это лучше Патерсона. Они учредили систематически чтеніе въ церквахъ приличныхъ мѣстъ священнаго писанія. Раздѣливъ весь новый завѣтъ (за исключеніемъ однако апокалипсиса) на зачала, они изъ ветхаго предлагали только паремiи **). Да и апостолы, наставляя въ средствахъ къ спасенію, нигдѣ не предписали чтенія библіи во всецѣломъ ея составѣ, многообъемлющемъ, большею частью превышающемъ понятіе обыкновенное, требующемъ познанія древностей, для своего уразумѣнія. Не чтеніемъ библіи, но проповѣдью умножилось число христіанъ на земномъ шарѣ. Сіе чтеніе одно не умножаетъ и добрыхъ нравовъ. Доказательствомъ тому наше духовенство, которое, по необходимости обращаясь съ библіею каж-

*) Говорятъ что Буссе, на вопросъ его величества короля прусскаго о праздникѣ соединенія, назвалъ оный «ein Schauspil» и что это-то было истинною причиною изгнанія сего мужа, бывшаго въ здѣшней столицѣ девятнадцать лѣтъ примѣромъ добродѣтелей и семейнаго счастія. Трое изъ его благовоспитанныхъ сыновей остались въ россійской службѣ. В. К.

**) Мѣста подобранныя къ случаю. В. К.

дый день, есть одно изъ развращеннѣйшихъ классовъ народа *). (Не напрасно съ давнихъ временъ и по нынѣ, встрѣча съ попомъ почитается дурною встрѣчею!). Для распространенія благонравія прежде всего должно приуготовить добрыхъ пастырей, сдѣлавъ сіе званіе почтеннымъ и совсѣмъ независимымъ отъ счетовъ съ прихожанами и позволяя вступать въ оное только тѣмъ изъ учащихся молодыхъ людей, которые отличились добрыми нравами и незыблемостію характера **). Добрые помѣщики, которые не имѣютъ и чиновники, которые не имѣли бы нужды развращать народъ, должны служить вторымъ настолько же, какъ и первое необходимымъ орудіемъ. Ежели государь удостоитъ меня употребить къ составленію правдивой статистики имперіи, то, между прочимъ, сличивъ свѣдѣнія о числѣ преступниковъ до введенія сего подражанія англичанамъ, съ числомъ оныхъ послѣ (въ то же число лѣтъ), надѣюсь доказать рѣшительно, что нравственность нисколько не поправилась сею мѣрою. То же самое мы видимъ и въ Англіи. А злоупотребленія прибыли... начавъ отъ собиранія и издерживанія великихъ суммъ, жертвуемыхъ на сей предметъ. Впрочемъ я не имѣю права обнаруживать моихъ подозрѣній, которые не имѣю никакихъ способовъ доказать. Вижу только, что общество, или его комитетъ, имѣя о сю пору въ обращеніи капиталъ, который можетъ приносить вѣрныхъ процентовъ сто тысячъ рублей, если не болѣе, безпрестанно жалуется на недостатокъ средствъ и что публичные такъ-называемые отчеты никого не убѣждаютъ ***). Мимоходомъ позволяю здѣсь себѣ ска-

---

*) Т. е. я виню не состояніе (званіе), а обстоятельства, которыя тому причиною. В. К.

**) Это самая та мѣра, которую я имѣлъ дерзновеніе предлагать еще въ 1802 и 1803 годахъ. Вообще пора уже отставать отъ индѣйскихъ кастъ, и дать всякому свободу избирать то служеніе, въ которое Богъ его призываетъ. Я никакой не вижу невозможности въ томъ, чтобъ недостаточные молодые люди изъ дворянъ и купцовъ поступали по желанію въ священники, какъ это и бывало прежде въ Малороссіи; равно чтобъ священническія дѣти рьянаго нрава и крѣпкаго сложенія поступали въ воинскую службу безъ всякаго особливаго ходатайства. В. К.

***) Легко доказать что о сю пору уже могло быть напечатано болѣе книгъ Св. Писанія, нежели сколько есть грамотныхъ людей въ Россіи, которыхъ число далеко не доходитъ до сотой доли народонаселенія. Съ остальными же экземплярами что дѣлать? Куда разойдутся напр. 6,000 экз. евангелія на калмыцкомъ языкѣ, и пр.?.. В. К.

зать (хотя это не принадлежитъ къ дѣлу), что однимъ изъ значительныхъ неудобствъ отъ учрежденія, какъ сего библейскаго такъ и человѣколюбиваго обществъ, есть похищеніе капиталовъ изъ внутренности имперіи, которая и безъ того слишкомъ оными скудна въ сравненіи со всепоглощающею столицею. Бѣдный сельскій священникъ, убѣждаемый архіеремъ, который надъ нимъ всемогущъ и который ищетъ угодить высшему начальству, даетъ послѣднее... и все это отправляется въ Петербургъ. Недавно еще оплакивалъ я присланные такимъ образомъ изъ скуднѣйшей деньгами Екатеринославской губерніи шесть или семь тысячъ рублей *), которые бы навѣрное тамъ пропитали семдесятъ семействъ, ожививъ сотни рукъ трудолюбивыхъ, и которыя здѣсь послужили на весьма кратковременное удовлетвореніе нуждъ женщинъ... увы! не слишкомъ и правильнаго поведенія можетъ быть! Приказы общественнаго призрѣнія заслуживаютъ, и съ сей стороны даже, предпочтеніе благонамѣреннаго правительства. Нашему вѣку свойственно пускать пыль въ глаза и безполезно умножать способы. Корыстолюбіе и чванство, пользуясь благодѣтельнѣйшими наклонностями государей, обманываютъ ихъ кругомъ.

Если уже непремѣнно должно заимствовать чтó отъ англичанъ (т. е. отъ народа меньше всѣхъ европейскихъ имѣющаго съ нами сходства, какъ по физическому, такъ и политическому положенію), то полезнѣе бы было издать вновь и какъ можно болѣе умножить изданія Христіанскаго Нравоученія, книги превосходной, напечатанной уже на нашемъ языкѣ въ 1784 году (если не ошибаюсь) и содержащей полный и простѣйшій курсъ морали для всѣхъ состояній и для всѣхъ случаевъ жизни, словами самаго священнаго писанія. Таковое изъ драгоцѣннѣйшей и высочайшей сей энциклопедіи извлеченіе, не произвело бы въ умахъ народныхъ того волненія, которое производитъ провозглашеніе о библіи. Простые поселяне нащи не знаютъ что думать, вслушиваясь что «въ Питерѣ (какъ они говорятъ) уставленъ какой-то соборъ, на которомъ старшимъ предсѣдаетъ свѣтской человѣкъ, кн. Голицынъ, а на правой-де и на лѣвой рукѣ отъ него засѣдаютъ и нашъ митро-

*) Въ человѣколюбивое общество. В. К.

политъ, и католицкой, и всякіе нѣмецкіе архіереи и другіе чины. Этово-де у насъ на Руси съ роду не бывало*). Вѣру-де портятъ». Вотъ точныя слова одного однодворца, слышанныя мною Курской губерніи въ Сороковомъ колодезѣ**). Извиняю сего простолюдина и подобнаго ему, умствующаго здѣсь въ С.-Петербургѣ, когда сей послѣдній видитъ, что въ то же время неосторожно нарушается то, чтó онъ привыкъ разумѣть подъ именемъ благочестія. Нѣтъ мнѣ нужды ни на кого ссылаться: 6-го числа августа прошедшаго года я былъ разбуженъ въ моей квартирѣ, на перекресткѣ Сергіевской и Гагаринской улицъ, стукомъ долотъ работниковъ, которые весь тотъ день (одинъ изъ первѣйшихъ годовыхъ праздниковъ!) обтесывали камень на столбики тротуаровъ; 15-го августа (въ успеніе Богородицы) такимъ же образомъ разбудили насъ ломая заборъ, который должно было передѣлать, въ тотъ же день въ виду нашемъ крыли кровлю; а 30-го августа видѣлъ я каменщиковъ въ полной работѣ, напротивъ Зимняго дворца, на казенномъ строеніи. Надобно совсѣмъ не знать русскій народъ, чтобы воображать, что все это не дѣлаетъ на него никакого впечатлѣнія, кромѣ хорошаго. Обряды вѣры у него тѣснѣйшимъ образомъ соединены съ понятіемъ о благонравіи и благочиніи. Чтеніе библіи не заставитъ его уважать спасительную и необходимую для него власть, коль скоро онъ однажды почтетъ себѣ позволительными подобныя отступленія.

Оканчивая сію тетрадь, послѣднюю кажется впредь до приказанія вашего сіятельства, донесу, что мнѣ о многомъ еще писать остается: и именно, 1) о вредной системѣ, которую ввели иностранцы въ министерство финансовъ. Доказать можно, какъ день, что мнимая эта система кредита ведетъ къ государственному банкротству, обогащая только спекулянтовъ; объявленія же и провозглашенія о ней подрываютъ счастливую довѣренность нашего народа къ своему правительству. 2) О вредномъ направленіи, которое взяло просвѣщеніе и о преградахъ, которыя недовѣдомымъ образомъ ежедневно полагаются благимъ

---

*) Зрѣлище дѣйствительно странное, даже и для насъ; особливо послѣднее торжественное собраніе въ залѣ Таврическаго дворца, украшенной языческими статуями, каковы напр....(?) снизу до верху. В. К.

**) Имя станицы. В. К.

намѣреніямъ Государя по сей части. 3) О подрывѣ привязанности къ начальству войска и народа, совершаемомъ разными путями; и такъ далѣе.... Но все это я могу только указать издали въ настоящемъ моемъ положеніи. Могъ бы обнаружить ясно и постигнуть что нибудь о противудѣйствующихъ злу средствахъ, если бы имѣлъ болѣе способовъ (оффиціально) и употребилъ бы сотрудниковъ, къ которымъ не смѣю теперь прибѣгнуть. Къ счастію, можно еще безопасно пожертвовать нѣкоторымъ временемъ на таковыя изслѣдованія; ибо я не вижу ничего требующаго немедленнаго вниманія правительства, кромѣ отношенія поселянъ къ ихъ помѣщикамъ. Сего одного отнюдь не должно откладывать!

Сія третяя тетрадь послана при слѣдующемъ письмѣ:

Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Вчера, когда я написавъ третюю мою тетрадь хотѣлъ ея посылать къ в. с., узналъ я отъ пришедшаго ко мнѣ обѣдать дежурнаго, г. Кукольника, что вы изволили уѣхать въ Царское-Село. Долгомъ поставляю препроводить оную сего дни. Вы изволите найти сіятельнѣйшій графъ, что я продолжаю писать безъ всякаго приуготовленія, точно какъ писалъ бы подъ вашимъ надзоромъ, въ кабинетѣ вашемъ. Сего несомнительнаго признака чистосердечія поддѣлать не льзя: почему я и предпочелъ его уважить болѣе, нежели можетъ быть должное приличіе, которое обыкновенно соблюдается въ бумагахъ, идущихъ въ такія руки.

Счастливымъ себя почту, если моя откровенность произведетъ мысль, что подобные мнѣ обсерваторы могутъ приносить свою пользу въ правительствѣ, столько многосложномъ, каково есть наше. Есть вещи, которыя ни оффиціально, ниже посредствомъ наемныхъ наблюдателей низкаго рода, никогда не дойдутъ до государя, который долженъ необходимо быть всевидящее око своей имперіи. Дайте мнѣ средства: и вы въ непродолжительное время станете созерцать картину ея, каковой не было еще представлено. Она нужна особливо въ настоящее время, которое (по выраженію Лейбница) чревато будущностію. «Le temps présent est gros de l'avenir». Простыя даже статистическія свѣденія, которыхъ собираніе должно служить

предлогомъ, въ высшей степени важны для правительства: и я, сверхъ многаго, сказаннаго прежде, что безъ сомнѣнія вы изволили донести его величеству, представляю при семъ первый листъ моихъ таблицъ о Слободско-Украинской губерніи каковыхъ листовъ вообще будетъ семь по порядку алфавита, (теперь второй къ печати пріуготовляется). Взгляните сіятельнѣйшій графъ на результаты выведенные въ послѣднихъ трехъ рядахъ. Не ужаснетесь ли, напримѣръ, увидѣвши, что въ казенномъ селеніи № 38, по десяти-лѣтней сложности, ежегодно изъ шестьнадцати до семьнадцати жителей умираетъ одинъ? Таковой смертности нигдѣ не слыхано въ Европѣ! Это настоящій моръ: и кому какъ не правительству надлежитъ какъ возможно скорѣе позаботиться открыть подлинныя его причины и удалить ихъ? Вотъ, между прочими истинный предметъ статистики, а не вздоры, которыми занимается Германъ, и которыми десять лѣтъ еще безъ всякой пользы для государства будетъ заниматься!

Пріймите, милостивый государь! министръ, коего я не изъ ласкательства называлъ достойнымъ и истиннымъ вельможею великаго царя и великаго царства, пріймите повтореніе увѣренія въ моемъ глубочайшемъ почтеніи и преданности! вашего сіятельства и пр.

P. S. Результаты моихъ таблицъ показываютъ еще благосостояніе каждаго селенія, хорошее или дурное ихъ управленіе и вліяніе мѣстоположенія и климата: все сіе съ перваго взгляда и вѣрнѣе всѣхъ прочихъ доводовъ. Непремѣнно надобно завести подобныя въ военныхъ поселеніяхъ, если государь императоръ желаетъ математически увѣриться въ томъ, пойдутъ ли они къ своей цѣли.

Тетрадь 4-я. Оканчивая третюю тетрадь я предполагалъ сію начать изображеніемъ нашей системы финансовъ. Но поѣздка въ Кронштатъ, которую между тѣмъ долженъ былъ сдѣлать во удовольствіе моего семейства, сверхъ чаянія даетъ мыслямъ моимъ другое направленіе. Я буду говорить о морскомъ департаментѣ, или о морскомъ министерствѣ.

Иностранцы, ревнуя всѣми мѣрами подорвать ненавистныя имъ силы Россіи, не пропустили подѣйствовать и съ сей стороны своими внушеніями. Они искали и успѣли увѣрить наше

правительство, что Россія, какъ держава сухопутная, примыкающая большею частію къ пустынямъ Азіи или Ледовитому Океану, почти не имѣтъ нужды во флотѣ; что многочисленные ея полки составляютъ достаточную и непреоборимую ей защиту и пр. Вѣроятно симъ и подобнымъ образомъ отвлекли они вниманіе отъ флотовъ, которые составляли едва ли не первѣйшій предметъ попеченій Петра Великаго и истинную причину основанія С.-Петербурга. Слѣдствіемъ сего есть пренебреженіе чиновниковъ и дѣлъ морского министерства, которое будетъ имѣть слѣдствіемъ паденіе россійской морской силы. Флотскіе офицеры, съ которыми я встрѣчался въ полуденныхъ губерніяхъ, въ С.-Петербургѣ и въ Кронштатѣ, всѣ за одно сокрушаются о томъ, что они и служба ихъ безъ вины потеряли милость своего государя. Уныніе обдержитъ ихъ; нѣтъ охоты усовершать себя въ знаніяхъ и опытности, кои составляютъ душу службы сего рода. Это видно особливо въ Кронштатѣ. Тамъ все мертво. Разваливающіяся, съ разбитыми стеклами зданія и гніющіе корабли тому же соотвѣтствуютъ. Болѣе часа сидѣлъ я въ Адмиралтействѣ надъ докомъ, въ которой введенъ между прочими судами сгнившій «Еммануилъ» и слышалъ только изрѣдка стукъ каменьщиковъ, числомъ не болѣе тридцати, кои занимались починкою стѣнъ дока. Вокругъ судовъ не было примѣтно никакого движенія. На канунѣ, 23-го мая, лишь была выведена эскадра на рейдъ, ибо насилу могли собраться заимствуя у одного корабля части для оснащенія другого. Въ прежнее время каждый имѣлъ не одинъ комплектъ полнаго такелажа и принадлежностей. Я думаю, по сей причинѣ я не могъ добиться позволенія посмотрѣть какой нибудь изъ линейныхъ кораблей, оставшихся въ гавани. Мнѣ безъ околичностей признались, что они въ большомъ безпорядкѣ. «Ну, ваше высокоблагородіе» сказалъ мнѣ штурманъ, съ которымъ мы на другой день возвращались изъ Ораніенбаума, «коли Иванъ Ивановичъ еще лѣтъ пятокъ пробудетъ министромъ, то русскій флотъ совсѣмъ рухнетъ!» Не могу уже припомнить всѣхъ выраженій, которыми сей заслуженный морякъ честилъ своего Маркиза (де-Траверсе). «То ли дѣло было при Чичаговѣ», продолжалъ онъ: «свой своему по неволѣ братъ», и прочее.... «Теперь-де учатъ насъ маршировать; и экзерциціи не выучиваемся, и отъ морского

дѣла отстаемъ. Сохрани-де Богъ отъ непріятеля!... Умѣлые матросы совсѣмъ выводятся; у офицеровъ нѣтъ охоты къ службѣ. Въ прежнее время на корабль онъ смотрѣлъ какъ на свою вотчину: въ ней жить и умереть! Теперь расписаны по экипажамъ: въ одно лѣто достанется одному, въ другое другому. Какая-де нужда прилежать, содержать въ порядкѣ и исправности?...» Истину сей дѣльной бесѣды государь можетъ легко повѣрить, если онъ употребитъ людей ему и отечеству совершенно душею принадлежащихъ. Гдѣ ихъ найти, онъ знаетъ: а я знаю только то, что ихъ не должно искать въ числѣ особъ, которыя все одобряютъ и всѣмъ восхищаются, которыя не хотятъ согласиться, что въ мірѣ (произведеніи самого Бога!) ничего нѣтъ совершеннаго, и что солнце имѣетъ свои пятна; которыя, пресыщаясь изобиліемъ и честьми, называются въ публикѣ друзьями, а въ кабинетѣ вѣрными слугами государя, но... не отваживаютъ никогда, не говорю уже благосостоянія своего и жизни (какъ нашъ братъ), но ниже одного ласковаго взора монаршаго за правду.

Въ 1815 году вручая маркизу де-Траверсе письмо одного вельможи и бывъ приведенъ въ замѣшательство учтивостями его высокопревосходительства, послѣдовавшими отъ одного взгляда на печать, я понялъ тайну прочности его высокопревосходительства. Увы, графъ! вы ее не перейметe: и я почти сожалѣлъ бы о васъ, еслибъ почиталъ васъ меньше.

Вѣроятно-ли? въ самыхъ глазахъ друзей сихъ, многія тысячи народа, запроданныя какъ рабочій скотъ подрядчикамъ, вопіютъ къ небу; и вспоминая своихъ несчастныхъ женъ и дѣтей, оставленныхъ за семьсотъ и болѣе верстъ на скудныхъ нивахъ, въ одиночествѣ, со слезами безславятъ имя государя — (тогда, когда онъ ни о чемъ столько не заботится, какъ о доставленіи имъ благосостоянія и свободы!) и они сего не донесутъ ему! не обратятъ ниже единымъ словомъ вниманія его человѣколюбиваго сердца на такой предметъ!... не избавятъ его отъ неправедныхъ укоризнъ народа, его обожать рожденнаго!.. И эти люди смѣютъ себя называть друзьями царя, лучшими сынами отечества, въ нынѣшнее просвѣщенное время *)!

*) Помѣщики Витебской губерніи графъ Борхъ, Платеръ, Шадурскій, Михельсонъ и Шишкинъ, Могилевской графъ Сологубъ, князь Любомирскій, Кроіеръ (картежникъ и любимецъ графа М.) отдаютъ своихъ крестьянъ под-

Простите меня, почтеннѣйшій графъ, за сей эпизодъ въ повѣствованіи о морскомъ министерствѣ. Случилось, что еврей, старикъ Браунштейнъ, которому я поручилъ выправиться о именахъ помѣщиковъ вышеупомянутыхъ страдальцовъ *) принесъ ко мнѣ записку въ самое то время, когда я началъ предпослѣднюю страницу.

Если таковъ Кронштатской портъ, на который ежедневно могутъ быть обращены взоры государя, то что уже Ревельской и Черноморскіе?.. Одинъ не давно прибывшій сюда членъ Перекопской соляной конторы расказывалъ объ Ахтіарскомъ, что онъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Ни мало не удивляюсь, что злодѣямъ, каковъ Кабрановъ приходитъ на мысль адресоваться къ турецкому министерству съ предложеніями предать сіи порты...

У меня не достало бы вѣроятно ни бумаги, ни силъ, еслибъ я долженъ былъ писать о злоупотребленіяхъ по сей части. Милліоны расхищаются безъ малѣйшей пользы для государства! Но я обращаю только вниманіе на крайнее небреженіе, ибо оно мнѣ кажется въ связи съ систематическимъ дѣйствіемъ во вредъ Россіи. Тысячу разъ я представлялъ себѣ россійское правительство огромнымъ и чудесною силою одареннымъ исполиномъ, который, вмѣсто устроенія себѣ покойнаго жилища, истощается на безполезное перекладываніе камней съ мѣста на мѣсто безъ всякаго отдыху. Но здѣсь я вижу сего исполина усыпляемымъ враждебными чародѣями у подошвы сооруженныхъ имъ громадъ, готовыхъ уже на него обрушиться.

Сказавъ сокращенно все, что я сказать хотѣлъ о семъ предметѣ, и видя почти двѣ страницы еще порожними, я осмѣливаюсь ихъ наполнить выпискою, весьма мало украшенною, изъ замѣчанія, которое я получилъ отъ одного моего пріятеля **) по

рядчикамъ на цѣлое лѣто, т.-е. отъ 10 мая по 10 октября въ работу на дорогахъ въ здѣшней губерніи, получая по 110 р. за человѣка: кормить ихъ должны подрядчики чѣмъ заблагоразсудятъ, а покоить подъ открытымъ небомъ! В. К.

*) Самое дѣло я зналъ уже съ 1819 года, но не зналъ именъ торгующихъ столь благородно. Къ счастію, во внутреннихъ губерніяхъ сей торгъ еще не въ употребленіи. В. К.

**) Коллежскаго совѣтника Анастасевича, служащаго, или лучше сказать умирающаго отъ бездѣлья, въ коммиссіи законовъ: между тѣмъ какъ онъ по своимъ занятіямъ заслуживалъ бы употребленіе и соотвѣтствующее ему ободреніе въ самомъ дѣятельномъ департаментѣ. В. К.

возвращеніи моемъ изъ Кронштата: что конечно не будетъ излишнимъ въ сей тетради.

«Любопытствующіе видѣть нашъ Кронштатъ осматриваютъ только то, что поражаетъ тамъ каждаго представляющаго себѣ, какъ пустой Котлинъ островъ за сто лѣтъ предъ симъ, мановеніемъ волшебнаго жезла Петрова, вдругъ преобразился въ грознаго приморскаго стража новой его столицы. Но всякъ-ли (подобно вамъ) сравнитъ притомъ хозяйственныя мѣры Петра на отраженіе силъ Карла XII изъ сего мѣста, съ издерживаніемъ теперь милліоновъ рублей и множества трудящихся рукъ на то только, чтобъ всякой величины и формы суда гнили безполезно въ семъ портѣ?.. Суда, построенные на показъ въ Петербургѣ и приведенные по прѣсной водѣ съ чрезвычайными издержками, между тѣмъ, какъ давнымъ давно опытъ доказываетъ, что построенные въ Архангельскѣ корабли несравненно прочнѣе? Недоумѣваю, какая бы причина могла дѣлать необходимымъ, чтобъ верфь была подъ окнами государя; чтобъ знатная часть столицы была стѣсняема домами и квартирами морскихъ служителей и мастеровыхъ, безъ которыхъ она легко можетъ обойтись не удѣляя имъ отъ своего продовольствія, получаемаго издали за большія деньги, чтобъ необходимые, безпрерывные ихъ переѣзды въ Кронштатъ и обратно, стоили множества лишняго расхода, чтобъ самое положеніе адмиралтейства, наполненнаго горючими веществами, угрожало ежеминутно и великолѣпному жилищу монарховъ нашихъ, и драгоцѣннымъ собраніямъ, какъ въ семъ дворцѣ, такъ и въ музеяхъ самаго адмиралтейства?.. Неужели одно желаніе подчивать жителей столицы зрѣлищемъ спуска кораблей?.. Сіе адмиралтейство, составляющее средоточіе города, могло бы дать мѣсто соединенію всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, заслуживающему гораздо болѣе, яко храмъ правды и устроенія блага всего отечества, быть безпосредственно предъ взорами монарха, который есть вмѣстѣ и верховный судія» *).

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) Кто можетъ о сей истинѣ судить лучше того, кто производилъ слѣдствіе по злоупотребленіямъ по корабельнымъ лѣсамъ въ Архангельскѣ 1826 г.— въ Соломболѣ можно умножить число верфей, и корабли изъ лиственницы обойдутся 40°/o дешевле и будутъ лучше Петербургскихъ. В. К.

БЛОКАДА И ШТУРМЪ КАРСА.

(по неизданнымъ запискамъ Я. П. Бакланова и разсказамъ прочихъ участниковъ въ событіи).

1855 г.

> Сѣрымъ волкомъ въ полѣ рыщешь,
> Бродишь лѣшимъ по ночамъ —
> И себѣ ты славы ищешь,
> И несешь ты смерть врагамъ......
> (Казачья пѣсня 1855 г.)

I.

Баклановъ.—Обложеніе Карса.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1854 года, вмѣсто князя Михаила Семеновича Воронцова намѣстникомъ кавказскаго края и главнокомандующимъ отдѣльнымъ кавказскимъ корпусомъ назначенъ былъ генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, командовавшій до того войсками гренадерскаго корпуса.

По осмотрѣ кубанской линіи, главнокомандующій прибылъ на лѣвый флангъ въ исходѣ января мѣсяца 1855 г. Генералъ-маіоръ Яковъ Петровичъ Баклановъ, по званію начальника кавалеріи, выѣхалъ къ нему на встрѣчу съ донскимъ казачьимъ полкомъ *) и встрѣтилъ поѣздъ на пути изъ крѣпости Воздвиженской въ Грозную, около Ермоловскаго кургана, совсѣми военными почестями. Муравьевъ вышелъ изъ экипажа. Баронъ А. Е. Врангель, командовавшій тогда войсками лѣваго фланга, тотчасъ представилъ ему Бакланова, и главнокомандующій, окинувъ его съ ногъ до головы пристальнымъ взглядомъ, сказалъ отрывисто:

— «Садитесь со мной въ коляску: мнѣ надо говорить съ вами!»

Надо сказать, что еще въ концѣ 1854 г. Баклановъ, тяготясь своимъ положеніемъ въ Грозной, гдѣ съ званіемъ начальника кавалеріи лѣваго фланга не было сопряжено никакихъ постоянныхъ обязанностей **), началъ хлопотать о переводѣ въ южную армію. Война, принимавшая тогда громадные размѣры на Крымскомъ полуостровѣ, манила его къ себѣ и обѣщала дѣятельность, какую не могъ представить ему Кавказъ, который

---

*) Подполковника Фролова.

**) Такъ какъ кавалерія подчинялась ему только во время экспедицій. Въ прочее же время званіе начальника кавалеріи—могло считаться однимъ оффиціальнымъ титуломъ.

въ виду мірового событія долженъ былъ временно ограничиться только оборонительными дѣйствіями. Ничего не загадывая впередъ, ген. Баклановъ не разъ высказывалъ въ кругу своихъ собесѣдниковъ мысль, что масса донскихъ казаковъ, находившаяся при южной арміи, далеко не приносила той пользы, которую, по стариннымъ заслугамъ донцовъ, въ правѣ были отъ нея ожидать и требовать. Причина тому, по мнѣнію его, заключалась единственно въ недостаткѣ энергической власти, способной устранить тѣ злоупотребленія, которыя обыкновенно низводили донскіе полки на степень этапныхъ командъ, лишая ихъ возможности дѣйствовать въ полѣ, какъ дѣйствовали ихъ отцы и дѣды, озаренные вѣчною славою двѣнадцатаго года. Князь Горчаковъ сознавалъ это самъ, и принявшись хлопотать о переводѣ къ себѣ Бакланова, вошелъ въ переписку съ военнымъ министромъ (кн. В. А. Долгоруковымъ), а тотъ отнесся въ свою очередь къ Муравьеву. Новый главнокомандующій Кавказской арміей — отвѣчалъ, что Баклановъ по своимъ достоинствамъ и пріобрѣтенному опыту въ тамошнемъ образѣ войны, совершенно необходимъ на Кавказѣ.

«Получивъ приглашеніе сопровождать главнокомандующаго въ Грозную», говоритъ въ своихъ запискахъ ген. Баклановъ: «я думалъ, что Муравьевъ коснется въ разговорѣ именно моего перевода; но вышло иначе. Смотря на казаковъ, скакавшихъ по сторонамъ экипажа, главнокомандующій замѣтилъ, какъ-бы мимоходомъ:

— «Здѣшніе казаки хороши, но на правомъ флангѣ лучше!

— «Я отвѣчалъ, что не видалъ казаковъ праваго фланга, но что могу увѣрить его, что духъ здѣшнихъ полковъ не оставляетъ желать ничего лучшаго.

«Затѣмъ наступило продолжительное молчаніе.

— «Знаете-ли вы, что я беру васъ съ лѣваго фланга на лезгинскую линію? сказалъ Муравьевъ, и, не ожидая отвѣта, прибавилъ: «тамъ будутъ находиться подъ вашею командою четыре донскіе полка съ конною батареею.... Такого количества казаковъ кажется не бывало ни въ чьей командѣ со времени вашего знаменитаго Платова»....

— «Я не современникъ Платова и не знаю, что находилось у него въ командѣ, отвѣчалъ я, стараясь быть краткимъ: но

въ здѣшнихъ экспедиціяхъ мнѣ приходилось командовать отрядами гораздо бóльшими.

— «Дѣло не въ количествѣ войскъ, перебилъ меня Муравьевъ: а въ важности порученія, которое будетъ возложено на васъ; въ Грозной вы получите на этотъ счетъ подробныя приказанія»....

Послѣдствіемъ обозрѣній, сдѣланныхъ главнокомандующимъ на линіи, было то, что онъ убѣдился въ возможности направить отсюда въ Грузію восемь батальоновъ резервной дивизіи, три донскіе полка, двѣ пѣшія резервныя и одну донскую батарею. Донскіе полки должны были итти, подъ командою генералъ-маіора Бакланова, въ Кахетію, гдѣ главнокомандующій намѣренъ былъ избрать центральный пунктъ для этого коннаго резерва, къ которому предполагалось впослѣдствіи присоединить одинъ казачій полкъ изъ Грузіи. Этотъ летучій отрядъ, сильный въ своемъ составѣ, не долженъ былъ раздробляться, а находиться въ полной готовности переноситься, куда-бы ни потребовала надобность. Этимъ распоряженіемъ главнокомандующій надѣялся оградить Сигнахскій и Телавскій уѣзды отъ новаго вторженія Шамиля; а кромѣ того, при личномъ разговорѣ съ Баклановымъ онъ объяснилъ ему, что всѣ войска лезгинской линіи будутъ находиться въ его непосредственномъ вѣдѣніи, и что съ этими войсками, въ случаѣ разрыва съ Персіею, онъ долженъ будетъ итти къ ея границамъ.

Въ началѣ апрѣля мѣсяца 1855 г., генер. Баклановъ выѣхалъ изъ Грозной, но по прибытіи въ Владикавказъ, гдѣ собирались донскіе полки, назначенные къ походу, онъ неожиданно получилъ предписаніе главнокомандующаго, что начальникомъ лезгинской линіи назначается генералъ-лейтенантъ князь Андрониковъ, и что Баклановъ съ его летучимъ отрядомъ долженъ находиться въ полномъ его распоряженіи.

«Такая перемѣна сильно меня изумила и огорчила», говоритъ Яковъ Петровичъ: «я хорошо понималъ, что находясь подъ командою князя Андроникова, я буду связанъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, а между тѣмъ, если бы Шамиль повторилъ вторженіе въ Кахетію, какъ было въ 1854-мъ году, то общественное мнѣніе все-таки обвинило-бы не князя Андроникова, а меня, какъ начальника самостоятельнаго летучаго отряда. Съ этою мыслію я

не могъ помириться и откровенно высказалъ ее главнокомандующему, когда по пріѣздѣ въ Тифлисъ подалъ формальный отпускъ съ тѣмъ, чтобы хлопотать о переводѣ въ южную армію.

— «А если я возьму васъ въ дѣйствующій корпусъ, останетесь-ли вы на Кавказѣ? спросилъ меня Муравьевъ.

«Я отвѣчалъ, что останусь, если только главнокомандующему угодно будетъ дать мнѣ въ арміи соотвѣтствующее положеніе.

— «Хорошо, сказалъ на это Муравьевъ: поѣзжайте въ Александрополь: вы будете довольны вашимъ назначеніемъ».

Былъ уже май мѣсяцъ, когда Баклановъ выѣхалъ изъ Тифлиса, обгоняя по дорогѣ войска, со всѣхъ сторонъ тянувшіяся къ Александрополю. Изъ Петербурга торопили открытіемъ кампаніи. Быстрые успѣхи союзниковъ съ каждымъ днемъ увеличивали необходимость въ скорѣйшихъ наступательныхъ дѣйствіяхъ со стороны Анатоліи, чтобы уравновѣсить потери, понесенныя нами въ Крыму, на берегахъ Азовскаго и Чернаго морей. Чѣмъ ранѣе открыли-бы мы кампанію, тѣмъ существеннѣе могло-бы быть ее вліяніе на общее положеніе дѣлъ въ Европѣ и на возстаніе Курдистана, на который у насъ разсчитывали. Но прежде чѣмъ перейти границу, главнокомандующій долженъ былъ озаботиться внутреннею обороною края, распоряженіями, по лезгинской кордонной линіи, учрежденіемъ резервовъ внутри страны и наконецъ повѣркою состоянія войскъ и положенія дѣлъ въ Гурійскомъ отрядѣ. Все это надолго задержало пріѣздъ главнокомандующаго въ Александрополь, и только въ началѣ мая дало ему возможность остановить свое вниманіе исключительно на дѣйствующемъ корпусѣ; начальство надъ нимъ поручено было генералъ-лейтенанту Бриммеру.

Званіе начальника всей кавалеріи было упразднено. Драгунскіе полки, составившіе особую дивизію, поручены были въ команду генералъ-маіора графа Нирода. Начальникомъ иррегулярной конницы назначенъ былъ генералъ-маіоръ Баклановъ *).

---

*) Иррегулярная кавалерія состояла изъ семи полковъ: два донскіе, два сборные линейные (кубанской и терской линіи), два конно-мусульманскіе и одинъ куртинскій; кромѣ того къ ней причислялись три сотни карапапаховъ и дивизіонъ черкесской милиціи.

Наконецъ всѣ приготовленія были окончены и дѣйствующій корпусъ, перейдя границу двумя колоннами, сосредоточился, 28-го мая, въ с. Аджанъ-Кала, нѣсколько сѣвернѣе Карса. Здѣсь ожидали прибытія третьей колонны, которая, двигаясь со стороны Аджаріи, должна была овладѣть Ардаганомъ. Такъ какъ при этой колоннѣ не было конницы, то для открытія съ ней сообщенія изъ главнаго лагеря отправили линейный казачій полкъ и два дивизіона нижегородцевъ съ четырьмя орудіями, подъ начальствомъ Бакланова.

Онъ выступилъ ночью и, бросивъ въ сторонѣ большой ардаганскій трактъ, пошелъ напрямикъ, черезъ горы. Такъ какъ это было первое движеніе его въ Азіатской Турціи, то онъ съ чрезвычайнымъ вниманіемъ присматривался къ мѣстности, столь не похожей на мѣстность Чечни или кумыкской плоскости, изучалъ характеръ и бытъ мирнаго населенія, собиралъ свѣдѣнія о регулярныхъ войскахъ противника, ѣздилъ съ разъѣздами и по цѣлымъ суткамъ не сходилъ съ коня. Его неутомимость служила предметомъ общаго удивленія даже среди кавказцевъ, извѣдавшихъ всѣ трудности походовъ. Съ этого похода начинается та огромная популярность, которою Яковъ Петровичъ пользовался въ войскахъ дѣйствующаго корпуса.

«Оставивъ главный отрядъ, говоритъ одинъ изъ офицеровъ-участниковъ въ этой экспедиціи: мы шли напролетъ цѣлые сутки, по незнакомымъ мѣстамъ, безъ проводниковъ, безъ карты и къ ночи поднялись на горы, покрытыя еще глубокимъ снѣгомъ. Морозъ держался около 5 или 6 градусовъ. Люди, одѣтые по лѣтнему, сильно терпѣли отъ холоду. Я былъ дежурнымъ по отряду и, забившись въ палатку, старался отогрѣть свои окоченѣвшіе члены, какъ вдругъ на самомъ разсвѣтѣ ординарецъ доложилъ мнѣ, что генералъ отправился въ драгунскія коновязи.

«Накинувъ на себя теплую шинель, я вышелъ изъ палатки, и что же увидѣлъ? Яковъ Петровичъ босикомъ, въ растегнутой рубашкѣ, поверхъ которой на-опашъ накинуто было только одно холодное пальто, гулялъ по коновязи, пошучивая, какъ ни въ чемъ не бывало, съ драгунами, у которыхъ зубы, что называется, выбивали барабанную дробь. Увидѣвъ меня, онъ полушутя замѣтилъ, что ночью холодно. «Только не вамъ!» отвѣчалъ я, съ

удивленіемъ оглядывая легкій костюмъ генерала. Онъ засмѣялся. «Что нѣмцу смерть, то русскому здорово!» проговорилъ онъ громко и приказалъ ударить подъемъ....»

Какъ ни торопился Баклановъ къ Ардагану, однакоже верстахъ въ пятнадцати отъ города съ нимъ встрѣтились милиціонеры, ѣхавшіе отъ Ковалевскаго *) съ извѣстіемъ, что Ардаганъ сдался безъ бою, и что колонна уже идетъ на соединеніе съ главными силами: Баклановъ спустился съ горъ и прикрылъ ея движеніе со стороны карскаго лагеря, мимо котораго она должна была проходить верстахъ въ десяти или въ двѣнадцати.

На другой день, по прибытіи колонны Ковалевскаго, изъ лагеря предпринята была рекогносцировка восточныхъ укрѣпленій Карса. Войска, ходившія съ Яковомъ Петровичемъ въ летучій отрядъ, оставлены были для отдыха, но самъ онъ получилъ приказаніе находиться въ свитѣ главнокомандующаго. Рекогносцировка убѣдила генералъ-адъютанта Муравьева въ невозможности овладѣть Карадагомъ и заставила его перейти въ Мугараджикъ, чтобы осмотрѣть южную сторону крѣпости.

Переходъ сдѣланъ былъ 6-го іюня, а 14-го предпринята была вторичная рекогносцировка. Войска, прикрывавшія её, состояли изъ 16-ти батальоновъ пѣхоты, 4-хъ эскадроновъ драгунъ и нѣсколькихъ сотенъ казаковъ при 44 орудіяхъ. Турецкая пѣхота не выходила изъ-за своихъ окоповъ; но кавалерія въ продолженіи всей рекогносцировки стояла внѣ лагеря, въ полѣ, хотя и не удалялась отъ своихъ батарей далѣе пушечнаго выстрѣла. Даже турецкіе фланкёры не выѣзжали для перестрѣлки съ нашими конными цѣпями.

Съ того мѣста, гдѣ были остановлены наши войска, хорошо были видны турецкія укрѣпленія, раскинутыя по обоимъ берегамъ Карсъ-Чая. «Я тотчасъ замѣтилъ», говоритъ Баклановъ, «что вся оборонительная линія, прикрывающая городъ съ южной стороны вплоть до карадагской возвышенности, только что начинала еще воздвигаться и укрѣпленія не имѣли между собою надлежащей связи, а потому, если-бы безостановочно итти впередъ, то можно было занять ихъ прежде чѣмъ непріятель успѣлъ-бы стянуть свои силы, разбросанныя по ту сторону рѣч-

*) Генералъ-лейтенантъ, начальникъ 13-й пѣхотной дивизіи.

ки. Подъѣхавъ къ главнокомандующему съ этою мыслію, я прямо высказалъ ему свой взглядъ на положеніе дѣлъ, прибавивъ, что настоящая минута есть самая благопріятная для овладѣнія Карсомъ и что въ противномъ случаѣ кампанія затянется на долго. Корпусный командиръ былъ того-же мнѣнія, но штурмъ не входилъ въ разсчеты главнокомандующаго».

Въ соображеніяхъ своихъ объ общемъ планѣ кампаніи, Муравьевъ развиваетъ между, прочимъ, слѣдующее: «штурмъ Карса представляетъ нѣкоторые виды на успѣхъ, но можетъ быть и неудача. Въ послѣднемъ случаѣ, разстроенныя духомъ и силами войска, оставшіяся за значительнымъ урономъ, вынуждены будутъ отступить къ Александрополю, гдѣ и стоять въ оборонительномъ положеніи до окончанія кампаніи. Тогда все наше вниманіе будетъ отвлечено внутреннимъ состояніемъ Закавказскаго края, иновѣрное населеніе котораго будетъ готовиться къ возстанію; да и самая Персія скорѣе обнаружитъ свою вражду къ намъ. По симъ причинамъ полагаю, что къ штурму можно приступить только съ бо̀льшею увѣренностію на успѣхъ, а это можно сообразить только по окончаніи всѣхъ рекогносцировокъ». «Если-бы», продолжаетъ онъ далѣе въ письмѣ къ военному министру: «въ моемъ распоряженіи находилось еще 15 тысячъ войска, то облокировавъ Карсъ, я безостановочно пошелъ-бы къ Арзеруму; но при настоящихъ силахъ я не рѣшусь дробиться подобнымъ образомъ, хотя буду стараться всячески избѣжать осады, которая, утомляя войска, связала-бы меня во всѣхъ движеніяхъ, тогда какъ я долженъ быть на-готовѣ двинуться въ случаѣ надобности и на встрѣчу могущимъ придти сюда новымъ турецкимъ войскамъ, а можетъ быть и къ персидскимъ границамъ. Но Карсъ покорить надо; а потому прежде всего полагаю дѣйствовать на всѣ тѣ способы, которые непріятель могъ-бы имѣть для усиленія гарнизона и подвоза продовольствія».

Главные интендантскіе склады турецкой арміи, по слухамъ, были учреждены по ту сторону Саганлугскаго хребта; но было извѣстно также, что и во многихъ окрестныхъ селеніяхъ находились продовольственные запасы, которые, по недостатку времени и средствъ, остались неперевезенными въ крѣпость. Для уничтоженія ихъ главнокомандующій началъ высылать летучіе отряды, изъ которыхъ одинъ, подъ личною командою Якова

Петровича, пренебрегая разлитіемъ рѣкъ, простеръ свои набѣги такъ далеко, что въ ночь на 9-е іюня дошелъ до с. Бегли-Ахматъ и Чаплакли, лежавшихъ уже у самой подошвы Саганлугскаго хребта. Баклановъ истребилъ здѣсь нѣсколько магазиновъ, разогналъ всѣхъ грековъ, занимавшихся у турокъ хлѣбопеченіемъ и такимъ образомъ первый указалъ дорогу въ мѣста, гдѣ, впослѣдствіи, мы были полными хозяевами.

Убѣдившись, что слухи объ огромныхъ запасахъ, заготовленныхъ на противоположной сторонѣ горъ, были справедливы, главнокомандующій, въ началѣ іюня мѣсяца 1855 г., оставилъ часть дѣйствующаго корпуса для охраненія лагеря, перенесеннаго имъ къ Каныкёю, а самъ съ остальными войсками предпринялъ движеніе по арзерумской дорогѣ, съ цѣлію истребить эти запасы. Баклановъ командовалъ авангардомъ. Безъ выстрѣла онъ занялъ укрѣпленіе, покинутое турками на вершинѣ Саганлуга и, спустившись внизъ, напалъ въ Бардузѣ на башибузуковъ, у которыхъ отбилъ значительный аробный транспортъ. Въ Ени-кёѣ, Каракурганѣ, Бардузѣ и Зевинѣ сожжено было затѣмъ болѣе тридцати тысячъ четвертей хлѣба, ячменя и другихъ запасовъ. Но бѣдствія турокъ этимъ не кончились. Теперь вниманіе главнокомандующаго обратилось на то, чтобы, стѣсняя непріятеля въ его укрѣпленныхъ линіяхъ, совершенно отдѣлить анатолійскую армію отъ областей, которыя она обязана была защищать и отъ которыхъ могла еще получать продовольствіе. Съ этою цѣлью, по возвращеніи къ Каны-кёю, онъ продолжалъ господствовать надъ арзерумскою дорогою посредствомъ, отдѣльнаго кавалерійскаго отряда, расположеннаго при Тэкмэ и порученнаго въ команду Бакланова, который перехватывалъ транспорты, отбивалъ почты, ловилъ одиночныхъ курьеровъ, пробиравшихся съ депешами изъ Арзерума или Константинополя, и каждый день доставлялъ главнокомандующему новыя и важныя свѣдѣнія.

Убѣдившись наконецъ, что всѣ сообщенія блокированной крѣпости съ этой стороны были прерваны, главнокомандующій перевелъ въ Тэкмэ главныя силы *) и началъ высылать летучіе

*) Съ этой позиціи, 28 іюня, Яковъ Петровичъ, по распоряженію главнокомандующаго, произвелъ рекогносцировку карсскихъ укрѣпленій, которыя лежали на Чакманскихъ высотахъ по лѣвому берегу Карсъ-Чая и оставались до сихъ поръ еще неосмотрѣнными. Во время рекогносцировки Баклановъ

отряды для поисковъ по окружнымъ дорогамъ, ведущимъ въ Карсъ изъ Ардагана, Ольты, и Пеняка.

Первый изъ этихъ отрядовъ порученъ былъ Бакланову.

2-го іюля, какъ только смерклось, войска назначенныя къ движенію собрались впереди аванпостной цѣпи. Тутъ были новороссійскій драгунскій полкъ, линейные казаки съ своею батареею, курды, карапапахи и горская дружина. Скоро пріѣхалъ Баклановъ и, собравъ вокругъ себя офицеровъ, отдалъ приказаніе итти, какъ можно осторожнѣе, не позволяя людямъ курить и разговаривать. Въ самую полночь войска сѣли на коней и, молча, при страшныхъ завываніяхъ бури, сопровождаемой ливнемъ, двинулись за генераломъ, ѣхавшимъ впереди съ проводникомъ татариномъ. Пользуясь воробьиною ночью, отрядъ прошелъ почти у самаго подножія западныхъ укрѣпленій Карса и, съ восходомъ солнца, выйдя на сѣверную сторону, двинулся рысью по берегу какой-то рѣчки, на противоположной сторонѣ которой, по равнинѣ, скакали башибузуки. Были-ли они высланы изъ Карса слѣдить за нами, или это просто былъ сбродъ вооруженныхъ жителей,—только Баклановъ, торопясь въ Топаджуръ, куда непріятель высылалъ своихъ фуражировъ,—строго запретилъ завязывать съ ними перестрѣлку. Но карапапахи, слѣдовавшіе въ хвостѣ колонны, не выдержали и перейдя рѣчку, бросились на башибузуковъ. Башибузуки ихъ смяли. Завидѣвъ неустойку, всѣ милиціонеры бросились къ переправѣ, но Баклановъ заставилъ ихъ остановиться. Отрядъ двинулся дальше, не заботясь объ участи карапапаховъ, предоставленныхъ въ наказаніе собственнымъ силамъ. А карапапахамъ пришлось плохо. Прижатые къ обрывистому берегу, они не попали на переправу и, спѣшившись, вынуждены были залечь за камнями съ прикладомъ у щеки. Это спасло ихъ. Башибузуки, попавшіе подъ мѣткій огонь, повернули назадъ, а наши удальцы по добру по здорову перебрались за рѣчку. Баклановъ не сказалъ имъ ни слова, считая ихъ достаточно наказанными уже за свою опрометчивость. Въ это время передовые казаки, завернувъ въ лощину, увидѣли турецкую фуражировку. Вся иррегулярная кон-

имѣлъ перестрѣлку и отбилъ 30 арбъ, возвращавшихся въ крѣпость съ накошеннымъ сѣномъ. (Арх. генер. штаба: дѣла кавказскія за 1855 г. «О сдачѣ Карса»).

ница гикнула за ними въ шашки и турки, отрѣзанные отъ крѣпости, частію были изрублены, частію захвачены въ плѣнъ и только не многимъ удалось бѣжать въ сосѣднія горы.

Къ ночи отрядъ прошелъ еще верстъ пятнадцать и остановился въ долинѣ рѣчки Инджа-су, въ окрестныхъ горахъ которой укрывалась шайка Ишимъ-Оглы. Нѣкогда крестьянинъ князей Орбеліани, Ишимъ-Оглы долго разбойничалъ въ нашихъ предѣлахъ, но наконецъ, преслѣдуемый повсюду, бѣжалъ къ карапапахамъ и пріобрѣлъ между ними извѣстность отважнаго и смѣлаго наѣздника. Съ открытіемъ войны онъ сдѣлался грозою нашихъ пограничныхъ селеній и скоро получилъ у турокъ чинъ штабъ-офицера и два знака отличія. О немъ говорили много съ начала весны, когда при анатолійской арміи находилось еще до шести тысячъ кавалеріи; но съ тѣхъ поръ, какъ эта кавалерія, запершись въ Карсѣ, по неволѣ отказалась отъ дѣйствія въ полѣ, онъ набралъ себѣ вольную шайку и жилъ съ нею въ горахъ, волнуя всю сѣверную часть карсскаго пашалыка. Бакланову поручено было водворить спокойствіе въ сѣверныхъ санджакахъ и, если возможно, уничтожить Ишимъ-Оглы вмѣстѣ съ его шайкою.

Ночь была темная, дождь лилъ, какъ изъ ведра, а между тѣмъ людямъ не велѣно было спать и отрядъ, послѣ 40-ка верстнаго перехода, всю ночь держалъ лошадей въ поводу. Два дня ходили затѣмъ по горамъ, замыкающимъ карсскую равнину со стороны Ардагана, захватили нѣсколькихъ вооруженныхъ разбойниковъ, но главное скопище откочевало въ Аджарію. На третью ночь позволено было наконецъ разложить огни, но вслѣдъ затѣмъ явились лазутчики съ извѣстіемъ, что какой-то турецкій отрядъ идетъ отъ Ардагана къ Карсу. Черезъ четверть часа отрядъ полною рысью шелъ уже на встрѣчу непріятеля; но такъ какъ свѣдѣнія не подтвердились, то Баклановъ послѣ кратковременнаго отдыха направился на перерѣзъ дороги, идущей изъ Ольты черезъ гельскій санджакъ и сдѣлалъ засаду почти подъ стѣнами Карса, разсчитывая, что турки, о которыхъ все еще носились неясные слухи, вздумаютъ пробираться этою окольною дорогою. Убѣдившись однако-же, что непріятеля и въ этомъ направленіи ожидать нельзя, отрядъ передъ разсвѣтомъ обогнулъ опять шорахскія высоты и вышелъ на равнину, какъ

разъ къ своему главному лагерю. Замѣчательно, что послѣ шестидесяти-верстныхъ переходовъ, дѣлаемыхъ въ сутки, послѣ четырехъ безсонныхъ ночей, проведенныхъ подъ проливнымъ дождемъ при рѣзкомъ и холодномъ вѣтрѣ—въ отрядѣ Бакланова не было ни одного заболѣвшаго солдата.

9-го іюля Баклановъ съ значительнымъ числомъ иррегулярной кавалеріи еще разъ обошелъ окрестности Карса, а вслѣдъ затѣмъ главнокомандующій самъ предпринялъ вторичный походъ за Саганлугъ съ тѣмъ, чтобъ разбить Вели-пашу, стоявшаго у Керпи-Кёва и отнять у гарнизона послѣднюю надежду на возможность выручки со стороны Арзерума.

Болѣзнь—послѣдствіе старинныхъ ранъ — помѣшала Якову Петровичу принять участіе въ этой экспедиціи. Однако-же наканунѣ своего отъѣзда Муравьевъ посѣтилъ Бакланова и долго бесѣдовалъ съ нимъ о цѣли своего похода. «Когда главнокомандующій», разсказываетъ Яковъ Петровичъ: «сказалъ мнѣ, что планъ заключается въ томъ, что кавалерія главнаго отряда, отправленная впередъ, должна обойти лѣвый флангъ непріятеля, и стать на его сообщеніяхъ съ Арзерумомъ, между тѣмъ какъ эриванскій отрядъ будетъ наступать на непріятеля съ фронта,— я отвѣчалъ, что выполненіе на дѣлѣ такого сложнаго маневра встрѣтитъ не малыя затрудненія, во-первыхъ, потому что съ правой стороны Керпи-Кёва тянутся сплошныя болота, о чемъ я разузналъ подробно еще во время своего набѣга къ Бегли-Ахмату и Чаплакли, а во-вторыхъ, при подобныхъ дѣйствіяхъ трудно будетъ избѣжать недоразумѣнія между обоими начальствующими лицами». Главнокомандующій возразилъ мнѣ, что «этого опасаться нельзя, потому что дѣло отдано имъ въ надежныя руки». Къ сожалѣнію, случилось именно такъ, какъ я говорилъ: недоразумѣнія были и Вели-паша ушелъ въ Арзерумъ, не оставивъ въ нашихъ рукахъ ни одного солдата, ни одной повозки изъ своего обоза» *).

Въ то время, какъ главныя силы ходили за Саганлугъ, войска оставшіяся подъ Карсомъ подвинулись впередъ и стали лагеремъ у с. Комацуръ, верстахъ въ пяти или въ шести отъ крѣпости. Время было горячее; турки почти ежедневно стали

*) Подробности этого дѣла можно видѣть въ сочиненіи г. Лихутина: «Русскіе въ Азіятской Турціи»; стр. 323, глава XIV.

выходить изъ крѣпости въ значительныхъ силахъ, угрожая нападеніемъ на наши колонны, фуражировавшія по берегамъ Карсъ-Чая. Чтобъ остановить непріятеля, надо было держать его въ страхѣ, а этого можно было достигнуть только безпрерывными тревогами на его сообщеніяхъ. Бриммеръ поручилъ генералу Бакланову взять линейный казачій полкъ съ дивизіономъ черкесской милиціи, и произвести поискъ къ сѣверу отъ Карса.

Баклановъ выступилъ 21-го іюля и, переночевавъ при устьѣ Бердыкъ-Чая *), на разсвѣтѣ слѣдующаго дня открылъ вьючный транспортъ, пробиравшійся горными тропинками къ Карсу. И турки и казаки увидѣли другъ друга почти одновременно, но между тѣмъ какъ вьючники стремились къ воротамъ укрѣпленія, стараясь избѣжать погони, Баклановъ во весь опоръ летѣлъ на перерѣзъ и въ разстояніи двухъ пушечныхъ выстрѣловъ отъ крѣпости перехватилъ весь транспортъ **). Въ Карсѣ ударили тревогу. Толпы башибузуковъ, регулярная конница, пѣхота, орудія — все двинулось въ поле, но такъ какъ нашъ отрядъ, исполнивъ свое дѣло, сталъ отходить назадъ, то они не рѣшились преслѣдовать.

Сдавъ транспортъ въ Комацурѣ, Баклановъ отправился на новые поиски. 24-го іюля утромъ онъ былъ за Карадагомъ, гдѣ мимоходомъ разогналъ турецкую фуражировку, отбилъ табунъ рогатаго скота, ходившій за Карсъ-Чаемъ и захватилъ нѣсколькихъ плѣнныхъ. Отсюда онъ перешелъ къ Меликъ-Кёю и, думая развить партизанскія дѣйствія, притянулъ къ себѣ еще летучіе отряды полковниковъ барона Унгерна изъ Ардагана, и Едигарова — со стороны Кюрюкъ-даринскаго поля. Оба отряда прибыли ночью на 26-е число и, такимъ образомъ, на главныхъ сообщеніяхъ анатолійской арміи съ сѣверными провинціями стала масса нашей кавалеріи силою до 2,000 коней.

«До сихъ поръ всѣ наши дѣйствія», писалъ Муравьевъ къ военному министру: «шли весьма успѣшно. Генералъ Бриммеръ, оставленный подъ Карсомъ съ строжайшимъ приказаніемъ не домогаться безъ меня покоренія крѣпости, развѣ представился бы къ тому благопріятный случай, котораго однакоже нельзя было предвидѣть, — съ небольшимъ числомъ кавалеріи содер-

*) Къ сѣверу отъ Карса.

**) Транспортъ состоялъ изъ 60 вьюковъ съ виноградомъ.

жалъ городъ, посредствомъ дѣятельнаго и опытнаго генерала Бакланова, въ тѣсной и строгой блокадѣ; но 26 числа предпринята была имъ фуражировка, во время которой войска попали подъ выстрѣлы крѣпостной артиллеріи и понесли чувствительную потерю». Несчастное происшествіе это, по словамъ Муравьева, произошло «отъ ошибки и несвоевременной отваги, съ которою Бриммеръ подошелъ подъ непріятельскій лагерь безъ видимой пользы и надобности». Турки, замѣтивъ съ высотъ движеніе нашихъ колоннъ, подпустили ихъ на близкое разстояніе и вдругъ со всѣхъ батарей праваго берега (за исключеніемъ Карадага), открыли батальный огонь изъ орудій. Войска, засыпанныя ядрами, вынуждены были начать отступленіе съ большою потерею *). Потеря была бы еще значительнѣе, если бы войска не были скрыты отчасти волнистою мѣстностію.

Въ это время генералъ Баклановъ, ничего не зная о предпріятіи Бриммера, проходилъ съ своими летучими отрядами мимо карадагской возвышенности. Вдругъ онъ услыхалъ страшную канонаду, загорѣвшуюся по южному фронту непріятельской линіи и, проскакавъ впередъ, съ удивленіемъ увидѣлъ нашу пѣхоту, отступавшую уже отъ нижняго турецкаго лагеря. Не понимая въ чемъ дѣло, но убѣдившись въ одномъ, что все вниманіе непріятеля обращено въ ту сторону, Баклановъ бросился съ кабардинскою сотнею прямо на Карадагъ и, проскакавъ подъ самымъ брустверомъ, отхватилъ большое стадо рогатаго скота, ходившее на гласисѣ крѣпости. Пока ошеломленные турки собрались открыть по немъ орудійный огонь, — Баклановъ былъ уже внѣ выстрѣла и къ вечеру съ своею добычею возвратился опять на комацурскую позицію.

Неудачная фуражировка Бриммера настолько ободрила турокъ, что 28 іюля, въ полдень, пѣхота ихъ въ значительныхъ силахъ съ артиллеріею вышла изъ крѣпости и стала подниматься на высоты впереди нижняго Караджурана, въ двухъ или въ трехъ верстахъ отъ нашей позиціи. Не успѣли въ лагерѣ пробить тревогу, какъ обнаружилось, что подъ прикрытіемъ

---

*) Кромѣ нижнихъ чиновъ, мы потеряли убитыми: командира батареи подполковника Тальгрена, капитана генеральнаго штаба—Прохорова и смертельно раненымъ — командира тверскаго драгунскаго полка генералъ-маіора Куколевскаго.

этой колонны, турецкая конница спустилась на противоположной сторонѣ съ шорахскихъ высотъ и рысью пошла къ Бозгаламъ, куда потянулись также четыре батальона пѣхоты при восьми орудіяхъ. Такъ какъ еще наканунѣ, по возвращеніи изъ Меликъ-Кёя, Баклановъ сообщилъ Бриммеру, что турки ожидаютъ транспорта, который долженъ притти изъ Пеняка, подъ прикрытіемъ тысячи башибузуковъ,— то по первой тревогѣ Я. П. съ пятью казачьями сотнями въ карьеръ понесся къ Базгаламъ на перерѣзъ турецкой кавалеріи. За нимъ для поддержанія его, въ случаѣ надобности, отряжены были два батальона съ четырьмя орудіями. Остальныя войска выведены были въ поле и стали строить боевой порядокъ лицомъ къ Караджурану. Всѣ ожидали общаго дѣла, но турки ограничились только большою фуражировкой.

По возвращеніи главнокомандующаго изъ-за Саганлуга, когда приступлено было къ тѣсной блокадѣ, Баклановъ назначенъ былъ командовать отдѣльнымъ кавалерійскимъ отрядомъ, который, расположившись у Меликъ-Кёя, долженъ былъ наблюдать за сѣверною стороною Карса *).

Но прежде чѣмъ стать на эту позицію, Яковъ Петровичъ еще разъ предпринялъ движеніе на ардаганскую дорогу съ тѣмъ, чтобы выслѣдить транспортъ, все еще стоявшій въ Пенякѣ и, если возможно, выманить изъ крѣпости часть гарнизона и разбить его въ полѣ. Для этого Баклановъ, зная что турки подсылаютъ лазутчиковъ слѣдить за его движеніями, часто останавливался ночевать въ такихъ котловинахъ, изъ которыхъ, повидимому, не было выхода.

— «Чѣмъ хуже позиція, говаривалъ генералъ Баклановъ —тѣмъ больше вѣроятія ждать непріятеля; прошу васъ, господа, запомнить только мои наставленія: днемъ аванпосты успѣктъ дать знать заблаговременно о приближеніи непріятеля, значитъ напрасно тревожить отряда нечего. Я требую строгаго исполненія моихъ приказаній, а не мелочныхъ формальностей. Приходите ко мнѣ и днемъ и ночью, приходите за̀-просто, такъ, какъ застаете меня (въ широкихъ казачьихъ шароварахъ, въ

*) Отрядъ состоялъ изъ полковъ: тверскаго драгунскаго, донскаго № 35, 1-го сборнаго линейнаго казачьяго князя Витгенштейна и дивизіона черкесской милиціи.

рубашкѣ, безъ сюртука). Теперь дни жаркіе, а такъ и легче и удобнѣе... Но помните, что ночью непріятель можетъ появится внезапно, и намъ придется выдерживать бой, пока другіе не поспѣютъ отрѣзать ему отступленіе. Послѣ вечерняго водопоя всѣ лошади осѣдланы, мундштуки надѣты, люди спятъ въ аммуниціи. Въ драгунскихъ эскадронахъ ружья составлены въ козлы; по тревогѣ драгуны разбираютъ ихъ и строются пѣшкомъ. Здѣсь, на пересѣченной мѣстности, они должны мнѣ замѣнить пѣхоту. Тверской пикинерный дивизіонъ, казаки и милиція садятся на коней и ждутъ моихъ приказаній: одна часть встрѣчаетъ непріятеля, другая—прикрываетъ коноводовъ».

«Подобными распоряженіями»—говоритъ очевидецъ—«руководствовались и прежніе летучіе отряды, ходившіе подъ командою этого генерала. Бывало, нѣсколько разъ въ ночь онъ самъ слетаетъ на аванпосты, самъ обойдетъ весь лагерь, правда, не надѣвая для этого формы, а по-просту, въ одной рубашкѣ, часто босикомъ, но за то ничего не проглядитъ его орлиный взглядъ, все замѣтитъ, все выслѣдитъ, и добрый геній его бодрствуетъ не рѣдко одинъ надъ спящимъ отрядомъ»*).

Проходивъ нѣсколько дней, и все-таки не выманивъ изъ крѣпости турокъ, смекнувшихъ, чѣмъ пахнетъ подобное дѣло, Баклановъ вернулся въ Меликъ-Кёй **) и сталъ въ блокадную линію.

Раскинувъ ставку на высокой скалистой горѣ, съ которой видны были окрестности города, Баклановъ сдѣлался грозою турокъ, не позволя имъ выглянуть изъ своихъ окоповъ. Его казаки безпрерывно гарцовали подъ самыми укрѣпленіями и ни одинъ табунъ, выгоняемый на пастьбу, ни одна фуражировка, направлявшаяся изъ крѣпости, не ускользали изъ-подъ ихъ ударовъ. Самъ Яковъ Петровичъ не зналъ въ это время покоя: дни проводилъ онъ въ полѣ, на конѣ, гарцуя съ своими казаками, или въ палаткѣ, откуда по цѣлымъ часамъ слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлается въ Карсѣ. Ночь заставала его внѣ лагеря, пробиравшагося самъ-другъ, или самъ-третей къ турецкимъ

*) Военный Сбор. 1863 года № 3: «Воспоминанія о Закавказскомъ походѣ 1854 и 1855 годовъ».

**) Селеніе это лежитъ по теченію Карсъ-Чая, верстахъ въ пяти или въ шести ниже города.

укрѣпленіямъ: тамъ онъ провѣрялъ показанія лазутчиковъ и личныя свои наблюденія, сдѣланныя днемъ въ подзорную трубу надъ новыми батареями, изучалъ окрестную мѣстность и скоро достигъ того, что зналъ каждый камень и кустъ, лежавшіе по дорогѣ къ Карсу. Турки знали страшнаго для нихъ генерала и, называя его «Бакланъ-пашею» и «Батманъ-клычемъ» (богатырь съ полупудовымъ мечомъ),—разсказывали чудеса о его сверхъ-естественной силѣ.

Какъ велико было нравственное вліяніе Якова Петровича на наши войска, объ этомъ можно судить потому, что иногда, во время фуражировокъ, онъ отдавалъ приказъ убирать аванпостную цѣпь и, лежа на высокомъ курганѣ съ неизмѣнною, Ермоловскою трубою *), кричалъ солдатамъ: «ребята, не бойтесь, я самъ караулю васъ!» Солдаты, до фанатизма вѣровавшіе въ Бакланова, кричали ура! и бросались выкашивать траву подъ самыми стѣнами крѣпости. «Почему имъ турки не рѣзали головъ», замѣчаетъ одинъ очевидецъ: «это остается тайною». Надо полагать, что, зная Бакланова, турки подозрѣвали военную хитрость и не хотѣли попасться въ ловушку. Два-три случая окончательно утвердили ихъ въ той мысли, что для Бакланова нѣтъ ничего невозможнаго **).

Набѣги Якова Петровича дѣйствительно отличались необыкновенною смѣлостію; такъ, напр., однажды, замѣтивъ стадо, ходившее на пастьбѣ между самыми укрѣпленіями, онъ поручилъ есаулу Наслѣдышеву отогнать, что̀ можно, а самъ устроилъ засаду въ крутомъ оврагѣ при сліяніи Бердыка съ Карсъ-Чаемъ. Наслѣдышевъ съ двадцатью охотниками, среди бѣлаго дня, сдѣлалъ быстрый налетъ въ д. Калаба-Килисса, расположенную въ ущельяхъ около самаго города, и выхватилъ оттуда непріятельское стадо, несмотря на перекрестный огонь, открытый съ батарей, мимо которыхъ онъ долженъ былъ скакать съ своею до-

*) Эта труба подарена была Бакланову сыномъ А. П. Ермолова, Клавдіемъ, служившимъ адъютантомъ при г.-а. Муравьевѣ.

**) Однажды въ разговорѣ съ плѣнными турками кто-то, шутя, сказалъ, что Баклановъ нѣсколько разъ ходилъ переодѣтымъ въ Карсѣ по ихнимъ лагерямъ. Они тотчасъ же повѣрили и стали припоминать между собою какіе-то два случая, когда по лагерямъ ходилъ незнакомый человѣкъ такой наружности, которая на всѣхъ производила сильнѣйшее впечатлѣніе.

бычею *). Башибузуки пустились-было въ догонку, но замѣтивъ двѣ баклановскія сотни, скакавшія на нихъ съ опущенными пиками, повернули назадъ...

Въ другой разъ, гарцуя съ своими казаками **), Баклановъ вдругъ бросился на Карадагскія высоты и изъ-подъ самыхъ батарей, открывшихъ по немъ огонь ядрами и картечью, угналъ табунъ и взялъ девятнадцать плѣнныхъ.

Какъ ни великъ былъ страхъ, внушенный Баклановымъ, однакоже необходимость пополнять фуражные запасы заставляла турокъ время отъ времени высылать изъ Карса сильныя колонны фуражировъ. Если подобныя фуражировки назначались къ сторонѣ Меликъ-Кёя, то въ прикрытіе къ нимъ, кромѣ башибузуковъ, назначалось обыкновенно нѣсколько полковъ регулярной конницы, пѣхота и артиллерія; принимались всевозможныя мѣры противу внезапныхъ нападеній и, несмотря на это, Баклановъ всегда захватывалъ колонны врасплохъ, наносилъ имъ страшныя пораженія, забиралъ лошадей, скотъ, оружіе и плѣнныхъ. Долго ни турки, ни наши солдаты не могли понять, какимъ образомъ Баклановъ знаетъ время, когда выходятъ турецкіе фуражиры. Изъ лагеря положительно нельзя было видѣть того, что дѣлается по ту сторону Карадагской горы, а между тѣмъ, едва растворялись крѣпостныя ворота, какъ казаки скакали уже изъ Меликъ-Кёя и нападали, прежде нежели турецкіе гонцы изъ Карса успѣвали предупреждать своихъ о грозящей опасности. Это наводило на турокъ суевѣрный страхъ, а дѣло въ сущности было простое: Баклановъ распорядился, чтобы пикетъ, стоявшій на самомъ отдаленномъ курганѣ, при появленіи непріятеля, поднималъ на пикѣ едва замѣтный бѣлый значекъ, который служилъ условнымъ сигналомъ, что надо было скакать на тревогу.

Первое подобное дѣло случилось 18 августа. Яковъ Петровичъ, спокойно сидѣвшій въ своей палаткѣ, вдругъ крикнулъ: «казаки на-кòнь!» и во весь опоръ понесся съ ними по лѣвому берегу Карсъ-Чая ***). Почему началась тревога, казаки узнали

*) Наслѣдышевъ контуженъ былъ при этомъ двумя ружейными пулями.

**) Это было 31 августа.

***) Это были дивизіонъ черкесской милиціи и два полка донскихъ и линейныхъ казаковъ.

только тогда, когда, вскочивъ на Карадагскія высоты, увидѣли внизу большую турецкую фуражировку. Ошеломленные внезапнымъ нападеніемъ, турки брос лись бѣжать, разметавъ по полю собранные вьюки съ травою и хлѣбомъ. Башибузуки ускакали первыми. Въ погонѣ за ними казаки наткнулись на регулярную конницу, смяли ее и гнали почти до самыхъ воротъ укрѣпленія. Одно орудіе изъ батареи Двухжоннаго, заскакавъ впередъ, осыпало бѣгущихъ картечью... Уланы, башибузуки, фуражиры столпились въ одну безпорядочную массу и гибли подъ ударами казачьихъ шашекъ. Напрасно, чтобы отогнать казаковъ, турки начали дѣйствовать изъ орудій большого калибра: ядра летѣли надъ головами и вся наша потеря состояла изъ одного раненаго офицера-горца, да трехъ убитыхъ казачьихъ лошадей.

Другое, еще сильнѣйшее пораженіе непріятель понесъ 22 августа. Турки, фуражировавшіе въ этотъ день на правомъ берегу Карсъ-Чая, удалились отъ крѣпости на значительное разстояніе и дали возможность отрѣзать себѣ отступленіе. Черкесская милиція первая понеслась на тревогу и, перескочивъ Карсъ-Чай, гикнула въ шашки. Башибузуки, превосходные числомъ, осадили горцевъ. Къ счастію, на помощь къ нимъ подоспѣли двѣ сотни линейцевъ, а вслѣдъ за ними прискакалъ самъ Баклановъ съ остальными казаками, орудіемъ и 14-ю ракетными станками.

Какъ только вся эта масса врѣзалась въ середину турецкихъ фуражировъ и ракеты пустили бѣглый огонь—башибузуки бѣжали въ разныя стороны. Большая часть ихъ была однакожe отрѣзана отъ Карса и истреблена въ быстрой погонѣ къ сторонѣ Александрополя. Въ эту минуту изъ крѣпостныхъ воротъ выѣхалъ полкъ турецкой кавалеріи и съ опущенными пиками кинулся вслѣдъ за казаками. Драгуны, спрятанные за Карадагскою высотою, пустились ему наперерѣзъ. Батарея Двухжоннаго снялась съ передковъ, ударила картечью и смѣшавшіеся уланы, обгоняя другъ друга, поскакали обратно... Пораженіе было рѣшительное. «Въ этомъ дѣлѣ», разсказываетъ Баклановъ: «я съ удивленіемъ видѣлъ, что выстрѣлы турецкихъ орудій были направлены не въ насъ, а въ толпы бѣжавшихъ башибузуковъ, значительная часть которыхъ была перебита собственными снарядами...»

Хлопотливый день смѣнился еще болѣе хлопотливою ночью, потому что турецкая кавалерія, вышедшая изъ Карса, вздумала пробиться въ Арзерумъ по Самоватскому ущелью и наткнулась на засаду, устроенную нижегородцами *). Яковъ Петровичъ не принялъ прямого участія въ истребленіи этой кавалеріи; но его распоряженія по блокадной линіи весьма содѣйствовали общему успѣху.

Наконецъ, послѣднее пораженіе нанесено было туркамъ въ полдень 11 сентября, когда Яковъ Петровичъ самъ устроилъ засаду подъ Карадагскими высотами. Какъ только турецкая колонна стала выходить изъ Карса, казаки разомъ кинулись на нее со всѣхъ сторонъ, смяли и, несмотря на огонь открытый съ карадагскихъ батарей, гнали и рубили бѣгущихъ до самаго укрѣпленнаго лагеря. Одинъ кабардинецъ ворвался даже въ ворота, но былъ израненъ пиками и саблями башибузуковъ. Казаки однако же успѣли его выручить. Кромѣ этого кабардинца потери у насъ не было. Турки потеряли сорокъ двѣ лошади и 12 плѣнныхъ, въ числѣ которыхъ оказался безсмѣнный ординарецъ самого мушира. Въ донесеніи Баклановъ, по своему обыкновенію, не упоминалъ о числѣ убитыхъ турокъ, но полагалъ, что, приблизительно, потеря ихъ простирается до 40 человѣкъ, потому что, кромѣ труповъ, лежавшихъ на полѣ, лазутчики наши, бывшіе въ то время въ Карсѣ, видѣли, какъ провезли черезъ площадь шесть непріятельскихъ тѣлъ и 14 раненыхъ.

II.

Передъ штурмомъ.

Съ половины августа мѣсяца начали носиться слухи о сильныхъ подкрѣпленіяхъ, идущихъ на освобожденіе Карса. Въ первыхъ числахъ сентября было получено положительное свѣдѣніе о дессантѣ, сдѣланномъ турками въ Батумѣ и о сосредоточеніи турецкой арміи на берегахъ Чороха. Эти-то извѣстія и были, какъ полагаютъ, главнѣйшими причинами, побудившими генералъ-адъютанта Муравьева измѣнить планъ своихъ дѣйствій и отважиться на приступъ, успѣхъ котораго, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, окружавшихъ главнокомандующаго, не подлежалъ никакому сомнѣнію.

*) Это было въ ночь съ 22 на 23-е августа 1855 г.

2-го сентября Яковъ Петровичъ неожиданно былъ вызванъ изъ Меликъ-Кёя въ главную квартиру, и слѣдующимъ образомъ описываетъ первый разговоръ, бывшій у него съ главнокомандующимъ по поводу предстоявшаго штурма:

— «Прибывши въ Чавтли-чай, я тотчасъ-же отправился къ главнокомандующему, не зная за чѣмъ меня требуютъ. Когда я вошелъ, Муравьевъ сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ, на которомъ разложены были планы. Возлѣ него находились генералъ-майоръ Броневскій и полковникъ Константинъ Кауфманъ *). Кромѣ ихъ въ палаткѣ не было никого. Сдѣлавъ мнѣ нѣсколько незначущихъ вопросовъ о состояніи Меликъ-кёйскаго отряда, главнокомандующій вдругъ перемѣнилъ разговоръ.

— «Яковъ Петровичъ! посмотрите сюда: можете-ли вы сказать, что это такое?» — Онъ показалъ рукою на развернутую карту.

«Я подошелъ къ столу и началъ внимательно разсматривать планъ, на которомъ красными и синими черточками обозначалось движеніе войскъ.

«Это планъ штурма!» — воскликнулъ я, не умѣя скрыть своего изумленія.

— «Такъ! вы угадали, живо возразилъ Муравьевъ.—Скажите же мнѣ, что вы можете сдѣлать съ своею кавалеріею, если я поведу атаку на Шорахскія высоты?

«Этотъ вопросъ поставилъ меня въ затрудненіе.—Я зналъ, что главнокомандующему были уже извѣстны мои сужденія, не разъ высказываемыя въ кругу сослуживцевъ о невозможности въ то время штурма, а потому рѣшился быть осторожнѣе.

— «За всю мою долговременную службу я не приучилъ себя въ подобныхъ случаяхъ давать свои личныя мнѣнія, отвѣчалъ я уклончиво. Съ меня довольно въ точности исполнить ваше распоряженіе. Приказывайте!—И если ваши приказанія будутъ удобоисполнимы, вѣрьте, сдѣлаю болѣе того что вы желаете, въ противномъ случаѣ не будьте ко мнѣ взыскательны.

«Муравьевъ не далъ договорить мнѣ.

*) Полковникъ Кауфманъ исполнялъ должность начальника инженеровъ дѣйствующаго корпуса, а генералъ Броневскій—былъ начальникомъ военно-походной канцеляріи главнокомандующаго.

— «Знаю, знаю, что вы хотите сказать этимъ, перебилъ онъ съ досадою: но предваряю васъ, мое рѣшеніе неизмѣнно.—Скажите одно: если я атакую Шорахъ, можете ли вы съ кавалеріею заскакать въ тылъ шорахскимъ укрѣпленіямъ?

— «На такой вопросъ я не могу отвѣчать сію минуту, дайте мнѣ время подумать: я осмотрю мѣстность и тогда доложу обстоятельно.

— «А какъ вы изучите мѣстность?

— «Въ одну прекрасную ночь я отправлюсь лично съ моими пластунами къ чакмахскимъ батареямъ, осмотрю ихъ, измѣрю рвы и спущусь въ шорахскій оврагъ, чтобы видѣть куда вести кавалерію.

— «Этого не можетъ быть! сказалъ Муравьевъ.

— «Въ такомъ случаѣ я докажу вамъ противное.

— «Хорошо, посмотримъ; черезъ два дня я жду вашего отвѣта.

«Затѣмъ онъ изложилъ въ короткихъ словахъ общее предначертаніе штурма и отпустилъ меня, предваривъ, чтобы все сказанное оставалось до времени въ тайнѣ.

«Возвратясь домой, я тотчасъ потребовалъ къ себѣ своего безсмѣннаго ординарца Скопина, и приказавъ ему, съ тремя пластунами *), ночью пробраться на Чакмахъ и осмотрѣть турецкія укрѣпленія.

— «Не допускаю мысли, сказалъ я ему на прощаніе, чтобы ты, мой неизмѣнный боевой товарищъ, отступилъ передъ опасностію; но предваряю, что завтра ты поведешь меня и, если твои показанія окажутся невѣрными, я, какъ трусу, собственною рукою размозжу тебѣ голову.

«Какъ только стемнѣло, я самъ проводилъ пластуновъ за аванпостную цѣпь и, возвратясь въ палатку, провелъ цѣлую ночь въ самомъ мучительномъ состояніи. Сонъ меня покинулъ; мнѣ все казалось: вотъ-вотъ гдѣ-нибудь раздастся предательскій выстрѣлъ и мои пластуны будутъ открыты. Я вздрагивалъ при каждомъ шорохѣ, но сколько ни напрягалъ и слухъ и зрѣніе, ни единаго звука не долетало до меня со стороны непріятеля.—Нѣтъ, видно мои молодцы работаютъ на чистоту, покавказски, подумалъ я, и только сталъ забываться дремотою, какъ

*) Въ число ихъ Баклановъ назначилъ своего младшаго сына. В. П.

слышу, кто-то назвалъ меня по имени. Это былъ Скопинъ, съ своими товарищами....

«Они передали мнѣ слѣдующее:

«Вся линія чакмахскихъ укрѣпленій, обращенная фронтомъ къ сторонѣ Меликъ-Кёя, тянется отъ самой рѣчки Карсъ-Чая вплоть до шорахскаго оврага и состоитъ изъ трехъ люнетовъ, вооруженныхъ 15-ю орудіями и связанныхъ между собою непрерывнымъ бруствером. — Люнеты закрыты съ горжи; но, благодаря ничтожности рвовъ, могутъ быть взяты одною кавалеріею. За то, лѣвѣе ихъ, на самомъ изгибѣ шорахскаго оврага находится фортъ, называемый Вели-Табіею, который носитъ характеръ временного укрѣпленія и вооруженъ тридцатью двумя орудіями; глубокіе рвы снабжены подъемнымъ мостомъ, убирающимся однако-же на ночь. Самый оврагъ, по словамъ Скопина, былъ доступенъ для кавалеріи только въ своихъ верховьяхъ; но далѣе оканчивался вездѣ такими обрывами, что всадники могли спускаться въ него не иначе, какъ переводя лошадей въ поводу подъ огнемъ съ четырехъ батарей, расположенныхъ на ближній картечный выстрѣлъ.

«На слѣдующій день, какъ только смерклось, я, въ сопровожденіи трехъ пластуновъ, вполнѣ мнѣ преданныхъ, выѣхалъ изъ лагеря. Оставивъ на главной заставѣ своихъ лошадей, мы пѣшкомъ поднялись на Чакмахскую гору и стали подбираться къ турецкимъ редутамъ такъ тихо, что часовые, ходившіе на валахъ укрѣпленій, не обратили на насъ ни малѣйшаго вниманія. Къ полуночи всѣ батареи были осмотрѣны, рвы вымѣрены, орудія сосчитаны и шорахскій оврагъ изслѣдованъ до самой Вели-Табіи. Отсюда я повернулъ назадъ и благополучно выбравшись къ своимъ аванпостамъ, отпустилъ пластуновъ, а самъ, не переодѣваясь, какъ былъ въ походномъ полушубкѣ, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ главную квартиру.

«Несмотря на ранній часъ утра въ ставкѣ главнокомандующаго горѣли свѣчи. Онъ принялъ меня немедленно и я въ короткихъ словахъ объяснилъ ему результаты своего осмотра. «Кавалерія», сказалъ я: «должна скакать на протяженіи трехъ верстъ подъ огнемъ сорока семи орудій. Девять десятыхъ изъ нея конечно останется на мѣстѣ, и если на Шорахъ прискачутъ со мною триста, четыреста всадниковъ, они не принесутъ ни малѣйшей пользы.

«Главнокомандующій замѣтилъ, что я преувеличиваю опасность.

— «Я сужу по мѣстности, которую видѣлъ, отвѣчалъ я: но впрочемъ, если будетъ угодно, пошлите со мною одного изъ вашихъ довѣренныхъ лицъ: я проведу его сквозь линію турецкихъ укрѣпленій и тогда вы будете имѣть подробный планъ, начертанный искусною рукою.

— «Этого не нужно, возразилъ главнокомандующій: я вѣрю вашимъ словамъ. Но чтò же вы беретесь сдѣлать съ вашею кавалеріею?

— «Сдѣлаю все, что будетъ возможно. Но прежде я попросилъ бы откровенно высказать свои собственныя мысли. Выслушавъ меня, быть можетъ вы остановитесь, быть можетъ нѣтъ: по крайней мѣрѣ я не упрекну себя въ молчаніи.

— «Говорите, сказалъ Муравьевъ: посмотримъ, какъ вамъ удастся поколебать мое непреклонное рѣшеніе.

— Если ваше рѣшеніе дѣйствительно непреклонно, отвѣчалъ я: въ такомъ случаѣ я все-таки исполню свой долгъ и буду откровененъ. Позвольте предложить вопросъ: съ какого разстоянія осмотрѣны, сняты и нанесены на этотъ планъ карсскія укрѣпленія?

— «Въ телескопъ, отвѣчалъ главнокомандующій.

— «Значитъ, на разстояніи семи, а можетъ быть и болѣе верстъ.

— «Да. Вы хотите сказать, быстро перебилъ меня Муравьевъ: что этотъ планъ не можетъ быть вѣренъ?

— «Болѣе. Я удивляюсь, какъ ваше высокопревосходительство рѣшаетесь основывать на немъ свои предположенія, когда на разстояніи какой-нибудь полуверсты зоркій глазъ, вооруженный отличнымъ биноклемъ, меня обманываетъ. Въ прошедшій разъ вамъ было угодно показать мнѣ на планѣ ворота, въ которыя должна войти 18-я дивизія. Вы говорили: «ворвавшись, полки распространятся направо и налѣво по валамъ укрѣпленія». На это скажу вамъ: не разъ, а десятки разъ въ лунныя ночи проѣзжалъ я съ моими пластунами по этимъ мѣстамъ въ разстояніи близкаго ружейнаго выстрѣла отъ непріятеля, и признаюсь: тріумфальныхъ воротъ, поставленныхъ для торжественнаго вступленія нашихъ войскъ, не видѣлъ. Тамъ есть калитка, куда спѣ-

шенные кавалеристы водятъ своихъ лошадей, но если туда попадетъ дивизія—она будетъ разстрѣляна, прежде чѣмъ головная рота успѣетъ протѣсниться въ эти ворота. Время удобное для приступа, продолжалъ я: нами пропущено. Карсъ надо было брать, пользуясь тѣмъ впечатлѣніемъ, которое произвело на турокъ прибытіе нашего корпуса, сильнаго, бодраго и страшнаго своими побѣдами. Теперь впечатлѣніе это ослабло; турки опомнились; они возвели на нашихъ глазахъ цѣлый рядъ укрѣпленій и будутъ драться отчаянно, полагая, что неудача заставитъ насъ отступить отъ крѣпости.

— «Далѣе: успѣхъ вашъ вы основываете на томъ предположеніи, что найдете непріятельскія батареи открытыми съ горжи. Можетъ быть это и такъ, но на Чакмахѣ есть горжи; нѣтъ, стало быть, причины предполагать, чтобы ихъ не было и на Шорахѣ. Къ тому же въ войскахъ не приготовлено ни лѣстницъ, ни фашиннику, а безъ этихъ пособниковъ исторія не учитъ насъ брать сильныя крѣпости. Если вамъ извѣстны иныя средства, научите имъ прежде насъ, вашихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Простите мнѣ выраженія, облеченныя можетъ быть въ рѣзкую форму. Не приучилъ я себя съ-молоду говорить иначе. Не скрою отъ васъ и того, что блокируя Карсъ въ теченіи многихъ мѣсяцевъ, мы ровно ничего не сдѣлали, чтобы ознакомиться съ положеніемъ крѣпости. Колонны конечно двинутся ночью, но тѣ, кто поведетъ ихъ, не зная мѣстности, могутъ ошибиться направленіемъ или встрѣтить препятствія, о которыхъ никогда не думали. Этихъ случайностей вы отвратить не можете, а между тѣмъ онѣ способны обратить въ ничто всѣ ваши разсчеты, и тогда тяжелая отвѣтственность въ потерѣ лучшей и храбрѣйшей арміи ляжетъ прямо на васъ, ея главнокомандующаго.... Не торопитесь приступомъ: время года, скудные съѣстные припасы гарнизона—все предвѣщаетъ близкое паденіе крѣпости. Черезъ мѣсяцъ, много черезъ два Карсъ со всею Анатоліею и безъ пролитія крови будетъ въ вашихъ рукахъ. Но если обстоятельства, мнѣ неизвѣстныя, побуждаютъ васъ безотлагательно испытать для покоренія крѣпости такое крайнее средство, какъ приступъ, тогда ведите главную атаку противу Чакмахскихъ высотъ: онѣ доступнѣе и могутъ быть взяты съ меньшею потерею, нежели Шорахскія. Завладѣвъ Чак-

махомъ, мы охватимъ сильныя шорахскія укрѣпленія съ тылу и гарнизонъ ихъ, лишенный сообщенія съ крѣпостью, вынужденъ будетъ или заблаговременно очистить редуты, или пробиться въ поле, или штурмовать насъ самихъ на Чакмахѣ. Но то и другое и третье совершенно немыслимо для турокъ. Вѣрнѣе всего они положатъ оружіе. Говорю это съ увѣренностію, потому что знаю Чакмахъ и Шорахъ не по однимъ разсказамъ. Скажу еще болѣе: съ одною моею кавалеріею я берусь занять всю линію чакмахскихъ батарей, за исключеніемъ Вели-Табіи. Поддержите меня.

— «А сколько вамъ надо пѣхоты? спросилъ главнокомандующій.

«Восемь батальоновъ.

— «Этого я не могу дать.

«Въ такомъ случаѣ не могу принять на себя и отвѣтственности за успѣхъ предпріятія, отвѣчалъ я: Вели-Табія очень сильна, а не завладѣвъ ею, нельзя будетъ удержаться и на Чакмахѣ: турки разстрѣляютъ насъ перекрестнымъ огнемъ. Но разъ рѣшаясь на штурмъ, не пожалѣйте войска. Шорахъ вы не возьмете и съ 15-ю батальонами, въ этомъ да будетъ вамъ порукою моя голова, посѣдѣвшая въ битвахъ.

«Муравьевъ медленно приподнялся съ мѣста.

— «Генералъ, сказалъ онъ рѣзко, дѣлая удареніе на каждомъ словѣ: въ отвѣтъ на вашу рѣчь напомню вамъ русскую пословицу: яица курицу не учатъ, а слушаютъ. Вы слишкомъ опрометчиво ручаетесь своею головою; поэтому я возвращаю вамъ ваше слово назадъ. Возвратитесь къ отряду. Наканунѣ приступа получите вы приказанія, которыя я обязываю васъ исполнить въ точности.

«Съ тяжелымъ предчувствіемъ выѣхалъ я изъ главной квартиры, давъ себѣ слово болѣе ни во что не вмѣшиваться и исполнять только то, что будетъ приказано. Случай заставилъ меня однако же скоро отказаться отъ моего намѣренія. Разъ, передъ вечеромъ, я лежалъ въ своей палаткѣ и по обыкновенію смотрѣлъ въ подзорную трубу на то, что дѣлается въ Карсѣ. Вдругъ мнѣ показалось, что на Чакмахѣ происходитъ какое-то необыкновенное движеніе. Я началъ вглядываться и вскорѣ убѣдился, что турки производили ученье: войска ихъ по барабан-

ному бою входили въ редуты и стройно, безъ суматохи становились на валахъ укрѣпленій. Какъ молнія мелькнула въ головѣ моей мысль, что турки знаютъ о предстоящемъ штурмѣ, и я, подъ этимъ впечатлѣніемъ, схвативъ перо, тотчасъ написалъ записку къ главнокомандующему. Муравьевъ оставилъ ее безъ отвѣта».

Между тѣмъ, спустя нѣсколько дней послѣ этого происшествія, въ полдень 11-го сентября *) съ Карсской цитадели вдругъ загремѣли пушечные выстрѣлы. Турки стрѣляли холостыми зарядами и, какъ мы узнали впослѣдствіи, праздновали паденіе Севастополя. Это печальное событіе только ускорило роковое рѣшеніе главнокомандующаго. Вотъ что говоритъ объ этомъ самъ генералъ-адъютантъ Муравьевъ въ своихъ запискахъ о войнѣ въ Малой Азіи: «Видимое изнеможеніе непріятеля, бодрое состояніе нашихъ войскъ, духъ, оживлявшій ихъ, негодованіе, порожденное паденіемъ Севастополя, желаніе отмстить врагу и всеобщій порывъ къ бою служили въ то время лучшимъ ручательствомъ за успѣхъ—и приступъ Карса былъ рѣшенъ въ мысляхъ генерала Муравьева» **).

Предпріятіе это хранилось однако-же въ величайшемъ секретѣ.

«Войска», говоритъ Муравьевъ въ письмѣ своемъ къ военному министру: «домогались штурма, но я воздерживалъ порывы, выражавшіеся въ разговорахъ, пока не настало для этого время, и сіе мнѣніе мое, прежде рѣшенія, передалъ я на обсужденіе опытнѣйшимъ изъ моихъ сотрудниковъ, единогласно признавшихъ необходимость штурма».

Дѣйствительно, 15-го сентября главнокомандующій «собралъ у себя нѣсколько лицъ, пользовавшихся его особенною довѣренностію ***); но въ строгомъ смыслѣ это не былъ военный совѣтъ, потому что вопросъ о томъ—быть или не быть штурму—не былъ передаваемъ на общее обсужденіе. Генералъ-адъютантъ Му-

---

*) Въ то самое время, когда Яковъ Петровичъ имѣлъ извѣстное уже намъ дѣло съ турецкими фуражирами.

**) Изъ записокъ г.-а. Муравьева о войнѣ 1855 г. въ Малой Азіи (Рус. Вѣстникъ 1863 г. № 1).

***) Это были генералы Бриммеръ, Ковалевскій, князь Гагаринъ, Майдель, Броневскій и полковникъ Кауфманъ.

равьевъ просто изложилъ причины, заставившія его рѣшиться на приступъ и приказалъ читать диспозицію, послѣ чего присутствовавшимъ пришлось ограничиться только нѣкоторыми мелочными замѣчаніями, и то преимущественно касавшимися самаго строя, въ которомъ предполагалось атаковать непріятеля*).

Ссрьезное возраженіе противу диспозиціи сдѣлалъ Майдель уже по выходѣ отъ Муравьева, потребовавъ, чтобы князь Гагаринъ, вопреки распоряженіямъ главнокомандующаго, поддерживалъ своею промежуточною колонною не тѣ войска, которыя будутъ отбиты, а тѣ, которыя взойдутъ на валъ и будутъ брать батареи **). «При успѣхѣ» сказалъ ему Майдель: «ваши три свѣжіе батальона могутъ упрочить за нами побѣду; при неудачѣ они ничего не сдѣлаютъ и только напрасно увеличатъ общую потерю». Ковалевскій былъ того же самаго мнѣнія. Однакоже Гагаринъ не успѣлъ привести въ исполненіе ни того, ни другого: онъ атаковалъ Яриманъ-Табію, но былъ отбитъ и Майдель лишился черезъ это содѣйствія въ самую необходимую для него минуту.

Но изъ того, что никто изъ присутствовавшихъ при совѣщаніи не выразилъ и не отстаивалъ мнѣнія о невозможности штурма, нельзя заключить еще, чтобы всѣ одинаково были убѣждены въ его успѣхѣ и необходимости. Нѣкоторые, какъ напримѣръ Ковалевскій и Майдель, были положительно противъ штурма, и не возражали только потому, что главнокомандующему были уже извѣстны ихъ мнѣнія, поднимать которыя снова, послѣ категорическаго приказанія идти на приступъ, они считали неумѣстнымъ. Когда Муравьевъ спросилъ однажды Майделя, что думаетъ онъ о приступѣ къ Карсу, тотъ отвѣчалъ: «Мы потеряемъ семь тысячъ и все-таки можемъ отступить безъ успѣха»... «Зачѣмъ вы сказали семь тысячъ», живо

---

*) Со словъ генерала Майделя, который настоялъ на томъ, чтобы первая линія шла не въ батальонныхъ, а въ ротныхъ колоннахъ, употребленныхъ уже имъ съ особою пользою въ 1854 году въ извѣстномъ дѣлѣ на р. Чолокѣ.

**) По диспозиціи колонна князя Гагарина должна была атаковать въ промежутокъ между укрѣпленіями Яриманъ-Табія и Тошмасъ-Табія и затѣмъ войдти въ связь съ войсками остальныхъ колоннъ. (Соч. Черкесова «Блокада Карса», стр. 101).

перебилъ его Ковалевскій:» не семь, а десять, двѣнадцать тысячъ уложимъ мы въ Карсѣ и все-таки ничего не подѣлаемъ *).

Почему въ военномъ совѣтѣ не участвовали нѣкоторыя лица, которыя по своему положенію въ арміи имѣли на то полнѣйшее право, мы не знаемъ. Знаемъ только, что Баклановъ находился въ числѣ послѣднихъ. Онъ оставался въ Меликъ-Кёѣ и на слѣдующій день, когда получена была диспозиція, съ удивленіемъ узналъ изъ нея, что штурмъ Чакмахскихъ высотъ порученъ былъ не ему, а генералу Базину, который съ тремя батальонами долженъ былъ прибыть изъ-подъ Ардагана **).

Базинъ дѣйствительно прибылъ 16-го числа и помѣстился съ своею пѣхотою въ д. Чаглаурѣ, подъ горою, гдѣ стоялъ въ послѣднее время баронъ Унгернъ, отодвинутый теперь къ Ардагану.

Съ прибытіемъ Базина, Баклановъ, какъ младшій въ чинѣ, поступилъ въ его командованіе. Надо сказать, что Базинъ назначенъ былъ начальникомъ ардаганскаго отряда послѣ того, какъ генералъ-лейтенантъ Ковалевскій получилъ въ командованіе часть дѣйствующаго корпуса, т.-е. въ послѣднихъ числахъ іюля мѣсяца. Будучи сперва начальникомъ резервной дивизіи отдѣльнаго кавказскаго корпуса, а потомъ командуя войсками въ окрестностяхъ Ардагана, Базинъ до сихъ поръ не имѣлъ случая принять участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Поэтому, придвинутый къ Карсу только за нѣсколько часовъ до приступа, онъ, по необходимости, вынужденъ былъ ограничиться самымъ поверхностнымъ знакомствомъ съ турецкими укрѣпленіями, насколько можно было видѣть ихъ въ зрительную трубу съ передовыхъ высотъ, занятыхъ нашими постами. Само собою разумѣется, что подобнаго знакомства было-бы весьма недостаточно, если бы Баклановъ не принялъ на себя обязанности лично сопровождать повсюду генерала Базина и дополнять своими разсказами то, чего нельзя было видѣть ни въ какія зрительныя трубы. Занимая эти мѣста съ самаго начала блокады, Баклановъ зналъ Чакмахскія высоты, какъ свои собственныя вла-

---

*) Со словъ барона Е. И. Майделя.

**) На военномъ совѣтѣ не участвовалъ также и графъ Нироdъ, командовавшій блокаднымъ отрядомъ у Каны-Кёя, и назначенный во время штурма произвести диверсію противъ нижняго турецкаго лагеря.

дѣнія и указанія его, безспорно, имѣли для Базина неоцѣненную важность.

Между тѣмъ, передъ самымъ вечеромъ въ отрядъ пріѣхалъ изъ Ардагана одинъ офицеръ, который передалъ за вѣрное, что ардаганскимъ жителямъ извѣстно о нашихъ приготовленіяхъ къ штурму.—Пораженный этимъ извѣстіемъ, Яковъ Петровичъ немедленно сообщилъ о томъ главнокомандующему, прибавивъ: «Теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь не нахожу нужнымъ брать назадъ мое слово о ручательствѣ своею головою. Да будетъ она готова на плаху, если вамъ удастся занять на Шорахѣ хоть уголъ непріятельскаго редута»...

Въ заключеніе Баклановъ писалъ: «диспозиціи объ общемъ движеніи и штурмѣ 17-го сентября получены мною въ три часа пополудни. Войскà стоятъ на готовѣ, и если къ вечеру не получу вашихъ приказаній объ отмѣнѣ, то въ назначенный часъ двинусь вмѣстѣ съ Базинымъ по направленію къ Чакмаху».

Отвѣта не было.

Вечеромъ изъ главнаго лагеря прибылъ адъютантъ главнокомандующаго, капитанъ Ермоловъ*). Онъ передалъ Бакланову конвертъ, въ которомъ заключались нѣкоторыя дополнительныя распоряженія о штурмѣ, вслѣдствіе чего Яковъ Петровичъ долженъ былъ отдѣлить дивизіонъ тверскаго полка съ однимъ орудіемъ, для наблюденія за Карадагскими высотами, а съ остальною кавалеріею идти по слѣдамъ пѣхоты и въ случаѣ надобности поддерживать ея атаку на англійскія линіи.

III.

Штурмъ Карса.

«Въ самую полночь — такъ разсказываетъ К. А. Ермоловъ: два батальона бѣлостокскаго полка вмѣстѣ съ резервнымъ батальономъ грузинскаго гренадерскаго и сотнею горійской пѣшей дружины, при восьми орудіяхъ, выступили изъ лагеря подъ начальствомъ Базина **). Особымъ эшелономъ двигалась за ними кавалерія съ донскою казачьею батаре-

*) Клавдій — сынъ знаменитаго А. П. Ермолова.

**) Эти три батальона, по распоряженію главнокомандующаго, были переформированы въ четыре — каждый трехъ-ротнаго состава.

ею *). Самъ Баклановъ, съ своими пластунами, уѣхалъ впередъ показывать дорогу пѣхотѣ. Благодаря пересѣченной мѣстности и сумраку ночи, ему удалось незамѣтно подвести наши войска къ самому подножію Чакмахской возвышенности. Здѣсь приказано было остановиться и отдохнуть, такъ какъ колонна Базина должна была начать атаку нѣсколько позже другихъ, направленныхъ со стороны Шораха. Пользуясь временемъ, я вызвалъ охотниковъ, надъ которыми долженъ былъ принять команду. Ихъ вышло около трехъ сотъ человѣкъ; я ихъ разсчиталъ, поставилъ въ головѣ колонны и, приказавъ быть на готовѣ, возвратился къ Базину. Ночь была холодная. Солдаты лежали на сырой землѣ и съ нетерпѣніемъ поглядывали на Карсъ, ожидая призыва къ бою.

«Нѣсколько поодаль отъ войска, на одной разостланной буркѣ лежали Баклановъ, Базинъ и я; мы разговаривали въ полголоса. Баклановъ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ на Шорахъ и давалъ мнѣ наставленія какъ надо дѣйствовать.

— «Ты, говорилъ онъ: направляйся съ своими охотниками прямо на крайнюю батарею... Недалеко отсюда будетъ небольшой пригорокъ, черезъ который старайся перебѣжать какъ можно скорѣе, потому что турки хватятъ тебя картечью разомъ изъ трехъ редутовъ. Потеря будетъ большая, но если ты перебѣжишь бугоръ — батарея будетъ взята. Брустверъ въ ней не высокій; подсаживайте одинъ другого; въ случаѣ пошатнутся охотники — держись: я буду близко и въ ту же минуту прискачу съ казаками... Если ворвешься одинъ, помни: какъ только подоспѣетъ пѣхота — иди правѣе: тамъ батареи идутъ за батареями; но это ничего: старайся только захватывать ихъ съ горжи...

«Несмотря на разговоры, время тянулось для всѣхъ невыносимо медленно. Наступалъ разсвѣтъ, а грозная крѣпость казалась погруженною въ глубокій сонъ: такъ тихо и безмолвно было на ее батареяхъ. Многимъ эта зловѣщая тишина вовсе не показалась зловѣщею; они разсчитывали напротивъ, что турки безпечно предаются сну и торопились воспользоваться благо-

*) 8 эскадроновъ тверскаго драгунскаго полка, 10 сотенъ донскихъ и линейныхъ казаковъ, 7 орудій донской батареи Двухжоннаго и 8 ракетныхъ станковъ.

пріятною минутою. Иначе думалъ объ этомъ Баклановъ. «Помните»—сказалъ онъ Базину:—«турецкая пѣхота стоитъ на валахъ и молча ждетъ нападенія».

«Прошло еще съ полчаса. Вдругъ на Шорахѣ грянулъ пушечный выстрѣлъ и страшная канонада съ его батарей подтвердила справедливыя опасенія Бакланова. Не теряя времени, я ринулся впередъ съ своими охотниками; приказалъ имъ сбросить капсюли, чтобы не заниматься пустою перестрѣлкою, и быстро сталъ подниматься на крутую Чакмахскую гору. Пѣхота отъ насъ не отставала. Ночь еще не развиднѣлась. Надо было знать, въ какомъ разстояніи находимся мы отъ непріятельскихъ укрѣпленій. Вопросъ этотъ предложили Бакланову.

— «Они—отвѣчалъ Я. П.: подпустятъ насъ близко и не будутъ стрѣлять до тѣхъ поръ, пока охотники не появятся вонъ, на томъ бугорочкѣ; теперь же мы находимся отъ батарей на пушечный выстрѣлъ *)».

Дѣйствительно, какъ только охотники взбѣжали на бугоръ—со всѣхъ батарей грянулъ убійственный залпъ и непріятельскіе снаряды, съ воемъ и визгомъ, полетѣли надъ нашими колоннами. Лошадь под Ермоловымъ была убита; ядро сорвало съ него шапку*); картечь контузила его въ пахъ, но медлить было нельзя: онъ крикнулъ «впередъ!» и, обѣжавъ редутъ, атаковалъ его съ горжи. Въ ту же минуту подоспѣли штурмовыя колонны. Базинъ находился впереди, съ охотниками, и вмѣстѣ съ ними верхомъ въѣхалъ въ укрѣпленіе. Съ паденіемъ перваго редута, второй держался не долго; но турки перебѣжали въ третій и оттуда начали поражать наши войска сосредоточеннымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Въ эту минуту Баклановъ, зорко слѣдившій за дѣйствіями пѣхоты, привелъ въ карьеръ донскую батарею и началъ осыпать непріятеля картечью; къ нему присоединилась пѣшая артиллерія. Тогда, покинувъ и этотъ редутъ, турки искали спасенія уже въ Вели-Табіи, но это постыдное бѣгство послу-

*) Кромѣ записокъ Я. П. Бакланова, на это есть указаніе и въ воспоминаніяхъ о походѣ въ Азіятскую Турцію (См. В. Сб. 1868 г. № 6, стр. 273).

**) Въ лошадь попало 8 картечныхъ пуль, изъ которыхъ одна зацѣпила Ермолова, но, къ счастію, будучи на излетѣ, причинила ему только сильную контузію. Около этого же времени и Яковъ Петровичъ былъ контуженъ ядромъ въ голову; но оба они остались во фронтѣ. В. П.

жило только къ ихъ гибели, потому что казаки, взобравшіеся на валъ въ разныхъ мѣстахъ, напали на нихъ въ промежуткѣ между укрѣпленіями.

Третій редутъ, тотчасъ же занятый ротою гренадеровъ, отдѣлялся отъ Вели-Табіи глубокою лощиною, вдоль которой, со стороны занятыхъ нами укрѣпленій, тянулись завалы, составляющіе родъ траверзовъ. Сюда собралась вся наша пѣхота, а между тѣмъ Баклановъ распорядился ввести въ покинутые редуты спѣшенныя казачьи сотни.

Такимъ образомъ, въ исходѣ пятаго часа вся линія Чакмахскихъ укрѣпленій находилась въ нашихъ рукахъ, со всею своею артиллеріею. Взяты были 15 орудій, два знамени, 12 значковъ, лагерь и нѣсколько плѣнныхъ. Будь въ это время подъ рукою три, четыре свѣжіе батальона, можно было бы сдѣлать попытку противу самой Вели-Табіи. Ермоловъ, съ горстію своихъ охотниковъ, бросился-было къ ея укрѣпленіямъ, но встрѣченный картечью изъ тридцати орудій, вынужденъ былъ поспѣшно укрыться за траверзами. Надо было ждать подкрѣпленія.

Еще въ разгарѣ самаго боя, когда пѣхота овладѣла первымъ редутомъ, Баклановъ послалъ Скопина, находившагося при немъ ординарцемъ, извѣстить главнокомандующаго объ этомъ успѣхѣ. Слѣдомъ за нимъ поѣхалъ хорунжій Баклановъ *), съ донесеніемъ о занятіи нами уже всей англійской линіи и съ просьбою прислать подкрѣпленіе.

— Какъ счастливъ ты, сказалъ главнокомандующій, выслушавъ Скопина: что можешь передавать мнѣ подобное извѣстіе. Взгляни на Шорахъ: тамъ нѣтъ успѣха **)!

Въ это время подскакалъ къ нему капитанъ Ермоловъ.

— Ваше высокопревосходительство! Я присланъ отъ генерала Базина просить четыре батальона.

— Что вы тамъ сдѣлали? спросилъ главнокомандующій.

— Взяли все, что было назначено по диспозиціи, отвѣчалъ Ермоловъ; теперь дѣло остановилось; войскъ мало; мы не можемъ взять Вели-Табіи, но если угодно будетъ прислать четыре батальона, мы перейдемъ оврагъ и черезъ полчаса соединимся

---

*) Младшій сынъ Якова Петровича.

**) Записано со словъ Скопина.

съ вами на Шорахѣ. Баклановъ и Базинъ приказали сказать, что головами ручаются за успѣхъ предпріятія.

— Подожди, сказалъ главнокомандующій отрывисто.

Онъ началъ слѣдить въ подзорную трубу за ходомъ боя на Шорахскихъ высотахъ. Прошло съ четверть часа. Ермоловъ рѣшился напомнить о себѣ, но получилъ тотъ же лаконическій отвѣтъ: «обождать!» Свободныхъ войскъ подъ рукою рѣшительно не было. Послѣдніе резервы или введены были въ дѣло, или двигались къ Шораху, чтобы поддержать колонну храбраго Майделя, которая, взобравшись на шорахское плато, гибла въ безполезныхъ усиліяхъ овладѣть Тахмасъ-Табіею. Двѣ остальныя колонны *) были отбиты и отведены обратно въ лагерь. Главнокомандующій казался чрезвычайно озабоченнымъ. «Скачи скорѣе назадъ», сказалъ онъ наконецъ Ермолову: «и скажи Бакланову и Базину, чтобы отступали; у меня огромная потеря и я не могу овладѣть Шорахомъ».

Ермоловъ поскакалъ **).

Между тѣмъ турки, видя бездѣйствіе отряда, занявшаго англійскія линіи, оправились отъ страху и начали поражать ег перекрестнымъ огнемъ съ Вели-Табіи и съ Карадага. Было уже восемь часовъ утра; разсвѣло совершенно. Изъ Карса вышла значительная колонна и пошла на помощь войскамъ, сражавшимся на Шорахѣ. Она проходила по ту сторону скалистаго оврага, отдѣлявшаго Чакмахскую гору отъ города. Четыре орудія донской батареи Двужоннаго сыпнули по ней картечью; но турки, устилая путь трупами, прошли мимо редутовъ и скрылись за возвышенностью. Вслѣдъ затѣмъ Баклановъ прислалъ сказать Базину, что дѣла на Шорахѣ идутъ плохо, и что пѣхотѣ надо или укрѣпиться, гдѣ стоитъ, или отступить, потому что турки, управившись съ колонною Майделя, тотчасъ пойдутъ на выручку англійской линіи.

Это предсказаніе не замедлило исполниться. Въ исходѣ 11-го часа головы турецкихъ батальоновъ, спускавшихся съ Шораха, стали показываться уже въ Чакмахской лощинѣ и скоро крайній, ближайшій къ Вели-Табіи редутъ былъ сильно аттакованъ непріятельскими толпами. Три нападенія были отбиты, но дер-

*) Генераловъ Ковалевскаго и князя Гагарина.

**) Изъ разсказовъ К. А. Ермолова.

жаться долѣе было безполезно. Пріѣхалъ Ермоловъ и передалъ приказаніе отступать: «Шорахъ уже покинули—сказалъ онъ Базину:—потеря громадная; Шорахскую гору не видать за нашими убитыми и ранеными»....

Баклановъ вышелъ изъ редутовъ послѣднимъ. По его приказанію казаки подняли на лошадей три непріятельскія орудія, а остальные, подъ его наблюденіемъ, были заклепаны, сброшены съ лафетовъ и вообще приведены въ такое состояніе, что не могли вредить намъ во время отступленія.

Вся кавалерія, стоявшая за скатомъ горы, теперь выдвинулась впередъ и, пропустивъ за себя пѣхоту, также начала отходить эшелонами. Турки, высыпавшіе изъ укрѣпленій, стали на нее насѣдать. Въ одну минуту сборный линейный казачій полкъ, князя Витгенштейна, повернулъ на лѣво-кругомъ и гикнулъ въ шашки. Атака, по словамъ Якова Петровича, произведена была съ такою энергіею, какую рѣдко доводилось ему видѣть за всю боевую службу. Рубя бѣгущую пѣхоту, линейцы буквально втоптали ее въ самый редуть и прежде, чѣмъ непріятель, опомнившись, открылъ огонь, они въ разсыпную унеслись изъ-подъ выстрѣловъ. Пользуясь этой атакой, кавалерія успѣла поднять убитыхъ и раненыхъ *).

Войска продолжали отступать, какъ вдругъ на передовыхъ высотахъ опять загорѣлась страшная канонада. Яковъ Петровичъ поднялся на пригорокъ и съ удивленіемъ замѣтилъ какую-то часть, пробивавшуюся съ Шораха въ нашу сторону. Это былъ подполковникъ Михаилъ Кауфманъ, отрѣзанный съ батальономъ рязанскаго полка и охотниками изъ колонны Майделя на Шорахскихъ высотахъ; онъ пробивался сквозь всю непріятельскую линію къ Чакмаху, въ надеждѣ присоединиться къ Базину, но Базинъ, какъ мы сказали, уже оставилъ турецкіе редуты. Соображая мѣстность, Баклановъ увидѣлъ, что батальонъ, спускавшійся въ Чакмахскую лощину, долженъ будетъ проходить у самой подошвы башибузукской горы, гдѣ скрытно стояли два турецкіе батальона и батарея изъ пяти орудій. Миновать эту батарею было нельзя и турки ожидали только минуты, когда колонна поровняется съ ними, чтобы засыпать ее картечью.

---

*) Въ отрядахъ Бакланова и Базина. Князь Витгенштейнъ за эту атаку и капитанъ Ермоловъ за взятіе орудій въ непріятельскихъ редутахъ—по удостоенію кавалерской думы—награждены были орденомъ св. Георгія 4 ст.

Къ счастію, Кауфманъ вó время остановился и послалъ казака извѣстить о своемъ положеніи Базина. Донской урядникъ, раненый и на раненой лошади, издали завидѣвъ Бакланова, подскакалъ къ нему съ словами: «Ваше превосходительство! спасите подполковника Кауфмана». Болѣе разспрашивать было нечего. Трубачъ, находившійся съ Баклановымъ, подалъ сигналъ остановить пѣхоту, а Яковъ Петровичъ, схвативъ донскую батарею, маршъ-маршемъ понесся съ нею къ чакмахскому обрыву *). По его командѣ батарея снялась съ передковъ и, послѣ трехъ убійственныхъ залповъ, открыла бѣглый огонь, подъ покровительствомъ котораго Кауфманъ двинулся впередъ и благополучно вышелъ изъ-подъ выстрѣловъ турецкихъ укрѣпленій, вынеся съ собою до ста пятидесяти раненыхъ. Между тѣмъ турецкіе батальоны, разстроенные огромною потерею, обратились въ бѣгство, оставивъ на мѣстѣ изъ числа пяти—три подбитыя орудія и зарядный ящикъ, взорванный нашею гранатою.

Этимъ эпизодомъ закончился штурмъ передовыхъ карсскихъ укрѣпленій.

Попытка овладѣть ими стоила намъ 4 генераловъ, 248 офицеровъ и до семи тысячъ нижнихъ чиновъ, выбывшими изъ строя **). Изъ этого числа на долю Базина потеря сравнительно пала ничтожная и не превышала 475 человѣкъ ***). Трофеи, добытые на штурмѣ, принадлежали большею частію также колоннѣ Базина: она вынесла съ собою три непріятельскія орудія и 14 знаменъ, украсившихъ собою ставку главнокомандующаго ****).

Сличая оффиціальныя донесенія генералъ-адъютанта Муравьева съ частными записками современниковъ и нѣкоторыми сочиненіями иностранныхъ писателей, нельзя не придти къ заключенію,

*) Батарея эта дѣйствовала подъ прикрытіемъ дивизіона тверскаго полка, который былъ спѣшенъ для того, чтобы представить меньшую цѣль непріятельской артиллеріи.

**) Надо полагать, что на самомъ дѣлѣ потеря въ офицерахъ была нѣсколько болѣе, потому что многіе раненые и контуженные, оставаясь во фронтѣ, не пошли потомъ на перевязочный пунктъ и не попали въ списокъ, представленный главнокомандующему. Мы укажемъ только на двухъ: генерала Бакланова и капитана Ермолова, но, по всей вѣроятности, кромѣ ихъ были и другія лица.

***) Въ томъ числѣ 16 офицеровъ.

****) Четвертое орудіе было взято на Шорахѣ.

что, помимо общихъ распоряженій во время самаго боя *), неудача штурма объясняется слѣдующими главнѣйшими причинами:

1) Огромнымъ урономъ въ людяхъ.

2) Потерею главныхъ начальниковъ во всѣхъ трехъ колоннахъ, атаковавшихъ Шорахъ.

3) Неудачнымъ выборомъ главнаго пункта атаки.

4) Готовностію турокъ встрѣтить наше нападеніе—и

5) Недостаточнымъ знакомствомъ колонныхъ начальниковъ съ мѣстностію Шораха,—вслѣдствіе чего генералъ Ковалевскій началъ движеніе ранѣе, чѣмъ-бы слѣдовало, принялъ влѣво и попалъ во входящую часть ренисовской линіи подъ страшный перекрестный огонь. Почти тоже самое произошло со второю колонною князя Гагарина, а резервъ ея и вовсе не участвовалъ въ дѣлѣ: онъ очутился непонятнымъ образомъ гдѣ-то далеко, на лѣвомъ флангѣ атакующей линіи, и уже впослѣдствіи присоединился къ Майделю.

Неудачу третьей колонны обыкновенно приписываютъ тому, что войска, бывшія подъ командою храбраго Майделя, неожиданно нашли редутъ замкнутымъ съ горжи и встрѣтили превосходныя силы, которыя непріятель успѣлъ стянуть сюда послѣ отраженія несвоевременныхъ аттакъ Ковалевскаго и князя Гагарина:

«Русская пѣхота **), говоритъ генералъ Кмети: «выказала до конца величайшую неустрашимость; но все дѣло въ цѣломъ было ведено безъ глубокихъ соображеній, на авось. Русскій главнокомандущій, полагая, безъ сомнѣнія, что горжа Топмасской флеши была не сомкнута, основалъ свой планъ штурма именно на этомъ предположеніи и, повидимому, ни на минуту не опасался возможности неудачи. Встрѣтивъ непредвидимую преграду, онъ не измѣнилъ своихъ первоначальныхъ предположеній и упорствовалъ въ намѣреніи буквально схватить быка за рога».

По мнѣнію Вильямса, неудача произошла оттого, «что ту-

---

*) Главнокомандующій во время штурма находился на Столовой горѣ. Молчаливъ, серьёзенъ и спокоенъ, сидѣлъ онъ на камнѣ, слѣдя за ходомъ боя въ трубу: «когда пробьетъ барабанъ къ штурму—я уже болѣе не начальникъ», говорилъ онъ. Свита адъютантовъ и ординарцевъ стояла въ сторонѣ въ почтительной тишинѣ и въ полной готовности»... (Воспоминаніе о Карсѣ А. Корсакова).

**) Описаніе блокады Карса въ 1855 году, Георгія Кмети.

рецкая армія стояла въ полной готовности отразить нападеніе. Русскіе это скоро замѣтили и, несмотря на то, что дѣло потеряло безвозвратно характеръ нечаяннаго нападенія, все-таки направили главныя колонны на Шорахскія высоты. Тогда, продолжаетъ Вильямсъ, я снялъ шляпу и, обратившись въ окружавшимъ меня генераламъ, поздравилъ всѣхъ съ побѣдою: овладѣть Шорахомъ посредствомъ открытаго штурма было дѣломъ болѣе, чѣмъ невозможнымъ».

Къ вечеру, по окончаніи боя, войска возвратились на прежнія позиціи.

«На слѣдующій день — говоритъ въ своихъ запискахъ Баклановъ — я сидѣлъ въ палаткѣ мрачный, подавленный тяжелой скорбью о тѣхъ потеряхъ, которыя я предрѣкалъ, но которыя предотвратить было не въ моей власти. Наконецъ я не выдержалъ, сѣлъ на коня и поѣхалъ къ главнокомандующему.

«Муравьевъ встрѣтилъ меня сухимъ и суровымъ вопросомъ:

— «Что вамъ угодно?

«Я вспыхнулъ и отвѣчалъ: пріѣхалъ я только для того, чтобы спросить: кто оказался правымъ — генералъ-ли Муравьевъ или генералъ Баклановъ?»

«Главнокомандующій не нашелся что отвѣтить.

«Я повернулся, вышелъ изъ палатки, сѣлъ на коня и уѣхалъ къ своему отряду»........

IV.

Послѣ штурма.

Меликъ-кёйскій отрядъ снова поступилъ въ непосредственное вѣдѣніе генерала Бакланова. Рѣшено было продолжать блокаду. Эта настойчивость главнокомандующаго, рѣшившагося оставаться подъ Карсомъ, вопреки мнѣнію многихъ генераловъ, составляетъ дѣйствительную и едвали ни единственную заслугу въ эту компанію: генерала Муравьева: ей обязаны мы покореніемъ Карса и плѣненіемъ анатолійской арміи.

Между тѣмъ, въ Петербургѣ извѣстіе о неудачѣ подъ Карсомъ поразило всѣхъ своею неожиданностію. Тамъ ожидали совершенно противнаго. «Письмо, въ которомъ вы сообщаете о неудачномъ штурмѣ, предпринятомъ 17 сентября на укрѣпленія Карса» — писалъ военный министръ къ генералу Муравьеву —

немедленно было отправлено мною въ г. Николаевъ на высочайшее усмотрѣніе государя императора».

«Извѣстіе это конечно будетъ весьма горестно для его величества. Нельзя не скорбѣть о тяжкой потерѣ, понесенной храбрыми нашими войсками и въ особенности о томъ, что вы лишились при этомъ многихъ достойнѣйшихъ помощниковъ».

«Искренно оплакивая потерю стольких героевъ, столько опытныхъ и даровитыхъ военачальниковъ, я, съ другой стороны, не теряю надежду, что государь императоръ найдетъ много утѣшительнаго въ подробностяхъ описываемыхъ вами событій, не оставляющихъ никакого сомнѣнія въ томъ, что войска кавказскія и въ этотъ несчастный день явили себя вполнѣ достойными своей славы».......

Первые дни послѣ штурма прошли въ тревожномъ ожиданіи вылазки со стороны непріятеля. Носились слухи, что турки, пользуясь одержанною побѣдою, намѣрены пробиться изъ Карса, или напасть на отрядъ Бакланова и, уничтоживъ его, принудить насъ къ отступленію отъ крѣпости. Ожиданія эти разрѣшились однакоже тѣмъ, что ночью, 10-го октября, изъ Карса выступила партія лазовъ, думая пробраться черезъ отрядъ Бакланова, но замѣченная во время, она была окружена и послѣ недолгаго, слишкомъ неравнаго для нея боя, положила оружіе, въ числѣ двухъ офицеровъ и 116 нижнихъ чиновъ. При лазахъ найдено было семь знаменъ иррегулярнаго войска.

Взятіемъ этихъ трофеевъ оканчивается дѣятельность Якова Петровича, какъ начальника самостоятельнаго отряда. Спустя нѣсколько дней послѣ описанной стычки, утромъ 13 октября, онъ получилъ предписаніе главнокомандующаго, въ которомъ между прочимъ сказано было, «что на случай выступленія части дѣйствующаго корпуса изъ-подъ Карса, блокадная линія, со всѣми остающимися въ ней войсками, поступаетъ въ полное вѣдѣніе генералъ-маіора Бакланова, которому предписывалось тотчасъ сдать меликъ-кёйскій отрядъ полковнику Тихоцкому*), а самому прибыть въ главную квартиру для полученія на этотъ счетъ личнаго приказанія».

Поводомъ къ такому распоряженію послужило слѣдующее: по-

*) Вслѣдъ за этимъ начальникомъ меликъ-кёйскаго отряда назначенъ былъ генералъ Базинъ.

лучены были свѣдѣнія, что Омеръ-Паша, двинувшись въ Гурію, въ тоже время направилъ особый отрядъ къ сторонѣ Ахалцыга съ тѣмъ, чтобы войти въ связь съ войсками, стоявшими около Арзерума. Вслѣдствіе этого главнокомандующій, предписавъ генералу Базину перейти опять въ Амаръ-агу и оттуда дѣйствовать независимо отъ главныхъ силъ по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя будутъ получаться о непріятелѣ со стороны Аджаріи*), разсчитывалъ самъ итти къ Саганлугу на встрѣчу Селимъ-Пашѣ, котораго предполагалъ уже въ движеніи къ Карсу **) и побѣдою въ полѣ ослабить впечатлѣніе, произведенное на край нашею послѣднею неудачею. Поэтому, когда Баклановъ явился къ Муравьеву, между ними произошелъ извѣстный разговоръ, который самъ Яковъ Петровичъ передаетъ слѣдующимъ образомъ:

— «Я потребовалъ васъ, сказалъ мнѣ главнокомандующій, для того, чтобы передать нѣкоторыя приказанія на случай моего выступленія. Вы конечно знаете обязанности, которыя будутъ лежать на васъ, какъ на начальникѣ блокадной линіи.

— «Знаю, отвѣчалъ я: и постараюсь, насколько съумѣю исполнить ихъ.

— «Обязанности эти велики, но я надѣюсь на васъ болѣе, чѣмъ на кого-нибудь другого, продолжалъ главнокомандующій: дѣло вотъ въ чемъ: я получилъ вѣрныя свѣдѣнія, что Селимъ-Паша двинулся изъ Арзерума и намѣренъ угрожать мнѣ въ то время, когда Омеръ-Паша будетъ приближаться сюда изъ Батума ***). Цѣль ихъ, какъ понимаю я, достигнуть Карса и продлить оборону, пока не подоспѣютъ французскіе или англійскіе дессанты. Надо разстроить этотъ планъ, надо помѣшать ихъ соединенію и разбить Селима, прежде чѣмъ Сердарь успѣетъ перейти черезъ горы. Скажите мнѣ, что вы объ этомъ думаете?

— «Если вы требуете моего сужденія, возразилъ я, то дол-

---

*) Базину разрѣшалось при этомъ не только перейти въ Ахалцыгъ, но даже имѣть въ готовности 1-й батальонъ Бѣлостокскаго полка съ вьючнымъ обозомъ для отправленія его, если укажетъ надобность, горами черезъ М. Багдадъ прямо въ Кутаисъ, оставивъ въ этомъ случаѣ только конно-мусульманскій полкъ въ Ардаганѣ для сообщенія черезъ этотъ пунктъ съ нашими главными силами.—(Ар. генер. шт. переписка г.-а. Муравьева.)

**) Селимъ-Паша назначенъ былъ муширомъ въ г. Арзерумъ и принялъ Вели-Пашу подъ свое начальство.

***) Въ это время у насъ еще не знали о дѣлѣ на берегу Ингура и о наступленіи Омеръ-Паши къ предѣламъ Мингреліи.

женъ сознаться, что я на вашемъ мѣстѣ не позволилъ бы себѣ ни на одинъ шагъ отступить отъ крѣпости.

— «А почему такъ?

— «Потому что вѣсти, полученныя вами изъ Арзерума, не заслуживаютъ никакого довѣрія. Селимъ, подобно Вели-Пашѣ, бѣгавшему цѣлую кампанію передъ ничтожнымъ отрядомъ Суслова, имѣетъ войско составленное на половину изъ башибузуковъ. Число ихъ не можетъ простираться свыше 10, 12 тысячъ. Вѣроятно ли, чтобы съ такими малыми средствами онъ перешелъ Саганлугскія горы и далъ-бы полевое сраженіе? Другое дѣло Омеръ-Паша: въ его распоряженіи находится до тридцати тысячъ войска; но время года не позволитъ ему и думать объ открытіи новой кампаніи. Теперь уже октябрь: дороги повсюду испорчены, рѣки въ разливѣ, горы завалены снѣгомъ и черезъ нихъ нельзя переправить не только обозовъ, но даже полевую артиллерію. Съ чѣмъ-же онъ явится? Съ одними ружьями, да съ двухъ, трехъ-дневнымъ продовольствіемъ, принесеннымъ въ ранцахъ! Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, я полагаю, что Омеръ-Паша не будетъ такъ простъ, чтобы попасть въ западню и утверждаю, что полученныя вами свѣдѣнія — утка.

— «Какая-же цѣль ея? спросилъ Муравьевъ.

— «А вотъ какая. Кто изъ насъ поручится, что въ Пенякахъ не заготовлено нѣсколько тысячъ вьюковъ съ продовольствіемъ, которые ожидаютъ только случая, чтобы проникнуть въ крѣпость. Лучшее средство для этого конечно отвлечь часть нашего корпуса въ противоположную сторону. И вотъ, лазутчики подосланы. Положившись на нихъ, вы отойдете отъ Карса, а турки сдѣлаютъ сильную вылазку, раздвинутъ нашу блокадную линію и впустятъ къ себѣ цѣлые транспорты продовольствія. Если это случится, тогда всѣ жертвы и труды нынѣшней кампаніи останутся безплодными. — Быть можетъ я ошибаюсь, что позволяю себѣ опровергать полученныя вами свѣдѣнія. Но допустимъ, что со стороны Батума и Арзерума дѣйствительно приближаются сильные сикурсы. Ну, что-же? въ добрый часъ! На вашемъ мѣстѣ я приказалъ-бы раздвинуть блокадную линію и пропустить ихъ въ Карсъ безъ всякаго препятствія. Торжество турокъ будетъ не продолжительное. Напротивъ, они придутъ въ отчаяніе, какъ только узнаютъ, что ни Омеръ-Паша, ни Селимъ-Паша не при-

несли съ собою продовольствія. Въ два, три дня эти свѣжіе массы истребятъ послѣдніе, скудные запасы гарнизона и тогда, чтобы не погибнуть съ голоду, вынуждены будутъ или дать полевое сраженіе, или положить оружіе. Въ первомъ случаѣ всѣ шансы будутъ на нашей сторонѣ, потому что мы владѣемъ сильною артиллеріею, тогда какъ наши противники должны ограничиться одними штуцерниками *); во второмъ — вы будете имѣть удовольствіе видѣть въ плѣну не только главнокомандующаго анатолійскимъ корпусомъ, но самого Сердаря съ его значительною арміею.

— «Позвольте, перебилъ меня Муравьевъ: вы справедливо сказали, что въ Пенякахъ могутъ быть транспорты; но развѣ эти транспорты не могутъ доставиться въ Карсъ, подъ прикрытіемъ сорока-тысячнаго корпуса?

— «Могутъ. Но въ этомъ случаѣ я попрошу ваше высокопревосходительство дать мнѣ полную свободу дѣйствія съ моими казаками. Ручаюсь вамъ головою, что ни одинъ ешакъ, навьюченный чѣмъ-бы то ни было, не проскользнетъ къ непріятелю.

«Муравьевъ задумался.

— «Да, вы правы, сказалъ онъ наконецъ и подалъ мнѣ руку: я остаюсь подъ Карсомъ......»

Несмотря на такое рѣшеніе, часть дѣйствующаго корпуса все-таки продолжала находиться въ полной готовности къ выступленію въ 24 часа, если-бы того потребовала надобность; Яковъ Петровичъ также оставался въ главной квартирѣ и, перебравшись внизъ, за Карсъ-Чай, помѣстился въ палаткѣ казачьяго полковника Петрова **). Морозы въ это время доходили уже до нѣсколькихъ градусовъ; лагери обстроились теплыми землянками и турецкія названія деревень совершенно исчезли изъ разговорнаго языка. Солдаты прозвали Меликъ-Кёй «Баклановкою» и это названіе удержалось до самаго конца, несмотря на то, что меликъ-кёйскимъ отрядомъ командовалъ уже не Яковъ Петровичъ.

Жилъ онъ въ это время далеко не роскошно, отказывая себѣ часто въ самыхъ необходимыхъ предметахъ. Одинъ изъ адъю-

*) У насъ было извѣстно, что полевая артиллерія не могла выступить изъ Карса по недостатку лошадей.

**) Командовалъ 1-мъ сборнымъ линейнымъ казачьимъ полкомъ.

тантовъ Муравьева *) довелъ объ этомъ до свѣдѣнія главнокомандующаго, прибавивъ, что наканунѣ Яковъ Петровичъ при немъ отдалъ послѣдній имперіалъ какому-то лазутчику, являвшемуся къ нему изъ Карса. Муравьевъ тотчасъ пригласилъ Бакланова.

— «Я пришелъ къ нему, разсказываетъ Яковъ Петровичъ: вечеромъ, запросто, какъ для обыкновенной бесѣды. Мы долго говорили о положеніи Карсскаго гарнизона, какъ вдругъ главнокомандующій круто перемѣнилъ разговоръ.

— «Правда ли, что вы въ кругу своихъ задушевныхъ друзей говорите, что знаете въ Карсѣ такое мѣсто, на которое съ ручательствомъ за успѣхъ можно повторить нападеніе?

— «Правда, отвѣчалъ я: пунктъ этотъ лежитъ на карадагскихъ высотахъ, но шансы какъ на успѣхъ, такъ и на неудачу совершенно равные.

— «Почему такъ?

— «Потому что Карадагскія высоты могутъ быть взяты только врасплохъ; слѣдовательно малѣйшая оплошность съ нашей стороны прибавитъ къ жертвамъ 17 сентября только новыя и безполезныя жертвы.

— «А сколько по вашему соображенію потребовалось-бы войска?

— «Войско здѣсь ничего не значитъ, отвѣчалъ я: здѣсь надо темную ночь, да тысячу самыхъ отборныхъ охотниковъ, которые были-бы способны, какъ змѣи, проползти между непріятельскими укрѣпленіями. Резервы должны оставаться въ лагеряхъ и броситься только тогда, когда охотники будутъ уже на батареяхъ. Условія, какъ видите, нелегкія. Если охотники сохранятъ порядокъ, если резервы не потеряютъ ни одной минуты—успѣхъ несомнѣненъ; въ противномъ случаѣ потеря будетъ больше, нежели была 17-го.

«Муравьевъ молчалъ нѣсколько времени.

— «Скажите мнѣ, но скажите откровенно, воскликнулъ онъ вдругъ съ необыкновенною живостью: что думаете вы о духѣ нашего войска? Пойдутъ ли солдаты на вторичный приступъ?

— «Пошли-бы, но къ сожалѣнію минувшій штурмъ лишилъ

*) Капитанъ Е.

насъ лучшихъ офицеровъ, къ которымъ они питали неограниченную довѣренность.

— «А вы-то что-же? перебилъ Муравьевъ, начиная горячиться. Развѣ я не знаю, что васъ они считаютъ своимъ божкомъ, и что за вами пойдутъ въ огонь и въ морскую пучину.

— «Быть можетъ это и такъ, отвѣчалъ я: но вспомните, ваше высокопревосходительство, что на штурмѣ 17 сентября не я одинъ былъ божкомъ этого храбраго войска. Майдель былъ боготворимъ солдатами и потеря его была поворотною точкою цѣлаго сраженія. Ковалевскаго любили не менѣе. Пока я живъ, ручаюсь, что войска пойдутъ за мною, куда бы я ни повелъ ихъ; но пуля дура; картечь и ядро—не умнѣе. Если меня убьютъ, охотники останутся одни, потому что кромѣ меня да трехъ человѣкъ пластуновъ, никто не знаетъ карадагской возвышенности. Поэтому, продолжалъ я, если вы хотите узнать мои мысли, я никогда не посовѣтую вамъ предпринимать вторичнаго приступа. Покореніе Карса надо предоставить времени, а время это не за горами и черезъ двѣ, черезъ три недѣли, турки непремѣнно положатъ оружіе.

«Вскорѣ послѣ этого разговора, продолжаетъ Баклановъ, главнокомандующему кто-то представилъ необходимость уничтожить турецкій аулъ Шорахъ, расположенный у высотъ тогоже названія, откуда турки будто-бы добывали топливо. Главнокомандующій приказалъ назначить для этой цѣли отрядъ подъ моимъ начальствомъ. Однакоже мнѣ объявили объ этомъ только тогда, когда до выступленія отряда оставалось не болѣе получаса.

«Я бросился къ корпусному командиру, чтобы просить его объ отмѣнѣ этого приказанія, потому что для разборки аула достаточно было послать ночью однихъ охотниковъ. Когда я началъ говорить, что аулъ находится подъ выстрѣлами крѣпости, что потеря будетъ большая, меня не хотѣли слушать, меня старались увѣрить, что я ошибаюсь и приводили въ доказательство то, что во время штурма ни одинъ непріятельскій снарядъ не упалъ даже близко отъ этого мѣста.

«Я отвѣчалъ, что въ этомъ случаѣ слогаю съ себя всякую отвѣтственность, но выведя колонну изъ лагеря остановилъ ее близъ Столовой горы и выслалъ впередъ однихъ охотниковъ, за которыми въ полуверстѣ долженъ былъ подвигаться обозъ, назначен-

ный для вывозки изъ аула годнаго дерева. Кавалерія шла за обозами. Я самъ поѣхалъ впередъ и, поднявшись на небольшой пригорокъ, сталъ наблюдать въ подзорную трубу за тѣмъ, что дѣлается въ Карсѣ. Въ редутахъ уже били тревогу. Какъ только обозначилось движеніе нашей колонны, турки стали въ ружье и скоро съ передовой батареи загремѣлъ пушечный выстрѣлъ. Началась канонада. Снаряды, перелетая аулъ, стали ложиться въ обозъ. Къ счастію, войска остановлены были внѣ выстрѣла. Я тотчасъ потребовалъ къ себѣ на пригорокъ нѣкоторыхъ начальниковъ и предложилъ имъ полюбоваться картиною.

— «Это удивительно, ваше превосходительство, отвѣчали мнѣ: надо полагать, что послѣ штурма турки поставили сюда орудія большого калибра.

— «Казакъ! подыми ядро! сказалъ я ординарцу и пригласилъ присутствующихъ посмотрѣть какого оно калибра.

«Ядро оказалось шести-фунтовое.

«Я приказалъ начать отступленіе, не скрывая уже болѣе накипѣвшей досады»....

Размолвка эта была доведена до главнокомандующаго и имѣла послѣдствіемъ то, что Баклановъ до самаго паденія Карса жилъ при главной квартирѣ, не получая уже никакихъ порученій.

Наконецъ, 16 ноября 1855 г. Карсъ сдался........

В. А. Потто.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ЖИЗНИ И КОНЧИНА М. И. ГЛИНКИ.

(Воспоминанія сестры его, Л. И. Шестаковой) *).

1854—1857.

I.

Жизнь въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ 1854 г.—Друзья и знакомые.—Зима въ Петербургѣ. — Заботы о крестницѣ.— «Дѣтская полька». —«Торжественный польскій».—А. С. Даргомыжскій. —Глинка на представленіи оперы: «Жизнь за Царя». —Церковная музыка. — Новая опера: «Двумужница».—Характеръ Глинки. —Послѣдній отъѣздъ за границу.

1854—1856 гг.

Братъ окончилъ свои записки 1854 годомъ, пріѣздомъ своимъ въ Царское, а умеръ онъ въ 1857 г. Я хочу, насколько па-

*) Помѣщаемыя здѣсь «Воспоминанія Л. И. Шестаковой» заканчиваютъ біографію М. И. Глинки, изложенную имъ въ его запискахъ. См. «Русс..."

мять моя и письма брата позволятъ, пополнить этотъ пробѣлъ и сообщить о немъ все, что я знаю, не только какъ о композиторѣ, но и какъ о человѣкѣ.

Жилось намъ въ Царскомъ Селѣ лѣтомъ въ 1854 г. хорошо; братъ былъ здоровъ, доволенъ. Обыкновенно день его былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ: вставалъ онъ довольно рано и исписывалъ мелкимъ шрифтомъ цѣлый листъ своихъ записокъ; часовъ въ 10 приходилъ къ чаю и прочитывалъ мнѣ написанное имъ въ то утро; поговоря немного, мы уходили на балконъ. Иногда онъ писалъ что-нибудь (все лѣто онъ рѣшительно ничего не сочинилъ, но наоркестровалъ нѣсколько пьесъ), а чаще читалъ одинъ, или я ему читала громко. Для отдыха онъ валялся или занимался съ дѣвочкою моею, его крестницею (которую онъ очень любилъ), на коврѣ, разостланномъ тутъ же на балконѣ, и когда бывало принесутъ имъ еще котенка, то онъ оставался очень доволенъ. Въ 1-мъ часу мы завтракали, потомъ обыкновенно пріѣзжали знакомые изъ Петербурга; вечеромъ ходили гулять въ паркъ или въ оранжереи.

Такъ шли день за днемъ, тихо, покойно; исключенія были рѣдки. 21-го мая, въ день ангела брата собралось у насъ большое общество и братъ былъ веселъ. Чаще всѣхъ посѣщали насъ въ это время: А. Ѳ. Львовъ, В. П. Энгельгардтъ, И. А. Шестаковъ, А. Н. Сѣровъ, Д. В. Стасовъ, К. П. Вильбоа и П. П. Рындинъ съ женою.

Василій Павловичъ Энгельгардтъ чрезвычнайо любилъ брата, постоянно доставлялъ ему всевозможныя музыкальныя наслажденія, даже въ Царскомъ устроилъ музыкальный квартетный вечеръ съ Пикелемъ и другими; между прочими пьесами исполняли одно изъ юношескихъ произведеній брата, и братъ не узналъ своего квартета. Помню, какъ будто бы теперь вижу, довольное лицо брата, когда онъ слушалъ прелестное исполненіе артистовъ. Онъ глубоко цѣнилъ расположеніе къ нему Энгельгардта, да и понятно: съ его душой не дорожить такою постоянною привязанностію было невозможно. И. А. Шестаковъ и Александръ Николаевичъ Сѣровъ гащивали у насъ. Часто у А. Н.

Стар.» т. I изд. первое — стр. 380, 474, 562; изд. второе — стр. 313, т. II — стр. 56, 266, 372 и 419. Ред.

Сѣрова съ братомъ шли толки о музыкѣ и продолжительные; тогда, насколько я помню, Александръ Николаевичъ любилъ «Руслана»; не разъ слыхала я, какъ онъ исчислялъ красоты этой оперы самому брату. Еще изъ посѣтителей былъ П. П. Дубровскій, профессоръ польскаго языка, академикъ; онъ былъ переведенъ изъ Варшавы, гдѣ имѣлъ случай оказать брату нѣсколько услугъ. Братъ никогда не забывалъ малѣйшаго добра, сдѣланнаго ему; къ тому же Дубровскій былъ человѣкъ добрый, но имѣлъ такую страсть спорить, что иногда выводилъ брата изъ терпѣнія. Помню, однажды страсть Дубровскаго была въ полномъ разгарѣ; братъ долго слушалъ его, потомъ, не отвѣчая ему, подошелъ къ портрету покойнаго государя императора Николая Павловича, сталъ передъ нимъ на колѣни, съ словами: «Ваше императорское величество! уничтожили вы виленскій университетъ, уничтожьте и московскій (Дубровскій воспитывался въ московскомъ университетѣ), чтобы подобныхъ сему господину меньше было на свѣтѣ.» Конечно, эту выходку сопровождалъ всеобщій смѣхъ присутствовавшихъ лицъ.

Такъ шло время до августа; мы никуда не ѣздили,—братъ не любилъ; одинъ разъ всего были въ Павловскѣ на музыкѣ, и то по моему желанію. Въ началѣ августа Энгельгардтъ уѣхалъ за границу; я замѣтила, что отъѣздъ его грустно отозвался на братѣ; къ тому же приближалась осень: братъ началъ спѣшить переѣздомъ въ городъ. Квартира была отыскана и нанята мною въ Эртелевомъ переулкѣ, въ домѣ Томиловой, и 26-го августа мы переѣхали въ Петербургъ. Квартира наша была хорошая, а зала для музыки чрезвычайно обширная и съ хорошимъ резонансомъ. Скоро по переѣздѣ въ городъ дѣвочка моя занемогла опасно; братъ прервалъ всѣ свои занятія и совершенно посвятилъ себя заботамъ о насъ. Надо было видѣть, съ какимъ горячимъ участіемъ онъ помогалъ мнѣ ухаживать за дѣвочкою; онъ иногда ночами приходилъ сидѣть со мною, ходилъ чуть слышно и на это время совершенно отказывалъ себѣ въ музыкальныхъ и всякихъ удовольствіяхъ. Съ какою деликатностью, мягкостью онъ обращался съ нами всегда, а особливо въ это время!.. онъ превзошелъ себя, и когда моя дѣвочка совершенно оправилась, первое, что онъ сочинилъ, была «Дѣтская полька», ей къ ёлкѣ.

Въ концѣ этой зимы или весною онъ сочинилъ «Торже-

ственный польскій» для коронаціи императора Александра II, который, по приказанію императора, и игрался. Помню, что въ продолженіе этой зимы, съ 1854 на 1855 г., братъ выѣзжалъ очень мало. Онъ вообще былъ домосѣдомъ, занимался и проводилъ свой день по прежнему, съ тою разницею, что у насъ собиралось очень много и часто пѣли, играли; иногда игра доходила до 12-ти рукъ. Въ это время бывали у насъ: П. А. Бартеньева, М. В. Шиловская, А. А. Билибина и много другихъ. А. С. Даргомыжскій бывалъ у брата довольно часто и обыкновенно братъ бывалъ ему очень радъ, но не обходилось дѣло безъ разныхъ выходокъ со стороны брата. Въ то время Даргомыжскій писалъ свою «Русалку», и приносилъ брату прослушать написанное. Братъ восхищался многимъ въ этой оперѣ, но когда Даргомыжскій пропѣлъ ему арію княгини въ 3-мъ актѣ «Дней минувшихъ наслажденья», братъ сказалъ: «Это что-то очень смахиваетъ на арію Гориславы изъ «Руслана» въ 3-мъ актѣ.» Даргомыжскій не захотѣлъ вѣрно спорить съ братомъ и отшутился очень мило: «Э, братъ, сказалъ онъ, тебя всѣ чужіе обкрадываютъ, отъ чего же своему не пощипать немножко?»

Въ другой разъ, когда А. С. Даргомыжскій былъ не въ духѣ, то на замѣчаніе брата, что одинъ изъ мотивовъ «Русалки» отзывается другимъ сочинителемъ, Даргомыжскій съ сердцемъ отвѣчалъ: «Это ты воображаешь или просто выдумываешь». Тогда же братъ уговаривалъ Даргомыжскаго, конча эту оперу, непремѣнно начать комическую, говоря, что онъ заранѣе увѣренъ, что это выйдетъ un chef d'oeuvre. Но, странно, Даргомыжскій всегда какъ будто обижался этимъ и даже одинъ разъ сказалъ ему: «Неужели ты думаешь, что я, кромѣ комическихъ вещей, ничего не могу сдѣлать?» Братъ говорилъ ему, что, конечно, онъ самъ видитъ и знаетъ, что въ «Русалкѣ» и не комическія вещи превосходны, но что, по его мнѣнію, написать комическую оперу нисколько не легче и что для этого нуженъ особенный талантъ, который онъ и встрѣтилъ только въ немъ одномъ.

Помню еще одну сцену брата съ Даргомыжскимъ. Братъ любилъ совѣтовать писать другимъ, но когда уговаривали писать его самого, онъ обыкновенно, ежели бывалъ въ дурномъ настроеніи, оставался очень недоволенъ и сердился, если же

бывалъ въ духѣ, то обращалъ эти уговоры въ смѣшную сторону. Такъ однажды, когда Даргомыжскій началъ говорить ему, что стыдно ему съ такимъ талантомъ ничего не сочинять, братъ, вмѣсто отвѣта, запѣлъ ему его романсъ: «Каюсь, дядя, чортъ попуталъ», и его же писклывымъ дискантомъ; въ первую минуту А. С. былъ пораженъ, но продолжалъ свои увѣщеванія; чѣмъ болѣе А. С. уговаривалъ брата, тѣмъ тотъ сильнѣе старался выпискивать «Дядю», и кончилось тѣмъ, что А. С. сказалъ: «Какой ты, братъ, школьникъ!» и заговорили о другомъ.

Въ эту зиму братъ бывалъ у князя Одоевскаго и Волконскаго на музыкальныхъ вечерахъ и былъ очень доволенъ, слыша тамъ хорошую музыку и превосходное исполненіе. Еще онъ бывалъ у Ламакина, слушалъ пѣвчихъ Шереметева, исполнявшихъ пьесы древнихъ итальянскихъ и нѣмецкихъ сочинителей.

Братъ всегда сильно любилъ музыку Бетховена, Баха, Генделя, но въ эту эпоху болѣе всего восхищался Глукомъ. Онъ не разъ разсказывалъ мнѣ о восторгѣ, доведшемъ его до слезъ, когда, проѣздомъ чрезъ Берлинъ, онъ слышалъ на сценѣ «Армиду» Глука, наигрывалъ мнѣ мѣста, которыя болѣе подѣйствовали на него, и, можно сказать, упивался этою музыкою.

Въ эту же зиму я упросила его быть со мною въ театрѣ, и мы были два раза. Видѣли Лябляша въ «Barbier de Séville», потомъ мнѣ непремѣнно хотѣлось вмѣстѣ съ братомъ видѣть «Жизнь за Царя», онъ согласился. Но при поднятіи занавѣса онъ былъ непріятно пораженъ, увидя, какъ небрежно давалась эта опера.

Послѣ первыхъ представленій въ 1836 г. онъ не видалъ свою старуху, какъ онъ называлъ «Жизнь за Царя», и въ девятнадцать лѣтъ не было подновлено ничего; тѣ же самые костюмы, тѣ же декораціи, и польскій балъ освѣщался 4-мя свѣчами; братъ на это замѣтилъ мнѣ, что скоро будутъ освѣщать его двумя сальными огарками. Но что выдѣлывалъ оркестръ, какіе брались темпы, ужасъ! Я понимаю, какая была большая жертва со стороны брата для меня, что онъ немедленно не оставилъ театръ. Но онъ восхищался Петровымъ, и тутъ же въ роли Вани замѣтилъ голосъ Леоновой (впослѣдствіи она сдѣлалась его ученицей). Въ одинъ изъ антрактовъ вошелъ къ намъ въ ложу князь Одоевскій и шепнулъ мнѣ, что брата

хотятъ вызывать и шепнулъ такъ громко, что братъ, услыхавъ это, всталъ съ своего мѣста и вышелъ изъ ложи, сказавъ мнѣ: «Подъѣзжай, пожалуйста, къ квартирѣ директора и пришли за мной человѣка». Останавливать брата не было никакой возможности, я знала хорошо его характеръ. Точно, его вызывали, но тутъ же со сцены было объявлено, что онъ уѣхалъ. Болѣе я его никогда не звала въ театръ и ужасно досадовала на себя, что и въ этотъ разъ попросила его быть со мною въ «Жизни за Царя», потому что онъ на другой же день занемогъ сильнымъ разстройствомъ нервъ. Гейденрейхъ зналъ хорошо его мягкую натуру, и, съ свойственною ему деликатностью, успоконлъ его нервы; недѣли черезъ двѣ онъ оправился.

Вскорѣ послѣ этого Дарья Мих. Леонова пріѣхала къ намъ и братъ началъ заниматься пѣніемъ съ нею; голосъ ея ему нравился, и онъ началъ инструментовать разные романсы и пр. для ея предполагаемаго концерта. Какъ теперь вижу его сидящимъ въ залѣ, въ своемъ любимомъ халатѣ обыкновенно близъ стола и усердно вписывающимъ партитуру... Вбѣгаетъ бывало неожиданно Оля, и прямо къ брату: «Мися, игляй», братъ съ улыбкой, доброй, хорошей улыбкой оставлялъ немедленно работу и садился играть; потомъ дѣвочка затѣвала пѣть, и братъ училъ ее: «Ходитъ вѣтеръ у воротъ», и радовался, когда она брала вѣрныя ноты Иногда онъ самъ танцовалъ съ нею, а иногда, чтобъ посмѣшить Олю, танцовалъ мазурку съ 60-ти-лѣтнею старухою, нянею моей дѣвочки.

Въ томъ же 1855 г. великимъ постомъ братъ хотѣлъ слышать сочиненную имъ передъ этимъ церковную музыку: эктеніи на обѣдни въ три голоса и «Да исправится». Чрезъ князя Волконскаго устроилось такъ, что архимандритъ Сергіевской пустыни былъ самъ у насъ и пригласилъ брата и меня пріѣхать въ назначенный имъ день въ пустынь; братъ былъ не очень здоровъ и ѣхать не могъ, но отправилъ меня одну. Съ этого времени братъ началъ подумывать серьезно о церковной музыкѣ и началъ понемногу заниматься церковными тонами.

Но вскорѣ музыка другого рода отвлекла его отъ этихъ занятій; ему вдругъ пришла мысль написать еще небольшую оперу, «Двумужница». Начались хлопоты, толки о новой оперѣ. Приблизительно около этого времени брату захотѣлось послать

обѣ оперы свои и романсы въ Берлинъ Дену для публичной библіотеки. Партитуры оперъ онъ отдалъ переписывать, и потомъ самъ повѣрялъ ихъ, а отыскать и собрать романсы онъ возложилъ на меня; хлопотъ было довольно: братъ помнилъ, при комъ и въ которомъ году писалъ онъ каждый романсъ, но кому они были подарены или проданы, не помнилъ. Объ иныхъ изъ нихъ надо было писать къ разнымъ лицамъ, не только въ Петербургѣ, но даже во внутрь Россіи и за границу, спрашивая гдѣ можно отыскать; другихъ же совсѣмъ не оказалось и онъ написалъ ихъ съизнова. Когда же, наконецъ, все было отыскано и я привезла ему ихъ, распредѣля по годамъ, братъ вздумалъ пересмотрѣть ихъ, и ему попался дуэтъ переложенный изъ баркаролы «Уснули голубыя сегодня, какъ вчера». Переложеніе было ужасное, и тутъ же было напечатано, что переложено Глинкою. Братъ вышелъ изъ себя и, взявъ этотъ дуэтъ, поѣхалъ жаловаться, но, пріѣхавъ къ квартирѣ Дубельта, замѣтилъ, что свертка уже не было; вѣрно, садясь въ экипажъ, онъ выронилъ его изъ рукъ, потому что изъ кареты свертокъ не могъ же выпасть. Братъ вернулся домой раздосадованный, но болѣе не жаловался, а только сдѣлалъ выговоръ фабриканту этой музыки.

Скажу здѣсь нѣсколько словъ о характерѣ брата. У брата была наивнодѣтская, мягкая, деликатная натура, и ничто не могло поколебать ее, ни семейныя дрязги, ни кружки, въ которые судьба забрасывала его; равно ничто не могло повредить его таланту; доказательствомъ тому служатъ его послѣднія произведенія: «Русланъ», «Камаринская» и двѣ «Испанскихъ увертюры». Братъ никогда не могъ писать по заказу; онъ писалъ только тогда, когда что-нибудь сильно, пріятно дѣйствовало на него, будь это женщина, природа, климатъ, превосходное произведеніе искусства; тогда онъ вдохновлялся. Но что въ Россіи ему было труднѣе писать чѣмъ гдѣ-нибудь, это очень понятно: климатомъ и природой онъ восхищаться, конечно, не могъ, а полное пренебреженіе къ его таланту со стороны русскаго общества парализировало въ немъ всякое вдохновеніе. Что̀ бы написалъ братъ, ежели бы жилъ теперь, когда такъ горячо относится большая часть публики къ его произведеніямъ!

Онъ не былъ разсѣянъ, но неумѣнье вести дѣла было вообще сильно въ немъ: онъ не любилъ никакихъ дѣлъ и хозяйственныхъ дрязгъ. Но что̀ въ немъ было развито до невѣроятныхъ размѣровъ, это мнительность,—онъ такъ боялся смерти, что до смѣшного ограждалъ себя отъ всякихъ малостей, которыя, по его мнѣнію, могли вліять на его здоровье. Онъ былъ иногда нездоровъ, какъ и всѣ бываютъ, но онъ себя считалъ всегда больнымъ и даже часто близкимъ къ смерти, и потому иногда выходили презабавныя штуки. Такъ, напримѣръ, въ томъ же 1855 г., въ первый день праздника Пасхи, утромъ вошелъ онъ въ мою комнату блѣдный и чуть слышнымъ голосомъ сказалъ: «мнѣ худо», и на вопросъ мой—что̀ съ нимъ? онъ показалъ мнѣ, что на щекѣ у него показалась кровь. «Видишь, кровь уже выходитъ», сказалъ онъ. Я, зная, что онъ постоянно самъ брѣется, поняла, что онъ вѣрно порѣзалъ себя немного, и сообщила ему мое предположеніе. Онъ успокоился и даже повеселѣлъ, и мы пошли съ нимъ поздравить нашу добрую хозяйку старуху Томилову съ праздникомъ,—она жила въ томъ же домѣ. Поздоровавшись съ нею, я оглянулась, чтобы уступить мѣсто брату, но его уже не было въ комнатѣ. Я поняла въ чемъ дѣло,—у хозяйки на столѣ лежала суконная салфетка, пропитанная камфорой и перцемъ. Пробывъ нѣсколько минутъ, я ушла, сказавъ, что вѣрно брату сдѣлалось дурно. Возвратясь къ себѣ, я нашла уже брата въ другомъ платьѣ, а то, въ которомъ онъ ходилъ къ Томиловой, было приказано выбросить изъ дому: по словамъ брата, въ немъ была отрава отъ камфоры. Дѣло въ томъ, что онъ самъ постоянно лечился гомеопатіей, у него была маленькая аптечка, и потому онъ никакихъ сильныхъ запаховъ выносить не могъ; духи для него были также антипатичны, какъ и камфора, и всѣ пряности вообще. Перецъ, лавровый листъ и всѣ остальныя пряности были изгнаны изъ нашей кухни, т.-е. на словахъ, а на дѣлѣ бывало такъ, что ежели супъ ему по вкусу, и онъ замѣтитъ въ немъ лавровый листъ или перецъ, то и прикроетъ ихъ кускомъ говядины, а супъ кушаетъ на здоровье. Помню, разъ былъ онъ въ хорошемъ настроеніи и, замѣтя лавровый листъ въ супѣ, сказалъ мнѣ: «Не люблю я лавровъ ни на головѣ, ни въ супѣ»...

Прошли праздники, канва для оперы была уже готова, отыс-

канъ либретистъ, нѣкто Василько—Петровъ, довольно неважный литераторъ и преподаватель декламаціи въ Театральной школѣ. Много, очень много мотивовъ были у брата уже готовы, другіе выработывались, однимъ словомъ, все шло какъ нельзя лучше. Въ половинѣ мая я должна была уѣхать по дѣламъ въ деревню. Братъ оставался въ Петербургѣ. Я простилась съ нимъ въ то время, когда онъ былъ совершенно здоровъ, веселъ и доволенъ. Онъ съ удовольствіемъ занимался пѣніемъ съ Леоновою, принялся соображать оперу горячо и съ любовью. Въ одной изъ комнатъ онъ сдѣлалъ рѣшетку у окна и завелъ болѣе 12 птицъ (которыхъ страстно любилъ); при немъ остались вѣрные, хорошіе люди: поваръ, человѣкъ и женщина, на которую я возложила всю хозяйственную часть, чтобы ничѣмъ не безпокоить брата. Я уѣзжала совершенно покойная, зная, что Гейденрейхъ и другіе знакомые будутъ навѣщать его и беречь. Для него уходъ былъ необходимъ; онъ такъ привыкъ къ этому съ самаго дѣтства, что уже это превратилось у него не въ привычку, но въ необходимость. Въ деревню братъ писалъ мнѣ, какъ обыкновенно, разъ въ недѣлю. Описывалъ, что дѣлалъ въ прошлую недѣлю и что намѣренъ былъ дѣлать въ будущую. Нѣкоторыя выписки изъ этихъ писемъ находятся въ статьѣ В. В. Стасова подъ заглавіемъ: «М. И. Глинка», и потому я не привожу ихъ здѣсь. Въ іюнѣ письма брата были хорошія, веселыя, довольныя; въ іюлѣ онъ началъ жаловаться на жары, на В. В. Стасова, который назойливо требуетъ, чтобы братъ сочинялъ, тогда какъ онъ этого не можетъ; потомъ на либретиста; въ концѣ іюля онъ уже жаловался на все и всѣхъ, а въ началѣ августа я получила отъ него письмо, въ которомъ онъ просилъ меня поспѣшить пріѣздомъ, чтобы выпроводить его въ Варшаву, потому что онъ болѣе оставаться въ Петербургѣ не можетъ.

Я, конечно, не заставила брата повторить просьбу и немедля возвратилась къ нему. Онъ намъ очень обрадовался и сказалъ: «Ты мнѣ сдѣлала сюрпризъ; я не ждалъ тебя такъ скоро». На мой отвѣтъ, что я поспѣшила исполнить его желаніе и привезла съ собою все, что нужно для его отъѣзда, онъ сказалъ мнѣ: «О дѣлахъ ни слова; три дня ты у меня гостья, а потомъ поговоримъ». Но не дождались мы трехъ дней, и на другой же день онъ уже рѣшилъ, что остается въ Петербургѣ до весны,

что «Двумужницы» писать не будетъ, что она ему опротивѣла по многому и что либретистъ его надѣлалъ ему непріятностей (объ этомъ онъ упоминаетъ въ письмѣ къ Энгельгардту). Чтó именно было, не знаю; братъ не сообщилъ мнѣ, сказавъ, что это меня огорчитъ.

Тутъ скоро мы познакомились съ Бѣленицыною, Екатериною Николаевною; старшая дочь ея, Любовь Ивановна (нынѣ Кармалина), была дѣвушка съ большимъ музыкальнымъ талантомъ, пѣла превосходно, прямо съ листа въ одно время, музыку, голосъ и слова, какъ будто вещь была давно ей извѣстна. Братъ былъ въ восторгѣ отъ такого таланта, и она часто пѣвала у насъ подъ аккомпаниментъ брата. Онъ въ эту зиму выѣзжалъ еще меньше; помню, раза два былъ у князя Одоевскаго и еще у кого-то на музыкальныхъ вечерахъ (въ театръ я ему не предлагала ѣхать). У насъ же въ эту зиму, какъ и въ прошлую, собирались, музыканили, и къ прежнимъ еще прибавились Бѣленицыны. Даргомыжскій бывалъ очень часто; онъ также, какъ и братъ, восхищался талантомъ Люб. Ив., былъ друженъ съ ними, и почти всегда вмѣстѣ съ ними бывалъ у насъ, и Люб. Ив. часто пѣвала партію Наташи изъ «Русалки».

Въ началѣ этой зимы пришла фантазія брату задѣлать дверь изъ гостиной въ залу: «для того, говорилъ онъ, чтобы имѣть особую квартиру, и чтобы имѣть возможность принимать разныхъ лицъ, которыхъ при общей квартирѣ неудобно было принимать». Я не противилась, зная хорошо, что при настойчивомъ характерѣ брата это ни къ чему не поведетъ и онъ тѣмъ болѣе сдѣлаетъ по-своему. Вообще нужно было уступить ему и предоставить самому современемъ обдумать и разобрать дѣло, и тогда онъ самъ убѣждался, что ошибся, и поправлялъ дѣло, ежели его возможно было поправить. Такъ случилось и теперь; хотя я вполнѣ сознавала что это нелѣпость, но, зная его, увѣрена была, что это не надолго; дверь забили, оклеили шпалерами съ его стороны и не осталось слѣда двери; въ первые дни братъ былъ доволенъ, потомъ началъ находить неудобства и кончилось тѣмъ, что чрезъ двѣ недѣли пришлось опять отдирать шпалеры и отколачивать дверь, и опять все пошло по старому.

Къ празднику я сдѣлала ёлку своей дѣвочкѣ; на другой день братъ вздумалъ просить меня, чтобы я сдѣлала ему ёлку. Я думала, что онъ шутитъ, но оказалось, что ему на самомъ дѣлѣ пришла фантазія, чтобы у него въ залѣ была ёлка. Онъ сказалъ мнѣ: «Это будетъ моя ёлка и я приглашу на нее, кого захочу».

Онъ пригласилъ на ёлку къ себѣ семейство Бѣленицыныхъ, Даргомыжскаго, его сестру Софью Сергѣевну Степанову съ мужемъ, и больше никого. Зажгли ёлку, и ему вздумалось танцовать кругомъ дерева, меня засадили играть мазурку, и начались танцы. Даргомыжскій съ Люб. Ивановною, въ первой парѣ, а братъ съ сестрою ея Софьею Ивановною во второй. Сначала все шло хорошо, выдѣлывали разныя фигуры и братъ справлялся по своимъ лѣтамъ и тучности хорошо, но Даргомыжскому вздумалось подтрунить надъ нимъ, и онъ, бывъ въ первой парѣ, затѣялъ фигуру, въ которой кавалеръ долженъ становиться на колѣни. Самъ онъ очень легко и ловко сдѣлалъ ее, но когда дошла очередь до брата, онъ съ трудомъ сталъ на колѣни, подняться же рѣшительно не могъ; всѣ дамы бросились поднимать его, смѣхъ былъ общій, а Даргомыжскій стоялъ въ сторонѣ и «злокачественно» улыбался; братъ въ шутку сказалъ ему: «Вѣдь ты надо мною съехидничалъ!...» Конечно, мазурка тѣмъ и кончилась, и ёлка съ нею. Началась музыка: братъ съ Даргомыжскимъ играли въ 4-ре руки, потомъ всѣ пѣли по очереди и вмѣстѣ; благодаря выдумкѣ брата, всѣ мы провели вечеръ очень пріятно. Въ это время пріѣхалъ къ брату Улыбышевъ съ М. А. Балакиревымъ, и потомъ послѣдній бывалъ у насъ довольно часто. Братъ предсказывалъ Балакиреву блестящую музыкальную будущность.

Дѣвочка моя стала немного больше и братъ часами занимался съ нею, рисовалъ ей, разсказывалъ сказочки, иногда игралъ, пѣлъ съ нею. Видно было, что она даетъ ему развлеченіе, и онъ вообще дѣтей уже такого возраста очень любилъ, за то какъ искренно не терпѣлъ новорожденныхъ и вообще очень маленькихъ (своихъ дѣтей у него никогда не было). Послѣ праздниковъ онъ занемогъ, и до начала апрѣля не выходилъ изъ комнаты; тутъ-то онъ сочинилъ послѣдній романсъ свой,

по неотступной просьбѣ Павлова, на слова его: «Не говори, что сердцу больно отъ ранъ чужихъ.»

Брата посѣщали по прежнему; по прежнему же производили разныя музыки; кто именно посѣщалъ брата, всѣхъ не упомню, но знаю, что въ это же время Даргомыжскій представилъ брату В. Н. Кашперова, который былъ не долгое время въ Петербургѣ. Онъ приходилъ къ брату спрашивать совѣта на счетъ музыкальныхъ дѣлъ своихъ (онъ занимался музыкою). Братъ полюбилъ его, и потомъ въ Берлинѣ уже они видались ежедневно. Еще зимою братъ измѣнилъ свое намѣреніе ѣхать въ Варшаву и рѣшилъ поселиться въ Берлинѣ.

27 апрѣля было назначено днемъ его отъѣзда. Алексѣй Прох. Чаруковскій выхлопоталъ брату казенную карету и почтальона, контрбасистъ филармоническаго общества, г. Мемель охотно взялся проводить брата до Берлина, чтобы повидаться съ своими родными. Начались хлопоты по этому случаю. За день до отъѣзда пришолъ В. В. Стасовъ, и сказалъ мнѣ, что не худо бы снять портретъ съ брата; потому что въ теченіи 14-ти лѣтъ, съ самаго 1842 года, когда былъ сдѣланъ литографическій портретъ, помѣщенный при «Русланѣ», мы не имѣли ни одного портрета брата. Я поблагодарила его за эту мысль и попросила предупредить г. Левицкаго, что мы будемъ завтра въ часъ. Я была увѣрена, что упрошу брата поѣхать со мною, и точно братъ, хотя не совсѣмъ охотно, но согласился; итакъ, ежели мы имѣемъ хорошій портретъ брата послѣднихъ лѣтъ его жизни, то этимъ обязаны В. В. Стасову; у меня столько было заботъ объ отъѣздѣ брата, что навѣрно мнѣ не пришло бы въ голову снять портретъ его.

Наступило и 27-е апрѣля 1856 г. Въ часъ по полудни братъ вмѣстѣ со мною и В. В. Стасовымъ сѣли въ карету, и мы проводили отъѣзжавшаго до заставы. У заставы братъ вышелъ изъ кареты, простился съ нами, потомъ плюнувъ, сказалъ: «Когда бы мнѣ никогда болѣе этой гадкой страны не видать!»

На возвратномъ пути мы все говорили о томъ, какъ бы сдѣлать, чтобы братъ къ зимѣ возвратился въ Петербургъ; я знала, что это невозможно, да даже, бывши свидѣтельницею всего тяжелого, что братъ переиспыталъ, перестрадалъ и перечувствовалъ за эти два года, я бы и не рѣшилась просить его

пріѣхать. Онъ сильно и глубоко чувствовалъ малѣйшія непріятности; несчастная семейная жизнь его развила въ немъ нервную чувствительность до высшей степени; музыка его была ему дорога, и послѣ семейной катастрофы стала еще дороже, а что же онъ видѣлъ въ Петербургѣ? «Жизнь за Царя» итальянцы вытѣснили съ Большого театра на Александринскій. Опера эта давалась съ полнымъ пренебреженіемъ во всѣхъ отношеніяхъ, и когда давалась? или въ табельные дни,—не по музыкѣ, а по имени оперы, или когда по чему-нибудь нельзя было давать другихъ оперъ (неразучены были, или кто боленъ), а для «Жизни за Царя» не нужно было даже репетицій! Въ этомъ отношеніи она до сихъ поръ служитъ подставкой. Братъ не разъ говорилъ мнѣ, что́ изъ «Руслана» онъ можетъ сдѣлать десять такихъ оперъ, какъ «Жизнь за Царя», и всѣ дѣльно понимающіе музыку тоже ставятъ эту оперу несравненно выше «Жизни за Царя». Еще онъ говорилъ мнѣ: «Поймутъ твоего Мишу, когда его не будетъ, а «Руслана» черезъ сто лѣтъ»; но, предсказаніе его осуществилось раньше этого времени.

И такая опера была совершенно изгнана изъ репертуара, должно быть за негодностію! Этого мало: иные изъ пріятелей брата позволяли себѣ, для краснаго словца, конечно, на аристократическихъ вечерахъ, разсказывать про брата разныя некрасивыя вещи, а другіе считали обязанностію передавать это брату. Все это страшно его тревожило, и я увѣрена, что не только въ Берлинѣ, но даже въ Варшавѣ онъ былъ покойнѣе, потому что все непріятное было отдалено отъ него и онъ не видалъ и даже не слыхалъ ничего такого, что̀ бы могло раздражить его.

Иногда онъ въ письмахъ спрашивалъ меня, идутъ ли и какъ его оперы и пр., но я, не имѣя сообщить ему ничего пріятнаго, оставляла его вопросъ, какъ будто не замѣтила его. Надо было видѣть и слышать, какъ шла тогда «Жизнь за Царя», чтобы имѣть понятіе, до чего можно исказить хорошую музыку. Теперь дѣло другое: въ послѣдніе годы начали обращать вниманіе на русскую оперу, и благодаря Е. Ф. Направника, оперы исполняются добросовѣстно. Тутъ могу привести я изрѣченіе, слышанное мною года три тому назадъ. Въ разговорѣ о музыкальномъ дѣлѣ, одно изъ тогдашнихъ высокопоставлен-

ныхъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на театръ, сказало мнѣ: «Намъ все равно, кто сочинилъ, что̀ сочинилъ; для насъ тогда только музыка хороша, когда она приноситъ доходъ». Что же и говорить, ежели искусство превращено въ товаръ!

Вспоминаю еще, какъ однажды во время представленія «Руслана» были въ моей ложѣ знакомые и ужасно смѣялись при видѣ костюмовъ, говоря: что вѣрно изъ всѣхъ кладовыхъ вытащили ихъ для просушки....

II.

Жизнь Глинки въ Берлинѣ. — Предсмертное его письмо. — Разсказъ Дена о послѣднихъ дняхъ жизни Глинки. — Кончина его. — Похороны въ Берлинѣ. — Перевозъ его тѣла въ С.-Петербургъ. — Изданія его сочиненій. — Надгробный памятникъ.

1856—1857.

Братъ, по пріѣздѣ въ Берлинъ, поселился недалеко отъ Дена. Вскорѣ пріѣхалъ туда В. Н. Кашперовъ съ женою, и нанялъ квартиру тоже близко отъ брата. Скоро по пріѣздѣ его, я ему писала и просила продолжать записки (копія которыхъ была съ нимъ). Онъ мнѣ отвѣтилъ, что записокъ продолжать не будетъ, потому что нечего писать, что писавши аккуратно разъ въ недѣлю онъ мнѣ сообщаетъ все, что случается съ нимъ...

Въ самомъ дѣлѣ, онъ велъ жизнь чрезвычайно тихую, покойную и однообразную; часы его были распредѣлены, какъ и въ Петербургѣ: каждое утро онъ работалъ съ Деномъ, или готовилъ то, что Денъ задавалъ ему (онъ хотѣлъ непремѣнно пройти весь курсъ церковныхъ тоновъ съ Деномъ). У него были двѣ ученицы пѣнія и онъ занимался съ ними, равно и съ женою Кашперова, пѣніемъ; съ самимъ Кашперовымъ занимался инструментовкой; гулялъ, бывалъ въ театрѣ, слышалъ Бетховена, Глука, и былъ въ восторгѣ отъ оркестра и хоровъ, также слыхалъ квартеты, словомъ недостатка въ музыкѣ не было. Но больше всего занимала его работа съ Деномъ; онъ отдался ей совершенно, и потомъ написалъ 2 фуги; радовался очень, что избавленъ отъ посѣтителей «съ каплей яда на языкѣ», какъ писалъ и говаривалъ онъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ очень доволенъ и покоенъ въ Берлинѣ въ продолженіи десяти мѣсяцевъ, которые прожилъ тамъ. Иногда онъ жаловался на погоду, на здоровье, но на людей никогда. Кромѣ обыкновенныхъ

посѣтителей, Дена, Каншеровыхъ, двухъ учениць и доктора, его посѣщалъ Мейерберъ, и всѣ русскіе путешественники, которые проѣзжали черезъ Берлинъ. Его предположеніе было остаться въ Берлинѣ до мая 1857 г.; онъ надѣялся къ тому времени пройти съ Деномъ все, что ему было нужно; въ маѣ я должна была пріѣхать къ нему въ Берлинъ и тамъ уже рѣшить вмѣстѣ, гдѣ поселиться на житье. Предполагалось ѣхать или въ Италію или въ южную Францію, туда, гдѣ нѣтъ моря; братъ моря не любилъ, думая, что оно ему вредно; равно не любилъ Швейцаріи, говоря, что горный вѣтеръ для него невыносимъ.

Планы наши судьба разрушила.

Вотъ послѣднее письмо, полученное отъ брата отъ $\frac{27}{15}$ января 1857 года:

«Спѣшу сообщить тебѣ двѣ пріятныя вѣсти. 1) На дняхъ уѣхалъ въ Петербургъ состоящій при здѣшнемъ посольствѣ, священникъ В. П. Полисадовъ и охотно взялся доставить тебѣ кипарисный ящичекъ премило отдѣланный перламутромъ, съ двумя шелковыми платочками. Если получишь, то прибереги до дня рожденія нашей Оли, а въ день самаго ея рожденія отдай ей, поздравь отъ меня и скажи, что я ее помню и люблю и если доживу до ея дѣтокъ, то и имъ буду добрый родной. 2) $\frac{21}{9}$ января исполнили въ Королевскомъ дворцѣ извѣстное Тріо изъ Жизни за Царя: Ахъ не мнѣ бѣдному сиротинушкѣ. Пѣла партію Петровой по справедливости любимая здѣшней публикой М-me Вагнеръ, она была въ ударѣ и пропѣла очень, очень удовлетворительно. Оркестромъ управлялъ Мейербееръ, и надо сознаться что онъ отличнѣйшій капельмейстеръ во всѣхъ отношеніяхъ. Я также былъ приглашенъ во дворецъ гдѣ пробылъ болѣе четырехъ часовъ. Чтобы понять важность этого событія для меня, надобно знать что это единственный концертъ въ году, tout en grand gala: публики было отъ 500 до 700 особъ все залито золотомъ и сверкало бриліантами. Если не ошибаюсь полагаю, что я первый изъ Русскихъ достигшій подобной чести. Письма Мейербеера какъ доказательство что я самъ не навязывался и статьи журналовъ доставлю въ самомъ непродолжительномъ времени. Фуги тоже скоро будутъ переписаны и высланы.

«Умоляю добрыхъ пріятелей не сѣтовать, что не пишу, у меня

Снимокъ съ собственноручнаго предсмертнаго письма Михаила Ивановича Глинки къ сестрѣ его Людмилѣ Ивановнѣ Шестаковой, изъ Берлина, отъ 27/15 Января 1857 г.

Глинка начинаетъ письмо такъ: ,,спѣшу сообщить тебѣ двѣ пріятныя вѣсти.“ Первая—состоитъ въ подаркѣ, посланномъ Глинкою дочери Людмилы Ивановны, — подарокъ былъ отправленъ съ о. В. П. Полисадовымъ, — а вторая новость высказана въ нижеслѣдующихъ строкахъ, снятыхъ съ подлинника:

(Смотр. на оборотѣ.)

21/9 Января исполнили въ Королевскомъ дворцѣ извѣстное Тріо изъ Жизни за царя: Ахъ не мнѣ бѣдному сиротинушкѣ. Пѣла партію Петровой по справедливости любимая здѣшней публикой Mlle Вагнеръ, она была въ ударѣ и пропѣла очень очень удовлетворительно. Оркестромъ управлялъ Мейерберъ и надо сознаться что онъ отличнѣйшій капельмейстеръ во всѣхъ отношеніяхъ. Я также былъ приглашенъ во дворецъ гдѣ пробылъ болѣе четырехъ часовъ. Чтобы понять важность этого событія

для меня нѣдобно знать что
это единственной концертъ
въ году, tout en grand gala: публики были отъ 500 до 700 особъ
въ заметно золотомъ и сверками
бриліантами. Если не ошибаюсь
полагаю что я первой изъ
Русскихъ достигнути подобного
чести.

Письмо Мейербира какъ доказательство что я самъ не навязывался и статьи журналовъ
доставлю въ самомъ непродолжительномъ времени.

Руслан скоро будетъ переписано и вышлю

Умоляю добрыхъ пріятелей
не сътовать что не пишу,

Письмо оканчивается жалобою на нездоровье, на дурную погоду, поклономъ всѣмъ домашнимъ и поцѣлуемъ сестрѣ и племянницѣ. Подписано: „Твой вѣрный другъ и братъ Michel."

Настоящее письмо М. И. Глинки есть предсмертное его посланіе. 3-го февраля 1857 года онъ скончался въ Берлинѣ.

Примѣчаніе. Настоящій снимокъ можетъ служить образцомъ приготовляемаго Ѳ. К. Опочининымъ и редакціей «Русской Старины» изданія «Сборника снимковъ съ писемъ замѣчательныхъ русскихъ дѣятелей XVIII и XIX вѣковъ.» Изданіе это печатается **А. А. Ильинымъ** *въ литографіи при его картографическомъ заведеніи.*

Дозволено цензурою С. Петербургъ, 24 сентября 1870.

Типографія А. Бенке,
по Екатерининскому каналу, д. графини Рибопьеръ № 107.

Литографія А. А. Ильина,
большая мастерская, въ собственномъ домѣ.

сильная простуда или триппъ, а время мерзкое, просто ничего не видать отъ тумана и снѣга.

«Прилагаю при семъ програму концерта. Усердный поклонъ всѣмъ домашнимъ, цѣлую тебя и Олю.

«Твой вѣрный другъ и братъ Michel»*).

Послѣ этого письма я получила отъ В. Н. Кашперова, написанное по просьбѣ брата, письмо отъ $\frac{\text{11 февраля}}{\text{30 января}}$ съ извѣстіемъ, что братъ сильно простудился, сильно кашляетъ, даже до рвоты; что опаснаго ничего нѣтъ, но что братъ очень слабъ и писать самъ не можетъ, что ему однако хотѣлось дать мнѣ вѣсточку о себѣ; что онъ не разсчитываетъ на скорую поправку, болѣзнь очень расходилась, но что они всѣ думаютъ, что брата Господь одарилъ такою сильною натурою, что жизнь возьметъ свое.

Потомъ долго я не имѣла извѣстій... почему они не присылали телеграммъ, не знаю... но уже 12 февраля, по нашему стилю, получено было извѣстіе, что братъ скончался 3 февраля въ 5-ть часовъ утра. Даже и о смерти его не увѣдомили телеграммою, а распорядились сами и похоронили въ Берлинѣ.

Первою мыслью моею было не оставить прахъ брата, дорогой для всѣхъ насъ, въ чужихъ рукахъ. Въ этомъ дѣлѣ помогъ мнѣ покойный Иванъ Матвѣевичъ Толстой; я отнеслась къ нему съ просьбою, испросить на это позволеніе государя императора.

Просьба увѣнчалась успѣхомъ, превзошедшимъ мои ожиданія. Государь Императоръ не только разрѣшилъ это, но милостиво вникъ въ тогдашнее мое положеніе, и приказалъ, чтобы всѣ хлопоты по этому дѣлу правительство взяло на себя, а разсчетъ издержекъ былъ произведенъ послѣ.

Все это я считаю величайшею для себя милостію. Братъ былъ погребенъ и надо было вырывать его; по именному повелѣнію, это дѣлалось какъ слѣдуетъ безъ препятствій; но иначе не знаю, было ли бы мнѣ возможно перевезти его. — Немедленно послѣ смерти брата я написала Дену и Кашперову, прося ихъ изложить мнѣ всѣ послѣднія слова, дѣйствія и желанія брата. Вотъ выдержки изъ письма Дена, въ переводѣ съ нѣмецкаго:

...... «Въ ноябрѣ еще 1856 года началъ Глинка жаловаться

*) Прилагаемъ точный снимокъ—второй и третьей страницъ этого письма.
Ред.

на недугъ, хотя, собственно говоря, не былъ боленъ. Весьма спокойный, опытный и добросовѣстный докторъ, медицинскій совѣтникъ Буссе, къ которому Глинка имѣлъ большое довѣріе, ничего не опускалъ изъ вниманія и такъ какъ онъ не поддавался замѣчаніямъ и сужденіямъ самого Глинки, то скоро нашелъ средства возстановить его, такъ что почти черезъ восемь дней Глинка могъ уже приступить къ ревностнымъ занятіямъ фугами, чтò ему доставляло особенное удовольствіе. Отнюдь не стѣсняя его, я снова началъ мои прежнія съ нимъ занятія, употребляя ежедневно отъ двухъ до трехъ часовъ частію на упражненія, частію на чтеніе о церковныхъ тонахъ, которые я ему изъяснялъ по книгѣ Царлино Institutioni harmoniche. Годъ такимъ образомъ почти кончился и Глинка успѣлъ сочинить 2 фуги и началъ пріобрѣтать критическій взглядъ на Clavecin bien tempéré С. Баха, это его очень радовало. Большое удовольствіе доставило ему и то обстоятельство, что, по старанію Мейербера, е. в. король приказалъ исполнить въ большомъ придворномъ концертѣ, который бываетъ только однажды въ годъ, сцены съ віолончелью изъ большой глинкиной оперы. Эта прекрасно задуманная и мастерски сочиненная сцена была принята высокою публикою, собравшеюся въ числѣ около 800 персонъ, со всеобщимъ сочувствіемъ и быть можетъ даже и теперь, по смерти композитора, вызоветъ постановку всей его оперы. При выходѣ изъ жаркихъ комнатъ королевскаго замка, въ которыхъ Глинка очень страдалъ отъ жары, онъ сильно простудился и уже раннимъ утромъ на слѣдующій день позвалъ меня къ себѣ и жаловался на свое состояніе. По дорогѣ я зашелъ къ доктору и попросилъ его придти къ Глинкѣ, но объяснить свое посѣщеніе такъ, какъ будто онъ зашелъ, проходя мимо, или затѣмъ, чтобы освѣдомиться объ успѣхѣ вчерашняго концерта. Докторъ тотчасъ же призналъ сильную простудную лихорадку и предписалъ горячую ванну. Теплая ванна вызвала обильный потъ и Глинка тотчасъ же почувствовалъ себя хорошо, и только страдалъ отъ необыкновенно сильнаго насморка; черезъ нѣсколько дней мы уже сидѣли съ нимъ за письменнымъ столомъ или за фортепьяно, продолжая наши занятія фугами. Около этого времени, онъ должно быть получилъ, откуда не знаю, какія-то непріятныя извѣстія, потому что сдѣлался раздражителенъ и я нерѣдко прихо-

дилъ къ нему по 4 и по 5 разъ въ день, чтобы его развлечь, такъ что я больше проводилъ время у него, чѣмъ у себя дома. Онъ все сбирался сообщить мнѣ что-то важное, но все отговаривался въ такихъ выраженіяхъ: «pour communiquer cette affaire, elle n'est pas encore assez mure; donc plus tard, peut-être en quelques jours». Хотя я ясно видѣлъ, что у него что-то лежитъ на сердцѣ, но не надоѣдалъ ему разспросами. Въ тѣлесномъ его состояніи я не замѣчалъ ничего опаснаго, потому что находилъ его всегда готовымъ къ работѣ и научнымъ разговорамъ, лишь только мнѣ удавалось анекдотами и т. п. разогнать его хандру (mürrische laune). Между тѣмъ я постоянно просилъ врача обращать вниманіе на состояніе Глинки и вообще тщательно за нимъ наблюдать. Такъ прошла первая половина января, и въ это время произошло только то, что я выдавалъ Глинкѣ неоднократно большія суммы денегъ, которыя онъ, по его словамъ, отсылалъ. *) Куда онъ отсылалъ эти деньги, я до сихъ поръ не знаю, и такъ какъ я считалъ нескромнымъ объ этомъ спрашивать, то и молчалъ. Къ началу второй половины января Глинка началъ жаловаться на сильную боль около печени и на совершенную потерю аппетита. Скоро онъ опять захандрилъ, такъ что мнѣ тяжело становилось занимать его по нѣскольку часовъ ежедневно; наконецъ онъ объявилъ мнѣ, что не можетъ быть покоенъ до тѣхъ поръ, пока я не отпущу лакея, что онъ имѣетъ свои причины, по которымъ онъ имъ недоволенъ; при этомъ впалъ въ гнѣвъ и даже ярость. Чтобы не увеличить этого возбужденнаго настроенія, я тотчасъ же отпустилъ человѣка, и когда снова вошелъ въ его комнату съ этимъ извѣстіемъ, онъ сдѣлался кротокъ, любезенъ и сталъ дурачиться съ самымъ прекраснѣйшимъ настроеніемъ духа. До поздней ночи проговорили мы съ нимъ и уходя, я поручилъ его на эту ночь попеченію его хозяевъ. На слѣдующее утро весьма рано опять явился его хозяинъ и попросилъ меня отъ имени Глинки сейчасъ же къ нему придти, такъ какъ онъ нехорошо себя чувствуетъ. Пока я поспѣшно одѣвался, я отправилъ хозяина за докторомъ и когда пришелъ къ Глинкѣ, то уже засталъ доктора у постели, на которой лежалъ Глинка, крайне истощенный безсон-

*) У Дена находились на сохраненіи всѣ деньги брата. Л. Ш.

ной ночью, въ продолженіе которой его непрерывно рвало. Нѣсколько порошковъ привели его въ болѣе спокойное состояніе; старый опытный докторъ полагалъ, что ночное состояніе произошло отъ особаго страданія печени. Я оставилъ его только тогда, когда пришли сидѣлки; онѣ уложили Глинку въ постель, съ которой онъ, къ сожалѣнію, уже болѣе не всталъ. Скоро посѣтилъ его врачъ и выразилъ надежду, что больной скоро поправится, и что нѣтъ никакихъ признаковъ опасности. Между тѣмъ рвота не прекращалась и тѣлесная слабость увеличилась; духомъ же онъ былъ бодръ и веселъ, такъ что, уснувши нѣсколько, онъ говорилъ со мной о своихъ работахъ и опять дурачился (machte farçeur). Такое состояніе продолжалось безъ перемѣны до 13 (1) февраля. Въ этотъ день я пробылъ у него до ночи. Глинка шутилъ и говорилъ о своихъ фугахъ. 14 (2-го) февраля, утромъ, я нашелъ его очень утомленнымъ и, къ сожалѣнію, совершенно безучастнымъ ко всему, о чемъ я съ нимъ ни заговаривалъ. Докторъ, который навѣщалъ его ежедневно по нѣскольку разъ, объявилъ, что болѣзнь внезапно приняла другое направленіе, что жизнь больного въ опасности, но что при своемъ необыкновенно сильномъ тѣлосложеніи больной умретъ не вдругъ. Онъ прописалъ еще лекарство, которое Глинка принялъ охотно, между тѣмъ какъ въ теченіи нѣсколькихъ дней онъ не бралъ ничего, кромѣ небольшого количества шампанскаго то съ водой, то безъ воды. Своему достойному доктору наговорилъ онъ самыхъ непріятныхъ вещей, которыя тотъ выслушалъ молча, не прерывая ни своихъ наблюденій, ни попеченій о больномъ. 15 (3-го) утромъ, около шести часовъ, хозяинъ Глинки поднялъ меня съ постели извѣстіемъ, что нашъ другъ около часу тому назадъ умеръ внезапно, но совершенно спокойно. Я тотчасъ же поспѣшилъ къ умершему, сдѣлалъ необходимыя распоряженія: послалъ депешу въ Веймаръ за тамошнимъ русскимъ священникомъ (здѣшній уѣхалъ); представилъ подлежащимъ властямъ данное докторомъ свидѣтельство о смерти; написалъ вамъ нѣсколько строчекъ и затѣмъ устроилъ все, что нужно для погребенія. 17 (5-го) тѣло, съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формальностей, въ присутствіи врача анатомировано. Глинка часто и настойчиво этого требовалъ, поставивъ мнѣ это въ обязанность и взялъ съ меня въ томъ обѣщаніе. Диссекція указала, что Глинка умеръ вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія,

такъ-называемаго ожирѣнія печени и что при этихъ условіяхъ онъ, ни въ какомъ случаѣ, не могъ долго жить. Вотъ свѣдѣнія о послѣднихъ недѣляхъ жизни Глинки. Его разговоръ былъ ясенъ до послѣдней минуты; любимѣйшей его мечтой было уѣхать осенью въ Италію и тамъ провести зиму въ окрестностяхъ Комо; онъ говорилъ объ этомъ даже наканунѣ своей смерти. За нѣсколько часовъ до смерти, такъ около полуночи, онъ потребовалъ подаренный ему матерью образокъ, поцѣловалъ его молча, горячо молился, сталъ кротокъ и спокоенъ и остался такъ до той минуты, когда смерть внезапно его поразила.

«18 (6-го) февраля было погребеніе, при которомъ присутствовали Мейерберъ, одинъ чиновникъ русскаго посольства, Бульшталь, Каппперовъ, скрипачъ Грюнвальдъ, который игралъ ему гайдновскіе квартеты, концертный дирижеръ Бееръ, хозяева и я; двѣ русскія дамы, которыхъ я не зналъ, были жены священниковъ здѣшняго и веймарскаго.

«Сообразно съ вашимъ желаніемъ, я поставилъ временно простой памятникъ на его могилѣ изъ силезскаго мрамора съ такою надписью: «Michail von Glinka. Kaiserlicher russischer Kapellmeister. Geb. 20 Mai 1804 zu Spasskoe, Guv. Smolensk. Gest. 15 Februar 1857 zu Berlin»......

...«Любопытную черту въ жизни Глинки составляло нерасположеніе къ политическимъ писателямъ, которые писали противъ Россіи. Если заходила рѣчь объ нихъ, то онъ раздражался до ярости, такъ что я не разъ опасался удара. Вечеромъ, когда это случалось, трудно было его успокоить. Чтобы избѣжать подобныхъ случаевъ, я не допускалъ никакихъ политическихъ разговоровъ и напоминалъ посѣтителямъ, что зонтики, калоши и политику они должны оставлять за дверями. Эта шутка удавалась, и Глинка тотчасъ же успокоивался. Если же онъ самъ начиналъ разговоръ о политикѣ, то обыкновенно съ нимъ соглашались и не противорѣчили ни въ чемъ. Въ началѣ зимы часто случалось, что онъ по 8—12 дней не выходилъ изъ комнаты; тогда я устроивалъ ему квартеты, бралъ съ собой жену и свояченицу и Глинка былъ въ такихъ случаяхъ любезенъ до-нельзя. Нерѣдко случалось, что мы должны были повторить сполна какой-нибудь неизвѣстный ему квартетъ; желая доставить ему удовольствіе, мы охотно это

исполняли, а онъ каждый разъ благодарилъ насъ со слезами на глазахъ».......

Въ это время уѣзжалъ за границу В. П. Энгельгардтъ; онъ взялся напечатать тамъ нѣсколько партитуръ увертюръ Глинки, которыя и посвящены мною Мейерберу, Листу, Берліову и Дену; отъ себя же Энгельгардтъ распорядился переводомъ текста 20-ти лучшихъ романсовъ брата на французскій, нѣмецкій и итальянскій языки; онъ напечаталъ и посвятилъ ихъ извѣстной пѣвицѣ Pauline Viardot. Энгельгардтъ присутствовалъ въ Берлинѣ при отрытіи тѣла брата; когда начали вырывать гробъ, онъ распался; Энгельгардтъ прислалъ мнѣ въ письмѣ нѣсколько цвѣтковъ, бывшихъ въ гробу моего брата.

Въ придворной Конюшенной церкви, съ соизволенія Государя Императора, была совершена панихида съ придворными пѣвчими. При этомъ от. Г. П. Полисадовъ, состоявшій долго въ Берлинѣ при русскомъ посольствѣ, и бывавшій тамъ у брата, который любилъ его и дорожилъ его бесѣдами, случайно въ это время пріѣхавшій въ Петербургъ, сказалъ небольшую, но полную чувства рѣчь о Глинкѣ. Потомъ въ Филармоническомъ обществѣ данъ былъ концертъ, составленный изъ сочиненій брата; концертъ вышелъ очень удаченъ. Въ это-же время я просила Дена прислать мнѣ вещи, бывшія самыми близкими брату: образокъ, портретъ Оли, фамильный перстень и, между прочимъ, шлафрокъ, который братъ очень любилъ и въ которомъ умеръ. Черта любопытная: Денъ, присылая всѣ тѣ вещи, о которыхъ я просила, не прислалъ шлафрока. «Не посылаю халата потому», писалъ г. Денъ съ сообразительностью вполнѣ нѣмецкою, «что халатъ слишкомъ старъ и вы изъ него никакого употребленія не можете сдѣлать.»

1857 г. 21 мая, утромъ, я, на пароходѣ, въ сопровожденіи близкихъ брату людей, отправилась въ Кронштадтъ. 22 мая пришолъ пароходъ съ тѣломъ брата. Въ тотъ же день вечеромъ, безъ всякой торжественности, тѣло брата перевезено въ Невскій монастырь, въ церковь Лазаря. Тамъ сняли ящики и оказался темнодикій или чорный высокій деревянный гробъ безъ всякихъ украшеній. Желалъ ли такъ братъ или это обыкновеніе въ Берлинѣ, но только форма гроба была чрезвычайно высокая, да и цвѣтъ его усиливалъ еще болѣе тяжелое ощущеніе.

На слѣдующій день, рано утромъ я распорядилась оббить гробъ золотымъ глазетомъ, а въ вечерню многіе изъ близкихъ брата принесли его въ Духовскую церковь, гдѣ 24 мая, послѣ литургіи, и совершено отпѣваніе. Братъ и въ церкви, равно какъ и на пристани, не оставался одинъ ни на минуту.

24 мая я раньше назначеннаго часа поѣхала въ Невской, чтобы заранѣе убрать гробъ и могилу брата цвѣтами. Не успѣла я начать свое дѣло, какъ въ церковь вошелъ Осипъ Аѳанасьевичъ Петровъ, и мы вмѣстѣ съ нимъ навѣшивали гирлянды, и мнѣ было отрадно, что именно Осипъ Аѳанасьевичъ, котораго братъ мой такъ любилъ и уважалъ,—помогалъ мнѣ въ этомъ.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ объ изданіяхъ сочиненій брата, которыя переходили изъ рукъ въ руки.

Въ самомъ началѣ братъ продавалъ свои произведенія Смирдину, потомъ г. Гурскалину, собственнику музыкальнаго магазина подъ фирмою «Одеонъ», отъ котораго они перешли къ г. Стелловскому, впрочемъ не всѣ; есть романсы проданные г. Бернарду и другимъ.

Цѣль моя послѣ смерти брата состояла всегда въ томъ, чтобы стараться распространить его музыку. Для этого сдѣлала я условіе съ г. Стелловскимъ, по которому передала ему всѣ непроданныя прежде братомъ и мною сочиненія за 25 руб. Цифра эта была назначена потому, что безъ оцѣнки я не могла сдѣлать формальнаго акта: всякій, кто хотя немного знаетъ дѣло, пойметъ это. Вслѣдъ за этими 25 р. въ условіи было сказано, что я обязана дать г. Стелловскому 1000 рублей, по представленіи мнѣ въ назначенное время корректуръ, чтобы основательно исправить ихъ и не допускать въ печати искаженій или пропусковъ. Давала же я г. Стелловскому 1000 р. потому, что очень хорошо знала, что печатанье партитуръ оперъ брата ему не могло принести большой выгоды, такъ какъ не многіе покупаютъ подобныя вещи. Видя, что прошелъ срокъ условія, а г. Стелловскій не исполняетъ его, я хотѣла ускорить это дѣло, но онъ, согласившись сначала поручить М. А. Балакиреву печатаніе оперъ за границею, на весьма выгодныхъ, мною ему предложенныхъ условіяхъ, вдругъ неожиданно вмѣсто того началъ со мною процессъ, который кончился не въ пользу г. Стелловскаго. Жаль, что изъ-за всѣхъ этихъ дрязгъ страдаетъ музыка брата. Но

партитура «Руслана» должна быть напечатана, и будетъ. Эта лучшая и любимая опера брата.

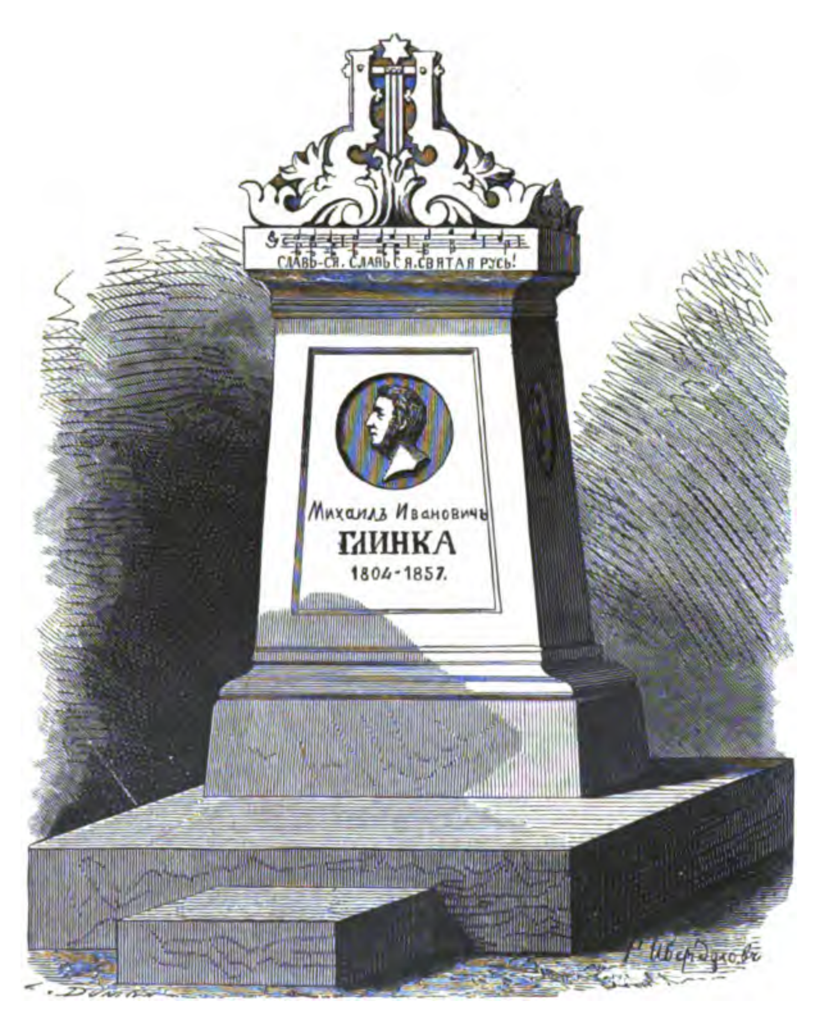
Вскорѣ послѣ смерти брата надъ его могилою былъ поставленъ памятникъ, по рисунку академика И. И. Горностаева, монументнымъ мастеромъ Деннеисомъ. Медальонъ съ портретомъ брата въ профиль, помѣщенный на монументѣ, сдѣланъ съ силуэта, снятаго въ 1842 году съ тѣни на бумагу. Этотъ медальонъ исполненъ молодымъ талантливымъ скульпторомъ Лаверецкимъ, и пройденъ, по просьбѣ В. В. Стасова, распоряжавшагося устройствомъ памятника, скульпторомъ Пименовымъ, учителемъ Лаверецкаго. Памятникъ вышелъ художественный по мысли и исполненію *). Памятникъ, поставленный по моей просьбѣ въ Берлинѣ надъ могилою брата, и по моему же желанію оставленный на его бывшей могилѣ, былъ цѣлъ въ проѣздъ мой через Берлинъ въ 1862 г.

1870 г. 13 сентября. Людм. Шестакова.

14-го ноября сего года С. Петербургское Собраніе Художниковъ устроило въ залѣ Дворянскаго Собранія большой концертъ въ пользу фонда на сооруженіе памятника Глинкѣ. Этотъ концертъ по истинѣ можетъ быть названъ торжественною тризною по геніальномъ русскомъ художникѣ. М. А. Балакиревъ управлялъ музыкальною частью; лучшіе пѣвцы и пѣвицы русской оперы принимали участіе въ этомъ вполнѣ русскомъ празднествѣ. На концертѣ исполнялись произведенія только одного Глинки. О. А. Петровъ принялъ отъ Распорядительнаго Комитета Собранія Художниковъ лавровый вѣнокъ и увѣнчалъ имъ, при оглушительныхъ рукоплесканіяхъ многочисленной публики, бюстъ Глинки. Всеобщій восторгъ, выраженный въ эту торжественную минуту,— былъ какъ бы искупленьемъ, за то постыдное равнодушіе, которое встрѣчало въ Петербургскомъ обществѣ произведенія творческаго генія Глинки — при его жизни. Ред.

---

*) Прилагаемъ его рисунокъ, онъ же помѣщенъ въ «Всемірной Иллюстраціи», гдѣ, кстати замѣтимъ, перепечатаны значительные отрывки изъ «Записокъ Глинки», помѣщенныхъ въ «Русской Старинѣ». Ред.

ПАМЯТНИКЪ НА МОГИЛѢ

М. И. ГЛИНКИ

въ Александро-Невскомъ монастырѣ, въ Петербургѣ.

Печатня В. Головина, у Владимірской, д. № 15.

Отрывокъ изъ письма М. И. Глинки къ Н. В. Кукольнику, изъ Парижа. 15 февраля 1845 года *).

.... «Случай свелъ меня съ нѣсколькими милыми людьми, и въ Парижѣ я нашелъ немногихъ, но искреннихъ и талантливыхъ пріятелей. Самая примѣчательная для меня встрѣча это безъ сомнѣнія съ Берліозомъ; изучить его произведенія, столь порицаемыя одними и столь превозносимыя другими,—было однимъ изъ моихъ музыкальныхъ предположеній въ Парижѣ. Случай мнѣ вполнѣ благопріятствовалъ. Я не токмо слышалъ музыку Берліоза въ концертахъ и на репетиціяхъ, но сблизился съ этимъ первымъ, по моему мнѣнію, композиторомъ нашего вѣка (разумѣется, въ его спеціальности), сколько можно сблизиться съ человѣкомъ, до крайности эксцентрическимъ. И вотъ мое мнѣніе: Въ фантастической области искусства никто не приближался до этихъ колоссальныхъ и вмѣстѣ всегда новыхъ соображеній. Объемъ въ цѣломъ, развитіе подробностей, послѣдовательность, гармоническая ткань, наконецъ оркестръ могучій и всегда новый—вотъ характеръ музыки Берліоза. Въ драмѣ, увлекаясь фантастической стороною положенія, онъ неестественъ и слѣдственно невѣренъ. Изъ слышанныхъ мною пьесъ: l'ouverture des franc-juges, la marche des pelerins de la symphonie Harold et le scherzo la reine Mab ou la fée des songes, также Dies irae и tuba mirum изъ Requiem произвели на меня неописанное впечатлѣніе. У меня теперь нѣсколько неизданныхъ манускриптовъ Берліоза, кои изучаю съ невыразимымъ наслажденіемъ.

*) Въ дополненіе къ запискамъ Михаила Ивановича Глинки и воспоминаніямъ его сестры, считаемъ не лишнимъ присоединить отрывокъ изъ одного письма Глинки, появившагося надняхъ въ газетѣ «Музыкальный Сезонъ» 1870—1871 гг., № 2. Письмо это весьма замѣчательно: въ немъ Глинка высказываетъ свой взглядъ на произведенія представителя французской музыки, Берліоза, судитъ вообще о музыкальномъ искусствѣ и о музыкальной драмѣ; высказываетъ предположенія относительно дальнѣйшихъ своихъ трудовъ въ области музыки, подробно говоритъ о громадномъ концертѣ въ Парижѣ, данномъ подъ управленіемъ Берліоза, на которомъ выполнены предъ всемірною столицей произведенія русскаго художника. (См. о томъ же «Русск. Стар.», 1870 т. II стр. 423—425). Отчетъ Глинки о концертѣ въ Парижѣ интересно сопоставить съ тѣмъ торжествомъ, которымъ сопровождалось исполненіе его произведеній въ Берлинѣ. (См. въ этой же книгѣ «Рус. Стар.» стр. 624). Въ концѣ концовъ выходитъ то, что геній Глинки, при жизни его, гораздо болѣе оцѣнили лучшіе представители искусства въ Парижѣ и въ Берлинѣ,—нежели въ Россіи, которая только теперь, болѣе двѣнадцати лѣтъ спустя по его кончинѣ, начинаетъ гордиться своимъ Глинкой и сооружаетъ въ честь его монументы!

Ред.

Мое мнѣніе о консерваторіи я сообщилъ Гейденрейху, съ тѣмъ, чтобы онъ передалъ тебѣ. Прибавлю, что я слышалъ оркестръ консерваторіи, играли la symphonie pastorale — превосходно, но слишкомъ. Подробности исполняютъ съ такимъ утонченіемъ, такъ нарядно, что вредитъ цѣлому.

Афишки, посланныя тебѣ, и журналы безъ сомнѣнія уже тебя извѣстили о моихъ дебютахъ въ Парижѣ. Сообщу тебѣ нѣсколько подробностей. Въ 3-мъ концертѣ Берліоза арія Въ поле чистое произвела огромный эффектъ. Соловьева сначала немного сбилась, но потомъ поправилась и пропѣла превосходно. Лезгинка, передѣланная съ двухъ оркестровъ на одинъ, хотя огромный, утратила множество эффектовъ и, какъ отъ расположенія оркестра, такъ и отъ дурного исполненія, не произвела того впечатлѣнія, на которое я разсчитывалъ съ Берліозомъ, ибо онъ самъ выбралъ эту пьесу, ему очень понравившуюся. Въ 4-мъ концертѣ Берліоза, Соловьева пѣла гораздо хуже, а въ моемъ такъ оробѣла, въ дуэтѣ des puritains, что не могла продолжать остальныхъ нумеровъ. Marras поправилъ дѣло, вызвавшись пропѣть, сверхъ программы, Cavatine изъ Elisir, которую исполнилъ превосходно. 52 музыканта итальянскаго оркестра разыграли мои пьесы превосходно, и онѣ были приняты публикою очень, очень благосклонно, въ особенности scherzo (мой Павловскій вальсъ) чрезвычайно понравился, его издаютъ здѣсь, равно какъ и романсъ desiderio.

Опыты переводовъ не удались, и я былъ вынужденъ ограничить свои дебюты этими незначущими пьесами въ концертахъ, гдѣ музыка должна быть понятна съ перваго раза,. и здѣсь надобно исполнять пьесы несложныя; сверхъ того я не хотѣлъ иначе начать, какъ пьесами написанными въ Россіи и для Россіи. Поэтому ce succès d'oiseau de passage для меня теперь достаточенъ, тѣмъ болѣе, что Берліозъ, Герцъ и нѣкоторые другіе читали мои партитуры, и огромная статья Берліоза обо мнѣ въ „Journal des Débats" убѣдитъ тебя въ томъ, что мое авторское самолюбіе вполнѣ удовлетворено. Гречъ сообщитъ въ „Сѣверную Пчелу" краткое описаніе моего концерта съ переводомъ и подлинникомъ письма Берліоза, написаннаго мнѣ за двѣ недѣли до концерта, которое можетъ служить доказательствомъ искренности его мнѣнія обо мнѣ.

Въ итогѣ я чрезвычайно доволенъ своимъ путешествіемъ. Парижъ городъ чудесный—разнообразіе умственныхъ наслажденій неистощимо, жить можно какъ хочешь, и я не помню эпохи въ своемъ существованіи пріятнѣе этихъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Въ художественномъ отношеніи изученіе музыки Берліоза и здѣшней публики привело

меня къ чрезвычайно важнымъ результатамъ. Я рѣшился обогатить свой репертуаръ нѣсколькими (и если силы позволятъ) многими концертными пьесами для оркестра, подъ именемъ Fantaisies pittoresques. Доселѣ инструментальная музыка дѣлилась на два противоположныхъ отдѣла: квартеты и симфоніи, цѣнимые немногими, устрашаютъ массу публики своими глубокими и сложными соображеніями; а особенно такъ-называемые концерты, варьяціи и пр. утомляютъ ухо несвязностью и трудностью. Мнѣ кажется, что можно соединить требованія искусства съ требованіями вѣка и, воспользовавшись усовершенствованіемъ инструментовъ и исполненія, писать пьесы, равно докладныя знатокамъ и простой публикѣ. Я уже принялся за дѣло—соображаю coda для марша Черномора: онъ очень здѣсь понравился, но безъ coda не можетъ удовлетворить слушателей. Въ Испаніи примусь за предположенныя Fantaisies—оригинальность тамошнихъ мелодій будетъ мнѣ значительною помощью, тѣмъ болѣе, что доселѣ это поприще никѣмъ проходимо не было и, кромѣ оригинальности, для моей необузданной фантазіи надобенъ текстъ или положительныя данныя. Увижу на мѣстѣ, можно ли затѣять оперу въ испанскомъ родѣ, во всякомъ случаѣ постараюсь передать въ звукахъ свои впечатлѣнія......»

Выдержки изъ записокъ Н. В. Кукольника.

Вотъ что мы находимъ въ неизданныхъ запискахъ покойнаго Нестора Васильевича Кукольника по поводу полученія въ Петербургѣ извѣстія о смерти Глинки... «Въ Петербургъ вѣсть о смерти Глинки прилетѣла чуть не на крыльяхъ. Я зналъ моихъ русскихъ патріотовъ, я помнилъ какъ равнодушно потеряли они Брюлова, такъ что, кромѣ газетъ, никто и не замѣтилъ, что умеръ Карлъ Великій въ живописи. Никакого публичнаго изъявленія, соболѣзнованія. Неужели и съ Глинкой будетъ тоже? Никакого сомнѣнія, если ихъ не заставить насильно исполнить долгъ свой.—Я написалъ къ А. Ѳ. Львову довольно теплое письмо, въ которомъ требовалъ почтить память Глинки торжественною панихидою въ Казанскомъ соборѣ, давая разумѣть, что если онъ откажетъ, то пойду другимъ путемъ. Львовъ принялъ мой вызовъ и рапортъ министру былъ написанъ. Колебались дать разрѣшеніе, однакожъ дали, но не въ Казанскомъ соборѣ, о чемъ Львовъ и не просилъ, а въ придворной Конюшенной церкви. Написали объявленіе, въ которомъ сказано, что «гг. придворные пѣвчіе, увѣдомясь о кончинѣ своего сослуживца, вознамѣрились отслужить панихиду», и пр. Я уничтожилъ это нелѣпое объявленіе, написалъ другое, тепленькое и послалъ Львову, а тотъ въ подлинникѣ къ Владиміру Панаеву. Несчастный идилликъ двадцатыхъ годовъ, подъ гнетомъ звѣздъ, честей и лѣтъ, нашелъ невозможнымъ говорить о музыкантѣ съ увлеченіемъ и объявленіе напечатали въ примирительномъ тонѣ, т.-е. тѣже пѣвчіе служили панихиду, но Глинку дозволено назвать «знаменитымъ композиторомъ», и 23 февраля, въ 2 часа пополудни, Конюшенная церковь на-

полнилась почитателями таланта покойнаго. Изъ высшаго міра было нѣсколько дамъ, баронъ М. А. Корфъ и кн. П. А. Вяземскій...... Случайно въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Берлина о. Полисадовъ, еще 10-го января бесѣдовавшій съ Глинкой; онъ сказалъ надгробную рѣчь, довольно приличную и занимательную, по крайней мѣрѣ кстати, хоръ придворныхъ пѣвчихъ прогремѣлъ: со святыми упокой, великолѣпно, и я, получивъ нѣкоторое удовлетвореніе, воротился домой успокоенный, что, волей неволей, заставилъ отдать покойному публичную честь. Между тѣмъ, младшее поколѣніе друзей Глинки, желая дѣйствовать и съ своей стороны независимо, устроили музыкальную панихиду. Филармоническое общество согласилось одинъ изъ своихъ концертовъ обратить въ память Глинки. Это со стороны нѣмцевъ было истинное пожертвованіе. На филармоническіе концерты перестали ходить, а тутъ такая вѣрная и выгодная приманка. Программу концерта разъ десять передѣлывали *)... Публики собралось на концертъ много, но изъ высшихъ слоевъ общества тотъ же кн. Вяземскій былъ представителемъ аристократовъ... Бѣжать отъ нихъ! Бѣжать хоть на время, потому что обстоятельства приковали мои ноги къ этой землѣ, на которой есть жители, но нѣтъ еще граждань. Бѣдные люди! Бѣдная Россія!....»

«Я надѣялся собрать о Глинкѣ свѣдѣнія въ Берлинѣ, въ особенности отъ Дена. Но этотъ красный нѣмецъ неохотно говорилъ о Глинкѣ, и то что говорилъ, неутѣшало меня. Денъ, вмѣсто разсказовъ, ссылался на подробное письмо къ В. П. Энгельгардту, гдѣ онъ (см. выше) въ подробности описалъ послѣдніе дни жизни Глинки. Только и узналъ я, что за двѣ недѣли до смерти, Глинка взялъ слово съ Дена, если умретъ, непремѣнно его анатомировать, что Деномъ и исполнено. Нашли печень чрезъ мѣру отолщенную, а желудокъ крошечный. Глинка умеръ съ голоду: двѣ недѣли не могъ принимать пищи. При самомъ моментѣ смерти Дена не было. Не знаю почему похоронили его далеко, больно далеко, на троицкомъ кладбищѣ, въ рядахъ, какъ рядоваго и то осьмымъ. На похоронахъ былъ и Мейерберъ и какой-то знаменитый берлинскій музыкальный критикъ. И это выдавалъ мнѣ Денъ, какъ за великую честь, оказанную Глинкѣ. Другой почетъ,—что въ библіотекѣ у него хранится экземпляръ quasi-полныхъ сочиненій Глинки, въ грошевомъ переплетѣ, на который онъ не упустилъ обратить моего особеннаго вниманія. Я догадался, что этотъ переплетъ составилъ третью честь, оказанную Глинкѣ. Жаль Глинки! такой другъ не могъ спасти его, хотя смертельная необходимость его болѣзни подозрительна. Отолщеніе печени—успѣшно лечитъ Карльсбадъ, что доктора и совѣтывали.....»

Сообщ. И. А. Пузыревскій.

---

*) Что не помѣшало однако концерту 15 марта 1857 г. быть весьма интереснымъ и удачнымъ. Вотъ его программа: I отд. Увертюра и интродукція изъ «Руслана и Людмилы»; арія Руслана, молитва съ хоромъ, арія Людмилы, арія Фарлафа, хоръ дѣвъ, маршъ Черномора, Лезгинка. II отд. Хота; дуетъ: «Вы не придете вновь», Valse fantaisie, арія Гориславы, Камаринская, хоръ «Славься» изъ «Жизни за Царя» Въ поясненіе этой программы необходимо прибавить, что «Русланъ» не давался до того времени на сценѣ съ 1844 или 1845 г., слѣдовательно въ теченіи 12—13 лѣтъ, Хота же исполнялась до того времени раза два или три, такъ что для значительной части публики, эти произведенія Глинки были почти совершенною новостью.

Сообщ. В. В. Никольскій.

СТЕПАНЪ ИВАНОВИЧЪ ШЕШКОВСКІЙ.

(Род. 1720 г. ум. 1794 г.).

Трудно предполагать, чтобъ кому-нибудь изъ читателей „Русск. Стар.“ не было извѣстно имя Степ. Ив. Шешковскаго, начальника Тайной Канцеляріи въ 1780—1790 гг. Вотъ отрывокъ изъ замѣтки о немъ почти современника его, П. А. Радищева, сына извѣстнаго автора „Путешествія изъ Петербурга въ Москву“ *).

„Низкій происхожденіемъ, воспитаніемъ и душевными качествами, Шешковскій былъ грозою столицы. Ему была препоручена Тайная Канцелярія и этотъ Великій Инквизиторъ Россіи исполнялъ свою должность съ ужасною аккуратностью и суровостью. Онъ дѣйствовалъ съ отвратительнымъ самовластіемъ и суровостью, безъ малѣйшаго снисхожденія и состраданія. Шешковскій самъ хвалился, что знаетъ средства вынуждать признанія; а именно, онъ начиналъ тѣмъ, что допрашиваемое лицо хватитъ палкой подъ самый подбородокъ, такъ что зубы затрещатъ, а иногда и повыскакаютъ. Ни одинъ обвиняемый при такомъ допросѣ не смѣлъ защищаться, подъ опасеніемъ смертной казни (?). Всего замѣчательнѣе то, что Шешковскій обращался такимъ образомъ только съ знатными особами (?), ибо простолюдины были отдаваемы на расправу его подчиненнымъ. Такимъ образомъ вынуждалъ Шешковскій признанія. Наказаніе знатныхъ особъ онъ исполнялъ своеручно. Розгами и плетью онъ сѣкъ часто. Кнутомъ онъ сѣкъ съ необыкновенною ловкостью, приобрѣтенною частымъ (?) упражненіемъ. Однажды кн. Потемкинъ, послѣ продолжительнаго отсутствія возвратившійся въ Петербургъ, замѣтивъ между явившимися къ нему посѣтителями Шешковскаго, спросилъ у него при всѣхъ: много ли въ его отсутствіе онъ пересѣкъ персонъ изъ своихъ рукъ? Тотъ, однакоже, устыдясь, благодарилъ уклончиво за такую милостивую насмѣшку **). По дѣлу о каррикатурахъ и ругательныхъ сочиненіяхъ въ семидесятыхъ годахъ, нѣсколько придворныхъ особъ были у него въ передѣлкѣ. Въ С.-Петербургѣ у него было много дѣла всякій день, однакоже онъ былъ посылаемъ и въ другіе города. Когда, напримѣръ (это очень часто случалось), многими недовольными въ Москвѣ были говорены неприличныя рѣчи и это дошло до свѣдѣнія императрицы, она (въ девяностыхъ годахъ) полагала въ нихъ видѣть сѣмена возмущенія и старалась его подавить. Она прислала

---

*) Эта замѣтка передана мнѣ въ 1860 году П. А. Радищевымъ. Онъ скончался въ 1868 или 1869 году, слишкомъ 80 лѣтъ отъ роду. П. Ю.

**) Пушкинъ тоже упоминаетъ объ этомъ, говоря, что Потемкинъ спрашивалъ Шешковскаго: «каково кнутобойничаешь, Степанъ Иванычъ?» — «По маленьку, по маленьку, ваша свѣтлость!» отвѣчалъ тотъ, потирая руки. П. Ю.

туда Шешковскаго. Вся Москва вострепетала и это дѣло, по оштрафованіи нѣсколькихъ лицъ, было оставлено. Онъ былъ человѣкъ очень набожный: каждый день въ обѣдню вынимали для него три просфоры.... Въ 1790-хъ годахъ Шешковскій былъ тайный совѣтникъ и кавалеръ ордена св. Владиміра 2-й ст. Онъ былъ чрезвычайно богатъ, ибо при каждомъ случаѣ получалъ подарки деньгами и крестьянами. Въ 1793 г., при заключеніи мира съ Турціею, онъ получилъ ежегодную пенсію въ 2000 р., хотя и нимало миру не содѣйствовалъ".

„Неизвѣстно, жилъ ли Шешковскій при Александрѣ I-мъ", говоритъ въ заключеніе П. А. Радищевъ. Объ этой неизвѣстности мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Какъ ни громка и какъ, если можно такъ выразиться, ни чувствительна для современниковъ дѣятельность лицъ, подобныхъ Шешковскому, но они, по большей части, какъ-то совсѣмъ незамѣтно стушевываются и исчезаютъ, оставляя по себѣ только слѣдъ въ непріятныхъ воспоминаніяхъ. Такъ случилось и съ Шешковскимъ: долго не было указаній — какъ, когда и куда онъ исчезъ. Герценъ первый замѣтилъ, что Шешковскій сходитъ со сцены и исчезаетъ въ царствованіе императора Павла. Это перешло и въ нашу печать, такъ что годъ тому назадъ мы прочли подобную фразу въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, хотя еще въ 1866 г. было напечатано въ „Русскомъ Архивѣ" письмо къ вдовѣ Шешковскаго отъ гр. Самойлова, помѣченное 1794 годомъ.

Во II-мъ томѣ „Русской Старины" 1870 г. (стр. 399) Академикъ Я. К. Гротъ, въ статьѣ о П. С. Потемкинѣ, опровергаетъ указаніе на то, что будто Потемкинъ умеръ въ 1796 г. скоропостижно послѣ свиданія съ Шешковскимъ, и для удостовѣренія, что Шешковскаго въ 1796 г. уже не было въ живыхъ, указываетъ на упомянутое письмо Самойлова. Между тѣмъ въ печати уже былъ указанъ не только годъ, но и день смерти Шешковскаго. А именно, болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ напечатано было мною о времени смерти Шешковскаго, но вѣроятно изданіе, въ которомъ помѣщена моя замѣтка мало, распространено, а потому позволяю себѣ повторить это указаніе:

На Невскомъ кладбищѣ почти рядомъ похоронены два писателя, враждовавшіе между собою цѣлую жизнь, не столько впрочемъ по литературнымъ, сколько по служебнымъ отношеніямъ своимъ: оба они служили у И. П. Елагина и старались „выбить" одинъ другого изъ благорасположенія своего начальника—это Фонъ-Визинъ († 1792) и Лукинъ († 1794). Надъ ними поставлены очень невзрачные памятники и фонвизинскій уже почти разрушился. Въ серединѣ, раз-

дѣляя ихъ, возвышаются два массивныхъ гранита. На одномъ надпись: „Подъ симъ камнемъ погребенъ Тайный Совѣтникъ и Святаго Равноапостольнаго Князя Владиміра второй степени кавалеръ Степанъ Ивановичъ Шешковской. Житія его было 74 года, 4 мѣсяца и 22 дня. Служилъ отечеству 56 лѣтъ. Скончался 1794 года, Маія 12 дня". Подъ вторымъ гранитомъ похоронена его жена „Аліона Петровна, умершая 7 авг. 1805 г." и памятникъ поставленъ дочерью Шешковскихъ, Марьей Степановной, въ замужествѣ Митусовой: „Тайнаго Совѣтника Сенатора и Кавалера Митусова супругою".

Вотъ послужной списокъ Шешковскаго, насколько онъ намъ извѣстенъ изъ адресъ-календарей. На 1765, 1766 и 1767 г. Шешковскій значится: 1-го Департамента Сената при Тайной Экспедиціи; надворный совѣтникъ; въ статской службѣ съ 1739 г., въ чинѣ съ 12 апрѣля 1764 г.; слѣдующій чинъ получилъ 4 янв. 1767 г. и съ 1768 г. значится оберъ-секретаремъ. Статскимъ совѣтникомъ съ 8 декабря 1775 г. Въ календарѣ на 1781 г. находимъ его дѣйств. ст. сов., а въ Спискахъ на 1791 годъ уже тайнымъ совѣтникомъ (съ 1 янв.), „при особо порученныхъ отъ ея императорскаго величества дѣлахъ".

Въ „спискахъ" встрѣчается еще Иванъ Шешковскій, сначала адъютантъ, поручикъ преображенскаго полка (въ службѣ съ 1770 г.), потомъ съ 1 янв. 1791 г. «бригадиръ не у дѣлъ», по 1795 г. Не сынъ ли это Ст. Ивановича, отличавшійся, по словамъ Гельбига, познаніями, добрымъ нравомъ и кроткимъ обращеніемъ? **П. А. Ефремовъ.**

Замѣтка о портретѣ Пугачева. Къ Х-й книгѣ «Русской Старины» приложенъ портретъ Пугачева, сдѣланный, по словамъ редакціи, съ портрета находившагося при 1-мъ изд. «Исторіи Пугачевскаго бунта». Въ изд. Пушкина Пугачевъ правою, скованной рукой держитъ на груди два звѣна массивной цѣпи; а на портретѣ «Рус. Стар.» руки Пугачева какъ будто вытянуты по швамъ и вся грудь просто прикрыта тулупомъ. Тоже ли это? **П. Е.**

Указаніе почтеннаго нашего сотрудника справедливо, но мы и не имѣли въ виду рабски копировать положеніе фигуры Пугачева; довольно того, что лицо Пугачева — передано до мельчайшихъ чертъ вѣрно съ Пушкинскаго изданія,— въ вѣрности ручается искусство Л. А. Сѣрякова, который и рисовалъ, и гравировалъ портретъ нашего изданія; но поднимать руку Пугачева мы не считали нужнымъ, потому что поза эта не могла быть естественною, и едва ли не выдумана живописцемъ, чтобы напомнить, что-де это сидитъ каторжникъ, притомъ и мѣста у насъ на гравюрѣ не было, такъ какъ внизу портрета помѣщены снимки съ печати и подписи Пугачева.

Кстати о его портретѣ. Н. И. Путиловъ намъ сообщилъ, что принадлежащій ему портретъ Пугачева копированъ въ Москвѣ, съ оригинала, принадлежащаго Н. П. Ермолову. На копіи есть надпись:

„Современный портретъ съ слѣдующей надписью: Емельянъ Пугачевъ, родомъ изъ казацкой станицы нашей, православной старообрядческой вѣры. Принадлежитъ той вѣры Ивану Пр...орову. Писалъ ликъ сей 1774 г., сентября 25 дня".

Эта надпись вполнѣ утверждаетъ насъ въ мнѣніи, высказанномъ на 417 стр. т. II «Рус. Стар.», а именно, что портретъ этотъ есть фантастическій; онъ сдѣланъ въ угоду старообрядцу и годъ, и число конечно вымышлены. Что же касается до портрета — Пушкинскаго изданія, то въ имѣющемся у насъ

письмѣ Пушкина къ Д. Н. Бант.-Каменскому, отъ 1 мая 1834 г., есть прямое показаніе, что портретъ Пугачева награвированъ по распоряженію Пушкина. Цензура однако въ 1834 г. не пропустила портр. Пугачева и онъ выплылъ на свѣтъ Божій лишь въ 1860 г. на толкучкѣ, откуда одинъ экземпляръ поступилъ и въ наше собраніе. **Ред.**

Письмо маіора Андрея Искры къ гр. Платону Алексан. Зубову. 11-го февраля 1794 г.

Помѣщаемое здѣсь письмо Искры напечатано, по другому списку, въ «Русскомъ Архивѣ» 1869 г. (столб. 1566), но тамъ нѣтъ примѣчанія Бантыша-Каменскаго, которое значительно усиливаетъ и интересъ, и значеніе документа. **Ред.**

«Сіятельнѣйшій графъ! Порываемый ревностію услужить государству, прадѣдъ мой, полковникъ Искра намекнулъ про измѣну Мазепы; но за то голову и имѣніе потерялъ какъ шапку. Въ тотъ моментъ пояснилась истинна; но голова—не картузъ, снявши, не надѣнешь.

«Государь, поправя ошибку, своею особою предалъ землѣ прахъ страдальца и наслѣдникамъ возвратилъ то имѣніе въ Украинѣ. Послѣ, Украину отдалъ полякамъ, а наслѣдникамъ обѣщалъ дать въ замѣну въ Малой Россіи. Но тѣ были тогда малолѣтны: покуда возмужали, государь скончался. И тогда, и теперь—все равно: вездѣ пишутъ, что наградить насъ должно, но ничего не даютъ. Это древность, графъ.

«Я просился изъ военной въ гарнизонную, а меня отставили въ чистую; словно какъ будто бы то въ награжденіе, чтобъ за долговременную и безпорочную службу околѣлъ съ голоду. Это, графъ, прошедшее.

«Я сюда доѣхалъ то изъ дружбы на облучку, то, по нуждѣ, на долгихъ. Годъ мѣсто былъ въ поясъ и подъѣзжалъ на извощикахъ; другой и третій—боролся съ голодомъ, а теперь уже и премудрость не помогаетъ, кромѣ развѣ Діогену въ слѣдъ. Служить негдѣ, а дома жить не у чего. Вотъ это настоящее, графъ. Но то для вельможи не новизна, а для чувствительной души сострàданіе. Ваша — преисполнена сей доброты, такъ помогите мнѣ. Вѣкъ времени проходитъ! Правительствовавшій въ Малой Россіи гетманъ и генералъ-губернаторъ тамошній, а наконецъ и сенатъ за то отшедшее имѣніе присудили наградить насъ; но и по днесь еще мы въ чаяніи будущихъ благъ.

«Докладъ сената два года лежалъ у г. Державина, хотя и послѣдовала всевысочайшая резолюція о воздаяніи намъ; а теперь нѣсколько мѣсяцевъ лежитъ у г. Попова, которому императрица именно и точно повелѣть благоволила взнесть и доложить,—а я все хлебаю завтраки.

«Братъ мой, тоже маіоръ, подъ Анапою сдѣлался безъ руки; а у меня хотя и обѣ уцѣлѣли, но только для того развѣ, чтобъ протягивать въ тактъ подъ визгъ: подайте, Христа ради! И тогда, когда въ цѣлое столѣтіе кровь предковъ, потъ и увѣчье потомковъ непрерывныя суть жертвы ревности!

«Сіятельнѣйшій графъ! ревнитель сей истины и у престола ходатайствуешь о ней, заступи насъ! Едино слово ваше сдѣлаетъ больше, нежели столѣтіе, и если мы незабвенны будемъ у васъ, то вы незабвенны будете у Вседержителя. Благъ бо мужъ щедрый и родъ его вознесется во славу».

Примѣчаніе Дм. Ник. Бантышъ-Каменскаго: «Это оригинальное письмо доставило Искрѣ тысячу крестьянъ. Въ надеждѣ получить соразмѣрную награду, потомокъ сотника Ковальки, участвовавшаго въ доносѣ на Мазепу и за то наказаннаго кнутомъ и ссылкою, Павелъ Ивановичъ Ковалько, обратился къ императору Павлу I съ просьбою о вознагражденіи и имѣлъ неосторожность упомянуть объ оказанномъ благодѣяніи императрицею Екатериною II маіору Искрѣ. На просьбѣ послѣдовала слѣдующая собственноручная резолюція государя: «объявить просителю, что если онъ не уймется, то съ нимъ также будетъ поступлено, какъ и съ его предкомъ».

«Передано мнѣ Павломъ Ивановичемъ Ковалькою». **В.-К.**

Сообщ. **Н. Д. и Е. Д. Бантышъ-Каменскіе.**

Поправка. На стр. 528-й т. II «Русской Старины», въ статьѣ Н. В. Гоголя: «Два носа», строка 16-я снизу, сдѣлана грубая опечатка: напечатано **не можно**, читай: **не мочно**.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

встрѣчающихся

ВЪ „РУССКОЙ СТАРИНѢ"

1870 года.

Въ изданіяхъ, подобныхъ „Русской Старинѣ," предназначенныхъ, между прочимъ, для того, чтобы служить справочною книгою при занятіяхъ исторіею, долженъ быть необходимою принадлежностью тщательно и систематически составленный „Указатель личныхъ именъ". Поэтому, редакція „Русской Старины", при его составленіи, придерживалась слѣдующихъ основаній:

1-е, чтобы всѣ личныя имена, встрѣчающіяся въ вышедшихъ до сихъ поръ нумерахъ „Русской Старины", были внесены въ „Указатель", хотя бы то лицо, о которомъ упоминается, и не имѣло само по себѣ никакого особаго значенія. Редакція признавала это нужнымъ въ виду того, что указаніе на подобныя лица можетъ иногда способствовать повѣркѣ историческихъ фактовъ, или же, до извѣстной степени, установленію между ними послѣдовательности и связи;

2-е, чтобы при имени каждаго лица, вносимаго въ „Указатель", было означено то званіе, или то общественное положеніе, въ которомъ оно является въ данный моментъ, и относящійся къ этому годъ, если таковой показанъ въ текстѣ. Дополненія этого рода редакція признала полезными преимущественно для наведенія біографическихъ справокъ;

3-е, чтобы при именахъ лицъ, получившихъ болѣе или менѣе историческую извѣстность, были выставлены годы рожденія и смерти; такіе же годы выставлены и при именахъ всѣхъ вообще лицъ, помѣщенныхъ въ „Указателѣ", если только на страницахъ „Русской Старины" встрѣчаются относящіяся къ этому свѣдѣнія. Подобныя свѣдѣнія должны, во многихъ случаяхъ, устранять хронологическія ошибки при справкахъ.

4-е. Такъ какъ весьма часто случается, что въ какомъ нибудь документѣ, разсказѣ или замѣткѣ упоминается одна только фамилія какого нибудь лица, то, при составленіи „Указателя", было приложено стараніе къ тому, чтобы, посредствомъ разныхъ провѣрокъ и соображеній, опредѣ-

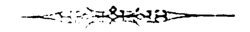
лить, о комъ именно идетъ рѣчь. Само собою разумѣется, что этого не всегда можно было достигнуть, но, по крайней мѣрѣ, редакція съ своей стороны сдѣлала въ этомъ отношеніи все, что отъ нея зависѣло.

5-е. При именахъ лицъ, замѣчательныхъ своею дѣятельностью, указаны главныя черты этой дѣятельности, для того, чтобы напраснымъ пріискиваніемъ по всѣмъ страницамъ, на которыхъ упоминается то или другое лицо, не обременять имѣющихъ надобность въ справкѣ о какомъ либо отдѣльномъ фактѣ, но прямо наводить ихъ на него. Простыя же упоминанія о лицахъ, хотя бы и историческихъ, но безъ указанія фактовъ, были сводимы въ общій перечень относящихся къ этому страницъ.

6-е. При именахъ лицъ, доставившихъ какія либо статьи, или матерьялы, означены подробныя заглавія и тѣхъ и другихъ, или же, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, объяснено ихъ содержаніе въ общихъ словахъ.

Наблюденіе за составленіемъ „Указателя", по нашей просьбѣ, принялъ на себя сотрудникъ „Русской Старины" Евгеній Петровичъ Карновичъ. Ред.

Примѣчаніе. Настоящій „указатель" относиться къ двумъ томамъ „Руск. Стар." 1870 г.; что же до тома приложенія, то указатель къ нему войдетъ въ общій указатель къ „запискамъ А. Т. Болотова", который и будетъ помѣщенъ при послѣднемъ томѣ этихъ записокъ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Аббондіо, Джіузеппа, квартирная хозяйка въ Миланѣ, изд. первое т. I, 566, 578, 585; изд. второе, 360, 372, 380.

Абрамовъ, декабристъ, т. II. 181, 185.

Абресковъ, тайн. сов., посланникъ въ Турціи. т. II, 128.

Абросимова, Екат. Петр., вдова штурм. офицера, изд. первое, т. I, 519; изд. второе, 254.

Августъ, принцъ Гольштинскій. 1728 г. изд. первое, т. I, 512, 514; изд. второе 405, 407.

Августъ II, король польскій, изд. первое, т. I, 402; изд. второе, 408.

Августъ III, король польскій, изд. первое, т. I, 91, 297, 402, изд. второе 408. т. II, 296.

Авдотья Ильинишна, мама царевны Анны Петровны; изд. первое, т. I, 514; изд. второе, 407.

Агѣевъ, полков. Донскаго полка. 1774 г. т. II, 250.

Агѣевъ, Егоръ, крестьянинъ. 1721 г. изд. первое, т. I, 296; изд. второе, 391.

Ададуровъ, Вас. Евдок. 1758 г. т. II, 198.

Адамовичъ, подполков. 1796 г. изд. первое, т. I, 33; изд. второе, 419.

Аделаида (Didina), изд. первое, т. I, 567, 578, 585; изд. второе, 361, 372, 380.

Аделина Н, т. II, 422, 425, 426, 459—461.

Аделунгъ, поручикъ. 1825 г. т. II, 158.

Адель, т. II, 419, 421.

Акуловъ, декабристъ, т. II, 184.

Алабова, начальн. 2-ой камеры малолѣт. отд. 1-го кадетс. корп. 1808 г. изд. первое, т. I, 419; изд. второе, 216.

Албычевъ, подполков. 1816 г. т. II, 206.

Алебесъ, Пепе, т. II, 436.

Александра Ѳедоровна, вел. кн., впослѣдствіи императрица. Проектъ манифеста о ея бракосочетаніи съ вел. кн. Николаемъ Павловичемъ. 1817 г. изд. первое, т. I, 147; изд. второе, 511—512; упом. изд. первое, т. I, 437 изд. второе, 514; т. II, 442.

Александрова, рожд. Щербатова, изд. первое, т. I, 418; изд. второе, 205,

Александровъ, Пав. Конст., ген.-адъют. изд. первое, т. I, 418; изд. второе, 205.

Александровы, т. II, 376, 377, 384.

Александръ I, императоръ. Полученные имъ приказы отъ Павла I въ 1796 г. изд. первое, т. I, 30—33; изд. второе, 417—419. Воспитаніе подъ руководствомъ Лагарпа, изд. первое, т. I, 34—44; 103—132; 407—419; изд. второе, 152—205; т. II, 161—174; 253—266. Письмо къ кн. М. Г. Голицыной, 1801 г.

изд. первое, т. I, 44—45; изд. второе, 440. Указъ Сенату по дѣлу помѣщ. Орлова. 1802 г., изд. первое, т. I, 46—47; изд. второе, 441. Рескрипты на имя кн. М. М. Голицына по дѣлу помѣщ. Побѣдинскаго. 1802—1803 гг. изд. первое, т. I, 47—48; изд. второе, 442—443. Необнародованный манифестъ о войнѣ Россіи съ Франціей въ 1812 г. изд. первое, т. I, 49—56; изд. второе, 447—454. Отвѣтъ императора на письмо гр. Румянцева. 1813 г. изд. первое, т. I, 59—60; изд. второе, 476—477. Записка къ А. С. Шишкову, 1813 г. изд. первое, т. I, 61—62; изд. второе, 477. Письмо къ гр. Алек. Андр. Аракчееву по поводу безпорядковъ въ семеновскомъ полку, 1820 г., изд. первое, т. I, 63—65; изд. второе, 480—481. Письма къ И. И. Бахтину. 1802 г. изд. первое, т. I, 132—136; изд. второе, 443—447. Проектъ манифеста о бракосочетаніи вел. кн. Николая Павловича. 1817 г. изд. первое, т. I, 146—147; изд. второе, 511—512. Отвѣтъ на докладную записку Шишкова 1824 г. изд. первое, т. I, 147; изд. второе, 512—513. Письма къ Голенищеву-Кутузову. 1805—1806 гг. изд. первое, т. I, 257—258; изд. второе, 488—490. Переписка съ гр. Аракчеевымъ, изд. первое, т. I, 345—347; изд. второе, 478—480. Отношенія къ гр. Аракчееву, изд. первое, т. I, 272—276; изд. второе, 241—247. Письмо къ А. И. Коновницыной, 1822 г. изд. первое, т. I, 438; изд. второе, 513. Письмо къ маркизу Паулучи. 1814 г. изд. первое, т. I, 461—462; изд. второе, 473—474. Воспоминанія А. П. Кернъ: три встрѣчи съ император. Александромъ I, изд. первое, т. I, 258—271; изд. второе, 227—240. О кончинѣ императора, изд. первое, т. I. 495; изд. второе, 248. Упом.: изд. первое, т. I, 103, 139, 143, 310, 316, 323, 325, 343, 348—351, 403, 426, 438, 445, 480, 499, 500; изд. второе, 209, 210, 213, 214, 420, 422, 482, 483, 505, 507, 508, 586; т. II, 77, 80, 93, 116, 132, 133, 205, 298, 307, 312, 319, 335, 366, 541.

Александръ Николаевичъ, наслѣдникъ, въ день 14-го Декабря 1825 г. т. II, 158, упомин. т. II, 437, 443, 613.

Алексѣевъ, Иванъ, купецъ, изд. первое, т. I, 67; изд. второе, 550.

Алексѣй, скрипачъ, изд. первое, т. I, 401, 562; изд. второе, 335, 357.

Алексѣй Михайловичъ, царь, т II, 41.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ, сынъ Петра I-го, † 1718 г. Письмо его къ кн. Ал. Дан. Меншикову. 1708 г., т. II, 12—13. Упом: изд. первое, т. I, 7; изд. второе, 395. т. II, 33, 37, 39, 76.

Альбедиль, начальница 5-й камеры малолѣт. отд. 1-го кад. корп. 1808 г. изд. первое, т. I, 419, 422; изд. второе, 216, 218.

Альбертранди, католическоій епископъ. 1784 г. т. II, 296.

Альбони, пѣвица, т. II, 87.

Альбрехтъ, капельмейстеръ. т. II, 386, 389.

Алябьевъ, композиторъ, изд. первое, т. I, 592; изд. второе, 386.

Амалія, принцесса, изд. первое, т. I. 512, 513; изд. второе, 405, 406.

Амалія, т. II, 458, 459,

Амвросій, архіепископъ москов. † 1771 г. изд. первое, т. I, 466; изд. второе, 544.

Ананьинъ, Степанъ, есаулъ донскаго казачьяго войска. 1708 г. т. II, 5.

Анастасевичъ, кол. сов. т. II, 565.

Ангальтъ, графъ, директоръ 1-аго кадетс. корп. изд. первое, т. I, 422; изд. второе, 218.

Ангальтъ-Цербстскій, князь, отецъ Екатерины II, изд. первое, т. I, 512; изд. второе, 405.

Ангелика (Анжелла), т. II, 441, 442.

Андреевичъ, декабристъ, т. II, 185.

Андреевскій, т. II, 511.

Андреевъ, декабристъ. т. II, 184.

Андреевъ, Ив. Никол., пѣвецъ, т. II, 59, 270, 286.

Андреевъ, Евтихій, инвалид. солд. 1831 г. изд. первое, т. I, 285; изд. второе, 279, 280.

Андреевъ, Потапъ, инвалид. солд. 1831 г. изд. первое, т. I, 286; изд. второе, 280.

Андрей, донской казакъ. 1708 г. т. II, 6.

Андреянова, танцовщица, т. II, 382.

Андрониковъ, князь, ген.-лейтен. т. II, 569.

Анкудиновъ, лейтен. 1854 г. изд. первое, т. I, 376; изд. второе, 310.

Анна Ивановна, императрица. Письмо къ кн. Сапѣгѣ. 1735 г. изд. первое, т. I. 297; изд. второе, 408. Восшествіе ея на престолъ и коронація, т. II, 47—50. Правленіе ея, т. II: 51—55. Кончина ея, т. II, 56. Уничтоженіе верхов. тайн. совѣта, т. II, 464. Упом.: изд. первое, т. I, 10, 11, 18, 20, 24, 79, 81, 95, 205, 402, 403, 465, 510, 516; изд. второе, 35, 36, 43, 44, 46, 55, 58, 72, 88, 142, 145, 403, 410, 544; т. II, 75, 100, 101, 106, 218, 219.

Анна Леопольдовна, правительница. Объявленіе правительницей, изд. первое, т. I, 84—85; изд. второе, 61. Погребеніе ея, 1746 г. изд. первое, т. I, 597—599; изд. второе, 410—412. Упом.: изд. первое, т. 1, 18, 19, изд. второе, 44; т. II, 55, 56, 100.

Анна Павловна, вел. княжна: р. 1757 г. изд. первое, т. I, 349; изд. второе, 568; т. II, 475.

Анна Петровна, цесаревна, дочь Петра I-го, † 1728 г. изд. первое, т. 1, 9, 510, 517; изд. второе, 35, 399, 403, 404; т. II, 40, 47, 116.

Анненкова, жена декабриста, т. II, 186.

Анненковъ, Ив. Алевсандр., декабристъ, т. II, 184.

Анрепъ, гвард. офицеръ. 1781 г. изд. первое, т. I, 300; изд. второе, 130.

Анрепъ, изд. первое, т. I, 245; изд. второе, 423.

Антипка, самозванный маіоръ, т. II, 523.

Антонъ Ульрихъ, герцогъ Браунштейгъ-Люнебургскій. О смерти его, 1776 г. изд. первое, т. I, 597—599; изд. второе, 410—412. Упом.: изд. первое, т. I. 84; изд. второе, 61; т. II, 55.

Антоновъ, Абрамъ, унт.-офиц. 1831 г. изд. первое, т. I, 283; изд. второе, 277.

Анучинъ, Д. Г., писатель, т. II, 398, 406.

Апахаровскій, стряпчій, т. II, 519.

Апраксина, гр. Агриппина Леонт., рожд. Соймонова; р. 1719, † 1771 г., ст.-дама въ 1756 г., т. II, 492.

Апраксина, гр. Анна Борис., рожд. кн. Голицына, т. II, 115.

Апраксина, гр. Марія Александровна, рожд. гр. Валленштейнъ, изд. первое, т. I, 304, 308; изд. второе, 134, 138.

Апраксинъ, гр. ген. крик.-коммис. изд. первое, т. I, 516; изд. второе, 410; т. II, 465.

Апраксинъ, гр. шутъ императр. Анны Ивановны, изд. первое, т. I, 80; изд. второе, 56.

Апраксинъ, гр. Александръ Петр., кап. русс. флота, т. II, 475.

Апраксинъ, гр. Ив. Александр., офиц. въ 1781 г., изд. первое, т. I, 304; изд. второе, 134.

Апраксинъ, гр. Петръ Алексѣев. 1745 г., т. II, 115.

Апраксинъ, Ст. Ѳед., ген. фельдмарш.; р. 1702, † 1760 г., т. II, 101, 103, 114, 198, 492, 493.

Апраксинъ, гр. Ѳед. Матв., ген.-адмир. 1708 г. т. II, 30, 34.

Апухтинъ, отставн. ген., изд. первое, т. I, 480; изд. второе, 341.

Аракчеевъ, гр. Алексѣй Анд., воен. мин.; † 1834 г. Письмо къ нему императ. Александра I, по поводу безпорядковъ въ Семеновскомъ полку, 1820 г., изд. первое, т. I, 63; изд. второе, 480. Балъ у него въ 1820 г., изд. первое, т. I, 147—149; изд. второе, 219—221. Черты изъ жизни его, изд. первое, т. I, 272—276; изд. второе, 241—245. Письма къ нему императора Александра I, изд. первое, т. I, 345—347; изд. второе, 478—480. Упом. изд. первое, т. I, 31—33, 352, 448, 499; изд. второе, 417—419, 455, 482, 512; т. II, 507, 508.

Араповъ, историкъ русскаго театра, т. II, 199.

Арбузовъ, декабристъ, т. II, 184.

Арбузовъ, Александр. Павл., контръ-адмир. Статья его: Оборона Петропавловскаго порта въ 1854 г. противъ англо-французской эскадры, изд. первое, т. I, 365 — 379; изд. второе, 298—313.

Аристовъ, полковн. войскъ Пугачева, т. II, 406, 411.

Арсеній, епископъ переяславскій, изд. первое, т. I, 10; изд. второе, 36.

Арсеньева, Варвара Мих., † 1730 г. оберъ-гофмейстерина въ 1727 г., т. II, 469.

Арсеньевъ, Андреянъ, ветеранъ. 1727 г. изд. первое, т. I, 296; изд. второе, 403.

Арсеньевъ, Конст. Иван., проф. географіи и статистики, изд. первое, т. I, 388; изд. второе, 322.

Артемовскій, пѣвецъ. 1837 г. т. II, 282, 286, 394.

Архаровъ, 1796—1798 г., генер.-аншефъ, московъ. оберъ-полиціймейстеръ; его распоряженія: о торгующихъ людьми и продающихъ своихъ въ рекруты, т. II, 515. Упом.: изд. первое, т. I, 273; изд. второе, 242; т. II, 358.

Астафьевъ, Алексѣй Николаевичъ, т. II, 63, 396, 445.

Ауэрспергъ, кн., австрійскій фельдм., изд. первое, т. I, 330, 331, 339; изд. второе, 496, 498, 505.

Афросимова, изд. первое, т. I, 264; изд. второе, 233.

Афросимовъ, подполковн. 1796 г., изд. первое, т. I, 33; изд. второе, 419.

Ахтіарскій, т. II, 565.

Ашъ, докторъ, изд. первое, т. I, 313, 314; изд. второе, 144.

Ашъ (de Ache), баронъ, секрет. при русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ въ 1762 г., изд. первое, т. I, 237; изд. второе, 120.

Аюкъ-ханъ, владѣтель астраханскихъ калмыковъ, т. II, 212.

Афанасій, старшина кубанск. казачьяго войска. 1708 г., т. II, 5.

Б.

Багаевъ, В. И., т. II, 384.

Багратіонъ, кн. Пет. Ив., ген.-лейтен. изд. первое, т. 1, 327, 343; изд. второе, 439, 505.

Базадонна, пѣвецъ, изд. первое, т. 1, 575; изд. второе, 370.

Базили, директоръ миланской консерваторіи, изд. первое, т. I, 566, 567; изд. второе, 361.

Базинъ, генер.: участіе его въ штурмѣ Карса, т. II, 594—601, 604, 605.

Баклановъ, хорунжій, т. II, 598.

Баклановъ, Як. Пет., ген.-лейт. Встрѣча его съ кавказскимъ намѣстникомъ Никол. Никол. Муравьевымъ, т. II, 567—568. Назначеніе его начальникомъ иррегулярной кавалеріи и походъ къ Карсу, т. II, 570 — 571. Набѣги его на турецкіе отряды, т. II, 574. Начальствованіе надъ летучими отрядами. т. II, 575 — 578. Отзывъ о немъ Муравьева, т. II, 579. Назначеніе командующ. отдѣльн. кавалер. отрядомъ, т. II 580—584. Разсказъ его о событіяхъ, предшествовавшихъ штурму Карса, и мнѣніе его объ этомъ штурмѣ, т. II, 586—593. Дѣйствія его во время штурма, т. II, 596 — 601. Свиданіе съ Муравьевымъ, т. II, 603. Назначеніе его начальникомъ блокадной линіи, т. II 604. Бесѣда съ главнокомандующ. т. II 605—609. Размолвка съ корпуснымъ командиромъ, т. II, 610. Упом.: т. II. 569, 572, 573, 594, 595.

Бакланъ-паша, прозв. ген. Бакланова. т. II, 582.

Бакунинъ, Пет. Вас. старшій, изд. первое, т. I, 321; изд. второе, 151.

Бакунинъ, Пет. Вас. младшій, тайн. сов., предсѣд. иностран. коллегіи, изд. первое, т. I, 316, 321; изд. второе 147, 151.

Балакиревъ, шутъ императр. Анны, изд. первое, т. I, 80; изд. второе, 56.

Балакиревъ, Милій Алексѣевичъ, композиторъ, т. II, 620, 631, 632.

Балашовъ, Александ. Дмитр., министръ

полиціи при Александрѣ I-мъ, изд. первое, т. I, 57.
Валкъ, Матр. Ѳед., рожд. Монсъ, статсъ-дама Екатерины I-й, т. II, 479, 480.
Валкъ, Пав. Ѳед., камергеръ, т. II, 480.
Валкъ, Пет. Ѳед., камеръ-пажъ, т. II, 480.
Валкъ, Ѳед. Никол., ген.-поручикъ †1739 г. т. II, 479.
Вантышъ-Каменскій, Дмитрій Никол. изд. первое, т. I, 8; изд. второе, 34, т. II, 398, 399, 407, 640.
Варанова, гр. Юлія Ѳед. гофмейстерина въ 1855 г. т. II, 477.
Варатынскій, Евг. Абр., поэтъ: пребываніе въ пажеск. корпусѣ, т. II, 201—207. Замѣтка о немъ и стихотв. т. II, 315.
Варбазанъ, домовладѣлецъ, изд. первое, т. I, 486; изд. второе, 348.
Варклай-де-Толли, главнокомандующій, изд. первое, т. I, 139, 276; изд. второе, 210, 245.
Варсуковъ, Н. П. Замѣтка о лѣтописцѣ Несторѣ, изд. первое, т. I, 165—166; изд. второе, 395—396.
Вартенева, Праск. Арсен., пѣвица—любительница, изд. первое, т. 1, 594; изд. второе, 389; т. II, 448, 613.
Вартеневъ, Пет. Ив., издатель кн. «XVIII Вѣкъ» изд. первое, т. I, 322; изд. второе, 420.
Варятинскій. кн. Иванъ, изд. первое, т. I, 309; изд. второе, 139.
Васаргинъ, декабристъ, т. II, 185.
Вассевичъ, гр. тайн. сов. изд. первое, т. I, 511, 514; изд. второе, 404, 407.
Вассевичъ, титуляр. камергеръ, изд. первое, т. 1, 515; изд. второе, 407,
Вассевичъ, граф., дочь тайн. совѣт. изд. первое, т. I, 513; изд. второе, 405.
Ватенковъ, Гавр. Степ., декабристъ, изд. первое, т. I, 605; изд. второе, 540; т. II, 184.
Ватманъ-клычъ, прозв. ген. Вакланова, т. II, 582.
Ваталліа (Battaglia), докторъ, изд. первое, т. I, 566, 569; изд. второе, 360. 363.
Ватуринъ, Никол. Серг., отстав. полков. т. II, 358.
Ватюшкова, Алекс. Никол., сестра поэта, изд. первое, т. I, 66, 67; изд. второе, 550.
Ватюшковъ, Конст. Никол., поэтъ; р. въ 1787 г. Письма его Н. И. Гнѣдичу, изд. первое, т. I, 65—71; изд. второе, 549—554.
Вахтинъ, Ив. Ив. ст. сов.; 1756 † 1818 г. Письма къ нему императ. Александра I-го, изд. первое, т. I, 132—136; изд. второе, 443—447.
Вахтинъ, Никол. Ив., членъ государств. совѣта, изд. первое, т. I, 64, 89, 133, 345; изд. второе, 65, 444, 445, 481; т. II, 530.
Вахтуринъ, Александ. Никол., правитель канцеляріи мин. путей сообщ. въ 1824 г. изд. первое, т. I, 475; изд. второе, 337.
Вахтуринъ, Конст. Александ. изд. первое, т. I, 477; изд. второе, 339.
Вачковъ, Филиппъ, секундъ-маіоръ, изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Вашуцкій, изд. первое, т. 1, 489; изд. второе, 351.
Веерь, профессоръ, т. II, 487.
Веерь, концерт. дерижеръ, т. II, 629.
Везана, пѣвецъ. изд. первое. т. I, 572; изд. второе, 367.
Везбородко, ген.-маіоръ, впослѣдствіи главный начальникъ почтъ въ Петербургѣ, изд. первое, т. I, 303, 321, изд. второе, 133, 151; т. II, 359, 361.
Везсоновъ, академикъ живописи, изд. первое, т. I, 395; изд. второе, 328.
Вейне, архитек. т. II, 428.
Вейлешовъ, Серг. Анд., т. II, 509, 510.
Велингъ, музыкантъ, т. II, 452.
Веллини, композиторъ, изд. первое, т. I, 567, 576, 580, 582, 584; изд. второе, 362, 370, 374, 376, 378.
Веллони, пѣвецъ, изд. перв., т. I, 476, 477, 485; изд. второе, 338, 339, 347.
Вельджіозо, графъ, изд. первое, т. I, 569; изд. второе, 363.
Вельджіозо, кн. Емиліо, изд. первое, т. I, 569; изд. второе, 363.
Вельджіозо, гр. Помпео, изд. первое,

т. I, 569, 583; изд. второе, 363, 378.

Бекъ, учитель музыки, изд. первое, т. I, 392, 396; изд. второе, 325, 330.

Бенедиктовъ, поэтъ, т. II, 293.

Бени, Маркъ, итальянскій купецъ, изд. первое, т. I, 86, 88, 89; изд. второе, 62, 65, 66.

Бенкендорфъ, гр. Александ. Христоф. ген.-адъют. Письмо къ нему митрополита Серафима. 1836 г. изд. первое, т. I, 577—578; изд. второе, 291–293. Умом.: изд. первое, т. I, 245, 606; изд. второе, 424, 574.

Бенкендорфъ, гр. Анна Юліана, рожд. Шиллингъ-фонъ-Канштадтъ, изд. первое, т. I, 605; изд. второе, 423.

Бенкендорфъ, гр. Конст. Христоф., начальникъ штаба жандармовъ, изд. первое, т. I, 523, 553, 606; изд. второе, 258, 424, 574.

Бенкендорфъ, гр. Соф. Ив., рожд. Левенштернъ, воспитательница дѣтей императ. Павла I изд. первое, т. I, 34, 418; изд. второе, 152 203.

Бенкендорфъ, Христоф. Иван., генер. отъ инфант. изд. первое, т. I, 605, 606; изд. второе, 423.

Беннигсенъ, ген. 1805 г. изд. первое, т. I, 333; изд. второе, 501.

Бервиль, штабсъ-ротм., изд. первое, т. I, 437; изд. второе, 513.

Бергери, Дютель, изд. первое, т. I, 22, 23; изд. второе, 48.

Бергеръ, піанистъ, изд. первое, т. I, 593; изд. второе, 387.

Бердниковъ, Ив., ротм. 1796 г. изд. первое, т. I, 31; изд. второе, 417.

Берендсъ, Густ. Анд., подполк. 1781 г. изд. первое, т. I, 815; изд. второе, 145.

Берестень, декабристъ, т. II, 185.

Берлингъ, савояръ, содержат. билліарда, т. I, изд. первое, 87; изд. второе, 63.

Берліозъ, Гекторъ, композ. т. II, 423—425.

Бернардъ, содер. музык. магаз., т. II, 631.

Бернетъ, литераторъ, т. II, 293.

Берсъ, докторъ, т. I, изд. первое, 564; изд. второе, 358; т. II, 393.

Бертольдъ, начальница 1-й камеры малолѣт. отд. 1-го кадет. корп. 1808 г. т. I, изд. первое, 419; изд. второе, 216.

Берхольцъ, составитель дневника, изд. первое, т. I, 514; изд. второе, 406.

Бестужевъ, гр. Алексѣй Петр. (1762 г.) изд. первое, т. I, 220, 224; изд. второе, 103, 107.

Бестужевъ, Александ. Александ. (псевд. Марлинскій), декабристъ; р. 1797 г., уб. на Кавказѣ 1837 г. Біограф. о немъ свѣдѣнія, изд. первое, т. I, 519–523; изд. второе, 253 — 255. Поступокъ съ нимъ офицера Д., изд. первое. т. I, 523; изд. второе, 557. Его содѣйствіе заговору 1825 г. изд. первое т. I, 525; изд. второе, 260. Придуманная имъ азбука для разговоровъ въ крѣпости, изд. первое, т. I, 359 — 360; изд. второе, 269.

Бестужевъ, Александ. Павл. изд. первое, т. I, 524; изд. второе, 259.

Бестужевъ, Александ. Ѳедос., стат. сов., издавав. въ 1798 г. «Санктпетербургскій журналъ»; р. 1762 † 1810 г. изд. первое, т. I, 519; изд. второе, 253.

Бестужевъ, Мих. Александ., декабристъ; р. 1800 г. Его записки о событіяхъ 14-го дек. 1825 г. изд. первое, т. I, 352–364; 518; изд. втор., 253; т. II, стр. 175.

Бестужевъ, Никол. Александ., декабристъ; р. 1791 † 1855 г.: пребываніе въ Кронштадтѣ, изд. первое, т. I, 519–520; изд. второе, 253 — 254; устройство имъ театра, изд. первое, т. I, 525; изд. второе, 260. Пребываніе въ крѣпости, изд. первое, т. I, 360; изд. второе, 270. Переговоры чрезъ стѣну съ братомъ Михаиломъ въ крѣпости, изд. первое, т. I, 361—362; изд. второе, 270 – 272. Попытка передать стѣнную азбуку А. И. Одоевскому, изд. первое, т. I, 364; изд. второе, 274.

Бестужевъ, Пав. Александ., декабристъ; р. 1806 † 1846 г.: его рожденіе, изд. первое, т. I, 519; изд. второе, 253. Заботы о братѣ Петрѣ и обращеніе в. кн. Михаила Павловича, изд. пер-

вое, т. I, 523—524; изд. второе, 258. Арестъ его и ссылка на Кавказъ, изд. первое, т. I, 524; изд. второе, 259.
Бестужевъ, Пет. Александр. декабристъ; р. 1806 † 1840 г., его рожденіе, изд. первое, т. I, 519; изд. второе 253; его житье, изд. первое, т. I, 520; изд. второе, 254. Характеръ его, изд. первое, т. I, 522; изд. второе, 256. Участіе въ заговорѣ и ссылка на Кавказъ, изд. первое, т. I, 522, 523; изд. второе, 257. Дальнѣйшая судьба его, изд. первое, т. I, 523; изд. второе, 258.
Бестужева-Рюмина, гр. Анна Гавр. рожд. Головкина, т. II, 486.
Бестужева-Рюмина, гр. Анна — Екат. Ив., рожд. фонъ-Беттингеръ, гофмейстерина 1748 г.; † 1761 г. т. II. 475.
Бестужевъ-Рюминъ: его арестъ, изд. первое, т. I, 89; изд. второе, 65.
Бестужевъ-Рюминъ, гр. Алексѣй Петр. канцлеръ, присутствіе его въ тайномъ совѣтѣ, т. II, 465. Отзывъ его о кн. Трубецкомъ, т. II, 484.
Бестужевъ-Рюминъ, гр. Мих. Петр., оберъ-гофмарш.; р. въ 1688 г. т. II, 481.
Беттингеръ (фонъ), Іоганъ-Фридр., русс. резидентъ въ Гамбургѣ, т. II, 475.
Бецкій, Ив. Ив., камергеръ, наблюденіе его по передѣлкѣ коронныхъ бриліантовъ, изд. первое, т. I, 228—229; изд. второе, 111—112, занятія его съ императр. Екатериной II, изд. первое, т. I, 236 — 238; изд. второе, 119—120. Устройство имъ театра, изд. первое, т. I, 300, 312; изд. второе, 131, 142.
Бечасновъ, декабристъ, т. II, 185.
Бибиковъ, адъютантъ Екатерины II изд. первое, т. I, 218, 310; изд. второе, 101, 140.
Бибиковъ, составитель записокъ, изд. первое, т. I, 16; изд. второе, 41.
Бибиковъ, оберъ-прокур. 1724 г. изд. первое, т. I, 596; изд. второе, 397.
Бибиковъ, А. И., ген.-аншефъ; † 1774 г.: его бумаги, т. II, 357. Участіе въ усмиреніи Пугачевскаго бунта, т. II, 397, 399 — 401, 403.
Бибиковъ, Вас. Ильичъ, камергеръ, директ. театровъ 1781 г. изд. первое, т. I, 316, 318; изд. второе, 146, 148.
Бибиковъ, Илья Гавр., ген. отъ арт., генер.-губерн. Сѣв. Западн. края, изд. первое, т. I, 495, 525; изд. второе, 248, 260.
Билибина, А. А., пѣвица, т. II, 613.
Билистеинъ, подполков. 1796 г. изд. первое, т. I, 33; изд. второе, 419.
Билліо, актриса, изд. первое, т. I, 319; изд. второе, 150.
Биндеръ, баронъ, австр. послан. изд. первое, т. I, 350; изд. второе, 508.
Биронъ, герц., регентъ Россіи: низверженіе его, изд. первое, т. I, 84 — 85; изд. второе, 61. Обычаи его: т. II, 50—55. Упом. изд. первое, т. I, 18, 19, 80, 81, 516; изд. второе, 44, 56, 68, 410; т. II, 35, 48, 470.
Биронъ, герц. Беттина—Готлиба, рожд. Тротъ — фонъ-Трейденъ, статсъ-дама; † 1780 г. т. II, 482.
Биттонъ, гувернеръ. изд. первое, т. I, 388; изд. второе, 322.
Біанки, Еліодоро, учитель пѣнія, изд. первое, т. I, 566, 571, 572; изд. второе, 360, 361, 365, 367.
Біезма, Гуерерро, учит. испан. языка, т. II, 420.
Влазъ, кларнетистъ, т. II, 388, 419.
Бланкеннагель, Егоръ Ив., инж. ген.-маіоръ, т. II, 541.
Бленъ-де-Ст. Моръ, писатель. изд. первое, т. I, 317, 318; изд. второе, 148.
Блудовъ, Дмитрій Николаев., министръ, т. II, 397, 443.
Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, декабристъ, т. II, 185.
Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й, декабристъ, т. II, 185.
Бобровскій, уніатскій священ. изд. первое, т. I, 546; изд. второе, 534.
Бобровъ, поэтъ, изд. первое, т. I, 67; изд. второе, 551.
Богатыревъ, есаулъ, т. II, 405.
Богдановичъ, М. И. Сообщ: черты изъ жизни Аракчеева, изд. первое, т. I, 272—276; изд. второе, 241—245. Письма имп. Александра I къ гр. Аракчееву, 1818 и 1819 гг. изд. первое, т. I,

346—347; изд. второе, 479—480. Замѣтка его о ген. Фулѣ, изд. первое, т. I, 351; изд. второе, 509. Упом. изд. первое, т. I, 34, 35, 119; изд. второе, 152, 153, 163, 490.
Водиско 1-й, декабристъ, т II, 185.
Водиско 2-й, декабристъ, т. II, 184.
Водянскій, О. М., проф. москов. универ., изд. второе, библ. лист., 7.
Волдыревъ, А. цензоръ, изд. первое, т. I, 165; изд. второе, 577.
Волеславъ Храбрый, король польскій, изд. первое, т. I, 187; изд. второе, 25.
Волотовъ, Анд. Тимоф., состав. записокъ; р. 1738 † 1833 г.: отзывъ его о гр. Ел. Ром. Воронцовой, изд. первое, т. I, 198; изд. второе, 81. Отзывъ о приближенныхъ Петра III, изд. первое, т. I, 201; изд. второе, 83. Замѣтка о судьбѣ, постигшей прин. Георга Гольштинскаго, изд. первое, т. I, 225; изд. второе, 108. Упом. изд. первое, т. I, 16, 204, 296; изд. второе, 41, 87, 391; т. II, 400.
Вона, актриса, изд. первое, т. I, 317; изд. второе, 147.
Вонде, графъ, изд. первое, т. I, 514, 515; изд. второе, 407.
Воніотъ, начальница 6-й камеры малолѣт. отд. 1-го кадет. корпуса. 1808 г. изд. первое, т. I, 419; изд. второе, 216.
Вончесвулъ, маіоръ, изд. первое, т. I, 287; изд. второе, 281.
Ворисовъ 1-й, декабристъ, т. II, 185.
Ворисовъ 2-й, декабристъ, т. II, 185.
Ворисовъ, Ѳедоръ, канцеляристъ: письмо его къ гр. Брюсу, 1712 г. изд. первое, т. I, 7; изд. второе, 394. Упом. изд. первое, т. I, 165; изд. второе, 395.
Вородинъ, Мартем. Мих., подполков. т. II, 348, 350, 356.
Ворозднa, Никол. Петров., смоленскій губернат. изд. первое, т. I, 381; изд. второе, 315.
Вороци, дипломат. чинов. т. II, 506.
Борхъ, гр., помѣщикъ, т. II, 564.
Ворщова, фрейлина вел. кн. Маріи Ѳедоровны. 1781 г. изд. первое, т. I, 297; изд. второе, 128.
Ворятинская, кн. Авд. Ив., изд. первое, т. I, 11; изд. второе, 37.
Ворятинскій, кн. Мих. Мих., подполк.; 1737 г. изд. первое, т. I. 11; изд. второе, 37.
Восе, учительница музыки, т. II, 455, 456.
Восе, Генрихъ, т. II, 457, 461.
Вотта-де, маркизъ, т. II, 486.
Вошнякъ, саратов. командиръ, т. II, 398, 405.
Вравура, изд. первое, т. I, 594; изд. второе, 388.
Врамовъ, докторъ, изд. первое, т. I, 481; изд. второе, 343.
Вракель, прапорщ. лейб.-гвар. егерск. полка, изд. первое, т. I, 604, 605; изд. второе, 539, 540.
Врамсъ, Исаакъ Иван., инж. ген.-маіоръ, изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Врандгофъ, секундъ-маіоръ, изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Враницкая, гр. Алекс. Васил., рожд. Энгельгардтъ; р. 1754 † 1838 г., оберъ-гофмейстерина 1824 г. изд. первое, т. I, 309—312, 314; изд. второе, 139, 142—144; т. II, 474—475.
Враницкая, Елиз. Ксавер., фрейлина въ 1803 г. т. II, 475.
Враницкая, гр. Софья Ксавер., фрейлина въ 1803 г. т. II, 475.
Враницкій, гр. Ксав. Петр., великій коронный гетманъ, потомъ ген.-аншефъ русской службы, изд. первое, т. I, 302—305, 308—311, 316; изд. второе, 132, 135, 138—140, 146. т. II, 475.
Враницкій, декабристъ, т. II, 185.
Вранка, докторъ, изд. первое, т. I, 578, 579, 586—589; изд. второе, 373, 374, 380—383.
Вранка, адвокатъ, изд. первое, т. I, 578, 580; изд. второе, 372, 374.
Вранка, Емилія, изд. первое, 578, 579; изд. второе, 372, 374.
Вранка, Маршэнъ, изд. первое, т. I, 578; изд. второе, 373.
Вранка, Мэнъ, изд. первое, т. I, 578; изд. второе, 373.
Врантъ, Як. Иллар., ген.-аншефъ, казан. губернат. т. II, 399, 402, 404.

Браунштейнъ, еврей, т. II, 565.
Брейткопфъ, столоначальн. въ департ. просвѣщ. изд. первое т. I, 68; изд. второе, 551.
Бриммеръ, ген.-лейт.: его дѣйствія подъ Карсомъ, т. II, 570, 578—580, 592.
Броневскій, ген.-маіоръ, т. II, 586, 592, 593.
Броссаръ, жительница Женевы, изд. первое, т. I, 21; изд. второе, 47.
Брюловъ, Карлъ, художникъ, изд. первое, т. I, 474, 575; изд. второе, 370, 570; т. II, 380, 385, 395, 396, 635.
Брюммеръ, шлосъ гауптманъ, изд. первое, т. I, 514, изд. второе, 407.
Брюсъ, гр., тверской губернат. 1871 г. изд. первое, т. I, 300, 317; изд. второе, 130, 137.
Брюсъ, гр. Як. Вилимов., ген.-фельдмаршалъ, р. 1760 † 1735 г.: письмо къ нему Ѳ. Борисова, изд. первое, т. I, 7; изд. второе, 394. Упом. изд. первое, т. I, 165, 211; изд. второе, 395.
Буальдьё, композиторъ, изд. первое, т. I, 386, 393; изд. второе, 320, 326.
Будый, воевода вел. кн. Ярослава I, изд. первое, т. I, 187; изд. второе, 25.
Буено и Морено, Франческо, т. II, 430; 431.
Буксгевденъ, гр. Ѳед. Ѳед., с.-петерб.-губернат., его распоряженія: о неношеніи фраковъ, жилетовъ, о галстукахъ, о пріѣзжающихъ въ Петербургъ и пр. т. II, 516—517. Упом. изд. первое, т. I, 330, 333, 335; изд. второе, 498, 501, 503.
Булавинъ, Кондр. Аѳан., атаманъ донск. казач. войска: бунтъ его 1708 г. т. II, 1—13.
Булгаковъ, Конст., т. II, 382, 393, 395.
Булгакъ, брестскій митрополитъ, изд. первое, т. I, 531, 534, 543; изд. второе, 521, 524, 532.
Булгаринъ, Б. Ѳ. т. II, 524.
Булгаринъ, В. Ѳ. т. II, 524.
Булгаринъ, Ѳад. Вен., писатель, изд. первое, т. I, 474; изд. второе, 570; т. II, 388, 389, 524.
Буль-Шауэнштейнъ, гр., состояв. при австр. посольствѣ въ Нидерландахъ. 1814 г. изд., первое, т. I, 350; изд. второе, 508.
Бульшталь, т. II, 629.
Бунениковъ, Григ., мундшенкъ. 1725 г. изд. первое, т. I, 509; изд. второе, 402.
Бургъ, Морисъ, журналистъ, т. II, 425.
Бурмейстеръ, убитъ подъ Измаиломъ, т. II, 501.
Буссе, издатель церковн. гимновъ т. II 549.
Буссе, медицинскій совѣтникъ, т. II, 557, 626.
Бустели, купецъ, 1723 г. изд. первое, т. I, 75; изд. второе, 392.
Бутковъ, Петр. Григор., академикъ, изд. первое, т. I, 405; изд. второе, 454.
Бутурлинъ, Александ. Борис., генер.-аншефъ, любимецъ императр. Елизаветы, изд. первое, т. I, 512; изд. второе, 405; т. II, 465, 470.
Бутурлинъ, гр. Дмит. Петр., изд. первое, т. I, 313, 320; изд. II, 143, 151.
Бутурлинъ, гр. Пет. Александ., тайн. сов. изд. первое, т. I, 305; изд. второе, 135.
Бушуевъ, Я. А., управитель заводовъ, изд. первое, т. I, 600; изд. второе, 413.
Быковскій, Лаз. Петр., докторъ, изд. первое, т. I, 398, 400; изд. второе, 331, 333.
Быстрый, архимaнд. базиліанс. монаст. изд. первое, т. I, 534; изд. второе, 524.
Бычковъ, Аѳ. Ѳед. академикъ. Сообщ. Необнародованный манифестъ о войнѣ Россіи съ Франціей 1812 г. изд. первое, т. I, 49—57; изд. второе, 447—454. Отрыв. изъ запис. И. Д. Данилова о в. к. Константинѣ Павловичѣ въ 1825 г. изд. первое, т. I, 279—280; изд. второе, 246—247. Письмо Н. Новосильцева, т. II, 304. Упом. т. I. 405; изд. второе, 454.
Бюшингъ, писатель, изд. первое, т. I, 16, 85; изд. второе, 42, 61.
Бѣленицына, Екат. Никол., т. II, 619.
Бѣленицына, Соф. Ив. т. II, 620.

Бѣлинскій, В. Г., писатель, изд. первое, т. I, 165, 606.

Бѣляевъ 1-й, декабристъ, т. II, 184.

Бѣляевъ 2-й, декабристъ, т. II, 184.

В.

Вагнеръ, пѣвица, т. II, 624.

Вадковскій, декабристъ, т. II, 161, 185.

Вадковскій, Ѳед. Ѳед. камеръ-юнкеръ, 1781 г., изд. первое, т. I, 297; изд. второе, 128.

Валуевъ, Петр. Александ., Членъ Госуд. Совѣта, т. II, 297.

Валуевъ, Петр. Степ., дѣйст. тайн. сов., главн. начальн. моск. дворцовъ и оруж. палаты, 1814 г.: письмо къ нему польск. кор. Станислава Понятовскаго, 1797 г., т. II, 296—298.

Вальстейнъ, гр., полков., изд. первое, т. I, 15; изд. второе, 40.

Вандаммъ, франц. маршалъ: взятіе его въ плѣнъ, 1813 г., изд. первое, т. I, 137—144; изд. второе, 207—215.

Варенцовъ, полков. 1825 г., изд. первое, т. I, 478; изд. второе, 340.

Варламовъ, композиторъ, изд. первое, т. I, 482; изд. второе, 344; т. II, 393.

Варшавскій, кн., ген.-фельдмарш., т. II, 437.

Васильевъ, свящ., изд. первое, т. I, 501; изд. второе, 580.

Васильевъ, т. II, 512.

Васильево-Петровъ, литерат., т. II, 618.

Васильчиковъ, писатель, т. II, 195, 196.

Васильчиковъ, Александ. Семен., корнетъ кон. гвардіи 1765 г., любимецъ Екатерины II, 1772—1774 г., т. II, 75.

Васильчиковъ, кн. Иллар. Вас., генер.-адъют. 1825 г. т. II, 155.

Васьмо-Вощило, крестьян., его воззваніе къ истребленію евреевъ, т. II, 522—524.

Ваутахъ, золот. дѣлъ мастеръ, изд. первое, т. I, 241; изд. второе, 124.

Вахмейстеръ, гр. 1781 г., изд., первое, т. I, 301; изд. II, 131.

Вахмейстеръ, гр., шведск. камергеръ. 1728 г., изд. первое, т. I, 515; изд. второе, 407.

Вацликъ, Ив. Яков.: сообщ. біографическую замѣтку о Петрѣ II Нѣтонѣ, т. 313.

Веберъ, Карлъ-Марія, композиторъ, т. II, 392.

Ведель, фонъ, барон. Анастасія Богдан., рожд. Пассекъ, т. II, 496.

Ведель, фонъ, бар. Ирод. Кондр., ген.-маіоръ † 1754 г., т. II, 496.

Ведерниковъ, т. II, 511.

Веденяпинъ, декабристъ, т. II, 185.

Вели-паша, т. II, 577.

Велли, Антуанъ, аббатъ. 1781 г., изд. первое, т. I, 311, 317; изд. второе, 142, 148.

Велліо, бар., ген. отъ кавал., комендантъ Царскаго Села † 1867 г., т. II, 146.

Веля, Софія, музыкантша, т. II, 436.

Веньяминъ, казан. архіеписк. письмо его къ гр. П. И. Панину, т. II, 413—414.

Веревкинъ, отст. полков., т. II, 350.

Веревкинъ, писатель, изд., первое, 468; изд. второе, 547.

Веселовскій, тайн. совѣт., т. II, 465.

Вестовъ, Павелъ, купецъ. 1727 г., изд. первое, т., 10; изд. второе, 35.

Вехтеръ, бар., виртембергскій повѣрен. въ дѣлахъ въ Нидерландахъ. 1814 г., изд. первое, т. I, 350; изд. второе 508.

Вейкартъ, докторъ, т. II, 512.

Вейротеръ, австр. ген. 1805 г., изд. первое, т. I, 331, 333, 339; изд. второе. 498, 501, 505.

Вейцманъ, музыкантъ, т. II, 386.

Вигелинъ, піонер. офицеръ, декабристъ, т. II, 185.

Вигель, Ф. Ф., дѣйств. тайн. сов., управ. департ. духов. дѣлъ иностр. исповѣданій; р. 1786 † 1856 г.: доносъ его митроп. Серафиму на статью Чаадаева и журн. «Телескопъ», 1836 г., изд. первое т. I, 162—164; изд. второе, 574—576.

Вильбоа, Александ. Никит., ген.-фельдцейхмейстеръ, т. II, 480.

Вильбоа, Елиз. И., рожд. Глюкъ статсъ-дама, т. II, 480.

Вильбоа, Конст. Петров., композиторъ т. II, 451, 611.

Вильбоа, Никита Ив. деньщикъ, т. II, 480.
Вильямсъ, англ. ген. въ турец. службѣ, т. II, 602, 603.
Винкфенъ, австр. полковн. 1805 г., изд. первое, т. I, 333, изд. второе, 501.
Винуленъ, секретарь при канц. иностр. дѣлъ, изд. первое, т. I, 89; изд. второе, 65.
Виртембергскій, герцогъ Александръ, главноуправл. путей сообщ., изд. первое, т. 1, 478, 520; изд. второе, 255, 340.
Виртембергскій, принцъ Евгеній, 1825 г., т. II, 146.
Висковатовъ, воен. писатель, изд. первое, т. I, 425; изд. второе, 430.
Висконти, маркиза, изд. первое, т. I, 570; изд. второе, 363.
Вислеръ. придв. садовникъ, изд. первое, т. I, 247; изд. второе, 424.
Витгенштейнъ, кн., команд. кав. полка, т. II, 580, 600.
Витгенштейнъ, кн. Антуанета Станисл., т. II, 531.
Витгенштейнъ, гр. Петръ Христіанов., ген.-аншефъ: письмо къ нему императ. Николая I, 1825 г., т. II, 531; упом. изд. первое, т. I, 343, 457; изд. второе, 368, 505; т. II, 304.
Витковскій, содерж. музыкальн. магаз., изд. первое, т. I, 398; изд. второе, 331.
Витовтовъ, Александръ Евстѳгн. 1781 г. изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145; т. II, 137, 140.
Витовтъ, вел. кн. литовскій, т. II, 309.
Вишневскій, декабристъ, т. II, 184.
Віардо-Гарсіа, пѣвица, т. II, 394. 690.
Віельгорская, гр. Софія Днитр., рожд. Матюшкина; р. 1756, † 1796 г., т. II, 474.
Віельгорскій, гр., масонъ, 1815 г., изд. первое, т. I, 155; изд. второе, 227.
Віельгорскій, гр. Матв. Юр., 1837 г., т. II, 267.
Віельгорскій, гр. Мих. Юр., изд. первое, т. I, 350; изд. второе, 488; т. II, 59, 60, 64, 65, 67, 73, 266, 268, 389, 391, 394, 419, 443, 448, 451, 452.
Віельгорскій, гр. Юр. Мих., дѣйст. тайный совѣтн., † 1807 г., т. II, 474.
Владиміръ-Мономахъ, вел. кн., т. II, 318.
Владиміръ I Святославичъ, вел. кн., т. II, 200.
Владиславлевъ, жандарм. штабъ-офицеръ, издат. альманаховъ, т. II, 381, 385.
Владыко, Ѳед., деньщикъ генер. Фуля, изд. первое, т. I, 350; изд. второе, 508, 509.
Власовъ, крестьян., изд. первое, т. I, 600; изд. второе, 413.
В. М., масонъ, 1815 г., изд. первое, т., 152—154; изд. второе, 224—226.
Водовозовъ, Вас. Ив., педагогъ, т. II, 86.
Воейковъ, ген.-маіоръ, изд. первое, т. I, 277; изд. второе, 205.
Вожинскій, приближенный императрицы Елизаветы, 1740 г., т. II, 102.
Воиновъ, ген., команд. гвард. корпуса 1825 г., т. II, 144, 145.
Воланъ, бригадиръ, т. II, 254, 264.
Волженштейнъ, А, авторъ «Исторіи л.-гв. саперн. батаіона», т. II, 158.
Волковъ, художникъ, изд. первое, т. I, 161; изд. второе, 568.
Волковъ, т. II, 457, 462.
Волковъ, Дмитр. Вас., приближенный Петра III, изд. первое, т. I, 200; изд. второе, 83.
Волковъ, Матв. Степ., т. II, 59.
Волковъ, Николай Степ., директ. училищъ изящн. искусст. въ Варшавѣ, т. II, 58, 64.
Волконская, кн., жена мин. двора, изд. первое, т. I, 576; изд. второе, 370.
Волконская, кн. Зенаида, пѣвица — любительница, изд. первое, т. I, 537; изд. второе, 367.
Волконская, кн. Марія Никол., рожд. Раевская, жена кн. Сергѣя Волконскаго, декабриста, т. II, 186.
Волконскій, кн. 1799 г., т. II, 508, 509.
Волконскій, кн. 1813 г. изд. первое, т. I, 144; изд. второе, 214.
Волконскій, кн. Александ. Алекс., изд. первое, т. I, 464; изд. второе, 542.
Волконскій, кн. Григ. Петр., изд. пер-

вое, т. I, 574; изд. второе, 369; т. II, 266, 267.
Волконскій, кн. Григ. Семен.. генер., р. 1742†1824 г., изд. первое, т. I, 465, изд. второе, 544.
Волконскій, кн. Мих. Дмитр., т. II, 273, 286, 445, 452.
Волконскій, кн. Мих. Никит., ген.-аншефъ, Москов. главноком., р. 1713† 1789 г., изд. первое, т. I, 234, 235, 466; изд. второе, 117, 118, 545; т. II, 226, 229, 356, 371, 411.
Волконскій, кн. Никита Θед., шутъ импер. Анны, изд. первое, т. I, 80; изд. второе, 56; т. II, 53.
Волконскій, кн. Петр. Мих., мин. двора, изд. первое, т. I, 263, 264, 279, 574, изд. второе, 232, 233, 246, 269; т. II, 544.
Волконскій, кн. Сергѣй, декабристъ, изд. первое, т. I, 262, 264; изд. второе, 231, 233; т. II, 181, 183, 185.
Волконскій, кн. Θед. Θед., т. II, 24.
Вологдинъ, Ив. В. сообщ: преданіе объ исполненіи указа Петра Великаго о бритіи бородъ въ Соликамскѣ 1705 г., изд. первое, т. I, 594—595; изд. второе, 389—390; преданіе объ обращеніи раскольниковъ въ православіе въ 1788 году, изд. первое, т. I, 599—601; изд. второе, 413—414.
Вольскій, докторъ, т. II, 57, 269.
Вольскій, польскій поэтъ, т. II, 462.
Вольтеръ, писатель, изд. первое, т. I, 242; изд. второе, 125.
Вольфъ, декабристъ, т. II, 181, 185.
Вольфъ, Морицъ, докторъ, т. II, 440, 446, 462.
Волынская, Алекс. Львов., рожд. Нарышкина, т. II, 488.
Волынскій, Арт. Петр., кабинетъ-министръ, казненъ въ 1740 г., т. II, 58, 194, 488.
Воробьева, пѣвица, т. II, 273.
Воронцова, начальн. 4-ой камеры малолѣт. отд. 1-го кад. корпуса. 1808 г., изд. первое, т. I, 419; изд. второе, 216.
Воронцова, гр. Анна Карлов., рожд. Скавронская, р. 1723 г., оберъ-гофмейстерина 1760; изд. первое, т. I, 84, 95, 98, 211; изд. второе, 50, 72, 75, 94; т. II, 101, 113, 472, 487, 489.
Воронцова, гр. Елиз. Роман., камеръ-фрейлина, р. 1737† 1792 г., изд. первое, т. I, 198, 199, 201, 211, 212, 215, 216; изд. второе, 80, 81, 83, 94, 95, 98, 99, 146; т. II, 493.
Воронцова, гр. Екат. Алексѣев., рожд. Сенявина, изд. первое, т. I, 312, 315; изд. второе, 142, 146.
Воронцова, гр. Марія Артем., рожд. Волынская, т. II, 489.
Воронцова, гр. Марѳа Ив., рожд. Сурмина, т. II, 493.
Воронцовъ, гр., ген. отъ инфант. 1792 г., изд. первое, т. 1, 251; изд. второе, 484.
Воронцовъ, гр. Мих. Иллар., государств. канцлеръ, р. 1714† 1767 г., изд. первое, т. I, 83, 84, 87, 88, 90, 93, 95, 100, 198, 211, 213, 222, 251, 252; изд. второе, 60, 64, 66, 70, 72, 76, 78, 81, 94, 96, 105; т. II, 472, 473.
Воронцовъ, гр. Мих. Сем., намѣст. Кавказа, т. II, 536, 567.
Воронцовъ, гр. Ром. Иллар., ген.-аншефъ, т. II, 493.
Воронцовъ, гр. Сем. Ром., изд. первое, т. I, 309, 312; изд. второе, 139, 142.
Воронцовъ-Дашковъ, гр., русскій посолъ при Сард. дворѣ, изд. первое, т. I, 567, 569, 570; изд. второе, 362, 363, 364.
Врангель, фонъ, бар. А. Е. команд. лѣваго фланга на Кавказѣ. 1854 г., т. II, 567.
Врангель, фонъ, бар., Фридрихъ, бригадиръ. 1781 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Вратиславъ, гр., цесарскій посолъ, 1726 г., т. II, 40.
Врониченко, 1832 г., изд. первое, т. I, 404; изд. второе, 571.
Всеволодъ-Гавріилъ, князь, псковскій, изд. первое, т. I, 192; изд. второе, 30.
Всеволожскій, Алекс. Всевол. т. II, 73.
Всеволожскій, Андрей, воевода г. Пензы. 1774 г. т. II, 239.

Всеволожскій, Всевол. Алексѣев., т. II, 79.
Второвъ, Ив. Алексѣев., изд. первое, т. I, 322; изд. второе, 420.
Второвъ, Никол. Ив., изд. первое, т. I, 322, 323, 471; изд. второе, 420, 554.
Вульфъ, Алексѣй Никол.: замѣтка его о Пушкинѣ, изд первое, т. I, 404—405; изд. второе, 570—571.
Вульфъ, Анна Никол., изд. первое, т. I, 264, 266; изд. второе, 233, 235.
Вьетанъ, скрипачъ, т. II, 274.
Выгодовскій, декабристъ, т. II, 185.
Вяземская, княгиня, изд. первое, т. I, 15; изд. второе, 40.
Вяземскій, князь, 1774 г., т. II, 371.
Вяземскій, кн., поручикъ, 1796 г., изд. первое, т. I, 32; изд. второе, 418.
Вяземскій, кн. Анд. Ив., ген-маіоръ, 1781 г. изд. первое, т. I, 299; изд. второе, 130.
Вяземскій, кн. Никол. Григ., дѣйст. тайн. сов., т. II, 542, 545.
Вяземскій, кн. Петръ Анд., писатель, т. II, 59, 72, 73, 79, 443, 636.
Вяткинъ, капитанъ, 1825 г., т. II, 153.

Г.

Г.—, изд. первое, т. I, 149; изд. второе, 221.
Г. —, поручикъ, полицмейстеръ въ Петропавловскомъ портѣ, 1854 г., изд. первое, т. I, 376, 378; изд. второе, 309, 312.
Гавеманъ, учитель фехтованія, изд. первое, т. I, 395; изд. второе, 329.
Гаврила, кубан. каз. 1708 г., т. II, 6.
Гаврилова, домовладѣлица, т. II, 67.
Гавриловъ, лейтенантъ, 1854 г., изд. первое, т. I, 372; изд. второе, 306.
Гавриловъ, Филиппъ, унт.-офиц., изд. первое, т. I, 285; изд. второе, 279.
Гагарина, кн., жена русск. посла въ Римѣ, изд. первое, т. I, 585; изд. второе, 379.
Гагаринъ, 1708 г. т. II, 9.
Гагаринъ, кн., генер. 1855 г., т. II, 592, 593, 599, 602.
Гагаринъ, кн., директ. Павловска, изд. первое, т. I, 605; изд. второе, 423.
Гагаринъ, кн. Алексѣй Матв., т. II, 495.
Гагаринъ, кн. Гавр. Петр., оберъ-прокуроръ, изд. первое, т. I, 314, 315, 317; изд. второе, 145, 147.
Гагаринъ, кн. Ив. Петр., т. II, 474.
Гагаринъ, кн. Матв. Петр., т. II, 474.
Гагринъ, маіоръ, т. II, 402, 403.
Гаевскій, ген., штабъ-докторъ, т. II, 57.
Гайвазовскій, т. II, 273.
Гайдуковъ, оберъ-костюмеръ, т. II, 385.
Гаймъ, прус. мин., изд. первое, т. I, 255; изд. второе, 487.
Галама, маіоръ, изд. первое, т. I, 253; изд. второе, 486.
Галаховъ, капитанъ гвардіи: поѣздка его съ Остафіемъ Трифоновымъ въ Москву, т. II, 225—229; участіе въ коммиссіи для поимки Пугачева т. II, 117, 118, 231, 232, 237, 243, 321, 322, 324, 328—334, 346—348, 350, 363, 371, 372.
Галаховъ, А. Д., писатель, т. II, 14.
Галкинъ, начальн. Эстлянд. губерніи, т. II, 417.
Галли, пѣвецъ, изд. первое, т. I, 567, 568; изд. второе, 362.
Ганнибалъ, Ив. Абр., начальн. адмиралтейства и флота въ Херсонѣ, 1781 г., изд. первое, т. I, 306, 307; изд. второе, 137, 138.
Гарновскій, домовладѣлецъ, т. II, 273, 292.
Гаррисъ, англійскій посолъ, изд. первое, т. I, 305; изд. второе, 135.
Гартвигъ, Г. Ф., ландратъ, изд. первое, т. I, 454; изд. второе, 465.
Гарчіа, Долоресъ, т. II, 431, 432.
Гасовскій, докторъ, изд. первое, т. I, 486, 491; изд. второе, 348, 353.
Гаспарини, прима-дона, т. II, 512.
Гассе, конторщикъ, изд. первое, т. I, 233, 238, 243; изд. второе, 116, 121, 126.
Гаттерeръ, профессоръ Гёттингенскаго университета, т. II, 164.
Гаугвицъ, саксонскій оберъ-шенкъ, т. II, 481.
Гауже, акушеръ, изд. первое, т. I, 590; изд. второе, 385.
Гауманъ, скрипачъ, т. II, 424.
Гацфельдъ, кн., прусскій посолъ при

Нидерланд. дворѣ, изд. первое, т. I, 350; изд. второе, 508.
Гебель, композиторъ, изд. первое, т. I, 594; изд. второе, 388.
Гедеонова, Нат. Ив., рожд. Глинка, изд. первое, т. I, 493, 586; изд. второе, 354, 381; т. II, 56, 57.
Гедеоновъ, Александ. Мих., директ. театровъ, т. II, 64, 65, 67, 70, 271, 273, 274, 382, 387, 391.
Гедеоновъ, Мих. Александ., т. II, 381. 382, 385, 391, 395.
Гедеоновъ, Никол. Дмитр., изд. первое, т. I, 586, 590; изд. второе, 381, 384; т. II, 375, 419.
Гедеоновъ, Степ. Александ., т. II, 381, 382, 385, 391, 393, 395.
Гедеоновъ, Ѳед. Дмитр., изд. первое, т. I, 590; изд. второе, 384; т. II, 396, 419, 421.
Гедеонъ, полтавск. архіерей, т. II, 276.
Гейденрейхъ, докторъ, т. II, 69, 288, 393—396, 450, 615, 618, 634.
Гейдъ-Паркеръ, англ. вице-адмир. изд. первое, т. I, 301; изд. второе, 132.
Генъ, гувернеръ, изд. первое, т. I, 388; изд. второе, 322.
Гельбигъ, писатель, изд. первое, т. I, 16, 87; изд. второе, 42, 44.
Гемпель, Карлъ Ѳед., музыкантъ, изд. первое, т. I, 392, 480; изд. второе, 326, 342; т. II, 62, 373.
Гендель, композиторъ, изд. первое, т. I, 592; изд. второе, 386.
Гендрикова, гр. Анна Артем., рожд. Волынская, дѣйствит. статсъ-дама, т. II, 488—489.
Гендрикова, Крист. Самуил., рожден. Скавронская, т. II, 470.
Гендрикова, Мареа Симон., фрейлина, т. II, 470.
Гендриковъ, гр. Андр. Сим., дѣйств. камергеръ, † 1748 г., т. II, 470, 489.
Гендриковъ, гр. Ив. Симон., т. II, 470.
Генвельтъ, композиторъ, т. II, 442.
Геништа, композиторъ, изд. первое, т. I, 594; изд. второе, 388, т. II, 278.
Георгіевскій, Никита, благочинный, изд. первое, т. I, 282—288; изд. второе, 276—282.
Гергардъ, австр. генер. 1805 г., изд. первое, т. I, 326, 344; изд. второе, 492, 505.
Германъ, ген. отъ инфант., команд. русскими войсками въ Голландіи, изд. первое; т. I, 256; изд. второе, 488; т. II, 510.
Германъ, докторъ, т. II, 58, 374, 378.
Германъ, статистикъ, т. II, 562.
Германъ, Эрнстъ, историкъ, изд. первое, т. I, 99, 100; изд. второе, 76, 77.
Герменцъ, маіоръ, изд. первое, т. I, 256; изд. второе, 488.
Геруа, флиг.-адъют., полков. 1825 г. т. II, 132—135; 137, 161.
Герценъ, А. И., публицистъ и эмигрантъ, т. II, 639.
Герцъ, Генрихъ, піанистъ, изд. первое, т. I, 589; изд. второе, 384; т. II, 421, 631.
Герцъ, 1718 г., т. II, 34.
Гессенъ-Гомбургская, ландгр. Анастасія Ив., рожд. кн. Трубецкая, р. 1700 † 1755 г., статсъ-дама 1741 г., т. II, 487.
Гессенъ-Гомбургская, кн. Екат. Ив. т. II, 102.
Гессенъ - Гомбургскій, принцъ, изд. первое, т. I, 11; изд. второе, 36; т. II, 102.
Гессенъ-Гомбургскій, ландгр., ген.-фельдмар., т. II, 487.
Гизо, писатель, изд. первое, т. 1, 606; изд. второе, 424.
Гильдебрантъ, Петр. Андр.: сообщ. о Васкѣ-Вощилѣ, т. II, 522—524.
Гинденбургъ, Вас. Дан., докторъ, изд. первое, т. I, 494; изд. второе, 356.
Гине, капитанъ, т. II, 204.
Гиппіусъ, музыкантъ, изд. первое, т. I, 475; изд. второе, 337.
Гировецъ, (Gyrovetz), композиторъ, изд. первое, т. I, 387, изд. второе, 320.
Глазовъ, подполков. 1796 г., изд. первое, т. 1, 33; изд. второе, 419.
Глейнъ, прапорщикъ, 1854 г., изд. первое, т. I, 366; изд. второе, 299.
Глинка, А. Г., изд. первое, т. I, 606; изд. второе, 425.
Глинка, Анд. Ив., † 1839 г., т. II, 290, 291.

Глинка, Аѳан. Андр., изд. первое, т. I, 392, 393, 395; изд. второе, 326, 327, 329.
Глинка, Бор. Григ., изд. первое, т. I, 479; изд. второе, 340.
Глинка, Григ. Анд., кавалеръ при в. кн. Николаѣ Павловичѣ, изд. первое, т. I, 479; изд. второе, 341.
Глинка, Дмит. Григ., изд. первое, т. I, 479; изд. второе, 341.
Глинка, Евгенія Анд., изд. первое, т. I, 282; изд. второе, 316.
Глинка, Евгенія Ив., изд. первое, т. I, 396; изд. второе, 330.
Глинка. Евгеній Ив., † 1834 г., т. II, 56, 57.
Глинка, Елиз. Ив., т. II, 59, 290, 379, 380, 393. 395.
Глинка, Ив. Андр., изд. первое, т. I, 393, 396; изд. второе, 327, 330; т. II, 291.
Глинка, Ив. Никол., капит. въ отставкѣ, изд. первое, т. I, 382; изд. второе, 316.
Глинка, Марія Петр., рожд. Иванова, т. II, 57—63, 66, 70, 268, 269, 273, 281, 287, 288, 291, 292, 379, 393.
Глинка, Мих. Ив., композиторъ, р. 1804 † 1857 г. Его записки: изд. первое, т. I, 380—402; 474—494; 562—594; изд. второе, 313—389. Рожденіе и дѣтство, изд. первое, т. I, 382—384; изд. второе, 316—318. Первое проявленіе музыкальнаго чувства, изд. первое, т. 1, 385; изд. второе, 319. Отъѣздъ въ Петербургъ и воспитаніе, изд. первое, т. I, 386 — 396; изд. второе, 320 — 329. Поѣздка на Кавказъ, изд. первое, т. 1, 397—400; изд. второе, 330—334. Развитіе музыкальнаго вкуса, изд. первое, т. 1, 399; изд. второе, 335. Путешествіе въ Петербургъ, изд. первое, т. I, 401; изд. второе, 336. Музыкальныя композиціи, изд. первое, т. I, 475, 477; изд. второе, 337, 339. На него падаетъ подозрѣніе въ участіи въ декабрскихъ событіяхъ 1825 года, изд. первое, т. I, 478—479; изд. второе, 339 — 340. Первое появленіе его музыкальныхъ сочиненій въ печати, изд. первое, т. I, 480; изд. второе, 341. Сочиненіе отдѣльныхъ театральныхъ сценъ къ пѣнію съ оркестромъ, изд. первое, т. I, 482; изд. второе, 344. Изученіе итальянскаго языка и сочиненіе серенады, изд. первое, т. I, 487; изд. второе, 349. Серенада гр. Кочубею, изд. первое, т. I, 489; изд. второе, 351. Позаимствованіе имъ темы изъ баллады Финна въ «Русланѣ и Людмилѣ» и мотивовъ для оперы «Жизнь за Царя», изд. первое, т. I, 442, изд. второе, 353—354. Поѣздка за границу въ 1830 году, изд. первое, т. 1, 562; изд. второе, 357. Изученіе пѣнія и композиціи въ Миланѣ, изд. первое, т. I, 566, 567; изд. второе 360, 361. Сочиненіе пьесъ для фортепьяно, изд. первое, т. I, 570; изд. второе, 364. Сочиненіе романсовъ «Побѣдитель» и «Венеціанская ночь», изд. первое, т. I, 579; изд. второе, 373. Попытка композицій для итальянскихъ примадонъ, изд. первое, т. 1, 582, 583; изд. второе, 377. Изданіе его пьесъ въ Миланѣ. Мнѣніе его о разницѣ между итальянскою и русскою музыкой, изд. первое, т. I, 587; изд. второе, 381. Изданіе его пьесъ въ Миланѣ, изд. первое, т. I, 587; изд. второе, 382. Сочиненіе темы для Краковяка въ «Жизни за Царя», изд. первое, т. I, 589, 590; изд. второе, 384. Изученіе музыки въ Берлинѣ, изд. первое, т. I, 591; изд. второе, 385—386. Мысль о національной музыкѣ вообще, изд. первое, т. I, 592; изд. второе, 387. Возвращеніе въ Россію въ 1834 году, изд. первое, т. I. 593; изд. второе, 388. Мысль о русской оперѣ, изд. первое, т. 1, 594; изд. второе, 388. Т. II, 56—73; 266—293; 372—397; 419—462. Предложеніе Жуковскимъ Глинкѣ сюжета для оперы, 59. Приступъ къ оперѣ «Жизнь за Царя», 60. Участіе въ ней барона Розена, 60—61, 63. Женитьба, 61. Трудъ надъ оперой «Жизнь за Царя», 62, 63, 64, 68, 69. Первая репетиція, 64—65. Принятіе оперы на сцену и репетиція

въ театрѣ, 67, 69. Первое ея представленіе 27 ноября 1836 г., 70. Награда, 71. Мнѣніе публики объ оперѣ, 72. Назначеніе капельмейстеромъ придворной капеллы, 266. Попытка писать церковную музыку, 271. Мысль объ оперѣ «Русланъ и Людмила», 273. Занятія въ театральной школѣ, 271, 274. Поѣздка въ Малороссію для набора придворныхъ пѣвчихъ, 274—280. Сочиненіе оперы «Русланъ и Людмила», 284, 285, 375—377, 381. Домашнія невзгоды, 269, 287, 291, 292, 379, 380. Принятіе «Руслана и Людмилы» на сцену, 382, 385. Репетиція оперы, 386, 387, 388, 389. Первое ея представленіе, 390. Отзывы о ней, 391, 392, 397. Поѣздка въ Парижъ, 396. Концертъ въ Парижѣ, 423—425. Путешествіе въ Испанію, 426. Изученіе испанской музыки, 427. Возвращеніе въ Россію, 437. Обученіе оркестра кн. Паскевича, 441. Сочиненіе «Камаринской», 442. Неудавшееся предположеніе поставить «Жизнь за Царя» на итальянской сценѣ въ Петербургѣ, 443. Третья поѣздка за границу, 453. Воспоминанія Л. И. Шестаковой о послѣдн. годахъ жизни М. И. Глинки: мысль Глинки написать оперу «Двумужница», 615, 617, 618. Характеръ его, 611. Жизнь Глинки въ Берлинѣ, 623—625. Предсмертное письмо Глинки, 624—625. Кончина его и погребеніе, 628—630. Памятн. на его могилѣ, 632.

Глинка, Ольга Ив., т. II, 380, 381, 385, 393, 395, 396.

Глинка, Соф. Ив., изд. первое, т. I, 393, 396; изд. второе, 327, 330.

Глинка, Юст. Карл., рожд. Кюхельбекеръ, изд. первое, т. I, 245, 479; изд. второе, 340, 423.

Глинка, Ѳед. Никол., писатель, изд. первое, т. I, 521; изд. второе, 256; т. II, 97.

Глинка, Ѳекла Александ., изд. первое, т. I, 382; изд. второе, 316.

Глинкина, Елена Александ., т. II, 282.

Глухова, т. II, 408.

Глѣбова, Авдот. Александ., рожд. Зыбина, р. 1709 † 1746 г. т. II, 471.

Глѣбова, Дар. Никол., т. II, 471.

Глѣбова, Мар. Симонов., рожд. гр. Скавронская, вдова Чоглокова, т. II, 471.

Глѣбовъ, декабристъ, т. II, 184.

Глѣбовъ, Александ. Ив., ген.-аншефъ, р. 1712 † 1790 г., изд. первое, т. I, 200; изд. второе, 85; т. II, 110, 471, 472.

Глюкъ, пасторъ, т. II, 480.

Глюкъ (фрейленъ Глікъ), изд. первое, т. I, 512; изд. второе, 405.

Гнѣдичъ, Никол. Ив., писатель: письма къ нему К. Н. Батюшкова, 1807 г., изд. первое, т. 1, 65 — 71; изд. второе, 549 — 554; упом.: изд. первое, т. I, 264, 521; изд. второе, 233, 256; т. II, 84.

Гогель, ген.-маіоръ, директ. пажеск. корпуса, 1816 г., т. II, 205, 206.

Гогенлое, кн., австр. фельдмарш.-поручикъ. 1805 г., изд. первое, т. I, 340; изд. второе. 500.

Гогенцолернъ, австр. офиц. 1812 г., т. II, 306.

Гоголь, Ник. Вас., писатель, изд. первое, т. I, 381, 474; изд. второе, 315, 570; т. II, 59, 529, 640.

Говехусъ, корабельн. инж. 1854 г., изд. первое, т. I, 376; изд. второе, 310.

Гойцингеръ. пѣвецъ, изд. первое, т. I, 563; изд. второе, 358.

Голенищева-Кутузова, рожд. Беклемишева, т. II, 499.

Голенищева - Кутузова - Смоленская, кн. Екат. Ил., рожд. Бибикова, р. 1754 † 1824: письма къ ней мужа, т. II, 500 — 514.

Голенищевъ - Кутузовъ - Смоленскій, кн. Мих. Иллар., ген.-фельдмарш. Архивъ его: письма и рескрипты къ нему Екатерины II, Павла I, Маріи Ѳедоровны, Александра I и австр. импер. Франца I, 1791 — 1813 гг., изд. первое, т. I, 249 — 258, 325 — 335; изд. второе, 483 — 506; письмо къ нему гр. Ѳ. В. Ростопчина, 1812 г., т. II, 305; архивъ его, т. II, 498 — 514: его біографія, т. II, 499, 500; комендантъ Измаила, 501; награда и назначеніе ген.-губернаторомъ, 503; посольство въ

Константинополь, 505; коман. войсками въ Финляндіи, 507; посольство въ Берлинъ, 507; упом.: изд. первое, т. I, 425; изд. второе. 429.

Голицына, кн. Авд. Ив., рожд. Бутенинова, р. 1710 † 1742 г., т. II, 75.

Голицына, кн. Агр. Алексѣев., рожд. Хвостова, т. II, 75.

Голицына, кн. Амалія, рожд. Шметтау, изд. первое, т. I, 303, изд. второе, 133.

Голицына, кн. Анаст. Петр., княгиня-игуменья, рожд. кн. Прозоровская, р. 1655 † 1729 г., изд. первое, т. I, 507—509, изд. второе, 400—402; т. II, 478, 479.

Голицына, кн. Анна Ив., рожд. Сукина, т. II, 488.

Голицына, кн. Варв. Вас., рожд. Энгельгардтъ, изд. первое, т. I, 312; изд. второе, 143.

Голицына, кн. Дар. Алексѣев., рожд. кн. Гагарина, р. 1724 † 1798 г., дѣйств. статсъ-дама 1773 г., изд. первое, т. I, 309; изд. второе, 140; т. II, 496.

Голицына, кн. Екат. Александ., рожд. Каръ, т. II, 496.

Голицына, кн. Екат. (Смарагда) Дмитр., рожд. кн. Кантемиръ, р. 1720 † 1761 г., дѣйств. статсъ-дама 1751 г., т. II, 492.

Голицына, кн. Марья Григ., рожд. кн. Вяземская, во 2-мъ замужествѣ гр. Разумовская: письмо къ ней императ. Александра I, 1801 г., изд. первое, т. I, 44; изд. второе, 440.

Голицына, кн. Прасков. Никол., рожд. кн. Репнина, † 1784 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 146.

Голицына, кн. Тат. Бор., рожд. кн. Куракина, р. 1696 † 1757 г., оберъ-гофмейстерина 1730 г., т. II, 469, 470, 471.

Голицынъ, кн. 1822 г., изд. первое, т. I, 529; изд. второе, 519.

Голицынъ, кн., декабристъ, т. II, 184.

Голицынъ, кн., офицеръ гвар. 1762 г., изд. первое, т. I, 224, 226; изд. второе, 107, 109.

Голицынъ, кн., презид. ком.-коллегіи, 1721 г. изд. первое, т. I, 296; изд. второе, 391.

Голицынъ, кн., вице-канц. 1762 г., изд. первое, т. I, 211, 242, 243; изд. второе, 94, 125, 126.

Голицынъ, кн. Авг. «О юности Александра I», изд. первое, т. I, 35; изд. второе, 153.

Голицынъ, кн. А. М., директоръ почтъ въ Варшавѣ, 1854 г.. т. II, 462.

Голицынъ, кн. Александ. Мих., ген.-фельдмарш., р. 1718 † 1783 г., т. II, 128, 130, 495.

Голицынъ, кн. Александ. Никол., р. 1769 † 1817 г., камергеръ, изд. первое, т. I, 45; изд. второе, 40.

Голицынъ, кн. Александ. Никол., мин. народ. просв., р. 1773 † 1844 г., изд. первое, т. I, 352; изд. второе, 510.

Голицынъ, кн Алексѣй Борис., т. II, 31.

Голицынъ, кн. Алексѣй Дмитр., дѣйств. ст. сов., т. II, 52.

Голицынъ, кн. Бор. Алексѣев., т. II, 26.

Голицынъ, кн. Бор. Вас. 1740 г., т. II, 111, 115.

Голицынъ, кн. Бор. Серг., маіоръ, 1745 г., т. II, 105, 108.

Голицынъ, кн. Вас. Вас., любимецъ царевны Софьи Алексѣевны, изд. первое, т. I, 80; изд. второе, 56.

Голицынъ, кн. Вас. Петр., изд. первое, т. I, 489; изд. второе, 350, 351; т. II, 423, 425.

Голицынъ, кн. Дмит. Алексѣв., полном. мин. при голланд. респуб. 1781 г., изд. первое, т. I, 303; изд. второе, 133.

Голицынъ, кн. Дмит. Влад., москов. ген.-губернат. 1825 г., изд. первое, т. I, 497; изд. второе, 250.

Голицынъ, кн. Дмит. Мих., русскій посолъ въ Вѣнѣ, т. II, 52, 492.

Голицынъ, кн. Ив. Алексѣев., комнатный, † 1722 г., т. II, 478.

Голицынъ, кн. К., изд. первое, т. I, 491; изд. второе, 353.

Голицынъ, кн. Мих. Алексѣев., шутъ императр. Анны, р. 1689 † 1775 г., изд. первое, т. I, 80, изд. второе, 56; т. II, 54, 75.

Голицынъ, кн. Мих. Мих., ярослав. губерн.: рескрипты на его имя импер. Александра I по дѣлу помѣщ. Побѣ-

динскаго, 1802—1803 гг., изд. первое, т. I, 47—48; изд. второе, 442—443; упом. т. II, 470.
Голицынъ, кн. Н. Н., т. II, 529.
Голицынъ, кн. Петр. Мих., камергеръ, взятіе имъ Татищенской крѣпости 1774 г., т. II, 119, 216—217. Упом.: т. II, 52, 53, 331, 345, 354, 398, 403, 407, 496.
Голицынъ, кн. Сер. Григ., изд. первое, т. I, 481, 487—491; изд. второе, 343, 349—353; т. II, 393.
Голицынъ, кн. Серг. Дмитр. казан. губернат., т. II, 52.
Голицынъ, кн. Серг. Мих., приближенный императ. Николая Павловича, изд. первое, т. I, 424; изд. второе, 430.
Голицынъ, кн. Серг. Өед., флигель-адъют., изд. первое, т. I, 310; изд. второе, 140; т. II, 137.
Голицынъ, кн. Өед., капит. бутырск. полка, 1734 г., изд. первое, т. I, 507, 510; изд. второе, 400, 403.
Головина, гр. Варв. Никол., рожд. кн. Голицына, р. 1766 † 1821 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 146.
Головина, Марья Іонов., помѣщица, 1774 г., т. II, 239.
Головинъ, ген., бригадн. команд. 1825 г., т. II, 153.
Головинъ, гр., вице-адмиралъ, т. II, 465.
Головинъ, гр. Н. Н. 1781 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 146.
Головинъ, гр. Никол. Өед., ген.-адмир. 1735 г., т. II, 55.
Головкина, гр. Домна Андр., рожд. Дивова, т. II, 481.
Головкина, гр. Екатер. Иванов., рожд. кн. Ромодановская, т. II, 483.
Головкинъ, гр., тайный совѣтн., т. II, 465.
Головкинъ, гр., участіе его въ собраніи кабинетъ-министровъ, т. II, 465.
Головкинъ, гр. Александ. Гаврил., посланникъ, т. II. 485.
Головкинъ, гр. Гавр. Иван., канцлеръ, р. 1660 † 1734 г., изд. первое, т. I, 9, 10; изд. второе, 34, 35, 36; т. II, 30, 34, 45, 49, 55.
Головкинъ, гр. Мих. Гавр., вице-канц.. † 1775 г., т. II, 483, 484.
Головня, виленск. епископъ-суффраганъ, изд первое, т. I, 540, 541, 548; изд. второе, 529, 530, 537.
Гольцевъ, т. II, 439.
Гольцъ, танцов. учит., изд. первое, т. I, 476; изд. второе, 338.
Гольштейнскій, герц. Карлъ, 1727 г., изд. первое, т. I, 510; изд. второе, 403; т. II, 116.
Гольштейнскій, герцогъ Георгъ, дядя Петра III, род. 1719 г., о судьбѣ, постигшей его 1762 г., изд. первое, т. I, 225—228; изд. второе, 108—111; упом. изд. первое, т. I, 18, 210; изд. второе, 44, 93.
Гольштейнъ-Бекская, принц. Екатерина, изд. первое, т. I, 211; изд. второе, 94.
Гольштейнъ-Бекская, принц. Софія-Шарлотта, изд. первое, т. I, 210, 226—228; изд. второе, 93, 109—111.
Гольштейнъ-Бекскій, принцъ Петръ-Августъ-Фридрихъ, р. 1697 г., изд. первое, т. I, 210; изд. второе, 93.
Гольштейнъ-Готторпскій, принцъ, 1812 г. изд. первое, т. I, 52; изд. второе, 450.
Гонзалесъ, Рамона, т. II, 429.
Горбачевскій, Ив. Иван. декабристъ, т. II, 177—179, 185.
Горбунъ, Ив. Остаф., старшина кубан. каз. войска, 1708 г., т. II, 5.
Горголи, И. С., ген. и членъ сов. путей сообщ.; изд. первое, т. I, 485, 486; изд. второе, 347, 348.
Горголи, Поликсена, изд. первое; т. I, 485; изд. второе, 347.
Гордтъ, гр., изд. первое, т. I, 16; изд. второе, 42.
Горностаевъ, академикъ, т. II, 632.
Горскій, декабристъ, т. II, 184.
Горчаковъ, т. II, 512.
Горчаковъ, кн. Андр. Ив., изд. первое, т. I, 464; изд. второе, 542.
Горчаковъ, кн. Дмитр. Петр., писатель, † 1824 г., т. II, 76.
Готъ, откупщикъ, т. II, 108.
Граббе-Горскій, ст. сов., ставропольск. вице-губерн., декабристъ, т. II, 159.

Грабовская, Елизавета, рожд. Шадловская, т. II, 296.
Граверо, придв. бриллiантщ., изд. первое, т. I, 27, 79 — 83, 205; изд. второе, 44, 52—58, 88.
Граверо, г-жа, изд. первое, т. I, 79, 82, 83; изд. второе, 55, 58, 59.
Граверть, ген. 1812 г., изд. первое, т. I, 445; изд. второе, 457.
Грековъ, маiоръ, войсков. старш. 1796 г., изд. первое, т. I, 32; изд. второе, 418.
Гречъ, ген.-маiоръ, с.-петербург. комендантъ, † 1850 г., т. II, 137.
Гречъ, Никол. Иван., писатель, т. II, 92, 93, 634.
Грибовскiй, писатель, изд. первое, т. I, 16; изд. второе, 41.
Грибоѣдовъ, Александ. Серг., писатель, изд. первое, т. I, 293, 490, 521; изд второе, 256, 352, 558; т. II, 72.
Григоровичъ, В. И., конференцъ-секрет акад. наукъ, т. II, 93.
Григоровскiй, А. П., коммиссар. чинов. т. II, 447.
Григорьевъ, Данiилъ, рядовой, изд. первое, т. I, 283; изд. второе, 277.
Григорьевъ, Савелiй, крестьян., изд. первое, т. I, 296; изд. второе, 391.
Гризи, Джульетта, пѣвица, изд. первое, т. I, 567, 580; изд. второе, 362 375.
Гризи, Джульетта, пѣвица, изд. первое, т. I, 567; изд. второе, 362.
Гриммъ, камерд. императр. Марiи Өеодоровны, т. II, 158.
Гробовскiй, Стан., командоръ орд. св. Iоанна Iерусалимскаго, изд. первое, т. I, 253; изд. второе. 486.
Громницкiй, декабристъ, т. II, 185.
Гротенгельмъ, Фрид. Евстаф., подполков. 1781 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Гротъ, Як. Карл., академикъ: его изд. «Матерьялы для исторiи Пугачевскаго бунта»; сообщ.: «П. С. Потемкинъ во время пугачевщины», т. II, 397 — 414; упом.: т. II, 81, 82, 199, 371, 638.
Грюнбергъ, докторъ, т. II, 442.
Грюнбергъ, г-жа, т. II, 446, 447.
Грюнбергъ, Изабелла, т. II, 443, 447, 448.
Грюнбергъ, Юлiя, т. II, 442, 447, 448.
Грюнвальдъ, скрипачъ, т. II, 629.
Грюнштейнъ, ген.-маiоръ, изд. первое, т. I, 87, 88; изд. второе, 64, 65.
Губеръ, поэтъ, т. II, 441.
Гудовичъ, Анд. Вас., любимецъ Петра III, р. 1731 † 1808 г. изд. первое, т. I, 199, 200, 218; изд. второе, 82, 83, 101.
Гудовичъ, Вас. Анд., т. II, 196.
Гулакъ-Артемовскiй, пѣвецъ, т. II, 276, 277, 278.
Гуммель, композиторъ, изд. первое, т. I, 394; изд. второе, 327.
Гундорова, княж., дочь стольника: сговорная запись 1701 г., изд. первое, т. I, 196; изд. второе, 397.
Гундоровъ, кн. Ив., суздальс. губернат.: его челобитная 1719 г., изд. первое, т. I, 195 — 196; изд. второе, 396—397.
Гунке, т. II, 386.
Гуровскiй, гр., марш. литовс., а потомъ вице-канцл. Польши, 1773 г., т. II, 213.
Гурскалинъ, Пет. Ив., содержат. музыкальн. магаз., т. II, 282, 374, 631.
Гурьевъ, домовлад., изд. первое, т. I, 519, изд. второе, 254.
Гурьевъ, маiоръ, изд. первое, т. I, 597; изд. второе, 411.
Гурьевы, братья, составлявшiе заговоръ противъ императр. Екатерины II, 1762 г., изд. первое, т. I, 235; изд. второе, 118.
Гусейнъ, паша, 1708 г., т. II, 5.
Гюльденкронъ, камергеръ, 1728 г., изд. первое, т. I, 514; изд. второе, 406.

Д.

Д — ? ген.-адъютантъ, изд. первое, т. I, 149; изд. второе, 221.
Давидъ, кн. волынскiй, изд. первое, т. I, 190; изд. второе, 28.
Давыдовъ, т. II, 478.
Давыдовъ, декабристъ, т. II, 185, 186.
Давыдовъ, домовлад., т. II, 381, 393, 395.
Давыдовъ, подполков. 1796 г., изд. первое, т. I, 33; изд. второе, 419.

Давыдовъ, Ден. Вас., подполков., р. 1766 † 1822 г.: письмо его къ П. П. Коновницыну, 1812 г., т. II, 306—307.

Даламберъ, француз. писатель, изд. первое, т. I, 242; изд. второе, 125.

Даль, Влад. Ив.: разсказы его изъ временъ Павла I, т. II, 294—296.

Дамасъ, франц. генер., изд. первое, т. I, 278; изд. второе, 207.

Даниловъ, ген.-лейтен., управл. корпус. воен. поселенія, 1831 г., изд. первое, т. I, 288; изд. второе, 282.

Даниловъ, писатель, изд. первое, т. I, 16; изд. второе, 41.

Даниловъ, Ив. Данил., сенаторъ: разсказъ его о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ: принятіе извѣстія о кончинѣ Александра I и отреченіе отъ престола, изд. первое, т. I, 279—280; изд. второе, 246—247; упом.: изд. первое, т. I, 495, 497, 498; изд. второе, 248, 250, 252.

Даніилъ, младшій сынъ Александра Невскаго, изд. первое, т. I, 190; изд. второе, 28.

Дантесъ, офиц. кавалергард. полка, изд. первое, т. I, 404, 405; изд. второе, 571.

Даргомыжскій, Александ. Серг., композиторъ, т. II, 59, 613, 614, 619—621.

Даріа, французск. актр., изд. первое, т. I, 313; изд. второе, 143.

Дасье, художникъ, изд. первое, т. I, 98; изд. второе, 75.

Дашкова, кн. Екат. Роман., рожд. гр. Воронцова, р. 1743 † 1810 г., статсъ-дама 1762 г.: разсказъ ея о свиданіи Екатерины II съ М. И. Воронцовымъ, изд. первое, т. I, 222; изд. второе, 105; участіе ея въ переворотѣ 1762 г., изд. первое, т. I, 223, 225; изд. второе, 106, 108; сообщенный ею разговоръ Екатерины II съ Бецкимъ, изд. первое, т. I, 229; изд. второе, 112; біографія ея, т. II, 493—494; отзывы о ней Екатерины II, т. II, 495.

Дашковъ, В. А., издат. «Славяно-русскихъ рукописей Ундольскаго», изд. второе, библіогр. лист. 15.

Дашковъ, кн. Мих. (Кондрать) Ив., камеръ-юнкеръ, р. 1736 † 1764, т. II, 493.

Двухжонный, батар. команд. 1855 г., т. II, 584, 596, 599.

Де-Вальденкуръ, секрет. посольст., изд. первое, т. I, 86, 87; изд. второе, 63.

Девитте, арфистъ, т. II, 394.

Девьеръ, гр., полков. адъют. 1827 г., изд. первое, т. I, 482; изд. второе, 344.

Девьеръ, гр. П. А., ген.-адъют. императ. Петра III, изд. первое, т. I, 222; изд. второе, 104.

Де-Карро, капит., изд. первое, т. I, 238, 244; изд. второе, 121, 127.

Де-Кло, драгунс. капит., изд. первое т. I, 26; изд. второе, 51.

Де-Колонгъ, ген.-поруч., 1773 г., т. II, 215, 402.

Делиль, Эмилій, франц. поэтъ, т. II, 455.

Деллингсгаузенъ, бар., ген.-адъют.: донесеніе его мин. госуд. имущ. о встрѣчѣ кадета съ в. к. Михаиломъ Павловичемъ, 1837 г., т. II, 320.

Де-ла-Маршъ, составит. записокъ о Россіи, изд. первое, т. I, 202; изд. второе, 85.

Де-ла-Шетарди, марк., франц. послан. въ Россіи, изд. первое, т. I, 86; изд. второе, 63.

Дельвигъ, бар, поэтъ, изд. первое, т. I, 293, 404, 490—492, 521, 592; изд. второе, 256, 352—354, 558, 571.

Демидова, Елена Дмитр., изд. первое, т. I, 477; изд. второе, 339; т. II, 60.

Демидова, Праск. Матв., рожд. Олсуфьева, т. II, 480.

Демидовъ, Д. П., изд. первое, т. I. 477, 487; изд. второе, 338, 349.

Демидовъ, Никита, основат. богатства фам. Демидовыхъ, т. II, 298.

Демидовъ, Пав., ротмистръ, 1825 г., изд. первое, т. I, 497; изд. второе, 250.

Демидовъ, Пав. Григор., ученый временъ Екатерины II, т, II, 298, 301.

Де-Мурье, франц. генер., т. II, 128.

Деннеисъ, монументный мастеръ, т. II, 632.

Денъ, Зигфридъ, учит. музыки, изд. пер-

вое, т. I, 590—592; изд. второе, 385—387; т. II, 62, 419, 616, 623, 625, 630, 639.
Депрерадовичъ, Ив. Иллар., подполков., 1781 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Депуле, Мих. Өед.: сообщ. о пребываніи импер. Павла въ Козмодемьянскѣ 1798 г., изд. первое, т. I, 322—325; изд второе, 420—422; анекдоты объ И. А. Крыловѣ, изд. первое, т. 1, 471—473; изд. второе, 554—556.
Дербетевъ, кн. 1774 г., т. II, 247.
Державинъ, Гав. Ром., гвардіи поручикъ, писатель: участіе его въ усмиреніи пугачевскаго бунта, т. II, 344, 345, 398, 400, 405; упом.: изд. первое, т. I, 16; изд. второе, 41; т. II, 79.
Де-Сантисъ, піанистъ, т. II, 451.
Дессауеръ, композиторъ, изд. первое, т. I, 572; изд. второе, 367.
Де-Серво, изд. первое, т. I, 83; изд. второе, 59.
Десимонъ, капит., начальн. одного изъ отдѣл. пажескаго корпуса, т. II, 203.
Де-Синсеверъ, франц. консулъ, изд. первое, т. I, 86; изд. второе, 63.
Дехортъ, изд. первое, т. I, 313; изд. второе, 143.
Джіафаръ, профессоръ, изд. первое, т. I, 395; изд. второе, 329.
Джіулини, негоціантъ, изд. первое, т. I, 581—583; изд. второе, 375—377.
Джіулини, Карлота, дочь негоціанта, изд. первое, т. I, 581; изд. второе, 375,
Джіулини, Луиджіа, дочь негоціанта, изд. первое, т. I, 581, 583; изд. второе, 375, 377.
Джіу Стефани, т. II, 429.
Джуельбенца, Джуанъ, т. II, 436.
Дибичъ, бар. генер., изд. первое, т. I, 141, 279; изд. второе, 212, 246.
Дибулинъ, гренадеръ, 1774 г., т. II, 227, 243, 245, 321—323, 348, 355, 356.
Дивовъ, камеръ-юнкеръ, 1815 г., изд. второе, т. I, 150; изд. второе, 221.
Дивовъ, декабристъ, т. II, 184.
Дивовъ, одинъ изъ составит. закон. въ царств. Елизаветы Петровны, т. II, 110.
Дидрихъ, поручикъ: участіе его въ усмиреніи пугачевскаго бунта 1774 г., т. II, 235, 243, 326, 327, 331—333.
Дирина, Анна Серг., рожд. Танѣева, помѣщица демьянскаго уѣзда: бунтъ воен. поселянъ 1831 г., изд. первое, т. I, 601—603; изд. второе, 285—288.
Диринъ, Петр. Алексѣев.: разсказъ его о бунтѣ воен. посел. въ селѣ Петровскомъ 1831 г., изд. первое, т. I, 601—603; изд. второе, 285—288.
Диффенбахъ, операторъ, изд. первое, т. I, 590, 593; изд. второе, 385, 387.
Дицъ, подполков.: участіе его въ усмиреніи пугачевскаго бунта 1773 г., т. II, 211, 246—250.
Діоминъ, гренадеръ, т. II, 122.
Дмитревскій, актеръ, т. II, 199.
Дмитріевъ, Ив. Ив., мин. юст., писатель, изд. первое, т. I, 16; изд. второе, 41; т. II, 79, 83, 86, 200.
Дмитріевъ, Мих. Алекс., соч. его: «Мелочи изъ запаса моей памяти», изд. второе, библіогр. ист., 19.
Дмитріевъ, Мелентій, сельскій старшина, изд. первое, т. I, 287; изд. второе, 281.
Дмитріева-Мамонова, Аграф. Артам., рожд. Иванова, изд. первое, т. I, 465; изд. второе, 544.
Дмитріева-Мамонова, Александ. Сем., рожд. кн. Волконская, р. 1733†1793 г., изд. первое, т. I, 465; изд. второе, 544.
Дмитріева-Мамонова, Марөа Мих., рожд. Сафонова, т. II, 490.
Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Александ. Матв., любимецъ Екатерины II, р. 1758 † 1803 г., изд. первое, т. I, 466; изд. второе, 544.
Дмитріевъ-Мамоновъ, Ив. Ильичъ — старшій, ген.-аншефъ, р. 1681 † 1731, изд. первое, т. I, 465; изд. второе, 544.
Дмитріевъ-Мамоновъ, Ив. Ильичъ — младшій, капит. гвар., изд. первое, т. I, 465; изд. второе, 544.
Дмитріевъ-Мамоновъ, Ив. Өед., ген.-маіоръ, † 1812 г. изд. первое, т. I, 466; изд. второе, 544.

Дмитріевъ-Мамоновъ, Серг. Алексѣев., полков., т. II, 490.
Дмитріевъ-Мамоновъ, Θед. Ив., писатель, р. 1727 † 1805 г.: его біографія, изд. первое, т. I, 465—470; изд. второе, 544—549.
Дмитровъ, войсков. старш., изд. первое, т. I, 252; изд. второе, 485.
Довмонтъ — Тимоѳей, князь, изд. первое, т. I, 190, 192; изд. второе, 28, 30.
Долговъ, Семенъ, слуга, 1723 г., изд. первое, т. I, 508; изд. второе, 401.
Долгополовъ, Ив. Ив. (Остафій Трифоновъ), купецъ: участіе его въ Пугачевскомъ бунтѣ, т. II, 118, 220—228, 235, 243—245, 248, 321—344, 346—347, 358, 361, 362, 371, 372, 412.
Долгорукая, кн. Екат. Алексѣев., невѣста импер. Петра II, т. II, 44, 46, 52.
Долгорукая, кн, Елиз. Петр., рожд. Бакунина, изд. первое, т. I, 316; изд. второе, 147.
Долгорукая, кн. Марія Александ., т. II, 111, 469.
Долгорукой, кн. т. II, 502.
Долгорукой, кн., ген.-лейтен. 1805 г. изд. первое, т. I, 335; изд. второе, 504.
Долгорукой, кн. Александ. Александ., камергеръ 1781 г., изд. первое, т. I, 316; изд. второе, 147.
Долгорукой, кн. Александ. Никол., офицеръ преображ. полка, изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Долгорукой, кн. Алексѣй Григор., т. II, 44, 52.
Долгорукой, кн. Вас. Анд., воен. мин. 1855 г., т. II, 568.
Долгорукой, кн. Вас. Вас., полков., т. II, 213.
Долгорукой, кн. Вас. Влад., маіоръ 1708 г.: письма его къ кн. Меншикову по поводу булавинскаго бунта, т. II, 9—12; упом. т. II, 115.
Долгорукой, кн. Вас. Лук., членъ верховнаго совѣта, т. II, 48, 49, 50.
Долгорукой, кн. Влад. Серг., рус. посолъ при прусск. дворѣ 1773 г., т. II, 213.
Долгорукой, кн. Григ. Алексѣев., т. II, 49, 50, 52.
Долгорукой, кн. Григ. Θед. (Серг. Григ.?) 1731 г., т. II, 52.
Долгорукой, кн. Ив. Алексѣев., любимецъ Петра II, т. II, 40, 42, 48, 50.
Долгорукой, кн. Мих. Александ., камеръ-юнкеръ, изд. первое, т. I, 316, 318; изд. второе, 147, 149.
Долгорукой, кн. Николай, изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Долгорукой, кн. П. В., изд. первое, т. I, 466; изд. второе, 544.
Долгорукой, кн. Юр. Влад., ген.-поруч. т. II, 124.
Долгорукой, кн. Як. Александ., т. II, 111.
Долгорукой, кн. Як. Θед., т. II, 26, 33—35, 111.
Домашневъ, С. Г., камергеръ, директ. С.-Петербургской акад. наукъ, изд. первое, т. 1, 307, 316, 468; изд. второе, 107, 146, 547.
Дона, гр., ген. прусс. службы, изд. первое, т. 1, 562; изд. второе, 297.
Донауровъ, бригадиръ 1796 г., изд. первое, т. I, 31; изд. второе, 417.
Дондуковъ, кн., т. II, 247, 250.
Доницетти, композиторъ, изд. первое, т. I, 567, 575, 578, 582; изд. второе, 362, 370, 372, 377.
Дононъ, ресторатор, т. II, 453.
Донцелли, пѣвецъ, изд. первое, т. I, 580; изд. второе, 375.
Дохтуровъ, Дмитрій Серг., ген. отъ инфан. 1805 г., изд. первое, т. I, 343; изд. второе, 505.
Дохтуровъ, Пав. Аѳан., капит.-лейтен., изд. первое, т. I, 519; изд. второе, 254.
Древицъ, полковникъ 1774 г., т. II, 228, 229, 231—235.
Дреслеръ, капит. 1812 г., изд. первое, т. I. 457; изд. второе, 469.
Дружининъ, полит. преступ. т. II, 185.
Друцкая, кн. Авд. Богд., изд. первое, т. I, 11; изд. второе, 36.
Друцкая, кн. Дар. Дан., изд. первое, т. I, 11; изд. второе, 36.
Друцкая, кн. Елиз. Дан., изд. первое, т. I, 12; изд. второе, 38.

Друцкой, кн. Дан. Анд., изд. первое, т. I, 10, 11; изд. второе, 36, 37.

Дубельтъ, 1817 г., изд. первое, т. I, 262; изд. второе, 231.

Дубельтъ, Леонт. Вас., ген. т. II, 283, 616.

Дубровинъ, Ив. Ив., капит.-лейтен., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.

Дубровскій, П. П., цензоръ, т. II, 441, 447, 612.

Дуве, премьеръ-маіоръ, т. II, 219.

Дунька (Авдотья), атаманша, т. II, 369.

Дурново, оберъ-аудиторъ, изд. первое, т. I, 459; изд. второе, 471.

Дуровъ, Никол. Павл., сообщ.: журналъ кн. Н. Ю. Трубецкого, изд. первое, т. I, 8—15; изд. второе, 33—41; отчеты Лагарпа о воспитаніи в. кн. Александра и Константина Павловичей, изд. первое, т. I, 34—44; 103—132; 407—419; изд. второе, 152—205; т. II, 161—174; 253—266; о соч. Дмитріева-Мамонова: т. I, изд. первое, 468—470; изд. второе, 548.

Дюбюиссонъ, содержат. гостин., изд. первое, т. I, 23; изд. второе, 49.

Дювалъ, Луи-Давидъ, торгов. драгоцѣнными вещами, изд. первое, т. I, 205, 209; изд. второе, 89, 92.

Дювилліаро, изд. первое, т. I, 209; изд. второе, 91.

Дюгамель, дѣйств. ст. сов., лифлянд. гражд. губернат.: списокъ съ отношенія къ нему курлянд. граж. губернат., тайн. сов. Сиверса, 1813 г. изд. первое, т. I, 460—461; изд. второе, 472—473.

Дюкъ-Лирійскій, изд. первое, т. I, 16; изд. второе, 42.

Дюма, ножевщикъ, изд. первое, т. I, 23; изд. второе, 48.

Дюнанъ, пасторъ, изд. первое, т. I, 77; изд. второе, 54, 55.

Дюпоръ, т. II, 456.

Дюпре, пѣвецъ, изд. первое, т. I, 566, изд. второе, 260.

Дюрби, торговецъ кирпичемъ, изд. первое, т. I, 311; изд. второе, 141.

Е.

Е..., г-жа, изд. первое, т. I, 149; изд. второе, 221.

Е..., капитанъ, т. II, 608.

Евгеній, кіевск. митропол., изд. первое, т. I, 403, 463, 467; изд. второе, 541, 546, 585; т. II, 154, 195, 200.

Евдокія Ѳеодоровна, царица, т. II, 47.

Евментьевы, кубанс. казаки, 1708 г., т. II, 6.

Е. Г. Ч..., г-жа, т. II, 528, 529.

Единкаровъ, полков., т. II, 578.

Ейхбергеръ, пѣвецъ, изд. первое, т. I. 563; изд. второе, 358.

Ейхлеръ, изд. первое, т. I, 513; изд. второе, 406.

Е. К..., г-жа, т. II, 285, 287, 290, 291, 373, 375, 393—396.

Екатерина I, императрица: вѣнчаніе ея съ Петромъ I, изд. первое, т. I, 517-518; изд. второе, 398—399. Указъ ея въ Преображенскую канцелярію, 1727 г., изд. первое, т. I, 403; изд. второе, 296. Восшествіе на престолъ и бытъ ея, т. II, 37—40. Упом.: изд. первое, т. I, 9, 84, 507, 515; изд. второе, 34, 60, 400, 407; т. II, 51, 76, 101, 469.

Екатерина II, императрица: отношенія къ ней Петра III, изд. первое, т. I, 201, 215; изд. второе, 84, 97. Екатерина у гроба императр. Елисаветы, изд. первое, т. I, 85—86; изд. II, 202—203. Восшествіе на престолъ и арестъ Петра III, изд. первое, т. I, 216—226; изд. второе, 99—109. Отношенія къ герцогу Голштинскому и принцессѣ Софіи-Шарлоттѣ, изд. первое, т. I, 227—228; изд. второе, 110—111. Разговоръ съ Бецкимъ и назначеніе его провѣрить корон. брильян. изд. первое, т. I, 228—229; изд. второе, 111—112. Отъѣздъ въ Москву и коронація, изд. первое, т. I, 231—232; изд. второе, 114—115. Заговоры Гурьевыхъ, Хитрова и Рославлева и возвращеніе императрицы въ Петербургъ, изд. первое, т. I, 235, 236; изд. второе, 117, 118. Отправленіе

Понятовскому ордена, изд. первое, т. I, 236—237; изд. второе, 119—120. Посылка медалей Даламберу и Вольтеру, изд. первое, т. I, 242; изд. второе, 215. Одобренный императрицею планъ исторіи, изд. первое, т. I, 28—29; изд. второе, 415—416. Мнѣніе, выраженное въ наказѣ о воспитаніи великихъ князей, изд. первое, т. I, 122; изд. второе, 170. Упраздненіе греко-уніатскихъ монастырей и указы объ уничтоженіи уніи, изд. первое, т. I, 527—539; изд. второе, 517—528. Присутствіе при погребеніи Анны Леопольдовны, изд. первое, т. I, 498; изд. второе, 512. Письма къ Голенищеву-Кутузову, изд. первое, т. I. 250—251; изд. второе, 483—484. Политика ея, т. II, 126—130. Отправленіе ген.-маіора Кара на Яикъ, 1773 г., т. II, 214. Указы объ учрежденіи и открытіи губерній по новому положенію, т. II, 366—370. Инструкція Павлу Потемкину 1774 г., т. II, 400—402. Полученныя Екатериною донесенія Павла Потемкина о пугачевскомъ бунтѣ и поимкѣ Пугачева, т. II, 402, 404—413. Письмо П. Потемкина, 1791 г., т. II, 414. Состоявшій при Екатеринѣ Совѣтъ, т. II, 467, 468. Ея отношенія къ кн. Дашковой, т. II, 493, 494. Упом.: изд. первое, т. I, 8, 16, 18, 34, 52, 239, 272, 306, 319, 463, 503, 512, 547; изд. второе, 34, 41, 44, 122, 137, 149, 152, 241, 405, 535, 542, 544, 556; т. II, 74, 79, 80, 195, 198, 298, 311, 312, 372, 397, 399, 472.

Екатерина Іоанновна, принцесса Мекленбургская, † 1734 г., изд. первое, т. I, 598, 599; изд. второе, 411, 412; т. II, 47, 48.

Екатерина Павловна, вел. кн., изд. первое, т. I, 264, 280; изд. второе, 233, 247.

Елагина, Марія Ив., † 1774 г., т. II, 200.

Елагинъ, Андреянъ, гофмейст., † 1755 г., т. II, 197.

Елагинъ, Ив. Перф., писатель, р. 1725 † 1796 г.: біографическія свѣдѣнія о немъ и его сочиненія, т. II, 197—200; упом. изд. первое, т. I, 468; изд. второе, 547; т. II, 638.

Елена Павловна, вел. кн., т. II, 443.

Еллена, гувернеръ, изд. первое, т. I, 389; изд. второе, 322.

Елизавета, принц., любская, изд. первое, т. I, 512; изд. второе, 405.

Елизавета, игуменья георгіевскаго монастыря, т. II, 484.

Елизавета Алексѣевна, императрица, изд. первое, т. I, 461; изд. второе, 474.

Елизавета Петровна, императрица: восшествіе ея на престолъ, изд. первое, т. I, 86—89; изд. второе, 63—66. Нравъ ея и привычки, изд. первое, т. I, 90—91, 96; изд. второе, 67, 73. Характеръ и правленіе, т. II, 99—100. Заказъ звѣзды для саксонскаго принца Карла, изд. первое, т. I, 91, 92; изд. второе, 67, 68. Отношенія къ наслѣднику престола, изд. первое, т. I, 99; изд. второе, 76. Кончина, изд. первое, т. I, 197; изд. второе, 80. Погребальная обстановка, изд. первое, т. I, 202; изд. второе, 85. Описаніе двора и увеселеній при Елизаветѣ, изд. первое, т. I, 203—204; изд. второе, 86—87. Письма къ ней Шепелевой, изд. первое, т. I, 510—515; изд. второе, 403—407. Упом.: изд. первое, т. I, 12, 15, 18, 20, 28, 83, 97, 100, 214, 410; изд. второе, 38, 41, 44, 46, 60, 74, 77, 96, 415, 597; т. II, 20, 40, 47 56, 79, 105, 115, 127, 194, 196, 197, 296.

Елисѣевъ, Григ. Зах., писатель и публицистъ, изд. первое, т. I, 502; изд. второе, 508.

Ельчинъ, поручикъ, 1774 г., т. II, 240, 250.

Е. М. С., графиня, т. II, 292.

Емельяновъ, Вас., рядовой, изд. первое, т. I, 283; изд. второе, 277.

Емме, одинъ изъ составит. закон. въ царствованіе императр. Елизаветы, т. II, 110.

Ермолаевъ, козмодемьянскій градской голова, 1798 г., изд. первое, т. I, 323; изд. второе, 421.

Ермоловъ, Александ. Өед., поручикъ, т. II, 239.
Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген. отъ артил., изд. первое, т. I, 293, 373; изд. второе, 505, 558.
Ермоловъ, Клавдій Алексѣев.: участіе его въ штурмѣ Карса, 1855 г., т. II, 582, 595, 597 — 601.
Ермоловъ, Н. П., т. II, 636.
Ерофеевъ, Ант., донск. каз., 1708 г., т. II, 5.
Ертеаристъ, Карпъ, старш. куб. казач. войска, 1708 г. т. II, 5.
Ершовъ, поручикъ, 1773 г., т. II, 213, 354, 363.
Ершовъ, ямщикъ, т. II, 530.
Есауловъ, Евг. Пав., ген.-лейтен.: сообщ.: о Старбусѣ, ружейномъ мастерѣ, изд. первое, т. I, 597; изд. второе, 398.
Есиповъ, Григ. Вас.: сообщ. Княгиня-игуменья, 1722 — 1725 г., изд. первое, т. I, 507 — 510; изд. второе, 400 — 403; одна изъ резолюцій Петра I, 1719 г., т. II, 293.
Ефимовскіе, родственники импратр. Елизаветы, т. II, 101.
Ефремовъ, Пет. Александ.: сообщ. письма К. Н. Батюшкова къ Н. И. Гнѣдичу, изд. первое, т. I, 65 — 71; изд. второе, 549 — 554; къ исторіи лобнаго мѣста въ Москвѣ 1844 г.: отношеніе мин. внут. д. Перовскаго къ москов. ген.-губерн. кн. Щербатову, изд. первое, т. I, 462 — 463; изд. второе, 539; о Шешковскомъ, т. II, 638 — 639.
Ешевскій, профес. московск. универс., т. II, 14.

Ж.

Жаль, докторъ, т. II. 450, 451.
Жандръ, состоявшій при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ, изд. первое, т. I, 497; изд. второе, 250.
Жеваховъ, царево-кокшайс. городничій, т. II, 519.
Женисьё, г-жа, т. II, 429.
Жеребцовъ, масонъ 1815 г., изд. первое, т. I, 155; изд. второе, 226.
Жеребцовъ, помѣщикъ, изд. первое, т. I, 397; изд. второе, 331.
Жилкинъ, прапорщикъ, 1854 г., изд. первое, т. I, 377; изд. второе, 311.
Житковъ, учитель, изд. первое, т. I, 420; изд. второе, 216.
Жихаревъ, писатель, т. II, 199.
Жолобовъ, маіоръ, т. II, 402, 403.
Жуковскій, Вас. Анд., поэтъ: о письмѣ къ нему Е. А. Баратынскаго, т. II, 201 — 205, 316. Упом.: изд. первое, т. I, 265, 488, 521; изд. второе, 234, 256, 350; т. II, 268, 270, 273, 443.
Жуковъ, домовлад., изд. первое, т. I, 486; изд. второе, 348; т. II, 450.
Жуковъ, полков., т. II, 521, 522.
Журавскій, Викентій, изд. первое, т. I, 597; изд. второе, 410.

З.

Забальбуру, испанецъ, т. II, 436.
Заборовскій, Ив. Алексѣев., бригадиръ, т. II, 359.
Забѣлинъ, И. Е., составит. кн. «Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст.», изд. второе, библіогр. л., 6.
Забѣлла, Викторъ, поэтъ, т. II, 279.
Забѣлла, Е. П., г-жа, т. II, 439.
Завадовскій, гр., мин. нар. просв., изд. первое, т. I, 65, 312; изд. второе, 142, 549.
Завалишинъ 1-й, декабристъ, т. II, 184, 187.
Завалишинъ 2-й, декабристъ, т. II, 185.
Завойко, Вас. Степ., ген.-маіоръ, начальникъ Петропавловскаго порта, 1854 г. изд. первое, т. I, 368 — 372; 374 — 378; изд. второе, 302—306, 308—312.
Загаль, погонщ. муловъ, т. II, 428.
Загорѣцкій, декабристъ, изд. первое, т. I, 161; изд. второе, 569; т. II, 185.
Задорожная, Марія Степ., т. II, 277.
Заикинъ, декабристъ, т. II, 185.
Зайончекъ, кн., намѣстн. Царства Польскаго, изд. первое, т. I, 497; изд. второе, 251.
Закревская, дѣвица, изд. первое, т. I, 305; изд. второе, 151.
Замбоони, учитель музыки, изд. первое, т. I, 487; изд. второе, 349.
Зассъ, полков., 1825 г., т. II, 146.
Захаровъ, И. С., писатель, т. II, 200.

Звѣревъ, Вас. Степ., ген.-маіоръ, изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Зенкинъ, учитель имп. Петра II, т. II, 42.
Зеленугина, Марія Никол., т. II, 237.
Зембницкій, профес., изд. первое, т. I, 395; изд. второе, 329.
Зеферина, т. II, 433.
Зингарелли, композиторъ, изд. первое, т. I, 568; изд. второе, 362.
Зиновьевъ, маіоръ, т. II, 351.
Злобинъ, Алексѣй, крестьян., волост. голова села Малыкова, теперь гор. Вольскъ, т. II, 123.
Зловъ, пѣвецъ, изд. первое, т. I, 393; изд. второе, 326.
Золотовъ, т. II, 501.
Зотовъ, Никита Моисѣев., наставн. имп. Петра I, т. II, 484.
Зубовъ, кн., ген. отъ инфант. т. II, 304.
Зубовъ, Пет. Алекс.: сообщ. разсказъ П. Н. Дирина о бунтѣ воен. посел. въ селѣ Петровскомъ 1831 г., изд. первое, т. I, 600 — 603; изд. второе, 285 — 289.
Зуевъ, Пет. Пав.: сообщ. шарады, 1820 гг. изд. первое, т. I, 406; изд. второе, 586; т. II, 98, 320.
Зусманъ, флейтистъ, т. II, 68.
Зутманъ, голланд. адмир., изд. первое, т. I, 301; изд. второе, 132.
Зябловскій, профес. угол. пр., изд. первое, т. I, 396; изд. второе, 329.

И.

Иваницкій, Александ. Бор., членъ Слав. Комит., изд. первое, т. I, 506, изд. второе, 585.
Ивановъ, полковн., изд. первое, т. I, 254; изд. второе, 487.
Ивановъ, декабристъ, т. II, 185.
Ивановъ, пѣвецъ, изд. первое, т. I, 490, 494, 562, 563, 565—569, 571, 574—577; изд. второе, 352, 356, 360, 363, 365—369, 370—372.
Ивановъ, курьеръ, т. II, 501.
Ивановъ, Агѣй, атам. донск. казаковъ, 1708 г., т. II, 10.
Ивановъ, Герасимъ, священ., изд. первое, т. I, 286; изд. второе, 280, 281.
Ивановъ, Герасимъ, кубанск. казакъ, 1708 г., т. II, 6.
Ивановъ, Григорій, дьяконъ, изд. первое, т. I, 283, 286; изд. второе, 277, 280.
Ивановъ, Крисанфъ, рядовой, изд. первое, т. I, 283, 284; изд. второе, 277, 278.
Ивановъ, Никол. Петр., т. II, 66.
Ивановъ, Николай, старш. донск. казач. войска 1708 г., т. II, 4.
Ивановъ, Степанъ, есаулъ донск. казач. войска, 1708 г., т. II, 5.
Ивашевъ, декабристъ, т. II, 185, 192.
Ивковъ, засѣдатель, изд. первое, т. I, 136; изд. второе, т, I, 136; изд. второе, 446.
Ивковъ, унт.-офиц. изд. первое, т. I, 136; изд. второе, 446.
Игельстромъ, піонер. офиц., декабристъ, т. II, 185.
Игельстромъ, О. А., оренбург. воен. ген.-губернат., изд. первое, т. I, 322; изд. второе, 419; т. II, 359.
Игнатьевъ, капит. 1825 г. т. II, 144.
Игнатьевъ, Гавр., крестьян., изд. первое, т. I, 296; изд. второе, 391.
Игнатьевъ, Дмитр., донск. казакъ, 1708 г. т. II, 6.
Измайлова, Анаст. Мих., рожд. Нарышкина, р. 1693 † 1761 г., статсъ-дама 1747 г., т. II, 491.
Измайлова, Ольг. Ив., рожд. Глинка. т. II, 446,
Измайловъ, ротмистръ, т. II, 437.
Изуаръ, Николо, композиторъ, изд. первое, т. I, 393; изд. второе, 326.
Изыльметьевъ, капит.-лейт., 1854 г., изд. первое, т. I, 371, 372; изд. второе, 304, 306.
Изяславъ II, вел. кн. Новгородскій. изд. первое, т. I, 185; изд. второе. 23.
Иксуль-фонъ-Гильдебрантъ, бар., полков. 1812 г., изд. первое, т. I, 446—448, 454—457, 459; изд. второе. 457, 458, 465—467, 470.
Иконниковъ, Вас., граверъ, изд. первое, т. I, 467; изд. второе, 546.

Ильина, г-жа, изд. первое, т. I, 274; изд. второе, 243.
Ильинъ, Пав. Вас., команд. 1-ой гвард. батарейн. роты, изд. первое, т. I, 273, 274; изд. второе, 242, 243.
Искра, малорос. полков., т. II, 640.
Искра, Анд., маіоръ: письмо его къ графу П. А. Зубову, т. II, 640.
Исленьевъ, ген. отъ инфант. 1825 г. т. II, 140.
Ишимъ-Оглы, крестьян., 1855 г., т. II, 576.

I.

Іоаннъ Алексѣевичъ, царь, † 1696 г., т, II, 47.
Іоаннъ Антоновичъ, императоръ: секретный указъ отъ его имени гр. С. А. Салтыкову, 1740 г. изд. первое, т. 1, 515 — 516; изд. второе, 409 — 410. Арестъ его, изд. первое, т. I, 88; изд. второе, 64. Смерть его, т. II, 176. Упом.: изд. первое, т. I, 19, 81, 84; изд. второе, 44, 56, 61; т. II, 56, 100.
Іоаннъ Васильевичъ III, вел. кн. московскій, т. II, 366.
Іоаннъ IV Грозный, царь, т. II, 24, 41.
Іорданъ, Як. Самойл., сек.-маіоръ, изд. первое т. I, 315; изд. второе, 145.
Іовъ, архіер. новгорд., изд. первое, т 1, 517; изд. второе, 399.
Іона, священникъ, изд. первое, т. I, 372; изд. второе, 305.
Іонинъ, Алексѣй, дьяконъ, т. II, 413.
Іоханнисъ, театральный капельмейстеръ, т. II, 64.
Іустиновъ, Ив., дьячекъ, изд. первое, т. I, 183; изд. второе, 277.

К.

К—?, адъютантъ, 1854 г., изд. первое, т. I, 369; изд. второе, 302.
Кабрановъ, т. II, 565.
Кавелинъ, с.-петербург. воен. губерн. 1825 г., т. II, 152.
Кавосъ Ив., музыкантъ, т. II, 70, 271, 272, 448.
Кавосъ, Катерина Альбертовичъ, капельмейстеръ, т. II, 67, 272, 386.
Казадаевъ, Александ. Вас., тайн. сов., т. II, 62, 450.
Кайсарова, изд. первое, т. I, 576; изд. второе, 370.
Кайсаровъ, ген., изд. первое, т. I, 266, 270; изд. второе, 234, 239.
Кайсаровъ, Анд., студентъ, изд. первое, т. I, 351; изд. второе, 509.
Калачовъ, капит., т. II, 484.
Калачовъ, Никол. Вас., издат. «Архива историческихъ свѣдѣній о Россіи». изд. первое, т. I, 510; изд. второе, 404; библіогр. л., 12.
Камаркова, фрейлина, изд. первое, т. I, 513; изд. второе, 406.
Камбіажіо, Изидоръ, изд. первое, т. I, 579, 585; изд. второе, 374, 380.
Камбіажіо, Чирилла, изд. первое, т. I, 577, 579; изд. второе, 372, 374.
Камбель, г-жа, изд. первое, т. I, 514; изд. второе, 407.
Каменская, Анна Алексѣев., рожд. Зыбина, т. II, 80.
Каменскій, гр. Мих. Өедот., фельдмарш., р. 1738 † 1809 г., т. II, 79.
Каменскій, Пав. Павл., т. II, 382, 393.
Каменскій, Өед. Мих., генералъ-маіоръ, т. II, 80.
Камеронъ, архитект., изд. первое, т. I, 247, 248; изд. второе, 425.
Кампенгаузенъ, бар., рожд. фонъ-Лешертъ, статсъ-дама, т. II, 480.
Кампенгаузенъ, Ив. Ив., ген.-маіоръ и шведс. баронъ, т. II, 480.
Канабихъ, помѣщ. отстав. ген.-лейт., изд. первое. т. I, 33, 134, 403; изд. второе, 419, 445, 586.
Канкринъ, гр. Ег. Франц., мин. фин., изд. первое, т. I, 274; изд. второе, 243.
Кантакузенъ, Сербанъ (Сергій), волошскій господарь, т. II, 478.
Кантемиръ, кн. Антіохъ Димитр., сатирикъ, изд. первое, т. I, 8; изд. второе, 33; т. II, 49, 195.
Кантемиръ, кн. Дмитр. Антіох., молдав. господарь, потомъ тайн. сов. и сенаторъ, р. 1663 † 1723 г., т. II, 478, 492,
Кантемиръ, Кассандра (Александ.) Серг.

рожд. Кантакузенъ, р. 1687 † 1713 г., т. II, 478.
Кантемиръ, кн. Софья Богд., рожд. Пассекъ, т. II, 497.
Канціани, актриса, изд. первое, т. I, 67, 69, 70; изд. второе, 550, 552, 553.
Каппо-д'Истріа. гр., статс. секрет., т. II, 535.
Капцевичъ, подполков., изд. первое, т. I, 33, 254; изд. второе, 387, 419.
Карабанова, рожд. Кисловская, т. II, 468.
Карабанова, Вар. Ив., рожд. кн. Гагарина, т. II, 468.
Карабановъ, Пав. Өед., р. 1767 † 1851 г., составит. списка гофм., статсъ-дамъ и фрейлинъ русскаго двора въ XVIII столѣтіи, т. II, 468 — 498.
Караджичъ, сербскій писатель, т. II, 313.
Каразинъ, Вас. Н. р. 1773 † 1842 г.: письма его къ императ. Николаю I и Александру I, т. II, 532 — 544; письмо и объяснительная записка къ гр. В. П. Кочубею, т. II, 544 — 566; статья его: «Польскій вопросъ въ 1839 году», т. II, 307—313, опечатка о годѣ рож. т. II, 416.
Каразинъ, Филадельфъ Вас., сообщ. статью В. Н. Каразина «Польскій вопросъ въ 1839 г.», т. II, 307 — 313; письма В. Н. Каразина къ императ. Николаю I, Александру и къ гр. В. П. Кочубею, т. II, 532 — 566.
Каракулинъ, подполков. 1796 г., изд. первое, т. I, 33; изд. второе, 419.
Караловъ, капит.-лейтен., 1854 г. изд. первое, т. I, 367; изд. второе, 300.
Карамзинъ, Никол. Мих., исторіографъ, изд. первое, т. I, 166, 264; изд. второе, 233, 395.
Карамышевъ, отстав. офиц., т. II, 350.
Каратыгинъ, Вас., Андр., драмат. актеръ, изд. первое, т. I, 474; изд. второе, 570.
Каратыгинъ, Петръ, актеръ, т. II, 288.
Карауловъ, изд. первое, т. I, 68, 70; изд. второе, 551, 553.
Карецкій, поручикъ, изд. первое, т. I, 284, 285, 288; изд. второе, 278, 279, 282.
Карина, Анна Мих., рожд. кн. Голицына, т. II, 75.
Каринъ, Александ. Григ., писатель, † 1760 г.: біографическія свѣдѣнія о немъ, т. II, 74.
Каринъ, Никол. Григ., писатель, † 1768 г.: біографическія свѣдѣнія о немъ, т II, 75.
Каринъ, Өед. Григ., писатель, † 1800 г.: біографическія свѣдѣнія о немъ, т. II. 75, 76.
Карлъ, эрцъ-герцогъ австрійскій, изд. первое, т. I, 326; изд. второе, 492.
Карлъ XII, король шведскій, изд. первое, т. I, 124; изд. второе, 173.
Кармалина, Люб. Ив., рожд. Бѣленицына, т. II, 619.
Карновичъ, Евг. Петр.: сообщ. указъ Сенату Александра I по дѣлу помѣщика Орлова, 1802 г., изд. первое, т. I, 46 — 47; изд. второе, 441; рескрипты Александра I на имя ярославскаго губернатора по дѣлу помѣщика Побѣдинскаго, 1802 — 1803 гг., изд. первое, т. I, 47 — 48; изд. второе, 442 — 443.
Карновичъ, Петръ Степ., предвод. дворян. ярославс. уѣзда, изд. первое, т. I, 49; изд. второе, 443.
Карповъ, маіоръ, т. II, 501.
Карташевъ, капит., т. II, 213, 363.
Карцева, помѣщица, изд. первое, т. I, 283; изд. второе, 277.
Карцевъ, Өед. Никол., переводчикъ Вольтера, т. II, 76.
Каръ, ген.-маіоръ, 1775 г., т. II, 130, 214, 397.
Кастель, графиня, изд. первое, т. I. 511; изд. второе, 405.
Кастилья, Феликсъ, сынъ негоціанта, т. II, 427.
Кастріото-Скандербегъ, музыкантъ, т. II, 440, 443.
Каттартъ, лордъ, изд. первое, т. I. 58; изд. второе, 475.
Катенинъ, писатель, т. II, 90.
Кауницъ, кн., австр. министръ, изд. первое, т. I, 303; изд. второе, 134.
Кауфманъ, Конст. Петр., полков., т. II, 586, 592.

Кауфманъ, Мих. Петр., подполков., т. II, 600, 601.
Каховскій, декабристъ, т. II, 143, 150, 184.
Качаловъ, капит. 1-го ранга, 1825 г., т. II, 144.
Каншеровъ, В. Н., т. II, 621, 623—625, 629.
Капталинскій, Өед. Степ., т. II, 63.
Кватрини, управляющ. оркестромъ въ Варшавѣ, изд. первое, т. I, 567; изд. второе, 361.
Квашнинъ - Самаринъ, штабсъ-капит., команд. 1-й саперн. роты, 1825 г., т. II, 134.
Кейзерлингъ, гр. русскій посолъ въ Варшавѣ, изд. первое, т. I, 237; изд. второе, 120.
Кейзерлингъ, прусскій посланникъ, т. II, 479.
Кейтъ, ген., изд. первое, т. I, 89; изд. второе, 65.
Кельнеръ, Отто - Готфридъ, секундъ-маіоръ, изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 146.
Кеневичъ, Владис. Өеофил.: письмо его и замѣтка о баснѣ «Обѣдъ у медвѣдя», т. II, 83—86; 414—415; упом.: изд. первое, т. I, 471; изд. второе, 554.
Кернъ, дивизіон. команд., изд. первое, т. I, 259—271; изд. второе, 228—238.
Кернъ, Анна Петр, по второму мужу Маркова-Виноградская, рожд. Полторацкая: воспоминанія ея: три встрѣчи съ императ. Александромъ I, изд. первое, т. I, 258—271; изд. второе, 228—240; упом.: изд. первое, т. I, 491, 492; изд. второе, 353, 354.
Керубини, композиторъ, изд. первое, т. I, 392; изд. второе, 326.
Кестеръ, пѣвица, т. II, 462.
Кеттенбургъ, гольштинс. камергеръ, изд. первое, т. I, 515; изд. второе, 407.
Кетчеръ, Никол. Христоф., переводчикъ Шекспира, изд. первое, т. I, 606; изд. второе, 577.
Кидрясъ, войсковой старш., т. II, 406.
Кильхенъ, Христіанъ, сек.-маіоръ, 1781 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Кильхенъ, маіоръ, команд. митавск. батал., 1812 г., изд. первое, т. I, 452; изд. второе, 462.
Кинскій, вахмистръ прусской службы, изд. первое, т. I, 256; изд. второе, 488.
Кипріяновъ, Александ, Ив., изд. первое, т. I, 475; изд. второе, 337.
Кипріяновъ, Василій, директ. московс. типографіи, изд. первое, т. I, 7; изд. второе, 394, 395.
Кириловъ, стат. сов. 1773 г. т. II, 218, 219.
Кириловъ, Ив., рядовой, изд. первое, т. 1, 283; изд. второе, 277.
Кирѣева, рожд. Алябьева, изд. первое, т. 1, 594; изд. второе, 388.
Кирѣевъ, декабристъ, т. II, 185.
Кичеевъ, т. II, 206, 207.
Кладо, унт.-офиц., изд. первое, т. I, 31; изд. второе, 417.
Кланрикардъ, лордъ, англ. послан. при нидерландс. дворѣ, изд. первое, т. I, 351; изд. второе, 508.
Клейнмихель, графиня В. А., изд. первое, т. I, 148; изд. второе, 219.
Клейнмихель, гр. Петр. Анд., главноуправл. путями сообщеній, изд. первое, т. I, 148, 276, 462; изд. второе, 219, 245, 538.
Клейстъ, ген., изд. первое, т. I, 141; изд. второе, 459.
Клико, вдова, т. II, 441.
Климовскій, пѣвецъ, изд. первое, т. I, 393; изд. второе, 326.
Климовъ, Ив., рядовой, изд. первое, т. I, 283; изд. второе, 277.
Клингеръ, ген.-лейтен., директ. 1-го кадетскаго и пажескаго корпусовъ, изд. первое, т. I, 420, 421; изд. второе, 217; т. II, 202, 205.
Клоизеляемнъ, тайн. сов., изд. первое, т. I, 514; изд. второе, 407.
Клямперъ, Вар. Өед., гувернантка, изд. первое, т. I, 386, 387; изд. второе, 319, 320.
Кмети, Георгій, ген., писатель, т. II, 602.
Кнехтъ, віолончелистъ, т. II, 274.
Кобенцель, графъ, изд. первое, т. I 303, 316; изд. второе, 133, 146

Ковалевскій, ген.-лейтен.: его участіе въ дѣлахъ подъ Карсомъ 1855 г., т. II, 572, 592 — 594, 599 — 602, 609.
Кованько, Пав. Ив., просьба его имп. Павлу, т. II, 640.
Кожевниковъ, декабристъ, т. II, 184.
Козловъ, одинъ изъ составит. закон. въ царствованіе императрицы Елизаветы, т. II, 110.
Козловъ, т. II, 478.
Козодавлевъ, тайн. сов., товарищъ мин. внут. дѣлъ, 1809 г., изд. первое, т. I, 345; изд. второе, 478.
Кокошкинъ, ген.-адъют., с.-петербургск. оберъ-полиц.: объявлен. имъ распоряженія о прическахъ и головныхъ уборахъ дамъ и дѣвицъ, имѣющихъ пріѣздъ ко двору, 1840 г., т. II, 95 — 96.
Коленкуръ, австр. офиц. 1812 г., т. II, 307.
Колесниковъ, домовлад., изд. первое, т. I, 323, 325; изд. второе, 420, 422.
Колесниковъ, полит. преступникъ, т. II, 185.
Колзаковъ, Конст. Павл., ген.: сообщ. разсказы П. А. Колзакова о взятіи въ плѣнъ Вандама 1813 г., изд. первое, т. 1, 137 — 144; изд. второе, 207 — 215; о принятіи цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ извѣстія о кончинѣ Александра I, изд. первое, т. I, 495 — 499; изд. второе, 247 — 253.
Колзаковъ, Пав. Анд., адмиралъ, р. 1779 † 1864 г.: его разсказы о взятіи въ плѣнъ Вандама, изд. первое, т. I, 137 — 144; изд. второе, 207 — 215; принятіе цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ извѣстія о кончинѣ Александра I, изд. первое, т. I, 495—499; изд. второе, 247 — 253.
Колломбъ, прусск. ген. 1848 г., изд. первое, т. I, 558, 562; изд. второе, 294, 297.
Колмаковъ, Ив. Екимов., подъинспект. педагогическаго института, изд. первое, т. I, 389—391, 395, 483, 484, 492, 587; изд. второе, 322—325, 329, 345, 346, 354, 382; т. II, 395.
Кологривовъ, подполков. 1796 г., изд. первое, т. I, 31; изд. второе, 417.
Кологривовъ, Мих. Ив., надв. сов. 1774 г., т. II, 229.
Коломби, танцовщица, изд. первое, т. 1, 569; изд. второе, 364.
Колычевъ, поручикъ, 1708 г., т. II, 9, 354, 356.
Колычевъ, Степ. Алексѣев., чинов. иностр. коллегіи и камеръ-юнкеръ, 1781 г., изд. первое, т. I, 315, 318; изд. второе, 145, 149.
Комаровъ, полков., т. II, 436.
Конарская, т. II, 441.
Конде, принцъ, изд. первое, т. 1, 253; изд. второе, 485.
Конисскій, Георгій, епископъ.
Коноваловъ, сообщникъ Пугачева, 1774 г., т. II, 251, 252, 338—343, 353, 364, 365.
Коновницына, гр. Анна Ив., рожд. Корсакова, р. 1769 † 1843 г.: письмо къ ней императ. Александра I, 1822 г., изд. первое, т. I, 438; изд. второе, 513.
Коновницына, гр. Марія Никол., рожд. Бахметева, сообщ.: записную книжку гр. П. П. Коновницына, изд. первое, т. I, 277—279; изд. второе, 205—207. Письма къ нему императр. Маріи Ѳедоровны и в. к. Николая Павловича, изд. первое, т. I, 425—437; изд. второе, 428—439. Письмо П. П. Коновницына къ в. к. Николаю и Михаилу Павловичамъ, изд. первое, т. I, 438—442; изд. второе, 514—517.
Коновницынъ, гр. Ив. Петр., декабристъ, изд. первое, т. I, 425; изд. второе, 431.
Коновницынъ, гр. Петр. Петр., воен. мин. и воспитатель в. к. Николая и Михаила Павловичей, р. 1776 † 1822 г.: записная книжка его, изд. первое, т. I, 277 — 279; изд. второе, 205 — 207. Письма къ нему императр. Маріи Ѳедоровны и в. к. Николая Павловича, 1814—1815, 1817 гг., изд. первое, т. I. 425—437; изд. второе, 428—439. Письмо Коновницына къ в. кн. Николаю и Михаилу Павловичамъ, 1816 г., изд. первое, т. I, 438—442; изд. второе, 514—517. Письмо къ нему Д. В. Давыдова, 1812 г., т. II, 306—307. Упом.: т. II, 206

Коновницынъ, гр. Петр. Петр., прапорщикъ, декабристъ, † 1830 г., изд. первое, т. I, 425; изд. второе, 431; т. II, 184.

Константиновъ, Павелъ, дьячекъ, изд. первое, т. I, 287, 289; изд. второе, 281, 283.

Константинъ Павловичъ, вел. кн.: о воспитаніи его подъ руководствомъ Лагарпа, изд. первое, т. I, 34 — 44, 103—132, 407—419; изд. второе, 152—205; т. II, 161—174, 253—266. Участіе въ Дрезденскомъ сраженіи 1813 г., изд. первое, т. I, 138, 139, 143; изд. второе, 208, 210, 214. Принятіе извѣстія о кончинѣ Александра Павловича и отреченіе отъ престола 1825 г., изд. первое, т. I, 279—280, 495—499; изд. второе, 246—253. Поѣздка въ Козьмодемьянскъ 1798 г., изд. первое, т. I, 323, 324; изд. второе, 420, 422. Событіе 14 декабря, 1825 г., т. II, 132—154. Упом.: изд. первое, т. I, 31, 276, 290, 310, 335, 343, 422; изд. второе, 141, 219, 245, 284, 417, 503, 505; т. II, 513.

Контю, музыкантъ, изд. первое, т. I, 583; изд. второе, 378.

Коньяръ, банкиръ, т. II, 440.

Коньяръ, Екат., дочь банкира, т. II, 440, 443.

Копьевъ, ген.-маіоръ, команд. полоцкаго егерс. полка, т. II, 59.

Коранай, сообщникъ Пугачева, т. II, 406.

Корбе, т. II, 280.

Кореневъ, Евг. Яковл.: сообщ. письмо А. С. Пушкина о печатаніи «Исторіи пугачевскаго бунта», 1834 г., изд. первое, т. I, 162; изд. второе, 569.

Корниловичъ, Александ., штабсъ-капит. генеральн. штаба, декабристъ, изд. первое, т. I, 357; изд. второе, 266; т. II, 159, 185.

Корниловъ, Александ. Петр., изд. первое, т. I, 526; изд. второе, 261.

Корнѣевъ, минск. гражд. губернат., изд. первое, т. I, 535; изд. второе, 525.

Корсаковъ, изд. первое, т. I, 320; изд. второе, 150.

Корсаковъ, А., писатель, т. II, 62.

Корсаковъ, Ив. Никол., фаворитъ Екатерины II, т. II, 497.

Корфъ, барон. Екат. Карл., рожд. гр. Скавронская, статсъ-дама, † 1755 г., т. II, 491.

Корфъ, бар. Мод. Анд.: сообщ. о погребеніи принцессы Анны Леопольдовны и мужа ея герцога Антона Ульриха, 1746 —1776 гг., изд. первое, т. I, 598 — 599; изд. второе, 412 — 418; упом.: изд. первое, т. I, 508; изд. второе, 582.

Корфъ, бар. Никол. Анд., камергеръ и ген.-полицм. р. 1710 † 1766 г., изд. первое, т. I, 220, 597; изд. второе, 103, 410, 411; т. II, 491.

Косова, Юст. Вильг., рожд. Кюхельбекеръ: сообщ. письма императр. Маріи Θедоровны къ К. И. Кюхельбекеру, 1782—1789 гг., изд. первое, т. I, 245—249; изд. второе, 422 — 426; стихотвореніе В. К. Кюхельбекера, изд. первое, т. I, 294; изд. второе, 559.

Коста, шутъ императр. Анны, изд. первое, т. I, 79; изд. второе, 56.

Костлинъ, пасторъ, изд. первое, т. I, 350; изд. второе, 508.

Костомаровъ, Никол. Ив.: соч. его «Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой», «Богданъ Хмѣльницкій» изд. второе, библ. лист., 14, 15.

Костровъ, изд. первое, т. I, 69; изд. второе, 553.

Костюшко, Θадѣй, предводитель польскихъ войскъ, изд. первое, т. I, 256, 322; изд. второе, 419, 488.

Коцебу, Августъ, писатель, изд. первое, т. I, 525; изд. второе, 260.

Кочубей, гр. Викт. Павл., государств. канцлеръ, предсѣдат. государст. сов. и мин. внутр. д. † 1834 г.: письма его О. С. Судіенкѣ и И. А. Безбородкѣ объ учрежденіи гимназіи въ г. Нѣжинѣ, т. II, 298—304. Письмо и объяснительная записка къ нему В. Н. Каразина, т. II, 544 — 566. Упом.: изд. первое. т. I, 489; изд. второе, 351; т. II, 534, 535, 536, 542.

Кочубей, П. А. сообщ. письма В. П. Ко-

чубая къ Судіенкѣ и Безбородкѣ, т. II, 298—304.

Кошелева, Маргар. Ив., рожд. Глюкъ, т. II, 480.

Кошелевъ, Ирод. Мих., ген.-поручикъ, т. II, 480.

Койсаровъ, Ив.: сговорная запись 1701 года, изд. первое, т. I, 196; изд. второе, 397.

Крамеръ, камеръ-фрау императр. Екатерины I, т. II, 41.

Красножутскій, декабристъ, т. II, 185.

Красовскій, луцкій архіеписк., изд. первое, т. I, 537, 538, 541; изд. второе, 527, 530.

Красовскій, цензоръ, т. II, 86.

Красовскій, генер., т. II, 280.

Крафтъ, профес. физики, изд. первое, т. I, 132: изд. второе, 191.

Крейсигъ, докторъ, изд. первое, т. I, 563; изд. второе, 357.

Крейцеръ, композиторъ, изд. первое, т. 1, 386; изд. второе, 320.

Крекшина, т. II, 282.

Крекшинъ, Петръ, коммисаръ, р. 1682 † 1763 г., изд. первое, т. I, 517, 518; изд. второе, 398, 399.

Креницынъ, Александ. Никол., † 1865 г. т. II, 91, 92.

Креницыны, братья, пажи, т. II, 204, 205.

Кречетниковъ, астрахан. губерн., т. II, 398.

Кривой, Максимъ, кубан. каз., т. II, 6.

Кривцовъ, приближен. цесарев. Константина Павловича, 1825 г., изд. первое, т. I, 497; изд. второе, 250.

Кривцовъ, декабристъ, т. II, 184.

Кристофовичъ, штабсъ-капит., начальн. одного изъ отдѣленій пажескаго корпуса, т. II, 202, 203.

Кроіеръ, помѣщ., т. II, 564.

Кромеръ, исторіографъ XVI стол., т. II, 308—311.

Кропотовъ, писатель, т. II, 90.

Кроосъ, А. Г.: сообщ. письмо И. Н. Скобелева къ кн. Чернышеву 1848 г., изд. первое, т. I, 603—604; изд. второе, 539—540; рапорты Худякова, т. II, 530.

Крузе, лейбъ-мед. императр. Елизаветы, изд. первое, т. I, 197; изд. второе, 80.

Крушинскій, шляхтичъ, изд. первое, т. I, 256; изд. второе, 488.

Крыжевичъ, Марія Степ., т. II, 393, 394, 396.

Крыловъ, Ив. Анд., баснописецъ: посланіе его къ В. П. Ушаковой и анекдоты о немъ, изд. первое, т. I, 470—473; изд. второе, 554—557. О баснѣ его «Обѣдъ у медвѣдя», т. II, 81—86, 414—416; разсказы о Крыловѣ, т. II, 86—88; упом.: изд. первое, т. I, 264; изд. второе, 233.

Крюднеръ, графиня, изд. первое, т. I, 475; изд. второе, 337.

Крюковская, пѣвица, изд. первое, т. I, 475; изд. второе, 337.

Крюковъ 1-й, декабристъ, т. II, 185, 193.

Крюковъ 2-й, декабристъ, т. II, 185.

Ксенофонтова, Анна Конст., изд. первое, т. I, 284; изд. второе, 278.

Ксенофонтовъ, Филиппъ, отстав. солдатъ, изд. первое, т. I, 284; изд. второе, 278.

Кубаровскій, Мих. Ив., т. II, 445, 446.

Кузьминъ, С. М., писатель, изд. первое, т. I, 468; изд. второе, 547.

Кузьминъ, Тимоѳей, инвалид. солд., изд. первое, т. I, 284, 285; изд. второе, 279.

Кузьминъ, Ѳед., изд. первое, т. I, 285, 286, 289; изд. второе, 279, 280, 283.

Кузнецовъ, вѣстовой, 1774 г., т. II, 227, 243, 245, 246, 321, 322, 330, 348.

Кузнецовъ, Петръ, яицкій казакъ, отецъ Устиньи Пугачевой, т. II, 362.

Куколевской, ген.-маіоръ, т. II, 579.

Кукольникъ, Нест. Вас., писатель, выдержки изъ его записокъ, т. II, 635—636; упом.; изд. первое, т. I, 380; изд. второе, 314; т. II, 63, 66, 67, 69, 71, 268—275, 282, 284—290, 293, 375, 377, 381, 384, 385, 388, 395, 421, 555.

Кукольникъ, Пав. Вас., профес., т. II, 377, 378.

Кукольникъ, Плат. Вас., т. II, 274, 282, 288, 374—376, 381, 384.

Кукорина, Екат. Матв., рожд. Олсуфьева, т. II, 480.
Кулубарсъ, камеръ-юнкеръ, изд. первое, т. I, 515; изд. второе, 407.
Куникъ, Аристъ Аристов., академикъ, сообщ.: записки придворнаго бриллиантщика Позье, изд. первое, т. I, 16—27, 77—103, 197—244; изд. второе, 41—127. Упом.: изд. второе, библіогр. лист., 4.
Куницынъ, профес. правъ, изд. первое, т. I, 388; изд. второе, 322.
Купреяновъ 1-ый, подполков., изд. первое, т. I, 33; изд. второе, 419.
Купреяновъ 2-ой, подполков., изд. первое, т. I, 33; изд. второе, 419.
Куракина, кн. Елена Степ., рожд. Апраксина, † 1768 г. т., I, 111.
Куракинъ, кн. Александ. Борис., вице-канц., р. 1752 † 1818 г.: письма къ нему Пикара, изд. первое, т. I, 297—321; изд. второе, 128—152; упом.: т. II, 54, 94, 177, 465.
Куракинъ, кн. Алексѣй Борис., ген.-прокур., р. 1759 † 1829 г., т. II, 296, 300, 301, 519, 520.
Курбацкій, кадетъ, т. II, 320.
Курдюмовъ, полков., т. II, 305.
Курпинскій, композиторъ, т. II, 446.
Курута, гр. Дмит. Дмитр., ген., состоявшій при цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ, изд. первое, т. I, 496—498; изд. второе, 249—251.
Кутлубицкій, маіоръ, адъют. императ. Павла I, изд. первое, т. I, 31, 33; изд. второе, 417, 419.
Кутузовъ, гр. Аркад. Павл., изд. первое, т. I, 576; изд. второе, 370; т. II, 391, 393.
Кучевской, декабристъ, т. II, 185.
Кушелева, гр. Люб. Ильин., рожд. Безбородко, т. II, 298.
Кушелевъ, Григ. Григ., адъют. импер. Павла I, 1796 г. изд. первое, т. I, 31; изд. второе, 417; т. II, 298.
Кюхельбекеръ, Вильг. Карл., поэтъ, декабристъ, р. 1797 † 1846 г., біографич. свѣдѣнія о немъ и его стихотвореніе, изд. первое, т. I, 293, 405, 406; изд. второе, 558—559. Упом.: изд. первое, т. I, 245, 387, 479; изд. второе, 321, 340, 342; т. II, 184.
Кюхельбекеръ, Карлъ Ив., директоръ Павловска, † 1809 г.: письма къ нему императр. Маріи Θеодоровны, изд. первое, т. I, 245—249; изд. второе, 422—426.
Кюхельбекеръ (Васильевъ), Мих. Вильг. изд. первое, т. I, 406; изд. второе 558; т. II, 184.
Кюхельбекеръ, Юстина Яковл., рожд. Ломенъ, изд. первое, т. I, 245; изд. второе, 423.

Л.

Лаваль, графиня, т. II, 160.
Лаверецкій, скульпторъ, т. II, 632.
Лавинскій, ген.-губернат. Восточной Сибири, т. II. 182.
Лаврентій, вятскій епископъ, изд. первое, т. I, 600, 601, изд. второе, 413 414.
Лагарпъ, Жанъ-Франсуа, писатель, р. 1739 † 1803 г.; изд. первое, т. I, 34; изд. второе, 153.
Лагарпъ, Фридрихъ-Цезарь воспитатель в. кн. Александра и Константина Павловичей, р. 1754 † 1838 г.: отчеты его гр Н. И. Салтыкову о воспитаніи великихъ князей, изд. первое, т. I, 34—44, 103—132, 407—419; изд. второе, 152—205; т. II, 161—174, 253—266: упом. изд. первое, т. I, 432; изд. второе, 436.
Ладыженскій, начальн. конторы саратов. колонистовъ, т. II, 398.
Ладыженскій, Ив. Петр., изд. первое; т. I, 14; изд. второе, 39.
Лазаревъ, адъютантъ в. к. Николая Павловича, изд. первое, т. I, 497; изд. второе, 250.
Ламбинъ, Пет. Петр., библіотекарь акад. наукъ: сообщ. замѣтку о проэктѣ манифеста 1812 г., изд. первое, т. I 405; изд. второе, 454; о булавинскомъ бунтѣ 1708 г., т. II, 1—13.
Ламбсдорфъ, изд. первое, т. I, 258 изд. второе, 489.
Ламбсдорфъ, Матв. Ив., ген., воспитат. в. кн. Николая и Михаила Павловичей;

изд. первое, т. I, 258, 426, 428, 429; изд. второе, 490, 432, 433, 489.
Ланга, Лаврентій, русскій посолъ въ Китаѣ, изд. первое, т. I, 81, 403; изд. второе, 57, 585—586.
Ландуаръ, Пьеръ (Pierre Landoirs), французс. матросъ, изд. первое, т. I, 378; изд. второе, 311.
Ланнеръ, композиторъ, изд. первое, т. I, 588, 589; изд. второе; 382, 384,
Ланъ, дивизіон. генер., 1805 г.; изд. первое, т. I, 331; изд. второе, 499.
Ланской, 1781 г.; изд. первое, т. I, 34, 306, 314; изд. второе, 136, 145, 152.
Ланской, сенаторъ, 1813 г. изд. первое, т. I, 60; изд. второе; 427.
Лаппа, декабристъ, т. II, 184.
Лаптевичъ, изд. перв., т. I, 66, 68; изд. второе, 550, 551.
Лаптевъ, дивиз. команд., изд. первое, т. I, 265, 270; изд. второе, 234, 239.
Ларіоновъ, Христъ, крестьян., изд. первое, т. I, 296; изд. второе, 391.
Ласси, гр. фельдмарш., 1741 г.; изд. первое, т. I, 12, 88; изд. второе, 38, 65.
Ласси, ген. отъ инфант., литовс. ген.-губернат. 1799 г., изд. первое, т. I, 252; изд. второе, 484; т. II, 510, 511.
Ласунскій, поручикъ, 1796 г., изд. первое, т. I, 82; изд. второе, 418.
Латуръ-дю-Пенъ, гр., франц. посолъ при нидерландск. дворѣ, изд. первое, т. I, 350; изд. второе, 508.
Лафенъ, перчаточ. фабрикантъ, т. II, 429, 430.
Лафонтенъ, баснописецъ, изд. первое, т. I, 467; изд. второе, 546.
Лебедевъ, М. С., режиссёръ, т. II, 387.
Лебедевъ, Пет. Семен.: сообщ. письмо императ. Николая I къ гр. Витгенштейну, 1825 г., т. II, 531; упом.: т. II. 371.
Лебцельтернъ, бар., австр. послан. 1825 г., т. II, 160.
Левашевъ, ген.-маіоръ, 1774 г., т. II, 233.
Левенвольдъ, гр. Рейнгольдъ, оберъ-гофмарш., † 1758 г., изд. первое, т. I, 18, 80; изд. второе, 44, 54; т. II, 465, 486.
Левенгауптъ, гр., военноначальн. шведс. арміи, 1741 г., изд. первое, т. I, 89; изд. второе, 65.
Левицкій, фотографъ, т. II, 621.
Левшинъ, писатель, изд. первое, т. I, 468; изд. второе, 547.
Легранъ, рестораторъ, т. II, 382, 393.
Лексъ, директ. мин. внут. дѣлъ, изд. первое, т. I, 463; изд. второе, 539.
Лентусова, Марья Степ., рожд. Шепковская, т. II, 639.
Леонардъ, скрипачъ, т. II, 461.
Леонова, Дар. Мих., пѣвица, т. II, 614. 615, 618.
Лепарскій, ген.-маіоръ, коменд. въ Читѣ, 1827 г., т. II, 181, 183, 185—188.
Лепарскій, плацъ-маіоръ, т. II, 188.
Лермонтовъ, Мих. Юр., поэтъ, изд. первое, т. I, 72, 381; изд. второе, 315' 560; т. II, 84.
Лерхе, окулистъ, изд. первое, т. I, 492. 486; изд. второе, 344, 348.
Лестокъ, придворн. хирургъ, изд. первое, т. 1, 18, 19, 86—89; изд. второе 44, 45, 64—66.
Летиція, мать Наполеона I, т. II, 209.
Лефортъ, ген.-адмир., 1697 г., т. II, 26, 28.
Ливенъ, кн., послан. при лондонс. и друг. европ. дворахъ, изд. первое, т. I, 57, 606; изд. второе, 424. 475; т. II, 511.
Ливенъ, кн., статсъ-дама, воспитат. малолѣтнихъ дѣтей императ. Павла I. изд. первое, т. I, 606; изд. второе. 423, 424.
Ливенъ, кн. Дарья Христоф., рожд. Бенкендорфъ, изд. первое, т. I. 606; изд. второе, 424.
Лигле, учительница музыки, изд. первое, т. I, 477, 490; изд. второе. 338, 339, 352.
Лизакевичъ, дѣйств. ст. сов., послан. при Генуэзской республикѣ, т. II, 516.
Лиліенанкеръ, маіоръ, начальн. тюремъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ, 1825 г., изд., первое, т. I, 356, 360, 362; изд. второе, 266, 270, 271.

Лимьеръ, писатель, изд. первое, т. I, 468; изд. второе, 546.
Линаръ, гр. Морицъ-Карлъ, посолъ польскаго и саксонск. дворовъ, р. 1702 † 1768 г., изд. первое, т. I, 18, 85; изд. второе, 44, 61, 62.
Линаръ, гр. Юліана, рожд. бар. Менгденъ, изд. первое, т. I, 85; изд. второе, 61.
Линденеръ, фонъ, ген.-лейт.: письмо къ нему императ. Павла I, 1799 г., изд. первое, т. I, 252; изд. второе, 485; упом.: изд. первое, т. I, 255; изд. второе, 487.
Линдквистъ, инспект. Педагогическаго Института, изд. первое, т. I, 387, 396, 478; изд. второе, 321, 330, 340.
Линдль, т. II, 549, 556.
Линчевскій, докторъ, изд. первое, т. I, 378; изд. второе, 312.
Липарскій, петерб. коменд., т. II, 439.
Липинскій, скрипачъ, т. II, 274, 284.
Липманъ, еврей, банкиръ въ 1730-хъ годахъ, изд. первое, т. I, 81, 83; изд. второе, 58, 59.
Липскій, католич. свящ., т. II, 549.
Лисовскій, полоцкій архіеписк., изд. первое, т. I, 527, 528, 539; изд. второе, 518, 528.
Лисовскій, декабристъ, т. II, 185.
Листъ, композиторъ, т. II, 383, 384, 391, 420, 630.
Литта, гр. Екат. Вас., рожд. Энгельгардтъ, р. 1761 † 1829 г., гофмейстерина 1824 г., т. II, 477.
Литта, гр. Юлій Помп., оберъ-шенкъ, р. 1754 † 1839 г., изд. первое, т. I, 528; изд. второе, 518; т. II, 477.
Лихаревъ, декабристъ, изд. первое, т. I, 161; изд. второе, 569; т. II, 185.
Лихаревъ, подпоруч., 1774 г., т. II, 350.
Лихтенштедъ, докторъ, т. II, 58.
Лихтенштейнъ, кн., фельдмар.-поруч., 1805 г., изд. первое, т. I, 331—334; изд. второе, 498—501.
Лобанова, княж., пѣвица-любительница, т. II, 270, 286.
Лобановъ, кн., домовлад., т. II, 143, 151, 152, 160.
Лобановъ, М., академикъ, авторъ ст. «О жизни и сочиненіяхъ Крылова», т. II, 85, 87.
Лобанова-Ростовская, княг. Клеоп. Ильин., рожден. Безбородко, т. II, 298, 304.
Лобановъ-Ростовскій, кн. Александ. Яков., ген.-маіоръ, т. II, 298, 331, 345.
Ловизъ, ген.-лейт.: списокъ съ отношенія къ нему т. сов. Сиверса, 1812 г. изд. первое, т. I, 457; изд. второе, 469; упом.: изд. первое, т. I, 446, 447, 449; изд. второе, 457, 458, 460.
Ловичъ, кн., супруга цесаревича Константина Павловича, изд. первое, т. I, 279, 498, 499; изд. второе, 246, 251, 258.
Лоди, Анд. Петр., пѣвецъ, т. II, 270 — 272, 288, 289.
Ломакина, Над. Анд., рожд. Сокольская, т. II, 282.
Ломакинъ, Гавр. Еким., учит. пѣнія, т. II, 64, 283, 614.
Ломоносовъ, Мих. Вас., академикъ, изд. первое, т. I, 469, 470; изд. второе, 547; т. II, 198, 200.
Лонгиновъ, Мих. Никол.: сообщ. замѣтку о письмахъ императ. Александра I къ Аракчееву, изд. первое, т. I, 499; изд. второе, 482; біографич. свѣдѣнія о А. В. Олешевѣ и Ѳ. И. Дмитріевѣ-Мамоновѣ, изд. первое, т. I, 463 — 468; изд. второе, 541—546. Его статьи: братья Карины, Нарышкины и супруги Ржевскіе, т. II, 75—80; Г. Н. Тепловъ и И. П. Елагинъ, т. II, 194—200. Упом.: изд. первое, т. I, 472, 606; изд. второе, 547, 554; т. II, 202, 399.
Лопатинъ, подполков., 1774 г., т. II, 229, 233.
Лопухина, Евд. Ѳед., первая супруга Петра I, т. II, 37, 45, 47.
Лопухина, Нат. Ѳед., рожд. Балкъ, р. 1699 † 1763 г., статсъ-дама 1730 г., т. II, 486.
Лопухинъ, Ив. Степ., подполков., т. II, 486.
Лопухинъ, Степ. Вас, вице-адмир., т. II, 486.
Лопухинъ, Степ. Вас., камеръ-юнкеръ, 1728 г., т. II, 45.

Лоренцъ, ротмистръ, 1812 г., изд. первое, т. I, 458; изд. второе, 469.
Лореръ, Ник. Ив., декабристъ, изд. первое, т. I, 161; изд. второе, 569; т. II, 185.
Лохвицкій, секрет. начальника Петропавловскаго порта, 1854 г., изд. первое, т. I, 377; изд. второе, 311.
Лубенскій, Владисл. Александ., примасъ въ Варшавѣ, т. II, 296.
Луиза, компаньонка, изд. первое, т. I, 593; изд. второе, 388; т. II, 56, 57.
Лукинъ, Влад. Игн., писат. ком., †1794 г. т. II, 198, 200, 638.
Лукьяновичъ, управл. канц. комит. раненыхъ, изд. первое, т. I, 483; изд. второе, 345.
Лумбергъ, гувернеръ, изд. первое, т. I, 389; изд. второе, 322.
Лунинъ, декабристъ, т. II, 183, 184.
Лунинъ, Пет. Мих., капит. лейбъ-гвардіи, т. II, 330, 336, 346.
Луценковъ, т. II, 500.
Львовъ, скрипачъ, т. II, 60, 448, 451.
Львовъ, Алексѣй Ѳед., директ. придвор. пѣвч. капеллы, изд. первое, т. I, 393, 487; изд. второе, 327, 349; т. II, 267, 268, 281—286, 291, 614, 635.
Львовъ, Ѳед. Петр., директ. придвор. пѣвчес. капеллы, изд. первое, т. I, 494; изд. второе, 356; т. II, 266, 267.
Лыковъ, кн. Мих. Ив., архангельскій воевода, т. II, 21, 22.
Лысовъ, сотникъ яицкихъ казаковъ, 1773 г., т. II, 214, 364.
Лѣсниковъ, заводчикъ, т. II, 334.
Люблинскій, декабристъ, т. II, 185.
Любомирскій, кн., помѣщикъ, т. II, 564.
Любомирскій, кн. Ксаверій, т. II, 508.
Людовикъ XVI, франц. король, т. II, 208.
Людовикъ Филиппъ, король французовъ, т. II, 420.
Ляблашъ, пѣвецъ, изд. первое, т. I, 569; изд. второе, 363; т. II, 614.
Лялинъ, 1740 г., т. II, 102.
Ляпуновъ, Ѳед., воевода шацкій: указъ ему отъ Петра Великаго, изд. первое, т. I, 295; изд. второе, 390.

М.

Мавринъ, капит.-поручикъ, 1774 г., т. II, 407, 408.
Мазепа, гетманъ малороссійскій, т. II, 640.
Майдель, бар. Е. И., ген.: дѣйствія его подъ Карсомъ 1855 г., т. II, 592, 593, 594, 599, 602, 609.
Майковъ, 1825 г., т. II, 143.
Майковъ, Вас. Ив., поэтъ, изд. первое, т. I, 469; изд. второе, 548.
Макарелли, маіоръ, 1800 г., изд. первое, т. I, 252; изд. второе, 485.
Макаровъ, вице-адмир., 1799 г., изд. первое, т. I, 251; изд. второе, 484.
Макаровъ, Алексѣй Вас., секрет. Петра I. изд. первое, т. I, 296; изд. второе, 391.
Макаровъ, Кирилла, рядовой, 1831 г., изд. первое, т. I, 285; изд. второе, 279.
Макъ, австр. корпусн. команд., 1805 г., изд. первое, т. I, 343; изд. второе, 505.
Максимовичъ, адъютантъ А. В. Суворова, 1775 г., т. II, 253, 324, 326.
Максимовъ, Лукьянъ, атам. донск. казач. войска, 1708 г., т. II, 1—4, 8.
Максимовъ, Никол.: сообщ. о Е. А. Баратынскомъ, т. II, 201—207; упом. т. II. 315, 316.
Максютовъ, кн. Александ., батар. команд. 1854 г., изд. первое, т. I, 375; изд. второе, 309.
Малиновскій, протоіерей, изд. первое, т. I, 275; изд. второе, 244.
Маловъ, Алексѣй Ив., протоіерей, т. II, 62, 292.
Мальфатти, докторъ, изд. первое, т. I, 588; изд. второе, 382.
Малый, Стефанъ, самозванецъ, 1775 г., т. II, 124, 313.
Малюта-Скуратовъ, т. II, 24.
Малютинъ, подполков., 1796 г., изд. первое, т. I, 32, 33; изд. второе, 418, 419.
Мамценъ, Карлъ, подполков., 1781 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.

Манавуховъ, ветеринарн. врачъ, изд. первое, т. I, 283, 284, 288; изд. второе, 278, 282.
Манахина, Маргар. Ѳед., любимица императр. Анны, т. II, 53.
Манзей, лейбъ-медикъ императр. Елизаветы, изд. первое, т. I, 197; изд. второе, 80.
Мансуровъ, Пав. Дмитр., ген.-маіоръ, 1774 г., т. II, 327, 328, 405.
Манштейнъ, составит. записокъ о Россіи, изд. первое, т. I, 16, 79, 85, 87, 245; изд. второе, 42, 56, 61, 64, 423.
Марбёфъ, ген. французск. арміи, 1813 г., т. II, 207, 208.
Маріотъ, купецъ, изд. первое, т. I, 75; изд. второе, 392.
Марія Николаевна, вел. кн., т. II, 58, 287, 290.
Марія Терезія, императрица, изд. первое, т. I, 59; изд. второе, 476.
Марія Ѳеодоровна, императрица: письма ея къ А. С. Шишкову 1813 г., изд. первое, т. I, 60 — 62; изд. второе, 427—428. Письма къ К. И. Кюхельбекеру, изд. первое, т. I, 245 — 249; изд. второе, 422—426. Письмо къ Голенищеву-Кутузову, изд. первое, т. I, 258; изд. второе, 489. Письма къ П. П. Коновницыну, изд. первое, т. I, 423—436; изд. второе, 428—439. Ходатайство о кн. Дашковой, т. II, 494; упом.: изд. первое, т. I, 262, 280, 297, 301; изд. второе, 128, 131, 231, 246; т. II, 158, 186.
Маркова-Виноградова, см. Кернъ, Анна Петр.
Марковичъ, Дмитр., секундъ-маіоръ, изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Марковичъ, Н. А., т. II, 278—280, 381.
Марковъ, Аркад. Ив., помощн. русск. полномоч. мин. при голландской республикѣ, изд. первое, т. I, 303; изд. второе, 133.
Марлинскій, см. Бестужевъ, Александ. Александ.
Марокети, учит. итальян. яз., изд. первое, т. I, 487; изд. второе, 349.
Маррасъ, пѣвецъ, т. II, 425.
Мартусевичъ, полоц. еписк., изд. первое, т. I, 543; изд. второе, 531.
Мартьяновъ, капит. л.-гв. Московскаго полка, изд. первое, т. I, 526; изд. второе, 261.
Марѳа Даниловна, карлица при дворѣ царевны Анны Петровны, изд. первое, т. I, 512; изд. второе, 405.
Маскле, Иппол. Петр., камергеръ, переводчикъ басенъ Крылова на франц. языкъ, т. II, 79.
Масленниковъ, Ѳед. Григ., мѣщанинъ, изд. первое, т. I, 322; изд. второе, 420.
Масловъ, Мих. Яков., тайн. сов., начальн. соляной конторы, т. II, 228.
Массонъ, составит. записокъ о царствованіи Александра I, изд. первое, т. I, 34, 35, 418; изд. второе, 152, 204.
Матвѣевъ, гр. Анд. Артам., дѣйств. т. сов., т. II, 473.
Матіасъ, фонъ, маіоръ, т. II, 417.
Матюи, золот. дѣлъ маст., изд. первое, т. I, 241; изд. второе, 124.
Матюшкина, гр. Анна Александ., рожд. кн. Гагарина, р. 1722 † 1804 г., оберъ-гофмейстерина 1796 г., т. II, 473, 474, 493, 495.
Матюшкинъ, гр. Никол. Дмитр., †1775 г., т. II, 474.
Мауеръ, скрипачъ, т. II, 60.
Маури, учит. пѣнія, изд. первое, т. I, 581; изд. второе, 376.
Мацкевичъ, римс.-катол. епископъ, т. II, 549.
Мацневъ, капит., начальн. одного изъ отдѣленій пажескаго корпуса, т. II, 203.
Машлыченко, Ив., старшина донск. казач. войска, 1708 г. т. II, 4.
Мего, аптекарь, т. II, 438.
Мегюль, композиторъ, изд. первое, т. I, 386, 392, 593; изд. второе, 320, 326, 387.
Медвѣцкій, Георгій, священ., изд. первое, т. I, 602; изд. второе, 287.
Медемъ, гр., т. II, 93.
Мейендорфъ, бар., русск. посолъ при вѣнскомъ дворѣ, 1814 г., изд. первое, т. I, 350; изд. второе, 508.

Мейерберъ, композиторъ, т. II, 453, 450, 624, 626, 629, 630, 636.

Мейеръ, Генріетта, изд. первое, т. I, 402; изд. второе, 336.

Мейеръ, Карлъ, піанистъ, изд. первое, т. I, 392, 396, 401, 402, 475, 480, 488, 489; изд. второе, 325, 330, 335, 338, 341, 351; т. II, 65, 66, 72, 383.

Мейеръ, Леопольдъ, піанистъ, т. II, 424.

Мейнвьель, франц. актеръ, изд. первое, т. I, 575; изд. второе, 369.

Мейнгартъ, музыкантъ, т. II, 389.

Мелинъ, гр., директ. г. Павловска, изд. первое, т. I, 605; изд. второе, 423.

Меллинъ, генер., 1774 г., т. II, 371, 405.

Мелиховъ, домовлад., т. II, 450.

Мельгунова, Нат. Ив., рожд. Салтыкова, т. II, 77.

Мельгуновъ, Алексѣй Петр., ген.-аншефъ, приближенный Петра III, изд. первое, т. I, 200; изд. второе, 83; т. II, 77.

Мельгуновъ, Никол. Алексѣев., писатель, изд. первое, т. I, 485, 573, 593, 594; изд. второе, 347, 367, 388; т. II, 454.

Мельниковъ, Никол. Леонт., капит., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.

Мельниковъ, П. И., сообщ.: къ исторіи русской печати: отнош. кн. Чернышева, т. II, 416.

Мельхіоръ, г-нъ, т. II, 423.

Мемель, музыкантъ, т. II, 375, 386, 389.

Мендельсонъ-Вартольди, композиторъ, изд. первое, т. I, 572; изд. второе, 367.

Ментлеръ, братья, типографщ.; изд. первое, т. I, 350; изд. второе, 508.

Меншикова, кн. Екат. Александ., невѣста Петра II, т. II, 42, 43.

Меншикова, кн. Дар. Мих., рожд. Арсеньева, т. II, 469.

Меншиковъ, чиновникъ, т. II, 286.

Меншиковъ, кн. Александ. Дан.: письма къ нему кн. В. В. Долгорукого, 1708 г., т. II, 9–11. Письмо царевича Алексѣя Петровича, т. II, 12. Просьба донскихъ калмыковъ объ отпускѣ ихъ въ Черкасскъ, т. II, 12. Возвышеніе его и паденіе, т. II, 39—44; упом.: изд. первое, т. I, 510; изд. второе, 469; т. II, 28, 30, 34.

Меншовъ, Вас., старшина донск. казач. войска, 1708 г., т. II, 4.

Мердеръ, Карлъ Карл., капит., изд. первое, т. I, 422; изд. второе, 219.

Мериме, Генрихъ, писатель, т. I, 454.

Мериме, Проспeръ, писатель, т. II, 397.

Мертваго, писатель, изд. первое, т. I, 16; изд. второе, 42.

Мертваго, г-жа, изд. первое, т. I, 262; изд. второе, 231.

Мерти, пѣвица, т. II, 388.

Мерфельдъ, австрійск. ген.-поручикъ, 1805 г., изд. первое, т. I, 326—328, 344; изд. второе, 492—494, 505.

Мерцъ, домовлад., т. II, 269, 286, 288, 384.

Месъ, музыкантъ, т. II, 386, 389.

Мешуковъ, Зах. Дан., поручикъ флота любимецъ Петра I, т. II, 32, 33.

Мещерскій, кн., архангельск. губерн., изд. первое, т. I, 26; изд. второе, 51.

Мещерскій, кн., оберъ-прокуроръ св синода, изд. первое, т. I, 290; изд. второе, 284.

Мещерскій, кн., капит., впослѣдствіи свиты его величества ген.-маіоръ,†1847 года, т. II, 147, 148.

Мещерскій, кн. Плат. Степ., казан. губерн. 1774 г., т. II, 404.

Мещерскій, кн. Элимъ, французск. писатель,†1845 г., изд. первое, т. I, 571; изд. второе, 366; т. II, 420.

Микулинъ, 1820 г., т. II, 91.

Микѣшинъ, Мих. Осип., художникъ, т. II, 93, 319.

Милановичъ, сербскій писатель, т. II, 313.

Миллеръ, музыкантъ, изд. первое, т. I, 402; изд. второе, 336; т. II, 510.

Милорадовичъ, гр. Мих. Анд., с.-петербург. воен. губернат.†1825 г. Смерть его, т. II, 140—143, 154, 160; упом.: изд. первое, т. I, 65, 343; изд. второе, 482, 505; т. II, 90, 530.

Милутиновичъ, Симонъ, сербскій поэтъ, т. II, 313.

Мининъ, Козьма, нижегородск. гражданинъ, т. II, 318, 319.

Минихъ, гр. фельдмарш.: распоряженіе его объ арестѣ Бирона, изд. первое, т. I, 84, 85; изд. второе, 61; присяга его императрицѣ Елизаветѣ, изд. первое, т. I, 88; изд. второе, 65; упом.: изд. первое, т. I, 16, 211; изд. второе, 62, 94; т. II, 55, 100.

Минихъ, гр. дѣйств. тайн. совѣт.: участіе его въ собраніи кабинетъ-министровъ, т. II, 465; упом.: изд. первое, т. I, 16; изд. второе, 42.

Минѣевъ, мѣщанинъ, изд. первое, т. I, 323; изд. второе, 421.

Мирабо, француз. революціонеръ, изд. первое, т. I, 349; изд. второе, 507.

Мировичъ, офиц., пытавшійся освободить императора Іоанна Антоновича, т. II, 176.

Миронъ Никитичъ, старшина куб. казач. войска, т. II, 5.

Митьковъ, декабристъ, т. II, 184.

Михаилъ Павловичъ, вел. кн.: присутствіе его при открытіи новгородск. кадетс. корпуса, изд. первое, т. I, 274; изд. второе, 243. Горесть о кончинѣ императ. Александра I, изд. первое, т. I, 495; изд. второе, 248. Обращеніе съ Пав. Бестужевымъ, изд. первое, т. I, 524; изд. второе, 258. Письмо П. П. Коновницына, изд. первое, т. I, 438—442; изд. второе, 514—517. Дѣйствія 14 декабря 1825 г., т. II, 135, 136, 144, 145, 152, 155, 156, 160, 161; упом.: изд. первое, т. I, 423, 427, 430, 432—436, 525, 606; изд. второе, 260, 425, 429, 432, 434, 436—439, 488; т. II, 151, 360.

Михаилъ Ѳедоровичъ, царь, т. II, 364.

Михайловскій-Данилевскій, Александ. Ив., ген-лейтен., писатель, изд. первое, т. I, 344, 425; изд. второе, 439, 506.

Михайловъ, изд. первое, т. I, 576; изд. второе, 370.

Михайловъ, мичманъ, 1854 г., изд. первое, т. I, 376; изд. второе, 310.

Михельсонъ, помѣщикъ, т. II, 564.

Михельсонъ, Ив. Ив., подполков., впослѣдствіи ген. и главнокоманд. молдавской арміей: участіе его въ усмиреніи пугачевскаго бунта, т. II, 215, 218, 235, 240, 242, 248—253, 346, 353—355, 371, 402, 403, 405; упом. т. II, 94.

Мицкевичъ, Адамъ, поэтъ, изд. первое, т. I, 491; изд. второе, 353.

Мицкій, т. II, 502.

Мишковскій, Мих., секундъ-маіор изд. второе, т. I, 315; изд. второе, 145.

Моеръ, Марья Анд., изд. первое, т. I, 265; изд. второе, 234.

Можайскій, прапорщ. артил., 1854 г. изд. первое, т. I, 372; изд. второе 306.

Мозалевскій, декабристъ, т. II, 185.

Мозгинъ, декабристъ, т. II, 185.

Моисѣевъ, Конд., рядовой, изд. первое, т. I, 286; изд. второе, 280.

Моллеріусъ, ихъ семейство, т. II, 377.

Моллеръ, Авт. Вас., морс. мин., изд. первое, т. I, 525; изд. второе, 259.

Моллеръ, Як., пружин. маст., изд. первое, т. I, 596, 597; изд. второе, 397. 398.

Моллеръ, Ѳед. Вас., вице-адм., изд. первое, т. I, 522; изд. второе, 256.

Моложовъ, откупщикъ, изд. первое, т. I, 134; изд. второе, 444.

Монсъ, Анна Ив., т. II, 479.

Монсъ, Вас. (Вилимъ) камергеръ, т. II, 38, 480.

Монсъ, Ив., золот. дѣлъ маст., т. II, 479.

Мордвинова, Елиз. Сем., фрейлина, изд. первое, т. I, 318, 320; изд. второе, 149, 150.

Мордвиновъ, Сем. Ив., адмир., изд. первое, т. I, 320; изд. второе, 150.

Мордовцевъ, Дан. Лук. писатель, т. II, 398.

Моренгеймъ, бар., управл. дипломатич. частью въ Польшѣ, изд. первое, т. I, 497; изд. второе, 250.

Морошкинъ, Мих. Яков., свящ.: сообщ. письмо архимандрита Фотія къ Шишкову, 1824 г., изд. первое, т. I, 351; изд. второе, 509. Доносъ Ф. Ф. Вигеля митропол. Серафиму о статьѣ

Чаадаева и журналѣ «Телескопъ», 1836 года, изд. первое, т. I, 162—164; изд. второе, 574—576. Объ участи священ. Іоанна Парвова 1831 г., изд. первое, т. I, 281—290; изд. второе, 275—284. Письмо митропол. Серафима къ гр. Бенкендорфу о статьѣ Чаадаева, изд. первое, т. I, 291—293; изд. второе, 577—578. Некрологъ Морошкина, изд. первое, т. I, 500—506; изд. второе, 579—585.

Моррисъ, гр., послан. вѣнск. двора, 1764 г., изд. первое, т. I, 242; изд. второе, 125.

Мортье, французс. марш., изд. первое, т. I, 321, 343; изд. второе, 498, 505.

Моцениго, гр., русск. посолъ во Флоренціи, т. II, 516.

Мошковъ, Мих., подполков., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.

Мошковъ, Петръ, 1724 г., изд. первое, т. I, 76; изд. второе, 392.

Мстиславъ, кн. Тмутараканскій, изд. первое, т. I, 186; изд. второе, 24.

Мстиславъ, вел. кн., сынъ Владиміра-Мономаха, изд. первое, т. I, 173; изд. второе, 11.

Муравинскій, инжен.-поручикъ, 1854 г., изд. первое, т. I, 367, 376; изд. второе, 300, 310.

Муравьева, изд. первое, т. I, 264; изд. второе, 233.

Муравьева, рожд. гр. Чернышева, жена декабриста, т. II, 186.

Муравьева, Екат. Ѳед., изд. первое, т. I, 71; изд. второе, 554.

Муравьевъ, Александ., декабристъ, т. II, 184.

Муравьевъ 2-ой, Александръ, декабристъ, т. II, 184.

Муравьевъ, Артам. Зах., декабристъ, т. II, 183, 185.

Муравьевъ, Мих. Никит., писатель, товарищъ мин. народ. просвѣщ., р. 1757† 1807 г., изд. первое, т. I, 35, 65, 71, 464; изд. второе, 153, 542, 543, 549, 554.

Муравьевъ, Никол., декабристъ, т. II, 184.

Муравьевъ, Никол. Никол., гр. Амурскій, 1855 г.: вступленіе въ званіе намѣстника Кавказа, т. II, 567—570. Дѣйствія подъ Карсомъ, т. II, 572. Военные планы, т. II, 573, 577, 578. Донесеніе воен. министру, т. II, 578, 579. Совѣщаніе о штурмѣ Карса, т. II, 585—593. Послѣ штурма Карса, т. II, 603. Письмо воен. министра, т. II, 603, 604. Записки о войнѣ въ Малой Азіи, т. II, 592. Упом.: изд. первое, т. I, 367, 368; изд. второе, 300, 301; т. II, 582, 601, 605—609.

Муравьевъ, Серг. Никол. (Тимей), т. II, 293.

Муравьевъ-Апостолъ, Матв. Ив., декабристъ, т. II, 180, 185.

Муравьевъ - Апостолъ, Сергѣй, декабристъ, т. II, 185.

Мурціано, т. II, 431.

Мусинъ-Пушкинъ, декабристъ, т. II, 184.

Мусинъ-Пушкинъ, гр. А И., т. II, 495.

Мусинъ-Пушкинъ, Ив., т. II, 34.

Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, гр., послан. при неаполитанскомъ дворѣ, т. II, 516.

Муфель, подполков.: дѣйствія его во время усмиренія пугачевщины, т. II, 236, 238, 240, 251, 371, 405.

Мухановъ, декабристъ, т. II, 184.

Мухановъ, Пав. Александ., членъ государствен. сов.: сообщ. указъ Екатерины I въ преображенскую канцелярію, 1727 г., изд. первое, т. I, 296; изд. второе, 403. Письмо императрицы Анны къ Сапѣгѣ, изд. первое, т. I, 297; изд. второе, 408. Замѣтку о Ив.-Фридр. Сапѣгѣ, изд. первое, т. I, 402; изд. второе, 408. Письмо польскаго короля Станислава Понятовскаго, 1797 г., т. II, 296—298. О живопис. портретѣ Пугачева, т. II, 417—418.

Мыльниковъ, артил. офиц., изд. первое, т. I, 525; изд. второе, 259.

Мѣшкова, Екат. Степ., т. II, 287.

Мѣшкова, Ир. Ѳед., вдова землемѣра, изд. первое, т. I, 384; изд. второе, 317, 318; т. II, 287.

Мюллеръ, Ив., кларнетистъ, изд. первое, т. I, 581; изд. второе, 376.
Мюратъ, французъ. марш., изд. первое, т. I, 348; изд. второе, 505.
Мятлевъ, Петр. Вас., камеръ-юнкеръ, изд. первое, т. I, 315, 318; изд. второе, 145, 149; т. II, 377.
Мячковъ, Гавр., оберъ-келлермейстеръ, 1725 г., изд. первое, т. I, 507—509; изд. второе, 400—402.

Н.

Н..., гр. изд. первое., т. I, 149; изд. второе, 220.
Нагель, Людв. Тимое., полковн., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Нагой, Аеан., посолъ въ Крыму, т. II, 25.
Надеждинъ, Никол. Ив., издат. журн. «Телескопъ», изд. первое, т. I, 165; изд. второе, 577.
Назарьевъ, поручикъ, 1796 г., изд. первое, т. I, 32; изд. второе, 418.
Назимова, Мареа Степ., изд. первое, т. I, 160; изд. второе, 568.
Назимовъ, Мих. Александ., декабристъ: сообщ. стихотворенія и письмо А. И. Одоевскаго, изд. первое, т. I, 72—74, 156—161; изд. второе, 560—569; упом.: т. II, 184.
Наполеонъ I: письмо его къ ген. Паоли, т. II, 207—210; упом.: изд. первое, т. I, 49, 54, 57, 59, 138, 144, 334, 343, 345 405; изд. второе, 209, 215, 447, 452—454, 502, 505, 506; т. II, 305—307.
Направникъ, Е. Ф., композит., т. II, 622.
Нартовъ, А. А., писатель, изд. первое, т. I, 468; изд. второе, 547; т. II, 199.
Нарушевичъ, Адамъ, исторіографъ, т. II, 296.
Нарышкина, Анна Львовна, фрейлина 1761 г., изд. первое, т. I, 318; изд. второе, 148.
Нарышкина, Анна Никит., рожд. Румянцова, р. 1730†1820 г., гофмейстерина 1796 г., т. II, 476, 477, 495, 496.
Нарышкина, Анна Никит., 1762 г., изд. первое., т. I, 211; изд. второе, 94.
Нарышкина, Анна Никит.; рожд. кн. Трубецкая, р. 1787 г., изд. первое, т. I, 14; изд. второе, 40.
Нарышкина, Анна Петр., рожд. Салтыкова, т. II, 491.
Нарышкина, Дар. Кирил., рожд. Нарышкина, т. II, 489.
Нарышкина, Елена Александ., рожд. гр. Апраксина. † 1767 г., гофмейстерина 1762 г., т. II, 475, 476, 491.
Нарышкина, Елиз. Петр., рожд. гр. Коновницына, изд. первое, т. I, 424; изд. второе, 430; т. II, 186.
Нарышкина, Марья Александ., изд. первое, т. I, 211; изд. второе, 94.
Нарышкина, Марья Ив., рожд. Салтыкова, р. 1738 † 1807 г., т. II, 77.
Нарышкина, Марья Львов., т. II, 508.
Нарышкина, Марья Осип., изд. первое, т. I, 211; изд. второе, 94.
Нарышкина, Праск. Ив., рожд. кн. Солнцева, т. II, 76.
Нарышкина, Ульяна Анд., рожд. Колычева, т. II. 491.
Нарышкинъ, Александ. Александ., оберъ-шенкъ, р. 1726 † 1795 г., т. II, 476.
Нарышкинъ, Александ. Ив., изд. первое, т. I, 14, 200; изд. второе, 40, 83.
Нарышкинъ, Александ. Львов., дѣйств тайн. сов., р. 1694 † 1745 г., изд. пер вое, т. I, 509; изд. второе, 402; т. II 475.
Нарышкинъ, Алексѣй Вас., тайн. сов. камергеръ, писатель † 1804 г.: біографическ. свѣдѣнія о немъ, т. II, 76—80.
Нарышкинъ, Вас. Вас. ген.-поручикъ, т. II, 76.
Нарышкинъ, Вас. Григ., т. II, 76.
Нарышкинъ, Д. И., т. II, 64.
Нарышкинъ, Ив. Львов., т. II, 489.
Нарышкинъ, Левъ Александ., любимецъ Петра III, изд. первое, т. I, 199, 200; изд. второе, 82, 83.
Нарышкинъ, Левъ Кирил., бояринъ, т. II, 491.
Нарышкинъ, Мих. Григ., камергеръ, т. II, 491.
Нарышкинъ, Мих. Мих., декабристъ, † 1863 г., изд. первое, т. I, 161, 424; изд. второе, 430, 569; т. II, 184.
Нарышкинъ, Сем. Вас., стат. сов., ин-

сатель: біографическія свѣд. о немъ, т. II, 76—77.
Нарышкинъ, Сем. Григ., ген.-аншефъ † 1747 г., т. II, 76.
Нарышкинъ, Филимонъ Ив., бояринъ, т. II, 76.
Наслѣдышевъ, Есаулъ, т. II, 582, 583.
Наталья Алексѣевна, сестра императ. Петра II, т. II, 42—44.
Наталья Кириловна, рожд. Нарышкина, вторая супруга царя Алексѣя Михайловича, т. II, 76, 101.
Натансонъ, домовлад., т. II, 448.
Наумовъ, т. II, 478.
Наумовъ, Ив., атаманъ донск. казаковъ, 1708 г., т. II, 11.
Нащокинъ, писатель, изд. первое, т. I, 16; изд. второе, 42.
Неваховичъ, А. Л., секрет. директора театровъ, т. II, 67, 393, 395, 449.
Неваховичъ, М. Д., издат. «Ералаша», т. II, 420.
Невельской, Геннад. Ив., контръ-адмиралъ, 1854, изд. первое, т. I, 365; изд. второе, 298.
Недобровъ, подполк., 1796 г., изд. первое, т. I, 32, 33; изд. второе, 418, 419.
Нейдгардтъ, ген., начальн. штаба гвард. корпуса, 1825 г., т. II, 135, 136.
Некеръ, рожд. Кюхельбекеръ, изд. первое, т. I, 245; изд. второе, 422.
Некрасовъ, ратманъ, изд. первое, т. I, 133, 134; изд. второе, 444, 445.
Некрасовъ, донской казакъ, 1708 г., т. II, 11.
Нелидова, фрейлина, изд. первое, т. I, 297; изд. второе, 128.
Нелидовъ, ген., изд. первое, т. I, 31, 33, 323; изд. второе, 417, 419, 420.
Немировичъ-Данченко, Н. Θ., т. II, 288, 289.
Ненадовичъ, Любоміръ, сербскій поэтъ, т. II, 313.
Неплюева, Анна Григ., рожд. Теплова, т. II, 196.
Неплюевъ, составитель записокъ, изд. первое, т. I, 16; изд. второе, 42.
Неплюевъ, Александ. Семен., полковн., т. II, 196.
Несвицкій, кн. Ив. Вас., дѣйств. камергеръ, т. II, 358.
Нессельроде, гр. Карлъ Вас., министръ иностр. дѣлъ, 1825 г., т. II, 93, 94, 160.
Несторъ, лѣтописецъ, изд. первое, т. I, 7, 165; изд. второе, 395, 396.
Нечаева, домовлад., изд. первое, т. I, 477, 481; изд. второе, 339, 343.
Нечаевъ, Ив. Ив., полков., т. II, 330, 334.
Никитенко, Александ. Вас., академикъ, т. II, 81.
Никитскій, А. И., статья его: «Изслѣдованіе о военномъ бытѣ въ Великомъ Новгородѣ XI—XVI столѣтія», изд. первое, т. I, 167—195; изд. второе, 5—33.
Никитинъ, состоявшій за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ мин. юстиціи, изд. первое, т. I, 497; изд. второе, 250.
Никифоровъ, Дмитр., донской казакъ, отецъ Софьи Пугачевой, т. II, 362.
Николаи, баронъ, изд. первое, т. I, 492; изд. второе, 423.
Николай Павловичъ, императоръ: манифестъ о бракосочетаніи его, изд. первое, т. I, 146—147; изд. второе, 511—512. Пожертвованіе имѣнія Аракчеева новгородскому корпусу, изд. первое, т. I, 274, 275; изд. второе. 244, 245. Коронація, изд. первое, т. I, 280; изд. второе, 247. Письма къ П. П. Коновницыну, 1817 г., изд. первое, т. I, 436—437; изд. второе, 573. Письмо къ нему Коновницына, изд. первое, т. I, 438—442; изд. второе, 514—517. Записки о прускихъ дѣлахъ 1848 г., изд. первое, т. I, 553—562; изд. второе, 289 298. Резолюція по дѣлу Браккеля, 1848 г., изд. первое, т. I, 604; изд. второе, 593. Дѣйствія 14 декабря 1825 г., т. II, 133—161. Письмо къ гр. Витгенштейну, т. II, 531. Упом.: изд. первое, т. I, 31, 258, 423, 424, 430, 433, 498, 503, 606; изд. второе, 252, 372, 417, 429, 432, 434, 437, 438, 489, 511; т. II, 176, 313.
Никольскій, Влад. Вас., преподаватель словесности: сообщ. о концертѣ, данномъ въ воспоминаніе Глинки, 15 марта,

1857 г., т. II, 636, упом.: изд. первое, т. I, 382.
Нироdъ, поручикъ, 1812 г., изд. первое, т. I, 447; изд. второе, 458.
Нироdъ, гр., ген.-маіоръ, т. II, 570, 594.
Новиковъ, Никол. Ив., журналистъ † 1816 года, изд. первое, т. I, 463; изд. второе, 541; т. II, 74, 75, 77, 79, 119, 199.
Новосельскій, Н. А., т. II, 437, 441—443, 452.
Новосильцовъ, Вас. Александ., капит.-поручикъ, т. II, 350.
Новосильцовъ, Никол. Никол., дѣйств. тайн. сов., попечитель виленскаго университета: письмо его къ воен. губерн. Тормасову, т. II, 304; упом.: изд. первое, т. I, 279, 497, 538, 546; изд. второе, 246, 250, 527, 534.
Нольде, Евгенія Карл., т. II, 373.
Нольде, Софья Ив., т. II, 373, 377.
Норовъ, декабристъ, т. II, 185.
Норовъ, Абр. Серг., мин. народ. просвѣщ., писатель, т. II, 83, 86.
Норовъ, И. Д., т. II, 420.
Норовъ, Никол. Никол., помощ. мин. финансовъ, изд. первое, т. I, 488; изд. второе, 450.
Ностицъ, гр., ген. австр. арміи, 1812 г., т. II, 306.
Ноцари, учит. пѣнія, изд. первое, т. I, 574, 575, 587; изд. второе, 369, 370, 381.
Нуммерсъ, кронштадскій комендантъ, 1762 г., изд. первое, т. I, 221; изд. второе, 104.
Нѣгошъ, Петръ II Петровичъ (Раде), черногорскій владыка, р. 1813 г.: біографическія свѣдѣнія о немъ и письмо его къ В. И. Фрейгангу, 1847 г., т. II, 313—315.

О.

Ободовскій, Плат. Григ., инспект. Екатерининскаго института, т. II, 378, 444.
Оболенскій, кн. Евг. Петр., декабристъ † 1863 г., изд. первое, т. I, 424; изд. второе, 430; т. II, 160, 183, 184.
Обольяниновъ, ген-маіоръ, изд. первое, т. I, 31, 254; изд. второе, 417, 486.
Овчинниковъ, сообщникъ Пугачева, т. II, 251, 252, 353, 364, 365.
Огинскій, Алексѣй Григ., переводчикъ англійскихъ историковъ, изд. первое, т. I, 484, 492; изд. второе, 345, 346, 354; т. II, 395.
Одесcіонъ, полков., инспек. Пажескаго корпуса, т. II, 204.
Одоевскій, кн. Александр. Ив., поэтъ, декабристъ, р. 1804 † 1839 г.: стихотворенія его, изд. первое, т. I, 72—74, 156—160; изд. второе, 560—568. Письмо къ Назимову, изд. первое. т. I, 161; изд. второе, 569. Упом.: изд. первое, т. I, 355, 364, 425; изд. второе, 265, 274, 431; т. II, 141, 184.
Одоевскій, кн. Влад. Ѳед., издат. журнала «Мнемозина», изд. первое, т. I, 293; изд. второе, 558; т. II, 59, 65. 69, 70, 72, 73, 270, 285, 427, 614.
Одоевскій, кн. Г. М., изд. первое, т. I, 150; изд. второе, 221.
Одоевскій, кн. Иванъ: письмо его къ М. А. Назимову, 1837 г., изд. первое, т. I, 160—161; изд. второе, 567—568.
Одоевскій, кн. Ив. Вас., 1710 г., т. II, 31.
Одоевскій, кн. Никол. Ив., т. II, 497.
Одоевскій, кн. Серг. Ив., т. II, 497.
Озеровъ, писатель, изд. первое, т. I, 69; изд. второе, 552.
Олебуль, скрипачъ, т. II, 274, 436.
Оленина, 1817 г., изд. первое, т. I, 263—265; изд. второе, 232—234.
Оленина, Анна Семен., рожд. кн. Волконская, р. 1737 † 1812 г., изд. первое, т. I, 465; изд. второе, 544.
Оленина, В. А., т. II, 415.
Оленинъ, Алексѣй Никол., презид. акад. художествъ, † 1842 г., изд. первое, т. I, 466; изд. второе, 544; т. II, 81, 82, 88, 92.
Оленинъ, Григ. Сем., генер., р. 1742† 1824 г., изд. первое, т. I, 466; изд. второе, 544.
Оленинъ, Никол. Яков., изд. первое, т. I, 465; изд. второе, 544.
Олешева, Марья Вас., рожд. Суворова, изд. первое, т. I, 464; изд. второе, 542.

Олешевъ, Алексѣй Вас., писатель: біографич. свѣдѣнія о немъ, изд. первое, т. I, 463—465; изд. второе, 541—543.

Олешевъ, Вас. Алексѣев., изд. первое, т. I, 464; изд. второе, 542.

Олсуфьева, Анна Ив., рожд. Сенявина, статсъ-дама, т. II, 480.

Олсуфьева, Нат. Матв., т. II, 480.

Олсуфьевъ, Адамъ Вас., управляющ. собств. канцеляріею Екатерины II, † 1784 г., изд. первое, т. I, 228, 230, 238, 239; изд. второе, 118, 121, 122, 125.

Олсуфьевъ, Вас. Матв., т. II, 480.

Олсуфьевъ, Дмит. Матв., дѣйств. ст. сов., т. II, 480.

Олсуфьевъ, Матв. Дмитр., маршалокъ и оберъ-гофмейстеръ, † 1743 г., т. II, 480.

Олсуфьевъ, Мих. Матв., дѣйств. ст. сов., т. II, 480.

Олсуфьевъ, Павелъ Матв., ген.-поручикъ, т. II, 480.

Ольга Николаевна, вел. кн., т. II, 447, 448.

Ольденбургскій, герцогъ, изд. первое, т. I, 52, 53; изд. второе, 450, 451.

Оманъ, піанистъ, изд. первое, т. I, 391; изд. второе, 325.

Омеръ-паша, турецкій военноначальникъ, 1855 г., т. II, 605, 606.

Омъ, ресторатoръ, т. II, 445.

Омъ, Розамунда, т. II, 446.

Омъ Эмилія, т. II, 446.

Опочининъ, Ѳед. Конст.: сообщ. письма и рескрипты Екатерины II, Павла I, Александра I и Франца I къ Голенищеву-Кутузову, изд. первое, т. I, 250—258, 325—343; изд. втор., 483—504. Письмо Давыдова о бѣгствѣ Наполеона I, т. II, 305—307. Письма М. И. Голенищева-Кутузова къ женѣ, т. II, 500—514.

Опочининъ, Ѳед. Петр., адъютантъ и приближенный в. кн. Константина Павловича, изд. первое, т. I, 497; изд. второе, 250,

Оранскій, принцъ, изд. первое, т. I, 349, 350; изд. второе, 508, 509.

Орелъ, квартальн. офиц., т. II, 180.

Оржицкій, декабристъ, т. II, 184.

Орланди, пѣвица, изд. первое, т. I, 566; изд. второе, 362.

Орлова, кн. Екат. Никол., рожд. Зиновьева, р. 1758 † 1781 г., изд. первое, т. I, 312; изд. второе, 142.

Орловъ, маіоръ, помѣщ. 1802 г., изд. первое, т. I, 46; изд. второе, 441.

Орловъ (Чесменскій), гр. Алексѣй Григор., р. 1735†1807 г.: участіе его въ переворотѣ 1762 г., изд. первое, т. I, 216, 218; изд. второе, 99, 101; предупрежденіе заговора Хитрова и Рославлева, изд. первое, т. I, 235; изд. второе, 118; присутствіе при кончинѣ Петра III, т. II, 195.

Орловъ, гр. А. Ѳ., ген.-адъют., команд. л.-гв. коннаго полка, впослѣдствіи князь и предсѣдат. государств. совѣта, изд. первое, т. I, 261, 287; изд. второе, 230, 281; т. II, 94, 143, 146.

Орловъ, гр. Влад. Григ., директ. Акад. наукъ, р. 1743 † 1803 г., т. II, 78.

Орловъ, гр. Григ. Григ., р. 1734 † 1783 года, т. II, 77, 220, 222, 239, 371, 498.

Орловъ, Григ. Никит., презид. придвор. конторы, † 1803 г., изд. первое, т. I, 312; изд. второе, 142.

Орловы, братья, изд. первое, т. I, 18; изд. второе, 44; т. II, 80, 198.

Ороте, золот. дѣлъ маст., изд. первое, т. I, 229; изд. второе, 112.

Остерманъ (Толстой), гр. Александ. Ив., 1813 г., изд. первое, т. I, 139; изд. второе, 209.

Остерманъ, гр. Анд. Ив., первый мин., р. 1686 † 1747 г.: распоряженіе его объ арестѣ Бирона, изд. первое, т. I, 84; изд. второе, 61; арестъ его самого, изд. первое, т. I, 89; изд. второе. 65; участіе въ собраніи кабинетъ-министровъ, т. II, 465. Упом.: т. II, 54, 99, 481.

Остерманъ, гр. Ив. Анд., вице-канц., р. 1725 † 1811 г., изд. первое, т. I, 305; изд. второе, 136.

Остерманъ, гр. Марѳа Ив., рожд. Стрѣшнева, р. 1698 † 1781 г., статсъ-дама, 1725 г., т. II, 481.

Остроумовъ, пѣвецъ, т. II, 273, 282.
Отрепьевъ, самозванецъ, т. II, 24.

П.

П — на, дочь плацъ-маіора, изд. первое, т. I, 357; изд. второе, 266.
П — нъ, плацъ-маіоръ Петропавловской крѣпости, изд. первое, т. I, 357; изд. второе, 266.
Павелъ I, императоръ: приказы первыхъ трехъ дней его царствованія, изд. первое, т. I, 31—33; изд. второе, 417—419. Письма къ М. И. Голенищеву-Кутузову, изд. первое, т. I, 251—256; изд. второе, 484 — 488. Пожалованіе Аракчееву помѣстья Грузино, изд. первое, т. I, 273; изд. второе, 242. Пребываніе въ Козьмодемьянскѣ, изд. первое, т. I, 322 — 325; изд. второе, 419 — 422. Разсказы о временахъ Павла I, т. II, 294 — 296. Его указы и распоряженія, т. II, 515 — 522: о ливреяхъ, ординарцахъ, кучерахъ и форейторахъ, о неношеніи круглыхъ шляпъ и разнообразныхъ шапокъ, т. II, 515 — 516; о наблюденіи за пріѣзжающими въ Петербургъ французами и итальянцами, т. II, 516, 517; о непродажѣ намоченнаго сукна, т. II, 518; объ отысканіи лицъ, возмущающихъ крестьянъ, т. II, 519; о правахъ комендантовъ и объ отысканіи поджигателей, т. II, 520; о постройкахъ въ городахъ, о иллюминаціяхъ и о городничемъ Пирхѣ, т. II, 521, 522; о бродягахъ, просящихъ милостыню, т. II, 522. Упом.: изд. первое, т. I, 35, 52, 211, 245, 272, 297, 403, 404, 418, 423, 535, 547, 575, 606; изд. второе, 94, 128, 153, 204, 241, 369, 423, 425, 429, 450, 525, 535, 557, 586; т. II, 195, 230, 371, 638, 640.
Павлищевъ, Никол. Ив., издат. «Лирическаго Альбома», изд. первое, т. I, 491; изд. второе, 353,
Павловъ, ротмистръ, 1774 г.. т. II, 236.
Павловъ, А. А., изд. первое, т. I, 164.
Павловъ, Никол. Филип., писатель, изд. первое, т. I, 594; изд. второе, 388; т. II, 621.
Павловъ, Феоктистъ, инвалид. солд., изд первое, т. I, 285; изд. второе, 279.
Панзелло, оперн. артистъ, изд. первое, т. I, 320; изд. второе, 151.
Палагинъ, Дмит. Никит., учит. пѣнія, т. II, 271, 275, 276 — 279, 281.
Паленсъ, капельмейстеръ, т. II, 440.
Паленъ, т. II, 514.
Палибина, т. II, 383.
Палибинъ, бригадиръ, изд. первое, т. I, 319; изд. второе, 149.
Палисадовъ, В. П., священ., т. II, 624.
Палисадовъ, Г. П. священ., т. II, 630, 636.
Палласъ, профес. натур. исторіи, изд. первое, т. I 132; изд. второе, 191.
Пальянелли, пѣвецъ, изд. первое, т. I. 305; изд. второе, 135.
Панаевъ, управл. канцеляріею мин. двора, т. II, 266, 267.
Панаевъ, Влад. Ив., поэтъ, т. II, 635.
Панина, гр. Александ. Александ., рожд. Толстая, т. II, 418.
Панина, гр. Марія Род., рожд. бар. фонъ-Ведель, т. II, 496.
Панинъ, гр. Александ. Никит., т. II, 418.
Панинъ, гр. Никита Ив., воспитат. в. кн. Павла Петровича, изд. первое, т. I, 211, 221, 300, 320; изд. второе, 94, 104, 130, 150; т. II, 200, 358, 418.
Панинъ. гр. Петр. Ив.: назначеніе его главнокоманд. въ низовомъ краѣ 1774 г., т. II, 117, 226, 227. Донесеніе ему о нападеніи бунтовщиковъ на г. Керинскъ и затѣмъ о пораженіи ихъ, т. II, 229, 235. Донесеніе о поимкѣ Пугачева, т. II, 330, 331. Пріѣздъ въ Пензу, т. II, 334, 336. Допросъ Пугачева и отправленіе его въ Москву, т. II, 356, 357. Письмо къ нему архіеписк. Веньямина, т. II, 413 — 414. Упом.: т. II, 118, 120, 213, 253, 345, 347, 371, 397, 398, 406, 403, 411.
Пановскій, литерат., изд. первое, т. I, 404; изд. второе, 571.
Пановъ, поручикъ, декабристъ, т. II, 139, 147, 149, 159, 184.
Панфиловы, кубанс. казаки, 1708 г., т. II, 6.
Паоли, ген. франц. арміи: письмо къ

нему поручика Бонапарте, впослѣдствіи император. Наполеона I, т. II, 207—209.

Парвова, Марія, дочь священника, изд. первое, т. I, 283; изд. второе, 277.

Парвовъ, Іоаннъ, священ.: участь, постигшая его во время бунта воен. поселянъ 1831 г., изд. первое, т. I, 281—289; изд. второе, 275—284.

Парвовъ, Ив., сынъ священника изд. первое, т. I, 288; изд. второе, 277.

Паркеръ, англ. лейтен., 1854 г., изд. первое, т. I, 377, 378; изд. второе, 310.

Паскевичъ, кн., т. II, 439, 440, 447.

Пасохинъ, купецъ, изд. первое, т. I, 133; изд. второе, 444.

Пассекъ, гвард. офиц. 1762 г., изд. первое, т. I, 218; изд. второе, 101.

Пассекъ, Петр. Богд., дѣйств. камергеръ, т. II, 358.

Паста, пѣвица, изд. первое, т. I, 567, 568, 580, 581, 584, 586; изд. второе, 362, 375, 379, 381; т. II, 379.

Паулучи, марк., ген.-лейт., рижс. воен. губерн.: списки съ рапортовъ къ нему курлянд. гражд. губерн., изд. первое, т. I, 457—459, 461; изд. второе, 468—471, 473. Списокъ съ отношенія Паулучи къ курлянд. гражд. губерн., изд. первое, т. I, 460—461; изд. второе, 469. Письмо императ. Александра I, 1814 г., изд. первое, т. I, 461—462; изд. второе, 473—474. Упом.: изд. первое, т. I, 268, 269, 448—452; изд. второе, 237, 238, 459—463.

Паулучи, маркиза, изд. первое, т. I, 268; изд. второе, 237.

Пахомовъ, писатель, т. II, 200.

Пашковъ, Андр., пѣвецъ, т. II, 270.

Педрилло, придворн. шутъ, изд. первое, т. I, 79, 80; изд. второе, 56.

Пеликанъ, Венц. Венц., докторъ, дѣйств. ст. сов., т. II, 69.

Пелли, С. А., сообщила: «14 декабря 1825 г. въ патріотическомъ институтѣ». т. II, 133—132.

Пекарскій, Петр. Петр., соч. его: «Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи», изд. первое, т. I, 86; изд. второе, 63, библіогр. лист., 4; т. II, 199.

Перецъ, еврей, т. II, 305.

Перовскій, Вас. Алексѣев., ген.-адъют., оренбург. ген.-губерн., т. II, 140, 160, 530.

Перовскій, Левъ Алексѣев., мин. внут. д., изд. первое, т. I, 463; изд. второе, 539.

Перренъ, Петръ Якок., адъют. гр. Аракчеева, изд. первое, т. I, 276; изд. второе, 245.

Перскій, воевода, г. Керинска, т. II, 229, 233.

Перскій, Мих. Степ., полков., инспект. 1-го кадетскаго корпуса, изд. первое, т. I, 420, 421; изд. второе, 217.

Перфильевъ, генер. Пугачева, т. II, 221, 222, 251, 252, 335, 337, 353, 362, 365, 411.

Пестель, Петр. Ив., декабристъ, т. II, 185.

Пестовъ, декабристъ, т. II, 176 185.

Петрова, пѣвица, т. II, 64, 68, 70, 71, 379, 380, 389, 390.

Петрова, воспитанница, пѣвица, т. II, 390.

Петрова, Устинья, служанка Екатерины I, изд. первое, т. 1, 509; изд. второе 402.

Петровскій-Муравскій, управл. смоленск. удѣл. конторой, изд. первое, т. I, 398: изд. второе, 331.

Петрово-Соловово, Агафья Симон., рожд. гр. Гендрикова, т. II, 490.

Петровъ, полков., т. II, 606.

Петровъ, квартальн. офиц., т. II, 180.

Петровъ, Анд. Никол.: сообщ. о Лифляндскомъ дворянствѣ и выставленномъ имъ ополченіи въ 1812 г., изд. первое, т. I, 442—461; изд. второе, 454—473. Письмо императ. Александра I къ марк. Паулучи, 1814 г., изд. первое, т. I, 461—462; изд. второе, 473—474. Письмо императ. Александра I къ гр. Аракчееву, 1809 г., изд. первое, т. I, 345—346, изд. второе, 478—479. Посланіе Крылова къ В. П. Ушаковой, изд. первое, т. I, 470-471; изд. второе, 556--557. Басню Крылова «Обѣдъ у медвѣдя», т. II, 81—82. Письмо под-

поруч. Бонапарте (впослѣдствіи Наполеона I), 1789 г., т. II, 207—210.
Петровъ, Власъ, крестьян., изд. первое, т. I, 296; изд. второе, 391.
Петровъ, Ефремъ, старшина донск. казач. войска, 1708 г., т. II, 2—4.
Петровъ, Ос. Аѳан., пѣвецъ, т. II, 69, 70, 71, 272, 288, 614, 631, 632.
Петровъ, Петр. Никол.: сообщ. указы Петра I Комерцъ-Коллегіи, изд. первое, т. I, 75—76; изд. второе, 392. Примѣчанія къ письмамъ Пикара, изд. первое, т. I, 298—321; изд. второе, 128—151.
Петръ I, черногорскій владыка, т. II, 313.
Петръ I Великій, императоръ: записка его о фортеціяхъ, 1724 г., изд. первое, т. I, 5—6; изд. второе, 393—394. Указы Камерцъ-Коллегіи, изд. первое, т. I, 75; изд. второе, 392. Докладъ ему по монетному дѣлу, изд. первое, т. I, 76; изд. второе, 393. Указъ о посылкѣ нѣмецкихъ жнецовъ для обученія крестьянъ шацкой провинціи употребленію земледѣльческихъ орудій, изд. первое, т. I, 295—296; изд. второе, 390—391. О вѣнчаніи его съ Екатериной I, изд. первое, т. I, 517—518; изд. второе, 398—400. Исполненіе его указа о бритіи бородъ въ Соликамскѣ, изд. первое, т. I, 594—595; изд. второе, 389—390. Преобразованія имъ общественной жизни, т. II, 26—27, 30. Образъ жизни его самого, т. II, 28—29. Черты его характера, т. II, 32, 33, 34. Введеніе регулярной военной повинности, т. II, 35. Стараніе искоренить въ народѣ суевѣріе, т. II, 36. Резолюція о покупкѣ съѣстныхъ припасовъ, 1719 г., т. II, 293. Учрежденіе Правительствующаго Сената, т. II, 367. Учрежденіе тайнаго совѣта, т. II, 464. Наказаніе дочери Матвѣева, т. II, 473. Упом.: изд. первое, т. I, 7—9, 22, 146, 298, 316, 467, 507, 515, 519; изд. второе, 33—35, 47, 64, 129, 146, 254, 403, 511, 546; т. II, 18, 21, 25, 38—42, 45, 47, 48, 51, 52, 56, 100, 107, 115, 366.
Петръ II, императоръ: восшествіе его на престолъ, т. II, 41. Обрученіе съ кн. Е. А. Меншиковой, т. II, 42. Посылка 1000 червонныхъ царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, т. II, 42. Самостоятельное правленіе, т. II, 44. Праздники и охота, т. II, 43, 44, 46. Обрученіе съ кн. Е. А. Долгорукой, т. II, 44. Кончина, т. II, 46, 47. Упом.: изд. первое, т. I, 10, 17, 24, 514; изд. второе, 35, 43, 50, 407; т. II, 35, 52, 469.
Петръ III, императоръ: восшествіе его на престолъ, изд. первое, т. I, 103; изд. второе, 79. Приближенные его, изд. первое, т. I, 200; изд. второе, 83. Отношенія къ Екатеринѣ II, изд. первое, т. I, 201; изд. второе, 84. Поѣздка въ Ораніенбаумъ, изд. первое, т. I, 211; изд. второе, 94. Устроенный имъ спектакль, изд. первое, т. I, 212; изд. второе, 94. Попытка проѣхать въ Кронштадтъ, изд. первое, т. I, 221; изд. второе, 104. Арестъ его, отреченіе отъ престола и кончина, изд. первое, т. I, 223, 226, 228; изд. второе, 106, 109, 111. Уничтоженіе тайной канцеляріи, т. II, 80. Заключеніе мира съ Пруссіей, т. II, 127. Упом.: изд. первое, т. I, 8, 15, 18, 20, 28, 103, 199, 210, 513, 514; изд. второе, 34, 41, 44, 45, 82, 93, 96, 415, 416; т. II, 123, 125, 194, 198, 211, 213, 222, 223, 352, 367, 467, 472, 493.
Пецольдъ, дипломатич. агентъ, изд. первое, т. I, 99; изд. второе, 76.
Пепье, золот. дѣлъ маст., изд. первое, т. I, 209, 210; изд. второе, 92, 93.
Пещуровъ, Ал. Никит., изд. первое, т. I, 489; изд. второе, 351.
Пизани, т. II, 506.
Пикаръ, франц., гувернеръ: письма его къ кн. А. Б. Куракину, изд. первое, т. I, 297—321, 406; изд. второе, 128—152.
Пикель, скрипачъ, т. II, 611.
Пилкинъ, лейтен., 1854 г., изд. первое, т. I, 377, 378; изд. второе, 311.
Пиль, Ив. Алферьевичъ, ген.-маіоръ, изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Пименовъ, скульпторъ, т. II, 632.

Пиши, пѣвецъ, изд. первое, т. I, 572, 580, 581; изд. второе, 367, 375, 376.
Пирхъ, брестскій городничій, т. II, 521, 522.
Писаревъ, подпоруч. Измайлов. полка, изд. первое, т. I, 597, 598; изд. второе, 411.
Писаревъ, домовлад., изд. первое, т. I, 481; изд. второе, 343.
Пицати, докторъ, изд. первое, т. I, 576; изд. второе, 370.
Плавильщиковъ, издат. и книгопродав., изд. первое, т. I, 463, 465, 467, 468; изд. второе, 541, 543, 546; т. II, 74, 75, 77, 78, 80, 196, 198, 200.
Платеръ, помѣщ., т. II, 564.
Платовъ, атам. донск. казач. войска, т. II, 568.
Плетневъ, Петр. Александ., академикъ и писатель, изд. первое, т. I, 472; изд. второе, 554; т. II, 59, 83, 87.
Плещеевъ, ген.-маіоръ, 1796 г., изд. первое, т. I, 31; изд. второе, 417.
Плутановъ, ген.-маіоръ, 1825 г., т. II, 175, 176.
Плюшаръ, издатель, т. II, 270.
Побѣдинскій, ген.-маіоръ, ярослав. помѣщ., 1802 г., изд. первое, т. I, 47—48; изд. второе, 442—443.
Повало-Швейковскій, декабристъ, т. II, 185.
Повало-Швейковскій, ген.-маіоръ, изд. первое, т. I, 254; изд. второе, 486.
Повало-Швейковскій, Конст. Ив., корнетъ гренад. полка, 1773 г., т. II, 213, 350, 363.
Погодинъ, ст. сов., впослѣдствіи сенаторъ и интендантъ дѣйствующей арміи, изд. первое, т. I, 483; изд. второе, 345.
Погодинъ, Мих. Петр., академикъ т. II, 84.
Поджіо, Алекс., декабристъ т. II, 185.
Поджи, пѣвецъ, т. II, 290.
Подсамуйловъ, боцманъ, изд. первое, т. I, 377; изд. второе, 311.
Пожарскій, кн. Дмит. Мих., изд. первое, т. I, 196; изд. второе, 396; т. II, 318, 319.
Пожарскій, кн. Сем. Ром., окольничій, †1659 г., изд. первое, т. I, 196; изд. второе, 396.
Поздѣевъ, стоявшій во главѣ масоновъ, изд. первое, т. I, 155; изд. второе, 246.
Позднеевъ, старшина донск. казач. войска, 1708 г., т. II, 4.
Позье, Іеремія, придворн. брилліантщ. р. 1716†1779 г.: записки его о пребываніи въ Россіи, 1729 — 1764 гг., изд. первое, т. I, 16 — 28, 77 — 103, 197 — 244; изд. второе, 41—128. Упом.: изд. первое, т. I, 403, 510; изд. второе, 404, 585.
Позье, Мадлена, изд. первое, т. I, 21; изд. второе, 47.
Позье, Мадлена-Марія, изд. первое, т. I, 21; изд. второе, 47.
Позье, Петръ, хирургъ, изд. первое, т. I, 17, 22, 27; изд. второе, 43, 47, 53.
Позье, Робертъ, изд. первое, т. I, 21; изд. второе, 47.
Позье, Сюзанна, рожд. Буверо, изд. первое, т. I, 21; изд. второе, 47.
Позье, Филибертъ, изд. первое, т. I, 22, 33; изд. второе, 48.
Позье, Этьенъ, † 1731 г., изд. первое, т. I, 17, 22—27; изд. второе, 43, 47—53.
Полевая, Нат. Франц., рожд. Терренбергъ: письма къ ней мужа, изд. первое, т. I, 550—553; изд. второе, 572—574.
Полевой, Евсей Алексѣев., изд. первое, т. I, 552; изд. второе, 574.
Полевой, Ксеноф. Алексѣев., изд. первое, т. I, 550, 552; изд. второе, 572 574.
Полевой, Никол. Алексѣев., писатель, † 1846 г.: письма его къ женѣ, 1834 г., изд. первое, т. I, 550—553; изд. второе, 572—574.
Полевой, Петр. Алексѣев., изд. первое, т. I, 552; изд. второе, 574.
Полевой, П. Н.: сообщ. письма Н. А. Полеваго замѣтки о немъ, изд. первое, т. I, 550—553; изд. второе, 572—574.
Полевой, Серг. Никол., полков., изд. первое, т. I, 552; изд. второе, 573.

Поливановъ, декабристъ, т. II, 185.

Поллини, композиторъ, изд. первое, т. I, 570—572, 578, 580; изд. второе, 364—366, 372, 380.

Полторацкая, изд. первое, т. I, 263; изд. второе, 232.

Полторацкая, Агафья Ал — на, изд. первое, т. I, 263; изд. второе, 232.

Полторацкій, Дмит. Марков., изд. первое, т. I, 263; изд. второе, 232.

Полторацкій, Серг. Дмитр., изд. первое, т. I, 166; изд. второе, 395; т. II, 197.

Полуденскій, составит. указателя, т. II, 83.

Полянская, Анна Александ., изд. первое, т. I, 315, 318; изд. второе, 146, 149.

Полянская, Елиз. Ром., рожд. Воронцова, изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 146.

Полянскій, келлермейстеръ, т. II, 320.

Полянскій, Александ. Ив., ст. сов., изд. первое, т. I, 198, 315; изд. второе, 81, 146.

Пономаревъ, т. II, 396.

Понятовская, Констанція, рожд. Чарторижская, мать короля, т. II, 296.

Понятовскій, Станиславъ, воевода мазовецкій, отецъ короля, т. II, 296.

Понятовскій, гр., впослѣдствіи король Польскій Станиславъ-Августъ; р. 1732 † 1798 г.: посылка ему Екатериною II ордена, 1762 г., изд. первое, т. I, 236—237; изд. второе, 119—120. Избраніе королемъ, т. II, 127. Біографич. замѣтка о немъ и письмо его къ Валуеву, т. II, 296 — 298. Упом.: изд. первое, т. I, 18; изд. второе, 44; т. II, 198.

Попандопулло, Емануилъ Емануиловъ., изд. первое, т. I, 161; изд. второе, 569.

Поповъ, статсъ-секретарь, т. II, 640.

Поповъ, мичманъ, 1854 г., изд. первое, т. I, 372; изд. второе, 305.

Поповъ, писатель, изд. первое, т. I, 468; изд. второе, 547; т. II, 200.

Поповъ, Александ. Никол., ученый и сатель: сообщ. записку объ упраздненіи греко-уніат. монастырей въ Западной Европѣ, 1828 г., изд. первое, т. I, 527—550; изд. второе, 517—538; упом.: изд. первое, т. I, 250; изд. второе, 483.

Порошинъ, писатель: ссылки на его записки, изд. первое, т. I, 16; изд. второе, 42; т. II, 195, 198, 199, 496.

Порпора, композиторъ, изд. первое, т. I, 575; изд. второе, 370.

Потаповъ, Ив. Алексѣев., с.-петербург. губернаторъ, потомъ намѣстникъ въ Воронежѣ, изд. первое, т. I, 305, 306; изд. второе, 136.

Потемкинъ, гр. Пав. Серг., † 1796 г.: назначеніе его тверскимъ губернаторомъ, изд. первое, т. I, 317; изд. второе, 147. Назначеніе главнокомандующимъ въ Казань, 1774 г., т. II, 226. Взятіе въ плѣнъ Перфильева, т. II, 335. Донесеніе ему о поимкѣ Пугачева, т. II, 345. Допросъ Пугачева, т. II, 351—353. Инструкція, данная ему Екатериною II, 1774 г., т. II, 400 — 402. Донесенія императрицѣ о ходѣ дѣлъ коммиссіи, назначенной для усмиренія пугачевщины, т. II, 402, 404 — 413. Письмо къ Екатеринѣ II о смерти Г. А. Потемкина, т. II, 414. Упом.: изд. первое, т. I, 300, 468; изд. второе, 130, 547; т. II, 331, 344, 371, 372, 397—399.

Потемкинъ - Таврическій, кн. Григ. Александ., ген.-фельдмарш.: письмо къ нему П. С. Потемкина, т. II, 403 — 404. Кончина его, т. II, 414. Его дѣянія, т. II, 129—130. Упом., изд. первое, т. I, 305, 306, 308, 310, 312, 316, 393, 423; изд. второе, 135, 136, 138, 140, 143, 147, 429, 483; т. II, 118, 126, 228, 406, 477, 637, 638.

Потоцкій, Борисъ, изд. первое, т. I, 10; изд. второе, 36.

Потоцкій, начальникъ барской конфедераціи, т. II, 130.

Потоцкій, гр., попечит. харьковс. учеб. округа, т. II, 544.

Потто, В. А.: статья его: «о блокадѣ и штурмѣ Карса» т. II, 567—610.

Поше, содержат. француз. театра въ

Петербургѣ, изд. первое, т. I, 313, 319; изд. второе, 143, 149.
Прасковья Іоанновна, вел. кн., дочь царя Іоанна Алексѣевича, изд. первое, т. I, 465; изд. второе, 544.
Прейсъ, англ. адмиралъ, 1854 г., изд. первое, т. I, 370, 373, 375, 607; изд. второе, 304, 306, 307, 308.
Прибытковъ, штабсъ-капит., 1825 г., т. II, 137.
Прикдонскій, камергеръ, т. II, 205.
Прикдонскій, пажъ, т. II, 204, 205.
Про — ровъ, Ив., раскольникъ, т. II, 639.
Прозоровскій, кн. Петр. Ив., бояринъ, изд. первое, т. I, 507; изд. второе, 400; т. II, 26, 479.
Прокоповичъ, Ѳеофанъ, новгород. архіеп., т. II, 35, 49, 50, 194.
Прокофьевъ, директ. американ. компаніи, изд. первое, т. I, 521; изд. второе, 255.
Прокофьевъ, Герасимъ, слуга, изд. первое, т. I, 508; изд. второе, 401.
Простоквашинъ, т. II, 361.
Протасова, изд. первое, т. I, 265; изд. второе, 234.
Протасова, Анна Степ., камеръ-фрейлина, возведенная потомъ въ графское достоинство, изд. первое, т. I, 312; изд. второе, 142.
Протасова, гр. Нат. Дмитр., рожд. кн. Голицына, гофмейстерина 1865 г. т. II, 478.
Протасовъ, Александ. Яков., воспитат. в. кн. Александра Павловича, изд. первое, т. I, 35, 418; изд. второе, 154, 204.
Протасовъ, гр. Никол. Александ., оберъ-прокуроръ синода, изд. первое, т. I, 489; изд. второе, 351.
Прохоровъ, капит., т. II, 579.
Прядильщиковъ, Ѳед. Аѳан., директ. томск. училищъ; разсказы его: объ исполненіи указа Петра I о бритіи бородъ въ Соликамскѣ, изд. первое, т. I, 594—595; изд. второе, 589—590; объ обращеніи раскольниковъ въ православіе въ 1788 г., изд. первое, т. I, 599—601; изд. второе, 413—414.
Пугачева, Софья, первая жена самозванца, т. II, 362.
Пугачева, Устинья, вторая жена самозванца, т. II, 362, 408.
Пугачевъ, Емельянъ, самозванецъ: первое появленіе его въ селѣ Малыковкѣ, т. II, 123. Поимка, отправленіе въ Казань и бѣгство, т. II, 124. Провозглашеніе императоромъ, т. II, 124. Женитьба на Коноваловой, т. II, 124. Приказъ его о повѣшаніи 30 плѣнныхъ, т. II, 213. Пораженіе его генераловъ: Бѣлобородова и Чики, и отступленіе отъ Оренбурга, т. II, 215. Занятіе Татищевской крѣпости и бѣгство изъ нея, т. II, 216—217. Сожженіе Казани, т. II, 218. Пораженіе подъ Казанью, т. II, 219. Поступокъ съ старушкой дворянкой, т. II, 237. Пораженіе команды полков. Дица, т. II, 246—247. Нападеніе на Саранскъ, Пензу и Петровскъ, т. II, 248. Взятіе Саратова, т. II, 249. Походъ черезъ нѣмецкія колоніи, т. II, 250. Осада Царицына, т. II, 250—251. Пораженіе при Сенниковой-ватагѣ, т. II, 251. Пугачевъ на р. Узенѣ, т. II, 335—336. Совѣтъ его съ товарищами и планы о новыхъ дѣйствіяхъ, т. II, 337—338, 340—341. Заговоръ его генераловъ, захватъ и выдача его, т. II, 338—339, 342—345. Допросъ и его показанія, т. II, 349, 351—353. Отправленіе въ Москву и разсказы его о своихъ подвигахъ, т. II 353—354. Болѣзнь его, т. II, 354, 355 Казнь 10 января 1775 г., т. II, 362. О портретахъ Пугачева, т. II, 417—418, 639—640. Упом.: т. II, 211, 214, 220, 240, 245, 321, 325, 330—332, 346, 348, 351, 356, 358, 364, 365, 370—372, 399, 400, 402, 405—408, 410, 411, 413.
Пугачевъ, Трофимъ, сынъ самозванца, т. II, 252, 339, 350.
Пузыревскій, И. А., сообщ.: выдержки изъ записокъ Кукольника, т. II, 635—636.
Пулавскій, начальникъ барской конфедераціи, т. II, 130.
Пупаревъ, А. Г., сообщ.: указы и распоряженія, состоявшіеся въ царствованіе Павла I, т. II, 515—522. Ссыл-

ка на его сборникъ матерьяловъ для исторіи пугачевскаго бунта, т. II, 398.
Путиловъ, Н. И., т. II, 417, 639.
Путята, Н. В., т. II, 202, 316.
Путята, С. Л., рожд. Энгельгардтъ, т. II, 316.
Пушкинъ, Александ. Серг., поэтъ: письмо его къ М. Л. Яковлеву о печатаніи исторіи пугачевскаго бунта, изд. первое, т, I, 162; изд. второе, 569. Замѣтка и разсказы о немъ, изд. первое, т. I, 404—405, 473; изд. второе, 570—571. Упом.: изд. первое, т. I, 262, 264, 271, 293, 381, 472, 490, 521; изд. второе, 231, 233, 240, 241, 256, 352, 555, 558; т. II, 59, 72, 73, 84, 88, 215, 247, 268, 273, 278, 285, 287, 343, 372, 399, 418, 637, 639.
Пушкинъ, Алексѣй Мих., литерат., т. II, 79.
Пушкинъ, Вас., Львов., литерат., т. II, 79.
Пушкинъ, Левъ Серг., изд. первое, т. I, 404, 521; изд. второе, 256, 271.
Пущинъ, піонерн. офиц., декабристъ, т. II, 184.
Пущинъ, Ив. Ив., декабристъ, изд. первое, т, I, 293; изд. второе, 558; т. II, 176, 184.
Пѣвцовъ, подполков., 1796 г., изд. первое, т. I, 33; изд. второе, 419.

Р.

Раббе, Альфонсъ, изд. первое, т. I, 34; изд. второе, 152.
Равинскій, изд. первое, т. I, 484; изд. второе, 346.
Раговинскій, 1781 г., изд. первое, т. I, 318, 320; изд. второе, 149, 150.
Раденъ, полков., изд. первое, т. I, 447; изд. второе, 458.
Радзивиллъ, кн. Богуславъ, изд. первое, т. I, 7.
Радищевъ, писатель: замѣтки его о Шешковскомъ, т. II, 631—639; упом.: т. II, 195, 494.
Радожицкій, маіоръ, изд. первое, т. I, 450; изд. второе, 461.
Раевская, Марія Никол., въ замужествѣ Волконская, изд. первое, т. I, 262; изд. второе, 231.
Раевская, Нина Никол., изд. первое, т. I, 262; изд. второе, 231.
Раевскій, Никол. Никол., декабристъ, изд. первое, т. I, 262, 522, 523; изд. второе, 231, 257, 258.
Разумовская, гр. Екат. Ив., рожд. Нарышкина, р. 1729 † 1771 г., статсъ-дама 1746 г., т. II, 489, 490.
Разумовскій, гр., посолъ, т. II, 516.
Разумовскій, гр. Алексѣй Григ., фельдмарш., изд. первое, т. I, 18, 216, 233, 234; изд. второе, 44, 99, 116, 117; т. II, 106, 194, 197.
Разумовскій, гр. Кир. Григ., гетманъ Малороссіи, изд. первое, т. I, 218, 302; изд. второе, 101, 132; т. II, 194, 195, 196, 489, 490.
Разумовскій, гр. Левъ Кирил., изд. первое, т. I, 45; изд. второе, 440.
Райковичъ, Сем., секундъ-маіоръ, изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Раймонди, композиторъ, изд. первое, т. I, 576; изд. второе, 370.
Ранбергъ, скрипачъ, т. II, 60.
Рангъ, М. М., писат., изд. первое, т. I, 322; изд. второе, 420.
Рапцовы, дворяне, т. II, 116.
Ратчъ, Вас. Ѳед., ген.-лейт., писатель, † 1869 г.: сообщ. записки императ. Николая I о прусскихъ дѣлахъ въ 1848 г., изд. первое, т. I, 553—562; изд. второе, 289—298.
Раупахъ, профес. нѣмец. литерат., изд. первое, т. I, 388; изд. второе, 321.
Рачинскій, подполков., 1796 г., изд. первое, т. I, 33; изд. второе, 419.
Ребиндеръ, изд. первое, т. I, 245; изд. второе, 423.
Редедя, косожскій богатырь, изд. первое, т. I, 186; изд. второе, 24.
Рейникенъ, Карлъ, подполков., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Рейнсдорфъ, оренбургскій губернаторъ, т. II, 399.
Рейхель, масонъ, т. II, 199.
Ремеръ, секрет. русск. посольства въ Неаполѣ, изд. первое, т. I, 576, 577; изд. второе, 370, 372.
Реми, скрипачъ, изд. первое, т. I, 483; изд. второе, 344.

Ренвель (Венцель), полков., 1774 г., т. II, 402.
Ренуръ, торговцы, изд. первое, т. I, 207; изд. второе, 90.
Репнина, кн. Нат. Александ., рожд. кн. Куракина, изд. первое, т. I, 316; изд. второе, 146.
Репнина, кн. Праск. Никол., въ замужествѣ кн. Голицына, † 1784 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 146.
Репнинскіе, т. II, 115.
Репнинъ, кн. Вас. Аникит., ген.-аншефъ, † 1748 г., т. II, 465.
Репнинъ, кн. Никит. Ив., т. II, 115.
Репнинъ, кн. Никол. Вас., фельдмаршалъ, р. 1734 † 1801 г., изд. первое, т. I, 29, 32, 251, 302, 304, 309, 316; изд. второе, 132, 134, 140, 147, 416, 418, 484; т. II, 128, 130, 131, 502.
Репнинъ, кн. Мих. Петр., т. II, 24.
Репнины, князья, т. II, 25.
Репнинъ-Волконскій, кн. Никол. Григ., бывшій ген.-губернат. королевства Саксонскаго, р. 1778 † 1844 г., изд. первое, т. I, 465; изд. второе, 544.
Ржевская, Александр. Өедотов., рожд. Каменская, р. 1740 † 1769 г., т. II, 79, 80.
Ржевская, Глаф. Ив., рожд. Алымова, т. II, 79.
Ржевская, Дарья Гавр., рожд. Соковнина, т. II, 482.
Ржевскіе, супруги, писатели, изд. первое, т. I, 468; изд. второе, 547.
Ржевскій, Александ. Ильичъ, камергеръ, р. 1726 † 1809 г., т. II, 80.
Ржевскій, Алексѣй Анд., дѣйств. тайн. сов., писатель, † 1804 г.: біографическія свѣдѣнія о немъ, т. II, 78—80.
Ржевскій, Пав. Алексѣев., камергеръ, † 1852 г., т. II, 79.
Ригинъ, купецъ, изд. первое, т. I, 462; изд. второе, 538.
Ридигеръ, Өед. Өед., ген., впослѣдствіи графъ, изд. первое, т. I, 491; изд. второе, 353.
Рикорди, Джіованни, содержатель музык. магазина, изд. первое, т. I, 584, 585, 587; изд. второе, 378, 379, 382.
Римскій-Корсакъ, Александ. Яковл., литерат., изд. первое, т. I, 477, 479, 481, 483, 491; изд. второе, 339, 341, 343, 445, 453; т. II, 274, 350, 447, 462.
Риссельеръ, пасторъ, изд. первое, т. I, 94, 95; изд. второе, 70.
Рихтеръ, авторъ «Исторія медицины въ Россіи», изд. первое, т. I, 22; изд. второе, 47.
Рихтеръ, финляндскій ландратъ, изд. первое, т. I, 447, 454; изд. второе, 458, 459, 465.
Ровинскій, Дмит. Александ., ученый и писатель, соч. его: «Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 г. до основанія академіи художествъ, изд. второе, библ. лист., 15.
Роговъ, купецъ, т. II, 542, 545.
Родіоновъ, Авдѣй, рядовой, изд. первое, т. I, 283; изд. второе, 277.
Роза Ивановна, бонна, изд. первое, т. I, 384; изд. второе, 318.
Розаріо, дѣвица, т. II, 426, 427.
Роздорскій, Мартынъ, кубан. казакъ, 1708 г., т. II, 6.
Розенбергъ, поручикъ, 1827 г., т. II, 181.
Розенбергъ, Даніель, т. II, 446.
Розенъ, баронъ, т. II, 60, 61, 63, 66, 154.
Розенъ, бар. Анд. Евг., литераторъ, декабристъ: сообщ. стихотворенія А. И. Одоевскаго, изд. второе, 561, 565; т. II, 526—528; упом., т. II, 184.
Розенъ, жена декабриста, т. II, 188.
Роланъ, бригадиръ, потомъ архангельскій губернат., изд. первое, т. I, 17, 24, 26; изд. второе, 43, 50, 51.
Ролла, пѣвецъ, изд. первое, т. I, 580; изд. второе, 374.
Роллеръ, декораторъ, т. II, 68, 385, 387.
Романусъ, полков., т. II, 438, 439.
Ромбергъ, капельмейстеръ, т. II, 394.
Ромеа, актеръ, т. II, 427.
Ромодановская, Анаст. Өед., рожд. Салтыкова, р. 1701 † 1791, статсъ-дама 1730 г., т. II, 483, 484, 485.
Ромодановскій, кн. Ив. Өед. (князь-кесарь), стольникъ, изд. первое, т. I, 196; изд. второе, 396.
Ромодановскій, кн. Өед. Юр., изд. первое, т. I, 196; изд. второе, 396.
Ромулъ-Готефридъ (Romulus Godefroi),

гувернеръ, изд. первое, т. I, 479; изд. второе, 341.
Рондо, леди, жена англ. посла въ Петербургѣ, изд. первое, т. I, 16; изд. второе, 42.
Ронци де-Беньисъ, пѣвица, изд. первое, т. I, 575; изд. второе, 370.
Росиньоль, Адель, т. II, 396.
Рославлевъ, заговорщикъ, изд. второе, 118.
Россини, композиторъ, изд. первое, т. I, 392, 566, 568, 571, 575; изд. второе, 326, 362, 365, 370, 376.
Ростовцевъ, Яков. Ив., писатель: стихотвореніе его, т. II, 90 — 92; упом.: изд. первое, т. I, 472, 524; изд. второе, 259, 555.
Ростопчина, гр. Евд. Петр., рожд. Сушкова, т. II, 383.
Ростопчинъ, гр. Ѳ. В.: письмо его къ Голенищеву-Кутузову, 1812 г., т. II, 305; упом.: изд. первое, т. I, 31, 252, 255; изд. второе, 417, 484, 488.
Ростоцкій, уніат. митрополитъ, изд. первое, т. I, 527; изд. второе, 518.
Ротговъ, подполков., 1796 г. изд. первое, т. I, 33; изд. второе, 419.
Ртищевъ, генер., т. II, 94.
Рубанъ, Вас., писатель, изд. первое, т. I, 468; изд. второе, 547.
Рубини, пѣвецъ, изд. первое, т. I, 566, 567, 568; изд. второе, 361, 362, 381; т. II, 60, 87, 392, 394, 395.
Рудневъ, комисаръ въ Петропавловскомъ портѣ, изд. первое, т. I, 607; изд. второе, 302.
Рукевичъ, декабристъ, т. II, 185.
Рукинъ, т. II, 115.
Румянцева, гр. Марія Анд., рожд. Матвѣева, р. 1698 † 1788 г., оберъ-гофмейстерина 1776 г., изд. первое, т. I, 309, 316; изд. второе, 140, 146; т. II, 473, 489.
Румянцева, Марія Вас., рожд. кн. Мещерская, т. II, 476.
Румянцева-Задунайская, гр. Екат. Мих., рожд. кн. Голицына, р. 1725 † 1779 г., дѣйств. статсъ-дама, т. II, 496.
Румянцевъ, гр. Александ. Ив., ген.-аншефъ, изд. первое, т. I, 15; изд. второе, 40; т. II, 465, 473.
Румянцевъ, Никол. Ив., ген.-маіоръ, т. II, 476.
Румянцевъ, гр. Никол. Петр., мин. иностр. дѣлъ, государств. канцлеръ и предсѣд. Государств. Совѣта, р. 1754 † 1826 г.: письмо его къ императ. Александру I и отвѣтъ императора, изд. первое, т. I, 57—60; изд. второе, 474—476.
Румянцевъ-Задунайскій, гр. Петр. Александ., фельдмаршалъ, т. II, 118, 128, 129, 220, 359, 361.
Руничъ, Дмит. Павл., попечитель с.-петербург. учеб. округа, т. II, 116, 117, 120.
Руничъ, Пав. Степ., сенаторъ, р. 1747 † 1825 г.: записки его о пугачевскомъ бунтѣ, т. II, 116—131, 211—253, 321—372.
Руничъ, Петр. Степ., капитанъ, т. II, 117, 227.
Рупертъ, ген.-губернат. Восточной Сибири, 1840 г., т. II, 193.
Рыкмановъ, полков. командиръ, 1708 г., т. II, 9.
Рылѣевъ, Кондр. Ѳед., писатель, декабристъ: стихотворенія его: «Голова Волынскаго» и «Посланіе къ А. А. Бестужеву»; замѣтка о его душевныхъ качествахъ, т. II, 88 — 90, 524 — 526. Составленная имъ шарада, т. II, 96. Упом.: изд. первое, т. I, 355, 364, 520—524, 526; изд. второе, 255—257, 259, 261, 265, 274; т. II, 184.
Рындина, Нат. Ив., изд. первое, т. I, 590; изд. второе, 384.
Рындинъ, П. П., изд. первое, т. I, 590; изд. второе, 384; т. II, 373, 377, 611.
Рычковъ, содержат. шелкович. завода, т. II, 321, 322.
Рычковъ, Петр. Ив., писатель, изд. первое, т. I, 464; изд. второе, 542.
Рѣзвый, ген.-маіоръ, изд. первое, т. I, 254; изд. второе, 487.
Рѣпинъ, декабристъ, т. II, 184.
Рѣпинъ, Ив. Ив., л.-гв. сержантъ, т. II, 239.

С.

Сабуровъ, директоръ театровъ, изд. первое, т. I, 497; изд. второе, 250.
Саввинъ, Галактіонъ, инвалид. солд., изд. первое, т. I, 284, 288; изд. второе, 278, 282.
Савелій Пахомовичъ, атаманъ кубан. казач. войска, 1708 г., т. II, 1, 5—7.
Савельевъ, г-нъ, т. II, 83.
Савельевъ, Обросимъ, старшина донск. казач. войска, 1708 г., т. II, 4.
Савинъ, яицкій казакъ, т. II, 407, 408.
Садовскій, докторъ, т. II, 293, 378.
Сазоновъ, ген.-маіоръ, начальн. инженеровъ гвард. корпуса, 1825 г., т. II, 137.
Сакенъ, корпус. команд., изд. первое, т. I, 259, 262, 263, 266, 267, 270, 271; изд. второе, 228, 231, 232, 235—237 239, 240.
Саксонскій, принцъ Карлъ, сынъ кор. пол. Августа III, изд. первое, т. I, 403.
Саксонскій, гр. Морицъ, 1742 г., изд. первое, т. I, 403; изд. второе, 67.
Салаватъ, сообщникъ Пугачева, т. II, 406.
Салтыкова, Анна Вас., фрейлина, т. II, 488.
Салтыкова, кн. Екат. Вас., гофмейстерина, 1855—1862 г., т. II, 478.
Салтыкова, гр. Екат. Мих., помѣщ., т. II, 282.
Салтыкова, Марія Алексѣев., рожд. кн. Голицына, р. 1701 † 1752 г., статсъ-дама 1741 г., т. II, 488.
Салтыкова, гр. Марія Влад., т. II, 75.
Салтыкова, гр. Праск. Юр., рожд. кн. Трубецкая, статсъ-дама 1731 г., т. II, 50, 486, 487.
Салтыковъ, Александ. Вас., бригадиръ, т. II, 228, 238.
Салтыковъ, кн. Алексѣй Дмитр., т. II, 283, 458.
Салтыковъ, Вас. Ѳед., ген.-губерн., † 1755 г., т. II, 31, 100, 102, 485, 488.
Салтыковъ, Ив. Алексѣев., ген.-аншефъ, † 1773 г., т. II, 77.
Салтыковъ, кн. Никол. Ив., фельдмарш., воспит. вел. кн. Александра и Константина Павловичей; р. 1736 † 1816 г.: отчеты, представленные ему Лагарпомъ, изд. первое, т. I, 34—44, 103—132, 407—418; изд. второе, 152—205; т. II, 161—174, 253—264.
Салтыковъ, Петр. Ив., изд. первое, т. I, 14; изд. второе, 40.
Салтыковъ, гр. Петр. Сем., ген.-адъют., т. II, 50, 100, 128.
Салтыковъ, гр. Сем. Анд., оберъ-гофмейст. и главноком. въ Москвѣ, р. 1672 † 1742 г.: секретный указъ, данный ему отъ имени императ. Ивана Антоновича, 1740 г., изд. первое, т. I, 515—516; изд. второе, 409—410; упом.: т. II, 487.
Самаринъ, т. II, 393, 395.
Самойловъ, гр., т. II, 399, 638.
Самойловъ, Александ. Никол., ген.-прокуроръ, изд. первое, т. I, 299; изд. второе, 130.
Самойловъ, пѣвецъ, изд. первое, т. I, 393; изд. второе, 326.
Самойловъ, Вас. Вас., актеръ, т. II, 280.
Самохваловъ, штурм. офиц., 1854 г., изд. первое, т. I, 370; изд. второе, 303.
Сангушки, князья, т. II, 309.
Сандунова, пѣвица, изд. первое, т. I, 393; изд. второе, 326.
Сантьяго, донъ испанскій, т. II, 423, 425—429, 431, 432.
Сапожниковъ, инж.-капит., изд. первое, т. I, 349; изд. второе, 508; т. II, 294.
Сапѣга, кн. Ив.—Фридр., вел. канц. литовскій, р. 1680 † 1751 г.: письмо къ нему императр. Анны Ивановны, 1735 г. изд. первое, т. I, 297; изд. второе, 408; упом.: изд. первое, т. I, 402 — 403.
Сапѣга, Казимиръ-Владиславъ, воевода троцкій, † 1703 г., изд. первое, т. I, 403; изд. второе, 408.
Сапѣга, кн. Констанція, рожд. кн. Радзивиллъ, изд. первое, т. I, 403; изд. второе, 408.
Саранчинъ, дядька, т. II, 275, 277.

Сертлавъ, кубанс. мурза, 1708 г., т. II, 2, 5—9.
Сатинъ, Ив., поручикъ, т. II, 492.
Сафонова, Марѳа Сим., рожд. гр. Гендрикова, р. 1727†1754 г., статсъ-дама, 1747 г., т. II, 490.
Сафоновъ, Мих. Ив., ген.-поручикъ, т. II, 471, 490.
Сахаровъ, купецъ, 1854 г., изд. первое, т. I, 376; изд. второе, 309.
Сахаровъ, прапорщ. морской артил. 1854 г., изд. первое, т. I, 376; изд. второе, 310.
Сбигней, братъ Болеслава Кривоустаго, т. II, 308.
Свистунова, рожд. Ржевская, т. II, 79.
Свистуновъ, Петр. Ив. декабристъ, т. II, 184, 193.
Свѣшниковъ, хлѣб. торгов., замѣчат. самоучка, 1781 г., изд. первое, т. I, 319; изд. второе, 150.
Севастьянъ (Савостьянъ) **Васильевичъ**, кубанск. казакъ, 1708 г., т. II, 6.
Севербрикъ, учит. фехтованія, изд. первое, т. I, 395; изд. второе, 329.
Сегюръ, гр., составит. запис. о времени Екатерины II, изд. первое, т. I, 16; изд. второе, 42.
Селимъ-паша, т. II, 605, 606.
Селифонтовъ, Никол. Никол., сообщ. письма императ. Александра I: къ И. И. Бахтину, изд. первое, т. I, 132—136; изд. второе, 444—447; къ гр. Аракчееву, изд. первое, т. I, 63—64, 346—347; изд. второе, 479—481. О гр. Милорадовичѣ, т. II, 530.
Семеновъ, вице-губернат. въ Орлѣ, 1837 г., т. II, 280.
Семеновъ, Вас. Никол., цензоръ, изд. первое, т. I, 473, 474; изд. второе, 570.
Семеновъ, Кирей, есаулъ дон. казач. войска, 1708, т. II, 5.
Сенковскій, Осипъ Ив., писатель, изд. первое, т. I, 474; изд. второе, 570; т. II, 87, 388, 391.
Сенъ-Сиръ, франц. маршалъ, 1813 г., изд. первое, т. I, 138; изд. второе, 209.
Сенъ-Северъ, франц. консулъ, 1740 г., изд. первое, т. I, 403; изд. второе, 63.
Сенявина, Марія Алексѣев., фрейлина, 1781 г., изд. первое, т. I, 315, 318; изд. второе, 145, 149.
Сенявинъ, воевода г. Арзамаса, 1774 г., т. II, 236.
Сенявинъ, Ив. Іоак., контръ-адмиралъ, 1724 г., изд. первое, т. I, 596; изд. второе, 397; т. II, 480.
Серафимъ, с.-петербург. митрополитъ: донесеніе его Синоду о бунтѣ воен. поселянъ въ селѣ Коломнѣ 1831 г., изд. первое, т. I, 287—290; изд. второе, 281—284. Письмо къ нему Вигеля, изд. первое, т. I, 162—164; изд. второе, 574—576. Письмо его къ гр. Бенкендорфу о статьѣ Чаадаева, 1836 г., изд. первое, т. I, 291—293; изд. второе, 577—578. Увѣщанія его, обращенныя къ бунтовщикамъ 14 декабря 1825 г., т. II, 154.
Серве, віолончелистъ, т. II, 461.
Сердобинъ, Мих. Никол., бар., владѣлецъ архива кн. А. Б. Куракина: сообщ. письма Пикара къ Куракину, изд. первое, т. I, 297—321; изд. второе, 128—152.
Серебряковъ, полков., т. II, 407.
Сеси, пѣвица, изд. первое, т. I, 268 269; изд. второе, 237, 238.
Сестренцевичъ, католич. митрополитъ, т. II, 549.
Сиверсъ, графиня, изд. первое, т. I, 475; изд. второе, 337.
Сиверсъ, гр., ген., членъ сов. пут. сообщ. 1824 г., изд. первое, т. I, 475; изд. второе, 337.
Сиверсъ, Карлъ, камергеръ, впослѣдствіи гофмаршалъ и графъ, †1774 г., изд. первое, т. I, 96, 97, 598; изд. второе, 73, 412.
Сиверсъ, гр. Яков. Ефим., сенаторъ, намѣстникъ Новгородской и Тверской губерній, 1776 г., т. II, 367, 368.
Сиверсъ, Ѳед., курлянд. гражд. губернт.: донесеніе его императ. Александру I о лифлянд. казач. полку, 1813 г., изд. первое, т. I, 443—444; изд. второе, 455—456. Воззваніе его къ лифляндскому дворянству, изд. первое, т. I, 452—453; изд. второе, 463—464. От-

вѣтъ его рижск. воен. губернатору, изд. первое, т. I, 454—456; изд. второе, 466—468. Списки: съ рапортовъ его маркизу Паулучи, изд. первое, т. I, 457—459, 461; изд. второе, 468—471, 478; съ отношенія его къ г.-лейт. Ловизу, изд. первое, т. I, 457; изд. второе, 469; къ рижскому коменданту Эмме, изд. первое, т. I, 459—460; изд. второе, 471—472; къ лифлянд. гражд. губернатору, изд. первое, т. I, 460—461; изд. второе, 471—472; съ отношенія къ нему маркиза Паулучи, изд. первое, т. I, 458; изд. второе, 469. Упом.: изд. первое, т. I, 445—452; изд. второе, 457—463.

Сигуновъ, Никол. Григ., ген.-маіоръ, воспоминанія его: «Черты изъ жизни гр. Аракчеева», изд. первое, т. I, 272—276; изд. второе, 241—245.

Сидонскій, Ѳед. Ѳед., протоіерей, преподават. философіи въ с.-петербург. университ., изд. первое, т. I, 505; изд. второе, 583.

Сидоровскій, писатель XVIII в., т. II, 200.

Сидоровъ, Вас., рядовой, изд. первое, т. I, 286, 289; изд. второе, 280, 283.

Сидоръ Зиновьевичъ, старшина кубан. казач. войска, 1708 г., т. II, 5.

Сидоръ Никитичъ, старшина кубан. казач. войска, 1708 г., т. II, 5.

Симскій-Хабаровъ, кн., т. II, 24.

Ситовскій, Р. П., изд. первое, т. I, 296; изд. второе, 391.

Скавронская, граф. Екат. Вас., рожд. Энгельгардтъ, изд. первое, т. I, 309, 310, 312, 317; изд. второе, 139, 140, 143, 148; т. II, 477.

Скавронская, гр. Марія Никол., рожд. бар. Строгонова, † 1805 г., дѣйств. статсъ-дама 1756 г., т. II, 492.

Скавронскіе, родственники императр. Елизаветы, 1740 г., т. II, 101.

Скавронскій, Карлъ Самуил., братъ императр. Екатерины I, изд. первое, т. I, 84; изд. второе, 60.

Скавронскій, гр. Март. Карл., ген.-аншефъ, р. 1714†1776 г., т. II, 485, 492.

Скавронскій, гр. Пав. Карл., посолъ въ Неаполѣ, изд. первое, т. I, 305, 308; изд. второе, 135, 139.

Скавронскій, гр. Пав. Март., тайн. сов., изд. первое, т. I, 309, 315—318; изд. второе, 139, 145—148; т. II, 477.

Скавронскій, гр. Ѳед. Самуил., т. II, 491.

Скачковъ, Ив. Алексѣев., прем.-маіоръ, 1781 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.

Скворцовъ, 1740 г., т. II, 102.

Скобелевъ, Дмитрій Ив., генер., изд. первое, т. I, 605; изд. второе, 541.

Скобелевъ, Ив. Никит., генер., р. 1778†1849 г.; письма его: къ воен. мин. кн. Чернышеву, 1848 г., изд. первое, т. I, 603; изд. второе, 539; къ императ. Николаю I, 1848 г., изд. первое, т. I, 604—605; изд. второе, 540.

Скопинъ, ординарецъ, т. II, 587, 598.

Скоропадскій, Петръ, помѣщ. 1837 г., т. II, 278—280.

Скрипицынъ, маіоръ, 1774 г., т. II, 402.

Скрябинъ, помѣщ., т. II, 418.

Смирдинъ, Александ. Ѳед., книгопродав., изд. первое, т. I, 463, 465, 467, 473; изд. второе, 541, 543, 546, 570; т. II, 74—80, 196, 197, 200, 631.

Смоляниновъ, горный начальн. въ Читѣ, 1827 г., т. II, 187.

Сназинъ, подполков., 1796 г., изд. первое, т. I, 33; изд. второе, 419.

Снегиревъ, содержат. нотнаго магазина, т. II, 71, 72.

Соболевская, Пелаг. Ив., рожд. Глинка, изд. первое, т. I, 479; изд. второе, 341.

Соболевскій, Серг. Александ., библіогр., разсказъ его объ И. А. Крыловѣ, т. II, 88. Упом.: изд. первое, т. I, 389, 571, 572, 579, 586; изд. второе, 323, 366, 367, 381, 555; т. II, 72, 73, 374, 447.

Соболевскій, Як. Мих., изд. первое, т. I, 476, 562; изд. второе, 341, 357; т. II, 379, 380.

Соймонова, рожд. Кокошкина, т. II, 492.

Соймоновъ, Леонт. Яков., ген.-прокур., т. II, 492.

Соймоновъ, Петр. Александ., бригадиръ, изд. первое, т. I, 318; изд. второе, 149.
Соковнинъ, Алексѣй Прокоф., окольничій, т. II, 482.
Соковнинъ, Гавр. Петр., т. II, 482.
Соколовичъ, Пав., студентъ, 1803—1805 гг., изд. первое, т. I, 351; изд. второе, 509.
Соколовъ, Тимоѳей, есаулъ донск. казач. войска, 1708 г., т. II, 5.
Соліва, профес. музыки въ петербург. театральн. училищѣ, т. II, 60, 271, 272.
Солнцевъ, ученый и академикъ, т. II, 380.
Солнцевъ-Засѣкинъ, кн. Борисъ, 1710 г., т. II, 37.
Соловей, Вас. Ив., свящ., писатель, изд. первое, т. I, 467; изд. второе, 546.
Соловьева, рожд. Вертейль, пѣвица, т. II, 272, 423, 424.
Соловьевъ, бар., декабристъ, т. II, 185.
Соловьевъ, Серг. Мих., профес., соч. его: «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ», изд. второе, библіогр. лист., 13. Статья: «Императорскіе Совѣты въ Россіи, въ XVIII вѣкѣ», т. II, 463—468. Ссылки на его сочиненія, т. II, 1—5.
Соловьевъ, Степ. Ѳед., золотопромышл. 1854 г., изд. первое, т. I, 368; изд. второе, 301.
Сологубъ, гр., помѣщ., т. II, 564.
Сологубъ, гр. Влад. Александ., писатель, изд. первое, т. I, 471; изд. второе, 554.
Соломата, Никита Алексѣев., старшина донск. казач. войска, 1708 г., т. II, 4.
Соломка, ген., 1830 г., т. II, 93.
Соломонъ, операторъ, изд. первое, т. I, 491; изд. второе, 353; т. II, 395.
Соляри, маркизъ, т. II, 314.
Сомовъ, Орестъ, литерат., изд. первое, т. I, 491, 492, 522; изд. второе, 257, 353, 354.
Сопиковъ, издат. книгъ, изд. первое, т. I, 463, 465, 467, 468; изд. второе, 541, 543, 546; т. II, 74, 75, 78, 80, 196, 197, 200.
Сосиповичъ, ссыльный, т. II, 185.
Сосновскій, Т. А., сообщ. литер. арх. Ѳ. В. Булгарина, т. II, 524.
Софья Алексѣевна, царевна, изд. первое, т. I, 80; изд. второе, 56.
Спафарьевъ, Леонт. Вас., ген., начальн. маяковъ, 1824 г., изд. первое, т. I, 519; изд. второе, 254.
Сперанскій, гр. Мих. Мих., † 1839 г.: труды его по устройству Сибири, изд. первое, т. I, 605; изд. второе, 541.
Спиридовъ, декабристъ, т. II, 185.
Спиридоновъ, Пантелей, рядовой, изд. первое, т. I, 286; изд. второе, 280.
Срезневскій, Измаилъ Ив., академикъ, т. II, 81.
Стадлеръ, смотрительница лазарета 1-го кад. корп., изд. первое, т. I, 421; изд. второе, 218.
Сталь, комендантъ въ Москвѣ, изд. первое, т. I, 143; изд. второе, 213.
Станкевичъ, учит. калиграфіи, т. II, 202.
Станюковичъ, Зах., корнетъ, 1796 г., изд. первое, т. I, 31; изд. второе, 417.
Старбусъ, Петръ-отецъ, 1722 г., оруж. маст., изд. первое, т. I, 596; изд. второе, 397.
Старбусъ, Петръ-сынъ, 1724 г., оруж. маст., изд. первое, т. I, 596—597; изд. второе, 397—398.
Старкъ, камергеръ гольштинс. двора, 1728 г., изд. первое, т. I, 514; изд. второе, 406.
Старкъ, придворн. дама (дамъ донера), изд. первое, т. I, 515; изд. второе, 407.
Стасовъ, Влад. Вас., ученый и писатель: ссылки на его статьи о Глинкѣ, изд. первое, т. I, 380, 381, 393, 394; изд. второе, 314, 327, 328; т. II, 72, 444, 618, 621.
Стасовъ, Дмитр. Вас., т. II, 450, 611.
Стахій, свящ. 1808 г., изд. первое, т. I, 421; изд. второе, 218.
Стелловскій, изд. музык. композицій, т. II, 73, 631.
Степанова, пѣвица, т. II, 271, 272.
Степанова, Соф. Серг., т. II, 387, 620.
Степановъ, Александ. Петр., писатель: разсказъ его о принятіи въ масоны въ

1815 г., изд. первое, т. I, 150—155; изд. второе, 221—227.

Степаковъ, Вас., лекарскій ученикъ, изд. первое, т. I, 284, 288; изд. второе, 278, 282.

Степановъ, Владиславъ, т. II, 293.

Степановъ, И. И., т. II, 181.

Степановъ, Никол. Александ., карикатуристъ, изд. первое, т. I, 401; изд. второе, 325; т. II, 289, 293, 378, 379.

Степановъ, Пав., рядовой, изд. первое, т. I, 283, 284; изд. второе, 277, 278.

Степановъ, Пет. Александ., ген.-лейт.: сообщ. разсказъ А. П. Степанова о принятіи въ масонскую ложу, 1815 г.. изд. первое, т. I, 150—155; изд. второе, 221—227. Упом.: т. II, 62, 63, 273, 284, 292, 293, 374, 378, 436.

Степановъ, Руфъ Сем.: письмо къ нему А. П. Степанова, изд. первое, т. I, 155; изд. второе, 226.

Степовая, Люб. Ив., изд. первое, т. I, 522; изд. второе, 257.

Степовой, Мих. Гавр., 1825 г., изд. первое, т. I, 522; изд. второе, 257.

Стефанъ, рязанс. архіерей, изд. первое, т. I, 517; изд. второе, 399.

Стиглицъ, еврей, т. II, 305.

Столетова, Марѳа, камеръ-юнгфера, 1727 г., изд. первое, т. I, 512; изд. второе, 405.

Стояновскій, Н. И., т. II, 81.

Страховъ, членъ иностр. коллегіи, 1781 г., изд. первое, т. I, 321; изд. второе, 151.

Стрекаловъ, ген.-маіоръ, впослѣдствіи казан. воен. губернат., 1825 г., т. II, 137, 154.

Строгонова, гр., помѣщ. 1828 г., изд. первое, т. I, 490; изд. второе, 352.

Строгонова, гр. Анна Мих., рожд. Воронцова, р. 1743†1769 г., изд. первое, т. I, 211; изд. второе, 94.

Строгонова, Марія (Васса) Яков., рожд. Новосильцева, статсъ-дама, т. II, 478.

Строгонова, бар. Праск. Ив., рожд. Бутурлина, т. II, 492.

Строгоновъ, докторъ, т. II, 438.

Строгоновъ, гр., 1781 г., изд. первое, т. I, 318; изд. второе, 149.

Строгоновъ, Григ. Дмитр., именитый человѣкъ, т. II, 31, 478.

Строгоновъ, бар. Никол. Григ., дѣйств. ст. сов., т. II, 492.

Струковъ, маіоръ, изд. первое, т. I, 256; изд. второе, 488.

Стрѣшнева, Нат. Львов., рожд. Вельяминова-Зернова, т. II, 481.

Стрѣшневъ, Ив. Ирод., ближній стольникъ, т. II, 480.

Стрѣшневъ, Тих. Никит., бояринъ, т. II, 30.

Стунѣева, Марія Ив., рожд. Глинка, т. II, 57, 283, 285, 290, 291, 292, 373.

Стунѣева, Соф. Петр., т. II, 57, 58, 269, 283, 291.

Стунѣевъ, Алексѣй Степ., изд. первое, т. I, 486, 487; изд. второе, 348, 349; т. II, 57, 58, 63, 269, 270, 283.

Стунѣевъ, Дмит. Степ., т. II, 57, 267, 283, 284, 290.

Ступинъ, полков., 1715 г., т. II, 212.

Ступишинъ, Алексѣй Алексѣев., ген.-поруч., нижегород. губернат., т. II, 406.

Стюрлеръ, полков. 1825 г., т. II, 149, 150, 154, 160.

Суворовъ, кн. Александ. Вас., генералиссимусъ: преслѣдованіе имъ Пугачева, его причуды и привычки въ походѣ, т. II, 321—326, 335, 336, 344. Взятіе Пугачева, т. II, 339, 345—346. Отъѣздъ въ Москву, т. II, 351. Упом.: изд. первое, т. I, 343, 423, 464; изд. второе, 429, 505, 542; т. II, 119, 250, 330, 398, 410, 510.

Суворовъ-Рымникскій, гр. Александ. Аркад., кн. Италійскій, внукъ генералиссимуса, передавшій редакціи архивъ своего знаменитаго дѣда, изд. первое, т. I, 406; изд. второе, 4.

Судіенко, Ос. Степ., помѣщ.: письмо къ нему гр. В. П. Кочубея, т. II, 299—301.

Сува, испанецъ, т. II, 420, 423.

Сукинъ, писатель XVIII в., т. II, 198.

Сукинъ, комендантъ Петропавл. крѣпо-

сти, 1825 г., изд. первое, т. I, 368; изд. второе, 273.
Сультъ, франц. дивиз. команд., 1805 г., изд. первое, т. I, 331; изд. второе, 499.
Сумароковъ, сенаторъ, 1840 г., т. II, 292.
Сумароковъ, Александ. Петр., писатель, р. 1718†1777 г., изд. первое, т. I, 469, 470; изд. второе, 548; т. II, 76, 198, 199, 200.
Сумароковъ, Петр. Спирид., кам.-юнкеръ голыштинскаго двора, впослѣдствіи оберъ-шталмейст. импер. двора, изд. первое, т. I, 515; изд. второе, 407; т. II, 49.
Сунцовъ, солдатъ, 1854 г., изд. первое, т. I, 376; изд. второе, 310.
Сусловъ, команд. отряда, т. II, 606.
Суттофъ, поруч., декабристъ, т. II, 149, 159, 184.
Сухановъ, академикъ, изд. первое, т. I, 395; изд. второе, 328.
Сухиновъ (Сухининъ), декабристъ, т. II, 181, 185.
Сухозанетъ, ген., изд. первое, т. I, 261; изд. второе, 230; т. II, 151, 155.
Сѣмашко, Іосифъ, митрополитъ литов., изд. первое, т. I, 527; изд. второе, 518.
Сѣровъ, Александ. Никол., композиторъ, т. II, 383, 450, 452, 611, 612.
Сѣряковъ, Л. А., академикъ, граверъ, т. II, 418, 639.

Т.

Т...., г-жа, т. II, 311.
Т...., княжна, изд. первое, т. I, 300, 317; изд. второе, 130, 138.
Т—въ, Евгр. Вас., помѣщ., изд. первое, т. I, 524; изд. второе, 259.
Табаровскіе, семейство, т. II, 384.
Тадорини, Теодоръ, вице-директ. архива Frari въ Венеціи, т. II, 314.
Тальбергъ, музыкантъ, т. II, 383.
Тальгренъ, подполков., т. II, 579.
Талызинъ, Ив. Лукьян., адмиралъ, изд. первое, т. I, 221, 222; изд. второе, 104; т. II, 114, 125.
Тамбурини, пѣвецъ, изд. первое, т. I, 575; изд. второе, 370; т. II, 394.
Танѣевъ, статсъ-секрет., 1846 г., изд. первое, т. I, 462; изд. второе, 538, 539.
Таптиковъ, декабристъ, т. II, 185.
Тарновская, Анна Дмитр., т. II, 277, 294, 295.
Тарновскій, Григ. Степ., помѣщ., т. II, 275, 277, 278, 280.
Тассистро, кларнетистъ, изд. первое, т. I, 583; изд. второе, 378.
Татищевъ, Алексѣй Дмитр., ген.-аншефъ, †1760 г., т. II, 115.
Татищевъ, Вас. Никит., историкъ, р. 1686†1750 г., изд. первое, т. I, 166, 518; изд. второе, 395, 400; т. II, 34, 49.
Татищевъ, гр. Никол. Алексѣев., воен. мин. 1825 г., изд. первое, т. I, 497; изд. второе, 250.
Тверитиновъ, вахмистръ, 1740 г., изд. первое, т. I, 516; изд. второе, 410.
Твороговъ, сообщ. Пугачева, т. II, 251, 252, 337—339, 341—343, 365, 411.
Текелевъ, грузинскій князь, 1773 г., т. II, 218, 219.
Текелій, ген.-поручикъ, 1774 г., т. II, 359.
Телепневъ, Евгр., капит. 2-го ранга, 1781 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Тельшевскій, маіоръ, батал. команд. 1812 г., изд. первое, т. I, 444, 449, 457; изд. второе, 455, 460, 469.
Теплова, Матр. Герас., рожд. Стрѣшенцова, т. II, 199.
Тепловъ, Алексѣй Григор., т. II, 196.
Тепловъ, Григ. Алексѣев., т. II, 195.
Тепловъ, Григ. Никол., тайн. сов., писатель, р. 1720†1779 г.: біографическія свѣдѣнія о немъ, т. II, 194—197.
Теплый, Ив., служитель, изд. первое, т. I, 508; изд. второе, 401.
Терпигоревъ, Никол. Никол.: разсказъ его о Пушкинѣ, изд. первое, т. I, 474; изд. второе, 570.
Тецишевскій, см. Цѣцишевскій.
Тешнеръ, учит. пѣнія, изд. первое, т. I, 591, 593; изд. второе, 385, 387.
Тизенгаузенъ, семейство, изд. первое, т. I, 245; изд. второе, 423.

Тизенгаузенъ, бар., декабристъ, т. II, 185.
Тизенгаузенъ, гр. Елиз. Мих., рожд. Голенищева-Кутузова, р. 1783†1839, т. II, 500.
Тиличеевъ, капит., 1840 г., т. II, 293.
Тимаевъ, инспект. Смольнаго монастыря, т. II, 448.
Тинторетто, живописецъ, изд. первое, т. I, 584; изд. второе, 379.
Титова, А., изд. первое, т. I, 148; изд. второе, 219.
Титовъ, А., изд. первое, т. I, 148; изд. второе, 219.
Титовъ, Никол. Алексѣев., записки его: балъ у гр. Аракчеева, изд. первое, т. I, 148—149; изд. второе, 219—222; о малолѣтномъ отдѣленіи 1-го кад. корп. въ 1808 г., изд. первое, т. I, 419—422; изд. второе, 215—219.
Титовъ, Петръ Алексѣев., изд. первое, т. I, 419; изд. второе, 215.
Титюсъ, балетмейстеръ, т. II, 67, 382, 385.
Тихоцкій, полков., т. II, 604.
Тишбейнъ, архитект., т. II, 199.
Тоди, учит. пѣнія, изд. первое, т. I, 392; изд. второе, 326.
Този, пѣвица, изд. первое, т. I, 582; изд. второе, 377.
Толмачовъ, сообщникъ Пугачева, т. II, 408.
Толмачовъ, маіоръ, 1831 г., изд. первое, т. I, 287, 289; изд. второе, 281, 283.
Толмачовъ, Як. Вас., инспект. пансіона при педагогическомъ инст., изд. первое, т. I, 391; изд. второе, 324.
Толстая, Александ. Ив., рожд. Майкова, изд. первое, т. I, 318; изд. второе, 149.
Толстой, декабристъ, т. II, 184.
Толстой, Вас. Ив., одинъ изъ начальн. придворн. канцеляріи, 1781 г., изд. первое, т. I, 318; изд. второе, 149.
Толстой, гр. Ив. Матв., мин. почтъ и телеграфовъ, т. II, 625.
Толстой, гр. Левъ Никол., писатель, изд. первое, т. I, 258, 264, 378, 425; изд. второе, 227, 233, 430, 506.
Толстой, гр. Петр. Анд., дѣйств. тайн. сов., презид. комерцъ-коллегіи, р. 1645 † 1729 г., изд. первое, т. I, 75; изд. второе, 392; т. II, 39.
Толстой, Ѳеофилъ Матв., (Ростиславъ) изд. первое, т. I, 483, 487; изд. второе, 345, 350; т. II, 442, 452.
Толь, Карлъ Ѳед., ген.-адъют., впослѣдствіи графъ, р. 1777 † 1842 г., т. II, 147, 155.
Томассо, итальян. писатель, т. II, 315.
Томилова, домовлад., т. II, 612, 617.
Тормасовъ, Александ. Петр., ген. отъ кавалеріи, воен. губерн. кіевской и минской губ., 1807 г., т. II, 304.
Торсонъ, Конст. Петр., декабристъ, изд. первое, т. I, 525; изд. второе, 260; т. II, 181, 184, 190.
Траубенбергъ, ген.-маіоръ, 1773 г., т. II, 213.
Траверсе-де, марк., управл. морскимъ министерствомъ, изд. первое, т. I. 525; изд. второе, 259; т. II, 563, 564.
Тремаль, піанистъ, изд. первое, т. I, 581; изд. второе, 376.
Тредьяковскій, Вас. Кирил., стихотворецъ, изд. первое, т. I, 67, 469; изд. второе, 548, 551.
Третьяковъ, артил. полков., 1812 г., изд. первое, т. I, 449; изд. второе, 460.
Трефолевъ, писатель, изд. первое, т. I, 322; изд. второе, 420.
Триппе, гувернеръ, изд. первое, т. I, 389; изд. второе, 322.
Трифоновъ, Остафій, см. Долгополовъ, Ив. Ив.
Трубецкая, кн., рожд. гр. Лаваль, т. II, 186.
Трубецкая, кн. Анна Дан., вдова Хераскова, рожд. Друцкая, изд. первое, т. I, 10; изд. второе, 35.
Трубецкая, кн. Анна Ив., рожд. Ладыженская, изд. первое, т. I, 14; изд. второе, 39.
Трубецкая, кн. Анна Львов., рожд. Нарышкина, р. 1704 † 1776 г., статсъ-дама 1756 г., т. II, 491, 492.
Трубецкая, кн. Анна Никит., въ замужествѣ Нарышкина, р. 1737 г., изд.

первое, т. I, 11, 13, 14; изд. второе, 37, 39, 40.
Трубецкая, кн. Анна Петр., рожд. Салтыкова, † 1758 г., изд. первое, т. I, 14; изд. второе, 40.
Трубецкая, кн. Анаст. Гавр., рожд. гр. Головкина, † 1735 г., изд. первое, т. I, 9; изд. второе, 35; т. II, 483.
Трубецкая, княж. Анаст. Ив., т. II, 491.
Трубецкая, кн. Дар. Александ., рожд. Румянцева, изд. первое, т. I, 15; изд. второе, 40.
Трубецкая, кн. Екат. Ив., т. II, 491.
Трубецкая, кн. Екат. Никит., р. 1747 г., изд. первое, т. I, 13; изд. второе, 39.
Трубецкая, кн. Елена Никит., р. 1743 † 1744 г., изд. первое, т. I, 13; изд. второе, 38.
Трубецкая, кн. Елена Никит., р. 1745 г., изд. первое, т. I, 13; изд. второе, 39.
Трубецкая, кн. Ир. Григ., рожд. Нарышкина, р. 1671 † 1749 г., т. II, 484, 491.
Трубецкая, кн. Марія Никит., р. 1742 г., изд. первое, т. I, 12; изд. второе, 38.
Трубецкая, кн. Марія Юр., изд. первое, т. I, 13; изд. второе, 38.
Трубецкая, кн. Нат. Вас., рожд. Хованская, изд. первое, т. I, 13; изд. второе, 39.
Трубецкіе, князья, т. II, 28, 192.
Трубецкой, кн. Сергій, полков., декабристъ, т. II, 160, 183, 184.
Трубецкой, кн. Александ. Никит., род. 1723 † 1726 г., изд. первое, т. I, 9; изд. второе, 35.
Трубецкой, кн. Александ. Никит, род. 1733 † 1737 г., изд. первое, т. I, 10, 11; изд. второе, 36, 37.
Трубецкой, кн. Александ. Никит., род. 1749 г., изд. первое, т. I, 13; изд. второе, 39.
Трубецкой, кн. Александ. Никит., род. 1751 г., изд. первое, т. I, 13; изд. второе, 39.
Трубецкой, кн. Алексѣй Никит., род. 1739 † 1759 г., изд. первое, т. I, 11; изд. второе, 37.
Трубецкой, кн. Алексѣй Юр., капит., р. 1704 † 1776 г., т. II, 491.
Трубецкой, кн. Вас. Никит., р. 1752 г., изд. первое, т. I, 13; изд. второе, 39.
Трубецкой, кн. Вас. Серг., ген.-адъют., † 1841 г., изд. первое, т. I, 431; изд. второе, 435.
Трубецкой, кн. Ив. Никит., р. 1725 г., изд. первое, т. I, 9; изд. второе, 35.
Трубецкой, кн. Ив. Юр., презид. юстицъ-коллегіи, р. 1703 † 1744 г., т. II, 115.
Трубецкой, кн. Никита Юр., ген.-фельдмарш., р. 1699 † 1767 г.: записки его по возвращеніи изъ нѣмецкой земли 1717 г.— по 1763 г., изд. первое, т. I, 8—15; изд. второе, 33—40. Возвышеніе его, т. II, 100—101. Упом.: изд. первое, т. I, 598; изд. второе, 411; т. II, 45, 49, 483.
Трубецкой, кн. Никол. Никит., р. 1738 † 1740 г., изд. первое, т. I, 11; изд. второе, 37.
Трубецкой, кн. Никол. Никит., р. 1741 † 1742 г., изд. первое, т. I, 12; изд. второе, 38.
Трубецкой, кн. Никол. Никит., р. 1744 г., изд. первое, т. I, 13, 14; изд. второе, 38, 39.
Трубецкой, кн. Петр. Никит., р. 1724 г., изд. первое, т. I, 9, 13; изд. второе, 35, 39.
Трубецкой, кн. Серг. Никит., р. 1731 г., изд. первое, т. I, 10, 14; изд. второе, 36, 39.
Трубецкой, кн. Юр. Никит., р. 1736 г., изд. первое, т. I, 10, 13 — 15; изд. второе, 36, 39, 40.
Трусовъ, инжен.-маіоръ, т. II, 501.
Тулубьевъ, камеръ-пажъ, 1796 г., изд. первое, т. I, 32; изд. второе, 418.
Туманскій, писатель, изд. первое, т. I, 468; изд. второе, 547.
Тупальскій, прелатъ, предсѣдат. брестской консисторіи, изд. первое, т. I, 543; изд. второе, 532.
Тургеневъ, Александ. Ив., писатель, изд. первое, т. I, 351; изд. второе, 509.
Тургеневъ, Никол., декабристъ, т. II, 184.

Турчаниновъ, Петр. Ив., полков. 1775 г., т. II, 131, 357, 359.
Тутолминъ, полтав. губернат., 1817 г., изд. первое, т. I, 260; изд. втор., 299.
Тутолминъ, Тимое. Ив., ген.-губернат. тверской, минскій, волынскій, подольскій и брацлавскій, 1795 г., изд. первое, т. I, 300, 528, 535; изд. второе, 130, 518, 524; т. II, 148, 359.
Тучковъ, ген.-маіоръ, 1812 г., изд. первое, т. I, 277, 278; изд. второе, 205, 206.
Тучковъ, Алексѣй Вас., инж. ген.-маіоръ, 1781 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Тютчевъ, декабристъ, т. II, 185.

У.

Убри, секрет. русск. посольства въ Вѣнѣ, т. II, 437.
Уваровъ, гр. Алексѣй Серг., издат. книги «Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 г. до основанія академіи художествъ», изд. первое, т. I, 34; изд. второе, 153; библіогр. лист., 15.
Уваровъ, Сем. Өед., команд. л.-гренад. полка, 1781 г., изд. первое, т. I, 313, изд. второе, 143; т. II, 359, 508.
Удаловъ, Сем., матросъ, 1854 г., изд. второе, 309.
Удино, франц. маршалъ, изд. первое, т. I, 343; изд. второе, 505.
Ульяновъ, Яковъ, слуга, т. II, 375, 377, 380.
Улыбышевъ, музыкальн. критикъ, т. II, 578, 594.
Унгернъ, бар., полков., т. II, 578, 594.
Унгеръ, примадонна, изд. первое, т. I, 566; изд. второе, 360.
Ундольскій, В. М.: славяно-русскія рукописи, имъ описанныя, изд. второе, библіогр. лист., 15.
Урусова, кн. Елена Вас., 1745 г., т. II, 111.
Усаевъ, Казноферъ, мещерятскій сотникъ, сообщникъ Пугачева, т. II, 362, 406, 412.
Усовъ, боцманъ, 1854 г., изд. второе, 308.
Успенскій, Максимъ, латинистъ, изд. первое, т. I, 351; изд. второе, 509.
Уфимцовъ, казакъ, т. II, 344, 345.
Ушакова, Варв. Пав.: посланіе къ ней И. А. Крылова, изд. первое, т. I, 470—471; изд. второе, 556—557.
Ушаковъ, Алексѣй Анд., изд. первое, т. I, 479; изд. второе, 341; т. II, 438.
Ушаковъ, Анд. Ив., ген., впослѣдствіи графъ, начальн. тайной канцеляріи, † 1747 г., т. II, 465.
Ушаковъ, Пав. Петр., ген.-адъют., одинъ изъ воспитателей вел. кн., сыновей Павла I, изд. первое, т. I, 471; изд. второе, 557.
Ушаковъ, Степ. Өед., 1745 г., т. II, 114.
Ушаковъ, Өед. Вас., 1770 г., т. II, 194.

Ф.

Фалѣевъ, домовлад. изд. первое, т. I, 475; изд. второе, 337.
Фебріе-десъ-Пуэнтъ, адмиралъ, 1854 г., изд. первое, т. I, 370; изд. второе, 304.
Федуловъ, сообщникъ Пугачева, одинъ изъ начальниковъ яицкихъ казаковъ, т. II, 251, 252, 338—343, 353, 365.
Фейгенъ, семейство, т. II, 461.
Феликсъ, хозяинъ танцов. вечеровъ, т. II, 435.
Фелькнеръ, В. И., ген.-лейт., записки его, «14 декабря 1825 г.», т. II, 132—161.
Фергинъ, Карлъ, прем.-маіоръ, 1781 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Фердинандъ, эрцъ-герцогъ австрійскій, изд. первое, т. I, 325; изд. второе, 490.
Фердинандъ, герцогъ Ангальтскій: мнѣніе его о внѣшней политикѣ императ. Александра I въ 1822 г., т. II, 307.
Ферзенъ, подполков., 1774 г., т. II, 251.
Фернандесъ, Педро, испанецъ, т. II, 432, 435—439, 447, 449, 450, 453, 456, 458, 459.
Феслеръ, т. II, 556.
Фесунъ, мичманъ, 1854 г., изд. первое, т. I, 377; изд. второе, 311.
Филаретъ, настоятель Средне-Николаев-

скаго старообрядческаго монастыря, 1775 г., т. II, 124.
Филаретъ (Дроздовъ), московскій митрополитъ, изд. первое, т. I, 352; изд. второе, 510.
Филенбергъ, декабристъ, т. II, 185.
Филимоновъ, литераторъ, т. II, 293.
Филиппи, докторъ, изд. первое, т. I, 569, 571, 572, 578, 579, 583—586; изд. второе, 363, 366, 373, 377, 378, 380—383.
Филипповъ, Мих., рядовой, 1831 г., изд. первое, т. I, 284; изд. второе, 278.
Фильдъ, піанистъ, изд. первое, т. I, 391, 574; изд. второе, 325, 369; т. II, 383.
Фирсовъ, артил. полков., 1817 г., изд. первое, т. I, 349; изд. второе, 507.
Фишеръ, пѣвица, изд. первое, т. I, 563; изд. второе, 358.
Флёри, Анна Викт., т. II, 395.
Флёри, Викт. Ив., директ. училища глухо-нѣмыхъ, т. II, 395, 396, 443, 450.
Флоридоръ, комическ. актеръ въ Петербургѣ, изд. первое, т. I, 319; изд. второе, 150.
Флоровъ, Вас., инвалид. солд., изд. первое, т. I, 284—286; изд. второе, 279, 280.
Фонвизинъ, декабристъ, т. II, 184.
Фонвизинъ, Ден. Ив., писатель, изд. первое, т. I, 298; изд. второе, 129; т. II, 85, 195, 198, 199.
Фонвизинъ, Пав. Ив., писатель, изд. первое, т. I, 468; изд. второе, 547.
Фонъ-деръ-Врагенъ, полковн., декабр., т. II, 184.
Фонтонъ, совѣтникъ русск. посольства въ Вѣнѣ, т. II, 437.
Форми, Питеръ, компасный мастеръ, изд. первое, т. I, 596; изд. второе, 398.
Фотій, архиманд. Юрьевскаго монастыря: письмо его къ А. С. Шишкову, 1824 г., изд. первое, т. I, 351—352; изд. второе, 509—510.
Фофановъ, засѣдатель земскаго суда, изд. первое, т. I, 136; изд. второе, 447.
Фохтъ, декабристъ, т. II, 184, 185.
Фр—ъ, г-жа, изд. первое, т. I, 262; изд. второе, 231.
Франкъ, докторъ, изд. первое, т. I, 583, 586; изд. второе, 377, 381.
Францъ I, австр. императоръ: письма его къ Голенищеву-Кутузову, изд. первое, т. I, 325—344; изд. второе, 490—506.
Францъ, офиц. изъ иностранцевъ, т. II, 471.
Фредерика-Луиза-Вильгельмина, королева нидерландская, изд. первое, т. I, 350; изд. второе, 508.
Фредериксъ, бар., команд. л.-гв. Москов. полка, 1825 г., т. II, 136, 159.
Фрейгангъ, 1854 г., изд. первое, т. I, 369; изд. второе, 302.
Фрейгангъ, кастелянша въ пажеск. корп., т. II, 205.
Фрейгангъ, Анд. Вас., контръ-адміралъ, сообщ.: о баронѣ фонъ-Фулѣ, изд. первое, т. I, 348—351; изд. второе, 506—509. Предложеніе В. И. Фрейганга о сооруженіи памятника Богдану Хмѣльницкому, т. II, 93—95. Письмо герц. Ангальтскаго къ В. И. Фрейгангу, т. II, 307. О Петрѣ II Нѣгошѣ, т. II, 313—314.
Фрейгангъ, Вас. Ив., русск. генеральн. консулъ въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, р. 1783 † 1849 г.: предложеніе его о сооруженіи памятника Б. Хмѣльницкому, 1844 г., т. II, 93—95. Письма къ нему: герцога Ангальтскаго, т. II, 307; Петра II Нѣгоша, т. II, 313—314.
Фрейгангъ, Ив. Ѳед., лейбъ-медикъ, р. 1755 † 1815, т. II, 94.
Фрейеръ, органистъ, т. II, 445.
Фреццолини, пѣвица, т. II, 290, 443.
Фридрихъ II, король прусскій, изд. первое, т. I, 348, 350, 421; изд. второе, 217, 507, 510; т. II, 127, 128, 213.
Фридрихъ-Вильгельмъ III, кор. прусскій, изд. первое, т. I, 146, 147, 558; изд. второе, 290, 512.
Фритбергъ, генер., 1825 г., т. II, 176.
Фроловскій, подполков., 1796 г., изд. первое, т. I, 33; изд. второе, 419.
Фроловъ, декабристъ, т. II, 185.

Фролов, подполков., т. II, 567.
Фукс, композитор, изд. первое, т. I, 596; изд. второе, 330.
Фукс, повар императр. Елизаветы, т. II, 113.
Фуль, бар. Карл-Людвиг-Август, любимец императ. Александра I, р. 1757† 1826 г.: біографическія свѣдѣнія о немъ, изд. первое, т. I, 348—351; изд. второе, 506—509.
Фурманъ, дѣвицы, изд. первое, т. I, 264; изд. второе, 234.
Фурманъ, декабристъ, т. II, 185.

Х.

Ханинъ, Як., подполков., 1781 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Ханыковъ, 1817 г., изд. первое, т. I, 436; изд. второе, 513.
Ханыковъ, пажъ, т. II, 204, 205.
Харинъ, прем.-маіоръ, 1774 г., т. II, 252.
Харька, самозванный полков., т. II, 523.
Хвостовъ, дипломатическій чинов., т. II, 506.
Хвостовъ, гр., писатель, т. II, 84, 86, 87, 415.
Хвощинскій, полков., батал. команд., 1825 г., т. II, 136, 159.
Хемницеръ, Ив. Ив., баснописецъ, т. II, 82, 83, 86.
Херасковъ, писатель, † 1807 г., изд. первое, т. I, 469; изд. второе, 548; т. II, 74, 76—78, 80.
Херасковъ, Матв. Анд., маіоръ, изд первое, т. I, 10; изд. второе, 36.
Хитровъ, заговорщикъ 1762 г., изд. второе, 118; т. II, 80.
Хлѣбниковъ, Петр. Кирил., изд. первое, т. I, 166; изд. второе, 395.
Хмыровъ, Мих. Дмитр.: сообщ. записку Петра Великаго о фортеціяхъ, изд. первое, т. I, 5—6; изд. второе, 393—394. Письмо Борисова къ гр. Брюсу, 1712 г., изд. первое, т. I, 7; изд. второе, 394—395. Приказы первыхъ трехъ дней царствованія императ. Павла, отданные при паролѣ в. кн. Александру Павловичу, изд. первое, т. I, 30—33; изд. второе, 417—419. Доклады Петру Великому по монетному дѣлу, изд. первое, т. I, 76; изд. второе, 393. Челобитная Петру I кн. Гундорова, 1719 г., изд. первое, т. I, 195—196: изд. второе, 396—397.
Хмѣльницкій, Богданъ (Зиновій), гетманъ малороссійскій: о сооруженіи ему памятника, т. II, 93—95; 317—319.
Хмѣльницкій, Никол. Ив., смоленск. губернат., т. II, 270.
Хоботовъ, подпоручикъ, 1774 г., т. II, 240, 250.
Хованская, кн., изд. первое, т. I, 476, 479; изд. второе, 338, 341.
Хованская, княж. Марія Никол., т. II, 497.
Хованскій, кн. Вас. Петр., шталмейстеръ, р. 1694†1746 г., изд. первое. т. I, 13; изд. второе, 39.
Хованскій, кн. Юрій Серг., изд. первое, т. I, 476; изд. второе, 338; т II, 63.
Хозревъ-Мирза, секрет. персид. мин. иностр. дѣлъ, 1829 г., изд. первое, т. I, 492; изд. второе, 354.
Хортъ-де, кавалеръ, 1781 г., изд. первое, т. I, 313; изд. второе, 143.
Хосанъ, ачуевскій паша; воззваніе къ нему донскихъ казаковъ, 1808 г., т. II, 2, 5—9.
Хотяинцовъ, капит., 1708 г., т. II, 10.
Храповицкій, А. В., секретарь Екатерины II: его записки, т. II, 495; упом., изд. первое, т. I, 16; изд. второе, 42.
Хрущовъ, изд. первое, т. I, 70; изд. второе, 553.
Хрущовы, братья, заговорщики 1762 г., изд. первое, т. I, 235; изд. второе, 118.
Худяковъ, подполков., т. II, 530.

Ц.

Цебриковъ, декабристъ, т. II, 184.
Цейдлеръ (Цейлеръ), иркут. губернат. 1826 г., т. II, 180.
Цейнеръ, піанистъ, изд. первое, т. I, 391; изд. второе, 325.
Цейхъ, камергеръ гольштин. дв., изд. первое, т. I, 514; изд. второе, 406.

Цыплетовъ, Ив. Ефрем., полков., 1773 г., т. II, 125, 248, 250, 252.
Цѣцишевскій, римск. католич. епископъ, т. II, 550, 556.

Ч.

Чаадаевъ, писатель: отзывы о статьѣ его, помѣщенной въ журналѣ «Телескопъ» 1836 г., изд. первое, т. I, 162—165, 291—292, 606; изд. второе, 574—578.
Чаликовъ, команд. л.-гв. улан. полка, изд. первое, т. I, 276; изд. второе, 245.
Чарторижскіе, князья, т. II, 309.
Чарторижскій, кн. Адамъ, р. 1770 г., т. II, 550.
Чарторижскій, кн. Казиміръ, виленс. кастелянъ, т. II, 296.
Чаруковскій, Алексѣй Прохор., т. II, 621.
Чеки, пѣвица, т. II, 511.
Чемезовъ, Ефимъ Петр., пензенск. пред. двор., т. II, 239.
Черевинъ, флигель-адъют., 1798 г., т. II, 507.
Черкасовъ, бар., декабристъ, т. II, 185.
Черкасовъ, бар. Ив. Ант., кабинетъ-мин., †1752 г., изд. первое, т. I, 598; изд. второе, 411; т. II, 20, 465, 466.
Черкасская, кн. Варв. Алексѣев., въ замужествѣ гр. Шереметева, камеръ-фрейлина, т. II, 470.
Черкасская, кн. Марія Юрьев., рожд. Трубецкая, р. 1696†1747 г., статсъ-дама, т. II, 482.
Черкасскій, кн., государств. канц., р. 1680†1742 г.: участіе его въ собраніи каб.-министровъ 1733 г., т. II, 465; упом.: т. II, 49, 103, 104.
Черкесовъ, писатель, т. II, 593.
Черневичъ, ген.-поручикъ, т. II, 117.
Черновъ, фельдъегерь, 1827 г., т. II, 177, 180.
Чернышева, гр., рожд. Ефимовская, т. II, 104.
Чернышева, гр. Анна Ирод., рожд. бар. фонъ Ведель, р. 1745†1830 г., дѣйств. статсъ-дама 1773 г., т. II, 496, 497, 498.
Чернышева, Евд. Дмитр., рожд. Ланская, изд. первое, т. I, 306, 319; изд. второе, 136, 149.
Чернышева, гр. Евд. Ив., рожд. Ржевская, р. 1693†1747 г., статсъ-дама, т. II, 482.
Чернышевъ, гр., декабристъ, т. II, 184.
Чернышевъ, кн. Александ. Ив., воен. мин. 1848 г.: письмо къ нему И. Н. Скобелева, изд. первое, т. I, 603—604; изд. второе, 539—540; упом.: т II, 207.
Чернышевъ, гр. Ив. Григ., камергеръ 1781 г., изд. первое, т. I, 309; изд. второе, 139; т. II, 104.
Чернышевъ, гр. Ив. Львов., 1781 г. изд. первое, т. I, 303, 314; изд. второе, 136, 145.
Чернышевъ, гр. Зах. Григ., ген.-фельдмарш., т. II, 496.
Чертковъ, Вас. Алексѣев., инж.-ген., т. II, 335.
Чертковъ, Евгр. Александ., дѣйств. камергеръ, т. II, 358.
Четвертинская, княжна, невѣста в. кн. Константина Павловича, изд. первое, т. I, 279; изд. второе, 246.
Чижовъ, декабристъ, т. II, 184.
Чика, Ив. (гр. Чернышевъ), генер. пугачевской арміи, т. II, 214, 215, 364, 407, 411.
Чирикова, Анна Матв., рожд. Олсуфьева, т. II, 480.
Чирковъ, изд. первое, т. I, 486, 590, 593; изд. второе, 348, 385, 387.
Чистовичъ, Иллар. Алексѣев., профес. и писатель: сообщ. о вѣнчаніи Петра I съ Екатериною I, изд. первое, т. I, 517; изд. второе, 400. Письма Шепелевой къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, изд. первое, т. I, 510—515; изд. второе, 403—407. Секретный указъ, данный гр. С. А. Салтыкову отъ имени императ. Іоанна Антоновича, 1740 г., изд. первое. т. I, 515—516; изд. второе, 409—410.
Чичаговъ, адмиралъ, 1792 г., изд. первое, т. I, 251; изд. второе, 484; т. II, 563.
Чоглокова, Вѣра Никол., фрейлина, т. II, 471.

Чоглокова, Марія Симон., рожд. Гендрикова, р. 1723†1754 г., оберъ-гофмейстерина 1746 г., т. II, 101, 470, 471, 489.
Чоглокова, Софья Никол., фрейлина, т. II, 471.
Чоглоковъ, Никол. Наум., дѣйств. камергеръ, т. II, 101, 471, 490.
Чонжинъ, Тимоѳ. Ив., надв. сов., 1774 г., т. II, 350.
Чорба, ген.-маіоръ, 1774 г., т. II, 371.
Чулковъ, писатель, изд. первое, т. I, 468; изд. второе, 547; т. II, 102.
Чулковъ, Вас. Вас., сек.-маіоръ, 1774 г., т. II, 350.
Чумаковъ, сообщникъ Пугачева, т. II, 251, 252, 337—339, 341—343, 353—355, 364, 365.

Ш.

Ш—въ, т. II, 91.
Шагоровъ, помощникъ театральн. машиниста, изд. первое, т. I, 462; изд. второе, 538.
Шадурскій, помѣщ., т. II, 564.
Шадъ, профес. харьков. универс., т. II, 548.
Шамиль, бывшій предвод. кавказск. горцевъ, т. II, 569.
Шаргородская, Екат. Ив., горничная императр. Екатерины II, изд. первое, т. I, 216; изд. второе, 99.
Шарпантье, (Леоновъ), пѣвецъ, т. II, 68.
Шахаревъ (Шихаревъ), декабристъ, т. II, 185.
Шаховская, кн. Екат. Серг., рожд. кн. Оболенская, т. II, 468.
Шаховской, кн., ген.-маіоръ, 1812 г., изд. первое, т. I, 277, 278; изд. второе, 205, 206.
Шаховской, кн. Александ. Александ., комикъ, р. 1777†1846 г., т. II, 273, 285.
Шаховской, кн. Ив. Леонт., ген.-аудит., р. 1777 г., т. II, 521.
Шаховской, кн. Никол. Павл., т. II, 468.
Шаховской, кн. Як. Петр., дѣйст. тайн. сов., оберъ-прокуроръ синода и составит. записокъ, р. 1705†1777 г., изд первое, т. I, 16, 89, 598; изд. второе, 42, 65, 412.
Шаховской, кн. Ѳед. Петр., декабристъ, т. II, 184.
Шаховъ, батар. команд. 1854 г., изд. первое, т. I, 379; изд. второе, 305.
Шварценбергъ, кн., австр. ген.-фельдмарш., 1812 г., изд. первое, т. I, 138; изд. второе, 208; т. II, 306.
Шварцъ, полков., команд. семенов. полка, изд. первое, т. I, 63, 65; изд. второе, 480, 482.
Шевалье, франц. актриса, т. II, 514.
Шевичъ, ген., изд. первое, т. I, 245, 606; изд. второе, 424, 425.
Шевичъ, Марія Христоф., рожд. Бенкендорфъ, изд. первое, т. I, 606; изд. второе, 424.
Шевыревъ, профес. москов. универ., изд. первое, т. I, 573, 593; изд. второе, 367, 388.
Шейновъ, Нафанаилъ Никиф., пѣвчій, т. II, 275, 276.
Шемаевъ, пѣвецъ, т. II, 64.
Шеншинъ, ген.-маіоръ, бригад. команд. 1825 г., т. II, 136, 159.
Шепелева, Дарья Ив., рожд. Глюкъ, т. II, 480.
Шепелева, Мавра Егор., въ замужествѣ гр. Шувалова; р. 1708†1759 г.: письма ея къ цесаревнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, 1727—1728 гг., изд. первое, т. I, 510—514; изд. второе, 403—407.
Шепелевъ, Дмитр. Анд., оберъ-гофмейстеръ, †1759 г., т. II, 480.
Шепелевъ, Петр. Алексѣев., подполков. 1774 г., т. II, 251, 399.
Шепелихинъ, унт.-офиц. 1854 г., изд. первое, т. I, 377; изд. второе, 311.
Шереметева, гр. Анна Яков., рожд. кн. Долгорукая, т. II, 111.
Шереметева, гр. Варв. Алексѣев., рожд. кн. Черкасская, р. 1711†1767 г., статсъ-дама 1743 г., т. II, 43, 49, 489.
Шереметевъ, гр. 1805 г., т. II, 302, 303.
Шереметевъ, гр. Бор. Петр., ген.-фельдмарш. 1708 г., т. II, 26, 28, 30, 103, 491.
Шереметевъ, гр. Петр. Борис., ген.-

аншефъ, оберъ-камергеръ, р. 1713† 1788 г., изд. первое, т. I, 220, 223; изд. второе, 103, 105; т. II, 103, 226, 491.
Шерингъ, докторъ, т. II, 286, 376, 452.
Шестакова, Люд. Ив., рожд. Глинка: сообщ. записки М. И. Глинки, изд. первое, т. I, 382—402, 474—491, 562—594; изд. второе, 313—389; т. II, 56—73, 266—293, 372—397, 419—462; о послѣднихъ годахъ жизни и кончинѣ М. И. Глинки 1854—1857 гг., т. II, 610—632.
Шестаковъ, Вас. Иллар., т. II, 439.
Шестаковъ, Д. А., т. II, 452, 454.
Шестаковъ, И. А., т. II, 611.
Шешковская, Елена Петр., † 1805 г., т. II, 639.
Шешковскій, Ив., бригадиръ «неудѣлъ», т. II, 639.
Шешковскій, Степ. Ив., тайн. сов. и политич. сыщикъ, р. 1720 † 1794 г.: способы его расправы, т. II, 637; поѣздка его въ Москву и время его смерти, т. II, 638; его служебная карьера, т. II, 639; упом.: т. II, 399.
Шигаевъ, сообщникъ Пугачева, т. II, 411.
Шидловскій, бригадиръ, 1708 г., т. II, 9.
Шиллингъ, лейбъ-медикъ императр. Елизаветы, изд. первое, т. I, 197; изд. второе, 80.
Шиловская, М. В., т. II, 613.
Шильденъ, бар.: письмо его къ гр. П. П. Коновницыну, 1817 г., изд. первое, т. I, 437; изд. второе, 514.
Шимановская, піанистка, изд. первое, т. I, 491, 492; изд. второе, 352, 354.
Шимановская, Елена, изд. первое, т. I, 491; изд. второе, 352.
Шимановская, Целина, изд. первое, т. I, 491; изд. второе, 352.
Шимковъ, декабристъ, т. II, 185.
Ширковъ, Валер. Ѳед., капит., т. II, 285, 374, 381.
Шишкинъ, помѣщ., т. II, 564.
Шишковъ, Александ. Сем., адмир., государств. секрет., р. 1754 г.: письмо его къ императр. Маріи Ѳеодоровнѣ, изд. первое, т. I, 145—146; изд. второе, 510—511. Составленный имъ проектъ манифеста о бракосочетаніи в. кн. Николая Павловича, изд. первое, т. I, 146—147; изд. второе, 511—512. Его докладная записка и отвѣтъ императ. Александра I, изд. первое, т. I, 147; изд. второе, 512. Письма къ нему императр. Маріи Ѳедоровны, 1813 г., изд. первое, т. I, 60—62; изд. второе, 427—428. Письмо къ нему архимандрита Фотія, изд. первое, т. I, 351—352; изд. второе, 509—510.
Шкіати, старшій директ. придвор. оркестра, изд. первое, т. I, 304; изд. второе, 134.
Шкуринъ, камердинеръ императр. Екатерины II, изд. первое, т. I, 216; изд. второе, 99.
Шлезингеръ, издатель, т. II, 461, 462.
Шлецеръ, историкъ, изд. первое, т. I, 166; изд. второе, 396.
Шмидтъ, австр. ген.-поручикъ, 1805 г., изд. первое, т. I, 328, 330, 455; изд. второе, 466, 494, 496.
Шопенъ, композиторъ, изд. первое т. I, 578; изд. второе, 373.
Шпальдингъ, писатель, изд. первое т. I, 471; изд. второе, 543.
Шпиндлеръ, полковой докторъ, 1824 г., изд. первое, т. I, 494; изд. второе, 356.
Шпонтини (Spontini), композиторъ, изд. первое, т. I, 590; изд. второе, 385.
Шпоръ, композиторъ, изд. первое, т. I, 563; изд. второе, 358; т. II, 62.
Шрейдеръ, ландмаршалъ, изд. первое, т. I, 459; изд. второе, 471.
Штакельбергъ, изд. первое, т. I, 245; изд. второе, 423.
Штейбельтъ, композиторъ, изд. первое, т. I, 387; изд. второе, 320.
Штейнгель, бар., декабристъ, т. II, 184.
Штейнеръ, г-пъ, т. II, 457.
Штелинъ, наставникъ императ. Петра III, изд. первое, т. I, 211; изд. второе, 94; т. II, 195.
Штенинъ, т. II, 501.
Штенкенъ, Ѳед., сек.-маіоръ, изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Штеричъ, Евг. Петр., камеръ-юнкеръ,

изд. первое, т. I, 488, 489, 492, 563—571, 573; изд. второе, 350, 351, 358—360, 362—364, 366, 367; т. II, 283.

Штеричъ, Серафима Ив., изд. первое, т. I, 569, 571; изд. второе, 364, 366; т. II, 283.

Штернбергъ, художникъ, т. II, 277—280.

Штраухъ, австр. генер., 1805 г., изд. первое, т. I, 326, 344; изд. второе, 492, 505.

Штукенбергъ, географъ, изд. первое, т. I, 403; изд. второе, 586.

Штюллеръ, гомеопатъ, изд. первое, т. I, 591; изд. второе, 385.

Шуазель, герцогъ, 1773 г., т. II, 128.

Шубертъ, композиторъ, т. II, 420.

Шубертъ, віолончелистъ, т. II, 386, 389, 452.

Шувалова, гр. Анна Ив., рожд. кн. Одоевская, т. II, 488.

Шувалова, гр. Мавра Егор., рожд. Шепелева, р. 1708 † 1759 г., статсъ-дама 1741 г., изд. первое, т. I, 90; изд. второе, 67; т. II, 102, 106, 488.

Шуваловъ, гофъ-юнкеръ гольштинс. двора, изд. первое, т. I, 515; изд. второе, 407.

Шуваловъ, ген.-маіоръ, 1796 г., изд. первое, т. I, 31; изд. второе, 417.

Шуваловъ, гр. Александ. Ив., фельдмарш., р. 1710 † 1771 г., изд. первое, т. I, 211; изд. второе, 94; т. II, 102, 105.

Шуваловъ, гр. Андрей, камергеръ 1774—1789 г., изд. первое, т. I, 34; изд. второе, 153.

Шуваловъ, гр. Ив. Ив., оберъ-камергеръ, любимецъ императр. Елизаветы, р. 1727 † 1797 г., изд. первое, т. I, 91, 92, 306, 315; изд. второе, 67, 68, 136, 146; т. II, 104, 107.

Шуваловъ, Ив. Максим., ген.-маіоръ, комендантъ въ Выборгѣ, † 1736 г., т. II, 105.

Шуваловъ, гр. Петр. Ив., ген.-фельдцейхмейстеръ, р. 1711 † 1762 г.: его возвышеніе, т. II, 106. Увеличеніе пошлинъ и налоговъ, т. II, 107. Изобрѣтеніе голбицъ (гаубицъ), т. II, 108. Попытка учредить генеральное межеваніе и составить новое уложеніе, т. II, 109, 110, 111. Упом.: изд. первое, т. I, 14, 90, 97, 510; изд. второе, 40, 66, 73, 403; т. II, 102, 115, 196, 488.

Шуваловы, графы, изд. первое, т. I, 18; изд. второе, 44.

Шувчинскій, полков. † 1850 г., т. II, 81.

Шульцъ-фонъ, бар., ландмаршалъ, 1812 г., изд. первое, т. I, 446, 447, 453, 459, 460; изд. второе, 458, 459, 464 471.

Шумахеръ, совѣтникъ въ канцеляріи акад. наукъ, изд. первое, т. I, 517 изд. второе, 399.

Шуппе, домовлад., т. II, 380.

Шустеръ, докторъ, т. II, 421.

Шухановъ, рядовой, изд. первое, т. I, 254; изд. второе, 486.

Щ.

Щебальскій, П. К., сочин. его «Политическая система Петра III», изд. второе, библ. лист., 14.

Щепинъ-Ростовскій, кн., декабристъ, т. II, 136, 184.

Щербатова, кн., рожд. кн. Сонцева-Засѣкина, т. II, 13.

Щербатова, кн., рожд. Сабурова, т. II, 13.

Щербатова, кн., рожд. Ростовская, т. II, 13.

Щербатова, кн., рожд. Тюфякина, т. II, 13.

Щербатова, кн. Аграф. Александ., любимица императр. Анны, т. II, 53.

Щербатова, кн. Анна Мих. (схимница Александра), рожд. Волынская, т. II, 13.

Щербатова, кн. Дарья Ѳед., р. 1762 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.

Щербатова, кн. Елиз. Мих., рожд. Сафонова, т. II, 490.

Щербатова, кн. Марія Алексѣев., рожд. Штеричъ, т. II, 283.

Щербатова, кн. Ѳекла Ив., рожд. Панина, т. II, 13.

Щербатовъ, кн. Александ. Петр., подполков., т. II, 490.

Щербатовъ, кн. Алексѣй Григ., москов.

воен. губернат., р. 1777 † 1848 г.: отношеніе къ нему м-ра внут. дѣлъ, 1846 г., изд. первое, т. I, 462—463; изд. второе, 538—539.
Щербатовъ, кн. Анд. Никол., бригадиръ, 1773 г., т. II, 218, 359, 401, 404.
Щербатовъ, кн. Вас. Петр. † 1636 г., т. II, 13.
Щербатовъ, кн. Дмит. Ѳед., т. II, 24.
Щербатовъ, кн. Ив. Анд., посолъ въ Испаніи, Турціи и Англіи, т. II, 24.
Щербатовъ, кн. Мих. Мих., тайн. сов., сенаторъ и исторіографъ, р. 1733 † 1790 г.: записки его о поврежденіи нравовъ въ Россіи, т. II, 13—56, 99—116. Бумаги его: планъ исторіи, составленный Екатериною II, изд. первое, т. I, 28—30; изд. второе, 415—416. Упом.: изд. первое, т. I, 16, 314; изд. второе, 42, 145.
Щербатовъ, кн. Мих. Юр., ген.-маіоръ, † 1738 г., т. II, 13.
Щербатовъ, кн. Ос. Мих., окольничій † 1578 г., т. II, 13.
Щербатовъ, кн. Пав. Никол., 1745 г., т. II, 108.
Щербатовъ, кн. Савва, 1600 г., т. II, 24.
Щербатовъ, кн. Юрій Ѳед. (инокъ Софроній), окольничій и бригадиръ, † 1737 г., т. II, 13, 25, 105.
Щербатовъ, кн. Ѳед. Вас., т. II, 13.
Щербатовъ, кн. Ѳед. Ѳед., т. II, 105, 131, 199.

Э.

Эгелинъ, кёнигсбергскій бургомистръ, 1712 г., изд. первое, т. I, 7; изд. второе, 395.
Эдуардъ, французъ, т. II, 420.
Эйлеръ, начальница 3-й камеры малолѣт. отд. 1-го кадет. корп., 1808 г., изд. первое, т. I, 419; изд. второе, 216.
Эйхлеръ (**Eйхлеръ**), 1727 г., изд. первое, т. I, 513; изд. второе, 406.
Экъ, Матв. Матв., директ. почтъ въ Петербургѣ, 1781 г., изд. первое, т. I, 307; изд. второе, 138.
Элмптъ, бар. Софья Ив., фрейлина 1781 г., изд. первое, т. I, 315, 318; изд. второе, 145, 149.
Эмины, писатели XVIII в., изд. первое, т. I, 468; изд. второе, 547.
Эмме, ген.-маіоръ, рижск. комендантъ, 1812 г.: списокъ съ отношенія къ нему т. сов. Сиверса, изд. первое, т. I, 459; изд. второе; 471; упом.: изд. первое, т. I, 450; изд. второе, 461.
Энгельгардтъ, Александра Вас., изд. первое, т. I, 318; изд. второе, 139.
Энгельгардтъ, Вас. Вас., генер. 1781 г., изд. первое, т. I, 308, 393; изд. второе, 138, 327.
Энгельгардтъ, Вас. Павл., изд. первое, т. I, 398, 401, 493; изд. второе, 327, 335, 355; т. II, 62, 63, 450, 451, 611.
Энгельгардтъ, Л. Н., составит. записокъ, изд. первое, т. I, 16, 322; изд. второе, 42, 420.
Энгельгардтъ, Марѳа Александ., рожд. Потемкина, т. II, 477.
Энгельгардтъ, Пав. Вас., изд. первое, т. I, 590, 592; изд. второе, 384, 387; т. II, 377.
Энгельгардтъ, Софья Григ., т. II, 377.
Эссенъ, ген.-лейт., рижск. воен. губернат., 1812 г.: переправленное имъ воззваніе т. сов. Сиверса къ лифляндскому дворянству, изд. первое, т. I, 452—453; изд. второе, 463—464. Представленіе къ нему лифляндской ландратской коллегіи, изд. первое, т. I, 453—454; изд. второе, 464—465. Упом.: изд. первое, т. I, 33, 334, 445—448, 459, 460; изд. второе, 419, 457—459, 470, 472, 502.
Эстергази, гр., австр. посолъ, изд. первое, т. I, 18, 100, 102; изд. второе, 44, 77—79.

Ю.

Юзбаши, Констант., бригадиръ, 1781 г., изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.
Юзефовичъ, М. А.: письмо и статья его о подпискѣ на сооруженіе памятника Б. Хмѣльницкому, т. II, 317—319.
Юнгъ, писатель, изд. первое, т. I, 461; изд. второе, 543.
Юрьевъ, тайн. сов., т. II, 465.
Юсуповъ, кн., 1838 г., т. II, 286.
Юсуповъ, кн. Никол. Борис., камергеръ

1781 г., изд. первое, т. I, 297, 315; изд. второе, 128, 146.

Юсуфъ-паша, верховный визирь, изд. первое, т. I, 251; изд. второе, 484.

Юшкова, Анна Өед., любимица императр. Анны, т. II, 53.

Юшковъ, одинъ изъ составителей законовъ въ царствованіе императр. Елизаветы, т. II, 110.

Юшковъ, В. В., скрипачъ, изд. первое, т. I, 402; изд. второе, 335.

Юшковъ, П. П., 1821 г., изд., первое, т. I, 394; изд. второе, 327.

Юшковъ, Пав., прапорщикъ 1796 г., изд. первое, т. I, 31; изд. второе, 417.

Юшневская, жена декабриста, т. II, 188.

Юшневскій, декабристъ, т. II, 186.

Юшневскій, А. П., декабристъ, т. II, 416.

Ющинскій, корнетъ прусской службы, 1800 г., изд. первое, т. I, 256; изд. второе, 488.

Я.

Ягелло, Владиславъ, польскій король, т. II, 310.

Ягужинская, гр. Анна Гавр., рожд. гр. Головкина, статсъ-дама 1725 г., т. II, 37, 481.

Ягужинская, гр. Варв. Никол., т. II, 481.

Ягужинскій, гр. Пав. Ив., кабинетъ-министръ, р. 1683 † 1736 г., изд. первое, т. I, 6, 75; изд. второе, 392, 394; т. II, 37, 49, 481.

Языковъ, Димитр. Ив., ученый, изд. первое, т. I, 405; изд. второе, 454.

Языковъ, Никол. Мих., поэтъ, † 1846 г., изд. первое, т. I, 404; изд. второе, 571.

Якимовъ, писатель XVIII в., т. II, 200.

Яковлевъ, 1745 г., т. II, 110.

Яковлевъ, орлов. гражд. губернат., 1802 г., изд. первое, т. I, 46; изд. второе, 441.

Яковлевъ, Зах., рядовой, изд. первое, т. I, 286; изд. второе, 280.

Яковлевъ, Мих. Лукьянов., дѣйств. ст. сов., начальн. типографіи II отдѣленія собственной е. и. в. канцеляріи: письмо къ нему А. С. Пушкина о печатаніи «Исторіи Пугачевскаго бунта», 1834 г., изд. первое, т. I, 162; изд. второе, 569; упом.: изд. первое, т. I, 490; изд. второе, 352.

Яковъ, віолончелистъ, изд. первое, т. I, 401; изд. второе, 335.

Якубовичъ, полков., 1774 г., т. II, 406.

Якубовичъ, Александ. Ив., декабристъ, изд. первое, т. I, 161; изд. второе, 569; т. II, 159, 183, 184, 186.

Якукевичъ, гуверперъ, изд. первое, т. I, 389; изд. второе, 322.

Якушкинъ, декабристъ, т. II, 184.

Яненко, Кристина Вас., рожд. Норманъ, т. II, 376.

Яненко, Як. Өед., художникъ, т. II, 274, 288, 293, 376, 395, 396.

Янтальцевъ, декабристъ, т. II, 185.

Яншинъ, Д., изд. первое, т. I, 351; изд. второе, 509.

Яньшъ, Александ., сек.-маіоръ, изд. первое, т. I, 315; изд. второе, 145.

Ярославъ, вел. кн. Новгородскій 1044 г., изд. первое, т. I, 173, 187; изд. второе, 11, 25.

Яхонтовъ, ген., 1840 г., т. II, 294.

Ѳ.

Ѳедоровъ, Ив., крестьян., изд. первое, т. I, 296; изд. второе, 391.

Ѳедоровъ, Никол., свящ., изд. первое, т. I, 286; изд. второе, 280.

Ѳедоръ Васильевичъ, старшина кубан. казач. войска, 1708 г., т. II, 5.

Ѳедотовъ, Лаврентій, крестьян., изд. первое, т. I, 296; изд. второе, 391.

Ѳеодосій, петербургс. архіепископъ, изд. первое, т. I, 598; изд. второе, 412.

Ѳеоктистовъ, Дементій, инвалид. солд., изд. первое, т. I, 284; изд. второе, 278.

Ѳирсовъ, И., авторъ соч. «Инородческое населеніе Казанскаго царства въ новой Россіи до 1762 г. и колонизація въ это время закамскихъ земель», изд. второе, библ. лист., 17.

ОГЛАВЛЕНІЕ РУССКОЙ СТАРИНЫ 1870 ГОДА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ЯНВАРЬ. ФЕВРАЛЬ. МАРТЪ. АПРѢЛЬ. МАЙ. ІЮНЬ.

(изданія первое и второе).

Стр. 2-го изд.

I. Объ изданіи «Русской Старины» (1) 1
II. Военный бытъ въ Великомъ Новгородѣ XI—XV стол., изслѣдованіе А. И. Никитскаго (167) 5
III. Журналъ генералъ-фельдмаршала князя Н. Ю. Трубецкого 1717—1763 гг. Сообщ. Н. П. Дуровъ (8). 33
IV. Записки придворнаго брильянтщика Іереміи Позье 1729—1764 гг. Сообщ. академикъ А. А. Куникъ (11; 77; 197; 493) 41
V. Петербургъ въ 1781 году, письма Пикара къ князю А. Б. Куракину. Сообщ. баронъ М. Н. Сердобинъ (297). . 128
VI. Записки Лагарпа о воспитаніи в. к. Александра и Константина Павловичей 1786 — 1789 гг. Сообщ. Н. П. Дуровъ (27; 103; 407) 152
VII. Листокъ изъ записной книжки гр. П. П. Коновницына 1812 г. (277) 205
VIII. Взятіе въ плѣнъ маршала Вандамма 1813 г., разсказъ адмирала П. А. Колзакова. Сообщ. К. П. Колзаковъ (137). 207
IX. Выдержки изъ записокъ Н. А. Титова: 1. Малолѣтное отдѣленіе 1-го Кадетскаго Корпуса въ 1808 г. (419) и 2. Балъ у графа Аракчеева 1820 г. (148) 215
X. Вступленіе въ Масонскую ложу 1815 г. Разсказъ А. П. Степанова. Сообщ. П. А. Степановъ (150) 221
XI. Воспоминанія А. П. Кернъ: три встрѣчи съ императоромъ Александромъ Павловичемъ 1817—1823 гг. (258) 227

Примѣчаніе. Цифры, поставленныя въ скобкахъ, означаютъ страницы перваго изданія; такимъ образомъ, это оглавленіе можетъ быть приложено какъ ко второму, такъ и къ первому изданіямъ I-го тома (шесть книгъ) «Русск. Стар.» 1870 г.

*

Стр. 2-го издан.

XII. Черты изъ жизни гр. Аракчеева 1820—1834 г., разсказы генерала Н. Г. Сигунова. Сообщ. М. И. Богдановичъ (272) 241

XIII. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ 1825—1826 гг. Разсказы: 1) сенатора И. Д. Данилова, сообщ. академикъ А. Ѳ. Бычковъ (279) и 2) адмирала П. А. Колзакова, сообщ. К. П. Колзаковъ (495) 247

XIV. Записки М. А. Бестужева: 1) Братья Бестужевы (518) и 2) Стѣнная азбука декабристовъ въ Петропавловской крѣпости 1826 г. (352) 253

XV. Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г., разсказы очевидцевъ: 1) священника Іоанна Парвова, сообщ. о. М. Я. Морошкинъ (281) и 2) П. Н. Дирина, сообщ. П. А. Зубовъ (601) 275

XVI. Записки императора Николая Павловича о прусскихъ дѣлахъ 1848 г. Сообщ. В. Ѳ. Ратчъ (553) 289

XVII. Оборона Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ противу англо-французской эскадры въ 1854 г., изъ записокъ контръ-адмирала А. П. Арбузова (865) 298

XVIII. Записки М. И. Глинки 1804—1854 гг.: части первая и вторая. Сообщ. Л. И. Шестакова (380; 474 и 562). 313

XIX. Указы, рескрипты, письма, донесенія, преданія, замѣтки:

I. Царствованіе Петра Перваго . . . . 389—400

1. Исполненіе указа Петра Великаго о бритіи бородъ въ Соликамскѣ 1705 г., разсказъ Ѳ. А. Прядильщикова (594), сообщ. И. В. Вологдинъ 389
2. Указъ Петра I-го Шацкой провинціи воеводѣ Ѳедору Ляпунову, 11 мая 1721 г. (295), сообщ. Р. П. Ситовскій. 390
3. Три указа Петра I-го коммерцъ-коллегіи 1722—1724 гг. (75), сообщ. П. Н. Петровъ 392
4. Докладъ Петру Великому по монетному дѣлу (76) . 393
5. Записка Петра Великаго о фортеціяхъ 6 декабря 1724 г. (5), сообщ. М. Д. Хмыровъ 393
6. Письмо Ѳ. Борисова къ Я. В. Брюсу 1712 г., съ примѣч. Н. П. Барсукова (7 и 166) 394
7. Челобитная курфирста кн. Гундорова 1719 г., сообщ. М. Д. Хмыровъ (195) 396
8. Старбусъ, оружейный мастеръ 1724—1727 гг., замѣтка Е. П. Есаулова (596). 397
9. Гравюры вѣнчанія Петра I-го съ Екатериной, показаніе Крекшина въ Тайной канцеляріи (517) . 398
10. Княгиня-игуменья Н. П. Голицына 1722—1725 гг., сообщ. Г. В. Есиповъ (507) 400

II. Царствованіе Екатерины I 403

Указъ въ Преображенскую канцелярію 1727 г., сообщ. П. А. Мухановъ (296).

III. Царствованіе Петра II-го 403

Письма Мавры Ег. Шепелевой, въ замужствѣ Шуваловой, къ цес. Елисаветѣ. 1727—1728 гг. Сообщ. И. А. Чистовичъ. (510).

Стр. 2-го изд.

IV. Царствованіе Анны Ивановны 408

Письмо императрицы къ кн. Сапѣгѣ 1735 г., сообщ. П. А. Мухановъ (297 и 402).

V. Царствованіе Ивана Антоновича. 409

Секретный указъ отъ его имени главнокомандующему въ Москвѣ гр. С. А. Салтыкову, 26-го октября 1740 года, сообщ. И. А. Чистовичъ (515).

VI. Принцесса Анна Леопольдовна 410

Замѣтка Барона М. А. Корфа о погребеніи принцессы и мужа ея, герцога Антона Ульриха 1746 и 1776 гг. (597).

VII. Царствованіе Екатерины II. . . . . 413—416

1. Обращеніе раскольниковъ въ православіе въ Пермской епархіи 1788 г., разсказъ Ѳ. А. Прядильщикова (599), сообщ. И. В. Вологдинъ 413
2. Планъ исторіи царствованія Екатерины II (28) . . 415
3. Опытъ предисловія къ таковой исторіи, соч. кн. М. М. Щербатова (30) 416

VIII. Царствованіе Павла Петровича . . . . 417—419

1. Приказы его, отданные при паролѣ в. к. Александру Павловичу въ первые три дня царствованія: 7, 8 и 9 ноября 1796 г. Сообщ. М. Д. Хмыровъ (30) . . 417
2. Пребываніе императора Павла въ Козмодемьянскѣ 1798 г., разсказъ очевидца, сообщ. М. Ѳ. де-Пуле (322) 419
3. Генералъ Каннабихъ (403) 586

IX. Императрица Марія Ѳедоровна . . . . 422—428

1. Письма в. к. Маріи Ѳедоровны къ К. И. Кюхельбекеру 1782 — 1786 гг. (245). сообщ. Ю. В. Косова . 422
2. Письма императрицы Маріи Ѳедоровны къ А. С. Шишкову 1813 г. (60) 427
3. Письма ея же къ гр. П. П. Коновницыну 1814—1815 гг., сообщ. гр. М. Н. Коновницына (423) . . . 428
4. Письмо А. С. Шишкова къ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ (145) 510

X. Царствованіе Александра I-го . . . . 440—513

1. Письмо императора къ кн. М. Г. Голицыной (рожд. кн. Вяземской) 7 августа 1801 г. Сообщ. Е. П. Карновичъ (44) 440
2. Указъ Сенату по дѣлу помѣщика маіора Орлова. 4 апрѣля 1802 г. Сообщ. Е. П. Карновичъ (46). 441
3. Два рескрипта на имя Ярославскаго губернатора кн. М. М. Голицына по дѣлу помѣщика генерала Побѣдинскаго 2 августа 1802 г. и 19 іюня 1803 г. Сообщ. Е. П. Карновичъ (47) 442
4. Три письма императора къ стат. совѣтн. И. И. Бахтину 16 февраля и 13 марта 1808 г. Сообщ. Н. Н. Селифонтовъ (132) 443
5. Необнародованный манифестъ о войнѣ Россіи съ Франціей 1812 г. съ предисловіемъ академика А. Ѳ. Бычкова и примѣч. Н. П. Ламбина (76 и 405). 447
6. Лифляндское дворянство и выставленное имъ ополченіе въ 1812 году. Сообщ. А. Н. Петровъ (442). 454
7. Письмо императора къ маркизу Паулуччи 11 марта 1814 г. Сообщ. А. Н. Петровъ (461) 473
8. Письмо къ императору гр. Н. П. Румянцова и от-

Стр. 2-го изд.

вѣтъ государя, 3 генваря 1813 г.; изъ архива А. С. Шишкова (57) 474

9. О проектѣ приказа войскамъ, 1813 г., изъ архива Шишкова (61) 477

10. Письма императора къ гр. Аракчееву 1809—1820 гг., сообщ. А. Н. Петровъ и Н. Н. Селифонтовъ (345 и 63) 478

11. Архивъ князя М. И. Голенищева-Кутузова Смоленскаго 1745 — 1813 гг., нынѣ принадлежащій правнуку его Θ. К. Опочинину 483

а) Письма и рескрипты Екатерины II, Павла, Александра I и Маріи Θедоровны къ М. И. Голенищеву-Кутузову 1791 — 1812 гг. (249), и б) Письма къ нему же императора австрійскаго Франца I-го 1805 г. (325).

12. Баронъ Карлъ Фонъ-Фуль 1757 — 1826 гг., изъ воспоминаній контръ-адмирала А. В. Фрейганга (348). 512

13. Письмо архимандрита Фотія къ А. С. Шишкову 1824 г. Сообщ. о. М. Я. Морошкинъ (351). . . 509

14. А. С. Шишковъ 1816—1824 г. (147). 510

15. Письмо императора къ гр. А. И. Коновницыной 1822 г. (438) 513

XI. Императоръ Николай Павловичъ . . . . 514—540

1. Письмо къ в. к. Николаю и Михаилу Павловичамъ П. П. Коновницына 1816 г. Сообщ. гр. М. Н. Коновницына (438) 514

2. Письма в. к. Николая Павловича къ П. П. Коновницыну 1817 г. Сообщ. гр. М. Н. Коновницына (436) 513

3. Проектъ манифеста о бракосочетаніи в. к. Николая Павловича (146). 511

4. Упраздненіе грекоуніатскихъ монастырей въ Западной Россіи. 28 февраля 1828 г. Сообщ. А. Н. Поповъ (527) 517

5. Къ исторіи Лобнаго мѣста въ Москвѣ: отношеніе министра внутреннихъ дѣлъ къ московскому военному генералъ-губернатору кн. А. Г. Щербатову 10 апрѣля 1846 г. Сообщ. П. А. Ефремовъ (462). 538

6. Иванъ Никитичъ Скобелевъ, два письма его и резолюція императора Николая Павловича 1848 г. Сообщ. А. Г. Кроссъ (603). 539

XX. Русскіе писатели XVIII-го вѣка: . . . . 541—549

1. Алексѣй Васильевичъ Олешевъ и 2. Θедоръ Ивановичъ Дмитріевъ-Мамоновъ. Статья М. Н. Лонгинова съ примѣч. Н. П. Дурова. (463).

XXI. Русскіе писатели XIX-го вѣка: . . . . 549—578

I. Константинъ Николаевичъ Батюшковъ:

Письма его къ Н. И Гнѣдичу 1807 г. (65). Сообщ. П. А. Ефремовъ 549

II. Иванъ Андреевичъ Крыловъ:

1. Разсказы о немъ Н. И. Второва, сообщ. М. Θ. Де-Пуле (471). 2. Посланіе Крылова къ В. П. Ушаковой, сообщ. А. Н. Петровъ (470) 554

III. В. К. Кюхельбекеръ 1797—1846 гг.:

Лицейская годовщина 19 октября 1838 г., стихотвореніе (293) 558

IV. Кн. А. И. Одоевскій 1804—1839 гг. Стихотворенія его:

1. Свѣтлое Воскресенье 1826 г. въ крѣпости С.-Петербурга (72). 2. Умирающій художникъ. 3. Моя Пери (73). 4. Къ отлетѣвшей (74). 5. Мой непробудный сонъ (74). 6. Липа (156). 7. Рѣка Усьма. 8. Экспромтъ. 9. Сенъ-Бернаръ (158). Письма отца поэта Ив. Одоевскаго и А. И. Одоевскаго къ М. А. Назимову (160). Сообщ. М. А. Назимовъ и бар. А. Е. Розенъ 560

V. А. С. Пушкинъ:

1. Письмо о печатаніи «Исторіи Пугачевскаго бунта». Сообщ. Е. Я. Кореневъ (162). 2. Разсказы о Пушкинѣ Н. Н. Терпигорева (473), и А. Н. Вульфа (404) 569

VI. Н. А. Полевой:

Запрещеніе журнала «Московскій Телеграфъ» 1834 г. Сообщ. П. Н. Полевой (550) 572

VII. Ф. Ф. Вигель:

1. Доносъ его митрополиту Серафиму о статьѣ Чаадаева и журналѣ «Телескопъ» 21 октября 1836 г. (162) и 2. Письмо митрополита Серафима къ гр. Бенкендорфу о томъ же (291). Сообщ. о. М. Я. Морошкинъ 574

XXII. Некрологъ: о. М. Я. Морошкинъ † 15 апрѣля 1870 г. (500) 579

XXIII. Мелочи: 1) Шарады изъ стариннаго рукописнаго сборника, сообщ. П. П. Зуевъ, (406, 607). 2) Замѣтка о запискахъ А. Т. Болотова (499). 3) Поправки (403, 406, 499, 500, 605—608) 585

XXIV. Списокъ лицъ и учрежденій подписавшихся на „Русскую Старину“ изд. 1870 г. Списки I—IX на (стр. I—XLIV, при первомъ изданіи).

XXV. Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ: 1—20

1. Архивъ Государственнаго Совѣта. Томъ I, двѣ части, Спб. 1869 г. (на обертkѣ I-й кн. I-го изд. Русск. Стар.).
2. Сборникъ Русскаго Историческаго Общества. Спб. 1869 г. томъ IV (Ibid.).
3. Русская Историческая Библіографія, годъ шестой, 1860. Спб. 1869 г. (Ibid.).
4. Историко-статистическія свѣдѣнія о Спб. епархіи. Выпускъ первый. Спб. 1869 г. (на об. II-й кн. I-го изд. Рус. Стар.).
5. Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст. Изслѣд. И. Е. Забѣлина. Москва 1869 г. (Ibid.).
6. Чтенія въ Императ. Обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Повременное изданіе 1869 г., четыре книги. М. (на оберт. III-й кн. I-го изд. Рус. Стар.).
7. Описаніе докум. и бумагъ, хранящихся въ Москов. архивѣ М-ства Юстиціи. Спб. 1869 г. (на об. IV-й кн. I изд. Р. С.)
8. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. С. М. Соловьева. Томъ XIX. Москва 1869 г. (Ibid.).
9. Политическая система Петра III, соч. П. К. Щебальскаго. М. 1870 г. (Ibid.).

10. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой, соч. Н. И. Костомарова. Спб. 1870 г. (Ibid.).
11. Славяно-русскія рукописи В. М. Ундольскаго, описанныя самимъ собирателемъ. Москва, 1870. (на обертке VI кн. 1-го изд. Р. С.)
12. Русскіе граверы и ихъ произведенія съ 1564 г. до основанія Академіи Художествъ, изслѣд. Д. А. Ровинскаго. 1870 г. (на об. VI кн. I-го изд. Р. С.)
13. Богданъ Хмельницкій, соч. Н. И. Костомарова. Спб. 1870 г. изданіе третье, 3 тома. (Ibid.).
14. Инородческое населеніе Казанскаго царства въ Новой Россіи до 1762 г. и колонизація закамскихъ земель въ это время. Соч. Н. Ѳирсова. Казань, 1869 г. (Ibid.).
15. Эстляндскій сборникъ. Ревель, 1870 г. (Ibid.).
16. Мелочи изъ запаса моей памяти, М. А. Дмитріева. Москва, 2-е изд. 1869 г. (Ibid).

Приложенія: Къ первому тому «Русской Старины», къ запискамъ контръ-адмирала А. П. Арбузова, приложенъ «Планъ Петропавловскаго порта въ Камчаткѣ 1854 г.», исполненный въ картографическомъ заведеніи А. А. Ильина.

ОГЛАВЛЕНІЕ РУССКОЙ СТАРИНЫ 1870 ГОДА.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ІЮЛЬ. АВГУСТЪ. СЕНТЯБРЬ, ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ. ДЕКАБРЬ.

стр.

I. О поврежденіи нравовъ въ Россіи. Записки сенатора кн. Михаила Михайловича Щербатова съ XVI ст. по 1762 г. 13—99

II. Записки сенатора Павла Степановича Рунича о Пугачевскомъ бунтѣ, 1774 г. главы I—XIII, съ приложеніями. Сообщ. Е. Д. Руничъ . . . . 117, 211 и 321

III. Записки Лагарпа о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей 1790 г. Сообщ. Н. П. Дуровъ . . . . 161 и 252

IV. Записки Михаила Александровича Бестужева: 1825—1840 гг:

Заключеніе декабристовъ въ тюрьмѣ. — Переѣздъ въ Сибирь. — Заключеніе декабристовъ въ Читѣ. — Переводъ заключенныхъ изъ Читы въ Петровской острогъ. — Образъ жизни декабристовъ въ острогѣ и сношенія ихъ съ родными 175

V. Записки генералъ-лейтенанта В. И. Фелькнера о событіяхъ 14-го декабря 1825 г. 132

VI. Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г.: неизданныя записки ген.-лейтен. Я. П. Бакланова, разсказы К. А. Ермолова, бар. Е. И. Майделя и друг. Статья В. А. Потто. 567

VII. Записки М. И. Глинки 1804—1854 гг. ч. II (оконч.) ч. III и IV. Сообщ. Л. И. Шестакова (рожд. Глинка) 56, 266, 372 и 419

VIII. Послѣдніе годы жизни и кончина М. И. Глинки. 1854—1857 гг: Воспоминанія сестры его, Л. И. Шестаковой. 610

IX. Указы, рескрипты, письма, донесенія, преданія, замѣтки:

I. Императорскіе совѣты въ Россіи въ XVIII стол. Статья С. М. Соловьева. 463

II. Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора въ XVIII стол. Біографическіе списки П. Ф. Карабанова 468

III. Царствованіе Петра Перваго.

1. Булавинскій бунтъ 1708 г.: воззванія Булавина къ казакамъ и письма кн. В. В. Долгорукаго и царевича Алексѣя Петровича. Сообщ. П. П. Ламбинъ 1

Стр.

2. Одна изъ резолюцій Петра Великаго. 1719 г. Сообщ. Г. В. Есиповъ 293

IV. Царствованіе Елисаветы Петровны:

Воззваніе Васка Вощило, внука Богдана Хмельницкаго 1744 г. Сообщ. П. А. Гильтебрандтъ 522

V. Царствованіе Екатерины II-й:

1. Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ во время Пугачевщины. Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта 1774 г. Сообщ. академикъ Я. К. Гротъ 397
2. О портретахъ Пугачева . . . . 417 и 639
3. Анекдоты о Пугачевѣ, сообщ. А. И. Макшеевъ 418
4. С. И. Шешковскій, начальникъ тайной канцеляріи въ 1780—1790 гг., замѣтка Радищева. Сообщ. П. А. Ефремовъ 637
5. Архивъ кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго: III. Письма его къ женѣ. 1790—1801 гг. Сообщ. Ѳ. К. Опочининъ 498
6. Прошеніе маіора Искры къ гр. П. А. Зубову 1794 г. 640

VI. Царствованіе Павла Петровича:

1. Указы и распоряженія, 1796—1798 гг. Сообщ. А. Г. Пупаревъ 515
2. Разсказы изъ временъ Павла Петровича. Сообщ. В. И. Даль 294
3. Письмо короля польскаго Станислава Понятовскаго 1797 г. Сообщ. П. А. Мухановъ, съ примѣч. П. А. Валуева 296

VII. Царствованіе Александра Павловича:

1. Учрежденіе гимназіи высшихъ наукъ въ г. Нѣжинѣ. Письма гр. В. П. Кочубея 1805 г. Сообщ. П. А. Кочубей 298
2. Крестьяне гр. Зубова въ 1807 г. Письмо Н. Н. Новосильцева. Сообщ. академикъ А. Ѳ. Бычковъ . 304
3. Письмо гр. Ѳ. В. Ростопчина къ М. И. Голенищеву-Кутузову, 19 августа 1812 г. Сообщ. Ѳ. К. Опочининъ 305
4. Бѣгство Наполеона I изъ Россіи въ 1812 г., письмо Д. В. Давыдова къ П. П. Коновницину, 26 декабря 1812 г. Сообщ. Ѳ. К. Опочининъ 306
5. Мнѣніе одного изъ германскихъ владѣльцевъ о внѣшней политикѣ Александра I 1822 г. Сообщ. А. В. Фрейгангъ 307
6. Шутка надъ гр. М. А. Милорадовичемъ. Сообщ. изъ бумагъ Н. И. Бахтина Н. Н. Селифонтовъ . . . 530

VIII. Царствованіе императора Николая Павловича:

1. Письмо императора Николая о событіяхъ 14-го декабря 1825 г. Сообщ. П. С. Лебедевъ 531
2. Письмо В. Н. Каразина къ императору Николаю Павловичу, 18-го сентября 1826 г., съ приложеніемъ писемъ его же къ имп. Александру I и къ гр. В. П. Кочубею 1820 г. гл. I—IV. Сообщ. Ф. В. Каразинъ . 532
3. Польскій вопросъ въ 1839 г. Статья В. Н. Каразина. Сообщ. Ф. В. Каразинъ 307
4. Распоряженія о формѣ прически волосъ мужчинъ и о головныхъ уборахъ дамъ и дѣвицъ, имѣющихъ пріѣздъ ко двору 1840 г. 95
5. Къ исторіи русской печати: отношеніе кн. Чернышева о направленіи газеты «Русскій Инвалидъ» 1848 г. Сообщ. П. И. Мельниковъ 416

Стр.

6. Донесеніе министру государствен. имуществъ о встрѣчѣ кадета съ в. к. Михаиломъ Павловичемъ 320
7. Курьезный рапортъ полковника Худякова. Сообщ. А. Г. Кроссъ 530

X. Русскіе писатели XVIII-го вѣка:

3. Карины. — 4. Нарышкины. — 5. Ржевскіе. — 6. Г. Н. Тепловъ. — 7. И. П. Елагинъ. Статья М. Н. Лонгинова . . . . 74 и 194

XI. Русскіе писатели XIX-го вѣка:

I. Иванъ Андреевичъ Крыловъ:

1. «Обѣдъ у Медвѣдя», неизданная его басня. Сообщ. А. Н. Петровъ 81
2. Замѣтка объ этой баснѣ В. Ѳ. Кеневича . . . 81
3. Еще два слова о приписанной Крылову баснѣ: «Обѣдъ у Медвѣдя», замѣтка Читателя 414
4. Разсказы о Крыловѣ. Сообщ. В. Ѳ. Кеневичъ и С. А. Соболевскій 86

II. Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ:

1. Посланіе къ А. А. Бестужеву, 1822 г. Сообщ. М. А. Бестужевъ 88
2. Шарада: ода 96
3. Голова Волынскаго, дума. Сообщ. Т. А. Сосновскій 524

III. Александръ Ивановичъ Одоевскій:

Стихотворенія: 1) Умирающій художникъ: 2) Экспромтъ и 3) Пріѣзжему изъ г. Кургана. Сообщ. баронъ А. Е. Розенъ 526

IV. Николай Васильевичъ Гоголь.

Два носа, замѣтка въ альбомъ Е. Г. Чертковой . 528

V. Евгеній Абрамовичъ Баратынскій:

1. Біографическія свѣдѣнія о немъ по бумагамъ Пажескаго корпуса. 1812 — 1816 гг. Сообщ. Н. Максимовъ 201
2. Замѣтка къ біографіи Баратынскаго. Сообщ. Л. Е. Баратынскій 315
3. «Кольцо», стихотвор. Баратынскаго 315

VI. Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ.

Посланія его къ И. С. Шипову и А. Н. Креницыну. 1849 и 1853 гг 90

VII. Николай Ивановичъ Гречъ.

Разсказы о немъ Н. Н. Терпигорева 92

XII. Смѣсь и мелочи:

1. Письмо артиллеріи подпоручика Бонапарта (въ послѣд. императора Наполеона I-го) 1789 г. Сообщ. А. Н. Петровъ 207
2. Предложеніе В. И. Фрейганга о сооруженіи памятника Богдану Хмельницкому 1840 г. Сообщ. А. В. Фрейгангъ 93
3. О подпискѣ на сооруженіе памятника Богдану Хмельницкому: письмо и статья М. А. Юзефовича 317
4. Петръ II-й Нѣгошъ, владыка Черногорскій. 1847 г. Сообщ. А. В. Фрейгангъ съ примѣч. И. Я. Вацлика 313
5. О IV-й части записокъ А. Т. Болотова . . . 96

Стр.

6. Подписка на памятникъ М. И. Глинкѣ 97
7. Отъ редакціи: лица изъявившія готовность сотруднич. въ «Ру Стар.» 97
8. Шарады изъ стариннаго рукописнаго сборника, сообщ. П. П. Зуевъ . . . . 98 и 320
9. Объ увеличеніи средствъ изд. «Чтенія въ Моск. общ. исторіи и древностей россійскихъ» 97
10. Къ русскимъ писательницамъ, воззваніе о сообщеніи матеріаловъ къ ихъ біографіямъ. Сообщ. кн. Н. Н. Голицынъ 540
11. Поправки. (210, 320, 416, 417 и 632).

XIII. Алфавитный указатель личныхъ именъ встрѣчающихся въ „Русской Старинѣ“ 1870 г. въ томахъ I-мъ и II-мъ. Составилъ Е. П. Карновичъ.

XIV. Списокъ подписчиковъ на „Русскую Старину“: 1870 г.: списки X по XVII, стр. XLV по LXII.

XV. Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ:

1. О каменномъ вѣкѣ, Д. П. Солнцова М. 1870 г. (на оберткѣ VII кн. «Рус. Стар».)
2. Зарожденіе національной литерат. въ Сѣверной Руси. Изслѣдов. Ивана Некрасова .(тамъ-же).
3. О томъ какъ сталъ Петербургъ и откуда пошла русская наука: Жизнь и дѣла Петра Великаго. Соч. В. И. Водовозова. Спб. 1870 г. (тамъ-же).
4. Первое прибавленіе къ каталогу русскихъ книгъ, продающихся въ магазинѣ А. Ѳ. Базунова. Составилъ В. И. Межовъ. Спб. 1870 г. (тамъ-же.)
5. Что желательно для русской исторіи? Соч. П. А. Муханова. Спб. 1870 г. (На оберткѣ VIII-й кн. «Рус. Стар.»)
6. Архивъ югозападной Россіи. издаваемый Врем. Коммис. для разбора древнихъ актовъ, учрежд. при Кіев. генер.-губерн. Кіевъ, 8 д. ч. V. т. I, изд. 1869 г. и ч. VI-й. т. II, изд. 1870 г. (на оберткѣ IX кн. «Русск. Стар».)
7. Описаніе дѣлъ хранящихся въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернаторства. Состав. Энгель. Вильна, 1869—1870 гг. т. I ч. 1 и 2. (тамъ-же).
8. Русское царство отъ Рюрика до Петра Великаго, съ прилож. 25 картинъ. М. 1870 г. (тамъ-же.)
9. Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостнаго права. соч. А. Романовича-Славатинскаго. Спб. 1870 г. (тамъ-же.)
10. Іезуиты въ Россіи въ царствов. Екатерины II-й до нашего времени. Часть II: ц. Александра I-го. Соч. о. М. Я. Морошкина. Спб. 1870 г. (тамъ-же.)
11. Переписка митрополита Кіевскаго Евгенія (Болховитинова) съ гр. Н. П. Румянцевымъ. Воронежъ, 1870 г. (тамъ-же.)
12. О родѣ дворянъ Полуботокъ. составилъ Г. А. Милорадовичъ. Кіевъ. 1870 (На оберткѣ «Русск. Стар.» кн. X.)
13. Сѣверъ Россіи. Соч. М. Сидорова. Спб. 1870 г. (тамъ-же).
14. Пѣсни собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изданіе общ. любит. рос. словесности. Вып. 8-й. М. 1870 г. (тамъ же).

15. Политическія движенія русскаго народа. Историческія монографіи Д. Л. Мордовцева. 2 тома. Спб. 1870 г. (на обертке Рус. Ст. кн. X-й).
16. Долгорукіе, Долгоруковы и Долгорукіе-Аргутинскіе. Спб. 1869 г. (тамъ-же).
17. Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ съ VII по X в. по Р. Х. Изслѣд. А. Я. Гаркави. Спб. 1870 г. (На обертке XI-й кн. «Русск. Стар.»)
18. Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ до исторіи Малороссіи относящихся за время 1654—1672 гг. Соч. Г. Карпова. М. 1870 г. (тамъ-же.)
19. Архивъ кн. Воронцова. кн. I. М. 1870 г. (тамъ-же.)
20. Христоматія по русской исторіи для изученія древнерусской жизни, письменности и литературы, отъ начала письменности до XVI в. Составилъ Н. Я. Аристовъ. Варшава 1870 г. (На обертке XII-й кн. Русск. Ст.)
21. Гродненскій сеймъ 1793 г. послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой. Соч. Д. Иловайскаго. М. 1870 г. (Тамъ-же.)
22. Записки по новѣйшей исторіи: 1816—1856 гг. Состав. Ив. Григоровичъ. Изд. второе, Спб. 1869 г. (тамъ же).
23. Анекдоты, черты изъ жизни гр. Милорадовича. Изд. Г. А. Милорадовичъ. Кіевъ. 1870 г. (тамъ-же.)
24. Отчетъ Имп. Публичной Библіотеки за 1869 г. С.п.б. 8. 1870 (тамъ же).
25. Альбомъ фотографическихъ портретовъ русско-историческихъ лицъ XVI — XVIII вв. Изд. А. М. Лушевъ. (тамъ же).

Приложенія: Ко второму тому „Русской Старины“ изд. 1870 г. приложены: Портретъ Пугачева и снимки съ его подписи и печати, гравированные академикомъ Л. А. Сѣряковымъ.

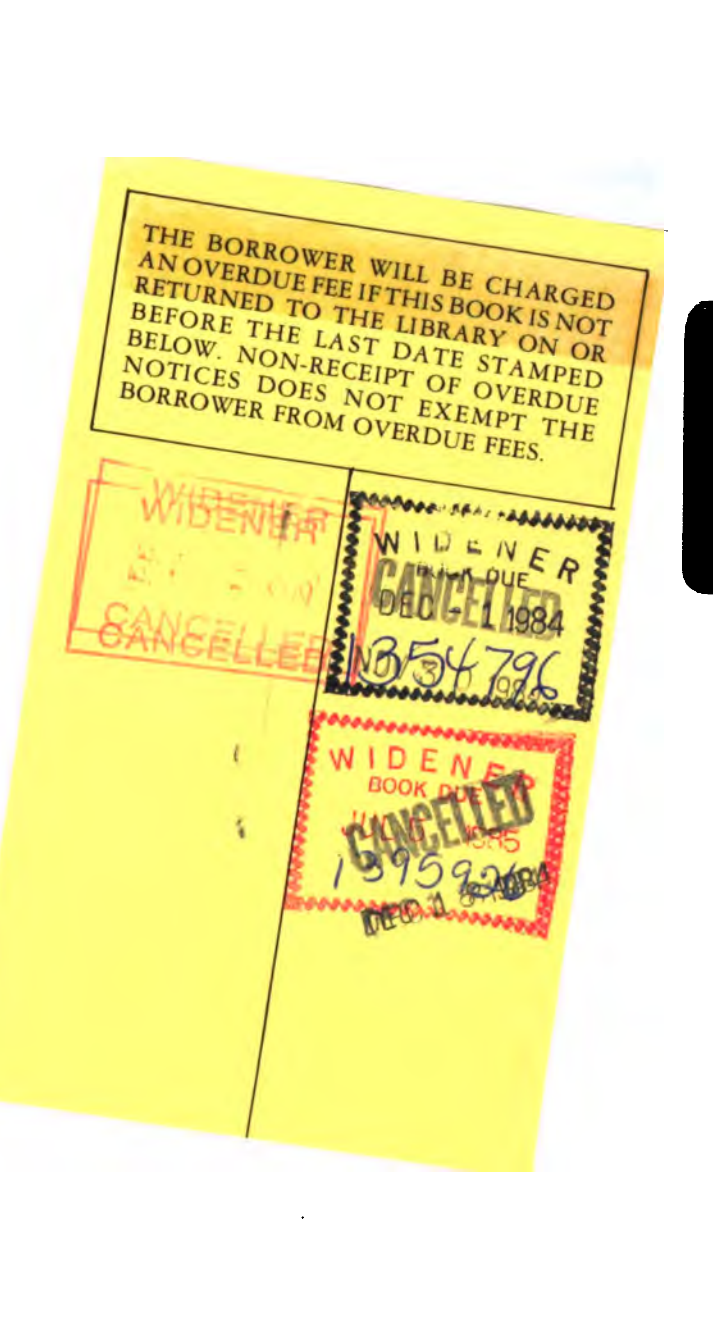
Родословная роспись семьи кн. М. И. Голенищева-Кутузова.

Снимокъ съ письма М. И. Голенищева-Кутузова, отъ 12 дек. 1790 г., о взятіи Измаила.

Снимокъ съ предсмертнаго письма М. И. Глинки, отъ 15 января 1857 г. и рисунокъ памятника на могилѣ М. И. Глинки.

Къ первому и второму томамъ „Русской Старины“ изд. 1870 г. приложены: Записки Андрея Тимоѳеевича Болотова, 1738—1794 гг. Томъ первый, состоящій изъ семи частей: 1738—1760 гг., съ портретомъ автора и двадцатью четырьмя рисунками, исполненными самимъ составителемъ записокъ и гравированными академикомъ Л. А. Сѣряковымъ.

Примѣч. для переплетчика: Записки А. Т. Болотова должны быть выдѣлены изъ обоихъ томовъ «Русской Старины» и переплетены въ особый, первый томъ записокъ русскихъ людей приложенія къ изданію «Рус. Ст.» Для этого тома приложеній имѣется особый заглавный листокъ и особое оглавленіе, которыя и разсылаются при XII кн. «Русской Стар.» 1870 г. Семь частей Записокъ Болотова, напечатанныя въ прилож. къ «Русск. Старинѣ» 1870 г., составляютъ первый томъ автобіографіи Болотова; всѣхъ же томовъ этихъ записокъ будетъ четыре.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.
WIDENER
CANCELLED
WIDENER
BOOK DUE
DEC - 1 1984
CANCELLED
1354796
WIDENER
BOOK DUE
CANCELLED
1395926